

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P SLAV 538.14

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

Dr. Jones

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ.

„ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ„

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И УЧЕНЫЙ.

№ 246) „
ТОМЪ ССXLVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Басейная, № 2).

1879.

915
86

Δ
P&law 538.14 (246)
✓

Keller -d.

ВОКРУГЪ ДА ОКОЛО.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

I.

БЕЗЪ ПОКАЯНІЯ И БЕЗЪ ПРИЧАСТІЯ.

...На берегу Невы, далеко за городомъ, въ небольшой бесѣдкѣ, довольно аляповато сколоченной изъ барочнаго лѣса, собралось посидѣть и полюбоваться рѣкой, подышать чистымъ вечернимъ воздухомъ — человекъ пять-шесть добрыхъ знакомыхъ, дачниковъ и ихъ гостей... Минутъ двадцать разговоръ шелъ въ такой степени благополучно, что никто ни разу не коснулся «текущихъ вопросовъ», не завелъ рѣчи о газетахъ и т. д. Дѣйствительно, и рѣка, и погода, и небо были такъ удивительно хороши въ этотъ вечеръ, что невольно овладѣвали вниманіемъ собесѣдниковъ... Берегъ, на которомъ помѣщались неказистыя дачи и дачныя бесѣдки, былъ, по случаю праздничнаго дня, оживленъ безъ стѣсненій веселившеюся дачною и мѣстною молодежью, по всему берегу звенѣлъ смѣхъ и раздавалась торопливая бѣготня по мосткамъ, въ погоню другъ за другомъ; пѣсни и звуки гармоній неслись съ разныхъ пунктовъ берега и со множества лодокъ, разсыпавшихся по широкой, въ этотъ вечеръ необыкновенно гладкой поверхности быстрой рѣки. Было чѣмъ полюбоваться усталому человеку — и собесѣдники наши, по положенію своему принадлежавшіе къ такъ называемой «чистенькой», ра-

богачей столичной бѣднотѣ, точно, въ некоторое время, не нарушали своихъ почти безмолвныхъ ощущеній, возбуждаемыхъ общемою картиною вечера... Но увы! — продолжалось это недолго. Одно совершенно незначительное обстоятельство неожиданно измѣнило господствовавшее въ бесѣдѣ расположеніе духа; оно заставило собесѣдниковъ заговорить, и притомъ заговорить о такихъ вещахъ, разговоры о которыхъ и въ началѣ, и въ концѣ, кажется, уже ни въ комъ не возбуждаютъ ничего, кромѣ ощущенія оскомины...

Обстоятельство, бывшее причиною такой неожиданной неприємности, повторяемъ, было очень незначительное. Какой-то небритый солдатъ, въ распоясанной рубахѣ, въ рваныхъ ситцевыхъ розоваго цвѣта штанишкахъ, босикомъ, но въ форменной, хотя и рваной фуражкѣ, какой-то мастеровой и человѣка четыре простыхъ рабочихъ мужиковъ пришли на берегъ и расположились на травкѣ около бесѣдки. Всѣ они были рабочіе, въ будніе дни работавшіе тутъ же на берегу, вбивая сваи для строившейся набережной. По случаю праздника они гуляли съ утра на свободѣ, и вотъ теперь цѣлой «компаніей» привалили на берегъ, быть можетъ потому, что у компаніи ужъ больше не было денегъ, чтобы толкаться вокругъ веселыхъ мѣстъ, а, быть можетъ, и просто для отдохновенія и дружеской бесѣды. А бесѣда шла между ними оживленная. Всѣ они были подъ хмѣлькомъ, и разговоръ ихъ хотя и былъ довольно не твердъ относительно постройки фразъ и порядка ихъ появленія въ рѣчи, но касался очень интереснаго предмета — именно, послѣдней войны и другихъ самыхъ животрепещущихъ событій дня. Солдатъ, конечно, орудовалъ на первомъ планѣ; прочіе только вставляли свои замѣчанія... Съ первыхъ же словъ этого человѣка можно было догадаться, что онъ вовсе не походитъ на ту громадную массу русскихъ воиновъ, которые, исходивъ тысячи верстъ, перемучившись всѣми муками, совершивъ необычайные подвиги, возвращаются смиренно по домамъ, и не находятъ много разговора, какъ о харчахъ, объ одежѣ, о томъ, гдѣ что дешево изъ продукта и такъ далѣе. Нѣтъ, этотъ человѣкъ старался осмыслить великіе подвиги воинства, старался придать имъ вѣсъ и значеніе и умѣлъ приурочить ихъ къ своей собственной личности...

— Мы, говорилъ онъ громко и при этомъ, какъ настоящій ораторъ, размахивая рукою съ окуркомъ папиросы, свернутой изъ газетной бумаги:—Мы ихъ, болгаровъ, праздникамъ Господнимъ научили, законъ имъ показали христіанскій, они до насъ и звону-то церковнаго отъ роду рожденія не знали... Вотъ что!..

Со слезами они, братецъ ты мой, какъ дѣти, малые ребята, рады... Это должно понимать...

— Чья же она теперь, земля-то?

— Наша! Чья же еще? Нѣтъ, братъ, теперь извини! Былъ у него хвостъ, вонъ какой, пуще павлиньяго—ну будетъ! довольно! Погулай-ка и такъ; порядочно мы ему хвостъ-отъ отхватили...

— Чей хвостъ?

— Чей! всѣхъ вообще ихнихъ народовъ... Иностранныхъ поддельцовъ... Теперича, посиди-ка, другъ любезный, смиренненько, мутить нашу Россію перестань... Довольно ты мудрилъ, притѣснялъ, оставь! Нашъ царь-батюшка, нѣшто даромъ посылалъ насъ, дѣтей своихъ, на гибель, на мученіе? Нѣтъ, братъ! Теперь хучь и много крови пролито, а золотыя мѣста взяли... Д-да! По газетамъ пишутъ, сказываютъ, ужъ ба-а-льшой раскопъ идетъ въ араратской горѣ... Первобытнаго быка отыскали... Самое то мѣсто нашли, куда онъ въ допотопныя времена воткнулся... У него, братцы мои, одна щиколка, вотъ это самое мѣсто (соддать поднялъ ногу и, широко разставивъ руки, кругообразно водилъ ими вокругъ щиколки), шесть четвертей обхватомъ... Первобытныхъ вѣвовъ быкъ... Вотъ что!..

— Это что же такое? очевидно съ явнымъ замираніемъ сердца, почти шепотомъ, спросилъ одинъ изъ слушателей.

— А то, что это самое и есть корень золотымъ мѣстамъ во всемъ свѣтѣ... А они (такъ и такъ) туда-то насъ и не пуцали... Ты, теперича, поди съ нашей рублевой въ ихнюю землю, онъ тебѣ рубля не дастъ ни вовѣки вѣвовъ...

— Не дастъ?

— Ни-ни!.. Бери полтину! А не то, такъ и сорокъ копеекъ... Вѣдь вотъ какая сволочь!

— Полтину за рублевку?

— И той, говорю тебѣ, захочеть—не дастъ! Такіе дьяволы—на рѣдкость... У нихъ все, братецъ ты мой, золото да серебро, а бумажекъ и въ заводѣ нѣтъ... потому завладѣли коренными мѣстами, все золото себѣ забрали, а насъ не допускають; ну только теперь—шалишь... Будеть форсить-то, зарылись въ золотѣ-то... Под-ди-ты, взгляди какъ они живутъ-то!.. Носъ задираетъ выше самого Балкану... Д-да! Ишь-ты, слажи пожалуйста! А нашему брату все такъ и бѣдствовать? Какже, довольно съ васъ, господ!.. Тутъ крови человѣчей пролито — море!

— Окляны, братецъ ты мой!

— Дна не найдешь, вотъ сколько изъ-за него, мошенника, пригѣсненій было... Самъ — въ деньгахъ, въ золотѣ да серебръ ва-

рылся, а у насъ въ Россіи денегъ не хватаетъ... Тутъ совѣсти нисколько нѣтъ... Онъ насъ въ Севастопольскую кампанію изъ-за чего мучалъ? Все изъ-за этого изъ-за самаго—не пускалъ къ кореннымъ мѣстамъ. Нашъ царь объявилъ ему войну,—небось онъ не пошелъ на Питеръ-то (солдатъ указалъ рукой на Неву). Ему бы тутъ, какъ по маслу, въ Россію-то вломиться... Флотъ у него есть, матросовъ пятнадцать милліоновъ—отчего онъ, нѣмецкая шельма, сюда не шелъ?.. Ты думаешь сироста? Не знаешь? Нѣтъ, онъ тонко это понимаетъ! Онъ взялъ да и объявился — эво гдѣ, въ Севастополѣ! Полѣзъ на Россію съ кручи! изъ-подъ горы! Тутъ бы онъ однимъ духомъ на корабляхъ-то веатилъ, а тамъ въ годъ на гору-то не влѣзешь — а полѣзъ! Почему?.. Боялся! Потому тамъ самыя и начинаются коренныя мѣста — вотъ онъ насъ и приперъ съ низу, чтобъ къ мѣстамъ-то этимъ не подпустить!.. Во!.. Охо, братъ, гляди ему въ зубы-то... Онъ свое дѣло знаетъ тонко... А теперича мѣста-то наши! На-во вотъ, съѣшны!.. ха-ха...

Всеобщая дѣтская радость охватила собесѣдниковъ. Солдатъ воодушевился, и обуялъ имъ мгновенно духъ хвастовства. Онъ принялся рассказывать, что «бывало, изъ штуцера какъ хваталъ съ кручи-то—пятирхъ насквозь; онъ тебя дуетъ навѣсомъ, эва какія пускаетъ закуски, пудовъ по пяти вѣсу, а они все позади ложатся, а мы съ кручи-то его изъ ружейцовъ—тукъ да тукъ... Два года послѣ окончанія войны плыли по морю мертвыя тѣла... Легло ихъ тридцать восемь милліоновъ...» Духъ хвастовства разгорался въ солдатѣ все сильнѣе и сильнѣе каждую минуту... «Теперь, размахивая руками, гремѣлъ онъ: — намъ только одну Англію осталось перекувырнуть... Не перекувырнемъ что-ли? Сдѣлай милость!.. Попережь живота спалалъ ее, да и вся!.. Л-любезная! Самая вредная намъ шельма!.. Что ты на моряхъ мастерица, такъ это, братецъ мой, для насъ наплевать!.. Ты въ воду, а мы подъ тебя карпеду!.. Она тебя, шельму, выплюнетъ оттудова, изъ-подъ воды-то, въ небо въ самое... во!.. ха-ха-ха...»

Необузданный дѣтскій смѣхъ и дѣтское веселье обуяло слушателей. Молодой парень, изъ числа рабочихъ-мужиковъ, до того былъ восхищенъ нарисованной солдатомъ картиной, до того живо представилъ себѣ, какъ карпеда выплевываетъ подъ небо всю иностранную механику, ухитравшуюся повредить намъ откуда-то изъ-подъ воды, что опрокинулся на спину и закатился отчаянно веселымъ хохотомъ, даже брыкнулъ босыми ногами...

А солдатъ, не теряя, повидимому, послѣдовательности въ своихъ мысляхъ, вдругъ перешелъ къ самымъ послѣднимъ собы-

тіямъ и объяснилъ ихъ тоже съ точки зрѣнія того положенія, которое онъ высказалъ раньше.

— Будеть, будетъ баловаться-то!.. довольно вы людей-то, души христіанскія, на борныхъ собакахъ мѣняли... Будеть... Теперича Россія пошла на поправку, а вашего брата за это надо — вотъ какъ...

И онъ показалъ, какъ надо поступать съ тѣми, кто, подобно иностранцамъ, отнимающимъ у насъ деньги, хочеть опять продавать людей и мѣнять ихъ на собакъ... По этому поводу солдатомъ было высказано полное сочувствіе къ одному недавнему событію.

— Пойдемъ, ребята — угощу! Рано спать-то!.. провозгласилъ кто-то въ толпѣ собесѣдниковъ, разговоръ которыхъ мы слышали, и всѣ они скоро, весело и громко разговаривая и, очевидно, отлично чувствуя себя, ушли по направленію къ слободѣ.

А въ бесѣдкѣ начался разговоръ, а потомъ пошелъ споръ; говорили, кричали, сердились, волновались... Двѣ дамы, бывшія тутъ же въ бесѣдкѣ, потихоньку поднялись съ своихъ стульевъ и ушли; онѣ сочувствовали и интересовались, но ушли потому, что ужь очень часто слышали такіе разговоры, и всегда они оставляли впечатлѣніе неопредѣленное, хотя несомнѣнно тяжелое; безъ всякихъ перерывовъ, споръ продолжался часа два къ ряду; дѣло, по обыкновенію, было обследовано со всѣхъ сторонъ и, по обыкновенію, въ результатѣ получилось ощущение какой-то тупой безвыходности, горечи, тоски и неприятно-болѣзненного стѣсненія въ груди...

Наконецъ, настало молчаніе — озабоченное, тяжелое, утомляющее...

— Нѣтъ, вотъ я зналъ одну старуху, кухарку, такъ она, вотъ она отъ всего отъ этого должна была безъ покаянія и причастія помереть!

Строго задумчивыя лица собесѣдниковъ, смотрѣвшія въ разныя стороны, невольно обернулись по направленію къ тому человѣку, который произнесъ вышеприведенныя слова. Человѣкъ этотъ, все время молчаливо курившій въ углу бесѣдки, былъ человѣкъ тихій, скромный и, на первый взглядъ, не далекій: онъ служилъ большею частію въ какихъ-то частныхъ компаніяхъ, изъ которыхъ каждая непременно оставалась (послѣ внезапнаго прекращенія дѣлъ) должною Максиму Иванычу (такъ его звали), по крайней мѣрѣ, за годъ. Бывали случаи также, что нѣкоторыя мѣста онъ долженъ былъ оставить по «неблагонадежности», такъ какъ было доказано, что въ числѣ его знакомыхъ

есть писатели и тому подобные подозрительные случаи. Но на денежные обиды Максимъ Ивановичъ не сердился, а отъ обвиненія въ неблагонадежности не робѣлъ, и не прерывалъ знакомства, которыя сдѣлалъ раньше. Всѣ считали его очень добрымъ человѣкомъ, но совершенно необразованнымъ. И то, и другое было справедливо, но недалекій по виду Максимъ Иванычъ внимательно слушалъ, что говорятъ, думалъ по своему и по своему дѣлалъ разныя соображенія. Видѣлъ онъ на своемъ вѣку много, отъ бѣдной лачужки мѣщанина, въ которой родился, до дворца какого-нибудь шарлатана-финансиста, который въ концѣ-концовъ надувалъ его. Однажды, по дѣламъ службы, Максиму Ивановичу пришлось даже быть за-границей. Къ людямъ, изъ за которыхъ ему иной разъ приходилось терять мѣсто «по неблагонадежности», его влекло не просто сознаніе невѣжества своего прошлаго и неправды видѣннаго шарлатанства и денежнаго блеска, нѣтъ, онъ, какъ ужъ сказано, слушалъ и думалъ, хотя думалъ по своему, а выражаться даже и совершенно не умѣлъ.

— Что такое? какъ бы не очнувшись и еще въ полуснѣ отъ великихъ думъ, возбужденныхъ утомительнымъ и важнымъ споромъ, произнесъ одинъ изъ собесѣдниковъ, повернувъ къ Максиму Ивановичу величественно осоловѣлое лицо съ величественно осоловѣлыми глазами. — Что такое — безъ покаянія и причастія?

— Больше ничего, продолжалъ Максимъ Ивановичъ, видимо сконфузившись:— я говорю, что одна старуха отъ этого вотъ самаго... принуждена была скончаться безъ покаянія и безъ причастія...

— Какая старуха?

— Кухарка, Аक्सиньей Васильевной звали...

— Безъ покаянія и безъ причастія?

— Скончалась безъ покаянія и безъ причастія...

— Отъ направленія?..

Максимъ Иванычъ сильно затянулся папирсой и робко отвѣтилъ:

— Да-съ, отъ этого, отъ него...

— Чортъ знаетъ, что вы говорите. Я ничего не могу понять...

Кто-то изъ собесѣдниковъ неожиданно звонко засмѣялся, и олимпийское величіе, царствовавшее въ бесѣдѣ, разсѣялось въ мигъ... Максимъ Ивановичъ совершенно сконфузился и какъ-то пискливо бормоталъ:

— Чего же вы смѣтаетесь?.. Я, ей-Богу, совершенно по сущей правдѣ говорю вамъ...

— Безъ покаянія и безъ причастія? переспрашивали его среди смѣха...

— Да! И безъ покаянія, и безъ причастія, съ какою-то напускною твердостью проговорилъ Максимъ Ивановичъ.

— Отъ направленія?

— И тутъ нѣтъ ничего смѣшного. Да-съ, отъ направленія.. Вы же цѣлый вечеръ изволили сами излагать, что открылось, напряміръ, направленіе для ближняго... То есть, чтобы пользу всячески... Такъ вѣдь вы утверждали?

— Такъ, такъ...

— Ну, а я больше ничего, привожу вамъ примѣръ, что существовала нѣкоторая старуха Аксинья Васильевна... Ну? Ну — и отъ этого самаго дѣйствія въ пользу ближнему, скончалась Богъ знаетъ какъ...

— Знаете, Максимъ Ивановичъ, вы расскажите всю эту исторію подробно, а то рѣшительно понять ничего невозможно. Вы не обижайтесь...

— Я не обижаюсь, а только...

— Рассказывайте, рассказывайте, а то это чортъ знаетъ, что такое: какая-то старуха скончалась на пользу ближнему безъ покаянія и безъ причастія — вѣдь тутъ ничего даже и сообразить невозможно. Рассказывайте!

Но Максимъ Ивановичъ медлилъ.

— Я, видите, что хотѣлъ сказать, всячески желая выяснить свою мысль, проговорилъ онъ:— вотъ вы говорите, на пользу... а что, если выйдетъ безобразіе? И почему?

— Ну, ладно, рассказывайте. Тамъ увидимъ. Кто такая старуха? Знали вы ее?

— Я ее двадцать лѣтъ зналъ... Старуха самая обыкновенная...

— Носъ въ табакѣ?

— Нухала и табакъ... Въ прежнія времена жила она все больше по постояннымъ дворамъ, въ артеляхъ, то судомойкой, то стирпухой, а я-то ухналъ ее, когда ужъ взяла ее къ себѣ одна моя знакомая старуха, сжалилась надъ ея старостью. Ей въ ту пору было уже шестьдесятъ лѣтъ, и ее ужъ два раза переѣхали на масляницѣ чухонцы. Ну, словомъ, старуха самая обыкновенная, въ морщинахъ, въ котлахъ и шерстяныхъ чулкахъ, грязная и дураковатая, и стирала скверно... Хлебнешъ бывало ложкой — хватъ мочалка или щепка... Всего, въ теченіи жизни, ее переѣхали лошадыми восемь разъ, въ послѣдній разъ такъ, что слегла и ужъ не вставала... А то полежить за печкой недѣли двѣ, ничѣмъ не лечится, только просить испить, думаешь — вотъ-вотъ скончается, а она и выползаетъ... Обокрали ее въ жизни четыре раза, обокрали начасто, до тла. Въ такія минуты она не пла-

кала, какъ другія, а мрачно ожесточалась и худыми руками на-
ровила затянуть платокъ вокругъ шеи, либо просила ножа... Уви-
дишь ее въ такія минуты, скажешь:— «Будетъ тебѣ, Акинья Ва-
сильевна, нѣ вотъ, на счастье двадцать копеекъ, у меня рука
легкая, опять наживешь...» — «Ой ли? Легкая ли рука-то?» —
«Легкая!» Возьметъ деньги и начнетъ жить, ждать молодого мѣ-
сяца... И не понимаю, зачѣмъ ей деньги, и откуда у ней къ нимъ
такая жадность необыкновенная... Такъ и трясется! Ни копейки
ни на что не тратила, а все мечтала какой-то кладъ еще раз-
рыть... Ну, да все это вовсе не нужно вамъ знать и не зачѣмъ
объ этомъ распространяться, это я только такъ...

— Зачѣмъ же вы говорите что не нужно? Вы къ сути-то, къ
сути поскорѣй.

— Я такъ только... Разговоръ былъ, вотъ я и... Но не въ
томъ дѣло... Въ то самое время, какъ Акинья Васильевна
служила на постоянныхъ дворахъ, стряпала щи съ мочалками и
пирогы съ мухами, и т. д. — въ теченіи того времени стало
открываться это самое направленіе... Ну, разумѣется, она отъ
всего отъ этого за тридевять земель... Даже не знала, что было
освобожденіе крестьянъ... Не повѣрите? Какъ угодно, а я не лгу.
Да что Акинья Васильевна! Со мной, я вамъ расскажу, какой
былъ случай... Была — ужъ давно, впрочемъ, въ Петербургѣ
одна личность, и притомъ личность такая, что положительно
на всю Россію одна... на мое несчастіе, мнѣ именно случилось
быть свидѣтелемъ, какъ эта личность вдругъ ступевалась.
Самый то есть моментъ этого событія почувствовать... Однаж-
ды, часовъ этакъ до трехъ ночи, засидѣлся у меня въ гостяхъ
одинъ молодой человѣкъ. Сидѣли мы и почти только и разговорю
у насъ съ нимъ было, что объ этой личности.. Вдругъ звонокъ
на всю квартиру, и въ попыхахъ влетаетъ молодой человѣкъ. Блѣ-
денъ, какъ полотно, дрожитъ, какъ осиновый листъ, и вообще
видимо потрясенъ.

«— Гдѣ ты пропадаешь (это къ моему гостю), я тебя ищу
три часа. Нельзя, говорить, терять ни минуты... ни мгновенья»...
Какимъ манеромъ и я увязался съ моимъ гостемъ, ужъ не помню
хорошенько, только знаю, что мы оба принялись торопливо одѣ-
ваться, оба—бѣгомъ съ лѣстницы и на улицу, а улица эта, на-
добно вамъ сказать, въ седьмой ротѣ Измайловскаго полка, и
ѣхать надобно было въ Фурштадтскую. Выскочили, ноги под-
кашиваются, бѣжимъ что есть духу, ни единого извозчика. Вотъ
ужъ именно была минута, когда за извозчика — полцарства.

— За «коня», а не за извозчика!

— Ну, все равно... Н-нѣтъ ни единого! Наконецъ, ужь около Обуховской больницы, видимъ, стоитъ нашъ спаситель—«подавай!» Растолкали, сѣли безъ торгу, пошелъ!.. Не тутъ-то было: лошадь—вляча и притомъ хромая. Еле взялась съ мѣста. «Бей, говорю, потому что я по опыту знаю, какъ на такіа заѣзженныя существа дѣйствуетъ кнутъ; стѣбитъ только разжечь, ей удержи нѣтъ — бей, говорю, ради самого Бога, дѣло важное». — «Бей-бей! повторилъ извозчикъ, а какъ убьешь? И завелъ онъ исторію о скотинкѣ, о хлѣбушкѣ, о податахъ, а самъ все кнутикомъ о крыло постукиваетъ, не бьетъ лошадь-то, а только крыло постукиваетъ. Можете представить, какое положеніе? Сидимъ на извозчикѣ, какъ въ аду, какъ въ огнѣ. — «Опоздаемъ! шенчетъ пріятель. Четверть часа ѣхали до Пяти Угловъ. Хотя бы до Палкина, думаемъ, добраться, тамъ бы взяли хорошаго рысака. Стали съ Загороднаго поворачивать на Владимірскую, и около гостиницы «Москвы» ужь виднѣтъ извозчикъ, глядь—нашъ старикашка (извозчикъ былъ древнѣйшій старецъ), какъ-то тихонечко тпрукнулъ на лошадь, и мгновенно съ козелъ съерзанулъ и заковылялъ бѣгомъ прочь. Бѣжить и нагибается, поглядить-поглядить въ землю и опять дальше. Кричитъ: «кнутъ обронилъ!» А мы сидимъ: соскочить и бѣжать—закричитъ караулъ! Кнутъ обронилъ! Сказать ему, что, разыскивая свой кнутъ, онъ дѣлаетъ непоправимое зло—ничего не пойметъ, ни единого слова. Все-таки кнута бросить нельзя... онъ 20 копѣекъ стѣбитъ, а деньги трудовыя. Сидимъ и ждемъ. Ждемъ беззвонечно вѣка!.. Передумалъ я въ эту минуту, прямо вамъ скажу, очень много... даже до слезъ... Наконецъ, шлепаешь сапожонками, запыхался, прибѣжалъ». — Господь, говоритъ, мнѣ еще подкову послать... хорошая, говоритъ, попалась штука... На сорокъ на пять копѣекъ... Н-не, голубь, трогай»... Добрались до Палкина, взяли рысака, но увы, было ужь поздно! А ужь какъ насъ извозчикъ-то благодарилъ, ужасъ! Какже? Сколько счастья привалило: нашелъ кнутъ, нашелъ подкову, да мы ему у Палкина, когда пересаживались, сунули въ руку безъ счету... Крестился даже на меня и все твердилъ: «сошли вамъ Царица Небесная, Никола Праведный, Архангелы Преподобные!»

— Ну будетъ, будетъ вамъ философствовать-то, Максимъ Ивановичъ, не отвлекайтесь отъ дѣла.

— Это я только такъ, къ случаю... Здѣсь, какъ видите, невозможно было рта разинуть съ мужикомъ, съ крестьяниномъ, ну, а что же могла бы тутъ понять какая-нибудь Аксинья Васильевна? Я тогда жилъ на хлѣбахъ у ея хозяйки и, разу-

мѣтся, видѣлъ ее каждый день—совершенное дерево... То есть, ни малѣйшаго отношенія... Бывало, наслушаешься за день-то — время было одушевленное — Богъ вѣсть чего, придешь домой, взглянешь на Аксиныю Васильевну, какъ это она, напимѣръ, квашню мѣситъ голой рукой, и такъ какое-то неудовольствіе почувствуешь. Ну, да не въ томъ дѣло. Гдѣ ей знать и понимать!.. А мысль, между прочимъ, въ то же самое время не ослабѣваетъ. Аксиныя Васильевна квашню мѣситъ, да спрашиваетъ: «будешь, что-ль, хлебово-то ѣсть?» а тамъ своимъ чередомъ — періодъ за періодомъ, теорія за теоріей. Прошелъ періодъ, когда о мужикѣ толковали съ нѣжностью и сочувствіемъ, и насталъ періодъ, когда о мужикѣ заговорили, какъ о дуракѣ; кончился этотъ періодъ, начался новый. Пропастъ дѣятелей сошло со сцены, еще больше появилось новыхъ... Множество изъ дѣятелей сами отказались: «усталъ! утомился! поработалъ!» А иныхъ гнала со сцены публика, и тѣ упирались... Дѣло становилось серьезнымъ, и вопросъ не разъяснялся, а запутывался. Плановъ, путей стало являться множество.., Словомъ, дѣла шли своимъ порядкомъ, а Аксиныя Васильевна продолжала мѣсить тѣсто, вставать до пѣтуховъ, вздыхать по мочамъ о томъ, подошло ли тѣсто. То есть ничего общаго и двѣ вещи совершенно разныя.

— А все-таки безъ покаянія?

— Безъ покаянія и безъ причастія.

— И отъ направленія?

— Отъ него-съ, отъ направленія.

— Удивительно!

— А вотъ извольте слушать далѣе, и все будетъ совершенно ясно, и ничего удивительнаго тутъ не будетъ.

— Продолжайте, продолжайте, мы слушаемъ.

— Плановъ и разныхъ системъ, какъ я уже вамъ докладывалъ, продолжалъ Максимъ Ивановичъ:—развелось весьма значительное количество. Перечислять ихъ было бы затруднительно, да признаться сказать, и не сумѣлъ бы я этого сдѣлать. Скажу вкратку, пути обмарились двухъ родовъ: законные и незаконные. О незаконныхъ путяхъ говорить мнѣ не зачѣмъ, такъ какъ они суть незаконные, и хотя мнѣ и пришлось просидѣть подъ арестомъ въ Александро-Невской части болѣе трехъ мѣсяцевъ, по доносу одного закладчика, но впоследствии оказалось, что я совершенно ни къ чему подозрительному неприкосновененъ. Я говорю только о законныхъ путяхъ и о лицахъ, дѣйствующихъ только на нихъ. Съ однимъ-то вотъ такимъ дѣятелемъ я познакомился за границей; теперь онъ очень извѣстный человѣкъ,

имѣть и деньжонки. За границу я попалъ по конторскимъ дѣламъ, то есть, если сказать правду, разыскивалъ тамъ нашего директора компаніи. Поѣхалъ и провалился тамъ... Кромѣ этого, было еще одно порученіе отъ одного богатаго барина—осмотрѣть больницы и привести уставы, а если можно, такъ и на мѣстѣ составить уставъ, при помощи специалистовъ. Необходимо было, чтобы всѣ новѣйшія усовершенствованія по этой части были применены къ дѣлу, а больница предполагалась для крестьянъ. Ну, конечно, не зная языка, долго я кое-какъ путался по Парижу безъ всякаго толка, наконецъ—ужъ не помню кто и когда познакомилъ меня съ господиномъ, о которомъ рассказываю, и съ перваго же раза онъ произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Съ перваго взгляда видно было, что это человѣкъ не дюжинный: настойчивъ, энергиченъ, основателенъ... Работу, которую я предложилъ ему, онъ исполнилъ такъ, что даже я, посторонній человѣкъ, получилъ отъ заказчика-барина сто рублей серебромъ награды... Словомъ, это былъ такой человѣкъ, который ужъ если взялся за дѣло, такъ сдѣлаетъ его въ самомъ лучшемъ видѣ, раскопаетъ вопросъ до корня, да и изъ корня-то еще нарываетъ что-нибудь извлечь. Ему мало узнать, что вотъ на этомъ, на примѣрѣ, столѣ, — онъ узнаетъ еще, что и подъ столомъ-то творится, и все запишетъ и разъяснитъ. Ничего общаго ни съ какою изъ легкомысленныхъ партій онъ не имѣлъ, напротивъ, много надъ ними смѣялся, стоялъ отъ всѣхъ ихъ представителей въ сторонѣ и никакихъ надеждъ на нихъ не возлагалъ. Въ случаѣ же какихъ-нибудь столеновеній, онъ всегда такъ озадачивалъ своею основательностью самыхъ сильныхъ изъ нихъ, что приходилось только краснѣть. Однажды, при мнѣ—я былъ самъ свидѣтелемъ,—онъ, что называется, влоскъ положилъ человѣкъ двадцать народу, цѣлую компанію самыхъ разнородныхъ направленій и партій... И на чемъ срѣзались-то? То есть, на сущихъ пустякахъ... И всегда онъ такъ, всегда разыщетъ какую-нибудь такую маленькую штучку, которую другою и не замѣчаетъ среди своихъ громаднѣйшихъ плановъ; а въ штучкѣ-то этой все и дѣло... Словомъ, ужъ вѣрно вамъ говорю, человѣкъ вполне основательный... Такъ вотъ, разъ затѣяли нѣсколько человѣкъ русскихъ устроить въ Парижѣ читальню, выписать газеты и пр. Назначены были мѣсто, день и часъ, гдѣ всѣмъ собраться и обсуждать. Ну, и я тутъ, конечно... Пошли мы на это собраніе съ этимъ самымъ основательнымъ человѣкомъ вмѣстѣ... Помню, бѣжитъ мой баринъ, да на часы поглядываетъ: «опоздаемъ, говорить, охъ, опоздаемъ». — «Что вы, го-

ворю, безпозомтесъ, еще только десять минутъ девятаго, а собраніе назначено въ восемь... Тамъ, поди еще, и ни одинаго человѣка нѣтъ!...» — «Какое, говорить, нѣтъ,—ужь тамъ навѣрно все рѣшено... Вы думаете, говорить, у насъ какъ дѣла дѣлаются? У насъ не то что такіа дѣла, а и почище которыя бывають такъ и то намъ ничего не стоитъ рѣшить ихъ въ двѣ минуты...» И дуетъ впередъ, еле я за нимъ поспѣваю. И что-же? Прибѣжали—полна комната народу и точно, все уже рѣшено... Основательный-то человѣкъ мой взглянулъ на меня, дескать, «что, не правду я говорил?»—и спрашиваетъ компанію: — «Рѣшено уже все?» — Отвѣчаютъ: — «Все!» — «Позвольте узнать подробности?» — «Извольте», говорятъ, и объясняютъ дѣло такимъ образомъ: рѣшено собрать со всѣхъ присутствующихъ на первое обзаведеніе по пяти франковъ; ежемѣсячный взносъ—по два, а случайный посѣтитель платить два су. Мой—судить, внимательно разсчитываетъ и спрашиваетъ:—«Что же далѣе?»—«А далѣе, говорятъ, вотъ что: составили мы списокъ всѣмъ, на кого можно разсчитывать, и насчитали такихъ лицъ сорокъ четыре человѣка, по пяти франковъ взносу — составить двѣсти двадцать франковъ; на эти деньги нанимаемъ квартиру—комнату и кухню—60 фр. за три мѣсяца. На 150 выписываемъ важнѣйшія русскія газеты и журналы, а на остальные покупаемъ шесть стульевъ плетеныхъ, столъ и лампу. Егоровъ купить мебель, Семеновъ найметъ квартиру, а Алексѣевъ отправить деньги на почту. Кассиромъ выбрали Марью Васильевну; если угодно, вносите ваши пять франковъ, а о днѣ открытія, то есть, о томъ днѣ, когда получатся журналы — извѣстимъ. — «Все?» спрашиваетъ. — «Все?»... Признаюсь — и я было думалъ — «да чего же, молъ, тебѣ, другъ любезный?» Ну, сами вы посудите, чего еще тутъ надо? А онъ, вижу, только бороду подергиваетъ и что-то соображаетъ... «Отлично-съ!» говорить. «Ну, думаю, другъ милый, кажется, тебѣ тутъ не подо что подобраться... Молчалъ, молчалъ, спрашиваетъ:

— Лампу, кажется, господинъ Егоровъ купить?» — «Егоровъ!..»

— «А керосинъ?» — «Керосинъ тоже Егоровъ...» — «А зажигать кто будетъ?..»

— «Консьержка...» — «А тушить-съ?» — Молчаніе... Зацѣпилъ-таки! Кто-то было сказалъ: — «Тотъ, кто послѣдній уйдетъ?..» — «А вамъ извѣстно, кто именно будетъ уходить послѣднимъ?» — «Ну да, тотъ, кто послѣ девяти часовъ вечера...» — «Ну, а если забудетъ погасить-то, можетъ это случиться? Вѣдь тутъ газеты, бумага-съ...» Молчаніе... Тутъ ужь онъ осмѣлѣлъ, и сталъ го-

ворить съ большою вротостью: — У кого будетъ ключъ? Или дверь такъ цѣлый день и будетъ стоять открытой? А если кто возьметъ журналъ, да унесетъ съ собой!...» Тутъ было заму мѣли, а онъ имъ:—«А о постороннихъ посѣтителяхъ...» И опять: «Почему же шесть стульевъ, а не семь и не восемь?.. Кто купитъ веросину, если онъ выйдетъ?—А перья, бумага, чернила... То есть, въ самое короткое время перевернуть все вверхъ дномъ: въ концѣ-концовъ оказалось необходимымъ, чтобы въ библиотекѣ кто-нибудь жилъ, такъ какъ консьержкѣ со всѣмъ не управиться. Живущій не будетъ платить за квартиру и будетъ за это присматривать за порядкомъ, запретъ дверь, погасить лампу, сложить въ кучу старые нумера газетъ и т. д. Квартира въ двадцать франковъ оказалась неудобной, надо было нанять въ тридцать, расходъ, слѣдовательно, увеличился на цѣлую треть... Одну изъ газетъ похерили, а жить въ квартирѣ согласился одинъ бѣдный русскій студентъ. «Съ удовольствіемъ, говорить, буду...» Все кой-какъ уладилось, но мой не унялся. Помолчалъ, помолчалъ, да опять:—«Отлично-сь! Вы будете жить?»—«Я!»—«А подушка у васъ есть?»—«Чортъ возьми, говорить, въ самомъ дѣлѣ у меня нѣтъ ни подушки, ни кровати.»—«Да я думаю, вамъ надо бы и стулъ, и столъ.»—«Конечно, какого же чорта я буду въ пустой комнатѣ... Я хочу работать, мнѣ надо заниматься? Чтожь, я такъ и буду валяться на голомъ полу, какъ собака, да смотрѣть, чтобы кто не укралъ газетъ... Чортъ возьми!» Не прошло, однимъ словомъ, и часу послѣ того, какъ мы явились въ собраніе, какъ уже все было разстроено окончательно; оказывалось, что на одно только начало, то есть, чтобы только Господи благослови подумать начать,—и то надо тысячи четыре денегъ. А тамъ пошли и графины для воды, и пепельница, и кровать, одѣяло, проверка кассы, приходо-расходная книга, большая и малая, и чортъ знаетъ что... Поднялся шумъ, несогласіе... Помню, одинъ, кажется, художникъ какой-то, вышелъ изъ всякаго терпѣнія... Долго онъ все думалъ, думалъ, наконецъ, не выдержалъ, затрясся весь и возопилъ: — Я, я, я дамъ подушку, спички, лампу. Я... я... бумагу... одѣяло, чортъ бы его дралъ... возьму у жены, отыму все, все, все.. но ради Бога, ради Бога, оставьте, оставьте меня, оставьте меня въ покоѣ!»... Весь планъ рухнулъ; всѣ стали раскидаться въ полномъ неудовольствіи. Впослѣдствіи все дѣло, однако, устроилось, но мой пріятель тутъ ужъ не участвовалъ; да и вообще, говорю вамъ, человекъ этотъ былъ «особь-статья». Учености необыкновенной... У него, напримѣръ, въ комнатѣ мѣста нѣтъ отъ бу-

магъ; по стѣнамъ — крюки, на столахъ — иглы, и на каждомъ крюкѣ, и каждой иглѣ насажены бумаги... и все по разнымъ частямъ. То есть, напр., какая нибудь самая малость, а бумага для нея на восьми крюкахъ насажено... И напр., народы разные... То есть, такихъ народовъ, кажется, отъ роду никто не слыживалъ; въ Африкѣ, напр., открылись народы, ростомъ съ кошку, а между тѣмъ уже вступили въ драку. Какой-то, напримѣръ, попался ему африканскій народъ, такъ вѣдь онъ его рѣшительно, то есть, по всѣмъ суставамъ разобралъ; и народъ-то, шутъ его знаетъ, какой-то удивительный, ростомъ не больше хорошей кошки, а тоже, каналья, лѣзетъ въ драку, и королемъ себѣ нанялъ одного французскаго цирюльника...

— Нѣтъ! съ нетерпѣніемъ въ голосѣ воскликнулъ одинъ изъ слушателей: — это невозможно, Максимъ Ивановичъ... Вы, Богъ знаетъ, какъ рассказываете... Теперь о какихъ-то африканцахъ...

— И объ этихъ-то тваряхъ, торопливо прервалъ Максимъ Ивановичъ протестующую рѣчь:—и объ этихъ-то, Богъ ихъ знаетъ, какихъ-то уродахъ, у него цѣлые вороха было надрано лоскутievъ изъ разныхъ газетъ, а ужъ на что, кажется, плевыи народъ и никому до него нѣтъ дѣла. Коротко сказать, человекъ былъ основательнѣйшій.

— Слышали, слышали.

— Отлично-съ! Сочиненіе его, вѣроятно, и вамъ извѣстно...

— Извѣстно. Далѣе, далѣе.

— Сочиненіе это, какъ вамъ тоже, вѣроятно, извѣстно, одобрено въ первѣйшихъ нашихъ изданіяхъ, и вообще ученый міръ призналъ, что авторъ самый основательный, молодой ученый... Все это вамъ, да и всѣмъ извѣстно...

— Но когда же выступить старуха?

— Позвольте-съ! съ теченіемъ времени появится и старуха... Все будетъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ... И такъ, человекъ былъ первѣйшаго просвѣщенія, но не крыса, напримѣръ, архивная, не книгоѣдъ... хотя онъ и возставалъ противъ легкомыслія, какъ я уже вамъ объяснилъ, и хоть онъ ничего общаго съ «тѣми» лицами, о которыхъ также было упомянуто, не имѣлъ, но онъ ни коимъ образомъ не желалъ своей дѣятельности ограничивать изданіемъ хотя бы хорошихъ сочиненій, но пригодныхъ только для избранной публики. Нѣтъ-съ! Онъ хотѣлъ дѣйствовать такъ же, какъ и прочіе, но планъ у него былъ особенный... свой! Само собой, весьма естественно, дѣйствовать онъ желалъ также на пользу ближнему, т. е. вообще говоря, на пользу народа... Только планъ у него былъ не тотъ... Раскритиковавши

всѣ планы, какіе въ то время ходили въ публикѣ, изобрѣлъ онъ такую, напримѣръ, механику... Неоднократно представлялъ онъ мнѣ ее въ примѣрахъ. «Представьте вы, говорятъ, Максимъ Ивановичъ, что гдѣ-нибудь на островѣ необитаемомъ, но принадлежащемъ къ нашему отечеству, или гдѣ-нибудь на чукотскомъ носу скрывается какой-нибудь смоленскій мужикъ, за которымъ числится три рубля серебромъ недомки, и который именно и уплеетъ на чукотскій носъ съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобы упомянутые выше три рубля скрыть. Какъ вы думаете: поймать ли его и извлечь ли изъ его кармана эти три рубля? Подумайте, говорятъ, хорошенько.» — Принимая во вниманіе многія обстоятельства, всякій невольно долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, т. е. хотя и не скоро дѣло сдѣлается, хотя на переписку и прочія проволочки потребуется много времени, но въ концѣ-концовъ, ежели упомянутому смоленскому мужику Господь продлитъ вѣку, такъ или иначе, а три рубля изъ него извлечены будутъ.— «Или представьте себѣ, говорятъ, что въ Петербургѣ, въ какомъ-нибудь великолѣпномъ помѣщеніи пришла жому-нибудь мысль обложить полукопеечнымъ, положимъ, сборомъ всякій горшокъ каши, продающійся, предположимъ, въ обжорномъ ряду, гдѣ-нибудь, ну, хоть въ Шемахѣ, въ Тифлисѣ или вообще гдѣ-нибудь у чорта на куличьяхъ—то будетъ ли сія мысль приведена въ исполненіе?» — «Будетъ!» говорю, да и вы, господа, вѣроятно, со мной согласитесь. Такихъ примѣровъ, обыкновенно, я вслушивалъ отъ него множество, но самымъ разнообразнымъ предметамъ, и изъ всѣхъ ихъ само собою вытекало то заключеніе, что если все сіе можно совершить, то, слѣдовательно, существуетъ нѣкоторый, удивительно стройный механизмъ, позволяющій приводить въ исполненіе самыя фантастическіе планы и притомъ во всѣхъ концахъ громаднѣйшаго государства... А ежели такой механизмъ существуетъ, ежели онъ стоитъ крѣпко, дѣйствуетъ аккуратно, то само благоразуміе заставляеть воспользоваться имъ для цѣлей высшихъ... Если можно изъ Петербурга достать рукой до мужика на чукотскомъ носу, или до торговки въ обжорномъ ряду города Шемахи, то почему, пользуясь тою же самою рукою, не распространять и на Чукотскій носъ, и въ Шемаху, и вообще куда только вамъ будетъ угодно, новыхъ, но безъ сомнѣнія, исключительно только здравыхъ, основанныхъ на стражайшей критикѣ понятій и теорій? Во сколько разъ этотъ способъ лучше, практичнѣе и дѣйствительнѣе той борьбы съ голыми кулаками, тѣхъ широкихъ теорій, проповѣдываемыхъ въ тѣсныхъ кружкахъ, которые въ ту пору до нѣкоторой степени зани-

*

мали общественное мнѣніе?.. И такой образъ дѣйствія называлъ онъ дѣйствіемъ «сверху»! Долго я, признаться, по невѣжеству своему не могъ разобрать, что такое это означаетъ: то «сверху», то «снизу»... Думаю: откуда же это надо дѣйствовать, куда дѣвтъ?.. Но когда я ужъ довольно-таки понатерся, поборбался, тогда я понялъ. Въ самомъ дѣлѣ, если механизмъ можетъ исполнять все, что кому-нибудь придется въ голову въ Петербургѣ, и притомъ исполнять немедленно и повсюду, то почему же этотъ механизмъ не могъ бы разнести по всѣмъ концамъ, ну хоть приказъ о томъ, чтобы люди вели себя немножечко поаккуратнѣй?... Ну, вообще, картину этотъ господинъ разрисовалъ мнѣ удивительную, ослѣпилъ меня направленіемъ своей предстоящей дѣятельности... А между тѣмъ, вотъ отъ этого-то направленія Аक्सинья Васильевна и скончалась безъ покаянія.

— Наконецъ-то! слава Богу, и старуха появилась на сцену... Ну, что же она? Что съ ней?..

— Что? По обыкновенію... Все тамъ же, у старушки, и все также ровно ничего не понимаетъ, а страдаетъ хуже прежняго, въ ротъ нельзя взять... Но все это потому. Не въ старухѣ дѣло. Прежде нежели ее постигло несчастіе, необходимо рассказать, что претерпѣлъ мой герой, и сколько вынесъ, и какихъ невѣроятныхъ усилій стоило ему добиться того, чтобы...

— Чтобы старуха померла безъ покаянія?

— Да-да-съ! Смѣйтесь, сколько угодно, а только дѣло это далеко не смѣшно. Если васъ не затруднитъ выслушать меня до конца, то вы сами увидите, какая вышла изъ всего этого... трагедія... Извольте вотъ послушать. Пришлось такъ, что я и онъ, этотъ самый человекъ, выѣхали мы изъ-за-границы вмѣстѣ. Вмѣстѣ пріѣхали и въ Питеръ. На границѣ, признаюсь откровенно, оба мы струхнули порядочно-таки, особливо, какъ вагоны заперли на замокъ и сабли по платформѣ зазвенѣли, но, благодареніе Богу, все обошлось благополучно. Только на меня одинъ офицерикъ поглядѣлъ этакъ довольно пристально, и этакъ кашлянулъ довольно серьёзно, но ничего, не тронули, и до Петербурга мы доѣхали въ самомъ великолѣпномъ расположеніи духа. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ отправился къ своимъ родственникамъ, а — къ Аक्सинѣ Васильевнѣ; но знакомство наше не перервалось, напротивъ, мы стали видѣться очень часто. Меня ужасно интересовало, какимъ родомъ онъ примется? — «Тутъ, батюшка, нельзя съ бапу, тутъ нуженъ лисій хвостъ!.. частенько говаривалъ онъ мнѣ, и точно, тонко повелъ дѣло,

очень искусно. Первымъ долгомъ выпустилъ въ свѣтъ книгу, и тѣмъ самымъ произвелъ разговоръ по всѣмъ газетамъ... «Ученый» и притомъ «молодой»!.. Само собой, благосклонность дамъ... Впечатлѣніе было преприятное — не выскочка, не вертопрахъ, не семинаристъ какой-нибудь, а серьёзный, образованный молодой человѣкъ, имѣющій состоятельныхъ родственниковъ, и притомъ чрезвычайной учености... Заручившись такимъ манеромъ солидною репутаціею, знакомствами и вліятельными связями — «ну, говорить, Максимъ Ивановичъ, теперь будетъ баловаться!.. И вознамѣрился онъ проникнуть, конечно, только на первый случай, въ какую-то думскую комиссію, продекларировать тамъ свое мнѣніе и добиться оффиціального содѣйствія, сначала хотя чуть-чуть... И не долго думая — человѣкъ былъ энергическій — приступилъ къ осуществленію... Повѣрите ли? Два года, день въ день, несмотря на всевозможныя свои связи и репутацію благовоспитаннаго и ученаго человѣка, два года кряду, ни дня, ни ночи не было ему покою, и жизнь его сдѣлалась чистымъ мученіемъ. Препятствія на каждомъ шагу: То придешь къ нему, видишь сіяеть, «ну, говорить, общѣли», то волосы на себѣ рветъ, «препятствуютъ!» Интриги какія-то, сплетни, зависть, недоувѣріе, оскорбительная подозрительность, апатія, словомъ тысячи затрудненій и неожиданныхъ непріятностей — ежедневно... Похудѣлъ мой паренъ, даже облысѣлъ... Мыкался онъ по городу съ утра до ночи. Тамъ надо сдѣлать визитъ, тамъ надо на вечеръ ѣхать, чтобы познакомиться съ Марьей Петровной, Анной Николаевной, которыя имѣютъ вліяніе на того-то, а тотъ на другого, а этотъ другой можетъ дать по шапелѣ тому, кто препятствуетъ... Чего, чего только ни приходилось ему дѣлать для осуществленія своей цѣли: и съ кокетками ужиналъ, и пьянъ напивался, и пиенки на тройкахъ, и даже принужденъ былъ вступить въ любовную связь противъ собственнаго желанія, принужденъ былъ тремъ дѣвкамъ подать надежду на бракъ, подписалъ три сомнительныхъ векселя, проигралъ въ карты тысячу рублей и — не приведи Царица Небесная, что онъ только ни продѣлывалъ въ это время. Наконецъ-то, наконецъ ужъ чрезъ два года, помощію невѣроятныхъ усилій, удалось-таки добиться чего хотѣлось. Назначенъ былъ уже день и часъ, въ который мой герой долженъ былъ предстать съ своей рѣчью предъ господами гласными... Но... тутъ явились новыя затрудненія. Опытные люди, ознакомившись съ содержаніемъ его рѣчи (рѣчь эта касалась гигиеническихъ вопросовъ), посоветовали ему кое-что

уступить изъ своихъ требованій. Уступки эти оказывались необходимыми по многимъ весьма существеннымъ обстоятельствамъ, а, главнымъ образомъ, требовались потому, что нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ гласныхъ, предъ которыми должна была происходить декламація, могли выслушать ее съ неудовольствіемъ... Въ числѣ ихъ были фабриканты, заводчики, имѣющіе по тысячѣ, по двѣ рабочихъ, были крупные комерсанты, поставляющіе провизію на казенныя заведенія, наконецъ, были такіе люди, которые постоянно испытывали какое-то злобное раздраженіе, о чемъ бы ни шли пренія, ибо привыкли къ тому, что въ концѣ-концовъ, всякія пренія завершаются требованіемъ авансовъ... Раздражать съ первыхъ словъ всѣхъ этихъ людей, отъ которыхъ вполне зависѣло все дальнѣйшее, было не ловко, безтактно, и, слѣдовательно, волей неволей, а приходилось послушаться совѣтовъ добрыхъ людей и уступить. И вотъ сталъ мой герой уступать. Первымъ долгомъ, изъ уваженія къ фабрикантамъ, уступилъ онъ нищу... То есть, понимаете ли, всѣ эти тухлыя следки съ выпученными глазами, на которыя даже и смотрѣть страшно, всю эту рыбную ржавчину, солонину, которой духъ слышанъ по Нарвскому и Шлиссельбургскому трактамъ, хлѣбъ съ тараканами, квасъ, словомъ, всю гниль и прѣль, весь «духъ» и смрадъ — все это пошло въ уступку. Обо всемъ пришлось упомянуть вскользь... мимолетно... упомянуть такъ, чтобы оказался виновенъ мелочной лавочникъ, квасникъ какой-нибудь... Вообще, пришлось сказать объ этомъ предметѣ въ общихъ чертахъ... «Нерѣдко, молъ, встрѣчаешь въ овощной лавкѣ такихъ сельдей, которыя напоминаютъ не продуктъ, годный въ пищу, а скорѣе нерадиво посоленный рыбій трупъ!» и такъ далѣе, въ поверхностномъ этакомъ очертаніи... Затѣмъ пришлось уступить и по части воздуха тоже очень много пунктовъ: въ засѣданіи присутствовали домовладѣльцы, дома которыхъ населены массами рабочаго народа, обижать ихъ тоже было нельзя... Пришлось тоже въ общихъ чертахъ пройти насчетъ кубической сажени воздуха на человѣка, и насчетъ, напримѣръ, вентиляціи. Кабачники и трактирщики также, какъ извѣстно, народъ довольно самолюбивый, вліятельный и во всякомъ случаѣ — большинство. Надо было и тутъ проشمыгнуть мимо дурмана, мимо подмѣсей въ водку кислотъ и кукельвана въ пиво, и пройти что-то насчетъ песочку въ мокрыхъ мѣстахъ. Затѣмъ, и въ вопросахъ вообще о чистотѣ, также пришлось поубавить свои фантазіи, такъ какъ вообще всѣ домовладѣльцы относятся къ навозу и т. д. довольно раздражительно. Вамъ извѣстно, что

нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ купецъ въ Москвѣ, извѣстнѣйшій капиталистъ, даже умеръ отъ удара, когда полиція очистила его отъ навоза и на свой счетъ вывезла этого продукта со двора капиталиста 400 возовъ. Старецъ, очевидно, остался въ пустынѣ и холодѣ и не вынесъ—такъ онъ привыкъ къ окружавшему его теплу и такъ присидѣлся въ немъ. Съ крайнею поэтому осторожностію надобно было касаться щекотливаго для всѣхъ домовладѣльцевъ вопроса, а для пользы дѣла надобно было покориться обстоятельствамъ и уступать. Уступалъ онъ, уступалъ, съ болью, конечно, съ искреннею болью... и изъ всѣхъ его плановъ осталось — чуть-чуть... такъ, хвостикъ. Скрѣпя сердце, надо было, однако, и за него ухватиться, благо былъ хорошей случай. Я и забылъ сказать самое то главное — комиссія рѣшилась выслушать моего пріятеля, единственно только благодаря тому счастливому обстоятельству, что въ Петербургѣ, въ рабочихъ кварталахъ, и по шлиссельбургскому и нарвскому трактамъ, какъ извѣстно, населенныхъ исключительно почти рабочимъ народомъ, въ сильнѣйшихъ размѣрахъ распространился тифъ. Не будь этого предлога для научной бесѣды, я не знаю, когда бы мой пріятель добился своего. Терять такого благопріятнаго случая не приходилось. Пользуясь имъ, можно было во всякомъ случаѣ хотя проникнуть къ кормилу, а ужъ потомъ можно было подумать и о большемъ. Итакъ, пришлось уступать и уступать. Помню я этотъ памятный вечеръ въ думѣ! Гляжу я на моего ратоборца, слушаю, съ какою изысканною любезностію передъ слушателями излагаетъ онъ причины тифозной эпидеміи, съ какою осторожностію касается селедки, напоминающей трупъ, «упоминаеть» о воздухѣ... вентиляторы... посыпать пескомъ... не худо бы навозъ... также и пометъ... Слушаю все это и думаю: Боже милосердый! Что случилось съ твоими планами? И гдѣ твоя бойкость, та бойкость, съ которой ты сокрушалъ соотечественниковъ своихъ, хотя бы въ дѣлѣ о библиотекѣ? Жалко мнѣ было его, жалко ужасно. Да и самъ онъ, точно на экзаменѣ, и точно ему стыдно... Жиденько, очень было жиденько, и, однако, кто бы могъ подумать? Моего пріятеля неожиданно поддержали два вліятельнѣйшихъ слушателя, именно: фабрикантъ-иностранецъ, громадный капиталистъ, джентльменъ съ ногъ до головы, сильно поддержалъ его въ вопросѣ о кубической сажени воздуха на человѣка; и еще тоже капиталистъ, но по виду простой русскій сѣднѣйшій человѣчекъ съ сѣднѣйшою бородкой и малиновымъ носомъ, не только энергично, а даже какъ-то ожесточенно возопилъ о своемъ согласіи съ мнѣніемъ моего пріятеля по вопросу о на-

возѣ и о прочемъ подобномъ... Эги два лица, въ то время, когда, по окончаніи реферата, начались разсужденія о мѣрахъ, крѣпко стояли за моего пріателя. Мужичекъ просто вопилъ противъ нечистоплотныхъ хозяевъ и лавочниковъ, указалъ множество мѣстъ, заваленныхъ нечистотами, и требовалъ энергическихъ мѣръ. Иностранецъ-фабрикантъ изумилъ и меня, и моего пріателя, нарисовавъ ужасную картину рабочихъ помѣщеній, скученность которыхъ доходитъ до поразительнаго безобразія. Оба говорили такъ смѣло, такъ безцеремонно и такъ настаивали на крутыхъ мѣрахъ, что мой пріатель видимо ожилъ и, немного развязавъ языкъ, съ своей стороны сообщилъ кое-что изъ своихъ богатыхъ матерьяловъ по этимъ вопросамъ. Впослѣдствіи, по окончаніи вечера, онъ ужасно восхищался тѣмъ, что за него встали: непосредственность — въ лицѣ мужичка, русская, народная воспріимчивость къ доброму полезному слову, а съ другой стороны — въ лицѣ иностранца, европейская порядочность, европейскій, такъ сказать усовѣщенный опытомъ умъ. Онъ былъ въ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что содѣйствіе мужичка и иностранца, привлечшихъ, благодаря своему вліянію, еще по нѣсколькѣ сочувственныхъ голосовъ на сторону моего пріателя, дало дѣлу ходъ въ тотъ же вечеръ. Комиссія постановила: «войти съ ходатайствомъ о принятіи мѣръ» и назначила двумъ лицамъ изъ среды гласныхъ по 1,200 руб. на непредвидѣнные расходы по осуществленію. Въ тотъ вечеръ мы съ пріателемъ, прямо изъ думы — къ Палкину! Заняли отдѣльный кабинетъ и строили великолѣпнѣйшіе планы до бѣла свѣта, конечно, за бутылкой... Вотъ, теперь дѣло дошло и до старухи.

— Боже мой! Наконецъ-то!

— Тѣмъ временемъ старуху, какъ я уже сказалъ вначалѣ, переѣхали на масляницѣ въ послѣдній разъ и уже серьезно. Въ обыкновенное время, въ подобныхъ случаяхъ она, бывало, покрятитъ за печкой, попьетъ водицы и поправится; теперь же — увы, было не такъ. Въ этотъ разъ, она въ такой степени неудачно попала подъ чухонца, что была принесена въ квартиру на рукахъ и слегла. Стоило было взглянуть на нее въ это время, чтобы убѣдиться, что дѣло ее плевое: лицо, и глаза, и голосъ — все это говорило, что «приходить смерть». Не мало дивился я послѣднимъ минутамъ покойницы; необходимо сказать, что въ то самое время, какъ Аксинья Васильевна слегла, старушка-барыня, у которой я жилъ на квартирѣ, по рекомендаціи дворника взяла въ услуженіе на время двѣнадцатилѣтнюю босоногую дѣвчонку. Робко, дрожа и замирая вошла дѣвчонка въ квартиру старушки, и отъ перваго

же вопроса барыни о чемъ-то залилась слезами. Впослѣдствіи выяснилось, что плакала она отъ того, что ничего не знаетъ и не понимаетъ. Старушка ободрила ее и стала относиться къ ней внимательно, тѣмъ болѣе, что дѣвчонка была со способностями, и хотя шибко робѣла въ первое время, но уже на второй день глазенки у нея прояснились и засверкали, и затѣмъ съ каждымъ днемъ она становилась все понятливѣе и развязнѣй. По мѣрѣ того, какъ она поняла кругъ своихъ занятій—ходить въ лавочку, вымыть посуду и т. д., какъ только она узнала лавочки и лавочниковъ, и весь домъ, и всѣхъ кухарокъ въ домѣ, всѣхъ дворниковъ, застѣнчивость, нѣкоторая неповоротливость постепенно замѣнялись развязностью, ловкостью и какою-то увѣренностію въ себѣ самой; она чувствовала, что барыня ею довольна и любитъ на эту молодую жизнь. Но что случилось съ Аксиной Васильевной, какъ только въ домѣ, а главное на ея глазахъ, появилась эта молодая жизнь! До появленія дѣвчонки она только кряхтѣла, недвижимо лежа подъ какими-то тряпками въ кухнѣ, на кровати, сколоченной кой-какъ изъ досокъ, полѣньевъ и деревянныхъ ящичковъ. Появленіе дѣвчонки заставило Аксию Васильевну приподнять изъ-подъ тряпокъ сѣдую голову и вперить умиравшіе глаза въ этого юнаго пришельца. Тутъ только я сталъ понимать, что Аксиныя Васильевна—не просто механизмъ для мѣшанія тѣста или сажанія пироговъ. Какая-то необычайная зависть, доходившая до злости, пробудилась въ ней къ этой двѣнадцатилѣтней дѣвчонкѣ. Зависть и злость возрастали въ Аксиинѣ Васильевнѣ по мѣрѣ того, какъ дѣвчонка отъ застѣнчивости и первыхъ слезъ испуга переходила къ развязности и понятливости. Должно быть, Аксиныя Васильевна, при видѣ этой начинающей жить въ людскомъ обществѣ дѣвчонки, вспомнила вдругъ всѣ свои восемьдесятъ лѣтъ, вспомнила свое безцвѣтное, темное, чернорабочее существованіе; вспомнила всю эту грязь и вонь, и обиду постоянныхъ дворовъ, угловъ, наполненныхъ нищетой, вспомнила жестокость людскую, которая давила ее лошадыми, покищала ее кровнымъ трудомъ заработанныя деньги, видѣла, что все это—восьмидесятилѣтнія мученія, тьма и обида—оканчивается смертію въ углу, и злоба неистовая поднялась въ ней противъ проворной, ловкой, даже плутоватой дѣвчонки... Злость эта заставила Аксию Васильевну не только поднять голову, но иногда возбуждала ее до такой степени, что она находила въ себѣ силы подняться съ кровати, и почти ползкомъ проползти въ другую, третью комнату, чтобы услѣдить, подкараулить: не воруетъ ли дѣвчонка сахаръ? Ка-

кими, прямо сказать, позорно-грязными эпитетами ни награждала она дѣвчонку, какой только несчастной и осрамленной будущности ни сулила ей! Съ другой стороны и дѣвчонка, скоро понявшая, что столичная жизнь не Богъ вѣсть какая мудрость, не оставляла старуху въ покоѣ. Ей несомнѣнно было пріятно сознавать свою удачу въ виду этой явной неудачи жизни, олицетворявшейся въ безпомощной старухѣ. Иной разъ она принималась дразнить несчастную старуху:—«утри носъ то!.. пищала маленькая каналья.—Ишь у тебя кофій какой!».. А то возьметъ нарочно на ея глазахъ за щеку куска три сахару и стоитъ, улыбаясь до ушей:—«на, молю, тебѣ!» Дѣвчонкѣ было пріятно чувствовать безсиліе старухи, которая ничего сдѣлать не можетъ ей, а старухѣ сознание безсилія причиняло великую скорбь, переходившую въ неистовую злость. Однажды ночью, когда я ужь давно спалъ мертвымъ сномъ, прикосновеніе чьихъ то холодныхъ рукъ заставило меня открыть глаза—смотрю: съ ночникомъ въ дрожавшей рукѣ, почти въ одной грязной рубахѣ, стоитъ передо мной худая, какъ щепка, и страшная, какъ сама смерть, Аксиныя Васильевна.—Что такое? возопилъ я въ испугѣ... И она тоже въ испугѣ, но въ испугѣ злости и гнѣва, шепчетъ что-то...—«У Варьки... нашла... подъ тюфякомъ»... Показала мнѣ гривенникъ и стала, тоже шопотомъ, ругать Варьку. Бѣдная старуха! Впослѣдствіи оказалось, что она по ночамъ не только занималась обысками постели и платья Варьки, а и сама, несчастная, не желая отстать отъ этой дѣвчонки въ смѣлости, воровала и сахаръ, и сухари, и лимонъ. Послѣ смерти ея, подъ тюфякомъ, найдено было пропасть всякаго добра въ этомъ родѣ. Нельзя сказать, чтобы было особенно пріятно смотрѣть на стараго и малаго, на начинавшаго жить и умиравшаго. Что особенно было непостижимо, такъ это то, что старуха не ограничивалась въ зависти своей къ вѣроятному въ будущемъ успѣху дѣвчонки одними только уличеніями, жалобами хозяйкѣ, мнѣ, и ругательствами самой дѣвчонки, но не желала, какъ кажется, также и отстать отъ нея на дѣлѣ. вмѣстѣ съ злостью, въ ней развилась и жадность. Я ужь сказалъ, что она таскала и сахаръ, и все, что попадется подъ руку—но все это ничто въ сравненіи съ той фантазіей о богатствѣ, которая въ это время возникла въ ея воображеніи и почти мгновенно овладѣла имъ безраздѣльно... Приснилось что-ли ей, но только съ нѣкотораго времени она что-то стала шептать о кладѣ... Пять бочонковъ съ серебромъ... зарыты подъ алтаремъ въ деревнѣ, въ той деревнѣ, гдѣ Аксиныя Васильевна родилась.. И зачѣмъ ей такая куча денегъ, не разъ подумывалъ я, вѣдь умретъ не

сегодня, завтра, вѣдь знаетъ это? Но старуха, должно быть, думала не такъ, навѣрное ей что нибудь рисовалось за этими деньгами, что нибудь кромѣ денегъ, потому что сонъ о кладѣ скоро перешелъ въ полнѣйшую увѣренность. Къ ней, по ея словамъ, сталъ являться самъ Николай Чудотворецъ, сидѣлъ на ея постели, стоялъ у изголовья и подробно объяснялъ и мѣсто, и время, когда взять, и даже мужика, который все это обдѣляетъ, называлъ по имени, говорилъ, что домъ его стоитъ, пройдя кабакъ, налѣво и крыльцо съ колонками. Поминутно приставала она ко мнѣ съ просьбою писать въ деревню, къ этому самому мужику, поминутно допрашивала: пришелъ ли отвѣтъ? и т. д. Я, конечно, говорилъ, что писалъ, что отвѣтъ будетъ на дняхъ. Признаюсь, никогда мнѣ не приходилось еще на своемъ вѣку видѣть такой необыкновенной жажды жизни, такой ненасытной зависти къ ней, какую Варюшка возбудила въ умиравшей Аксиныѣ Васильевнѣ. Давно ли эта старуха, принесенная съ переломленной ключницей дворниками, шептала только: «смерть моя пришла... пошлите за попомъ... шептала о душѣ, а теперь она ни о чемъ другомъ не думаетъ, какъ о кладѣ, о пяти бочонкахъ съ серебромъ и т. д. Возбуждена была она до крайности, и возбужденіе это держалось въ ней подѣ радъ семь недѣль великаго поста. Но на страстной, при первыхъ теплыхъ весеннихъ дняхъ (святая была поздняя), она вдругъ свалилась. Она притихла, тяжело дышала, не въ силахъ была говорить, даже шептала рѣдко. Дѣвчонка попробовала было надѣй ней подшутить, по обыкновенію подсмѣявшись надъ ея носомъ, но Аксиныя Васильевна даже не отвѣтила ей, а только посмотрѣла широкими, неподвижными и стеклянными глазами. Еще день два, — и мы, особоровавъ, причастивъ Аксиныю Васильевну, отправили бы ее чествомъ по желѣзной дорогѣ на преображенское кладбище. Все бы было честно и благородно, и кончина старухи была бы самая приличная кончина, кончина праведная. Но—увъ! вышло совсѣмъ напротивъ, да и нетолько напротивъ, а просто случилось Богъ знаетъ что... Въ одно утро, въ дворницкую того дома, гдѣ лежала умирающая Аксиныя Васильевна, раздался рѣзкій, оглушительнѣйшій звонокъ, который заставилъ дворника тотчасъ же въ попыткахъ выскочить на улицу. Здѣсь, не то городской, не то околочный, въ торопяхъ и на ходу рѣзкимъ голосомъ свазалъ ему нѣсколько словъ, вслѣдствіе которыхъ дворникъ тоже опрометью бросился въ квартиру старухи, у которой я жилъ, и, подойдя къ старухѣ, безъ дальнихъ разговоровъ возопилъ: — въ часть требуютъ! Собирайся! — Случилось же это слѣдующимъ

образомъ и по слѣдующимъ причинамъ... Вамъ уже извѣстно что, благодаря просвѣщенному содѣйствію капиталиста иностранца и непосредственной воспримчивости сѣденъкой бородки, постановлено было ходатайствовать о томъ, чтобы, въ виду распространенія тифа, были приняты мѣры, указаннаы моимъ пріятелемъ въ рефератѣ, и къ осуществленію ихъ на практикѣ оказано законное и возможное содѣйствіе. Бумага объ этомъ, отправленная комиссіею, какъ всякій изъ васъ понимаетъ, именно въ виду того, чтобы достигнуть какого-нибудь результата, т. е. добиться какого-нибудь содѣйствія, не могла входить въ общія разсужденія, а непремѣнно должна была съ точностію указать на существенную причину, объясняющую просимое содѣйствіе. Поэтому, на первомъ планѣ явился тифъ, и потомъ уже двѣ или три мѣры также самыхъ существенныхъ и по возможности осуществимыхъ. Бумага была принята благосклонно. Но вы поймете, что то вѣдомство, которое предписываетъ мѣропріятія, имѣя дѣло съ людьми, которыхъ главная обязанность исполнять то-то и то-то, почему они и называются подчиненными, должно было совершенно выкинуть всѣ самые слабыя остатки общихъ взглядовъ на сущность просимыхъ мѣропріятій, а прямо предписать эти мѣропріятія по пунктамъ. «Предписывается вамъ первое, второе, третье»... Тѣ лица, которыя получили эти предписанія, обязаны были при исполненіи этихъ пунктовъ имѣть дѣло съ людьми, которымъ уже въ обязанность ставилось «не разсуждать», да кромѣ того, люди эти, за множествомъ подлежащихъ исполненію ихъ собственными руками дѣлъ, не могли и подумать о томъ, чтобы удѣлить время на какія-то еще разсужденія. Мѣропріятія поэтому излагались для нихъ еще въ болѣе сжатой формѣ въ двухъ словахъ... Такимъ образомъ, дѣло, начатое въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, потребовавшее многолѣтнихъ трудовъ, усилій, жертвъ тысячи существеннѣйшихъ обстоятельствъ, постепенно служиваясь, по мѣрѣ того, какъ оно съ вершинъ спускалось къ народной массѣ, превратилось предъ Аксиньей Васильевной въ дворника, который стоялъ надъ ея смертнымъ одромъ и требовалъ ее въ часть, такъ какъ держать такихъ не велѣно... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ изустно передаваемыхъ мѣропріятіяхъ, отъ околочныхъ къ городовымъ, отъ городскихъ къ подчаскамъ, а отъ сихъ послѣднихъ къ дворникамъ, было не мало всевозможныхъ ошибокъ, путаницы и всякаго вранья. Впослѣдствіи, я положительно узналъ, что на Загородномъ проспектѣ, близъ Технологическаго института, городской самымъ энергическимъ образомъ приставалъ къ шедшимъ на

лекціи студентамъ, прося ихъ честию разойтись, такъ какъ сейчасъ долженъ проѣхать новый генералъ изъ Нѣмцевъ, по фамиліи Гиіенъ, в т. д.—но, спрашивается, какъ иначе и могло быть? Развѣ все это они понимаютъ? и развѣ у нихъ, т. е. у этого механизма, на рукахъ не масса дѣла? И развѣ вся эта масса дѣлъ не обязываетъ ихъ къ тому, чтобы не разсуждать о ней? Ничего нѣтъ, поэтому, страннаго, что самое благое на мѣрненіе, самая прекрасная цѣль, одушевлявшая моего пріятеля во имя народнаго блага, достигнувъ до этого самаго народа, превратилась въ божеское наказаніе. Подумалъ ли мой пріятель, работавшій надъ своимъ сочиненіемъ, добивавшійся реферата въ думѣ и т. д., что изъ всего этого, въ концѣ-концовъ, не выйдетъ ничего другого, кромѣ дворника, которому ничего не будетъ извѣстно ни объ этихъ трудахъ, ни объ рефератѣ, кромѣ того, что за это «отвѣтить» онъ...—«Вставай! Собирайся! вопіялъ онъ надъ старухой:—небось, я отвѣчать-то буду за тебя!». Вотъ отъ этого то отъ самаго Аксиныя Васильевна и умерла безъ покаянія и причастія... Дѣло было такъ: старуху барыню вызвала какая-то пріятельница въ Гатчину, на какія-то похороны, и ея дома поэтому не было; какъ на грѣхъ, и мнѣ въ этотъ несчастный день надобно было уйти изъ дому рано. Оставались дома старуха и Варюшка. Въ это-то время и раздался вышеупомянутый звонокъ. Направленіе добиралось до старухи... «Не держать больныхъ, которые опасны... сейчасъ вонъ! въ торопяхъ объявила составная частица великаго механизма и побѣжала далѣе, предупредивъ о томъ, что дворникъ отвѣтитъ штрафомъ. Такъ какъ дворникъ и безъ того насчитывалъ очень много такихъ случаевъ въ раду своихъ обязанностей, по которымъ ему приходится «отвѣчать»—паспорта, несколотый снѣгъ, и т. д., то, разумѣется, онъ немедленно же приступилъ къ выполненію новой гигиенической обязанности и потребовалъ старуху въ часть, въ полицейскую больницу... Но безпомощный видъ старухи тронулъ его: «что тутъ дѣлать?» думалъ онъ, стоя надъ ея смертнымъ одромъ и, наконецъ, вспомнивъ, что у старухи есть племянникъ въ фруктовомъ магазинѣ на Невскомъ, рѣшилъ немедленно пригласить послѣдняго къ участію въ этомъ дѣлѣ. Онъ тотчасъ же побѣжалъ въ магазинъ, объявилъ племяннику, что старуха помираетъ, что «не велѣно», что «штрафъ», и говорилъ, чтобы онъ сейчасъ бралъ свою тетку съ рукъ на руки. Была страстная суббота, и, помимо хлопотъ, суетни, наполнявшей фруктовый магазинъ, у племянника, какъ на бѣду, въ этотъ день предстояло важное дѣло. Въ семь часовъ вечера

онъ получалъ отъ хозяина расчетъ и переходилъ въ трактиръ «Золотой левъ» буфетчикомъ. Въ восемь часовъ вечера, ему необходимо было принимать въ «Золотомъ лвъ» буфетъ и посуду... Не было никакой возможности маневрировать этимъ мѣстомъ, такъ какъ мѣсто хорошее, жалованье достаточное, и, стало быть, надо дорожить имъ. Что же скажетъ хозяинъ, когда на первыхъ же порахъ придется оказать себя неаккуратнымъ? Дворникъ, какъ человѣкъ, знавшій нужду, конечно, понималъ все это очень хорошо, но именно поэтому то не могъ принять на себя материальнаго ущерба, которымъ угрожала смерть старухи, и волей-неволей потащилъ племянника къ теткѣ, и здѣсь у ея смертнаго одра произошла такая сцена:— «бери, говоритъ дворникъ:— намъ не вѣлно держать! Какъ помретъ, такъ кто отвѣчать будетъ?»— Освободи ты меня до завтрашняго числа... Дай буфетъ принять... Сдѣлай милость... Вѣдь, братецъ ты мой, изъ деревни пишутъ... а вѣдь это мѣсто, скоро ли его найдешь?»

— Гдѣ ей до завтра прожить?.. Эва, она ужъ икаетъ.

— Ей-Богу, проживетъ—она живуща... Это ты не гляди, что икаетъ... Ей-ей, проживетъ...

Оба они, безъ всякаго сомнѣнiя, были люди, а не звѣри, но что же дѣлать, если гигиеническiя мѣры, дойдя до народа, резюмируются только выраженiемъ: «отвѣтны!» Все это я узналъ отъ Варюшки, возвратившись домой часу въ седьмомъ вечера. Она объявила мнѣ, что сейчасъ только увезли въ часть Аксиною Васильевну. Пришли племянникъ съ дворникомъ, долго разговаривали около нея и увезли въ часть. Что такое, думаю? Немедленно же я отправился въ часть—и засталъ тамъ такую сцену. Дворникъ и племянникъ держали почти бездыханную Аксиною Васильевну подъ руки, и—ни много, ни мало—слезно упрашивали полицейскаго врача выдать теперь же, то есть, когда она еще была жива, свидѣтельство на ея погребенiе. Дворникъ говорилъ, что разъ это свидѣтельство будетъ у него въ карманѣ, онъ не только не победитъ Аксиною Васильевну, но и похлопочетъ, чтобы она померла честию-честью, т. е. причастить и исповѣдуетъ. Буфетчикъ слезно молилъ оказать ему эту услугу, такъ какъ отъ этого зависть все его будущее, что онъ и его родители люди бѣдные, и неужели-жъ онъ захочетъ его раззорить? Чтѣ, ежели новый хозяинъ откажетъ, а старый не приметъ?

— Да вѣдь она жива еще!—съ изумленiемъ слушая эти мольбы, возразилъ было врачъ.—Умреть-съ! въ одинъ голосъ произнесли и дворникъ, и буфетчикъ. Она до утра не доживетъ-съ, извольте поглядѣть... нось!..—Она ужъ утра икала! прибавилъ

дворникъ... А когда старуха, все время безжизненно висѣвшая на дюжихъ локтяхъ своихъ спутниковъ, приподняла голову и какимъ-то басистымъ шопотомъ произнесла:—«Жи-в-ва!» то буфетчикъ прижалъ ея руку локтемъ и нетерпѣливо шепнулъ:—«Да будетъ вамъ... кажется, можно и помолчать куда»... Сцена была достойная вниманія. Я прервалъ ее и взялъ старуху на свою отвѣтственность. Впрочемъ, по дорогѣ изъ части домой, она отдала Богу душу...

Въ тотъ же вечеръ заглянулъ я и къ моему пріятелю. Засталъ его—сидить, писать письмо. —«Вотъ, говорить, извѣщаю одного моего заграничнаго друга о моемъ успѣхѣ».—«О какомъ это» спрашиваю. —«А приказъ-то о мѣрахъ... все-таки начало»... —«Ну, говорю, не знаю, точно ли это успѣхъ», и рассказалъ ему про Аксинью Васильевну. Задумался мой парень, крѣпко задумался. А успѣхъ точно отъ всего отъ этого былъ, только совсѣмъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. А именно: изволите вы помнить этихъ двухъ лицъ—просвѣщеннаго иностранца и непосредственнаго человѣка—которые поддержали въ думѣ пользу мѣръ? Помните? Ну, такъ вотъ они и получили... Иностранецъ-фабрикантъ, изволите видѣть, выстроилъ при фабрикѣ помещеніе для рабочихъ и назначилъ за комнату 2 руб. въ мѣсяцъ. Рабочіе не шли, потому что привыкли жить артелями, человѣкъ по двѣнадцати, и платитъ за квартиру, такъ, рублей 6, всего стало быть по полтиннику и притомъ со стиркой. При заработкѣ рублей въ 15, это большой расчетъ! Вотъ иностранецъ-то и поналегъ на кубическую сажень воздуха... Чтожь касается непосредственнаго человѣка, то онъ выкинулъ другой фортель. По шлиссельбургскому тракту у него было пустопорожнее мѣсто, не приносящее ему никакого дохода. Услыхавъ въ рефератѣ про «навозъ» и про «вредъ», онъ вдругъ составилъ грандіознѣйшій планъ... Предложилъ городу свое мѣсто для своа нечистотъ даромъ съ тѣмъ, чтобы городъ ходатайствовалъ о свалкѣ этого продукта непосредственно у него. Въ тоже время онъ энергически настаивалъ на штрафахъ, говорилъ, что безъ этого ничего не подѣлаешь, и въ особенности напиралъ на то, что хорошо бы штрафовать содержателей хлѣбныхъ амбаровъ за нечистоту, дѣлаемую голубами и прочей птицей; птичные дворы также предполагалъ онъ обложить штрафами за несвозъ нечистоты. И всѣхъ этихъ мѣръ онъ добился. Теперь, на шлиссельбургской дорогѣ, вы можете встрѣтить такую вывѣску: «оптовая продажа удобреній, а также голубиныхъ и птичьихъ пометовъ». Пудъ стоитъ иногда до 25 коп. Кроме того, эта сѣдая бородка цѣлое лѣто торгуетъ льдомъ.

который, какъ извѣстно, долго не таетъ подъ мусоромъ и навозомъ... Такъ вотъ, изволите видѣть, какой оборотъ-то вышелъ? То-есть, дѣло выгорѣло совершенно въ другую сторону, вовсе не туда, куда хорошій человѣкъ мѣтилъ...

Максимъ Иванычъ замолкъ.

— Все? спросили его.

— Все, больше ничего вѣтъ.

— Но къ чему же вы все это говорили?

— Какъ къ чему? Да просто такъ сказалъ... Потому сказалъ, что поглядишь, поглядишь, и не знаешь—что такое творится на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ почему. Тоска.

Г. Ивановъ.

КАКЪ ОНЪ ПРОСЛАВИЛСЯ.

Его звали Александръ Петровичъ. Онъ былъ адвокатъ. Кажется, у него были всѣ шансы для того, чтобы успѣть на избранномъ поприщѣ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что онъ только-что прошелъ всѣ академическія науки, онъ былъ на столько свѣжъ душой, что ему по каждому дѣлу было рѣшительно все равно, кого бы ни защищать, истца или отвѣтника. Мало того, припоминая прошлое, я думаю, что Александръ Петровичъ искренно сокрушался о томъ, что адвокатъ лишень возможности защищать въ одно и тоже время обѣ стороны. По крайней мѣрѣ, я ничѣмъ другимъ не могу объяснить тѣхъ восторговъ, которые не одинъ разъ онъ высказывалъ мнѣ въ минуты откровенности. Впрочемъ, тутъ даже никакой особенной откровенности не было. Александръ Петровичъ былъ такъ юнъ сердцемъ, что не видѣлъ въ своихъ мечтаніяхъ ничего предосудительнаго.

— Вотъ бы общество открыть, разсуждалъ онъ, весело расхаживая по комнатѣ:—да!.. Какъ это никто не догадается? Адвокатскую контору на паяхъ. Надо тебѣ по какому-нибудь дѣлу прошеніе—пять, десять рублей... Отвѣтъ противной сторонѣ на это прошеніе—столько же... Въ адвокатѣ нуждаешься поддерживать прошеніе—изволь... Противникъ твой за адвокатомъ обращается опровергнуть искъ—есть!.. Вѣдь тутъ, батюшка мой, знай только загребай денежки.

Онъ сжималъ губы и задумывался...

Да. Онъ непремѣнно долженъ былъ успѣть на поприщѣ защитника вдовъ и сиротъ за вознагражденіе по таксѣ, для присяжныхъ повѣренныхъ установленной. А между тѣмъ, вотъ уже

сколько времени онъ на немъ подвизался, но дѣла не шли, неспроста на то, что для привлеченія ихъ были приняты всѣ мѣры.

Уже на далекомъ разстояніи отъ квартиры Александра Петровича, на заборахъ появлялись самыя разнообразныя вывѣски, которыя всѣмъ и каждому возвѣщали, что тамъ-то живетъ адвокатъ, готовый вести «всякаго рода дѣла» за самое умѣренное вознагражденіе. При вывѣскахъ красовались нарисованныя руки, указывающія, какъ пройти къ этому адвокату. Во всѣхъ газетахъ, на первомъ листѣ были напечатаны рекламы. Заманчивыя объявленія лѣзали въ глаза путешественниковъ на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, на почтовыхъ станціяхъ по всевозможнымъ траектамъ.

Въ приемныхъ комнатахъ Александра Петровича эффектно была установлена очень хорошенкья мебель, развѣшены зеркала. Разгуливая въ ожиданіи кліентовъ по залѣ, Александръ Петровичъ то и дѣло осматривалъ свою «обстановку». Онъ твердо вѣрилъ, что «обстановка, братъ, это первое дѣло» и, вслѣдствіе этого, упорно старался, чтобы каждый стулъ, каждое кресло ого-рошивали кліента.

Однако, кліенты являлись плохо и чаще только раздражали, а не удовлетворяли аппетитъ Александра Петровича. Приходилъ какойнибудь шустрый мѣщанинъ и изъяслялъ намѣреніе «поднять» дѣло о полуаршинѣ земли, захваченной сосѣдомъ. Александръ Петровичъ оживлялся и начиналъ любезничать съ мѣщаниномъ, но съ первыхъ же словъ послѣдняго оказывалось, что дѣло его давнымъ-давно разрѣшено во всѣхъ инстанціяхъ и «поднять» его не представляется никакой возможности. Прибѣгалъ иногда какой-то чиновникъ, который до того былъ взволнованъ, что долгое время не могъ выговорить ни слова. Однако, и его дѣла заключались, по большей части, въ томъ, что кака-нибудь старушонка обругала неприлично жену или дѣтей чиновника. По этому поводу, чуть не цѣлый часъ шли оживленныя разсужденія, доказывалось съ необыкновеннымъ азартомъ, что «эту старушонку весь городъ знаетъ», писались довѣренности, и, наконецъ, чиновникъ уходилъ, заручившись согласіемъ Александра Петровича «проучить хорошенкю». Изрѣдка влеталъ въ приемную солидный баринъ и чуть не сіялъ отъ восторга, принимаясь разсказывать о своемъ дѣлѣ. Но и у барина никакого крупнаго дѣла не оказывалось. Отъ нечего дѣлать, онъ постоянно тягался съ хозяиномъ своей квартиры и на этотъ разъ прилетѣлъ въ полной увѣренности, что хозяйина, наконецъ, можно привлечь къ отвѣтственности за кражу со взломомъ и су-

дять съ присяжными засѣдателями. Дѣло въ томъ, что у барина изъ запечатанной банки, стоявшей въ погребѣ, пропало полфунта варенья, а вмѣсто него была положена какая-то дрянь.

— Моя гербовая печать!.. Вы посмотрите... прямо сказано! волновался баринъ и, чуть не заллебываясь отъ восторга, читалъ очевидно заражѣе подысканные законы.—Вѣдь это... Помилуйте!

Баринъ уходилъ. Александръ Петровичъ уныло бродилъ по комнатамъ, заложивъ въ карманы руки, и трепетно прислушивался къ малѣйшему шороху на крыльцѣ...

— Кажется, звонять, а? Иванъ! позвонилъ кто-то...

Слѣдовалъ отрицательный отвѣтъ Ивана.

— Гм! А мнѣ показалось... Хоть бы одна шельма съ настоящимъ дѣломъ! Ну, эти: чиновникъ, баринъ... Десять, двадцать рублей... какія это дѣла!..

Въ залѣ появлялся Иванъ, котораго Александръ Петровичъ только что разодрѣлъ на славу.

— А что, Густавъ Адольфовичъ не былъ? освѣдомлялся мой пріятель.

Иванъ опять отвѣчалъ отрицательно и при этомъ слегка улыбался. Улыбка его заинтересовывала меня.

— Какой это Густавъ Адольфовичъ?

Александръ Петровичъ тоже начиналъ смѣяться.

— Клиентъ одинъ, хозяинъ веселаго дома. Съ лѣстницы посѣтителя спустили, а тотъ къ мировому, говорить, будто деньги у него вынули.

— Чего добраго!

— Мудренаго ничего нѣтъ, подмигивалъ Александръ Петровичъ.—Даже непременно вынули. Ну, да прямыхъ доказательствъ не имѣется... Выиграемъ... Каковъ у меня Иванъ-то? Дѣнтльманъ.

Я хвалилъ.

— Да вѣдь ты не знаешь, какъ онъ у меня очутился, вдругъ вспоминалъ мой пріятель и весело начиналъ мнѣ рассказывать исторію Ивана. Оказывалось, что, нѣсколько дней тому назадъ, Александръ Петровичъ облюбовалъ его въ острогъ, въ числѣ арестантовъ.

— Ну вижу, собой молодецъ, ловокъ. Всякому клиенту въ глаза бросится... Предложилъ защищать, оправдали... Вотъ теперь у меня... Такъ и уговорились. Все-же обстановка!..

Наконецъ, дѣйствительно, раздавался звонокъ. Александръ Петровичъ приходилъ въ неописанное волненіе, стремительно кидался въ сосѣднюю комнату и изъ-за двери самымъ плотояднымъ

*

образомъ начиналъ оглядывать приемную. Въ это время онъ какъ нельзя больше напоминалъ кошку, ожидающую, что вотъ-вотъ давнымъ-давно скребущаяся въ какой-нибудь щели мышь выйдетъ на свѣтъ божій. Глаза его искрились, тѣло по временамъ вздрагивало...

Въ передней раздавался робкій старческій голосъ, въ которомъ такъ и дрожали слезы.

— Когда-же можно?

— Завтра, должно быть, будутъ, слѣдовалъ довольно грубый отвѣтъ Ивана.—Неизвѣстно. Дѣла.

— О, чортъ! опять эта старуха, вотъ отъ которой картина, сердито шепталъ Александръ Петровичъ. — Каждый день, надоѣла.

Голосъ, дѣйствительно, былъ знакомъ мнѣ. Въ числѣ клиентовъ Александра Петровича я очень часто встрѣчалъ ветхую робкую старуху, которая, кажется, одного слова не могла выговорить безъ того, чтобы не залиться горькими слезами. Появляясь чуть не ежедневно въ приемной моего пріятеля, она робко усаживалась въ какомъ-нибудь уголкѣ и терпѣливо ждала по цѣлымъ часамъ, когда Александръ Петровичъ удостоитъ ее своимъ вниманіемъ. Во время объясненій она смотрѣла на него съ какимъ-то тихимъ упованіемъ, и ни на минуту не спуская своихъ ужъ совсѣмъ почти потушенныхъ глазъ. Такъ и видно было, что она желала прочитать на лицѣ Александра Петровича хоть какую-нибудь надежду; но онъ не только не старался утѣнить старуху, а, какъ мнѣ казалось, чуть не умышленно все больше и больше запугивалъ ее.

— Сынъ у нея по одному дѣлу судится, объяснялъ онъ мнѣ на мои разспросы:—вотъ, братецъ, картина у нея есть... Сколько времени прошу, и никакъ не хочетъ разстаться.

— Да, можетъ, она дорога ей по чему-нибудь?

— Вотъ и она такъ рассуждаетъ. Да ты подумай, чтó она понимаетъ? Ну, а картина...

Онъ долго разсыпался въ похвалахъ и просто выходилъ изъ себя отъ страстнаго желанія пріобрѣсть картину.

— Я бы ее вотъ тутъ и повѣсилъ, тывалъ онъ руюой на стѣну.—Прелесть... На что она ей?.. Право.

И въ слѣдующій разъ онъ принимался до того запугивать старуху, что доводилъ ее чуть не до истерики. Наконецъ однажды, едва я вошелъ, какъ Александръ Петровичъ съ торжествомъ распахнулъ двери въ приемную. На самомъ видномъ мѣстѣ висѣла дѣйствительно очень хорошая картина. Александръ Петровичъ съ восторгомъ обозрѣвалъ свое пріобрѣтеніе.

— Ты на старика-то, вонъ справа онъ, посмотри, восклицалъ онъ.— Отсюда, отсюда... Прелесты! Насилу, братецъ, добился. Антикъ да и только!

— Въ счетъ гонорара?

— Ну, нѣтъ, пришелъ онъ въ окончательный восторгъ: — это такъ, сверхъ вознагражденія. Насилу разсталась; за сына бьется.

Понимала или не понимала что-нибудь въ этой картинѣ старуха, однако потому она никогда не спускала съ нея глазъ и еще терпѣливѣе прежняго, сидя передъ картиной, дождалась выхода Александра Петровича.

— Онъ покойникъ рисовалъ, объяснила она одинъ разъ и заплакала тихими, тихими слезами.— А вотъ теперь другой... Неизвѣстно! О Господи!..

Наглевывались иногда порядочныя дѣлшки. Въ приемной появлялась синяя чуйка съ жиденькой бородкой и удивительно плутовскими, такъ и бѣгающими по сторонамъ глазами. Къ чуйкѣ Александръ Петровичъ относился въ высшей степени любезно и немедленно уединялся съ нею въ кабинетъ. Двери оставались непритворенными, но разговоръ по большей части велся очень тихо, чуть не шопотомъ, и только изрѣдка до меня долетали нѣкоторыя отдѣльныя фразы. Чуйка безпокойно вертѣлась на кончикѣ стула, ежесекундно кашляла въ руку и пугливо озиралась во всѣ стороны.

— Такъ можно-съ? вопрошала она послѣ нѣкотораго молчанія и вслѣдъ за этими словами, быстро наклонившись чуть не къ уху Александра Петровича, начинала снова нашептывать.

— Конечно, никто не узнаетъ, кивалъ головой мой пріятель.

— Боже сохрани! Особенно, чтобъ Алексѣй Александровъ, то есть... ни-ни!

Шопотъ усиливался до крайности. Слѣдовало опять обнадеживаніе, что никому ничего не будетъ извѣстно.

— Мы ужъ и бумагу подыскали самаго того года, сообщала чуйка и, вынувъ изъ кармана гербовый листъ, начинала показывать его на свѣтъ.

Александръ Петровичъ одобрялъ какъ нельзя больше.

— Чтобъ въ аккуратѣ, восхищалась чуйка. — А какъ же на счетъ вашихъ условій?

Лицо моего пріятеля при этомъ вопросѣ становилось въ высшей степени серьезнымъ. Нѣсколько времени онъ задумчиво крутилъ усы и изрѣдка выдалъ на своего собесѣдника вниматель-

ные взоры. Очевидно, онъ соображалъ, какъ бы не дать маху на счетъ гонорара. Чуйка поводила глазами и еще усиленнѣе кивала въ руку.

— Двѣ радужныхъ, изрекалъ, наконецъ, Александръ Петровичъ. Клиента точно подкидывало на мѣстѣ.

— Помилуйте! Какъ можно! Четвертню!

— Ну, съ этимъ къ Иверской ступайте, рѣзко провозглашалъ Александръ Петровичъ и приходилъ въ такое волненіе, что не могъ даже сидѣть на мѣстѣ.

Чуйка съ сокрушеніемъ кивала головой и какъ будто умилялась.

— Многогнью, Александръ Петровичъ.—Право, многогнью.

— Ну, въ такомъ случаѣ сами дѣлайте, безъ адвоката... На что лучше!

— Не умѣемъ.

— Вотъ я за то съ васъ и беру, что умѣю.

Волненіе моего пріятеля достигало высшихъ предѣловъ. Онъ быстро шагалъ по кабинету и по временамъ останавливался противъ чуйки.

— Четвертню! чуть не презрительно кричалъ онъ. — Вы бы только подумали, сколько я времени учился. Гимназія, университетъ... Четвертню! Смѣшно право.

— Вѣдь дѣльце-то....

— И какъ вамъ предлагать четвертню не стыдно... Гимназія — восемь лѣтъ, университетъ — четыре... Да-съ, двѣнадцать лѣтъ, а вы—четвертню!

Эти разсужденія тянулись очень долго, причемъ Александръ Петровичъ продолжалъ волноваться, а чуйка покачивала головой и изрѣдка даже вздыхала. Однако, при уступчивости той и другой стороны, дѣло кончалось на радужной. Деньги выкладывались на столъ, и, немного погодя, Александръ Петровичъ съ довольнымъ лицомъ выходилъ изъ кабинета.

— Каковъ мошенникъ! жаловался онъ: — четвертню! Слышалъ? Это онъ свой товаръ хочетъ на чужое имя перевести, чтобы отъ долговъ отдѣлаться, а сотенной жалко. Да для чего же я въ самомъ дѣлѣ учился? Двѣнадцать лѣтъ! Шутка! Да этакъ я бы лучше на службу...

Разсужденія прерывались появленіемъ толстаго краснолицаго купца въ длиннополомъ сюртукѣ и сапогахъ на выпускѣ. Его сопровождалъ франтоватый малый, очевидно, «молодецъ». Купецъ грузно опускался въ кресло и начиналъ отпыхиваться. Александръ Петровичъ вертѣлся и ждалъ около новаго клиента.

— Ну вотъ, братецъ, это самый свидѣтель и есть, объяснялъ купецъ:—спроси-ка его... чтобы покажуратиѣ.

— Мы его, Семень Семенычъ, навостримъ! радовался Александръ Петровичъ.

— То-то. Ужь ты постарайся... Чтобъ въ лучшемъ видѣ... А ты, Гаврило, примѣчай...

— Выручимъ, Семень Семенычъ, продолжалъ радоваться мой пріятель.— Не безпокойтесь. Ну-съ, такъ какъ-же?..

Но молодець, къ которому обращался Александръ Петровичъ, только улыбался и, наклонивъ набокъ напوماженную голову, неловко маялся на мѣстѣ.

— Ну, какъ-же? Семень Семенычъ ее билъ?

— А ты отвѣчай! поощрялъ Семень Семенычъ, видя, что молодець мнется.— Тутъ можно... безъ опаски...

— Вы—правду! наставлялъ и Александръ Петровичъ.

Молодець откашлялся и совсѣмъ скривилъ шею.

— Точно, толкнули маленько.

— Маленько! Ха, ха, маленько! Объ уголь головой, а потомъ по животу ногами... Ха, ха! заливался мой пріятель и весело подмигивалъ Семену Семенычу.

— Да ты самъ подумай... Ну, какъ ей не бить, шельму... Другой бы, кажется...

Допрось молодца продолжался довольно долго, причеъ Александръ Петровичъ очень часто останавливалъ свидѣтеля и внушалъ ему, что о такомъ-то фактѣ надо умолчать, о томъ-то показать вотъ такъ.

— А ты у меня замѣчай, грозилъ толстымъ пальцемъ Семень Семенычъ.

— Будьте покойны. Намъ что-же! обладеживалъ молодець.

— Не видалъ-молъ, да и только... А ты бы ему, Александръ Петровичъ, на бумажку, въ какомъ, то есть, смыслѣ.

Для ббльшей вразумительности Семень Семенычъ чертилъ пальцемъ по своей ладони. Наконецъ, наставленія были кончены. Мой пріятель возвращался ко мнѣ и заливался веселымъ смѣхомъ.

— Вотъ, братъ, видѣлъ? Ну, плуты! Дѣлъ у него столько, что страсть, а мнѣ на руку. Женщину какую-то побилъ, такъ что та выкинула. Вотъ и бонтся. Разъ чтѣ было... Вексель ему для уплаты представили, а онъ не будь глупъ: поважите. Тотъ съ дуру-то и дай, а Семень Семенычъ его въ ротъ. Пока кредиторъ кричалъ—кончено...

Я качалъ головой, и это движеніе Александръ Петровичъ, должно быть, принималъ за знакъ недовѣрія.

— Вѣрно, настаивалъ онъ.— Я-же и повѣреннымъ у него по этому дѣлу былъ. Выиграли... Теперь хочеть преслѣдовать кре-

дитора за клевету. Такой гусь, что чудо! Меня уж очень полюбилъ. Только бы вотъ это дѣло о женщинѣ намъ выиграть. Пять сотенныхъ обѣщаль, да и прибавить еще, пожалуй, если подь веселую руку. Въ тотъ разъ двѣ четвертныхъ накинугъ.

Но увы! эти скромныя радости омрачались очень нерѣдко. У Александра Петровича то и дѣло можно было встрѣтить полного, усатаго господина, по всему видно отставнаго военнаго. При видѣ этого субъекта на лицѣ моего пріятеля всякій разъ появлялось желаніе куда-нибудь скрыться. Иногда ему даже удавалось притаиться гдѣ-нибудь за дверью, но толстякъ все-таки замѣчалъ.

— Это я, а! басилъ онъ на весь домъ:—какъ здоровье?

Александръ Петровичъ выскакивалъ изъ своего убѣжища и начиналъ весело трясти руку посѣтителя. На лицѣ онъ старался въ это время изобразить полнѣйшее удовольствіе, но гдѣ-то въ углу губъ и въ глазахъ читалось совершенно противоположное чувство.

— Ну что, басилъ толстякъ: — дѣльце-то Пахомова прошло? Славно! Сказывалъ, сказывалъ онъ мнѣ... Отлично!

— Да, да, оправдали, сустился Александръ Петровичъ, вынимая изъ стола сигары и при этомъ, словно съ досадою, хлопая ящичкомъ.—Оправдали.

— Поздравляю... И мнѣ встати, очень ужъ встати.

Толстякъ смѣялся. Послѣ этого слѣдовалъ разговоръ о какихъ-то процентахъ; Александръ Петровичъ опять лазилъ въ столъ, вынималъ деньги и вручалъ ихъ посѣтителю.

— А вотъ что, говорилъ тотъ, медленно обгрызая сигару и потомъ старательно облизывая ее со всѣхъ сторонъ: — еще къ вамъ, другъ любезный, просьба.

— Ахъ, сдѣлайте милости!

— Такъ вчера проигрался, что бѣда (толстякъ вздыхалъ и отчаянно махалъ рукою)! Сколько разъ даю себѣ зарокъ не садиться съ этимъ Вертуновымъ...

— Да, онъ, дѣйствительно... ему счастье, бормоталъ Александръ Петровичъ и начиналъ упорно косить глаза куда-то въ уголъ. Мнѣ было ясно видно, что на лицѣ его появилось выраженіе полного отчаянія.

— Не стѣсня васъ, дня на три, не больше, четвертною? Вы, впрочемъ, безъ церемоніи... если можно?

— О, пожалуйста, какъ-то выкрикивалъ мой пріятель и опять принимался хлонать ящникомъ стола.

Толстякъ присоединялъ къ полученнымъ деньгамъ четвертную и, продолжая разсуждать о вчерашнемъ проигрышѣ, смаковалъ сигару.

— Хороша! Вотъ что значить быть адвокатомъ... Ну, за деньги большое спасибо. Отдамъ скоро.

— Ничего, не безпокойтесь.

— А дѣльце опять какъ-нибудь на дняхъ будетъ. Ужъ я тамъ стараюсь. Одинъ мужичекъ, плохонькій, да вы его не жалѣйте: найдеть.

— Конечно.

— Тоже мѣщанинъ одинъ. Деньги есть у каналы, а казеннаго защитника хочеть.

— А вы его припугните. Наговорите того, другого.

— Ужъ я знаю; устроимъ.

Толстякъ уходилъ, и, проводивъ его, Александръ Петровичъ съ медовольнымъ видомъ возвращался изъ передней.

— Вотъ четвертная и улетѣла, разводилъ онъ руками. — А не дать нельзя. Смотритель замка, дѣла доставляетъ.

— Отдасть! успокоиваю я; но Александръ Петровичъ только посвистывалъ.

— Ну нѣтъ, это дудки! Онъ у меня агентъ своего рода: между арестантами молву обо мнѣ раздуваетъ. Наговорить имъ того, другого. Конечно, какія это дѣла! Двадцать, пятнадцать рублей, народъ все сѣрый, бѣдота, а все-же въ судѣ тебя видятъ. А вотъ ему, смотрителю-то, хорошо. Онъ съ арестанта возьметъ за то, что на меня укажетъ, съ меня потомъ за рекомендацію извѣстный процентъ по каждому дѣлу, да, кромѣ того, такъ иногда. Сильно они насъ обдираютъ. Вотъ прошлый годъ я, можетъ быть, тысячь пять заработалъ, а спроси: много ли осталось? Навѣрное, половину проугощаль, да вотъ этакимъ агентамъ роздалъ.

— Будто и всё такъ?

— Конечно, нѣтъ. Извѣстный адвокатъ давать не станеть, а на первыхъ порахъ нашему брату нельзя. Въ зубахъ надо у всѣхъ навязнуть. Хватай дѣла, количествомъ бери—вотъ къ тебѣ и приглядятся. Времена, братецъ, не тѣ нынче стали.

Онъ грустно покачивалъ головой и, забывая объ улетѣвшей четвертной, сѣзжалъ на свою любимую тѣму. Въ теченіи дѣлаго часа я слушалъ разсказы о томъ, что было прежде, когда только что открывались новыя учрежденія.

— Тогда за самые пустяки кушами брали. Ну вотъ, хоть бы

Александръ Ивановичъ. Онъ за вводъ во владѣніе съ одной купчихи 10,000 получилъ. За одно прошеніе! Два всего слова: «прошу ввести»—и только. Всякій писецъ за рубль напишетъ, а онъ 10,000. Конечно, можетъ быть, онъ и припугнулъ чѣмъ-нибудь купчиху. Ну, насказалъ ей того, другого. А ты поди-ка теперь ихъ напугай?

И онъ долго жаловался на то, каковы теперь стали кліенты, какъ они сами ведутъ дѣла и т. п.

— Тутъ, братъ, ухо остро держать надо, а то какъ разъ... Иной мошенникъ-кліентъ только того и глядитъ...

Пользуясь расположеніемъ Александра Петровича, я старался иногда узнать отъ него, какими правилами руководствуется онъ при выборѣ дѣлъ и вообще въ своей дѣятельности.

— Какими правилами! восклицалъ мой пріятель: — у насъ, братецъ, одно правило: не зѣвай! Какъ можно больше бери впередъ, а не взялъ, да еще, сохрани Богъ, не довзыскалъ чего-нибудь—ниши: пропало!

— Нѣтъ, я вотъ объ чемъ. Вѣдь обращаете же вы вниманіе на самое дѣло, ну на людей, наконецъ, которые вамъ довѣряютъ...

— Конечно. Еще-бы. За одно дѣло—одна цѣна, за другое—другая. Иногда, особенно, какъ на перебой съ другими адвокатами пойдешь, и меньше таксы возьмешь. Ну, и по кліенту глядя. Съ однимъ можно, пожалуй, и условія не заключать, зато съ другимъ...

— Нѣтъ, все это не то.

— Да ты о чемъ-же?

— Я, братъ, о нравственной подкладкѣ дѣла...

Въ большинствѣ случаевъ, въ отвѣтъ на такіе вопросы Александръ Петровичъ только уставлялъ на меня глаза и потомъ начиналъ лукаво подмигивать. Но иногда, особенно въ тѣ дни, когда ему удавалось обдѣлать какое-нибудь порядочное дѣльце, мой пріятель былъ не прочь и пофилософствовать. Впрочемъ, философія его имѣла видъ какого-то бормотанья.

— Нравственная подкладка... гм... да! Ну это, братъ... Да что я, судья что-ли? Вѣдь я не судить, а помочь кліенту долженъ. Стало быть, и докторъ обращать вниманіе на людей долженъ? а? Этакъ иной только хорошенькихъ барынь лечить захочетъ... Нравственная подкладка! Ну нѣтъ, братъ... Да что тутъ!

И такъ далѣе, все въ этомъ родѣ. А между тѣмъ, онъ былъ очень краснорѣчивъ въ другихъ случаяхъ... Очевидно, онъ даже и не думалъ о томъ, что у дѣла можетъ быть какая-то нрав-

ственная подкладка, и вслѣдствіе этого ничего не могъ даже сказать по этому поводу.

Въ это время съ Александромъ Петровичемъ случались по истинѣ печальныя исторіи. Одна изъ нихъ особенно осталась въ моей памяти. Помню, одинъ разъ я засталъ своего пріятеля въ самомъ радостномъ настроеніи духа. Съ молоткомъ въ рукахъ онъ вертѣлся около только-что вывѣшеннаго при самомъ входѣ въ залъ объявленія. Оказалось, что Александръ Петровичъ только-что привелъ въ исполненіе свое давнипшее намѣреніе обложить платой всѣхъ, кто прибѣгаетъ къ нему за какими бы то ни было совѣтами, и теперь, любуясь на объявленіе, весело посвистывалъ.

— Вотъ, братецъ, дѣло-то я устроилъ, привѣтствовалъ онъ меня, не давъ даже какъ слѣдуетъ полюбоваться на новое объявленіе:—вотъ такъ устроилъ! Вексель одинъ у меня былъ на три тысячи. Думалъ, ничего получить не придется, и вдругъ сегодня... двѣ тысячи!!!

— Поздравляю.

— Да. И должникъ-то пройдоха... заклялся, забожился! Полторы давалъ, да я попридержался.

Лицо его такъ и цвѣло, глаза сіяли. Онъ бросился къ зеркалу, поправилъ свои тщательно расчесанные волосы и, охорашиваясь, продолжалъ хвастать.

— Ужинать меня пригласилъ... Ѣдемъ вмѣстѣ!

И вотъ, вечеромъ мы очутились въ какомъ-то трактирѣ. — Около столовъ, по обыкновенію, ютился народъ. Нангрывала машина. Туда и сюда бѣгали половые. Должникъ, купецъ, довольно приличный съ виду, ужъ дождался и, должно быть, немного зарядилъ отъ скуки. Александръ Петровичъ представилъ меня, какъ своего пріятеля. Началось пьянство. Купецъ ежеминутно подливалъ въ стаканы и не хотѣлъ слушать никакихъ отговорокъ.

— По дѣлу надо! Велики твои дѣла! отвѣчалъ онъ на всѣ возраженія Александра Петровича: — деньги получать умѣлъ? Пей-ка!

Угощая своего противника, купецъ пьянѣлъ все больше и больше. Глаза у него дѣлались стеклянными. Онъ поминутно трепалъ по плечу Александра Петровича и какъ-то особенно посмѣивался.

— Ахъ, Сашка, Сашка! Ужъ и адвокатъ-же ты... натко! качаль онъ головой.

Амбицію Александра Петровича немного задѣвала такая фамиллярность.

— Да-съ, адвокатъ, обидчиво возражалъ онъ и, слегка пожимая плечами, поглядывалъ на меня, какъ-бы давая понять, что словами пьянаго обижаться не стоить.

— Адвокатъ! А вѣдь я тебя вотъ какимъ зналъ!

Купецъ отмѣривалъ отъ полу съ аршинъ и немедленно принимался подливать въ стаканы.

— Да. Такимъ я тебя знавалъ, а ты вотъ противъ меня пошелъ. И тебѣ не стыдно? а? не стыдно?

— Что же мнѣ стыдиться? Это—моя обязанность.

— Обязанность! А развѣ ты забылъ, какія я тебѣ дѣла предоставлялъ... Вѣдь, еслибы не я, ты бы съ голоду, можетъ, подохъ! Не помнишь? Ахъ, братецъ, ахъ!

Купецъ грозилъ пальцемъ, но замѣчая, что Александръ Петровичъ все чаще и чаще поглядываетъ на свою шляпу, смирался. Ему, какъ видно, не хотѣлось, чтобы компанія разстраивалась. Отдавалось приказаніе о новыхъ бутылкахъ. Ставаны были опять полны. Мой пріятель, посвятивъ, разгуливалъ по трактиру и запускалъ глаза на сосѣдній столъ, гдѣ сидѣлъ съ компаніей одинъ видный коммерсантъ.

— Вотъ съ нимъ бы познакомиться, мечталъ Александръ Петровичъ, пользуясь отсутствіемъ своего собутыльника: — у этого вотъ дѣла, такъ дѣла! А нашъ что!

Онъ кивалъ головой на должника, который неровными шагами приближался къ столу и грузно валился на диванъ... Все дѣло, можетъ быть, кончилось бы благополучно, еслибы только Александръ Петровичъ забылъ о своей амбиціи.

— Что, адвокатъ, не пьешь? возобновилъ пьяный кліентъ свое приставанье: — да, братецъ, стыдно! стыдно тебѣ противъ меня идти! отъ меня ты хлѣба тоже ѣлъ не мало! Ахъ, ты, аблакать, аблакать!

— Адвокатъ, то есть.

— Нѣтъ, не адвокатъ. Вся цѣна-то тебѣ—вотъ!

Для ббльшей наглядности купецъ плюнулъ и, шаркая по полу ногой, съ усмѣшкой смотрѣлъ на Александра Петровича. Послѣдній слегка обидѣлся.

— Однако, съ васъ вотъ денежки получилъ! укололъ онъ купца.

Это было каплей, переполнившей чашу. Купецъ разразился самымъ веселымъ смѣхомъ.

— Двѣ тысячи онъ съ меня получилъ, а туда же... хвалится! Ахъ ты! ахъ ты! ты! ты! Да знаешь-ли ты, еслибы ты былъ поумнѣе... Только маленько придержишься ты, вѣдь я бы тебѣ всё отдалъ, да и проценты бы заплатилъ! А то... на-ка! Ахъ, ахъ, ахъ!

Александръ Петровичъ точно остолбѣнѣлъ и вытаращенными глазами глядѣлъ то на меня, то на нашего амфитріона, который, держась за бока, продолжалъ оглашать трактиръ веселымъ хохотомъ.

И вдругъ, онъ совсѣмъ неожиданно приподнялся съ дивана, и, громко отхаркавшись, плюнуть... Мы схватились за шляпы.

На Александрѣ Петровичѣ не было лица, когда мы выскочили изъ трактира. Но я до сихъ поръ не знаю, что больше всего поразило его, то ли, что онъ совершенно незаслуженно получилъ оскорбленіе отъ Ивана Кириича, или что другое. По крайней мѣрѣ, всю дорогу онъ тосковалъ о томъ, что далъ маху. Только замѣтивъ мои удивленные взгляды, онъ какъ-то вскользь упомянулъ и объ томъ, что съ амфитріономъ надо раздѣляться.

Но онъ не только не «раздѣлялся», но, къ удивленію моему, примѣрно дня черезъ три послѣ этого происшествія, я вновь встрѣтилъ моего пріятеля около того самаго трактира, откуда мы бѣжали съ такимъ срамомъ. Александръ Петровичъ выходилъ оттуда вибѣстѣ съ бывшимъ нашимъ амфитріономъ и что-то необыкновенно горячо доказывалъ. О неприязни, какъ видно, между ними не было и помину.

— Только ты меня, смотри, не продай, дружески говорилъ купецъ:— а то вашъ братъ тоже...

Конца разговора я не слыхалъ, но Александръ Петровичъ потомъ рассказывалъ мнѣ, что купецъ будто бы самъ пріѣзжалъ просить прощенья и умолялъ взять дѣло за какой-то неслышанный гонораръ. Съ этимъ дѣломъ Александръ Петровичъ очень долго посидѣлъ, но потомъ какъ-то вдругъ смолкъ и даже неохотно отвѣчалъ на мои разспросы.

Нѣсколько времени онъ былъ не въ духѣ. На его лицѣ появились какіе-то подозрительные, точно боевые знаки. По его словамъ, виной всему былъ пьяный извозчикъ, свалившій моего пріятеля на мостовую. Всему этому я отъ души вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока одинъ разъ, разгуливая съ Александромъ Петровичемъ, мы чуть не столкнулись съ амфитріономъ.

Мой пріятель, который въ эту минуту съ упоеніемъ рассказывалъ о томъ, какъ какой-то адвокатъ до-чиста ободралъ своего довѣрителя, вдругъ смолкъ и опрометью кинулся въ ближайшій переулокъ.

— Дѣла проигрывать!!! неслось ему въ догонку:—я тебѣ, погоди, еще не такихъ наставлю! Ахъ! ахъ! ахъ!

Послѣ происшествій, въ родѣ случая съ Иваномъ Кипріяновичемъ, мой пріятель нѣсколько дней ходилъ грустный. Между тѣмъ, въ это время, какъ нарочно, совершались такіа событія, которыя еще больше увеличивали его грусть. По городу вдругъ разносился слухъ, что какой-нибудь до сихъ поръ почти вовсе неизвѣстный адвокатъ хватилъ такой гонораръ, о которомъ и прежде было не часто слышно. Или вдругъ начиналъ говорить, что открыта какая-то необыкновенная шайка мошенниковъ, которая дочиста разграбила какой-то банкъ. Александръ Петровичъ мѣнялся въ лицѣ при этихъ извѣстіяхъ и начиналъ немилосердно суетиться. Ему хотѣлось какинъ бы то ни было образомъ попасть въ число защитниковъ. Съ этой цѣлью онъ, какъ угорѣлый, бѣгалъ съ утра и до ночи по разнымъ мѣстамъ, безпрестанно торчалъ въ театрѣ, ѣздилъ по загороднымъ гуляньямъ. Всѣ мысли его были направлены на то, чтобы такъ или иначе привлечь вниманіе веселаго, толстаго купца, который тоже чуть не ежедневно показывался на гуляньяхъ и неистово грохоталъ при взвизгиваніяхъ цыганокъ.

— Гляди! Вонъ онъ! съ какинъ-то благоговѣйнымъ шопотомъ поталкивалъ меня Александръ Петровичъ, завидя веселаго коммерсанта.

— Кто?

— Мѣшалкинъ. По банку онъ главный, самый главный... неужто не знаешь?

Но Мѣшалкинъ, какъ ни юлилъ передъ нимъ мой пріятель, не обращалъ на него никакого вниманія. Напротивъ, онъ сталъ все чаще и чаще появляться подъ ручку съ однимъ извѣстнымъ адвокатомъ. Александръ Петровичъ готовъ былъ провалиться сквозь землю отъ зависти.

— Значить, ужъ взялъ! скорбѣлъ онъ:—вотъ, чай, хватилъ!

Немного погодя, мой пріятель начиналъ успокоиваться, тѣмъ болѣе, что мечты о защитѣ Мѣшалкина не могли быть серьезны. На такого крупнаго дѣятеля облизывалась чуть не сотня другихъ гораздо болѣе извѣстныхъ адвокатовъ.

Но являлись другія испытанія. На наши глаза все чаще и чаще сталъ попадать нашъ же товарищъ Камешковъ. Каждый разъ, какъ ни усядемся мы у окна потолковать о томъ, какъ прежде было хорошо адвокатамъ, воласка Камешкова непремѣнно

появилась на улицѣ, и самъ онъ, совсѣмъ лежа на подушкахъ, посылалъ намъ воздушные поцѣлуи. Александръ Петровичъ опять мѣшался въ лицѣ.

— Вѣдь съ нами на одномъ курсѣ были! чуть не плакалъ онъ, отскакивая отъ окна:—а теперь... гляди, коляска, лошади...

— Чай, въ долгъ все, пробовалъ я утѣшить его; но слова мои не помогли, и Александръ Петровичъ только отчаянно махалъ рукой.

— Да что! Ты посмотри, у него въ судѣ все куплено, всѣ писцы на откупу. Чуть проситель заикнется о томъ, чтобы ему кто-нибудь прошеніе написалъ, они его сейчасъ къ Камешкову. А онъ, конечно, свое дѣло знаетъ. И ему, да и писцу выгодно, потому онъ съ Камешкова красную за рекомендацію получаетъ.

— Неужели?

— Вѣрно, красную. А ужъ самъ Камешковъ, не безпокойся, себя не обидитъ. Отъ него клиентъ не уйдетъ; онъ того ему скажетъ, что тотъ что угодно дастъ, только дѣло возьми! А прежде, помнишь—кто бы могъ подумать!

При этихъ разсказахъ Александръ Петровичъ приходилъ въ такое волненіе, что чуть не плакалъ и начиналъ по пальцамъ вычислять доходы Камешкова.

— Обстановка у него одна чего стѣбитъ. Квартира — тысячи двѣ, ну, барыня, лошади... Да что тутъ! Ловокъ! Безъ ловкости въ этомъ дѣлѣ ничего не подѣлаешь!

Камешковъ черезъ нѣсколько времени проѣзжалъ обратно, но Александръ Петровичъ даже не смотрѣлъ въ окно. Опустивъ голову, онъ ходилъ по комнатѣ и вздыхалъ. Его недавнее волненіе смѣнялось тихой грустью.

— Пожить всякому хочется, говорилъ онъ:—а какія у меня дѣла! Чѣмъ станешь жить? Еслибы у меня отецъ былъ другой человѣкъ... какое у него мѣсто было! Вотъ, братъ, мѣсто такъ мѣсто! Ну, честность заѣла! а могъ бы, очень бы могъ, и даже безъ всякихъ подлостей! Тогда бы и намъ послѣ него осталось.

Во время этихъ разговоровъ на противоположной сторонѣ улицы появилась молодой человѣкъ. Завидя его, Александръ Петровичъ вдругъ кидался къ окну, но мгновенно, точно сообразивъ что-то, прятался въ глубину комнаты.

— Смотри, смотри, куда онъ идетъ, показывать онъ мнѣ на молодого человѣка:—къ Андреевымъ? Отлично!

Немного погодя, Александръ Петровичъ ужъ натягивалъ перчатки и старательно отчищалъ свою шляпу. На лицѣ его свѣтилась надежда.

— Давно я ловлю этого барина, разсказывалъ онъ мнѣ о мо-

лодомъ человѣкъ:—мать у него умерла. Дѣло о наслѣдствѣ непременно будетъ. Надо постараться, нельзя ли получить довѣренности. Ужь я давно стараюсь попасть ему на глаза. Сегодня и противника въ одномъ домѣ встрѣчу. Можетъ быть, который-нибудь изъ двухъ и довѣрять.

И онъ летѣлъ къ Андреевымъ, весь разцѣтая при мысли о возможности попасть на глаза молодому человѣку.

Тѣмъ не менѣе, въ началѣ адвокатской дѣятельности моего пріятеля бывали такіе моменты, когда онъ торжествовалъ надъ всѣми препятствіями. Я помню, напримѣръ, такой случай.

Въ то время, Александръ Петровичъ очень долго путался съ такимъ отвратительнымъ субъектомъ, къ которому даже подойти близко было противно. Невысокаго роста, худенькій, съ лисьимъ, испещреннымъ веснушками лицомъ, съ узенькой рыжей бородкой—этотъ человѣкъ былъ олицетвореніемъ подлости. Онъ никогда не смотрѣлъ прямо, а какъ будто старался спрятать свои глаза, и только, когда онъ думалъ, что никто не глядитъ на него, онъ начиналъ вдругъ необыкновенно быстро поводить ими во всѣ стороны, какъ бы высматривая добычу. Входя въ пріемную комнату Александра Петровича, клиентъ этотъ непременно крался вдоль стѣны, робко перебирая въ рукахъ шапку, а въ разговорѣ поминутно хихикалъ гаденькимъ подозрительнымъ смѣхомъ.

Александръ Петровичъ безпрестанно ѣдилъ съ этимъ клиентомъ по судамъ. Они строчили бумаги, распивали чай въ трактирахъ и вели между собой самыя сокровенныя бесѣды. Разговоры всегда происходили шопотомъ, причемъ клиентъ всякій разъ еще непременно освѣдомлялся, заперты ли двери.

— Мошенникъ! рекомендовалъ мнѣ его Александръ Петровичъ:—Дудочкинъ, здѣшній купецъ. Однако, богатъ...

Произнеся эту рекомендацію, онъ заливался веселымъ смѣхомъ и таниственнно шепталъ мнѣ на ухо:

— По векселямъ платить не хочетъ, хоть и признается, что долженъ. Вотъ мы съ нимъ и кантелимся. Отбояримся.

Канитель эта тянулась долго. Наконецъ, Дудочкинъ и Александръ Петровичъ явились домой съ сіяющими лицами. У Дудочкина глаза такъ и искрились отъ восторга.

— Вотъ такъ удружил! Ну-съ, теперь рассчитаемся, весело хихикалъ онъ:—сколько вамъ придется?

— Сколько? Развѣ забыли?

— Да запоматовавъ.

— Тысяча.

Дудочкинъ, повидимому, пришелъ въ изумленіе, но Александръ Петровичъ помнилъ твердо.

— Да съ, Егоръ Ефремычъ, тысяча рубликовъ-съ, повторилъ онъ совершенно вразумительно.

Но Дудочкинъ изумлялся все больше и больше и даже укорительно трясъ головой.

— Ахъ, Александръ Петровичъ, Александръ Петровичъ! А я-то объ васъ думалъ... Это за два-то слова... А-а-ахъ!

— А вы бы сами ихъ и говорили!

— Не умѣемъ-съ.

— Вотъ я за то съ васъ и беру, что вы не умѣете, а я умѣю. Вы бы съ мое учились...

Послѣдовалъ обычный разговоръ объ ученѣй, причемъ Александръ Петровичъ опять исчислялъ по пальцамъ, сколько лѣтъ онъ провелъ въ гимназій, сколько—въ университетѣ. Но всѣ эти аргументы не убѣдили Дудочкина. На его лицѣ появилось очень хитрое выраженіе. Онъ даже взялся за шапку и, прищуривъ свои узенькіе глаза, такъ посматривалъ на моего пріятеля, какъ будто бы хотѣлъ надъ нимъ потѣшиться.

— Ну, двѣсти рубликовъ... а? двѣсти... а? довольно будетъ?

— Тысяча и ни копейки меньше.

— Ну, такъ и быть — двѣсти пятьдесятъ! за глаза, право, за глаза!

Но Александръ Петровичъ стоялъ на своемъ и вызывающимъ образомъ посматривалъ на Дудочкина.

— Какъ вамъ угодно, какъ угодно! съ видомъ сожалѣнія говорилъ послѣдній: — а и двѣсти пятьдесятъ — деньги большія... Подитка, наживи ихъ...

— Тысяча!

— Да, и двѣсти пятьдесятъ на землѣ не поднимаешь! Надо бы брать. А впрочемъ, вѣдь вы, Александръ Петровичъ, можете, съ меня по условію всѣ взнцете?

Мой пріятель, вмѣсто отвѣта, вынулъ изъ кармана какую-то бумажку, поднесъ ее на мгновеніе къ глазамъ Дудочкина и затѣмъ съ самымъ спокойнымъ видомъ изорвалъ на мелкіе клочки.

— Вотъ ваше условіе, отрѣзалъ онъ.

Дудочкинъ сначала остолебѣлъ, но потомъ въ глазахъ его засвѣтилась самая непритворная радость, и онъ съ веселымъ смѣхомъ кинулся изъ кабинета.

— Значить, въ расчетъ? хи, хи... Прощенья просимъ! доносились до меня его восторженные возгласы. Но вдругъ онъ взглянулъ въ находящіяся въ его рукахъ бумаги и мгновенно

притихъ. Выраженіе его лица измѣнилось, и даже всегда бѣгающіе по сторонамъ глаза остановились.

— А какъ-же, Александръ Петровичъ, документикъ? Боржоталъ онъ.

На этотъ разъ изумился уже мой пріятель.

— Какой документикъ?..

— Какъ какой... Вы вѣдь отъ меня получили — о товарѣ?

— Не помню.

— Помилуйте, такъ нельзя-съ... Я сейчасъ къ прокурору, попробовалъ-было Дудочкинъ. Но эта угроза вызвала только самый веселый хохотъ со стороны Александра Петровича.

— Къ прокурору!.. Ха, ха, ха! Да хоть къ тремъ, хоть къ четыремъ, другъ любезный! Гдѣ росписка, что я взялъ документъ?

— Помилуйте! онъ у васъ въ карманѣ...

— Въ карманѣ! Мало ли что у меня въ карманѣ... Что-же вы стойте? Вѣдь ужъ простились... до свиданья!

Но Дудочкинъ неподвижно стоялъ на мѣстѣ и только покачивалъ головой. Нѣсколько секундъ погода, Александръ Петровичъ уже считалъ деньги.

— Пятьсотъ, шестьсотъ... Коли я еще дѣло будетъ, Егоръ Ефремычъ — не забывайте! заходите.

Дудочкинъ, съ своей стороны, увѣрялъ, что онъ хотѣлъ только пошутить, предлагая 250 р. вмѣсто тысячи, и обѣщался непременно придти съ новыми дѣлами.

— Ужъ и мастеръ же вы, Александръ Петровичъ! хвалилъ онъ.

— Я бы могъ еще больше съ васъ запросить, да не хочу. Уговоръ помню, отвѣчалъ мой пріятель.

Нѣсколько дней сряду Александръ Петровичъ ходилъ внѣ себя отъ восторга и всѣмъ, и каждому рассказывалъ о своемъ подвигѣ.

— Надуть хотѣлъ, хохоталъ онъ: — да нѣтъ, братъ, стой!

И онъ пускался въ самыя подробныя объясненія. Оказывалось, что Дудочкинъ въ попыткахъ на судѣ передалъ Александру Петровичу какой-то очень важный контрактъ, которымъ мой пріятель потомъ и воспользовался. Если ктонибудь изъ неопытныхъ замѣчалъ, что, поступая такимъ образомъ, Александръ Петровичъ на будущее время потерялъ клиента, то пріятель мой только хохоталъ и съ веселымъ подмигиваніемъ увѣрялъ, что отъ Дудочкина, напротивъ, ему не будетъ отбоя. И онъ былъ правъ. Дѣйствительно, не только самъ Егоръ Ефремычъ не обходилъ съ дѣлами моего пріятеля, но даже слалъ къ нему всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

— Только съ нимъ ты, другъ, тово... Обдѣляетъ! совѣтовалъ Егоръ Ефремычъ.

Израда, мы вмѣстѣ ходили въ судъ. Тамъ въ залахъ и корридорахъ происходило какое-то вавилонское столпотвореніе. Летали юркіе писцы съ ворохами бумагъ подъ мышкой, съ сознаниемъ собственнаго достоинства двигались шитые мундиры, толпились сюртуки, чуйки, жались къ сторонкѣ сермяжные кафтаны, и среди всего этого разнороднаго люда ловко шныряли по всѣмъ направленіямъ черные фраки съ толстыми портфелями въ рукахъ. Въ судѣ Александръ Петровичъ совершенно измѣнился. Здѣсь онъ не только не жаловался на недостатокъ дѣлъ, но напротивъ, ловко помахивая своимъ портфелемъ (въ которомъ зачастую была только одна чистая бумага), на право и на лѣво хвасталъ, что не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ кліентовъ. Онъ точно нырялъ въ этой толпѣ, наполняющей корридоры, появляясь то тамъ, то сямъ, прислушивался, нюхалъ воздухъ и имѣлъ такой видъ, что, кажется, только стоило махнуть кредитной, чтобы онъ устремился куда угодно. Онъ удивительно напоминалъ мнѣ въ это время тѣхъ барынь, которыя въ извѣстные часы тащатъ свои хвосты по тротуарамъ Кузнецкаго Моста, стрѣляя во всѣхъ проходящихъ мужчинъ глазами.

Летая по суду, онъ былъ весь слухъ и вниманіе, а потому ежеминутно указывалъ мнѣ на что нибудь замѣчательное.

— Тс... Василій Владимірычъ идетъ! вдругъ раздавался надъ моимъ ухомъ его благоговѣйный шопотъ, и онъ начиналъ раскланиваться съ толстенкиимъ на коротенькихъ ножкахъ адвокатомъ, который, повертывая во всѣ стороны свою лысую голову и немилосердно гримасничая, торжественно двигался по корридору. — А вчерашнее ваше дѣльце, Василій Владимірычъ, очень интересно!

Василій Владимірычъ на минуту останавливалъ на моемъ пріятелѣ глаза, потомъ вдругъ прищуривалъ ихъ и какъ-то странно скривлялъ на бокъ все лицо.

— Интересно? А-а!.. Удивляюсь, какія это такія дѣла интересны! изрекалъ онъ хриплымъ, словно съ перепоя пропавшимъ голосомъ: — я знаю только одно: есть дѣла денежныя и недежныя!

При послѣднихъ словахъ, онъ вдругъ придавалъ своей физиономіи кислое выраженіе и, показавъ кукишъ (что должно было

изображать, какъ цѣнить безденежныя дѣла (Василій Владимірычъ) слѣдовалъ дальше.

Мой пріятель заливался смѣхомъ и, поглядывая вслѣдъ знаменитому адвокату, цѣлыхъ полчаса повѣствоваль мнѣ объ его подвигахъ.

— Его, можетъ быть, разъ двадцать судили, хвасталъ Александръ Петровичъ.— Да не скоро его поймаешь! Умница. Въ сколькихъ ученыхъ обществахъ онъ состоитъ членомъ, да еще почетнымъ!

Въ восторгѣ отъ доблестей Василя Владимірыча, мой другъ крутилъ головой. Его вниманіе привлекалъ другой адвокатъ, который лебезилъ около купца, очевидно, стараясь убѣдить его въ чемъ-то.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, я бы показалъ имъ!..

— Боязно, сомнѣвался купецъ:— а ну какъ судебныя издержки...

— Нѣтъ-съ. Въ такомъ дѣлѣ не откажутъ-съ! Если ловкому адвокату... Вы только то возьмите: росписки у него нѣтъ.. Не получалъ да и только.

— А если съ присяжными... Ха, ха!

Адвокатъ презрительно свисталъ и, бросивъ на окно портфель, начиналъ вычислять по пальцамъ всѣ шансы на выигрышъ дѣла...

— Вотъ тоже и Матвѣй Иванычъ совѣтуетъ, самъ набивается, замѣчалъ купецъ, очевидно, колеблясь.

— Матвѣй Иванычъ! Да развѣ онъ что-нибудь понимаетъ! Матвѣй Иванычъ! Да я бы ему самаго простого дѣла не повѣрилъ! Нѣтъ, вы выберите кого-нибудь другого. Вотъ я недавно этого самаго Матвѣя Иваныча отдѣлалъ...

Александръ Петровичъ живо смекалъ, въ чемъ дѣло, и я ясно читалъ въ его глазахъ зависть къ ловкому адвокату.

— Отъ платежа подбиваетъ отказать, сообщалъ онъ мнѣ:— и подобеть...

Мимо насъ проходилъ новый адвокатъ съ какимъ-то клиентомъ, повидимому, землевладѣльцемъ.

— Нѣтъ-съ, мы это иначе подстроимъ, торопливо говорилъ адвокатъ:— я этого Каплунова знаю... Нравственная подкладка! Прекрасно-съ. Такъ мы по другому отдѣленію махнемъ ваше дѣльце.

— Ахъ, благодарѣтель!

— Не безпокойтесь. Мы всѣ ходы знаемъ... Мы къ Ивану Алексѣичу направимъ.

Землевладѣлецъ приходилъ въ умиленіе.

— Отлично, отлично. А я къ нему между тѣмъ заѣду, сей-

часъ же. Вѣдь мы вмѣстѣ служили съ Иваномъ Алексѣичемъ. Онъ для меня что угодно!

Дальше волновалась цѣлая толпа адвокатовъ. Шель разговоръ о томъ, что вчера въ уголовномъ засѣданіи вдругъ умеръ одинъ важный подсудимый. Александръ Петровичъ подлеталъ, прислушивался и потомъ задумчиво сообщалъ мнѣ всѣ подробности объ этомъ дѣлѣ...

— Обвинили?

— Да, обвинили, отвѣчалъ онъ такимъ тономъ, что я сейчасъ же смеялся, что въ головѣ моего пріятеля тѣснятся какія-то очень интересныя мысли. Немного погодя, онъ, впрочемъ, ихъ и обнаруживалъ.— Нѣтъ, ты вотъ что подумай: какъ теперь адвокату? Гонораръ-то онъ получилъ или нѣтъ? Интересно.

И онъ отъ всѣхъ и каждого старался получить это свѣдѣніе.

Судьи, адвокаты, прокуроры такъ и мелькали мимо насъ. Благодаря ежесекунднымъ восклицаніямъ Александра Петровича, я былъ знакомъ почти со всѣмъ этимъ міромъ.

— Гляди, вонъ высокій, черный, тамъ на-право, дергалъ онъ меня за руку.—Его, братецъ, въ адвокаты насилу приняли! Отъ дѣла одного обязали отказаться. А ему что! Онъ назавтра цѣлый десятокъ еще лучше напринималъ! Бѣда, какія деньги загребаетъ! Вотъ того, у окна, завтра судить будутъ. Начисто, братецъ, одного клиента обдѣлалъ. А! Иванъ Ивановичъ!

Александръ Петровичъ отвѣгалъ отъ меня и нѣсколько времени разговаривалъ съ какииъ-то адвокатомъ.

— Вотъ дѣльце одно шутя и обдѣлалъ, радовался онъ, возвращаясь ко мнѣ.—Взысканіе на Орель было. Передалъ. Туда ѣдетъ. Маленько обманулъ его, утаилъ. Сказалъ, что за дѣло 10 процентовъ беру, а, вмѣсто того, 15 получаю. Нельзя. Взялся за полвину. Ни за что положу въ карманъ сотню, другую.

— И не боишься ты отдавать дѣла?

— Чего тутъ! Пріятель, вмѣстѣ учились. Не продасть. И человекъ способный. Недавно рѣчь онъ по одному дѣлу произнесъ. Такой рѣчью, особенно въ провинціи, карьеру себѣ можно составить. Въ слезы прошибъ. Сына одного купца защищалъ. Отецъ подсудимаго 1,500 р. заплатилъ, только бы не печаталъ.

Загѣмъ, Александръ Петровичъ опять принимался за рекомендацію своихъ товарищей, и я опять безпрестанно слышалъ самыя неправдоподобныя рассказы объ ихъ подвигахъ. Но иногда попадались въ коридорахъ суда и такіе субъекты, о которыхъ даже мой, повидимому, все знающій пріятель не могъ сказать ничего опредѣленнаго. «Неизвѣстно... Такъ... Темныя дѣла», бормоталъ онъ, съ недоумѣніемъ пожимая плечами. А между

тѣмъ, эти субъекты беззаботно, какъ и всѣ прочіе, порхали по корридорамъ и на ихъ лицахъ ничего, кромѣ веселыхъ улыбокъ, не было видно.

Изрекая по минутно рекомендаціи, Александръ Петровичъ иногда вдругъ замолкалъ и, не отвѣчая даже на мои вопросы, начиналъ внимательно всматриваться въ какого-нибудь сумрачно стоящаго на одномъ мѣстѣ господина. Опытный глазъ его угадывалъ кліента, и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ онъ ужъ леталъ по суду вмѣстѣ съ этимъ господиномъ. Какъ они такъ скоро сходились между собой, мнѣ было положительно непонятно, но не проходило и получаса времени, а Александръ Петровичъ велъ себя съ новымъ кліентомъ такъ, какъ будто бы былъ знакомъ съ нимъ съ рожденія. Оба хихикали, перемигивались, то исчезали въ какой-нибудь канцеляріи, то появлялись въ корридорѣ. Часа черезъ два-три, сумрачный господинъ ужъ стоялъ опять у окна и, отвернувшись въ сторону, считалъ деньги. Мой пріятель торчалъ подлѣ и, повидимому, совершенно былъ углубленъ въ наблюденіе чего-то, происходящаго на дворѣ суда, но въ дѣйствительности то и дѣло запускалъ глаза на кредитки, которыя держалъ сумрачный баринъ. Черезъ минуту, Александръ Петровичъ ужъ хвастался.

— Екатеринбургъ заработалъ, говорилъ онъ кому-нибудь изъ товарищей: — совсѣмъ даромъ. Деньги ему получить было надо, а куда идти, не знаетъ. Ну, показалъ.

— Можеть, поводитъ туда-сюда, для виду только.

— Ну нѣтъ, показалъ какъ слѣдуетъ. Все-таки сотенная.

Но сотенная въ глазахъ собесѣдника моего пріятеля значила немного.

— Вонъ Душкинъ, говорилъ онъ, значительно поднимая брови: — вчера четырнадцать тысячъ хлопнулъ.

Глаза Александра Петровича начинали поблескивать.

— Это по тому дѣлу? Получилъ таки?

— Да. И только за то, что два раза въ Тверь съѣздилъ. Условіе у него было ловко написано.

— На этотъ счетъ онъ — мастеръ!

— Да, мастеръ. Какъ будто и въ пользу довѣрителя написано, а на самомъ дѣлѣ совсѣмъ другое выходить.

— Условіе — это первое дѣло. Я теперь всегда съ неустойкой... Отказать не смѣетъ, а если и откажетъ прежде окончанія дѣла, неустойку подай...

— Да... адвокатурой, что ни говори, а все-же... Ну, развѣ найдешь другое такое занятіе? Иногда даже самъ знаешь, что совсѣмъ даромъ получаешь... Поищите-ка другую такую профессію!

— А прежде и еще лучше было... Ахъ, прежде!

Но особенно я любилъ смотрѣть на Александра Петровича въ судебномъ засѣданіи. Тамъ, онъ положительно удивлялъ меня. Стоило ему только сѣсть на скамью передъ судомъ, и его немедленно покрывала непроницаемая броня безстыдства. Въ то время, какъ другіе адвокаты мямлили иногда передъ судомъ, порой даже краснѣли, Александръ Петровичъ ни на одну секунду не терялъ присутствія духа. Напротивъ, его можно было сколько угодно обливать помоями, онъ только улыбался, и по его глазамъ было ясно видно, что его занимаетъ одна мысль: сколько взяла за дѣло противная сторона и не прогадалъ-ли въ этомъ отношеніи онъ, Александръ Петровичъ? Часто онъ даже свѣтлѣлъ по мѣрѣ того, какъ адвокатъ противной стороны больше и больше уличалъ его въ какой-нибудь пакости. Оглядываясь на публику, онъ, казалось, самъ заботился о томъ, чтобы всѣ слышали, какъ его поносятъ. «Ужъ и я-же его огорошу!» говорили его смѣло устремленные впередъ глаза, и, дѣйствительно, всякій разъ онъ непремѣнно придумывалъ какой-нибудь подвохъ и выигрывалъ дѣло.

Онъ самъ понималъ свое преимущество, но все-таки его бралъ страхъ, когда онъ, стоя со мной въ корридорѣ суда, видѣлъ передъ собой цѣлое море туда и сюда шныряющихъ фраговъ.

— Всѣмъ жить надо! въ раздумьи говорилъ онъ:— да, братецъ, тутъ безъ случая ничего не подѣлаешь. Только бы случай, да настоящій случай... За настоящее дѣло не то, что гонораръ какойнибудь, а самому заплатить можно!

То, чего онъ такъ пламенно желалъ, наконецъ, исполнилось. «Случай» представился, хотя я никакъ не могъ предполагать, что случай можетъ быть такого рода.

Нѣсколько времени Александръ Петровичъ пропадалъ. Онъ не только не заходилъ ко мнѣ, но даже дома его нельзя было застать ни для какого дѣла. За то я довольно часто встрѣчалъ его въ кондитерской или на улицѣ нагруженнымъ цѣлой массой самыхъ изящныхъ бонбоньерокъ. На мои разспросы онъ только махалъ рукой или бормоталъ что-то не совсѣмъ понятное.

— Некогда. Дѣла!

— А бонбоньерки? это что значить? любопытствовалъ я.

— Это... тутъ... такъ, одной знакомой, спѣшилъ онъ отдѣлаться и немедленно скрывался.

Постояннымъ спутникомъ Александра Петровича сдѣлался ка-

кой-то, до сихъ поръ вовсе неизвѣстный мнѣ господинъ, раздуренный, разфранченный, но съ ужасно потасканной физиономіей. Господинъ этотъ, въ фуражкѣ съ цвѣтнымъ околышемъ на головѣ и съ тоненькой тросточкой въ рукѣ, поминутно вставлялъ въ глазъ стеклышко, расплывалъ что-то подъ носъ и глазѣлъ на дамъ, чѣмъ Александръ Петровичъ, повидимому, былъ очень недоволенъ. Мой другъ игралъ при этомъ господинѣ какую-то странную роль. Поминутно они о чемъ-то шептались, и Александръ Петровичъ, замѣтно, поучалъ чему-то своего спутника.

— Такъ, тутъ дѣльце одно, отдѣливался онъ отъ моихъ вопросовъ:— некогда... А что, Павелъ Николаичъ, вѣдь намъ идти надо? обращался онъ тотчасъ-же къ своему спутнику.

Попадались они мнѣ и втроемъ. Третье лицо была какая-то, пожалуй, и смазливенькая, но ужасно дураковатая на видъ барынька. Она немилосердно виляла хвостомъ и не спускала глазъ съ Павла Николаича. Послѣдній всегда велъ барыню подъ руку, а Александръ Петровичъ слѣдовалъ гдѣ-нибудь съ боку и, внимательно прислушиваясь къ разговору, дѣлалъ Павлу Николаичу какіе-то таинственные знаки глазами.

Эта исторія тянулась очень долго, и я вовсе не видалъ въ это время Александра Петровича. Онъ всегда слѣшилъ куда-нибудь и замѣтно избѣгалъ меня. Потомъ вдругъ онъ разыскался, по прежнему сталъ бывать у меня, и я ужъ не встрѣчалъ его съ барыней. Павелъ Николаичъ совсѣмъ улетучился. Одинъ разъ (какъ-то очень скоро послѣ того, какъ Александръ Петровичъ разыскался), мы разгуливали по улицамъ и, по обыкновенію, разговаривали о томъ, кому и насколько удалось объегорить какого-нибудь кліента. Вдругъ, изъ-за какого-то угла совершенно неожиданно вывернулась барынька и очутилась лицомъ къ лицу съ Александромъ Петровичемъ.

Мой пріятель, какъ ни въ чемъ не бывало, приподнять шляпу и самымъ любезнымъ образомъ раскланялся; но барынька меня удивила.

— Безсовѣстный вы человекъ! вдругъ выпалила она:— совсѣмъ безсовѣстный человекъ!

Александръ Петровичъ довольно весело улыбулся и прослѣдовалъ дальше.

— А вѣдь я тебѣ и не рассказалъ, сообщилъ онъ мнѣ съ видомъ полнѣйшаго спокойствія:— вѣдь въ дѣло я, братецъ, влетѣлъ.

Я поспѣшилъ удивиться.

— И притомъ въ очень непріятное, прежнимъ тономъ рапор-

товалъ мой другъ и, показавъ на удаляющуюся барыньку, прибавилъ:—ругается!

И онъ съ самымъ непринужденнымъ видомъ разсказалъ все по порядку. Оказалось, что часто встрѣчавшаяся съ Александромъ Петровичемъ барынька была не кто иная, какъ бывшая «штучка» одного богатаго коммерсанта, у которой были скоплены порядочныя деньжонки. Провѣдалъ ли Александръ Петровичъ о послѣднемъ обстоятельствѣ (думаю, что дѣло было именно такъ), или это произошло какъ-нибудь иначе, но только мой пріятель познакомился со «штучкой». У нея (по его словамъ) онъ познакомился съ Павломъ Николаичемъ, но такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ—удостоверить, конечно, нельзя. Практикуя на адвокатскомъ поприщѣ, Александръ Петровичъ научился до того свободно разсказывать всякія небылицы, что никогда нельзя было разобрать, правду онъ говоритъ, или лжетъ. Барынька потому показывала, что съ Павломъ Николаичемъ ее свелъ не кто иной, какъ мой пріятель. Какъ бы тамъ ни было, но только Павелъ Николаичъ вдругъ сдѣлался женихомъ барыньки (и опять-таки, какъ она утверждала, при дѣятельномъ посредничествѣ Александра Петровича) и подъ этимъ именемъ постоянно бывалъ у нея. Къ свадьбѣ шли самыя дѣятельныя приготовленія, но свадьбы не состоялось. Въ одинъ прекрасный день Павелъ Николаичъ исчезъ, предварительно выманивъ у барыньки ея деньги, а также захвативъ по пути великолѣпную соболью муфту. Александръ Петровичъ съ этого дня тоже не показывалъ носа къ своей пріятельницѣ.

— Винить меня, но развѣ это возможно? заключилъ мой пріятель, съ недоумѣніемъ пожимая плечами:—я ему только юридическіе совѣты подавалъ, какъ все это устроить, чтобъ безъ слѣдовъ. А развѣ я зналъ, на что ему нужны мои совѣты? Судья я, что-ли?

— А онъ такъ и исчезъ?

— Куда! дуракъ! Нашли. Сидятъ теперь въ острогѣ; судить будутъ. При чемъ я тутъ, скажи на милость? Развѣ я могъ отказать ему въ совѣтахъ? На что-же я адвокатъ послѣ этого?

Онъ довольно серьезно разсуждалъ на эту тѣму, а потомъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, неожиданно махнулъ передъ моими глазами повѣнькой шапкой изъ соболей самой чистой воды.

— Какова шапò?

Я вдругъ вспомнилъ объ украденной у барыньки муфтѣ, и мнѣ сдѣлалось ужасно неловко. Однако, я похвалилъ шапку.

— Павелъ Николаичъ презентъ сдѣлалъ... за совѣты! объяс-

нялъ Александръ Петровичъ: — вотъ тоже скажутъ: въ кражѣ участвовалъ.

— Да вѣдь у нея, говоришь, муфта пропала...

— Пропала; онъ же и стащилъ. Да я-то воровалъ что-ли съ нимъ? мнѣ какое дѣло?

— Однако...

— Этакъ, братецъ, ежели разбирать...

Черезъ нѣсколько времени его дѣйствительно судили. Но, какъ мнѣ кажется и какъ говорилъ самъ Александръ Петровичъ, время суда было чуть ли не лучшимъ моментомъ въ его жизни. По крайней мѣрѣ, онъ умиляется и съ какимъ-то благоговѣніемъ вспоминаетъ всегда объ этомъ торжественномъ днѣ.

Это понятно. Сперва Александръ Петровичъ, какъ видно, и самъ не придавалъ особеннаго значенія происшествію съ барынькой и никакъ не думалъ, что это есть тотъ «случай», котораго онъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. А между тѣмъ, пришелъ судный день.

Мой пріятель вдругъ сдѣлался героемъ дня. О немъ стали говорить, его именемъ чуть не ежедневно украшались столбцы каждой газеты. Завязалась литературная борьба. Даже адвокаты, которымъ, кажется, во всякое другое время не было никакого дѣла до литературы, даже адвокаты принялись писать. Надо было отстоять священное право подавать совѣты всѣмъ и каждому и по какому угодно дѣлу. Но и противники Александра Петровича не дремали, и на его голову сыпалась самая отборная ругань, что, впрочемъ, къ великому моему изумленію, не только не оскорбляло моего пріятеля, а, казалось, даже радовало.

— Обо мнѣ сегодня въ трехъ газетахъ! Вотъ, братъ, ругаются то! объявлялъ онъ, чуть не каждое утро влетая ко мнѣ съ газетами: — постой-ка, я еще поддушу штучку...

И на другой день я читалъ во всѣхъ газетахъ собственное заявленіе Александра Петровича. Онъ общалъ, по окончаніи дѣла, раздѣлаться со всѣми своими пасквилянтами.

— Пусть!.. Пускай и еще разойдутся! разъяснялъ онъ мнѣ свои дѣйствія и такъ весело глядѣлъ впередъ, какъ будто бы уже видѣлъ, что, благодаря болѣе и болѣе расходящейся славѣ, кліенты толпами бѣгутъ къ нему.

Помню и самую картину суда. Засѣданіе происходило въ какой-то громадной залѣ. Въ обыкновенныхъ камерахъ судить не

рѣшились, ожидая налива публики, что дѣйствительно и случилось. Несмотря на то, что зданіе суда охранялось чуть не цѣлыми полками полицейскихъ, публика неистовствовала. Билеты, по которымъ пускалась публика, продавались по цѣнѣ баснословной, но тѣмъ не менѣе ихъ положительно рвали изъ рукъ барышниковъ. Когда появился Александръ Петровичъ, въ толгѣ пробѣжало волненіе и тысячи глазъ устремились на него, а онъ беззаботно, точно на пиршество, шелъ по широкой лѣстницѣ суда и, раскланиваясь на всѣ стороны, улыбался.

Засѣданіе открылось при самомъ напряженномъ вниманіи со стороны всѣхъ присутствующихъ. Соучастникъ моего пріятеля, Павелъ Николаичъ, поражалъ всѣхъ своимъ легкомысліемъ. Онъ ежеминутно вставлялъ въ глазъ свое стеклышко и больше всего былъ занятъ дамами, которыя цѣлыми толпами привалили въ засѣданіе. На вопросы предсѣдателя онъ отвѣчалъ совсѣмъ неудачно и, обращаясь къ суду, принималъ такія изящныя позы, что можно было думать, что онъ любезничаетъ съ дамами.

Александръ Петровичъ глядѣлъ гордо. Никакого защитника у него не было (до того твердо онъ вѣрилъ въ свою невинность), но едва открылось засѣданіе, какъ кляузническая натура немедленно сказала. Онъ тотчасъ же началъ придираться къ суду и безпрестанно просилъ занести въ протоколъ то то, то другое обстоятельство. Это, какъ оказалось, онъ запасался кассационными поводами. Многіе изъ публики хохотали при нѣкоторыхъ его заявленіяхъ, и самъ онъ часто смѣялся, но заявленія тѣмъ не менѣе такъ и сыпались.

Свидѣтелей по дѣлу никакихъ не было, да ихъ было и не нужно, такъ какъ ни Павелъ Николаичъ, ни мой пріятель ни въ чемъ не заирались. Барынька явилась разфранченной донельзя и безпрестанно то на право, то на лѣво стрѣляла глазами. Опершись о столъ вещественныхъ доказательствъ своими обтянутыми въ перчатки руками, она томно докладывала суду, какъ происходило дѣло. Потому ли, что сердце ея все еще было расположено къ Павлу Николаичу, или по чему иному, но только она все валила на Александра Петровича.

— Это все они, указывала барынька на моего пріятеля, который, какъ ни въ чемъ не бывало, оглядывалъ публику и даже слегка улыбался. — Они насъ и познакомили, они и сватали, даже и о деньгахъ все они разузнавали, и такъ какъ я не опытна...

Павелъ Николаичъ, съ своей стороны, говорилъ:

— Какъ благородный человѣкъ, господа судьи! какъ благородный человѣкъ! Потерялъ... Parole d'honneur! Знаете, загород-

ная прогулка, *partie de plaisir*. Вотъ съ нимъ были (граціозный жестъ въ сторону моего пріятеля)... Восемьсотъ пятьдесятъ рублей... Вытащили.

— Но остальные деньги, 15,000? освѣдомлялись судьи.

— Больше всего ему (опять жестъ по направленію къ Александру Петровичу) за юридическіе совѣты... Ну, то, другое... Теперь ничего не имѣю.

Дѣйствительно, Павелъ Николаичъ едва-ли извлекъ лично для себя какую либо выгоду изъ всего этого дѣла. На немъ было тоже платье, въ которомъ когда-то я встрѣчалъ его подъ ручку съ барынькой, только это платье поносилось и истрепалось въ очень сильной степени.

Александръ Петровичъ не только не пугался всѣхъ этихъ обвиненій, но точно веселился, и, продолжая безстыдно оглядывать залъ, съ недоумѣніемъ пожималъ плечами при вопросахъ предсѣдателя.

— Юридическіе совѣты... о, да! Дѣйствительно, я подавалъ ему совѣты, гордо объяснялъ онъ:—онъ спрашивалъ меня, какъ надо все это... какъ по закону... Но развѣ я солидаренъ съ нимъ (при этихъ словахъ Александръ Петровичъ съ извѣстной долей презрѣнія тыкалъ рукой въ сторону своего соучастника)? Я не воровалъ, а, между тѣмъ, я передъ вами... Я только исполнилъ свой долгъ. Да! Развѣ я могъ отказать въ совѣтахъ?

Съ прокуроромъ у моего пріятеля шли непрерывныя пререканія.

Обвинителемъ явился необыкновенно юркій молодой человекъ, одинъ изъ задушевныхъ пріятелей Александра Петровича. Еще нѣсколько дней тому назадъ, я видѣлъ этого самого обвинителя на пикникѣ, который Александру Петровичу почему-то вздумалось устроить чуть не наканунѣ судилища. Они до того любезничали въ то время другъ съ другомъ, что я никакъ не ожидалъ, что одинъ изъ нихъ будетъ стараться изъ всѣхъ силъ, какъ можно лучше, пробрать другого.

Все это повергло меня въ немалое изумленіе, но Александръ Петровичъ утверждалъ, что подобная метаморфоза не заключаетъ въ себѣ ничего удивительнаго.

— Служба! разсуждалъ онъ, совершенно спокойно рассматривая на свѣтъ рюмку съ виномъ (разговоръ происходилъ во время перерыва засѣданія въ буфетѣ): — что изъ того, что пріятель! Кажется, еслибы можно, онъ бы и отца родного... Мы съ нимъ и теперь, какъ слѣдуетъ...

Дѣйствительно, я нѣсколько разъ видѣлъ, что, во время перерывовъ, Александръ Петровичъ и обвинитель самымъ дружелюб-

ными образомъ разговаривали между собой, а обвинитель даже подшучивалъ по поводу того, что можетъ ожидать моего пріятеля.

Но возобновлялось засѣданіе, и обвинитель вновь жестоко напалъ на Александра Петровича и, чуть не ежесекундно съ яростью вскакивая съ своего мѣста, обращалъ вниманіе присяжныхъ то на то, то на другое обстоятельство.

— Замѣйте, господа, показаніе свидѣтельница, кричалъ онъ. — О, этотъ адвокатъ отнынѣ будетъ извѣстенъ всему свѣту!

Александръ Петровичъ, съ своей стороны, не уступалъ. Едва обвинитель опускался въ кресло, мой пріятель поднимался и тоже выходилъ изъ себя.

— Да, меня теперь всѣ знаютъ, взывалъ онъ:—но съ какого же времени слава стала порокомъ?—Господа! моя слава — моя заслуга!

— Онъ польстивая даже на муфту! кричалъ немного погодя обвинитель:—помогать въ такомъ дѣлѣ! это ужасно!

Александръ Петровичъ чуть не показывалъ всей публикѣ свою шалку и съ презрѣніемъ пожималъ плечами.

— Миѣ хотятъ запретить брать вознагражденіе за мои труды. Обвинитель желаетъ предписать адвокатамъ какіе-то законы. Онъ хочетъ уничтожить свободную адвокатуру!

Предсѣдатель съ большимъ трудомъ сдерживалъ стороны; однако, несмотря на все свое рвеніе, обвинитель иногда обнаруживалъ грустное настроеніе духа.

— Оправдаютъ! печально покачивалъ онъ головой, бесѣдуя кой съ кѣмъ во время перерывовъ.

Собесѣдники прокурора, какъ видно, раздѣляли его мнѣніе, и это еще больше огорчало его. Онъ нѣсколько секундъ ходилъ молча по залѣ, но вдругъ на лицѣ его появилась улыбка самой полной радости.

— За то ужъ и покалѣчимъ же мы его, покалѣчимъ! восклицалъ онъ, кидая злобные; взгляды на Александра Петровича, который беззаботно рассказывалъ въ это время разные двусмысленные анекдоты и заливался самымъ веселымъ смѣхомъ.

Большинство публики было на сторонѣ подсудимыхъ и съ какими-то двусмысленными улыбками посматривало на барыньку.

— Сама дура, рассуждалъ подлѣ меня какой-то купецъ:—ха, ха... Замужъ!..

— Умиѣ впередъ будетъ! вторилъ ему другой.

— А сама-то какъ денежки наживала? слышалось подальше

— Не онъ, такъ другой бы слушилъ.

Даже два адвоката, которые, какъ я раньше замѣчалъ, по

другимъ дѣламъ всегда критиковали дѣйствія подсудимыхъ и разсуждали о томъ, какъ надо бы сдѣлать, даже эти адвокаты одобрительно покачивали головами.

— Чисто, говорилъ одинъ.

— Такъ чисто, такъ чисто, что кажется... Ахъ! отвѣчалъ другой.

Пренія были очень оживленны и продолжительны. Обвинитель больше всего настаивалъ на обвиненіи Александра Петровича и приводилъ въ подтвержденіе его виновности такія соображенія, что я почти окончательно отчаялся въ участи моего пріятеля. Хотя прокуроръ прямо и не говорилъ, но для всѣхъ было очевидно, что онъ подозрѣваетъ Александра Петровича даже и въ томъ, что тотъ будто бы вытащилъ у соннаго Павла Николаича тѣ 850 р., которые остались отъ уплаты за юридическіе совѣты.

У Павла Николаича былъ казенный защитникъ, а потому въ защиту этого подсудимаго было сказано очень немного. Адвокатъ главнымъ образомъ напиралъ на то обстоятельство, что такъ какъ денегъ все равно не воротишь, то и обвинять Павла Николаича не за чѣмъ.

Когда настала очередь Александра Петровича, то въ залѣ водворилась такая тишина, что было слышно, какъ гдѣ-то высоко, высоко подъ потолокомъ, въ тенетахъ паука жалобно пищить муха. Всѣ глаза мгновенно устремились на моего пріятеля, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, небрежно поигрывалъ своимъ перомъ и осматривалъ залъ. Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія (въ теченіи которыхъ публика просто не дышала), онъ началъ. Рѣчь лилась, какъ бурный потокъ, и уничтожала все, что ей попадалось на пути. Собственно говоря, Александръ Петровичъ даже не защищался, а обвинялъ и при томъ такъ, что просто становилось жутко. Виноватыхъ у него оказалось много. Прежде всего эта «холопская литература» (онъ такъ именно и сказалъ), которая раздула дѣло («но съ нею я буду считаться потомъ»). Послѣ литературы больше всѣхъ оказалась виновна барынька, которую обобралъ Павелъ Николаичъ при помощи «юридическихъ совѣтовъ». Вина ея заключалась въ томъ, что у нея есть деньги, и, не умѣя ихъ уберечь, она таскаетъ по судамъ людей, которые только исполняютъ свой долгъ. Обвиняя барыньку, Александръ Петровичъ увлекся. Въ теченіи цѣлаго часа, онъ копался въ ея прошлой жизни, разсказывалъ, какъ она вела себя по отношенію къ тому коммерсанту,¹ который снабдилъ ее деньгами, и, наконецъ, началъ цитировать какія-то статьи. Послѣдними онъ доказывалъ прокурору непониманіе имъ законовъ, такъ какъ за-

бонъ, по словамъ Александра Петровича, ясно будто бы говорилъ, что барынька, а не кто другой должна занимать скамью подсудимыхъ. Отъ рѣчи прокурора не осталось и ключковъ. Относительно того обстоятельства, что онъ бралъ съ своего соучастника деньги за юридическіе совѣты, Александръ Петровичъ не только не заирался, но еще поправлялъ прокурора, утверждая, что за совѣты получено гораздо больше, чѣмъ показано въ обвинительномъ актѣ. Утверждая все это, онъ съ апломбомъ настаивалъ на томъ, что, давая совѣты, онъ исполнялъ свой долгъ и впредь его исполнить. Этими онъ вызвалъ горячіе аплодисменты, но особенно силенъ былъ восторгъ публики въ то время, когда мой пріятель сталъ разсуждать о нравственности. «Нравственность! Что такое нравственность!» кричалъ онъ, иронически пожимая плечами, и съ наглостью требовалъ отъ прокурора самаго полнаго опредѣленія по этому предмету.

Публика была въ себя, и, когда Александръ Петровичъ, заканчивая рѣчь, объявилъ, что настоящее дѣло обязано своимъ возникновеніемъ только самой низкой зависти, зала стонала отъ рукоплесканій. Предсѣдатель звонилъ. Александръ Петровичъ билъ себя въ грудь и, размахивая руками, приводилъ слова Котошикина о томъ, что стоить только на Руси явиться добродѣтели, какъ дьяволъ начинаетъ немедленно сѣять плевелы злобы.

Торжество моего пріятеля шло crescendo. Въ чемъ состояло рѣшеніе суда я до сихъ поръ не знаю, и Александръ Петровичъ только смѣется, когда я начинаю спрашивать его объ этомъ. Тогда я ничего не разобралъ. Зала была полна хотя и сдержаннаго, но все-таки сильнаго восторга. Среди отдѣльныхъ восклицаній, аплодисментовъ, шума всякаго рода до меня долетали только отрывочныя фразы, которыя потому я никакъ не могъ связать въ одно цѣлое. «Такъ какъ такая-то совершенно неправильно лишена своихъ денегъ, гласило рѣшеніе... Такъ какъ подсудимые въ высшей степени предосудительно, однако... какъ нельзя болѣе правильно... взыскать въ пользу дѣвницы 10,715 р. 12¼ коп. сер... признать свободными отъ всякаго взысканія...

Всѣ бросились пожимать руки подсудимымъ и въ томъ числѣ самъ обвинитель, хотя выраженіе лица у него было въ высшей степени недовольное. Нѣкоторые изъ публики немедленно требовали отъ триумфатора совѣтовъ по самымъ будто бы неотложнымъ дѣламъ, но Александръ Петровичъ вдругъ объявилъ, что такъ какъ теперь честь его восстановлена, то онъ больше адвокатурой заниматься не будетъ.

Нѣтъ надобности говорить, какъ это извѣстіе огорчило публику. Она съ тоской слѣдовала за моимъ другомъ до бли-

жайшаго трактира, гдѣ и начался самый отчаянный пиръ. На этомъ пиршествѣ присутствовалъ и Павелъ Николанчъ, который прибѣжалъ позже всѣхъ. Онъ, какъ оказалось, нѣкоторое время оставался въ судѣ, чтобы одѣть и проводить барыньку, которая какъ-то обмолвилась, что у нея все-таки остались еще кой-какія деньги.

Среди пира и уступая усиленнымъ просьбамъ, которыя сыпались со всѣхъ сторонъ, Александръ Петровичъ отгѣнилъ свое намѣреніе оставить адвокатуру. Послѣ этого его качали на рукахъ.

Разсказывать больше нечего. Торжество моего пріятеля было полно. Клиенты цѣлыми толпами валили къ нему со всѣхъ сторонъ и въ такомъ множествѣ, что даже лакей Иванъ составилъ себѣ очень хорошенькій капиталецъ изъ тѣхъ приношеній, которыя попадали ему за то, чтобы онъ какъ нибудь поскорѣе допустилъ до знаменитаго адвоката.

Н. Яковлевъ.

ЛИВЕРПУЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

ФИНАНСОВЫХЪ РЕФОРМЪ.

I. Критика расходовъ на содержаніе войска и флота и на колониальное управленіе.

(Продолженіе).

Начала, которыя регулируютъ расходы на флотъ или морское министерство, весьма отличны отъ тѣхъ, которыя управляютъ расходами военнаго министерства. Въ то время, какъ въ войскѣ размѣры государственныхъ расходовъ опредѣляются преимущественно числомъ солдатъ, во флотѣ львиная доля расходовъ (около половины англійскаго морскаго бюджета) падаетъ на постройку и содержаніе судовъ. На этомъ основаніи, ливерпульское общество финансовыхъ реформъ въ своей критикѣ военныхъ расходовъ обращало главное вниманіе, во-первыхъ, на общее сокращеніе размѣровъ арміи и во-вторыхъ—на уничтоженіе плюрализма, синекуръ, преобразование системы пенсіоновъ и вообще уменьшеніе всѣхъ непроизводительныхъ расходовъ, связанныхъ съ организаціей самаго войска. Иной характеръ замѣчается въ трактатахъ общества, посвященныхъ спеціально критикѣ морскихъ расходовъ: здѣсь главнѣйшую роль играютъ расходы на суда, а не на людей, а потому и вниманіе ливерпульской ассоціаціи сосредоточивается преимущественно на двухъ важныхъ пунктахъ—во-первыхъ, расходахъ на постройку и снаряженіе судовъ, и во-вторыхъ, расходахъ на починку судовъ. Этими двумъ статьямъ расходовъ морскаго вѣдомства посвящены два спеціаль-

Т. ССXLVI.—Огд. I. 5

ные трактата, не говоря уже о томъ, что нерѣдко тѣхъ же вопросовъ приходится касаться и въ другихъ изданіяхъ общества.

Развитіе расходовъ Англіи на свой флотъ тѣсно связывается съ его размѣрами и относится къ позднѣйшему сравнительно времени: до 1793 года, содержаніе флота обходилось ей не болѣе двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и Великобританія еще не могла претендовать на званіе «владычицы морей»: такое второстепенное государство, какъ Испанія, за это время имѣло въ военномъ флотѣ не менѣе 76 линейныхъ кораблей, а Франція— даже до 80, не говоря уже о довольно значительномъ флотѣ Голландіи. Развитіе британскаго флота, какъ и ростъ государственныхъ расходовъ на него, совершается весьма быстро съ начала борьбы съ французской республикой: съ двухъ милліоновъ въ 1793 г., они возросли наканунѣ знаменитой трафальгарской битвы до двѣнадцати милліоновъ, т. е. выросли въ шесть разъ. Въ годъ заключенія мира (1815) эти расходы достигли своего апогея (16 милліон. фунт. стерлинг.) и затѣмъ постепенно уменьшаются до 1835 года, колеблясь между четырьмя и семью милліонами, т. е. превосходить все-таки расходы до французской войны среднимъ числомъ въ два и до трехъ съ половиною разъ. Затѣмъ, расходы опять начинаютъ расти и ко времени крымской войны достигаютъ своего прежняго максимума (16 милліон. въ 1856 году).

Исторія морскихъ расходовъ Англіи представляетъ для наблюдателя весьма поучительный урокъ, подтверждающій бесполезность и даже вредность крупныхъ расходовъ на морскія (а частью и на военныя) сооруженія въ мирное время. Въ теченіе войны съ французами, Англія успѣла создать флотъ громаднхъ размѣровъ, заняла первенствующее мѣсто на морѣ и уничтожила морскія силы всѣхъ своихъ непріятелей. Къ концу войны, она имѣла около тысячи образцовыхъ военныхъ судовъ, прекрасно снаряженныхъ по своему времени, и превосходные казенные доки и верфи. Съ окончаніемъ войны и наступленіемъ продолжительнаго мира, слѣдовало ликвидировать многія сооруженія и учрежденія, сдѣлавшіяся бесполезными, благодаря мирному времени и возможности быстро усилить военный флотъ насчетъ многочисленнаго и богатаго торговаго флота, на дальнѣйшее развитіе котораго и нужно было бы обратить исключительное вниманіе. Между тѣмъ, хотя расходы на содержаніе и развитіе флота и были ограничены съ окончаніемъ войны, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было возможно: остались обширныя портовыя учрежденія, доки, верфи, которымъ слѣдовало давать средства для содержанія и доставлять занятіе. Несмотря на то, что флотъ былъ и безъ того слишкомъ многочисленъ для мирнаго времени и мно-

гія суда гнили на постоянныхъ стоянкахъ, постройка новыхъ судовъ продолжалась по прежнему и по старымъ образцамъ, вызывая бесполезную трату народныхъ денегъ. Безъ стимула личного интереса, который имѣеть мѣсто въ частномъ судостроеніи и ведетъ къ различнымъ техническимъ усовершенствованіямъ и изобрѣтеніямъ, при свободномъ распоряженіи большими отпусками казенныхъ денегъ и, наконецъ, главное — при недостаточномъ контролѣ со стороны представителей народа, британское адмиралтейство, какъ и слѣдовало ждать, весьма скоро обуялъ духъ рутинны и мертвящей формалистики, немедленно отразившійся на всемъ характерѣ морскаго вѣдомства и самомъ качествѣ британскаго флота. Мѣсто живого отношенія къ дѣлу, мѣсто хорошаго состава морскаго управленія изъ лицъ знающихъ и способныхъ заступили небрежность, невѣжество, недобросовѣстность, протекція и nepотизмъ со всеми ихъ вредными послѣдствіями, уже намъ извѣстными изъ предъидущей статьи о военномъ министерствѣ. Когда, съ изобрѣтеніемъ парокордовъ, въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, началась новая эра морскаго судостроительства, то въ результатъ оказалось, что британское адмиралтейство далеко уже не стоитъ на высотѣ своего назначенія и относится къ своему дѣлу и тратѣ народныхъ денегъ съ неизвѣстными легкомысліемъ и поразительнымъ непониманіемъ своихъ обязанностей. Система казенныхъ доковъ за долгій періодъ времени относительно постройки судовъ, оказалась лишь сплошнымъ рядомъ всевозможныхъ экспериментовъ. Какъ это обнаружилось, благодаря нѣсколькимъ слѣдственнымъ комиссиямъ, назначеннымъ парламентомъ, на этихъ докахъ суда лежали по долгу на штакеляхъ, частію уже построенныя, затѣмъ разбирались на части, и дерево или передѣлывалось въ другія формы, или продавалось, какъ бесполезное; уже готовые въ чернѣ суда осуждались нерѣдко, какъ не стоящія оснастки, и разбирались; другія, уже оснащенные, объявлялись незаслуживающими спуска въ море; третья — новыя суда, оснащенные и уже зачисленные въ составъ флота, оставались стоять дома, близъ доковъ, затѣмъ осуждались и ломались; четвертыя, не выходя въ море, тѣмъ не менѣе обходились въ поправкахъ, починкахъ и передѣлкахъ гораздо дороже, чѣмъ стоила ихъ первоначальная постройка: значительное количество такихъ судовъ лежало въ гаваняхъ и гнило; и, наконецъ, пятыя суда рубились сноча, опять передѣлывались и измѣнялись въ формѣ и характерѣ прежде, чѣмъ были посланы въ море. Однимъ словомъ, происходила такая безразсчетливая, преступная трата денегъ и такой грандіозный безпорядокъ, что, при подобныхъ условіяхъ, всякая торговая судостроительная компанія

успѣла бы обанкрутиться десять разъ ¹. Оффиціальное лицо, новый секретарь адмиралтейства въ 1848 году, м-ръ Уордъ (Ward) далъ, наприимѣръ, такой отзывъ о характерѣ учрежденія, при которомъ онъ служилъ: «я долженъ сознаться, что нѣтъ отрасли правительственнаго управленія, въ которой недостатокъ правильной системы до такой степени чувствовался бы, какъ въ адмиралтействѣ: многочисленныя дорого стоящія передѣлки въ постройкахъ судовъ создаются какъ частыми внезапными переимѣнами начальствующихъ лицъ, такъ и отсутствіемъ систематическаго примѣненія всѣхъ опредѣленныхъ принциповъ. Нѣтъ сомнѣнія, эти передѣлки и измѣненія въ постройкахъ были причиной чрезвычайнаго увеличенія работы въ докахъ и огромныхъ національныхъ издержекъ». Таковы оказались печальные результаты рутиннаго веденія дѣла и недостаточнаго контроля.

Ливерпульское общество финансовыхъ реформъ, пользуясь преимущественно матерьялами парламентскихъ комиссій, приводитъ длинный рядъ фактовъ, который служитъ иллюстраціей ко всѣмъ сказаннымъ безпорядкамъ и расточенію государственныхъ средствъ морскимъ вѣдомствомъ. Прежде всего приводится нѣсколько отзывовъ компетентныхъ лицъ для подтвержденія этого незавиднаго состоянія британскаго адмиралтейства; изъ этихъ свѣдѣній видно, что изъ лицъ, особенно много способствовавшихъ такому состоянію, выдается нѣкто сэръ Уильямъ Симондсъ (Symonds), много лѣтъ стоявшій во главѣ строительнаго отдѣленія морскаго министерства (съ 1832 по 1847 годъ). На допросѣ одной изъ парламентскихъ комиссій м-ръ Брѣзъ (Creuze), одинъ изъ опытныхъ и образованнѣйшихъ корабельныхъ инженеровъ, несмотря на всю свою сдержанность въ показаніяхъ и нежеланіе выводить всю правду наружу, вынужденъ былъ, на поставленный ребромъ вопросъ (№ 9,029) о его мнѣніи по поводу организаціи постройки казенныхъ судовъ, сознаться, что постройка этихъ судовъ представляетъ серію всевозможныхъ опытовъ, не основанныхъ ни на какихъ правильныхъ принципахъ. Мало того, Брѣзъ показалъ даже еще откровеннѣе, что это общее замѣчаніе относится «въ большей или меньшей мѣрѣ ко всѣмъ судамъ, выстроеннымъ подъ руководствомъ сэра Уильяма Симондса, который, по его словамъ, не былъ достаточно знакомъ съ прогрессомъ, который сдѣлали научные принципы кораблестроенія въ послѣднее время», и привелъ тому примѣры... Другой корабельный инженеръ, м-ръ Скоттъ Россель, извѣстный какъ строитель многихъ первоклассныхъ океанійскихъ пароходовъ, на вопросъ комиссій (№ 7,027), предложен-

¹ *Financial Reform Tracts*. 1-st Series, № 10. The Navy, стр. 1 и 2.

ный однимъ изъ членовъ ливерпульскаго общества, о разницѣ между постройкой судовъ на частныхъ докахъ и казенныхъ, далъ показаніе весьма краткое, но краснорѣчивое: «Я полагаю, что разница между этими учрежденіями та же, какъ между людьми опытными въ судостроеніи и неопытными», и въ примѣръ Россель привелъ крайне плачевную исторію постройки тѣмъ-же сэромъ Симондсомъ его перваго парохода.

Далѣе, ливерпульское общество переходитъ къ изложенію исторіи и статистики всѣхъ многочисленныхъ и неудачныхъ опытовъ казеннаго судостроительства, стѣдившаго англійскому народу массы денегъ, брошенныхъ на вѣтеръ. Всѣ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія въ двухъ трактатахъ относятся къ періоду времени отъ французской войны и до 1848 года, и ихъ содержаніе, изложенное весьма не систематично, можно подвести подъ четыре рубрики: 1) неудачная постройка судовъ вообще; 2) починка и передѣлка судовъ, первоначально дурно построенныхъ; 3) дурного стѣдившіе опыты постройки пароходовъ и паровыхъ машинъ и 4) морскіе строительные склады и запасы и ихъ несовершенная организація. Придерживаясь, по возможности, порядка расположенія этихъ рубрикъ, мы и познакоимъ читателей вкратцѣ съ ихъ содержаніемъ, представляющимъ наглядное доказательство страшнаго вреда въ финансовомъ отношеніи правительственнаго кораблестроенія въ крупныхъ размѣрахъ при дурной администраціи.

Это изложеніе безпорядковъ адмиралтейства и убытковъ, причисляемыхъ англійскому народу дурной постройкой судовъ военнаго флота, ливерпульская ассоціація начинаетъ съ вычисленія размѣровъ дѣятельности того же сэра Симондса, человѣка столько же неопытнаго, по всѣмъ показаніямъ, сколько и нескѣпшаго, что, однакожь, не помѣшало ему пробывать въ должности главнаго корабельнаго инженера цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ. Вотъ плоды его дѣятельности: въ теченіи времени его службы (съ 1832 года по 1847), по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ британскомъ флотѣ было спущено 143 судна, изъ которыхъ 120,970 тоннъ выѣстимости приходится на суда его постройки и 66,943 тонны — другихъ строителей, причемъ стоимость первыхъ равняется 2,661,340 фунт. стерл., вторыхъ — 1,673,575 ф. с. Какіе же оказались результаты, спрашивается, этой громадной затраты — болѣе четырехъ милліоновъ фунтовъ — на постройку новыхъ судовъ въ мирное время, когда Англии не угрожала никакая серьезная опасность и когда чуть не половина ея и безъ того огромнаго военнаго флота не находила себѣ дѣла и гнила въ бездѣйствіи у береговъ родины? Результатъ, какъ и слѣдовало ждать при

существующемъ характерѣ администраціи, основанной на началахъ протекціи и непотизма — оказался самой плачевный: изъ 143 упоманутыхъ судовъ, болѣе или менѣе плохо выстроенныхъ, 44 судна объявились *никуда негодными* (entire failures) и *никогда не были посланы въ море* по случаю своей полной ненадежности! Можно судить объ убыткахъ казны, если принять во вниманіе, что эта жалкая постройка обошлась не менѣе 22 ф. с. за тону вмѣстимости ¹.

Было бы ошибочно, впрочемъ, отсюда заключить, что такая дурная постройка является результатомъ лишь того обстоятельства, что главнымъ строителемъ въ адмиралтействѣ состоялъ именно несвѣдущій сэръ Симондсъ. Причина, разумѣется, лежитъ глубже—въ общей неудовлетворительности цѣлой организаціи морскаго вѣдомства, а далѣе и всего правительства: общее правило, что только при общемъ хорошемъ строѣ управленія надлежащіа лица занимаютъ надлежащіа мѣста. Доказательствомъ можетъ служить, что многія суда, построенныа гораздо раньше, когда еще Симондсъ и не вступалъ въ службу, построены одинаково плохо и одинаково обременяли свою стоимость казначейству, не принося ничего силамъ и значенію британскаго флота. Одинъ изъ трактатовъ ливерпульскаго общества приводитъ для этого не мало весьма любопытныхъ образчиковъ. Такъ, напр., судно по имени «Бленгеймъ» было выстроено еще въ 1813 году и стоило первоначально 59,249 ф. с.; затѣмъ, немедленно начались починки и передѣлки, которыа лишь до 1824 г., т. е., за одиннадцать первыхъ лѣтъ его существованія, обошлись казнѣ 42,202 ф. с.; затѣмъ, починки и передѣлки (удлинненіе корпуса на докахъ Блэкуэлла) отъ 1845 до 1847 г. стоили 31,857 ф. с., дальнѣйшіа передѣлки въ томъ же 1847 году на докахъ Вульвича—6,951 ф. с. и въ заключеніе на докахъ Ширнесса — 4,471 ф. с.; но этимъ все-таки еще не ограничиваются расходы «Бленгейма»: сюда нужно приложить стоимость новой оснастки, мачтъ, паровой машины (при новой передѣлкѣ его изъ паруснаго въ паровое судно), расходъ на уголь и т. д. — всего со всѣми расходами, начиная со дня его закладки въ 1813 году и до 1847 г., «Бленгеймъ» обошелся казначейству 176,838 ф. с., т. е., починки и передѣлки обошлись почти *въ два раза* дороже, нежели первоначальная постройка, — настолько послѣдняя была неудовлетворительна! Но любопытнѣе всего, что, несмотря на всѣ чрезмѣрныа передѣлки и перетаскиваніе злосчастнаго судна изъ однихъ доковъ въ другіе, оно лишь

¹ *Financial Reform Tracts. 1-st. Series, № 10, Section II.*

доказало, что плохое нельзя передѣлать въ хорошее: какъ оказывается изъ списковъ флота, «Бленгеймъ» въ теченіи всего своего довольно продолжительнаго существованія пребывалъ наибольшую долю времени на докахъ, а въ дѣйствительной службѣ числился всего *лишь пять лѣтъ съ половиною* и, какъ негодный для открытаго моря, предназначенъ, въ заключеніе, для сторожевой службы. Другой примѣръ такой же дурной постройки и съ тѣми же результатами представляетъ «Армада», семидесяти-пушечный фрегатъ, выстроенный въ 1810 году, стоимостью въ 66,241 ф. с.; послѣ многочисленныхъ починокъ и передѣлокъ, онъ стоилъ въ 1847 году уже 151,684 ф. с., т. е., вдвое дороже своей первоначальной цѣны; дѣйствительная же служба «Армады» за этотъ счетъ изъ тридцати восьми лѣтъ продолжалась не болѣе *четыре лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ*. Третій примѣръ — фрегатъ «Амфіонъ»: начатый постройкой въ 1830 году, только черезъ 15 лѣтъ, т. е. въ 1845 году, «Амфіонъ» былъ готовъ къ спуску, какъ судно парусное, и обошелся 36,115 ф. с., какъ вдругъ вышло распоряженіе адмиралтейства передѣлать его въ паровое, что и совершено съ нимъ за новую сумму въ 35,000 ф. с.; тѣмъ не менѣе, въ результатъ «Амфіонъ» оказался до того плохъ, что уже въ 1847 году новый инспекторъ флота (surveyor of the navy) сэръ Бальдуинъ Уокеръ объявилъ его «неудачнымъ опытомъ, необходимо требующимъ совершенной передѣлки». Далѣе, примѣрами такихъ дурныхъ построекъ могутъ служить «Аяксъ», «Эдинбургъ», «Гогъ», «Лондонъ», «Нилъ» и т. д., и т. д.: число такихъ судовъ, построенныхъ дурно, съ невозвратимыми потерями для британскаго казначейства и для флота, такъ велико, что лучше всего обратиться къ валовымъ цифрамъ адмиралтейской статистики и въ ней поискать данныхъ для знакомства съ успѣхами казеннаго судостроительства. Въ 1848 году въ британскомъ военномъ флотѣ числилось 200 судовъ сомнительной годности для службы (lying in ordinary); изъ нихъ *четыре* корабля прослужили отъ двадцати до тридцати семи лѣтъ; *сорокъшесть* — отъ десяти до двадцати лѣтъ; *восемьдесятшесть* состояли на службѣ отъ одного мѣсяца до десяти лѣтъ и, наконецъ, *шестьдесятчетыре* — никогда не состояли на морской службѣ. Но еще характернѣе другія цифровыя данныя, а именно *списокъ военныхъ судовъ за двадцать-одинъ годъ, кончая 1848 годомъ (т. е., съ 1828 по 1848 г.), осужденныхъ за негодностию къ продажѣ или сломкѣ*. Всего за это время состоялось такихъ адмиралтейскихъ приговоровъ 282 о соответственномъ количествѣ судовъ, и въ числѣ этомъ *противъ одиннадцати въ графѣ отмѣтокъ о срокѣ службы, стоитъ нуль*, т. е. одиннадцать

судовъ, выстроенныхъ британскимъ адмиралтействомъ, оказались до того плохи, что осуждены имъ же, какъ годные лишь къ ломѣ! ¹.

Вопросъ о починкахъ и передѣлкахъ судовъ, такъ неудачно выстроенныхъ, привлекаетъ, какъ онъ и заслуживаетъ того, наибольшее вниманіе ливерпульской ассоціаціи, и ему посвящается значительная часть двухъ специальныхъ трактатовъ (№№ 10 и 13), разбирающихъ расходы флота. Въ приведенныхъ до сихъ поръ примѣрахъ, расходы на починку показывались вмѣстѣ съ издержками на передѣлку, почему дурное качество судна обрисовывается еще не такъ рельефно: не виноватъ, конечно, строитель «Бленгейма» въ томъ, что его парусное судно вздумали передѣлать въ пароходъ. Но вотъ три примѣра изъ многихъ, приводимыхъ ливерпульскимъ обществомъ, гдѣ рѣчь идетъ исключительно объ однѣхъ починкахъ и поправкахъ, т. е. о такомъ дѣйствіи, которое прямо даетъ понятіе о достоинствѣ первоначальной постройки. Первое судно, по имени «Каледонія» — высшаго класса съ 120 пушками и въ 2712 тоннъ. Оно было спущено въ 1808 году и затѣмъ 21 годъ состояло на службѣ и почти столько же (19 лѣтъ) лежало безъ употребленія. Первоначальная стоимость судна равнялась 81,507 ф. с., и затѣмъ:

Починки отъ 1808 г. до 1815 г.	—	10,448	ф. с.
»	»	1815	»
»	»	1831	»
»	»	1831	»
»	»	1834	»
»	»	1839	»
»	»	1839	»
»	»	1844	»
»	»	1844	»
»	»	1847	»

Всего, слѣдовательно, постройка вмѣстѣ съ починками обошлась свыше *двухъ сотъ пяти тысячъ фун. стерл.*, т. е. страна на эту сумму денегъ имѣла бы возможность выстроить два новыхъ судна вмѣсто того, чтобы перебранывать и затыкать дыры старой «Каледоніи».

Другіе два образчика починки судовъ, стоившей дороже самой постройки, представляютъ собой фрегаты «Неодолимый» (Impregnable) и «Страшный» (Tremendous) — несчастный примѣръ дурно выбранныхъ именъ: ихъ названія, можно было бы подумать, даны имъ при рожденіи въ маслѣшку какимъ-нибудь шутникомъ, близко знакомымъ съ порядками британскаго адмиралтейства и достоинствомъ его строителей! «Неодолимый» построенъ былъ въ 1810 году и стоилъ съ небольшимъ 60,000 ф. с., и съ тѣхъ

¹ *Financial Reform Tracts*, 1-st Series, № 18.

поръ починка судна до 1847 года обошлась около 100.000 ф. с., и тѣмъ не менѣе «Неодолимый» не годится для открытаго моря и несетъ лишь гаванную службу. Но интереснѣе всего исторія другого судна — «Страшный»; трактатъ ливерпульскаго общества почему то не сообщаетъ его первоначальной стоимости, но затѣмъ приводится безконечный списокъ весьма крупныхъ починковъ (почти ежегодныхъ), и ежегодные отчеты адмиралтейства о его состояніи, которые въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что, несмотря на всѣ усилія и траты, «Страшный» нигуда не годится и остается страшнымъ лишь для британскаго казначейства. Трактатъ ливерпульскаго общества полусутоливо, полусерьезно слѣдующимъ образомъ передаетъ печальную исторію «Страшнаго»: «Вся почти жизнь этого судна проходитъ въ исполненной многообразныхъ опасностей службѣ—лежать на докахъ Ширнесса или Чатама и подвергаться ежегоднымъ нападеніямъ «непріятеля» въ лицѣ инспектора флота, который бомбардируетъ предложеніями и распоряженіями о его починкѣ, пока, наконецъ, адмиралтейство не присудитъ разломать его на куски и продать, какъ старое дерево. Подобно «Неодолимому», его имя всегда казалось дурнымъ выборомъ сильнаго слова. «Страшный» между всѣми судами британскаго флота являлся сначала какимъ-то бездомнымъ сиротой безъ друзей и родственниковъ, о которомъ всѣ забыли. Но вотъ длинные счеты его починковъ начинаютъ мало по малу обращать вниманіе, его замѣчаютъ, его имѣютъ въ виду, и, наконецъ, онъ сталъ входить въ славу. Его имя начинаютъ уже употреблять для выраженія порицанія, какъ синонимъ упрека въ дурной постройкѣ, излишество «починковъ» другихъ судовъ начинаетъ перелagаться на его счетъ, и «Страшный» становится козломъ отпущенія. Лорды адмиралтейства, наконецъ, не выдержали, подписали ему смертный приговоръ и приказали его сломать въ Дентфордѣ; но этимъ, увы! приключенія «Страшнаго» еще не кончились. Дѣло его разрушенія уже началось, но судьба судила ему иное: подобно героинѣ мелодрамы, осужденной страдать за чужое преступленіе, «Страшный» въ концѣ-концовъ получаетъ избавителей въ лицѣ капитана Гилля и новаго распоряженія адмиралтейства, которое во-время является въ Дентфордѣ, чтобы спасти его отъ смерти... и «Страшный» живъ до сихъ поръ, но уже подъ другимъ именемъ...»

Вся эта почти романтическая исторія, будучи переведена на языкъ официальныхъ инспекторскихъ отчетовъ (Extracts from the Annual Surveys), представляется въ такомъ видѣ: *Ширнессъ* 1835 г.: «Страшный» требуетъ починки среднихъ размѣровъ, и ихъ счетъ — 31,987 ф. с.). *Чатамъ* 1843 г.: «Страшный» требуетъ починковъ

среднихъ размѣровъ, и ихъ счетъ—31,987 ф. с. 28 іюня 1843 года: «я бы рекомендовалъ превратить «Страшный» въ лазаретъ, вмѣсто «Герцога», какъ судно негодное для дальнѣйшей службы; подписано У. Симондсъ». *Адмиралтейскій приказъ* отъ 29-го февраля 1844 года: «Судно «Страшный» въ Ширнессѣ послать въ Дептфордъ и сломать или продать, какъ окажется выгоднѣе». Какъ мы знаемъ уже, сломки не произошло, ибо новое распоряженіе адмиралтейства отъ 4-го мая 1844 года остановило ее, вслѣдствіе донесенія капитала Гилля, что судно при началѣ ломки оказалось крѣпко и въ хорошемъ состояніи. Новое распоряженіе постановило «передѣлать его, уменьшивши размѣры», что и было исполнено на новую сумму въ 14,034 фунтовъ стерлинговъ...¹

Этихъ трехъ примѣровъ достаточно, чтобы познаться съ общимъ характеромъ постройки и починки судовъ британскаго военнаго флота того времени; изъ нихъ видно, какъ плохо строились нѣкоторыя суда и какъ дурно велась администрація всего адмиралтейства. Огромный расходъ на «починки», въ два и болѣе раза превосходящій издержки постройки, самъ по себѣ уже внушаетъ сомнѣніе—не служить ли тутъ слово «починка» приличной замѣной слова «передѣлка»? Дѣйствительно, какъ оказывается изъ показаній м-ра Крѣза и другихъ свѣдущихъ лицъ, данныхъ передъ парламентскою комиссіей и подтвержденныхъ частію на перекрестныхъ допросахъ (дѣланныхъ сэромъ Джемсомъ Громомъ), строительное отдѣленіе адмиралтейства, чтобы менѣе шокировать общественное мнѣніе дурной постройкой судовъ, *умышленно фальсифицировало свои отчеты*, замѣняя настоящую «передѣлку» (alterations) нѣкоторыхъ судовъ выраженіемъ «починка» (repairs). «Такимъ образомъ, заключаетъ трактатъ ливерпульскаго общества:—затрачивая на постройки, починки и хозяйственную часть адмиралтейства чуть не двѣ трети всего морскаго бюджета и неся непроизводительную тягость издержекъ на дурныя постройки, британская нація получаетъ въ сюрпризъ отсутствіе вѣрности и аккуратности бюджетныхъ отчетовъ и сомнѣніе въ честности своихъ исполнителей».

Но, помимо этой бухгалтерской подтасовки, вынужденной дурной и невѣжественной постройкой, въ адмиралтейской практикѣ встрѣчается другая подобная, не менѣе странная уловка, чтобы показать товаръ лицомъ и представить свою дѣятельность въ лучшемъ свѣтѣ. Уловка эта, въ сущности, весьма незатѣйлива и заключается въ слѣдующемъ: если судно выстроено настолько

¹ *Financial Reform Tracts*. № 10. The Navy. Section V.

плохо, что не годится для службы и его нельзя исправить безъ значительной передѣлки, то адмиралтейство объявляетъ, что въ интересахъ службы данное судно необходимо уменьшить размѣрами, выражаясь технически «срѣзать» (to cut down), напр. превратить изъ трехъ-дечнаго въ двудечное. Это обходится обыкновенно, благодаря уже готовому матеріалу, въ двѣ трети того, что стоило бы новое такое двудечное судно: затѣмъ, когда оно готово, то въ отчетѣ о постройкѣ заносится лишняя графа — стоимость двудечнаго новаго судна, и изъ нея вычитается стоимость передѣлки, и *разница* или остатокъ *выставляется, какъ бы экономія* или барышъ. Благодаря такой продѣлкѣ, будто бы иногда избѣгаются неприятыя запросы и объясненія въ парламентѣ и не менѣе неприятыя толки въ газетахъ и публикѣ.

Примѣромъ такой операціи можетъ служить уже извѣстный намъ «Страшный», превращенный изъ 74-хъ пушечнаго судна въ 50-ти пушечный фрегатъ. Новый фрегатъ такихъ же размѣровъ долженъ былъ бы стоить 45,167 ф. с., между тѣмъ передѣлка «Страшнаго» обошлась, какъ мы уже знаемъ, всего 14,034 ф. с., и вотъ въ разницѣ является 31,133 ф. с., какъ выигрышъ отъ выгодной передѣлки, согласно логикѣ адмиралтейства! Другой такой опытъ крупныхъ размѣровъ былъ произведенъ съ трехъ-дечнымъ судномъ, по имени «Принцъ Регентъ», которое было «срѣзано» и превращено въ двудечное за сумму въ 53,815 ф. с., а такъ какъ стоимость новаго двудечнаго судна не менѣе 60,000 ф. с., то, значитъ, эта операція приноситъ новое приобретеніе отечеству въ цѣлыхъ семь тысячъ фунтовъ... Въ финансовомъ отношеніи, добавляетъ трактатъ ливерпульской ассоціаціи, приходится сожалѣть о томъ (какъ это ни странно можетъ сначала показаться), что «Принцъ Регентъ», послѣ этой цѣнной передѣлки оказался лучшимъ судномъ, чѣмъ прежде: онъ вынесъ бурный переходъ въ Лиссабонъ въ январѣ 1849 года и заслужилъ похвальную аттестацію сэра Чарльза Нэпира о своемъ поведеніи, сравнительно съ дурнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ трехъ-дечныхъ кораблей. Этого было достаточно, чтобы подлить масла въ огонь и подогрѣть усердіе адмиралтейства къ столь выгодной для казны и себя операціи. Новый способъ *обогащать* казну, доставляя ей посредствомъ «срѣзки» (cutting down) *дешевыхъ* суда, получилъ немедленное примѣненіе на *девяти* 42-хъ пушечныхъ фрегатахъ, превращенныхъ въ корветы ¹. Передѣлка ихъ стоила сравнительно небольшую сумму, всего 68,955 ф. с., а такъ какъ постройка новаго корвета обошлась бы не менѣе

¹ Имена ихъ: «Кюрасо», «Орель», «Колдуна», «Амазонка», «Дедалъ», «Врильянтъ», «Гаванна», «Тринкомале», «Амфитрита».

27,000 ф. с. каждый или 243,000 ф. с. вмѣстѣ, то значить, по ариметикѣ британскаго адмиралтейства, страна выигрываетъ на постройкѣ чистыхъ 174,045 фунтовъ стерлинговъ!..

Ливерпульское общество сильно громить эту переделку судовъ военнаго флота, которая, съ одной стороны, маскируетъ постоянные промахи и несостоятельность адмиралтейства въ кораблестроительномъ дѣлѣ, съ другой стороны—въ противность ея бухгалтеріи—влечетъ за собой крупныя и серьезныя потери для казначейства и, слѣдовательно, лишнюю тягость для плательщиковъ налоговъ. Въ самомъ дѣлѣ, если свести счетъ передѣлки «Принца Регента» какъ слѣдуетъ, то, разумѣется, въ результатѣ вмѣсто выигрыша получится весьма значительный убытокъ. Постройка трехъ-дечнаго судна, какимъ былъ «Принцъ Регентъ» стоитъ не менѣе 82,000 ф. с., «срѣзка» его въ двудечное обошлась, какъ знаетъ, 53,815 ф. с., итого судно стоило 135,815 ф. с. Отсюда, если вычесть обыкновенную стоимость двудечнаго судна—60,000 ф. с.. въ остаткѣ получится 75,815 ф. с.—сумма, представляющая собой *чистую потерю* на этой операціи для казны и для народа ¹.

Но «срѣзка», по мнѣнію ливерпульскаго общества, представляетъ собой все-таки пустяки въ финансовомъ отношеніи сравнительно съ операціей «удлинненія» (adding to the length) судовъ, съ цѣлью превращенія ихъ изъ парусныхъ въ паровыя. Эта передѣлка производилась надъ большимъ количествомъ судовъ, преимущественно изъ тѣхъ, которыя были неудачно выстроены, и притомъ велась такъ небрежно, безъ знанія дѣла и опредѣленной системы, что убытки казны, еслибы можно было съ точностью разсчитать всѣ подобныя многочисленныя перестройки, навѣрное, составили бы милліоны фунтовъ стерлинговъ. Для примѣра можно ограничиться приведеніемъ опытовъ, которые производились надъ четырьмя фрегатами: «Фортъ», «Гицпопотамъ», «Евротасъ» и «Гораціо». Изъ этихъ судовъ только послѣднее было на службѣ, остальные же три были настолько плохо выстроены, что хотя ихъ возрастъ равнялся отъ 15-ти до 19-ти лѣтъ, тѣмъ не менѣе они лежали безъ назначенія, какъ неспособныя быть посланы въ море. По обыкновенію, надъ ними было совершено нѣсколько «починокъ», стоимостью каждая по нѣскольку тысячъ фунтовъ, но бесполезно; и вотъ лорды адмиралтейства надумались «удлиннить» ихъ и превратить въ пароходы. Съ этой цѣлью были немедленно заказаны машины и началась передѣлка: м-ръ Нэпиръ изъ Глазго, машиностроитель-

¹ *Financial Reform Tracts*. I-st Series, № 10. Section V.

ный заводчикъ, которому предложено было поставить по 350 лошадиныхъ силъ на каждое судно, объявилъ, что такія большія машины слишкомъ велики по размѣрамъ этихъ судовъ и что онъ, Нэпиръ, желая сохранить репутацію своей фирмы, не можетъ взяться за этотъ заказъ. Конечно, нашлись заводчики менѣе щепетливые, и машины были сдѣланы, но оказались, какъ и предсказывалъ Нэпиръ, слишкомъ велики, почему вышло новое распоряженіе адмиралтейства—превратить передѣланныя суда опять обратно въ парусныя, что и было произведено. Въ результатъ получилось: потрачено на двѣ передѣлки денегъ около 50,000 ф. ст. и въ настоящее время четыре оснащенные фрегата лежатъ безъ употребленія, и изъ нихъ три — никогда не могутъ выйти въ море, по крайней мѣрѣ, безъ новыхъ серьезныхъ передѣлокъ; сверхъ того, лежатъ также безъ дѣла и четыре паровыя машины, для нихъ специально сдѣланныя.

Отсутствіе опредѣленности, безпрестанныя перемѣны въ назначеніи тѣхъ или иныхъ работъ и вообще легкомысленное отношеніе къ интересамъ дѣла и тратѣ народныхъ денегъ составляютъ характерную черту британскаго адмиралтейства того времени. Эта черта бросается въ глаза, по словамъ ливерпульскаго общества, при большей части какъ передѣлокъ, такъ и построекъ судовъ. Такъ, напримѣръ, адмиралтейство, въ концѣ сороковыхъ годовъ, вздумало построить три большіе парохода: «Симунъ» — съ машиной въ 780 лошадиныхъ силъ, «Вулканъ» — 700 силъ и «Мегера» — 566 силъ. Машины были заказаны, сдѣланы и уже частію оплачены, когда адмиралтейство передумало и рѣшило эти машины употребить въ дѣло при передѣлкѣ трехъ линейныхъ кораблей въ паровыя суда. Для этого новаго назначенія помянутые корабли, съ большими для того расходами, были уже передѣланы и приспособлены для постановки машинъ, какъ адмиралтейство вновь передумало: большія и цѣнныя машины, точно также и остовы трехъ судовъ, лежатъ уже нѣсколько времени въ докахъ безъ всякаго назначенія...

Судно же «Симунъ», предназначавшееся для машины въ 780 силъ, снабжено машиной въ 350 силъ, которая была первоначально сдѣлана для извѣстнаго намъ «Евротаса»... Это безпрестанное перемѣщеніе машинъ, назначенныхъ для одного судна, на другое, является въ огромномъ большинствѣ случаевъ результатомъ невѣжества строителей и ведетъ иногда къ новымъ промахамъ, весьма накладнымъ для казны, хотя, къ сожалѣнію, въ большинствѣ безнаказаннымъ для самихъ гг. инженеровъ-строителей. Такой случай произошелъ, напримѣръ, со столь извѣстнымъ намъ сэромъ У. Симондсомъ при постройкѣ королевской яхты

«Викторія и Альбертъ». Этотъ знаменитый кораблестроитель успѣлъ уже испортить многія суда, «удлинная» и превращая ихъ въ пароходы, а также успѣлъ истратить задаромъ не одинъ милліонъ народныхъ денегъ прежде, нежели приступилъ къ постройкѣ королевской яхты. Можно было надѣяться поэтому, что онъ уже имѣетъ достаточно опыта для постройки одного хорошаго судна. Тѣмъ не менѣе, когда яхта была построена, что обошлось въ 69,941 ф. ст., и спущена въ воду, судно оказалось такимъ упрямымъ, что не хотѣло двигаться, исключая развѣ съ рискомъ отправиться ко дну; и вотъ пришлось все начинать снова—машины были вынуты, судно разобрано, и прежде, чѣмъ все приведено въ надлежащій порядокъ, новая сумма въ 43,806 ф. ст. была истрчена. Оказалась весьма простая вещь: машины «Викторіи и Альберта» были гораздо легче, нежели онѣ должны были быть, такъ какъ онѣ предназначались и строились первоначально для другого судна меньшихъ размѣровъ и попали сюда по случаю, потому что, по обычаю адмиралтейства, оно успѣло передумать и измѣнить ихъ первое назначеніе.

По показаніямъ извѣстнаго инженера Гордона передъ парламентской комиссіей, одна изъ многихъ причинъ этой постоянной неудачи съ паровыми машинами, и особенно ихъ порчи, заключалась въ условіяхъ ихъ заказа адмиралтействомъ частнымъ заводчикамъ и отсутствіи практической сообразительности. Въ письменныхъ объявленіяхъ заказовъ, предлагаемыхъ на конкурсъ, обозначается обыкновенно ширина и глубина судна и пространство, которое должны занимать машины и ящики для храненія угля; при этомъ добавляется, что «всѣ такія заявленія машинистроителей, которые предлагаютъ помѣстить машины надлежащей силы въ пространство, меньшее обозначеннаго, и дадутъ наибольшее мѣста для храненія угля — будутъ предпочитаемы всѣмъ инымъ». Прямымъ результатомъ этихъ условій конкурса, по словамъ Гордона, было то явленіе, что машины въ 500 лошадиныхъ силъ доставлялись съ котлами для 400 силъ; котлы, благодаря этому, часто портились, шли въ починку и вообще служили далеко не такъ удовлетворительно, какъ служили бы при машинахъ съ одинаковымъ количествомъ силъ. Извѣстный уже намъ заводчикъ Нэпиръ изъ Глазго не разъ указывалъ адмиралтейству на непрактичность и несообразность такой системы заказовъ, нѣсколько разъ отказывался отъ нихъ и брался выполнять исключительно заказы, соответствующіе своему назначенію. Всѣ его указанія пропадали даромъ, а между тѣмъ въ отчетѣ самого адмиралтейства парламенту, напечатанномъ въ 1843 году, въ которомъ собираются статистическія свѣдѣнія о потери времени су-

дами флота, вслѣдствіе починки машинъ, приводятся такія сравнительныя данныя: машины фабрикаціи Нэпира (т. е. съ надлежащими котлами) оказывались неспособными къ исполненію своего дѣла, по случаю починокъ, лишь одну одиннадцатую всего періода своего существованія; машины же другихъ заводчиковъ одну пятую, одну четвертую и даже одну третью времени находились въ починкѣ. М-ръ Гордонъ передъ парламентской комиссіей выставилъ на видъ для сравненія такіе факты: «Британія», коммерческій пароходъ, дѣлающій рейсы между Америкой и Ливерпулемъ, пробѣжалъ 68,000 миль въ свои первые два года безъ починокъ; другой коммерческій пароходъ «Каледонія» сдѣлалъ 60,000 миль въ первые два года и цѣлые три — пробѣжалъ безъ починокъ. Подобныя судовъ и машинъ не существуетъ въ военномъ флотѣ. «Циклопъ», напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ паровыхъ фрегатокъ, пробѣжалъ лишь 29,300 миль въ первые три года, и починка его машинъ уже стоила за это время 800 ф. ст., и 164 дня, или одну пятую часть времени, по случаю починокъ, онъ не былъ способенъ для плаванія». Вообще, по мнѣнію Гордона, постройка судовъ на казенныхъ докахъ происходила настолько дурно и вся организація ихъ велась до того небрежно и безъ знанія дѣла, что «неразсчетливая трата денегъ на безпрестанно мѣнявшіеся и никуда негодные планы постройки судовъ и машинъ давно бы успѣли обанкротить любую торговую компанію»¹.

«*Naval and Military Gazette*», органъ, спеціально посвященный интересамъ флота и арміи, и который, слѣдовательно, отнюдь нѣтъ основанія заподозрить въ пристрастіи, тѣмъ не менѣе счелъ долгомъ указать на эту слабую сторону британскаго морскаго министерства, влекущую за собой бесполезную для дѣла и вредную по существу трату денегъ, добываемыхъ тяжелымъ трудомъ плательщиковъ налоговъ. «Нельзя не сознаться, что не офицеры, не матросы, не смола и пенька и не дерево въ докахъ создаютъ главнымъ образомъ чрезмѣрность нашихъ расходовъ на флотъ, но фантастическія постройки и такого же рода машины судовъ нашего военнаго флота. Въмѣсто обыкновенныхъ словъ команды на нашихъ паровыхъ судахъ, въ родѣ «стой-машина» и т. п., чаще всего раздаются возгласы: «укоротить судно!» «удлиннить судно», «долой матты», «придать балласту» и т. п., и т. п.... Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти передѣлки, фигурирующія нерѣдко за «починки», стѣютъ не малую толику денегъ. Еслибы

¹ *Financial Reform Tracts*, 1-st Series. № 10 Section I. The Navy Ship-building and Engine-Making.

разсчесть даже ихъ потерю на всѣ эти бесполезные эксперименты лишь за два, за три послѣдніе года, то навѣрное бы ихъ хватило на содержаніе добавочныхъ 10,000 моряковъ...»¹.

Какъ видно изъ изслѣдованій и допросовъ парламентскихъ комиссій того времени, не въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ постройка и починка судовъ, является и другая важная отрасль дѣятельности адмиралтейства—заготовка дерева и иныхъ подобныхъ запасовъ для кораблестроенія. Эта операція совершалась обыкновенно черезъ поставщиковъ, которыми доставленіе въ адмиралтейство извѣстнаго количества и качества лѣса сдавалось съ торговъ. Но при этомъ принципъ конкуренціи соблюдался весьма плохо, и сплошь, и рядомъ поставка отдавалась вовсе не тѣмъ лицамъ, которые предлагали казнѣ болѣе выгодныя условія или дешевыя цѣны. Существовали излюбленные поставщики (какъ нѣкто Моррисъ), которые получали предпочтительно передъ всѣми иными заказы, хотя они были даже далеко не изъ крупныхъ и болѣе надежныхъ лѣсныхъ торговцевъ. Нерѣдко у нихъ, напримѣръ, у того же Морриса, совсѣмъ не было нужнаго дерева въ запасѣ, и онъ немедленно закупалъ его у отвергнутыхъ казною поставщиковъ (напримѣръ, у весьма крупнаго лѣсоторговца «Нэшъ и Гёрней»), которые естественно брали съ него лишнюю цѣну, и, конечно, казна въ концѣ-концовъ отвѣчала за всѣ лишнія прибыли и проценты. Но еще болѣе невыгодная операція совершалась надъ казеннымъ британскимъ лѣсомъ: лѣса эти не велики, но, при правильной рубкѣ, нѣкоторыя породы деревьевъ (особенно дубъ) ежегодно въ небольшомъ количествѣ поступали для казеннаго кораблестроенія, но не прямымъ путемъ, а косвеннымъ. Именнно: казенный лѣсъ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ продавался съ аукціона, при чемъ его закупали почти цѣликомъ нѣкоторые крупные торговцы (напримѣръ, та же фирма Нэшъ и Гёрней), отъ которыхъ уже въ свою очередь приобрѣтали его поставщики, доставлявшіе его той же казнѣ въ лицѣ адмиралтейства. Такимъ образомъ, казна приобрѣтала свой собственный лѣсъ изъ третьихъ рукъ, переплачивая двойной барышъ двухъ торговцевъ—Нэша и поставщика Морриса!..

Такова неутѣшительная картина порядковъ британскаго морскаго министерства, какъ ихъ рисуеетъ ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Бесполезная трата большихъ денегъ и вредъ для задачъ и цѣлей самаго флота являются результатомъ неустройства, которое господствовало въ адмиралтействѣ въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Какъ мы уже упоминали,

¹ *Financial Reform Tracts*, № 13. Section VIII.

причину этого неустройства нельзя объяснять лишь присутствиемъ въ управленіи нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей въ родѣ сэра Уильяма Симондса: и до него, и вмѣстѣ съ нимъ существовали въ британскомъ адмиралтействѣ корабельные инженеры лучшаго качества, и тѣмъ не менѣе беспорядокъ и излишняя трата денегъ были весьма значительны. Очевидно, причина ихъ лежитъ глубже—въ общей неудовлетворительности всей организаціи морскаго вѣдомства въ частности и британскаго правительства того времени вообще; слѣдовательно, и способы уничтожить сказанное неустройство и уменьшить непроеводительную трату народныхъ денегъ на главный и существеннѣйшій расходъ этого вѣдомства—постройку и починку судовъ, также должно искать прежде всего въ преобразованіи цѣлой организаціи морскаго министерства и устраненіи нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ общей администраціи. Такимъ образомъ, по мысли ливерпульскаго общества¹ средство противъ зла нужно искать тамъ же, гдѣ лежитъ его корень, т. е. въ соблюденіи того же безусловно важнаго правила всякой рационально совершаемой финансовой реформы, которое ливерпульская ассоціація имѣла уже случай примѣнить къ спеціальнымъ военнымъ расходамъ¹: — «серьезное улучшеніе государственныхъ финансовъ не можетъ происходить безъ соотвѣтствующаго улучшенія цѣлаго государственнаго механизма, и чѣмъ болѣе финансы плачевны и разстроены, тѣмъ въ болѣе степени требуется реформа государственной администраціи». Другими словами, чтобы сокращеніе государственныхъ расходовъ въ какой-либо отрасли управленія привело къ мало-мальски важнымъ и прочнымъ результатамъ, а не поверхностнымъ и быстро преходящимъ, оно должно непременно идти рука объ руку и опираться на одинаково важныя административныя реформы. Въ чемъ должны заключаться эти реформы и какъ онѣ должны совершаться—этому вопросу, какъ мы знаемъ, ливерпульское общество посвятило цѣлые два трактата, въ которыхъ указываетъ и разъясняетъ необходимыя перемѣны въ цензѣ представительства и избирательныхъ правахъ, организаціи министерствъ и всей администраціи, преобразованіи палаты общинъ, учрежденіи финансоваго комитета, измѣненіи порядка выборовъ и т. д. Вообще, весь этотъ обширный планъ административно-политическихъ преобразованій сводится къ ограниченію произвола и случайности въ назначеніи и смѣщеніи должностныхъ лицъ, ограниченію протекціи и всякихъ фамиліальныхъ и иного рода вліяній въ этомъ отношеніи; а главное, къ уменьшенію слишкомъ обширнаго зна-

¹ См. вторую статью въ августовской книжкѣ «Отеч. Записокъ».

ченія и власти въ управленіи страной аристократическаго класса и, наоборотъ — расширенію въ парламентѣ представительства со стороны средняго и рабочаго класса ¹.

Но изъ всѣхъ этихъ реформъ общаго характера нѣкоторыя имѣютъ собственно для морскаго вѣдомства особенно важное значеніе, и отъ правильной постановки ихъ въ значительной степени также зависитъ производительность расходовъ этой отрасли управленія и установленіе духа бережливости и экономіи, которыя были до сихъ поръ ей мало знакомы. Ливерпульская ассоціація не считаетъ возможнымъ входить въ подробное изложеніе сущности этихъ мѣръ и ограничивается общими указаціями, которыя, такъ сказать, лишь намѣчаютъ планъ этихъ необходимыхъ преобразованій и знакомятъ съ нѣкоторыми специальными недостатками организаціи британскаго морскаго вѣдомства.

Первое и важнѣйшее условіе существованія всякой благоустроенной системы государственныхъ финансовъ заключается въ полнѣйшей гласности и отчетности расходовъ каждаго фартинга казенныхъ денегъ. Государственные люди не должны забывать, что огромное большинство доходовъ казны собирается въ формѣ налоговъ, т. е. принудительнымъ образомъ и безъ вознагражденія подданнаго какимъ-нибудь личнымъ эквивалентомъ. Расходъ каждаго фартинга казенныхъ денегъ, поэтому, имѣетъ особое, чуть ли не священное значеніе и долженъ совершаться съ соблюденіемъ величайшей бережливости, осторожности и гласности. Если каждый благоразумный человѣкъ считаетъ долгомъ относиться бережливо къ своимъ собственнымъ деньгамъ и отдавать самому себѣ подробный и точный отчетъ своихъ расходовъ, то тѣмъ болѣе, конечно, исполнительная власть государства должна относиться съ строжайшей экономіей къ чужимъ деньгамъ и отдавать въ этихъ деньгахъ подробный отчетъ народу, который эти деньги лишь ввѣрилъ ей распоряженію. Такимъ образомъ, по мысли ливерпульскаго общества, власть должна производить расходы такъ, чтобы не только представители народа, но и всякій частный человѣкъ имѣлъ возможность прослѣдить и провѣрить, куда и какимъ путемъ ушелъ изъ рукъ правительства каждый фартингъ денегъ, ежегодно ассигнуемыхъ народомъ на нужды государства. Лишь при такомъ устройствѣ финансовой отчетности можно ожи-

¹ Какъ мы уже упоминали во второй статьѣ (августовская книжка «Отгч. Записокъ»), мы, къ сожалѣнію, не можемъ входить въ подробное изложеніе административныхъ реформъ, такъ какъ это слишкомъ удалило бы насъ отъ главнаго предмета всего очерка и отняло бы много времени и мѣста. См. *Financial Reform Tracts: 2-d Series. Administrative Reform. What is wanted: how are we to get it?* №№ X и XI.

дать со стороны всѣхъ подданныхъ охотной и правильной уплаты налоговъ, безъ всякихъ утаекъ и желанія обмануть казну, уплативши сборщику податей меньшую сумму, нежели какая слѣдуетъ. Хотя, въ смыслѣ гласности и отчетности, финансовое управленіе Великобританіи стоитъ выше другихъ государствъ Европы, но, тѣмъ не менѣе, ливерпульское общество находитъ ихъ недостаточными и ссылается, для примѣра, на отчеты адмиралтейства. Какъ мы видѣли выше изъ приведеннаго очерка, отчеты эти есть основаніе заподозрить не только въ неточности, но прямо даже въ недобросовѣстности, что и подтверждалось показаніями компетентныхъ лицъ на допросахъ парламентскихъ комиссій. Какъ оказалось изъ нихъ, чтобы скрыть неудовлетворительную постройку судовъ, «передѣлки» ихъ (alterations) очень нерѣдко въ отчетахъ замѣнялись болѣе мягкимъ и менѣе шокирующимъ словомъ «починки» (repairs). До тѣхъ поръ, пока будутъ возможны такія предѣлки адмиралтейскихъ бухгалтеровъ, очевидно, Англія не можетъ считать состояніе финансовыхъ счетовъ своего правительства въ истинномъ смыслѣ гласнымъ: вмѣсто фактической, здѣсь гласность будетъ фиктивной. И такъ, вотъ первая сторона организациі морского вѣдомства, которая настоятельно требуетъ измѣненія: улучшеніе отчетности и болѣшій надзоръ за ней составляютъ важный вопросъ, на который ливерпульская ассоціація рекомендуетъ представителямъ народа обратить свое вниманіе. Средствами для этого должны служить, между прочимъ, во-первыхъ, нѣкоторое измѣненіе состава высшаго управленія морского вѣдомства: лорды адмиралтейства нерѣдко весьма хорошіе моряки, но очень часто весьма плохіе хозяева и бухгалтеры; во вторыхъ—учрежденіе финансоваго комитета, съ характеромъ котораго мы нѣсколько ознакомились въ прошлой статьѣ; на обязанности его долженъ лежать высшій контроль отчетовъ всѣхъ управленій и составленіе, въ свою очередь, общаго отчета какъ для парламента, такъ и для народа, для всеобщей гласности. Этими двумя способами ливерпульское общество надѣется улучшить отчетность, усилить контроль и вообще устранить въ будущемъ возможность фальсификаціи отчетовъ, образцы которой обнаружены въ морскомъ вѣдомствѣ.

Второй важный недостатокъ, замѣчаемый въ этомъ послѣднемъ вѣдомствѣ, заключается въ отсутствіи опредѣленной и серьезно выработанной системы во всей дѣятельности британскаго адмиралтейства. Какъ мы это видѣли изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ матеріаловъ парламентскихъ комиссій, всѣ свѣдущіе люди единогласно показывали, что при постройкѣ судовъ недостаетъ разумной системы, что она представляетъ собой лишь «рядъ

*

всевозможныхъ экспериментовъ или опытовъ, не основанныхъ на опредѣленныхъ принципахъ», что послѣдніе успѣхи науки кораблестроенія мало принимаются во вниманіе и еще рѣже прилагаются къ дѣлу и т. д. Понятно, что, пока такой порядокъ удержится, ожидать отъ адмиралтейства болѣе бережливаго отношенія къ народнымъ деньгамъ и лучшей постройки судовъ— совершенно невозможно. Лишь когда выполнится планъ административныхъ и политическихъ реформъ, предполагаемый ливерпульскимъ обществомъ, лишь когда ослабѣетъ вліяніе аристократіи въ правительствѣ, а съ нею и потеряетъ значеніе протекція и темныя лазейки къ полученію выгодныхъ мѣстечекъ— лишь тогда можно ожидать вполне хорошаго состава адмиралтейства и назначенія въ казенную службу знающихъ и опытныхъ строителей, дѣйствующихъ въ своихъ занятіяхъ по опредѣленному и выработанному плану. Ливерпульское общество, какъ мы знаемъ, предполагаетъ всякое поступленіе на службу непременно совершать лишь послѣ основательнаго испытанія— обладаетъ ли лицо всѣми тѣми знаніями и качествами, которыя требуются для исполненія обязанностей службы? Каждое повышение точно такъ же совершается лишь послѣ выслуги извѣстнаго числа лѣтъ и новаго, еще болѣе обширнаго и серьезнаго экзамена, какъ это уже и принято въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ. При такой градации испытаній, улучшенномъ составѣ адмиралтейства и болѣе строгомъ контролѣ, можно надѣяться, что присутствіе тамъ, такихъ строителей, какъ сэръ Симондсъ, сдѣлается невозможнымъ, и, въ свою очередь, постройка судовъ военнаго флота будетъ совершаться по строго-обдуманной системѣ, не навлекая «опытами» лишней тягости на шею плательщиковъ налоговъ. Что касается типа и характера построекъ, то онѣ должны производиться лишь по испытаннымъ и испробованнымъ практикой образцамъ. Опыты нововведеній въ этомъ дѣлѣ, дорого стоящіе, или слѣдуетъ предоставить предварительно частной инициативѣ, или же опредѣлить на нихъ небольшую специальную ежегодную сумму, съ непремѣннымъ условіемъ ея ограничиваться. Деньги достаются народу слишкомъ тяжелымъ трудомъ, чтобы относиться къ нимъ легкомысленно, по примѣру адмиралтейства, истрачивая милліоны на однѣ бесполезныя пробы и эксперименты!..

Третій недостатокъ адмиралтейства, который также выяснился, благодаря парламентскимъ слѣдственнымъ комиссіямъ и агитаціи ливерпульскаго общества, не представляетъ собой, строго говоря, спеціальнаго недостатка морскаго вѣдомства и свойственъ болѣе или менѣе всякому казенному хозяйству. Онъ заключается въ

централизаціи всѣхъ хозяйственныхъ распоряженій, формалистикѣ и волокитѣ по инстанціямъ, которая задерживаетъ, напримѣръ, на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ развитіе различныхъ мелкихъ техническихъ усовершенствованій и приспособленій и тѣмъ понижаетъ общій техническій уровень такихъ учреждений. М-ръ Гордонъ, опытный инженеръ, много лѣтъ прослужившій на казенныхъ и частныхъ докахъ и построившій не одинъ десятокъ судовъ, сдѣлалъ по этому поводу такое важное показаніе передъ комиссіей: «хозяинъ или техникъ на фабрикѣ или въ мастерской отнюдь не является всегда изобрѣтателемъ или усовершенствователемъ разныхъ техническихъ приѣмовъ и улучшеній, сберегающихъ время или расходы, или возвышающихъ достоинство производства. Напротивъ, большая часть такихъ улучшеній, въ отдѣльности быть можетъ мелкихъ, но въ сложности сберегающихъ много денегъ, внушается и исполняется въ частныхъ заведеніяхъ, по мысли простыхъ мастеровъ, мелкихъ руководителей рабочихъ (foreman) и, наконецъ, обыкновенныхъ рабочихъ. Рабочій заявляетъ директору фабрики или прямо самому хозяину о возможности сдѣлать въ процессѣ этого производства такое-то выгодное приспособленіе: предложеніе испытывается, и затѣмъ, если оказывается практически, немедленно примѣняется къ дѣлу. Не то происходитъ на казенныхъ докахъ: здѣсь длинная процедура переговоровъ устраняетъ всѣхъ ловкихъ изобрѣтательныхъ рабочихъ, и этимъ объясняется медленный прогрессъ технического знанія въ мастерскихъ казенныхъ доковъ. Положимъ, въ самомъ дѣлѣ, что рабочій, напримѣръ, въ Вульвичѣ на казенныхъ докахъ выдумалъ какое-нибудь улучшеніе: онъ сообщаетъ о немъ своему надсмотрщику, тотъ — ближайшему начальнику и главѣ всего учрежденія въ Вульвичѣ. Этотъ послѣдній ничего не можетъ предпринять самостоятельно и обязанъ донести коммодору-суперинтенданту, который препровождаетъ донесеніе далѣе, въ Сомерсетъ-Гаузъ; отсюда оно пересылается въ Чарингъ-Кроссъ, въ адмиралтейство, чтобы лежать на столѣ и дожидаться своей очереди быть рассмотрѣннымъ лордами адмиралтейства. Эти послѣдніе могутъ не понять зачастую весьма мелкаго, но въ экономическомъ отношеніи важнаго приѣма, отсюда — новые запросы черезъ всѣ инстанціи или крайне неудачныя рѣшенія. Но вотъ лорды дали отвѣтъ; онъ идетъ опять въ Сомерсетъ-Гаузъ, отсюда — къ суперинтенданту и т. д. по всей административной лѣстницѣ, и при этомъ, какъ показываетъ опытъ, *можетъ дордой даже затеряться*. Эта длинная, утомительная процедура можетъ, конечно, подрѣзать въ корнѣ самое лучшее усовершенствованіе и, во всякомъ случаѣ, ото-

бьетъ охоту у изобрѣтателей дѣлать въ другой разъ предложеніе своихъ усовершенствованій въ казенныхъ учрежденіяхъ¹. Ливерпульское общество указываетъ на весь матеріальный вредъ отъ этой канцелярской волокиты и требуетъ настойчиво (въ двухъ трактатахъ) ея уничтоженія; средство для этого незамысловато и легко выполнимо: слѣдуетъ усилить лишь въ вопросѣ техническихъ улучшеній власть начальниковъ отдѣльныхъ казенныхъ учреждений, въ родѣ доковъ; при улучшенномъ контролѣ и болѣе строгомъ выборѣ лицъ, эта мѣра не можетъ быть опасной. Затѣмъ, минуя всѣ остальные инстанціи, эти начальники должны входить во всѣ нужныя объясненія прямо съ лордами адмиралтейства.

Мы являли до сихъ поръ сущность возрѣній ливерпульскаго общества на положеніе хозяйственной части морского вѣдомства и тѣ указанія на всѣ его недостатки въ этомъ отношеніи и частію способы, съ помощью которыхъ ихъ возможно устранить. Что касается до средствъ сокращенія государственныхъ расходовъ на самый составъ флота, преимущественно на офицеровъ и чиновниковъ, то они опредѣляются тѣми же самыми недостатками, о которыхъ мы говорили, спеціально излагая критику военныхъ расходовъ со стороны ливерпульскаго общества. Легкое отношеніе къ народнымъ деньгамъ создало въ морскомъ вѣдомствѣ, такъ же, какъ и въ военномъ, болѣе многочисленную администрацію, нежели та, которая требуется для исполненія дѣла, большое количество синекуръ или должностей безъ дѣла и, какъ непремѣнное послѣдствіе ихъ существованія, плюрализмъ или соединеніе нѣсколькихъ мѣстъ въ одномъ и томъ же лицѣ. Какъ заявилъ м-ръ Вилльямсъ въ своемъ протестѣ въ палатѣ общинъ (11-го февраля 1856 года), въ спискахъ флота, напримѣръ, числилось 314 адмираловъ, или чуть ли не по одному адмиралу на каждое судно, находящееся въ плаваніи, хотя изъ нихъ одновременно было занято не болѣе восемнадцати человѣкъ. Очевидно, значительная часть адмираловъ оставалась безъ настоящаго дѣла и обременяла лишь бюджетъ издержками содержанія; ливерпульское общество, слѣдуя за протестомъ Вилльямса въ парламентъ, требовало уменьшенія числа чиновъ высшаго ранга въ составѣ флота въ интересахъ сбереженія денегъ казначейства. Еще болѣшую экономію можно сдѣлать, по его мнѣнію, тщательной ревизіей и сокращеніемъ числа должностей на тѣхъ же самыхъ докахъ, навлекавшихъ и безъ того громад-

¹ *Financial Reform Tracts*, № 10, № 13 и отдѣльныя части трактатовъ о военномъ вѣдомствѣ.

ныя непроизводительныя траты своей неумѣлой постройкой судовъ. Составъ служащихъ и работающихъ на докахъ прежде всего поражалъ многочисленностью и бесполезной спеціализаціей разнаго рода *старшихъ* рабочихъ, *мастеровъ-надсмотрщиковъ* (master-superintendent), хотя нерѣдко число надсматриваемыхъ было такъ ничтожно, что они и не нуждались въ особомъ для того надзирателѣ. Такіе мастера-надсмотрщики существовали для каждой малѣйшей отрасли дѣла: «мастеръ кузнечнаго дѣла», «мастеръ кирпичнаго дѣла», «мастеръ канатнаго дѣла», «мастеръ паруснаго дѣла» и т. д. Всѣ они получали двойную и тройную противъ обыкновенныхъ рабочихъ плату (250 ф. ст. въ годъ) и нерѣдко имѣли подъ своимъ надзоромъ всего три-четыре человека рабочихъ. Еще большія суммы казенныхъ денегъ пропадали, благодаря чрезмѣрно обширному количеству на докахъ всякаго рода чиновниковъ. Это можно уже видѣть изъ крайней непропорціональности при сравненіи общей суммы жалованья чиновниковъ съ суммами заработной платы рабочихъ на тѣхъ же докахъ. Изъ общаго расхода на эти двѣ статьи на докахъ Чатама, напримѣръ, одна пятая шла на уплату жалованья и лишь четыре-пятихъ — на заработную плату; на докахъ Дешфорда даже пѣтая четверть (9,929 ф. ст. изъ 38,796) всего расхода поглатилась жалованьемъ чиновниковъ. Ничего подобнаго на частныхъ докахъ не замѣчается: надзоръ и контроль, гораздо болѣе дѣятельный, обходится въ нѣсколько разъ дешевле; жалованья въ общей сложности расходуются гораздо меньше, а заработной платы больше, и въ результатѣ получается лучшая работа за болѣе дешевую цѣну.

И такъ, вотъ еще, слѣдовательно, сторона морского управленія, которая требуетъ реформированія и можетъ способствовать значительному сокращенію государственныхъ расходовъ: уменьшить численность администраціи, запретить закономъ соединеніе нѣсколькихъ мѣстъ въ одномъ лицѣ (плюрализмъ), уничтожить должности, имѣющія значеніе синекуръ, нѣкоторые штаты совсѣмъ сократить, другіе лишь ограничить содержаніемъ, и въ результатѣ государство и на этихъ реформахъ морского вѣдомства выиграетъ, безъ ущерба дѣлу, не одну сотню тысячъ фунтовъ.

Изложенной оцѣнкой различныхъ сторонъ морского вѣдомства, указаніемъ ихъ недостатковъ и нѣкоторыми общими замѣчаніями о способахъ ихъ устраненія почти исчерпывается критическая дѣятельность ливерпульскаго общества относительно этой важной отрасли управленія. Во всѣхъ своихъ изданіяхъ, равно, какъ и на публичныхъ митингахъ, ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ одинаково настойчиво, энергично

и смѣло стремится къ поставленной ею цѣли—«употреблять всё законныя и конституціонныя средства, дабы создать самую строгую экономію въ расходахъ правительства». Джозъ Россель замѣнялся во главѣ правительства лордомъ Дерби, этотъ—Абердиномъ, Дизраели—Гладстономъ, и т. д., и во все время, при всѣхъ перемѣнахъ политическихъ партій, ливерпульское общество безразлично и безпристрастно преслѣдовало свою цѣль, изобличая одинаково малѣйшіе финансовыя промахи каждаго изъ быстро смѣнявшихся правительствъ, бичуя постоянныя и случайныя злоупотребленія политическихъ партій и отдѣльных лицъ, и не стѣсняясь для того ни рангомъ, ни положеніемъ, ни политическимъ вліяніемъ лица, которое почему-либо являлось прикосновеннымъ къ непроизводительной тратѣ народныхъ денегъ. Всегда и повсюду людей и вещи ливерпульское общество называло ихъ именами, и стойко выдерживало борьбу съ немалымъ количествомъ противниковъ изъ лицъ, интересы которыхъ прямо или косвенно страдали вслѣдствіе его нападокъ и изобличеній. Такая настойчивая агитація не могла, разумѣется, пройти безслѣдной: въ 1866 г. была назначена правительственная коммиссія съ весьма широкими полномочіями для изслѣдованія управленія и контроля на казенныхъ докахъ: въ большомъ и обстоятельномъ донесеніи парламенту черезъ нѣкоторое время, эта коммиссія представила изложеніе порядковъ адмиралтейства и способовъ его измѣненія почти въ томъ самомъ видѣ и формахъ, какъ съ этимъ мы познакомились изъ матерьяловъ бывшихъ коммиссій и трактатовъ ливерпульской ассоціаціи. Общій выводъ выразился въ тѣхъ же самыхъ словахъ: «контроль и управленіе доками весьма несовершенны, и настоятельно необходимо улучшенія, которыя бы могли гарантировать существованіе болѣе зрѣлой и бережливой администраціи учрежденія». Въ слѣдующемъ году былъ назначенъ комитетъ, избранный изъ членовъ парламента по тому же вопросу; въ 1868 году—«постоянный комитетъ палаты общинъ» для провѣрки отчетовъ и т. д. Вообще, разъ поднятый вопросъ, поддерживаемый агитаціей ливерпульскаго общества, уже не сходитъ болѣе со сцены: подъ этимъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, указанные недостатки и злоупотребленія обратили, наконецъ, на себя серьезное вниманіе, какъ правительства, такъ и народа. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и страна постепенно пришла къ цѣлому ряду важныхъ измѣненій и улучшеній во всей существующей системѣ морского вѣдомства и въ частности казенныхъ доковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лишь участію общественной самодѣятельности (однимъ изъ выраженій которой является ливерпульская ассоціація) Англія

обязана въ настоящемъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, довольно быстро и удовлетворительно разрѣшенной реформой одной изъ важнѣйшихъ отраслей государственной дѣятельности.

Расходы британскаго казначейства въ настоящее время на флотъ можно вѣстать среднимъ числомъ въ 10 милліоновъ фунт. стерл., такъ какъ послѣдніе два года излишній расходъ (по 11 мил. ф. с.) обусловливался приготовленіемъ къ войнѣ и передвиженіемъ войскъ, что въ англійскомъ бюджетѣ заносится на счетъ морского вѣдомства. Такимъ образомъ, Великобританія расходуетъ теперь на свой флотъ менѣе, чѣмъ въ 1804 году (канунъ трафальгарской битвы и 12 мил. расходовъ) на два милліона и менѣе, нежели въ 1815 году (16 мил.) — на цѣлыхъ шесть милліоновъ; но если даже выбросить изъ сравненія эти исключительно военные года, то расходы на англійскій флотъ настоящаго времени не превышаютъ двойнаго расхода на тотъ же предметъ въ началѣ настоящаго вѣка. Принимая во вниманіе страшную дороговизну построекъ настоящихъ броненосныхъ судовъ, сравнительно съ временами существованія паруснаго деревяннаго флота, а также конкуренцію, которую Англія приходится теперь одолѣвать въ поддержаніи силъ и размѣровъ флота, дабы сохранить свой старый престижъ «владычицы морей» — принимая все это во вниманіе, такую прогрессію возрастанія морскихъ расходовъ нельзя не признать довольно умѣренной и самый расходъ, сообразно съ качествомъ и количествомъ флота — весьма невеликимъ.

Утверждать, что Великобританія имѣетъ теперь самый могущественный и наилучше организованный флотъ въ мірѣ — значитъ повторять старую истину, всѣмъ извѣстную. Но мало того: едва-ли не существуетъ основаніе идти дальше и утверждать, что англичане имѣютъ въ настоящее время, сравнительно со всѣми морскими державами, не только самый сильный, но *сравнительно и самый дешевый флотъ*. Въ самомъ дѣлѣ, капитанъ Бриджъ сообщаетъ въ новомъ журналѣ «Time» слѣдующія статистическія выкладки, основанныя на общезвѣстныхъ, болѣею частію, официальныхъ данныхъ о стоимости и силахъ флотовъ важнѣйшихъ морскихъ государствъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ Америки. Онъ беретъ для сравненія слѣдующія государства: Францію, Германію, Австрію, Италію, Россію и Соединенные Штаты и приводитъ цифры ихъ морскихъ расходовъ въ переводѣ на англійскую денежную единицу; сумма расходовъ во всѣхъ шести государствахъ на этотъ предметъ составляетъ 20,414,000 фунт. стерл. противъ 11 мил. въ Англіи за прош-

ный годъ или 10 мил., которые можно считать ея среднимъ нормальнымъ расходомъ на морское министерство. Далѣе, г. Бриджъ вычисляетъ морскія силы всѣхъ приводимыхъ государствъ, которые оплачиваются означенными расходами. Въ виду важныхъ успѣховъ въ кораблестроеніи за послѣднее время, деревянные панцирные суда уже не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ военно-морского дѣла и не должны потому идти въ счетъ. Одинаково, не считаются суда, специально предназначенныя для береговой защиты, и суда мелкихъ размѣровъ. Дѣйствительную силу военнаго флота настоящаго времени составляютъ лишь броненосцы, выстроенные изъ цѣльнаго желѣза или стали по послѣднимъ образцамъ и преимущественно доказавшіе свое достоинство далекими морскими плаваніями, и только отъ большаго или меньшаго количества такихъ судовъ зависитъ военное значеніе державы на морѣ. Такихъ судовъ, вполне современныхъ по своей морской и боевой годности, по расчету капитана Бриджа, Франція частію уже имѣетъ, частію приготовляетъ *восемь*, Германія, только-что выступившая на море, уже приготовила по новѣйшимъ образцамъ *дванадцать* броненосцевъ, Австрія—*шесть*, Италія имѣетъ ихъ *восемь*, Россія—*четыре*, а Соединенные Штаты не имѣютъ ни одного судна-броненосца, которое, согласно современнымъ требованіямъ, могло бы оказаться годнымъ въ Европѣ. Всего, слѣдовательно, морская сила шести державъ опредѣляется *тридцатью-восемью* броненосцами при общей сложности морскихъ расходовъ въ *двадцать мил. ф. с.* Между тѣмъ, Великобританія затрачиваетъ на свой военный флотъ *десять мил.* и имѣетъ *сорокъ* броненосцевъ, построенныхъ изъ желѣза и стали по послѣднимъ образцамъ, исключая всѣхъ такихъ суда, которые не подходятъ къ мѣрѣй достоинства, выставленной Бриджемъ. (Однихъ броненосцевъ при этомъ исключается *восемнадцать* штукъ).

И такъ, слѣдовательно, затрачивая 10 мил. противъ 20 мил., Великобританія владѣетъ броненоснымъ флотомъ, не только равнаго съ шестью державами достоинства, но даже высшаго въ количественномъ отношеніи, предполагая въ то же время равнымъ — качественное; говоря иначе, благодаря главнымъ образомъ благоразумному и бережливому расходованію казенныхъ денегъ, Великобританія (а за ней Германія) имѣетъ сравнительно самый дешевый флотъ въ свѣтѣ въ матерьяльномъ (matériel) отношеніи. Но если даже взять личный составъ флота (personnel), то, несмотря на всѣ невыгодныя для него условія, какъ-то: отсутствіе воинской повинности и пополненіе флота одной лишь вербовкой, исключеніе изъ списковъ моряковъ всѣхъ нестрое-

ныхъ частей, чего не дѣлается во многихъ другихъ флотахъ, тѣмъ не менѣе, и тутъ, при сравненіи, окажется, что Англія съумѣла, при общемъ расходѣ въ 10 мил., составить военный флотъ изъ 60 тысячъ моряковъ, а шесть помянутыхъ державъ, при расходахъ въ 20 мил., имѣютъ ихъ лишь 111 тысячъ, т. е., пропорціонально на девять тысячъ меньше. Вообще, положеніе британскаго флота настоящаго времени настолько высоко и удовлетворительно почти во всѣхъ отношеніяхъ, что можетъ служить наилучшимъ образцомъ для каждаго государства, желающаго поднять значеніе и развитіе своего флота. «Англія, объявляя въ послѣдней сессіи французскаго національнаго собранія Лами (Lamy), президентъ комитета для изслѣдованія морскихъ расходовъ:—Англія не только владѣетъ теперь самымъ могущественнымъ флотомъ, но содержитъ самымъ бережливымъ образомъ свои морскія учрежденія, имѣетъ самую простую систему отчетовъ и наилучше содержимыхъ и наиболѣе довольныхъ моряковъ въ цѣломъ свѣтѣ»¹).

Таковы плоды, въ періодъ какихъ-нибудь тридцати лѣтъ, широкаго совмѣстнаго участія частной инициативы, общественной самодѣятельности, свободной прессы въ контролированіи государственныхъ расходовъ и въ рѣзкой, правдивой критикѣ всѣхъ золъ и недостатковъ общественнаго и государственнаго устройства.

Намъ остается еще рассмотреть послѣдній видъ расходовъ, играющій значительную роль въ военномъ бюджетѣ — расходы на колониальное управленіе. Этому вопросу ливерпульское общество посвятило два трактата (№№ 11 и 12 первой серіи), составляющіе ничто иное, какъ парламентскую рѣчь члена общества сэра Уильяма Мольсуорта, произнесенную въ палатѣ общинъ 25-го іюля 1848 года².

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что всѣ обширныя владѣнія Великобританіи въ разныхъ частяхъ свѣта дѣлятся въ административномъ отношеніи на два вида: колоній, которыя состоятъ во владѣніи министерства колоній, и такія, которыя имѣютъ особое управленіе; къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ ост индскія владѣнія, управленіе которыхъ въ то время (до 1859 года) принадлежало знаменитой ост-индской компаніи. Трактаты ливерпульскаго общества, содержаніе которыхъ мы теперь будемъ

¹ The host of the Navy by Captain Cyprian Bridge. R. №. въ Time, a Monthly Magazine, for July 1879.

² F. R. T. 1-st Series №№ 11 and 12. Speech of sir William Molesworth Bart M. P. in the House of Commons on Tuesday 25-th July 1848 on Colonial Expenditure and Government.

излагать, имѣютъ въ виду исключительно колоніи перваго рода, т. е. состоящія подъ управленіемъ министерства колоній.

Колоніальныя владѣнія Великобританіи, не считая Индіи, занимаютъ собой (въ 1848 году) громадное пространство отъ четырехъ до пяти милліоновъ квадратныхъ миль (англійскихъ), т. е. пространство, равное цѣлой Европѣ, вмѣстѣ сложенной съ Ост-Индіей, и на этомъ пространствѣ насчитывается до сорока различныхъ колоній (каждая съ особымъ мѣстнымъ управленіемъ), разбросанныхъ неравномѣрно по всѣмъ частямъ свѣта: въ Европѣ—четыре, въ Сѣверной Америкѣ—пять, въ Вест-Индіи—пятнадцать, въ Южной Америкѣ—три, въ Африкѣ—пять, въ Азіи—три и въ Австраліи—пять. Всѣ эти владѣнія, населенныя самыми разнообразными племенами, управляются частію на свой собственный счетъ, частію на счетъ британскаго казначейства. Весь колоніальный расходъ на управленіе въ то время равнялся 8 мил. ф. ст., изъ которыхъ именно одна половина покрывалась самими колоніями, другая относилась на счетъ Великобританіи. Ливерпульское общество или сэръ Мольсуортъ—что въ настоящемъ случаѣ тоже самое—начинаетъ свою критику расходовъ, именно съ той доли, которая уплачивается метрополіей. Колоніальные расходы Великобританіи состоятъ изъ издержекъ, которыя распредѣляются на четыре разряда—расходы военные, морскіе, гражданскіе и расходы чрезвычайныя; изъ нихъ главную роль, конечно, играютъ первыя: изъ общей суммы расходовъ на колоніальное управленіе, 2.500,000 ф. ст. приходится на содержаніе войска и вообще на военныя цѣли; на долю морскаго вѣдомства весь расходъ нужно считать не менѣе 1.000,000 ф. ст.; затѣмъ 300,000 приходится на гражданское вѣдомство и 200,000—на чрезвычайныя расходы. Послѣдніе, впрочемъ, весьма часто, вслѣдствіе возмущеній, войнъ съ дикарями и т. п., въ дѣйствительности гораздо выше и, болѣею частію, покрываются изъ собственныхъ же средствъ Великобританіи. Чтобы оцѣнить эти издержки на колоніи и опредѣлить, велики онѣ или малы, необходимо для того имѣть мѣрку: такой мѣркой, по мнѣнію сэра Мольсуорта, могутъ служить двѣ важнѣйшія цѣли, ради которыхъ Англія и приобрѣла колоніи. Во-первыхъ, онѣ нужны для британской промышленности и торговли, какъ рынки сбыта для товаровъ; во-вторыхъ, колоніи имѣютъ крупное значеніе для отлива излишка англійскаго населенія, т. е. въ качествѣ свободныхъ земель, куда можетъ эмигрировать избытокъ рабочихъ силъ, преимущественно изъ сельскаго рабочаго класса. Этими двумя цѣлями собственно и должно бы опредѣляться при правильной постановкѣ вопроса достоинство каждой колоніи для

метрополи и, слѣдовательно, размѣръ самыхъ издержекъ, которыя на эту колонію можно признать нормальными.

Но, кромѣ того, Великобританія имѣетъ значительное количество колоній, въ которыхъ эта мѣрка не приходится: это—такія владѣнія, которыя имѣютъ для нея значеніе почти исключительно военное и называются «военными станціями» (military stations), и съ обзора издержекъ этихъ колоній и начинается именно критика колониальныхъ расходовъ ливерпульскаго общества. Къ этой категоріи колоній принадлежатъ слѣдующія: Гельголандъ, Гибралтаръ, Мальта, Ионійскіе Острова, Бермудскіе Острова, рядъ станцій на восточномъ берегу Африки, островъ Св. Елены, Мысъ Доброй Надежды, островъ Св. Маврика, Гонъ-Конгъ, Лэбуанъ и Фалклендскіе Острова. «Что всѣ эти военныя станціи стоятъ государству», спрашиваетъ сэръ Мольсуортъ:— и какую выгоду и употребленіе можетъ извлечь изъ нихъ Англія? Онѣ называются аванпостами британской имперіи и, полагаются, полезны во время войны въ цѣляхъ нападенія. Но мнѣ кажется, отвѣчаетъ онъ далѣе:— что большая часть изъ нихъ такъ удалена отъ центра имперіи, что во время войны онѣ могутъ скорѣе оказаться источниками слабости, а вовсе не силы, такъ какъ эти станціи могутъ принудить насъ, противно всѣмъ здравымъ принципамъ военнаго дѣла, разсѣять, вмѣсто того, чтобы сконцентрировать, наши силы. Поэтому, въ случаѣ серьезной борьбы, по всей вѣроятности, многія изъ этихъ станцій, какъ и всякіе аванпосты, будутъ покинуты...», слѣдовательно, и всѣ военныя издержки на такія владѣнія оказываютъ брошенными задаромъ. На основаніи этого соображенія, Мольсуортъ предлагаетъ нѣкоторыя станціи, напримѣръ, на западномъ берегу Африки, и протекторатъ надъ Ионическими Островами—совсѣмъ уничтожить, Фалклендскіе Острова уступить Буэносъ-Айресу, который имѣетъ на нихъ законныя права; относительно же другихъ станцій, допуская возможность нѣкоторой отъ нихъ пользы, по крайней мѣрѣ ограничить число содержащихся на нихъ войскъ и прекратить возведеніе новыхъ укрѣпленій: черезъ это государство можетъ сократить свои колониальныя расходы на нѣсколько сотъ тысячъ фунтовъ безъ всякаго ущерба достоинству и военнымъ силамъ имперіи.

Но одна военная станція, Мысъ Доброй Надежды, равно имѣетъ значеніе какъ военное, такъ и экономическое, а потому трактатъ г. Мольсуорта останавливается надъ ней нѣсколько дольше. Великобританія ежегодно сбываетъ въ эту колонію товаровъ на 458,000 ф. ст. и вывозитъ изъ нея на 258,000 ф. ст.; но въ то же время британское казначейство затрачиваетъ на нее

также не мало, а именно 294,000 ф. ст., или 50% той выгоды Великобритани, которую она получает от сбыта туда своихъ товаровъ, поглощается военными (по преимуществу) расходами на колонію. Но въ дѣйствительности, еслибы счесть всѣ экстраординарные расходы, вызываемые въ этой колоніи частыми войнами съ кафрами, то расходы оказались бы еще значительнѣе и перевѣсили бы съ избыткомъ выгоду, получаемую отъ нея всей вывозной и ввозной торговлей. Въ самомъ дѣлѣ, одна послѣдняя война обошлась уже 1.100,000 и еще, вѣроятно, придется метрополіи заплатить отъ 800,000 до 900,000 ф. ст., чтобы заключить военные счета. При отдаленности этой колоніи, плохомъ контролѣ министерства колоній за губернаторами, войны съ дикарями и мелкіе набѣги, разоряющіе страну, повторяются безпрестанно и болѣею частію возникаютъ изъ пустяковъ, благодаря легкомыслію администраціи. Обыкновенная причина возбужденія военныхъ дѣйствій противъ кафровъ заключается въ кражѣ скота: нѣсколько кафровъ украдутъ или похорѣваются въ кражѣ десятка головъ скота, принадлежащаго колонистамъ; колонисты отплачиваютъ кафрамъ, дѣло доходить до драки, проливается кровь, и вотъ колоніальное правительство вмѣшивается, и начинается война съ кафрами, стоимость которой почти цѣлкомъ падаетъ на британское казначейство. Какъ легкомысленно администрація въ лицѣ губернаторовъ относится къ этимъ столкновеніямъ, можно судить по послѣднимъ двумъ войнамъ съ кафрами. Поводомъ къ предпоследней изъ нихъ послужила кража однимъ кафромъ топора у колониста. Кафръ былъ арестованъ и посланъ въ тюрьму; дорогой его товарищи напали на конвой и освободили арестованнаго: съ обѣихъ сторонъ были убиты; колоніальныя власти потребовали отъ кафровъ удовлетворенія и не получили его, что и послужило поводомъ къ войнѣ. Последняя, такъ дорого стѣившая война, точно также произошла изъ-за пустяковъ: опять вслѣдствіе кражи, но на этотъ разъ четырнадцати козъ, изъ которыхъ притомъ кафры возвратили по первому требованію двѣнадцать штукъ, отказываясь отъ двухъ. И вотъ, изъ-за этихъ двухъ украденныхъ козъ и топора, Британія вынесла на плечахъ плательщиковъ своихъ налоговъ двѣ войны, стѣившія вмѣстѣ милліона два фунтовъ.

Такъ какъ отъ всѣхъ этихъ частыхъ войнъ, главнѣйшую ихъ сторону, матеріальную, уплачиваетъ Великобританія, то для того, чтобы въ будущемъ уменьшить ихъ возможность, необходимо эту тягость перемѣстить на самихъ колонистовъ: именно отозвать отъ границы всѣ войска и предоставить колонистамъ самимъ себя защищать и оплачивать стоимость этой защиты. То-

гда колонисты будутъ имѣть болѣе сильный личный интересъ избѣгать начинанія войнъ съ кафрами и торопиться ихъ окончаніемъ. Въ награду же за это, колонисты должны получить представительныя учрежденія и, слѣдовательно, ограниченіе власти губернаторовъ и всецѣлый контроль надъ своими расходами. Черезъ это одинаково выиграютъ какъ Великобританія, такъ и Капская Земля: первая можетъ ограничиться содержаніемъ тамъ ничтожнаго гарнизона вмѣсто цѣлой арміи, какъ теперь, и уменьшить свои военные расходы на 200,000 ф. ст.; вторая — подъ благотворнымъ вліяніемъ свободныхъ учреждений навѣрное процвѣтетъ, лучше устроитъ свои мѣстныя дѣла и будетъ привлекать болѣе переселенцевъ изъ Европы. Еслибы, вмѣсто лишняго тамъ войска, Англія начала соответственный расходъ употреблять для этой послѣдней цѣли, т. е. на пособіе своимъ переселенцамъ на Мысъ Доброй Надежды, то нѣтъ сомнѣнія, быстрое увеличеніе тамъ населенія весьма скоро положило бы конецъ всѣмъ этимъ вадорнымъ пограничнымъ столкновеніямъ и сдѣлало колонистовъ достаточно сильными, чтобы справляться съ кафрами самимъ, безъ помощи британскаго войска.

Но несравненно важнѣе для интересовъ Великобританіи, по общему мнѣнію, значеніе чисто-торговыхъ колоній, каковы: Сѣверная Америка, Вест-Индіа и Австралія. Ихъ значеніе для метрополии двоякое: во-первыхъ, онѣ служатъ рынкомъ для сбыта британскихъ товаровъ, и во-вторыхъ, служатъ для переселенія и отлива излишняго рабочаго населенія. Прежде, при существованіи старыхъ навигаціонныхъ законовъ, эти колоніи должны были не только всѣ товары покупать исключительно у англійскихъ купцовъ, но и продавать лишь имъ однимъ; старая система пала, и теперь онѣ могутъ свободно вести торговлю съ какииъ государствомъ имъ угодно. Въ смыслѣ торговомъ, въ настоящее время, британскія колоніи — почти совсѣмъ независимыя государства, исключая лишь то, что онѣ не могутъ запретить своимъ жителямъ покупать британскіе товары и продавать имъ свои. Но очевидно, что еслибы эти колоніи даже и сдѣлались самостоятельными государствами, онѣ не стали бы запрещать своимъ подданнымъ продавать свои произведенія кому угодно, и въ томъ числѣ англичанамъ, и слѣдовательно, говоритъ Мольсуортъ: — если Великобританія удерживаетъ свои колоніи и извлекаетъ изъ ихъ подданства выгоду, то эта выгода заключается «во власти, которую мы имѣемъ, препятствовать колоніямъ устанавливать враждебныя таможенныя тарифы противъ нашихъ продуктовъ и мануфактуръ». Весь интересъ Британіи въ своихъ колоніяхъ зависитъ, значить, отъ размѣровъ вывозной туда торговли, почему

конечно и размѣры расходовъ британскаго казначейства опредѣляются степенью выгоды, отсюда получаемой. Выгода эта въ то время, т. е. цифра вывозной торговли въ Сѣверную Америку, Вест - Индію и австралійскія колоніи, составляла примѣрно 6.000,000 ф. с., а обыкновенные государственные расходы Великобританіи на эти колоніи были за то же время 2.000,000, т. е., чтобы обезпечить покупателей своимъ торговцамъ на *четыре* мил. ф. с., Англія тратитъ *два* мил. денегъ, собираемыхъ со всего народа. Такимъ образомъ, представляется странное зрѣлище: цѣлый народъ, масса котораго состоитъ изъ рабочаго класса, платитъ налоги, идущіе лишь на удовлетвореніе торговыхъ интересовъ, и Англію поэтому, замѣчаетъ трактатъ, можно по справедливости назвать страной, если не лавочниковъ, то управляемой подъ вліяніемъ лавочниковъ! Во всякомъ случаѣ, такой государственный расходъ не соразмѣренъ съ выгодой отъ колоній, получаемой ради обезпеченія безпрепятственной свободной торговли, и если Англія была бы принуждена постоянно нести тягость настоящихъ расходовъ на колоніи, то ей гораздо выгоднѣе совсѣмъ отказаться отъ нихъ; если же она желаетъ сохранить ихъ за собой, то главное условіе для того должно заключаться въ возможно большемъ сокращеніи расходовъ. Какую цѣль, напримѣръ, разсуждаетъ Мольсуортъ, имѣетъ содержаніе 9,000 человекъ войска въ Сѣверной Америкѣ, чтѣ и поглощаетъ значительную часть всей расходуемой суммы? «Защищать эти владѣнія отъ Соединенныхъ Штатовъ, отвѣтять одни; держать ихъ въ подчиненіи метрополіи, отвѣтять другіе. Но если колонисты привязаны къ своимъ метрополіи, то они сами себя счумѣютъ защитить въ первомъ случаѣ, и британское войско бесполезно — во-второмъ; если же они не питаютъ къ намъ вѣрно-подданическихъ чувствъ, то конечно, не только 9,000 человекъ, но и трижды такое количество войска не достаточно для того, чтобы удержатъ ихъ за собой. Гораздо болѣе вѣрное средство, это — дать имъ большее самоуправленіе, предоставить имъ самимъ заниматься ихъ внутренними дѣлами и тѣмъ привязатъ ихъ къ метрополіи ¹».

Тѣ же самыя соображенія приложимы къ вест-индскимъ и австралійскимъ колоніямъ: особенно велики военные расходы въ Вест-Индіи, которые и должны быть уменьшены на половину. Всего вмѣстѣ съ военными станціями, Мольсуортъ предполагаетъ возможнымъ сократить расходы британскаго казначейства въ 2.000,000 ф. с.; главнымъ образомъ, это сокращеніе можетъ быть

¹ *Financial Reform Tracts*, 1-st Series, №№ 11 and 12.

произведено съ помощью уменьшенія военной силы, содержимой въ колоніяхъ, на 22,000 человекъ, частью съ помощью сокращенія тамъ же расходовъ морскихъ и гражданской администраціи, и наконецъ, частію уменьшеніемъ экстраординарныхъ расходовъ, устранивши, черезъ дарованіе широкаго самоуправленія, такіе къ нимъ поводы, какъ мѣстныя возмущенія и войны.

Разсмотрѣвши расходы на колоніи, покрываемые изъ средствъ британскаго казначейства, Мольсуортъ переходитъ къ обзорѣ расходовъ, покрываемыхъ самими колонистами, налогами на нихъ и источниками мѣстнаго происхожденія. Сюда принадлежатъ преимущественно расходы на гражданскую администрацію. По послѣднимъ даннымъ того времени, колоніи имѣли собственныхъ расходовъ 3.350,000 ф. с. или, сообразно съ тогдашнимъ числомъ жителей, приходилось по 19 шил. 8 пенс. ежегодныхъ колоніальныхъ издержекъ на душу населенія. Этотъ размѣръ расходовъ, однакоже, чрезвычайно разнообразился въ различныхъ колоніяхъ, смотря по формѣ мѣстнаго самоуправленія. Это обстоятельство составляетъ вездѣ, по мнѣнію Мольсуорта, крайне важное условіе правильной организаціи расходовъ, почему онъ и сосредоточиваетъ на его постановкѣ наибольшее участіе во всемъ трактатѣ. Доказательствомъ могутъ служить даже общія цифры расходовъ на колоніи, смотря по формѣ ихъ управленія: колоніи съ представительными учрежденіями въ 1846 году имѣли 2.580,000 душъ населенія, и ихъ расходы составляли 1.930,000 ф. с. или по 14 шил. 11 пенсовъ на душу населенія. Съ другой стороны, населеніе колоній безъ представительнаго правленія составляло 820,000 душъ, и ихъ расходы—1 ф. 14 шил. на душу, или почти вдвое больше, нежели въ колоніяхъ съ свободными учрежденіями и сравнительной независимостью отъ коронной администраціи. «Я убѣжденъ поэтому, заключаетъ отсюда Мольсуортъ:—что высокіе размѣры расходовъ въ коронныхъ колоніяхъ преимущественно зависятъ отъ недостатка общественной самодѣятельности, отъ отсутствія представительныхъ учреждений, что и постараюсь доказать на примѣрѣ отдѣльныхъ колоній¹⁾».

¹ По формѣ управленія англійскія колоніи въ настоящее время раздѣляются на три вида: 1) *Коронныя колоніи* (Crown colonies), въ которыхъ великобританское правительство сохраняетъ полный всеобщій законодательный контроль, и почти все управленіе ведется коронными чиновниками. Такова, напримѣръ, Индія и большая часть военныхъ станцій. 2) *Колоніи съ представительными учрежденіями* (Representative Institutions), которыя управляются палатами, состоящими изъ избранныхъ представителей народа, но въ которыхъ британское правительство удерживаетъ за собой назначеніе и контроль губернатора и части администраціи; напримѣръ, Бермудскіе Острова. 3) *Колоніи съ ответственннмъ правительствомъ* (Responsible Government)—высшая форма само-

Наибольшимъ самоуправленіемъ изъ всѣхъ британскихъ колоній обладаютъ колоніи Сѣверной Америки, и въ тоже самое время онѣ отличаются и самымъ низкимъ размѣромъ государственныхъ расходовъ, оплачиваемыхъ изъ собственнаго кармана колонистовъ. Со времени своего послѣдняго возстанія, Канада, главнѣйшая изъ этихъ колоній, составляетъ почти независимое государство и, обладая представительными учрежденіями, за немногими исключеніями почти совершенно свободными отъ вмѣшательства британскаго министерства колоній, отличается наибольшей бережливостью. Издержки всѣхъ сѣверо-американскихъ колоній за 1845 г. составляли 1,134,000 ф. с., и, по раскладкѣ, на душу приходилось не болѣе 13 шил. 4 пенса на человѣка; причемъ колонія съ *отвѣтственнымъ* правительствомъ (т. е. Канада) расходовала менѣе на 1 шил. 7 пенс. съ души, нежели тѣ, которыя его не имѣли. Но и этотъ сравнительно малый размѣръ расходовъ, обязанный широкому самоуправленію, въ дѣйствительности выше настоящаго нормальнаго расхода, ибо въ общую графу расходовъ вошелъ заемъ въ 500,000 ф. с., затраченный Канадой на постройку различныхъ общественныхъ зданій; если же его исключить изъ счета, то придется всего лишь 9 шил. колониальнаго расхода на душу населенія. Таково благотворное вліяніе представительныхъ учрежденій на развитіе духа бережливости и экономіи.

Еще болѣе поразительное подтвержденіе этого положенія можно видѣть на вест-индскихъ колоніяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ, Ямайка, Багамскіе Острова и проч.) имѣютъ представительныя учрежденія; другія же—не имѣютъ ихъ и составляютъ коронныя земли (Тринидадъ, Св. Люція, Британская Гвіана), и вотъ какіе сравнительные результаты въ финансовомъ отношеніи двухъ категорій этихъ колоній, изъ которыхъ притомъ многія весьма сходны между собой по физическимъ и экономическимъ условіямъ. Во всѣхъ вест-индскихъ колоніяхъ, имѣвшихъ представительныя учрежденія, насчитывалось 700,000 жителей и расходы управленія составляли 450,000 ф. с. или 12 шил. 10 пенс. на душу. Теперь, если ихъ сравнить съ тѣми изъ вест-индскихъ колоній, которыя не имѣютъ палаты и управ-

управленія, точно также управленіе посредствомъ представительныхъ учрежденій, но британское правительство здѣсь болѣе уже не имѣетъ почти никакого контроля надъ администраціей. Таковы: Канада и многія австралійскія колоніи. Въ сороковыхъ годахъ, къ которымъ относится настоящій трактатъ ливерпульскаго общества, огромная часть британскихъ колоній не имѣла самоуправления и были коронными колоніями; сравнительно, небольшая лишь часть (которая здѣсь и будетъ указана) имѣла представительныя учрежденія въ ихъ второй формѣ, т. е. Канада—отвѣтственное правительство.

ляются коронными чиновниками, то окажется, что въ послѣднихъ было 190,000 душъ населенія и 284,000 ф. с. расходу, т. е. приходилось по 1 ф. 9 шил. на душу, или отсутствіе свободныхъ учреждений стоило этимъ колоніямъ болѣе, нежели двойнаго государственнаго расхода на удовлетвореніе ихъ потребностей. Почти тотъ же высокій размѣръ расходовъ (1 ф. 7 шил. на душу) встрѣчается и въ коронныхъ колоніяхъ на Мысъ Доброй Надежды и на островъ Св. Маврікія.

Если обратиться далѣе къ австралійскимъ колоніямъ, то и тамъ замѣтимъ повтореніе того же самаго явленія. Единственная въ то время колонія, которая имѣла представительное правленіе, былъ Новыи Южныи Уэльсъ. Оно было установлено тамъ лишь въ 1843 году и немедленно оказало вліяніе на уменьшеніе расходовъ. Въ 1841 году свободное населеніе Новаго Южнаго Уэльса не превышало 102,000 человекъ, и обыкновенные расходы, исключая издержекъ на переселенцевъ, составляли 350,000 ф. с. или—чрезвычайно большой размѣръ—3 ф. 4 ш. на душу. Въ 1843 году представительное собраніе сразу уменьшило издержки слѣдующаго года на 60,000 ф. с., а въ 1846 году, когда населеніе уже увеличилось на двѣлихъ 70% (178,000 душъ), расходы равнялись всего 254,000 ф. с. или 1 ф. 8 шил. на душу, т. е. уменьшились при новомъ управленіи, сообразно съ населеніемъ, въ два съ половиною раза. Совсѣмъ не то окажется, если взять для сравненія австралійскую же колонію безъ самоуправленія: въ Вандименовой Землѣ, напримѣръ, на 37,000 душъ населенія приходится расходу 161,000 ф. с. или 4 ф. 6 ш. на человека, т. е. *строе* больше, чѣмъ въ сосѣднемъ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Другая коронная колонія—Южная Австралія—имѣла нѣкоторые года расходъ въ невѣроятномъ размѣрѣ 10 ф. стер. на душу и въ управленіе губернатора Гоулера (Gawler) совсѣмъ обанкрутилась, такъ что до сихъ поръ за нее платитъ долги центральное правительство. Тоже самое и относительно другой колоніи, неимѣвшей представительства—Восточной Австраліи: расходы перевѣшиваютъ доходы, и ежегодно британскому казначейству приходится приплачивать отъ семи до восьми тысячъ фунтовъ.

И такъ, можно считать доказаннымъ фактъ, что широкое развитіе самоуправленія является лучшимъ средствомъ противъ чрезмѣрности расходовъ и расточительности управленія. Способъ къ сокращенію расходовъ, по этому, долженъ лежать тамъ, гдѣ его корень, т. е. чтобы достигнуть солиднаго и значительнаго сокращенія своихъ колониальныхъ расходовъ, Великобританія должна расширить самоуправленіе колоній; этимъ она сразу до-

стигнуть двухъ цѣлей: поднять внутреннее благосостояніе этихъ колоній и уменьшить собственные расходы. Нѣтъ сомнѣній при этомъ, что, чѣмъ шире будетъ это самоуправленіе, т. е. чѣмъ менѣе и незначительнѣе будетъ составъ коронной администраціи въ колоніяхъ, тѣмъ для британскаго казначейства выгоднѣе и расходы меньше. Дѣло въ томъ, что всѣ высшіе чиновники Великобританіи въ ея колоніяхъ оплачиваются чрезвычайно высокими окладами жалованья, которые, между тѣмъ, приходится уплачивать колонистамъ собственными средствами. Размѣры этихъ жалованій, напримѣръ, въ Канадѣ несравненно выше, нежели въ сосѣднихъ Соединенныхъ Штатахъ: губернаторъ Канады получаетъ 7,000 ф. с. жалованья, тогда какъ даже президентъ американской республики получаетъ всего 5,000 ф. с. въ годъ, а губернаторы ни одинъ—выше 1,200 ф. с.; даже губернаторъ Нью-Йорка имѣетъ всего лишь 800 ф. с. жалованья, а многіе гораздо меньше. Тоже самое и относительно судей: въ Америкѣ судьи получаютъ отъ 200 до 800 ф. с., въ Канадѣ отъ 1,000 до 1,500 ф. с. и т. д. Одинаково почти высоки размѣры жалованья британскихъ чиновниковъ и въ другихъ колоніяхъ, что возбуждаетъ часто открытое неудовольствіе и даже протесты со стороны колонистовъ, какъ это было недавно въ Британской Гвіанѣ, гдѣ колонисты захотѣли сами уменьшить жалованье администраціи на 25%. Лучше всего это можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія: губернаторы тридцати штатовъ Американской Республики получаютъ 14,000 ф. с. въ годъ, или среднимъ числомъ только 460 ф. с., тогда какъ въ восемнадцати лишь колоніяхъ Великобританіи на тотъ же предметъ издерживается 72,000 ф. с. ежегодно, или 4,000 ф. с. среднимъ числомъ на каждого изъ губернаторовъ, т. е. въ девять разъ соответственно болѣе, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ. По мнѣнію Мольсуорта, этотъ порядокъ долженъ измѣниться одновременно съ расширеніемъ колониальнаго самоуправления, что уже и теперь замѣтно на тѣхъ колоніяхъ, которыя получили представительное правленіе: вмѣстѣ съ этимъ, произошло и сокращеніе коронной администраціи, а ея мѣсто заняли новыя лица, избранныя самими колонистами и съ гораздо низшими окладами, чѣмъ прежде. «Вообще, говоритъ онъ:—если мы настаиваемъ, чтобы колонисты уплачивали жалованье губернаторамъ или другимъ чиновникамъ, которые ими управляютъ, то несправедливо назначать ихъ самимъ: пусть колонисты выбираютъ губернаторовъ и другихъ чиновниковъ и уплачиваютъ въ размѣрѣ, который сочтутъ нужнымъ».

Вотъ тѣ главнѣйшія преобразованія, которыя Великобританія, согласно возрѣніямъ ливерпульскаго общества, должна произ-

вести въ устройствѣ своихъ колоній, чтобы значительно сократить колоніальныя расходы. Но преобразование это было бы далеко не полно, еслибы не устранило и тѣхъ частныхъ недостатковъ, которые имѣетъ вся организація британскаго министерства колоній. Первый изъ нихъ заключается въ частой перемѣнѣ лицъ, состоящихъ во главѣ колоніальнаго управленія — такъ называемыхъ государственныхъ секретарей для колоній (Secretaries of State for the Colonies) или, выражаясь иначе, министровъ колоній. Каждая перемѣна политической партіи приноситъ съ собою и назначеніе новаго министра; въ девять послѣднихъ лѣтъ, напримеръ, перемѣнилось уже шесть такихъ государственныхъ секретарей. Многие изъ нихъ — люди весьма способные и достойные, но едва ли одна треть ихъ имѣла какое-либо знакомство съ колоніями прежде занятія этого высокаго поста. Не зная ни нужды колоній, ни ихъ потребностей и интересовъ, они естественно не могли завѣдывать дѣлами колоній по выработанному и однообразному плану и системѣ; напротивъ, каждый изъ нихъ поступалъ на свой образецъ, находился подъ какимъ-либо случайнымъ вліяніемъ и лишь заботился не отступать слишкомъ рѣзко отъ принятыхъ традицій колоніальной политики. Отсюда — гибельный духъ рутины и отсутствіе живаго, сознательнаго отношенія къ запросамъ жизни и времени въ британскихъ колоніальныхъ владѣніяхъ.

Еще неудовлетворительнѣе составъ коронной администраціи въ самыхъ колоніяхъ: протекція и кумовство имѣютъ тутъ обширное вліяніе при назначеніяхъ на должность; здѣсь не требуется часто ни специальныхъ свѣдѣній, ни предварительнаго знанія и опытности въ дѣлѣ, а соображенія, совершенно чуждыя интересамъ колонистовъ. Лица самыхъ разнообразныхъ профессій, неимѣющихъ часто ничего общаго съ ихъ новымъ занятіемъ, лица, которымъ почему-либо не повезло на родинѣ, пользуясь связями родства и знакомства, легко пристраиваются въ составъ колоніальной администраціи и своею дѣятельностью не рѣдко вызываютъ лишь недовольство со стороны колонистовъ. Таковы главные недостатки колоніальнаго управленія, которые требуютъ устраненія и обусловливаютъ необходимость для парламента болѣе тщательнаго и разносторонняго знакомства съ положеніемъ этой отрасли государственной администраціи. Въ свою очередь, эти недостатки доставляютъ лишній аргументъ въ пользу главнаго положенія, доказываемаго трактатомъ ливерпульскаго общества, т. е. необходимости и важности для Англіи расширенія колоніальнаго самоуправленія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ, двѣ цѣли обусловливаютъ господство Великобританіи надъ ко-

лоніями—свободный доступъ британскихъ товаровъ къ колоніальному рынку и такой же доступъ для переселенцевъ: этими лишь двумя цѣлями и должна, конечно, опредѣляться и ограничиваться вся будущая колоніальная политика страны. Во всемъ остальномъ, Англія не имѣетъ никакого интереса къ вмѣшательству, и потому колоніи слѣдуетъ предоставить самимъ себѣ, собственному управленію, и для этого даровать имъ представительныя учрежденія. Большое значеніе послѣднихъ заключается не въ томъ только, что они приведутъ быстро къ сокращенію государственныхъ расходовъ и улучшенію финансовъ, но оно гораздо шире и общѣе: какъ живительная сила солнца вызываетъ изъ земли новыя произрастанія, способствуетъ созданію новыхъ организмовъ, точно также свободныя государственныя учрежденія вызываютъ къ жизни свѣжія народныя силы, создаютъ новые интересы, болѣе благоприятныя условія для дѣятельности и въ результатѣ усиливаютъ и ускоряютъ экономическое и духовное процвѣтаніе страны и тѣмъ самымъ приносятъ прямую выгоду и цѣлому человѣчеству ¹.

Иванъ Яннуль.

---

¹ *Financial Reform Tracts*. 1-st Series, Colonial Expenditure and Government, стр. 28—82.

ХУДОЖНИКИ.

I.

ДѢДОВЪ.

Сегодня я чувствую себя такъ, какъ будто бы гора свалилась съ моихъ плечъ. Счастье было такъ неожиданно! Долой инженерскіе погоды, долой инструменты и сметы!

Но не стыдно ли такъ радоваться смерти бѣдной тетки только потому, что она оставила наслѣдство, дающее мнѣ возможность бросить службу? Правда, вѣдь она, умирая, просила меня отдаться вполне моему любимому занятію, и теперь я радуюсь, между прочимъ, и тому, что исполняю ея горячее желаніе. Это было вчера... Какую изумленную фязіономію сдѣлалъ нашъ шефъ, когда узналъ, что я бросаю службу! А когда я объяснилъ ему цѣль, съ которою я дѣлаю это, онъ просто разинулъ ротъ.

— Изъ любви къ искусству?.. Мм!.. подавайте прошеніе.

И не сказалъ больше ничего, повернулся и ушелъ. Но мнѣ ничего больше и не было нужно. Я свободенъ, я художникъ! Не верхъ ли это счастья?

Мнѣ захотѣлось уйти куда нибудь подальше отъ людей и отъ Петербурга; я взялъ яликъ и отправился на взморье. Вода, небо, сверкающій вдаль на солнцѣ городъ, синіе лѣса, окаймившіе берега залива, верхушки мачтъ на кронштадтскомъ рейдѣ, десятки пролетавшихъ пароходовъ и скользившихъ мимо меня парусныхъ кораблей и лайбъ — все показалось мнѣ въ новомъ свѣтѣ. Все это мое, все это въ моей власти, все это я могу схватить, бросить на полотно и поставить передъ изумленною смяю искусства толпою. Правда, не слѣдовало бы продавать шкуру еще не убитаго медвѣдя: вѣдь пока я — еще не Богъ знаетъ какой великій художникъ...

Яликъ быстро разрѣзалъ гладь воды. Яличникъ, рослый, здоровый и красивый парень въ красной рубахѣ, безъ усталыя работалъ веслами; онъ то нагибался впередъ, то откидывался на-

заль, сильно подвигая лодку при каждомъ движеніи. Солнце закатывалось и такъ эффектно играло на его лицѣ и на красной рубахѣ, что мнѣ захотѣлось набросать его красками. Маленькій ящикъ съ холстиками, красками и кистями всегда при мнѣ.

— Перестань грести, посиди минутку смирно; а тебя напишу, сказалъ я.

Онъ бросилъ весла.

— Ты сядь такъ, будто весла заносишь.

Онъ взялся за весла, взмахнулъ ими, какъ птица крыльями, и такъ и замеръ въ прекрасной позѣ. Я быстро набросалъ карандашемъ контуръ и принялся писать. Съ какимъ-то особеннымъ радостнымъ чувствомъ я мѣшалъ краски. Я зналъ, что ничто не оторветъ меня отъ нихъ уже всю жизнь.

Яличникъ скоро началъ уставать: его удалое выраженіе лица скоро смѣнилось вялымъ и скучнымъ. Онъ сталъ зѣвать и одинъ разъ даже утеръ рукавомъ лицо, для чего ему нужно было наклониться головою къ веслу. Складки рубахи совсѣмъ пропали. Такая досада! Терпѣть не могу, когда натура шевелится.

— Сиди, братецъ, смирнѣе.

Онъ усмѣхнулся.

— Чего ты смѣешься?

Онъ конфузливо ухмыльнулся и сказалъ:

— Да чудно, баринъ!

— Чего-жь тебѣ чудно?

— Да будто я—рѣдкостный какой, что меня писать. Будто картину какую.

— Картина и будетъ, другъ любезный.

— На что-жь она вамъ?

— Для ученья. Вотъ напишу, напишу маленькія, буду и большія писать.

— Большія?

— Хоть въ три сажени.

Онъ помолчалъ и потомъ серьезно спросилъ:

— Чтѣ-жь, вы поэтому и образа можете?

— Могу и образа; только я пишу картины.

— Такъ.—Онъ задумался и снова спросилъ:

— На что-жь онѣ?

— Что такое?

— Картины эти...

Конечно, я не сталъ читать ему лекціи о значеніи искусства, а только сказалъ, что за эти картины платять хорошія деньги, рублей по тысячѣ, по двѣ и больше. Яличникъ былъ совершенно удовлетворенъ и больше не заговаривалъ. Этюдъ вышелъ пре-

красный (очень красивы эти горячіе тоны освѣщеннаго заходящимъ солнцемъ кумача), и я возвратился домой совершенно счастливымъ,

II.

Рябинникъ.

Передо мною стоитъ въ натянутомъ положеніи старикъ Тарасъ, натурщикъ, которому профессоръ Н—ъ велѣлъ положить «рука на галава», потому что это «бшеиъ классическій поза»; вокругъ меня—дѣлая толпа товарищей, такъ же какъ и я, сидящихъ передъ мольбертами съ палитрами и кистями въ рукахъ. Впереди всѣхъ Дѣдовъ, хотя и пейзажистъ, но усердно пишетъ Тараса. Въ классѣ запахъ красокъ, масла, терпентина и мертвая тишина. Каждые полчаса Тарасу дается отдыхъ; онъ садится на край деревяннаго ящика, служащаго ему пьедесталомъ, и изъ «натуры» превращается въ обыкновеннаго голаго старика, разминаетъ свои оцѣпенѣвшія отъ долгой неподвижности руки и ноги, обходится безъ помощи носового платка и прочее. Ученики тѣснятся около мольбертовъ, рассматривая работы другъ друга. У моего мольберта всегда толпа; я—очень способный ученикъ академіи и подаю огромныя надежды сдѣлаться однимъ изъ «нашихъ корифеевъ», по счастливому выраженію извѣстнаго художественнаго критика, г. В. С., который уже давно сказалъ, что «изъ Рябинина выйдетъ толкъ». Вотъ отчего всѣ смотрятъ на мою работу.

Черезъ пять минутъ все снова усаживается на мѣста, Тарасъ влѣзаетъ на пьедесталъ, кладетъ руку на голову и мы мажемъ, мажемъ...

И такъ каждый день.

Скучно, не правда ли? Да я и самъ давно убѣдился въ томъ, что все это очень скучно. Но какъ локомотиву съ открытою паропроводною трубою предстоитъ одно изъ двухъ: катиться по рельсамъ до тѣхъ поръ, пока не истощится паръ, или, соскочивъ съ нихъ, превратиться изъ стройнаго желѣзнодорожнаго чудовища въ груды обломковъ, такъ и мнѣ... Я на рельсахъ; они плотно обхватываютъ мои колеса, и если я сойду съ нихъ, что тогда? Я долженъ во что бы то ни стало докатиться до станціи, несмотря на то, что она, эта станція, представляется мнѣ какой-то черной дырой, въ которой ничего не разберешь. Другіе говорятъ, что это будетъ художественная дѣятельность. Что это нѣчто художественное—спора нѣтъ, но что это дѣятельность...

Когда я хожу по выставкѣ и смотрю на картины, что я вижу

въ нихъ? Холстъ, на который наложены краски, расположенны такимъ образомъ, что онѣ образуютъ впечатлѣнія, подобныя впечатлѣніямъ отъ различныхъ предметовъ. Люди ходятъ и удивляются: какъ это онѣ, краски, такъ хитро расположены! И больше ничего. Написаны цѣлыя книги, цѣлыя горы книгъ объ этомъ предметѣ; многія изъ нихъ я читалъ. Но изъ Тэнновъ, Карьеровъ, Куглеровъ и всѣхъ писавшихъ объ искусствѣ до Прудона включительно, не явствуетъ ничего. Они толкуютъ о томъ, какое значеніе имѣетъ искусство, а въ моей головѣ, при чтеніи ихъ, непремѣнно шевелится мысль: если оно имѣетъ его. Я не видѣлъ хорошаго вліянія хорошей картины на человѣка; зачѣмъ же мнѣ вѣрять, что оно есть?

Зачѣмъ вѣрять? Вѣрять-то мнѣ пужно, необходимо нужно, но какъ повѣрять? Какъ убѣдиться въ томъ, что всю свою жизнь не будешь служить исключительно глупому любопытству толпы (и хорошо еще, если только любопытству, а не чему нибудь иному, возбужденію скверныхъ инстинктовъ, наприимѣръ) и тщеславію какого-нибудь разбогатѣвшаго желудка на ногахъ, который не спѣша подойдетъ къ моей пережитой, выстраданной, дорогой картинѣ, писанной не кистью и красками, а нервами и кровью, пробурчитъ: «мм... ничего себѣ», сумеетъ руку въ оттопырившійся карманъ, броситъ мнѣ нѣсколько сотъ рублей и унесетъ ее отъ меня. Унесетъ вмѣстѣ съ волненіемъ, съ бессонными ночами, съ огорченіями и радостями, съ обольщеніями и разочарованіями. И снова ходишь одинокой среди толпы. Машинально рисуешь натурщика вечеромъ, машинально пишешь его утромъ, возбуждая удивленіе профессоровъ и товарищей быстрыми успѣхами. Зачѣмъ дѣлаешь все это, куда идешь?

Вотъ уже четыре мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я продалъ свою послѣднюю картинку, а у меня еще нѣтъ никакой мысли для новой. Еслибы выплыло что-нибудь въ головѣ, хорошо было бы... Нѣсколько времени полного забвенія: ушелъ бы въ картину, какъ въ монастырь, думалъ бы только о ней одной. Вопросы: куда? зачѣмъ? во время работы исчезаютъ; въ головѣ одна мысль, одна цѣль, и приведеніе ея въ исполненіе доставляетъ наслажденіе. Картина — міръ, въ которомъ живешь и передъ которымъ отвѣчаешь. Здѣсь исчезаетъ житейская нравственность: ты создаешь себѣ новую въ своемъ новомъ мірѣ и въ немъ чувствуешь свою правоту, достоинство или ничтожество и лжешь по своему, независимо отъ жизни.

Но писать всегда нельзя. Вечеромъ, когда сумерки перервутъ работу, вернешься въ жизнь и снова слышишь вѣчный вопросъ: «зачѣмъ?», не дающій уснуть, заставляющій ворочаться на по-

стали въ жару, смотрѣть въ темноту, какъ будто бы гдѣ-нибудь въ ней написанъ отвѣтъ. И засыпаешь подъ утро мертвымъ сномъ, чтобы, проснувшись, опуститься въ другой міръ сна, въ которомъ живутъ только выходящіе изъ тебя самого образы, складывающіеся и проясняющіеся передъ тобою на полотнѣ.

— Что вы не работаете, Рябининъ? громко спросилъ меня сосѣдъ.

Я такъ задумался, что вадрогнулъ, когда услышалъ этотъ вопросъ. Рука съ палитрой опустилась; пола куртука попала въ краски и вся вымазалась; кисти лежали на полу. Я взглянулъ на этюдъ; онъ былъ конченъ и хорошо конченъ: Тарасъ стоялъ на полотнѣ, какъ живой.

— Я кончилъ, отвѣтилъ я сосѣду.

Кончился и классъ. Натурщикъ сошелъ съ ящика и одѣвался; всѣ, шумя, собирали свои принадлежности. Поднялся говоръ. Подошли ко мнѣ, похвалили.

— Медаль, медаль... Лучшій этюдъ, говорили нѣкоторые. Другіе молчали: художники не любятъ хвалить другъ друга.

III.

Д в д о в ь.

Кажется мнѣ, я пользуюсь между моими товарищами-учениками уваженіемъ. Конечно, не безъ того, чтобы на это не оказывалъ вліянія мой, сравнительно съ ними, солидный возрастъ: во всей академіи только одинъ Вольскій старше меня. Да, искусство обладаетъ удивительной притягательной силой! Этотъ Вольскій—отставной офицеръ, господинъ лѣтъ сорока-пяти, съ совершенно сѣдою головою; поступить въ такихъ лѣтахъ въ академію, снова начать учиться—развѣ это не подвигъ? Но онъ упорно работаетъ: лѣтомъ съ утра до вечера пишетъ этюды во всякую погоду, съ какимъ-то самоотверженіемъ; зимою, когда свѣтло—постоянно пишетъ, а вечеромъ рисуетъ. Въ два года онъ сдѣлалъ большіе успѣхи, несмотря на то, что судьба не наградила его особенно большимъ талантомъ.

Вотъ Рябининъ—другое дѣло: чертовски талантливая натура, но за то лѣтній ужасный. Я не думаю, чтобы изъ него вышло что-нибудь серьезное, хотя всѣ молодые художники—его поклонники. Особенно, мнѣ кажется страннымъ его пристрастіе къ такъ-называемымъ реальнымъ сюжетамъ: пишетъ лапти, онучи и полушубки, какъ будто бы мы не довольно насмотрѣлись на нихъ въ натурѣ. А что главное, онъ почти не работаетъ. Иногда засадеть, и въ мѣсяцъ кончить картину, о которой всѣ кри-

чать, какъ о чудѣ, находя, впрочемъ, что техника оставляетъ желать лучшаго (по моему, техника у него очень и очень слаба); а потомъ бросить писать даже этюды, ходить мрачный и ни съ кѣмъ не заговариваетъ, даже со мной, хотя, кажется, отъ меня онъ удаляется меньше, чѣмъ отъ другихъ товарищей. Странный юноша! Удивительными мнѣ кажутся эти люди, не могущіе найти полного удовлетворенія въ искусствѣ. Не могутъ они понять, что ничто такъ не возвышаетъ человѣка, какъ творчество.

Вчера я кончилъ картину, выставилъ, и сегодня уже спрашивали о цѣнѣ. Дешевле 300 не отдамъ. Давали уже 250. Я—такого мнѣнія, что никогда не слѣдуетъ отступать отъ разъ назначенной цѣны. Это доставляетъ уваженіе. А теперь тѣмъ болѣе не уступлю, что картина навѣрно продается; сюжетъ—изъ ходячихъ и симпатичный: зима, закатъ; черные стволы на первомъ планѣ рѣзко выдѣляются на красномъ заревѣ. Такъ пишетъ К., и какъ онѣ идутъ у него! Въ одну эту зиму, говорятъ, до двадцати тысячъ заработалъ. Недурно! жить можно. Не понимаю, какъ это ухитряются бѣдствовать нѣкоторые художники. Вотъ у К. ни одинъ холстикъ даромъ не пропадаетъ: все продается. Нужно только прямое отношеніе къ дѣлу; пока ты пишешь картину—ты художникъ, творецъ; написана она—ты торгашъ; и чѣмъ ловче ты будешь вести дѣло, тѣмъ лучше. Публика часто тоже норовитъ надуть нашего брата.

IV.

Рябининъ.

Я живу въ пятнадцатой линіи на Среднемъ Проспектѣ и четыре раза въ день прохожу по набережной, гдѣ пристають иностранные пароходы. Я люблю это мѣсто за его пестроту, оживленіе, толкотню и шумъ, и за то, что оно дало мнѣ много матерьяла. Здѣсь, смотря на поденьщиковъ, таскающихъ кули, вертящихся воротѣ и лебедки, возящихъ тележки со всякою кладью, я научился рисовать трудящагося человѣка.

Я шель домой съ Дѣдовымъ, пейзажистомъ. Добрый и невинный, какъ самъ пейзажъ, человѣкъ, и страстно влюбленъ въ свое искусство. Вотъ для него такъ ужъ нѣтъ никакихъ сомнѣній: написать, что видитъ; увидитъ рѣку и пишетъ рѣку, увидитъ болото съ осокою и пишетъ болото съ осокою. Зачѣмъ ему эта рѣка и это болото?—онъ никогда не задумывается. Онъ, кажется, образованный человѣкъ; по крайней мѣрѣ, кончилъ курсъ инженеромъ. Службу бросилъ, благо явилось какое-то наслѣдство, дающее ему возможность существовать безъ труда. Теперь онъ пи-

шеть и нишеть; лѣтомъ сидитъ съ утра до вечера на полѣ или въ лѣсу за этюдами, зимой безъ устали компануетъ закаты, восходы, поднии, начала и концы дожда, зимы, весны и прочее. Инженерство свое забылъ и не жалѣетъ объ этомъ. Только, когда мы проходимъ мимо пристани, онъ часто объясняетъ мнѣ значеніе огромныхъ чугунныхъ и стальныхъ массъ: частей машинъ, котловъ и разныхъ разностей, выгруженныхъ съ парохода на берегъ.

— Посмотрите, какой котлище притащили, сказалъ онъ мнѣ вчера, ударивъ тростью въ звонкій котель.

— Неужели у насъ не умѣютъ ихъ дѣлать? спросилъ я.

— Дѣлаютъ и у насъ, да мало, не хватаетъ. Видите, какую кучу привезли. И скверная работа; придется здѣсь чинить: видите, шовъ расходится? Вотъ тутъ тоже заклепки распатались. Знаете ли, какъ эта штука дѣлается? Это, я вамъ скажу, адская работа. Человѣкъ садится въ котель и держитъ заклепку изнутри клещами, что есть силы напирая на нихъ грудью, а снаружи мастеръ колотитъ по заклепкѣ молотомъ и выдѣлываетъ вотъ такую шляпку.

Онъ показалъ мнѣ на длинный рядъ выпуклыхъ металлическихъ кружковъ, идущій по шву котла.

— Дѣдовъ, вѣдь это все равно, что по груди бить!

— Все равно. Я разъ попробовалъ-было забраться въ котель, такъ послѣ четырехъ заклепокъ еле выбрался. Совсѣмъ разбило грудь. А эти какъ-то ухитряются привыкать. Правда, и мрутъ они, какъ мухи: годъ-два вынесетъ, а потомъ, если и живъ, то рѣдко куда-нибудь годенъ. Извольте-ка цѣлый день выносить грудью удары здороваго молота по груди, да еще въ котлѣ, въ духотѣ, согнувшись въ три погибели. Зимой желѣзо мерзнетъ, холодеъ, а онъ сидитъ или лежитъ на желѣзѣ. Вонъ въ томъ котлѣ—видите, красный, узкій—такъ и сидѣть нельзя: лежи на боку, да подставляй грудь. Трудная работа этимъ глухарамъ.

— Глухарамъ?

— Ну да, рабочіе ихъ такъ прозвали. Отъ этого трезвона они часто гложутъ. И вы думаете, много они получаютъ за такую каторжную работу? Гроши! Потому что тутъ ни навыка, ни искусства не требуется, а только мясо... Сколько тяжелыхъ впечатлѣній на всѣхъ этихъ заводахъ, Рябининъ, еслибы вы знали. Я такъ радъ, что раздѣлялся съ ними навсегда. Просто жить тяжело было сначала, смотря на эти страданія... То ли дѣло съ природою. Она не обижаетъ, да и ее не нужно обижать, чтобы эксплуатировать ее, какъ мы, художники... Поглядите-ка, поглядите, каковъ сѣроватый тонъ! вдругъ перебилъ онъ самъ себя,

показывая на уголокъ неба:—пониже, вонъ тамъ, подъ облачкомъ... прелести! Съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Вѣдь вотъ напиши такъ, ну, точно такъ—не повѣрять! А вѣдь ведурно, а?

Я выразилъ свое одобреніе, хотя, по правдѣ сказать, не видѣлъ никакой прелести въ грязно-зеленомъ клочкѣ петербургскаго неба, и перебилъ Дѣдова, начавшаго восхищаться еще какими-то «тонемомъ» около другого облачка.

— Скажите мнѣ, гдѣ можно посмотрѣть такого глухаря?

— Поѣдемте вѣстѣ на заводъ; я вамъ покажу всякую штуку. Если хотите, можно даже завтра. Да ужъ не ведумалось ли вамъ писать этого глухаря? Бросьте, не стоитъ; неужели нѣтъ ничего повеселѣе? А на заводъ, если хотите, хоть завтра.

Сегодня мы поѣхали на заводъ и осмотрѣли все. Видѣли и глухаря. Онъ сидѣлъ, согнувшись въ комокъ, въ углу котла и подставлялъ свою грудь подъ удары молота. Я смотрѣлъ на него полчаса; въ эти полчаса молотъ поднялся и опустился сотни разъ. Глухарь ворчился. Я его напишу.

V.

Дѣдовъ.

Рябининъ выдумалъ такую глупость, что я не знаю, что объ немъ и думать. Третьяго дня я возилъ его на металлическій заводъ; мы провели тамъ цѣлый день, осмотрѣли все, причемъ я объяснялъ ему всякія производства (къ удивленію моему, а забылъ очень немногое изъ своей профессіи); наконецъ, я привелъ его въ котельное отдѣленіе. Тамъ, въ это время, работали надъ огромнѣйшимъ котломъ. Рябининъ влѣзъ въ котель и полчаса смотрѣлъ, какъ работникъ держитъ заклепки клещами. Вылѣзъ оттуда блѣдный и разстроенный; всю дорогу назадъ молчалъ. А сегодня объявляетъ мнѣ, что уже началъ писать этого рабочаго-глухаря. Что за идея! Что за поэзія въ грязи! Здѣсь я могу сказать, никого и ничего не стѣсняясь, то, чего, конечно, не сказалъ бы при всѣхъ: по моему, вся эта мужичья полоса въ искусствѣ—чистое уродство. Кому нужны эти пресловутые рѣпинскіе «Бурлаки»? Написаны они прекрасно, нѣтъ спора; но вѣдь и только. Гдѣ здѣсь красота, гармонія, изящное? А не для воспроизведенія ли изящнаго въ природѣ и существуетъ искусство?

То ли дѣло у меня! Еще нѣсколько дней работы, и будетъ кончено мое тихое «Майское утро». Чуть колыхнется вода въ прудѣ, ивы склонили на него свои вѣтви; востокъ загорается, мелкія перистыя облачка окрасились въ розовый цвѣтъ. Женская фигура идетъ съ крутого берега съ ведромъ за водой, сплывава

стад утокъ. Вотъ и все; кажется просто, а, между тѣмъ, я ясно чувствую, что повѣи въ картинѣ вышло пропасть. Вотъ это—искусство! Оно настраиаетъ человѣка на тихую, кроткую задумчивость, смягчаетъ душу. А Рабининскій «Глухарь» ни на кого не подѣйствуетъ уже потому, что всякій постарается поскорѣе убѣжать отъ него, чтобы только не мозолить себѣ глаза этими безобразными тряпками и этой грязной рожей. Странное дѣло! вѣдь вотъ въ музыкѣ не допускаются рѣжущія ухо неприятныя созвучія; отчего-жъ у насъ въ живописи можно воспроизводить положительно безобразныя, отталкивающіе образы? Нужно поговорить объ этомъ съ Л.; онъ напишетъ статейку и встаети прокатить Рабинина за его картину. И сидѣть.

VI.

Рабининъ.

Уже двѣ недѣли, какъ я пересталъ ходить въ академію: сижу дома и пишу. Работа совершенно измучила меня, хотя идетъ успѣшно. Слѣдовало бы сказать не *хотя*, а *тѣмъ болѣе*, что идетъ успѣшно. Чѣмъ ближе она подвигается къ концу, тѣмъ все страшнѣе и страшнѣе кажется мнѣ то, что я написалъ. И кажется мнѣ еще, что это—моя послѣдняя картина.

Вотъ онъ сидитъ передо мною въ темномъ углу котла, скорчившійся въ три погибели, одѣтый въ лохмотья, задыхающійся отъ усталости человѣкъ. Его совсѣмъ не было бы видно, еслибы не свѣтъ, проходящій сквозъ круглыя дыры, просверленныя для заклепокъ. Кружки этого свѣта пестрятъ его одежду и лицо, свѣтятся золотыми пятнами на его лохмотьяхъ, на всключенной и закопченной бородѣ и волосахъ, на багрово-красномъ лицѣ, по которому струится потъ, смѣшанный съ грязью, на желтистыхъ надорванныхъ рукахъ и на измученной широкой и впалой груди. Постоянно повторяющійся страшный удар обрушивается на котель и заставляетъ несчастнаго глухаря напрягать всѣ свои силы, чтобы удержаться въ своей невѣроятной позѣ. Насколько можно было выразить это напряженное усиліе, я выразилъ.

Иногда я кладу палитру и кисти и усаживаюсь подальше отъ картины, прямо противъ нея. Я доволенъ ею; ничто мнѣ такъ не удавалось, какъ эта ужасная вещь. Бѣда только въ томъ, что это довольство не ласкаетъ меня, а мучаетъ. Это—не написанная картина, это—созрѣвшая болѣзнь. Чѣмъ она разрѣшится, я не знаю, не чувствую, что послѣ этой картины мнѣ нечего уже будетъ писать. Птицеловы, рыболовы, охотники со всякими экспрессіями и типичнѣйшими фізіономіями, вся эта «богатая об-

ласть жанра» — на что мнѣ теперь она? Я ничѣмъ уже не подѣйствую такъ, какъ этимъ глухаремъ, если только подѣйствую...

Сдѣлалъ опытъ: позвалъ Дѣдова и показалъ ему картину. Онъ сказалъ только: «ну, батенька» и развелъ руками. Усѣлся, смотрѣлъ полчаса, потомъ молча простоялъ и ушелъ. Кажется, подѣйствовало... Но вѣдь онъ все-таки—художникъ.

И я сижу передъ своей картиной, и на меня она дѣйствуетъ. Смотришь и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измученную фигуру. Иногда мнѣ даже слышатся удары молота... Я отъ него сойду съ ума. Нужно его завѣсить.

Полотно покрыло мольбертъ съ картиной, а я все сижу передъ нимъ, думая все о томъ же неопредѣленномъ и страшномъ, что такъ мучаетъ меня. Солнце заходитъ и бросаетъ косую желтую полосу свѣта сквозь пыльные стекла на мольбертъ, завѣшенный холстомъ. Точно человѣческая фигура. Точно Духъ Земли въ «Фаустѣ», какъ его изображаютъ нѣмецкіе актеры.

Wer ruft mich?.

Кто позвалъ тебя? Я, я самъ создалъ тебя здѣсь. Я вызвалъ тебя, только не изъ какой-нибудь «сферы», а изъ душнаго, темнаго котла, чтобы ты ужаснулъ своимъ видомъ эту чистую, приливанную, ненавистную толпу. Прийди, силою моею власти прикованный къ полотну, смотри съ него на эти фразы и трэны, кричи имъ: я—азва растущая! Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое...

Да, какъ бы не такъ!.. Картина кончена, вставлена въ золотую раму; два сторожа потащатъ ее на головахъ въ академію на выставку. И вотъ она стоитъ среди «полдней» и «закатовъ», рядомъ съ «дѣвочкой съ кошвой», недалеко отъ какого-нибудь трехсаженнаго «Іоанна Грознаго, вонзающаго посохъ въ ногу Васьки Шибанова». Нельзя сказать, чтобы на нее не смотрѣли; будутъ смотрѣть и даже хвалить. Художники начнутъ разбирать рисунки. Рецензенты, прислушиваясь къ нимъ, будутъ чиркать что-то карандашиками въ своихъ записныхъ книжкахъ. Одинъ г. В. С. выше заимствованій; онъ смотритъ, одобряетъ, перевозитъ, пожимаетъ мнѣ руку. Художественный критикъ Л. съ яростью набросится на бѣднаго глухара, будетъ кричать: но гдѣ же тутъ изящное, скажите, гдѣ тутъ изящное? и разругаетъ меня на всѣ корки. Публика... Публика проходитъ мимо безстрастно или съ непріятной гримасой; дамы—тѣ только скажутъ: «ah, comme il est laid ce глухаръ», и проплывутъ къ слѣдующей картинѣ, къ «дѣвочкѣ съ кошвой», смотря на которую, скажутъ: «очень, очень мило», или что нибудь подобное. Солид-

ные господа съ бычьими глазами поглазѣють, потупятъ взоры въ каталогъ, испустятъ не то мычанье, не то сопѣнье и благополучно прослѣдуютъ далѣе. И развѣ только какой-нибудь юноша или молодая дѣвушка остановятся со вниманіемъ и прочтутъ въ измученныхъ глазахъ, страдальчески смотрящихъ съ полотна, вошь, вложенный мною въ нихъ...

Ну, а дальше? Картина выставлена, куплена и увезена. Что-жъ будетъ со мною? То, что я пережилъ въ послѣдніе дни, погибнетъ ли безслѣдно? Кончится ли все только однимъ волненіемъ, послѣ котораго наступитъ отдыхъ съ исканіемъ невинныхъ сюжетовъ?.. Невинные сюжеты! Вдругъ вспомнилось мнѣ, какъ одинъ знакомый хранитель галлерей, составляя каталогъ, крикнулъ писцу:

— Мартыновъ, пиши! № 112. Первая любовная сцена: дѣвушка срываетъ розу.

— Мартыновъ, еще пиши! № 113. Вторая любовная сцена: дѣвушка нюхаетъ розу.

Буду-ли я по прежнему нюхать розу? Или сойду съ рельсовъ?

VII.

Дѣдовъ.

Рябининъ почти кончилъ своего «Глухаря» и сегодня позвалъ меня посмотреть. Я шелъ къ нему съ предвзятымъ мнѣніемъ и, нужно сказать, долженъ былъ измѣнить его. Очень сильное впечатлѣніе. Рисунокъ прекрасный. Лѣпка рельефная. Лучшее всего это фантастическое и въ тоже время высоко-нетинное освѣщеніе. Картина, безъ сомнѣнія, была бы съ достоинствами, еслибы только не этотъ странный и дикій сюжетъ. Л. совершенно согласенъ со мною, и на будущей недѣлѣ въ газетѣ появится его статья. Посмотримъ, что скажетъ тогда Рябининъ. Л—у, конечно, будетъ трудно разобрать его картину со стороны техники, но онъ съумѣетъ коснуться ея значенія, какъ произведенія искусства, которое не терпитъ, чтобы его низводили до служенія какому-то низкому и туманному идеямъ.

Сегодня Л. былъ у меня. Очень хвалилъ. Сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно разныхъ мелочей, но въ общемъ очень хвалилъ. Еслибы профессора взглянули на мою картину его глазами! Неужели я не получу, наконецъ, того, къ чему стремится каждый ученикъ академіи—золотой медали? Медаль, четыре года жизни за границей, да еще на казенный счетъ, впереди—профессура... Нѣтъ, я не ошибся, бросивъ эту печальную будничную работу, грязную работу, гдѣ на каждомъ шагѣ наткнешься на какого-нибудь рябининскаго глухаря.

VIII.

Рябинникъ.

Картина продана и увезена въ Москву. Я получилъ за нее деньги и, по требованію товарищей, долженъ былъ устроить имъ увеселеніе въ «Вѣнѣ». Не знаю, съ какихъ поръ это повелось, но почти всѣ пирушки молодыхъ художниковъ происходятъ въ угольномъ кабинетѣ этой гостиницы. Кабинетъ этотъ — большая высокая комната съ люстрой, съ бронзовыми канделябрами, съ коврами и мѣбелью, почернѣвшими отъ времени и табачнаго дыма, съ роялемъ, много потрудившимся на своемъ вѣку подъ разгулявшимися пальцами импровизированныхъ пьянистовъ; одно только огромное зеркало ново, потому что оно перемѣняется дважды или трижды въ годъ, всякій разъ, какъ, вмѣсто художниковъ, въ угольномъ кабинетѣ кутать вупчики.

Собралась цѣлая куча народа: жанристы, пейзажисты и скульпторы, два рецензента изъ какихъ-то маленькихъ газетъ, нѣсколько постороннихъ лицъ. Начали пить и разговаривать. Черезъ полчаса всѣ уже говорили разомъ, потому что всѣ были на-веселѣ. И я тоже. Помню, что меня качали и я говорилъ рѣчь. Потомъ цѣловался съ рецензентомъ и пилъ съ нимъ брудершафтъ. Пили, говорили и цѣловались много и разошлись по домамъ въ четыре часа утра. Кажется, двое расположились на ночлегъ въ томъ же угольномъ номерѣ гостиницы «Вѣна».

Я едва добрался домой и нераздѣтый бросился на постель, причѣмъ испыталъ что-то въ родѣ качки на кораблѣ: казалось, что комната качается и кружится вмѣстѣ съ постелью и со мною. Это продолжалось минуты двѣ; потомъ я уснулъ.

Уснулъ, спалъ и проснулся очень поздно. Голова болитъ; въ тѣло точно свинцу налили. Я долго не могу раскрыть глаза, а когда раскрываю ихъ, то вижу мольбертъ — пустой, безъ картины. Онъ напоминаетъ мнѣ о пережитыхъ дняхъ, и вотъ все снова, сначала... Ахъ, Боже мой, да надо же это кончить!

Голова болитъ больше и больше, туманъ наплываетъ на меня. Я засыпаю, просыпаюсь и снова засыпаю. И я не знаю, мертвая ли тишина вокругъ меня, или оглушительный шумъ, хаосъ звуковъ, необыкновенный, страшный для уха. Можетъ быть, это — и тишина, но въ ней что-то звонить и стучить, вертится и летаетъ. Точно огромный тысячесильный насосъ, выкачивающій воду изъ бездонной пропасти, качается и шумитъ, и слышатся глухіе раскаты падающей воды и удары машины. И надъ всѣмъ этимъ одна нота, безконечная, тянущаяся, томящая. И мнѣ хо-

чется открыть глаза, встать, подойти къ окну, раскрыть его, услышать живые звуки, человѣческій голосъ, стукъ дрожжекъ, собачій лай и избавиться отъ этого вѣчнаго гама. Но силъ нѣтъ. Я вчера былъ пьянъ. И я долженъ лежать и слушать, слушать безъ конца.

И я просыпаюсь, и снова засыпаю. Снова стучить и гремить гдѣ-то рѣзче, ближе и опредѣленнѣе. Удары приближаются и бьютъ вмѣстѣ съ моимъ пульсомъ. Во мнѣ они, въ моей головѣ, или внѣ меня? Звонко, рѣзко, четко... разъ-два, разъ-два... Бьютъ по металлу и еще по чему-то. Я слышу ясно удары по чугуну; чугунъ гудитъ и дрожить. Молотъ сначала тупо звякаетъ, какъ будто падаетъ въ вязкую массу, а потомъ бьетъ звонче и звонче, и, наконецъ, какъ колоколъ гудитъ огромный котелъ. Потомъ остановка, потомъ снова тихо; громче и громче, и опять нестерпимый, оглушительный звонъ. Да, это такъ: сначала бьютъ по вязкому, раскаленному желѣзу, а потомъ оно застываетъ. И котелъ гудитъ, когда головка заковки уже затвердѣла. Понялъ. Но тѣ, другіе звуки... Что это такое? Я стараюсь понять, что это такое, но дымка застилаетъ мнѣ мозгъ. Кажется, что такъ легко припомнить, такъ и вертится въ головѣ, мучительно близко вертится, а что именно — не знаю. Никакъ не схватить... Пусть стучить, оставимъ это. Я знаю, но только не помню.

И шумъ увеличивается и уменьшается, то разрастаясь до мучительно чудовищныхъ размѣровъ, то будто бы совсѣмъ исчезая. И кажется мнѣ, что не онъ исчезаетъ, а я самъ въ это время исчезаю куда-то, не слышу ничего, не могу шевельнуть пальцемъ, поднять вѣки, крикнуть. Оцѣпенѣніе держитъ меня и ужасъ охватываетъ меня, и я просыпаюсь весь въ жару. Просыпаюсь не совсѣмъ, а въ какой-то другой сонъ. Чудится мнѣ, что я опять на заводѣ, только не на томъ, гдѣ былъ съ Дѣдовымъ. Этотъ гораздо громаднѣе и мрачнѣе. Со всѣхъ сторонъ гигантскія печи, чудной, невиданной формы. Снопамы вылетаетъ изъ нихъ пламя и коптитъ крышу и стѣны зданія, уже давно черныя, какъ уголь. Машинны качаются и визжатъ, и я едва прохожу между вертающимися колесами и бѣгущими и дрожащими ремнями; нигдѣ ни души. Гдѣ-то стукъ и грохотъ: тамъ-то идетъ работа. Тамъ неистовый крикъ и неистовые удары; мнѣ страшно идти туда, но меня подхватываетъ и несетъ, и удары все громче, и крики страшнѣе. И вотъ, все сливается въ ревъ и я вижу... Вижу: странное, безобразное существо корчится на землѣ отъ ударовъ, сиплющихся на него со всѣхъ сторонъ. Цѣлая толпа бьетъ, кто чѣмъ попало. Тутъ всѣ мои знакомые съ остревенными лицами колотятъ молотами, ломанами, палками, кулаками

*

это существо, которому я не прибралъ названія. Я знаю, что это—все онъ же... Я издаюсь впередъ, хочу крикнуть: «перестаньте! за что!» и вдругъ вижу блѣдное, искаженное, необыкновенно страшное лицо, страшное потому, что это—мое собственное лицо. Я вижу, какъ я самъ, другой я самъ, замакивается молотомъ, чтобы нанести неистовый ударъ...

Тогда молотъ опустился на мой черепъ. Все исчезло; нѣкоторое время я сознавалъ еще мракъ, тишину, пустоту и неподвижность, а скоро и самъ исчезъ куда-то...

Рябининъ лежалъ въ совершенномъ безпамятствѣ до самаго вечера. Наконецъ, хозяйка-чухонка, вспомнивъ, что жилецъ сегодня ни разу не выходилъ изъ комнаты, догадалась войти къ нему и, увидѣвъ бѣднаго юношу разметающимся въ сильнѣйшемъ жару и бормотавшаго всякую чепуху, испугалась, испустила какое-то восклицаніе на своемъ непонятномъ діалектѣ и послала дѣвочку за докторомъ. Докторъ пріѣхалъ, посмотрѣлъ, пощупалъ, послушалъ, помычалъ, присѣлъ къ столу и, прописавъ рецептъ, уѣхалъ, а Рябининъ продолжалъ бредить и метаться.

IX.

Дѣдовъ.

Бѣдняга Рябининъ заболѣлъ послѣ вчерашняго кутежа. Я заходилъ къ нему и засталъ его лежащимъ безъ памяти. Хозяйка ухаживаетъ за нимъ. Я долженъ былъ дать ей денегъ, потому что въ столѣ у Рябинина не оказалось ни копейки; не знаю, стащила ли все проклятая баба или, можетъ быть, все осталось въ «Вѣнѣ». Правда, кутнули вчера порядочно; было очень весело; мы съ Рябининимъ пили брудершафтъ. Я пилъ также съ Л. Прекрасная душа этотъ Л. и какъ понимаетъ искусство! Въ своей послѣдней статьѣ онъ такъ тонко понялъ, что я хотѣлъ сказать своей картиной, какъ никто, за что я ему глубоко благодаренъ. Нужно бы написать маленькую вещицу, такъ что-нибудь а la Клеверъ, и подарить ему. Да, встати, его зовутъ Александръ; не завтра ли его именины?

Однако, бѣдному Рябинину можетъ прійтись очень плохо; его большая конкурсная картина еще далеко не кончена, а срокъ ужъ не за горами. Если онъ проболѣетъ съ мѣсяць, то не получить медали. Тогда—прощай за-граница! Я очень радъ одному, что, какъ пейзажистъ, не соперничаю съ нимъ, а его товарищи, должно быть, таки потираютъ руки. И то сказать: однимъ мѣстомъ больше.

А Рабинина нельзя бросить на произволь судьбы: нужно свезти его въ больницу.

X.

Равинниѣ.

Сегодня, очнувшись послѣ многихъ дней безпамятства, я долго соображалъ, гдѣ я. Сначала даже не могъ понять, что этотъ длинный бѣлый свертокъ, лежащій передъ моими глазами—мое собственное тѣло, обернутое одѣяломъ. Съ большимъ трудомъ повернувъ голову направо и налево, отчего у меня зашумѣло въ ушахъ, я увидѣлъ слабо освѣщенную длинную палату, съ двумя рядами постелей, на которыхъ лежали закутанныя фигуры больныхъ; какого-то рыцаря въ мѣдныхъ доспѣхахъ, стоявшаго между большихъ оконъ съ опущенными бѣлыми шторами и оказавшагося просто огромнымъ мѣднымъ умывальникомъ, образъ Спасителя въ углу съ слабо теплившеюся лампадкою, двѣ колоссальныя кафельныя печи. Услышалъ я тихое, прерывистое дыханіе сосѣда, влокодавшіе вздохи больного, лежавшаго гдѣ-то подальше, еще чье-то мирное сопѣнье и богатырскій храпъ сторожа, вѣроятно, приставленнаго дежурить у постели опаснаго больного, который, можетъ быть, живъ, а, можетъ быть, уже и умеръ и лежитъ здѣсь такъ же, какъ и мы, живые.

Мы, живые... «Живъ», подумалъ я и даже прошепталъ это слово. И вдругъ то необыкновенно хорошее, радостное и мирное, чего я не испытывалъ съ самаго дѣтства, нахлынуло на меня вмѣстѣ съ сознаниемъ, что я далеко отъ смерти, что впереди еще цѣлая жизнь, которую я навѣрно съумѣю повернуть по своему (о! навѣрно съумѣю), и я, хотя съ трудомъ, повернулся на бокъ, поджалъ ноги, подложилъ ладонь подъ голову и заснулъ, точно такъ, какъ въ дѣтствѣ, когда, бывало, проснешься ночью возлѣ спящей матери, когда въ окно стучитъ вѣтеръ и въ трубѣ жалобно воеетъ буря, и бревна дома стрѣляютъ, какъ изъ пистолета, отъ лютаго мороза, и начнешь тихонько плавать, и боясь, и желая разбудить мать, и она проснется, сквозь сонъ поцѣлуетъ и перекреститъ, и, успокоенный, свертываешья калачикомъ и засыпаешь съ отрадой въ маленькой душѣ.

Боже мой, какъ я ослабѣлъ! Сегодня попробовалъ встать и пройти отъ своей кровати къ кровати моего сосѣда напротивъ, какого-то студента, выздоравливающаго отъ горячки, и едва не свалился на полдорогѣ. Но голова поправляется скорѣе тѣла. Когда я очнулся, я почти ничего не помнилъ, и приходилось съ

трудомъ вспоминать даже имена близкихъ знакомыхъ. Теперь все вернулось, но не какъ прошлая дѣйствительность, а какъ сонъ. Теперь онъ меня не мучаетъ, нѣтъ. Старое прошло безвозвратно.

Дѣдовъ сегодня притащилъ мнѣ цѣлый ворохъ газетъ, въ которыхъ расхваливаются мой «Глухарь» и его «Утро». Одинъ только Д. не похвалилъ меня. Впрочемъ, теперь это все равно. Это такъ далеко, далеко отъ меня. За Дѣдова я очень радъ: онъ получилъ большую золотую медаль и скоро уѣзжаетъ за границу. Доволенъ и счастливъ невыразимо; лицо сіяетъ, какъ масляный блинъ. Онъ спросилъ меня: намѣренъ ли я конкурировать въ будущемъ году, послѣ того, какъ теперь мнѣ помѣшала болѣзнь? Нужно было видѣть, какъ онъ вытаращилъ глаза, когда я сказала ему «нѣтъ».

— Серьезно?

— Совершенно серьезно, отвѣтилъ я.

— Что же вы будете дѣлать?

— А вотъ посмотрю.

Онъ ушелъ отъ меня въ совершенномъ недоумѣніи.

XI.

Дѣдовъ.

Эти двѣ недѣли я прожилъ въ туманѣ, волненіи, нетерпѣніи, и успокоился только сейчасъ, сидя въ вагонѣ варшавской желѣзной дороги. Я самъ себя не вѣрю: я — пенсионеръ академіи, художникъ, ѣдущій на четыре года за границу совершенствоваться въ искусствѣ! Vivat Academia!

Но Рябининъ, Рябининъ! Сегодня я видѣлся съ нимъ на улицѣ усаживаясь въ карету, чтобы ѣхать на вокзалъ. «Поздравляю говорить, и меня тоже поздравьте».

— Съ чѣмъ это?

— Сейчасъ только выдержалъ экзаменъ въ учительскую семинарію.

Въ учительскую семинарію!! Художникъ, таланты! Да онъ пропадетъ, погибнетъ въ деревнѣ. Ну, не сумасшедшій ли это человекъ?

На этотъ разъ Дѣдовъ былъ правъ: Рябининъ, дѣйствительно, не преуспѣлъ. Но объ этомъ — когда-нибудь послѣ.

Всеволодъ Гаршинъ.

МОЛОДЫЕ ПОБѢГИ ОТЪ СТАРЫХЪ КОРНЕЙ.

VII.

Планъ Ивана Борисовича удался относительно старика Краснопулова, но не менѣе удачнымъ оказался онъ и въ примѣненіи къ сыну. Власть принялъ предложеніе. У него отъ непривычныхъ лишеній и нужды, не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ этого слова, болѣла каждая косточка, каждый суставъ. Отъ невозможности осуществить—но крайней мѣрѣ, на столько активно и быстро, на сколько этого требовала его молодая непосредственная натура — свои завѣтныя желанія, у него болѣло сердце, всегда болѣла голова, а въ нервной системѣ бушевало возбужденіе, невыносимо терзавшее всю нравственную сторону его существа.

Получивъ изъ петербургскаго общества деньги на расходы, онъ вознегодовалъ, зачѣмъ прислали такъ много, ему и трети было бы довольно, но тѣмъ не менѣе, онъ ощущалъ пріятное чувство. Въ желудкѣ у него не щемило болѣе отъ недостатка пищи и не сверлило отъ северной. Сапоги стали крѣпкіе, платье опрятное. Идя по улицѣ, онъ уже не былъ, какъ прежде, ежеминутно отвлекаемъ отъ своихъ завѣтныхъ думъ щебнемъ или водой, попадавшими въ дыры протоптанныхъ подошвъ. Тѣло покоилось, мысль парила, сердце шире раскрывалось для любви къ человѣчеству, къ массѣ человѣчества. Впереди было дѣло. Маленькое, даже пожалуй жалкое. Ибо что такое кооперація?—микроскопическій пальтативъ, но все-таки дѣло непосредственное. Оставаясь пролетаріемъ въ матерьяльномъ смыслѣ — Власть

твердо рѣшился остаться пролетаріемъ; — онъ переставалъ быть умственнымъ паразитомъ.

Въ Лондонѣ собирався въ это время конгрессъ кооперативныхъ обществъ, кооперативный парламентъ, какъ называли его англійскіе кооператоры. И ему сразу удалось завести много занимательныхъ знакомствъ. Члены конгресса были по большинству простые рабочіе, заботившіеся непосредственно и практически о развитіи дѣла, выгоднаго для нихъ лично. Во главѣ конгресса стояло нѣсколько личностей, выдвинувшихся изъ народа, и еще больше профессоровъ, членовъ парламента, даже лордовъ, служившихъ, повидимому, идеѣ.

Власть скоро сблизился и съ наиболѣе интеллигентными представителями народа, а еще болѣе съ руководителями конгресса. И ученые, и лорды спѣшили ознакомить его со всѣмъ, что могло интересовать его въ Англии. Власть приписывалъ эту готовность тому, что онъ являлъ собою представителя русскаго либерализма. Отчасти онъ былъ правъ. Но были и другія причины.

Бульверъ рассказываетъ такой фактъ: одинъ его знакомый, русскій, два раза пріѣзжалъ въ Лондонъ; въ первый свой пріѣздъ, онъ остался весьма недоволенъ столицею имперіи, надъ которой солнце никогда не заходитъ, и въ особенности остался недоволенъ ея обитателями. Они обращались съ нимъ далеко не такъ, какъ бы это было ему желательно. Пріѣхавъ же во второй разъ, русскій путешественникъ совершенно перемѣнилъ свое мнѣніе о лондонцахъ и Лондонѣ. «Какая удивительная и быстрая перемѣна къ лучшему, говорилъ онъ Бульверу:—словно совсѣмъ другіе люди, сколько въ нихъ добродушія, пріветливости, готовности услужить. Совсѣмъ переродились». «Мои соотечественники не переродились и не перемѣнились, отвѣчалъ Бульверъ:—причина перемѣны заключается въ перемѣнѣ вашихъ личныхъ обстоятельствъ. Въ первый разъ, когда вы пріѣзжали въ Лондонъ, вы были скромнымъ молодымъ человѣкомъ безъ связей и безъ состоянія. Нынче, вы пріѣхали, получивъ большое наслѣдство. И въ этомъ наслѣдствѣ весь секретъ метаморфозы».

Когда Бульверъ давалъ такое разъясненіе, онъ былъ непремѣнно въ дурномъ расположеніи духа и сердить на своихъ земляковъ. Обобщеніе было слишкомъ рѣзко и походило на приговоръ. Большинство тѣхъ лицъ, съ которыми Власть столкнулся на кооперативномъ конгрессѣ, съ радушіемъ и готовностію посвящали его въ тайны великаго прогресса, напоминающаго круженіе бѣлки въ колесѣ, безъ всякой задней мысли. Онъ былъ, въ ихъ глазахъ, слугою того же дѣла, которому служили они, и этого было достаточно. Они не справлялись ни о его положеніи,

ни о его средствахъ. Но черта, намѣченная Бульверомъ, тѣмъ же менѣе существуетъ: поклоненіе золотому тельцу совершается, и Власу постепенно приходилось входить все глубже и глубже въ сферы, пропитанныя этимъ культомъ. И жрецы, и жрицы золотого тельца такъ же, какъ и кооператоры, радушно и добродушно относились къ нему, съ такою же готовностію оказывали ему дѣловыя услуги; каждый изъ этихъ жрецовъ и каждая изъ этихъ жриць соприкасались непремѣнно практически съ какою либо отраслью какого либо дѣла, интересующаго Власа, и посвящали этому дѣлу нѣкоторую часть своихъ пространныхъ досуговъ.

Власъ въ лондонскомъ обществѣ сразу испытывалъ тоже удовольствіе, которое испытывалъ пріятель Бульвера во второй свой пріѣздъ въ Лондонъ; Власъ считалъ и выдавалъ себя за то, тѣмъ былъ этотъ пріятель въ дни своего перваго визита — за скромнаго, бѣднаго молодого человѣка. Но Власъ и не подозревалъ, что его знакомые въ Лондонѣ на него смотрѣли иначе. Иванъ Борисовичъ никогда не дѣлалъ дѣла на половину. Онъ разставилъ ему сѣти и въ Лондонѣ. Въ Лондонѣ, въ среднихъ и высшихъ слояхъ общества, знали, благодаря нѣкоторымъ мѣрамъ, принятымъ петербургскимъ сановникомъ, письмамъ и частнымъ сообщеніямъ, что молодой русскій—единственный сынъ богатѣйшаго коммерсанта Россіи. Этого было достаточно. Лѣтъ 40—50 тому назадъ, англійское общество потребовало бы герба и blue blood, знатной крови. Теперь было достаточно денегъ. Титулу и роду продолжаютъ поклоняться, но поклоняются, какъ свѣтилу заходящему. Милліону, особенно милліону быстро нажитому и нарастающему, поклоняются, какъ свѣтилу восходящему. Власъ представлялся свѣтиломъ восходящимъ и, самъ того не подозревая, постепенно сталъ поддаваться разслабляющему вліянію тонкаго оніама пріятныхъ общественныхъ отношеній, комфорта, житейскихъ удобствъ. Тѣмъ болѣе, что это общество, какъ ни много было въ немъ *пятна*, съ которыми не могъ примириться русскій юноша, стояло въ его глазахъ выше русскаго. Оно, во первыхъ, не чуждалось дѣла, не зарывалось на дѣлѣ, не увлекалось и не падало духомъ, встрѣчая препятствія. Результаты, которыхъ оно достигало въ сферѣ идей либеральныхъ, въ сферѣ распространенія благосостоянія въ массахъ, казались съ перваго взгляда гигантскими. Но сами дѣятели указывали на относительную ничтожность этихъ результатовъ. Массы испытывали лишения и страданія, не смотря на эти результаты. Разстояніе до цѣли какъ будто не умалялось, а разрасталась только борьба партій. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что борцы не

падали духомъ. Напротивъ, они работали. И странно, самые крайніе либералы-вожаки, съ которыми соприкасался Власъ, бѣдные и богатые, знатные и аристократы, искали прежде всего богатства и даже роскоши. Они поясняли, что ищутъ роскоши и богатства не только потому, что богатство и роскошь доставляютъ матерьяльное наслажденіе, но и потому, что эти блага расчищаютъ дорогу къ общественной дѣятельности, къ общественному вліанію, доставляютъ возможность успѣшнѣе служить дѣлу. Каждый соприкасался съ общественнымъ дѣломъ и служилъ ему; каковы бы ни были побужденія служившаго, онъ приносилъ практическую пользу. Титулъ пэра и лорда раскрывалъ двери въ палату, принимавшую непосредственное участіе въ управленіи государствомъ. Нажитые милліоны давали возможность, по крайней мѣрѣ, вступить въ палату общинъ. Лучше бы было, еслибы для этого не нужно было ни милліоновъ, ни титуловъ, но хуже было бы, если...

И постепенно въ умѣ Власа развилось:

Для достиженія излюбленной имъ цѣли, для того, чтобы быть полезнымъ человѣчеству—представлялись двѣ дороги, а не одна, какъ казалось ему сначала. Обѣ дороги вели къ одной и той же цѣли; обѣ дороги, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, сходились въ одну желанную широкую; но откуда съ того распутия, на которомъ стоялъ Власъ, онъ очевидно хотя и направлялись въ одну сторону, шли все-таки каждая сама по себѣ. Одна—узкая, тернистая тропа, то исчезающая во мракѣ темныхъ ущелій, то намѣренно скрываемая прокладывавшими ее пионерами. Идти по ней надо тайкомъ, часто подвергаясь нападенію тѣхъ даже, для кого пионеры ее прокладывали...

Другая дорога — широкая съ самаго начала. На виду у всѣхъ, у массы народа, эта дорога прокладывается силою, признанною еще во времена Моисея. Золотой телецъ — знамя, средство, но не цѣль пионеровъ, идущихъ по этому пути. Зданія воздвигаются быстро. Ошибки неизбежны здѣсь, но онѣ неизбежны и тамъ. Массы по этой дорогѣ вести удобнѣе. Чтобы ихъ вести, надо имѣть золото, надо наживать золото; надо наживать золото съ тѣхъ же самыхъ массъ, для которыхъ прокладываешь дорогу. Когда дѣло будетъ сдѣлано, золото, конечно, будетъ возвращено массамъ; въ томъ или другомъ видѣ онѣ будутъ вознаграждены. Мало, кто такъ употребляетъ нажитое богатство; но онъ, Власъ, онъ сдумѣеть... сдумѣеть. Несомнѣнно сдумѣеть и, начавъ богатѣть ради служенія истинѣ, не поддастся искушенію, не промѣняетъ истину на мамону.

Совѣсть свою онъ успокоилъ. А лично этотъ выборъ успо-

коваль его самого. Какъ бы имъ были его отношенія къ отцу, его сердце любило отца. Какъ ни старался онъ забыть родину—она манила его. Какъ ни закалялъ онъ себя для лишеній, онъ болѣе тѣмъ тяготился ими.

Сохранить связи съ обществомъ, съ родиной, съ отцомъ, имѣть въ рукахъ непосредственное дѣло, наслаждаться жизнью... да, наслаждаться жизнью... Это не только возможно, даже должно... личная обстановка необходима для вожака на широкомъ пути... Власъ избралъ этотъ путь.

Прежде всего надо запастись силой... Сила нынче въ деньгахъ. И Власъ сталъ добывать деньги. Онъ скоро взялъ на себя веденіе дѣлъ отца за границей. Онъ скоро усвоилъ для веденія дѣлъ приемы не только заморскіе, англійскіе, но и заатлантическіе, американскіе. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ пріѣхалъ въ Россію уже экспертомъ, передъ ловкостью котораго сталъ благоговѣть самъ Федулъ. Примиреніе и сближеніе отца съ сыномъ, конечно, устроилось само собою. Русскіе дѣльцы биржи, банка и концессій стали признавать въ немъ восходящую серьезную силу... Но борьба съ ними представлялась тѣмъ серьезнѣе. За кусками, за которыми гнался Власъ, гнались и эти дѣльцы. Чтобы вырвать отъ нихъ куски, надо было постоянно входить въ сдѣлки съ со-вѣстью. Власъ мало по малу пересталъ стѣсняться средствами—цѣль оправдываетъ средства. Личности изъ простого народа, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, возбуждали часто его негодованіе: какое непониманіе выгодъ своего класса, какая мелочность, какая жадность къ копейкамъ, какая пресмыкаемость... Ефимъ, котораго онъ побилъ въ лѣсу, былъ одной изъ такихъ личностей. Но что такое личности? у Власа на пресмыкающіяся личности чесались кулаки; а истину, которую онъ рѣшился отыскать для всей совокупности этихъ пресмыкающихся личностей, онъ не упускалъ изъ виду. Или, по крайней мѣрѣ, ему казалось, что не упускалъ изъ виду.

Въ будущемъ, онъ уважалъ эту совокупность личностей. Въ настоящемъ же, онъ начиналъ ее презирать. Къ тѣмъ, кто ближе окружалъ его—къ дѣльцамъ, прикащикамъ и даже возраставшему со всѣхъ сторонъ для него почету, онъ относился съ про-нїей. Онъ былъ, дескать, выше ихъ, онъ дѣлалъ одно съ дѣльцами дѣло; но цѣли ихъ были разныя. Его цѣль — великая; ихъ цѣль — презрѣнная. Для нихъ золото цѣль, для него только средство. Правда, добываніе этого средства поглощало столько энергій, времени и вниманія, что его работа, его заботы и, даже нѣкоторымъ образомъ, его логика отождествлялись съ работой, заботой и логикой тѣхъ, для которыхъ золото

было цѣлью. Правда, проходили дни, недѣли и мѣсяцы, когда ему не удавалось удосужиться и заглянуть въ колодезь, на днѣ котораго сидѣла истина. Но происходило это единственно потому, что не было времени. Нельзя все заразъ. Прежде одно исполни. Потомъ другое. Но онъ вспоминалъ, вспоминалъ-таки, что служить истинѣ; и, странно, вспоминалъ чаще всего во время бесѣдъ съ великимъ другомъ своего отца, Иваномъ Борисовичемъ.

Иванъ Борисовичъ чуть ли не былъ единственнымъ человекомъ, понимавшимъ Власа. Какіе у него широкіе взгляды на будущее человѣчество! и какое пониманіе трудностей борьбы! Онъ поощрялъ Власа преодолевать эти трудности, т. е. богатѣть, богатѣть! Остальное придетъ само собою.

Да и самъ Иванъ Борисовичъ? Власъ понималъ его. Иванъ Борисовичъ давно избралъ тотъ путь, который нынче избралъ Власъ. Цѣли, казалось, были тождественны. Власъ видѣлъ средство въ золотѣ. Иванъ Борисовичъ видѣлъ силу въ положеніи и непосредственной власти. Такъ Власъ понималъ вельможу. Оба шли къ одной цѣли, избѣгая повѣрять массѣ свои помисли. Такъ задумавъ, какъ Иванъ Борисовичъ говорилъ съ Власомъ, онъ, насколько было извѣстно молодому человѣку, ни съ кѣмъ другимъ не говорилъ. Масса видѣла въ одномъ—мощнаго вельможу, въ другомъ—гениальнаго богача. И только. И не понимала обонхъ.

Власъ иногда ощущалъ нѣчто въ родѣ иѣжности, сожалѣнія къ Ивану Борисовичу. Его жизнь приближалась къ концу, а цѣль была все еще такъ далека. На поприще вельможи уже свѣтила вечерняя заря; надъ головой молодого креса горѣло полуденное солнце.

Жалко старика! Но, къ счастью, этой жалости, какъ и вообще размышленіямъ о дальнѣйшихъ цѣляхъ, Власу съ каждымъ годомъ становилось все труднѣе предаваться. Некогда было. Непосредственное дѣло поглощало и мысли, и время все болѣе и болѣе... Вообще говоря, Власъ былъ доволенъ собой, ибо былъ доволенъ непосредственнымъ дѣломъ. Дѣла были широкія, работа надъ ними занятая, результаты блистательныя. Онъ быстро развивалъ и безъ того огромное состояніе отца, онъ самъ становился великою силою. Онъ былъ доволенъ самимъ собой.

Только иногда—особенно когда воспріимчивые нервы молодого человѣка бывали возбуждаемы кутежомъ (отъ котораго Власъ былъ не прочь), на днѣ его души поднималась какая-то скверная мучительная буря. Что-то старое, дорогое, сильное всплыть кверху, что-то новое, цѣпкое, не дорогое, но властное

боролось со старымъ. Идеалы, скрытые имъ на дно сначала на время только, казалось, нынче начинали захлебываться, тонуть, взывали о спасеніи, смущали его самодовольство. Ихъ вопли разъ отъ разу становились все слабѣе и слабѣе. И онъ разъ отъ разу все менѣе и менѣе жалѣлъ ихъ. «Хоть бы совсѣмъ угомонились», пробѣгало иногда въ его умѣ. А слабый вопль погибающихъ напоминалъ ему, что съ ихъ угомономъ окончательно порвется вся его связь съ идеалами, что онъ окончательно станетъ въ ряды дѣльцовъ-милліонеровъ и будетъ маршировать въ ихъ золотой шеренгѣ вплоть до украшенной каррарскимъ мраморомъ гробницы.

Когда такая буря поднималась въ душѣ Власа, онъ становился особенно мраченъ и раздражителенъ. И такая-то буря терзала его вечеромъ въ лѣсовольской глуши, за картами. Почти бессонная ночь въ кибиткѣ наканунѣ; частыя возліанія ради тепла и днемъ, и ночью, сообщество со станowymi, закоснѣлыми помѣщиками, пѣвками-прикащиками, алчными до денегъ мужиками, болѣе всего, его пошлая выходка съ Ефимомъ, весь вечерній, переданный нами разговоръ, въ особенности то, что его приравнивали отцу такіе пошляки—все это его раздражало, приводило въ бѣшенство.

Ему казалось, что они правы. Чѣмъ же въ существѣ онъ теперь отличается отъ отца, кромѣ европейской внѣшности и усовершенствованныхъ приемовъ европейскаго дѣльца? Чѣмъ? Ему начинало казаться: дѣйствительно, ничѣмъ. И это сознаніе пуще всего его злило. Онъ хотѣлъ залить свое раздраженіе виномъ и пуншемъ, а вино и пуншъ только разжигали раздраженіе.

Милліонеръ-европеецъ напивался пуншемъ за картами. Побитый имъ по-утру мужикъ напивался въ тоже самое время въ сосѣднемъ кабакѣ, въ сообществѣ Куродавлева и Дмитрія, пьяныхъ, тоже возбужденныхъ...

Власъ дошелъ до такого состоянія, что, скажи еще слово не по немъ становой, онъ вцѣпился бы въ его длинные волосы. Власъ начиналъ дрожать отъ злобы, когда дверь изъ сѣней распалнудась и передъ изумленными очами баръ появились всѣ трое: побитый Ефимъ, съ одной его стороны Куродавлевъ, съ другой—Дмитрій. Всѣ пьяные.

Видъ засохшей крови на лицѣ Ефима пробудилъ человѣческое чувство во душѣ Власа. Во хмѣлю онъ былъ столько же доступенъ побужденіямъ добрымъ, нѣжнымъ, человѣческимъ, сколько и бѣшено-звѣрскимъ. Онъ готовъ былъ искупить свою вину передъ Ефимомъ; Ефимъ же, несмотря на хмѣль, имѣлъ такой смиренный, жалкій, удрученный видъ.

Власъ, повинувась мгновенно возникшему побужденію, всталъ со стула и подошелъ къ Ефиму. Онъ хотѣлъ было протянуть ему руку. Но мужикъ не понялъ движенія. Власъ положилъ ему руки на плечи.

— Ефимъ, ну я погорячился, я виноватъ, пролепеталъ Краснопуховъ:—что тебѣ нужно? заплачу...

Ефимъ не успѣлъ отвѣсить поклонъ за ласковое слово и доброе обѣщаніе, какъ его спутники, неистово махая руками, разя пергорѣлой сивухой, заорали каждый по своему, ставъ между баричемъ и Ефимомъ.

Красная, толстоногая, омерзительно опухшая рожа Куродавлева что-то говорила, и что судъ есть, и что законы; что вотъ прошеніе, статья, что Ефиму судиться надо, что онъ, Куродавлевъ, будетъ судиться. Пьяный Митюха гордо, презрительно, безъ малѣйшаго стѣсненія, наговорилъ грубостей Власу и тоже убѣждалъ Ефима не мириться.

Ефимъ стоялъ между ними безпомощно, безсознательно.

И бѣшенство Власа всныкнуло неудержимымъ пламенемъ. Яростное презрѣніе къ народу, въ лицѣ трехъ предстоящихъ его представителей, охватило Краснопухова съ силою, дотолѣ ему незнакомою.

— Будь до нихъ добръ! трудись для нихъ... стѣять они того? Какже! Этотъ гадина подъячій, Куродавлевъ—у!—какая гнусность... Этотъ самоувѣренный, наглый, дерзкій Митюха! И самъ Ефимъ... какая-то безпомощная слякоть...

Вотъ народъ!

Противнѣ этого сочетанія никогда Власу ничего не предстваллось, онъ развирипѣлъ, затопталъ ногами: вонь!

А они не шли вонъ. Куродавлевъ изрыгалъ кабацко-подъяческіе термины. Митюха ругалъ господъ. Ефимъ олицетворялъ ничтожество.

Еще минута, и Власъ обожъ адвокатовъ схватилъ за шею и отбросилъ за порогъ. Митюха упалъ. Куродавлева же, не выпуская изъ рукъ ворота его шинели, богачъ собственноручно спустилъ съ лѣстницы.

Въ горницѣ баре заливались хохотомъ и послали Власу поощрительныя восклицанія.

— Такъ ихъ мерзавцевъ и надо; подѣломъ. Молодецъ Власъ Федуловичъ, совсѣмъ по батюшкѣ пошелъ! Молодецъ! Будетъ прокъ.

VIII.

Въ самый канунъ выдачи славныхъ билетовъ изъ полицейскаго управленія у лѣсовольскаго исправника, отставнаго штабъ-ротмистра Павла Николаевича Черенина, былъ обѣдъ. Небольшой обѣдъ; «физиологін вкуса», какъ и прочихъ книгъ, исправникъ не читывалъ, но пригласилъ, однако, гостей согласно правиламъ Саварена: число ихъ превышало число грацій и не превышало числа музъ. На обѣдѣ хотя и присутствовалъ баронъ Клоцъ, прїѣхавшій на рекрутскій наборъ; но обѣдъ не былъ церемонный, ибо самъ хозяинъ, на правахъ отставнаго кавалериста, старался показывать видъ, что считаетъ барона иѣкоторымъ образомъ товарищемъ. Обѣдъ не былъ, однако, и за просто, несмотря на присутствіе уѣзднаго доктора, ибо этотъ скромный чинъ мѣстной іерархіи былъ приглашенъ единственно потому, что состоялъ на ты съ изящнымъ миллионеромъ Власомъ Оедуловичемъ Краснопуповымъ: они учились въ одной гимназій. Обѣдъ былъ недуренъ, ибо разварная стерлядь, которой онъ начался послѣ супу, была несомнѣнно настоящая, мѣстная, живую доставленная на исправническую кухню. Съ другой стороны, обѣдъ возбуждалъ тошноту, ибо шампанское, которымъ онъ окончился, было также, очевидно, мѣстное, и было доставлено въ распоряженіе Оедьки, который не соблаговолилъ его даже въ ледъ поставить.

Гостей легонько начинало тошнить со второго бокала. А хозяинъ щедро и радушно приказывалъ подливать.

— Завтра выдача славныхъ билетовъ! Гм! Отчего лишнюю бутылочку не распить!

Около хозяина, направо, сидѣлъ баронъ Клоцъ, а рядомъ съ нимъ Огнинъ; Клоцъ былъ статный мужчина, болѣе молодыхъ, чѣмъ среднихъ, лѣтъ, съ красивыми глазами, съ очень мягкими чухонскими волосами, очень мягкими усами и руками; и съ очень мягкими, но сдержанными манерами. Сдержанность, впрочемъ, казалось, была временная, приличная случаю, точно на прокатъ въ провинцію взятая. Въ его обращеніи съ Огнинымъ и Власомъ, петербургскими прїятелями, прорывалась иногда не только военная развязность, но даже легкая ресторанныя игривость. Съ остальными баронъ держалъ себя какъ бы на-сторожѣ, вѣжливо до приторности, сухо до того, что въ горлѣ першило. Чувствуя себя выше всего окружающаго провинціального общества, онъ не желалъ подавлять это общество своимъ превосходствомъ или,

по крайней мѣрѣ, желалъ смягчить подавляющее чувство окружающихъ мягкостію своего обращенія. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Огнень.

Налѣво отъ хозяина, сидѣлъ знакомый намъ Петръ Степановичъ Калининъ. Тогда еще онъ не былъ предсѣдателемъ губернской земской управы, а подвизался на просторномъ и безплодномъ поприщѣ уѣзднаго предводителя. Рядомъ съ Калининнымъ сидѣлъ самъ Федулъ Игнатьевичъ Краснопузовъ.

Исправникъ былъ человѣкъ холостой и поэтому дамъ не было, а мѣсто хозяйки на противоположномъ концѣ стола было занято его младшимъ братомъ, Иваномъ Николаевичемъ, тоже бывшимъ армейскимъ кавалеристомъ, потомъ мировымъ посредникомъ, а нынѣ нелицепріятнымъ участковымъ мировымъ судьей половины уѣзда. Направо отъ этого вице-хозяина сидѣлъ Власъ, налѣво—его однокашникъ, уѣздный врачъ. Хозяинъ говорилъ мало, онъ только безпрестанно нервно наливалъ себѣ квасу и жадно глоталъ его; да исхудалыми бѣлыми пальцами—онъ вообще имѣлъ истощенный, замученный видъ—каталъ шарики, аккуратно и внимательно обкладывая ими свой приборъ. Къ шампанскому цѣпь шариковъ почти уже замыкалась, когда Федька, перемѣняя тарелки, нарушилъ симметрію; баринъ поглядѣлъ на него такими грозными глазами, какими взглядывалъ на станowego, вернувшася изъ уѣзда, не собравъ недомки, въ тотъ самый день, когда самъ исправникъ получилъ выговоръ изъ губернскаго правленія.

Павель Николаевичъ всегда отличался косноязычіемъ и изряднымъ косномысліемъ; что не мѣшало ему, конечно, когда слѣдовало, издавать потрясающіе звуки, не всегда членораздѣльные, но всегда полезные для направленія, управленія и устрашенія. На гостепріимномъ обѣдѣ звукамъ этимъ не было мѣста, потому онъ болѣе молчалъ и слегка мычалъ. Къ тому же, будучи человѣкомъ нервнымъ, онъ находился въ большомъ возбужденіи, въ почти душившемъ его пріятномъ волненіи. Такое пріятное, преисполненное сладостныхъ надеждъ волненіе овладѣваетъ въ періодъ выдачи сплавныхъ билетовъ всѣмъ служащимъ по полиціи уѣзднымъ міромъ: когда же наконецъ? сколько же окончательно? не будетъ ли какого сверхсметнаго сюрприза? не будетъ ли какого неприятнаго вычета, недохвата, обманутыхъ ожиданій?

Чувства уѣзднаго полицейства похожи на чувства дѣтей, увѣренныхъ, что завтра будетъ елка, и волнующихся предположеніями о томъ, что именно имъ достанется на этой елкѣ. Самый крупный подарокъ, по исконному обычаю, конечно, предназна-

чался ему, исправнику. Какъ тутъ чувствительному человѣку не придти въ возбужденное состояніе?

Павлу Николаевичу было не до ѣды, не до заниманья гостей. Если бы возбужденіе и воспомысліе позволяли ему мозгами раскидывать, онъ бы измышлялъ ругательства самому себѣ на тѣму: — на кой чортъ я ихъ позвалъ? Но, къ счастью, его мозги не рассуждали, а только представляли, какъ нѣсколько сотенныхъ бумажекъ переползаютъ изъ толстаго красноуповскаго бумажника въ его тощій бумажникъ. Онъ даже не вспоминалъ, что половину этихъ бумажекъ придется отдать брату, судьѣ, по расчету за раздѣлъ отцовскаго наслѣдства.

Но самъ судья это помнилъ и, не принадлежа къ полиціи, не будучи человѣкомъ ни истощеннымъ, ни нервнымъ, находился только въ пріятномъ расположеніи духа, которое естественно предшествуетъ полученію денегъ, хотя бы и за наслѣдство.

Судья, Иванъ Николаевичъ Черенинъ, дѣйствительно занималъ гостей, безъ умолку повѣствовалъ, восклицалъ, хохоталъ. Кругленькая, свѣтло и жидкоудрая головка вращалась на коротенькой шеѣ во всѣ стороны; круглыя красныя щеки надувались, сплюсывая маленькій носъ; узкіе свѣрые глазки закатывались къ потолку. Чѣмъ забавнѣе для собесѣдниковъ или чѣмъ патетичнѣе, по его мнѣнію, становился его рассказъ, тѣмъ больше кругленькая головка закидывалась назадъ, тѣмъ больше выказывалъ онъ бѣлки; и опускалъ глаза долу только тогда, когда, жестикулируя руками, попадалъ въ блюдо, подносимое Ѳедькой.

Повѣствовательнаго матерьяла у судьи было достаточно, фантазіи еще больше, языкъ, нѣсколько путаясь въ терминахъ періода эмансипаціи, которыми онъ щеголялъ, какъ передовой мировой посредникъ, благополучно выѣзжалъ однако на широкое поприще уѣздныхъ сплетенъ. Рѣчь его если не была красна, то весьма развязна. Память у него была богатѣйшая, особенно на имена и цифры. Она его преисполняла гордости, онъ никогда ничего не читалъ. Уставы, положенія и циркуляры только пересматривалъ, никогда не слушалъ, что другіе говорили, но, твердо хватываясь за попавшія черезъ глаза и уши въ голову имена и цифры, постоянно и въ обществѣ, и въ судейской камерѣ, какъ во время онъ на крестьянскихъ сходахъ, а еще раньше на парадахъ и смотрахъ, вралъ назвустъ, чистосердечно вѣруя, что говорить правду.

Онъ рисовался передъ петербургскими аристократами, повѣствуя о своемъ либерально гуманномъ подвижничествѣ на поприщѣ мирового посредничества и судейства. Выходило такъ, что обѣ реформы были осуществлены чуть ли не ради осіянія

свѣтомъ гражданскаго мученичества его круглой головки, не предлонявшейся ни передъ тѣмъ, кромѣ цифръ, проставленныхъ въ законахъ о реформѣ. *Нормальность* и не *нормальность*—были его любимыя слова, пояснявшія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и отношеніе крестьянъ къ надѣлу. *Общественная интеллиговка*—неизбѣжнымъ терминомъ въ разсказахъ о примѣненіи его судейскихъ взглядовъ къ ссорамъ между чиновницами VIII класса и ихъ кухарками. Безъ *квалификаціи* и *мотивированія* не обходилась ни одна ссылка на его соломоновскіе приговоры, пересыпанные нумерами статей. Разнаго сорта людей онъ называлъ не иначе, какъ личностями: *свѣтлая личность* землемѣра, котораго поволотили мужики; *благородная личность* Огнина, который предоставилъ посреднику нарѣзать крестьянамъ земли гдѣ и сколько угодно. *Отталкивающая личность* старшій генеральши, потребовавшей къ себѣ изъ-за 25-ти верстъ посредника для того, чтобы высѣчь дворовую дѣвку, которая не поблагодарила ея за подарокъ полинялой, не влѣзавшей на ея джизя плечи, кофты. *Импарціальность*—было тоже его любимымъ словцомъ. Паматуй, что законъ установилъ судъ «равный для всѣхъ», онъ никогда не упускалъ изъ виду этой импарціальности. Во имя этого хорошаго словечка онъ боролся съ вельможами, съ богачами, съ сановниками, и какая это была великая борьба, какъ его послушать! Съ одной стороны, онъ, скромный посредникъ, въ главѣ несчастныхъ мужиковъ, руководимыхъ его уставомъ (съ опечатками, но именно эти опечатки, а отнюдь не его память, были причиной того, что онъ зачастую не на той статьѣ, на которой слѣдовало, основывалъ свои рѣшенія), съ другой—вельможи, опирающіеся на цѣлый Петербургъ и наводящіе справки «о мотивированіи» въ подлинныхъ документахъ государственнаго совѣта. Какая великая безстрашная борьба, и какой онъ, Иванъ Николаевичъ Черенинъ, герой прогресса! Словечко *герой* Иванъ Николаевичъ проглатывалъ, конечно, но *прогрессъ*, съ раскатцемъ на обѣихъ «рцы» и съ длиннымъ ссыканьемъ на «словахъ», твердилъ на разные лады. Что можетъ быть вкуснѣе для петербургскихъ жителей, какъ не прогрессъ, и Иванъ Николаевичъ угощалъ прогрессомъ петербургскихъ гостей.

— Все идетъ въ прогррррррссѣ, вѣзвѣщалъ онъ, вращая къ потолку свои глазки, и мы идемъ-съ въ прогррррррссѣ. Не одинъ Петербургъ прогрррррррсируетъ-съ. Не одни вы, хе, хе, хе...

«Не одни вы» произносилось съ отгѣнгомъ дѣланаго превосходства, почти пренебреженія, какъ бы для наложевія окончательной печати на патентъ его несомнѣннаго лѣсовольскаго либерализма, который, либерализмъ то есть, долженъ былъ, по его

нѣннѣ, окончательно привлечь къ нему сердца петербуржцевъ. Изъ Петербурга идутъ всѣ либеральныя реформы, а люди ѣдутъ и подавно либеральныя. Вельможи, недовольные уставными грамотами, составляютъ необходимыя исключенія и служатъ, отчасти то же, къ возвеличенію либерализма и его жрецовъ — посредниковъ и судей вообще, а Ивана Николаевича въ особенности. Взору Ивана Николаевича, прогуливавшемуся вмѣстѣ съ двумя, рано ожившими мухами по выбѣленному потолку, представлялось, что его петербургскіе слушатели-аристократы мѣшутъ передъ нимъ. Такое предположеніе было тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что петербургскіе аристократы ему не перечили, больше молчали. Кромѣ его соловьиной рѣчи, да чавканья старика Краснопупова, въ столовой ничего не раздавалось, даже Ѳедька сталъ ходить на цыпочкахъ и ни одной тарелки не уронилъ на полъ. Только братъ-исправникъ, дѣйствительно, благоговѣвшій передъ гениальною памятью брата-судьи, заржетъ развѣ, когда тотъ засыплетъ десяткомъ нумерованныхъ статей, и воскликнетъ, оглядываясь кругомъ: «экъ помнить, экъ помнить-то!» какъ бы желая подчеркнуть для слушателей феноменальность брата.

Самъ бѣдняга-исправникъ ничего, кромѣ выговоровъ губернскаго правленія (они же и память у него частью отшибли), не помнилъ.

Да иногда уѣздный врачъ вставитъ словцо, подзадоривая разсказчика на болѣе яркія выходы. Если бы взоры послѣдняго не блуждали постоянно съ мухами по потолку, онъ бы примѣтилъ ехидную улыбку молодого врача. Но судья зналъ врача два года слишкомъ и не имѣлъ еще ни разу случая подмѣтить весьма откровеннаго, впрочемъ, ехидства. Благодаря своей привычкѣ глядѣть въ потолокъ, онъ считалъ доктора однимъ изъ своихъ пламенныхъ поклонниковъ и отзывался о немъ не иначе, какъ о *прогрессивной свѣтлой личности*, очень свѣтлой личности.

— Ну, а его какъ съ Куродавлевымъ разсудите? спросилъ врачъ.

Иванъ Николаевичъ долженъ былъ перевести глаза съ потолка на людей, дабы опредѣлить: «кого его»? Объектомъ оказался Власъ Ѳедуловичъ, на котораго мировому судѣй была подана жалоба Куродавлевымъ со товарищи. Судья счелъ полезнымъ предварительно задаться смѣхомъ на высокихъ нотахъ.

— А, попались! попались! обратился онъ къ подсудимому Краснопупову: — попались! Накуралесили, батюшка. Вотъ мы васъ, Власъ Ѳедуловичъ, повѣсткой вызовемъ. Разбирать станемъ, свидѣтелей притащимъ: мужиковъ, станового, это со стороны мужиковъ бу-

*

дуть свидѣтели. Вы своихъ свидѣтелей приводите. Мы на очную ставку... хе, да-съ.

— Да нечего вызывать, нечего на очную ставку, съ досадою перебилъ Власъ:—я не стану отрицать того, что сдѣлалъ. Судите и присуждайте.

Судья, а за нимъ и исправникъ расхохотались опять. Старикъ Краснопуховъ пересталъ было чавкать; уставилъ глаза сначала на одного, потомъ на другого брата Черениныхъ, потребовалъ, чтобы Ѳедька далъ ему еще индѣйки, и опять принялся чавкать.

— Ну, и прекрасно, захлебываясь смѣхомъ, продолжалъ Черенинъ, судья:—и отлично. Мы сблизимъ ваше признаніе съ мотивами просьбы, мотивируемъ приговоръ. Такъ мотивируемъ, что ни апеллированіе, ни кассация не помогутъ-съ. Не помогутъ-съ, милѣйшій Власъ Ѳедуловичъ. Ха-ха-ха, хе-хе-хе... попались!

Черенинъ любилъ употреблять «кассация», «апеллированіе», не потому, чтобы было нужно, а потому, что словамъ этимъ недавно научился, и они такія хорошія были.

— То есть, какой же приговоръ постановите? подзадоривалъ врачъ.— Не въ тюрьму же его посадите?..

— А, хе-хе-хе, можетъ и въ тюрьму, по совокупности проступковъ, на мѣсяць; милости просимъ, у насъ отличныя нынче Петръ Степановичъ устроилъ камеры для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей. Отличнѣйшія...

— Штрафуете, поди; куда этого молодца въ тюрьму? опять подзадоривалъ докторъ.

— Принципъ, принципъ; равенство передъ закономъ, хе хе... Законъ требуетъ въ тюрьму: и въ тюрьму милости просимъ. И мужика посажу, если онъ Власа Ѳедулыча ударить, и Власа Ѳедулыча посажу, коли мужика обидеть. Посажу и посадить...

— Хо-хо-хо, посадить, отозвался эхомъ братецъ-исправникъ:

Власъ ммурилъ брови и блѣднѣлъ, конечно, не отъ страху, а отъ досады. Старикъ-отецъ доглодалъ крылышко индѣйки, огладѣлъ всѣхъ обѣдающихъ и громко, рѣшительно потребовалъ:

— Ну, полно шутить. Ответь судейскую душеньку свою, и полно.

— Я не шучу, Ѳедулъ Игнатьевичъ, переходя въ дѣловитый тонъ, толенькимъ голоскомъ заплѣлъ Черенинъ, а глаза опять заблуждали по потолку:—я не шучу. Не до шутокъ; дѣло серьезное. Легальность, принципъ, мотивы, кассация, апелляция, нивелировка опять посыпались съ развязнаго языка, и въ концѣ-концовъ уже окончательно выходило, что мѣсяца тюрьмы Власу не миновать.

Ѳедулъ Игнатьевичъ слушалъ, мускула на лицѣ не пошеве-

ливъ, только отослалъ подошедшаго съ шололаднымъ времомъ Оедьку въ чорту.

— И съ мужиками его на очную ставку? Старикъ Краснопуховъ указалъ на сына.

— Съ мужиками на очную ставку, отвѣчалъ судья, скользнувъ глазами по барону Клоцу: дескать, примѣть, какой я стойкій охранитель либеральныхъ нивеллирующихъ законовъ; миллионеръ и нищѣ мужики, а я ихъ на очную ставку, и ничего. Не боюсь. Даже громко заявляю.

Лицо барона выражало, однако, что этотъ разговоръ не совсѣмъ ему пріятенъ.

— И съ мужиками его въ кутузку? опять допросилъ Краснопуховъ.

— Кутузки вонъ у брата остались. Не въ кутузку, а въ помѣщеніе для арестованныхъ по приговору мировыхъ судей.

— Развѣ-жъ можно миллионеромъ, да еще въ этакихъ пиджакахъ — первый сортъ, лондонскихъ — а? вѣдь лондонскій? скрививъ ротъ на сторону и трогая Власа за сертукъ, ехидствовалъ врачъ: — развѣ можно ихъ въ помѣщеніе?.. А-ха, Иванъ Николаевичъ, на то и штрафы вамъ предоставлены. Помѣщенія для мужиковъ. Я помню, такъ и на земскомъ собраніи говорили, когда рѣчь шла о ихъ устройствѣ, все говорили о мужикахъ, а вы вдругъ Власа, англійскаго джентльмена.

— Два помѣщика по моимъ приговорамъ отсидѣли-сь, не воздержался похвастаться судья и весь зардѣлся, случайно оглянувъ окружающихъ. Одобренія его либерализму ни на чьемъ лицѣ не оказывалось. Мягкіе усы барона шевелились какъ-то недобро. Только исправникъ, по привычѣ аллодировать брату, идиотски расхохотался.

— Штрафы, штрафы-сь для тѣхъ, для кого они чувствительны-сь, началъ путаться судья:—для мужиковъ... а для...

— А ни штрафа, ни помѣщенія вашего я знать не хочу. Не хочу и не будетъ, хриплымъ рѣшительнымъ басомъ объявилъ старикъ Оедуль.—И не будетъ.

— Да изволите видѣть, да позвольте, Оедуль Игнатьевичъ... очень можетъ быть... залепеталъ опять судья.—Ему видимо хотѣлось бы найти хорошія слова, за которыя можно было бы отступить отъ слишкомъ твердо, въ порывѣ либеральнаго рисованія, произнесеннаго рѣшенія: — конечно, можетъ случиться, что показанія... принципъ...

— Да что тутъ, вздоръ, съ рѣзкой досадой опять перебилъ Власъ:—ничего не можетъ случиться, и никто вамъ помѣшать не можетъ исполнить вашу обязанность... Я первый не помѣшаю.

Я виновать. Не отрицаю, что виновать, я—первый противу себя свидѣтель... Законъ есть. Ну, по закону и присуждайте. И дѣлу конецъ; чего тутъ толковать? Не батюшѣ сидѣть, мнѣ. Не онъ виновать. Я и отсижу.

Судья сдѣлалъ фязіономію, вызывающую къ сочувствію: «дескать, видите, самъ говоритъ; а же—только достойное жалости орудіе закона». Оедуль Игнатъевичъ выпучилъ на сына глаза, нѣсколько секундъ покрѣпился и вдругъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Ну и дуракъ, и больше ничего, что дуракъ... Виновать, виновать. Кабы вправду былъ виновать—миѣ что! сиди. А дуракъ ты. Вотъ что. Ну, какая вина... Погулялъ по мордамъ. Не даромъ, за дѣло. Вина это?.. Я въ твои годы... у меня и экихъ денжищъ, какъ у тебя, и экихъ пріятелей не было, а случилось не только что мужика по рогожной харѣ, и капитана-исправника поучишь... да не былъ я виновать. Потому за дѣло... Потому я зря не колотилъ—и моей вины не было; никакой и не было... А вы нынче блудливы, какъ кошки, а трусливѣе зайца стали. Виновать! виновать! дурость одна, а не то, что виновать.

Очень неловкое ощущеніе охватило всѣхъ, въ особенности самого исправника, хотя, по нынѣшнимъ порядкамъ, уже и не капитана—а все-таки исправника: Власъ видимо сдерживалъ раздраженіе. Только врачъ ехидно хихикалъ.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ неловкаго молчанія, баронъ Клоцъ счелъ достойнымъ себя возстановить утраченную благопристойность бесѣды.

— Мировой институтъ поставленъ такъ твердо и самостоятельно, что бороться съ нимъ, когда онъ, если такъ можно выразиться, въ предѣлахъ совѣсти и закона дѣйствуетъ, было бы исполнѣ бесполезнымъ. Миѣ хорошо извѣстны въ Петербургѣ нѣсколько несчастныхъ случаевъ, отъ которыхъ весьма вліятельные и знатные люди, не взирая на свои связи и положеніе, безапелляціонно пострадали.

Баронъ говорилъ длинными періодами, переведенными съ нѣмецкаго. Онъ хотѣлъ пролить масло на зыбъ океана и попасть пальцемъ въ небо.

— То въ Петербургѣ. Тамъ одинъ расчетъ, а здѣсь другой, начиная уже свирѣпѣть отъ противорѣчій, опять захрипѣлъ басомъ Оедуль Игнатъевичъ. — Тамъ ихъ не свернешь, да и то... погоди еще... не долго и тамъ, голубчики, накуражатся... И тамъ на нихъ управу разыщемъ. Ну, да покуда пушай. А здѣсь, врешь... Здѣсь разговоръ другой. Здѣсь мой хлѣбъ ѣшь—меня и слушай...

Лицо исправника приняло совсѣмъ идіотское выраженіе, судья

попурпурѣлъ; попурпурѣлъ и Власъ, хотя отъ иной, чѣмъ судья, причины.

— Позвольте, вступился Калининъ:—это же здѣсь вашъ хлѣбъ ѣсть?

— Да кромѣ васъ—вы изъ чести служите, свой хлѣбъ добѣдаете—(Федулъ презрительно усмѣхнулся), кромѣ васъ, здѣсь всякій иной хлѣбъ ѣсть. Всякій. Вы думаете, я пошелъ бы къ нему—онъ ткнулъ рукой въ исправника — на его казенные гроши рассолы разѣдать, шампанское распивать... Держи карманъ. Я знаю, что мое, отъ того и иду, и лопаю... Онъ тамъ, пожалуй, величайся по хозяйски, мнѣ наплевать. А я знаю—свое добро ѣмъ, ну и иду.

— Не забывайте, Федулъ Игнатьевичъ, вы въ гостяхъ у Павла Николаевича, опять умиротворялъ было Калининъ.

Общество начинало волноваться, бѣдный исправникъ совсѣмъ заколыхался, и глаза у него заслезились даже. Красная голова судьи налилась кровью, того и гляди — ударъ. Баронъ сталъ что-то тихо говорить Огнину, докторъ и Власъ нервно обмѣнивались словами.

— А что я у него въ гостяхъ? возразилъ Федулъ Игнатьевичъ.—Хлѣбъ-соль ѣшь, а мать-правду рѣжь. Да и хлѣбъ-соль мои. Да, мои, чего?.. Откуда у него эти икемы, да кремы?.. изъ жалованья?.. край!.. На жалованье дай Богъ штаны шить... да щи сварить; кабы не наши куски, много бы исправниковъ въ себѣ нашли... Грошъ въ карманъ, да по зашенинѣ на день отъ васъ ему... А сласть вся отъ нашего брата. Сколько? ну, сколько завтра съ меня получишь? вдругъ обратился онъ къ осовѣвшему Павлу Николаевичу.

Вѣднѣкъ видимо не могъ ничего ни понять, ни сказать: метался на стулѣ, глоталъ слезы съ квасомъ, молитвенно взглядывалъ на Калинина. Черенинъ прежде, чѣмъ былъ назначенъ исправникомъ короннымъ (по ходатайству Калинина), состоялъ въ этой должности по выборамъ дворянства, по протекціи предводителя тоже. Онъ въ простотѣ своей, переходящей въ младенчество души, въ наивности ума своего, окончательно всбаламученнаго новыми порядками, не имѣлъ ни о чемъ земномъ яснаго представленія, даже не разобралъ доселѣ: взятка или не взятка сборъ съ лѣсопромышленниковъ? Въ горькія минуты службы онъ обыкновенно обращался за покровительствомъ къ Калининну.

— Полно, полно вамъ, Федулъ Игнатьевичъ, нехорошо это съ вашей стороны, весьма убѣдительно началъ было Калининъ:—Павель Николаевичъ ничего вамъ не сдѣлалъ. За что вы...

— Все одно. Одно отродіе; у нихъ свои счеты. Ну, говори,

судья, ты это впрямь? обратился онъ опять къ судѣ, стараясь сдерживаться:—впрямь будешь?..

— Да я, Ѳедуль Игнатьевичъ, я долженъ... я говорилъ, что мотивы закона... моя обязанность... а можетъ...

— Ну, ладно. Вся моя операція—стойть машина, сейчасъ стойть. Завтра билетовъ не надо; не надоть.

Исправникъ поблѣднѣлъ, можно было опасаться, что съ нимъ сдѣлается обморокъ. Къ счастью, обѣдъ былъ конченъ, и Калининъ подтолкнулъ хозяина, «дескать, вставать пора». Стулья загрохотали; врачъ закурилъ папиросу прежде, чѣмъ поднялся. Краснопузовъ, набожно помолясь на икону Николая Чудотворца, пожалъ руку хозяина, промолвилъ съ иронической улыбкой: «за хлѣбъ, за соль», и прибавилъ на порогъ гостиной: «а билетовъ на мой лѣсъ все-таки писать не вели, слышишь? не вели. Поди, у тебя теперь писаря тамъ убиваютъ, такъ пошли лучше. Скажи: не будетъ магарычей отъ меня, чтобы, значить, не лѣстались... даромъ бы не трудились. Не будетъ ничего отъ меня».

Старикъ прошелъ въ гостиную и, какъ ни въ чемъ не бывало, кряхтя, опустился въ самое просторное кресло у жарко натопленной печки; вытеръ раскраснѣвшееся, отпотѣвшее лицо желтымъ фуляромъ и сталъ поводить кругомъ глазами. Въ этихъ глазахъ было больше насмѣшки и презрѣнія, чѣмъ раздраженія или злобы, и всякій, сознавая, что по немъ скользятъ этотъ взглядъ, чувствовалъ себя неловко, особенно послѣ сцены, разгравшейся за столомъ.

Разсвирѣпѣй Краснопузовъ, разругайся, и уѣзжай, всѣмъ было бы удобнѣе: грубая выходка самодурства, и больше ничего; всѣ его рѣчи можно было бы самодурству приписать. А то онъ выругался и потомъ разсѣлся спокойно въ кресла; потопывалъ носками, улыбался и, дѣйствительно, имѣлъ видъ не гостя, а хозяина. Онъ даже кивнулъ Ѳедьку и ласково респорядился.

— Ты, Ѳедюша, мнѣ кофею не наливай. А чтобы чай былъ, желтенькій, знаешь? ееть у васъ? Есть? и ладно. Вотъ мнѣ желтенькаго.

Менѣ всего у себя дома чувствовалъ самъ хозяинъ. Онъ какъ-то безсознательно и безцѣльно метался изъ комнаты въ комнату. То папирозъ предложить кому; то Ѳедьку сдержаннымъ шопотомъ по хозяйственнымъ распоряженіямъ обругаетъ; то остановится посреди комнаты и раскроетъ ротъ. Эта его нога, повидимому, особенно правилась Ѳедулу. Старикъ непремѣнно уставить на него свои насмѣхающіеся глаза.

— Вы бы его какъ-нибудь успокоили, ласково посовѣтовалъ

исправнику Калининъ, поймавъ несчастнаго съ разинутымъ ртомъ въ задней комнатѣ, гдѣ разливали кофей и чай.

И прежде, чѣмъ Павелъ Николаевичъ успѣлъ отвѣтить, предводитель, зная его бабью натуру, поспѣшилъ сказать ему нѣсколько добрыхъ, условительныхъ фразъ.

Натура у бывшаго эскадроннаго командира была такая, что отъ малости онъ приходилъ въ уныніе; малость его и въ ярость приводила. Смотри по обстоятельствамъ, отъ малости приходилъ онъ и въ нѣжныя чувства. Отчаянное оупѣніе, въ которое погрузила его выходка Краснопупова, пропало отъ добраго, ласкаго слова Калинина. Въ бѣднѣгъ проснулся человѣкъ, до глубины души—чего до глубины души, отъ головы до пятокъ буквально—чувствующій свое горькое, незаслуженно-униженное положеніе.

Въ минуты служебнаго усердія передъ начальствомъ—административнымъ или денежнымъ—Павелъ Николаевичъ обращался въ ничто, забывалъ чувство своего достоинства, готовъ былъ обязанности разсылнаго исполнить. Иногда же онъ чувствовалъ себя въ положеніи ребенка, котораго непременно высѣкутъ, который не можетъ избѣгнуть порки, и былъ готовъ машинально, безропотно спустить штаны. Прикази бумага губернскаго правленія спустить штаны, въ такія минуты Павелъ Николаевичъ послушался бы.

Такія минуты находили на него обыкновенно съ перепугу. Но какъ только чья-либо ласка его ободряла, особенно ласка того, на кого онъ любилъ опираться—а опираться онъ любилъ на всѣхъ, ибо самъ никогда твердой почвы подъ ногами не ощущалъ, въ увѣднхъ же властей считалъ Калинина надежнѣйшей опорой и другомъ—когда его успокивала ласка, тогда Павелъ Николаевичъ или начиналъ плакать, горько жаловаясь на обиды, или проникался чувствомъ собственнаго достоинства и ругалъ обидчицковъ, болшею частію, впрочемъ, заочно. Иногда и плакалъ, и ругался вмѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ. Выслушавъ и не безъ усилія выкинувъ въ несложный смыслъ словъ Калинина, Черенинъ прозрѣлъ. Слезы, стоявшія на глазахъ, покатились по щекамъ. Длиныя руки замахали.

— Да что я этого борова успокивать стану? Чего онъ взѣлся?.. Братъ тамъ что дѣлаеть, что мнѣ за дѣло... Съ братомъ онъ и справляйся... А меня въ моемъ домѣ, въ моемъ домѣ, въ моемъ домѣ... Павелъ Николаевичъ начиналъ всхлипывать. — Въ моемъ домѣ... я, кажется, всѣмъ служу, служу, служу... А только все по шеѣ, только по шеѣ... Вотъ и сегодня... Этимъ, этимъ... этому борову все сдѣлано. Мои становые вышколены...

Провѣрка... билеты... писаря тоже вышколены, все живо, все мигомъ, аккуратно.. Вдругъ, говорить: остановлю операцію. Да какъ онъ смѣетъ остановить операцію?! Какъ онъ смѣетъ?! Становые работали... Я самъ, самъ я билеты подписалъ. Остановлю, говорить... Не воруютъ его денегъ... Чего онъ? Платить и будетъ платить. Не я выдумалъ, порядокъ такой... Мнѣ мое подавай, не кори, не смѣй корить... Ему все исполнено, ну, и давай. Не кори. Порядокъ. Чего онъ меня за брата наказываетъ? Подлецъ!

Павель Николаевичъ упустилъ изъ виду всевѣдѣніе Ѳедула Игнатьевича. Старикъ зналъ, что, по раздѣлу отцовскаго имѣнія, Павель Николаевичъ долженъ уплачивать по 600 руб. брату-судьѣ. И сообразилъ, что, не получи въ этомъ году исправникъ лѣсныхъ, судьѣ не получить своихъ 600 руб. Это Павель Черенинъ упустилъ изъ виду. Кромѣ того, младенчески простодушный, онъ искренно вѣровалъ, особенно въ эту минуту, что билетные доходы отъ лѣсопромышленниковъ въ мартѣ мѣсяцѣ такой же порядокъ получать, какъ каждыя 20-го числа получать жалованье отъ казначея. Онъ смутно зналъ—смутно потому, что самъ этого въ законѣ не читалъ—что въ штатахъ этого дохода не полагается. Но мало ли чего... Когда онъ принималъ мѣсто исправника, онъ зналъ, что вотъ онъ будетъ 1,500 руб. жалованья получать и около 1,500 руб. лѣсныхъ, всего 3,000 руб., а можетъ и больше, коли Богъ дастъ хорошія лѣсныя операціи. Объ лѣсныхъ деньгахъ, конечно, официально никѣмъ при опредѣленіи на службу его не упоминалось. Да вѣдь и о жалованьи собственно никто, даже самъ губернаторъ, не разговаривалъ. Оно подразумѣвалось. Подразумѣвались и лѣсныя. Еще больше подразумѣвались, даже болѣе, чѣмъ жалованье. Ибо въ интимныхъ бесѣдахъ съ близкими Черенина вопросъ обсуждался: при новыхъ штатахъ сохраняются ли лѣсныя, или не сохраняются? И, послѣ многосторонняго обсужденія, было рѣшено, что сохраняются. Потому что, на что же будетъ жить тогда исправникъ? Жалованье, конечно, противу прежняго, прибавлено, но за то ужъ всякіе другіе доходы, всякія взятки—баста, прекращены. Ни-ни. На что же будутъ жить становые, коли не билетныя деньги? Наконецъ, на что же будутъ существовать писцы управленія? Отъ нихъ нынче и одежды опрятной, и деликатности требуютъ. На шесть рублей въ мѣсяцъ не раздобудешься деликатностями. Начальству это извѣстно. Очевидно, что лѣсныя предполагается сохранить. И Калининъ тогда же подтвердилъ, что, дѣйствительно, предполагается сохранить.

И потомъ, сами гг. лѣсопромышленники (все народъ такъ или иначе у начальства вліятельный) непремѣнно вооружились бы противу такой, подрывающей основы, реформы. Возопіали бы: какъ это съ нихъ вдругъ денегъ не станутъ брать? Сколько они изъ-за этого потеряютъ! Лѣсопромышленникамъ нужна скорость. Лѣсъ рубится и вывозится вплоть до конца марта; раньше вывозку нельзя кончать. А тутъ къ ряду и сплавать надо. Безъ билетовъ сплавлять нельзя. А чтобъ билеты выдать, полиціи надо порядокъ соблюсти: повѣрить плоты и тамъ проч.; составить списки, написать билеты; сдѣлать расчеты. Земскій сборъ еще тутъ путаетъ; потомъ выдать билеты. Начни полиція все это продѣлывать, не изнурая себя, по порядку, балансируя выполненіе своихъ обязанностей только штатнымъ жалованьемъ, ну, что бы хорошаго вышло? Становой кончилъ бы провѣрку на мѣстахъ, равнѣ къ тому времени, когда половодье кончилось бы. А билеты въ полиціи едва ли успѣли бы къ Петровкамъ, когда не только половодье, да и мелководье пройдетъ и останется одно безводье. Дабы надлежащимъ образомъ и въ надлежащее время дѣло выполнить, становой долженъ на четверо разорваться около Кирилина дня. А даромъ, добровольно, себя никто четвертовать не станетъ. Дабы ко времени билеты написать—писцы управленія не одну ночь въ присутствіи просидѣть должны. У самого исправника правая рука отъ многократнаго подписыванія билетовъ такъ стала трястись, что онъ квась разлилъ на чистую камчатную сватерть за столомъ. И за это послѣ обѣда получилъ глубоко уязвившій его выговоръ отъ старой тѣтки, завѣдывающей его хозяйствомъ. Господи! и отъ губернскаго правленія выговора, и отъ тѣтки выговоры... и Краснопулова ругань... Онъ даже за голову схватился и смерти пожелалъ.

Нѣтъ, нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о законности лѣсныхъ денегъ былъ правильно рѣшенъ въ свое время въ положительномъ смыслѣ. Жалованья ежемѣсячно по 125 руб. Лѣсныхъ въ мартѣ 1,500 р. или болѣе. Бюджетъ круглый, жилось доселѣ кругленько. Вдругъ молодому купчику вздумалось съ мужиками подраться и, трахъ, исправника его кровныхъ денегъ лишить хотять. Ужъ въ одномъ томъ обстоятельстве, что Краснопуловъ не посмѣлъ даромъ билеты выправить, а погрозилъ ихъ вовсе не брать, всю операцію остановить, уже въ этомъ обстоятельстве Павелъ Николаевичъ не безосновательно видѣлъ доказательство законности своего дохода. «Ну, ну, попробуй-ка не заплатить, да билеты взять? А? попробуй! небось не смѣеть. Знаеть, что нельзя. Знаеть. Значить, это онъ и кровный кусокъ изо рта вырвать хочеть. Раззорить меня хочеть. Миродъ проклятый! Успоковать! Чего

его успокоивать... А ему ничего. Отъ меня ему ничего, кромѣ добра. Становыхъ, писцовъ, всѣхъ въ его распоряженіе. Всѣ другія дѣла отложилъ... Сколько изъ губернскаго правленія выговоровъ будетъ... Знаю что будетъ; всегда такъ въ мартѣ. А онъ вдругъ кусокъ у бѣднаго человѣка, заслуженный, заслуженный кусокъ изъ глотки вырываетъ. Стану я его успокоивать. Онъ бы брата и наказывалъ. Ну, наказывалъ бы... такъ небось нѣтъ; руки коротки... Судья-то несмѣняемъ, да и боекъ. И угождать не станеть. Такъ онъ на бѣдномъ исправникѣ злобу сорвалъ. Боровъ, мироѣдъ, стану я его успокоивать!»

Слезы опять посыпались изъ глазъ исправника, и онъ опять схватился за голову, тѣмъ болѣе, что тетушка опять шамкала ему выговоръ за то, что онъ стоятъ не у мѣста и мѣшаетъ и ей, и Ѳедкѣ, и Ларисѣ.

Бѣдный исправникъ! Впрочемъ, не онъ одинъ чувствовалъ себя скверно.

IX.

Баронъ Клоцъ тоже былъ недоволенъ. Онъ даже волновался: куда онъ попалъ? онъ, дважды рыцарь—рыцарь тевтонскаго ордена по происхожденію, рыцарь мундира по положенію — попалъ въ какой-то вертепъ стараго подъячества! вѣзточничества. Да еще какаго ехиднаго подъячества; вѣзточничества, темнаго для его пониманія! Хуже чѣмъ прежде было. Вотъ она, грязь-то провинціи. Порядочному жителю столицы, проникнутой честнымъ либерализмомъ, стыдно здѣсь кому-нибудь руку подать. Кромѣ, конечно, Калинина, предводителя. У Клоца съ Калининымъ, по дѣламъ набора, тоже были счеты, но счеты нѣкоторымъ образомъ рыцарскіе. Съ Калининымъ можно копыа ломать; у него, конечно, понятія не рыцарскія, варварскія, но все-таки руки чистыя... За то только онъ одинъ и есть. Баронъ Клоцъ, вида неотложную служебную необходимость оставаться еще нѣсколько недѣль въ этой смрадной средѣ, чувствовалъ себя нѣкоторымъ образомъ Прометеемъ, прикованнымъ къ скалѣ. Хотя собственно и не зналъ, какой огонь привезъ онъ изъ Петербурга для обитателей Лѣсовольска. Послѣ обѣда, онъ тотчасъ же постышилъ уйти изъ гостиной, гдѣ ѣлъ топочущему ногамъ Ѳедулу уже подсѣлъ съ солодковой рѣчью судья Черенинъ, и гдѣ Власъ нервно и озлобленно перелистывалъ валявшійся на столѣ, старый номеръ «Вѣстника Европы». Клоцъ въ кабинетѣ закурилъ сигару, свою собственную—хозяйскую, онъ не довѣрялъ—

опустился на диванъ и подозвалъ къ себѣ Огнина. Отъ этого добряка такъ и свѣтилось спокойствіемъ и добродѣтельнѣйшимъ непониманіемъ. Съ Огненнымъ можно было болтать по французски о предметахъ очень матерьяльных, даже очень пикантныхъ, казавшихся однако почти отвлеченностями изъ глубины дѣсоводскаго котла съ грязью—о предметахъ петербургскихъ. Съ Огненнымъ можно было успокоиться и забыться. Вѣдь и лепетъ ребенка успокоительно дѣйствуетъ на взбудораженную мировыми событіями душу героевъ, даже рыцарей, даже Прометеевъ. Огнинъ былъ такой милый ребенокъ.

Можно съ нимъ успокоиться... или, по крайней мѣрѣ, не выдать волненія. Только вотъ этотъ докторъ. Каждый разъ, какъ онъ входилъ въ кабинетъ, у Клоца подергивалось плечо.

А докторъ безпрестанно то входилъ, то выходилъ. Какъ домашній врачъ, какъ другъ дома, какъ человѣкъ, держашійся вообще принциповъ безперемонности, онъ бродилъ по дому кругомъ. И съ тетушкой исправника пошутить въ ея комнатѣ; и по дорогѣ ушипнеть хорошенькую дѣвочку, горничную Ларису, спящую между хозяйкой-тетушкой, кухней и кладовой. И прислушивается къ горячему разговору между исправникомъ и Калиннымъ. Потомъ въ гостиной впустить ѣдкій каламбуръ въ солодовую рѣчь судьи или чѣмъ его подзадорить. Похлопаетъ по плечу алящагося на самого себя Власа. И въ кабинетъ заглянетъ: станетъ посреди комнаты; то пыхнетъ дымомъ папирасы, то посвиститъ; или улыбнется, не то презрительно, не то злобно, и потомъ повернется назадъ.

У барона отъ этой улыбки непременно дрыгнетъ плечо.

— Завтра, послѣ присутствія, милости просимъ ко мнѣ на пирогъ, неожиданно обратился врачъ въ Клоцу и Огнину:—я—именинникъ.

Приглашаетъ, не выпуская изъ зубовъ окурка папирасы и не трудясь даже свою презрительную улыбку замѣнить приличной случаю, любезною. У Клоца дрыгнули уже оба плеча, и онъ не могъ воздержаться: разстегнулъ сертукъ и распахнулъ его почти дрожащими отъ волненія руками.

— Придешь, Власъ, ко мнѣ на пирогъ завтра, на именинный? не дожидаясь отвѣта Огнина и Клоца, крикнуть врачъ изъ кабинета въ гостиную.

Власъ промычалъ что-то въ родѣ: хорошо, приду.

— Вотъ и Краснопуговъ будетъ, приходите. Я—именинникъ, повторилъ онъ опять Клоцу.

Огнинъ былъ человѣкъ набожный, очень набожный, и святцы зналъ лучше даже, чѣмъ кавалерійскій уставъ.

— Кажется, Аркадій Дмитріевичъ, завтра нѣтъ Аркадіевъ? замѣтилъ онъ доктору.

— Хи, хи, хи. Нѣтъ. Вотъ вы какъ твердо святцы знаете. Да все равно, я праздную именины. Я ихъ всегда во время набора праздную. Приходите пожалуйста. И пыхнувъ дымомъ уже не папирасы, ибо папираса выкурилась, а просто ваты изъ мунштучка, онъ, не дожидаясь отвѣта, повернулся на каблучкахъ и направился въ буфетную, гдѣ какъ разъ мельнула краснощекая Лариса.

П а un touré du diable, уже не выдержалъ своего негодованія баронъ Клоць. Впрочемъ, онъ замѣтилъ это Огнину хотя и энергично, но вполголоса, чтобы въ гостиной не слышали. Огнинъ только мотнулъ красивой курчавой головой и ласково улыбнулся.

Въ это время, покончивъ обработку исправника и уговоривъ его помириться съ Оедуломъ, въ кабинетъ вошелъ Калининъ, отдуваясь, какъ бы послѣ отяготительнаго моціона, и подсѣлъ къ гвардейцамъ. Въ гостиной послышался голосъ исправника; что-то заговорилъ Власъ, и старикъ Краснопуховъ, и судья заговорили громче. Словомъ, разговоръ въ гостиной настолью оживился, что Клоць призналъ возможнымъ, но компрометируя своего достоинства, попросить объясненія Калинина.

— Скажите пожалуйста, Петръ Степановичъ, началъ Клоць съ послѣдняго поразившаго его пункта списка провинціальныхъ безобразій:—сейчасъ насъ съ Огнинимъ уѣздный врачъ позвалъ къ себѣ на пироги. Я не знаю, идти ли... Вы пойдете?

— Не звалъ еще, а коли позоветъ, пойду. А что?

— Да какъ-то это не хорошо выглядить.

— Что не хорошо выглядить?

— Я, знаете, не люблю обижать, отказывать. Подумають, что, что... я пренебрегаю. Вы знаете. Я ничѣмъ не пренебрегаю. Я не гордъ, я люблю это всегда доказывать. Но онъ такъ... такую странную манеру имѣетъ приглашать...

— Какую странную? Это что онъ точно насмѣхается и грубости говорить, даже когда слѣдовало бы говорить любезности?

— Да, да, и это. Онъ какъ-то не позволительно грубъ. А между тѣмъ, кажется, получилъ воспитаніе. Говорить по нѣмецки, хорошей фамиліи...

— Манера такая у нынѣшнихъ молодыхъ. Калининъ вздохнулъ. Не легко было и ему самому сживаться съ такими манерами и прибавилъ:—да развѣ у васъ въ Петербургѣ мало такихъ? Этотъ новый фарсъ изъ Петербурга вывозится къ намъ.

— Да, въ Петербургѣ, можетъ быть. Ихъ тамъ, говорятъ,

очень много, слишкомъ много. Но въ Петербургѣ кто же съ ними знается? А здѣсь отъ къ себѣ на фрештигъ приглашаютъ.

— Что дѣлать, баронъ, на безрыбьи. Здѣсь, видите, онъ положеніе занимаетъ, роль играетъ.

— Ну, какое положеніе! Какую роль! Уѣздный лекарь!

— Однако! Товарищъ нашъ по присутствію. Членъ... засядетъ, подписываетъ. Его мнѣнія для насъ—авторитетъ.

Баронъ сдѣлалъ презрительную физиономію.

— Ну да, да. Вотъ обижать не хочу. Въ одномъ присутствіи.. правда. Нѣтъ. Да вы его лучше знаете, Петръ Степановичъ. Скажите, вы вѣдь пойдете? вы вѣдь, значить, считаете его за... *этагъ сомме il faut*, т. е., честнаго молодого человѣка?

Калининъ состроилъ свою обычную жалостливую физиономію, которой онъ сопровождалъ всегда указанія на достоинства даннаго человѣка, оправдывающія его несомнѣнные недостатки.

— Честность его намъ съ нами, баронъ, лучше, чѣмъ кому другому, извѣстна. Помните Евсѣя Ситина, рекрута?

— Евсѣя? — Евсѣя?.. Ситина? пошарилъ у себя въ бакебардакъ, насупивъ лобъ, баронъ и поднялъ голову, свѣтло раскрывъ глаза въ знакъ того, что ничего не нашель:—не помню; рѣшительно не помню.

— Ну, да вотъ помните, съ больной ногой. Еще въ присутствіе привели, нога распухла у колѣна, и докторъ намъ заявилъ, что онъ, этотъ Ситинъ, ему взятку давалъ.

— А, да, да, да, припоминаю, и докторъ потомъ наставлялъ на приѣмъ; еще сказалъ, что это такъ съ умышленіемъ, съ умысломъ. Помню, помню. И мы его приняли.

— Да. А на другой день докторъ увидѣлъ, что погорячился, и умолялъ насъ вернуть...

— Да, да, да, припоминаю, какъ теперь, помню.

— Ну, вотъ видите. Докторъ вѣдь этотъ молодецъ, чувствителенъ; оскорбленіе почувствовалъ сильно, что ему взятку давали; погорячился и принялъ рекрута. А на другой день сообразилъ, что слишкомъ жестоко поступилъ, что зло отомстилъ, что и безъ взятки бы этого Ситина нельзя было принять, потому что ноги плохи, ну, и сталъ просить насъ переосвидѣтельствовать и освободить Ситина.

— Да. Именно такъ. Помню. *C'était un bon trait*. Я долженъ сознаться. Да, я его уважаю, я уважаю его за это. Помню. *Il est bon enfant. Un honnête garçon*.

— Ну, такъ отъ чего же пирога у него не поѣсть? Грубость эта напускная.

— Поѣдимъ, поѣдимъ. Онъ говорить, что именины всегда во время набора справляетъ, замѣтилъ Огиннъ.

— Онъ это сказалъ? спросилъ Калининъ, словно удивясь; потомъ задумался, словно что-то соображая. Какъ будто проглотить что-то невкусное, и это невкусное въ горлѣ застряло.

Калининъ считалъ молодого врача честнымъ, либеральнымъ человѣкомъ. По крайней мѣрѣ, онъ такъ о немъ всегда отзывался, и отзывался убѣдительно. Барона Калининъ тоже, кажется, убѣдилъ, что докторъ—*bon enfant*, честный малый, хотя и зараженный манерами съ кандачка. Баронъ убѣдился. То, что докторъ, по его собственнымъ словамъ, празднуетъ свои именины непременно во время набора, не производило на барона неприятнаго впечатлѣнія. Но предводитель зналъ лучше Клоца складъ жизни провинціальной администраціи и, несмотря на свои похвалы честности врача—это празднованіе имъ именинъ во время набора вызывало у Петра Степановича размышленія въ мозгу и перхоту въ горлѣ. Онъ чувствовалъ себя недовольнымъ, безпокойнымъ. Тѣмъ болѣе недовольнымъ, что существовало обстоятельство, безпокойшее его еще болѣе докторскаго имениннаго пирога во время набора.

Петръ Степановичъ Калининъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ привычку отзываться о людяхъ только съ хорошей стороны. Ему было пріятно каждаго брата во Христвѣ рекомендовать другому брату во Христвѣ съ наилучшей стороны. Это было лично ему присущее свойство. И это свойство усугубляло другое его свойство, такъ сказать, свойство общечеловѣческое, свойство общевыражаемое пословицей: всякъ куликъ свое болото хвалить. Роду человѣческому пріятно утверждать и доказывать, что все превосходно въ превосходѣйшемъ изъ міровъ. Всякому истинному патриоту пріятно настаивать на томъ, что его отечество стоитъ на самомъ пулѣ земли. Всякому доброму пастырю лестно убѣждать другихъ пастырей и мимо проходящихъ обывателей, что вѣренное ему стадо—наилучшее изъ стадъ и что паршивыхъ овецъ въ немъ нѣтъ ни единой. Предводителю Калининъ не было, строго говоря, вѣрено ни института, ни губерніи, ни паствы. Но всѣ элементы административные гѣсовольскаго уѣзда, взятые вкупѣ, онъ имѣлъ основаніе, по искони установившемуся обычному праву, считать своимъ болотомъ. Въ бумагахъ, присылаемыхъ ему высшими инстанціями, даже писалось иногда: «во вѣренномъ Вашему Высокородію уѣздѣ». Предводитель, въ нѣкоторомъ смыслѣ, начальственно соприкасался со всѣми этими элементами, и имѣлъ право образуемое ими болото считать «своимъ болотомъ» и, слѣдовательно, считалъ своею обязанно-

стію хвалить трясину. Да еслибы и не считалъ бы болото себѣ вѣрненнымъ, онъ все-таки считалъ бы долгомъ его расхваливать постороннимъ, въ особенности орламъ, слетающимъ съ столічныхъ вершинъ на болото. Калининъ хорошо зналъ всѣ недостатки, всѣ трясины, всѣ окна и прорѣхи своего болота; всѣ міазмы, имъ издаваемые, нерѣдко оскорбляли его собственное обонаніе. Но орламъ объ этихъ трясинахъ и міазмахъ знать вовсе не надлежало. Первое: орлы, живущіе на скалистыхъ вершинахъ (которые, по мнѣнію Калинина, были несомнѣнно хуже болота, ибо изъ болота можно воздѣлать плодородныя пажити или, по крайней мѣрѣ, торфу нарѣжешь, а скалы во что воздѣлаешь), ничего въ болотномъ дѣлѣ не понимаютъ. Второе: убѣдись орлы, что болото вредно, они еще съ бѣльшей энергіей будутъ налетать на болотную дичь и заклеивать ее. Какъ бы тамъ ни было, а все-таки они—орлы, и куликамъ отъ нихъ не вернуться... Да хоть бы и не заклеивали—все обидно кулику сознать, что его трясина, такъ много обѣщающая въ будущемъ, подвергается презрѣнію орловъ, свившихъ себѣ гнѣзда на величавыхъ утесахъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, ни къ какому воздѣлыванію, ни къ какому обогащенію родины неспособныхъ...

Калининъ любилъ казать заѣзжимъ столічнымъ и губерньскимъ властямъ только хорошія стороны болота. Они же, спасибо разнообразію поглощающихъ ихъ интересовъ, довольствовались весьма поверхностнымъ знакомствомъ. И слава Богу. И баронъ Клоцъ доселѣ былъ удовольствованъ ловкимъ всепохваляющимъ краснорѣчіемъ лѣсовольскаго патріота Калинина: благодѣтельныя реформы отразились благодѣтельно; старое зло уничтожено; новое добро, какъ злаки, высѣяны на вновь воздѣланной черноземной пажити, такъ, дескать, и пруть изъ почвы, удержу имъ нѣтъ. Все это баронъ воспринялъ. И вдругъ... и вдругъ этотъ идіотъ судья взбудоражилъ старика Краснопузова; а старикъ Краснопузовъ подхъ самымъ носомъ Клоца раскопалъ трясину, и пошла вонь; сѣрнистоводородный газъ, міазмы, омерзѣніе. Что подумаетъ орелъ? что повѣдаетъ онъ, вознесся вновь на свои утесы? Вѣдь онъ даже не пойметъ, что міазмовъ изъ болотной гущи, накопленной вѣками, не изведешь въ одинъ день. Онъ не пойметъ, что эта гуща, при надлежащемъ за нею уходѣ, можетъ обратиться дѣйствительно въ плодороднѣйшія уголья. Онъ только замнетъ носъ и скажетъ, что болото, не взирая на всѣ о немъ заботы орловъ, осталось источникомъ зловонія, и что куликовъ слѣдуетъ заклеивать, держать въ страхѣ. И только. Лучшаго, дескать, кулики обращенія и не заслуживаютъ.

Такое опасеніе сильно тревожило Калинина. Онъ боялся, что именной пирогъ врача во время набора раскроетъ еще кой-какія темныя стороны. Онъ не сомнѣвался, что опасеніе основательно. Отъ того у него и въ горлѣ сильно першило. Видя, что баронъ собирается задавать ему вопросы, Калининъ послѣшилъ подвергнуть его встрѣчному, перекрестному допросу. И успѣлъ выполнить свое намѣреніе, благодаря тому, что баронъ всегда долго собирался съ мыслями (благодаря этимъ сборамъ, выражаемымъ имъ мысли были неглупы)—а, собравшись съ мыслями, не прежде ихъ выражалъ, какъ мысленно переводя съ нѣмецкаго на русскій языкъ.

Калининъ думалъ притче.

— Васъ, кажется, изумила выходка Краснопупова за столомъ? спросилъ Петръ Степановичъ Клоца.

— То есть, мнѣ очень неприятно, неприятно, что на званомъ обѣдѣ у начальника уѣзда это такъ выходитъ. Но я не изумился выходкѣ Краснопупова. Онъ въ Петербургѣ немного извѣстенъ—мы его знаемъ въ Петербургѣ. Онъ—самодуръ. Его выходки меня не удивляютъ. Вотъ и Огнинъ знаетъ, онъ у его тестя часто бываетъ и дѣлаетъ кунштютки...

— Знаю, знаю, они съ тестемъ друзья завадичные. Помора иногда! вотъ разъ... началъ было Огнинъ разсказывать и не разсказалъ, а залился хохотомъ. Смѣшное воспоминаніе удержу не давало. Разсказать не можетъ, а хохочетъ, и хохочетъ аппетитно, заразительно. Къ благополучію пищеваренія его собесѣдниковъ, смѣхъ охватилъ и ихъ. Напряженность исчезла. Стало немножко легче говорить.

— Да, его выходкамъ, правда, что трудно удивляться, продолжалъ Калининъ. — Но васъ, баронъ, вѣроятно, удивили его намеки.

— А намеки? да, удивили, *se n'est pas le mot*, они меня поразили, опрокинули, *bouleversé*. Я ѣсть не могъ. Это что-то такое...

— Это насчетъ сплавныхъ билетовъ?

— Да, я долженъ сознаться; что это онъ говорилъ? обѣдъ не исправника, а его, это Краснопупова... что губернаторы безъ него исправниковъ бы не нашли, что онъ что-то не заплатитъ... Зачѣмъ онъ свою лѣсную операцію вдругъ остановить пожелалъ? Я долженъ вамъ сознаться съ рукой на сердцѣ, что я ничего не понимаю, ничего не понимаю... Только тутъ что-то нехорошее. Объясните, пожалуйста. Это до набора, до моихъ обязанностей прямо не касается? Нѣтъ?

— Нѣтъ, съ улыбкой успокоилъ его предводитель:—до набора

ни съ котораго края не касается. Но вы это легко поймете, а вамъ это объясню. Это вамъ въ Петербургѣ надо знать.

Этого, конечно, Калининъ не думалъ, что надо знать: Но такъ обстоятельства сложились, что надо было словами скрывать мысли.

— Надо, непременно надо. Мы въ Петербургѣ объ этомъ никакого понятія не имѣемъ.

— Ну, конечно, никакого понятія не имѣете. Глушь вѣдь, провинція здѣсь, гдѣ вамъ тамъ имѣть понятіе?

— Глушь, конечно. А интересно, надо знать. Я это тамъ скажу...

— Сдѣлайте милость, скажите, объясните, съ улыбкой, не лишеной лукавства, отвѣчалъ Калининъ:— замолвите о насъ словечко. Я вамъ для того и хочу пояснить, а вамъ и расскажу. Это очень просто.

— Славные билеты. Да. Я это не совсѣмъ знаю...

— Ну, видите, очень просто. Когда лѣсной матеріалъ, вырубленный въ какой-нибудь дачѣ...

— Дача, это большой лѣсъ, а не то что дача вотъ, какъ въ Павловскѣ или Парголово...

— Нѣтъ, здѣсь такихъ дачъ нѣтъ. А есть дачи — просто густые лѣса, которые мы губимъ...

Баронъ пожалъ плечами и промолвилъ въ усы: «да, слыхалъ, ужасно, для климата, и дрова тоже...

— Губимъ, дорогой баронъ, губимъ; мы вѣдь дикари и своего добра не понимаемъ. Когда нарубимъ лѣсу для продажи, для сплава весной по рѣкамъ — и мелкія рѣчки весной глубоки, знаете—для сплава на продажу, мы не можемъ ихъ сплавить на ярмарки или въ Петербургъ, или тамъ куда, безъ разрѣшенія полиціи, а разрѣшеніе пишется билетомъ. Вотъ сплавной билетъ и есть.

— Это законъ, это прекрасно, это прекрасно. Это для воровъ.

— Да, это для воровъ... ну и доходъ государству, пошлины. Вотъ у насъ установленъ сборъ въ земство съ вырубаемыхъ лѣсовъ, на дороги, на мосты...

— Это прекрасно... Дороги у васъ такія ужасныя. Это прекрасно, прекрасно. И доходъ государству. Хорошо.

— Ну-съ, такъ изволите видѣть, прежде чѣмъ лѣсопромышленникъ выправитъ билетъ...

— Выправитъ? какъ это? развѣ бываетъ фальшивые?

— Нѣтъ, выправитъ, значить, будетъ совсѣмъ въ правѣ взять билетъ, все приготовить...

*

— Ah, vraiment! какое прекрасное выраженіе, какъ нашъ русскій языкъ богатъ. Выправить!

— Такъ прежде, чтобы взять билетъ, надо, чтобы лѣсопромышленникъ всё эти пошлины и сборы заплатилъ. Но съ другой стороны, полиціи, чтобы выдать билеты, надо предварительно знать, на что выдать: сколько вырублено, какого лѣса, гдѣ? Понимаете? Для этого становые должны объѣхать всюкую вырубку, все подсчитать, все осмотрѣть, списки составить, представить въ полицейское управленіе. Надо, чтобы полицейское управленіе свѣрило эти билеты съ объявленіями лѣсопромышленниковъ? Понимаете?

— Понимаю, хорошо. Это—хорошій порядокъ... Только аккуратно ли все это дѣлать?..

— А вотъ, извольте видѣть. У насъ два становыхъ; и уѣздъ нашъ—саксонское королевство, 350 верстъ въ окружности. Вырубки вездѣ, въ каждомъ углу, въ каждомъ концѣ; вездѣ надо становому перебивать, дѣло сдѣлать; надо тысячи верстъ изѣздить, и все это въ какія-нибудь двѣ недѣли и еще въ самую распутицу...

— Зачѣмъ въ двѣ недѣли и въ самую распутицу?

— Да затѣмъ, что раньше нельзя кончить вывозокъ, а позже—вода пройдетъ и сплавлять нельзя.

— Да вѣдь это невозможно все сдѣлать въ такой короткій срокъ.

— Ну, а вотъ дѣлать. Какъ могутъ. Но трудъ большой, дѣйствительно.

— Да, это чортъ знаетъ какой трудъ. Я думаю, кой-какъ...

— Конечно, не безъ грѣха. Да вѣдь надо, однако, исполнить долгъ. Ну, какъ могутъ—исполняютъ. Потому въ управленіи повѣрка всѣхъ расчетовъ передъ выдачей билетовъ—лѣсопромышленники торопятся, время торопятъ, вода торопятъ. Въ полиціи работаютъ по ночамъ. Трудъ экстренный, такъ сказать, и плата экстренная.

— То есть какая же экстренная плата? Не жалованье?

— Не жалованье, а лѣсныя; такъ и называются: лѣсныя.

— И большіе куши?

— Большіе. Всякому писцу, который къ дѣлу приставленъ, нѣсколько десятковъ рублей перепадетъ. Исправникъ тысячи полторы, двѣ получить.

— Да развѣ это позволено?..

— Я не знаю, позволено ли, въ законѣ нѣтъ.

— C'est incroyable. Да вѣдь это наглое воровство, вѣдь этого

въ Петербургѣ ничего не знаютъ. Какъ лѣсопромышленникамъ должно быть стыдно платить!

— Не платить—такъ лѣса во время не сплавившъ. Полиція не успѣетъ билетовъ выдать.

— Какъ не успѣетъ? это ея долгъ.

— А такъ не успѣетъ. Другія дѣла есть. Ну, и не успѣетъ, законнѣйшимъ образомъ не успѣетъ. И платять всѣ, и я плачу, когда веду операціи, и Семенъ Семеновичъ платитъ, когда придетъся.

Клоцъ въ ужасѣ пожалъ плечами. Огнень при своемъ имени попробовалъ понять, въ чемъ дѣло. Калининъ постарался ему втолковать.

— Да, да, плачу, подтвердилъ Семенъ Семеновичъ:—въ прошломъ году, я знаю, заплатилъ. То есть не я, а мой управляющій, и за лѣсъ тестя тоже заплатилъ. Онъ мнѣ и росписку становаго прислалъ.

— Росписку въ такихъ деньгахъ! да вѣдь это воровство, вѣдь это чистѣйшее грабительство, взятки, вѣдь это ужасно! изумлялся баронъ.

— Ну, вздоръ, Клоцъ, вмѣшался Огнень:—какое же воровство? Безъ этого, говорятъ, нельзя. Какое же воровство? Я нынче самъ видѣлъ, какъ это дѣлается, съ Власомъ Оедуличемъ ходилъ: считаютъ въ полиціи при всѣхъ, сколько надо кому заплатить, такіе у нихъ реестры—и потомъ возьмутъ деньги и выдаютъ росписку, становой подписываетъ. Какое же это воровство, когда такъ при всѣхъ...

Калининъ кивалъ головой: изволите, дескать, видѣть. Ужасъ Клоца разрастался. Онъ въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ. На нѣсколько секундъ водворилось многозначительное молчаніе...

— И какъ вы это, Петръ Степановичъ, предводитель, глава, и тоже платите, и Иванъ Борисовичъ тоже платитъ?

— Послушайте, вѣрачиво-добродушно, слегка прикасаясь къ стройной талии барона, продолжалъ пояснять Калининъ:—я служилъ въ военной службѣ, вы и теперь служите. Ни я, ни вы, не станемъ воровать. Но мы ходили каждый день обѣдать къ полковнымъ командирамъ, и—что грѣха таить?—считали, что командиры обязаны насъ кормить, да еще хорошо кормить... Изъ какихъ доходовъ, а?

— Да, да, мы съ вами не станемъ, конечно... но...

— Но ходили обѣдать, когда въ глуши полкъ стоялъ... ходили?

Блюцъ долженъ былъ утвердительно качнуть головой, и пропустилъ въ усы:—это выводится нынче. Нынче не то.

— И слава Богу, что выводится. Но все-таки вы съ этой точки взгляните... Люди вездѣ людн... И сплавные выведутся... когда-нибудь... вы съ этой точки зрѣнія...

Орелъ былъ еще разъ побѣжденъ куликомъ.

Нужно ли прибавлять, что все дѣло устроилось ко всеобщему благополучію: что овцы остались цѣлы и волки сыты. И Власть въ тюрьму не попалъ, и его истцы были удовлетворены, и Оедуль операциі не остановилъ. И у доктора пирогъ состоялся.

А на этомъ пирогѣ, дѣйствительно, новые молодые побѣги отъ старыхъ корней обнаружались.

Л. Рускинъ.

ОБЩИНА - ТИПЪ

И

ЕЯ ПОДАТНЫЯ ОСНОВАНИЯ.

(Экономическій опытъ).¹

Исслѣдованіе единицъ подушнаго и поземельнаго обложенія, установленнаго дѣйствующими законодательствами, между прочимъ, обнаружило намъ, по одному, впрочемъ, сельскому обществу:¹

1) Что община не видитъ разумнаго основанія ни въ подушномъ ревизскомъ, ни въ подесятинномъ земельномъ обложеніи.

2) Что какъ трудъ крестьянина-общинника, такъ и его лошади — живые двигатели — такъ равно и земля, суть лишь одни простые, разнородные элементы экономической силы и только нераздѣльно представляютъ эту силу.

А передъ лицомъ цѣлаго государства являются не душа, не лошадь крестьянина и не десятина земли, а цѣлая земельная община.

Подробный по возможности анализъ такой податной общины и открытіе болѣе или менѣе вѣрныхъ основаній къ ея прямому обложенію и составляютъ предметъ настоящей статьи.

Приступая къ всестороннему изслѣдованію сельской общины, въ ея податномъ значеніи, мы не будемъ настаивать на томъ, что принятая нами сельская община есть цѣлое администра-

¹ Аряшенское общ. «Податная душа», изд. Геогр. общ.

тивное тѣло или тончайшая составная частица политическаго организма.

Мы, въ качествѣ изслѣдователя, просимъ у читателя позволенія допустить это покуда, на время процесса изслѣдованія, какъ простую гипотезу, которая должна послужить намъ, какъ одно лишь изъ необходимыхъ орудій для анализа явленій.

Становясь въ положеніе наблюдателя жизненныхъ явленій, какъ бы черезъ посредство микроскопа, въ тончайшей части организма, при опредѣленіи элементарныхъ условій явленій экономической и податной, такъ сказать, жизни, мы налагаемъ на себя обязанность представить систематически явленія въ возможной ясности и полнотѣ.

Голоса противниковъ общины утверждаютъ, что община распадается, что она держится *только податями*, искусственными мѣрами законодательства. Но чтобы рѣшить, вывести какое либо заключеніе — дѣйствительно ли это такъ, мы должны обратиться къ точному по возможности анализу, который уяснилъ бы намъ — держится ли община однимъ чисто, такъ сказать, *податнымъ началомъ* или примѣшивается къ нему другое начало, дающее ей устойчивость, прочность, помимо законодательныхъ закрѣпленій? Чужія страны всѣхъ частей свѣта и времена давно минувшія свидѣтельствуютъ намъ о существованіи общинъ.

Но научныхъ, такъ сказать, данныхъ древность намъ не оставила. Вотъ почему мы и не знаемъ, сохранили ли общины гдѣ либо въ теченіи столѣтій неизмѣнно свои живучія свойства и свои размѣры.

Еслибъ намъ было извѣстно изъ вѣка въ вѣкъ развитіе общиннаго начала или его уменьшеніе, мы имѣли бы цѣлый рядъ величинъ, который изобразилъ бы намъ законы этого развитія и уничтоженія общинъ.

Законъ этотъ само собой совершенно отличенъ отъ закона развитія отдѣльной общины.

И такъ, жизненные законы общинъ въ жизни всего человѣчества, а слѣдовательно и русскаго народа, можно уловить только въ той части закона, которая принадлежитъ къ временамъ наиболѣе близкимъ.

Изъ этого уже должно быть понятнымъ, какое различіе дѣлаемъ мы между закономъ существованія, относящимся до отдѣльныхъ общинъ, и тѣмъ же закономъ, относящимся до общинъ если не всего русскаго народа, то цѣлаго, довольно обширнаго края. Чтобы изученіе послѣднихъ было сколько нибудь плодотворно, нужно сперва изучить первыя.

При этомъ должно становиться понятнымъ, что, говоря объ

отдѣльной общинѣ, мы не должны имѣть въ виду ту или другую общину въ частности; наша цѣль состоитъ въ общемъ представленіи, въ общей идеѣ, являющихся результатомъ разсмотрѣнія многихъ общинъ въ отдѣльности.

Поверхностные наблюдатели, передавая результаты своихъ наблюденій, могли упускать изъ виду внутреннія составныя части общинъ, не заглядывая въ самую глубь элементарныхъ частицъ, не избирали единственно вѣрнаго пути, а говорили объ общемъ впечатлѣніи; но такой способъ оцѣнки, путемъ простаго вѣшняго осмотра или историческихъ данныхъ, говорившихъ только о вѣшнемъ, неизбѣжно долженъ былъ заключать въ себѣ неполноту и неясность. Теперь, поглубже вглядываясь въ жизнь земельныхъ общинъ, слѣдуетъ опредѣлить постоянныя явленія, характеризующія ихъ. Подъ постоянными явленіями въ земельной общинѣ слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, разумѣть опредѣленные, положительныя явленія, повторяющіяся въ каждой общинѣ.

Какъ для каждаго человѣка, такъ и для суммы людей въ ихъ обширномъ союзѣ, мы нашли особенныя постоянныя величины, зависящія отъ способа хозяйствованія на извѣстномъ количествѣ земли, съ извѣстнымъ количествомъ людей и разныхъ другихъ обстоятельствъ. Взявъ вмѣстѣ общины одинаковаго земельного устройства и одинаковое количество рабочей земледѣльческой силы и вычисливъ среднее арифметическое для ихъ постоянныхъ величинъ, мы получили постоянныя, которыя будутъ принадлежать къ воображаемой общинѣ, которую мы имѣли бы отчасти право назвать *среднею нормальною общиною*. Саратовская губернія представляетъ собою одну изъ обширныхъ губерній; народонаселеніе въ ней необыкновенно разнообразно по своимъ племенамъ и этнографическимъ условіямъ. Если мы возьмемъ отдѣльно, независимо отъ племеннаго отличія, то въ сѣверной земельной общинѣ Кузнецкаго уѣзда и общинахъ саратовскаго и царичинскаго, болѣе южныхъ, уѣздовъ среднія величины оказались бы не вполне одинаковыми. Это различіе зависитъ главнымъ образомъ отъ различія климатическихъ, почвенныхъ и другихъ условій, а потому мы и старались отыскать постоянныя величины, относящіяся до каждаго изъ элементарныхъ условій общинной жизни. Мы также должны были, гдѣ находили возможнымъ, изслѣдовать отдѣльно всѣ причины, вліяющія на это, и опредѣлить измѣненія, происходящія отъ климата, почвы, племени и т. д. Это не представило особыхъ трудностей, какъ это казалось на первый взглядъ: для этого нужно было только опредѣлить элементы, на которые слѣдовало направить все вниманіе при изслѣдованіи.

Явленія въ изслѣдованныхъ нами общинахъ безконечно разно-

образны, но при этомъ отнюдь не разрушаются постоянныя начала. Въ общинахъ, лежащихъ другъ отъ друга въ 5, 6 и 7-ми верстахъ, вы встрѣчаете три различные процесса распредѣленія земли между членами общины, различные порядки опредѣленія податной силы общины, но, при всемъ этомъ разнообразіи, основныя начала уравниенія земли и уравниенія силы для всѣхъ общинъ одинаковы, о чемъ мы будемъ говорить подробно въ свое время. Эти различія произошли какъ бы въ силу своего рода закона *случайныхъ причинъ*.

Мы встрѣтили такія явленія, которыя были готовы отнести къ аномаліи; но это, какъ мы убѣдились впоследствии, лишь казалось намъ уклоненіемъ отъ общаго закона, потому что мы не способны были сразу объять достаточное количество фактовъ.

Такъ, напримѣръ, разбросанность мелкихъ клочковъ земли (загоновъ) нерѣдко въ десяти различныхъ мѣстахъ обширнаго поля ставится обыкновенно въ упрекъ общинному владѣнію, а сами общинники, какъ обнаруживается изслѣдованіями, въ этомъ видятъ спасеніе, вѣриво придерживаясь теоріи вѣроятностей въ отношеніи климатическомъ.¹ Даже частный, ежегодный сѣмщикъ земли избѣгаетъ представляющей ему возможности снять въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ участкѣ 70 десятинъ и, придерживаясь той же теоріи вѣроятностей, снимаетъ въ одномъ и томъ же полѣ нѣсколько участковъ.

Въ изслѣдованныхъ нами общинахъ, при благоприятныхъ условіяхъ для наблюденія, легко замѣтить, что въ нихъ, какъ и у организованныхъ существъ, всѣ элементы колеблются около средняго состоянія и что измѣненія, происходящія подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ, подчинены такой точности и гармоніи, что ихъ всѣ можно перечислить напередъ.

Такимъ образомъ, когда общины перемѣшаны въ край и явленія въ нихъ смѣшиваются, повидимому, самымъ прихотливѣйшимъ образомъ, между ними все-таки существуетъ таинственная связь, вслѣдствіе которой, на каждую отдѣльную общину можно смотрѣть какъ на необходимую часть цѣлага, ускользающаго отъ нашего поверхностнаго взора. Вотъ прекрасное сравненіе для этого, которое приводитъ Кетле, когда онъ говоритъ о ростѣ человѣка:

«Когда камень падаетъ въ пустотѣ и намъ извѣстны условія, въ которыхъ онъ находился при началѣ паденія, то, на основаніи законовъ тяготѣнія, легко вычислить всѣ обстоятельства,

¹ Въ паденіи дождя полосами, благоприятныхъ условій для извѣстныхъ сезоновъ и т. п.

сопровождаяшя его движеніе. Большая или меньшая плотность атмосферы можетъ на тысячу ладовъ измѣнить эти обстоятельства, не уничтожая нисколько самаго принципа тяготѣнія». Точно также родъ занятій, степень довольства, климатъ, административныя мѣры разнообразяютъ явленія у различныхъ общинъ. Сама природа и человѣкъ вмѣстѣ содѣйствуютъ этимъ измѣненіямъ.

Мы покуда ограничились производствомъ наблюденій надъ большинствомъ общинъ Петровскаго и Кузнецкаго уѣздовъ и надъ нѣкоторыми общинами другихъ уѣздовъ. Крестьяне, образующіе эти общины, принадлежатъ къ разнымъ племенамъ; между чисто русскими встрѣчаются и мордва, и татары, и чуваша, и малороссы. Независимо отъ этого, они представляютъ разнородности политическія, будучи крестьянами или государственными, или помѣщичьими, дарственниками, съ полнымъ надѣломъ и т. д. Подмѣчая въ нихъ не особенности только, а основные элементы податной силы, платежной способности, мы будемъ говорить, на основаніи выше приведенныхъ соображеній, какъ бы объ одной общинѣ, въ которой одинаково отразились явленія всѣхъ другихъ. Это дало намъ право не называть по имени какую-либо изъ изслѣдованныхъ общинъ; наша задача состояла въ открытіи податныхъ единицъ прямого обложенія населенія безъ различія племени, мѣста и рода, а потому и наша *податная община* можетъ быть только *общинною-типомъ*.

Опредѣленіе овщины.

Крестьяне того края, которому принадлежатъ сотни близко знакомыхъ намъ общинъ, называютъ этого рода земельные союзы просто словами *общество* или *міръ*. Употребляемое же въ литературѣ и наукѣ выраженіе *община* имъ неизвѣстно, хотя подобная форма выраженія имъ понятна, не чужда ихъ слуху; такъ, на примѣръ, намъ извѣстно слово, употребляемое крестьянами — *симщина*; слово это обозначаетъ союзъ лицъ, обязанныхъ внести извѣстную долю продукта или денегъ для отпразднованія извѣстныхъ дней въ году. При этомъ слѣдуетъ также замѣтить, что не всегда слово *общество* и *міръ* имѣютъ одинаковое значеніе.

Подъ словомъ *міръ* крестьяне разумѣютъ и одно отдѣльное сельское, крестьянское общество, и вообще какъ бы все крестьянство.

Напримѣръ, выраженіе, неоднократно встрѣчаемое при изслѣдованіяхъ — *нашъ міръ жалливый, мірское стадо*, даютъ понятіе

перваго рода, а такія выраженія, какъ—*тамъ валяють мірскія сукна* (а не фабричныя), *тамъ стали молоть мірской хлѣбъ* (а не заводскій) представляютъ понятія второго рода.

Это дѣлается особенно яснымъ въ словѣ *мірщина*, и въ такихъ выраженіяхъ, какъ *тамъ валяють мірщину* (т. е. мірскія, крестьянскія сукна всей окружающей мѣстности)—*тамъ мелють мірщину* (т. е. мірской, крестьянскій хлѣбъ).

Эти выраженія совершенно обыкновенны въ устахъ народа. Намъ только на сходахъ приходилось слышать *міръ—великъ числовъкъ, съ міру по ниткѣ—бѣдному рубаха*. Въ тотъ моментъ, когда мы это слышали, они могли относиться въ дѣйствительности до того только сельскаго общества, въ которомъ мы находились, но нельзя отвергать, чтобы они также не относились и до всего крестьянскаго міра. Однако, ни слово *общество*, ни выраженіе *міръ* ни въ какомъ случаѣ не обозначаютъ соединенія извѣстнаго количества людей съ извѣстнымъ количествомъ земли, т. е. то, что принято опредѣлять словомъ *община*. *Міръ*—это просто союзъ людей, поселившихся на одномъ мѣстѣ и связанныхъ одними экономическими нуждами и средствами для ихъ удовлетворенія, даже безъ всякаго земельного надѣла.

Въ большомъ селѣ Карабулакѣ находится нѣсколько сельскихъ обществъ, и тамъ какъ крестьяне, занимающіеся сапожнымъ ремесломъ, и сдавшіе по этому свой надѣлъ въ аренду, такъ и крестьяне того же села, занимающіеся хлѣбопашествомъ, одинаково являются членами своего міра и имѣютъ свои мірскія дѣла, свои мірскіе порядки.

I.

Организация общины.

Допустивъ уже одну гипотезу, какъ орудіе для анализа явленной—что сельская земельная община есть общественное тѣло или, въ формѣ податной единицы, тончайшая частица въ государствѣ, мы невольно должны допустить и другую гипотезу—что она обладаетъ своего рода организаціей.

Съ изученія этой-то организаціи мы и начнемъ наше изслѣдованіе.

Еслибы мы занимались изученіемъ только общиннаго начала, то намъ могла бы представить интересъ каждая сельская община, отличающаяся малѣйшею особенностью въ проявленіи этого начала; но для изученія собственно одного податнаго начала или, вѣрнѣе,

податныхъ основаній, мы не видимъ въ этомъ особенной надобности, находя вполне цѣлесообразнымъ и возможнымъ допустить анализъ средней, нормальной, такъ сказать, общины нашего края, разумѣя подъ этими словами, какъ замѣчено уже было выше, такую общину, которая заключаетъ въ себѣ явленія, повторяющіяся въ другихъ, одинаковыхъ съ нею, общинахъ того же края.

Съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на нашу общину-типъ, мы всегда неизмѣнно видимъ во всѣхъ ея экономическихъ, общественныхъ и государственныхъ жизненныхъ процессахъ рѣзко отличные другъ отъ друга, экономическіе типы домохозяйствъ; эти типы, при всемъ различіи между собой, однако сходятся въ томъ, что проявляютъ жизнь въ одно и то же время, и *сепаратно*, и *общинно*.

Мы имѣли уже случай вкратцѣ касаться этихъ типовъ въ предыдущихъ статьяхъ, насколько это нужно было для уясненія, что не ревизская душа, не десятина земли, а домохозяйство лежитъ въ основаніи обложенія общины.

Здѣсь мы войдемъ въ болѣе подробное изученіе ихъ свойствъ и постараемся проникнуть до причинъ ихъ образованія.

Преобладающими экономическими типами всегда и вездѣ, къ какому бы племени и разряду ни принадлежали крестьяне-общинники, представляются собственно два типа, созданные самою природою, естественнымъ путемъ: это — одинокіе и семейные. Первые, въ свою очередь, подраздѣляются на маломощныхъ (слабосильныхъ) или просто одинарцевъ, а вторые — на просто семейныхъ и сильно семейныхъ.

Все домохозяйство одинокого зиждется обыкновенно на единственномъ взросломъ членѣ семьи—ея представителѣ. Если подобный домохозяинъ-земледѣлецъ—человѣкъ физически сильный, мощный, сручный и т. п. и имѣеть двѣ лошади, двѣ коровы, отъ 6 до 10 овецъ, то онъ представляетъ типъ просто одинокого, обыкновенно пользуется двумя долями въ общинномъ имуществѣ, несетъ бремя въ двухъ доляхъ всѣхъ повинностей, лежащихъ на общинѣ. Къ этому типу одинокихъ принадлежать обыкновенно люди энергіи, ума и физической силы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и небольшого капитала, оставленнаго дѣдомъ, отцомъ или старшимъ братомъ.

Маломощные одинокіе это: а) или *бездушные*, совершенно неспособные къ труду по старости, тѣлеснымъ недостаткамъ и т. п., они же, такъ называемые *неудные*, освобожденные міромъ отъ повинностей или б) *безлошадные*, способные только личнымъ физическимъ трудомъ снискивать себѣ съ семьей пропитаніе; они

обыкновенно платятъ одну долю всѣхъ повинностей, лежащихъ на общинѣ; и г) *слабосильные*, обыкновенно имѣющіе одну лошаденку, одну коровенку, двѣ-три овцы, а если лошаденки нѣтъ, то есть подростовъ-сынъ, который обыкновенно сдается въ подпаски или другіе недорогіе заработки. Такіе домохозяева обыкновенно пользуются $1\frac{1}{2}$ долями въ общинномъ имуществѣ и несутъ $1\frac{1}{2}$ доли всѣхъ повинностей въ общинѣ. Такіе домохозяева — когда у нихъ *отца-подпаски* дѣлаются совершеннолѣтними и оставляютъ своихъ отцовъ, за неизмѣнимъ необходимаго инвентаря, чтобы вести полное семейное хозяйство — обыкновенно такъ опредѣляютъ свое положеніе: *сынъ по волю — отецъ по миру!* Они продаютъ свой хлѣбъ всегда осенью, не выжидая цѣны и всегда дешевле другихъ семейныхъ домохозяевъ; продаютъ же они не излишки, а все то количество, какое только получится отъ урожая, оставляя иногда на прокормленіе зимою; многого же получиться не можетъ, такъ какъ весь ихъ посѣвъ ограничивается нѣсколькими осмьминниками ($\frac{1}{4}$ десятины) земли. Къ веснѣ у нихъ хлѣба уже не хватаетъ и они принуждены покупать его дорогой цѣной, такъ какъ подобныхъ покупателей является много по той самой причинѣ, по какой подобныхъ продавцовъ было много осенью ¹, когда цѣны на хлѣбъ были низки.

Къ типу семейныхъ принадлежатъ преимущественно домохозяйства двуробочія, у которыхъ 3—4 лошади, 15—20 овецъ; они состоятъ или изъ отца съ сыномъ, или двухъ братьевъ, или тестя съ зятемъ, или дяди съ племянникомъ.

Домохозяйства сильно семейныя, состоятъ изъ трехъ и болѣе рабочихъ членовъ; или изъ дѣда съ внуками, или отца съ сыновьями, или трехъ братьевъ, или отца съ сыномъ и зятемъ; у нихъ обыкновенно 5—6 лошадей, 5—7 коровъ, 30—40 овецъ.

Ознакомившись съ типами домохозяйствъ, мы видимъ, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ то: бездушные, безлошадные, маломощные (однолошадные) изображаютъ типы, по опредѣленію самихъ крестьянъ, ненормальные, болѣзненные въ ихъ экономической жизни. Они не могутъ отлучаться отъ своихъ дворовъ, а если и отлучаются, то, продавъ свои земельныя доли, проживаютъ на сторахъ, въ рабочихъ; оставаясь же дома, ограничены въ заработкахъ, или по безлошадности, или по однолошадности. Извозъ для нихъ не существуетъ, такъ какъ онъ обуславливается двулошаднымъ хозяйствомъ; въ полевыхъ работахъ своихъ они также

¹ Продавая осенью хлѣбъ, маломощный приговариваетъ: «Я тебя, мой батюшка, хоть дороже дамъ, а весной выкуплю».

страдаютъ нерѣдко отъ неуспѣха въ пашнѣ и одновременной бороньбѣ, какъ необходимаго условія для благопріятныхъ всходовъ въ засухи. Малѣйшая неудача въ урожаѣ, ведетъ ихъ въ *кабалу*. Словомъ, это—тѣ несчастные, у которыхъ ничто не спорится, *они ни въ полѣ, ни въ дождѣ. На сторону пойдешь, говорить одинокій, дома никому; дома останешься—копейки не добышься.*

Независимо отъ домохозяйствъ подворныхъ, домовыхъ, наблюденіями открываются семьи-хозяйства *бездомовыя*, какъ явленіе совершенно нормальное, встрѣчаемое почти въ каждой общинѣ.

Они такъ-же, какъ и домохозяйства, указанныя выше, подраздѣляются на бездушныхъ одинокихъ, маломощныхъ и семейныхъ. Не имѣя усадьбы въ общинѣ, они, по своему типу, опредѣленному общиной, сохраняютъ всѣ права въ общинномъ хозяйствѣ и одинаково со всѣми несутъ ея тягости; по своему экономическому типу, бездомовые одинокіе, маломощные, сохраняютъ право пользования одною долей во всѣхъ угодьяхъ и платятъ одну долю всѣхъ повинностей. Бездомовые семейные не лишены права пользования на четыре и пять долей въ угодьяхъ и платятъ четыре и пять долей всѣхъ повинностей.

Въ этомъ разрядѣ семей, собственно одна бездомовость не составляетъ ненормальнаго, болѣзненнаго явленія, между ними — какъ и между домохозяйствами подворными — ненормальное патологическое явленіе представляютъ только неугодные, маломощные одинокіе.

Доискиваясь причинъ происхожденія разнородныхъ семей и ихъ видовъ въ общинѣ, мы нашли:

1) Неугодные домохозяева или, вѣрнѣе, бездушные дворы—это или осиротѣвшіе при живой матери дѣти маломощнаго или престарѣлаго маломощнаго, или страдающаго какою-нибудь хроническою болѣзнью, тоже бывшаго слабосильнаго домохозяина.

Такъ не будетъ большой ошибки, если мы скажемъ, что маломощные рожаютъ неугодныхъ, своихъ прямыхъ наслѣдниковъ.

2) Чтобы узнать причины происхожденія безлошадныхъ (слабосильныхъ), мы обратились къ именованнымъ спискамъ членовъ общины; они намъ открыли, что такихъ безлошадныхъ на 87 домохозяйствъ числится 13-ть домохозяевъ. Причины обезлошадѣнія были различны: одни оставаясь сиротами послѣ маломощныхъ, съ малолѣтства лошадей не имѣли, а при совершеннолѣтіи, обязанные спискивать пропитаніе своимъ семьямъ, не имѣли возможности скопить денегъ на покупку лошади, такъ какъ всѣ излишки каждыя полгода отбирались у нихъ въ подати, *изъ никакъ уплата не брала*, они сами никакъ не могли за силу взяться.

Другіе, принадлежа прежде къ виду однолошадниковъ, принуждены были продать своихъ лошадей, по негодности ихъ къ работѣ, за старостью и за разными пороками; взаи́мъ продаваемыхъ, не могли купить другихъ лошадей. «Съ старой лошадию кой-какъ переколачивались, лишки тоже не залеживались, говорили безлошадники:—одна забота—*знай припасай все въ подати*. Старосты всего больше нашего брата боятся; что съ насъ взять? такъ отъ окошка и не отходить, какая тутъ поправка!»

Третьи, добровольно раздѣленные вочинномъ или поступая въ военную службу, продали лошадей, а по возвращеніи лишены были средствъ къ приобрѣтенію вновь лошадей.

Четвертые, наконецъ, лишились единственныхъ лошадей, благодаря конокрадамъ, которые ихъ увели или съ гумень, или съ луговъ и т. п.

Разъ кто обезлошадѣлъ, говорятъ крестьяне, тому никогда не поправится, того хозяйство *ршидно*. И такъ, безлошадники представляютъ пороженіе маломощныхъ однолошадниковъ, которые, подъ давленіемъ податного начала, не могутъ вернуться къ своему первоначальному, болѣе сильному экономическому типу.

3) Переходя затѣмъ къ изслѣдованію причинъ происхожденія слабосильныхъ однолошадниковъ, мы обратились также къ именнымъ спискамъ общины. Они показали намъ, что въ одной общинѣ на 87 домохозяйствъ числится 33 однолошадные домохозяйства. Образованіе такого значительнаго числа этого вида домохозяевъ объяснилось разными причинами, а главнымъ образомъ двумя: во-первыхъ, образованіемъ изъ одного домохозяйства семьянаго многолошаднаго—двухъ и трехъ домохозяйствъ одинокихъ однолошадниковъ, и во-вторыхъ, конокрадствомъ.

Раздѣлы добровольные, образующіе одинокихъ однолошадниковъ, объясняются слѣдующими причинами: у однихъ—отъ постоянной ссоры между женщинами изъ-за дѣтей; *бабы насъ дѣлятъ*, говорятъ обыкновенно крестьяне; у другихъ—черезъ поступленіе въ военную службу одного изъ такихъ рабочихъ членовъ, на разумъ которыхъ держалась все домохозяйство; при этомъ, продается все причитающееся на его экономическую долю, въ томъ числѣ и лошадь; у третьихъ—по случаю смерти одного изъ главныхъ рабочихъ членовъ въ семьѣ. Какъ мы ни доискивались, но намъ ни въ одной общинѣ не удалось напасть на случай раздѣла по случаю круговой поруки или вообще общинныхъ порядковъ, какъ это думаютъ нѣкоторые, приводя одни лишь голословныя, ни на какихъ соображеніяхъ не основанныя заключенія. Вообще на добровольные раздѣлы, въ силу естественныхъ причинъ, процентъ приходится самый ничтожный.

Вотъ безынтересное свидѣніе по одной общинѣ, состоящей теперь изъ 87-ми дворовъ, изъ 212-ти ревизскихъ душъ, о домохозяйствахъ, обезсилившихъ отъ отправленій воинской повинности въ теченіи семи лѣтъ: въ 1868 году—со двора Андреева; въ 1869 году—со двора Максима Ильина; въ 1870 году—со двора Антонова; въ 1871 году—со двора Александрова; въ 1875 году—со двора Федорова; въ 1873 года—со двора Филиппова, въ 1873 года—со двора Ильина; въ 1874 году со двора Дмитриева взяты сыновья, а въ 1873 году со двора Андреева взятъ братъ. Пятеро изъ нихъ женаты и оставили дѣтей.

Одинокіе дворы также образуются по случаю смерти одного изъ главныхъ рабочихъ членовъ въ семьѣ.

Переходя ко второй причинѣ безлошадности, и однолошадности—конокрадству, мы такъ же обратились къ именнымъ спискамъ членовъ общины, пострадавшихъ отъ конокрадства.

Изъ этого списка мы узнали, что въ одной и той же общинѣ, состоящей изъ 72-хъ лошадныхъ домохозяйствъ, оказалось въ теченіи десяти лѣтъ пострадавшими отъ конокрадства 20 домохозяйствъ; въ томъ числѣ у четырехъ домохозяевъ украдено по двѣ лошади въ теченіи одного года; одинъ же лишился трехъ лошадей въ разные годы, по одной въ каждый годъ; въ минувшемъ еще году украдены лошади у четырехъ домохозяевъ, всего шесть лошадей. Не проходитъ года, чтобы кто-либо не лишился лошади. Нѣкоторые домохозяева отказываются отъ приобрѣтенія другой лошади, хотя и имѣютъ на это средства, въ одномъ только томъ соображеніи, что *на воровъ не напасешься лошадей*.

Безпомощность въ борьбѣ съ конокрадствомъ породила не только безлошадность, а также новое явленіе, чисто патологическое въ организмѣ государства, которое готовится сдѣлаться нормальнымъ. Это — *податное нищенство*, такъ что мы принуждены были открыть новую рубрику въ нашихъ статистическихъ матерьялахъ — о податныхъ нищихъ, которые образуютъ особый разрядъ домохозяевъ, наиболѣе маломощныхъ и слабосильныхъ, принужденныхъ дополнить свои заработки сборомъ по міру для уплаты одной или полудуши податей. При этомъ нельзя умолчать, что эти податные нищіе вмѣстѣ съ податными лошадными домохозяевами, въ порывѣ озлобленія, открыто, среди бѣла дня, толпою идутъ на расправу съ конокрадами, подрывающими, какъ приведено выше, дѣлые десятки домохозяйствъ въ одной небольшой земельной общинѣ, гдѣ все хозяйство, все благосостояніе домохозяина основано на лишней лошади. Еще недавно почти все населеніе села Савкина набросилось на двухъ крестьянъ и избило ихъ до смерти. На вопросъ: почему всѣ на-

кинулись на двухъ только?—волостной старшина отвѣтилъ намъ: *воровъ каждому лестно бить; вора не возмешь судомъ, а колѣмъ.* Что сказать теперь о тѣхъ, которые винатъ общинное начало въ способствованіи къ раздѣламъ, т. е. къ образованію малосильныхъ домохозяйствъ? Не слѣдуетъ ли также обвинить общину и въ увеличеніи конокрадства?

Въ одной изслѣдованной нами общинѣ, о которой мы уже сообщали, по отношенію къ подушному и поземельному налогамъ, мы нашли, что тамъ домохозяйствъ одинокихъ съ маломощными и бездушными было около $\frac{2}{3}$, а семейныхъ около $\frac{1}{3}$.

Читатель несомнѣнно пожелаетъ теперь знать, какъ распределяются домохозяйства разныхъ родовъ и видовъ во всѣхъ изслѣдованныхъ нами общинахъ и нѣтъ ли повторяющейся, постоянной, такъ сказать, величины въ каждой общинѣ въ составѣ ея домохозяйствъ?

Предвидя этотъ вопросъ, мы представимъ отвѣтъ на него покуда въ краткомъ извлеченіи изъ данныхъ, собираемыхъ въ значительномъ районѣ по особо усвоенной нами системѣ.

Мы представляемъ здѣсь, лишь для видности, свѣдѣнія по десяти селеніямъ.

Домохозяйства одинокихъ, т. е. имѣющихъ отъ $\frac{1}{4}$ до 3-хъ долей въ угодьяхъ общиннаго пользованія, въ десяти селеніяхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ селѣ Зиновьевѣ	числится. . . .	133
» » Дмитріевѣ	»	146
» » Синодскомъ	»	200
» » Верхозимѣ	»	204
» » Старомъ Шоткинѣ	. . . .	166
» » Верхней Елюзани	. . . .	159
» » Козловѣ	»	425
» » Дубровкахъ	»	114
» » 2-мъ Даниловскомъ	. . . .	120

Домохозяйствъ семейныхъ, имѣющихъ 3, 4, 5, 6 и болѣе долей въ угодьяхъ общиннаго пользованія, въ тѣхъ же десяти селеніяхъ:

Въ селѣ Зиновьевѣ	числится. . . .	51
» » Дмитріевѣ	»	74
» » Турдакахъ	»	77
» » Синодскомъ	»	119
» » Верхозимѣ	»	131
» » Старомъ Шоткинѣ	. . . .	81
» » Верхней Елюзани	. . . .	71
» » Козловѣ	»	212
» » Дубровкахъ	»	64
» » 2-мъ Даниловскомъ	. . . .	64

Это—общины одной категоріи по распредѣленію домохозяйствъ, гдѣ около $\frac{2}{3}$ принадлежатъ одинокимъ и около $\frac{1}{3}$ —семьянымъ; считаемъ необходимымъ привести здѣсь такое же число общинъ другой категоріи, гдѣ домохозяйства распредѣляются въ другой пропорціи.

Такъ, домохозяйства одинокихъ, т. е. имѣющихъ отъ $\frac{1}{4}$ до 3-хъ долей въ угодьяхъ общиннаго пользованія, въ другихъ 10-ти селеніяхъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ селѣ Азрапинѣ	числится. .	59
» » Старо-Захаркинѣ	» . .	128
» » Баклушахъ	» . .	46
» » Бегучи	» . .	117
» » Мочкасахъ	» . .	125
» » Кржиманѣ	» . .	107
» » Русская Норка	» . .	80
» » Старо-Демкинѣ	» . .	166
» » Наумкинѣ	» . .	128
» » Старо-Назимкинѣ	» . .	88

Домохозяйствъ семьяныхъ, имѣющихъ 3, 4, 5, 6 и болѣе долей въ угодьяхъ общиннаго пользованія, въ тѣхъ же десяти селеніяхъ:

Въ селѣ Азрапинѣ	числится. .	65
» » Старо-Захаркинѣ	» . .	122
» » Баклушахъ	» . .	33
» » Бегучи	» . .	110
» » Мочкасахъ	» . .	149
» » Кржиманѣ	» . .	95
» » Русская Норка	» . .	89
» » Старо-Демкинѣ	» . .	183
» » Наумкинѣ	» . .	108
» » Старо-Назимкинѣ	» . .	78

Такимъ образомъ, по характеру распредѣленія разнородныхъ домохозяйствъ, общины представляютъ два вида: т. е. общины, въ которыхъ число слабыхъ домохозяйствъ значительно преобладаетъ надъ сильными, восходя до $\frac{2}{3}$, и общины, въ которыхъ число слабыхъ почти равно числу сильныхъ домохозяйствъ. Третьяго вида—гдѣ бы число сильныхъ преобладало—мы хотя и встрѣчали въ нашемъ краѣ, но рѣдко.

*

II.

Имущество земельной общины.

Имущество земельной общины изслѣдуемаго края подраздѣляется на пять видовъ: 1) это—имущество на полномъ правѣ собственности, доставшееся въ силу, такъ сказать, права государственнаго; сюда мы относимъ земли, находящіяся во владѣніи по уставнымъ грамотамъ, владѣннымъ записямъ и выкупнымъ договорамъ, подъ названіемъ надѣловъ; 2) земли, прибрѣтенныя на основаніи крѣпостныхъ актовъ, на основаніи правъ гражданскихъ, подъ названіемъ покупной мірской земли; 3) имущества, находящіяся во временномъ пользованіи общины по аренднымъ контрактамъ и частнымъ письменнымъ и словеснымъ условіямъ съ сосѣдними владѣльцами, это — пахатныя земли; 4) полевныя угодья, находящіяся также во временномъ пользованіи всей общины по разнымъ условіямъ съ частными владѣльцами, подъ названіемъ *приволья*, это—паровое поле, жнива, отава, лѣсныя поляны и т. п., служащія лишь для пастьбы мірскихъ, общинныхъ стадъ разнаго рода и въ разныя времена года, смотря по угодью; 5) разнаго рода недвижимое и движимое имущество, какъ то: общественныя амбары, мельницы, питьевныя заведенія, племенные быки и т. п. Мы не считаемъ нужнымъ касаться здѣсь того имущества отдѣльныхъ членовъ общины, которое имъ принадлежитъ, помимо общинной воли и взаимнаго соглашенія между членами, которымъ они такъ же владѣютъ на полномъ правѣ собственности и временномъ правѣ пользованія, какъ-то: земли пчельниковъ, гуртовъ, разныхъ промышленныхъ заведеній, масленокъ, мельницъ и т. п.

Ознакомленіе съ правами и условіями пользованія общиною каждымъ видомъ изъ означенныхъ имуществъ мы считаемъ необходимымъ въ томъ вниманіи, что это можетъ освѣтить нѣкоторыя не безынтересныя стороны экономическаго положенія членовъ общины, пользующихся разными видами имуществъ и не общинныхъ. Эта часть изслѣдованія должна будетъ указать, какъ велика имущественная зависимость каждаго члена отъ общины.

1) *Надѣль*—земля, находящаяся въ пользованіи по уставной ли грамотѣ крестьянъ временно-обязанныхъ, по выкупному ли договору крестьянъ-собственниковъ, по владѣнной ли записи государственныхъ крестьянъ-собственниковъ — неизмѣнно состав-

ляетъ предметъ пользованія съ слѣдующимъ опредѣленнымъ характеромъ, а именно: а) всѣ члены общины участвуютъ въ равномерномъ распредѣленіи земли, будетъ ли она только пахатная или отчасти луговая и лѣсная; исходнымъ пунктомъ для опредѣленія равномерности всегда служитъ экономическая сила земледѣльца; б) каждому изъ членовъ общины не возбраняется оставить въ своемъ пользованіи съ непремѣннымъ условіемъ удобрения, на продолжительный періодъ времени, около десяти лѣтъ, тѣ участки (загоны), которые достались по жеребью при передѣлахъ земли безъ всякой зависимости отъ того, будутъ ли передѣлы возобновляться ежегодно или въ болѣе продолжительные сроки.

Исключенія изъ этого бываютъ только тогда, когда община, по особому взаимному соглашенію всѣхъ членовъ и, въ большинствѣ случаевъ, по словесному приговору, отведетъ въ каждомъ полѣ особый участокъ, съ спеціальною цѣлью удобрения, и въ которомъ каждый членъ общины получаетъ право на то самое количество долей, которое онъ получилъ въ общемъ пахатномъ полѣ и другихъ угодьяхъ. в) Каждому члену общины не возбраняется тамъ, гдѣ въ надѣлѣ вошли земли съ мелко-растущимъ лѣсомъ, кустарникомъ, отводить себѣ подъ расчистку подильный для обработки участокъ земли, подъ названіемъ *чищоба*, съ правомъ безпрепятственнаго пользованія въ теченіи 4, 6 и 10 лѣтъ; продолжительность срока всегда зависитъ отъ количества того труда и капитала, которые однообщинникъ долженъ употребить на расчистку.

Разрѣшеніе на подобную эксплуатацію негодной общинной земли зависитъ отъ схода, который всегда выговариваетъ известную сумму денегъ въ пользу общественныхъ суммъ. Такъ какъ подобная операція, всегда выгодная въ общинномъ хозяйствѣ, заканчивается гульбой, веселіемъ, послѣдствіемъ выпитаго, выговореннаго у чищобника вина, многіе думаютъ, что и самая чищоба сдается за нѣсколько ведеръ, которыя міръ тутъ же пропиваетъ; на дѣлѣ же бываетъ иногда, и то, впрочемъ, у мордвы, что они за каждый избранный участокъ назначаютъ особую сумму, но сдаютъ его нерѣдко не тому, кто первый заявитъ, а тому, кто, кромѣ выговоренной первымъ цѣны, поставитъ больше ведеръ вина—дать возможность по этому поводу больше повеселиться послѣ лѣтнихъ трудовъ и въ особенности въ осеннюю слякоть и непогодъ, что особенно заманчиво для большинства разсудительныхъ одинокихъ, потому что *ею*, какъ говорятъ они, *на свои денежки мною пить начеисто*. г) Каждому члену общины

не возбраняется завести на общинной землѣ пчельникъ, съ условіемъ платы, выговоренной сходомъ въ общую кассу.

2) *Купленный мирской участокъ* приобретается общиной при участіи каждого члена общины своими средствами или значительнаго экономическаго большинства, "выражающагося не числомъ домохозяевъ, имѣющихъ, по положенію, право голоса на сходѣ, а числомъ экономически-сильныхъ, мелкихъ союзовъ въ формѣ домохозяйствъ.

Земля приобретается на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какъ и земля, приобретенная посредствомъ выкупа, т. е. каждый домохозяинъ участвуетъ въ общей покупкѣ по мѣрѣ экономической силы; одинъ вноситъ за десять долей 600 рублей, другой за одну всего 60 рублей; иной бѣдняга, по словамъ крестьянъ, вытягивается изъ послѣдняго, чтобы не отстать отъ міра, «остальные шесть цѣлковыхъ въ кучу тащить», «а что еще съ меня придетъ—повремените, говорить, ну, у кого лишніе, тотъ и вноситъ за него»; тѣ, которые внесли по 200 рублей и которымъ могли бы причитаться участки по 10 десятинъ каждому, не получаютъ этихъ десятинъ въ одномъ мѣстѣ, а пользуются купленными на свои деньги десятинами такъ же, какъ и надѣломъ, т. е. если придется, то и въ 12 мѣстахъ въ каждомъ полѣ; эти клочки поступаютъ къ нимъ не по тому образцу, какъ это дѣлается въ земляхъ *обычно* владѣнія при полюбовномъ размежеваніи между собственниками, сопряженномъ съ безконечнымъ споромъ, ссорами и вообще затрудненіями, а по особой системѣ уравниванія по качествамъ, поражающей своею справедливостію, о чемъ будемъ говорить подробно въ своемъ мѣстѣ. Но этимъ не заканчивается распредѣленіе приобретенной въ собственность земли, ибо срокъ первоначальнаго распредѣленія участковъ обыкновенно назначается десятилѣтній, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи его можно было уравнивать еще справедливѣе. Это считается особенно необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда попадаетъ часть мелкодѣльска, идущаго въ расчиску, *подъ льсомъ земли не узнаешь*, говорятъ крестьяне, *а время все покажетъ*.

Впрочемъ, покупка цѣлой общиной участка земли, а главное форма владѣнія имъ, настолько еще новы и для всякаго интересующагося предметомъ на столько важны, что мы позволили себѣ здѣсь выйти изъ рамки—очерка податной общины-типа. Мы представимъ тутъ же, въ видѣ образца, одну изъ изслѣдованныхъ нами самобытныхъ общинъ, основавшихъ свое хозяйство на купленномъ участкѣ земли.

Ивановское (комаровское) сельское общество крестьянъ Петровскаго уѣзда Саратовской губерніи еще года два тому назадъ принадлежало къ разряду временно-обязанныхъ крестьянъ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Въ концѣ 1877 года, это общество въ числѣ 141 ревизской души мужскаго пола приобрѣло, посредствомъ выкупа отъ бывшей владѣлицы, въ свою собственность отведенныя по уставной грамотѣ усадебныя земли и полевыя угодья, а именно: подъ усадьбами 23 дес., пахатной 322 десат., сѣнокосу 6 десат., кустарнику 59 дес., подъ выгономъ 11 дес. и неудобной 22 десат.—все это за 12,891 рубль. Кромѣ того, крестьяне обязались внести владѣлицѣ дополнительнаго къ выкупной ссудѣ платежа 3,223 руб. въ теченіи десяти лѣтъ.

Въ первые годы эмансипаціи крестьянъ, случаи согласія цѣлыхъ обществъ на взносъ дополнительнаго платежа были нерѣдки; но въ послѣднее время, когда многіе узнали, что къ обязательному выкупу вынуждается нерѣдко самъ помѣщикъ, то перестали соглашаться на дополнительный платежъ, увѣренные, что придетъ время, когда помѣщикъ самъ потребуетъ обязательнаго выкупа, и тогда они избѣгутъ лишняго платежа, всегда кратко-срочнаго и обременительнаго.

Лично въ моей практикѣ, какъ мирового посредника, былъ такого рода случай, что крестьяне согласились на выкупъ съ дополнительнымъ платежемъ; земля, отводимая имъ, была самага высшаго качества, вся почти удобная, да къ тому же въ четырехъ верстахъ отъ города, гдѣ каждый клочекъ сѣна и соломы имѣлъ цѣну. Вечеромъ былъ сходъ по предмету выкупа; на другой день, когда приступлено было къ составленію акта, то крестьяне отказались отъ уплаты дополнительной суммы, несмотря на большую разсрочку. Оказалось, что они успѣли побывать на городскомъ базарѣ и узнали, что выкупъ обязательный для нихъ выгоднѣе, а если помѣщикъ откажется отъ выкупа, то ихъ земля такъ хороша, что ихъ не можетъ стѣснять излишняя плата оброча, а какимъ актомъ закрѣплена она за ними, временнымъ или вѣчнымъ, для нихъ безразлично.

Мы привели этотъ примѣръ, чтобы показать, что крестьяне знаютъ теперь ближе и самое положеніе 19-го февраля и соотносятся съ разными посторонними обстоятельствами.

Выкупъ Комаровскихъ крестьянъ, съ дополнительнымъ платежемъ, совершился тоже не с проста. Оказалось, что они согласились на эту операцію съ тѣмъ условіемъ, чтобы помѣщица продала имъ въ ихъ общинную собственность участки въ 251 де-

сятину земли, остающійся за надѣломъ и прилегающій къ нхъ надѣлу.

Участокъ этотъ, состоя частью изъ кустарника, подъ названіемъ «теплый кустъ», въ количествѣ около 100 десятинъ, и частью изъ дровяного лѣса, не могъ составлять для частнаго лица такой цѣнности, какую онъ составлялъ для комаровской общины, а потому помѣщица и продала его по 30 р. за десятину. Совершеніе акта о переходѣ этого клочка земли въ собственность крестьянъ деревни Комаровки сопровождался не безъинтереснымъ эпизодомъ.

Для окончательныхъ переговоровъ о покупкѣ земли, крестьяне отправили повѣренныхъ въ Москву, гдѣ проживала владѣлица участка. Нотаріусъ, къ которому они отправились тамъ за совѣтомъ и которому объяснили, что они покупаютъ землю цѣлымъ обществомъ изъ 51 домохозяина, объявилъ, что имъ нужно взять довѣренности отъ каждаго домохозяина и совершить 51 купчую крѣпость, причемъ должны быть указаны точно границы каждаго участка, приобретаемаго каждымъ домохозяиномъ.

Повѣренные испугались этого наставленія, думая, что дѣло ихъ разойдется; они доказывали, что имъ нужна *одна крѣпъ* на землю, что они эту землю покупаютъ по душамъ, кто одну, кто двѣ души и т. д., что ни границъ этой души, ни мѣста ея никто указать не можетъ.

«А если никто этого сдѣлать не можетъ, то нельзя совершить и купчей крѣпости; каждый хозяинъ, каждое лицо, которое совершаетъ купчую, должно заплатить пошлины и т. п.», отвѣчалъ имъ нотаріусъ.

Не добившись толку въ Москвѣ, повѣренные пріѣхали въ Саратовъ, въ свой городъ. Тамъ нотаріусъ оказался поопытнѣе и не встрѣтилъ препятствія къ совершенію купчей крѣпости на переходъ участка въ 251 десятину земли *въ общее владѣніе* пятидесяти одного домохозяина, а не *въ общественное*, такъ какъ одинъ изъ всей общины тяжело заболѣлъ и думалъ больше о будущемъ мірѣ. Что же касается земельныхъ долей (душъ), покупаемыхъ каждымъ домохозяиномъ, то г. нотаріусъ нашелъ невозможнымъ допустить такой неизвѣстной въ законѣ общинной земельной мѣры, какъ душа, и совѣтовалъ повѣреннымъ, чтобъ выйти изъ тяжелаго положенія, согласиться на показаніе въ купчей номинальнаго числа десятинъ, которое могло бы причитаться въ общемъ числѣ всѣхъ клочковъ на душу домохозяину.

Какъ ни произвольна и фиктивна была подобная цифра, но

дѣлать было нечего—это былъ единственный исходъ для получения участка и закрѣпленія его за обществомъ.

Обратившись къ подлинной купчей крѣпости, чтобы убѣдиться въ томъ, дѣйствительно-ли община покупала землю по долямъ домохозяевъ, а не по десятинамъ, мы нашли слѣдующее:

а) что размѣры всѣхъ мелкихъ участковъ были не въ круглыхъ цифрахъ десятиныхъ, а въ десятинахъ съ сажеными, такъ за одними значилась одна десятинна и 1903 саж., за другимъ—пять десятиныхъ и 909 сажень, за третьимъ—восемь десятиныхъ и 2,315 сажень и т. д.; по слѣланному разсчету, ясно было видно, что ихъ слѣбали на бумагѣ перомъ, а въ дѣйствительности такихъ ключковъ осуществить для всѣхъ домохозяевъ было бы почти невозможно.

б) Но за то одна группа домохозяевъ имѣла одно и тоже количество десятиныхъ съ сажеными, другая группа—другое двойное количество десятиныхъ съ сажеными, третья группа—тройное количество десятиныхъ съ сажеными и т. д. Такъ напримѣръ, одни домохозяева купили одну десятину 1903 саж., другіе—вдвое больше, три десятины 1,406 саж., третьи—втрое болѣе противъ первыхъ, пять десятиныхъ 909 сажень и т. д.

Словомъ, одна десятинна съ 1903 сажеными явилась какъ бы единицею, долею, земельною душою въ покупкѣ домохозяевами участковъ земли. Когда мы обратились къ разспросамъ о томъ, кто сколько купилъ, то намъ отвѣчали, что Никита Щербаковъ купилъ одну душу, Константинъ Панговъ—двѣ души, Михайло Самойловъ—три души и т. д. Слививъ это показаніе съ купчею мы увидѣли, что дѣйствительно за Щербаковымъ значилась одна десятинна съ 1,903 саж., за Панговымъ—три десятины 1,406 с. за Самойловымъ—пять десятиныхъ 909 саж. Въ числѣ домохозяевъ были и такіе, которые имѣли 4, 5, 6, и 7, 10 душъ, и всегда количество числящейся за ними земли равнялось одной десятиной съ 1,903 саженами, помноженными на 4, 5, 6, 7 и т. д. душъ.

Уяснивъ себѣ такимъ образомъ, что Ивановское (Комаровское) сельское общество купило землю по долямъ, называя ихъ душами, а не подесятинно, намъ интересно было узнать, какъ они обезпечили между собою право каждаго домохозяина на доли, что, на нашъ владѣльческій взглядъ, было необходимо, такъ какъ земля куплена не поровну: между ними были домохозяева, пріобрѣвшіе на собственные деньги и по десяти долей, на цѣлыя сотни, до шести сотъ рублей.

Имѣя въ виду, что всѣ условія между крестьянами свидѣтель-

ствуются и нерѣдко хранятся въ волостныхъ правленіяхъ, мы потребовали въ дополненіе къ полученной подлинной купчей крѣпости и актовъ по приобрѣтенію надѣла, чтобы намъ былъ доставленъ договоръ комаровской общины о правѣ пользованія каждымъ домохозяиномъ долями земли, которая приобрѣтена общиной въ свою собственность отъ владѣлицы на собственные деньги.

Волостное правленіе, доставлявшее намъ требуемое свѣдѣніе о распредѣленіи повинностей, способъ раскладки ихъ, числѣ окладныхъ душъ и т. п., не замедлило съ однимъ изъ подобныхъ свѣдѣній доставить и условіе при особой бумагѣ, въ которой объ немъ упоминалось, какъ о статистическомъ свѣдѣніи. Условіе оказалось написаннымъ тою же рукою и чернилами одинаковой свѣжести съ препроводительной бумагой волостного правленія, съ тою только разницею, что условіе, судя по числамъ, значилось составленнымъ двумя, тремя днями раньше той бумаги. Все это возбуждало сомнѣніе, такъ что нужно было лично объясниться съ волостнымъ писаремъ. Оказалось, что никакого условія между комаровскими крестьянами о правѣ пользованія каждымъ домохозяиномъ купленными долями заключаемо никогда не было, что эти крестьяне пользуются землею по словесному соглашенію, не видя никакой необходимости устанавливать по этому предмету какую-либо регламентацію. На вопросъ нашъ, почему же это условіе теперь составлено? — волостной писарь отвѣчалъ: *потому что вы требовали!*

Обращаясь къ условію, видно, что оно было составлено наскоро, неумѣлымъ волостнымъ бюрократомъ; въ немъ отсутствовалъ всякій смыслъ; видно было, что писавшій имѣлъ дѣло на практикѣ всегда съ душами, а въ купчей, изъ которой нужно было выкроить условіе, значились десятины и сажени, и, чтобы примирить двѣ эти осязаемыя и неосязаемыя мѣры, онъ изложилъ такъ: «Право участія каждого изъ насъ въ слѣдующихъ частяхъ: Никита Шербаковъ на 1 душу 1,903 саж., Константинъ Панговъ на 3 души 1,406 сажень, Михайло Самойловъ на 5 душъ 909 сажень и т. д.

Теперь не оставалось сомнѣнія, что комаровцы и приобрѣли землю общинно, и пользуются ею общинно. Теперь остается только узнать, какъ они распорядились купленнымъ участкомъ; и это тѣмъ болѣе становилось интереснымъ, что участокъ состоялъ въ негодномъ кустарникѣ и дровяномъ лѣсѣ.

Вотъ что обнаружило намъ мѣстное изслѣдованіе: дровяной лѣсѣ въ количествѣ 151 десятины, для выручки денегъ, за отсутствіемъ кредита, они продали на срубъ сосѣднему заводчику на слѣдующемъ условіи:

«Срокъ вырубкн пятилѣтній, по заключеніи контракта нотаріальнымъ порядкомъ; мѣрою—каждая десятина опредѣляется въ 2,400 квадр. саж., лѣсъ смѣшанный: дубовый, березовый и осиновый. Цѣну за проданный лѣсъ мы опредѣляемъ акартно 2,250 руб. сер. Если лѣса окажется менѣе сказаннаго количества, то мы должны сдѣлать соотвѣтственную скидку, сколько придется за десятину, изъ полученной нами платы. Въ задатокъ получить отъ Николаева, сколько онъ найдетъ возможнымъ выдать, остальные же деньги мы должны получить по заключеніи контракта, по первому нашему требованію, всѣ сполна. Въ проданномъ участкѣ мы оставляемъ за собой право впуска скота для пастбы, косьба же травы остается въ пользу Николаева. Если, при заключеніи контракта на продажу лѣса на срубъ, Николаевъ требуетъ включить другія какія-либо условія, не противныя нашимъ интересамъ, то всѣ таковыя включить въ контрактъ».

Что же касается другого участка земли, подъ названіемъ «теплымъ кустъ», покрытаго мелколѣсьемъ, то комаровцы ивановскіе распорядились имъ слѣдующимъ образомъ:

1) Постановили разбить этотъ участокъ въ 100 десятинъ, въ первый же годъ владѣнія по образцу своего надѣла, на равныя карты, четырехугольныя участки такъ, чтобы въ картѣ было не болѣе одной хозяйственной сороковой десятины.

2) Карты эти оставить въ пользованіи тѣхъ домохозяевъ, которымъ онѣ достанутся по жеребью, въ теченіи десяти лѣтъ.

3) По истеченіи этого срока, когда качество земли опредѣлится вѣрнѣе, вновь передѣлать весь участокъ между домохозяевами по жеребью, причемъ уравнивать доли на существующемъ основаніи по уравниенію земли въ надѣлѣ и другихъ случаяхъ.

4) Право домохозяевъ на карты признать въ размѣрѣ ихъ экономической силы, которая выразилась числомъ денегъ, внесенныхъ на покрытие продажной цѣны. И такъ какъ единица такой экономической силы выразилась въ 60 ти рублѣхъ, образовавшихся изъ подесятиной платы и другихъ расходовъ по приобрѣтенію земли, то каждому домохозяину, внесшему въ общую сумму 60 руб. предоставить право на одну долю въ участкѣ; домохозяинъ, заплатившій 120 руб., сохраняетъ право на двѣ доли купленной всѣми земли и т. д., такъ что домохозяинъ Матисовъ, уплатившій 600 рублѣй, получилъ право на десять долей въ купленномъ участкѣ. Такъ какъ земля куплена всѣми на общинномъ началѣ, то не могло быть и рѣчи объ отводѣ каждому домохозяину отдѣльныхъ постоянныхъ участковъ въ общинномъ полѣ.

5) Когда участокъ былъ раздѣленъ на карты, то на каждую карту признано допустить 10 долей безъ различія лицъ. Эти доли, по укоренившейся привычкѣ, зовутся душами.

6) Хотя земля и покрыта была мелколѣсьемъ, все-таки признано необходимымъ нѣсколько уравнивать карты. Уравненіе это состояло въ томъ, что карта, признанная лучшей по качеству грунта, соединялась съ картою худшаго по качеству грунта, хотя бы эти карты отстояли другъ отъ друга далеко и на противоположныхъ углахъ цѣлаго участка.

7) На каждую карту, соединенную съ другою картою того или другаго качества, приходилось 10 долей экономической силы; каждый такой десятокъ долей входилъ въ одинъ, такъ называемый *пай*, имѣвшій одинъ жеребій.

Прежде распредѣленія земли, домохозяева между собой образовали пай; если домохозяинъ имѣлъ 10 долей, то онъ составлялъ самъ собой и отдѣльный пай; домохозяева же, имѣвшіе мелкія доли, соединялись вмѣстѣ на правахъ сопайщиковъ, такъ чтобы изъ этихъ долей могъ образоваться цѣлый пай. Вслѣдствіе этого, пай разнообразятся по составу домохозяевъ: въ одномъ паю—одинъ домохозяинъ, а въ другомъ два, а въ третьемъ три и т. д., такъ какъ въ покупкѣ участвовали домохозяева, имѣвшіе и по одной, по двѣ, по три и т. д. долей.

Когда домохозяева разбились по-паينو и когда вырѣзали отъ каждаго пая отдѣльный жеребій, тогда приступили къ распредѣленію земли между паями, и начали распредѣленіе съ одного конца участка, переходя отъ карты къ картѣ въ порядкѣ ихъ расположенія. Останавливаясь передъ каждою, предварительно рѣшали, съ какою картою она должна быть соединена; если карта была хорошею, то указывали другую, дурную, которая должна считаться съ ней въ соединеніи, а если попадалась дурная, то указывали хорошую. Послѣ всего этого вынимался изъ шапки одинъ жеребій изъ числа 14-ти, такъ какъ всѣхъ паевъ 14-ть; по этому жеребью, состоящіе въ немъ сопайщики получали на десять лѣтъ опредѣленные загоны, соотвѣтственно количеству принадлежащихъ имъ долей. Самое же положеніе полосъ земли (загоновъ) въ картѣ опредѣлялось особой жеребьевкой между собой сопайщиками; черезъ десять лѣтъ имъ предстоитъ произвести ту же операцію въ передѣлѣ уже пахати и, можетъ быть, получить участіе въ другихъ картахъ и въ другихъ паяхъ; въ первомъ будетъ играть роль судьба, а во второмъ—взаимное соглашеніе. Теперь мы перейдемъ къ небезынтересному расчету по эксплуатаціи каждой карты, состоящей, какъ извѣстно, изъ одной сороковой десятины.

Расходъ по эксплуатаціи былъ слѣдующій:

Уплачено за карту ¹ владѣлицѣ	40 р.	— к.
Расчистить дѣсь	20	» — »
Плугомъ поднять	10	» — »
Распушить землю	1	» — »
Обмена проса стояли	2	» 50 »
Полотья не было	—	» — »
Жнитво	5	» — »
Молотѣба исподволь домашними	—	» — »

Итого. . . . . 79 р. 50 к.

Доходъ получился слѣдующій:

Просо 200 пуд., считая по 45 к. за пудъ	90 р.
Дровъ отъ мелколѣсья!	5 »

Итого. . . . . 95 р.

Такимъ образомъ, въ первый же годъ вернулись всѣ расходы по приобрѣтенію 100'десятиннаго участка и его эксплуатаціи; при этомъ, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые домохозяева обошлись своими домашними средствами по расчисткѣ и эксплуатаціи, такъ что ихъ выгода въ этой операціи гораздо больше тѣхъ, которые употребили въ дѣло наемныя рабочія силы. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что Ивановцы-Комаровцы—люди необыкновенной энергіи, хорошіе хлѣбопашцы, занимаются извозомъ, народъ промышленный, рѣдкій не побываетъ въ зиму нѣсколько разъ за Волгой съ углями, за 200 верстъ отъ своего села.

Теперь слѣдуетъ перейти къ третьему виду имущества общины.

3) *Арендныя пахати.* Это такія земли, которыя принадлежатъ къ крестьянскому надѣлу, обыкновенно дарственнымъ или малому; такія земли обыкновенно, по выраженію крестьянъ, *принймаются или снимаются, или даже покупаются: мы у него покупаемъ каждый годъ землю.* Дѣйствительная же покупка обозначается словами *на вѣчно, она у насъ на вѣчно.*

Земли такимъ образомъ они снимаютъ столько, сколько имъ бываетъ подсилу, по обществу глядя. Если общество на полувну состоитъ изъ домохозяйствъ семейныхъ, то оно снимаетъ больше земли, чѣмъ общество, состоящее изъ большинства семей одинокихъ. Земля арендуется и на нѣсколько лѣтъ цѣлымъ об-

¹ Карта на 1,200 саж. болѣе казенной десятины, слѣдовательно, въ 3,600 кв. саж.

ществомъ. Главныя основанія пользованія съемною пахатною землею все тѣ же, какъ и въ надѣлѣ и покупной на вѣчно землѣ, а именно: община старается разбить съемную землю на мелкіе участки и приурочить поля свои къ ней такъ, чтобы выгадать въ пастьбѣ скота и по возможности не нарушать принятаго и установившагося порядка распредѣленія земли между членами общины.

4) *Приволе*. Подъ этимъ названіемъ крестьяне разумѣютъ, какъ мы уже замѣтили, нѣсколько угодій: парь, живо и отаву. Разсмотримъ каждое отдѣльно:

а) Парь обыкновенно сдается многими сосѣдними владѣльцами, за неимѣніемъ своего скота въ достаточномъ количествѣ; паровое поле въ дождливую весну, до поднятія его, представляетъ во многихъ мѣстахъ изсаждаемаго края, прекрасный кормъ. Пользованіе этимъ паромъ приноситъ двоякую пользу владѣльцу: во-первыхъ, онъ получаетъ плату за право пастьбы скота, а во-вторыхъ, выгадываетъ въ качествѣ пахати, которая значительно улучшается уничтоженіемъ скотомъ сорныхъ травъ, отчасти естественнымъ удобреніемъ, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что именуется *толоксю*.

Безъ толоки земля отъ рукъ отбивается, говорятъ крестьяне. Потравная десятина много лучше, доказывали они: съ нетолошной десятины возьмешь 70 пудовъ, а съ толошной 120 пудовъ. Но не всякое паровое владѣльческое поле можетъ быть привольемъ для общины.

Парь получаетъ или можетъ получить это значеніе только тогда, когда онъ приуроченъ къ полямъ общины, къ возможности прогнать скотъ, не нанося вреда другимъ полямъ, покрытымъ разными культурными хлѣбными растеніями. Бываютъ случаи, что владѣльцы сдаютъ паровое поле гуртовщикамъ для пастьбы скота; но тогда парь не можетъ носить ни названія, ни имѣть характера *приволя*, и крѣпко ошибется тотъ владѣлецъ, который въ пастьбѣ скота гуртовщика увидитъ такъ называемую *толоку*.

Гуртовщикъ въ снятыхъ угодьяхъ ищетъ не того, что ищетъ община. Первому нуженъ нагуль, сало, увеличеніе вѣса въ купленной тощей скотинѣ, которая пойдетъ подъ ножъ осенью, а частью по нѣсколько штукъ и лѣтомъ, а вторая (общинная) перекалачивается; обыкновенно, община озабочена тѣмъ, какъ бы не уморить голодомъ свою скотину на ограниченныхъ угодьяхъ надѣла. Скотъ гуртовщика и день, и ночь въ полѣ; а такъ называемый пригонный скотъ общины только днемъ на корму, а ночью безъ корма. Отгонное стадо бываетъ въ большихъ общи-

нахъ, гдѣ у многихъ домохозяевъ бываютъ запасныя, такъ скъзать, коровы, которыя въ теченіи лѣта бываютъ недоинныя, а къ зимѣ телятся и даютъ молоко. Гуртъ пасется исподволь, не голодный, беретъ самую лучшую сочную травку, ходитъ въ разбросъ, многое оставляетъ нетронутымъ; а стадо общины рветъ траву чуть не съ корнемъ, идетъ массою, давитъ многое ногами, мнетъ, толочитъ траву, такъ что ей уже не до роста.

б) *Жнива* (два поля послѣ снятія яроваго и озимаго хлѣба) представляется однимъ изъ существенныхъ видовъ приволья, такъ какъ она заключаетъ самую большую часть земли въ трехпольномъ, преобладающемъ у насъ, хозяйствѣ. Послѣ уборки всѣхъ хлѣбовъ, при изобиліи лѣтнихъ дождей, въ концѣ іюля, въ началѣ августа, на жнивѣ бываетъ прекрасный кормъ, служащій немаловажнымъ подспорьемъ для общинныхъ стадъ.

в) *Отава*, подъ этимъ названіемъ разумѣется участокъ луговой земли послѣ скося и уборки сѣна въ стога, которые обыкновенно огараживаются; этотъ видъ приволья могъ бы играть существенную роль для скотоводства общины; но онъ не вездѣ свободенъ для посторонняго скота, такъ какъ многіе владѣльцы держатъ овецъ, для которыхъ отава имѣетъ немаловажное значеніе; но тамъ, гдѣ она свободна, тамъ общины всегда крѣпко за него держатся, готовыя нести разныя работы, если таковыя требуются частными хозяевами-собственниками этихъ угодій.

Къ приволью слѣдуетъ отнести участки земли, остающіеся свободными послѣ вырубленнаго лѣса, и лѣсныя поляны. Крестьянскія общины снимаютъ и ихъ для своего скота, преимущественно лошадей; этотъ видъ приволья у нихъ обыкновенно извѣстенъ подъ названіемъ *кусты*.

Къ движимому имуществу цѣлаго сельскаго общества, приобретенному по инициативѣ самихъ общинъ, слѣдуетъ отнести быковъ, содержимыхъ для общинныхъ стадъ. Быки эти покупаются на общественныя деньги, содержатся зимой тоже на общественныя деньги. Имущество это, независимо отъ приплода и развитія скота, всегда выгодно для общины, такъ какъ покупаются обыкновенно молодые двухлѣтніе быки и продаются по истеченіи двухъ лѣтъ, когда сдѣлаются болѣе тяжелыми, т. е. съ такимъ качествомъ, которое неблагоприятно для общиннаго стада, а выгодно для мясника; вслѣдствіе такой двойственности качества въ быкѣ, община продаетъ ихъ всегда съ денежной выгодой, нерѣдко покрывающей расходы зимняго содержанія своихъ мирскихъ быковъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ общественномъ имуществѣ, встречаемомъ въ общинахъ; это мельницы, построенныя арендаторами

и оставшіяся за истеченіемъ срока въ распоряженіи общинъ. Такія мельницы обыкновенно сдаются въ аренду, такъ какъ общинное пользованіе, которое могло выразиться въ наймѣ мельника общинной, возбудило бы множество недоразумѣній: потребовалась бы регламентація для опредѣленія правъ каждаго на количество перемола, а нарушеніе правилъ могло возбудить споры влекушіе потерю времени для разбирательства этихъ споровъ. Многіе могутъ пожелать молоть на сосѣднихъ мельницахъ, гдѣ лучше отдѣлываютъ хлѣбъ, даютъ квасъ и приволье для лошадей, такъ какъ нерѣдко на мельницахъ приходится ждать очереди двое, трое сутокъ. Словомъ, общины признали, что управленіе мельницами дастъ имъ много хлопотъ, а толку мало, *одна только перевозочка, одна только камитель*, по ихъ выраженію.

Значительною доходною статьею въ нѣкоторыхъ общинахъ слѣдуетъ упомянуть о питейныхъ заведеніяхъ, сдаваемыхъ въ аренду. Большія суммы, выручаемыя отъ этихъ арендъ, идутъ на уплату податей, постройку церквей и т. п. Общины, такъ же какъ съ мельницами, не видятъ практической возможности держать питейныя заведенія на основаніяхъ общиннаго хозяйства.

Этимъ мы заключаемъ главу объ имуществѣ общины, такъ какъ другіе виды движимости не имѣютъ на себѣ отпечатка чисто-общиннаго, а принадлежать инициативѣ или правительственнымъ, или земскихъ учрежденій, какъ напримѣръ, пожарные сараи, каланчи, взвѣзжія избы и т. п., и могутъ быть отнесены къ отдѣлу о натуральныхъ повинностяхъ общины.

III.

Хозяйство общины.

Чтобы читателю легче было ориентироваться въ разнообразныхъ проявленіяхъ хозяйства общины, мы сочли нужнымъ подраздѣлить это хозяйство на три отдѣла, а именно: а) на внутренніе порядки—часть административную; б) часть земледѣльческую; в) часть податную. Прежде чѣмъ обращаться къ изученію этихъ отраслей хозяйства, мы находимъ нужнымъ замѣтить, что завѣдываніе вводимыми, по инициативѣ общины, порядками принадлежитъ главнымъ образомъ нѣсколькимъ лицамъ, подъ названіемъ *выборныхъ стариковъ*, а не сходу, въ тѣхъ правахъ и въ томъ составѣ, которые указаны положеніемъ 19-го февраля.

Заглядывая поглубже въ корень этого самобытнаго учрежде-

нія, оказывается, что оно вызвано слѣдующими обстоятельствами: двѣ трети домохозяевъ общины, а въ рѣдкихъ случаяхъ половина ихъ, принадлежатъ къ типу маломощныхъ, слабосильныхъ, одинокихъ, участвуютъ въ полудолѣ, въ одной, въ полуторѣ, въ двухъ доляхъ всѣхъ процессовъ общинной жизни; всѣ блага этой жизни и всѣ тягости ея раздѣляются они всегда въ количествѣ этихъ долей. Вся семья однодушника (однодоловаго) имѣя одну долю благъ, состоящихъ въ двухъ овчешкахъ, въ одной коровенкѣ и — одну долю (общинныхъ, волостныхъ, земскихъ и государственныхъ) тягостей, состоящихъ въ 12—14 руб. на деньги, знаетъ, что ее болѣе ничто не можетъ ждать; такая ея экономическая сила извѣстна всей общинѣ; на весну, лѣто и осень такой однодольникъ принужденъ сдать своя небольшіе полевые лѣсныя и луговые блага, и очень счастливъ, если купившій ихъ приметъ на себя и тягости, съ ними связанныя; такимъ образомъ, однодольное его право голоса остается въ общинѣ, а самъ голосодатель бродитъ въ дальней сторонѣ.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ и остается привязаннымъ къ своему однодоловому благу, то, при его слабосиліи, ему не до того, чтобы по сходамъ *драть горло*, онъ все по *модямъ*, его и такъ всякій пожалѣетъ. Исключенія бываютъ только съ тѣми, которыхъ природа наградила, по выраженію крестьянъ, *большимъ горломъ*. Съ другой же стороны, въ сельскомъ обществѣ одна треть или половина домохозяевъ двурбочихъ или трехрбочихъ дѣлаютъ два или три дѣла: одинъ занимается лошадинымъ, другой — пѣшимъ, а третій промышленяетъ. Этими только и живы.

Эти опять не всегда могутъ попасть (угодить) на сходъ, хотя бы у нихъ было и большое горло.

Кому же, такимъ образомъ, править дѣла — порядки мірскіе блюсти?

Свободными людьми для этого являются тѣ домохозяева изъ семейныхъ, которые сидятъ больше дома, дѣлаютъ пѣшее дѣло, старики въ большихъ семействахъ, сохраняющіе права домохозяина, главнаго руководителя, по старости лишеннаго возможности работать *настолице*, а такъ *кой чѣмъ только*. Эти люди, знакомые съ старыми порядками, опытные во всякомъ дѣлѣ, сумѣютъ отвѣтить становому и всякому другому, какъ слѣдуетъ, не подведутъ міръ къ *отѣтту*. Это — травленные волки, это — старые воробы, которыхъ не проведешь на машинѣ. Контингентъ этихъ людей и есть контингентъ выборныхъ стариковъ.

Таковы естественныя причины, вызвавшія это учрежденіе. Мы этимъ и ограничимся.

а) *Часть административная.*

Подъ административною частью общества мы разумѣемъ всё тѣ проявленія дѣятельности общины, которыя относятся исключительно къ *внутреннимъ распорядамъ*, въ интересахъ только общинныхъ, независимо отъ таковыхъ же порядковъ по полководству и повинностямъ, которыя составляютъ отдѣльныя составныя части всего общиннаго хозяйства.

Проявленіе этого рода дѣятельности выражается:

- а) Въ раздѣленіи мірскаго скота на отдѣльныя стада.
- б) Въ наймѣ пастуховъ.
- в) Въ отводѣ выпусковъ.
- г) Въ мѣрахъ обезпеченія продовольствія (общественная запашка).
- д) Въ устройствѣ загородей.

Раздѣленіе мірскаго скота на разныя стада состоитъ въ томъ, что община всегда соображаетъ количество находящихся въ ея распоряженіи разныхъ полевыхъ угодій, какъ собственныхъ, такъ и арендуемыхъ, съ количествомъ всего скота, принадлежащаго разнымъ членамъ общины, и въ виду уже самыхъ точныхъ данныхъ распредѣляетъ этотъ скотъ на отдѣльныя стада и табуны.

Почти каждая община имѣетъ спеціальныя стада овецъ, рогатаго скота, свиней и табунъ лошадей; въ большихъ же общинахъ, при большомъ привольѣ, встрѣчается два и три стада однихъ овецъ, крупнаго рогатаго скота пригоннаго, крупнаго рогатаго скота отгоннаго, табунъ старыхъ лошадей, табунъ молодяка (жеребятъ) и стадо свиней.

Каждое стадо имѣетъ своихъ спеціальныхъ пастуховъ, нанимаемыхъ чаще всего съ череда, въ рѣдкихъ случаяхъ, со скотины. Чередомъ называется одна старая, взрослая скотина, идущая въ дѣло, или двѣ мелкія скотины (полуторшиковъ); 5—6 овецъ составляютъ также особый чередъ.

Въ наймѣ пастуховъ къ мірскимъ стадамъ требуется извѣстная опытность, какъ въ выясненіи условій, на которыхъ могутъ быть сданы стада, такъ и въ умѣннн выбрать пастуховъ, хотя обыкновенно въ пастухи нанимаются одни и тѣже, и способность ихъ извѣстна общинѣ.

Для содержанія самаго мелкаго скота, телятъ, жеребятъ, на краю селенія, иногда съ двухъ сторонъ, отгораживаются особыя луговины для пользованія всѣхъ домохозяевъ безъ различія ихъ экономическихъ правъ; огромныя плетневныя загороди устраи-

ваются для подобныхъ выпусковъ на общинномъ началѣ: каждый домохозяинъ по числу долей (душъ) обязанъ принять участіе въ устройствѣ и ремонтѣ плетня.

На этомъ же самомъ основаніи существуютъ большіе плетневые заборы въ огородахъ.

Въ тѣ года, когда прилегающіе къ усадьбамъ земли бывають подъ посѣвомъ, тогда всѣ выходы на эти поля загораживаются, а въ концахъ самой улицы, т. е. у околицы, находятся караульщики, которые слѣдятъ, чтобы подвижная загородь, въ родѣ воротъ, не была бы открыта для свободного прохода скотины, которая можетъ потравить хлѣба и вообще всѣ посѣвы.

Въ числѣ выдающихся явленій въ жизни общинъ изучаемаго края обращаютъ на себя вниманіе — общественная запашка и сборъ зерномъ, какъ мѣры обезпеченія народнаго продовольствія, которыя слѣдуетъ отнести къ внутреннимъ распорядамъ. Нельзя при этомъ не коснуться небезынтересной исторіи общественной запашки.

Извѣстно, что она издавна введена была въ удѣльныхъ селеніяхъ Саратовской губерніи, но данныхъ по этому предмету не сохранилось. Что же касается Самарской губерніи, то еще до 1835 года, при первоначальномъ приведеніи этой мѣры въ исполненіе, отъ всѣхъ селеній были поданы прошенія, чтобы, вмѣсто обязательнаго труда, былъ установленъ сборъ, хотя бы по рублю съ души. Прошенія эти не были уважены, и просители подвергнуты строгимъ наказаніямъ.

Въ 1835 году, въ удѣльное вѣдомство поступили, по обмѣну съ казною, всѣ казенные крестьяне Симбирской губерніи, и въ томъ же году было приступлено къ введенію у нихъ общественной запашки. При этомъ возникли весьма важныя безпорядки; крестьяне селеній, преимущественно татары, отказались открыто отъ исполненія этого распоряженія и вошли между собой по этому предмету въ особыя сношенія; такимъ образомъ, сопротивленіе приняло характеръ организованнаго возстанія, центръ котораго находился въ деревнѣ Шлангѣ, Буинскаго уѣзда. Отсюда исходили распоряженія, которыя поддерживали явныя волненія между татарами; въ русскихъ же и иногородческихъ селеніяхъ сопротивленіе введенію общественной запашки имѣло болѣе пассивный характеръ. Мѣстныя средства управленія оказались недостаточными для приведенія крестьянъ къ повинновенію, и лѣтомъ 1835 года было командировано съ этой цѣлью особое лицо.

Убѣжденія этого лица остались также безъ дѣйствія, и оно было вынуждено двинуть противъ деревни Шланги и скопив-

*

шихся тамъ крестьянъ не только Буинскаго, но и изъ прочихъ уѣздовъ губерніи, симбирскій батальонъ внутренней стражи и казаковъ. Этою мѣрою волненіе было подавлено; схваченные шесть человекъ зачинщиковъ сосланы въ Сибирь на поселеніе, а менѣе виновные подвергнуты строгимъ наказаніямъ. Потомъ наказанія были повторены во всѣхъ приказахъ (волостяхъ) на мірскихъ сходкахъ и, такимъ образомъ, устранено противодѣйствіе крестьянъ введенію общественной запашки. Съ того времени уже не повторялось явное сопротивленіе этой мѣрѣ. Въ 1858 году, когда отмѣнены ограниченія, которымъ было до того подчинено перечисленіе удѣльныхъ крестьянъ въ городскія и другія сословія, почти всѣ селенія самарскаго удѣльнаго имѣнія подали прошеніе о дозволеніи имъ въ полномъ составѣ обществъ перейти въ сословіе государственныхъ крестьянъ. Въ 1859 году было поручено привести въ извѣстность побужденія къ такому общему желанію крестьянъ выйти изъ удѣльнаго вѣдомства. При произведеніи дознанія, крестьяне отнюдь не скрывали, что единственная причина такого ходатайства ихъ заключалась въ желаніи освободиться отъ общественной запашки. При этомъ, на возраженія управляющаго, заключавшіяся въ томъ, что, по ничтожности пространства общественныхъ запашекъ, обработка ея не можетъ значительно обременять ихъ, и что она доставляетъ возможность употреблять въ дѣло неплательщиковъ общественной повинности, крестьяне соглашались, что, дѣйствительно, трудъ обработки ея невеликъ, но всѣ работы по запашкѣ производились въ наиболѣе удобное для этого время, и такимъ образомъ они отвлекались отъ своихъ работъ и несли отъ этого весьма существенные убытки, въ особенности же семьи съ малымъ числомъ работниковъ. Что же касается до употребленія для обработыванія общественныхъ полей неплательщиковъ податей, то, по мнѣнію крестьянъ, мѣра эта совершенно невозможна была на практикѣ, такъ какъ неплательщики не имѣютъ обыкновенно ни лошадей, ни другого рогатаго скота, и потому всѣ работы по запашкѣ, требующія конныхъ рабочихъ, исполняются за неплательщиковъ прочими, болѣе состоятельными крестьянами; если же, взамѣнъ неисполненныхъ конныхъ работъ, увеличивать для неплательщиковъ урокъ пѣшихъ работъ, то имъ пришлось бы почти исключительно работать на общественной запашкѣ, преимущественно во время жатвы, и, такимъ образомъ, остались бы необранными ихъ собственные посѣвы, и они поступили бы уже прямо на общественное содержаніе.

Мы привели всѣ эти обстоятельства въ томъ соображеніи,

чтобы показать, какъ иногда самыя благодѣтельныя, повидимому, мѣры могутъ вести къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ, если только онѣ вводятся безъ знанія народной жизни, экономическихъ ея условій, безъ предварительнаго изслѣдованія и разработки тѣхъ основаній, по которымъ можно было бы ожидать успѣшнаго осуществленія ихъ на практикѣ; сопротивленія крестьянъ по введенію запашекъ крылись, какъ дознано впоследствии изслѣдованіемъ, въ злоупотребленіи волостныхъ и окружныхъ властей, которыя извлекали изъ запашекъ личную пользу. Отъ запашекъ пополнялись огромныя волостныя запасныя амбары, магазины, расхищаемыя въ глазахъ крестьянъ завѣдующими ими лицами. Всѣ старанія этихъ лицъ клонились къ тому, что бы какъ можно болѣе было въ амбарахъ зерна.

Послѣ вышеприведенныхъ событій можно было думать, что общественныя запашки, при самостоятельности крестьянскихъ обществъ и при земскихъ учрежденіяхъ, не должны были бы уже имѣть мѣсто; но вышло не такъ: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, первые шаги земскихъ собраній на пути ихъ дѣятельности выразились введеніемъ общественныхъ запашекъ. Въ 1860 году, общественная запашка по Саратовскому уѣзду введена по постановленію земскаго собранія, съ тѣмъ, чтобы, на случай неурожайныхъ годовъ, запашка производилась ежегодно для устройства въ деревняхъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; подобная инициатива земства не встрѣтила уже той вражды, какъ это было прежде.

Въ 1867 году, по Петровскому уѣзду, въ Пылковской волости, крестьяне добровольно завели запашку для пополненія хлѣбной недомки. Въ 1867 году, въ Аткарскомъ уѣздѣ, изъ крестьянъ, высказавшихся въ пользу общественной запашки, было 8,314 душъ.

Изслѣдованіе на мѣстѣ обнаружило:

1) Общества крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, входящія въ составъ изучаемаго нами края, завели общественную запашку съ 1867 г.; въ обществахъ же бывшихъ государственныхъ крестьянъ она введена гораздо ранѣе.

2) Въ однихъ обществахъ, эти участки положено отводить отъ ревизіи до ревизіи, а въ другихъ, величина участковъ измѣняется согласно мірской раскладкѣ.

3) Вообще, крестьяне общественную запашку считаютъ явленіемъ естественнымъ. Мы выражаемся такимъ образомъ потому, что еще недавно они относились къ этой мѣрѣ — обезпеченія обрѣмененія своихъ же полей въ неурожайные годы — не

очень сочувственно и назвали ее *казенною запашкою*, введенною какъ бы по принужденію правительства. Причину бывшаго ихъ несочувствія къ запашкѣ крестьяне объясняли мѣтѣ, кромѣ вышеприведенныхъ обстоятельствъ, еще и тѣмъ, что, находясь въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ, не имѣли полной самостоятельности; нерѣдко хлѣбъ, собранный ихъ трудами и усиліями въ общій запасный магазинъ, цѣликомъ поступалъ безъ ихъ вѣдома, по распоряженію бывшаго окружного начальства, въ пользу постороннихъ лицъ, часто татарскихъ обществъ, по случаю неурожая, или на продовольствіе, или на обмененіе полей, и никогда не возвращался послѣдними.

Видя себя работающими на другихъ, неучаствующихъ съ ними въ несеніи податей и повинностей и въ удовлетвореніи общественныхъ нуждъ, эти общества стали смотрѣть на запашку, какъ на *натуральную обременительную повинность* самаго злого качества, а потому исполняли работы небрежно, засыпали въ амбаръ неочищенное зерно и утаивали его при каждомъ удобномъ случаѣ. Недочетъ въ зернѣ и недоброкачественность его объяснялись всегда мышьядіемъ, усышкой и другими причинами.

Опытами послѣднихъ лѣтъ, съ учрежденіемъ отдѣльных *сельскихъ общественныхъ запасныхъ магазиновъ*, убѣжденные въ неприкосновенности своихъ запасовъ, крестьяне стали не отвергать въ принципѣ пользы учрежденія общественныхъ запасекъ и къ полевымъ работамъ и уборкѣ хлѣба относятся безъ злобы, какъ прежде.

Вообще, крестьяне, хотя находятъ общественную запашку полезнымъ дѣломъ, но иногда замѣчаютъ, что съ ней одинъ только *црпакъ*; они сознавали затруднительность добросовѣстнаго выполненія работъ, а потому предпочитали сборъ зерномъ.

Словомъ, изъ ихъ объясненій можно было понять, что они принимаютъ начало общинное въ мѣрахъ обезпеченія, но не всегда въ формѣ запашки.

Татары находятъ болѣе полезнымъ земли, отведенныя подъ запашку, сдавать въ арендное содержаніе и на вырученныя деньги покупать хлѣбъ и помѣщать въ общественный магазинъ.

Что же касается обществъ Дубровской волости мордовскаго населенія, то тамъ запашка представляется болѣе выгодною, чѣмъ сдача въ аренду. Такая существенная разница объясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что населеніе татарское, при отличной и цѣнной землѣ, относится къ посѣву и уборкѣ не такъ добросовѣстно и заботливо, какъ мордовское населеніе.

Перехода затѣмъ къ разсмотрѣнію свѣдѣній, собранныхъ въ 1875 году по другимъ мѣстностямъ, между прочимъ оказывается, что въ Уфимской губерніи есть случай учрежденія общественной запашки по инициативѣ самихъ крестьянъ, а именно: въ с. Никольскомъ, Шмитовской волости, Стерлитамакского уѣзда крестьяне-собственники засѣвають ежегодно по 9-ти десятинамъ яроваго и озимаго хлѣба, на уплату *выкупныхъ платежей*.

Кромѣ того, въ 1875 году, въ д. Николаевкѣ и Константиновкѣ, Верхнетроицкой волости, Белебеевскаго уѣзда, крестьяне согласились засѣять обществомъ по 10 ти десятинамъ озимаго хлѣба, на пополненіе взятаго въ ссуду изъ общественнаго запаснаго магазина. Въ изслѣдуемомъ нами краѣ, прилегающее къ Кулясовской волости Ивановское общество крестьянъ Петровскаго уѣзда, вмѣсто запашки, установило взносъ зерномъ требуемаго количества хлѣба для засѣвки въ запасный магазинъ по мірской раскладкѣ, сообразно съ платежной способностью каждаго двора. Причину такого способа обезпеченія продовольствія они объясняютъ встрѣченными ими затрудненіями въ отводѣ особыхъ участковъ земли для общественной запашки. Такой порядокъ они признаютъ для себя удобнымъ, въ виду того, что всѣ односельцы ихъ занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ и между ними трудно встрѣтить крестьянина, который бы захотѣлъ избѣгнуть взноса хлѣба въ установленномъ количествѣ въ общественный магазинъ.

Аткарское уѣздное земское собраніе, въ 1868 году, признавало нужнымъ образовать продовольственный капиталъ посредствомъ обложенія крестьянскихъ обществъ по 20 коп. съ души. Изъ полученныхъ свѣдѣній о результатѣ означеннаго поста новленія видно, что продовольственнаго капитала собрано по настоящее время 111,012 руб. ¹, который, по мѣрѣ накопленія, и хранится въ кредитномъ учрежденіи; пособій изъ него, по благопріятнымъ результатамъ урожая въ уѣздѣ и при состояніи хлѣбныхъ запасовъ, не выдавалось. Общества крестьянъ, сознавая пользу учрежденія этого капитала, взносы дѣлали весьма аккуратно и почти безнедоимочно.

Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго усматривается, что для обезпеченія народнаго продовольствія и обмѣненія полей въ неурожайные годы нравятся три мѣры: обществен-

¹ Независимо этого, къ 1-му іюля 1873 г. состояло на лицо въ общественныхъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ Аткарскаго уѣзда 66,528 чет. 2 мѣры 3 гарнца озимаго хлѣба и 19,543 чет. 6 гарн. яроваго, всего приблизительно на 288,661 р. с.

ная запашка, сборъ зерномъ и денежный сборъ. Чтобъ составить себѣ точное и опредѣлительное понятіе объ этихъ мѣрахъ, рассмотримъ по возможности всесторонне каждую отдѣльно, въ ея достоинствахъ и недостаткахъ, причѣмъ постараемся есмлаться преимущественно на указанія самихъ крестьянъ.

I. Общественная запашка, какъ оказывается, можетъ выгодно и практически примѣняться въ обществахъ государственныхъ крестьянъ мордовскаго или русскаго населенія, пользующихся значительнымъ надѣломъ плодородныхъ земель, и въ обществахъ, преимущественно занимающихся хлѣбопашествомъ.

Хорошая сторона ея состоитъ въ томъ: 1) что всякій бѣдный и богатый одинаково могутъ въ ней участвовать однимъ лишь личнымъ трудомъ; 2) цѣнность собраннаго хлѣба не подчиняется колебаніямъ рынка и необыкновенному возвышенію въ неурожайные годы. Если урожай превышаетъ требуемое количество хлѣба, то излишекъ можетъ идти на пополненіе недомока; 3) кромѣ того, по расчету средняго урожая, по запашкѣ получится несравненно болѣе хлѣба, чѣмъ отъ однообразнаго сбора зерномъ.

Слабая сторона запашки состоитъ: 1) въ затрудненіи администраціи запашкою. Въ промышленныхъ общинахъ относятся къ запашкѣ такъ сказать, бюрократически: не прилагая надлежащаго труда и заботъ, они исполняютъ эти работы только потому, что онѣ легки и отвѣчаютъ предписанію начальства; 2) при существующемъ различіи въ крестьянскихъ надѣлахъ и въ качествѣ и количествѣ земли, запашка не можетъ быть введена повсемѣстно; 3) при необходимости же и затруднительности удобренія крестьянами своихъ полей, нельзя и думать объ удобреніи участковъ, отведенныхъ подъ общественную запашку.

II. Сборъ зерномъ имѣетъ хорошею стороною то, что не представляетъ той особой сложности и тѣхъ затрудненій въ порядкѣ веденія работъ, какія мы встрѣчаемъ въ общественной запашкѣ. Въ однихъ селеніяхъ, всякій домохозяинъ, обмоловивши свой хлѣбъ, везетъ известную мѣру въ запасный магазинъ; въ другихъ селеніяхъ, домохозяева ждутъ объѣзда смотрителя магазина съ подводой для сбора установленной мѣры зерна.

Дурная сторона сбора зерномъ заключается въ томъ, что онъ не такъ производителенъ, какъ запашка. Тѣ крестьяне, которые мало занимаются хлѣбопашествомъ, принуждены покупать хлѣбъ за дорогую цѣну или оставаться недоимщиками.

Порча зерна, мышеядіе и злоупотребленіе сельскихъ властей остаются общимъ недостаткомъ по храненію хлѣба въ запасныхъ магазинахъ.

III. Сборъ деньгами. Постоянное стремленіе всѣхъ земствъ къ замѣнѣ натуральныхъ повинностей денежными явно свидѣтельствуеъ о предпочтительности обезпеченія народнаго продовольствія денежнымъ сборомъ; сами крестьяне во многихъ обществахъ признають его для себя удобнымъ. Свѣдѣнія, собранныя аткарскою земскою управою, показываютъ намъ, что изъ 43,201 души въ пользу денежнаго сбора высказалось 10,667 душъ.

Хорошая сторона этого сбора заключается, во 1-хъ, въ тѣхъ самыхъ основаніяхъ, которыя служатъ къ замѣнѣ вообще натуральныхъ повинностей денежнымъ сборомъ, а потому считаемъ излишнимъ повторять здѣсь извѣстныя по этому предмету соображенія, во 2-хъ, въ приращеніи капитала изъ процентовъ и въ 3-хъ, въ томъ, что извѣстный процентъ этого сбора могъ бы отчисляться въ общій государственный продовольственный капиталъ, а остальная часть могла бы оставаться въ вѣдѣніи земствъ на общихъ основаніяхъ.

Дурная сторона денежнаго сбора состоитъ въ затрудненіи для крестьянъ, при теперешнемъ низкомъ уровнѣ образованія и за недостаткомъ грамотныхъ, вести правильное счетоводство и вообще завѣдывать денежными суммами.

Когда приходилось говорить съ крестьянами объ образованіи денежнаго продовольственнаго капитала, то они отвѣчали, что «было бы мѣло и полезно образовать этотъ капиталъ, но у нихъ были уже вспомогательныя кассы, которыя исчезли, а потому они не имють болѣе охоты вводить денежный сборъ при томъ порядкѣ завѣдыванія имъ, какой установленъ для кассъ».

И такъ, намъ предстоитъ разрѣшить: имѣетъ ли общественная запашка преимущественное значеніе передъ другими, приведенными выше мѣрами для обезпеченія народнаго продовольствія?

Въ отвѣтъ на это, мы, въ виду всего обнаружившагося настоящимъ изслѣдованіемъ, можемъ привести, что, при тѣхъ приѣмахъ, по коимъ общественная запашка введена и вводится въ вѣлоторныхъ мѣстностяхъ, т. е. если не строго принудительно, то по постановленію земскаго собранія, запашка эта имѣетъ характеръ и принадлежитъ къ категоріи мѣръ регламентарной предусмотрительности, такъ какъ сюда относятся распоряженія хотя и общественнаго, но все-таки учрежденія, которое предписываетъ, дѣлаетъ обязательнымъ предусмотрительность и сбереженіе.

Преимущество этихъ мѣръ предъ мѣрами чисто благотворительными заключается, какъ извѣстно, въ устраненіи деморали-

зующаго элемента подавнiя, но въ этомъ исключительно; далѣе не идетъ польза, приносимая ими. Совсѣмъ другого рода влiанiе должны имѣть тѣ же мѣры, если онѣ будутъ возникать изъ той среды, къ улучшенiю которой онѣ направлены, или по крайней мѣрѣ будутъ вводиться съ ея вѣдома; вотъ почему мы придаемъ значенiе свѣдѣнiямъ, свидѣтельствующимъ а) о случаѣ введенiя общественной запашки по инициативѣ самихъ крестьянъ; б) объ удачномъ опытѣ значительнаго сбора продовольственнаго капитала по одному уѣзду, въ суммѣ 111,012 руб.; в) объ успешномъ пополненiи запасныхъ магазиновъ посредствомъ сбора зерномъ.

Послѣ спора съ однимъ изъ опытныхъ волостныхъ писарей о предпочтительности того или другого способа обезпеченiя народнаго продовольствiя, я обратился къ случившемуся при этомъ крестьянину съ вопросомъ: «что лучше, общественная запашка или сборъ зерномъ?» — «*Кому что сподручно*», отвѣтилъ крестьянинъ.

Этотъ отвѣтъ и долженъ бы, на нашъ взглядъ, послужить точкою отправленiя во всѣхъ соображенiяхъ о мѣрахъ народнаго продовольствiя.

б) Часть земледѣльческая.

Общинное хозяйство по части земледѣлiя состоитъ главнымъ образомъ: а) въ распредѣленiи полевыхъ угодiй по свойству грунта и положенiю мѣстности, б) въ мѣрахъ навывгоднѣйшей ихъ эксплуатацiи и в) въ распредѣленiи этихъ угодiй между членами общины сообразно экономической способности каждаго.

а) Общины изучаемаго края распредѣляютъ свои земли на угодья, имѣющiя характеръ постоянства, и угодья временнаго характера.

Къ первымъ относятся пахатныя поля, которыя дѣлятся на три, по возможности, равныя поля: яровое, озимое и паровое; каждое изъ полей, въ свою очередь, подраздѣлено на карты, осмаки, пятаки, или выги; всѣ эти мелкiя части всегда изображаютъ правильную фигуру четвероугольника, но такъ какъ положенiе мѣстности необыкновенно разнообразится холмами, горами, рѣчками и образовавшимися оврагами и т. п., то естественнымъ образомъ должны были образоваться и мелкiе остатки отъ правильныхъ четвероугольниковъ, которые и носятъ названiе *клиньцевъ, урѣзковъ* и т. п.

Для образованiя четвероугольниковъ и для свободнаго про-

ѣзда къ нимъ, каждое поле, яровое, озимое и паровое, въ длину перерѣзываются лентами подъ названіемъ межниковъ, а въ ширину—простыми глубокими бороздами. Такимъ образомъ, карты, осмаки, пятаки и т. п. съ двухъ сторонъ имѣютъ межники, а съ другихъ двухъ — простыя борозды. Поименованные карты, осмаки, пятаки, выти и т. п., бываютъ по общинамъ различныхъ величинъ, но всегда постоянныхъ для одной и той же общины; преобладающій типъ карты равняется десятинѣ сороковой, но есть карты шестидесятныя и двадцатинныя; пятаки, осмаки и выти заключаютъ въ себѣ большее число десятинъ: 3, 6 и болѣе.

Названіе *осмакъ* не можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ немъ восемь десятинъ, а *пятакъ* тѣмъ, что въ немъ пять десятинъ; такъ напр., въ осмакѣ мы встрѣтили шесть десятинъ, а въ пятакѣ—только три десятины. Сумма всѣхъ картъ, пятаковъ, осмаковъ, вытей и т. п., находящихся между двумя межниками во всѣхъ поляхъ, называется *столбникомъ*.

Такимъ образомъ, главная и самая большая часть земельного имущества каждой общины, состоящаго въ пахатныхъ поляхъ, дѣлится по разуму общины на поля; затѣмъ, поля дѣлятся на столбники; столбники дѣлятся или на карты, или на осмаки пятаки, выти и т. п.; такое подраздѣленіе на части слѣдуетъ считать постояннымъ, не подвергающимся измѣненію. Затѣмъ, всѣ карты, осмаки, пятаки, выти подраздѣляются или ежегодно, или черезъ болѣе продолжительные сроки, три, пять, десять и болѣе лѣтъ, на *загоны* различныхъ величинъ. Эти загоны также представляютъ правильные четвероугольники.

Въ однихъ картахъ одного и того же поля встрѣчаются два загона одинаковой величины, въ другихъ—одинъ загонъ болѣе величины, а другой меньшей; въ третьихъ—всѣ три загона одинаково малой величины, каждый загончикъ отдѣляется узкой бороздой. Эти загончики легко распознаются лѣтомъ, когда на нихъ бываютъ различныя хлѣбныя растенія. Такъ на одномъ бываетъ овесъ, на другомъ—греча, а на третьемъ—чечевица или левъ, или горохъ и т. п. На этой же самой картѣ, когда она опять попадетъ подъ яровыя хлѣба, можетъ быть только два загона съ двумя различными хлѣбными растеніями. Такимъ образомъ, загоны, представляя составныя части карты, являются величинами непостоянными, измѣняющимися, если не ежегодно, то въ разные другіе болѣе продолжительные сроки.

Впрочемъ, въ каждомъ изъ помянутыхъ трехъ полей, среди загоновъ измѣняющихся встрѣчаются и загоны, отличающіеся

характеромъ постоянства. Объ нихъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ, когда коснемся мѣры къ наивыгоднѣйшей эксплуатаціи угодій. Такъ какъ поля пахатныхъ участковъ, по разнородному свойству грунта, положенію мѣстности, бываютъ различныхъ хлѣбородныхъ достоинствъ, то и самыя карты, осмаки, пятаки, мелкія части полей, тоже отличаются между собой разными качествами. Это побудило общину, при распредѣленіи земли между членами, предварительно опредѣлить качество каждой карты. Въ однихъ общинахъ карты бываютъ двухъ качествъ: лучшія и худшія; а въ большинствѣ—трехъ достоинствъ: лучшія, среднія и худшія: въ рѣдкихъ общинахъ встрѣчаются карты четырехъ качествъ.

Другія постоянныя угодья, предназначенныя цѣлой общиной для разныхъ отраслей земледѣлія, суть конопляники и огороды. Первые образуются въ необходимомъ размѣрѣ изъ земель, прилегающихъ къ усадьбамъ и имѣющихъ болѣе возвышенное положеніе; а вторые образуются также изъ земель, прилегающихъ къ усадьбамъ, но преимущественно низменныхъ. Тѣ и другіе дѣлятся на полосы въ формѣ правильныхъ четвероугольниковъ. Полосы бываютъ разныхъ размѣровъ въ ширину, гдѣ единицею мѣры является сажень.

б) Мѣры наивыгоднѣйшей эксплуатаціи угодій состоятъ въ томъ: 1) что каждому члену общины—домохозяину—предоставлено право обратитъ одинъ изъ доставшихся ему загоновъ въ каждомъ полѣ въ постоянное свое пользованіе, но только въ томъ случаѣ, если онъ избранный загонъ предварительно покроетъ удобреніемъ. Пользуясь этимъ правомъ, почти всѣ домохозяева имѣютъ подобныя загоны, подъ названіемъ *наземки*.

Послѣ этого не слѣдуетъ удивляться, когда въ полѣ встрѣчается четвероугольникъ роскошной нивы, тогда какъ рядомъ съ нею, направо и налѣво, лежатъ нивы безцвѣтныя. Тѣ же самыя права домохозяевъ проявляются и въ нѣсколько измѣненной формѣ; а именно: въ тѣхъ общинахъ, гдѣ всѣ три поля расположены близъ усадьбы, тамъ въ каждомъ полѣ отрѣзываются по цѣлому отдѣльному участку, въ томъ размѣрѣ, какой по соображенію общины можетъ удовлетворять потребности всѣхъ членовъ. Напримѣръ, община, въ которой всѣ расчеты основаны на 212-ти доляхъ, отвела въ полѣ 53 десятины сороковой мѣры, такъ какъ имѣла въ виду разбить ихъ на 212-ть осмиминниковъ ($\frac{1}{4}$ десятины), причѣмъ на каждую долю могъ достаться одинъ осмиминникъ—единица земельной мѣры, принятая во всѣхъ порядкахъ общины по ея земельному пользованію.

Такіе участки именуется участками, раздѣленными *на года*.

При ежегодномъ передѣлѣ земли въ поляхъ пахатныхъ, участки на года остаются неприкосновенными въ теченіи установленнаго числа лѣтъ (не менѣе 10-ти), оставаясь въ пользованіи тѣхъ, кто ихъ получилъ по жеребью въ первый годъ дѣлежа.

Такимъ образомъ, порядокъ, установленный общинами въ первомъ случаѣ, гдѣ каждый оставляетъ себѣ *за мѣ* по своему усмотрѣнію, и порядокъ, принятый во второмъ случаѣ, гдѣ каждый получаетъ частицу въ общемъ участкѣ, назначенномъ подъ удобреніе, имѣютъ въ своемъ основаніи одно и тоже начало, которое, оставаясь какъ бы консервативнымъ, не нарушается внѣшнимъ разнообразіемъ. Изъ вышеприведеннаго объясненія можно видѣть, что это разнообразіе есть не что иное, какъ порожденіе случайныхъ причинъ.

Къ мѣрамъ наибыгоднѣйшей эксплуатаціи общинныхъ угодій слѣдуетъ отнести изыатіе отъ ежегоднаго передѣла огородовъ и коноплянниковъ и въ тѣхъ общинахъ, гдѣ такіе передѣлы пахатнаго поля допущены.

Десятилѣтній срокъ для передѣловъ огородовъ и коноплянниковъ есть самый крайній; но, по истеченіи продолжительныхъ сроковъ, эти угодья переходятъ въ пользованіе другихъ домохозяевъ, въ крайнихъ случаяхъ—когда произойдетъ значительная перемѣна въ экономической силѣ семьи.

Дѣйствуя такимъ образомъ, общины имѣли въ виду, что огороды и конопляники требуютъ удобренія и въ самомъ хлѣбородномъ и черноземномъ грунтѣ, и что количество небольшихъ полосъ земли, отведенныхъ подъ огородъ и конопляники въ пользованіе даже домохозяевъ одинокихъ и маломощныхъ, могутъ быть кой-какъ удобрены скопами навоза отъ одной коровки, 3—10 овецъ и одной лошаденки.

в) Теперь слѣдуетъ перейти къ той земледѣльческой части общиннаго хозяйства, которая выражается въ распредѣленіи угодій между членами общины. Изъ предъидущаго можно было видѣть, что всѣ поля въ мельчайшихъ составныхъ частяхъ подраздѣлены на карты, пятаки, осмаки и т. п., и что части эти неизмѣнны, постоянны въ своемъ размѣрѣ и въ своей внѣшней формѣ; мы знаемъ также, что эти части бываютъ разныхъ качествъ по степени своей производительности и что качества каждой изъ нихъ предварительно опредѣлены самими членами общины.

Въ однихъ общинахъ предъ каждой картой, въ порядкѣ ихъ расположенія какъ лучшаго, такъ и средняго качества, выни-

маются два жеребья; если карта—лучшаго качества, то вынимаются жеребья изъ одной шапки, называемой *первой*, а если карта—средняго качества, то вынимаются жеребья изъ другой шапки, называемой *второй*. Каждый жеребій въ этихъ шапкахъ есть представитель одной земельной доли.

Когда мы обратились къ изученію порядка дѣлежа земли въ другихъ общинахъ, то увидѣли, что въ большинствѣ ихъ практиковались другія системы дѣлежа земли; мы здѣсь упомянемъ о двухъ наиболѣе повторяющихся, слѣдовательно, и болѣе типичныхъ.

Въ первомъ и во второмъ случаяхъ карты неизмѣнны, число ихъ постоянно, а качество каждой карты предварительно опредѣлено; хотя подъ разными наименованіями, но карты обыкновенно отнесены къ лучшимъ, или среднимъ или къ худшимъ по своему плодородію.

Основанія для опредѣленія качества карты всегда одни и тѣ же: солонцоватость, бугроватость, преобладаніе песку, расположеніе къ вымочкамъ и т. п. принимаются единоово вездѣ въ соображеніе.

Процессъ дѣлежа земли по одной изъ усмотрѣнныхъ нами системъ состоитъ въ томъ, что опредѣленная, постоянная величина земли въ формѣ карты всегда поступаетъ въ пользованіе опредѣленной постоянной величины экономической силы всей общины, выраженной въ разѣ принятомъ количествѣ долей; въ однихъ общинахъ принято на карту 8 долей, въ другихъ 10, а въ третьихъ 12; въ большинствѣ случаевъ 10 можно считать за постоянную, среднюю цифру.

Такъ какъ каждая карта земли должна достаться десяти долямъ экономической силы, и такъ какъ десять долей силы принадлежать, за исключеніемъ самыхъ рѣдкихъ случаевъ, не одному домохозяйству, а нѣсколькимъ въ разныхъ количествахъ, нерѣдко даже и дробныхъ, какъ-то: $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$, $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$ и т. д., то естественно — на одну карту придется нѣсколько такихъ домохозяйствъ, которыя изъ своихъ долей, опредѣляющихъ ихъ силу, образуютъ ровно 10 долей. Если сила домохозяйства опредѣлена сходомъ въ 5 долей, то онъ долженъ соединиться съ такимъ однимъ домохозяиномъ, который имѣетъ 5 долей, или съ такими двумя, которые имѣютъ по $2\frac{1}{2}$ доли, или съ такими двумя, изъ которыхъ одинъ имѣетъ 3, а другой 2 доли, и т. д. Это—дѣло предварительнаго взаимнаго соглашенія домохозяевъ.

Когда наступаетъ пора распредѣленія между ними земли, то

не всё домохозяева выходятъ за полученіемъ въ картахъ, пятакахъ, осмакахъ т. п. долей земли, соответствующихъ долямъ ихъ податной силы; по повѣстѣмъ выходятъ на дѣлежъ только по одному представителю отъ 10-ти долей, которыя называются паемъ. Такъ какъ въ одномъ паю, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ нѣсколько домохозяевъ, сопайщиковъ, то они чередуются, въ особенности, когда дѣлежъ продолжается три, четыре дня. Когда всё представители паевъ соберутся, тогда начинается процессъ распредѣленія картъ между ними. Въ этомъ собственно процессѣ усматривается различіе между общинами въ самой системѣ распредѣленія картъ.

Въ однихъ общинахъ, сначала всё представители паевъ обходятъ всё лучшія карты и вынимаютъ передъ каждой на одинъ пай по одному жеребью, который принадлежитъ 10-ти долямъ, составляющимъ пай; потомъ обходятъ всё карты средняго качества и также передъ каждой вынимаютъ по жеребью на пай, и такимъ же образомъ распредѣляютъ худшія карты.

Въ другихъ же общинахъ, для выигрыша времени, представители паевъ не обходятъ всѣхъ картъ отдѣльно по качествамъ, а, останавливаясь передъ картою, по порядку ихъ расположенія, опредѣляютъ съ какою картою другаго качества она можетъ быть соединена; если карта, передъ которою остановились — хорошаго качества, то, соединивъ ее съ худшей, вынимаютъ одинъ жеребій, вслѣдствіе чего тотъ пай, которому принадлежитъ жеребій, получаетъ двѣ карты разомъ двухъ разныхъ качествъ.

Указаніе, какая карта лучшаго качества должна быть соединена съ другою худшаго качества, лежитъ на обязанности особенно опытнаго, сметливаго члена общины, именуемаго разводчикомъ или отводчикомъ.

Когда карты тѣмъ или другимъ способомъ распредѣлятся между паями, тогда наступаетъ общепринятый обрядъ дѣлежа доставшихся картъ между сопайщиками. По этому обряду каждый домохозяинъ получаетъ по числу долей загонъ въ картѣ, занимая въ ней мѣсто справа, слѣва или посерединѣ тоже по жеребью.

в) *Часть податная.*

Податная жизнь общины-типа проявляется главнымъ образомъ, какъ обнаружено изслѣдованіями, въ трехъ дѣйствіяхъ: 1) въ опредѣленіи податной силы, 2) въ опредѣленіи податного бремени, 3) въ способѣ его распредѣленія между членами.

Мы рассмотримъ всё эти дѣйствія отдѣльно: а) изъ предъиду-

щих изслѣдованій нашихъ обнаружилось, что сельская община, во всѣхъ трехъ приведенныхъ дѣйствіяхъ, подчиняясь естественному закону, приняла цѣлое домохозяйство за основной элементъ своей экономической, общественной и государственной жизни.

При изслѣдованіи общинъ избраннаго края, въ силу принятаго нами метода, мы должны были предположить, что ни одна община не могла быть изъятой отъ проявленія начала, принятыхъ тою одною общиною, если только эти начала вытекали изъ законовъ экономическихъ. Когда наблюденіями обнаружилось, что, дѣйствительно, община-типъ, безъ различія племени и разрядовъ, всю свою экономическую жизнь одинаково построила на домохозяйствахъ, тогда, чтобы уяснить, насколько эти дѣйствія общины цѣлесообразны и стоять на прочной почвѣ, мы собрали такія свѣдѣнія, которыя могли бы послужить намъ для провѣрки и сравненія другихъ способовъ, которые, хотя и не практикуются общинами, но или установлены законодательствомъ, или могли предлагаться къ нимъ либо къ руководству.

Для болѣе вѣрнаго сравненія *состава домохозяйствъ* мы собрали свѣдѣнія о нихъ по тремъ разнымъ счетамъ, которые передъ нами сами собой предстали, а именно: а) по ревизскому счету душъ, б) по наличному счету душъ повдѣйшаго времени и в) по мірскому разсчету, какъ извѣстно, основанному на экономической силѣ домохозяйствъ.

Для образчика, мы приведемъ здѣсь лишь три общины разныхъ племенъ: Куласовскую (мордовскую), Шняевскую (чувашскую) и Аряшенскую (русскую).

Аряшенская община представляется въ слѣдующемъ составѣ домохозяйствъ: ¹

	По ревизско- му счету	По налично- му счету. (1877 годъ).	По мірско- му счету.
Бездушныхъ.....	—	—	2
Однодушныхъ.....	9	23	12
Двудушныхъ.....	13	14	50
Итого одинокихъ маломощныхъ.	22	37	64

¹ Въ мірскомъ счетѣ на практикѣ встрѣчаются и $\frac{1}{4}$ душевна, и $\frac{1}{2}$ душевна, и $\frac{3}{4}$ душевна домохозяйства; здѣсь мы, для большаго удобства, домохозяйства съ дробными частями душъ присоединили къ домохозяйствамъ однородныхъ съ ними цѣлыхъ чиселъ; такъ, напримѣръ, $2\frac{1}{2}$ душевное присоединили къ 2 душному, $3\frac{3}{4}$ душевное—къ 3 душному и т. д.

	По ревизско- му счету.	По налично- му счету. (1877 годъ).	По мірско- му счету.
Трехъ-душныхъ.....	13	25	17
Четырехъ-душныхъ.....	17	13	3
Пяти-душныхъ.....	10	5	5
Шести-душныхъ.....	3	4	—
Семи-душныхъ.....	—	3	—
Осьми-душныхъ.....	—	—	—
Девяти-душныхъ.....	—	3	—
Десяти-душныхъ.....	1	—	—
<hr/>			
Итого семьяныхъ...	44	53	23

Изъ этой параллели домохозяйствъ, такъ и изъ другихъ наблюденій усматривается: 1) что число домохозяйствъ одинокихъ, если ихъ считать по числу наличныхъ живыхъ существъ, какъ это было сдѣлано въ 1858 г., и гораздо поздѣе, почти двадцать лѣтъ спустя, оказывается значительно меньшимъ противу числа домохозяйствъ семьяныхъ; когда же община приступила къ опредѣленію своей дѣйствительной экономической силы, то обнаружилось совершенно противное; оказалось, что одинокихъ было почти $\frac{2}{3}$ изъ числа всѣхъ домохозяйствъ и только около $\frac{1}{3}$ семьяныхъ; 2) что населеніе прибыло по одному въ годъ; 3) число живыхъ существъ въ домохозяйствѣ-семьѣ, по экономической расцѣнѣ, не имѣетъ существеннаго значенія въ выигрышѣ податной силы.

Въ общинѣ, въ теченіи двадцати лѣтъ, изъ 66 домохозяйствъ образовалось новыхъ 21 домохозяйство; для самаго поверхностнаго наблюдателя очевидно, что эти домохозяйства не могли быть семьяными; а въ отдѣлѣ объ организаціи общины мы видѣли причины ихъ образованія, которыя, помимо вліянія общинной жизни, ясно показали, какъ изъ одного сильнаго семьянаго образовалось два одинокія домохозяйства. Въ доказательство того, что общинная жизнь не вліяла на раздѣлы домохозяйствъ, можно привести множество примѣровъ, гдѣ семьяныхъ больше, чѣмъ одинокихъ, а самыя общины экономически развились по всѣмъ отраслямъ общиннаго хозяйства.

Перейдемъ теперь къ общинѣ другого племени и другого разряда.

Только-что приведенная русская община принадлежала къ помѣщичьимъ крестьянамъ на полномъ надѣлѣ, а та, которую мы ниже рассмотримъ, принадлежала къ крестьянамъ государствен-

нымъ мордовскаго племени на надѣлѣ не менѣе полнаго помѣщичьяго.

Кулясовская община представляется въ слѣдующемъ составѣ домохозяиствъ:

	По ревизско- му счету.	По налично- му счету. (1877 годъ).	По мірско- му счету.
Бездушныхъ.....	—	—	4
Однодушныхъ.....	9	27	31
Двудушныхъ.....	17	39	58
Итого одинокихъ маломощныхъ.	26	66	93
Трехъ-душныхъ.....	15	37	35
Четырехъ-душныхъ.....	10	22	11
Пяти-душныхъ.....	15	17	8
Шести-душныхъ.....	3	2	4
Семи-душныхъ.....	10	5	—
Осьми-душныхъ.....	6	—	1
Девяти-душныхъ.....	1	2	—
Десяти-душныхъ.....	1	1	—
Итого семейныхъ...	61	86	59

Всѣ данныя общины мордовскаго племени во всемъ подтверждаютъ свѣдѣнія, полученныя въ русской общинѣ, и приводятъ къ одинаковому выводу, существенному въ нашемъ изслѣдованіи экономическаго податнаго основанія, а именно, что ревизскій счетъ ложенъ въ своемъ основаніи въ смыслѣ принятія *живыхъ душъ* за единицу податную, а также въ смыслѣ *ревизскихъ домохозяиствъ*.

Мы видимъ, что по ревизскому счету значится около $\frac{2}{3}$ семейныхъ домохозяевъ и около $\frac{1}{3}$ одинокихъ; на дѣлѣ же при расцѣнкѣ оказалось наоборотъ. Не безынтересно знать, такъ ли это случилось съ общиной чувашскаго племени.

Шняевская сельская община представляется въ слѣдующемъ составѣ домохозяиствъ:

	По ревизско- му счету.	По налично- му счету. (1877 годъ).	По мірско- му счету.
Однодушныхъ.....	8	33	59
Двудушныхъ.....	17	56	73
Итого одинокихъ маломощныхъ	25	89	132

	По ревизско- му счету.	По налично- му счету. (1877 годъ).	По мірско- му счету.
Трехъ-душныхъ.....	16	42	46
Четырехъ-душныхъ.....	11	28	19
Пяти-душныхъ.....	9	17	4
Шести-душныхъ.....	9	6	3
Семи-душныхъ.....	9	1	1
Восьми-душныхъ.....	3	1	1
Девяти-душныхъ.....	5	1	—
Десяти-душныхъ.....	3	—	—
Одинадцати-душныхъ.....	1	—	—
Двѣнадцати-душныхъ.....	1	—	—
Четырнадцати-душныхъ.....	1	—	—
Двадцати-душныхъ.....	1	—	—
Итого семьянныхъ...	69	96	74

Такимъ образомъ, и община чувашскаго племени въ опредѣленіи своей экономической силы подчиняется однимъ и тѣмъ же законамъ, какъ общины другихъ племенъ и разрядовъ, а именно, что элементомъ общей экономической силы является не сумма существъ въ семьѣ и общинѣ, а все цѣлое домохозяйство, но никакъ не домохозяйство по счету ревизскому или по наличному числу живыхъ въ немъ существъ мужскаго пола. Такъ какъ сила домохозяйства не можетъ основаться на числѣ живыхъ существъ, а только на разныхъ элементахъ, состоящихъ изъ живыхъ двигателей—въ лицѣ цѣлой семьи, живыхъ двигателей—въ суммѣ рабочихъ животныхъ и земельныхъ долей, то обусловленіе такими разнородными элементами экономической силы и побудило общину распредѣлить домохозяйства по своему разуму, свой совѣсти, своей расцѣнкѣ, независимо отъ числа живыхъ существъ въ семьѣ. Тоже самое ревизское или наличное домохозяйство, состоя изъ пяти живыхъ существъ, называется *пятидушнымъ*, а по мірскому расчету *только двудушнымъ*, и наоборотъ — двудушное ревизское по мірскому расчету можетъ оказаться пятидушнымъ.

Данныя всѣхъ трехъ разноплеменныхъ, разнородныхъ общинъ не расходятся даже и въ пропорціи состава семей; всѣ три общины, одинаково по ревизскому счету, имѣли значительно болѣе домохозяйствъ семьянныхъ противу одинокихъ; по личному составу семействъ, послѣднее время одно число домохозяйствъ семьянныхъ почти равнялось числу одинокихъ, а мірской же счетъ

*

усматривать только около $\frac{1}{3}$ семейныхъ и около $\frac{2}{3}$ одинокихъ.

Исследованныя общины одинаково всю свою податную, мирскую силу подраздѣляютъ на разъ принятое число долей, съ тою только разницею, что въ однихъ общинахъ, подобно Аршешенской, мирская сила опредѣляется тѣмъ числомъ долей, которое выразилось въ 1858 году и вошло въ ревизскую связку, а въ другихъ общинахъ, подобно шняевской (чувашской), мирская сила опредѣлилась числомъ долей по рабочимъ силамъ, давшимъ основаніе такъ называемымъ *окладнымъ душамъ*. Окладныя души во многихъ обществахъ, какъ мы сообщали недавно¹, опредѣляются по расчету самихъ обществъ, которыя обыкновенно придерживаются для этого особой системы.

Отгѣна подушной подати не отгѣняютъ окладныхъ или мирскихъ душъ, ибо этими именами принято называть экономическія доли цѣлой общины, на которыхъ она построила всю свою жизнь экономическую, общинную, волостную, земскую и государственную.

По разъ принятому такимъ образомъ для всей общины числу окладныхъ долей, каждое домохозяйство, въ свою очередь, получаетъ особую расцѣнку въ своей экономической податной силѣ, которая выражается опредѣленнымъ количествомъ долей изъ общаго ихъ числа, обозначающаго силу всей общины, подобно тому, какъ опредѣляется количествомъ акцій паевъ экономическая сила каждаго члена компаніи, торговаго общества, товарищества и т. п. Членъ промышленнаго общества, имѣющій одну акцію, одинъ пай, участвуетъ въ немъ въ одной долѣ прибыли и убытковъ, такъ равно имѣющій одну долю (душу) въ общинѣ участвуетъ въ одной долѣ ея имущества и доходовъ и въ одной долѣ ея тягостей. Известно, что штрафы, налагаемые на ея представителей органами правительственныхъ учреждений, всегда раскладываются на всю общину.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что общины въ своихъ дѣйствіяхъ не лишены известной осторожности и предусмотрительности.

¹) (См. «Отч. Зап.» № 2, 1879). Окладныя души исчисляются такъ: каждый 15-тилѣтній мальчикъ считается въ $\frac{1}{2}$ душъ, 16-тилѣтній—въ 1-й душъ, 17-тилѣтній — въ 1 $\frac{1}{2}$ душъ, 18-ти и болѣе—въ 2 душахъ, 60-тилѣтній—въ 1 душъ, если же онъ имѣетъ средства, то въ 1 $\frac{1}{2}$ душъ. Расчеты эти видоизмѣняются въ разныхъ обществахъ, такъ напр., вмѣсто 15-тилѣтнаго, ведутъ счетъ съ 16-лѣтнаго, полагая его въ $\frac{1}{2}$ душъ. То число душъ, которое получится по подобному расчету, называется *окладными душами*; на эту цифру душъ дѣлать сумму всѣхъ повинностей, и частное представить одну окладную душу повинностей, которая называется также и *мирскою душою*.

Община никогда не дѣлаетъ окончательнаго постановленія о цифрѣ долей, которою выражается, по ея первоначальному разсмотрѣнію, сила каждаго домохозяйства. Община всегда оставляетъ, въ виду измѣненій въ домохозяйствахъ, эту цифру въ проэктѣ на двѣ, на три недѣли, для исправленій по заявленію представителей-домохозяевъ, членовъ общины.

Намъ могутъ и здѣсь замѣтить то, что уже замѣчено было относительно взгляда, основаннаго на наблюденіи одной общины, изложеннаго въ изслѣдованіяхъ «Податная душа и податная десятина», а именно: что согласны съ нами въ томъ, что хозяйственный дворъ нуждается въ тщательномъ изученіи, что въ немъ основная экономическая сила земледѣльческаго государства; согласны и въ томъ, что экономическіе распорядки сельской общины полны жизненной правды, глубокаго опыта, даже мудрости народной, въ счастливое отличіе отъ многихъ кабинетныхъ выдумокъ; но что все это, будто бы внутренняя область силы общины, ея специальное призваніе, которое не можетъ имѣть вліянія на общіе порядки государственныхъ сборовъ. Всѣ тѣ сложныя расчеты, о которыхъ мы тогда сообщали, могутъ будто бы производиться только въ предѣлахъ своего села, людьми своего села. Нетолько государство, даже единица гораздо меньшая, какъ уѣздное земство, уже органически лишены возможности имѣть дѣло съ конкретными хозяйственными единицами, съ знаніемъ въ лицо всѣхъ бытовыхъ и экономическихъ особенностей ихъ, и самую природою вещей вынуждаются прибѣгать къ отвлеченнымъ нормамъ обложенія, по существу своему весьма несовершеннымъ. Найдено даже сомнительнымъ, чтобы могла прибѣгнуть къ указываемому нами способу хотя бы цѣлая *волость*. Что законодательство всегда сознавало поверхность, приближенность и извѣстнаго рода несправедливость всякаго общиннаго нормъ обложенія, лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что, во всѣ вѣка и во всѣхъ мѣстностяхъ, жителямъ обыкновенно предоставлялось право раскладки между собою общей цифры сбора, на нихъ налагаемаго. Во всемъ этомъ высказывается безмолвное признаніе принципа, что истиннымъ знаніемъ своихъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ силъ обладаетъ только община, и что силы эти, одинаковыя въ арифметическомъ исчисленіи душъ, дворовъ или десятинъ земли, въ сущности, глубоко различны между собою, какъ платежныя источники. Въ этомъ именно смыслѣ, правительства конституціонныхъ странъ обыкновенно предоставляютъ распределять государственныя налоги даже и по крупнѣйшимъ дѣленіямъ государства представителямъ мѣстной жизни. Какой-нибудь департа-

ментъ или кантонъ Франціи относительно цѣлаго государства, все-таки имѣеть много личныхъ особенностей вполне конкретнаго характера, сравнительно съ абстрактнымъ основаніемъ общегосударственнаго обложенія.

По этимъ соображеніямъ нѣкоторые лица замѣчали намъ, что они не могутъ придти къ тѣмъ рѣшительнымъ заключеніямъ, къ которымъ мы пришли по наблюденіямъ одного сельскаго общества, несмотря на полное сочувствіе къ общему нашему взгляду и къ самымъ пріемамъ. Мы съ глубочайшею признательностью встрѣтили сдѣланныя намъ замѣчанія, не лишеныя своего рода основаній, приводимъ ихъ на обсужденіе нашихъ читателей; но, съ своей стороны, не видимъ въ нихъ достаточной убѣдительности, а потому и сочли нужнымъ дать нѣсколько пояснительныхъ соображеній, имѣя теперь подъ руками матеріалъ, добытый изслѣдованіемъ цѣлаго края.

Если распорядки общины признаются полными жизненной правды, глубокаго опыта, даже мудрости, если въ нихъ видна большая близость къ природѣ, чѣмъ къ кабинетнымъ проэтамъ, то есть ли основаніе отклонять все это отъ вліянія на общіе порядки государственныхъ сборовъ, не забывая также, что «господствовать надъ природою можно только послушаніемъ».

Привода тогда порядки одной общины, а теперь цѣлой сотни ихъ, мы не помышляемъ о томъ, чтобы совершенство податной системы когда-нибудь дошло до личнаго знакомства съ каждымъ хозяйственнымъ дворомъ, чтобы на громадныхъ вѣсахъ государственной жизни взвѣшивался каждый отдѣльный скрупулъ ея мѣстныхъ богатствъ. Въ порядкахъ общины мы видѣли только указаніе на болѣе естественныя единицы, чѣмъ тѣ, къ которымъ прибѣгаетъ государство и земство. Община отвергаетъ и душу, и десятину, какъ единственное выраженіе экономической силы, и, слѣдуя указаніямъ естественныхъ законовъ природы, все строитъ на домохозяйствѣ, въ которое и рабочая душа, и десятина земли входятъ какъ элементы, и въ этомъ видятъ менѣе сложные и болѣе правильные расчеты, чѣмъ тѣ, которыми занимаются государство и земство. Община имѣеть передъ глазами вещественныя доказательства своимъ единицамъ, а государство тратило огромныя деньги и принимало ужасныя мѣры въ погонѣ за душою, чтобы та впоследствии не имѣла права, безъ письменнаго вида, отлучаться далѣе 30 верстъ. Государство и земство считаютъ десятины земли, придавая имъ большое значеніе, тогда какъ въ одномъ мѣстѣ община сдала ихъ сосѣду-помѣщику, а въ другомъ — готова принять ихъ только даромъ, по ихъ долговременной мерзости, во-

дѣлности, песковатости и т. п. качества, весьма цѣнныхъ для произрастанія грибовъ. Впрочемъ, нагляднѣе и доказательнѣе всего можетъ служить тотъ фактъ, что основанія общинъ по обложенію приняты не только въ предѣлахъ своего села, людьми своего села, но и во всѣхъ волостныхъ обложеніяхъ, въ чемъ выражено сомнѣніе дѣлавшими намъ замѣчаніе на выводы по одной общинѣ. Волостныя собранія (сходы) въ избранномъ для изслѣдованія нами краѣ, облагая, для своихъ волостныхъ нуждъ, населеніе, никогда не принимали въ соображеніе числа ревизскихъ душъ и числа казенныхъ десятинъ, т. е., отвлеченныхъ нормъ обложенія элементарныхъ частей экономической силы. Собранія эти не встрѣтили также никакой надобности имѣть лично дѣло съ конкретными хозяйственными единицами, съ знаніемъ въ лицо всѣхъ бытовыхъ и экономическихъ особенностей ихъ; все это общины всегда сами готовы представить волостнымъ собраніямъ или въ формѣ установленныхъ, окладныхъ тетрадей, или окладныхъ записокъ, или, наконецъ, личнаго сообщенія одного изъ членовъ волостного собранія, который въ то же время есть и представитель общины. Такимъ образомъ, волостной облагатель въ образѣ схода имѣетъ всегда возможность по каждой общинѣ знать число домохозяйствъ, число типовъ въ этихъ домохозяйствахъ, число окладныхъ мирскихъ долей и число рублей съ копейками, причитающееся на каждую долю. Зная это послѣднее число, волостной облагатель всегда въ нѣсколько минутъ можетъ опредѣлять, на какую цифру онъ увеличитъ общую долю, если прибавитъ къ ней и свои нужды. У него всегда подъ руками самый вѣрный матеріалъ, чтобы узнать, какъ опредѣлились доли въ разныхъ общинахъ, входящихъ въ районъ его обложенія. Изъ этого можно видѣть, что и земство, и государство не лишены органически возможности держаться въ своихъ обложеніяхъ болѣе конкретныхъ хозяйственныхъ единицъ. У земства и государства множество дорогихъ органовъ, которые, нужно думать, не хуже волостныхъ суждуть собрать то, что у народа уже готово и въ чемъ онъ давно не отказываетъ волостнымъ органамъ.

Всегдашнее сознаніе законодательствомъ поверхностности, приближительности и извѣстнаго рода несправедливости всякихъ принимаемыхъ имъ общихъ нормъ обложенія не можетъ служить, какъ мы видимъ, доказательствомъ тому, что слѣдуетъ отвергать менѣе поверхностныя, менѣе несправедливыя и болѣе близкія къ природѣ вещей нормы, на которыя наталкивается сама жизнь. Разница между одною переписью душъ ревизскихъ и переписью экономическихъ, такъ сказать, домохозяйствъ только та, что по-

слѣдняя потребуеть менѣ времени, менѣ труда, менѣ расходовъ и представитъ болѣ экономической цѣлесообразности.

Намъ указывали на конституціонныя страны, гдѣ распределение повинностей есть дѣло мѣстныхъ учреждений. Нужно думать, что правительства конституціонныхъ странъ предоставляютъ предѣлять представителямъ мѣстной жизни такую цифру налоговъ, которая не лишена извѣстнаго основанія. Департаментъ или кантоны Франціи облагаются различно, но не по произволу облагателя государства, а по какому-нибудь расчету, выведенному изъ многихъ особенностей, близко-извѣстныхъ только его собственнымъ жителямъ и могущихъ быть сообщенными органамъ государства. Народъ указываетъ намъ на такія особенности, которыя могутъ быть не лишеными практическаго значенія и для государства, и для земства.

Затѣмъ, нельзя пройти молчаніемъ и другія замѣчанія, сдѣланныя по поводу нашего изслѣдованія, а именно: что, быть можетъ, въ большинствѣ нашихъ сельскихъ общинъ вовсе не производится того тщательнаго вниманія въ хозяйственныя силы отдѣльныхъ дворовъ, которое мы замѣтили въ извѣстной общинѣ, при этомъ указывалось на множество общинъ, ограничивавшихся распределеніемъ земли и податей, безъ всякой болѣ тонкой оцѣнки, или по ревизскимъ душамъ, или по наличнымъ живымъ, или по тягламъ, которыя не всегда представляютъ собою естественную хозяйственную силу, а часто являются рутиннымъ остаткомъ прошлаго, своего рода правомъ давности; при этихъ порядкахъ не рѣдко случается, что болѣ сильная, хозяйственная единица не имѣетъ правъ на землю, соответствующихъ его силѣ, а другая, болѣ слабая, злоупотребляетъ этимъ правомъ въ силу привычки или извѣстныхъ личныхъ связей, не имѣющихъ ничего общаго съ хозяйственнымъ интересомъ общины.

Отвергать этого мы не станемъ: во множествѣ изслѣдованныхъ нами общинъ мы тоже наталкивались на подобныя явленія, которыя объяснялись кумовствомъ, взятчицествомъ и т. п. Но не слѣдуетъ забывать, что эти явленія, какъ ненормальныя, порождены недостатками нашего же общественнаго устройства, состоящаго въ введеніи ревизскихъ сказокъ, закрѣпляющихъ злоупотребленіе. Оставаясь ревизская сказка въ центральныхъ канцеляріяхъ, какъ документъ абстрактныхъ основаній общегосударственнаго обложенія, тогда народъ во всѣхъ своихъ общинныхъ союзахъ, безъ замѣчаемыхъ исключеній, неминуемо прибѣгнулъ бы въ способахъ распределенія земли и податей къ хозяйственнымъ особенностямъ вполне конкретнаго характера, къ тѣмъ самымъ приемамъ, которые неизмѣнно практикуются раз-

ноплеменными и разноразрядными общинами, подвергнутыми нынѣ нашему наблюденію и изслѣдованію. Отрѣшеніе налога отъ опредѣленныхъ статей, намъ замѣчаютъ также, трудно осуществимо и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ: такъ, напри- мѣръ, въ Щигровскомъ уѣздѣ, многія общества самовольно пе- ревели всѣ подушныя и другія подати въ поземельныя. Въ од- ной изъ волостей къ этой мѣрѣ прибѣгли всѣ общества б. исключенія. Вслѣдствіе этого, крестьянское присутствіе полу- чило нѣсколько сотъ жалобъ отъ нижнихъ чиновъ дѣйствующей арміи, отставныхъ и безсрочныхъ, которые, по закону, пользуют- ся свободою отъ подушныхъ податей и которыхъ общества такимъ путемъ привлекали къ подушной подати въ иномъ видѣ. Оказалось необходимымъ уничтожить приговоры сходовъ, какъ незаконные, и возстановить прежній порядокъ, что и исполнило уѣздное крестьянское присутствіе. На нашъ взглядъ, это слу- житъ новымъ доказательствомъ изворотливости русскаго народа и невниманія законодательства къ его бытовымъ особенностямъ, къ тѣмъ естественнымъ экономическимъ законамъ, которымъ на- родъ подчинился. Отцы и братья, поставивъ государству воиновъ обдѣлили этимъ свои домохозяйства. Этого мало: отъ нихъ по- требовали, чтобы вернушіеся въ ихъ общину, ихъ дѣти и братья были избавлены отъ такого налога, который они болѣе полутора вѣка къ своей жизни никакъ примѣнять не могли, по совер- шенной абстрактности его основаній, съ ихъ бытомъ никакъ не вазавшихся.

Настоятельное требованіе, чтобы община бросила свои кон- кретныя основанія, разрушила свои порядки ради ея же чле- новъ, перешедшихъ временно на службу государству изъ эконо- мическихъ воиновъ въ другой только родъ службы, не могло показаться общинѣ ни чѣмъ другимъ, какъ безъосновательнымъ принужденіемъ. Впрочемъ, объ этомъ нѣтъ надобности болѣе рас- пространяться; вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія 25-го марта сего года, нужно надѣяться, вскорѣ окажется необходимымъ уничтожить постановленіе крестьянскаго присутствія, какъ экономи- чески незаконное, и возстановить въ волостяхъ естественный порядокъ.

Еще одно замѣчаніе, заслуживающее вниманія, состоитъ въ томъ, что пользованіе большинства крестьянъ землею, и именно землею, а ни чѣмъ другимъ, по существу своему, вызываетъ спеціальную поземельную, а не какую другую подать. Такъ, бывшіе государственное и удѣльные крестьяне должны пла- тить земельную оброчную подать за пользованіе казенною и удѣльною землею, пока они ея не выкупаютъ, и подать эта пере-

ходить даже на покупателя других сословій. Такъ, временно-обязанные крестьяне платятъ оброкъ исключительно за землю, а собственники, вышедшіе на выкупъ, также исключительно за землю вносятъ выкупные платежи. Въ извѣстныхъ случаяхъ, земля эта отбирается, частью или въ цѣломъ, и платежи за нее измѣняются соотвѣтственно. Какимъ же образомъ, спрашиваютъ насъ, привести въ соотвѣтствіе эти коренныя основы крестьянскаго землевладѣнія съ распредѣленіемъ податей независимо отъ земли?

На все это мы должны, въ свою очередь, замѣтить, что оброки, платимыя крестьянами за землю помѣщикамъ и въ казну, не имѣютъ значенія подати, такъ же какъ не имѣетъ значенія подати аренда, платимая помѣщикомъ крестьянамъ за снятую у послѣднихъ землю, какъ аренды, платимыя купцомъ помѣщику и обратно. А выкупные платежи тѣмъ болѣе ничего не имѣютъ общаго съ податю, такъ какъ они идутъ не на нужды государственныя, а на долгосрочное погашеніе ссудъ, выданныхъ помѣщикамъ. При болшемъ народномъ развитіи, при болшей взаимной связи народовъ и государствъ, крестьяне могли бы сами обратиться къ капиталистамъ другихъ странъ за ссудами, на болѣе выгодныхъ условіяхъ, для покупки надѣловъ у помѣщиковъ, и тогда ихъ платежи были бы ни чѣмъ другимъ, какъ процентами съ погашеніемъ капитала, уплачиваемаго частному лицу, а не государству. Народъ, разумѣется, смотритъ на всѣ взиманія, какъ на подати; скажемъ больше, онъ на *все платежи* смотритъ, какъ на *подушныя*, что мы не разъ уже имѣли случаи доказывать. Но вѣдь замѣчанія, намъ сдѣланныя, относились не до того, какъ народъ смотритъ на платежи, а до основаній обложенія, которыхъ придерживается государство.

И такъ, платежъ за владѣніе и пользованіе землею есть плата за имущество, и будетъ ли эта плата временная или постоянная по существу платежей — безразлично. И естественно, что если за имущество, которымъ пользуются, не платятъ, то оно, въ силу гражданскаго права, отнимается. Подать же или налогъ предназначается на нужды государственныя, земскія и другія и имѣетъ характеръ постоянства. По разуму же народа, примененному на практикѣ, объектомъ такихъ податей должно быть не что другое, какъ домохозяйство, состоящее изъ многихъ элементовъ, а не души только и земли. Впрочемъ, это не противорѣчитъ ученію многихъ экономистовъ Европы.

б) Дѣйствія общины по опредѣленію податнаго бремени состоятъ въ томъ, что она прежде всего приводитъ въ извѣстность

цифры каждаго сбора, которымъ облагаютъ разныя учрежденія. Такіе совершенно независимы другъ отъ друга облагатели бывають всегда пяти родовъ: 1) государственный, 2) губернский земскій, 3) уѣздный земскій, 4) волостной и 5) общинный.

Не придавая никакого значенія разнымъ наименованіямъ сборовъ, община соединяетъ ихъ въ одну цифру подъ однимъ названіемъ и дѣлитъ эту цифру на такое количество долей, какое выражаетъ податную силу общины; такъ, если доля податной силы выразилась въ $\frac{1}{300}$, то и доля податного бремени должна быть равна $\frac{1}{300}$.

Есть ли какая либо надобность въ мѣстномъ изслѣдованіи для уразумѣнія подобнаго дѣйствія общины?

Можетъ ли быть практическая возможность веденія счетоводства по каждому отдѣльному обложенію и отдѣльнымъ поступленіямъ по домохозяйствамъ? Намъ представляется яснымъ, что еслибы было пять отдѣльныхъ сборщиковъ и пять отдѣльныхъ кассировъ, то и тогда община не могла бы обойти необходимость сложения всѣхъ обложеній въ одну цифру и взиманія ея съ домохозяина въ определенной долѣ безъ различія въ названіяхъ. Разумѣется, такъ будетъ дѣлаться до тѣхъ поръ, покуда каждый домохозяинъ не будетъ въ состояніи вести самъ счетоводства по своему хозяйству.

Чтобъ ближе познакомить читателя съ составными частями обложенія входящихъ въ одну, долю, и чтобъ дать читателю возможность судить о томъ, существуетъ ли какая либо система въ разнородномъ обложеніи общины, мы приведемъ, во избѣжаніе повтореній, для видимости только, двѣ разноплеменные и разно-разрядныя общины.

На одну долю общей суммы податей приходится:

По с. Чердыжу (русскому).		По с. Кулясову (мордов.).	
Всего	12 р. 35 в.	12 р. 12 в.	
Въ томъ числѣ:			
1) Государств. казнач.	{ подушныхъ . 2 > 35 > поземельнаго налога . . . . — > 37 >	3 > 14 >	
2) Вкупныхъ, оброчныхъ и лѣснаго налога		— > 60 >	
3) Земскихъ сборовъ	7 > 20 >	5 > 41 >	
4) Волостныхъ сборовъ	— > 77 >	1 > 9 >	
5) Общиннаго сбора	— > 80 >	— > 62 >	
	— > 86 >	1 > 26 >	
Итого		12 р. 35 р.	12 р. 12 в.

Общины эти, по количеству земли и душевому составу, почти одинаковы; Чердымская русская находится въ Саратовскомъ уѣздѣ, а Булясовская мордовская—въ Кузнецкомъ.

Податныя доли ихъ оказались также одинаковыми; та и другая равняется около 12 р. 12—35 к. Тутъ невольно является вопросъ: почему же такое разнообразіе въ составныхъ частяхъ этихъ долей? Поэтому поводу нельзя не обратить вниманія на слѣдующее:

1) Прежде всего поражаетъ изслѣдователя то, что одно и то же государственное казначейство въ требованіи подати обложило мордовскую душу въ 3 р. 14, к., а русскую душу въ 2 р. 35 к. Не потому ли это, что одна живетъ въ Саратовскомъ уѣздѣ, а другая въ Кузнецкомъ? Но намъ извѣстно, что и мордовская душа, живущая рядомъ съ русской, въ семи верстахъ другъ отъ друга, обложена также различно, съ тою разницею, что русская душа обложена еще меньше—въ 2 р. 17 к., почти на цѣлый рубль дешевле мордовской. Поступая такимъ образомъ, государственный облагатель, какъ извѣстно, раздѣлилъ душевыхъ плательщиковъ на разряды, придавая значеніе гадательному качеству земли, близости къ судоходнымъ рѣкамъ, ярмаркамъ и т. п. Государственный облагатель упустилъ изъ виду, что $\frac{2}{3}$ мордовскихъ домохозяйствъ въ селеніи, поселенныхъ у судоходныхъ рѣкъ и ярмарокъ, бываютъ или бездушные или такіе, у которыхъ еле-еле душа въ тѣлѣ; а русскія домохозяйства, хотя и помѣщичьихъ крестьянъ, хотя даже и бездомовыхъ, *но семьями*, хотя бы поселенныхъ въ глуши, у небольшого ручья, представляютъ болѣе живучіе элементы въ организмѣ государственномъ и содержатъ болѣе экономической силы, чтобъ нести податное бремя разнаго рода и разныхъ видовъ.

Другіе вопросы, сами собой вытекающіе при обзорѣнн вышеприведенныхъ разнородныхъ обложеній, слѣдующіе: есть ли предѣлы, и какіе именно, у cadaго облагателя? бываетъ ли соглашеніе между ними по поводу суммы обложенія, такъ какъ всякое увеличеніе бремени однимъ подрываетъ силу облагаемаго, для несенія тяжести прочихъ облагателей?

Жизнь открыла намъ слѣдующую живую картину по этому предмету во всѣхъ безъ исключенія общинахъ.

Облагаемые—будь то община-типъ или домохозяйство-типъ—представились намъ и въ настоящемъ изслѣдованіи, какъ и всегда, въ видѣ дойной коровы, отъ которой разные доильщики, безъ уговору между собою, въ разное время и по разнымъ системамъ измѣренія требуютъ удоевъ; одинъ, напри- мѣръ, требуетъ какъ бы *по кружечко*, другіе съ *тѣса*, третьи *по процентному содержанію питательнаго продукта*. Свой

стадный доильщикъ также требуетъ удоевъ, для удовлетворенія своихъ естественныхъ стадныхъ нуждъ, не говоря о приплодѣ, у котораго вся жизнь зависитъ отъ того же питательнаго продукта. Между тѣмъ, иногда доильщики не ждутъ должнаго времени, никто изъ нихъ не соблюдаетъ очереди (да она ни гдѣмъ и не установлена), для образованія излишковъ. Сильной, самой здоровой коровѣ подчасъ подобныя порядки неподсильны; неудивительно, если нѣкоторые, то тутъ, то тамъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе будутъ изнемогать, а доильщики не до-нимать своихъ нормъ. Нужно ли еще говорить о томъ, что изнеможеніе можетъ быть только общее, а не специальное, для кого-либо одного изъ доильщиковъ, какъ это думаютъ и доказываютъ канцелярскіе счетчики въ уѣздахъ и губерніяхъ и тѣмъ самымъ вносятъ путаницу въ счеты государственныя.

в) *По отредѣленію суммъ податной силы и суммъ податнаго бремени третье дѣйствіе общины, по способу распределенія этого бремени по своимъ членамъ, не представляетъ особыхъ затрудненій. Каждое домохозяйство несетъ бремя въ той пропорціи, въ какой опредѣлилась податная его сила.*

Въ этомъ отдѣлѣ, дѣятельность общины болѣе проявляется только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть доходная статья, могущая покрыть часть изъ общей суммы сборовъ. Тогда приговоръ общины опредѣляетъ ту сумму, какая, за покрытіемъ доходною статьею, должна остаться на общинѣ и причестся на долю. Это явленіе, котораго мы еще не имѣли въ виду, дѣлаетъ задачу изслѣдователя канцелярскаго матерьяла болѣе затруднительною: какъ опредѣлить онъ недоборъ специального налога, когда община половину цифры всѣхъ налоговъ покроетъ доходными статьями? Такимъ образомъ, какъ одна община, такъ и община-типъ, привели насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Явленія въ общинахъ хотя и безконечно разнообразны, но при этомъ отнюдь не разрушаются постоянныя, консервативныя начала, одинаково повторяющіяся во множествѣ изслѣдованныхъ общинъ, независимо ихъ племенныхъ и поразрядныхъ отличій, созданныхъ силою историческихъ причинъ. Естественныя различія, замѣчаемыя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, произошли самобытно, какъ бы въ силу своего рода закона случайныхъ причинъ.

Самъ народъ въ сельской общинѣ видитъ нѣчто политически-цѣлое, сильное, самостоятельное юридическое лицо, опредѣляя его такъ: *міръ великъ человекъ!*

Разнородные типы домохозяйствъ, составляющіе организацію общины въ формѣ ея составныхъ частей, не суть единственные элементы, дающіе силу и значеніе общинному тѣлу. Каждая зе-

мельная община содержитъ такіе связующіе элементы, безъ которыхъ домохозяйства могутъ утратить всякое экономическое значеніе.

Эти связующіе элементы, какъ напримѣръ, приволья разнаго рода, пастухи, племенной скоть, уравнительность участковъ по ихъ качеству, суть доходныя статьи, чисто общиннаго свойства. Денежный капиталъ, энергія, предприимчивость нѣсколькихъ Ивановскихъ крестьянъ недостаточны были, чтобы приобрести землю у помѣщичьи. Домохозяйства, имѣвшіе по 600 руб., и другіе, имѣвшіе по 60 рублей, одинаково встрѣтили нужду въ связующихъ элементахъ общины. Они преодолѣли такія экономическія препятствія въ одинъ годъ, съ которыми десятки лѣтъ они не исправились бы, еслибы не прибѣгли къ связаншему ихъ началу. Взглядъ, высказанный когда-то Хомяковымъ о крѣпостной русской общинѣ, разумѣется, относится и къ нашей податной общинѣ-типу.

«Чѣмъ болѣе я всматриваюсь, говорилъ онъ:—въ крестьянскій бытъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что міръ для русскаго крестьянина есть какъ бы олицетвореніе его общественной совѣсти, передъ которою онъ выпрямляется духомъ; міръ поддерживаетъ въ немъ сознаніе его нравственнаго достоинства и всѣ высокія побужденія, отъ которыхъ мы ожидаемъ его возрожденія. Можно бы написать легенду на слѣдующую тѣму: русскій человекъ, порознь взятый, не попадетъ въ рай, а цѣлой деревни нельзя не пустить».¹

Происхожденіе слабыхъ, маломощныхъ домохозяйствъ и естественное черезъ это ослабленіе и самаго общиннаго тѣла объясняется явленіями, получающими жизнь внѣ общины. Десятки домохозяйствъ образовались и обезсилѣли, какъ мы имѣли случай убѣдиться, подъ разными ударами и давленіемъ многихъ другихъ причинъ. Такіе удары и такое давленіе смягчаются общиной покуда распредѣленіемъ податнаго бремени на сильныя домохозяйства; но продолжительность этихъ ударовъ и давленій, если не примутся особыя мѣры, приведетъ неминуемо къ тому, что смягченіе и облегченіе для общины сдѣлается невозможнымъ, и тогда ляжетъ на слабого домохозяина непосильное, хотя и теперь уже тяжелое *податное бремя*, которое, въ соединеніи съ конокрадствомъ и другими причинами, можетъ легко обратить многія домохозяйства къ *податному нищенству*.

Хозяйство общины-типа, изслѣдованное въ трехъ его частяхъ: по внутреннимъ порядкамъ, по земледѣлію и по податамъ, оказалось, несмотря на совершенную безграмотность массы, нелі-

¹ Соч. Ю. Е. Самарина, т. I, стр. 246.

пенимъ разумныхъ основаній. Общины самостоятельно, безъ всякихъ постороннихъ вліяній, стремятся къ развитію скотоводства и обезпеченію продовольствія. Земледѣліе оказалось также нелишнимъ прогресса. Каждый домохозяинъ получаетъ право, несмотря даже на ежегодные передѣлы полей, удабривать разъ избранный загоны, который на извѣстный срокъ дѣлается неприкосновеннымъ. Это право уже практикуется во многихъ общинахъ черноземной полосы. Другой формы проявленія прогресса по земледѣлію нельзя не видѣть въ отдѣленіи особыхъ участковъ въ каждомъ полѣ, предназначенныхъ цѣлымъ общиннымъ разумомъ для удобренія. Въ этихъ участкахъ получаютъ право на участіе не однѣ только сильныя земледѣльческія семьи, но всякій, начиная съ самаго слабого однодушника, еслибъ даже послѣдній и не хотѣлъ возиться съ своей полосой.

Экономическую, а слѣдовательно и податную силу общины нельзя не видѣть также и въ томъ глубоко справедливомъ распредѣленіи участковъ между домохозяевами, при чемъ и мало-мощный, и самый сильный получаютъ по жеребью участки трехъ качествъ пропорционально экономической и податной силѣ.

Усвоенные разумомъ сельской общины-типъ приемы, для опредѣленія податной силы, податного бремени и распредѣленія послѣдняго между членами, даютъ совершенную увѣренность въ прочности и устойчивости податныхъ основаній. Въ этихъ основаніяхъ глубоко коренится идея подоходности — экономической подсилности въ составныхъ частяхъ цѣлага тѣла.

Окладная или мірская душа есть не что другое, какъ единица подоходности цѣлой общины; эта единица опредѣляется на срокъ не менѣе продолжительный, чѣмъ ревизскій, а потому и можетъ всегда быть положенною въ основаніи государственной, земской и волостной раскладки.

Изъ всѣхъ единицъ обложенія, практикующихся нынѣ, государствомъ—*душа*, земствомъ—*десятина*, и общиной—*домохозяйство*, послѣдняя устойчивѣе, цѣлостнѣе, опредѣлительнѣе и цѣлесообразнѣе двухъ первыхъ по одному тому уже соображенію, что мертвыя и младенческія души, прибавляясь ежедневно, считаются милліонами, мертвыя десятины образуютъ цѣлыя области, а мертвыя (пустовыя) домохозяйства тоже можно считать, но только вѣками. Души, нарождаясь и умирая, долго бременятъ общину и государство, десятины всегда въ своемъ числѣ неизмѣнны, а домохозяйство было, есть и будетъ продуктомъ экономической жизни человѣка-хозяина не только въ сельскомъ крестьянскомъ мірѣ, но и во всѣхъ другихъ состояніяхъ.

Экономическія доли, подъ названіемъ окладныхъ или мірскихъ

душъ, опредѣляющихъ экономическую силу домохозяйствъ, должны быть положены въ основаніе всякихъ обложеній, ибо эти души ничего общаго, кромѣ названія, не имѣютъ съ отгѣненной въ принципѣ подушною податью. Эти души составляютъ продуктъ народнаго хозяйства, предметъ торговли, подчиняясь условіямъ колебанія въ цѣнахъ и законамъ предложенія и спроса, о чемъ представлено нами точное изслѣдованіе, подъ названіемъ «Душа въ народномъ хозяйствѣ». ¹

Раскладки всякаго рода по прямымъ обложеніямъ должны быть только *пообщинными*; основаніями же по-общинной раскладки для уѣзда, губерніи, округа и т. п. должны служить не однѣ только рабочія силы и не однѣ только десятины, а также и домохозяйства—словомъ, тѣ основанія, которыя приняты народомъ въ своихъ обложеніяхъ и раскладахъ.

Нужно думать, что смыслъ народный дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ не проста и не случайно. Отнесемтесь же съ довѣріемъ къ его простому смыслу.

Не разумъ ли это столь же простой окружающей его природы?

В. Трироговъ.

---

¹ «Отеч. Зап.» февраль 1879.

VANITAS

(на мотивъ изъ Лонгфелло).

Къ тебѣ, мой духъ, взываю я!
Пусть просвѣтлѣетъ мысль твоя,
Чтобъ увидать —
Какъ жизнь подобна мрачнымъ снамъ
Какъ тихо смерть подходитъ къ намъ,
Тааясь, какъ тать;

Какъ быстро радости скользятъ,
Какими ранами болятъ
Сердца людей;
Какъ счастье, искрой огневой,
На мигъ мелькаетъ въ тѣмѣ ночной
И гаснетъ въ ней...

Природа! ты насъ создала,
Ты на мгновеніе дала
Намъ бытіе:
О, еслибъ жизнь мы не кляли
И вправду жизнью могли
Назвать её!

Она рождается въ скорбяхъ,
Проходитъ въ мукахъ и слезахъ,
Тревогъ полна;
И только болѣе заботъ
Тому, кто долѣе живетъ,
Даетъ она...

За тѣмъ, чтобы, придя къ концу,
 Со смертью ставъ лицомъ къ лицу,
   Въ ночной тиши,
 Припомнилъ больше горя онъ,
 Чтобъ глубже былъ предсмертный стонъ
   Его души;

Чтобъ видѣть, что предъ вѣчной тьмой
 Весь трепеть жизни — сонъ пустой,
   Одна мечта;
 Чтобъ, испустивъ послѣдній вздохъ,
 Съ тоской связать онъ въ сердца мѡгъ:
   «Все—суета!..»

Д. Михалевскій.

FINIS MONREPO.

Разуваевъ предсталъ передо мной радостный, румяный, свѣтлый. Онъ увѣренно протянулъ мнѣ руку, держа ее ладонью вверхъ.

— Ну, баринъ, по рукамъ! воскликнулъ онъ, повидимому, не питая ни малѣйшаго сомнѣнiя, что именно эти самыя слова ему сказать надлежитъ.

— По какому случаю?

— Да такъ ужь, хлопай! въ накладъ не будешь! хорошее слово услышишь!

— Покуда что услышу, а до тѣхъ поръ лучше было бы, кабы вы безцеремонность-то посократили.

Разуваевъ взглянулъ на меня, слегка подбоченился и грустно покачалъ головой.

— Ахъ, баринъ вы, баринъ! Погляжу я на васъ, на баръ, все-то вы артачитесь!

И затѣмъ, вынувъ изъ кармана большой и туго набитый бумажникъ, присовокупилъ:

— Вотъ!

Приводя эту сцену, я отнюдь не преувеличиваю. Въ послѣднее время, русское общество выдѣлило изъ себя нѣчто на манеръ буржуазiи, то есть, новый культурный слой, состоящiй изъ кабатчиковъ, процентщиковъ, желѣзнодорожниковъ, банковыхъ дѣльцовъ и прочихъ казнокрадовъ и мирѣйдовъ. Въ короткiй срокъ, эта праздношатающаяся тля успѣла опутать всѣ наши палестины; въ каждомъ углу, она сосетъ, точить, разоряетъ и, вдобавокъ, нахальничаетъ. Въ большихъ центрахъ, она теряется въ массѣ прочихъ праздношатающихся и потому не слишкомъ бьетъ въ глаза, но въ малыхъ городахъ и въ особенности въ деревняхъ, она положительно подла и невыносима. Это — ублюденнiе крѣпостного права, выбивающiеся изъ всѣхъ силъ, чтобы возстановить оное въ свою пользу, въ формѣ менѣе разбойнической, но несомнѣнно болѣе воровской.

*

Помѣщикъ, еще недавній и полновластный обладатель сихъ мѣстъ, исчезъ почти совершенно. Онъ захужалъ, струсилъ и потому или бѣжалъ, или сидитъ, спрятавшись, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ сейчасъ побѣжить. Мужикъ ничего отъ него не ждетъ, буржуа міроѣдъ смотритъ такъ, что только что не говоритъ: а вотъ я тебя сейчасъ слопаю; даже попъ — и тотъ не идетъ къ нему славить по праздникамъ, ни о чемъ не докучаетъ, а при встрѣчахъ впадаетъ въ учительный тонъ.

Оставшись съ ключами земли, которые самъ облюбовалъ при составленіи уставныхъ грамотъ и не безъ грѣха утнулъ отъ крестьянскихъ надѣловъ, помѣщикъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, какъ ихъ сберечь. Видитъ самъ, что онъ къ дѣлу не приготавливаетъ, на выдумки не гораздъ, да притомъ и лѣнивъ, и что, слѣдовательно, что бы онъ ни предпринималъ, ничего у него не выйдетъ. Между тѣмъ, надо жить. И жить не власть имѣющимъ, не привилегированнымъ, а зауряднымъ партикулярнымъ человѣкомъ. И прежде былъ онъ не гораздъ и не ретивъ, но прежде у него былъ подъ руками «вѣрный человѣкъ», который и распоряжался, и присматривалъ за него, а ему только денежки на столъ выкладывалъ: пей, ѣшь и веселись! Увы! скоро исполнится двадцать лѣтъ, какъ «вѣрнаго человѣка» и слѣдъ простылъ. Нѣтъ вѣрныхъ людей! пропалъ, изворовался вѣрный человѣкъ! вопіютъ во всѣхъ концахъ разсѣянные остатки стариннаго барства, и вопіютъ не напрасно, ибо каждому изъ нихъ предстоитъ ухитить разрушающееся гнѣздо, да и въ домашнемъ обиходѣ дворянскій обычай соблюсти, то есть, имѣть чай, сахаръ, водку, табакъ. На все это потребенъ рубль, рубль и рубль, а откуда его добыть тому, кто «вѣрнаго человѣка» лишился, и не успѣлъ проникнуть ни въ земство, ни въ мировыя учрежденія?

А «вѣрный человѣкъ» притаялся тутъ же подъ бокомъ, и обростаеъ да обростаеъ себѣ полегоньку. Помѣщикъ, Сидоръ Кондратьичъ Прогорѣловъ, нѣкогда звалъ его Егоркой, потомъ сталъ звать Егоромъ Ивановымъ, потомъ—Егоромъ Ивановымъ, а теперь уже и прямо произносить полный титулъ: Егоръ Ивановичъ господинъ Груздѣвъ. Егорка прижалъ въ свое время у Сидора Кондратьича нѣсколько сотенъ рублей; Егоръ Ивановъ—опуталъ ими деревню; Егоръ Ивановичъ — съѣзжалъ въ городъ, узнавалъ, гдѣ раки зимуютъ, и открылъ кабакъ, а при ономъ и лавку, въ качествѣ подспорья къ кабаку; а господинъ Груздѣвъ ужъ о томъ мечтаетъ, какъ бы ему «банку» устроить и въ конецъ родную палестину слопать. Тщетно Сидоръ Кондратьичъ изъ глубины взволнованной души вопіетъ: давно-ли Егорка при

мнѣ въ пражвостахъ состоялъ!—на эти вопли Егорка совершенно резонно ему возражаетъ: одни это съ вашей стороны, Сидоръ Кондратьичъ, нестойщія слова!

Однакожь, и Егорка выступаетъ на арену дѣятельности не Богъ знаетъ съ какимъ запасомъ. И онъ не гораздъ и невѣжественъ, и онъ ретивъ только галдѣть, да зубы заговаривать. Но у него есть готовность кровопивствовать—и это значительно помогаетъ ему. Готовность эту онъ выработалъ еще въ то время, когда въ «подломъ видѣ» состоялъ, но тогда онъ употреблялъ ее за счетъ своего патрона и за это-то именно и получилъ титулъ «вѣрнаго человѣка». Теперь, онъ пользуется ею ужъ «гла себя» и пользуется, разумѣется, шире, рискованнѣе. Но, сверхъ того, у него есть и еще подспорье: онъ совсѣмъ не думаетъ о томъ, чтѣ ожидаетъ его впереди. Можетъ быть, изъ него выйдетъ *юстодинъ* Груздѣвъ, а можетъ быть, онъ угодитъ въ острогъ. Разумѣется, лучше сдѣлаться *юсподиномъ* Груздѣвымъ, но, съ другой стороны, и въ Сибири люди живутъ. Не выгорѣло — только и всего; а чтобы совѣстно было, или больно — ни капельки! Понятно, что, заручившись двумя столь драгоценными качествами, онъ всякую мышъ, всякую букашку, въ травѣ ползущую—все видитъ.

И вотъ, наконецъ, свершилось. Миновавши чудеснымъ образомъ каторгу, Егорка откуда-то добываетъ себѣ питый мундиръ и окончательно дѣлается Егоромъ Иванычемъ господиномъ Груздѣвымъ. Онъ пьетъ кровь уже въявь и въ то же время сознаетъ себя «столпомъ». Все кругомъ «подражаетъ» ему, заискиваетъ, льститъ. Уѣздныя власти заѣзжаютъ къ нему и по пути, и безъ пути, пьютъ въ его домѣ, закусываютъ, и въ случаѣ административныхъ затрудненій, прибѣгаютъ къ его помощи. Кто купить недомыщицый скотъ? — Егоръ Иванычъ. Къ кому обратиться съ приглашеніемъ о пожертвованіи? — къ Егору Иванычу. А глядя на властей, и помельче сошка чувствуетъ, какъ раскипается у ней сердце усердіемъ къ Егору Иванычу. Батюшка обѣдина не начинается до пріѣзда его въ храмъ; волостной старшина, совмѣстно съ писаремъ, контракты для него сочиняютъ, коими закрѣпляютъ въ пользу его степенства всю волость; а сотскіе и десятскіе всѣ глаза проглядѣли, не покажется ли гдѣ Егоръ Иванычъ, чтобы броситься впереди и разгонять на пути его чернядь.

Видя такое общее «подражаніе», Егорка начинаетъ больше и больше входить въ азартъ. Онъ уже не разъ видѣлъ себя въ мечтахъ перебравшимся въ Петербургъ и отгуда дѣлающимъ экскурсіи «гла дебаширства» въ Парижъ, Ниццу, Баденъ-Баденъ

и проч.; но покуда это—еще идеаль болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Покамѣстъ, ему и дома жить хорошо. Только вотъ Сидоръ Кондратьичъ словно бѣльмо на глазу у него торчить. Струсилъ онъ, захужалъ, а все таки помнить, что Егорка въ прахвостахъ у него состоялъ. Да и гнѣздо у него такое насижено, какъ будто бы именно тутъ, а не въ иномъ мѣстѣ «господину» быть надлежитъ. Знаетъ Егорка, что все это, въ сущности, пустяки, что не въ предавіяхъ прошлаго сила — и все-таки выпатятся: какъ ни какъ, а надо Сидора Кондратьича изъ здѣшняго мѣста выкурить, надо гнѣздомъ его завладѣть. Ибо тогда и только тогда онъ воистину *господинъ* Груздѣвъ будетъ.

Сказано—сдѣлано. Предпринимается цѣлый рядъ подвоховъ. Еще будучи въ «подломъ видѣ», Егорка-вѣрный человѣкъ до тонкости вызналъ Сидора Кондратьича и очень хорошо понимаетъ, на какой струнѣ надлежитъ играть, чтобъ заставить его лѣзть на стѣну, или ввергнуть въ уныніе. И вотъ, не проходить и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ бывшій властитель сихъ мѣстъ видитъ себя лишеннымъ огня и воды и дѣлается притчей во языцѣхъ. Рабочіе къ нему не идутъ: поля у него не родятъ, коровы его не доятъ, овцы чихаютъ... дуррракъ! Даже чернядь, которая специально рождена для того, чтобы слезы лить, и та весело гогочетъ, слушая анекдоты объ Егоркиныхъ подвохахъ и Прогорѣловскомъ простодушіи. А ежели не донимаютъ простые подвохи, то пускаются въ ходъ подвохи сложные, какъ-то: доносы, нашептыванья, раздаются слова: книжки читаетъ, народъ смущаетъ, соблазнъ заводитъ. Долго не вѣритъ Сидоръ Кондратьичъ ушамъ и глазамъ своимъ, но, наконецъ, убѣждается, что надо бѣжать, бѣжать безъ оглядки, сейчасъ...

Я не утверждаю, разумѣется, что все написанное выше составляетъ общее правило. Есть и тутъ исключенія, но ихъ такъ мало и они такъ своеобразны, что большинству, состоящему изъ простыхъ смертныхъ, трудно и мечтать о томъ, чтобъ попасть въ ряды счастливцевъ. Вотъ эти исключенія. Во-первыхъ, дѣятели земскихъ и мировыхъ учреждений, потому что они сами всегда могутъ притѣснить; во-вторыхъ, землевладѣльцы изъ числа крупныхъ петербургскихъ чиновниковъ, потому что они могутъ содѣйствовать Груздѣвскимъ предпріятіямъ и, сверхъ того, служить украшеніемъ Груздѣвскихъ семейныхъ торжествъ, какъ-то: крестинъ, свадебъ и проч.; въ-третьихъ, землевладѣльцы изъ ряду вонъ богатые, считающіе за собой земли десятками тысячъ десятинъ, которые покуда еще игнорируютъ Груздѣвыхъ и отсылаютъ ихъ для объясненій въ конторы; и въ-четвертыхъ,

землеуладѣльцы не особенно вліятельные, но обладающіе атлетическимъ тѣлосложеніемъ и способные произвести ручную работу. Вотъ единственныя лица, предъ которыми новоявленный русскій буржуа до поры до времени не нахальствуетъ.

Повторяю: это совсѣмъ не тотъ буржуа, которому удалось неслыханнымъ трудолюбіемъ и пристальнымъ изученіемъ профессіи (хотя и не безъ участія кровопивства) завоевать себѣ положеніе въ обществѣ; это—просто праздный, невѣжественный и притомъ лѣнивѣйшій забулдыга, которому, благодаря слѣпой случайности, удалось уйти отъ каторги и затѣмъ слопать вишачія вокругъ него массы «рохлей», «ротозѣевъ» и «дураковъ».

Хотя Разуваевъ еще мелко плавалъ, но уже былъ, такъ сказать, на линіи Груздѣвыхъ. По крайней мѣрѣ, идея грабежа была уже вполне имъ усвоена. Я зналъ его очень давно, еще въ то время, когда онъ состоялъ дворовымъ человѣкомъ моего сосѣда по прежнему имѣнію, корнета Отлетаева. Тогда, Анатошка Разуваевъ, молодой и красивый парень, пользовался довѣріемъ корнетши Отлетаевой; а камеристка послѣдней, Аннушка, тоже молодая и красивая дѣвица, пользовалась таковымъ же довѣріемъ со стороны самого корнета. Года два или три эти люди жили вполне безмятежно, довольные собой, какъ вдругъ эмансипація все это счастье перевернула вверхъ дномъ. И Анатошкѣ, и Аннушкѣ тотчасъ же и на отрѣзъ отъказались отъ наперсничества, хотя корнетъ и корнетша доказывали, что имѣютъ право и еще въ теченіи двухъ лѣтъ пользоваться ихъ услугами. Дѣло не обошлось безъ формальнаго разбирательства, но по тогдашнему либеральному времени кончилось тѣмъ, что возмущившимся «хамамъ» выданы были увольнительныя свидѣтельства. Немедленно послѣ этого, молодая чета вступила въ законный бракъ, а затѣмъ и навсегда исчезла изъ родныхъ палестинъ. И вотъ, спустя пятнадцать лѣтъ, я вновь встрѣтился съ ними, и встрѣтился, какъ чужой, потому что Разуваевъ ни словомъ, ни движеніемъ не выдалъ, что когда-то зналъ меня.

Какъ бы то ни было, но въ эту минуту нахальство Разуваева какъ то непріятно на меня подѣйствовало. Къ сожалѣнію, ежели я способенъ понимать (а стало быть и оправдывать) извѣстныя жизненныя явленія, то не всегда имѣю достаточно выдержки, чтобы относиться къ нимъ объективно, когда они становятся ко мнѣ лицомъ къ лицу. Поэтому, я, вмѣсто отвѣта, указавъ Разуваеву на дверь, и онъ былъ такъ любезенъ, что сейчасъ же послѣдовалъ моему молчаливому приглашенію.

Но тутъ-то именно и начались для меня глупѣйшія испытанія. Вечеромъ того же дня, явился Лукьянычъ и, вмѣсто того,

чтобы, по обычаю, повздыхать да помолчать, вступилъ въ собесѣдованіе.

— Разуваева-то вы давеча прогнали?

— Я его къ себѣ не приглашалъ, а стало быть и отъ себя не прогонялъ. А такъ какъ онъ ворвался ко мнѣ нахаломъ, то, разумѣется, я...

— Про то я и говорю, что прогнали.

Лукьянычъ помолчалъ съ минуту, потомъ крякнулъ, переступилъ съ ноги на ногу и какъ-то особенно пошевелилъ плечами. Значить, будетъ продолженіе.

— А онъ къ вамъ за дѣломъ прїѣзжалъ.

— Да, показывалъ бумажникъ; вотъ за это-то я и указалъ ему на дверь.

— Угору онъ у васъ купить охотится—оттого и бумажникъ показывалъ. Чтобъ, значить, сумлѣнія вы не имѣли.

— А коли дѣло хочеть дѣлать, такъ долженъ говорить по человѣчъему, а не махать бумажникомъ у меня передъ глазами.

— Такъ-то оно такъ.

Опять минута молчанія и опять переступаніе съ ноги на ногу.

— Не хорошо въ здѣшнемъ мѣстѣ, не складно.

— Что такъ?

— Народу настоящаго нѣтъ. Мелкій народъ, гадѣнокъ. Глаза бѣлые, лопочуть по своему, не разберешь. Нѣ ему приказанье отдать, нѣ отъ него резонъ выслушать... право!

— Такъ вѣдь это не со вчерашняго дня.

— То-то говорю: не хорошо здѣсь. Сидишь, молчишь — того гляди, и остатній умъ промолчишь.

— Да ты сказывай прямо: съ Разуваевымъ что ли разговаривалъ?

— А хотъ бы и съ Разуваевымъ... Разуваевъ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ.

— Ну, хорошо; продать такъ продать. А куда потомъ дѣться? надо же гдѣ-нибудь помирать?

— Я въ свое мѣсто уйду, къ Успенью-Матушкѣ.

— А я куда уйду?

— Неужто-жь мѣстовъ не найдется!

— То-то вотъ и есть, что нынче нигдѣ притаиться нельзя. Только-что затворишься—смотришь, анъ кто-нибудь и заглянулъ.

— Кабы вы меня слушали, этого бы не было. Говорилъ я тогда: не нужно мужикамъ Свѣтлички отдавать—пѣть, отдали. А пустошочка-то кака! кругленькая, веселенькая, двадцать десятинокъ—въ самую могуту! И лѣсокъ березовый по ней, грибовъ сколько, все бѣлые. Все село туда за грибами ходить. Вы-

строили бы тамъ домѣкъ, въ препорцію, какъ захотѣли, такъ и жили бы.

— Да ты къ чему это говоришь? уйти что ли отъ меня хочешь?

— Уйти мнѣ отъ васъ никакъ не возможно. Я покойному вашему папенькѣ образъ снималъ, чтобъ быть, значить, завсегда при васъ. А только я по мужицкому своему разуму говорю: не хорошо здѣсь.

— Стало быть, продать?

— Эго какъ вамъ будетъ угодно.

— И опять искать?

— И опять съискать можно. Только ужъ надо съ умомъ. Чтобъ Разуваевыхъ, значить, не было. Воиъ онъ и теперь свнщеть да гамить по ночамъ, а лѣтомъ, пожалуй, и вѣсье въ трубу трубить будетъ... По прежнему, по старинному, въ шею бы ему за это накласть, а нынче вишь не дозволено.

— Чудакъ! да вѣдь и тамъ, и во всякомъ мѣстѣ свой Разуваевъ найдется!

— На что такое мѣсто выбирать? Надо такое избрать, чтобъ ни кѣмъ никого, oprичъ своихъ. Живемъ, значить, одни, ни мы никого не замаемъ, ни насъ никто не замай. Вотъ какое мѣсто искать нужно.

— Ну, прощай покуда.

— Спокойной ночи-съ.

Всю ночь я не могъ заснуть. Все мнѣ представлялся вопросъ: въ самомъ дѣлѣ, что я буду дѣлать, если Разуваеву вздумается по ночамъ въ трубу трубить? Да и не одному Разуваеву, а вообще всякому. Должно быть, ужъ это судьба такая: на счетъ чтеніевъ строго, а въ трубу трубить у сосѣда подъ ухомъ—можно. Весь арсеналъ воздѣйствій, кажется, во всякое время на лицо: и ежовыя рукавицы, и бараній рогъ, и значныя мѣста — а кому они служатъ защитой? Хорошо еще, что не всѣ знаютъ, что озорничать свободно — иначе всѣ, у кого мало-мальски досугъ есть, непременно затрубили бы въ трубы. Какъ тутъ быть? неужто приносить жалобы, подавать прошенія, нанимать адвоката, ходатайствовать? неужто, наконецъ, бѣжать?

И на другой день утромъ голова моя была полна этими мыслями. Уныло бродилъ я по комнатамъ и отъ времени до времени посматривалъ въ окно, словно желая удостовѣриться: все ли стоитъ на старомъ мѣстѣ и не бѣжало ли къ Разуваеву? Мартъ подходилъ ужъ къ концу; время стояло хмурое, хотя въ воздухѣ все-таки чулась близость весны. Деревья въ паркѣ стояли обнаженныя, мокрыя; на цвѣтникѣ, передъ домомъ, снѣгъ пооснѣлъ и, весь источенный, долеживалъ послѣдній срокъ; до-

рожки, по мѣстамъ, пестрѣли желтыми пятнами; нѣсколько поодаль, на огородѣ видѣлись совсѣмъ черныя грады, а около парниковъ шла усиленная дѣятельность. За зиму, рабочій людъ отдохнулъ и приготовлялся къ серьезному труду. Вотъ и я за зиму отдохнулъ, и приготовляюсь продолжать отдыхать и лѣтомъ. Какой отдыхъ пріятнѣе, зимній или лѣтній?—оба въ своемъ родѣ хороши! Зимой хорошо отдыхать, переходя въ туфляхъ изъ комнаты въ комнату; лѣтомъ хорошо отдыхать, бродя по аллеямъ и внимая пѣнію забликовъ и чижей. Но ежели все сложилось такъ хорошо—зачѣмъ же я буду уступать это хорошее какому-то Разуваеву? И какое право онъ имѣетъ прямо или косвенно заявлять, что я кому-то мѣшаю, и что вообще я здѣсь не ко двору?

Среди этихъ сѣтованій, явился давно не бывалый гость: батюшка. На вопросъ: чѣмъ подчивать? онъ только горько усмѣхнулся, какъ бы вопрошая: а какіе теперъ дни? забылъ?

— Не полагается?

— То-то, что не полагается. И изъ мірянъ благочестивые—и тѣ ни вина, ни елея не дерзаютъ.

Мы оба нѣсколько минутъ помолчали, слегка удрученные.

— Былъ я у васъ на мельницѣ, началъ батюшка:— полезное заведеньеце!

— Выгоды мало приносить, батюшка.

— И выгода будетъ, ежели къ рукамъ. Коли помольцевъ мало, самимъ по осени, въ дешевое время, зерно можно скупать, а весной, въ дорогое время, мукой продавать—убытка не будетъ. Вотъ тоже огородъ у васъ. Мѣсто обширное, сколько одной общины насадить можно, окромя ягодъ и всего прочаго!

— И сажаемъ, батюшка, да тоже безъ особенной выгоды. Сами, должно быть, потребляемъ, а на сторону мало продаемъ.

— И на сторону можно бы продавать, коли съ разумніемъ. Возьмемъ хоть бы ягоды: земляника, малина, сморода—на все покупщикъ найдется.

— Кабы былъ покупщикъ—отчего бы не продать!

— Искать, сударь, надо—и найдется. Толците и отверзется. По здѣшнему мѣсту да покупщика не сыскать! Да тутъ на одномъ огурцѣ фортуна сдѣлать можно.

Однакожь, воспоминаніе объ овощахъ (особливо ежели съ елеемъ), повидимому, подѣйствовало на батюшку раздражительно. Онъ слегка поперхнулся, провелъ рукою по волосамъ, какъ бы отгоняя «мечтаніе», потомъ вздохнулъ и перешелъ къ злакамъ.

— Вотъ, тоже луга у васъ. Мѣсто здѣсь потное, доброе, только ума требуетъ. А вы сѣте-сѣте, и все у васъ кислица, замѣсто тимоеевки, родится.

— Такъ, стало быть, Богу угодно, батюшка.

— Знаю, что безъ Бога нельзя. Прогнѣвлять его не слѣдуетъ—вотъ что главнѣе всего. А затѣмъ, и самому необходимо заботу прилагать, дабы Богъ на наши благополезные труды благосерднымъ окомъ взиралъ. Вотъ тогда будетъ родиться не кислица, а тимоееева трава.

— Чтожь, батюшка, кажется, я ничего такого не дѣлаю, за что бы Богу гнѣваться на меня.

— То-то и есть, что «не дѣлать»-то мы всѣ мастера, а нужно «дѣлать», да только такъ «дѣлать», чтобъ Богу пріятно было. Тогда у насъ будетъ кормовъ изобиліе: и сами будемъ сыты, и скотины не изобидимъ. Скажемъ, напримѣръ, о картофелѣ. Платанціи вы завели значительныя, картофелю прошлой осенью нарыли достаточно, а, между прочимъ, добрую половину свиньямъ скормили. Свиньи же, по неимѣнію борова, плода не принесли.

Послѣднее замѣчаніе поразило меня. Въ самомъ дѣлѣ, меня преслѣдуетъ неудача особаго рода. На скотномъ дворѣ у меня, мужской полъ положительно не въ авантажѣ. Третій годъ, напримѣръ, мы ищемъ селезня для утокъ, и что ни купимъ—опять окажется утка. И вотъ, вслѣдствіе этого преобладанія женскаго элемента надъ мужскимъ, куры не несутся, коровы доятъ мало и телатся не ежегодно. А одна корова такъ положительно добродѣтельная. Въ теченіи четырехъ лѣтъ всего одинъ разъ телилась, да и то самымъ необыкновеннымъ образомъ. Никто ничего не подозрѣвалъ, а она, между тѣмъ, однажды не пришла вечеромъ со стадомъ домой, а на утро, только солнышко встало, слышимъ: мычить, умница, у воротъ, а за нею теленочекъ. Радостямъ и изумленіямъ не было конца. «Вотъ умница! вотъ красавица! и гдѣ это она? и когда это она?» сыпалось на нее со всѣхъ сторонъ, и всякій слѣшилъ чѣмъ-нибудь порадовать умную коровку. Радовался и я и подарилъ Умницѣ «Домашнюю Бесѣду» за цѣлый годъ. Но съ тѣхъ поръ «Умница» ни гугу. Покушаетъ, ляжетъ, взглянетъ на небо, зажмуритъ глаза—и только. Не разъ я спрашивалъ у Лукьяныча, что за причина такая? Но у него всегда одинъ отвѣтъ: либо «стало быть, пѣтухи свою дѣла не понимаютъ», либо «стало быть, быкъ не солодцъ попался». Прекрасно; но кто же долженъ за этимъ наблюдать?!

Разумѣется, въ виду этихъ фактовъ, я ничего дѣльнаго на укоризны батюшки возразить не могъ.

— Опять же лѣсъ, продолжалъ между тѣмъ батюшка:—съ тѣхъ поръ, какъ имѣніе къ вамъ перешло, онъ даже въ ростѣ прибавляться пересталъ. Мужики въ немъ жерднякъ рубятъ, бабы—вѣнники рѣжутъ. А ежели бы этотъ самый лѣсъ да въ надежныя руки—онъ бы процентъ принесъ!

Я молчалъ, потому что сознавалъ бабушкину правду, какъ она ни была для меня обидна. А бабушка все больше и больше хмурилъ брови и началъ даже разживаться.

— Куры не несутся, говорилъ онъ негодующимъ голосомъ:— коровы молока не даютъ, поля не родятъ, мельница издержекъ не окупаетъ, лѣсъ надлежащаго прироста не даетъ—по вашему, какъ это называется?

Я такъ и ждалъ, что онъ вынетъ изъ кармана листокъ «Московскихъ Вѣдомостей» и закричитъ: измѣна!

— А по моему, продолжалъ онъ:—это и для правительства прямой ущербъ. Правительство источниковъ новыхъ не видитъ, а стало быть и въ обложеніяхъ препоны находить. Въ случаѣ, напримѣръ, войны—какъ тутъ быть? А окромѣ того, и мѣстность здѣшняя терпитъ. Сколькимъ сирымъ и немущимъ было бы существованіе обезпечено, еслибъ съ вашей стороны приличное направленіе сельско-хозяйственной дѣятельности было дано! А вѣдь и по христіанству, сударь, грѣшно сирыхъ не призирать.

Бабушка опять-таки былъ правъ; но такъ какъ онъ рассердился, то, по закону возмездія, счелъ нужнымъ рассердиться и я.

— Ну-ну, батя! сказалъ я:—увѣщевать отчего не увѣщевать, да не до седьмого пота! Куры яицъ не несутъ, а онъ правительство приплелъ... ишь вѣдь! Вонъ я намѣднись въ газетахъ читалъ: такой же батя, какъ и вы, опасеніе выражалъ, дабы добрыя сѣмена не были хищными птицами позобаны. Хоть я и не приравниваю себя къ «добрымъ сѣменамъ» — гдѣ ужъ! — а сдается, будто вы съ Разуваевымъ съобать меня собрались.

— Что вы! Христось съ вами! смягчился бабушка:—я вѣдь для вашей же пользы! Вижу, что ни въ чемъ благопоспѣшенія нѣтъ, думаю: кому же, какъ не пастырю, о семъ предстательствовать!

— Нѣтъ, вы лучше прямо скажите: Разуваевъ васъ ко мнѣ подослалъ?

Бабушка слегка крякнулъ и ужъ совсѣмъ было сконфузился, но сейчасъ же, впрочемъ, оправился.

— А хоть бы и Разуваевъ? отчего же бы и отъ него препорученія не принять, ежели изъ того обобщая польза произойти должна? Въ сихъ случаяхъ, пастырю даже въ обязанность вмѣняется...

— Позвольте, да развѣ я въ газетахъ публиковалъ или кому сказывалъ, что дачу продаю?

— Объ этомъ, конечно, не слыжалъ, а только для всѣхъ видимо. Призору настоящаго нѣтъ, предпріятій тоже не видитъ.

ся — вотъ и сдается, словно бы дѣло къ недалекому концу приближается.

— Вы такъ полагаете?

— Вмѣстѣ съ прочими и я. Нерѣдко мы съ попадѣей про васъ поминаемъ: совсѣмъ не такъ господинъ устроился, какъ ему надлежитъ! Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, сударь, вамъ за экой угодой самимъ вездѣ усмотрѣть!

— А какъ бы, по вашему, мнѣ устроиться надлежало?

— Да такъ думается: десятинки двѣ-три не больше. Дмичекъ небольшой, садикъ при немъ, аллея для прохладности... чисто, аккуратно! А изъ живности: курочекъ съ пятокъ... ну, коровка, чтобъ молочко свое было.

— За этимъ, значить, я буду въ состояніи усмотрѣть?

— Гдѣ сами присмотрите, а гдѣ и Лукьянычъ поможетъ. Женщину тоже хорошую подыскать можно, чтобъ за курами да за коровой ходила.

Именно это самое говорил мнѣ вчера Лукьянычъ. Да я и самъ—развѣ я, въ сущности, когда-нибудь мечталъ о другомъ! Пять курочекъ и одна коровка—вотъ все, что мнѣ нужно, все, съ чѣмъ я могу справиться! Да и это нужно совсѣмъ не для того, что оно въ самомъ дѣлѣ «нужно», а только для того, чтобъ около дома не было ужъ черезъ чуръ безмолвно, чтобы что-нибудь по близости мычало, кудахтало. Взялъ бы я въ товарищи Лукьяныча и скотницу Матрену, слушалъ бы, какъ они, съ утра прикончивъ съ дѣлами, взапуски зѣваютъ и чешутся спинами объ дверные косяки. И мнѣ было бы хорошо, и всѣмъ было бы хорошо. Правительство находило бы новые источники, а Разуваевъ призиравъ бы сырыхъ и немущихъ, предоставляя имъ пахать землю, полоть гряды въ огородѣ и проч. Тѣмъ не менѣе, я не рѣшился въ эту минуту сознаться передъ батюшкой, что онъ отгадалъ мои тайныя помышленія.

— Благодарю за предикъ, сказалъ я:—но откровенно сознаюсь, что таковыя бываютъ пріятны лишь во благовременіи. Такъ и Разуваеву передайте.

На этотъ разъ, батюшка взаправду огорчился и даже слегка побѣлѣлъ въ лицѣ. Онъ послѣдно засучилъ рукава своей раски, взглянулъ шлѣпу и сталъ искать глазами образа.

— Образокъ-то маленький! сказалъ онъ:—сразу и не отыщешь!

Онъ прозвнесъ это съ улыбкой, что, впрочемъ, не мѣшало мнѣ прочесть на его лицѣ: «МАТЕРІАЛЫ!! Правительство новыхъ источниковъ дохода не предоставляетъ—первое; пастырей духовныхъ не чтить и совѣтами ихъ небрежетъ—второе».

— Говѣть-то будете? спросилъ онъ уже совсѣмъ умиленнымъ голосомъ.

— Я, батюшка, въ городѣ...

Онъ радушно пожалъ мнѣ руку на прощанье, но увѣренію моему вѣры не далъ, и на лицѣ его я прочиталъ новый «матеріаль»: «утверждаетъ якобы говѣлъ въ городѣ, но наврядъ ли—третье».

Распростившись съ батюшкой, я вышелъ изъ дому и направился въ огородъ. Тамъ, около парниковъ, сидѣлъ садовникъ Артемій, порядочно навеселѣ, и ропталъ.

— Какой это навозъ? вопіялъ онъ:—развѣ на такомъ навозѣ можетъ настоящая обобщъ вырасти?

Съ этими словами, онъ нагнулся, зачерпнулъ изъ парника рукой и поднесъ горсть къ самому моему лицу.

— Вотъ, сударь, извольте смотрѣть!

И затѣмъ, не выжидая моего отвѣта, продолжалъ:

— Навозъ для парниковъ долженъ быть конскій, чистый... одно чтобы кало! А у насъ какъ? Я говорю: давай мнѣ навозу чистаго, чтобы, значить, все одно какъ печь, а Лукьянычъ: ступай въ свиной хлѣвъ, тамъ про тебя много припасено! Развѣ такъ возможно... ахъ-ахъ-ахъ!

— Ну, старикъ, какъ-нибудь...

— Позвольте вамъ, господинъ, доложить: и васъ за эти самыя слова похвалить нельзя. Потому, я—садовникъ, и всякій, значить, беретъ это въ разсужденіе. Теперича, вы, напримѣръ, усадьбу свою продавать вздумали... хорошо! Приходитъ, значить, покупатель, и первымъ дѣломъ: садовникъ! кажи парники! Что я ему покажу? А почему, скажете, въ парникахъ у тебя ничего не растетъ? А?

Но я уже шелъ дальше, на скотный, и только слышалъ, какъ въ догонку мнѣ укоризненно раздавалось:

— Я выпилъ... это дѣйствительно! да вѣдь не на ваши, а на свои... ахъ, господинъ, господинъ!

На скотномъ меня ждала радость: «Умница» опять отелилась.

— Телочку принесла... пестренькую! радовалась старуха Матрена, но вдругъ словно спохватилась, вздохнула и прибавила:— а по настоящему, лучше, кабы бычка принесла!

— Отчего такъ?

— Все равно рѣзать велите; бычка не такъ бы жалко.

— Почему же ты думаешь, что я рѣзать велю?

— Такъ неужто-жь Разуваеву отдавать? будетъ съ него, толстомасаго, и старыхъ коровъ. Вонъ и Машка поросется собралась—стало быть, и поросять для Разуваева беречи будете?

Рѣшительно, даже кругомъ меня, и въ дождь, и во дворъ, все въ заговорѣ. Положимъ, это не злостный заговоръ, а, напротивъ,

унылый, жалѣющій, но все-таки заговоръ. Никто въ меня не вѣритъ, никто отъ меня ничего солиднаго не ждетъ. Вотъ Разуваевъ—другое дѣло! Эгооть подтянетъ! Онъ свиной навозъ въ конскій обратить! онъ заставитъ коровъ донты! онъ такого пѣтуха предоставитъ, что куры только ахнутъ!

Всѣ боятся Разуваева, никто не любитъ его, и въ тоже время всѣ сознаютъ, что Разуваева имъ не миновать. Вотъ ужъ полгода, какъ рабочіе мои предчувствуютъ это, и въ моихъ глазахъ самымъ заискивающимъ образомъ снимаютъ шапки передъ нимъ.

Продолжая мою экскурсію, прихожу къ сѣнному сараю; тамъ работники: первый Иванъ, да другой Иванъ прошлогоднее сѣно перебиваютъ, и для чего-то съ одной стороны на другую его перетаскиваютъ.

— Чтѣ это вамъ вдумалось?

— Оедотъ Лукьянычъ велѣлъ.

— Зачѣмъ?

— У насъ спереди-то съ гнильцой сѣно лежало, а сзади зеленое, вѣдреное; а теперь похуже-то сѣно къ стѣнѣ переложимъ, а хорошее будетъ впереди.

— Сами себя, стало быть, тѣшить хотите?

— Нѣтъ, а на случай, ежели примѣрно покупатель...

Я прекращаю разговоръ и спрашиваю: гдѣ Лукьянычъ?

— Съ Андреемъ за рѣку въ лѣсъ пошелъ.

— Зачѣмъ же Андрея взялъ?

— У насъ въ прошломъ году за рѣкой норубочка была, такъ хворостку пошли на это мѣсто покидать, чтобъ покупателю, значить...

Я поворачиваюсь и быстро заканчиваю свой осмотръ. Неужто же я въ самомъ дѣлѣ продаю? спрашиваю я себя. Ежели продаю, то какимъ же образомъ я какъ будто не сознаю этого? ежели же не продаю, такъ вѣдь это просто раззоренье: никто никакой работы не дѣлаетъ, а всѣ только дыры замазываютъ да приготавливаются кому-то показать товаръ лицомъ.

— Станулись что ли вы съ Разуваевымъ? накинулся я на Лукьяныча, какъ только увидѣлъ его.

— Зачѣмъ съ Разуваевымъ! Свѣтъ не клиномъ сошелся; можетъ, и окромя покупатель същется!

Онъ высказалъ это съ такою невозмутимой увѣренностью, что мнѣ ничего другого не оставалось, какъ замолчать.

Разумѣется, молчать—самое лучшее. Но какъ молчать, когда будни со всѣхъ сторонъ такъ и вливаются въ васъ? какъ молчать, ежели комнаты нетоплены, ежели вы ежечасно рискуете остаться въ положеніи человѣка, выброшеннаго на необитаемый

островъ, ежели самыя обыкновенныя жизненныя удобства ежеминутно грозятъ сдѣлаться для васъ недоступными?

Я знаю, что мой личный казусъ ничтоженъ, но развѣ я одинъ? Развѣ такія руины, какъ я, не считаются тысячами, десятками тысячъ? руины, жалобно вымирающія по своимъ угламъ? руины, питающіяся крупницами, остающимися отъ трапезы мірѣдвѣвъ? руины, ежеминутно готовыя превратиться въ червонныхъ ваетовъ?

Предположите, что я представляю собой типъ старокультурнаго человѣка средняго пошиба, не обладающаго сильными материальными средствами, но и не совсѣмъ обдѣленнаго. Человѣка, помнащаго крѣпостное право съ его привольями, человѣка, смолоду выработавшаго себѣ потребность извѣстныхъ удобствъ, человѣка, ни къ какому дѣлу не приготовленнаго (ибо и дѣла въ то время не предвидѣлось), и, что важнѣе всего, человѣка, совершенно неспособнаго къ физическому труду. Сей человѣкъ ни въ чемъ не можетъ лично помочь себѣ; онъ не можетъ сдѣлать шагу въ жизни безъ того, чтобы не потребовать чьей-нибудь услуги. Для него одного нужно нѣсколько человѣкъ, которые постоянно заботились бы о томъ, чтобы онъ былъ накормленъ, одѣтъ, обутъ, не задохся отъ собственныхъ мiazмовъ, не заоченѣлъ отъ холода. Чтобы связать эти постороннія существованія съ своимъ, онъ долженъ имѣть наготовѣ приманку, то есть деньги, и эти деньги, въ большинствѣ случаевъ, опять-таки добыть при помощи постороннихъ людей. Но развѣ эти люди, которыхъ онъ заманиваетъ деньгою, не понимаютъ, что они существуютъ не для себя? развѣ есть возможность устроить такой миражъ, который заставлялъ бы ихъ думать, что, соблюдая мою выгоду, коля и покоя меня, они не мою выгоду соблюдаютъ, а свою, не меня покоятъ и колятъ, а себя?

Даже при крѣпостномъ правѣ такого миража нельзя было устроить, а теперь уже стало и совсѣмъ ясно, что только нужда можетъ заставить посторонняго человѣка принять участіе въ колѣніи другого человѣка, хотя бы и «барина». А ежели нужда, то, стало быть, надлежитъ удовлетворять ей вотъ до этой черты и ни на волосъ больше. И вотъ, затѣвается борьба, или, лучше сказать, какая-то безтолковая игра въ прятки, въ неохоту, въ нехотѣніе. Допустимъ, что подневольный человѣкъ въ этой борьбѣ ничего не выиграетъ, что онъ все-таки и впредь останется прежнимъ подневольнымъ человѣкомъ, но вѣдь онъ и безъ того никогда ничего не выигрываетъ, и безъ того онъ осужденъ «слезы лить» — стало-быть, какой же ему, все-таки, резонъ усердствовать и потрафлять. А культурный человѣкъ проигрываетъ положительно.

Не говоря уже о материальных ущербахъ, чего стоятъ нравственныя страданія, причиняемыя вѣчно-присущимъ страхомъ безпомощности?

Сапоги не чищены, комнаты не топлены, обѣдъ не готовленъ — вотъ случайности, среди которыхъ живетъ культурный обитатель Монрепо. Случайности унижительныя и глупыя, но для человѣка, не могущаго ни въ чемъ себѣ помочь, очень и очень чувствительныя. И что всего мучительнѣе — это сознаніе, что только, благодаря тому, что подневольный человѣкъ еще не вполне уяснилъ себѣ идею своего превосходства, случайности эти не повторяются ежедневно.

Затѣмъ, какъ человѣкъ, возлежавшій на лонѣ крѣпостного права и питавшійся его благостынями, я помню, что у меня были «права», и притомъ въ такихъ безграничныхъ размѣрахъ, въ какихъ никогда самая свободная страна въ мірѣ не можетъ надѣлать излюбленнѣйшихъ дѣтей своихъ. Ибо что можетъ быть существеннѣе, въ смыслѣ экономическомъ, права распоряжаться трудомъ посторонняго человѣка, распоряжаться легко, безъ преднамѣренныхъ подвоховъ, просто: пойдн и сработай то-то! Или что можетъ быть дѣйствительнѣе, въ смыслѣ политическомъ, какъ право распоряжаться судьбой посторонняго человѣка, право по усмотрѣнію воздѣйствовать на его физическую и нравственную личность? Насколько подобныя «права» нравственны или безнравственны — это вопросъ особый, который я охотно разрѣшаю въ отрицательномъ смыслѣ, но несомнѣнно, что права существовали и что ими пользовались. Вопросы о нравственности или безнравственности извѣстнаго жизненнаго строя суть вопросы высшаго порядка, которые и натурамъ свойственны высшимъ. Только абсолютно чистыя и высоконравственныя личности могли, въ пылу «пользованія», волноваться такими вопросами и разрѣшать ихъ радикально. Средній же культурный человѣкъ, даже въ томъ случаѣ, ежели чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ, считалъ дѣло удовлетворительно разрѣшеннымъ, если ему удавалось въ свои отношенія къ подневольнымъ людямъ ввести такъ-называемый патріархальный элементъ и за это заслужить кличку «добраго барина». Онъ никогда не былъ героемъ и ясно понималъ только одно, что за предѣлами крѣпостного права его ожидаетъ неумѣлость и безпомощность. И потому старался отвѣчать на запросы совѣсти не прямыми разрѣшеніями, а лукавыми поддѣлками. Поддѣлки эти отнюдь не обѣляли его, а скорѣе обнаруживали безхарактерность и слабость; но даже и за эту безхарактерность онъ держался цѣпко, какъ за что-то оправдывающее, или, по малой мѣрѣ, смягчающее. И съ этою же безхарактерностью остался и теперь,

когда на практикѣ увидѣлъ свою безпомощность, неумѣлость и сиротливость.

Мнѣ скажутъ, что это типъ вымирающій—это правда, но увы! онъ еще не вымеръ. И еще скажутъ, что это типъ не симпатичный—и это правда, но и это не мѣшаетъ ему существовать. При томъ же, онъ далъ отпрыскъ. Я надѣюсь, что этотъ отпрыскъ будетъ нѣсколько иного характера, но покуда онъ еще не настолько опредѣлился, чтобы заключать объ его пригодности къ жизни въ тѣхъ хищническихъ формахъ, въ какихъ она сложилась въ послѣднее время. Мнѣ кажется даже, что то характеристическое условіе, которое мы привыкли связывать съ представленіемъ о культурности, то есть отсутствіе возможности обойтись безъ посторонней услуги, существуетъ и для отпрыска въ той же силѣ, какъ и для стараго, отживающаго дерева.

Не знаю, какъ кому, а на мой взглядъ, ежели, по обстоятельству, нѣтъ другого выбора, какъ или быть «рохлей», или быть «кровопивцемъ», то я все-таки роль «рохли» нахожу болѣе приличною.

Какъ культурный человѣкъ средняго пошиба, я мирно доживаю свой вѣкъ въ деревнѣ. Я выбралъ деревню, во-первыхъ, потому, что городская жизнь для меня не сподручна, во-вторыхъ, потому, что я имѣю привязанность къ «своему мѣсту», и, въ-третьихъ, потому, что я имѣю наклонность къ унынію, и нигдѣ такъ полно не могу удовлетворить этой потребности, какъ въ деревнѣ. Затѣмъ, какъ человѣкъ старокультурный, я никому не нуженъ и даже ни для кого не понятенъ. Я не имѣю достаточно денегъ, чтобы призирать сирыхъ и немощныхъ, и тѣмъ мѣнѣе, чтобы веселить сердца Осьмушниковыхъ и Колупаевыхъ, забирая у нихъ на внижку водку и колониальный товаръ. Я не имѣю достаточно знаній, чтобы подѣлиться ими и выказать свое превосходство и полезность. Наконецъ, я говорю совсѣмъ другимъ языкомъ и, вдобавокъ, оказался даже недостойнымъ принять участіе въ земскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ. Все это ставитъ меня въ совершенную невозможность что-нибудь предпринять и въ какомъ бы то ни было смыслѣ играть дѣятельную роль. И я, дѣйствительно, не только не «дѣйствую», а просто-на-просто сижу и ничего не дѣлаю. Имѣю ли я право на это?

Въ глазахъ закона, а это право имѣю. Я знаю, что было бы очень некрасиво, еслибъ вдругъ всѣ стали ничего не дѣлать, но такъ какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что существуютъ на свѣтѣ такіе неусыпающіе черви, которымъ никакъ нельзя «ничего не дѣлать», то я и позволяю себѣ маленькую льготу: съ утра до ночи отдыхаю одѣтымъ, а съ ночи до утра отдыхаю въ

одномъ нижнемъ бѣльѣ. Повидимому, и закону все это отлично извѣстно, потому что и онъ съ меня за мое отдыханіе никакого взыска не полагаетъ.

Оказывается, однакожь, что и ничегонедѣланіе представляетъ своего рода угрозу. «Ничего-то не дѣлать всѣ мы мастера, говоритъ батюшка:—а надобно дѣлать, и притомъ такъ, чтобы Богу было пріятно». И при этомъ, умиленнымъ гласомъ вопрошаетъ: а говѣть будете? Ахъ, батюшка, батюшка! да каже мнѣ быть, если я иначе жить не умѣю, ежели съ пеленокъ все говорило мнѣ о ничегонедѣланіи, ежели это единственный грузъ, которымъ я успѣлъ запасть въ жизни и съ которымъ добрелъ до старости? И не сами ли вы, батюшка, при ерѣиостномъ правѣ возглашали: рабы, господамъ повинуйтесь и послужите имъ въ веселіи сердца вашего? Да, наконецъ, съ которыхъ же поръ нищіе духомъ, ротозѣи, рохли, простофили, дураки начали стоять на счету враговъ отечества?

А Граціановъ такъ даже положительно подозрѣваетъ, что если я «ничего не дѣлаю», то это значить, что я фрондирую. Или въ переводѣ на русскій языкъ: фордыбачу, артачусь, фыркаю, хорохорюсь, пѣтушусь, кажу кукишъ въ карманѣ (вотъ какое богатство синонимовъ!). И все это, какъ истинно лукавый и опасный человѣкъ, дѣлаю «промежду себя». Допустимъ, однакожь, что это такъ. Допустимъ, что я дѣйствительно «недоволенъ» и съ своей личной точки зрѣнія, и съ болѣе общей, философской. Допустимъ, что я, возлежа на одрѣ, читаю Кабѣ, Маркса, Прудона и даже—*horribile dictu!*—такую заразу, какъ «Впередъ» или «Набатъ». Но развѣ быть недовольнымъ «промежду себя» воспрещено? Развѣ гдѣ-нибудь написано: вмѣняется въ обязанность быть во что бы ни стало довольнымъ? Наконецъ, развѣ погибнуть государство, общество, религія отъ того, что я... кажу кукишъ въ карманѣ?

Граціановъ думаетъ, что погибнуть, а вслѣдъ за нимъ также думаютъ: Осъмушниковъ, Колупаевъ, Разуваевъ. Всѣ они, вмѣстѣ взятые, не понимаютъ, что значать слова: государство, общество, религія, но трепетать готовы. И вотъ они бродятъ около меня, киваютъ на меня головами, шепчутся, и только что не въ глаза мнѣ говорятъ: уйди!

Да, трудно себѣ представить, какая существуетъ масса людей средняго пошиба, людей, ничѣмъ не прославившихся, но и ни въ чемъ не проштрафившихся, которымъ жить тошно. Къ прирожденной безпомощности, неумѣлости и сиротливости, въ послѣднее время присоединились еще намѣки и поживанія. Можно ли представить себѣ существованіе менѣе защищенное? Конечно.

*

можно, скажутъ мнѣ и укажутъ на мужика. Но, по моему мнѣнію, мужикъ уже до того не защищенъ, что тутъ самая незащищенность почти равняется защищенности. А вѣдь культурному чело-вѣку сьизмлада говорили: ты — краса вселенной, ты — соль земли! — и вдругъ является какой-нибудь уроженецъ ретираднаго мѣста и безъ околичностей говорить: уйди... сочувствователь!

«Сочувствователь» — это новое модное слово, которое стремится затмить «нигилистовъ», и которое исключительно имѣеть въ виду людей культуры. Вмѣсто обвиненія въ фактъ, является обвиненіе въ сочувствіи — и дешево и сердито. Обвиненіе въ фактъ можно опровергнуть, но какъ опровергнуть обвиненіе въ «сочувствіи»? Желаніе понять и выяснить извѣстное явленіе — сочувствіе ли это? попытка обсудить явленіе въ ряду условій, среди которыхъ оно народилось — сочувствіе ли это? Да, выискиваются люди, которые утверждаютъ во всеуслышаніе, что все это — сочувствіе. Кто же эти люди? — это граждане ретирадныхъ мѣсть, которые, благодаря смутѣ, вышли изъ первобытнаго заключенія, и всѣ, пропитанные вонью его, стремятся заразить ею вселенную. Это люди, которымъ необходимо поддерживать смуту и питать пламя чело-вѣконенавистничества, ибо они знаютъ, что не будь смуты, умолвни непавість — и имъ вновь придется сдѣлаться гражданами ретирадныхъ мѣсть.

Я очень хорошо понимаю, что волна жизни должна идти мимо вымирающихъ людей старокультурнаго закала. Я знаю, что жизнь сосредоточивается теперь въ окрестностяхъ питейнаго дома, въ области объегориванья, среди Осъмушниковыхъ, Колупаевыхъ и прочихъ столповъ; я знаю, что на нихъ покоятся всѣ упованія, что съ ними дружить все, что не хочетъ знать иной почвы, кромѣ непосредственно-дѣловой. Я знаю все это и не протестую. Я недостойнъ жить и умираю. Но я еще не умеръ — какъ же съ этимъ быть?

Есть у меня одна претензія: безъ утѣсенія прожить послѣдніе дни. Конечно, я не могу въ точности опредѣлить, сколько осталось этихъ дней счетовъ, но меужто-жь нельзя имѣть сколько-нибудь терпѣнія? И что же! оказывается, что даже для осуществленія этой скромнѣйшей претензіи необходима «протекція». Я долженъ припоминать старинныя связи, долженъ утруждать на-поминаемъ о своемъ забытомъ существованіи, долженъ обращаться къ просвѣщенному содѣйствію. Конечно, въ этомъ содѣйствіи мнѣ не будетъ отказаю, и въ концѣ-концовъ я получу-таки право безнаказанно «артачиться» и «показывать вукишъ въ карманѣ», но, ради Бога, развѣ нельзя отъ одной мысли объ этой предварительной процедурѣ сойти съ ума?

Свѣтлая недѣля прошла на селѣ очень весело. Много было пѣсенъ, довольно и дракъ. Колупаевъ, Осьмушниковъ и Прокофьевъ давно такъ бойко не торговали; батюшка ходилъ по избаамъ, поздравлялъ хозяевъ съ праздникомъ и собиралъ крутыя яйца; даже въ мое уединеніе доносились клики ликованія, хотя, по случаю праздниковъ, Монрепо было пустыньѣ, нежели въ обыкновенные дни. Вся прислуга точно съ цѣпи сорвалась; появлялась въ домъ лишь на минуту, словно для того только, чтобы узнать, живъ ли я, и затѣмъ вновь бѣжала бѣгомъ на село принять участіе въ общемъ веселіи. Даже Лукьяныча я никакъ не могъ дозваться, хотя и слышалъ, что гдѣ-то недалеко кто-то звываетъ; потомъ оказалось, что и онъ, по своему, соблюдалъ праздничный обрядъ, то есть сидѣлъ, пока свѣтло, за воротами на лавкѣ и смотрѣлъ, какъ пьяные, проходившіе мимо усадьбы, теряли равновѣсіе, падали и барахтались въ грязи посередь дороги.

Всѣ сельскіе нотабли посѣтили меня, пили водку, ѣли ветчину и крутыя яйца. И, какъ мнѣ показалось, съ какимъ-то напряженнымъ любопытствомъ вглядывались въ обстановку моего дома, точно старались запомнить, гдѣ что стоитъ. Колупаевъ даже провелъ рукой по обоямъ залы и сказалъ:

- Обои-то, кажется, новенькіе поставили собирались?
- Сбирался.
- И купили, сударь?
- Купилъ.
- Такъ-съ. Въ сохранности, стало быть, лежать?
- Лежать.

Однимъ словомъ, повидимому, начали уже подозрѣвать, не замышляю ли я, чего добраго, что-нибудь утаить или въ другое мѣсто по тихоньку перевезти.

Въ началѣ недѣли, Граціанова не было дома: онъ ѣздилъ въ городъ христосоваться съ полицейскимъ управленіемъ. Въ серединѣ недѣли, однакожь, вернулся и привезъ свѣжія политическія новости. Новости эти, впрочемъ, заключались единственно въ томъ, что отнынь никому ужъ спуска не будетъ (помнится, однакожь, что и послѣ новогодней поѣздки онъ эту же новость привезъ). Баловства этого чтобъ ни-ни! Особливо, ежели кто книжки читаетъ или не прилично званію себя ведетъ — сейчасъ въ кутузку и... фюнты! Въ концѣ недѣли посѣтилъ и меня, и при этомъ выказалъ такой величественный видъ, что я даже удивился, какъ это онъ меня удостоилъ.

— Откровенно вамъ скажу, началъ онъ послѣ обычныхъ пасхальныхъ привѣтствій: — очень меня моя нынѣшняя поѣздка въ городъ порадовала!

— Награду получили?

— Насчетъ награды, исправниѣ поцѣловалъ—только и всего. А главное: наконецъ-то за умъ взялись!

— Новенькое что-нибудь?

— Да-съ; теперь, доложу вамъ, спуску не будетъ! И нашему брату прйходится ухо остро держать, а что касается до иныхъ прочихъ...

— Ну, слава Богу!

Повидимому, однакожь, онъ не ожидалъ съ моей стороны такого восклицанія. По крайней мѣрѣ, онъ взглянулъ на меня и чуть замѣтно ухмыльнулся.

— Что вы улыбаетесь? полюбобытствовалъ я.

— Да такъ, знаете... А впрочемъ...

— То-то «впрочемъ»! А я вамъ на это скажу: иногда мы ищемъ, думаемъ оснине гнѣздо обрѣсти, а вмѣсто того обрѣтаемъ сокровище! Имѣйте это въ виду.

— Превосходно-съ!

Мы оба на минуту замолчали, и, кажется, оба мысленно восклицали: однако!

— Вы, я слышалъ, имѣніе-то продавать хотите? началъ онъ вновь.

— И я со стороны слышалъ объ этомъ, но самъ ничего не знаю.

— Отчего бы и не продать?

— А отчего бы продать?

— Выгоды для васъ держать въ здѣшнемъ мѣстѣ имѣніе нѣтъ—вотъ чтѣ. Сами вы занимаетесь мало, Лукьянычъ—старъ. На вашемъ мѣстѣ, я совсѣмъ бы не такъ поступилъ.

— А какъ, напримѣръ?

— Да купилъ бы рожицу десятинки въ двѣ, въ три, выстроилъ бы домичекъ, садикъ бы развелъ, коровку, курочекъ съ пятокъ... Все передъ глазами—любезное дѣло!

— Представьте себѣ, что ужъ цѣлый мѣсяцъ я эти совѣты выслушиваю.

— А, по моему, благіе совѣты всегда выслушать пріятно. Да-съ. Пора господамъ-дворянамъ за умъ взяться, давно пора! А все гордость путаетъ: мы, дескать, интеллигенція—а гдѣ ужъ!

— Однако, вы и резонерствомъ заниматься стали?

— Нельзя; всѣмъ заниматься приходится, наша должность такая. Вотъ въ «Вѣдомостяхъ» справедливо пишутъ: вся наша интеллигенція — фальшь одна, а настоящій-то государственный смыслъ въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду обрѣтается. Тамъ, дескать, съ основанія Россіи нечищено, такъ сколько одной благомадеж-

ности накопились! Разумѣется, не буквально такъ выражаются, своими словами я пересказываю.

— Вѣрно, что своими словами.

— Такъ вотъ и дѣльнѣе бы было, въ виду этого, себя ограничивать. Собственности-то подѣ силу, значить, выбирать, да и вообще... Ну, скажите на милость: можете ли вы за всей этой машиной усмотрѣть?

— Да я и не претендую на это.

— А найдись ловкій человекъ—тотъ усмотритъ. Надѣ тѣмъ и мужики не подумаютъ озоровать. Это чтобы луга травить или дѣсь рубить—сохрани Богъ!

— Кто же этотъ «ловкій»? Разуваевъ что-ли?

— А хоть бы и Разуваевъ.

— Надоѣлъ онъ мнѣ—вотъ что!

— Первымъ дѣломъ, устроилъ бы онъ въ здѣшнемъ паркѣ гулянье, а между прочимъ, вотъ тамъ на уголку торговлю бы прокладительными напитками открылъ...

— Да, хорошо это... Гм... такъ вы думаете, что отнынѣ спуска ужъ не будетъ?

— Да-съ, не дадутъ-съ! подтянуть-съ!

— Слава Богу! а то совсѣмъ-было распустили!

— Теперь — конецъ!

— Всему вѣнецъ! Да! такъ вы, кажется, объ Разуваевѣ начали что-то говорить?

— Просилъ онъ узнать, не примите ли вы его?

— Былъ вѣдь онъ у меня... И такой страшный: вынулъ изъ кармана бумажникъ и началъ передъ глазами махать имъ. А впрочемъ, день на день не приходится. Я вообще трудно рѣшарсь, все думаю: можетъ, и еще Богъ грѣхамъ потерпитъ! И вдругъ выдаться часъ: возьми все и отстань!

— Значить, такъ ему и сказать?

— Да, пусть придетъ. Такъ и скажите: вѣрнаго, молъ, еще вѣтъ, а на то похоже!

— А какъ бы для васъ-то было хорошо!

Наконецъ, Граціановъ ушелъ, я же, по обыкновенію, началъ терзать себя размышленіями. «Умникъ» я или «неумникъ?» спрашивалъ я себя. Самолюбіе говорило: умникъ; скромность

и чувство самосохраненія подсказывали: нѣтъ, не умникъ. А что, ежели въ самомъ дѣлѣ умникъ? — вѣдь здѣсь не токмо рѣка, а и море, пожалуй, не далеко! Долго ли «умника» утопить?

Какая, однакожь, странная эта московская топительная программа! Какъ понимать ее? Кто будетъ разсортировывать умниковъ отъ неумниковъ, первыхъ ставить ошуйю, а вторыхъ — одесную. Вотъ, я думаю, одесную-то видимо-невидимо наберется! Нагадять, насмердять — не продѣхнешь!

Въ прежнія времена, процедура разсортировки умниковъ отъ неумниковъ происходила очень просто. Явится, бывало, кто-нибудь изъ лицъ, на заставахъ команду имѣющихъ, выстроитъ всѣхъ въ одну шеренгу и кликнетъ: зачинщики (по книжшнему «умники»), впередъ! Сейчасъ-это выйдутъ впередъ зачинщики, каждый получить, что ему по расчисленію полагается — и правъ. Всякій знаетъ, что, получивъ надлежащее, онъ спокойно можетъ смѣшаться съ массою заурядныхъ-смертныхъ, и что до слѣдующаго раза его тревожить не будутъ; въ слѣдующіѣ же разъ, можетъ быть, и совсѣмъ Богъ помилуетъ. Нынче, съ упраздненіемъ заставъ, распорядиться такимъ образомъ нѣкому. Нѣкому выкликать кличъ, нѣкому дѣлать расчисленія, нѣкому воздавать надлежащее; стало быть, поневолѣ разсортировка «умниковъ» и неумниковъ должна быть предоставлена молодцамъ изъ Охотнаго ряда, а гдѣ такового не имѣется — Осьмушниковымъ, Колупаевымъ, Разуваевымъ и молодцамъ, на персяхъ у нихъ возлежащимъ. Какой же возможенъ для нихъ критеріумъ для расцѣпки! Критеріумъ тотъ одинъ: кто въ книжку читаетъ, кто чисто ходитъ, въ кабаки не заглядываетъ (но къ Дону), походя не сквернословитъ (но потихоньку и по-французски), кто не навлаживаетъ, не наяриваетъ — тотъ и «умникъ». Но вѣдь и московскіе сочинители топительныхъ программъ тоже и въ книжку читаютъ, и даже перомъ балуютъ — стало быть, и они «умники»? Или, быть можетъ, они только полоумники?

И еще: не много говорилъ Граціановъ, да много сказалъ. Ишь вѣдь: «ведетъ себя не свойственно званію» — какъ это понимать? Напримѣръ, хоть бы я. Земли я лично не пашу, ремесломъ какимъ не занимаюсь, просто сижу и совсѣмъ ничего не дѣлаю —

кажется, что это званію моему не несвойственно? А между тѣмъ, несомнѣнно, что, говоря свои жестокиа слова, онъ имѣлъ въ виду именно меня. Ужь не унылость ли моя ввела его въ заблужденіе? Имѣеть, дескать, постоянно унылый видъ и этимъ другихъ нетолько отъ дѣла, но даже отъ пищи отбиваетъ... Господи помилуй! Да послѣ того, какъ меня «обидѣли», какой же видъ болѣе приличествуетъ моему званію, какъ не унылый! Меня «обижаютъ», а я буду суетиться, предлагать услуги и ликовать... ни за что! На зло буду слезы лить — гляди!.. Однако, и это вещь поправимая, если умненько со мной поступить. Я унылъ, но могу и паки возвеселиться. Куплю гитару и «Самонувѣйшій пѣсенникъ», и когда Колупаевъ, въ сопровожденіи подносчиковъ и иныхъ кабацкихъ чиновъ придутъ топить меня, яко «умника», я предъявлю ему вещественныа доказательства и возглашу: я совсѣмъ не «умникъ», но такой же курицынъ сынъ, какъ и вы всѣ! И при этомъ, пожалуй, такое еще слово вымолвлю, что они шапки передо мной снимутъ! Что нужно, чтобы произвести во мнѣ подобное превращеніе?—нужно очень немногое: приказать. Прикажете унылый видъ прекратить—и я прегращу.

Вообще, я не понимаю, изъ чего Граціановъ тревожить себя и хлопочетъ. вмѣсто того, чтобы гнѣваться, полемизировать, ссылаться на свидѣтельство гражданъ ретиранныхъ мѣсть и даже «подъ рукой» скрежетать зубами, объявилъ бы прямо: веселися, храбрый Россъ!—давнымъ бы давно я трепака отхватывалъ. Да и этого не надо, совсѣмъ ничего не надо. Просто надлежитъ оставить меня въ жертву унылости—только и всего. Ибо повторяю: ежели бы и въ самомъ дѣлѣ унылостью моею я хотѣлъ намекнуть, что «хорохорюсь», «важу кукишъ въ карманѣ»—эка важность! Кажу такъ кажу, хорохорюсь такъ хорохорюсь—пуцай!

Изъ всего вышечисаннаго всякій можетъ заключить, что я и самъ не весьма отличнаго объ себѣ мнѣнія. Ибо что же можетъ быть менѣ лестно: человекъ «артачится», «фордыбачить», а его не токмо за это не бьютъ, но даже и вниманія никакого на это не обращаютъ? Однакожь, и тутъ загвоздка есть. Говорятъ, будто бы это «не отличное мнѣніе» касается не столько самого меня, сколько тѣхъ тенетъ, въ которыхъ я отъ рожденія путаюсь. Вотъ — молъ какая тутъ затаенная мысль. Но ежели это и такъ—эка важность! Были бы тенета, а тамъ, какъ я объ нихъ «промежду себя», полагаю — это потомъ какъ-нибудь на досугѣ разберется. А покуда: веселися, храбрый Россъ!—и шабашъ.

До меня даже такіе слухи доходятъ, будто бы Граціановъ но-

чей изъ-за меня не спить. Говорятъ, будто онъ такъ выражается: кабы у меня въ стану все такіе «граждане» жили, какъ Колупаевъ да Разуваевъ—я былъ бы поперёкъ себя толще, а то вотъ принесла нелегкая эту «заразу»... И при послѣднихъ словахъ будто бы заводитъ глаза въ сторону Монрепо...

А я, признаюсь, на его мѣстѣ все бы спалъ. Спалъ бы да тучнѣлъ, да во снѣ отъ времени до времени бредилъ: веселился, храбрый Россъ! И достаточно.

Самъ себя человѣкъ изнуряетъ, самъ развращаетъ свою фантазію до того, что она начинаетъ творить неизглаголаемыя, самъ сны на яву видить—да еще жалобы приносить! Ахъ ты... Вотъ и сказалъ бы, кто ты таковъ, и нужно бы сказать, а боюсь—какихъ еще доказательствъ нужно для безпрепятственности снамя!

Ничтожный я! ничтожный! ничтожный! Ваше благородіе! господинъ Граціановъ! какъ вы полагаете, легко ли съ такимъ эпитетомъ на свѣтѣ жить?

«Ничтожный»—это подлежащее. А сказуемое—фюиты! Связки—не полагается. Вѣдь вотъ онъ, мой синтаксисъ-то, каковъ! А ваше благородіе еще почивать не изволите! Изволите говорить: зараза! Ахъ-ахъ-ахъ!

Нѣтъ, лучше бѣжать. Но вопросъ: куда бѣжать? Желалъ бы я быть «птичкой вольной», какъ говоритъ Катерина въ «Грозѣ» у Островскаго, да вѣдь Граціановъ, того гляди, и канарейку слопаеть! А кромѣ какъ «птички вольной», у меня и воображенія не хватаетъ, кѣмъ бы другимъ быть пожелать. Ежели конемъ степнымъ, такъ Граціановъ заарканить и начнетъ подъ верхъ муштровать. Ежели буй-туромъ, такъ Граціановъ будетъ для бифштековъ воспитывать. Но, что всего замѣчательнѣе, животнымъ еще все-таки вообразить себя можно, но человѣкомъ—никогда!

Человѣкъ—это общипанный пѣтухъ. Такъ гласить анекдотъ объ человѣкѣ Платона, и этотъ анекдотъ, возведенный въ идеаль, преподавъ, яко руководство, и въ наши дни.

Но бѣжать все таки надо. Какая бы метаморфоза ни приключилась, во что бы ни обратиться, хоть въ червя ползущаго, все-таки надо бѣжать. Двѣ три десятинки, коровка, пять курочекъ—всѣ въ одинъ голосъ такъ говорятъ! Мнѣ—двѣ десятинки, Осмушниковымъ и Разуваевымъ—вселенная! Такова внутренняя политика. Ежели старые столбы подгнили, надо искать новыхъ столбовъ. Да вѣдь новыя-то столбы и вовсе гнилыя... ахъ, господинъ Граціановъ!

Не малодушіе ли это, однакожь, съ моей стороны, не преувеличеніе ли? Вѣдь жилъ же я до сихъ поръ:—живъ емъ и жива

душа моя!—вѣроятно, ежели и впредь буду жить—и впредь никто меня не съѣсть. Допустимъ, что все это такъ. Но, во-первыхъ, развѣ такъ живутъ люди, какъ я до сихъ поръ жилъ? А во-вторыхъ, какой горькій искусь нужно вынести на своихъ плечахъ, чтобы дойти до подобнаго малодушія, до подобныхъ преувеличеній. Вѣдь и малодушіе не по произволу является, но сходственно съ обстоятельствами дѣла. Легко указывать на челоуѣка и восклицать: вотъ рабъ лукавый! — но что же ему дѣлать, если у него, кромѣ лукавства, услады иной въ жизни нѣтъ?

Чуть ли ни съ Кантемира начиная, мы только и дѣлаемъ, что жалуемся на «дурныя привычки». Распущенность, разнузданность, равнодушіе, лѣнность, малодушіе, лукавство, лицемеріе, лганье—вотъ каковъ багажъ. Конечно, обладающее подобными привычками общество едва ли можетъ чѣмъ-либо заявить себя со стороны производительности, а скорѣе обязывается жить со дня на день, пугливо озираясь по сторонамъ. Но для того, чтобы дурныя привычки исчезли, надобно прежде всего, чтобы они сдѣлались невыгодны. Рамки такія нужны, въ которыхъ даже невзначай не представилось бы повода для проявленія этихъ привычекъ. А гдѣ эти рамки взять?

Обратить строгое вниманіе на выборъ подчиненныхъ — отлично. Строжайше соблюдать законъ—превосходно. Не менѣе строго соблюдать экономію—лучше придумать нельзя. Судя по всему, все это такъ и будетъ. И вотъ, когда это случится, тогда и я утрачу дурную привычку преувеличивать. А до тѣхъ поръ, я радъ бы да не могу.

Впрочемъ, я однажды ужъ оговорился, что мой личный казусъ ничтоженъ. Повторяю это и теперь. Что я такое — «пхѣ»! Одно только утѣшительно: вѣдь и всѣ остальные—пхѣ, всѣ до одинаго. Но какое страшное утѣшеніе!

Разуваевъ явился ко мнѣ на другой день и на этотъ разъ былъ удивительно милъ. Расчесалъ кудри, тщательно вымылся, надѣлъ новый сюртукъ и штаны на выпускъ. Вообще, повидному, понялъ, что пришелъ не въ харчевню. Даже про старинное наше знакомство помянулъ и съ благодарностью отозвался при этомъ объ корнетшѣ Отлетаевой.

— Кабы онъ въ тѣ поры не зачинали суда, а честью попросили, свазалъ онъ: — я, можетъ, и по сейчасъ бы вѣрный слуга для нихъ былъ.

— Ну, гдѣ ужъ! усомнился я.

— Вѣрное слово, вашескородіе, говорю; даже и теперича всегда помню, что я ихній рабъ состоялъ.

— Что уж о старых дѣлахъ вспоминать, лучше объ нынѣшнихъ потолкуемъ. Торгуете?

— И нынче дѣла нельзя похвалить, надо правду сказать. Народъ нынче очень уж оплошалъ, такъ, значить, только случая опускать не слѣдуетъ.

— Частенько таки я въ послѣднее время такія слова слышу, но, признаюсь, удивляюсь. По моему, ежели народъ оплошалъ, да еще вы случаевъ упускать не будете — вѣдь этакъ онъ, чего добраго, и вѣсье оплошаетъ. Откуда вы тогда барышни-то свои выбирать надѣетесь?

— Ахъ вашескорodie! іѣнъ доста-а-ниты!

Онъ сказалъ это съ такой невозмутимой увѣренностью, что мнѣ невольно пришло на мысль: что же такое, однакожъ, намъ въ дѣтствѣ твердили объ курицѣ, несшей золотыя яйца? Какъ извѣстно, владѣлецъ этой курицы, наскучивъ получать по одному яйцу въ день и желая заразы воспользоваться всѣми будущими яйцами, зарѣзалъ курицу, но, разумѣется, не только обманулся въ своихъ мечтаніяхъ, но утратилъ и прежній скромный доходъ. Легенда эта (въ смыслѣ результата) всегда казалась мнѣ достойною вѣроятія, и я вполне искренно думалъ, что человекъ, зарѣзавшій драгоцѣнную курицу, былъ глупый человекъ и совершенно правильно за свою глупость пострадалъ.

И вотъ, теперь Разуваевъ объявляетъ прямо, что все это вздоръ. Судя по его словамъ, курица не перестаетъ нести золотыя яйца, даже если она съѣдена. Это какая-то вѣчная, дважды волшебная курица, которую ничто нейметъ, ничто доканать не можетъ. Это — курица-мнѣ, курица безсмыслица, но въ то же время курица, подлинное существованіе которой можетъ подтвердить такой несомнѣнный экспертъ куриныхъ дѣлъ, какъ Разуваевъ. И мнѣ кажется, что наши экономисты и финансисты недостаточно оцѣниваютъ этотъ фактъ, ибо, въ противномъ случаѣ, они не разглагольствовали бы ни о сокровищахъ, въ нѣдрахъ земли скрывающихся, ни о сокровищахъ, издаваемыхъ экспедиціей заготовленія бумаги, а просто-на-просто объявили бы: ежели въ одномъ карманѣ пусто, въ другомъ ничего, то распори курицѣ брюхо, выпотроши, свари, съѣшь, и пускай она продолжаетъ нести золотыя яйца по прежнему. И она будетъ нестись — въ этомъ порукою Разуваевъ.

«Іѣнъ доста-а-ниты!» Просто, глупо и, между тѣмъ, изумительно глубоко. Эту фразу слѣдовало бы золотыми буквами начертать на всѣхъ пантеонахъ, ибо, въ сущности, на ней одной издревле всѣ экономисты и финансисты висятъ:

— Однако, вы, какъ я вижу, и финансисты! похвалилъ я.

— Я-то-съ? помилуйте, вашескородіе! такъ маленько мерёкаемъ ¹, а чтобы настоящимъ манеромъ произойти — такого разума отъ Бога еще не удостоены-съ.

— Ахъ, Анатолій Иванычъ, Анатолій Иванычъ! да вѣдь и всѣ мы, голубчикъ, только мерёкаемъ!

— Нѣтъ-съ, вашескородіе, слыхалъ я, что бывають и настоящіе по этой части ходаки. Прожженные, значить. Взглянетъ—и сразу все нутро высмотритъ.

— Это только такъ издали кажется, мой почтенный, что онъ нутро видитъ, а въ дѣйствительности, онъ тоже самое усматриваетъ, что и мы съ вами. Только мы съ вами мерёкаемъ кратко, а онъ пространно. Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, а намерёкать могу съ три короба—вотъ и разгадка вся.

— Это такъ точно-съ.

— Одинъ придетъ, померёкаетъ; другого завидки возьмутъ—придетъ и наизново перемерёкаетъ. И все одно и тоже выходитъ. А мы, простецы, смотримъ издали, какъ они сами себѣ хвалы слагають, и думаемъ, что и нивѣсть какой свѣтъ ихъ осіялъ!

— И это истинная правда-съ.

— И ежели по правдѣ говорить, такъ вы ужъ чересчуръ скромнаго объ себѣ мнѣнія. Именно вы-то и не мерёкаете, а самое нутро видите. Іёнъ достанетъ! ахъ, голубчикъ, голубчикъ! неужтс-жъ вы не понимаете, что вы—финансистъ?

Не знаю, насколько понялъ меня Разуваевъ, но знаю, что онъ остался польщенъ и доволенъ. Разумѣется, онъ воспользовался моею словоохотливостью, чтобы при первой же возможности перейти къ дѣйствительному предмету своего посѣщенія.

— Главная причина, сказалъ онъ:—время теперь самое подходящее. Весна на дворѣ, огородъ работать пора, къ посѣву приготавливаться. Ежели теперь время опустить — послѣ его ужъ не наверстать.

— Но почему же вы думаете, что я упущу?

— Вашескородіе! позвольте вамъ доложить! Ну, какая же есть возможность вамъ за всѣмъ усмотрѣть-съ?

— Однако, шло же какъ-нибудь до сихъ поръ.

— Какъ-нибудь—это такъ точно-съ. А намъ надо не какъ-нибудь, а чтобы настоящимъ манеромъ. Вашескородіе! позвольте

¹ Для незнакомыхъ съ этимъ выраженіемъ считаю излишнимъ пояснить, что «мерёкать» значитъ кое-что понимать, на бобахъ разводиться. Первоначальнымъ корнемъ этого выраженія былъ, очевидно, глаголъ «мерещиться». Мерещится знаніе, а настоящего нѣтъ.

вамъ доложить! Совѣмъ бы я на вашемъ мѣстѣ... ну, просто совѣмъ бы не такъ я эту линію повелъ!

— Что же бы вы сдѣлали?

— Очень просто-съ. Купилъ бы двѣ-три десятинки-съ, выстроилъ бы домичекъ по пропорціи, садикъ для прохладности бы развелъ, коровку, курочекъ съ пятокъ... Мило, благородно!

Стало быть, и онъ. Всѣ, какъ одинъ, почти слово въ слово; должно быть, однакожь, частенько-таки они обо мнѣ бесѣдуютъ. Вотъ онъ, vox populi—теперь только я понимаю, что не покориться ему нельзя. Если люди такъ увѣренно ждутъ — стало быть, они имѣютъ къ тому основаніе; если они съ такою тщательною подробностью опредѣляютъ, что для меня нужно—стало быть, они положительно знаютъ, что я сижу не на своемъ мѣстѣ, что здѣсь я помѣха и безобразіе, а вонъ тамъ, на двухъ десятинкахъ, я придусь какъ разъ въ самую мѣру. И, что всего важнѣе, это же самое сознавалъ я и самъ. Давно ужъ сознавалъ, да самолюбіе, должно быть, мѣшало вступить на новый путь, а можетъ быть, и просто лѣнь...

Вѣроятно, эта же самая причина существовала и теперь. Я очень радушно побесѣдовалъ съ Разуваевымъ, но ни своей цѣны ему не объявилъ, ни объ его цѣнѣ не спросилъ. Словомъ сказать, ни на чемъ не покончилъ. Однакожь, видимо было, что Разуваевъ, уходя отъ меня, былъ значительно ободренъ. Онъ быстрымъ окомъ окинулъ мою обстановку, какъ бы желая запечатлѣть ее въ своей памяти, и на прощанье долго и умильно смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Онъ понялъ, что я все еще «артачусь», и былъ такъ любезенъ, что взглянулъ на эту слабость снисходительно. Въ самомъ дѣлѣ, не Богъ же знаетъ, что съѣсть человѣкъ, если и подождать двѣ-три недѣли, а между тѣмъ, жалованье рабочимъ за мѣсяць заплатить... Во всякомъ случаѣ, я почти увѣжденъ, что отъ меня онъ побѣждалъ къ своимъ единомышленникамъ, и что тамъ все единогласно уже рѣшено и скомпоновано. Можетъ быть, и Лукьянычъ тамъ, вмѣстѣ со всѣми, совѣты подаетъ...

— Лукьянычъ! а, Лукьянычъ! гдѣ ты? испугался я.

— Здѣсь я, отозвался голосъ изъ передней.

— Разуваевъ-то вѣдь въ сурьезъ покупать приходилъ.

— Неужто-жь въ шутку?

— Истинный ты Езопъ! никакъ съ тобой говорить настоящимъ манеромъ невозможно!

— Чего «настоящимъ манеромъ»? Апрельъ въ половинѣ, пахать пора, а гдѣ у насъ навозъ-то?

— Такъ неужто за зиму не накопилось?

— Спросите у садовника, куда онъ его дѣвалъ.

— Такъ, значить, продать?

— Это какъ вамъ будетъ угодно.

— Да ты-то, ты-то что думаешь! Чай, не цѣпами у тебя языкъ скованъ—шевели!

— И то умалясь, еще при папникѣ при нашемъ шевеливши. Говорилъ въ то время: не покупайте, зачѣмъ вамъ! — нѣтъ, купили...

— Ну, ступай!

Но прошла святая, прошла Фомина недѣля, а я все еще артачился и недоумѣвалъ. Вонъ выѣхалъ Иванъ старшій съ сохой на полосу противъ усадьбы, перекрестился и пошелъ ковырять. Ишь ковыряетъ! даже изъ оконъ видно, какъ онъ на каждомъ шагу пропашку за пропашкой дѣлаетъ... такъ бы и налетѣлъ! Смотрю, анъ и Разуваевъ стоитъ на дорогѣ и тоже на пашню любитса: только понапрасну-моль землю болтаютъ! Наконецъ, не вытерпѣлъ, крикнулъ: «а ты бы, Иванъ, сохой-то не все напусто, а и въ землю попадай!» И Иванъ понялъ, что это не напрасный окрикъ, что когда-нибудь онъ отзовется на немъ, и началъ въ землю сохой попадать. «Но-но, миліякъ! Ню... стерво!» слышатся мнѣ, черезъ полуотворенное окно, поощренія, посылаемая имъ рыжему мерину.

Главное препятствіе для окончательной развязки представляла, повидимому, мысль: наступаетъ гдѣто—куда дѣваться? Ежели въ Петербургъ или въ Москву ѣхать—опаса Богъ! Тамъ теперь такіе фундаменты закладываются и такія создаются зданія, что того гляди задавятъ. Ежели за границу ѣхать—не лежить у меня сердце къ этой за-границѣ. Во-первыхъ, англичанъ на каждомъ шагу встрѣчаешь: ходять прямо, надменно, и у каждого написано на лицѣ: Afghanistan — jamais! Это, то есть, насъ, русскихихъ, они такъ дразнятъ. Ахъ, господа, господа! Съ которыхъ уже поръ вы твердите: jamais, да jamais, а мы, между тѣмъ, не торопясь, да Богу помолясь, смотрите-ка куда забрались! Одно не хорошо: объяснить имъ это прямо нельзя—того гляди проштрафисься. Онъ говоритъ: jamais! а я отвѣтить ему не могу. Почѣмъ я знаю, что, по обстоятельствамъ дѣла и въ согласность съ высшими соображеніями, слѣдуетъ въ данную минуту говорить? Можетъ быть, *pour sûr*, а можетъ быть, и *jamais*. Такъ ужъ лучше пусть онъ одинъ дразнится, а мы помолчимъ—вотъ оно, положеніе-то, какво! Во-вторыхъ, настоящей прислуги за границей нѣтъ. Коли хотите, цѣлые города (курорты) существуютъ, гдѣ, кромѣ лакеевъ, ч людей другихъ не найдешь, а все-таки подлиннаго, «своего» лакея нѣтъ. Тамошній лакей жадный,

прожженный, онъ всякому служить готовъ, а потому ни настоящей сноровки, ни преданности съ него спросить нельзя. А намъ нуженъ лакей постоянный, чтобъ съ утра до вечера все одного и того же человѣка шпынять. Въ-третьихъ, за границей очень ужъ чисто. Вычистать съ утра и хотать, чтобъ цѣлый день чисто было. А намъ это невозможно. Помню, я въ прошломъ году людскія помѣщенія на скотномъ дворѣ вычистить собрался; нанялъ поденщицъ (на свою-то прислугу не понадѣялся), самъ за чисткой наблюдалъ, чистилъ день, чистилъ другой, одного убиеннаго и ошпареннаго клопа цѣлый ворохъ на полосу вывезъ—и вдругъ вижу, смотреть на мои хлопоты старшій Иванъ и только-что не въявъ говорить: дай срокъ! я завтра же всю твою чистоту въ лучшемъ видѣ загажу. Такъ-то и всѣ. Нельзя намъ чисто жить, недосугъ. Да и приспособленій у насъ не заведено. За границей машинами улицы поливають, а мы—ковшичкомъ; за границей, громадными щетками грязь вычищаютъ, а мы—метѣлками. И не то, чтобъ мы не понимали, чтò хорошо, чтò худо; спросите у перваго встрѣчнаго: чтò лучше, въ чистотѣ ли жить, или въ грязи барахтаться—навѣрное всякій скажетъ: какъ можно! въ грязи или въ чистотѣ! Но черезъ минуту, непрѣмьно прибавитъ: ахъ, баринъ, баринъ!

Словомъ сказать, ни въ столицѣ, ни за границей—нигдѣ жить охоты нѣтъ. Купить бы гдѣ-нибудь въ Проплѣванскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Гнилушки, двѣ-три десятинки—именно такъ, ни больше, ни меньше—да вѣдь пожалуй, въ поискахъ за этимъ эльдорадо все лѣто пройдетъ...

Очень возможно, что я долго бы такимъ образомъ недоумѣвалъ, еслибъ не пришелъ ко мнѣ на помощь неожиданный случай и не ускорилъ развязки.

Сейчасъ послѣ Оминой, я получилъ письмо отъ стариннаго моего пріятеля и школьнаго товарища, Ивана Косушкина (есть такая фамилія и очень древняя: и въ Смоленскѣ Косушкины сидѣли, и въ Тушино бѣгали, но нигдѣ «косушки» не забывали и тѣмъ воспрославились). Письмо гласило слѣдующее:

«Соломенное Городище. 26-го апрѣля.

«Ау, дружище! гдѣ ты и какъ живешь? Ежели въ Монрепѣ унываешь, то брось все, продавай за грошъ и кати сюда. Ибо лѣта наши приходятъ преклонныя, и слѣдовательно закатъ дней своихъ намъ не унывающе, но веселящеся провести надлежитъ.

«Скоро будетъ два года, какъ я поселился здѣсь, поселился, повидимому, случайно, а на повѣрку выходитъ, что навсегда. Вотъ краткая повѣсть о моемъ переселеніи.

«И я родился въ Аркадіи, и у меня было свое Монрепѣ, но

въ послѣднее время такъ оно мнѣ опостылѣло, что я, какъ помѣшанный, слонялся изъ угла въ уголъ. Дѣло въ томъ, что куда были на лицо разные Евдокимычи, да Климьчи, да Аксиньюшки, жилось хоть и не особенно сладко, но все-таки жилось. Жилъ и я. Никто не тревожилъ меня, никто «распоряженіями» не донималъ. Придетъ кто-нибудь насчетъ покоса переговорить — ступай къ Евдокимьчу; дровецъ не продадите ли — ступай къ Климьчу; маслица нѣтъ ли залишняго — ступай къ Аксиньюшкѣ. Какъ ужъ они тамъ ладилися — не знаю, но денегъ на расходы не требовали, и даже меня отъ времени до времени кѹшниками побаловывали. Но, что важнѣе всего, я былъ увѣренъ (да и теперь вѣрю), что дѣло у насъ идетъ среднимъ ходомъ, безъ грабежа, но и безъ мотовства, смирно, честно, благородно... И вдругъ, среди этакой-то тишины и во всемъ благого послѣшенія, налетѣлъ на насъ вихрь: стали старики помирать. Сначала, умеръ Евдокимьчъ, потомъ Климьчъ, а наконецъ и Аксиньюшка.

«Умирали по очереди, безмолвно, точные младенцы. Сначала, недѣли двѣ морщится, скучный ходитъ (Евдокимьчъ говорилъ: въ первую холеру я съ покойнымъ папенькой вашимъ въ ростепель въ Москву ѣздилъ — съ тѣхъ самыхъ поръ ноги мозжать), потомъ влѣзетъ на печку и ужъ не слѣзаетъ оттуда: значить, смерть идетъ. И дѣйствительно, не пройдетъ и мѣсяца — смотришь, шлютъ за священникомъ. Причастится, особоруетъ и со всѣмъ ужъ притихнетъ. А къ вечеру, ивнѣтъ — и нѣтъ его. Тяжелѣе другихъ умирала Аксиньюшка; все каялась мнѣ, что «еще при покойницѣ матушкѣ вашей новизку утаила», и просила простить. Точно ли она утаила новинку, или въ порывѣ предсмертнаго самобичеванья наклепала на себя — сказать не могу; но вспоминаячи матушкинъ «глазокъ-смотрокъ», сдается мнѣ, что врядъ ли отъ ея вниманія могла укрыться цѣлая недостающая новинка.

«Не думай, однакожь, что я пишу идиллію, и тѣмъ паче, что люблю ея. Отлично я понимаю, какимъ образомъ сложился типъ крѣпостного пѣстуна, и почему всѣ эти Евдокимычи до конца оставались у меня. Прежде всего, у нихъ ногъ ужъ не было, чтобъ бѣжать, а во вторыхъ, отъ отца съ матерью они, навѣрное, и безъ ногъ бы ушли, потому что тѣ были господа настоящіе, и хотя особенно блестящихъ хозяйственныхъ подвиговъ не совершали, но любили игру «въ каторгу», то есть съ утра до вечера суетились, пороли горячку, гоношили, а стало быть, сѹмѣли бы и со стариковъ «спросить». Ну, а мнѣ все равно: живите да меня не трогайте!

«Когда всѣ перемерли, я остался одинъ лицомъ къ лицу съ

Монрепд. Ужасно это тяжелое чувство; въ первый разъ въ жизни напалъ на меня страхъ. Спать по ночамъ не могъ; все чудилось: зачѣмъ же Монрепд-то не умерло? и кто меня теперь успокоитъ? кто добро мое сбережетъ? Пришлось нанимать чужака.

«Явился чуженинъ и говорить: Филаретъ Семеновъ Перебѣжчиковъ, здѣшняго города мѣщанинъ, надѣюсь вашей милости заслужить. Чтѣжь, очень радъ; вотъ ключи, вотъ планы, съ остальнымъ сами постепенно ознакомитесь. Но на первыхъ же порахъ началъ меня этотъ человѣкъ огорчать. Прежде всего, охаялъ распоряженія Евдокимича и даже попытался набросить на нихъ неблаговидную тѣнь. Потомъ сталъ каждый вечеръ ходить, спрашивать, какое на завтрашній день распоряженіе будетъ (да еще цѣлыхъ два ему выложи: одно на случай, коли ежели вѣдро, а другое на случай, коли ежели Богъ дожжичка пошлетъ)? А я почѣмъ знаю? Кому виднѣе, какъ, по обстоятельствамъ дѣла, поступать надлежитъ, мнѣ или ему? Но ты, конечно, понимаешь, что нельзя же прямо человѣку сказать: отстань, потому что я ничего не знаю и ничѣмъ распорядиться не могу... Вотъ я распорядился, распорядился, да и затосковалъ.

«А къ этому вскорѣ присоединилось и еще обстоятельство: прислали къ намъ въ уѣздъ новаго начальника. Глаза какъ плошка, усы какъ у таракана, изъ устъ пахнетъ «Московскими Вѣдомостями». Стараго то—отличный былъ, царство небесное!—смѣнили за то, что все въ городѣ сиднемъ сидѣлъ (кстати, онъ мнѣ потомъ жаловался: «вѣдъ и Илья-Муромецъ, говорить, сколько лѣтъ сиднемъ сидѣлъ, однако, когда понадобилось») .. Такъ новый, какъ дорвался до мѣста, такъ и поѣхалъ. Ъздить, братецъ, по проселкамъ, и все людей выдергиваетъ да въ плѣнъ уводитъ. Завелся, видишь ли, «духъ» какой-то въ нашихъ палестинахъ, такъ вотъ по этому случаю. У меня не былъ, а проѣзжалъ мимо не разъ. Смотрѣлъ я на него изъ окна въ бинокль: сидитъ въ телегѣ, обернется лицомъ къ усадьбѣ и вытаращитъ глаза. Думалъ я, думалъ: никогда у насъ никакого «духа» не бывало, и вдругъ завелся... Кого ни спросишь: чтѣ молъ за духъ такой?—никто ничего не знаетъ, только говорятъ: строгость пошла. Разумѣется, затосковалъ еще пуще. А ну, какъ и во мнѣ этотъ «духъ» есть? и меня, въ преклонныхъ моихъ лѣтахъ, въ плѣнъ уведутъ?

«Взялъ и вдругъ все продалъ. Трактирщикъ тутъ у насъ по близости на пристани процвѣлъ—онъ и купилъ. Въ немъ ужъ, навѣрное, никакого «духа», кромѣ грабительства, нѣтъ, стало быть, ему честь и мѣсто. И сейчасъ же, на моихъ глазахъ, покуда я пожитки собиралъ, и распорядиться началъ: птицу на скотномъ

перерѣзалъ, карасей въ прудѣ выловилъ, скоть угналъ... А потомъ, говорить, начну домъ распродавать, лѣсъ рубить, въ два года выручу два капитала, а наконецъ, и пустое мѣсто за дешево продамъ.

«Признаюсь, однакожь, что на первыхъ порахъ тоскливо было. Во первыхъ, странно съ непривычки такія фразы слышать: «а подсвѣчничекъ-то вы, кажется, нашъ съ собой уложили?» или: тутъ полотенчикъ прежде висѣло, такъ какъ прикажете, ваше оно или наше будетъ? А во вторыхъ, продать-то я продалъ, а какъ съ собой поступить—не знаю. На всякій случай, однакожь, отправился въ «губернію», думаю: тамъ моя невинность виднѣе будетъ. Проѣзжаю мимо соломеннаго Городища, смотрю и не вѣрю глазамъ: волшебство! При самомъ вѣздѣ въ городъ, безъ конца тянется заборъ, а за заборомъ зелени, зелени — цѣлое море! И домъ большой и развалины какія-то въ сторонѣ. Спрашиваю на станціи: чтѣ за штука?—отвѣчаютъ: жилъ былъ здѣсь откупщикъ, и водочный заводъ у него былъ (это развалины-то), а теперь-дескать домъ съ землею продаются. Сейчасъ же побѣжалъ смотрѣть. Мѣсто—двѣ десятины; въ самый разъ, значить, и то, пожалуй, за всѣмъ не усмотришь; заборъ—подгнилъ, а мѣстамъ даже повалился, надо новый строить; домъ, ежели маленько его поправить, то хватить на долго; и мебель есть, а въ одной комнатѣ даже ванна мраморная стоитъ, въ которой жидовинъ-откупщикъ свое тѣло бѣлое нѣжилъ; руина... ну, это, пожалуй, «питорескъ», и больше ничего; однако существуетъ легенда, будто по ночамъ здѣсь собираются сирые и неимущіе, лижутъ кирпичи, нѣкогда обагрившіеся сивухой, и бываютъ пьяны; но садъ—волшебство! Ни цвѣтниковъ, ни аллей, а все вишни, вишни, вишни, смородина, смородина, смородина! Эго «онъ» все на предметъ настоекъ разводилъ! И все запущено, разрослось, переплелось... Словомъ сказать, такъ мнѣ вдругъ захотѣлось тутъ умереть, что сейчасъ же я поскакалъ въ Москву и въ два дня кончилъ.

«И ко всему этому, здѣшній начальникъ оказался смиренный. Любознательный, но смиренный. Приѣхалъ ко мнѣ на новоселье, посидѣлъ, побесѣдовалъ и вдругъ задумался.—Такъ вы, говорить, къ намъ... совсѣмъ? «Совсѣмъ, говорю».—Аттестатъ у васъ есть? «Вотъ онъ». Посмотрѣлъ, перелистовалъ: служилъ тамъ-то и тамъ-то, аттестовался способнымъ и достойнымъ, въ походахъ не бывалъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ... Вздохнулъ.—А знаете ли, говорить, я, воля ваша, этого не понимаю: къ намъ... совсѣмъ... чтѣ такое значить? «Да просто значить, что къ вамъ совсѣмъ—и больше ничего».—Помилуйте... что же такое у насъ?..

никто къ намъ... никто никогда... и вдругъ. «Да вѣдь надо же гдѣ-нибудь жить?» — Такъ-то такъ.. а все-таки... ну, какую вы здѣсь прелесть нашли! городишко самый пустой, бѣлаго хлѣба не съищешь... никто къ намъ никогда... и вдругъ вздумалось!.. Это было такъ мило, что я не выдержалъ и распѣловалъ его. И вотъ, съ тѣхъ поръ мы друзья. Чтобъ окончательно его успокоить, я отвелъ въ домѣ квартиру для полицейскаго чина, истребилъ всѣ книги, вмѣсто газетъ, выписалъ «Московскія Вѣдомости» и купилъ гитару. Все прошлое лѣто, днемъ и ночью, я держалъ окна настежь: приходи и вижди!

«И такъ, бросай свое Монрепд и прїѣзжай сюда. Ничего, кромѣ ношебнаго платья, не привози, но гитарой запасись непременно: это придаетъ шикъ благонамѣренности. Ежели есть прислуга, особенно ежели ветхая, въ родѣ Евдокимича, то также привози, потому что это придастъ нашему сожителству шикъ респектабельности: авторитеты, значить, признаемъ. По исполненіи сего, заживемъ отлично. Будемъ вдвоемъ сидѣть у открытаго окна, бряцать на струнахъ и пѣть:

Ахъ, что кому до насъ!
Когда праздничекъ у насъ,
Мы зароемся въ солому,
И никто не найдетъ насъ!

Тируини! тируини! тируини!

«Помнишь?»

«Затѣмъ, жму твою руку и жду. Vale.

Иванъ Косушкинъ.

«P. S. Забылъ сказать: при домѣ есть сажалка и въ ней караси! Караси, да ежели въ сметанѣ... это что-жъ такое!».

Первою мыслью по прочтеніи этого письма было: такъ вотъ онѣ, двѣ десятины, объ которыхъ мнѣ цѣлый мѣсяцъ твердятъ! Затѣмъ, черезъ часъ я уже былъ у Рагуваева, и мы въ два слова кончили. Finis Монрепд!

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЪ ВОПРОСУ О МЕЛКОМЪ ЗЕМЕЛЬНОМЪ КРЕДИТѢ.

I.

Вопросъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ, съ которымъ мы ознакомили читателей въ № 11-мъ «Отечественныхъ Записокъ» 1878 г., снова былъ поднятъ въ началѣ нынѣшняго года княземъ Васильчиковымъ и г. Хитрово въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Кн. Васильчиковъ проводитъ свой прозекъ (изложенный имъ два года тому назадъ, вмѣстѣ съ г. Яковлевымъ, въ особой брошюрѣ) съ рѣдкою энергіею: онъ то пишетъ о немъ статьи и брошюры, для подготовленія общественнаго мнѣнія, то вноситъ его на обсужденіе ученыхъ обществъ и официальныхъ учреждений, рекомендуя имъ—усыновить свое дѣтище и дать ему въ свѣтѣ положеніе. Кн. Васильчиковъ и вѣрный его сподвижникъ г. Хитрово (секретарь с.-петербургскаго отдѣленія комитета о ссудосберегательныхъ товариществахъ) нарочито съ этою цѣлью пріѣзжали въ Москву и не жалѣли цѣтовъ своего краснорѣчія для очарованія и безъ того очарованныхъ ими москвичей. Засѣданіе общества сельскаго хозяйства было, по словамъ очевидца, *необычайнымъ*. Несмотря на то, что время для засѣданія было самое неудобное (Ветлянка, Наумъ Прокофьевъ и разные другіе бичи отечества), въ засѣданіе собралось очень много не только членовъ, но и постороннихъ лицъ, и зала засѣданія далеко не походила на обычную опочивальню. «Уже при входѣ въ залу, говоритъ корреспондентъ («Русская Правда», № 38):—можно было сейчасъ же замѣтить, что имѣеть происходить въ ней нѣчто особенное». Знакомый съ московскими нравами, корреспондентъ, встрѣтивъ *нѣкоторыхъ специалистовъ*, даже угадалъ, что «подлежать обсужденію будетъ вопросъ, выходящій за предѣлы сельскохозяйственной специальности».

Намъ нѣтъ надобности вдаваться въ подробное разсмотрѣніе

обсуждавшагося проекта, такъ какъ мы это уже сдѣлали въ вышеуказанной нашей статьѣ, къ которой и отсылаемъ читателя. Здѣсь же намъ хочется только отмѣтить нѣкоторыя измѣненія, которыя претерпѣлъ проектъ за это время, и указать еще разъ на тѣ наиболѣе важныя, принципиальныя пункты, въ которыхъ мы не могли согласиться и никогда не согласимся съ его авторами. Указать еще разъ на эти пункты необходимо, въ видахъ возможности осуществленія проекта и въ виду того, что у насъ, какъ и прежде, все еще примѣнима пословица: крѣпки заднимъ умомъ. Сначала мы обыкновенно восторгаемся новымъ проектомъ и предаемся необузданному ликовашию, а затѣмъ начинаемъ замѣчать, что кое-что въ проектѣ недосмотрѣно и что это кое-что—хотя и не особенно важно, но и не маловажно. Дѣло столь серьезное, какъ народный кредитъ, въ особенности требуетъ осмотрительности и поменьше *jugate in verba magistrī*, поменьше слѣпой вѣры въ слова людей, выступающихъ съ проектами, кто бы они ни были. Большинство у насъ, конечно, разсуждаетъ такъ: если ужъ кн. Васильчиковъ, авторъ такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ «Самоуправленіе» и «Землевлѣдніе и Земледѣліе», выработалъ проектъ, такъ значить онъ уже обсудилъ его, какъ слѣдуетъ, и ошибокъ не сдѣлалъ. Но вѣдь «на всякую старуху бываетъ проруха»—говоритъ пословица. Большинство присутствовавшей въ засѣданіи публики, повидимому, даже не потрудилося ознакомиться съ содержаніемъ брошюры кн. Васильчикова и Леолева, такъ какъ иначе навѣрное послѣдовало бы гораздо больше возраженій и замѣчаній на проектъ, чѣмъ было сдѣлано. Можетъ быть, корреспондентъ и не сообщалъ много; онъ подробно, дѣйствительно, не сообщаетъ, но онъ сообщилъ все, что было высказано важнаго противъ проекта, и глоса эти были какими-то одинокими среди всеобщаго молчанія. Очень возможно, что еслибы въ засѣданіи не случилось гг. Чупрова и Скалона, то проектъ не встрѣтилъ бы никакихъ возраженій, былъ бы одобренъ и препровожденъ, съ ходатайствомъ, куда слѣдуетъ на утвержденіе, а тамъ, глядишь, вошелъ бы и въ практику. Комиссія, въ которую былъ переданъ проектъ на разсмотрѣніе, однако, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, обратила серьезное вниманіе на замѣчанія гг. Чупрова и Скалона, замѣчанія, касавшіяся самыхъ больныхъ сторонъ проекта, и московскій комитетъ о ссудосб. тов. выработалъ свой проектъ крестьянскаго земельного банка на началахъ, значительно отличныхъ отъ предложенныхъ петербургскими дѣятелями¹. Еслибы этотъ

¹ Когда настоящая статейка была уже совсѣмъ написана, «Русскія Вѣдомости» (№ 167), посвятившія дѣльный рядъ обстоятельныхъ статей по вопросу о мелкомъ земельномъ кредитѣ, сообщили о появленіи разомъ двухъ проектовъ земельныхъ банковъ: проекта москов. комит. о ссудосб. тов. и проекта ярославской губернской управы. Проекты эти, вопли согласіе между собой по существу, представляютъ въ высшей степени отрадное и, повторяемъ, совсѣмъ

проектъ представлялъ собою окончательную редакцію, окончательную форму всѣхъ проектированныхъ земельныхъ банковъ, то намъ оставалось бы только пожелать ему нѣкотораго пересмотра и скорѣйшаго осуществленія. Но такъ какъ петербургское отдѣленіе комитета, являющееся номинально въ роли до известной степени зависимаго отъ комитета філіала, а на самомъ дѣлѣ сосредоточивающее въ себѣ почти

неожиданное явленіе. Они, судя по сообщенію «Русскихъ Вѣдомостей», гораздо ближе подходятъ къ нашимъ общимъ взглядамъ на предметъ, хотя и нуждаются въ нѣкоторыхъ существенныхъ дополненіяхъ, напр.: въ условіи правительственной гарантіи залладныхъ листовъ, противъ чего, конечно, ничего не будутъ имѣть авторы проектовъ, предлагающіе земскую гарантію, такъ какъ гарантія можетъ быть двойною—правительственною и земскою, а также, чтобы кредитъ направлялся преимущественно, въ особенности въ началѣ дѣла, на покупку казенныхъ, а не частныхъ земель и т. п. Не соглашаться же съ ними можно развѣ только въ частностяхъ. И тотъ, и другой проекты доказываютъ настоятельность земельного кредита для крестьянъ и доказываютъ, что создать его есть прямая задача земства. Ярославская управа говоритъ въ своей объяснительной запискѣ, что въ то время, какъ крестьянство крайне нуждается въ землѣ, въ Ярославской Губерніи осталось, за надѣломъ крестьянъ, 1,900,000 дес., принадлежащихъ частнымъ лицамъ и казнѣ, и приносящихъ имъ ничтожный доходъ. Поземельная собственность, которую, оказывается, не въ состояніи удержать помѣщики, сосредоточивается теперь по преимуществу въ рукахъ промышленнаго класса, единственнаго, въ настоящее время, обладателя свободными средствами, а это «сосредоточеніе ведетъ къ явному упадку земледѣлія, ибо промышленный классъ является представителемъ хищнической системы хозяйства, совершенно чуждой здравыхъ началъ сельско-хозяйственнаго производства». И тотъ, и другой, вопреки проекту петербургскаго отдѣленія комитета, «ограничиваютъ свою задачу выдачею ссудъ на покупку земель; и тотъ, и другой желаютъ имѣть дѣло исключительно съ сельскими обществами, а не съ частными лицами». «При общемъ (?) стремленіи лицъ крестьянскаго сословія сдѣлаться личнымъ собственникомъ земель, видъ своего надѣла, говоритъ ярославская управа:—съ открытіемъ операцій банка, явилось бы, несомнѣнно, громадное количество отдѣльныхъ лицъ крестьянскаго сословія, домогающихся приобрести земли въ свою полную собственность; но удовлетвореніе такихъ домогательствъ *будетъ крайне опасно; оно окажется не только съ ущербы интересамъ сельскихъ обществъ, которыя будутъ эксплуатированы этими новыми собственниками, но и подорветъ въ корень общинный строй земледѣлнія, обезпечивающій въ настоящее время земледѣльческое населеніе, образованіемъ въ немъ пролетаріата*». На томъ же основаніи, по вполне логической послѣдовательности, «не допущены ссуды и нѣсколькимъ лицамъ изъ среди сельскихъ обществъ, подъ видомъ товариществъ». Для подобныхъ товариществъ, точно такъ же, какъ и для частныхъ лицъ, есть уже множество частныхъ акціонерныхъ банковъ и обществъ взаимнаго поземельнаго кредита. Проекты весьма мало расходятся и въ частностяхъ: комитетскій, напр., не дѣлаетъ никакихъ отступленій отъ установленнаго принципа—выдачи ссудъ только обществамъ; ярославскій же открываетъ кредитъ и части общества, но въ томъ только случаѣ, если она, «по малоземелью или другимъ причинамъ, предпочитаетъ водвориться на приобретенной землѣ и владѣть ею на правахъ общинной собственности». Послѣднее, вѣроятно, будетъ часто имѣть мѣсто, а

*

всю дѣятельность по ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, выполнѣ самостоятельное и гораздо болѣе авторитетное, чѣмъ московскій комитетъ, является проводникомъ въ жизнь теорій совершенно особой категоріи, то, по всей вѣроятности, оно не удовольствуется московскимъ проектомъ и будетъ проводить свой самостоятельно, указывая, конечно, на то, что два или нѣсколько видовъ кредитныхъ обществъ могутъ идти рядомъ, подобно тому, какъ это мы видимъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, множествомъ и путаницею уставовъ которыхъ, замѣтимъ между прочимъ, отдѣленіе очень недовольно. Вотъ почему проектъ отдѣленія заслуживаетъ все-таки самаго полнаго вниманія, и мы посмотримъ на тѣ измѣненія, какія въ немъ были сдѣланы послѣ выхода брошюры, насколько можно судить о нихъ со словъ докладчиковъ, сообщенныхъ корреспондентомъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ источника, который ознакомилъ бы насъ съ докладомъ г. Хитрово и кн. Васильчикова болѣе обстоятельно. Журналъ свой московское общество сельскаго хозяйства прекратило, а другихъ его послѣдующихъ изданій, если таковыя есть, достать въ Петербургѣ оказалось, если не совсѣмъ невозможнымъ, то очень затруднительнымъ: мы, по крайней мѣрѣ, были въ книжныхъ магазинахъ, держащихъ московскія изданія, были въ библиотекахъ — частныхъ, публичной, вольно-экономическаго общества и нигдѣ ничего не нашли. Вотъ почему мы, къ сожалѣнію, и ограничиваемся одними газетными сообщениями. Оставлять безъ публичнаго обсужденія такого важнаго дѣла нельзя. Какъ бы наши ученые общества ни считали себя компетентными въ данномъ вопросѣ, какимъ бы профаномъ ни представлялась имъ публика, все-таки они не должны были бы игнорировать гласности, не должны были бы рѣшать вопросовъ такой большой важности келейно и пускать ихъ на утверженіе, не внося предварительно на общественное обсужденіе. Кто знаетъ, можетъ быть, кто-нибудь и сказалъ бы дѣльное слово...

Въ прошломъ году, напримѣръ, наше вольно-экономическое общество выслушало докладъ В. Н. Хитрово о томъ же предметѣ: онъ представилъ выработанный имъ *проектъ кредитнаго учрежденія для облегченія крестьянамъ покупки земель*. Тотъ ли

недостаткомъ земель смежныхъ и близко лежащихъ. Точно также проекты нѣсколько расходятся и въ способахъ взысканія ссудъ: комитетскій, придерживаясь правилъ, выработанныхъ акціонерною практикою, видитъ крайнюю мѣру взысканія въ продажѣ заложенаго имущества, причемъ допускаются, впрочемъ, подобно дворянскимъ ипотечнымъ кассамъ Германіи и нѣкоторымъ нашимъ банкамъ, различныя льготы для заемщиковъ; ярославскій же проектъ стоитъ за порядокъ безспорнаго взысканія, наравнѣ съ казенными и земскими повинностями, и допускаетъ продажу лишь въ исключительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго земскаго собранія и т. п.

это проэктъ, что былъ представленъ и московскому обществу сельскаго хозяйства, или другой, принадлежитъ ли онъ одному В. Н. Хитрово или выработанъ всѣмъ петербургскимъ отдѣленіемъ, и какова дальнѣйшая судьба этого проэкта — неизвѣстно. Въ майской книжѣ «Трудовъ вольно-экономическаго общества» за 1879 годъ мы читаемъ только слѣдующее краткое извѣстіе: «Въ основаніе проэкта (г. Хитрово) положены начала взаимности между заемщиками, при участіи земствъ и правительства. Вслѣдствіе противоположныхъ мнѣній, высказанныхъ въ отдѣленіи (экономическое отдѣленіе вольнаго экономическаго общества) по поводу этого проэкта, вопросъ остался открытымъ и подлежитъ дальнѣйшей разработкѣ. А. В. Яковлевъ и Ѳ. Л. Барыковъ взяли на себя трудъ выработать проэктъ, въ которомъ, въ противоположность проэкту г. Хитрово, на первомъ мѣстѣ должна стоять правительственная инициатива, при участіи земства и началъ взаимности!» Вотъ и все. А тамъ, глядишь, появится вдругъ проэктъ и пойдетъ на утвержденіе. Все это, однако, только между прочимъ. Возвратимся къ докладу кн. Васильчикова и г. Хитрово въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе то, что «проектируемыя кредитныя учрежденія приурочиваются къ земствамъ». Въ первоначальномъ проэктѣ роль земствъ была крайне неопредѣленна, или, лучше сказать, имъ не отводилось никакой роли, за исключеніемъ той, что они могутъ содѣйствовать открывающимся товариществамъ своими капиталами, не принимая никакого участія въ управленіи ими и центральной кассою, во главѣ которой должны были стоять капиталисты (акціонеры кассы) и «какой-нибудь образованный по частной инициативѣ комитетъ, въ родѣ того, какой уже существуетъ для распространенія ссудо-сберегательныхъ товариществъ», «даже этотъ самый комитетъ», еслибы его матерьяльное положеніе было лучше (онъ получаетъ, въ видѣ субсидій, отъ министерства финансовъ только 10,000 р. въ годъ). Роль комитета также была совсѣмъ неопредѣленна и во главѣ дѣла оставались капиталисты. Мы не знаемъ, конечно, въ точности и теперь, что значать слова: «проектируемыя кредитныя учрежденія приурочиваются къ земствамъ». Предполагается ли, что земства будутъ стоять, дѣйствительно, во главѣ всего дѣла, какъ это и могло бы быть, т. е. не только будутъ организаторами и руководителями мѣстныхъ товариществъ, но и будутъ участвовать, чрезъ особыхъ своихъ представителей, въ управленіи центральной кассою, или же имъ придумано какое-нибудь особенное — ограниченное или временное — участіе, пока товарищества сами не станутъ на ноги. Во всякомъ случаѣ, приуроченіе мелкаго земельного кредита къ земствамъ болѣе желательно, чѣмъ отдача его въ руки частныхъ капиталистовъ, въ особенности, при условіи предполагаемой правительственной гарантіи, когда капиталистамъ не представляется даже и особен-

наго риска. Земство наше, не-смотря на многіе свои недостатки, представляет все-таки больше гарантій, съ одной стороны, отъ канцеляризма, неподвижности и бюрократическаго своевластія, а съ другой, отъ своекорыстія капиталистовъ. Конечно, и тутъ, какъ говорится, дѣло не безъ опаски: наши земства, не-смотря на свой всесословный составъ, имѣютъ въ себѣ гораздо больше представителей отъ дворянства и городовъ, чѣмъ отъ крестьянства, и находятъя подѣ сильнымъ вліаніемъ помѣстнаго класса, а потому возможно, что они будутъ направлять кредитъ въ ущербъ справедливости, къ невыгодѣ крестьянства, подобно тому, какъ теперь нерѣдко къ невыгодѣ его устраивается земская раскладка податей, подобно тому, какъ нѣкоторыя земства содѣйствуютъ желѣзнодорожникамъ и т. п.; но, во всякомъ случаѣ, это лучше, чѣмъ еслибы во главѣ дѣла очутились одни капиталисты и, въ качествѣ благороднаго ментора къ нимъ, какой-нибудь частный комитетъ, котораго можно и не слушаться и который, сверхъ того, самъ могъ явиться проводникомъ въ жизнь извѣстныхъ нежелательныхъ тенденцій. Затѣмъ, относительно другихъ измѣненій, дополненій и разъясненій проэкта, Г. Хитрово сообщилъ, что ссуды будутъ выдаваться «закладными листами въ количествѣ 75% оцѣнки, при чемъ, по его расчету, заемщику придется платить, при 20-лѣтнемъ срокѣ 7,77%, а при трехлѣтнемъ 12%. По закладнымъ листамъ предполагается гарантія правительства въ 5%». И эта гарантія, о которой прежде ничего не говорилось, является «самымъ существеннымъ условиемъ для осуществленія всѣхъ предположеній», такъ какъ иначе «весь проэктъ полетитъ на воздухъ». Далѣе: «ссуды предполагается выдавать какъ лицамъ, такъ и обществамъ, причемъ максимумъ (не опредѣленный прежде) опредѣляется количествомъ земли въ 20 десятинъ и количествомъ рублей въ 2,000» (на домохозяина). Maximum этотъ назначенъ для того, чтобы помѣшать спекулянтамъ эксплуатировать учрежденіе, которое не должно служить подобнымъ цѣлямъ; а 20 дес. есть такое количество земли, которое, по расчету докладчиковъ, «можетъ быть обработано личными силами полной крестьянской семьи».

Остальныхъ подробностей доклада, къ сожалѣнію, корреспондентъ не сообщаетъ. Говоримъ, къ сожалѣнію, потому что въ проэктѣ многое, въ особенности относительно внутренней организаціи дѣла, надлежало бы измѣнить, если только сами родители и воспріемники проэкта не позаботились объ этомъ. Важнѣйшіе недостатки проэкта, впрочемъ, на лицо. Они не могли не броситься въ глаза людямъ, болѣе зоркимъ.

Профессоръ Чупровъ прежде всего нашелъ, что проэктированная выдача въ ссуду 75% оцѣнки должна быть повышена, а вычеты при займѣ понижены, «потому что, при условіяхъ въ проэктѣ, заемщику придется получать только 55% оцѣночной суммы, слѣдовательно, чтобы купить землю, надо еще добавить 45%, а это или отдастъ приобрѣтателя въ кабалу къ частному

займодавцу, или сдѣлаетъ невозможнымъ пріобрѣтеніе земли». Затѣмъ, и это самое главное, г. Чупровъ высказалъ, что, въ виду значенія общиннаго порядка, какъ обезпеченія отъ обезземеленія, надо бы предоставить сельскимъ обществамъ нѣкоторые преимущества передъ частными лицами; а г. Скалонъ пошелъ дальше г. Чупрова и предложилъ выдавать ссуды только сельскимъ обществамъ.

Соображенія эти, повторяемъ, чрезвычайно важны. Что касается до размѣра ссудъ и платежа по нимъ процентовъ, то, съ точки зрѣнія банка, они, конечно, не представляютъ ничего особеннаго: банку было бы еще выгоднѣе выдавать не $\frac{3}{4}$, а $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{1}{4}$ оцѣнки и взимать не 12, а 24%. Онъ можетъ сказать: не могу же я выдавать 100% оцѣнки и не гарантировать себя на случай потерь и неисправностей заемщиковъ; нельзя же мнѣ брать по ссудамъ 5 — 6 и вообще столько процентовъ, сколько я самъ плачу за капиталъ; нѣкоторые наши поземельные банки выдаютъ менѣе 75%, и, если не взимаютъ съ заемщиковъ по 12%, то тѣмъ не менѣе берутъ съ нихъ такъ много, что выдаютъ акціонерамъ большіе (10—14½ процентные) дивиденды. Возьмите, наконецъ, скажетъ онъ, то въ соображеніе, сколько мужчинъ платитъ ростовщикамъ и переплачиваетъ ежегодно на арендахъ земли, а мы будемъ до известной степени единственнымъ, монопольнымъ учрежденіемъ и будемъ брать только отъ 8—12%! Все это такъ, но интересы банка — только одна сторона дѣла, кромѣ которой есть еще другая — интересы заемщиковъ, которые тоже необходимо принимать въ соображеніе, такъ какъ иначе заемщики могутъ оказаться не въ состояніи пользоваться кредитомъ. Проектированны же для нихъ условія, дѣйствительно, крайне невыгодны, и — главное — даже трудно ихъ сдѣлать выгодными.

По проекту, кредитъ пріурочивается специально къ покупкѣ крестьянами земель, подъ которыя и выдаются ссуды. Предполагается, что будутъ покупаться земли у казны и помѣщиковъ, но такъ какъ казенныя земли пока еще не продаются и не предпринимается никакихъ мѣръ для этого, такъ какъ вопросъ о переселеніяхъ и колонизаціи пустопорожнихъ земель еще не тронуть высшими сферами, такъ какъ наибольшую нужду крестьяне чувствуютъ въ близъ лежащихъ угодьяхъ, которыя, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ кн. Васильчиковъ, являются часто рѣшающимъ условіемъ или для развитія благосостоянія даннаго общества, или полнѣйшаго его раззоренія, и которыя по большей части принадлежать частнымъ лицамъ, такъ какъ, наконецъ, частныя лица будутъ стараться о продажѣ своихъ земель, въ особенности обремененныхъ долгами, выпаханныхъ и неудобныхъ, по хорошимъ цѣнамъ, то можно съ увѣренностью сказать, что мелкій земельный кредитъ направится преимущественно на покупку земель помѣщичьихъ. А цѣны на помѣщичьи земли, между тѣмъ, находятся въ крайне ненормальныхъ условіяхъ: онѣ у насъ

поднялись, со времени освобожденія крестьянъ и въ особенности за послѣдніе годы, на 100—200—400 и болѣе процентовъ, и поднялись вовсе не по причинѣ увеличенія ихъ производительности, проведенія желѣзныхъ дорогъ (вліявшихъ, конечно, на это отчасти) и общаго возростанія благосостоянія, а вслѣдствіе недостатка земли у крестьянъ. При отсутствіи иныхъ заработковъ, кромѣ земледѣлія, крестьянство арендуетъ помѣщичьи земли по невѣроятно высокимъ цѣнамъ, довольствуясь нерѣдко отъ посѣва одною только соломой для прокормленія скота, а иногда не получая ровно ничего и даже приплавывая изъ собственнаго кармана. Въ брошюрѣ кн. Васильчикова и г. Яковлева приведено по этому случаю очень много данныхъ: имѣнія, не имѣющія въ цѣльномъ своемъ составѣ никакой опредѣленной цѣны или стоящія очень дешево, при разбивкѣ ихъ на мелкіе участки, пригодные для крестьянства, невѣроятно поднимаются; такъ, имѣются примѣры, что крестьяне покупали въ нечерноземныхъ губерніяхъ землю мелкими участками по 50—60 р. за десятину, въ то время, когда остальная и не нужная имъ земля продавалась только по 7—8 р. за десятину. Авторы обстоятельно доказываютъ, что цѣна земель въ одной и той же мѣстности и совершенно одинаковой доброкачественности бываетъ совершенно различною, что *весьма часто она несообразно превышаетъ действительную ея цѣнность*, что *главною* этому причина—*ложная отношенія поселеннаго крестьянства къ сосѣду-помѣщику*, вслѣдствіе недостатка у крестьянъ не только земли, но иногда просто *воды*, вслѣдствіе чего *цѣна даже болота часто бываетъ выше цѣны самой лучшей земли*. Они говорятъ, что въ происходящихъ при подобныхъ условіяхъ сдѣлкахъ «нельзя видѣть обыкновенную продажу земли», такъ какъ въ нихъ «заключается выкупъ того преимущества, которое законъ создалъ въ пользу одной стороны» (стр. 48—9).

Предоставляемъ судить самому читателю, насколько будетъ выгодно покупать подобныя земли по вольнымъ цѣнамъ и при помощи кредитнаго учрежденія, ссужающаго покупателя за 12% далеко не полною суммою, для пополненія которой онъ долженъ заключать еще дополнительные займы у частныхъ капиталистовъ, платя имъ также не менѣе 10—12%, а можетъ быть и болѣе. Представьте себѣ затѣмъ, что земля оказывается источникомъ (что будетъ встрѣчаться весьма часто) и будетъ требовать затраты новаго капитала на удобреніе. Покупателю придется отказаться не только отъ ренты, которая не можетъ быть высока, но и отъ предпринимательскихъ прибылей и, можетъ быть, даже отъ надлежащаго вознагражденія за трудъ, т. е. отъ всѣхъ выгодъ землевладѣнія. На удобреніе и вообще на введеніе рациональной системы хозяйства у него не будетъ средствъ. Такое землевладѣніе ему создастъ только тяжелое задолженное положеніе: одинъ долгъ обыкновенно влечетъ за собою другой, срочные платежи не ждутъ и заставляютъ перехватывать деньги въ три-дорога,

гдѣ попало, тратясь и теряя время на добываніе ихъ. Подобный путь есть едва ли не самый вѣрный, чтобы привести къ раззоренію; а иного пути нѣтъ. Подобнымъ образомъ подрывались и истощались даже обильные источники богатства, а не такіе, какіе сулитъ проэктъ крестьянству, говоря: «ну! Савоська, выѣзжайка на авоську!» (Авторы проэкта, разумѣется, такъ не говорятъ, а распространяются, напротивъ, о томъ, что, благодаря проэктору, народу теперь остается только черпать и потреблять богатства). Лучше всего мы это можемъ видѣть на нашихъ земельныхъ банкахъ и частныхъ землевладѣльцахъ, изъ которыхъ многіе отлично знаютъ, потому что извѣдали горькимъ опытомъ, какъ можно, при такихъ условіяхъ, запутываться совершенно незамѣтнымъ образомъ, несмотря на осторожность и предусмотрительность. Неурожай, ошибка, несчастный случай, въ родѣ града, саранчи и т. п. перевертываютъ вверхъ дномъ всѣ расчеты задолженнаго хозяйства и пускаютъ его съ молотка. Число имѣній, продающихся за долги банкамъ, у насъ ежегодно возрастаетъ: въ 1875 г. было назначено въ продажу 998 имѣній, въ 1876 г.—1540, въ 1877—1796. Разумѣется, въ числѣ владѣльцевъ этихъ имѣній много такихъ, которые прокутили и прожили полученные ссуды, много и такихъ, которые устроили выгодную операцію сбыта своихъ земель¹, но есть и такіе, которые никогда не думали продавать своихъ имѣній и сдѣлались просто жертвою задолженнаго положенія и случайностей, которыхъ такъ много въ сельскомъ хозяйствѣ, въ особенности, при низкомъ уровнѣ культуры, и которыя въ особенности тяжелы въ задолженномъ положеніи.

Нужно еще замѣтить, что землевладѣльцы наши получали ссуды для улучшенія хозяйствъ, а не для покупки земли, которая у нихъ была, и получали ихъ на условіяхъ гораздо болѣе льготныхъ, какъ относительно сроковъ, такъ и относительно процентовъ, чѣмъ проэктируются для крестьянъ. Объ улучшеніи хозяйства здѣсь нечего и думать, такъ какъ оно

¹ Операція эта очень проста, по объясненію банковъ: заемщики берутъ одну ссуду изъ банка, другую—подъ частную закладную, затѣмъ сдаютъ землю на болѣе или менѣе долгій срокъ въ аренду и предоставляютъ имѣніе въ распоряженіе кредиторамъ. Нѣкоторые предварительно даже выкупаютъ скотъ, хозяйственный инвентаръ и вообще всю движимую цѣнность. Земля оказывается по большей части истощенною хищническими посѣвами и небрежнымъ обращеніемъ. Охотниковъ на подобныя имѣнія, разумѣется, оказывается мало, въ особенности въ виду чрезмѣрныхъ, спекулятивныхъ ссудъ, выданныхъ подъ нихъ банками, на шеѣ которыхъ они и остаются: въ 1875 г. изъ 998 продававшихся имѣній было продано только 223, въ 1876 г. изъ 1540—447 и въ 1877 г. изъ 1796—804 имѣнія. Банки наши списали за эти годы въ счетъ убытковъ: въ 1876 г.—465,718 р., въ 1876 г.—226,131 р. и въ 1877—663,376 р. Эти данныя могутъ, какъ намъ кажется, служить достаточнымъ объясненіемъ, почему наши банки и многіе изъ землевладѣльцевъ заинтересованы въ продажѣ земель крестьянамъ.

потребуется новых капиталовъ, которыхъ достать негдѣ. За-
долженное положеніе всегда служитъ большимъ тормазомъ для
сельскохозяйственной культуры. Клифъ Лесли (профессоръ поли-
тической экономіи въ лондонскомъ университетѣ), трактуетъ объ
этомъ предметѣ въ одномъ изъ своихъ очерковъ, цитируетъ
Кэрда, который высказывалъ въ шестидесятыхъ годахъ относи-
тельно англійскаго земледѣлія слѣдующее: «громадная преграда
къ улучшенію настоящаго положенія земледѣлія въ Англии за-
ключается въ значительномъ обремененіи земли закладами, и на
это необходимо обратить вниманіе законодательства. Въ какомъ
бы графствѣ вы ни нашли запущенное помѣстье, вы можете
точно объяснить себѣ, что это происходило отъ невозможности
со стороны собственника ввести необходимыя улучшенія по при-
чинѣ гнетущихъ его долговъ». Земель, находящихся въ подоб-
номъ *плачевномъ* положеніи, по словамъ Кэрда, въ Англии го-
раздо больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, благодаря отсут-
ствію точныхъ статистическихъ данныхъ. Смѣемъ быть увѣрены,
на основаніи многихъ соображеній, что положеніе земель, кото-
рыя приобрѣтутъ наши крестьяне на проектированныхъ условіяхъ,
будетъ неизмѣримо плачевнѣе. Для нихъ создается неминуемо
еще одно положеніе, которое также страшно тормозитъ сельско-
хозяйственную культуру, это—необезпеченность владѣнія и поль-
зованія землей, которую въ одинъ прекрасный день могутъ пре-
спокойно отобрать кредиторы. Кто интересовался когда-нибудь
ирландскимъ аграрнымъ вопросомъ, тотъ знаетъ, что значить
это жестокое слово—*insecurity of tenure*, произнесенное знамени-
тымъ парламентскимъ слѣдствіемъ 1845 г., слово, столь часто
встрѣчающееся во всѣхъ экономическихъ сочиненіяхъ объ Ир-
ландіи. А между тѣмъ, создается положеніе, совершенно подоб-
ное ирландскому, даже хуже: тамъ землевладѣлецъ можетъ от-
казаться фермеру отъ земли по окончаніи срока аренды или даже,
если не было условія, по произволу, отъ чего, впрочемъ, онъ до
извѣстной степени сдерживается обычаями, собственнымъ расче-
томъ и страхомъ аграрныхъ убійствъ; а здѣсь, земля можетъ
быть отобрана банкомъ и другими кредиторами за неплатежъ
въ срокъ процентовъ, которыхъ земля оплачивать не можетъ,
потому что они превышаютъ ея дѣйствительную доходность.
Мужикъ, разумѣется, нѣсколько лѣтъ не будетъ считать своего
труда, будетъ работать на землю и платить за нее, но случится
неурожайный годъ и все пойдетъ прахомъ. Или: не имѣя возмож-
ности удобрять землю, онъ можетъ видѣть только постепенное,
дальнѣйшее ея истощеніе и потерю труда, а въ концѣ-концовъ,
выбѣется изъ силъ. Тамъ—произволь, здѣсь—случай, даже вѣр-
ный расчетъ на неудачу, временно отклоняемую только нечело-
вѣческими усиліями и болѣе чѣмъ христіанскимъ долготерпѣ-
ніемъ. Здѣсь удача будетъ случаемъ. Что лучше—не знаю. Во-
просовъ такой большой важности, какъ народный кредитъ и
народное землевладѣніе, рѣшать въ расчетѣ на авоську невоз-

можно. Цѣны помѣщичьихъ земель до такой степени высоки, сравнительно съ ихъ производительностью, что крестьянство, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, прибрѣтаетъ ихъ не можетъ, а если и будетъ прибрѣтаетъ, то не удержитъ. У насъ происходить тоже самое, что происходило съ крестьянскимъ землевладѣніемъ и въ Европѣ, гдѣ, послѣ уничтоженія обязательныхъ отношеній, цѣны на землю поднимались настолько, что становились недоступными для народа. Сколько крестьянъ въ Германіи не могло приступить къ выкупу и сколько такихъ, которые, начавъ выкупъ, не смогли его окончить и должны были отказаться отъ земли. Невозможно, при такихъ условіяхъ, покупать землю и миромъ, который, если въ концѣ-концовъ и вынесетъ платежъ, что также подлежитъ еще сомнѣнію, то поставитъ себя на все время платежа въ кабальное положеніе, а за это время увеличится население и придется начинать опять сначала. При такихъ условіяхъ можетъ прибрѣтать землю только меньшинство населенія, только тѣ изъ крестьянъ, у кого есть нѣкоторый капиталецъ, который они желаютъ затратить въ сельское хозяйство и который ихъ освобождаетъ, по крайней мѣрѣ, отъ займа у частныхъ лицъ, для уплаты продавцу земли недостающей суммы, сверхъ банковской ссуды. Положеніе такихъ собственниковъ было бы также невыгодно и шатко, еслибы они сами обрабатывали землю или хорошо оплачивали работу; но такіе собственники обыкновенно и прежде всего строятся къ эксплуатаціи труда обездоленныхъ бѣдняковъ, изъ которыхъ уже и выжимаютъ: и на платежъ $\frac{0}{100}$, и на погашеніе капитала, и себѣ за рискъ и хлопоты, и дѣтишкамъ на пряники.

Словомъ, кредитъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ проектированъ, и при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ имѣетъ быть приложенъ, не только не исправитъ крестьянскихъ надѣловъ, но будетъ порождать дальнѣйшую несправедливость: содѣйствовать помѣщикамъ выпродать по высокимъ цѣнамъ земли неудобныя, выпавшныя и обремененныя долгами, взамѣнъ которыхъ они могутъ прибрѣсти по дешевымъ цѣнамъ другія; не дать крестьянству ничего, кромѣ экономической иллюзіи, за которую заставить его заплатить невозможно дорого, и будетъ содѣйствовать развитію кулачества. Главная причина этого—не столько въ самыхъ условіяхъ кредита, т. е. недостаточности ссудъ и высотѣ $\frac{0}{100}$, сколько въ неестественной дороговизнѣ земель, на которыя главнымъ образомъ имѣетъ направиться покупка. Еслибы продавались крестьянству по опредѣленной, невысокой цѣнѣ только однѣ казенныя земли, то невыгоды кредита были бы меньше. Въ противномъ случаѣ, необходимо правительственнымъ путемъ установить извѣстную оцѣнку или извѣстныя нормы для оцѣнки помѣщичьихъ земель, по ихъ дѣйствительной цѣнности и доходности. Многіе, конечно, останутся недовольны этою послѣднею мѣрою и назовутъ ее крайнимъ экономическимъ стѣсненіемъ, совершенно забывая при этомъ, что ненормально высокія цѣны помѣщичьихъ

земель суть прямой результатъ еще болѣе вопіющаго и вреднаго для государства стѣсненія — недостаточности земли у народа.

II.

Чтобы не слышать ни страшныхъ, ни жалкихъ словъ насчетъ несправедливости и не оглашать страну воплями яко-бы угнетенныхъ невинностей, мы рекомендовали въ прошломъ году отводить или даже продавать сначала, по невысокой цѣнѣ, съ возможно болѣе льготною рассрочкою, казенныя земли, на покушку которыхъ и предлагали преимущественно направить проэктированный кредитъ, пока крестьянскій трудъ не будетъ насыщенъ свободною землею, пока крестьянство не перестанетъ такъ сильно зависеть отъ помѣщичьей земли, а затѣмъ уже предлагали обратиться къ помѣщичьимъ землямъ. Подобною искусственною мѣрою, послѣдовательно проведенною въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ особенности въ связи съ податною реформою, мы рассчитывали урегулировать до извѣстной степени искусственныя цѣны помѣщичьихъ земель.

Конечно, подобное урегулированіе могло бы произойти только до извѣстной степени, потому что приобрѣтеніе казенныхъ земель весьма часто было-бы сопряжено съ переселеніемъ въ другую мѣстность, а это не легко. Часто это даже невозможно для человѣка, по недостатку средствъ для переѣзда и новаго обзаведенія, если только правительство не оказываетъ переселенцамъ содѣйствія. Люди долго стали бы биться около родныхъ мѣстъ, долго стали бы цѣпляться за каждый кустъ, за каждую пядь земли, за каждую, даже самадѣйшую, возможность существованія и продолжали бы, конечно, цѣнить гораздо дороже ту землю, которая у нихъ подъ бокомъ. Поэтому, цѣны на помѣщичьи земли все-таки были бы выше нормальныхъ и не стали бы развѣ только переходить за крайніе предѣлы эксплуатаціи нуждающихся. Надѣмся, что противъ подобной мѣры, крайне умѣренной, ничего не могъ бы возразить ни одинъ юридическій защитникъ яко-бы угнетенныхъ невинностей. Собственно говоря, государство имѣло бы полное право установить обязательный выкупъ, по опредѣленнымъ цѣнамъ, не только такъ называемыхъ отрѣзныхъ земель и естественныхъ угодій, безъ которыхъ многимъ селамъ и деревнямъ невозможно жить и которыя оставили за собою помѣщики, но и тѣхъ земель, которыя не обрабатываются самими землевладѣльцами и сдаются только въ аренду нуждающемуся въ нихъ крестьянству. Вотъ какъ по этому поводу разсуждаетъ экономистъ, вовсе не отличающійся крайностью воззрѣній и авторитетъ котораго признается всѣми партіями: «Когда говорятъ о неприкосновенности собственности, читаемъ мы въ «Основаціяхъ политич. Экономіи» Дж. Ст. Милля, то нивакъ не слѣдовало бы забывать, что по-

земельная собственность вовсе не имѣетъ этого качества въ такой степени, какъ другіе роды собственности. Земля не создана никѣмъ изъ людей; она—коренное наслѣдіе всего человѣческаго рода. Ея присвоеніе частнымъ лицомъ—исключительно вопросъ общей пользы... (Т. I, стр. 280). И, затѣмъ, далѣе: «Поземельная собственность не похожа на другіе роды собственности, это понимаютъ даже самые упорнѣйшіе защитники ея правъ. Гдѣ масса общества исключена отъ участія въ поземельной собственности, тамъ люди вообще старались примирить съ нею свое чувство справедливости тѣмъ, что соединяли съ нею обязанности, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, и возвышали ее на степень нравственной или юридической обязанности... Право землевладѣльцевъ на землю совершенно подчинено общей государственной политикѣ». Доказывая далѣе право землевладѣльцевъ на вознагражденіе за землю, какъ и вообще за всякій видъ собственности, признанной государствомъ, Милль говоритъ: «Общество имѣетъ такую надобность въ надлежащемъ воздѣлываніи земли, въ исполненіи условій, соединенныхъ съ владѣніемъ землею, что не можетъ оставлять этихъ вещей на произволъ сословія лицъ, называемыхъ землевладѣльцами, когда они показали себя неспособными исполнять свои обязанности. Если законодательная власть захочетъ, то можетъ взять землю, давъ за нее облигаціи государственнаго долга или пенсіи...» (стр. 281—2). «Права поземельной собственности, говоритъ Милль:—должны истолковываться въ самомъ тѣсномъ объемѣ—я считаю это правило почти аксіомою. Совершенно противное должно сказать о движимой собственности, о собственности на все, производимое трудомъ: собственникъ имѣетъ безусловную власть исключительнаго пользованія этими вещами, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда проистекаетъ бы отъ того положительный вредъ для другихъ».

Такъ разсуждаетъ, говоримъ мы, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ и умѣренныхъ экономистовъ. Читатель видитъ, насколько наше предложеніе на счетъ казенныхъ земель еще болѣе скромно, въ особенности, при существованіи великаго множества сель и деревень, задѣленныхъ землею (получившихъ малые и средніе надѣлы, обратившіеся теперь также въ малые, вслѣдствіе возростанія населенія) и естественными угодіями, къ которымъ, по всей справедливости, слѣдовало бы примѣнить правительственный выкупъ для коррективнаціи крестьянской реформы, предполагавшей создать изъ крестьянъ классъ самостоятельныхъ хозяевъ, надѣленныхъ вполне достаточнымъ количествомъ земли. Вопросъ о непроезводительномъ употребленіи казенныхъ земель и о недостаточности земли у крестьянъ неоднократно поднимался въ нашей литературѣ и обсуждался со всевозможныхъ сторонъ, и, за исключеніемъ развѣ только самыхъ закорючлыхъ консерваторовъ, почти всѣ изслѣдователи, не исключая и кн. Васильчикова, согласны въ томъ, что крестьянское малоземелье является во множествѣ случаевъ тормазомъ

для развитія народнаго благосостоянія, что пока *разсчитывают на усовершенствованные приемы и способы земледѣлія, при которыхъ количество обрабатываемой земли отходитъ на второй планъ, уступая качеству обработки, нельзя по многимъ условіямъ нашей сельско-хозяйственной жизни.* Другими словами, все это говорить за необходимость расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія путемъ возможно болѣе плотнымъ, чѣмъ лучше всего и достигается казенными землями, приносящими казѣ ничтожный доходъ, содержащими огромное управление и раздаваемыми частнымъ лицамъ (напр.: на Кавказѣ, въ Оренбургской Губерніи и другихъ) — кому въ даръ, кому за ничтожную плату, кому въ обмѣнъ на неудобную землю въ другой губерніи. Деньги, вырученныя отъ продажи земли, могли бы цѣлкомъ пойти на народное образованіе, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ Америкѣ, поставившей, благодаря этому, дѣло народнаго образованія въ блестящее положеніе. Выгоды государства отъ расширенія площади культурныхъ земель, отъ увеличенія производительности и вообще отъ возростанія народнаго благосостоянія — до такой степени очевидны, что объ этомъ нѣтъ надобности и говорить. Это — выгоды не только матеріальныя, экономическія, но и нравственныя и политическія. Трудно вообразить себѣ болѣе вредный порядокъ вещей, чѣмъ тотъ, когда чисто-искусственными препятствіями ставятъ преграды свободному, естественному распредѣленію земли между населеніемъ. При такихъ условіяхъ, прежде всего, трудъ почти всегда теряетъ огромную долю своей производительности, не говоря уже о другихъ послѣдствіяхъ, гораздо болѣе важныхъ. Все, что есть въ ученomъ мірѣ Европы безкорыстно преданнаго наукѣ, все это постоянно возстаетъ противъ такого порядка вещей; даже писатели, стоящіе на чисто буржуазной точкѣ зрѣнія, и тѣ ратуютъ противъ крайностей этого порядка. Слова Плинія объ Италіи повторяются чуть ли не въ каждомъ экономическомъ трактатѣ и звучатъ предостереженіемъ тѣмъ странамъ, которыя не изучаютъ исторіи или недостаточно къ ней внимательны. В. Госкинсъ, говоря о сложныхъ, запутанныхъ, противорѣчивыхъ и стѣснительныхъ поземельныхъ законахъ Англіи, одно изученіе которыхъ, по его словамъ, можетъ довести до отчаянія и которые ставятъ неисчислимыя препятствія для пріобрѣтенія земли не только бѣдняками, но даже людьми съ умѣреннымъ капиталомъ, высказываетъ, что «недостатокъ искусственныхъ законовъ состоитъ не только въ томъ, что они производятъ вредъ, но и въ томъ, что они мѣшаютъ добру, останавливая благотѣльное дѣйствіе законовъ естественныхъ». Лѣтъ сорокъ тому назадъ, экономисты, а вслѣдъ за ними и государственные люди принимали обыкновенно въ соображеніе только величину производства народнаго богатства. Въ то время господствовали ученія о національномъ оборотномъ капиталѣ, заработномъ фондѣ страны, чистой прибыли и проч., и на нихъ сосредоточивалось

все вниманіе, такъ какъ въ нихъ полагался весь фокусъ народнаго благосостоянія. Этому ученію заплатили дажъ многіе замѣчательные умы. Но съ тѣхъ поръ утекло уже много воды. «Современныя усовершенствованія въ машинахъ, говоритъ Лавеле:— удвоили или утроили производство, не увеличивая нисколько благосостоянія тѣхъ, которые своимъ трудомъ вполнѣ этого заслужили; поэтому нынѣ розыскиваются средства лучшаго распредѣленія производства; нынѣ многіе полагаютъ, что нѣзъ двухъ системъ аграрной организаціи той надо отдать предпочтеніе, которая справедливѣе распредѣляетъ производство». Вторая система, говоритъ онъ, «гораздо выше первой», хотя бы производительность земли и была ниже. Но дѣло въ томъ, что при второй системѣ и производительность возрастаетъ. Еслибы въ настоящую минуту понадобились доказательства болѣе выгодности мелкихъ хозяйствъ, обрабатываемыхъ самими ихъ собственниками, которые всегда могутъ, кромѣ того, соединять ихъ и пользоваться всѣми выгодами крупной культуры, то въ доказательствахъ, разумѣется, не было бы недостатка; экономисты могли бы теперь выставить такую армію фактовъ, добытыхъ самими добросовѣстными наблюденіями и изслѣдованіями, что, конечно, разбили бы немногочисленныхъ отсталыхъ приверженцевъ теорій, господствовавшихъ въ наукѣ 40—50 лѣтъ тому назадъ, и показали бы, что доводы въ пользу крупнаго землевладѣнія, какъ синонима высокой культуры и производительности земли, представляютъ, по меньшей мѣрѣ, недоразумѣніе, продиктованное землевладѣльческимъ своекорыстіемъ. Писатель, котораго мы цитировали нѣсколько выше, а именно В. Госкинсъ, говоря, что англійское землевладѣніе, начиная съ періода, непосредственно слѣдовавшаго за нормандскимъ завоеваніемъ и до настоящаго времени, представляетъ исторію, неизмѣнную въ одномъ пунктѣ—въ постоянной борьбѣ соперничающихъ интересовъ, что стороны, участвовавшія въ этой борьбѣ (государь, баронъ, духовный, юристъ и землевладѣлецъ) вступали въ нее поочередно, подъ давленіемъ вражды и эгоистическихъ интересовъ, восклицаетъ: но замѣчательно, что въ этихъ спорахъ и въ особенности въ установившейся наконецъ два вѣка тому назадъ системѣ «не слышно было никогда двухъ голосовъ, двухъ интересовъ, о которыхъ мало думали, именно—голоса политико-эконома и агронома». А, между тѣмъ, замѣтите, все дѣлалось ихъ именемъ, т. е. ради процвѣтанія хозяйства и народнаго благосостоянія.

Въ политической экономіи Милля мы находимъ двѣ блестящія главы, посвященныя описанію высокаго процвѣтанія земледѣлія и благосостоянія у поселянъ-собственниковъ въ Швейцаріи, Норвегіи, Германіи, Бельгіи, на островахъ Британскаго Канала и во Франціи. Омъ самымъ обстоятельнымъ образомъ разбираетъ существовавшія на этотъ счетъ предубѣжденія, съ сожалѣніемъ, не вполнѣ еще уничтоженныя и до сихъ поръ, и подкрѣпляетъ свои доводы многочисленными цитатами и ссылками на другихъ писа-

телей: Сисмонди, Ленга, Рау, Кея, Рейхеншпергера, Альбр-Таэра, Макъ-Куллаха, А. Юнга, Торнтона, де-Лаверия и другихъ, изъ которыхъ многіе, даже симпатизируя крупному землевладѣнію, не могли однако не отзываться съ высокою похвалою о видѣнныхъ ими мелкихъ хозяйствахъ поселянъ. Другой извѣстный экономистъ—Лавелэ, въ своемъ изслѣдованіи о поземельной системѣ Бельгій и Голландіи¹, также самымъ категорическимъ образомъ доказываетъ, что на всемъ континентѣ Европы мелкія хозяйства обладаютъ большимъ количествомъ скота, имѣютъ въ обращеніи большіе капиталы и получаютъ болѣе произведеній и доходовъ, чѣмъ крупныя помѣстья; что затрачиваютъ они на удобреніе гораздо больше крупныхъ хозяйствъ, которыя не вынесли бы подобныхъ расходовъ и раззорились бы. (Мелкіе фламандскіе фермеры помѣщаютъ, напримѣръ, ежегодно въ гуано 15 — 20 мил. франковъ и столько же въ другія удобрения). Онъ доказываетъ, что такъ называемая мелкая культура вовсе не представляетъ преграды къ употребленію машинъ и вовсе не должна довольствоваться, какъ это многіе утверждаютъ, только самыми первобытными орудіями. Оставляя въ сторонѣ усовершенствованныя ручныя инструменты и брабантскіе плуги, вывезшіеся еще не очень давно изъ страны мелкаго хозяйства — Фландрію въ Англію, онъ говоритъ, что въ настоящее время вездѣ во Фландріи встрѣчаются паровыя молотилки (покупаемыя въ складчину или кѣмъ либо изъ хозяевъ для отдачи въ наемъ), что тоже самое происходитъ и съ паровымъ плугомъ, какъ только онъ становится производительнымъ и необходимымъ, а равно и съ другими машинами. Напримѣръ: въ Поперингенѣ, гдѣ производится хмѣль, община купила чрезвычайно дорогія прессовальныя машины; въ Швейцаріи куплены машины для ведущагося сообца сыроваренія и т. п. «Поразительное доказательство стремленія мелкаго хозяйства примѣнить механическую силу, читаемъ мы у другого писателя, Клифа Лесли, въ описаніи французской поземельной системы:—заключается въ томъ фактѣ, подтверждаемомъ послѣдними статистическими свѣдѣніями, что всего болѣе жатвенныхъ и косильныхъ машинъ находится въ департаментѣ Нижняго Рейна, гдѣ наиболѣе распространено мелкое хозяйство». «Къ тому же, замѣчаетъ Лавелэ:—подраздѣленіе земли можетъ идти рука объ руку съ методами крупной культуры, или крупнаго хозяйства; земледѣліе можетъ производиться на большой ногѣ, а земля въ тоже время можетъ быть собственностью большаго количества людей», въ противоположность тому, какъ сплошь да и рядомъ теперь земля принадлежитъ одному владѣльцу, а воздѣлывается мелкими фермерами, по системѣ мелкаго хозяйства. Далѣе Лавелэ доказываетъ, что не крупный капиталистъ, а, напротивъ, только мелкій землевладѣлецъ, съ лопатою въ рукѣ, можетъ воздѣлывать неплодныя пространства, совершая чудеса,

¹ Владѣніе и пользование землей въ различныхъ странахъ. Спб. 1871.

доступны только ему и его любви къ землѣ. Посмотрите, говорятъ онъ, на Фландрію: почва въ ней самая неблагоприятная, климатъ плохой, а между тѣмъ, и по количеству скота на десятину, и по оборотному капиталу, и по валовому доходу она стоитъ выше Англій и гораздо выше Ирландіи. И замѣьте еще, что во Фландріи, какъ и въ Ирландіи, множество фермъ находится въ рукахъ арендаторовъ, а не собственниковъ, хотя рядомъ съ ними есть и послѣдніе. Острова Британскаго Канала, гдѣ земля принадлежитъ поселенцамъ, служатъ еще болѣе рѣшительнымъ примѣромъ только-что приведеннаго мнѣнія Лавелэ (Торнтонъ). Въ Бельгіи, продолжаетъ Лавелэ, есть земли, столь безплодныя по природѣ, что половина потраченнаго на нихъ капитала или вовсе потеряна, или даетъ такой ничтожный доходъ, что не въ интересахъ капиталиста употреблять деньги на такое предпріятіе. Есть и много другихъ мѣстъ, гдѣ всѣ пытавшіеся завести большія фермы, какъ бы хорошо онѣ ни управлялись, раззорились, или, по крайней мѣрѣ, потеряли много денегъ. Между тѣмъ, мелкіе хозяева вездѣ культивировали пустыни: они превратили въ плодоносныя поля дюны и пески Бельгіи, Голландіи, они воздѣлали вершокъ за вершкомъ горы въ Савойѣ, Швейцаріи, Ломбардіи и т. д. Разсматривая рядъ статистическихъ отчетовъ о швейцарскихъ кантонахъ, Милль говоритъ: «общій выводъ изъ этихъ отчетовъ тотъ, что съ начала нѣмняго вѣка, когда раздробилось множество большихъ помѣстій, совершилось поразительное и быстрое улучшение почти во всѣхъ отрасляхъ земледѣлія, улучшились жилища, обычаи и пища народа. Составитель описанія тургаусскаго кантона говоритъ, что, по раздробленіи феодальныхъ помѣстій и съ переходомъ этихъ земель въ руки поселенцевъ, на одной третей или на одной четвертой части прежняго помѣстья нерѣдко стало производиться столько же хлѣба и содержится столько же скота, сколько было прежде въ цѣломъ помѣстьѣ».

Тоже самое мы можемъ видѣть и въ другихъ странахъ. Французская исторія представляетъ намъ три момента, въ которые крестьяне приобрѣтали землю и за которыми слѣдовало процвѣтаніе страны, продолжавшееся ровно до тѣхъ поръ, пока историческія обстоятельства снова не отбирали у нихъ землю. Вотъ что говорить по этому поводу извѣстный историкъ Мишле: «бѣдность бываетъ въ состояніи покупать въ самыя плохія времена, въ моменты всеобщей бѣдности, когда даже самые богатые дѣлаются бѣднѣе и продаетъ поневолѣ; такъ какъ покупателей не находится, крестьянинъ приходитъ... и приобрѣтаетъ клочекъ земли. За этими минутами раззоренія, когда крестьянинъ могъ дешево приобрѣтать землю, всегда слѣдовалъ внезапный потокъ обилія, котораго люди не могли себѣ растолковать. Напримѣръ, около 1500 года, когда Франція, истощенная Людовикомъ XI, казалась совершенно раззорялась въ Италіи, дворянство, отправляясь туда, принуждено было продавать землю, и земля, пере-

шедши въ другія руки, процвѣла вдругъ; вездѣ трудятся и строятъ. Этотъ прекрасный моментъ былъ названъ le bon Louis XII. Къ несчастію, этотъ моментъ былъ непродолжителенъ. Едва земля поправилась, какъ является фискаль, наступаютъ религіозныя войны, которыя точно стираютъ все съ лица земли, настаетъ ужасныя бѣдствія, страшныя голода, когда матери пожирали своихъ дѣтей. Кто бы подумалъ, что страна поднимется отъ этого? Но едва кончается война, съ этого опустошеннаго поля, изъ этой хижины, еще обожженной и черной, приходитъ бережливый крестьянинъ. Онъ покупаетъ; въ десять лѣтъ Франція измѣнилась, въ двадцать или тридцать лѣтъ всѣ имѣнія удвоились, даже утроились въ цѣнѣ. Этотъ моментъ называется le bon Henri IV и великій Ришелье». Третьимъ моментомъ была великая французская революція, о которой не нужно и говорить. Соглашаясь съ расчетомъ А. Юнга насчетъ превосходства большаго хозяйства, безъ всякаго сомнѣнія эконоимизирующаго много рабочей силы, времени и проч., Лавелэ говоритъ: расчетъ Юнга совершенно вѣренъ самъ по себѣ, но его опровергаетъ одинъ доводъ, именно — мелкія хозяйства «производятъ болѣе и приносятъ болѣеій доходъ, чѣмъ крупныя; а это — фактъ, встрѣчающійся вездѣ въ Европѣ (насколько мнѣ извѣстно, безъ исключенія), гдѣ только крупная и мелкая собственность вступаютъ въ соперничество». Какія провинціи во Франціи самыя богатыя и производительныя? Тѣ, гдѣ мелкіе землевладѣльцы составляютъ большинство (Леонсъ де Лавернь). Тоже самое и въ Пруссіи (Моріеръ), и въ Саксоніи (Энгель), и въ Италіи, и въ Португаліи (Кей), и въ другихъ странахъ. Все это, кажется, несомнѣнное и вѣскіе доводы въ пользу крестьянскаго землевладѣнія. Но то, что воздѣлываніе земли при такой системѣ выгоднѣе, еще не самое большее благодѣяніе, говоритъ Лавелэ: «Чѣмъ многочисленнѣе количество землевладѣльцевъ въ странѣ, тѣмъ большее число свободныхъ и независимыхъ гражданъ заинтересовано въ поддержаніи общественнаго порядка. Собственность составляетъ необходимое дополненіе свободы, безъ собственности человекъ не можетъ быть истинно свободенъ. Какія бы права политическая конституція ему ни давала, коль скоро онъ арендаторъ, онъ — человекъ зависимый. Въ Бельгіи большинство арендаторовъ-фермеровъ участвуетъ въ муниципальных и парламентскихъ выборахъ. Но это право ни мало не возвышаетъ ихъ въ социальномъ отношеніи, а, напротивъ, служитъ для нихъ источникомъ униженія и страданія, такъ какъ они обязаны подавать голосъ по приказанію землевладѣльца, а не по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ и наклонностямъ». Лавелэ предостерегаетъ государства и заканчиваетъ свой очеркъ слѣдующими словами: «Нѣтъ болѣе консервативныхъ и поддерживающихъ порядокъ въ обществѣ мѣропріятій, какъ тѣ, которыя даютъ возможность приобрѣтать въ собственность землю воздѣлывающимъ его поселянамъ; съ другой стороны, нѣтъ болѣе опасныхъ въ будущемъ мѣропріятій, какъ

тѣ, которыя сосредоточиваютъ землевладѣніе въ рукахъ немногочисленныхъ семействъ».

Читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на меня за эти довольно длинныя выписки изъ очерка Лавелэ, потому что онѣ превосходно уясняютъ дѣло въ чрезвычайно краткой формѣ. Почти тоже самое говорятъ и многіе другіе экономисты. Начиная разбирать вопросъ съ самыхъ противоположныхъ сторонъ, съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, они съ рѣдкимъ единодушіемъ сходятся въ одномъ пунктѣ — въ необходимости народнаго землевладѣнія. «Нѣтъ болѣе правильной и благоприятной для развитія земледѣлія системы, говоритъ Моріеръ: — какъ та, при которой собственники сами эксплуатируютъ свои помѣстья, но только при одномъ условіи, чтобы они были столь же многочисленны, какъ въ Швейцаріи, Норвегіи и Соединенныхъ Штатахъ. Въ такомъ случаѣ, эта система непосредственнаго пользованія землею является наиболѣе соответствующей господству демократіи, соединяющей въ себѣ начала порядка и свободы». «Дайте, восклицаетъ когда-то А. Юнгъ: — человѣку въ прочное владѣніе скалу, онъ обратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню». «Хозяйство можетъ правильно развиваться, утверждаетъ Лесли: — только въ рукахъ собственниковъ». Гдѣ землевладѣніе, говоритъ этотъ писатель, является національнымъ учрежденіемъ, гдѣ земля принадлежитъ народу, тамъ нечего опасаться никакихъ революцій. Уничтоженіе и сокращеніе крестьянскаго землевладѣнія вездѣ сопровождалось появленіемъ нищенства, разбоевъ и открытыхъ волненій, и никакія мѣры строгости, духовныхъ увѣщаній и общественного призванія не производили необходимаго дѣйствія, не достигали успокоенія умовъ. Недовольство переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе, и если на время затихало пригнутое силою, то только для того, чтобы проявиться снова съ болѣею силою. Предположимъ, спрашиваетъ Лавелэ, что число фермеровъ въ Англіи было бы на 200,000 болѣе, чѣмъ теперь, не уменьшилось ли бы отъ этого количество нищихъ на 500,000 человѣкъ? Конечно, отвѣчать на этотъ вопросъ можно только утвердительно. Не подѣжитъ также никакому сомнѣнію, что съ увеличеніемъ народнаго землевладѣнія, благодаря уменьшенію соперничества на рабочемъ рынкѣ и независимому положенію, создаваемому землей, дающему возможность торговаться съ нанимателемъ, возрастаетъ несомнѣнно и заработная плата рабочаго, и вообще увеличивается народное благосостояніе. Если относительно возвышенія заработной платы имѣется много точныхъ данныхъ (Лавелэ, Лесли и др.), то относительно возрастанія народнаго благосостоянія согласны почти всѣ экономисты; даже опасеніе одностороннихъ политиковъ насчетъ чрезмѣрнаго будто бы размноженія населенія при такихъ условіяхъ не оправдывается, по крайней мѣрѣ, оно давнымъ-давно и самымъ безспорнымъ образомъ уже опровергнуто Миллемъ, который,

кромѣ того, доказывалъ еще огромное вліяніе принадлежности земли поселенцамъ на народное воспитаніе, на развитіе умственное и на развитіе нравственныхъ достоинствъ—благоразумія, воздержности и самообладанія. «Гдѣ главную массу рабочего класса, читаемъ мы у него:—составляютъ поденщики, тамъ работники вообще небрежливны; они беззаботно тратятъ всѣ свои доходы, не заботясь обезпечить свою будущность. Это—фактъ извѣстный... Поселеніе же собственники и работники, надѣющіеся стать собственниками, имѣютъ влеченіе къ противоположной крайности, они склонны уже до чрезмѣрности думать о будущемъ. Ихъ чаще обвиняютъ въ скупости, чѣмъ въ расточительности». Конечно, это — не совсѣмъ привлекательная черта, даже опасная для общественной нравственности, въ особенности когда она доходитъ до крайности—обращается, по выраженію Милля, въ страсть къ деньгамъ, *дьявольскую* людей *хитрими* и *расчетливыми* *въ дурномъ* *смыслѣ* слова, заставляющую ихъ питаться самою скудною и вредною для здоровья пищею и жить въ отвратительныхъ лачугахъ, чтобы только скопить лишнюю копейку; но когда всѣ современные намъ политики, вся полиція, официальные моралисты и вообще весь многочисленный персоналъ государственнаго управленія и примыкающіе къ нему высшіе классы только и толкуютъ о томъ — какъ бы сдѣлать народъ благоразумнымъ и бережливымъ, когда по этому поводу исписываются ежегодно несметныя количества бумаги и употребляются безплодныя усилія, то какъ не сказать, что для этого есть простое, давно уже извѣстное и рѣшительное средство: земля. Писатели, изучавшіе рабочій вопросъ и знакомые съ рабочимъ людемъ, единогласно свидѣтельствуютъ о страстномъ стремленіи рабочего человѣка, оторваннаго отъ земли, опять къ землѣ, о невѣроятныхъ усиліяхъ, продолжающихся иногда всю жизнь, употребляемыхъ имъ съ этою цѣлью — съ цѣлью пріобрѣтенія клочка земли и независимаго на ней положенія. Никто такъ дорого не платитъ за землю, какъ онъ. Никто не станетъ покупать землю, чтобы получать съ нея только $\frac{1}{2}\%$ дохода, а онъ покупаетъ. Никто не станетъ затрачивать столько труда на землю, сколько затрачиваетъ онъ. Въ гористыхъ странахъ, какъ, на примѣръ, въ Савойѣ, Швейцаріи и Ломбардіи, онъ «создаетъ самъ почву, строитъ террасы вдоль крутыхъ скатовъ, обноситъ ихъ оградой изъ большихъ камней, потомъ таскаетъ туда землю на спинахъ и на этой-то землѣ садитъ виноградную лозу, орѣшникъ и тутовое дерево, или сѣетъ жито и маисъ. Всякій, кто, заплативъ за приготовленіе этой земли, взялъ бы ее на аренду, не получалъ бы и полпроцента на свой капиталъ; поэтому, ни одинъ капиталистъ не пустится на такое предпріятіе». (Лавелю). А онъ пускается. Онъ не считаетъ своего труда и слѣшкомъ дорого цѣнить то, что даетъ ему земля: возможность жить, не платя за квартиру, возможность держать корову, имѣть огородъ и, главное, сознавать свою независимость.

Въ государствахъ, гдѣ водворилось уже крупное землевладѣніе, и гдѣ его поддерживаеетъ законодательство, приобретеніе земли для рабочаго путемъ покупки стало почти невозможнымъ, благодаря высокимъ цѣнамъ на землю, низкой заработной платѣ, не позволяющей сдѣлать достаточныхъ сбереженій, и стѣснительнымъ условіямъ аграрныхъ законовъ. «Невозможно исчислить, говоритъ Госкинсъ: — объемъ того вліянія, какое имѣеть на промышленный и бережливый классъ общества такое устраненіе его отъ покупки земли — этого самаго естественнаго и предпочтительнаго способа помѣщенія капитала». Капиталы уходятъ обыкновенно, говоритъ онъ, на самыя безумныя и раззорительныя спекуляціи, и государство остается въ прямомъ убыткѣ. Мы увѣрены, что когда-нибудь наступитъ время, когда государства не только не будутъ ставить преградъ къ приобретенію земли бѣдняками, какъ это мы видимъ теперь въ Англіи и отчасти въ другихъ странахъ, но будутъ считать своею прямою обязанностью заботиться о томъ, чтобы каждый имѣлъ землю и возможность на ней устроиться самостоятельно. Еслибы каждый гонимый неудачами и житейскою борьбою человѣкъ не чувствовалъ себя обрекаемымъ на бездомное святельчество, а зналъ, что государство всегда, по первому его заявленію, дастъ ему уголь на землѣ и возможность независимой жизни, то это было бы очень хорошо. Можетъ быть, въ интересахъ фиска, общественнаго приязненія и разныхъ другихъ государственныхъ соображеній, государства установятъ даже, что каждый изъ гражданъ будетъ обязанъ имѣть землю, если не можетъ существовать никакимъ инымъ трудомъ, болѣе прибыльнымъ или отвѣчающимъ индивидуальнымъ наклонностямъ и желаніямъ. Можетъ быть, они будутъ даже прикладывать старанія къ тому, чтобы у каждого человѣка былъ даже свой домъ и хозяйство или ремесло, выдавая для этого ссуды, устраивая строительныя общества и проч. Взглядъ на задачи государства все болѣе и болѣе измѣняется: вмѣсто поглощенія личности, оно начинаетъ направлять свою дѣятельность на служеніе ей, гарантируя ей свободу, независимость и содѣйствуя всестороннему развитію ея духовныхъ силъ. Идея дароваго и обязательнаго образованія все болѣе и болѣе входитъ въ людское сознаніе. Идея обязательной экономической самостоятельности и обезпеченности — также вовсе не парадоксъ. Цивилизованный американскій хозяинъ, прежде чѣмъ требовать отъ рабочаго хорошей работы, старается хорошенько накормить его. Онъ требуетъ, чтобы тотъ ѣлъ. Теперь морить голодомъ рабочаго человѣка и рабочій скотъ только алчный невѣжда. Точно также и въ другомъ случаѣ: прежде чѣмъ требовать отъ гражданъ нравственности и исполненія гражданскихъ обязанностей, цивилизованное государство стремится дать имъ образованіе, оно начинаетъ бороться съ преступленіями не карательными мѣрами, но жестокими законами, а образованіемъ, смягченіемъ нравовъ, и имѣеть уже въ высшей степени осязательные результаты, выра-

жившіеся въ уменьшеніи преступленій и сокращеніи штатовъ полиціи. Но одно научное образованіе и одна отвлеченная мораль, внушаемая въ школахъ, есть только половина дѣла, половина довольно непрочная и сильно зависящая отъ матеріальнаго обезпеченія и самостоятельности.

Затѣмъ, мы видимъ слѣдующее: финансовая наука вырабатывается и устанавливаетъ такое вполне справедливое положеніе, что налогъ долженъ вѣдаться только съ чистаго дохода; а финансовая практика всѣхъ странъ безъ исключенія показываетъ, что имущественные классы всегда упорно протестуютъ противъ введенія подоходныхъ налоговъ, не хотятъ ихъ платить и сваливаютъ податное бремя на косвенные налоги и на такіе изъ прямыхъ, которые платитъ преимущественно простой народъ, являющійся такимъ образомъ главнымъ государственнымъ плательщикомъ, на которомъ и зиждутся всѣ финансы. А изъ всего этого сама собою является мысль, что государство, прежде чѣмъ требовать налоговъ, должно озаботиться о томъ, чтобы предоставить каждому возможность имѣть чистый доходъ, доходъ за покрытіемъ необходимыхъ потребностей: пищи, жилища, одежды и проч., для удовлетворенія которыхъ одной заработной платы, тяготящей постоянно къ мнѣшному содержанию, далеко не достаточно. — Трудно сосчитать, какое множество разъ поднимался въ европейскихъ представительныхъ собраніяхъ вопросъ о необезпеченности рабочихъ, о ихъ жилищѣ, пищѣ и о необходимости улучшить ихъ положеніе. — Трудно передать въ краткихъ словахъ, въ какихъ безплодныхъ сферахъ виталъ этотъ вопросъ, пока люди наиболѣе просвѣщенные не пришли къ сознанію, что улучшить это положеніе можно только путемъ участія рабочихъ въ результатахъ ихъ собственнаго труда, путемъ приобрѣтенія ими экономической независимости. Назначались парламентскія слѣдствія, комиссіи, фабричныя инспекціи, предлагалось доленое участіе въ прибыляхъ, устраивались потребительныя ассоціаціи, рабочіе дома и проч. и проч. И все это было совершенно бесполезно, потому что самыя лучшія начинанія кончались обыкновенно ничѣмъ, встречаясь на практикѣ съ упорствомъ собственниковъ, не понимавшихъ пользы этихъ начинаній. Иванъ обыкновенно сваливалъ на Петра, а Петръ на Ивана и—никто ничего не дѣлалъ. Въ Англій, напр., говоритъ Госкинсъ, «отъ водовозной лошади до собаки ни одно животное на фермѣ не помѣщено такъ дурно, какъ работникъ и его семейство», между тѣмъ, при системѣ аренды, ни землевладѣлецъ, ни арендаторъ не хотятъ и не чувствуютъ себя обязанными строить рабочіе дома. Землевладѣлецъ говоритъ: рабочій не на меня работаетъ, я сдалъ землю фермеру и затѣмъ ничего не хочу знать; онъ можетъ, если желаетъ, дѣлать все машинами и не имѣть ни одного рабочаго; фермеръ же заявляетъ, что онъ боится всякихъ лишнихъ построекъ и не можетъ ихъ дѣлать, потому что не обезпечитъ контрактомъ, потому

что онѣ могутъ быть у него отобраны землевладѣльцемъ. Тотъ и другой изощрились въ логической казуистикѣ какъ нельзя болѣе. Правительство, не разрѣшая этого недоразумѣнія, въ свою очередь не считаетъ себя обязаннымъ сдѣлать что-нибудь существенное въ данномъ случаѣ. Все сдѣланное имъ за послѣдніе годы, по меньшей мѣрѣ, мало, и жизнь сельскихъ работниковъ продолжаетъ оставаться попрежнему жизнью непрестаннаго труда, за плату, недостаточную для удовлетворенія самымъ первымъ потребностямъ, жизнью, не озаряемою никакою надеждою, кромѣ перспективны, по истощеніи силъ, прибѣгнуть въ качества нищихъ къ вспомошествованію прихода, какъ объ этомъ писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Фаусетъ въ своей «Economic Position of the British Labourer». Не мудрено, что положеніе Англіи внушаетъ опасенія многимъ экономистамъ и патриотамъ. Не мудрено, что въ Ирландіи происходили и происходят волненія. «Несправедливость порождаетъ преступленія» говоритъ Лавелъ въ своемъ очеркѣ о поземельномъ устройствѣ Ирландіи. «Власть, поясняетъ онъ: — принадлежащая крупнымъ ирландскимъ собственникамъ, владѣющимъ цѣлыми кантонами, переходитъ за предѣлы той власти, которую человекъ долженъ пользоваться. Судьба тысячъ человѣческихъ созданій находится въ ихъ рукахъ. То, что они дѣлаютъ и не дѣлаютъ, можетъ имѣть слѣдствіемъ разореніе или обогащеніе цѣлой провинціи. Собственникъ входитъ въ долги, имѣніе его описывается; это — гибель для всѣхъ арендаторовъ. Собственникъ умираетъ и имѣніе его продается, арендаторы видятъ свой капиталъ, положенный въ землю, похищеннымъ чужими людьми», и т. д. Затѣмъ, «владѣльцы земель, говоритъ онъ: — составляютъ особую касту; они чужестранцы, живутъ въ чужой странѣ и исповѣдуютъ чужую религію...»

Ирландія дастъ въ высшей степени назидательный примѣръ всѣмъ государствамъ, не желающимъ повторять ея историческихъ ошибокъ и преступленій. Лучшимъ средствомъ для этого будетъ — дать народу землю. Но, какъ же, однако, дать народу землю и, въ особенности, какъ обезпечить ее за нимъ? Въ Западной Европѣ, гдѣ почти вся земля принадлежитъ частнымъ лицамъ, это очень трудно, даже невозможно безъ переворота или прямаго правительственнаго вмѣшательства. У насъ это еще возможно. Мы говорили уже объ этомъ. Затѣмъ, въ землѣ не должно быть отказано рѣшительно никому, рѣшительно ни одному человѣку — ни крестьянину, ни фабричному, ни чиновнику и т. д. — если они пожелаютъ заняться сельскимъ хозяйствомъ. Не дѣло государства распредѣлять профессіи, предназначать къ нимъ людей чуть ли не съ самаго рожденія и мѣшать, положимъ, чиновнику, когда онъ пожелаетъ промѣнять свою душную канцелярію на независимую и здоровую жизнь, полную огромныхъ нравственныхъ наслажденій и честнаго труда, столь же полезнаго для государства, какъ и канцелярская служба. На канцелярскія дѣятельности найдутся

охотники — нельзя предположить, чтобы всё сразу ушли в деревню и оттуда никто не пришел; а если бы это временно и могло произойти, то вовсе не представляло бы собою такого печального и неразрешимого затруднения.

Здѣсь можетъ представиться только одно возраженіе общегосударственнаго свойства, возраженіе, которое можно скорѣе называть фабричнымъ, чѣмъ общегосударственнымъ, а именно: не пострадаютъ ли, вслѣдствіе отлива населенія на землю, отечественныя фабрики, отечественная промышленность? Многимъ, вѣроятно, сейчасъ же представится — какъ насъ забираютъ въ руки иностранцы, какъ мы обращаемся въ отсталый и первобытный народъ, производящій одно только сырье и эксплуатируемый промышленными народами Запада. Они будутъ пѣть со словъ первой попавшейся газеты промышленныя іереміады и не попробуютъ высчитать, во сколько обходится и какъ убыточна для страны промышленность, искусственно создаваемая и поддерживаемая, сколько переплачиваетъ народъ отечественнымъ фабрикантамъ, вооруженнымъ запретительными тарифами, за ихъ гниль и фальсификаціи, сколько перестрадаетъ онъ, насильственно выгоняемый и выживаемый изъ сель въ города, на фабрики, гдѣ требуются на работу не независимые работники, а безземельный пролетаріатъ. Они, можетъ быть, укажутъ на недавній примѣръ Пруссіи — на таможенную реформу желѣзнаго канцлера, этого великаго современнаго идола, но навѣрное не подумаютъ о томъ: основательно ли знакомъ желѣзный канцлеръ съ политической экономіей и исторіей, правильно ли онъ думаетъ, вносить ли что-нибудь въ цивилизацію, не ставитъ ли ея на дыбы, дѣйствительно ли одушевленъ онъ безкорыстными и возвышенными цѣлями и не поддерживаетъ ли фабрикантовъ? Они вѣрятъ ему на слово, что таможенная реформа предпринята съ великою цѣлью разрѣшенія рабочаго вопроса. Эти люди (я не говорю о тѣхъ, которые злонамѣренно разводять подобные вздоры), вѣроятно, никакъ не могутъ представить себѣ, что промышленность у насъ, конечно, развилась бы сама собою, по законамъ естественнаго экономическаго роста и развитія, развилась бы на мѣстахъ, гдѣ ей надлежитъ быть, изъ тѣхъ ростковъ, которые называются кустарными промыслами и ремеслами, что создалась бы она самимъ народомъ безъ тарифовъ, безъ субсидій, и что это-то и была бы настоящая національная промышленность. А если бы этой промышленности оказывать на первое время такую же поддержку государственнымъ кредитомъ, какая оказывалась и оказывается нынѣ существующей промышленностію, то, разумѣется, намъ нечего было бы опасаться иностранцевъ. Что же касается до жалобъ нашихъ фабрикантовъ на отливъ населенія, то на это можно сказать только одно: платите лучше рабочимъ, сдѣлайте ихъ жизнь привлекательнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, и они не пойдутъ въ деревню; а требовать жертвъ и совершенія беззаконій не имѣете права.

Можетъ быть, кто-нибудь изъ отечественныхъ экономистовъ сдѣлаетъ намъ еще торговое возраженіе насчетъ рынковъ, куда должны будутъ поступать сельско хозяйственные продукты. Имъ мы отвѣтимъ слѣдующими словами Лавелэ: «Одинъ изъ важныхъ фактовъ при разсмотрѣніи поземельныхъ системъ, говоритъ этотъ писатель:—состоитъ въ томъ, что сельское населеніе, а не городское, естественно служитъ главнымъ рынкомъ для земледѣльческихъ произведеній. Громадное заблужденіе—полагать, что для процвѣтанія земледѣлія необходимъ рынокъ для земледѣльческихъ произведеній въ большихъ городахъ. Напротивъ, земледѣльцы могутъ составить рынокъ сами для себя. Пускай они производятъ въ изобиліи рожь, скотъ разнаго рода, молоко, масло, сыръ, зелень, пускай они мѣняются между собою этими произведеніями и прежде всего будутъ хорошо питаться. Но, кромѣ того, они будутъ имѣть возможность приобрѣтать и другія удобства жизни, такимъ образомъ они могутъ имѣть хорошія жилища, хорошую мебель и одежду безъ помощи всякаго вѣшняго рынка. Но для этого они должны быть собственниками воздѣлываемой ими земли и пользоваться всѣми ея плодами. Если они—только арендаторы, и не имѣютъ никакого интереса въ землѣ, то, конечно, имъ нуженъ рынокъ для наживанія денегъ. Въ странѣ, гдѣ всѣ земледѣльцы—арендаторы, необходимъ вѣшній рынокъ для земледѣльческихъ произведеній, но не то бываетъ въ странѣ свободныхъ собственниковъ». Конечно, это—довольно исключительное мнѣніе, но мнѣніе въ значительной степени справедливое. въ особенности, по отношенію къ Россіи, народъ которой весьма мало причастенъ къ потребленію произведеній иностранныхъ фабрикъ, весьма мало поддерживаетъ даже отечественныхъ фабрикантовъ и почти все необходимое производитъ самъ для себя. Конечно, вѣшней торговли и вообще международныхъ сношеній не уберешься, да никто, разумѣется, и не говоритъ о вредѣ ихъ, а говорятъ только о томъ, что страна, гдѣ земля принадлежитъ народу, сама будетъ больше потреблять и не будетъ такъ зависѣть отъ вѣшнихъ рынковъ, какъ страна, гдѣ земледѣльцы не имѣютъ земли или имѣютъ недостаточно и обязаны за нее срочными платежами. Эта послѣдняя страна обязана вывозить во что бы то ни стало только излишекъ своихъ произведеній, но и необходимое для себя, и отдаетъ она эти произведенія за безцѣнокъ. Ирландія, наиримѣръ, во времена Сисмонди, постоянно вывозила, тогда какъ жители ея умирали съ голоду. Вотъ двѣ другія страны—Фландрія и Швейцарія: первая, имѣя менѣе рогатаго скота, вывозитъ во Францію и Англію масло, воловъ, кроликовъ и т. д., другая, напротивъ, имѣя, пропорціонально населенію, гораздо болѣе скота (въ Швейцаріи на 100 жителей 35 головъ, а во Фландріи—24), сама получаетъ изъ другихъ странъ масло, рогатый скотъ, хлѣбъ и пр. Отчего же швейцарскій поселянинъ, спрашиваетъ Лавелэ, пытается гораздо сытнѣе и лучше фламанд-

скаго? и отвѣчаетъ: «Потому, что первый почти всегда—собственникъ обрабатываемой имъ земли, а послѣдній слишкомъ часто—только временный пользователь ея. Швейцарскій рынокъ не имѣетъ ненасытнаго желудка лондонскаго рынка, котораго кормить помогаетъ бѣдный фламандецъ; у него лучший рынокъ—собственный желудокъ».

Мы не думаемъ также, конечно, чтобы какая-нибудь страна могла сдѣлаться исключительно земледѣльческою: въ ней непременно возникнетъ промышленность, которая потребуетъ работы въ теченіи круглаго года, потребуетъ людей, которые специально или преимущественно посвятили бы себя фабричной дѣятельности, сдѣлавъ изъ своей земли только подспорное занятіе или мѣсто отдохновенія и воспитанія дѣтей; а такимъ образомъ создадутся для земледѣльческихъ произведеній новые внутренніе рынки, существенно отличные отъ настоящихъ. Это будутъ не искусственно-созданные рынки, которые потребляютъ гораздо больше, чѣмъ производятъ, а рынки народные, дающіе народу, въ видѣ промышленныхъ произведеній, вполне равноцѣнные эквиваленты. И, пока не создались подобные рынки, мы считаемъ въ высшей степени нераціональнымъ стремленіе протекціонистовъ оберегать народъ отъ иностранной промышленности, принуждая его поддерживать отечественныхъ фабрикантовъ, этихъ настоящихъ внутреннихъ иностранцевъ, въ самомъ худшемъ значеніи этого слова. Протекціонисты сильнѣе всего напирать обыкновенно на необходимость для государства крупной промышленности: «гоните ее въ дверь, она влетитъ въ окно» говорилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ нашихъ маленькихъ доктринеровъ протекціонизма, г. Скальковскій, пародировавъ слова поэта о любви и упуская изъ вида басню о назойливой мухѣ. Гнать крупную промышленность и чураться отъ нея, конечно, нѣтъ не будетъ. Передъ нею, напротивъ, нужно распахнуть деревенскія двери, пускай она приходитъ и водворяется тамъ, гдѣ ей нужно и гдѣ въ ней нуждаются, замѣняя кустарные промыслы и первобытныя мануфактуры; ей нужно оказать даже поддержку кредитомъ, но все это при одномъ условіи, чтобы она не уничтожала народной самостоятельности и благосостоянія, принадлежала дѣйствительно народу и служила ему. Что же касается до назойливыхъ мухъ, влетающихъ во образѣ промышленныхъ спекулянтовъ и предпринимателей въ крестьянскія избы, то ихъ дѣйствительно слѣдуетъ гнать и въ двери, и въ окна, не вѣря въ ихъ обѣщанія облагодѣтельствовать народъ въ будущемъ и оцѣнивая ихъ дѣятельность по пользѣ, приносимой въ настоящемъ. Но возвратимся, однако, къ главному предмету—къ условіямъ землевладѣнія, при которыхъ оно можетъ вестись правильно и обеспечивать человѣку самостоятельность.

Прежде всего: земли должно быть достаточно для того, чтобы человѣкъ весь свой трудъ употреблялъ на свою землю.

Тутъ пріобрѣтаетъ все свое значеніе вопросъ, поднатый когда-то такъ рѣшительно Артуромъ Юнгомъ, вопросъ о чрезмѣрномъ раздробленіи земли, о чрезмѣрномъ уменьшеніи участковъ, которое онъ считалъ крайне нераціональнымъ. Къ сожалѣнію, эта ясная, какъ Божій день, истина опровергалась многими писателями. Если человѣку дадутъ, напримѣръ, какъ это дѣлается на нѣкоторыхъ иностранныхъ фабрикахъ, гдѣ есть котѣджи, нѣсколько грядъ земли и еще нѣсколько аршинъ, именуемыхъ садомъ, то, конечно, онъ не можетъ быть самостоятельнымъ и останется вѣчнымъ фабричнымъ наемникомъ, имѣющимъ развѣ только возможность, да и то не всегда, отдыхать подъ тѣнью своей собственной, какой-нибудь тощей березки. Еслибы кто-нибудь назвалъ его землевладѣльцемъ, то, конечно, это была бы горькая насмѣшка. Подобное землевладѣніе, вѣроятно, никогда не способно облегчить его и какъ рабочаго, потому что прикованный этимъ имущественнымъ призракомъ къ одному мѣсту и дорожа тѣмъ, что семья его имѣетъ уголь, онъ будетъ согласенъ на всякія уступки. Вотъ что находимъ мы по этому поводу у Милля: «Если участокъ земли, принадлежащій поселянину, недостаточенъ для поддержки его благосостоянія, то, хотя бы этотъ участокъ принадлежалъ ему по праву полной собственности, такое положеніе дѣлъ, имѣя всѣ невыгоды, едва ли будетъ имѣть хотя какую-нибудь изъ выгодъ системы мелкой собственности. Поселянинъ тогда принужденъ или скудно жить продуктами своей земли, или пріобрѣтать средства къ жизни, нанимаясь въ работники, какъ будто вовсе нѣтъ у него поземельной собственности; а если всѣ сосѣдніе участки такъ же малы, какъ его участокъ, то ему трудно будетъ и находить себѣ работу. Принадлежность земли поселянамъ бываетъ полезною при томъ условіи, чтобы участки не были слишкомъ раздроблены, т. е. чтобы не требовалось съ участка продовольствія для такого числа лицъ, какое не можетъ содержаться продуктами этого участка». Милль утверждаетъ также, что «когда собственность недостаточна для освобожденія владѣльца отъ надобности ваниматься въ работники, то положеніе собственника утрачиваетъ значительную часть своей силы задерживать излишнее размноженіе населенія» и т. д. Лучше всего, разумѣется, еслибы земли былъ нѣкоторый излишекъ, противъ чего ратовалъ у насъ въ своемъ «Землевладѣніи и земледѣліи» гн. Васильчиковъ, желавшій дать крестьянамъ такіе *достаточные* надѣлы, чтобы нѣкоторые изъ членовъ семьи все-таки нуждались въ постороннемъ заработкѣ. Доводы его въ данномъ случаѣ были совершенно непонятны, если только онъ не желалъ поддерживать искусственными мѣрами извѣстный контингентъ населенія въ безземельномъ состояніи, направляя его на фабрики и въ помѣщичьи экономіи. Мы говорили уже по этому поводу въ прошломъ году, въ № 11 «Отечественныхъ Записокъ». Что-же касается до проектированныхъ теперь 20-ти десятинъ на семью, то, конечно, этого количества земли было бы

достаточно, еслибы населеніе не увеличивалось; но такъ какъ явленіе это непрелотвратимо и не замедлитъ обнаружиться, то лучше, если деревни наши будутъ имѣть нѣкоторый излишекъ мірской земли. Словомъ, достаточность земли есть одно изъ важныхъ условій землевладѣнія. Другое условіе состоитъ въ томъ, чтобы земля не была обременена долгами. Нѣсколько выше мы уже говорили по этому поводу, говорили, насколько долги мѣшаютъ улучшенію и правильному веденію хозяйства, обращаютъ землевладѣніе въ пустой звукъ, даже въ тяжелое бремя, втягиваютъ въ новые долги и дѣлаютъ владѣніе и пользованіе земель необеспеченнымъ. Если мы знаемъ, что мелкая собственность вообще обременена гораздо меньше долгами, чѣмъ крупная, то не надо забывать, что мелкій собственникъ, вслѣдствіе общей своей бѣдности, находится въ состояніи крайняго экономическаго напряженія, что надѣется онъ всегда только на одно — на трудъ и что достаточно только одной какой-нибудь случайности для того, чтобы онъ оказался несостоятельнымъ и потерялъ землю. Когда германскіе крестьяне начали выкупъ земель по дорогой оцѣнкѣ и надѣлали съ этою цѣлью займовъ, то произошло вотъ что: до 1840 г., говоритъ Моріеръ, земледѣльческіе продукты были необыкновенно дешевы, вслѣдствіе ограниченнаго вывоза за границу и дурныхъ путей сообщенія; «много мелкихъ собственниковъ, не будучи въ состояніи выполнить принятыхъ на себя обязательствъ, принуждены были продать свои земли. Предложеніе превысило спросъ, и земли совершенно упали въ цѣнѣ. Кризисъ былъ жестокой и продолжительный. Богатые землевладѣльцы покупали земли поселянъ на деньги, вырученные отъ выкупа сервитутовъ... Такимъ образомъ, Rittergüter умножились, вопреки естественному ходу дѣлъ, по которому собственность раздробляется по мѣрѣ увеличенія народонаселенія». Говоря объ обремененіи долгами земель, при законѣ первородства, вслѣдствіе займовъ, заключаемыхъ старшимъ сыномъ для выплаты деньгами братьямъ ихъ долей, Милль говоритъ о невозможности улучшеній въ хозяйствѣ при такой системѣ наслѣдства и рисуетъ въ высшей степени мрачными чертами положеніе большинства такихъ землевладѣльцевъ. Тоже самое или почти тоже самое говорятъ по этому поводу и другіе писатели. Все это необходимо имѣть въ виду людямъ, разрабатывающимъ проекты кредита для покупки крестьянами земель. Третье условіе землевладѣнія, близко касающееся только-что изложеннаго, состоитъ въ томъ, чтобы земля не была обременена чрезмѣрными налогами, поглощающими значительную часть чистаго дохода, а иногда и весь доходъ. Совмѣстное дѣйствіе долговъ и налоговъ можетъ совершенно убить крестьянское землевладѣніе въ самомъ его зародышѣ. Клифъ Лесли цитируетъ слѣдующія слова Мони де-Морне о французскомъ землевладѣніи въ XVI столѣтіи: «не отсутствіе поземельной собственности привело французскихъ поселянъ къ совершенному раззоренію, а

недозволеніе пользоваться этою собственностью, благодаря ужасному управленію страны и феодальнымъ притѣсненіямъ, которыя безжалостными налогами лишали всѣхъ плодовъ ихъ труда». Вотъ почему, при устройствѣ кредита для покупки земель крестьянами, необходимо коснуться и податной реформы, или же не распространять настоящую податную систему на новыя земли, установивъ на нихъ болѣе умѣренный и цѣлесообразный налогъ.

Всѣ эти вопросы упираются или, лучше сказать, сводятся къ вопросу обезпеченія земли за народомъ, такъ какъ, не разрушая ихъ, мы не создали бы народнаго землевладѣнія, хотя бы и дали народу землю; мы создали бы только фикцію землевладѣнія, которую, можетъ быть, и желательно многимъ создать, а искренніе изъ насъ прокатили бы только съ усердіемъ и огромными усиліями по полю чурбанъ, воображая, что вспахали поле.

Но, при обсужденіи условій для обезпеченія земли за народомъ, нельзя упускать изъ вида еще одного условія, едва ли не самаго важнаго въ этомъ отношеніи — мы говоримъ объ общинѣ. Прежде, чѣмъ разрушить крестьянское землевладѣніе въ Европѣ, прежде всего понадобилось разрушить общину: выводить крестьянъ изъ общинъ, стѣснять общинныя земли сервитутами и налогами, разверстывать ихъ, конфисковать, присоединять къ государственнымъ имуществамъ, а затѣмъ раздавать помѣщикамъ и продавать съ торговъ въ частную собственность и т. п. Крестьянство затѣмъ, какъ мы упомянули выше, постоянно стремилось къ покупкѣ и неоднократно покупало землю въ личную собственность; но въ громадномъ большинствѣ случаевъ удержать ее не могло и снова утеривало, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ экономически слабій всегда погибаетъ подъ гнетомъ сильнаго. Тоже самое, конечно, было бы и у насъ, т. е. удержало бы землю незначительное меньшинство, создавъ бы чрезвычайно быстро пролетаріатъ. Но тутъ-то вотъ и является на помощь община, гарантирующая каждому своему члену равное владѣніе и пользованіе землей, обезпечивающая землю даже будущія поколѣнія, пока есть къ тому хоть малѣйшая возможность и не требуется выселеніе. Въ отношеніи хозяйственномъ, она не служитъ непреодолимымъ препятствіемъ ни крупной, ни мелкой системѣ обработки земли, что прямо опредѣляется условіями мѣста, состояніемъ культуры и имѣющимся капиталомъ. Если крупная система хозяйства будетъ выгоднѣе, то община даже съ меньшимъ капиталомъ, чѣмъ частное лицо, можетъ перейти къ ней. Ей нужно только убѣдиться въ этомъ. Если же будетъ выгоднѣе мелкое хозяйство, то обработка земли можетъ быть участковою, какъ теперь, при чемъ періодическіе передѣлы полей никакъ нельзя рассматривать, какъ краткосрочные или безсрочные арендные договоры, какъ говорили нѣкоторые изъ нашихъ противниковъ общины. Тамъ, земля отбирается собственникомъ по произволу, часто съ прямымъ намѣреніемъ воспользо-

ваться постройками и трудомъ арендатора; здѣсь, передѣлы полей производятся въ сроки, устанавливаемые самою общиною, и при томъ не съ цѣлю лишать человѣка его труда, а съ цѣлю болѣе уравнительнаго распредѣленія естественныхъ угодій или съ цѣлю надѣленія землей новыхъ подростшихъ членовъ; здѣсь, земля остается въ той же общинѣ, и каждый, зная, какъ не пріятно получить источникъ участка, будетъ и самъ удобрять свой участокъ и можетъ требовать и наблюдать, чтобы всѣ дѣлали тоже самое.

Община имѣетъ возможность соединить обѣ системы хозяйства — крупную и мелкую, т. е. воспользоваться всеми выгодами землевладѣнія, чего не могутъ сдѣлать ни крупныя, ни мелкія землевладѣльцы въ отдѣльности. Если, несмотря на отвратительныя условія арендныхъ контрактовъ, всѣ улучшенія въ ирландскомъ земледѣліи, за ничтожными развѣ только исключеніями, какъ говорить Лавелъ, произведены не собственниками земли и не посредниками между ними и фермерами, а самими фермерами-земледѣльцами, если тоже самое мы видимъ и въ болѣе части англійскихъ хозяйствъ, то, разумѣется, наша община можетъ сдѣлать тоже самое, когда наступитъ пора высшей культуры, не наступившей еще и для помѣщичьихъ хозяйствъ. Весьма вѣроятно, что она явится даже новаторомъ въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ, какъ только вздохнетъ свободнѣе, получить понятіе о рациональномъ хозяйствѣ и возможность что-нибудь сдѣлать. Но мы не имѣемъ надобности доказывать, что община не мѣшаетъ высшей культурѣ — отъ этого труда насъ вполне избавилъ профессоръ Посняковъ своими превосходными работами. Еслибы каждое селеніе, говоритъ Клифъ Лэсли, имѣло добавочную, общинную землю, то это было бы *большое благо*. Такимъ образомъ, община, обеспечивая народное землевладѣніе и будучи самостоятельною въ отношеніи экономическомъ, хозяйственномъ, является для государства положительною политическою необходимостью. Кромѣ того, съ нею тѣсно связываются еще фискальныя, административныя и въ особенности полицейскіе интересы.

Наши писатели объ общинѣ, къ сожалѣнію, недостаточно разсматривали и оцѣнили ее съ этой послѣдней точки зрѣнія, тогда какъ она исполняетъ чрезвычайно важныя полицейскія функціи. Функціи эти исполняются не административно-полицейскими должностными ея лицами (старостами, сотскими и старшинами), а всею ею, и состоятъ вовсе не въ томъ, чтобы караулить преступниковъ, подсматривать и тащить и не пущать ихъ, а въ болѣе высокомъ вліяніи на нихъ, вліяніи чисто-этическомъ, воспитательномъ, охранительномъ и предупредительномъ, отвращающимъ человѣка отъ преступленій путемъ водворенія въ общественныхъ отношеніяхъ справедливости и равноправности, путемъ призрѣнія больныхъ, стариковъ и сиротъ, поддержки слабыхъ и бѣдныхъ, путемъ нравственнаго общественнаго осужденія безчестныхъ поступ-

ковъ—воровства, грабежа и проч. Есть извѣстныя формы общезжитія, есть, если можно такъ выразиться, извѣстная нравственная сфера, опредѣляемая близостью жизни и отношеній, въ которой человѣкъ не только не можетъ, но и самъ не хочетъ вредить ближнимъ, потому что можетъ лучше почувствовать силу приносимаго имъ вреда, потому что ему стыдно встрѣчаться съ пострадавшими, ихъ дѣтьми или друзьями, стыдно смотрѣть въ глаза міру, слушать разговоры о причиненномъ злѣ, и тѣмъ болѣе испытывать подозрѣніе или отчужденіе общества. Вотъ это-то въ особенности и дорого въ общинѣ съ полицейской точки зрѣнія. Положимъ, что эти хорошія стороны общины у насъ еще недостаточно развиты, а порою и очень грубы по формѣ, но, только благодаря имъ, благодаря такому влиянію общины, мы и не видимъ, можетъ быть, половины Россіи нищетою и не слышимъ о разбояхъ и грабежахъ, подобныхъ турецкимъ. Только благодаря этому, наши имущественные классы не знаютъ налога на бѣдныхъ и не видятъ передъ собою цѣлаго особаго министерства общественнаго призрѣнія, какъ напримѣръ, въ Англіи. Не въ министерствѣ общественнаго призрѣнія, конечно, заключается что-нибудь дурное, это—очень прекрасное учрежденіе, а въ томъ, что создало это специальное учрежденіе: въ огромномъ количествѣ самой ужасной нищеты, страдавшей въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, нарушавшей общественное спокойствіе, совершавшей грабежи и убійства и осаждавшей правительство своими просьбами и требованіями. Наша нищета, нашъ пролетаріатъ, конечно, были бы еще ужаснѣе, потому что мы многочисленнѣе, бѣднѣе и невѣжественнѣе англичанъ. Этому предмету, общинѣ съ точки зрѣнія полицейскаго права, — мы посвятимъ, впрочемъ, въ непродолжительномъ будущемъ, особую статью; а теперь скажемъ только, что проектируемый кредитъ для покупки крестьянами земель долженъ непремѣнно оказываться только крестьянскимъ обществамъ. Для частныхъ лицъ, для частнаго землевладѣнія у насъ есть акціонерныя банки, общества взаимнаго поземельнаго кредита и ссудосберегательныя товарищества, которыя тоже предназначались для сельскаго хозяйства; если они не приспособлены къ мелкимъ ссудамъ, то пускай приспособятся и измѣнятъ свои уставы; мелкимъ частнымъ землевладѣльцамъ можно предоставить и всѣ тѣ блага, которыя сулятся теперь всему крестьянству, т. е. блага покупки земель у помѣщиковъ и банковъ, блага фермерскаго или, какъ у насъ выражаются, хуторскаго хозяйства и проч. Мѣры же столь важныя, какъ мѣры для увеличенія народнаго землевладѣнія, въ особенности при условіи правительственной гарантіи, должны непремѣнно согласоваться съ народнымъ бытомъ и общегосударственными соображеніями. Оставлять безъ кредита наше общинное землевладѣніе, какъ оно до сихъ поръ остается, въ то время, когда частное землевладѣніе пользуется кредитомъ, невозможно, потому что это значитъ связывать ему руки и губить его.

Къ сожалѣнiю, у насъ слишкомъ много противниковъ общины: не одинъ только англоманствующий — консервативный скитъ выставляетъ ихъ, выставляютъ ихъ во множествѣ и различные либеральные лагеря, отъ тонко-буржуазнаго до грубо-мѣщанскаго включительно, выставляютъ ихъ и наши ученые, распространяющіяся о безпристрастiи общества, и университеты, и литература, и люди, взявшiеся за народное дѣло, какъ дѣатели по ссудосберегательнымъ товариществамъ. нынѣ выступившiе съ прозкомъ мелкаго земельного кредита. Эти послѣднiе, въ началѣ своей дѣятельности, слишкомъ рѣзко и опредѣленно высказывались противъ общины; теперь они допускаютъ ее, но вы видите, что это дѣлается просто ради литературнаго приличiя, что на самомъ дѣлѣ ей нѣтъ даже самаго крошечнаго мѣста въ ихъ заботахъ и дѣятельности. Они — большiе практики и умѣютъ дѣлать свое дѣло. Когда, въ прошломъ году, знаменитые два Аякса — гг. Герье и Чичеринъ — ополчились на кн. Васильчикова, по подозрѣнiю за переходъ его въ радикальный лагерь, то они, между прочимъ, привели ему въ назиданiе такую швабскую легенду: одинъ крестьянинъ долго не могъ сѣсть верхомъ на лошадь, долго онъ пытался, и, наконецъ, выбившись изъ силъ, обратился съ усердною молитвою къ св. Егорiю, который послалъ ему черезчуръ много силы, такъ что когда онъ попытался сѣсть снова, то прыгнулъ такъ высоко, что перелетѣлъ черезъ сѣдло. Этою легендою они хотѣли показать кн. Васильчикову, что и онъ нечаянно перелетѣлъ изъ умѣренно-либеральнаго лагеря въ радикальный, не удержавшись на истинѣ, т. е. на серединѣ. Это, конечно, довольно забавно, но черезчуръ высокоумно и несправедливо со стороны гг. Герье и Чичерина. Кн. Васильчиковъ и его товарищи по народному кредиту — отличные ѣздоки и отлично умѣютъ осѣдлывать обстоятельства. Какъ ни толкуй гг. Герье и Чичеринъ, а они не провели своими quasi-научными писанiями и дѣятельностью такого слѣда въ жизни, не создали ничего подобнаго тому, что создалъ кн. Васильчиковъ съ товарищами, а именно — ссудосберегательныя товарищества, охватившiя теперь почти всю Россiю и несомнѣнно влияющiя, если не на улучшенiе экономическаго состоянiя народа, то на народное мiросозерцанiе. Господамъ Герье и Чичерину лучше было бы быть скромнѣе и подумать о томъ, что сами они создартъ изъ себя легенду, гораздо болѣе забавную, чѣмъ швабская: имъ во что бы то ни стало хочется осѣдлать цивилизацiю и направить ее по своему, но, садясь верхомъ, при вставленiи нога въ стремя, они всегда перепутываютъ ноги и садятся лицомъ къ лошадиному хвосту, такъ что управлять лошадью не могутъ, и она ихъ мчитъ въ другую сторону, мчитъ туда, куда направляютъ ее другiе люди, правильно сидящiе. Повторяемъ: кн. Васильчиковъ и товарищи его — отличные ѣздоки; они знаютъ, куда они ѣдутъ,

и по всей вѣроятности прїѣдутъ въ свою обѣтованную землю— въ царство либеральной буржуазіи. Привезутъ они, конечно, туда же съ собою и гг. Герье и Чичерина и расскажутъ имъ тамъ швабскую легенду.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Конецъ сессіи 1879 года и прощаніе съ Версалемъ.—Буря въ сенатѣ.—Жюль Симонъ и его прежніе избиратели. — Неудѣльность проводимаго имъ взгляда.— «Шуаны» въ войскѣ, судахъ и администраціи. — Открытіе статуи Тьера въ Нанси; рѣчь Жюль Симона и министра Лепера. — Военный клерикализмъ. — Безпорядки изъ-за «Марсельезы». — Заявленіе графа Шамбора, «на все готово».— Легитимисты и бонапартисты.

2-го августа происходили послѣднія засѣданія палаты въ Версалѣ: въ концѣ ноября парламентъ будетъ засѣдать уже въ Парижѣ. На прощанье Гамбетта благодарилъ населеніе нѣкогда бывшаго «королевскаго города» за то «сердечное, братское и вполне республиканское гостепрїимство», какимъ пользовались въ немъ народные представители. Президентъ сената Мартель прощальной рѣчи не произносилъ, хотя ему преимущественно надлежало это сдѣлать, такъ какъ онъ принадлежалъ къ большинству собранія 1871 года. Причиной этого было то, что на послѣднемъ засѣданіи сената произошла неожиданная буря, между тѣмъ, какъ въ палатѣ депутатовъ сессія закончена была вполне спокойно и мирно.

Послѣдними заботами депутатовъ были обсужденіе и утвержденіе бюджета, принятіе закона объ административныхъ совѣтахъ благотворительныхъ учрежденій и утвержденіе предложенія о срытіи развалинъ Тюильрійскаго дворца, для разведенія на этомъ мѣстѣ цвѣточныхъ куртинъ. Законъ о совѣтахъ былъ принятъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ возвратился изъ сената; имъ уничтожается дѣйствіе закона 1873 года, предоставлявшаго духовенству слишкомъ большое участіе въ дѣлѣ общественнаго благоутворенія; отнынѣ главный надзоръ надъ учрежденіями этого рода перешелъ въ вѣдѣніе муниципалитетовъ.

Не подлежало никакому сомнѣнію, что законъ объ университетскомъ совѣтѣ, переданный депутатами въ сенатъ, будетъ имъ утвержденъ, такъ какъ коммиссія по этому вопросу отличается

хорошимъ выборомъ своихъ членовъ; но не отъ нея, конечно, зависѣло, что пренія по поводу этого закона не могли состояться ранѣе преній о законопроектѣ высшаго образованія, стоящаго ранѣе на очереди. Между тѣмъ, республиканское большинство въ сенатѣ имѣло уже нѣсколько поводовъ выразиться. Такъ, вопросъ о возвращеніи палаты въ Парижъ, съ предоставленіемъ права президентамъ ихъ прямого призыва военныхъ силъ для своей защиты — прошелъ при большинствѣ 153 голосовъ противъ 124. Точно также и законопроектъ, обязывающій всѣ департаменты учрежденіемъ въ нихъ нормальныхъ училищъ свѣтскаго характера — встрѣтилъ республиканское большинство и былъ принятъ, несмотря на противодѣйствіе Шамелона и Бараньона. Пренія по этому поводу и вызвали ту бурю, о которой я уже упоминалъ. Жюль Ферри, говоря о совокупности усилій клерикаловъ для противодѣйствія реформъ народнаго образованія, назвалъ эти усилія совершенно справедливо «политическимъ заговоромъ». Это раздражило правыхъ, и они потребовали, чтобы президентъ сената призвалъ министра къ порядку, а когда имъ въ этомъ было отказано, то они оставили залу засѣданія и, къ концу его, внесли резолюцію, съ обвиненіемъ противъ Мартеля. Но лѣвые побѣдили ихъ, утвердивъ большинствомъ 172 голосовъ противъ 137 очередной порядокъ съ заявленіемъ довѣрія къ тому безпристрастію, съ какимъ Мартель одновременно «поддерживаетъ и свободу преній, и достоинство правительства».

Минута эта, когда «заговоръ» былъ указанъ, проявился въ дѣйствіи и былъ тотчасъ же разгромленъ — была драгоценной для того, чтобы тотчасъ же приступать къ обсужденію законопроектвъ Ферри о высшемъ образованіи; будь парламентскія вакаціи отсрочены еще на недѣлю, и я совершенно увѣренъ, что этотъ нескончаемый вопросъ получилъ бы достойное разрѣшеніе, несмотря на всѣ исхищренія Жюля Симона. Какъ жаль, что Гамбетта не употребилъ всего своего вліянія на Гриви, чтобы воспрепятствовать внесенію декрета президента республики объ окончаніи обыкновенной сессіи 1879 года. Но случай въ сенатѣ засталъ врасплохъ и самого Гамбетту, такъ что, когда представилась возможность побѣды надъ клерикалами, декретъ о прекращеніи сессіи былъ уже подписанъ Гриви. Кромѣ того, большинство депутатовъ, не ожидая ничего особенно важнаго отъ окончанія сессіи, разѣхались по своимъ департаментамъ, а нѣкоторые изъ нихъ полагали, что вовсе не слѣдовало немедленно приступать къ обсужденію законовъ Ферри, такъ какъ Франція устала отъ агитацій, и четырехмѣсячный отдыхъ необходимъ ея земледѣльческому населенію, для полевыхъ работъ, въ виду ожиданія плохаго урожая. Они считали достаточнымъ, что первый докладъ Пелльмана о клерикальныхъ петиціяхъ прочитанъ, такъ какъ изъ него Франція могла убѣдиться въ козняхъ ультрамонтановъ. Послѣ того, какъ были разъяснены всѣ подвохи, при помощи которыхъ со-

брались подписи под эти петиціи, можно было надѣяться, что если агитація для собиранія ихъ еще и продолжится, то дасть одни только отрицательные результаты. Разсчитывали, что на генеральныхъ совѣтахъ, сессія которыхъ наступала, обнаружится окончательный протестъ противъ іезуитовъ. Новыя же безумства и выходки епископовъ и священниковъ могли бы только способствовать къ болѣе энергій проявленія народныхъ манифестацій.

Несмотря на все это, я все-таки думаю, что окончить сессію, не рѣшивъ вопроса о законопроектѣ Ферри, было большою ошибкою. Ультрамонтаны слишкомъ хитры и изворотливы, чтобы не сумѣть воспользоваться всякими обстоятельствами, которыя представляютъ хотя бы малѣйшій шансъ для ихъ успѣха. Кромѣ того, Жюль Симонъ—весьма тонкій діалектикъ, и умѣетъ подчинять своему вліянію либераловъ извѣстнаго рода. Такъ, въ отвѣтъ на письмо къ нему бывшихъ его реймскихъ и парижскихъ избирателей, исполненное горькихъ упрековъ за его противодѣйствіе VII статьѣ, онъ напечаталъ свое оправданіе, въ которомъ заявляетъ, что «никто менѣе его не можетъ считаться партизаномъ конгреганистскихъ школъ, что, по его мнѣнію, государственныя школы несравненно ихъ выше», но что онъ никакимъ образомъ не можетъ быть на сторонѣ «запретительныхъ законовъ», и что онъ будетъ до конца стоять за свободу образованія, такъ какъ было-бы «позоромъ» отнимать у націи одну изъ «необходимѣйшихъ свободъ» и именно такую, какую республиканцы, находясь въ оппозиціи, требовали для себя. Не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы понять, что это — аргументъ чрезвычайно ловкій, могущій привлечь къ мнѣнію Симона не мало сторонниковъ. А между тѣмъ, къ чему можетъ привести такое требованіе свободы для враговъ свободы, какъ не къ тому, чтобы оставить въ рукавѣ папистовъ опасное орудіе, при помощи котораго они всегда будутъ въ состояніи производить смуты и попытки къ междуусобию? Множество воспитанниковъ іезуитскихъ школъ прошли черезъ сен-сирское училище и политехническую школу. При помощи дѣлаго ряда реакціонныхъ министерствъ, они успѣли занять весьма важныя мѣста, какъ въ арміи, такъ и въ судебномъ вѣдомствѣ и администраціи. По этому-то мы и видимъ во всѣхъ отрасляхъ управленія Франціи столько «шуановъ». Предоставленіе свободы конгреганистамъ поможетъ іезуитамъ продолжать дѣйствовать такимъ же образомъ. Я вовсе не считаю законовъ Ферри чѣмъ либо совершеннымъ, но смотрю на VII статью лишь какъ на первую вѣху, поставленную на новомъ пути. Между тѣмъ, теперь еще нельзя навѣрное знать, чего именно добивается Жюль Симонъ своимъ противодѣйствіемъ, и для чего онъ такъ накидывается на эту вѣху, для того ли, чтобы, вырвавъ ее, открыть болѣе широкій путь для образованія, или для того, чтобы оставить все по старому. Онъ — человекъ вліятельный, и если потерпѣлъ

неудачу при Мак-Магонѣ, то честолюбіе подсказываетъ ему, можетъ быть, что при Греви онъ можетъ играть во Франціи первостепенную роль. Такъ какъ Гамбетта не хотеть еще быть главой кабинета, то мечты Симона, очевидно, направлены къ тому, чтобы занять этотъ постъ. Разъ же онъ достигнетъ власти, то, конечно, не пренебрежетъ никакими средствами, чтобы удержатъ ее за собой. Тѣ, которые думаютъ, что онъ на сторонѣ правыхъ, по моему, заблуждаются; для него было бы гораздо пріятнѣе достигнуть своей честолюбивой цѣли при помощи лѣвыхъ, но къ особенной разборчивости онъ, конечно, прибѣгать не будетъ. Выгоднѣе всего для себя онъ считаетъ пока явиться какъ бы продолжателемъ идей Тьера, и онъ повелъ дѣло такъ искусно, что сама вдова Тьера ему въ этомъ помогла, избравъ его какъ бы семейнымъ представителемъ на торжествѣ открытія статуи «маленькаго буржуа», происходившемъ 3-го августа, въ Нанси.

Еще за цѣлыя двѣ недѣли до этого дня, текущая печать весьма усиленно занималась вопросомъ: какъ, въ виду своей непопулярности, Жюль Симонъ будетъ вести себя на этомъ открытіи, что будетъ онъ говорить и будетъ ли произносить свою рѣчь прежде или послѣ правительственныхъ ораторовъ? Встрѣченъ въ день открытія публикой онъ весьма несочувственно и, какъ при появленіи своемъ на площади, такъ и въ продолженіи самой церемоніи вынужденъ былъ выслушивать весьма непріятный для себя крикъ: «да здравствуетъ VII статья» цѣлой массы народа. Говорилъ онъ съ официальной эстрады послѣднимъ и послѣ приведенія цѣлаго ряда похвалъ Тьеру, воскликнулъ: «Да! мы видимъ Францію уже освобожденной, спасенной и установившейся въ своемъ устройствѣ. За ней навсегда утвердилось право всеобщей подачи голосовъ, управления республиканскимъ правительствомъ, свободы мысли, слова и преподаванія. Республика вышла уже изъ періода борьбы. Революція 1789 года получила свое окончательное выраженіе въ формѣ консервативной и либеральной республики, т. е. именно такой, какою желалъ ее видѣть тотъ, чье изображеніе видимъ мы въ настоящую минуту передъ собою».

Греви лично на церемоніи не присутствовалъ, представителемъ его въ Нанси былъ генералъ Питье, но министръ Леперъ не упустилъ случая въ рѣчи своей привести слова, произнесенныя нынѣшнимъ главою государства на погребеніи перваго президента третьей французской республики. Вотъ эти слова: «Если республика во Франціи получила довѣріе населенія, то этимъ мы въ значительной мѣрѣ обязаны Тьеру. Онъ же счумѣлъ убѣдить и Европу, что республика у насъ будетъ правительствомъ мира и порядка».

«За то съ другой стороны могуществу республиканскаго правительства, во главѣ котораго всталъ Тьеръ; онъ былъ обязанъ

возможностью возрожденія Франціи съ тою быстротою, которая удивила міръ».

Затѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, говорившій отъ имени всего правительства, старался показать, что оно въ настоящемъ своемъ видѣ, установилось вполнѣ согласно идеямъ Тьера, и этимъ заранѣе отнялъ возможность у Жюль Симона явиться яко-бы единственнымъ вѣрнымъ выразителемъ этихъ идей. Вотъ это мѣсто его рѣчи: «Тьеръ былъ первымъ дѣвателемъ, выяснившимъ намъ всю цѣну терпѣнія и умѣренности, такъ какъ онъ твердилъ постоянно, что обладанія Франціею можетъ достигнуть только та партія, которая выкажется наиболѣе благоразумной. Онъ же первый указалъ намъ, что великій и плодотворный принципъ народнаго самодержавія долженъ быть какъ бы неизблемой скалою, на которую должны опираться всѣ учрежденія нашей демократіи, такъ какъ объ нее должны сокрушиться всѣ усилія и недовольства партій. Онъ же первый ознакомилъ съ нашей республикой монархическую Европу, обезоруживъ предварительно ея предубѣжденія и разъяснивъ ея предразсудки. Онъ же, наконецъ, благодаря своему здравому смыслу, умственной смѣлости и отважной инициативѣ, обратилъ республику въ символъ могущества, свободы и мирнаго объединенія всѣхъ французовъ для чести и славы, какія съ давняго времени связаны съ именемъ Франціи.

«Что могли бы мы придумать лучшаго, господа, какъ не оставаться вѣрными этимъ благороднымъ идеямъ и не продолжать развитія этой возвышенной и широкой политики? А таково, смѣю сказать, стремленіе правительства, отъ имени котораго я имѣю честь говорить... Не будемъ же никогда отдѣлять идеи республики отъ идеи Франціи и Франціи отъ республики».

Такой апогей Тьера, разумѣется, не могъ не встрѣтить нѣкоторой оппозиціи какъ со стороны радикаловъ, не позабывшихъ майскихъ репрессалій 1871 года, такъ и со стороны патриотовъ, продолжающихъ скорбѣть о потерѣ Франціей Эльзаса и Лотарингіи. И дѣйствительно, такой протестъ появился въ нѣсколькихъ газетахъ, но прошелъ незамѣченнымъ среди всеобщаго республиканскаго энтузіазма.

Подобно Гриви, и Гамбетта отстранился отъ присутствія на праздникѣ въ Нанси. Этимъ онъ очевидно хотѣлъ еще разъ подтвердить то, что не однажды уже заявлялъ, т. е., что если онъ въ борьбѣ своей съ дѣвателями 16-го мая и дѣйствовалъ сообразно съ взглядами Тьера, то всегда отказывался отъ всякой солидарности со всѣми другими дѣйствіями «маленькаго буржуа».

На банкетѣ, происходившемъ въ Нанси, возбудили особенный энтузіазмъ присутствовавшихъ тостъ и рѣчь въ честь французской арміи Лангюа, депутата и полковника парижской національной гвардіи. Рѣчь его была такъ смѣла, что могла появиться въ печати только въ измѣненномъ видѣ, но еще менѣе цензурна была манера ея произнесенія, такъ какъ и голосъ оратора, и одушевленіе его, и каждый жестъ напоминали собою присутствующимъ

о «возмездіи». Тотъ же характеръ представляло собой и происходившее на другой день посѣщеніе могилъ французовъ, убитыхъ подъ Мецомъ, журналистами Парижа и восточныхъ департаментовъ Франціи. Нѣмцы не могли найти никакого предлога для противодѣйствія этому приношенію мертвымъ отъ живыхъ вѣнковъ изъ иммортелей, такъ какъ процессія происходила безъ всякихъ словесныхъ заявленій и, такъ сказать, среди религіозной торжественности молчанія. Сосѣдямъ нашимъ еще болѣе должна была не понравиться подписка въ пользу «вчерашнихъ французовъ», возникшая по случаю пожара, происшедшаго 4-го августа въ небольшомъ эльзасскомъ городѣ Шатенуа. Но такъ какъ послѣ известной подписки въ пользу пострадавшихъ жителей Сегедина протестоватъ противъ помощи погорѣвшимъ обывателямъ Шатенуа не представлялось никакой возможности, то нашимъ недавнимъ побѣдителямъ не оставалось ничего другого, какъ побѣждать насъ своей великодушною щедростью на подписномъ листѣ, что они не безъ нѣкоторой, впрочемъ, умѣренности и произвели. Это имъ было тѣмъ удобнѣе, что наше правительство только за нѣсколько дней до открытія подписки оказало имъ авансомъ нѣкоторую любезность. Дѣло было такъ: при открытіи состязанія въ стрѣльбѣ въ Мезьерѣ-Шарлевиллѣ, генеральный секретарь арденнской префектуры, Ламбергъ, въ рѣчи своей высказалъ нѣсколько словъ о «возмездіи» и «законныхъ надеждахъ Франціи», и правительство наше, не дожидаясь никакихъ дипломатическихъ заявленій, само немедленно уволило его въ отставку за неосторожный патриотизмъ. Правительство, конечно, исполнило свой долгъ, за что и удостоилось поощрительной похвалы органовъ официозной германской печати, но я не имѣю рѣшительно ничего противъ того, чтобы во Франціи время отъ времени вспыхивали огонькомъ патриотическіе порывы, доказывающіе, что страна наша не забыла своихъ недавнихъ невзгодъ и того, что отъ нея были отчленены двѣ провинціи.

Изъ этого, однакоже, не слѣдуетъ заключать, чтобы я былъ на сторонѣ какихъ либо воинственныхъ плановъ, да и вся Франція за послѣдніе годы достаточно выказала свое миролюбіе; должно думать, что это и впредь такъ продолжится. Матеріальное преобразование нашей арміи далеко еще не окончено, но это не должно мѣшать заботамъ и о возможно быстромъ нравственномъ ея преобразованіи. Въ настоящее время, благодаря паденію бонапартизма, произвести его было бы удобно и легко, еслибы, къ несчастью, изобиліе въ средѣ офицерства клерикальнаго элемента не поддерживало въ войскѣ вреднаго противу-республиканскаго броженія.

Читателямъ извѣстно, съ какимъ трудомъ «Марсельеза» могла быть признана національнымъ гимномъ. Правительство обязало всѣхъ полковыхъ командировъ, чтобы она исполнялась на всѣхъ публичныхъ и уличныхъ концертахъ военныхъ оркестровъ.

Несмотря, однако, на такое категорическое приказаніе, одинъ изъ полковыхъ командировъ не позволилъ своимъ музыкантамъ играть «Марсельезу», какъ этого ни требовала публика, такъ что его начальникъ генералъ вынужденъ былъ посадить его подъ арестъ, а военный министръ — перевести въ другой корпусъ. Въ Лионѣ, въ Concert-Bellecour, гдѣ оркестръ пріѣзжихъ венгерцовъ великолѣпно исполнялъ «Марсельезу», нѣсколько мѣстныхъ офицеровъ повадилось каждый вечеръ посѣщать эти концерты и подымать шумъ и свистъ при ея исполненіи. Въ нѣкоторыхъ южныхъ городахъ реакціонная молодежь затѣяла по ночамъ распѣвать на улицахъ легитимистскія пѣсни и каррикатурить «Марсельезу»; разумѣется, унять такихъ безобразниковъ было бы не трудно, еслибы ихъ затѣи стали серьезно угрожать общественному порядку, но пока все дѣло ограничивалось привлеченіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ суду исправительной полиціи, за произведеніе ночью уличнаго шума, причемъ судьи, по большей части, реакціонеры, приговорили виновныхъ изъ образованныхъ классовъ къ одному франку штрафа, а рабочихъ къ краткосрочному аресту при тюрьмѣ. Одинъ гусарскій подпоручикъ, задержанный при лионскихъ беспорядкахъ за то, что позволялъ себѣ бить полицейскихъ агентовъ, былъ, тѣмъ не менѣе, по требованію генерала, освобожденъ полицейскимъ комиссаромъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ отставилъ комиссара, но отважный подпоручикъ не былъ преданъ суду, а такъ какъ беспорядки въ Concert Bellecour продолжали повторяться каждый вечеръ, то распорядителямъ этого увеселительнаго заведенія приказано было исключить изъ программы своихъ вечеровъ исполненіе Марсельезы. Южные республиканцы всѣмъ этимъ весьма недовольны и совершенно справедливо говорятъ, что если правительство не сумѣетъ проявить достодолжной энергіи для прекращенія этихъ незначительныхъ беспорядковъ, то ему рано или поздно придется имѣть дѣло съ серьезною роялистскою агитаціею. Въ самомъ Парижѣ, въ Пале-Рояль, по приказанію смотрителя сада, получившаго свою должность при Наполеонѣ, частный оркестръ, игравшій каждый вечеръ, въ одинъ изъ вечеровъ не исполнилъ Марсельезы. Тогда публика, въ числѣ болѣе 2,000 человекъ, сама ее запѣла и обошла при этомъ густою толпою по всѣмъ галереямъ Пале-Рояля. Это вызвало внимательство полиціи и запрещеніе вечернихъ концертовъ Пале-Рояля, что дало обильную пищу реакціоннымъ газетамъ для нескончаемыхъ насмѣшекъ надъ республиканцами.

Я вамъ писалъ въ прошломъ письмѣ о той особенной торжественности, какую легитимисты придали празднованію дня св. Генриха. Теперь въ печати появился отвѣтъ графа Шамбора на адресъ марсельскихъ банкировъ. Республиканское правительство, стѣсняющее, по словамъ ультрамонтановъ, всякую свободу, не воспрепятствовало появленію этого письма въ печати и поступило, разумѣется, прекрасно, такъ какъ это письмо способствовало

только къ пробужденію того взаимнаго неудовольствія между легитимистами и орлеанистами, какое произвела неудавшаяся попытка реставраціи въ ноябрѣ 1873 года. «Меня тысячу разъ обвиняли, пишетъ фрошдорфскій визионеръ: — въ томъ, что я отказался воспользоваться отличнымъ случаемъ занять престолъ моихъ предковъ, я оставляю за собой право пролить настоящій свѣтъ на событія 1873 года, *когда этою захочу*». Одновременно съ появленіемъ въ печати этого письма въ демократическихъ газетахъ напомнили публикѣ о злополучномъ появленіи во Франціи викоигито бѣднаго графа, который рассчитывалъ въ эту поѣздку принять изъ рукъ представителей національнаго собранія, заявленія народной воли о своемъ признаніи и совершить торжественный въѣздъ въ Парижъ на бѣлой лошади, подъ охраной «честной шпаги» и въ сопровожденіи всей артиллеріи. Известно, что эти мечты лопнули, какъ мыльные пузыри, и не болѣе, какъ черезъ сутки претендентъ-неудачникъ вынужденъ былъ обратиться въ позорное бѣгство, такъ какъ Одиффе-Пакье и де-Брольи не осмѣлились въ собраніи даже поднять вопроса объ абсолютной монархіи, а маршалъ Мак-Магонъ разсыпался въ извиненіяхъ, что онъ не рѣшается рискнуть на произведеніе государственнаго переворота въ пользу короля изъ опасенія, чтобы видъ бѣлаго знамени не разбудилъ кровавыхъ инстинктовъ толпы и не произвелъ революціи.

Графъ Шамборъ въ своемъ письмѣ дѣлаетъ только намеки на эти событія и тщеславится тѣмъ, что онъ не захотѣлъ явиться во дворецъ въ качествѣ только «его управителя» и править Франціей подъ опекою «людей фижій и утопій». «Возвращеніе къ традиціонной монархіи», пишетъ претендентъ:— «соотвѣствовало какъ нельзя болѣе желаніямъ большинства французовъ; рабочихъ, ремесленникъ, земледѣлецъ, справедливо надѣявшихся на возвращеніе тѣхъ скромныхъ радостей трудовой жизни, прелестью которыхъ подъ отеческою властью главы семейства наслаждались въ прошедшемъ столько поколѣній сряду. Однимъ словомъ, сельчане ждали своего короля»... Такъ заблуждается претендентъ, котораго съ одинаковою ненавистью встрѣтили бы, конечно, какъ сельчане-республиканцы, такъ и сельчане-бонапартисты. Немного радостей ожидало бы его и въ городахъ, гдѣ навѣрное соединились бы для противодѣйствія его планамъ войско, рабочіе и буржуазія. Очень можетъ быть, что еслибы графъ Шамборъ, вмѣсто того, чтобы прятаться въ Версалѣ, смѣло появился въ Парижѣ, то парижское населеніе сразу покончило бы и съ монархизмомъ, и съ клерикализмомъ и въ настоящее время о послѣднемъ не возбуждалось бы уже никакихъ вопросовъ.

«Я могу спасти Францію, я обязанъ и хочу сдѣлать это». Такою фразою Генрихъ V заканчиваетъ свое письмо къ маркизу де Форестя. Секретарь его, Жозефъ дю-Бургъ, которому поручено было опровергнуть слухи о поѣздкѣ короля въ Швейцарію, заявилъ въ издающемся въ Монпелье «Union Nationale» слѣдую-

щее: «Монсиньоръ графъ Шамборъ особенно сильно занятъ въ настоящее время заботою о нашемъ политическомъ и социальномъ положеніи и *итомъ на все рѣшиться для спасенія нашей несчастной страны...* Общественное мнѣніе начало уже разочаровываться относительно лицъ, захватившихъ въ свои руки власть, и Провидѣніе уже поставило дилемму между порядкомъ и безпорядкомъ, республикой и монархіей. Напрасно нѣкоторые горячія головы стараются увѣрить общественное мнѣніе, что монсиньоръ *не желаетъ королевскаго вѣнца.* Никто такой клеветѣ не повѣритъ и, несмотря ни на что, *Франція понимаетъ Генриха V, и Богъ все-таки устроитъ, что день, когда она бросится въ его объятія, окажется близкимъ.*»

Должно ли послѣ такихъ безумныхъ заявленій ожидать отъ легитимистовъ какихъ-либо не менѣе безумныхъ попытокъ? Я этого не думаю, несмотря на то, что сторонники Генриха V западныхъ и юго-восточныхъ провинцій Франціи значительно разыгрались. Хромой и слабый наслѣдникъ Генриха IV сдѣлалъ все, что позволялъ ему его хилый организмъ, при неудачной экспедиціи въ Версаль. Для того, чтобы рѣшиться, подобно Дон-Карлосу, на значительныя предпріятія, нужно обладать не такимъ темпераментомъ. Съ другой стороны, трудно надѣяться, чтобы воинствующіе іезуиты ограничили всю свою дѣятельность учрежденіемъ однихъ конференцій о прелестяхъ монархическаго управленія, и, по замѣчанію опытныхъ людей, къ запаху ладона ралигіозныхъ процессій начинаетъ примѣшиваться запахъ пороховаго дыма. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что въ дѣлѣ собранія подписей подъ петиціи противъ законо-проектвъ Ферри заключается какъ бы первый шагъ къ открытой войнѣ съ республикой. Но желать и имѣть возможность—двѣ вещи разныя. Почти никто изъ республиканцевъ официальныхъ сферъ недопускаетъ гипотезы, чтобы вслѣдъ за бонапартистской конспираціей пришлось считаться съ конспираціей роялистской, но тѣмъ не менѣе легитимисты нѣкоторыхъ департаментовъ, напримѣръ, департамента Ло и Гаронны, проявляютъ усиленную дѣятельность и вербуютъ въ свои ряды бывшихъ бонапартистовъ; религіозныя процессіи также усилились, и гимны въ честь св. Сердца поются все чаще и чаще, особенно въ Бретани. Въ замкахъ старой аристократіи, за табль-д'отами въ мѣстахъ морскихъ купаній и въ городскихъ кофейняхъ, посѣщаемыхъ офицерами изъ воспитанниковъ іезуитскихъ шеоль, ведутся все громче и громче собесѣдованія о близости наступленія монархической реставраціи. Разрѣшится ли все это однимъ дымомъ, или произойдетъ болѣе или менѣе значительная вспышка, республикѣ нечего рѣшительно опасаться, и что бы ни произошло, за разбитые горшки придется платить однимъ клерикаламъ.

Только что сказанное мною было уже написано, какъ получилось извѣстіе, что между графомъ Шамборомъ и главными вожаками его партіи происходило свиданіе, на которомъ обсу-

дался образъ дѣйствій, какой долженъ быть принять легитимистами при настоящихъ обстоятельствахъ. Говорятъ, что воинственные планы потерпѣли фiasco на этомъ собраніи. Графъ Шамборъ, обжегшись на своей поѣздкѣ въ Версаль, рѣшительно не хочетъ слышать ни о какой новой попыткѣ въ томъ же родѣ. Онъ по прежнему продолжаетъ возлагать всѣ свои упованія на всемогущество Провидѣнія, которое должно же, наконецъ, рано или поздно, возвести его на французскій престолъ и повергнуть въ подножію ногъ его раскаивающійся французскій народъ.

Что касается бонапартистской партіи, то она въ полномъ разложеніи. Рузъ до того разочарованъ, что даже не присутствовалъ на засѣданіяхъ Шюи-де-Домскаго генеральнаго совѣта. Краснорѣчивый Поль де-Касаньякъ и его «Paus» — онѣмѣли. Ретивый народникъ Жюль Амигъ и его «Petit Caroyal» испытываютъ на себѣ неудобство окончательнаго разрыва съ принцемъ Наполеономъ, который, какъ самый обыкновенный смертный, купается по нѣскольку разъ въ день въ Трувиллѣ и старается показать видъ, что онъ нисколько не интересуется новымъ своимъ положеніемъ и политикою вообще.

II.

Раздача наградъ въ Сорбоннѣ и рѣчь Ферри.—Раздача премій за добродѣтель въ академіи.—Энциклопедія Льва XIII.—Презрѣтство къ отдѣленію церкви отъ государства.—Предразсудки и обычаи крестьянъ.—Процессія 15-го августа въ Бретани.—Парижскія народныя собранія: празднованіе 4-го августа въ Шато-до.—Агитація Нагэ и учрежденіе комитета пропаганды развода.—Сожиганіе группъ.—Генеральный отчетъ управленія криминальной юстиціи во Франціи.—Необходимость значительныхъ судебныхъ и тюремныхъ реформъ.—Административный скандалъ.—Оптимизмъ Ваддингтона, умѣренный «République Française».

Важнѣйшее изъ университетскихъ торжествъ — ежегодная раздача въ Сорбоннѣ конкурсныхъ наградъ лучшимъ ученикамъ лицеевъ и коллегей Парижа и Версаля, не могло не представлять собою характера отраженія той же борьбы, которая происходитъ въ парламентѣ и печати по поводу общественнаго образованія. Едва глава французскихъ университетовъ и министръ народнаго просвѣщенія Жюль Ферри, явившійся въ Сорбонну вмѣстѣ съ военнымъ министромъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и президентомъ палаты депутатовъ, занялъ свое мѣсто на эстрадѣ, какъ раздались громкія и оживленныя рукоплесканія присутствующихъ и оркестръ музыкантовъ республиканской гвардіи грянулъ марсельезу. Но едва умолкла музыка, какъ одинъ молодой человекъ, котораго сочли сначала за ученика іезуитскаго коллежа Станислава, но который оказался воспитанникомъ лицея Фонтанъ, и плебейское имя котораго, Доминикъ Рене, указываетъ какъ бы

на бретонское происхождение, поднялся съ своей скамьи и съ видомъ мученика, возведеннаго на костерь, воскликнулъ: «да здравствуетъ король!» Товарищи его съ большими усилиями успокоили его и привели въ себя и, чтобы загладить впечатлѣніе этой непріятной выходки, снова повторили возгласы въ честь республики и антиклерикальнаго министра.

Послѣ обычной латинской рѣчи, которая поправилась, какъ тѣмъ, кто ее понялъ только на половину, такъ и тѣмъ, кто вовсе ее не понялъ, такъ какъ въ ней очевидно заключались указанія на необходимость поднятія значенія государственнаго университета и безпрестанно попадались поставленныя рядомъ слова «*Una Gallia*» и «*Una Respublica*», Ферри началъ свою рѣчь, встрѣченную общимъ сочувствіемъ и энтузіазмомъ. Слушателямъ особенно понравилось слѣдующее ея мѣсто: «Если республиканское государство предпріяло борьбу по поводу высшаго образованія, то оно сдѣлало это ради университета изъ-за нарушенія его правъ, изъ-за непризнанія его достоинства, изъ-за уменьшенія его значенія, произведеннаго неправильными захватами въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ... Настала минута узнать, кому впредь будетъ принадлежать душа Франціи. Душа Франціи — здѣсь и, благодаря небу, ее пока еще никому не удалось вырвать изъ нашихъ рукъ. Нѣтъ! современная Франція 1879 года нисколько не менѣе, чѣмъ Франція 1830 и 1789, чѣмъ Франція Генриха IV или Филиппа Гордаго, сьумѣетъ постоять за себя, чтобы не отдать кому либо своей души и не отказаться отъ своихъ традицій». Когда министръ, продолжая свою рѣчь, заявилъ, что онъ рѣшительно, «несмотря на всѣ крики и *отступничества*, будетъ продолжать начатое имъ дѣло», то взоры всѣхъ присутствующихъ стали искать въ собраніи Жюльа Симона. Его тамъ не было, такъ какъ онъ еще не возвращался изъ Нанси, но тѣмъ не менѣе въ этомъ безмолвномъ отыскиваніи его глазами онъ, представляющій собою одну изъ личностей, какими гордится университетъ, получилъ отъ этого самаго университета блистательное доказательство неодобренія своему настоящему образу дѣйствій.

Но ни этотъ случай въ Сорбоннѣ, ни крики: «да здравствуетъ VII статья», сопровождавшіе все время присутствія Жюльа Симона на открытіи статуи «освободителя территоріи», не заставятъ его, конечно, оглянуться на свои дѣйствія и отступить — для этого онъ слишкомъ упрямъ. 7-го августа, онъ самолично предсѣдательствовалъ на годичномъ публичномъ собраніи французской академіи, на которомъ раздаются академическія преміи за литературныя произведенія и награды за нравственные поступки изъ суммъ, завѣщанныхъ филантропомъ Монтиономъ. Въ рѣчи своей онъ, какъ человѣкъ, обладающій замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, сьумѣлъ весьма рельефно освѣтить въ нѣсколькихъ словахъ всю высокую нравственную сторону награжденных поступковъ и окончилъ свою рѣчь весьма красивыми фразами, произнесенными

имъ, Богъ его знаетъ, иронически или нѣтъ, но которыя, разумѣется, были приняты собраніемъ, а особенно присутствовавшимъ въ немъ прекраснымъ поломъ, за чистую монету. «Да, господа, сказалъ онъ:—невозможно быть мизантропомъ, когда раздаешь монтионовскія преміи. Да, люди хороши, и надобно только близко знать ихъ. Пусть ненависть одолеваетъ не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя классы общества, она навсегда останется только болѣзнию ума. Не должно даже и ненавидѣть порочныхъ людей; удовольствуемся ненавистью только къ одному пороку. А такъ какъ сегодня въ особенности насъ собрала сюда добродѣтель, то будемъ ее любить, удивляться ей и по возможности стараться ей подражать. Не преувеличивая значенія нашихъ наградъ и не придавая имъ чудеснаго свойства усиливать и распространять добродѣтели, будемъ довольствоваться только тѣмъ, что мы обладаемъ весьма почтеннымъ учрежденіемъ, которое позволяетъ намъ ежегодно вносить радость въ нѣсколько честныхъ сердецъ и выводить нѣсколько хорошихъ поступковъ на свѣтъ Божій, что обязываетъ и насъ самихъ усерднѣе обращать вниманіе на ту массу несовершенствъ и бѣдствій, какія еще представляетъ собою человѣческое общество, понимая въ то же время, какъ много можетъ сдѣлать въ этомъ смыслѣ человѣческая воля!»

Еслибы предводители клерикальных смутъ были дѣйствительно ловкіе люди, то они должны были бы брать примѣръ съ Жюля Симона въ умѣнныя накидывать на себя личную спокойствія. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы, слушая Жюля Симона въ академіи и видя аффектированное спокойствіе, съ которымъ онъ такъ развязно говорилъ, могъ подумать, что передъ нимъ либераль, ведущій ожесточенную борьбу съ своей собственной партией и въ-за интересовъ враговъ? Но клерикалы дѣйствуютъ совершенно иначе и своею поразительною невоздержностью могли бы навести Жюля Симона на мысль, въ какія непроходимыя дебри можетъ его завести неблагоприятный съ ними союзъ. На раздачу наградъ въ конгреганистскихъ заведеніяхъ, несмотря на присутствіе лицъ, занимающихъ высокое положеніе въ обществѣ, клерикалы произносили такія рѣзкія и нелѣпыя рѣчи, что нужно только удивляться терпѣнію правительства, что оно не привлекло ихъ къ отвѣтственности. Но правительство, по своему обыкновенію, нисколько не обратило на это вниманія, также какъ и на появленіе энциклики Льва XIII, которою предлагается католическимъ школамъ «озаботиться воскрешеніемъ христіанской философіи сообразно духу доктора *ангельскаго чина* (docteur angélique) св. Тома Аквинскаго». Такое требованіе введенія въ преподаваніе средне-вѣковаго схоластическаго ученія почти черезъ сто лѣтъ послѣ провозглашенія правъ гражданина и человѣка и въ виду успѣховъ, достигнутыхъ въ наши дни позитивной философіей, едва ли особенно рекомендуетъ непогрѣшимость новаго папы и подаетъ весьма мало надежды на то, что подъ его управленіемъ борьба между духовной и свѣтской властью сколько-нибудь смягчится.

Вообще въ такое время, когда во Франціи государство все болѣе и болѣе демократизируется, а церковь нисколько не поступаетъ своими феодальными традиціями, пора было бы подумать о коренномъ разрѣшеніи церковно-государственного вопроса. Отдѣленіе церкви отъ государства, какъ въ Америкѣ, и, вслѣдствіе этого, полная свобода совѣсти, исповѣданій, пропаганды, сходокъ и ассоціаций—таково единственное логическое разрѣшеніе этого вопроса, но, къ несчастію, настоящее состояніе умовъ и нравовъ сельскихъ массъ многихъ мѣстностей Франціи едва ли позволяетъ такому логическому рѣшенію стать осуществимымъ. Я только что вернулся изъ путешествія на Западъ, былъ въ Нормандіи и Бретани, гдѣ успѣлъ сдѣлать кое-какія наблюденія надъ населеніемъ. Женщины почти всѣ и повсюду въ рукахъ своихъ священниковъ, которые, въ свою очередь, въ полной зависимости отъ иезуитовъ. Что же касается мужчинъ, то, хотя между ними и мало встрѣчается ханжей, но ихъ никакимъ образомъ нельзя уговорить, напримѣръ, чтобы они хоть сами платили священникамъ, вмѣсто того, чтобы эта плата производилась въ замаскированной формѣ общаго налога. Лично для себя они къ священникамъ почти не обращаются, но, при рожденіи дѣтей, бракахъ и погребеніяхъ всегда ихъ приглашаютъ. Простая вещь — платить своему священнику, если нуждаешься въ его духовномъ пособіи или ничего не платишь, если можешь безъ него обходиться — никакъ не умѣщается въ сознаніи этихъ крестьянъ. Различные предрасудки и предубѣжденія вообще до того укоренились въ нашихъ деревняхъ, что сразу съ ними, конечно, ничего не подѣлаешь. Измѣнить ихъ могутъ развѣ исподволь журналистика и введеніе свѣтскихъ даровыхъ и обязательныхъ школъ. Кромѣ того, необходимо подумать о замѣнѣ якобы религиозныхъ, а въ сущности чуть не языческихъ, процессій и церемоній какими либо гражданскими праздниками съ соответственной обстановкою. Однимъ умомъ люди не живутъ, и сельчане, разбросанные небольшими группами часто въ глухихъ мѣстностяхъ, естественно привязываются къ своимъ храмамъ, иногда единственнымъ мѣстамъ ихъ встрѣчъ съ земляками. Точно также, въ важныхъ случаяхъ ихъ жизни, каковы рожденіе дѣтей, браки и погребенія, имъ неизбѣжно должна нравиться торжественно-религиозная обстановка католической обрядности. Процессіи же и церемоніи для нихъ настоящій праздникъ. Я видѣлъ своими глазами, въ двухъ портахъ Сен-Мало и Сан-Серванъ, населенныхъ почти сплошь республиканцами, сколько радости доставляетъ имъ религиозная процессія 15-го августа. Что день этотъ—день именинъ покойнаго Наполеона—они почти совершенно забыли, но что это—праздникъ «Св. Дѣвы Маріи», они очень хорошо знаютъ, такъ какъ чтутъ ее особенно, считая покровительницей моряковъ и называя ее весьма поэтически «Морскою звѣздочкою». Они высѣкаютъ на скалахъ изображенія погибающихъ судовъ, спасае-

мых Богоматерью. Поэтому процессіи въ честь своей главной патронессы они стараются придать какъ можно болѣе блеску и торжественности и не жалѣютъ издержекъ, чтобы украсить алтари, устраиваемые на ея пути, какъ можно красивѣе; цѣв-товъ же по улицамъ разбрасываютъ буквально цѣлыми корзинами. Чуть не все населеніе принимаетъ участіе въ процессіи, отчего и происходитъ такая бросающаяся въ глаза аномалія. Вы видите утромъ какого-нибудь пожарнаго, самымъ одушевленнымъ образомъ выдвухающаго въ свою мѣдную трубу звуки религиознаго гимна, а вечеромъ съ такимъ же одушевленіемъ играющаго на ней «Марсельезу». Чуть не всѣ мужчины подтягиваютъ поутру хору дѣвушекъ процессіи, поющему пѣснь восхваленія Святому Сердцу и мольбу къ небесамъ о возвращеніи Генриха V, а вечеромъ тѣ же пѣвцы распѣваютъ съ тѣмъ же энтузіазмомъ самыя противурелигіозныя и революціонныя пѣсни.

Вообще правительству республики не мѣшало бы озаботиться объ установленіи гражданскихъ праздниковъ, съ придачею имъ самой блестящей обстановки. Какъ любить подобную обстановку французы, посѣтители всемірной парижской выставки 1878 года могли наглядно убѣдиться по устройству парижанами національныхъ праздниковъ 1-го мая и 30-го іюня, а столица въ эти дни была буквально полнымъ выраженіемъ стремленій всей націи. Въ обрядности и ритуалѣ—главная сила католицизма, такъ какъ они подчиняютъ себѣ воображеніе простолюдиновъ, и устрой правительство національно-гражданскія празднества съ опредѣленнымъ церемоніаломъ, оно значительно облегчило бы себѣ побѣду въ борьбѣ съ клерикальнымъ вліяніемъ на народныя массы.

Между тѣмъ, правительство объ этомъ нисколько не думаетъ и даже до сихъ поръ не озаботилось о назначеніи дня для національнаго празднованія водворенія во Франціи республики. Если годовщина 14-го іюля и сопровождалась официальнымъ празднованіемъ, то все-таки празднованіе это имѣло какой-то случайный характеръ. 10-е августа—годовщина оставленія престола Людовикомъ XVI въ 1792 году—подало поводъ только къ устройству нѣсколькихъ банкетовъ въ Парижѣ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ. 4-е же августа—годовщина отмѣны феодализма въ 1789 году—отличалось отъ другихъ дней только тѣмъ, что Викторъ Гюго и Луи Бланъ озаботились устройствомъ большаго народнаго собранія въ зданіи театра Шатола. Большинство публики на этомъ собраніи состояло изъ мелкихъ торговцевъ и рабочихъ изъ Тампльскаго и Сен-Антуанскаго Предмѣстій. И Гюго и Луи Бланъ говорили на этомъ собраніи рѣчи. Гюго, предсѣдательствовавшій собраніемъ, говорилъ о томъ, что въ наши дни проявляются первые признаки заря XX столѣтія, указывая на великую будущность, какая открывается для Франціи съ возможностью колонизаціи центральной Африки и высказывая свою беспредѣльную вѣру въ всемогуще-

ство труда рукъ человеческихъ. Луи Бланъ изобразилъ въ краткомъ очеркѣ картину всѣхъ измѣненій, произведенныхъ французскою революціею въ условіяхъ труда и быта рабочихъ, и, дойдя до расширенія современнаго состоянія экономическаго устройства промышленнаго труда, предостерегалъ своихъ слушателей отъ увлеченій колоссальными предпріятіями такъ называемой «большой промышленности» — явленія совершенно новаго, но быстро развившагося въ какія нибудь 10—20 послѣднихъ лѣтъ. Эта «большая промышленность», по словамъ оратора, поглотила уже массу «мелкихъ промышленностей» и безпрестанно требуетъ новыхъ и новыхъ жертвъ; она обратила торговлю какъ бы въ азартную игру и ведетъ неизбежно къ неслыханнымъ прежде громаднымъ крахамъ и кризисамъ. Сотни еще недавно существовавшихъ промысловъ изъ-за нея прекратились, тысячи еще вчера независимыхъ производителей обратились въ наемниковъ, пролетаріевъ и поденщиковъ. Противъ этой-то монополіи, обладающей, повидимому, огромнымъ могуществомъ, и должны быть направлены всѣ усилія производителей и рабочихъ въ той ли или другой формѣ противодѣйствія, оживленія кустарной промышленности, образованія рабочихъ ассоціацій и т. д.

Читателямъ уже извѣстно, какой успѣхъ имѣло внесеніе въ палату депутатовъ предложеніе Альфреда Накэ о разводѣ. Рѣшено было принять это предложеніе къ свѣденію. Въ ожиданіи преній по существу объ этомъ предложеніи, которыя произойдутъ вѣроятно зимою въ теченіи этой же сессіи, на основаніи доклада, составленнаго въ благопріятномъ для него смыслѣ Леономъ Рено, воклювскій депутатъ отправился лично пропагандировать свою мысль въ провинціи и повсюду, куда ни появляется, устраиваетъ публичныя чтенія, на которыхъ разъясняетъ всю необходимость введенія въ законодательство права развода. Агитацію свою Накэ ведетъ такъ умѣло, что въ августѣ онъ успѣлъ достигнуть учрежденія особаго комитета развода, «составленнаго изъ лицъ» всякихъ политическихъ и религіозныхъ мнѣній безразлично, который уже собралъ довольно значительные фонды, необходимые, какъ для устройства конференцій о разводѣ въ небольшихъ городахъ и глухихъ мѣстностяхъ, такъ и для напечатанія и распространенія дешевыхъ брошюръ объ этомъ предметѣ. Подписка идетъ блистательно, благодаря тому обстоятельству, что комитетъ объявилъ, что имена жертвователей обоего пола сохранятся въ совершенной тайнѣ. Понятно, что, при такомъ условіи, всѣ жены, несчастныя въ супружествѣ или считающія себя таковыми, и всѣ мужья, находящіеся подъ башмакомъ своихъ не всегда прекрасныхъ половинокъ, сѣмьять внести въ комитетъ свою, иногда весьма существенную лепту. И въ этомъ вопросѣ, точно такъ же, какъ во множествѣ другихъ, реформаторамъ придется помѣряться съ упорнымъ противодѣйствіемъ, духовенства. Нерасторжимость брака, конечно, духовенству никакъ не менѣе дорога. чѣмъ такъ называемая «свобода преподаванія».

Эта нерасторжимость представляет собою логическое увѣнчаніе системы вліянія духовниковъ на женщинъ, а черезъ нихъ и на всю семью. Женщины, которымъ легально разрѣшено жить отдѣльно отъ мужей, эти вдовы, мужья которыхъ живы и которымъ нѣтъ выхода изъ ихъ ложнаго положенія, представляютъ собою контингентъ, чрезъ который духовенству тоже весьма удобно распространять свое вліяніе. А дѣля массы замужнихъ женщинъ всѣхъ классовъ, живущихъ въ «адюльтерѣ», въ которомъ онѣ «покаялись» гдѣ-нибудь въ углу темной церкви и получили «отпущеніе»? Изъ этого понятно, какую бурю должна была вызвать агитація Нака въ средѣ клерикаловъ, и какая съ его стороны потребна настойчивость и энергія, чтобы онъ могъ провести до конца начатое имъ дѣло.

Такую настойчивость и энергію выказалъ недавно одинъ изъ членовъ парижскаго муниципальнаго совѣта, Моренъ, извѣстный свободный мыслитель, брошюры котораго противъ клерикаловъ пользуются у насъ значительною популярностію. Ему уже 70-тъ лѣтъ, но онъ дѣятеленъ, какъ двадцатилѣтній юноша. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ учредилъ въ Парижѣ «общество для взаимнаго сожженія труповъ», рядомъ съ которымъ и въ подражаніе ему, возникло другое «общество для взаимнаго произведенія вскрытій». Вѣрный своей излюбленной идеѣ, онъ каждый семестръ вносилъ въ совѣтъ предложеніе о замѣнѣ погребеній умершихъ сожиганіемъ труповъ, и въ каждый семестръ предложеніе его принималось, но за другими дѣлами, клалось подъ сукно. Надъ нимъ не мало въ тихомолку подсмѣивались и въ разговорахъ о немъ его называли не по фамиліи, а по данному ему прозвищу «сожигатель». Наконецъ, онъ добился того, что сталъ самъ докладчикомъ своего предложенія и 7-го августа, по его почину, былъ открытъ конкурсъ «для изысканія лучшаго способа сожиганія труповъ или иного безвреднаго ихъ уничтоженія». Такой способъ долженъ, во-первыхъ, обезпечивать полное превращеніе органической матеріи безъ произведенія зловонія, чада и вредныхъ газовъ, во-вторыхъ, гарантировать полное и безъ примѣсей сохраненіе остающихся отъ сожиганія частицъ матеріи и, въ-третьихъ, отличаться быстротою и общедоступностію по дешевизнѣ, не препятствуя въ тоже время совершенію церковныхъ обрядовъ надъ умершимъ сообразно правиламъ существующихъ религій. Авторы трехъ лучшихъ проектовъ получаютъ преміи по 10-ти тысячъ франковъ; за тотъ же проектъ, который городское управленіе признаетъ удобнымъ къ принятію и введетъ въ употребленіе, будетъ дано сверхъ того вознагражденіе въ 20-тъ тысячъ франковъ, съ предоставленіемъ изобрѣтателю права повсемѣстнаго введенія въ практику, за исключеніемъ Парижа.

Министерство юстиціи опубликовало на дняхъ генеральный отчетъ о своей судебной-криминальной дѣятельности во Франціи за 1877 годъ. Позволяю себѣ привести изъ него нѣкоторые ин-

интереснымъ цифры и факты. Общее число всѣхъ осужденныхъ ассизными судами съ присяжными оставалось одинаковымъ съ 1872 по 1873 годъ, но въ послѣдніе три года оно довольно значительно уменьшилось. Уменьшились, впрочемъ, только преступленія противъ собственности, преступленія же противъ личности — напротивъ, нѣсколько увеличились. Исключенія изъ послѣдней категоріи представляютъ только изнасилованіе и совращеніе малолѣтнихъ, число которыхъ стало значительно уменьшаться со времени отнятія власти у реакціонеровъ и слѣдовательно, съ уменьшеніемъ америкальнаго вліянія на общество. Среднее число осужденныхъ по уголовнымъ дѣламъ для цѣлой Франціи представляетъ собою 1½ преступниковъ на 100,000 жителей. Наибольшее число преступленій приходится не на Сѣнскій Департаментъ, какъ это можно бы было думать, такъ какъ въ немъ находится Парижъ, но на департаментъ Эрн, гдѣ совсѣмъ нѣтъ большихъ городовъ. Наименьшее число преступленій (4 на 100,000) приходится на департаменты Шера, Эндры и Ньевры. Относительно пола юридическая статистика даетъ 20 осужденій на сто тыс. мужчинъ и 4 на сто тыс. женщинъ. Относительно возраста цифры располагаются такъ: на 100,000 жителей возраста отъ 11-ти до 21-го года приходится 12-ть осужденій, отъ 21-го до 40 лѣтъ — 23, отъ 40 до 60-ти — 12 и послѣ 60 лѣтъ только 6. Относительно брачнаго и безбрачнаго состоянія получены слѣдующіе результаты: на 100,000 холостяковъ и незамужнихъ дѣвушекъ приходится 33 преступленія, а на то же число лицъ, состоящихъ въ бракѣ, только 11; таже цифра приходится и на вдовцовъ и вдовъ. Изъ этихъ цифръ нельзя не видѣть всю нравственную и социальную пользу брака, которая станетъ еще очевиднѣе послѣ введенія въ законодательство права развода, что должно уменьшить преступленія, происходящія отъ адюльтера и несчастныхъ супружествъ. Относительно происхожденія и мѣста жительства преступниковъ получаютъ слѣдующія цифры: 5 процентовъ приходится на родившихся и постоянно жившихъ преступниковъ въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ они были осуждены, 24 процента на родившихся въ другихъ мѣстностяхъ и только поселившихся въ мѣстахъ осужденія, 18 проц. на людей пришлыхъ. На 100,000 жителей, обитавшихъ на мѣстѣ своей родины въ 1877 году, было предано уголовному суду только 8, что ясно говоритъ въ пользу морализующаго вліянія на массы, проживанія въ мѣстахъ рожденія. Иностранцы, судившіеся во Франціи, представляли цифру 41 на 100,000. Сельское населеніе во Франціи представляетъ свою численностью болѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ жителей (68 проц.) и дало 8 осужденій на 100,000, между тѣмъ какъ городское — 17. Земледѣльцы даютъ, такимъ образомъ, 34 проц. осужденныхъ, представляя собой цѣлыя $\frac{2}{3}$ населенія, рабочіе и промышленники 30 проц., торговцы 15, лица, занятыя либеральными профессіями, 7 и тотъ же процентъ даетъ прислуга и лица безъ опредѣленныхъ занятій. Преступность какъ бы уменьшается съ

безграмотность, такъ какъ не умѣющіе читать и писать представляютъ собой только 31 проц. общаго контингента преступниковъ, изъ чего, однако, никакъ не слѣдуетъ, чтобы католическіе обскуранты, притворяющіеся столь дорожащими «свободой преподаванія», были правы въ своемъ утвержденіи, что образованіе простого народа ведетъ его ко всевозможнымъ порокамъ и преступленіямъ. То, что показываетъ юридическая статистика, вполне объясняется указаніями статистики военной. Вслѣдствіе увеличенія числа народныхъ школъ, число молодыхъ солдатъ совершенно неграмотныхъ уменьшилось съ 24-хъ человекъ на 100 въ 1866 году, на 16 въ 1876, и эта цифра, если на нее взглянуть съ точки зрѣнія уголовной статистики, отниметъ всякое значеніе отъ только-что упомянутого нами указанія. Повсемѣстное распространеніе первоначальнаго образованія уменьшить число безграмотныхъ, но навѣрное не увеличить общаго числа преступленій, а, напротивъ, уменьшить его.

Министръ юстиціи обращаетъ вниманіе на слѣдующую странность: присяжные выказываются несравненно болѣе строгими на осужденія преступленій противъ собственности, чѣмъ противъ личности. Онъ приписываетъ причину этого различія скорѣе antecedентамъ осужденныхъ, чѣмъ сущности осужденій. И въ самомъ дѣлѣ изъ 100 осужденныхъ преступниковъ противъ собственности болѣе половины (58) рецидивистовъ, между тѣмъ, какъ изъ ста преступниковъ противъ лицъ—рецидивистовъ только 34. Приговоры присяжныхъ весьма логически согласуются съ возрастомъ, поломъ и степенью образованія судящихся. Такъ, на примѣръ изъ 100 судившихся женщинъ оправдано 83; а изъ ста судившихся мужчинъ 19. Особенную гуманность проявляютъ присяжные относительно преступниковъ малолѣтнихъ и весьма неохотно предоставляютъ суду возможность отправлять оправданныхъ ими несовершеннолѣтнихъ въ исправительные дома или колоніи. Несостоятельность исправительной системы, выражающейся въ усиленіи рецидивизма, начинается, повидимому, дѣлаться для всѣхъ очевидной, ровно какъ и вредъ, приносимый дѣтямъ пребываніемъ ихъ въ тюрьмахъ и исправительныхъ колоніяхъ.

Въ важныхъ уголовныхъ преступленіяхъ присяжные продолжаютъ, хотя и съ меньшей энергіей, чѣмъ это издавна ведется во Франціи, стараться подыскивать для преступленій смягчающія обстоятельства, чтобы избавлять преступниковъ отъ смертной казни. Судьи же дѣйствуютъ совершенно наоборотъ и, повидимому, съ удовольствіемъ пользуются печальнымъ правомъ, предоставленнымъ имъ закономъ. Такъ, преступленій, за которыя по кодексу полагается смертная казнь, судилось во Франціи въ 1877 году 651. Въ 362-хъ случаяхъ (въ томъ числѣ семь случаевъ, гдѣ преступники были несовершеннолѣтними и отправлены на исправленіе), присяжные произнесли роковое *да*, но 324-хъ преступниковъ признали заслуживающими снисхожденія. Къ смертной казни были приговорены 31 преступникъ (29 муж-

чинъ и 2 женщины), изъ которыхъ половина (16) подвергались уже прежде уголовнымъ наказаніямъ. Изъ этого числа 19 были помилованы президентомъ республики, и смертная казнь для нихъ замѣнена была вѣчной каторжной работой. Остальные 12 были казнены.

Поводомъ къ этимъ важнѣйшимъ изъ уголовныхъ преступленій (убійствамъ, отравленіямъ и поджогамъ) въ самомъ большомъ числѣ случаевъ были месть и ненависть (129 случаевъ), затѣмъ корысть (120), а за нею семейный раздоръ (83). Развратъ далъ 28 случаевъ, адюльтеръ—18, ревность—13 и ссоры въ кабакахъ или за карточной игрой—14.

Министръ въ своемъ докладѣ высказываетъ «свое крайнее сожалѣніе» объ увеличеніи числа уголовныхъ преступленій съ цѣлью ограбленія, которое съ 67 въ 1876 году возрасло до 120 въ 1877. Но въ такомъ увеличеніи не будетъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе чуть не съ каждымъ днемъ усиливающуюся роскошь, раздражающую алчность и другіе грубые инстинкты толпы, рядомъ съ постоянно усиливающейся дороговизной предметовъ первой потребности, не позволяющей множеству людей удовлетворять самымъ законнымъ требованіямъ своей семьи.

Въ 359 судахъ первой инстанціи, разсматривающихъ проступки и фискальныя правонарушенія, на которыхъ въ 1876 году разбиралось 169,313 дѣлъ, въ 1877 разсматривалось только 166,698, изъ нихъ 144,875 обыкновенныхъ проступковъ и 20,823 нарушенія фиска и лѣсныхъ порубокъ. Уменьшеніе числа проступковъ послѣдней категоріи, точно такъ же какъ и уменьшеніе случаевъ сопротивленія гражданскимъ и военнымъ властямъ, указываетъ на то благопріятное явленіе, что съ окончательнымъ установленіемъ республики въ средѣ населенія и въ особенности между сельчанами растетъ уваженіе къ власти и законности. Еще недавно у насъ обмануть казну, утаить пошлины или оказать сопротивленіе полицейскому сержанту и жандарму не считалось преступленіемъ, а иногда даже въ глазахъ массы казались молодечествомъ и чуть не подвигомъ. Теперь, когда страна управляется сама собой, когда законодатели избираются народомъ, могутъ смѣщать министровъ и даже главу государства и когда, съ другой стороны полиція и жандармерія перестаютъ быть орудіемъ произвола, а становятся только охранителями свободы, труда и собственности каждаго, такъ же какъ и общественной безопасности — подобныя отношенія къ фиску и власти должны постепенно измѣняться, чтобы въ послѣдствіи совершенно исчезнуть.

Статистика проступковъ противъ общаго права, подлежащихъ вѣденію исправительныхъ судовъ, представляетъ собою тѣже отношенія къ возрастамъ и поламъ, какъ и статистика уголовныхъ преступленій. Въ этой сферѣ неутѣшительнымъ явленіемъ представляется только фактъ увеличенія между правонарушителями

числа малолѣтковъ и несовершеннолѣтнихъ. Такъ изъ ста проступковъ на дѣтей моложе 16-ти лѣтъ приходится четыре процента для мальчиковъ и три для дѣвочекъ. Шестнадцать же лѣтнѣй возрастъ даетъ 16 проц. юношей и 11 дѣвушекъ. Такая аномалія представляетъ собою еще новый и вѣскій аргументъ въ пользу необходимости немедленнаго распространенія свѣтскихъ школъ и окончательной организаціи системы обученія дѣтей низшихъ классовъ населеній.

Официальный докладъ обнаруживаетъ, съ одной стороны, несообразное количество (89, 92 и 96 на 100) отдачи подсудимыхъ полицейскому надзору, произвольно производимому судами а, съ другой стороны, необъяснимую щедрость присяжныхъ въ примѣненіи смягчающихъ обстоятельствъ, въ особенноти къ ворами, нищимъ и бродягамъ, представляющимъ собою двѣ пятны рецидивистовъ, послѣ того какъ они уже воспользовались этими смягчающими обстоятельствами при первыхъ своихъ осужденіяхъ.

Хранитель государственной печати долженъ былъ быть изумленъ тѣмъ, что изъ осужденныхъ ассизными судами 48 проц. уже подвергались подсудности и что рецидивизмъ, постоянно усиливающийся, достигъ 40 проц. и въ судахъ исправительной полиціи, и это несмотря на значительное уменьшеніе общаго числа привлекавшихся къ суду. Если же такой расчетъ распространить и на малолѣтковъ, оправданныхъ судомъ, но содержавшихся въ тюрьмахъ до наступленія ихъ совершеннолѣтія, то нельзя съ очевидностью не убѣдиться въ несостоятельности существующей исправительной системы, которая не только бессильна въ смыслѣ исправленія, но распространяетъ порчу и производитъ чуть не столько же проступковъ и преступленій, сколько наказываетъ. «Никогда еще, объясняетъ министръ Ле-Ройэ въ своемъ докладѣ президенту Гриви:—положеніе, въ этомъ смыслѣ, не было худшимъ, и необходимо какъ можно усерднѣе продолжать изслѣдованія, какія реформы слѣдуетъ внести въ исправительную систему, равно какъ и облегчить возвращеніе въ общество лицамъ, окончившимъ срокъ наказанія».

Въ заключеніе своего доклада, онъ нѣсколько проницательно благодаритъ магистратуру, «сознающую свой долгъ и свою отвѣтственность», но тотчасъ же прибавляетъ: «я рассчитываю на усердіе и усилія всѣхъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ юстиціи, для достиженія тѣхъ улучшеній, какія остаются еще осуществити». «Улучшенія» эти—представляются самымъ сильнымъ словомъ, какое можно было употребить въ такомъ официальномъ документѣ, какъ этотъ генеральный отчетъ администраціи французской юстиціи. Оно никогда не попадалось въ прежнихъ докладахъ, и появленіе его въ настоящемъ ясно доказываетъ, что наступаетъ пора для приведенія въ осуществленіе одной изъ самыхъ щекотливыхъ и необходимѣйшихъ реформъ—судебной реформы.

Недавно надѣлало чрезвычайно много шуму арестованіе начальника одного изъ бюро земледѣльческаго вѣдомства, подо-

зрѣваемаго въ подлогѣ служебныхъ бумагъ. Монархическая оппозиція не замедлила указать, что арестованный занялъ свое мѣсто недавно, т. е., при республикѣ, но оказалось, что этотъ чиновникъ былъ опредѣленъ реакціонерами 1873 года, а подлоги его обнаружило лицо, опредѣленное министромъ Тираромъ. Единственнымъ оправданіемъ, приведеннымъ имъ на первомъ допросѣ, было то, что подлоги эти приносили гораздо больше пользы его начальникамъ, чѣмъ ему самому, и производились въ этомъ вѣдомствѣ безнаказанно... съ 1880 года! Дѣло идетъ здѣсь о выведеніи расхода на повѣздки, никогда несовершавшіяся, на выбитіе медалей земледѣльческихъ конкурсовъ, никогда не чеканившихся, на платы устроителямъ агрономическихъ съѣздовъ, никогда не платившіяся и т. д., и т. д. Безъ сомнѣнія, исправительная полиція примѣнитъ смягчающія обстоятельства къ подсудимому, послужившему какъ бы «козломъ отпущенія» за нѣсколько поволѣвій чиновниковъ-фальсификаторовъ; но этотъ случай заставить и другихъ министровъ взглянуть, подобно Тирару, попристальнѣе на отчеты, представляемые имъ старыми чиновниками, привычными при прежнихъ порядкахъ къ разнообразнымъ плутнямъ и злоупотребленіямъ. Можетъ быть, это напомнить имъ, наконецъ, такъ легко забываемую въ наше время истину, что новое вино должно быть наливаемо и въ мѣхи новые.

На генеральномъ совѣтѣ Энского Департамента, глава кабинета, Ваддингтонъ провизнѣя полную апологію тому направлению политики, какое приняла она подъ его управленіемъ. Это было нѣсколько смѣло и комично, такъ что даже «République Française» не могла себѣ отказать въ удовольствіи нѣсколько подтрунить надъ тѣми «трудностями», которыя, по словамъ министра, онъ «или устранилъ, или поборолъ». «Никогда еще, говорится въ этой газетѣ:—ни одно изъ нашихъ правительствъ не пользовалось такимъ расположеніемъ и поддержкой общественнаго мнѣнія, какъ настоящее, и не встрѣчало въ тоже время такъ мало серьезнаго себѣ противодѣйствія. Оно было слабымъ только тѣмъ, что само въ себѣ сомнѣвалось, и единственная сила, которой ему недостаетъ, именно та, какой оно добровольно себя лишило отчасти своей робостью, отчасти невѣрностью взглядовъ. Настоящій кабинетъ предположилъ, что ему предстоитъ избираться на неприступную скалу, между тѣмъ, какъ передъ нимъ разстилась открытая равнина». Однакоже, такъ какъ Ваддингтонъ заявилъ въ своей рѣчи, что правительство рѣшилось единодушно поддерживать законопроекты Ферри, то органъ Гамбетты отказывается придавать серьезное значеніе темной фразѣ министра, въ которой говорится, что «общественное мнѣніе еще не знаетъ, лучшей-ли путь избрало правительство для достиженія своей цѣли»—и отвѣчаетъ на нее такъ: «Пусть министерство сдумаетъ совладать съ своими противниками, съ какой бы стороны они ни появились, пусть оно сдумаетъ и въ сенатѣ,

какъ и въ палатѣ депутатовъ, провести законопроекты Ферри — вотъ все, что отъ него требуется».

III.

Конецъ дѣлу Карей и легендѣ Наполеона IV. — Г-жа Ремюза, разрушившая легенду Наполеона I. — Французскій переводъ: «Исторія европейской демократіи». — Гастонъ Крежье и его посмертные произведевія. — Открытіе французскаго театра. — Дебютъ въ большой оперѣ.

Капитанъ (а не лейтенантъ) Карей возвратился въ Англію. Бонапартистская парижская газета «Gaulois» отправила къ нему своего корреспондента, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: «Извѣстно ли вамъ, что военный судъ призналъ васъ виновнымъ въ смерти принца?» — «Въ первый разъ слышу.» — «Говорятъ, что вы приговорены къ смертной казни.» (Врываетъ смѣха и пожатіе плечами капитана). — «Не можете ли вы сказать, какое было ваше официальное положеніе относительно принца и въ чемъ состояла ваша отвѣтственность?» — «Я былъ его подчиненнымъ, принцъ командовалъ отрядомъ.» — «И вы не могли представить ему никакого своего соображенія?» — «Принцъ его отвергъ бы, онъ самъ отдалъ приказъ садиться на лошадей... напасть на зулусовъ было невозможно... мнѣ необходимо было спасти жизнь другихъ...» — «Англійскихъ солдатъ?» — «Нѣтъ, охотниковъ, дурно вооруженныхъ; у всего отряда было только три карабина, да и то незаряженныхъ.» — «Чѣмъ вы объясняете то, что могли быть захвачены врасплохъ?» — «Я хотѣлъ предварительно опредѣлить мѣсто, гдѣ мы могли бы остановиться съ пригорка, откуда видны всѣ поля, покрытыя мансомъ и густою травою, но принцъ мнѣ этого не разрѣшилъ...» — «Какъ могли отпустить принца въ экспедицію подъ прикрытіемъ такого слабаго эскорта?..» — «Ему предлагали эскортъ сильный и многочисленный, но онъ рѣшительно не соглашался на это, онъ смѣялся надъ предположеніями, что экспедиція можетъ быть опасной, и вообще не ждалъ никакихъ бѣдъ отъ зулусовъ.» — «Въ какомъ же положеніи это дѣло теперь?» — «Въ самомъ простомъ; я явлюсь предъ военнымъ судомъ, все разъясню, и Англія, равно какъ и Франція узнаютъ, что катастрофа съ принцемъ имѣла характеръ фатальный и нисколько не зависѣла отъ какихъ-либо ошибокъ или вообще человѣческой воли.» — «И вы увѣрены, что съ вами окончится все благополучно?» — «Совершенно.» — «Что же думаете вы предпринять, когда кончится ваше дѣло на судѣ?» — «Вернуться немедленно къ своему полку».

Англійскій военный судъ совершенно такъ и поступилъ, какъ ожидалъ Карей. По прибытіи въ Англію, онъ считался аресто-

ваннѣмъ, но его тотчасъ же признали «невиновнѣмъ», въ Портсмутѣ ему возвратили шпагу, и онъ вернется въ армию съ тѣмъ же чиномъ, съ какииъ ее оставилъ.

Такимъ образомъ, пала сама собою усердно созидавшаяся легенда о молодомъ героѣ, безпомощно оставленномъ на погибель, если не преданномъ нарочно агентомъ международнаго заговора, о казни измѣнника или труса, виновнаго въ его злой участи, о великодушномъ заступничествѣ и ходатайствѣ неутѣшной вдовы императрицы о прощепи злоумышленника, погубившаго единственнаго ея сына. Тотъ, кому не удалось сдѣлаться Наполеономъ IV, выразился въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, обыкновеннымъ неосторожнымъ безумцемъ, невѣжественнымъ смѣльчакомъ, которому море по колѣна, и который, еслибъ не навлекъ на себя самъ преждевременной гибели и достигъ власти, представлялъ бы собою, по этимъ своимъ свойствамъ, одну изъ самыхъ опасныхъ разновидностей въ качествѣ главы націи.

Въ то же время, какъ эта исторія, не носящая ни малѣйшаго героическаго или поэтическаго характера — стала всѣмъ извѣстна и разрушила легенду о Наполеонѣ IV, въ «Revue des deux mondes» появились мемуары госпожи Ремюза, неоставляющіе камня на камнѣ отъ всей легенды Наполеона I, и имѣвшіе необычайный успѣхъ.

Нравственный обликъ перваго Бонапарта, хотя и набросанный деловатымъ перомъ женщины, съ множествомъ недомолвокъ и умолчаній, поражаетъ чудовищною реальностью своей разнузданности. Никогда еще грубые животные инстинкты не выражались ни у кого въ такой звѣрской наготѣ, какъ у этого челоука, носившаго цезарскую порфиру. Покровитель семьи и религіи, Наполеонъ I топталъ ногами всѣ законы и презиралъ всѣ нравственныя приличія. Съ наглою откровенностью цинизма онъ говаривалъ не однажды, что для людей, подобныхъ ему, не существуетъ никакихъ правилъ морали, и предавался съ своими собственными сестрами, съ женами своихъ братьевъ и чуть не со всѣми фрейлинами и статсъ-дамами своего двора такому утонченному разврату, что вполне заслуживалъ быть подведеннымъ подъ всѣ статьи утвержденнаго имъ кодекса наказаній за адюльтеръ и изнасилованія! Вечеръ въ Мальмезонѣ въ то самое время, когда въ Венсенскомъ г-су казнили герцога Ангіенскаго, описать въ запискахъ г-жи Ремюза чрезвычайно интересно и эффектно, и описаніе это исполнено вмѣстѣ и комизма, и трагизма. Монологъ Наполеона, которымъ онъ оканчивается, является весьма естати, чтобы помѣшать союзу ново-бонапартистовъ съ легитимистами и оживить въ націи и безъ того уже значительную къ нимъ антипатію. «Эти люди, говоритъ Наполеонъ I:—хотѣли внести безпорядокъ во Францію и убить въ моемъ лицѣ революцію... Герцогъ Ангіенскій былъ такимъ же заговорщикомъ, какъ и другіе, и съ нимъ, слѣдовательно, надо было и поступать, какъ съ обыкновеннымъ заговорщикомъ.

Кромѣ того, все это дѣло было задумано безъ всякихъ предосторожностей, безъ всякаго изслѣдованія почвы, на основаніи сообщеній нѣсколькихъ темныхъ корреспондентовъ, нѣсколькихъ старыхъ довѣрчивыхъ бабъ. Бурбоны ни на что не умѣютъ взглянуть иначе, какъ съ узкой точки зрѣнія *Oeil de Boeuf'a*, и обречены на вѣчныя самообманы и иллюзіи... Мы сьумѣли покончить съ этикетомъ, Бурбоны же никогда не сьумѣютъ отъ него отдѣлаться, и я держу пари на что угодно, что еслибы они когда-нибудь вернулись, то прежде всего стали бы о немъ заботиться. О! это было бы другое дѣло, еслибы ихъ могли видѣть на полѣ сраженія, подобно Гевриху IV, покрытому съ ногъ до головы пылью и забрызганному свѣжей кровью! Достигнуть престола нельзя письмомъ изъ Лондона (или Фрошдорфа), подписаннаго: «Людовикъ» (или «Геврихъ»). А между тѣмъ, подобное письмо компрометируетъ неосторожныхъ безумцевъ, которыхъ я вынужденъ наказывать, хотя мнѣ ихъ отчасти жаль. Да, я пролилъ кровь, но я долженъ былъ это сдѣлать, я пролью ее еще, если придется, но безъ всякаго гнѣва, а просто потому, что кровопусканія суть средства, употребляемая политической медициной. Я—государственный человѣкъ, я—французская революція, я повторяю это, и я ее поддержу!!!»

Нѣкто Фаргъ посвятилъ Гамбеттѣ свой переводъ значительнаго труда англичанина Томаса Эрскина Мая: «Исторія демократіи въ Европѣ». Къ сожалѣнію, переводъ этотъ далеко неполный, хотя и представляетъ собой солидный томъ въ 600 страницъ; а такъ какъ дѣятели нашего политическаго міра небольшие охотники до чтенія, то съ нихъ, пожалуй, достаточно и этого. Кромѣ того, я нахожу, что заглавіе труда не вполне точно соответствуетъ его содержанію, такъ какъ это скорѣе исторія развитія политической и индивидуальной свободы въ теченіи вѣковъ, чѣмъ исторія демократіи, т. е. постепеннаго завоеванія массами права собственности, благосостоянія и участія въ управленіи, однимъ словомъ, это скорѣй политическая, чѣмъ социальная исторія. Авторъ разсматриваетъ первые зачатки такой свободы на Востокѣ, потомъ развитіе ихъ въ Греціи и Римѣ, далѣе въ итальянскихъ республикахъ, въ эпохи возрожденія и реформаціи, затѣмъ появленіе ея въ Швейцаріи, Нидерландахъ, Франціи и Англіи. О Германіи авторъ говоритъ только вскользь, Россіи же не посвящено и полстраницы.

У книгопродавца издателя Дантю появился на дняхъ небольшой томикъ стихотвореній и замѣтокъ, написанныхъ въ тюрьмѣ Гастонюмъ Кремьѣ, съ великолѣпнымъ предисловіемъ В. Гюго. Я лично зналъ бѣднаго Кремьѣ и сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ объ одной изъ самыхъ симпатичныхъ личностей, кація мнѣ только удавалось встрѣчать. Мы сблизились на трибунѣ бордоскаго собранія въ то знаменитое засѣданіе, когда это собраніе грубо накинулось на Гарибальди и отказалась слушать В. Гюго, и у меня до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ слы-

ный и гармоническій голосъ, которымъ Кремьё, не выдержавъ, закричалъ правымъ: «эхъ, вы деревенскіе мудрецы». Воскличаніе это обрушило на него цѣлую массу ненависти, вслѣдствіе чего, послѣ того, какъ онъ выступилъ въ роли примирителя въ небольшомъ коммунальномъ марсельскомъ движеніи — онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Несмотря на заступничество Тьера, казнь эта, по приказанію генерала Эспивана де-ла-Вильбуанэ и съ утвержденія парламентской комиссіи помилованія, было приведена въ исполненіе. Извѣстно, какимъ героемъ онъ умеръ, самъ командовавъ стрѣлять. Послѣ него осталась вдова, до сихъ не снимающая траура, и сынъ, который теперь блистательно оканчиваетъ курсъ въ одномъ изъ лицеевъ Марселя. Еслибы Кремьё былъ живъ, то въ наши дни, вѣроятно, былъ бы депутатомъ и занималъ въ палатѣ видную роль, какъ хорошій легистъ и горячій трибунъ. Демократія понесла съ казнью его одну изъ чувствительныхъ потерь. Какъ писатель, онъ имѣетъ только второстепенное достоинство. Въ своихъ произведеніяхъ онъ придерживается отчасти классической и нѣсколько монотонной формы, отъ чего его мысль, часто сильная и глубокая, теряетъ въ своемъ достоинствѣ и лишена того одушевленія, какое онъ умѣлъ придавать своимъ изустнымъ импровизаціямъ. Важнѣйшее изъ посмертныхъ его произведеній — большая драма, названная: «Девятое Термидора или смерть Робеспьера», подъ четвертымъ актомъ которой читатель встрѣчаетъ печальную подпись: «не окончено за смертью автора». Робеспьеръ, изображенный въ ней — далеко не тотъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Гастонъ Кремьё изобразилъ его скорѣе такимъ, какимъ, можетъ быть, самъ мечталъ когда-нибудь сдѣлаться: то есть идеальнымъ революціонеромъ-систематикомъ, исполненнымъ всегда самообладанія и готовымъ пожертвовать всѣмъ, лучшими своими друзьями и самимъ собой для пользы народнаго дѣла и изъ уваженія къ закону. «Девятое Термидора» удается въ драмѣ только потому, что Робеспьеръ отказывается парижской коммунѣ въ позволеніи подняться на его защиту и востать противъ конвента, подчиняется воли большинства представителей націи, сдается, не ожидая, чтобы его арестовали, и всходитъ на эшафотъ, не проклиная своихъ судей, а благословляя революцію. Но такъ умеръ не Робеспьеръ, а самъ Гастонъ Кремьё, который могъ бы поднять за себя весь Марсель, еслибы захотѣлъ, имѣлъ полную возможность бѣгства и не воспользовался имъ, а казненный во имя республики провнесъ въ послѣднюю свою минуту: «да здравствуетъ республика!»

Драматическій сезонъ едва открывается, хотя погода продолжаетъ быть самой благопріятной для посѣщенія театровъ, т. е. до невозможности ненастной. У насъ наступила полная осень, хотя лѣта въ настоящемъ году совсѣмъ не было. Театръ Французской Комедіи, блистательно реставрированный, исполнилъ въ день своего открытія двѣ молиеровскія пьесы: «Ученыхъ жен-

щинъ» и «Мнимаго больного». Знаменитая церемонія послѣдней пьесы, въ которой обыкновенно участвуютъ всѣ общиники и пенсионеры театра, дала публикѣ случай убѣдиться, что всѣ они возвратились здоровыми и невредимыми изъ своей поѣздки въ Лондонъ, не исключая и хрупкой Сары Бернаръ. Послѣдняя удостоилась въ этотъ вечеръ даже особой оваціи, которой она въ сущности не заслуживала, но которая можетъ быть полезна въ томъ смыслѣ, что исправить ее хотя нѣсколько отъ болѣзненныхъ капризовъ относительно публики.

Большая опера, несмотря на усиленную дѣятельность своего новаго директора Вокорбейля, не успѣла еще до сихъ поръ поставить на репертуаръ «Нѣмую изъ Португи», но винѣ баритона Лассала, къ которому публика наша относится съ такой же непостижимой снисходительностью, какъ къ Сарѣ Бернарь. Поэтому намъ до сихъ поръ и пришлось удовольствоваться только не особенно блистательными дебютами двухъ не особенно замѣчательныхъ пѣвицъ въ «Гугенотахъ».

Парижъ, 26-го августа 1879 года.

Людвигъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

М. Ковалевскаго. Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Часть первая. Общинное землевладѣніе въ колоніяхъ и вліяніе поземельной политики на его разложеніе. М. 1879.

Одинъ критикъ замѣтилъ, что нынѣшніе журналы даютъ очень мало статей, отвѣчающихъ ближайшимъ, непосредственнымъ потребностямъ читателей. Критикъ находитъ, что журналы забываютъ эти ближайшія требованія для «народа», для всякаго рода статей о крестьянской жизни или по поводу нея. Онъ не имѣетъ сказать что-нибудь противъ такихъ журнальныхъ матеріаловъ по существу, но думаетъ все-таки, что интеллигентный читатель имѣетъ свои собственные, непосредственно его затрагивающіе интересы, которые въ прежніе годы удовлетворялись лучше. Упрекъ этотъ относился, кажется, преимущественно къ нашему журналу, и мы должны признать, что есть въ немъ извѣстная доля справедливости. Однако, и возразить противъ него можно бы было многое. Во-первыхъ, ближайшіе, непосредственные интересы интеллигенціи принимаютъ иногда такой характеръ, что удовлетворить ихъ въ данную минуту бываетъ трудно и даже болѣе, чѣмъ трудно; или, пожалуй, наоборотъ, данная минута окрашивается цвѣтомъ, неудобнымъ для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей читателей. Во-вторыхъ, журналистика обя-

зана не только удовлетворять требованіямъ читателя, а и вынуждать эти требованія, выработывать ихъ. И мы рѣшительно утверждаемъ, что обиліе статей о крестьянской жизни и по поводу нея подлежитъ не только отрицательному оправданію, но должно быть зачтено вынѣшней журналистикѣ въ положительную заслугу. Въ особеннности это надо сказать объ одной группѣ журнальных матеріаловъ. Быть можетъ, наиболѣе наскучившей кое-кому изъ читателей. Мы разумѣемъ статьи по общинному землевладѣнію. Дѣло въ томъ, что это—самый загадочный, самый проблематичный элементъ современной русской жизни. Возьмите любой другой элементъ, и вы безъ труда опредѣлите его ближайшее будущее, если только онъ не находится въ непосредственной связи съ формой крестьянскаго землевладѣнія. Самая же эта форма есть сфинксъ, задающій загадки подъ своимъ традиціоннымъ условіемъ: отгадай или я тебя сожру. Всѣ согласны въ томъ, что вопросъ о формѣ крестьянскаго землевладѣнія есть вопросъ первѣйшей важности, что отъ того или иного его рѣшенія существеннымъ образомъ зависитъ весь дальнѣйшій ходъ русской исторіи. Но, какъ онъ рѣшится, какъ рѣшается въ текущей дѣйствительности, и какъ *долженъ* рѣшаться? Вопросы страшные, ибо одни сулятъ неисчислимны бѣды отъ сохраненія общины, другіе жмутъ того же отъ ея распущенія. Вотъ почему мы не боимся наскучить читателю статьями по общинному землевладѣнію и вотъ почему мы рекомендуемъ его особенному вниманію и книгу г. Ковалевскаго.

Книга эта имѣетъ въ самомъ дѣлѣ особенную цѣну. До сихъ поръ русскіе ученые мало интересовались предметомъ, которому она посвящена. Русскіе ученые поднимались на крыльяхъ науки въ поднебесную высь и спускались въ нѣдра земли, но того, что журналисткою давно уже признано дѣломъ величайшей важности, они почти не касались. Г. Ковалевскій первый проломилъ ледъ, издавъ цѣлую книгу, цѣлое самостоятельное изслѣдованіе по предмету, почти ежемѣсячно трактуемому въ журналистикѣ. Въ добрый часъ, конечно. Но можно было опасаться, что русскій ученый не только не приметъ во вниманіе того, что говорится въ журналистикѣ, а и вообще отнесется къ дѣлу съ той высоты, съ которой ничего не видно. Съ перваго взгляда, книга г. Ковалевскаго очень подозрительна въ этомъ отношеніи. Взять уже то, что она посвящена «общинному землевладѣнію въ колоніяхъ». Мы встрѣчаемся здѣсь съ общиннымъ землевладѣніемъ у краснокожихъ и съ вліяніемъ на него испанской поземельной политики, съ общиной въ Индіи и съ вліяніемъ на нее мусульманскаго и англійскаго владычества, съ общиной въ Алжирѣ и съ вліяніемъ на нее французскихъ завоевателей—все такое отъ нашихъ домашнихъ дѣлъ, кажется, далекое. Затѣмъ эпитафья изъ Спинозы: «не плакать, не смѣяться, а понимать». У Спинозы эти слова, вѣроятно, вполне умѣстны, но, какъ эпитафья къ русской книгѣ объ общинномъ землевладѣніи, они ничего

хорошаго не общають. Какъ это въ самомъ дѣлѣ странно: точно смѣхъ и слезы противорѣчатъ пониманію! Казалось бы напротивъ: если вы плачете о потерѣ друга и смѣтаетесь надъ тѣмъ, что достойно смѣха, такъ это однитъ изъ признаковъ того, что вы понимаете тяжесть потери и смѣхотворность смѣшного. Ну, а у ученыхъ людей это какъ-то иначе выходитъ, наоборотъ... Наконецъ, можетъ смутить и предисловіе г. Ковалевскаго, по крайней мѣрѣ, начало его. «Много было писано у насъ объ общинномъ землевладѣніи, говоритъ авторъ:—много высказано въ разное время мнѣній за и противъ него; много также развито противорѣчивыхъ теорій насчетъ исключительной принадлежности или совершенной неизвѣстности его славянскому міру. Кажись, нечего бы болѣе и возбуждать этого вопроса: иначе неволью впадешь въ повтореніе того, что было сказано другими, станешь или защищать или нападать на общину, открывать въ ней своеобразное проявленіе русскаго духа или доказывать, что въ созданіи ея русскій духъ рѣшительно не при чемъ; а все это до крайности надобно всѣмъ и никому болѣе, какъ автору настоящаго труда. Спрашивается послѣ этого, какое же основаніе имѣеть онъ посвящать цѣлое сочиненіе все тому же избитому вопросу, надъ которымъ потрудились въ свое время не мало и западники, и славянофилы, и защитники, и противники существующаго общественнаго строя? Еслибы авторъ не думалъ, что самый вопросъ объ общинномъ землевладѣніи, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи, до сихъ поръ былъ поставленъ на ложную почву, еслибы онъ не надѣялся вывести его до нѣкоторой степени изъ области чувствъ въ область положительнаго знанія, еслибы онъ не былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что одно лишь историко-сравнительное изученіе хода развитія поземельной собственности способно объяснить причины и послѣдствія повсемѣстнаго исчезновенія коллективныхъ формъ землевладѣнія, онъ несомнѣнно предпочелъ бы отдать свое время изслѣдованію какого-нибудь менѣе разработаннаго, хотя и не менѣе интереснаго предмета».

Слова эти также мало общають чего-нибудь хорошаго, какъ и эпиграфъ изъ Спинозы. Журнальные толки, такъ презрительно третируемые г. Ковалевскимъ, имѣли въ виду практической вопросъ. И, спрашивается: какъ же имъ было обойтись безъ «нападенія» на общину и безъ «защиты» ея? Далѣе, сравнительно-историческій методъ есть вещь, конечно, прекрасная, но думать, что имъ исчерпываются всѣ научные приемы, что онъ способенъ замѣнить собою всѣ другіе типы теоретическаго изслѣдованія, это значить вѣрять въ философскій камень или въ панacea. Впрочемъ, чѣмъ разбирать слабыя стороны предисловія г. Ковалевскаго, мы прямо скажемъ, что не такъ страшень чортъ, какъ его малюють. Хотя книга г. Ковалевскаго посвящена общинѣ въ Америкѣ, Индіи и Алжирѣ, но содержитъ въ себѣ множество драгоцѣнныхъ и для насъ указаній. Они тѣмъ драгоцѣн-

нѣе, что, несмотря на обѣщаніе только «понимать», г. Ковалевскій и плачетъ, и смѣется, чѣмъ и доказываетъ, что дѣйстви-тельно «повинаетъ». Опять, наконецъ, прямо «защищаетъ» общину.

Причины разложенія общиннаго землевладѣнія распадаются для г. Ковалевскаго на двѣ группы: на «самопроизвольныя» и на тѣ, которыя обуславливаются специальными особенностями поземельной политики въ колоніяхъ. Г. Ковалевскій нигдѣ такъ прямо не группируетъ эти причины, даже какъ бы намекаетъ въ одномъ мѣстѣ, что не такъ онѣ должны группироваться. Но на дѣлѣ читатель видитъ только эти двѣ группы. Самыя вырази-тельные въ этомъ отношеніи мѣста читатель найдетъ во «вступленіи», на стр. 5—16.

«Самопроизвольныя» причины обрисованы довольно туманно. Необходимость совокупныхъ усилій въ борьбѣ съ природой ве-детъ къ усвоенію какъ движимой, такъ потому и недвижимой собственности не частными лицами или семьями, а цѣлыми неопредѣленными, стадообразными группами индивидовъ. Затѣмъ въ этихъ стадныхъ соединеніяхъ формируются родовые союзы и возникаетъ общинно-родовая собственность. На слѣдующей ступени, благодаря воспріятію въ родовые союзы постороннихъ членовъ, возникаетъ сельская или сосѣдская община. А затѣмъ, «не сдерживаемыя болѣе воедино узами крови, нераздѣльныя семьи приходятъ постепенно путемъ опыта къ сознанію разногласія, существующаго между интересами каждаго изъ нихъ и интересами всѣхъ; неудивительно поэтому, если веденіе хозяй-ства сообща рано или поздно уступаетъ мѣсто веденію его въ отдѣльности каждымъ семействомъ». Оно бы, конечно, не было удивительно, еслибы мы имѣли объясненіе, почему опытъ приво-дитъ къ сознанію разногласія между интересами каждаго и интересами всѣхъ. Дальше, впрочемъ, мы встрѣчаемся съ го-раздо болѣе опредѣленными указаніями на «самопроизвольныя» причины разложенія общины: столкновение побѣдителей съ ту-земцами занатой страны, усиленіе власти предводителя, старѣй-шины, образованіе жреческаго и торговаго сословія—все это съ разныхъ сторонъ подтачиваетъ общину. При этомъ, «чтобы сло-мить общинные союзы и сдѣлать возможнымъ дальнѣйшее рас-ширеніе своихъ помѣстій, члены нарождающейся поземельной аристократіи, духовной и свѣтской, необходимо должны были принять и въ дѣйствительности принимали цѣлый рядъ мѣръ, цѣлью которыхъ было введеніе въ обычное право чуждаго ему начала отчуждаемости на первыхъ порахъ одной только общин-ной, а съ теченіемъ времени и семейной собственности». При этомъ практиковалась «система насильственнаго захвата круп-ными землевладѣльцами, свѣтскими и духовными, прилегавшихъ къ ихъ помѣстьямъ земель». И т. п. И тѣмъ не менѣе, подводя всему этому итогъ, г. Ковалевскій пишетъ: «въ предшествую-щемъ изложеніи я имѣлъ въ виду показать, каковы самопроиз-вольныя причины разложенія общинныхъ формъ недвижимой

собственности». Или мы очень ошибаемся, или введение въ обычное право чуждых ему началъ и насильственные захваты ничего общаго съ самопроизвольностью не имѣютъ. Недоумѣніе наше увеличивается еще разсужденіемъ автора, непосредственно слѣдующимъ за приведеннымъ итогомъ. Описанный процессъ, говоритъ онъ, отличается большою медленностью и требуетъ столѣтій для своего завершения. Но почему же, самъ задаетъ онъ вопросъ, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ процессъ индивидуализаціи недвижной собственности и сосредоточенія ея въ немногихъ рукахъ идетъ такъ быстро, что отъ старинныхъ формъ владѣнія землей въ нѣсколько десятковъ лѣтъ остаются только немногіе слѣды? «Такой радикальный переворотъ въ характерѣ поземельныхъ отношеній всего легче можетъ быть наблюдаемъ въ колоніяхъ. Причину его очевидно нельзя признать внутреннюю необходимость. Остается поэтому приписать его дѣйствіе искусственнымъ причинамъ. Таковыми являються законодательныя и административныя мѣры того или другаго изъ иностранныхъ правительствъ, въ большинствѣ случаевъ незнакомныхъ, какъ слѣдуетъ, съ условіями быта и потребностями подпавшаго ихъ власти туземнаго населенія колоній»

Читатель понимаетъ наше недоумѣніе и, вѣроятно, раздѣляетъ его. Съ одной стороны, насильственные захваты и введение въ обычное право чуждых ему началъ занесены подъ рубрику самопроизвольныхъ причинъ разложенія общины. А съ другой стороны, совершенно подобныя же дѣйствія иностранныхъ правительствъ въ колоніяхъ отнесены къ «искусственнымъ» причинамъ. Притомъ сказано, что вліяніе этихъ причинъ «всего легче» наблюдать въ колоніяхъ. Только легче наблюдать, но дѣйствовать онѣ, значитъ, могутъ и въ самой метрополи. Будемъ надѣяться, что это только неясность изложенія, а не неясность мысли, и что въ слѣдующемъ томѣ, скорого появленія котораго мы отъ души желаемъ, дѣло выяснится окончательно.

Пока мы имѣемъ, главнымъ образомъ, только рядъ этюдовъ по поземельной политикѣ европейскихъ государствъ въ колоніяхъ. Правда, авторъ слѣдитъ и за частностями «самопроизвольнаго» разложенія общины въ Америкѣ, Индіи и Алжирѣ до прихода испанскихъ, англійскихъ и французскихъ благодѣтелей. Но эти очерки все-таки страдаютъ нѣкоторою смутностью, благодаря отчасти, вѣроятно, относительной скудости источниковъ. Особенно жаль, что авторъ не достаточно рѣзко различаетъ причины разложенія семейной и сельской общины. Семейныя раздѣлы могутъ быть объяснены просто нравственнымъ рѣстомъ личности, возстающей противъ патріархальнаго гнета. Пружины разложенія сельской общины, конечно, не таковы. Что же касается очерковъ поземельной политики, то они замѣчательно полно обработаны и представляютъ не дешевый вкладъ въ русскую науку. Помимо своего теоретическаго значенія, они имѣютъ и чисто практическое, текущее. Наименѣе интересны въ

этомъ смыслѣ двѣ первыя главы. Въ нѣсколько отдаленномъ, чисто теоретическомъ смыслѣ, котораго мы, разумѣется, отрицать не помышляемъ, поучительны и онѣ. Но испанцы въ Америкѣ практиковали такіе первобытные способы расправы съ туземцами, что, во-первыхъ, собственно уничтоженіе общины есть только капля въ морѣ всякихъ насилій и звѣрствъ, совершенныхъ ими, а во-вторыхъ, нынѣ никто уже такъ въ колоніяхъ не поступаетъ, а практикуются приемы гораздо болѣе тонкіе, но не менѣе дѣйствительные. Не очень, впрочемъ, и они тонки. Мы не беремъ передать въ библиографической замѣткѣ не только ходъ изслѣдованія автора, а даже всѣ его результаты. Но мы рекомендуемъ читателю обратить вниманіе на почти полную тождественность мотивовъ, исходныхъ точекъ и программъ англійскихъ и французскихъ завоевателей съ мотивами, исходными точками и программами нашихъ внутреннихъ завоевателей, когда они словомъ, дѣломъ или помышленіемъ налагаютъ руку на общину.

Самъ г. Ковалевскій отнюдь не раздѣляетъ точки зрѣнія этихъ внутреннихъ завоевателей. Онъ не находитъ ни полезнымъ, ни похвальнымъ обезземеленіе крестьянскаго населенія. Онъ думаетъ, что добросовѣстное стремленіе къ этому результату есть плодъ излишней вѣры въ положенія манчестерской экономической школы и узкаго экономического опыта, малаго знакомства съ разнообразіемъ формъ общежитія. А стремленіе недобросовѣстное онъ готовъ назвать позывомъ къ грабежу. Говоря объ алжирскихъ аграрныхъ дѣлахъ, онъ ожидаетъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени община тамъ исчезнетъ, «оставляя полный просторъ личной инициативѣ неподготовленныхъ къ самобытной жизни и потому беззащитныхъ индивидуумовъ».

Мы можемъ, кажется, сказать, что таковъ именно результатъ, къ которому пришли многіе изъ тѣхъ, кто, по мнѣнію г. Ковалевскаго, ставилъ у насъ вопросъ «на ложную почву», изъ тѣхъ, кто плакалъ и смѣялся, говоря объ общинѣ.

Въ улану времени. *Кн. В. Мещерскаго*. Спб. 1879 г.

Газеты наши съ замѣчательнымъ единодушіемъ встрѣтили новое произведеніе кн. Мещерскаго. Была обнаружена даже излишняя роскошь единодушія. Излишняя, какъ по отношенію къ самому кн. Мещерскому, такъ и по отношенію къ читателямъ газетъ. Самъ кн. Мещерскій давно уже привыкъ къ тому, что при всякомъ его появленіи на аренѣ нравственно политическихъ вопросовъ, «по всей линіи фельетоновъ петербургской журналистики раздается дружный смѣхъ». Это его собственное выраженіе. Значить, его смѣхомъ не удивишь. Онъ прямо выразилъ въ своемъ новомъ произведеніи надежду, что будетъ осмѣянь. Именно надежду. Онъ не просто сжилъ съ своимъ положеніемъ осмѣиваемаго въ литературѣ человѣка, а видитъ въ немъ нѣчто почетное, какъ бы мученическій вѣнецъ, украшающій его за

многообразныя добродѣтели. Онъ даже однажды самъ изобразилъ себя въ одномъ романѣ въ видѣ «юродиваго князя-публициста». Ну, а юродивые, какъ извѣстно, жаждутъ казаться какъ можно «чуднѣе» и смѣхотворнѣе. Они этимъ снискиваютъ свой хлѣбъ насущный. Едва ли поэтому была какая-нибудь надобность поддерживать мученическій вѣнецъ на почтенной головѣ почтеннаго князя. Что же касается читателей, то единодушіе газетъ можетъ ихъ ввести въ соблазнъ: если всѣ газеты, даже тѣ, которыя ежедневно между собою грызутся и изъ-за выѣденнаго и изъ-за невыѣденнаго яйца, если всѣ онѣ сошлись въ дружномъ осмѣяніи книги кн. Мещерскаго, такъ значитъ эта книга есть сплошная и притомъ вполне элементарная глупость, относительно которой никакое разногласіе невозможно. Между тѣмъ, это далеко не такъ. Мы рѣшаемся утверждать, что книга почтеннаго князя не сплошная глупость.

Конечно, авторъ очень смѣшонъ, когда, напримѣръ, рубить свои фразы на манеръ Виктора Гюго:

«Таковъ Петербургъ.

«Онъ видно неисправимъ.

«А исправиться ему надо.

«Иначе будетъ бѣда и ему, и Россіи.

«Надо наконецъ объяснить недоразумѣніе.

«Россія хочетъ одного.

«Петербургъ хочетъ другого» (стр. 51).

Конечно, князь еще смѣшнѣе, когда развиваетъ свои ни съ чѣмъ несообразные планы спасенія Россіи помощью какихъ-то дворянскихъ дежурствъ и общества христіанской любви.

Конечно, князь обнаруживаетъ совершенно своеобразное устройство головы, когда аргументируетъ, напримѣръ, такъ: «Петербургъ съ отдѣленіями въ Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ ничего общаго не имѣетъ съ Россіей въ своихъ нигилистическихъ дѣйствіяхъ, потому что во всемъ остальномъ Петербургъ и его конторы не имѣютъ ничего общаго съ Россіей въ умственной жизни» (стр. 22).

Конечно, князь вступаетъ въ борьбу даже съ грамматикой, когда пишетъ съ свойственною ему смѣлостью: «Свобода, коего (sic) источникъ есть Богъ, наоборотъ (sic), она рождается изъ любви къ ближнему» (стр. 174).

Конечно, князь на каждомъ шагѣ противорѣчить не только логикѣ, здравому смыслу, грамматикѣ и фактической дѣйствительности, но и самому себѣ. Все это правда. И отчего, пожалуй, надъ всѣмъ этимъ не посмѣяться. Но есть въ книгѣ или, точнѣе, книжонкѣ кн. Мещерскаго и нѣчто иное. Только до этого «яного» надо добираться сквозь порядочную толщу всяческой нелѣпости.

По мнѣнію кн. Мещерскаго, послѣ покушенія 2 го апрѣля, «никто не дерзнулъ не только сказать громко, но даже задать себѣ вопросъ... не нужно ли намъ для спасенія, кромѣ казаковъ

и полиціи, кромѣ генерала Гурко для Петербурга и ставшаго болѣе консерваторомъ—фельетониста Суворина для печати, что-нибудь серьезнѣе?» (51). Событіе 2-го апрѣля всѣхъ ошеломило. Но затѣмъ «перестрѣлка кончилась, все затихло, убійцы и нигилистовъ давно забыли, либерализмъ и петербургское самодержавіе либерализма и прогресса спасены. А когда заговариваютъ о будущемъ, вамъ говорятъ: полиція усилена, слѣдствіе производится, заговоръ социалистовъ постепенно раскрывается. Скоро, скоро настанетъ золотой вѣкъ. И опять какъ ни въ чемъ не бывало пишутся ругательныя статьи на Каткова, пишутся статьи о недостаточности народныхъ школъ, о притѣсненіяхъ для свободнаго обученія народа, опять разжигается вопросъ о годности той или другой учебной системы, словомъ, какъ я сказалъ: какъ будто ни въ чемъ не бывало. И даже болѣе того: либералы шагаютъ подчасъ *еще дальше*» (52—3). Понимаете: еще дальше! Дальше такихъ неприкосновенныхъ предметовъ, какъ г. Катковъ и та или другая учебная система! Это ужасно далеко, такъ далеко, что недалекому человѣку остается только сидѣть на рѣкахъ Вавилонскихъ и плакать. Однако, кн. Мещерскій не ограничивается этой позиціей. Онъ не прочь открыть современникамъ секрета того «серьезнаго», которое нужнѣе и важнѣе полицейскихъ и карательныхъ мѣръ. Обратимся къ этому серьезному, не разбирая, чтѣ есть вѣрнаго и чтѣ нелѣпаго въ вышеприведенномъ разсужденіи.

Оказывается изъ наблюденій самого кн. Мещерскаго, что не ему одному приходилъ послѣ 2-го апрѣля въ голову скептическій вопросъ о достаточности строгихъ мѣръ. Онъ сообщаетъ примѣрный разговоръ «консерватора» и «либерала», изъ которыхъ послѣдній находитъ, что все можетъ устроиться прекрасно при одномъ условіи: «еще одинъ, рѣшительный шагъ на пути либеральныхъ реформъ, кончайте зданіе либеральныхъ реформъ и все пойдетъ великолѣпно» (104). Кн. Мещерскій безусловно отвергаетъ такое рѣшеніе вопроса. По его мнѣнію, дальнѣйшія реформы не только не нужны, но были бы даже вредны. А нужно и полезно вотъ что: «Петербургъ», петербургская интеллигенція должна сознать и сознаться, что она нравственно всормила Соловьева, и что слѣдовательно, собственно говоря, она совершила покушеніе 2-го апрѣля. Мотивируется это оригинальное предложеніе тѣмъ, что петербургская интеллигенція шла «путемъ 24 года (т. е. 24-хъ лѣтъ) злой и пристрастной критики, взаимной ненависти, нестерпимости, ко всему духовному, возбужденія вражды къ идеаламъ и преданіямъ старины, грубаго реализма, ослабленія связей и авторитетовъ семейной жизни и идеализированія, то есть признанія типомъ того ужаснаго уroda, который долженъ былъ испугать общество своимъ разрушающимъ содержаніемъ, *нигилиста*» (103). Конечно, князь не одного покаянія требуетъ. Онъ согласенъ, собственно говоря, и на реформы. И такова сила пагубнаго духа времени, что нѣкоторыя изъ проекти-

руемых имъ реформъ носить несомнѣнную печать либерализма. Но главное дѣло все-таки въ покаяніи. Хотя подобныя чудовищныя призывы и поученія, по существу, не составляютъ въ русской литературѣ новости — какихъ видовъ эта литература не видала! — но надо отдать справедливость кн. Мещерскому: онъ дѣлаетъ свое дѣло много деликатнѣе (а къ тому же и смѣшнѣе и безграмотнѣе), чѣмъ нѣкоторые другіе дѣятели. Онъ не выпаливаетъ, какъ, напримѣръ, Катковская пушка: докторъ Боткинъ убилъ князя Крапоткина. Онъ снисходительно допускаетъ, что петербургская интеллигенція ходила по тропинкѣ бѣдствій, не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій, что она виновна главнымъ образомъ въ легкомысліи, «безпочвенномъ либеральничаньи», пагубные результаты котораго для нея самой неясны. Это очень милоство, потому что чтó же могло бы помѣшать автору обострить свое поученіе личными указаніями, которыя на неблагозвучномъ языкѣ обыденной жизни называются доносами? Впрочемъ, князь Мещерскій не отступилъ и отъ одного личного указанія, но придалъ ему совершенно специальный характеръ: личное указаніе относится къ издателю «Новаго Времени», г. Суворину, вѣрнѣе, къ прошлому г. Суворина, который, какъ всѣмъ извѣстно, давно отрясъ прахъ либерализма отъ ногъ своихъ. Кн. Мещерскій даже именно этою переменною фронта г. Суворина мотивируетъ свое обращеніе къ нему. Онъ находитъ, что г. Суворинъ много измѣнился и къ лучшему измѣнился, но что ему нужно сдѣлать еще нѣсколько шаговъ на пути раскаянія.

Въ главѣ, носящей курьезное заглавіе: «Богъ и фельетонисты», кн. Мещерскій обращается съ открытымъ письмомъ къ г. Суворину. Мы встрѣчаемъ здѣсь нѣсколько неожиданное заявленіе, что онъ, кн. Мещерскій, «ставитъ истиннаго Бога выше фельетониста въ каждомъ вопросѣ, касающемся отечества» (а въ вопросахъ, не касающихся отечества?). Затѣмъ кн. Мещерскій вспоминаетъ два факта: лѣтомъ 1871 года появилось объявленіе объ изданіи «Гражданина»; объявленіе начиналось словами: «Съ Божьею помощью»; г. Суворинъ, тогда еще фельетонистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», осмѣялъ эти слова. Въ 1878 г., кн. Мещерскій отдалъ въ редакцію «Новаго Времени» статью по восточному вопросу; г. Суворинъ напечаталъ ее, но выкинулъ послѣднія три строчки, а «строчки эти были религіозно-политическаго характера: въ нихъ говорилось о торжествѣ православія, о св. Софїи и т. д.». На этихъ двухъ фактахъ кн. Мещерскій строитъ очень многое, хотя, собственно говоря, на нихъ ровно ничего построить нельзя. Конечно, очень смѣшно самоиѣніе почтеннаго князя, полагавшаго, что самъ Богъ будетъ ему помогать въ изданіи «Гражданина». Что же касается вычеркнутыхъ трехъ строчекъ, то онѣ, по всей вѣроятности, содержали какой-нибудь сугубый вздоръ, ибо собственно «торжества православія, св. Софїи и т. д.» «Новому Времени» нечего было бояться: оно не разъ говорило объ этихъ предметахъ отъ себя.

Какъ бы то ни было, но князь очень цѣнить передвиженіе г. Суворина «слѣва направо». Вы, пишетъ онъ, между прочимъ: «стоите за непркосновенность учебной системы въ ея основахъ, вы держите знамя славяно-русской народности въ нашей политикѣ, вы прямо выступаете противъ нигилизма и социализма, однимъ словомъ, вы часто стали буквально говорить тѣ же мысли, что встрѣчались прежде на столбцахъ «Гражданина» (164). «Враги ваши говорятъ, что вы это сдѣлали изъ-за денегъ. Я, хотя давнишній врагъ вашъ, хочу вѣрить, что вы сдѣлали это искренно и добросовѣстно, что-то почувавъ, что-то понявъ» (173). Сдѣлайте же одинъ шагъ, умоляеть князь г. Суворина, и такъ какъ вы забрались уже на довольно высокую ступеньку, создали себѣ, въ лицѣ газеты, касседу съ многочисленной аудиторіей, то вы въ состояніи оказать великую услугу русскому обществу. Чего собственно хочеть князь отъ г. Суворина, чего послѣднему недостаеть—сказать довольно трудно. Иногда князь опредѣляетъ это недостающее великимъ, всеобъемлющимъ словомъ «Богъ», иногда суживаетъ «Бога» до «православія», иногда выдвигаетъ изъ «православія» «взаимную любовь, вѣру, участіе къ ближнему, терпѣніе и терпимость и, наконецъ, чувство долга кого-нибудь уважать и чему-нибудь подчиняться». Иногда, наконецъ, князь требуетъ отъ г. Суворина одного: покайтесь, покайтесь въ своихъ старыхъ грѣхахъ, покайтесь въ томъ, что вы десять лѣтъ либеральничали и либеральничаньемъ этимъ, распатываньемъ «основъ» подготовили выстрѣлъ 2-го апрѣля.

Конечно, это вздоръ. Почтенный князь, имѣя усердіе не по разуму, зарпортовался: г. Суворинъ—не петербургская интеллигенція, а петербургская интеллигенція—не Соловьевъ. Но соскребите толстую кору нелѣпости съ княжескаго разсужденія, снимите черезъ-чуръ густо намазанныя краски и окажется нѣчто заслуживающее вниманія. Есть два сорта ренегатовъ. Одни, какъ Савль, обратившійся въ Павла, пламенно исповѣдуютъ свою новую вѣру и неустанно преслѣдуютъ старую, карая въ ней самихъ себя, свои собственныя, дѣйствительныя или кажущіяся заблужденія. Гдѣ истина—тамъ ли, откуда эти люди отшатнулись, или тамъ, куда они пристали, это безразлично для нравственной оцѣнки личности: это во всякомъ случаѣ люди, достойные уваженія и сочувствія, ибо они въ самихъ себѣ носятъ такую страшную кару за свои прежнія заблужденія, такую муку, въ сравненія съ которой ничто всѣ попреки со стороны. Но есть другіе ренегаты, и созидающіе, и разрушающіе «основы» съ одинаково «легкимъ сердцемъ», съ наглымъ хохотомъ, съ присвистомъ и приплясываніемъ. Мы не обратимся къ нимъ съ поученіемъ, потому что понимаемъ его бесполезность, но мы понимаемъ также, что человѣкъ, самъ для себя избравшій кличку «юродиваго князя-публициста», не можетъ ограничиться простымъ констатированіемъ факта безпардоннаго ренегатства. Онъ непрестанно долженъ вопіять: «покайтесь»!

*

Еврейская Библиотека. Историко-литературный сборникъ. Томъ VII. Спб. 1879.

Пропаганда такъ называемаго «еврейскаго вопроса» развивается въ нашей журналистикѣ все шире и шире, дѣятельнѣе и дѣятельнѣе. На дняхъ еще было опубликовано о возникновеніи на русскомъ языкѣ новаго еврейскаго органа съ довольно широкою, хотя и нѣсколько неопредѣленною программою. Все это, разумѣется, очень утѣшительно. Въ нашей жизни такъ много всяческихъ нерѣшенныхъ вопросовъ, невыясненныхъ стремленій, неудовлетворенныхъ потребностей, что нельзя не радоваться, когда хоть одинъ изъ этихъ «вопросовъ» находитъ для себя специалистовъ-ислѣдователей и получаетъ ту или другую опредѣленную формулу и постановку.

Но все это—только вообще, съ той высоты птичьяго полета, съ которой трудно уловить всѣ детали исполненія самыхъ, быть можетъ, прекрасныхъ намѣреній. Мы уже имѣли случай говорить объ «Еврейской Библиотекѣ», представляющей собою одинъ изъ важнѣйшихъ печатныхъ органовъ русскаго еврейства. Наши выводы были тогда довольно печальны. Мы не могли не замѣтить въ почтенномъ сборникѣ той вредной и тенденціозной исключительности, которая, какъ всякая односторонность, только вредитъ дѣлу, еще болѣе расширяетъ ту пропасть, которая отдѣляетъ два лагеря и въ которой именно и заключается сущность вопроса. Мы указывали, что *такой* образъ дѣйствія ни къ чему, кромѣ еще большаго обособленія еврейства, привести не можетъ. «Библиотека», какъ это видно изъ сего VII тома, продолжаетъ думать по прежнему. Она прочно утвердилась на почвѣ узкаго націонализма, т. е. именно на той почвѣ, на которой разрѣшеніе вопроса всего затруднительнѣе. Это—ея дѣло, конечно. А наше дѣло—еще разъ выразить свое глубокое убѣжденіе, что если когда-нибудь «еврейскій вопросъ» будетъ приведенъ къ желанному концу; если господствующія предубѣжденія противъ еврейства будутъ разсѣяны; если евреи получатъ когда-нибудь (и это, безъ сомнѣнія, совершится, только помимо дѣятелей «Библиотеки» и людей солидарныхъ съ ними) права, одинаковыя съ правами господствующей національности—то все это сдѣлается не путемъ дешеваго самовосхваленія, а путемъ искренняго, безъ всякихъ аггидес ренсбес, отождествленія еврейскихъ интересовъ съ интересами большинства страны.

«Библиотека» цитируетъ въ одной изъ своихъ статей прекрасныя слова покойнаго Оршанскаго о необходимости «сознанія внутренней связи между общимъ прогрессомъ русской народной жизни и гражданскою полноправностью евреевъ». Въ этихъ словахъ заключается полная и вѣрная программа для интеллигентнаго еврейства, но слѣдовать ей «Библиотека» не желаетъ. Всѣ ея оригинальныя статьи (за исключеніемъ отрывка изъ романа «Походъ въ Колхиду», о которомъ ниже) представляютъ собою или обычныя lamentаціи объ угнетенной невинности евреевъ,

или воспоминаніи объ ихъ славномъ историческомъ прошломъ. Остановимся прежде всего на статьѣ самого издателя — «Священное присутствіе и его религиозные акты». Въ статьѣ рассказывается о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались евреи со стороны испанской инквизиціи — тема очень, конечно, благодарная. Но не въ томъ дѣло, а въ отношеніяхъ къ ней автора статьи. Взглядъ г. Ландау на инквизицію, на мотивы преслѣдованія ея евреями замѣчательнъ по своей оригинальности. Авторъ находитъ, что преслѣдованія эти обуславливались «самою низкой денежною спекуляціей» (221), «самымъ низкимъ любостязаніемъ» (233). Пристрастіе, фальшивость, односторонность взгляда автора на инквизицію очевидны сами собою. Тѣмъ хуже для г. Ландау, если онъ не понимаетъ, что инквизиція была въ гораздо большей степени заблужденіемъ ума, нежели заблужденіемъ сердца, что она была логическою, а не нравственною ошибкою, обуславливалась ложными убѣжденіями, а не порочными побужденіями. Безъ «любостязанія» дѣло не обходилось, конечно, но сводить столь сложные явленія, каковы вообще всѣ религиозныя преслѣдованія, исключительно къ «низкому любостязанію» значитъ свидѣтельствовать о скудости своего историческаго пониманія; видѣть въ фанатической и аскетической личности какого-нибудь Торквемады только карманника или, какъ выражается авторъ, «счетчика» (225), значитъ дѣлать очевидную и тенденціозную натяжку.

Другая характерная (въ тенденціозномъ смыслѣ) статья «Библиотеки» — «Обзоръ законодательства относительно евреевъ». Авторъ ея, г. Розенфельдъ, печалится о томъ, что «наше законодательство по отношенію къ евреямъ, несмотря на многіе либеральные и прогрессивные признаки, въ концѣ-концовъ, все-таки ничего не забыло и ничему не научилось» (126). Эта тема развивается авторомъ довольно подробно и основательно. Вполнѣ сочувствуя жалобамъ автора, мы не можемъ, однако, «забыть», что параллельно съ этими явленіями и, быть можетъ, отчасти вслѣдствіе ихъ, развивается и фактъ почти повальной эксплуатаціи угнетеннымъ народомъ господствующей національности. Этому послѣднему факту г. Розенфельдъ, вслѣдъ за большинствомъ еврейскихъ патріотовъ, даетъ такое объясненіе: евреи «интеллигентнѣе» русскихъ и они естественно берутъ верхъ надъ нами. Это — новая варіація на старую тему о провиденціальномъ «избранничествѣ» еврейскаго народа. Но по этому поводу можно сказать, что у еврейскихъ публицистовъ очень странная попятія насчетъ сущности «интеллигентности» и образующихъ ее элементовъ. Большая степень *приспособленности* къ данной средѣ отнюдь не можетъ служить мѣриломъ интеллектуальнаго и тѣмъ болѣе нравственнаго развитія. Въ борьбѣ за существованіе, какъ она теперь происходитъ, одолеваетъ отнюдь не лучший, не высшій, не болѣе умный и нравственный, и такъ называемый естественный под-

боръ отнюдь не ведетъ фатально къ осуществленію нравственнаго идеала. Современная борьба происходитъ главнымъ образомъ на экономической почвѣ, и яркость, дѣловитость, неразборчивость въ средствахъ являются въ ней очень могучими орудіями. Тѣмъ не менѣе эти и подобныя имъ свойства ровно ничего общаго съ интеллигентностью, т. е. съ духовнымъ развитіемъ, очевидно, не имѣютъ. Въ числѣ многочисленныхъ предрасудковъ, мѣшающихъ правильному развитію евреевъ, ихъ самоиѣніе играетъ не послѣднюю роль, и намъ очень жаль, что еврейская интеллигенція не только, какъ оказывается, не свободна отъ этого предрасудка, но еще хлопочетъ о его распространеніи. Но если навивная вѣра не искушеннаго цивилизаціею еврея въ свою исключительную миссію только комична; если эта вѣра въ славное будущее своего народа на счетъ будущаго другихъ народовъ даже трогательна по своей непосредственности; за то совершенно иныя чувства возбуждаютъ на себѣ претензіи на верховодничество со стороны людей, которые вѣдаютъ, что творять.

На остальныхъ публицистическихъ и историческихъ статьяхъ «Библиотеки» останавливаясь не стоить: это или сухо-спеціальныя изслѣдованія, въ родѣ «Хазарскихъ писемъ» г. Гаркави, или компіляціи въ родѣ статьи г. Ватсона «Изъ средневѣковой жизни евреевъ», или, наконецъ, довольно жиденькая литературная размазня, въ родѣ обзорѣнія еврейской печати г. Бенъ-Иосифа. Г. Стасовъ, въ статьѣ «Послѣ всемірной выставки», празднуетъ возрожденіе самостоятельной еврейской художественной школы «изъ долгаго ледяного омертвенія». Порадуемся его счастію и пройдемъ мимо. Гораздо характернѣе беллетристика, т. е. собственно одинъ отрывокъ г. Леванды изъ романа «Походъ въ Колхиду». По тѣмъ этотъ романъ напоминаетъ романъ покойнаго Кущевскаго «Благополучный россиянинъ», такъ какъ изображаетъ нѣкоего благополучнаго еврейчика, всѣми правдами и неправдами добивавшагося и добившагося обладанія золотымъ руномъ. Романъ отличается яркимъ бытовымъ колоритомъ, и если бы авторъ лучше владѣлъ языкомъ («я сталъ уже немножко нетерпѣливаться» стр. 21), его произведеніе могло бы имѣть не только культурно-этнографическій интересъ, но и нѣкоторое художественное значеніе.

Но — вотъ и все. Въ книгѣ, правда, имѣется двѣнадцать печатныхъ листовъ отчета объ извѣстномъ «кутанскомъ дѣлѣ», но собственно для характеристики «Библиотеки» его, конечно, нельзя считать даже чѣмъ-нибудь. Вовсѣ не надо быть ядофобомъ для того, чтобы сказать, что этого слишкомъ мало.

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтми. Выпускъ I и II. *Виктора Острогорскаго*. Спб., 1879.

Заглавіе этой книги, замѣтимъ прежде всего, не вполне соотвѣтствуетъ ея содержанію. Г. Острогорскій имѣлъ въ виду

выбрать изъ произведеній русскихъ писателей «воспитательно-образовательный матерьялъ» не только для дѣтей, но и для народа. Правда, въ глазахъ автора эти двѣ задачи въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ: что онъ находитъ пригоднымъ и для дѣтей, то, большею частью, онъ находитъ пригоднымъ и для народа. Но, однакоже, ничѣмъ другимъ, какъ только этою двойственною задачею и недостаточно строгимъ разграниченіемъ ея частей и можно объяснить, что, на ряду съ произведеніями Кольцова, Крылова, Гоголя и т. д., авторъ рекомендуетъ и сочиненія Погосскаго. Да и вообще, духовныя потребности «народа» и «дѣтей» никакъ не могутъ быть отождествляемы въ такой степени, въ какой это допускаетъ г. Острогорскій.

Основная мысль автора довольно оригинальна и, по нашему мнѣнію, очень вѣрна и плодотворна. Авторъ, правда, не подтверждаетъ ее никакими соображеніями, а категорически заявляетъ, что «не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ значеніи нравственномъ, которое можетъ имѣть для дѣтей извѣстная разумная группировка произведеній писателя». Выраженная въ такой общей и безобидной формѣ, мысль автора, конечно, не только не можетъ возбудить «сомнѣній», но и не влечетъ за собою никакихъ особенныхъ результатовъ. Группировка произведеній нашихъ классиковъ съ воспитательно-образовательными цѣлями всегда практиковалась нашими педагогами. Что же такое, какъ не эта самая «группировка», всѣ наши многочисленныя хрестоматіи, по которымъ изучаетъ родную словесность наше юношество? Но въ практическомъ исполненіи своей задачи авторъ идетъ, въ сущности, гораздо дальше поставленнаго имъ тезиса. Онъ именно доказываетъ, что настоящею воспитательно-образовательною силою обладаютъ отнюдь не тѣ, специально для дѣтей написанныя повѣсти и рассказы, въ которыхъ почти всегда преобладаетъ резонерскій и нравоучительный элементъ, а тѣ, которыя дѣйствуютъ на читателя своею общою правдою и силою художественнаго таланта ихъ авторовъ. Последнее условіе, и по автора, и по нашему мнѣнію, весьма существенно. Наша, такъ-называемая, дѣтская литература даже въ своихъ лучшихъ образцахъ состоитъ изъ произведеній, принадлежащихъ людямъ иногда съ очень большою педагогическою опытностію и одушевленнымъ иногда наилучшими намѣреніями, но очень рѣдко обладающимъ художественнымъ талантомъ, ничѣмъ не замѣнимую способностью увлечь и стараго, и малаго своего читателя, дѣйствовать на него образами, а не сентенціями. Такое совпаденіе педагогическихъ знаній и опыта съ творческою способностію рѣдко въ высшей степени, до того, что напр., въ нашей литературѣ мы имѣли въ этомъ родѣ только одинъ образецъ въ лицѣ графа Толстого.

Остается, стало быть, вопросъ о томъ руководящемъ принципѣ, съ помощью котораго можетъ быть произведена надлежащая «группировка». Такихъ принциповъ авторъ выставляетъ

цѣлыхъ восемь, изъ которыхъ, впрочемъ, только первые два имѣютъ общее и теоретическое значеніе, остальные же — формально-педагогическаго, чисто практическаго характера. «Во-первыхъ, говорить авторъ, «чтеніе художественныхъ произведеній для дѣтей необходимо, какъ важнѣйшее и удобнѣйшее средство при воспитаніи чувства и воображенія». Во-вторыхъ, «оно должно представлять идеалы, по преимуществу, положительные, чтобы съ дѣтства поселить въ душѣ любовь къ жизни и человѣку вообще». Дальнѣйшія правила относятся къ заучиванью дѣтми наизусть стихотворныхъ пьесъ, къ декламации и т. д. Разбору нашему они не подлежатъ. Тезисы автора, какъ видитъ читатель, страдаютъ нѣкоторой неопредѣленностью. «Любовь къ жизни и человѣку вообще» — это выраженіе можно толковать очень различно. Любовь къ жизни, какъ къ процессу, или любовь къ данной, къ этой жизни, любовь къ конкретной дѣйствительности? Это — два очень различныя дѣла. О любви къ «жизни вообще» заботиться нечего: объ этомъ позаботится мать природа. Любовь же къ реальной дѣйствительности хороша лишь постольку, поскольку хороша сама эта дѣйствительность. Бываютъ «дѣйствительности», развивать любовь къ которымъ значить просто-на-просто деморализировать своего ученика. Конечно, нѣтъ такого худа, въ которомъ бы не было добра, нѣтъ такой жизни, въ которой бы не было свѣтлыхъ явленій. Но если мы, въ погонѣ за «положительными идеалами», будемъ обращать вниманіе своего воспитанника только на эти стороны, скрывая отъ него другія, быть можетъ, несравненно болѣе важныя, мы тѣмъ самымъ будемъ фальсифицировать дѣйствительность, будемъ просто-на-просто лгать. Неполная истина — та же ложь. Затѣмъ, другое соображеніе чисто практическаго свойства. Требования автора въ высшей степени затрудняютъ и служатъ его задачу. Наша литература, какъ извѣстно, сильна и богата именно своею отрицательною стороною, той силою, которую г. Острогорскій считаетъ вредной въ воспитательномъ отношеніи. Въ силу этого, еслибы г. Острогорскій былъ вполне послѣдователенъ, ему пришлось бы признать совершенную неосуществимость своей задачи, ибо произведеній съ «положительными идеалами» у насъ разъ два, да и обчелся.

Но г. Острогорскій не послѣдователенъ, и это, облегчая, спасая его прекрасную задачу, въ то же время разрушаетъ въ концѣ выставленное имъ принципиальное требованіе. Признавши, что «великая воспитательная сила писателя» заключается въ «необыкновенно отрадномъ, успокоительномъ впечатлѣніи» (183, II) его произведеній, онъ въ то же время признаетъ необходимость ознакомленія дѣтей съ такими образами и типами, каковы Ермолай, Степушка, Сучокъ и т. д. г. Тургенева. Недоумѣваемъ, какимъ образомъ эти типы загнанныхъ, забытыхъ, обезличенныхъ людей могутъ производить «отрадное, успокоительное впечатлѣніе». Г. Острогорскій надѣется, что созерцаніе этихъ типовъ

«внести въ душу дѣтей то чувство христіанскаго участія къ меньшимъ братьямъ, которое напрасно старались внушить дѣтямъ разныя сентиментальныя правоучительныя повѣсти» (93, II). Незвѣстно, на чемъ основываетъ авторъ свои розовыя надежды. Напротивъ, есть много данныхъ предполагать, что дѣло не остановится на одномъ «христіанскомъ участіи». Дѣтскій умъ не знаетъ компромиссовъ; онъ пытливъ, логиченъ и безстрашенъ. А что, позволимъ мы себѣ спросить г. Острогорскаго, что если вашъ ученикъ обратится къ вамъ съ такими вопросами: да отчего же такъ несчастны эти Степушки и Сучки? Кто или что обезличило ихъ? Гдѣ причина ихъ страданій? И нельзя ли для нихъ сдѣлать что-нибудь болѣе, нежели тѣ грошевыя подачки, въ которыхъ обыкновенно выражается «христіанское участіе»? Не знаемъ, что отвѣтилъ бы на эти вопросы г. Острогорскій. Но, очевидно, во всякомъ случаѣ, что его излюбленнымъ «положительнымъ идеаламъ» весьма серьезно не поздоровилось бы при этомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ.

Фальшивость и односторонность педагогическихъ тенденцій г. Острогорскаго очевидна сама собою, точно такъ же, какъ очевидно, что его основная идея, утилизированная иначе, чѣмъ это дѣлаетъ нашъ авторъ, поспособствуетъ нашей педагогикѣ сдѣлать значительный шагъ впередъ. Наша дѣтская литература агромождается теперь благонамѣренными, но блѣдными, вялыми и скучными разсказами; еслибы, вмѣсто этого, авторы этихъ статей и повѣстей, слѣдуя примѣру г. Острогорскаго, выбрали для дѣтскаго чтенія подходящіе образцы изъ произведеній даже второстепенныхъ нашихъ беллетристовъ, дѣло отъ этого несомнѣнно бы выиграло. А теперь въ барышахъ только г. Вольфъ, да, быть можетъ, авторы его золотообрѣзныхъ книжекъ для дѣтей.

Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница, Л. В. Березина, съ приложеніемъ карты юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгріи. Слб. 1879.

Объемистые два тома, составляющіе книгу г. Березина, являются результатомъ продолжительнаго пребыванія автора въ земляхъ австрійскихъ южныхъ славянъ и патилѣтнихъ кабинетныхъ занятій. Въ виду недостаточности нашего знакомства со славянскими племенами и неполноты нашей литературы въ этомъ отношеніи, г. Березинъ поставилъ себѣ задачею всесторонне описать хотя одно славянское племя, и онъ избралъ племя хорватско-сербское, населяющее Кроацію, Славонію, Далмацію и хорватско-славонскую Военную Границу. Въ книгѣ г. Березина со всевозможною—даже съ излишнемъ—полнотою приводятся разнородныя свѣдѣнія относительно административныхъ, судебныхъ учреждений, религіозной жизни, промышленности, торговли, литературы австрійскихъ южныхъ славянъ, очерки положенія дворянства и сельскаго населенія, народнаго образованія и т. п. Наибольшую подробностью отличаются: описаніе религіознаго состоянія на-

званных провинцій, какъ въ наше время, такъ и исторически, изложеніе судьбы сербской православной церкви, возникновенія монастырей и т. п. Большимъ интересомъ отличается также весьма полное этнографическое описаніе всѣхъ четырехъ провинцій: здѣсь изложены вѣрованія, обряды и повѣрья, домашняя жизнь южныхъ славянъ, причѣмъ авторъ, хотя весьма коротко, упоминаетъ о ихъ семейныхъ общинахъ, такъ называемыхъ «задругахъ».

Это древне-славянское родовое учрежденіе совмѣщаетъ въ себѣ, по словамъ автора, три начала: выборное, родственное и начало взаимной помощи. Задруги, происходящія съ тѣхъ временъ, когда у славянъ господствовала личная и имущественная равноправность, обозначали собою первоначально членовъ данной семьи, живущей на извѣстномъ поземельномъ участкѣ; но болѣе широкое значеніе задруги приобрѣли именно на хорватско-далматинской территоріи, гдѣ, подъ вліяніемъ постоянной опасности со стороны внѣшнихъ враговъ, семьи соединялись между собою тѣснѣе и тѣснѣе и преобразовались въ учрежденія, основанныя уже на родовомъ началѣ, такъ что на участкахъ, принадлежавшихъ задругамъ, стали мало-по-малу возникать села, слободы, составленныя изъ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ. Земля такой слободы была собственностью не отдѣльныхъ лицъ, но всего населенія и не раздроблялась при переходахъ изъ рукъ въ руки, такъ какъ и наследство въ нынѣшнемъ смыслѣ не было извѣстно славянамъ. Всѣ члены задруги вносили свою «трудовую денгу» въ «задружную кассу», на счетъ которой всѣ и содержались. Авторъ признаетъ, что задруга, въ своемъ полномъ развитіи, очень много содѣйствовала сохраненію вѣры и народности славянъ, вслѣдствіе чего австро-венгерское правительство недоброжелательно смотритъ на задруги и отчасти содѣйствуетъ ихъ уничтоженію. Впрочемъ, задруги распадаются уже и помимо этихъ внѣшнихъ, постороннихъ причинъ. Фактъ распада этой патриархальной общины удостовѣряется какъ авторомъ, такъ и другими писателями. Лавелѣ причину такого распада видятъ въ ослабленіи семейнаго чувства, въ стремленіи людей къ личной независимости, къ улучшенію политической и общественной организаціи; онъ считаетъ, хотя и съ сожалѣніемъ, разрушеніе организаціи задруги неизбѣжнымъ вездѣ, гдѣ она входитъ въ соприкосновеніе съ новѣйшими идеями. Г. Березинъ, подтверждая такое распаденіе, видитъ въ этомъ шагъ къ лучшему, по крайней мѣрѣ, въ области сельскаго хозяйства. Повидимому, съ задругами, по отношенію къ владѣнію землею, произошло нѣчто подобное тому явленію, которое совершается нынѣ съ нашими сельскими общинами. Въ прежнія времена число членовъ задруги вполне соответствовало объему ея поземельной собственности. Впослѣдствіи, задруги крайне увеличились и по числу членовъ, и по размѣрамъ поземельныхъ владѣній и стали дробиться на меньшія задруги, также съ отводомъ этимъ послѣд-

нимъ поземельныхъ участковъ: вышло, что однѣ задружныя земли были населены крайне мало, другія — много. «На послѣднихъ поземельныхъ участкахъ рабочая сила стала мало цѣниться, а вслѣдствіе того, селяне этихъ участковъ стали оставлять свои сельскія занятія, не доставлявшія имъ нужныхъ средствъ въ существованіи, и начали ходить на заработки въ другія страны, мало-по-малу оставляя свои задруги». Очевидно, что при такихъ условіяхъ въ упадкѣ хозяйства должно видѣть не самую общинную организацію задругъ, а неравномѣрное распредѣленіе въ нихъ населенія и недостатокъ земли, (который подрываетъ, въ соединеніи съ другими причинами, и нашу сельскую общину). Пользу задругъ для населенія (при нѣкоторомъ ущербѣ для австрійской казны) сознало даже австро-венгерское правительство: оно разочло, по словамъ автора, что задруги уменьшаютъ его доходы, такъ какъ съ нѣсколькихъ отдѣльныхъ домовъ можно взимать больше подати, чѣмъ съ одного. Какъ бы то ни было, но теперь повсемѣстно происходятъ раздѣлы задружнаго имущества и распаденіе задругъ. Кромѣ приведенныхъ причинъ этого явленія, отмѣтимъ, со словъ автора, еще нѣкоторыя, а именно— пожалованіе правъ и преимуществъ нѣкоторымъ членамъ задругъ за воинскія доблести, причемъ привилегированные члены обыкновенно покидали задруги и вмѣстѣ съ тѣмъ брали свою часть общественнаго имущества, затѣмъ, стремленіе къ личной самостоятельности и къ свободѣ труда, обозначившееся особенно вслѣдствіе эмансипаціи крестьянъ, и, наконецъ, общее вліяніе иноземнаго государственнаго строя, который утвердился на хорватско-далматинской территоріи.

Мы упомянули о нѣкоторой, даже излишней полнотѣ труда г. Березина. Это излишнее мы видимъ въ громадной номенклатурѣ именъ и названій, имѣющихъ характеръ перечней, въ таблицахъ учебныхъ предметовъ хорватскихъ классическихъ гимназій и т. п. Все это сообщаетъ слишкомъ бѣглый, перечневой характеръ труду весьма почтенному, но — быть можетъ — благодаря этой излишней полнотѣ, не вполне достаточному для уясненія современнаго политическаго положенія австрійскихъ славянъ и особенно ихъ новѣйшаго политическаго настроенія.

СРЕДИ ЛИТЕРАТУРНОЙ АРИСТОКРАТИИ.

(«Сборникъ государственныхъ знаній» подъ редакціею В. П. Безобразова, дѣйствительнаго члена императорской академіи наукъ. Т. VII. Сиб. 1879).

Всѣ вообще литературныя произведенія, посвященныя явленіямъ общественной жизни и вопросамъ общественной науки, ученныя и неученныя, періодическія и не періодическія, книги и журналы, толстыя и тонкіе, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Одни изъ нихъ—представляющія собою плебсъ въ «республикѣ наукъ» — пишутся непосредственно для толпы, ради нея существуютъ и ею одною держатся. Такъ или иначе, худо или хорошо, они стремятся откликнуться на тѣ задачи, которыя выдвигаетъ жизнь, удовлетворить умственной жаднѣ массы читающей публики. Въ этомъ ихъ цѣль, въ этомъ и единственное условіе ихъ существованія: перестань они завтра говорить о томъ, что интересуется читающую массу, и имъ придется погибнуть, «истощивъ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики свои скудныя средства», какъ погибъ въ оны дни безвременно «Атены» жертвою «сухихъ тумановъ». Но кромѣ этой литературы, стоящей «въ толпѣ» и живущей одною съ ней жизнью, существуетъ еще другая литература и наука, литература аристократическая, стоящая или, по крайней мѣрѣ, стремящаяся стать «надъ толпою». Литература эта отличается отъ плебейской и выборомъ предметовъ для разсужденій, и самымъ отношеніемъ къ затрогиваемымъ вопросамъ. Въ то время какъ писателямъ «изъ толпы» тѣмъ навязываются самая жизнь, злобою дня, которая вполне надъ ними господствуетъ, въ литературѣ «избранныхъ» писатель, подобно пушкинскому поэту, «идетъ дорогою свободной, куда влечетъ его свободный умъ, усовершенствуя плоды любимыхъ думъ». И трудно бываетъ предсказать напередъ куда именно приведутъ его эти думы; но побольшей части идутъ онѣ какъ-то врозь съ думами и вопросами, волнующими массу современнаго общества. Литература этой категоріи существуетъ такъ сказать *an und für sich*; тѣ или другіе вопросы возникаютъ въ ней не потому, чтобы они были выдвинуты жизнью, а просто какъ результатъ влеченій «свободнаго ума». Не мудрено, что и трактуются они по болѣе части иначе, чѣмъ въ литературѣ плебейской. Такъ, прежде

всего условіе извѣстнаго опредѣленнаго направленія, обязательное для писателя «толпы», совсѣмъ не имѣетъ мѣста въ данномъ случаѣ. Полная объективность, которая въ глазахъ профановъ не рѣдко представляется простымъ индифферентизмомъ — составляетъ отличительное качество или, по крайней мѣрѣ, идеалъ этой литературы избранныхъ. Оно, впрочемъ, и понятно: изъ-за чего же волноваться, разъ тотъ или другой вопросъ составляетъ простую игру ума.

Такъ какъ въ составъ литературы послѣдняго рода входятъ по большей части произведенія патентованныхъ ученыхъ, официальныхъ и неофициальныхъ жрецовъ науки, то зрѣлище она представляетъ весьма величественное. Но, несмотря на все это величіе, врядъ ли можно сказать, чтобы она въ дѣйствительности обрѣталась въ авантажѣ. Никакой наружный блескъ не можетъ скрыть внутренней пустоты безцѣльнаго существованія; а литература, отрѣшавшаяся отъ времени и пространства, чуждая міра и страстей и «довлѣющая сама себѣ», конечно, не можетъ не быть признана безцѣльною. Она невольно напоминаетъ старую дѣву, изукрашенную всякими талантами и супружескими добродѣтелями, но осужденную влечь жизнь въ одиночествѣ, не встрѣтивъ избранника сердца.

Но и среди пустынь бываютъ оазисы; точно также иногда и среди самодовлѣющей литературы попадаются произведенія, отвѣчающія на живые, реальные вопросы дѣйствительности. По большей части, такое совпаденіе злобы дня и «влеченій свободного ума» является случайно, но оно во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. Интересно и поучительно бываетъ познакомиться съ сужденіями настоящихъ патентованныхъ ученыхъ о тѣхъ предметахъ, которые, быть можетъ, вкривъ и вкось, дебатуются рядовыми писателями толпы.

Въ виду этого интереса мы и рѣшили остановить вниманіе нашихъ читателей на вышедшемъ недавно VII томѣ «Сборника государственныхъ знаній». До сихъ поръ мы рѣдко касались этого многоученаго изданія; отчасти такое молчаніе обуславливалось нѣкоторыми независѣвшими отъ насъ обстоятельствами, но преимущественно тѣмъ, что, несмотря на все свое величіе, «Сборникъ» въ сущности представлялъ очень мало питательнаго для алчущихъ и жаждущихъ правды; описанныя выше характеристическія черты «самодовлѣющей» литературы въ значительной мѣрѣ характеризовали и дѣтище почтеннаго академика. Поэтому его можно было оставить покоиться въ собственномъ величій, безъ всякаго оттого ущерба для читающей публики. Общій характеръ изданія сохраняется и въ послѣднемъ его томѣ, которому посвящена настоящая замѣтка. И этотъ томъ представляетъ такой же складъ статей безъ общей руководящей идеи и направленія и даже съ пробивающимся кой-гдѣ нарочитымъ желаніемъ держаться вѣѣ времени и пространства, какъ и прежніе; но среди этого склада есть двѣ-три статьи, касающіяся весьма

серьезныхъ вопросовъ. По поводу ихъ-то мы и хотѣли бы сказать нѣсколько словъ.

На первомъ планѣ слѣдуетъ упомянуть о статьѣ профессора Сергѣевича: «Государство и право въ исторіи». Статья эта имѣетъ прямою задачей представить общую схему философіи русской исторіи или, точнѣе, исторіи русскаго права и государства; но, кромѣ того, г. Сергѣевичъ касается и нѣкоторыхъ общихъ теоретическихъ вопросовъ социологіи; онъ разсуждаетъ о законсообразности историческихъ фактовъ и о свободѣ воли; о сравнительной методѣ изслѣдованій, о началѣ національности, о теоріи прогресса. Общая часть статьи служитъ какъ бы введеніемъ, объясняющимъ приемы, съ которыми авторъ приступаетъ къ своей специальной темѣ—характеристикѣ послѣдовательныхъ періодовъ въ исторіи русскаго права; въ свою очередь, это специальное изслѣдованіе построено такимъ образомъ, чтобы обзоромъ прошлаго освѣтить смыслъ и главныя потребности настоящаго момента въ жизни нашего отечества. Изъ сказаннаго видно, что задача статьи г. Сергѣевича поставлена весьма широко и, если бы авторъ справился съ этой задачей вполне удовлетворительно, трудъ его составилъ бы капитальный вкладъ въ нашу литературу. Но, къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что интересъ, возбуждаемый статьєю г. Сергѣевича, далеко не получаетъ въ ней полнаго удовлетворенія. Замѣчаніе это относится какъ къ общей теоретической, такъ и къ специальной части статьи, но въ особенности къ первой. Большинство положеній, поддерживаемыхъ здѣсь г. Сергѣевичемъ, мы, съ своей стороны, признаемъ вполне правильными, но способъ ихъ доказательства отличается иногда нѣсколько своеобразнымъ и при томъ довольно страннымъ характеромъ. Вообще аргументація почтеннаго профессора не способствуетъ ни большому выясненію, ни болѣе правильной и широкой постановкѣ вопросовъ, имъ затронутыхъ и уже много разъ разбиравшихся въ нашей «неученой» прессѣ. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, его анализу явно не хватаетъ достаточной глубины, такъ что, подойдя вплотъ къ вопросу, г. Сергѣевичъ отдѣливается довольно поверхностными разсужденіями при его разрѣшеніи. Этъ этого, мѣстами, статья производитъ отчасти двусмысленное впечатлѣніе, усиливаемое еще болѣе нѣсколько докторальнымъ, профессорскимъ тономъ, которымъ она написана. Въ специальной части своего труда, представляющей главный интересъ, г. Сергѣевичъ является гораздо болѣе ховяномъ, но и здѣсь его выводы не могутъ быть приняты безусловно и вызываютъ извѣстныя поправки, или, скорѣе, дополненія. Мы сейчасъ постараемся выяснитьъ, въ чемъ именно видимо мы недостаточность историческихъ обобщеній г. Сергѣевича, но прежде считаемъ нужнымъ привести нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе нашихъ замѣчаній относительно теоретической части статьи.

Мы говорили, что мѣстами аргументація почтеннаго профессора отличается нѣсколько страннымъ характеромъ. На такіа

странности читатель натывается уже въ первой главѣ статьи, посвященной опредѣленію понятій исторіи и историческаго закона. Г. Сергѣевичъ признаетъ, что ходъ исторіи подчиненъ извѣстнымъ законамъ, раскрытіе которыхъ и составляетъ задачу исторической науки. Но, склоняясь такимъ образомъ къ ученію о непроизвольности историческаго развитія, г. Сергѣевичъ не становится въ ряды крайнихъ фаталистовъ и допускаетъ извѣстную долю вліянія личной воли человѣка на ходъ событій. Чтобы выяснитъ возможность такого вліянія, онъ считаетъ нужнымъ установить предварительно фактъ существованія свободной воли человѣка, понимаемой не въ безусловномъ, впрочемъ, смыслѣ, а въ смыслѣ «сознательнаго выбора и сознательнаго приспособленія или противодѣйствія условіямъ окружающей среды». Вопросъ о свободѣ воли—одинъ изъ самыхъ капитальныхъ теоретическихъ вопросовъ и притомъ далеко не исчерпанный, несмотря на очень давнюю его исторію; поэтому намъ было особенно любопытно взглянуть, что новаго къ существующимъ уже аргументамъ, pro и contra спорнаго положенія, прибавляютъ разсужденія профессора. Но у г. Сергѣевича не только нельзя найти ничего существеннаго для выясненія даннаго вопроса, но даже довольно трудно понять, что именно считаетъ онъ подлежащимъ доказательству. Въ справедливости этого читатель самъ можетъ убѣдиться изъ слѣдующей выписки: «Бытіе свободы человѣка—говоритъ г. Сергѣевичъ—въ смыслѣ сознательнаго выбора и сознательнаго приспособленія или противодѣйствія условіямъ окружающей среды, представляется намъ такимъ же положительнымъ фактомъ, какъ и бытіе необходимости. Многія явленія исторіи иначе и не могутъ быть объяснены, какъ предположеніемъ такого выбора. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Сперанскій, въ первый періодъ своей дѣятельности, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ идей, былъ занятъ мыслями о внесеніи въ систему нашего государственнаго быта началъ твердой законности и объ ограниченіи въ немъ произвола. На той же точкѣ зрѣнія и благодаря тѣмъ же вліяніямъ стоялъ и императоръ Александръ. Съ соизволенія императора Сперанскій выработалъ планъ всеобщаго государственнаго преобразованія, въ которомъ предполагалось ввести въ Россіи начала представительной монархіи. Коренными законами въ этомъ планѣ называлась та часть законодательства, въ которой шла рѣчь о правахъ императора и о допущеніи представителей русской земли къ участию въ судѣ, управленіи и законодательствѣ. Увлеченіе Сперанскаго французскими идеями шло такъ далеко, что въ составленномъ имъ сводѣ гражданскаго права, онъ далъ собственно переводъ наполеонова кодекса, хотя и снабдилъ его указами на отечественные источники. Во второй періодъ, который отдѣляется отъ перваго, ссылкой Сперанскаго, дѣятельность его ограничивается, согласно съ мыслями императора Николая, систематизаціей стараго русскаго права. Основные законы составленнаго подъ его редакціей свода говорятъ ис-

ключительно о правах самодержавной императорской власти и царствующаго дома. Какъ объяснить эту переиъну? Значить ли она, что Сперанскій разубѣдился въ справедливости своихъ прежнихъ стремленій и дѣйствовалъ во вторую эпоху своей жизни подъ влиянiемъ новыхъ политическихъ убѣжденiй, силѣ которыхъ также не могъ противостоять, какъ прежде не могъ преодолѣть своего увлеченiя французскими идеями? Что во второмъ периодѣ, какъ и въ первомъ, онъ былъ не произвольнымъ орудiемъ господствовавшихъ въ умѣ его политическихъ идей? О внутреннихъ побужденiяхъ человѣка судить чрезвычайно трудно. Мы позволимъ себѣ, однако, усомниться въ вѣрности сдѣланнаго предположенiя. Зная свойства Сперанскаго, происшедшую въ немъ переиъну надо объяснить только тѣмъ, что онъ усомнился въ возможности провести свои первоначальныя воззрѣнiя, а потому и далъ другое направленiе своей дѣятельности. Это и есть актъ возможной для человѣка свободы, чѣмъ онъ существенно отличается отъ мухи, бесплодно бьющейся о стекло въ оконной рамѣ: никакой омытъ не можетъ привести ее къ сознанию невозможности пролетѣть сквозь это стекло. Сперанскій сталъ дѣлать то, что при данныхъ условiяхъ находилъ возможнымъ. Могутъ сказать, что онъ былъ въ такомъ случаѣ непослѣдователенъ. Отъ упрека въ непослѣдовательности едва ли можно защитить его. Но эта то возможность дѣйствовать непослѣдовательно, когда непослѣдовательность является результатомъ сознательнаго выбора, и есть одно изъ проявленiй человѣческой свободы».

Мы не станемъ разбирать, былъ ли Сперанскій послѣдователенъ или нѣтъ, такъ какъ, почему бы онъ ни измѣнилъ свои убѣжденiя, это во всякомъ случаѣ къ вопросу о свободѣ вовсе имѣетъ мало отношенiя. Вообще, признаемся, намъ трудно понять, что именно хотѣлъ доказать г. Сергѣевичъ приведеннымъ примѣромъ. Если только то, что человѣкъ, дѣйствующiй однимъ образомъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ дѣйствовать иначе при другихъ, такъ это, во-первыхъ—такой трюизмъ, для котораго едва ли стоило тревожить кости Сперанскаго, а во-вторыхъ, причемъ же здѣсь вопросъ о свободѣ воли? Вѣдь вопросъ этотъ заключается не въ томъ, можетъ ли человѣкъ признавать возможнымъ и цѣлесообразнымъ въ одномъ случаѣ одно, а въ другомъ иное, а въ томъ, опредѣляются ли его мысли, чувства, желанiя и поступки съ необходимостью извѣстными предшествующими фактами или нѣтъ. Для рѣшенiя этого чисто психологическаго вопроса дѣятельность Сперанскаго даетъ мало материала.

Въ существѣ дѣла, впрочемъ, вопросъ о свободѣ воли особой важности, собственно, для тѣмъ г. Сергѣевича не имѣетъ, такъ какъ значенiе индивидуальнаго элемента въ ходѣ исторiи можетъ быть установлено и совершенно независимо отъ свободы воли. Поэтому, нѣкоторая упрощенность аргументацiи почтеннаго профессора въ данномъ случаѣ еще не такъ чувствительна. Ко-

нечно, было бы приятно услышать по вопросу, во всякомъ случаѣ, интересному въское слово патентованнаго ученаго, но на нѣтъ и суда нѣтъ. Гораздо труднѣе примириться съ извѣстною спутанностью, которая замѣчается у г. Сергѣевича при анализѣ другого вопроса, ближе касающагося его задачи, именно вопроса о томъ, въ чемъ заключается сущность прогресса? Этому вопросу посвящена 4-я глава статьи г. Сергѣевича.

Мы не можемъ прослѣдить здѣсь за всѣми соображеніями г. Сергѣевича по настоящему предмету и ограничимся только однимъ пунктомъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе существеннымъ. Какъ извѣстно, въ наукѣ существуютъ совершенно различныя воззрѣнія не только по отношенію къ характеру самаго хода историческаго развитія, но и по отношенію къ теоріи прогресса. Писатели существенно расходятся во взглядахъ, въ чемъ именно искать признаковъ прогресса. Есть представители такъ называемой объективной школы, которые строятъ, или, по крайней мѣрѣ, пытаются построить схему развитія человѣческаго общества, во все отрѣшаясь отъ оцѣнки явленій съ точки зрѣнія какого-бы то ни было общественнаго или нравственнаго идеала; есть, наоборотъ другіе писатели, для которыхъ вопросъ о прогрессѣ есть именно вопросъ объ осуществленіи въ жизни тѣхъ или другихъ идеаловъ. По воззрѣніямъ этой школы, всякое измѣненіе въ общественномъ строѣ можетъ быть квалифицировано какъ прогрессивное лишь постольку, поскольку оно приближаетъ насъ къ воплощенію формъ общезжитія, наиболѣе способствующихъ развитію человѣческой личности, удовлетворенію ея потребностей, достиженію ббльшей суммы счастья ббльшимъ числомъ индивидовъ. Конечно, такая оцѣнка является необходимо субъективною, какъ субъективно все, куда входятъ категоріи «лучшаго» и «худшаго»; но субъективность эта касается только принципиальныхъ точекъ зрѣнія и вполне допускаетъ примѣненіе наиболѣе точныхъ и объективныхъ приемовъ при самомъ анализѣ общественныхъ фактовъ.

Г. Сергѣевичъ становится по срединѣ между этими противоположными воззрѣніями. Признавая за объективною точкою зрѣнія преимущество въ томъ отношеніи, что ею дается вышняя мѣрка прогресса, независящая отъ «личныхъ воззрѣній и вкусовъ изслѣдователя»; г. Сергѣевичъ тѣмъ не менѣе не раздѣляетъ вполне воззрѣнія объективной или органической школы. Онъ ставитъ исторіку въ обязанность нравственную оцѣнку историческихъ явленій, прогрессъ разсматривается имъ какъ «улучшеніе»; онъ ищетъ только объективнаго критерія такого улучшенія. Критерія этого, однако, г. Сергѣевичъ не находитъ и никакой опредѣленной формулы прогресса не даетъ намъ, ссылаясь на то, что теорія прогресса можетъ быть построена только по раскрытію законовъ историческаго развитія». Намъ кажется, что неопредѣленность выводовъ почтеннаго профессора обусловливается только несовершеннымъ состояніемъ, въ которомъ на-

ходится въ настоящее время историческая наука. Дѣло въ томъ, что самое понятіе прогресса, какъ «улучшенія», является у него нѣсколько безпочвеннымъ. Г. Сергѣевичъ лишаетъ это понятіе реального содержанія, выставляя тезисъ о несоизмѣримости историческаго прогресса и человѣческаго счастья. «Можемъ ли мы сказать—говорить онъ на стр. 61—что рядомъ съ тѣми улучшениями, которые происходятъ въ состояніи ума человѣка, его нравственности, въ правѣхъ и во внѣшней обстановкѣ его жизни, мы сдѣлались также счастливѣе нашихъ предковъ, что окружающая насъ дѣйствительность съ ея улучшенными путями, телеграфами и всѣми неисчислимыми усовершенствованіями современной цивилизаціи, милѣе, наиболѣе радуется насъ и живить, чѣмъ радовала ихъ та безыскусственная природа, которой они были окружены? Многие думаютъ, что съ прогрессомъ человѣкъ дѣлается и счастливѣе. Но, кажется, есть гораздо болѣе основаній сомнѣваться, чтобы способность наша къ счастью возростала. Мы менѣе способны къ ощущенію счастья, чѣмъ наши предки, уже потому, что развитіе сдѣлало насъ болѣе требовательными. Внутреннее раздвоеніе и возникающая изъ него борьба человѣка съ самимъ собою, такъ отравляющая жизнь людей нашего времени и недовольство окружающей дѣйствительностью, порождающее безпокойное стремленіе куда-то въ даль, совсѣмъ неизвѣстны первобытному человѣку». «Правда—говорить далѣе г. Сергѣевичъ—мы свободны отъ того чувства страха и ужаса, которое должны были возбуждать въ первобытномъ человѣкѣ неизвѣстныя ему въ своемъ дѣйствіи сила утробы, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы утратили и возможность въ той же мѣрѣ отдаваться ощущеніямъ радости и довольства, которыя такъ легко вызывались въ немъ первымъ удовлетвореніемъ его несложныхъ и безыскусственныхъ потребностей. Древней поэтической мысли русская земля представлялась какъ «свѣтло-русская». Въ этомъ эпитетѣ нельзя не видѣть архаго чувства довольства окружающей дѣйствительностью. Напрасно будемъ искать этого счастливаго чувства радости въ современной поэзіи. *Счастье человека не стоитъ такимъ образомъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ прогрессу.*

Намъ кажется, что въ основѣ приведеннаго вывода лежитъ крупное недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, допуская даже, что воззрѣнія г. Сергѣевича на характеръ отношеній къ дѣйствительности современнаго и первобытнаго человѣка вполнѣ справедливы, не трудно видѣть, что ими далеко не исчерпывается вопросъ о соотношеніи между историческимъ прогрессомъ и счастьемъ человѣчества. Понятіе счастья гораздо шире того чисто субъективнаго и трудно уловимаго *довольства*, о которомъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ и допускаетъ и объективныя мѣры. Въ особенности это имѣетъ мѣсто, если дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а о массахъ, когда индивидуальныя отличія исчезаютъ и играетъ роль только вопросъ объ удовлетвореніи потреб-

ностей *средняю* человѣка. Сытый человѣкъ въ среднемъ всегда счастливѣе голоднаго, человѣкъ, безопасность котораго обезпечена, счастливѣе человѣка живущаго подъ постоянной угрозой насилія. Едва ли можно сказать, что счастье или несчастье, понимаемое въ такомъ объективномъ смыслѣ, *не соизмѣримы* съ прогрессомъ. Затѣмъ есть еще одна сторона въ данномъ вопросѣ, которую упускаетъ изъ вида г. Сергѣевичъ. Онъ говоритъ все время о томъ: возрастаетъ или нѣтъ способность человѣка къ счастью. Но для исторіи важно выяснить не только дѣлается ли счастье людей интенсивнѣе съ ходомъ прогресса, а также распространяется ли оно экстенсивно. Если даже мы и допустимъ вмѣстѣ съ г. Сергѣевичемъ, что интенсивность индивидуальнаго счастья есть величина постоянная въ исторіи (что на самомъ дѣлѣ допустить трудно), все-таки можно говорить объ увеличеніи или уменьшеніи суммы счастья въ данномъ обществѣ и даже брать измѣненія въ этой суммѣ за масштабъ общаго прогресса. И мы думаемъ, что другого масштаба, въ концѣ-концовъ, нельзя и найти.

Наши замѣчанія по поводу теоретической части статьи г. Сергѣевича растянулись болѣе, нежели мы того желали. Но г. Сергѣевичъ—писатель настолько авторитетный, что мы не считали себя вправѣ коснуться вскользь его сужденій по вопросамъ, служившимъ предметомъ оживленныхъ преній въ неученой журналистикѣ; тѣмъ болѣе, что до послѣдняго времени вопросы эти почти вовсе игнорировались представителями патентованной учености. Не наша вина, если намъ пришлось при этомъ повторять вещи, уже извѣстныя читателю.

Переходимъ къ исторической части труда г. Сергѣевича, представляющей, какъ мы уже говорили, болѣшій интересъ.

Ближайшею задачею исторической части статьи г. Сергѣевича является отысканіе рациональнаго основанія для раздѣленія русской исторіи на періоды и общая характеристика каждаго изъ этихъ періодовъ. «Если исторія имѣетъ дѣло съ законами развитія человѣческихъ обществъ—говоритъ г. Сергѣевичъ—то дѣленіе ея на періоды, въ которыхъ должна отразиться послѣдовательность этого развитія, имѣетъ существеннѣйшее значеніе: въ дѣленіи весь смыслъ исторіи, вся философія ея хода и перемѣнъ». Но для того, чтобы выражать сущность развитія даннаго общества, дѣленіе исторіи его на періоды должно опираться на признакахъ внутреннихъ, и, притомъ, основаніе для дѣленія должно быть настолько широко, чтобы оно могло объять всѣ явленія, всѣ стороны общественной жизни. Такимъ рѣшающимъ признакомъ для раздѣленія исторіи русскаго права на періоды г. Сергѣевичъ принимаетъ различныя отношенія начала личнаго и общаго, личной свободы и общественнаго порядка.

«Въ столкновеніи личнаго и общаго—говоритъ онъ—вся исторія права; она постоянно имѣетъ дѣло съ различнымъ взаимодействіемъ началъ личнаго и ^н общаго, иначе говоря, начала

*

личной свободы съ началомъ общественнаго блага. Различныя отношенія начала личнаго (потребностей челоѣческой природы) въ началу общаго (область внѣшнихъ явленій, въ данномъ случаѣ: семейство, родъ, государство, союзъ государствъ) и должны быть положены въ основаніе дѣленія исторіи права на періоды. Каждое общество, на какой бы ступени развитія мы его ни наблюдали, представляетъ болѣе или менѣе своеобразное отношеніе этихъ началъ, которое можетъ проявляться какъ въ необузданномъ господствѣ личной свободы, такъ и, наоборотъ, въ полномъ подавленіи этой свободы началомъ общественнаго порядка, или въ разнообразныхъ попыткахъ признать относительную законность того и другого.»

Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія русская исторія распадается на три большіе періода.

Существенную особенность перваго изъ нихъ, совпадающаго съ временемъ господства удѣльно-вѣчевого строя, составляетъ преобладаніе частной, личной воли и соотвѣтственно этому относительная слабость начала общаго, государственнаго. «Эта черта проходить по всѣмъ явленіямъ общественнаго быта. Второй періодъ—границу котораго отъ предъидущаго составляютъ XIV—XV столѣтія—отличается, напротивъ того, преобладаніемъ цѣлаго, естественныя требованія котораго не были, да и не могли быть достаточно оцѣнены и признаны въ первомъ. Если въ первомъ періодѣ господствуетъ частная воля, то второй можно охарактеризовать какъ школу подчиненія частной воли волѣ государственной. Верховная власть сосредоточивается въ рукахъ одного лица—царя московскаго и императора всероссійскаго. Все остальное населеніе раздѣляется на сословія, прикрѣпляется къ мѣсту и записывается въ государственное тягло.»

Между этими двумя періодами нѣтъ никакого внезапнаго перелома; напротивъ того, «какъ первый періодъ возникъ изъ предшествовавшаго ему семейнаго и родового быта, такъ второй, въ свою очередь, есть естественное порожденіе перваго и весьма долго сохраняетъ замѣтные слѣды такого своего происхожденія. Побѣдоносное цѣлое, подчинившее себѣ всѣ частныя воли, появилось въ видѣ личной воли московскаго князя. Изъ эпохи господства и борьбы личныхъ воль, побѣдительницею, естественно, должна была выдти наиболѣе сильная воля. Таковою волею была воля московскаго князя и вотъ почему все государство приняло характеръ частнаго дѣла московскихъ государей. Понятіе государства не отдѣлялось еще отъ понятія личности его представителя, который слоненъ разсматривать государство какъ свою вотчину (такъ называемый вотчинный періодъ).»

«Какъ первый періодъ, говоритъ далѣе г. Сергѣевичъ: — не даетъ полнаго удовлетворенія естественной потребности челоѣка въ общежитіи, такъ и второй, а потому за этимъ вторымъ долженъ послѣдовать третій, въ которомъ имѣютъ получить свое примиреніе обѣ развившіяся въ предшествовавшее время край-

ности: рядомъ съ признаніемъ необходимыхъ правъ цѣлаго должны быть признаны и твердо ограждены и права частныхъ лицъ».

«Совершеннаго примиренія этихъ крайностей, которымъ бы окончательно и навсегда завершилось историческое развитіе человечества — мы до сихъ поръ не находимъ. Дѣйствительность представляетъ только болѣе или менѣе удовлетворительныя при данныхъ условіяхъ попытки примиренія этихъ крайностей, которыя, съ дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи, уступаютъ мѣсто новымъ. Развитіе человечества съ этой точки зрѣнія не имѣетъ видимой границы. Наболѣе полная и совершенная попытка, которую встрѣчаемъ въ передовыхъ государствахъ нашего времени, состоитъ въ такъ называемомъ представительномъ устройствѣ, отличительныя черты котораго, состоящія въ народномъ представительствѣ, въ отдѣленіи суда отъ управленія, въ отвѣтственности органовъ управленія, свободѣ совѣсти, печати и общественныхъ союзовъ, всѣмъ хорошо извѣстны».

«Мы не должны, однако, обманывать себя, продолжаетъ г. Сергѣевичъ: — относительно той пользы, которую приносятъ обществу эти учрежденія. Они не въ силахъ уничтожить всякую возможность враждебныхъ столкновеній личной свободы и общаго блага, они не могутъ искоренить всего того зла, которое въ значительной мѣрѣ встрѣчается во всякомъ обществѣ, они не могутъ сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ и счастливымъ. Государства съ представительными учрежденіями даютъ не мало примѣровъ самой ожесточенной борьбы отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ партій съ общепризнанными началами порядка. Эти болѣзненные явленія не могутъ быть устранены никакими формами устройства, никакими запретительными законами и одинаково встрѣчаются какъ въ свободныхъ государствахъ, такъ и въ государствахъ, строго преслѣдующихъ всякое неразрѣшенное властію слово, всякую недозволенную полиціей скомку. Злоупотребленія органовъ администраціи, хотя и болѣе затруднены, но не совершенно невозможны и при представительствѣ; примѣры вопіющаго казнокрадства даютъ не одни Соединенные Штаты Сѣверной Америки. На представительную форму правленія давно уже никто не смотритъ какъ на средство отъ всѣхъ золъ. Если бы люди были совершенны, не было бы надобности ни въ какихъ формахъ устройства и ни въ какихъ законахъ. Но такъ какъ слабости и пороки — эта, хотя и необходимая, но довольно обыкновенная дань ограниченной природы человѣка — сопутствуютъ ему на всѣхъ ступеняхъ развитія, то и самыя лучшія учрежденія, попавши въ недостойныя руки, могутъ быть искажены. Если бѣзсиліе представительныхъ учреждений сдѣлать порочныхъ людей добродѣтельными ни для кого не составляетъ тайны, то возможная польза имъ едва ли кѣмъ была указана въ такой ясной, привлекательной и даже поэтической формѣ, какъ это сдѣлала императрица Екатерина Великая, болѣе ста лѣтъ

тому назадъ. О трудахъ созданной ею комиссіи она отозвалась такъ: «Комиссія уложенія, была въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно... стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ». Эта заслуга представительной системы, признанная съ высоты русскаго престола, составляетъ неоспоримое и незамѣнимое достоинство всякаго представительства».

Второй періодъ русской исторіи заканчивается въ XVIII вѣкѣ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи начинаютъ выясняться отдѣльные признаки третьяго періода. Между ними видную роль играютъ реформы настоящаго царствованія, направленные именно къ тому примиренію началъ личнаго и общаго, осуществленіе котораго составляетъ задачу и смыслъ послѣдняго періода русской исторіи.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ г. Сергѣевичъ. Съ болѣею частью этихъ выводовъ мы готовы вполне согласиться; но, какъ мы уже упоминали выше, они все-таки требуютъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторыхъ дополненій и вызываютъ кой-какія замѣчанія. Замѣчанія эти касаются какъ обобщеній г. Сергѣевича собственно въ области русской исторіи, такъ и общихъ основаній его исторической схемы.

Въ первомъ отношеніи мы не можемъ не обратить вниманія на нѣсколько искусственную органичность построеній г. Сергѣевича. Желая установить внутреннюю связь и зависимость одного періода отъ другого, г. Сергѣевичъ, какъ намъ кажется, заходитъ нѣсколько далеко и стремится найти исключительно внутреннія причины тамъ, гдѣ едва-ли не главное мѣсто должно быть отведено факторамъ внѣшнимъ. Такъ напр., мы видѣли, что вотчинное государство является у него «естественнымъ порожденіемъ» удѣльновѣчеваго строя. «Изъ эпохи господства и борьбы частныхъ волей, побѣдительницею естественно должна была выдти наиболѣе сильная воля»; такую волю и была власть московскаго князя. Затѣмъ дальнѣйшее крайнее развитіе монархіи является опять таки «естественнымъ» результатомъ чрезмѣрной слабости государственнаго начала въ первомъ періодѣ, препятствовавшей удовлетворенію естественной потребности человѣка въ общегити. Одна крайность вызвала другую. Г. Сергѣевичъ какъ бы совсѣмъ упускаетъ изъ виду то могущественное воздѣйствіе, которое имѣли на судьбы русскаго государства чисто внѣшнія обстоятельства. Нашествіе монголовъ не вызывалось, конечно, никакими свойствами удѣльновѣчеваго строя, а ему въ значительной степени слѣдуетъ приписать, что «изъ борьбы частныхъ волей» вышла такую рѣшительную побѣдительницею воля московскаго князя. Вообще, намъ кажется, что выводы о «естественномъ» развитіи одной формы быта изъ другой довольно рискованы на основаніи данныхъ одного какого-нибудь общества. Только при широкомъ сравненіи можно выдѣлять дѣйствительно

внутреннія причины преемства общественных формъ изъ массы высшихъ и болѣе или менѣе случайныхъ.

Что касается самаго основанія, принятаго г. Сергѣевичемъ для дѣленія на періоды исторіи русскаго права, то выборъ его въ этомъ отношеніи нельзя не признать вполне удачнымъ. Дѣйствительно, весь смыслъ не только исторіи права, но и вообще исторіи общества заключается во взаимодействіи личнаго и общаго началъ, потребностей и интересовъ отдѣльныхъ личностей и потребностей тѣхъ общественныхъ союзовъ, къ которымъ она принадлежитъ. Но въ развитіи этого взаимодействія собственно правовая сторона является только однимъ элементомъ, и притомъ не главнымъ и не преобладающимъ. Поэтому, для того, чтобы понять и оцѣнить вполне правильно значение тѣхъ или другихъ юридическихъ или политическихъ институтовъ съ точки зрѣнія возможнаго удовлетворенія интересовъ личности необходимо выйти изъ сферы собственно правовой въ тѣсномъ смыслѣ. Исторія права должна быть поставлена въ связь съ исторіею другихъ сторонъ общественной жизни, главнымъ образомъ, съ исторіею *экономической*. У г. Сергѣевича связи этой не видно, отъ этого нѣкоторыя части его построенія получаютъ освѣщеніе не совсѣмъ правильное и полное. Припомнимъ, напр., приведенныя выше разсужденія г. Сергѣевича о значеніи представительной системы. Г. Сергѣевичъ видитъ въ представительствѣ наиболѣе совершенную попытку примиренія начала личной свободы и начала общественнаго блага, которую представляетъ до настоящаго времени европейская дѣйствительность. Но, говоритъ онъ, нечего обманывать себя относительно настоящихъ размѣровъ пользы, приносимой обществу представительными учрежденіями. Искомое примиреніе интересовъ далеко не дается имъ въ полной мѣрѣ. Г. Сергѣевичъ склоненъ объяснить это «слабостями и пороками, которые сопутствуютъ человѣку на всѣхъ ступеняхъ развитія», и противъ которыхъ безсильны всякія учрежденія. Но если мы припомнимъ, что въ исторіи европейскихъ государствъ та эпоха, когда развиваются представительныя учрежденія, есть съ другой стороны время вскрытія и обостренія противорѣчій индивидуальныхъ потребностей и интересовъ цѣлаго въ экономической сферѣ, время чудовищнаго усиленія производства и развитія пролетаріата, мы получимъ гораздо болѣе правильный ключъ для объясненія безсилія попытокъ примиренія на политической почвѣ, нежели отыскивая его въ «слабостяхъ и порокахъ, присущихъ человѣческой природѣ».

Собственно по отношенію къ русской исторіи введеніе въ схему г. Сергѣевича *экономическаго* элемента нисколько не разрушаетъ, а только нѣсколько дополняетъ его построеніе. Основные періоды въ русской жизни остаются тѣже, хотя, быть можетъ, границу между первымъ и вторымъ слѣдовало бы передвинуть нѣсколько подалѣе. *Экономическая* исторія Россіи точно такъ же, какъ и правовая, прошла двѣ стадіи и вступаетъ въ

тремя: время первоначального господства общинного принципа, смѣнилось періодомъ закрѣпощенія большинства населенія, экономического рабства массъ для удовлетворенія потребностей государства и привилегированныхъ классовъ; наконецъ, съ крестьянскою реформою русское общество вступаетъ въ третій періодъ развитія. Г. Сергѣевичъ видитъ задачу этого періода въ отысканіи примиренія между началами личнымъ и общимъ, одною стороною проявившимся въ предыдущей исторіи; присоединяясь въполнѣ къ этому взгляду, мы считаемъ нужнымъ дополнить только, что такое примиреніе должно послѣдовать не исключительно въ сферѣ специально правовой, но чтобы быть дѣйствительнымъ и прочнымъ должно имѣть основою прочное обезпеченіе экономической самостоятельности массы общества. Исходнымъ шагомъ къ достиженію послѣдней цѣли и является реформа 19-го февраля.

Кромѣ статьи г. Сергѣевича, въ 1-мъ отдѣлѣ «Сборника государственныхъ знаній» (заключающемъ въ себѣ articles de fond) представляютъ интересъ: статья г. Кауфмана «Бумажно-денежные проекты и экстраординарные финансы» и продолженіе труда г. Головачова, посвященнаго исторіи постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Статья г. Кауфмана касается одного изъ большихъ вопросовъ нашей жизни—именно вопроса о нашей валютѣ, о злополучной судьбѣ кредитнаго рубля. Извѣстно, что за послѣднее время вопросъ этотъ подвергался много разъ обсужденію и въ журналистикѣ, и въ цѣлой массѣ разнаго рода брошюръ, записокъ и проектовъ, написанныхъ для публики или только для высшихъ сферъ, проектовъ, которые, какъ грибы послѣ дождя, выросли послѣ войны. Несмотря, однако, на такой литературный урожай, отнюдь нельзя сказать, чтобы мы много подвинулись впередъ не только въ разрѣшеніи (теоретическомъ, конечно), но даже и въ правильной постановкѣ даннаго вопроса. Въ особенности это можно сказать относительно практической его стороны, т. е. тѣхъ мѣръ, путемъ которыхъ могла бы быть проведена денежная реформа.

Трудъ г. Кауфмана довольно выгодно отличается отъ большинства этой недавно народившейся литературы. Г. Кауфманъ много изучалъ вопросъ о денежномъ обращеніи, и ему нельзя отказать въ знакомствѣ, какъ съ теоретическою постановкою этого вопроса въ экономической наукѣ, такъ и съ фактами, касающимися бумажно-денежнаго обращенія въ Западной Европѣ. Все это придаетъ его работѣ значительный интересъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы ею были подведены итоги по данному вопросу или, чтобы, по крайней мѣрѣ, г. Кауфманъ поставилъ этотъ вопросъ въ вполнѣ прочную почву.

Г. Кауфманъ занятъ, главнымъ образомъ, разборомъ различныхъ проектовъ возстановленія у насъ мегаллическаго обращенія, появившихся, какъ до войны (проекты гг. Ламанскаго,

Гольдмана, Ад. Вагнера и, наконецъ, самого Кауфмана, писанный въ 1874 г.), такъ и послѣ нея, при настоящемъ уже положеніи денежнаго рынка (прозеть г. Бунге). Собственно, принципиальный вопросъ о необходимости денежной реформы, г. Кауфманъ считаетъ рѣшеннымъ; подробное разсмотрѣніе этого вопроса въ задачу его не входитъ, и если оно и касается его, то только въ полемическомъ смыслѣ, по поводу извѣстной теоріи «Московскихъ Вѣдомостей» о благотвѣтельномъ вліяніи громаднхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, сдѣланныхъ во время войны. Г. Кауфманъ отводитъ значительное мѣсто въ своей статьѣ разбору этой теоріи. Онъ останавливается сначала на политическихъ доводахъ противниковъ денежной реформы и разъясняетъ, что именно воинствующая-то часть прессы и должна бы настаивать на денежной реформѣ, безъ которой становится невозможнымъ активное направленіе военной политики, такъ какъ единственный ресурсъ экстраординарныхъ финансовъ у насъ—выпускъ кредитныхъ билетовъ—уже истощенъ въ минувшую войну. Затѣмъ г. Кауфманъ касается экономической стороны дѣла, именно такъ-называемаго «оживленія» промышленности, вызваннаго обиліемъ денегъ. Основываясь на общепринятыхъ въ экономической наукѣ положеніяхъ, г. Кауфманъ доказываетъ, что и такое оживленіе всегда бываетъ ненормальное и нездоровое, и что, слѣдовательно, желать его и радоваться ему нечего. Вотъ все, что мы находимъ у г. Кауфмана по отношенію къ принципиальной сторонѣ вопроса о денежной реформѣ. Остальная часть статьи, какъ мы говорили, посвящена разсмотрѣнію проектовъ осуществленія этой реформы. Г. Кауфманъ и здѣсь считаетъ какъ бы предрѣшеннымъ вопросъ о самой *возможности* денежной реформы; его занимаетъ анализъ собственно технически финансовой стороны дѣла, различныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ предполагалось достигнуть возстановленія металлическаго обращенія.

Намъ кажется, что такая сравнительно тѣсная программа изслѣдованія въ значительной мѣрѣ вредитъ практическому его значенію; хотя, повидимому, именно практическія цѣли главнымъ образомъ и преслѣдовалось г. Кауфманомъ. Пояснимъ нашу мысль. Мы отнюдь не принадлежимъ къ числу сторонниковъ «патріотической» доктрины «Московскихъ Вѣдомостей», и не видимъ никакихъ экономическихъ и политическихъ преимуществъ въ разстроенной системѣ денежнаго обращенія. Мы не вѣримъ равнымъ образомъ и въ такія «своеобразія» русской жизни, которыя допускаютъ экономическія «чудеса» и дѣлаютъ непримѣнимыми къ намъ выводы экономической науки, основанные на опытѣ всѣхъ странъ и даже на нашемъ собственномъ. Но, несмотря на все это, мы не можемъ еще признать, чтобы настоятельная необходимость и практическая возможность осуществленія денежной реформы въ настоящее время были совершенно ясны и не подлежали доказательству. Вопросъ о денежной реформѣ въ послѣднемъ счетѣ,

есть вопросъ бюджетный; каковы бы ни были тѣ формы, которыя должно принять преобразование, во всякомъ случаѣ послѣдствіемъ его является увеличеніе государственнаго долга (на сумму, по вычисленіямъ г. Кауфмана, стр. 307—до 740 милл.) и добавочный ежегодный расходъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Позволительно остановиться поэтому на вопросѣ: по силамъ ли намъ столь грандіозная операція и будутъ ли равны активъ и пассивъ реформы, въ особенности можно ли уравнивать ихъ для разныхъ классовъ населенія, такъ чтобы несть на себѣ тяжесть тотъ, кто получить и соотвѣтственную выгоду. Мы здѣсь невольно натываемся на извѣстныя «своеобразія» русской финансовой жизни, хотя и не совсѣмъ такія, о какихъ говорятъ «Московскія Вѣдомости». Первое изъ этихъ «своеобразій» заключается въ непомѣрной, сравнительно съ экономическими силами страны, величинѣ нашего бюджета. Особенно за послѣднее время, бюджетъ разросся до такихъ размѣровъ, что едва ли можно думать о дальѣйшемъ еще значительномъ его расширеніи. Затѣмъ другое «своеобразіе» русской финансовой системы и русской экономической жизни вообще заключается въ томъ, что самымъ главнымъ и даже почти единственнымъ носителемъ всей тягости государственнаго хозяйства, является масса крестьянскаго населенія. Всякое расширение бюджета неизбежно затрагиваетъ интересы этой массы. Даже и въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что для денежной реформы оказалось бы возможнымъ установить рядъ налоговъ, распредѣляющихся равномерно между всѣми классами населенія, она все-таки была бы проведена въ сущности на счетъ мужицкихъ кармановъ; такъ какъ платежныя средства неподатныхъ, достаточныхъ классовъ населенія, какъ извѣстно, далеко не представляютъ особенно обильнаго источника и то, что было бы взято изъ нихъ для спеціальной цѣли, неизбежно уменьшило бы ресурсы для переложенія общей податной тяжести съ массы населенія.

Вотъ эти-то «своеобразія» русской жизни и дѣлаютъ вопросъ о денежной реформѣ весьма сложнымъ. Они необходимо требуютъ болѣе широкой его постановки, нежели мы находимъ у г. Кауфмана. Мало признать, что денежная реформа вообще желательна, что обезцѣненіе и неустойчивость валюты составляютъ экономическое зло. Это зло нужно поставить въ перспективу съ другими, которыхъ у насъ очень много; а источникъ для поправленія всѣхъ ихъ только одинъ. При такомъ сопоставленіи намъ легче будетъ осуществить мудрые афоризмы Кузмы Пруткова: «смотри въ корень» и не пытайся «объять необъятное».

Статья г. Головачова «Желѣзныя дороги въ Россіи» составляетъ одну изъ главъ обширнаго труда, начало котораго помѣщено въ IV и V томахъ сборника. Глава эта, такъ какъ и двѣ предыдущія, посвящена исторіи постройки дорогъ. Исслѣдованіе г. Головачова, вообще очень обстоятельное и добросовѣстное, на

этотъ разъ представляетъ особый интересъ, такъ какъ въ большей своей части оно основано на документальныхъ источникахъ, доселѣ не извѣстныхъ публикѣ, и многіе изъ сообщаемыхъ г. Головачовымъ фактовъ появляются въ печати въ первый разъ. Г. Головачовъ разсматриваетъ исторію передачи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки. Съ особенною подробностью онъ останавливается на двухъ эпизодахъ этой исторіи: передачѣ николаевской желѣзной дороги главному обществу российскихъ желѣзныхъ дорогъ и постройки 2-го участка кіево-брестской дороги. Оба эти эпизода очень поучительны и могутъ служить яркою иллюстраціею нашей финансовой политики недавняго времени. По отношенію къ желѣзно-дорожному дѣлу одною изъ характеристикъ особенностей этой политики являлось, какъ извѣстно, систематическое покровительство «частной предприимчивости» въ этомъ дѣлѣ и искусственная поддержка частныхъ предприятий иногда въ ущербъ общегосударственнымъ интересамъ. До чего доходила такая тенденція и къ какимъ результатамъ она приводила видно между прочимъ на исторіи съ николаевской желѣзной дорогой. Предположеніе объ уступкѣ этой дороги частному обществу вызвано было первоначально необходимостью найти средства для окончанія постройки южныхъ дорогъ. Скоро, однако, оказалось, что средства эти можно добыть и безъ продажи дороги выпускомъ облигацій отъ имени правительства. Тѣмъ не менѣе, мысль объ отчужденіи ея не была оставлена, и послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ николаевская дорога, самая выгодная изъ всѣхъ русскихъ и вторая въ цѣлой Европѣ по размѣрамъ движенія и по доходности, была уступлена на 84 года главному обществу. Передача эта состоялась въ моментъ крайне для того неблагоприятный—наканунѣ значительнаго увеличенія доходности дороги, вслѣдствіе проведенія новыхъ линій, расширяющихъ сѣть въ глубь страны—на условіяхъ далеко не особенно выгодныхъ для казны и притомъ въ руки общества, обремененнаго долгами и представлявшаго собою вполнѣ несостоятельное въ финансовомъ смыслѣ предпріятіе. Слѣдя по документамъ, шагъ за шагомъ, за всѣми перипетіями вопроса объ уступкѣ николаевской дороги и подробно разбирая мотивы, которыми обуславливалось какъ эта уступка такъ и выборъ контрагента, въ пользу котораго она была сдѣлана, г. Головачовъ приходитъ къ выводу, что главною цѣлью передачи николаевской дороги «было желаніе улучшить положеніе дѣлъ главнаго общества и вывести его изъ безвыходнаго положенія, которое требовало постоянныхъ пособій правительства» (стр. 152). Цѣль эта была дѣйствительно достигнута; но если главное общество получило большіе барыши, то наоборотъ государственное казначейство очутилось въ наклѣдъ: несмотря на всю льготность финансовыхъ условій передачи, главное общество все-таки оказалось несостоятельнымъ къ ихъ выполненію, и въ теченіи 10 лѣтъ за нимъ накопилось болѣе 20 мил. долга предъ правительствомъ собственно по нико-

лаевской желѣзной дорогѣ. Въ виду этой неисправности общества и въ виду того, что формальнаго и окончательнаго договора съ нимъ до сихъ поръ еще не заключено, г. Головачовъ высказываетъ мысль о необходимости ликвидаціи дѣла и отобраніи дороги отъ несостоятельнаго контрагента. «Потери при передачѣ николаевской дороги — говоритъ онъ — можно считать десятками милліоновъ и притомъ въ теченіи цѣлыхъ 74 лѣтъ. Государственное достоиніе въ такомъ положеніи оставаться не можетъ и не должно. Ошибки прошедшаго времени подлежатъ непремѣнному исправленію и не должны давать возможности частнымъ лицамъ обогащаться насчетъ государственнаго и общенароднаго достоянія, въ особенности когда къ оправданію такого обогащенія не существуетъ даже юридическихъ основаній. Создавать же такіа основанія въ настоящую минуту, т. е. заключить договоръ съ главнымъ обществомъ теперь, въ виду всего, что совершилось и въ виду того значенія, которое приобрѣла николаевская дорога, было бы уже не ошибкой, а чѣмъ нибудь болѣе серьезнымъ». Трудно не согласиться съ этимъ выводомъ почтеннаго автора.

Исторія кіево-брестской дороги любопытна не менѣ эпизода съ продажей николаевской линіи. Передъ нами разыгрывается цѣлая волшебная феерія, съ переодѣваніями, передвиженіями, созданіемъ изъ ничего милліоновъ и обратнымъ ихъ исчезновеніемъ и т. д., феерія, въ которой въ видѣ рога изобилія фигурируетъ казенный сундукъ. Сущность дѣла въ нѣсколькихъ словахъ такова. Въ 1870 г. признано было цѣлесообразнымъ образовать частное общество для эксплуатаціи построенной уже правительствомъ кіево-балтской желѣзной дороги и сооруженія новаго участка отъ Бердичева до Бреста. Капиталъ этого предпріятія опредѣленъ былъ въ 45½ милл., изъ которыхъ 35½ милл. принадлежало правительству, а 10 милл. акцій должны были быть реализованы самимъ обществомъ. Въ дѣйствительности, однако, «общества» кіево-брестской дороги никогда не существовало; дѣломъ же вочакали поочередно нѣсколько спекулянтовъ, устроившихъ надлежащую обстановку фиктивнаго общества, съ собраніями, акціонерами, правленіемъ и проч. Первоначально на сцену выступаютъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Рябининъ и берлинскій банкиръ Блейхредеръ. Всѣ акціи остаются въ ихъ рукахъ; при чемъ, такъ какъ Рябининъ вступаетъ въ дѣло безъ гроша, то и его доля сосредоточивается у Блейхредера въ залогъ. Полученныя отъ залога акцій деньги вскорѣ исчезаютъ на какіе-то «предварительные расходы» строителей, съ которыми учредители вступили въ договоръ, и общество еще до начала постройки является съ дефицитомъ. Въ такомъ положеніи предпріятіе попадаетъ въ руки третьяго афериста, г. Задлера. Задлеръ является въ одно и тоже время и предсѣдателемъ правленія, и строителемъ дороги. Немедленно у «строителя» Задлера является двухмилліонная претензія къ обществу по поводу небы-

валыхъ убытковъ отъ измѣненія первоначально предполагаемаго направленія дороги. Задлеръ «предсѣдатель» относится, конечно, съ большою предупредительностью къ интересамъ Задлера «строителя». Дѣла «общества» запутываются еще болѣе и оно обращается къ содѣйствію правительства. Содѣйствіе это было оказано: «общество» получило около 2-хъ милл. и кромѣ того, правительство приняло на себя реализацію 6 милл. акцій. Несмотря на такую помощь и на обязательство окончить дорогу безъ дальнѣйшихъ домогательствъ, общество опять впадаетъ въ дефицитъ, благодаря той же претензіи «двуликаго» Задлера, отъ которой онъ отказался при полученіи правительственной ссуды «въ качествѣ предсѣдателя правленія» и которую возобновилъ въ качествѣ «строителя». И на этотъ разъ правительственная помощь является на выручку. «Общество», т. е. Задлеръ и К^о, получаютъ 2.400,000 р. мет. Но еще во время переговоровъ о ссудѣ, правленіе общества, во главѣ котораго является теперь четвертый герой спекуляціи г. Ахшарумовъ, кредитуетъ Задлера въ разныхъ банкахъ, вопреки данному правительству удостовѣренію, на сумму высшую 2¹/₂ м. и, такимъ образомъ, еще разъ впадаетъ въ дефицитъ; а Задлеръ, въ довершенію всего, объявляетъ себя банкротомъ, не окончивъ дѣла. Въ третій разъ государственному казначейству пришлось расплачиваться за продѣлки аферистовъ; но и при такихъ обстоятельствахъ убѣжденіе о предпочтительности частной формы управленія желѣзными дорогами осталось непоколебимымъ; правительство не рѣшилось взять дорогу въ свое вѣдѣніе и передало ее, путемъ продажи 6 тысячъ акцій, варшавскому банкиру Блюху.

Мы старались возможно полнѣе познакомить читателя со всѣмъ, что есть сколько-нибудь живого и интереснаго въ «Сборникѣ» г. Безобразова. Но, кромѣ упомянутыхъ статей, да еще одной-двухъ замѣтокъ во второмъ отдѣлѣ «Сборника» (о которыхъ скажемъ ниже), было бы напрасно разыскивать что-либо заслуживающее вниманія. Все остальное содержаніе «Сборника» для читателя-профана—представляетъ собою только хламъ, хотя, быть можетъ, и величественный. Впрочемъ, не всегда даже и величественный, а иногда скорѣе курьезный, въ родѣ, напримеръ, нижеслѣдующихъ разсужденій полковника Гребенщикова о философіи государства: «Правительство, армія и народъ — это три части главнаго государственнаго элемента, активныя способности котораго создаютъ политическое тѣло. Если правительство устанавливаетъ стройный порядокъ во всѣхъ отправленіяхъ государственной жизни, а армія охраняетъ этотъ порядокъ и защищаетъ государственные интересы отъ посягательствъ со стороны другихъ государствъ, то народъ, ради котораго существуютъ правительство и армія, служитъ источникомъ силы и благоденствія государства въ полномъ объемѣ. Племенные особенности, подъ вліяніемъ естественныхъ и историческихъ условій, создаютъ извѣстныя физическія и духовныя силы, выражаю-

щіяся въ формѣ матерьяльнаго богатства и духовнаго (умственнаго и нравственнаго) совершенства. Какъ первое, такъ и второе, возникая въ дѣятельности отдѣльнаго лица, растутъ и совершенствуются, массируясь въ обществѣ; оба вида богатствъ образуютъ и питаютъ крѣпость и славу правительства и арміи. Къ физическимъ силамъ государства относятся: территорія, со всѣмъ, что на ней, включая и населеніе, и климатическія условія, какъ результатъ географическаго положенія территоріи; къ духовнымъ: любовь къ родинѣ, религіи, довѣріе къ власти, образованіе, какъ источникъ знанія, и, наконецъ, самоуваженіе, какъ результатъ сознанія собственной правоты и силы. Все это вмѣстѣ, при взаимномъ дѣйствіи, создаетъ государственное могущество» («Сб. г. зн.», 119—120).

Мы не намѣрены водить читателя по всѣмъ пустынямъ безобразнаго «Сборника» и оставимъ въ покоѣ и «Военную организацію и статистику», и «Полицейскій арестъ», и «На ача Руси» (безъ конца и начала); позволимъ себѣ остановиться нѣсколько лишь на торжественной рѣчи самого почтеннаго академика «о значеніи науки для образованія должностныхъ лицъ въ государственномъ управленіи», произнесенной имъ въ годовомъ собраніи александровскаго лица. Рѣчи этой нельзя отказать въ извѣстномъ интересѣ. Впрочемъ, интересъ этотъ особаго рода. Торжественныя рѣчи вообще не много говорятъ уму и сердцу, а въ данномъ случаѣ и самая тема разсужденія: «о пользѣ наукъ» не отличается особою свѣжестью и новизною. Правда, г. Безобразовъ объясняетъ, что въ настоящее время, въ виду революціонныхъ происковъ, вопросъ о пользѣ наукъ получилъ новое значеніе, но надо думать, что читатели «Сборника государственныхъ знаній» безопасны отъ революціонныхъ соблазновъ. Итакъ, самое существо предмета не можетъ придать интереса рѣчи ученаго академика; но дѣло въ томъ, что ее можно разсматривать какъ нѣкотораго рода *profession de foi* автора. Разясняя пользу наукъ для высшихъ и низшихъ лицъ государственнаго управленія, г. Безобразовъ косвенно разясняетъ намъ и тѣ задачи, которыя преслѣдуетъ «Сборникъ государственныхъ знаній», тѣ дѣла, которымъ онъ стремится служить. По словамъ г. Безобразова, наука должна воспитывать въ человѣкѣ идеальныя стремленія, необходимыя на всѣхъ ступеняхъ государственной дѣятельности. Только идеалы науки придаютъ смыслъ административному дѣлу, «возбуждая въ его исполнительѣ сознаніе того общаго, живого дѣлага, которое объемлетъ всю іерархію государственныхъ инстанцій и агентовъ отъ высшихъ и до низшихъ и отъ самыхъ общихъ и великихъ государственныхъ вопросовъ до самыхъ частныхъ и мелкихъ». Далѣе, только наука даетъ возможность творческаго отношенія къ дѣлу, а такое «творчество, самостоятельныя отношенія къ своему матеріалу возможны на самой низшей служебной должности, въ самомъ мелкомъ дѣлѣ, даже въ порядкѣ и системѣ составленія ежеднев-

ныхъ реэстровъ. Можно на самой подчиненной ступени служебной іерархіи быть хозяиномъ своего дѣла, можно его улучшить, усовершенствовать, такъ же точно, какъ можно всякое дѣло, и мелкое, и крупное, держать въ застоѣ, ухудшить и испортить. Только наука, только сознание идеальнѣхъ задачъ общаго дѣла въ государственномъ строѣ воодушевляетъ къ этому творчеству, къ этому усовершенствованію въ исполненіи всякой служебной обязанности». Такія самостоятельныя, научныя отношенія къ дѣлу важны и лично для самихъ исполнителей. «При этихъ отношеніяхъ, каждое, самое незначительное должностное лицо чувствуетъ себя частицею великаго дѣла, великаго отечества; гордится честью своего самаго мелкаго дѣла быть его самостоятельнымъ хозяиномъ; оно удовлетворяется интересомъ этой самодѣятельности и этого творчества на самомъ скромномъ поприщѣ государственной службы».

Признаемся, какъ ни исчерпанъ, повидимому, вопросъ о пользѣ науки, аргументаціи г. Безобразова нельзя отказать въ извѣстной оригинальности. Но дѣло въ томъ, что далеко не всякая наука можетъ удовлетворить высокимъ дѣламъ, имъ выставляемымъ: пробудить въ сердцахъ всѣхъ административныхъ агентовъ «сознаніе общаго, живаго дѣла, которое объемлетъ всю іерархію государственныхъ инстанцій», сдѣлать ихъ гордыми этимъ сознаніемъ и вызвать самостоятельное творчество въ каждомъ дѣятелѣ, даже въ скромномъ регистраторѣ. Для этого нужна особая наука, такъ сказать, административно-торжественная. Идеаль этой науки, видимо, и носится передъ почтеннымъ академикомъ. Но удѣлъ чловѣка — стремиться къ идеалу, не достигая его. Точно также и г. Безобразовъ не вполне удовлетворяетъ своимъ «Сборникомъ» намѣченнымъ выше задачамъ; въ бочку меда нѣтъ-нѣтъ да и попадетъ ложка дегтя; такъ, напримѣръ, сказать къ слову, хотя бы статьи г. Головачова едва ли могутъ способствовать пробужденію особой гордости въ членахъ «іерархіи государственныхъ инстанцій».

Чтобы покончить съ «Сборникомъ государственныхъ знаний», намъ остается сказать два слова о второмъ его отдѣлѣ, посвященномъ критикѣ и библиографіи. При обиліи ученыхъ силъ, поддерживающихъ «Сборникъ», мы вправѣ были бы ожидать найти въ этомъ отдѣлѣ полный и систематическій обзоръ явленій научной литературы государствовѣдѣнія. Ничего подобнаго, однако, «Сборникъ» г. Безобразова не даетъ. Второй отдѣлъ его отличается такою же безсвязностью и случайностью состава, какъ и первый. Никакого опредѣленнаго плана и никакой перспективы въ расположеніи статей незамѣтно. Если тотъ или другой сотрудникъ отличается большимъ, сравнительно, усердіемъ — извѣстный отдѣлъ получаетъ и большіе размѣры, и наоборотъ. Такъ, нельзя, напримѣръ, не замѣтить, что во всѣхъ томахъ «Сборника» литература церковнаго и международнаго права представлена наиболѣе полно, и наоборотъ, экономическій отдѣлъ

сильно хромаетъ. Случайность въ выборѣ статей въ критическомъ отдѣлѣ такъ велика, что даже и время появленія разбираемыхъ книгъ не играетъ при этомъ роли. Такъ, въ настоящемъ VII томѣ, вышедшемъ въ 1879 г., мы находимъ рецензіи сочиненій, появившихся въ 1876 г. (книга Ростиславова о монастырскихъ имуществахъ) и даже въ 1874 г. (учебникъ уголовного права Таганцева). Достоинство критическихъ статей «Сборника» точно также совершенно не однородно. На ряду съ весьма дѣльными и обстоятельными рецензіями (къ числу которыхъ въ VII томѣ слѣдуетъ отнести замѣтку профессора Янжула о книгѣ Фоссета о свободѣ торговли) попадаются такія, относительно которыхъ невольно недоумѣваешь, зачѣмъ онѣ написаны. Такъ, напримѣръ, трудно понять, почему профессоръ Палюмбецкій черезъ пять лѣтъ послѣ выхода книги г. Таганцева счелъ нужнымъ разъяснять рядомъ крайне поверхностныхъ и сбивчивыхъ разсужденій, что г. Таганцевъ не доказалъ несвободы воли и что увѣреніе его, будто «вся статистика и статистическая литература въ общей совокупности и по существу своему опускаютъ свободу человѣческихъ дѣйствій» едва ли справедливо. Къ сожалѣнію, такихъ статей, представляющихъ простой балластъ, въ ученomъ «Сборникѣ» слишкомъ много.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

- «Парижскія Письма». Э. Зола («Вѣстникъ Европы»).
 «Братья Земгаино». Романъ Эдм. Гонкура («Слово»).
 «Баритонъ». Романъ В. Крестовскаго (псевдонимъ). Слб. 1879.

I.

Россія должна воздвигнуть памятникъ искусству. Именно Россія, а не Европа, хотя Россія и въ этомъ отношеніи бѣдна, а Европа и въ этомъ отношеніи богата. Ни въ какой европейской странѣ и, надо думать, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ искусство не играетъ такой важной и своеобразной роли, какъ въ нашемъ отечествѣ. Я разумѣю, конечно, царицу искусствъ—поэзію, вообще беллетристику, потому что остальные отрасли искусства, хотя уже и декретированныя манифестами г. Стасовымъ, еще не успѣли сыграть какую-нибудь общественную роль.

Недавно оксфордскій университетъ показалъ, что и Европѣ извѣстно это своеобразное значеніе искусства въ Россіи: университетъ торжественно одѣлъ званіемъ почетнаго доктора правъ

нашего маститаго художника, И. С. Тургенева, за его труды по освобожденію крестьянъ въ Россіи. Такъ или почти такъ были сформулированы поэтическія права И. С. Тургенева на званіе доктора правъ оксфордскаго университета. По незнанію Россіи, университетъ впалъ въ маленькую ошибку, ибо оказанный имъ русскому художнику почетъ по всѣмъ правамъ принадлежитъ не И. С. Тургеневу, а Д. В. Григоровичу, первая произведенія котораго изъ крестьянской жизни, по своему общественному значенію, далеко затмѣваютъ «Залиски охотника». Но это ошибка частная, второстепенная, фактическая. Въ принципѣ оксфордскій университетъ не ошалея, признавъ за русскимъ искусствомъ крупное общественное значеніе. Долгое время поэзія была на Руси чуть не единственнымъ и во всякомъ случаѣ лучшимъ и надежнѣйшимъ проводникомъ если не политической мысли, то гуманныхъ идей. Она и до сихъ не совсѣмъ утратила эту привилегію, и кромѣ того породила специальную отрасль литературной дѣятельности, оказавшую неисчислимыя услуги русскому обществу. Эта отрасль—литературная критика, нигдѣ и ни въ какой литературѣ не имѣвшая такого значенія, какъ въ нашей. Читатель знаетъ, что вопросы о предѣлахъ компетенціи искусства, о принципахъ поэзіи, объясненіе значенія того или другого беллетристическаго произведенія и т. п., еще недавно притагивали къ себѣ крупныя литературныя силы и волновали весь читающій людъ. Конечно, не одно искусство создало эту обширную и плодотворную отрасль литературы. Искусство было скорѣе поводомъ, чѣмъ причиною. Причины же были отчасти общія у своеобразнаго развитія литературной критики и у выдающагося, такъ сказать, выпяченнаго значенія искусства. Это были своего рода священныя мѣста, за которыми было признано право убѣжища: туда бѣжалъ бѣдный русскій писатель, когда ему приходила въ голову запретная мысль; тамъ онъ могъ дышать свободнѣе хотя бы въ атмосферѣ общихъ мѣстъ о гражданскихъ обязанностяхъ поэзіи; тамъ научился онъ писать между строкъ; тамъ заставилъ онъ полюбить себя. Правда, священныя мѣста не всегда оказывались достаточно защищенными, и писатель извлекался изъ нихъ вопреки праву убѣжища. Это случалось вѣдь иногда и съ настоящими храмами, за которыми въ древнія времена право убѣжища было признано закономъ: исторія знаетъ не мало примѣровъ, что, вопреки этому праву, кровь спасавшихся въ храмѣ обогрѣла его ступени. Но это было дѣломъ особой острепенности, исключительно наглаго попиранія всего освященнаго закономъ и обычаемъ, а при обыкновенномъ теченіи дѣлъ право убѣжища все-таки существовало.

Какъ бы то ни было, а искусство непосредственно и черезъ посредство литературной критики постоянно влияло въ общественное сознаніе массу гуманныхъ идей, иногда остававшихся на ступени расплывающагося, неопредѣленнаго гуманизма, а иногда принимавшихъ весьма опредѣленный политическій характеръ. Въ

этомъ отношеніи у насъ просто чудеса происходили: понятіями о задачахъ и приемахъ искусства опредѣлялись политическія партіи. Не мало, разумѣется, при этомъ было всякой путаницы. Такъ, напримѣръ, люди, теперь величающіе себя «консерваторами», поставляли себѣ въ обязанность ратовать противъ «тенденціи» въ искусствѣ. Къ ихъ политической программѣ крѣпко приросло требованіе такъ называемаго чистаго искусства, безстрастно и какъ бы экстатически возводящаго въ перлъ созданія явленія жизни. Но будущій историкъ тѣхъ временъ, глядя по своему темпераменту, или съ веселымъ смѣхомъ или съ горькимъ негодованіемъ отмѣтитъ, что изъ этого именно лагеря вышли всѣ эти «Некуда», «Панурговы стада», «Марины изъ Алаго Рога» и разные другіе образцы тенденціознѣйшей беллетристики. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что произведенія эти сдѣлали не мало вреда (не потому, конечно, что въ нихъ была тенденція, а потому, что тенденція эта была пакостная). Но перевѣсъ ума, таланта и правды никогда не былъ на этой сторонѣ, а потому, несмотря на эти пятна на солнцѣ и несмотря на произведенную ими путаницу, оксфордскій университетъ былъ въ принципѣ вполне правъ, чувствуя И. С. Тургенева: русское искусство со служило большую и хорошую службу своему отечеству. Кромѣ того, всякій, кто возьметъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, А. Григорьева, Н. Соловьева и еще кое-кого, будетъ имѣть въ рукахъ цѣлый арсеналъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о принципахъ, задачахъ и приемахъ искусства. Но онъ безъ труда замѣтитъ, что эти какъ будто чрезвычайно интересующіе критиковъ вопросы въ сущности играютъ второстепенную и побочную роль въ ихъ писаніяхъ: сквозь споры о принципахъ искусства ясно видны очертанія, скажемъ, гражданскихъ, чтобы не сказать политическихъ идей и партій. Разумѣется, въ этомъ и была вся сила литературной критики: ловко цѣпляясь за выдающіяся мѣста поэтическаго произведенія, она давала мало развитому и мало знающему обществу важныя уроки въ легкой, привлекательной формѣ комментарія.

Однако, и самый вопросъ о роли, приемахъ и задачахъ искусства поневолѣ при этомъ разрабатывался и разработанъ, наконецъ, повидимому, до совершенной разжеванности. Въ самомъ дѣлѣ, трудно, кажется, даже придумать какую нибудь точку зрѣнія на эти предметы, которая еще не практиковалась бы въ нашей литературѣ. Всѣ и умныя и глупыя слова, какія только могутъ быть по этому поводу сказаны, казалось бы, уже исчерпаны.

Однако, нѣтъ. У насъ явился новый учитель. Иностранецъ, французъ, конечно, не знающій, что мы видали всякіе виды по части теоретической, отвлеченной стороны литературной критики, почти ежемѣсячно внушаетъ намъ на страницахъ «Вѣстника Европы» свои идеи. Онъ внушаетъ ихъ и французамъ и, говорить, производить у себя на родинѣ даже маленькія бури. Но,

что всего удивительнѣе, даже мы, издавшіе всякіе виды, мы, которыхъ въ этой области, кажется, ничѣмъ удивить нельзя, ни умомъ, ни глупостью, мы должны признать, что Эмиль Зола сказалъ, наконецъ, новое слово.

Да, такихъ словъ, какія прописаны въ послѣднемъ «Парижскомъ письмѣ» Эмиля Зола («Вѣстникъ Европы», сентябрь), такихъ словъ мы еще не слыхивали.

Какъ-то, по поводу выхода части «Парижскихъ писемъ» отдѣльнымъ изданіемъ, мы имѣли случай говорить объ Эмилѣ Зола, какъ о критикѣ. Съ тѣхъ поръ талантливый романистъ и плохой мыслитель по существу, разумѣется, измѣниться не успѣлъ. Это все тотъ же человѣкъ безъ образованія и безъ царя въ головѣ, опупью ищущій теоретическаго оправданія для своихъ художественныхъ приемовъ. Но, выступая на это поприще теоретическаго оправданія, онъ былъ еще довольно скромнень. Началъ онъ съ неумѣреннаго, но все таки довольно приличнаго восхваленія своихъ литературныхъ друзей—Флобера, Гонкуровъ, Доде, потомъ перешелъ къ задорной и придирчивой критикѣ старыхъ писателей въ родѣ Жоржъ-Занда и Виктора Гюго. При этомъ онъ сначала исподволь, довольно тихимъ голосомъ развивалъ какую-то путаницу, насчетъ «реальнаго» и «идеальнаго», а потомъ постепенно возвышая голосъ до грознаго окрика диктатора, метерпингѣйшаго главы школы, дошелъ, наконецъ, до послѣднихъ предѣловъ самохвальства и нелѣпости. Въ одномъ изъ послѣднихъ «Парижскихъ писемъ», онъ требовалъ, чтобы французская республика приняла не только къ свѣдѣнію, но даже какъ-то къ руководству его, Эмиля Зола, «научную формулу» романа, а въ самомъ послѣднемъ письмѣ, озаглавленномъ «Экспериментальный романъ», объявилъ, что онъ, Эмиль Зола, сдѣлалъ для романа тоже самое, что Клодъ Бернаръ сдѣлалъ для медицины. Excusez du peu!

Чтобы достойно оцѣнить комизмъ этой претензіи, надо вникнуть, почему тутъ именно Клодъ Бернаръ попался, а не Ньютонъ, не Галилей, не Дарвинъ, не Лавуазье.

По всѣмъ видимостямъ, Клодъ Бернаръ попался просто потому, что попался. Просто Эмилю Зола подвернулось подъ руку «Введеніе въ изученію опытной медицины». Понятно, самъ Зола рассказываетъ дѣло иначе. Клодъ Бернаръ, по его словамъ, для него важенъ потому, что «съ удивительною силою и ясностью установилъ экспериментальный методъ». Правда, можно было бы найти не мало другихъ сочиненій, философскихъ и научныхъ, посвященныхъ методологіи. Но, говоритъ Зола: «что опредѣлило мой выборъ и остановило меня на «Введеніи», такъ это то, что именно медицина, въ глазахъ очень многихъ, остается еще на степени искусства, подобно роману». Исходя отсюда, Зола дѣлаетъ рядъ выписокъ изъ «Введенія», предлагая подставлять вездѣ вмѣсто слова «медики» слово «романисты». Не останавли-

вается онъ и передъ постановкой своего собственнаго имени, вмѣсто имени Клода Бернара.

Такъ, напримѣръ, онъ приводитъ слѣдующія слова Бернара: «Медицинѣ предназначено мало по малу выйти изъ эмпиризма и она выйдетъ изъ него точно такъ же, какъ и всѣ другія науки, при помощи экспериментальнаго метода. Это глубокое убѣжденіе поддерживаетъ и направляетъ мою научную жизнь. Я глухъ къ голосу медиковъ, требующихъ, чтобы имъ объяснили экспериментальнымъ путемъ корь и скарлатину, и думающихъ извлечь отсюда доказательство противъ употребленія экспериментальнаго метода въ медицинѣ. Эти обезкураживающія и отрицающія возраженія исходятъ вообще отъ систематическихъ или лѣнливыхъ умовъ, предпочитающихъ полагаться на свои системы или засыпать въ потемкахъ, вмѣсто того, чтобы работать и стараться изъ нихъ выйти. Экспериментальное направленіе, принимаемое медициной, теперь опредѣлилось. Это вовсе не фактъ эфемернаго вліянія какой-нибудь личной системы; это результатъ научнаго развитія самой медицины. Таковы мои убѣжденія, которыя я стараюсь внушать молодымъ медикамъ, слушающимъ мой курсъ въ Collège de France. Прежде всего нужно вдохнуть научный духъ въ молодыхъ людей и посвятить ихъ въ понятія и тенденціи современныхъ наукъ».

Эти слова знаменитаго ученаго Золя съ серьезнѣйшимъ видомъ пародируетъ, даже не подозревая, что пишетъ пародію, слѣдующимъ образомъ: «Только экспериментальный методъ можетъ вывести романъ изъ той жи и ошибокъ, въ конхъ онъ теперь блуждаетъ. Вся моя литературная жизнь была направлена этимъ убѣжденіемъ. Я глухъ къ голосу критиковъ, требующихъ отъ меня формулированія законовъ наследственности и вліянія среды на дѣйствующихъ лицъ; тѣ, кои дѣлаютъ мнѣ эти обезкураживающіе и отрицающіе упреки, обращаютъ ихъ ко мнѣ только по лѣности ума, по увлеченію традиціей, по привязанности болѣе или менѣе искренной къ философскимъ и религіознымъ вѣрованіямъ. Экспериментальное направленіе, принимаемое романомъ, нынѣ уже опредѣлилось. Это вовсе не фактъ эфемернаго вліянія какой-нибудь личной системы; это результатъ научнаго развитія самаго изученія человѣка. Таковы мои убѣжденія, которыя я стараюсь внушать молодымъ писателямъ, читающимъ меня, такъ какъ я думаю, что имъ слѣдуетъ прежде всего вдохнуть научный духъ и познакомить ихъ съ понятіями и тенденціями новѣйшихъ наукъ».

Вотъ, значитъ, какъ смотреть на себя французскій романистъ. Одно только немножко странно. Если Клодъ Бернаръ имѣетъ право быть глухимъ къ голосу медиковъ, требующихъ, чтобы имъ «объяснили экспериментальнымъ путемъ корь и скарлатину» (изъ цитаты мудрено понять, въ какомъ смыслѣ отвергаетъ эти требованія Бернаръ), то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, что только лѣнныя или «увлеченные традиціей» умы могутъ требо-

вать формулированія законовъ наслѣдственности. И если Зола кажется, что его положеніе и положеніе Бернара одинаковы, такъ только потому, что ему неизвѣстно, что кое-что изъ законовъ наслѣдственности и вліянія среды уже формулировано. Ученый романистъ, полагающій, что его читатели должны именно изъ его произведеній знакомиться съ «понятіями и тенденціями новѣйшихъ наукъ», самъ нѣсколько слабъ насчетъ этихъ «новѣйшихъ наукъ». Да оно и понятно. Еслибы онъ съ этими науками былъ знакомъ хоть мало-мальски, такъ во-первыхъ, не благоировавъ бы такъ насчетъ сходства медицины съ изящнымъ искусствомъ, не употреблялъ бы такихъ забавныхъ терминовъ, какъ «новѣйшія науки», а главное указалъ бы своимъ читателямъ какія-нибудь болѣе авторитетныя руководства, чѣмъ собственные его романы и письма.

Забавности парижскаго письма, озаглавленнаго «Экспериментальный романъ», неисчислимы. Исчерпать ихъ нѣтъ возможности. Запартовавшійся романистъ строить такую классификацію наукъ: во-первыхъ, физика и химія, во вторыхъ, физиологія и медицина, и въ-третьихъ... въ-третьихъ — «экспериментальный романъ»! Этотъ экспериментальный романъ если еще не совершилъ, то совершить чудеса. Онъ будетъ «управлять жизнью, управлять обществомъ, рѣшить, наконецъ, всѣ задачи социализма, въ особенности доставить твердыя основы правосудію, разрѣшая путемъ опыта криминальные вопросы»! Штандартъ будетъ скакать, тридцать тысячъ курьеровъ налетать на господъ Зола, Гомбуровъ, Флоберовъ, Доде и скажутъ: пожалуйте управлять вселенной! Все это будетъ навѣрно, только еще не очень скоро, потому что господа романисты-экспериментаторы, какъ снисходительно соглашается Зола, сдѣлали еще мало «опытовъ». Эти «опыты», можетъ быть, нѣсколько смутятъ читателей. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, господа романисты будутъ «разрѣшать путемъ опыта криминальные вопросы»? Совершать примѣрныя преступленія, что ли? Убивать, грабить, насиловать женщинъ и потомъ въ видѣ романовъ сообщать результаты своихъ опытовъ криминалистамъ? Кажется, это единственный способъ примѣнить опытный методъ къ криминальнымъ вопросамъ. Да, такъ можно было бы думать на основаніи общепринятыхъ доселѣ мнѣній. До сихъ поръ, въ самомъ дѣлѣ, думали, что, вообще говоря, при изученіи явленій общественныхъ возможно только наблюденіе. Опытъ же можетъ примѣняться только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ; ибо опытъ предполагаетъ въ этой области возможность такъ грубо обращаться съ человѣкомъ, такъ насильственно ставить его въ разнообразнѣйшія условія, что на это можетъ рискнуть развѣ очень ужъ развязный администраторъ (да и у того руки все-таки коротки), а никакъ не наука. Такъ думали до сихъ поръ. Но Эмиль Зола открылъ секретъ. Онъ утверждаетъ, что если романистъ «заставляетъ дѣйствующихъ лицъ дѣйствовать въ частной исто-

ри, чтобы показать, что их поступки будут таковы, каких требует детерминизм изучаемых явлений» — то это и будет опыт. Он может и на примѣръ сослаться. Вотъ, напримѣръ, личность барона Гюло въ «Cousine Bette» Бальзака. «Общій фактъ, наблюденный Бальзакомъ, это вредъ, который страстный темпераментъ человѣка приноситъ ему самому, семейству и обществу. Разъ выбравъ сюжетъ, онъ отправился отъ наблюденныхъ фактовъ, потомъ произвелъ свой опытъ, подчиняя Гюло цѣлой серіи испытаній, заставляя его дѣйствовать въ различной средѣ, чтобы показать функционированіе механизма его страсти. Итакъ, очевидно, что здѣсь не только наблюденіе, но и опытъ, потому что Бальзакъ не является строгимъ фотографомъ собранныхъ имъ фактовъ, потому что онъ прямо выѣшивается, ставя своего героя въ условія, которыхъ самъ остается хозяиномъ. Экспериментальный романъ есть только протоколъ опыта, который романистъ повторяетъ передъ глазами публики. Въ результатѣ вся операція состоитъ въ томъ, чтобы взять факты въ природѣ, затѣмъ изучить ихъ механизмъ, дѣйствуя на явленія посредствомъ измѣненія обстоятельствъ, не удаляясь никогда отъ законовъ природы. Въ концѣ концовъ, является знаніе человѣка, научное знаніе, въ его индивидуальныхъ и социальныхъ дѣйствіяхъ».

И все это бумага терпитъ! Очевидно, Зола не понимаетъ, что гарантія достовѣрности опыта заключается въ немъ самомъ, въ его очевидности и никоимъ образомъ не можетъ быть отыскана въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ романистъ своимъ личнымъ произволомъ поставитъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Вотъ еслибы Бальзакъ досталъ гдѣ-нибудь на прокатъ живого барона Гюло и воочію показалъ бы, какъ онъ дѣйствуетъ при различныхъ условіяхъ, тогда это былъ бы дѣйствительно опытъ. Стыдно, впрочемъ, и возиться съ такими элементарными нутяками, которые, однако, Эмиль Зола съ комичнѣйшею надменностью выдвигаетъ на всенародное позорище. Есть, конечно, извѣстная доля истины въ его разсужденіяхъ, но эта доля такъ мала, такъ мала, что изъ-за нея рѣшительно не стоитъ стульевъ ломать. Она сводится къ тому, что выѣвшему романисту надо многое знать и многому учиться. Это совершенно справедливо, разумѣется, потому что современному роману такъ много дано, что естественно съ него много и спросится. Справедливо также, что романистъ долженъ не только самъ учиться, а и учить, но, конечно, не физиологій и уголовному праву, а чему-то такому, отъ чего именно Зола, кажется, отрещивается.

Зола, трудясь надъ водруженіемъ знамени «экспериментальнаго романа», объявляетъ войну какимъ-то «романистамъ-идеалистамъ». Кто эти зловредные враги, понять довольно трудно. Они, видите ли, «умышленно остаются въ неизвѣстномъ, вслѣдствіе всевозможныхъ религіозныхъ и философскихъ предразсудковъ, подъ изумительнымъ предлогомъ, будто неизвѣстное благородіе и

прекраснѣе извѣстнаго». Они «удаляются въ область неизвѣстнаго, изъ-за удовольствія тамъ быть», имъ «правятся самыя рискованныя гипотезы». Надо думать, что всѣ эти «ученныя» фразы навинуты главнымъ образомъ на Виктора Гюго, котораго Эмилю Золя ужасно хочется свергнуть съ литературнаго престола, дабы самому вослѣсть на оный. Но этого, кажется, не будетъ. Гюго напыщенъ, Гюго ходуленъ, но онъ владѣетъ секретомъ потрясать сердца, а, каковы бы ни были позманія Золя въ «новѣйшихъ наукахъ», онъ этого стародавняго секрета не знаетъ. Онъ думаетъ, что художникъ не долженъ «ни одобрять, ни негодовать», а безстрастно производить «опыты». Пусть такъ. Не будемъ спорить. Но вѣрно то, что на литературныхъ престолахъ сидятъ только тѣ, кто умѣетъ возбуждать негодованіе или добрыя чувства въ читателей. А для этого надо много такта, много наблюдательности, наконецъ, много знаній вообще и знанія чловѣческаго сердца въ особенности. А физиологія, конечно, тоже не помѣшаетъ. Такъ что Эмилю Золя, какъ и другимъ «экспериментаторамъ», не вредно будетъ ей поучиться. Но главное имъ надо поучиться вліять на читателя и сообразно этому измѣнить свои взгляды на задачи искусства.

II.

Мы видѣли теорію. Посмотримъ на практику. Передъ нами лежатъ два поэтическія произведенія. Одно принадлежитъ перу одного изъ корифеевъ «экспериментальной» французской школы, Гонкура — «Братя Земганно». Другое написано слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ нашей соотечественницей, извѣстной подъ псевдонимомъ В. Крестовскій — «Баритонъ». Этотъ старый романъ вышелъ теперь новымъ изданіемъ. Сопоставленіе этихъ двухъ романовъ напрашивается само собой, когда рѣчь идетъ о задачахъ искусства. Не потому, чтобы любопытно было сравнивать таланты авторовъ — отъ этого мы себя увольняемъ, а потому что въ обоихъ романахъ самую ихъ фабулу косвеннымъ образомъ задѣвается именно вопросъ о задачахъ искусства.

Жили были два брата Земганно. Они были художники. Ихъ соединяла самая тѣсная дружба. Говорятъ, что Гонкуръ изобразилъ въ этой дружбѣ тѣ отношенія, которыя существовали между нимъ и его младшимъ братомъ, Жюлемъ, уже умершимъ, съ которымъ, какъ извѣстно, они работали на поприщѣ романа и анекдотической исторіи руза объ руку. Такимъ образомъ романъ получаетъ особенно задушевный и отчасти автобіографическій характеръ. Тѣмъ поучительнѣе выборъ отрасли искусства, которую Гонкуръ усвоилъ братьямъ Земганно: эти художники были... клоуны-акробаты! Уже этотъ выборъ чрезвычайно характеренъ для школы «экспериментаторовъ», въ немъ отражается вся суть ихъ пониманія задачъ искусства. Что акробаты, клоуны, гимнасты — дѣйствительно художники въ глазахъ Гонкура, въ этомъ не

можетъ быть никакого сомнѣнія: онъ ихъ такъ прямо и называетъ художниками, артистами, а ремесло ихъ—искусствомъ.

Гонкуръ добросовѣстно изучалъ это искусство, конечно, теоретически и путемъ наблюденія, а не «экспериментально». Мы знакомимся изъ романа съ множествомъ подробностей акробатической техники; узнаемъ напримѣръ, что маленькаго Нелло начали обучать великому искусству съ пяти лѣтъ и узнаемъ, какъ именно его учили, какъ онъ раздвигалъ ноги «плашкой», дѣлалъ «стойку съ ничеа», исполнялъ «арабскій прыжокъ», «черезголовицу» и проч. Узнаемъ много еще другихъ любопытныхъ вещей, совокупность которыхъ показываетъ, что Гонкуръ занимался «Братьями Земганно» чрезвычайно серьезно. И при этомъ—ни малѣйшаго протеста противъ безобразія всей этой процедуры акробатическаго воспитанія, противъ злой судьбы братьевъ Земганно, изломавшей ихъ тѣло и загнавшей ихъ душу въ странство, отдѣляющее «плашку» отъ «черезголовицы». Напротивъ, авторъ не налюбуется на своихъ героевъ и съ полнѣйшимъ сочувствіемъ рисуетъ ихъ времяпровожденіе. Правда, братьевъ преслѣдуютъ иѣкоторыя несчастія: дѣла трушны, управляемой ихъ отцомъ, идутъ неважно, у нихъ умираетъ мать, а потомъ и отецъ. Но сколько за то и прелести было въ ихъ существованіи! Шатаясь по всему лицу Франціи, «они всегда имѣли передъ собой престоуръ, надъ ними было свѣтлое небо... слыхъ ихъ постоянно услаждался застѣнчивыми звуками земли, музыкой дыханія лѣсныхъ сводовъ... взоръ ихъ терялся въ безднахъ голубоватой дали; и ихъ радовало, когда яркій лучъ лѣтняго солнца выдавалъ зайца, притаившагося между полевыми кочками» и проч. и проч. Словомъ, отдай все за эту жизнь, такъ и то мало.

А кромѣ того, радости самоудовлѣющаго искусства: сознание художественно выполненной «черезголовицы» и «стойки съ ничеа». Это тоже чего-нибудь да стоитъ! Однако, въ этихъ именно радостяхъ искусства заключается узелъ драмы, сгубившей обоихъ братьевъ. Дѣло въ томъ, что старшій братъ, Джіанни былъ очень честолюбивъ. Благородно честолюбивъ, конечно, какъ и подобаетъ истинному художнику: онъ хотѣлъ довести свое искусство до высшей степени совершенства, все равно какъ Эмиль Зола. Хотѣлъ изобрѣсти какой-нибудь необыкновенный «туръ», который не только обезсмертилъ бы его имя въ лѣтописяхъ искусства, но и самое искусство подняло бы въ высшую сферу.

«Руки Джіанни, даже когда онъ отдыхалъ, постоянно были занаты, и онъ непрерывно пускалъ ихъ въ ходъ. Какъ бы невольно и бессознательно онъ схватывали предметы, находившіеся вблизи, ставили ихъ ребромъ, горлышкомъ, если это была бутылка, какою-нибудь частью поверхности, на которой они не могли держаться, тщетно стараясь удержать ихъ въ такомъ положеніи хотя въ теченіе мгновенія; и безъ усталости работали онѣ, какъ машина, стремясь нарушить законы тяжести, равновѣсія, измѣнить вѣчныя привычки вещей, падающихъ, если лишить

ихъ опоры. Кромѣ того, онъ часто по цѣлымъ часамъ вертѣлъ и поворачивалъ во всѣ стороны какую-нибудь мебель, столъ или стулъ, относясь ко всему этому съ такой любознательностью, съ такой настойчивой пытливостью, что однажды младшій братъ сказалъ ему наконецъ:

— Послушай, Джіанни, чего ты хочешь отъ этой вещи?

— Я ищущу!

— Чего же ты ищешь?

— А вотъ...

И Джіанни прибавилъ:— Нѣтъ, чортъ возьми, я никогда не найду!

— Но чего же? Скажи, скажи! повторялъ Нелло, протягивая послѣдній слогъ и сообщая ему тотъ жалобный тонъ, который отлучаетъ просьбы дѣтей, желающихъ что нибудь узнать.

— Когда подрастешь... Теперь не совсѣмъ будетъ понятно... Я, братишка, ищущу и для тебя...»

Словомъ, Джіанни былъ экспериментаторъ и мечталъ о переверотѣ въ искусствѣ. Нелло былъ не таковъ. Лишенный художественной инициативы, но одаренный отъ природы большимъ талантомъ, который еще въдобавокъ былъ развитъ тщательнымъ воспитаніемъ, Нелло любилъ искусство, но во всемъ довѣрялся любимому брату. Когда онъ, наконецъ, узналъ, какая высокая цѣль одушевляетъ честолюбиваго Джіанни, онъ безусловно отдалъ себя въ его распоряженіе. Братъ серьезно занимался искусствомъ. Кромѣ того, что Джіанни неустанно вертѣлъ стулья и ставилъ бутылки верхъ дномъ, оба брата предпринимали артистическія поѣздки. Такъ они съѣздили въ Англію, гдѣ «участвуя въ представленіяхъ въ качествѣ трапецистовъ, усвоивали себѣ особенности, оригинальныя черты, гимнастическія выходы каждаго клоуна, въ обществѣ котораго они жили по недѣлѣ и по двѣ; они, однимъ словомъ, проникали въ самую суть искусства, улавливая всевозможныя проявленія его своеобразнаго генія у различныхъ индивидуумовъ».

И вотъ, наконецъ, мечта Джіанни, послѣ долгихъ мытарствъ, близка къ осуществленію: онъ придумалъ такой туръ, который затмитъ все доселѣ виданное и даже можетъ быть превратить экспериментальнымъ путемъ искусство въ науку. Но на этомъ-то желанномъ турѣ дѣло и оборвалось. Задача состояла главнымъ образомъ въ томъ, что младшій братъ долженъ былъ сдѣлать вертикальный прыжокъ въ четырнадцать футовъ слишкомъ. Это былъ основной принципъ «тура». Но гениальный Джіанни еще усложнилъ задачу: прыжокъ совершался не въ открытомъ пространствѣ, а съвою вертикально поставленную бездонную бочку; затѣмъ Нелло прыгалъ на плечи къ брату, ноги котораго помещались на узкомъ, полукругломъ желѣзномъ стержнѣ; предполагалось еще ввести въ туръ рядъ опасныхъ прыжковъ другъ черезъ друга. Кромѣ того, братья придумывали сценическую обстановку для своего гимнастическаго упражненія. «И Нелло, обыкновенно придававшій поэтическіе штрихи работѣ брата, изобрѣлъ

роскошную гирлянду, сплетенную изъ фантастическихъ грезъ и музыкальныхъ звуковъ, которые казались разомъ и отголоскомъ далекихъ урагановъ, и вздохами природы. Но, въ концѣ-концовъ, братья замѣтили, что *отважность* ихъ тура исчезаетъ въ прелесть обставовки. Тогда съ общаго согласія они рѣшились быть на этотъ разъ только гимнастами, чтобы впоследствии придать характеръ новизны вещи, когда она станетъ избитою, украсивъ ее цвѣтами поэтическаго вымысла».

Все бы это безъ сомнѣнія и совершилось *ad majorem artis gloriam*, искусство обогатилось бы новымъ высокимъ произведеніемъ, еслибы въ исторію не вмѣшалась, по обыкновенію, женщина, нѣкая американка Томпкинсъ, наѣздница, состоявшая въ той же труппѣ, въ которой являли свои таланты братья Зекганно. Это была чрезвычайно фантастическая дама и, главное, она была, подобно Тамарѣ, прекрасна какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла. Ей приглянулся красавецъ Нелло. Но Нелло былъ равнодушенъ къ ней. Мало того. Будучи гениальною натурою, но не имѣя серьезной преданности высшимъ цѣлямъ искусства, какъ старшій братъ, Нелло позволялъ себѣ безпощадныя насмѣшки надъ Томпкинсъ, облекая ихъ однако въ тонко-художественныя формы. Въ пику наѣздницѣ, Нелло «каждый вечеръ устраивалъ продолжительную, почти блестящую интермедію. Томпкинсъ была предметомъ восторговъ, выражавшихся смѣшными ломаными движеніями шеи, колѣнопреклоненій, оканчивающихся уродливымъ оцѣпенѣніемъ, любовныхъ желаній, сказывавшихся въ невозможномъ тремолѣ ногъ, въ приложеніи къ сердцу рукъ, нелѣпо скорченныхъ. Потомъ, въ экстазѣ обожанія, онъ начиналъ ее умолять, и всѣ мускулы его тѣла вызвали смѣхъ, и горечь пластической шутки брызгала изъ каждого его нерва. На одной изъ своихъ вывороченныхъ ногъ онъ, точно на гитарѣ, исполнялъ передъ красавицей любовный романсъ, изображая чарующую прелесть его звуковъ мимическими движеніями... Молодой клоунъ своею спиною, своими ногами, своими плечами, своими руками и, такъ сказать, вдохновляемый гениемъ своей физической ловкости, со смѣхомъ противопоставлялъ пламени женщины самое обидное равнодушіе, самое насмѣшливое невниманіе, самое шутовское презрѣніе».

Этого не могла простить женщина, да еще такая, какъ Томпкинсъ. Она отомстила страшно: устроила такъ, что полотняная бездонная бочка, свѣзъ которую Нелло долженъ былъ прыгать въ знаменитомъ турѣ, замѣнена была деревянною. А вслѣдствіе этого Нелло упалъ и переломилъ себѣ обѣ ноги.

Злая судьба въ лицѣ Томпкинсъ оборвала художественную карьеру Нелло, обломавъ ему ноги. Она не пожалѣла этой палитры Рафаэля, этого рѣзца Микель-Анжело, этого пера Шекспира, этихъ ногъ гениальнаго акробата! И вотъ въ обонхъ братьяхъ начинается сложная борьба чувствъ. Они любятъ искусство, но любятъ и другъ друга. Если младшій лишенъ своего

художественнаго инструмента и изнываетъ въ тоскѣ по невозможной уже для него артистической карьерѣ, то не долженъ ли и старшій, обладающій вполне безукоризненными ногами, тоже отказаться отъ этой карьеры? Да, долженъ. Это рѣшилъ самъ старшій братъ. Однако, сразу привести это рѣшеніе въ исполненіе было выше силъ его. Великій художникъ не могъ сразу отказаться отъ художественнаго наслажденія создавать «туры», кувыряться на трапеціи и исполнять «черезголовницу». Въ тайнѣ отъ несчастнаго калѣки брата онъ вставалъ по ночамъ и въ особомъ помѣщеніи страстно предавался служенію Аполлону и музамъ. Но однажды Нелло засталъ его на этихъ упражненіяхъ. Произошла потрясающая сцена, которою и оканчивается романъ.

«Нелло вошелъ такъ тихо, что гимнастъ не замѣтилъ этого. И, стоя на колѣняхъ, младшій братъ смотрѣлъ на старшаго, который леталъ въ воздухѣ съ бѣшеною ловкостью крѣпкаго тѣла, нетронутыхъ членовъ. Онъ смотрѣлъ на него и, видя его такимъ гибкимъ и такимъ ловкимъ, онъ говорилъ себѣ, что Джіанни никогда не откажется отъ работы въ циркѣ, и эта мысль вырвала вдругъ изъ его груди громкій рыдающій звукъ. Старшій, изумленный этимъ крикомъ, который поразилъ его среди вихря его упражненій, сѣлъ на трапецію, наклонилъ впередъ голову въ пространство, по направленію къ жалкому, мѣшкообразному существу, ползавшему въ тѣни, сильнымъ ударомъ сорвалъ трапецію, которую выбросилъ въ широкое верхнее окно, разлетѣвшееся въ дребезги, подбѣжалъ къ своему брату, поднялъ его, прижалъ къ своей ¹ груди. И оба, обнимая другъ друга, начали плакать, плакать долго, не произнося ни слова. Потомъ старшій братъ, окинувъ однимъ взглядомъ всѣ предметы, относившіеся къ его ремеслу и простившись съ ними въ порывѣ высокаго самоотверженнаго чувства, воскликнулъ: «Дитя, поцѣлуй меня... Братъ Земганно умерли... здѣсь только два плохихъ скрипача... Они теперь будутъ играть на своихъ скрипкахъ... сидя на стульяхъ».

Таковъ экспериментальный романъ. Что онъ дѣйствительно экспериментальный, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. И не только потому, что Гонкуръ давно уже поставленъ Эмилемъ Золя въ переднемъ ряду «экспериментаторовъ», «реалистовъ» и какъ онъ еще ихъ тамъ титудуетъ. Нѣтъ, мы имѣемъ въ «Братьяхъ Земганно» всѣ признаки «экспериментальнаго» романа. Во-первыхъ, авторъ не зараженъ никакимъ «философскимъ предрасудкомъ» и не «удаляется въ область неизвѣстнаго изъ-за удовольствія тамъ быть». Во-вторыхъ, авторъ предъявляетъ читателю «протоколъ опыта». Изучивъ на самомъ себѣ

¹ Маленькое замѣчаніе переводчицамъ «Слова»: они ужасно любятъ слово «свой», вѣроятно опасаясь, какъ бы читатель не подумалъ, что дѣйствующія лица ходятъ чужими ногами, подбѣгаютъ къ чужому брату и прижимаютъ его къ чужой груди. Опасеніе, кажется, совсѣмъ напрасное.

и на своихъ отношеніяхъ къ брату Жюлю механизмъ дружбы и художественнаго сотрудничества, онъ затѣмъ выбираетъ для своихъ дѣйствующихъ лицъ особую среду и особыя положенія и показываетъ какъ они въ этой средѣ и въ этихъ положеніяхъ дѣйствуютъ.

Однако, не точно ли такъ поступаютъ и всѣ другіе романисты и поэты, не претендующіе на титулъ экспериментаторовъ и неполучающіе его отъ глашатаевъ новой формулы романа? Тургеневъ и Рафаиль Зотовъ, Викторъ Гюго и Достоевскій, Зола и Гоголь, развѣ не одинаково «ставятъ своихъ героевъ въ условія, которыхъ сами остаются хозяевами» и не изучаютъ предварительно «механизмъ фактовъ»? Безъ сомнѣнія, изучать они могутъ хорошо и дурно, тщательно и небрежно, придумывать «условія» могутъ подходящія и неподходящія. Это — особъ статья, но собственно въ принципѣ все они одинаково производятъ «опыты» въ томъ малоосмысленномъ значеніи, которое придаетъ этому слову Зола. Что же касается таинственной «области неизвѣстнаго и «философскихъ и религіозныхъ предразсудковъ», то ее понять довольно мудро. Кажется, шекспировскія вѣдьмы и выходцы съ того свѣта должны быть отнесены именно сюда. Если такъ, то не будемъ говорить о Шекспирѣ, подняться до котораго всѣмъ экспериментаторамъ вмѣстѣ будетъ, впрочемъ, много потрудитѣ, чѣмъ гениальному Нелло вспрыгнуть на высоту четырнадцати футовъ сквозь деревянную бочку, а вѣдь и онъ, бѣдный, обломалъ себѣ ноги. Не будемъ говорить о Викторѣ Гюго, кажется, главнымъ изъ подсудимыхъ, привлеченныхъ къ суду экспериментаторами. Но вотъ хоть бы Гюставъ Флоберъ, котораго Зола провозгласилъ когда-то величайшимъ изъ современныхъ французскихъ писателей и самымъ виднымъ изъ реалистовъ. Флоберъ написалъ «Искушеніе св. Антонія», въ которомъ фигурируютъ и дьяволъ, и символическія животныя, и всякая чертовщина. Но Зола не осудилъ за это Флобера, а напротивъ, превознесъ «Искушеніе» до небесъ. Правъ Зола въ этомъ частномъ случаѣ или нѣтъ, для насъ все равно. Но значитъ, и экспериментаторы не чужды фантастическихъ рамокъ, обусловленныхъ религіозными и философскими предразсудками. Въ «Братьяхъ Земганно» этого не замѣтно, но можно найти не мало *ме* экспериментаторовъ, тоже обходящихся безъ чертовщины.

Спрашивается, въ чемъ же состоитъ типическая особенность «Братьевъ Земганно», какъ произведенія экспериментальной школы? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ своеобразномъ отношеніи къ задачамъ искусства. Отношеніе это достаточно характеризуется уже выборомъ художественной профессіи для братьевъ Земганно. Есть что-то наивно-кощунственное въ готовности Гонкура перенести свои отношенія къ брату на взаимныя отношенія двухъ клоуновъ. Тутъ не въ дружбѣ дѣло, которая, разумѣется, можетъ связывать и клоуновъ, и романистовъ, а въ томъ, что интересный фактъ многолѣтняго литературнаго сотрудничества братьевъ

Гонкуровъ уподобленъ акробатическому сотрудничеству братьевъ Земганно. Гонкуръ, не колеблясь, говорить о художественномъ гениѣ братьевъ Земганно и о величии искусства кувыряться черезъ голову, даже не подозрѣвая, что этимъ сближеніемъ онъ не клоуновъ поднимаетъ до поэтовъ, а напротивъ, поэтовъ низводитъ до уровня клоуновъ. До сихъ поръ прозвище акробата, клоуна, могло быть только кровной обидой для литератора въобще, для художника-литератора въ особенности, потому что въ этомъ прозвищѣ сказывался упрекъ въ готовности работать единственно для развлечения праздной толпы, жаждущей пикантныхъ и головоломныхъ «штукъ», «туровъ». Клоунъ ломается передъ публикой, негольшо забывая свое достоинство, но всячески его терзая и нанося ему раны и безобразнымъ парикомъ, и блестями штовскаго костюма, и нелѣпыми прыжками, и готовностью принять примѣрную пощечину или отшибить себѣ спину какъ бы неловкимъ паденіемъ на земь. Все это клоунъ готовъ принять и перенести, лишь бы разсмѣшить публику и добиться насмѣшливыхъ аплодисментовъ, въ которыхъ больше презрѣнія, чѣмъ одобренія. Акробатъ-гимнастъ стоитъ какъ бы ступенькой выше: онъ не хохота ищетъ и не хохотъ возбуждаетъ, а удивленіе, даже извѣстное сочувствіе, не тогда, разумѣется, когда передъ началомъ и послѣ окончанія «тура» дѣлаетъ безобразный традиціонный жестъ «ручкой», а когда рискуетъ жизнью единственно для того, чтобы доставить праздной толпѣ нѣсколько мгновеній жестокого удовольствія, состоящаго въ напряженномъ состояніи нервовъ. Но нѣтъ, кажется, надобности распространяться объ томъ, что и онъ служитъ самымъ низменнымъ инстинктамъ зрителей. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если сказать художнику, что онъ клоунъ или акробатъ, значило до сихъ поръ нанести ему тяжкую обиду. Но вотъ одинъ изъ самыхъ видныхъ «экспериментаторовъ» переворачиваетъ все это наизнанку. И это гораздо характернѣе для школы, чѣмъ всѣякобы ученія разсужденія Эмиля Золя. Это—только неудачныя попытки ощупью искомого теоретическаго оправданія, даже простая блага; а то само разумнѣе цѣлей и задачъ искусства, разумнѣе живьемъ, въ дѣйствіи.

Читатель замѣтилъ, можетъ быть, что изъ всего громаднаго арсенала «новѣйшихъ наукъ». Золя упоминаетъ только законы наследственности и вліянія среды. Это объясняется очень просто. Когда-то, еще отнюдь не помышляя стать въ ряды «научныхъ» дѣятелей, Золя задумалъ серію романовъ подъ общимъ заглавіемъ «Ругоны-Макары». Задача была въ томъ, чтобы изобразить исторію семейства, отпрыски котораго попадаютъ въ различныя условія, но сохраняютъ все-таки нѣчто родственное. Точнѣе говоря, это была не задача—задачей она стала уже потомъ, а пустая рамка, но рамка, чрезвычайно удобная, въ которую ловкій романистъ можетъ вставить рядъ картинъ, имѣющихъ для читателя непрерывный и притомъ двойной интересъ новизны

и старого знакомства. Въ качествѣ рамки она уже не разъ и употреблялась романистами (напримѣръ, Евгениемъ Сю), но, какъ и всякая рамка, она не предопредѣляла содержанія романа. Вставивъ въ нее нѣсколько талантливо написанныхъ картинъ изъ временъ второй имперіи, тогда всѣхъ занимавшей своимъ безпримѣрнымъ паденіемъ, Зола имѣлъ успѣхъ. Успѣхъ, кромѣ извѣстнаго таланта автора, обусловливался еще тщательностью работы. Этимъ, надо отдать справедливость «экспериментаторамъ», всѣ они болѣе или менѣе отличаются, и можно удивляться, напримѣръ въ «Братьяхъ Земганно», массѣ труда и времени, которую Гонкуръ долженъ былъ затратить на изученіе акробатической техники. Но вотъ, по мѣрѣ того, какъ росъ успѣхъ Эмиля Зола, онъ и самъ все росъ въ своимъ собственныхъ глазахъ и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день, возмнилъ, что онъ призванъ сдѣлать совершенно противоположное и не логичное превращеніе искусства въ науку. Какъ тотъ молеровскій герой, который не зная, что онъ всю жизнь говоритъ прозой, Зола не зная, что онъ въ «Ругонъ-Макарахъ» примѣняетъ законы наследственности и вліянія среды. А когда узналъ, то съ большою рѣшительностью и во всеуслышаніе объявилъ, что иво дба его фиговое дерево произрастаетъ. И въ самомъ дѣлѣ это было фиговое дерево, то есть нѣчто такое, чему законами природы отведено свое мѣсто, съ которымъ лобъ художника не имѣетъ ничего общаго. Зола былъ бы совершенно правъ, еслибы объявилъ, что въ устройствѣ рамки для «Ругонъ-Макаровъ» намѣренъ держаться «новѣйшихъ наукъ», которыя, дескать, я и буду изучать. Оставаясь въ предѣлахъ законовъ наследственности, отчего художнику не примѣнить къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ законъ, напримѣръ, атавизма, то есть, отчего ему не вложить въ правнука характерныхъ чертъ прадыда, видоизмѣнивъ ихъ, согласно условіямъ времени и мѣста? Дѣло очень законное и, главное, очень простое, слишкомъ простое, чтобы по поводу его колебать небо и землю и толковать о переворотѣ въ искусствѣ. Но Зола не говорить, что онъ намѣренъ только усвоить истины «новѣйшихъ наукъ» и утилизировать ихъ въ романѣ по мѣрѣ силъ и умѣнья. Онъ утверждаетъ, что «экспериментаторы» создадутъ и создаютъ «научное знаніе» при посредствѣ «опыта». Это—чистый вздоръ, разумѣется, чистая бляга, неимѣющая никакого прямаго вліянія на дѣйствительный ходъ творчества «экспериментаторовъ». Рамка, слетенная на основаніи законовъ наследственности и вліянія среды, остается рамкой, а картина въ нее вставляется та, которую тотъ или другой экспериментаторъ можетъ написать при своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи и при своей наблюдательности и талантѣ. Но бляга можетъ имѣть большое и совсѣмъ нехорошее косвенное вліяніе.

Возьмемъ хоть бы тѣ же законы наследственности и представимъ себѣ, что три художника, А, В и С, рѣшили ими воспользовать-

ся въ романѣ. При этомъ первые двое, не имѣя между собой ничего общаго по своимъ нравственнымъ и политическимъ идеаламъ, сходятся въ томъ, что берутъ законы наслѣдственности только для опредѣленія рамки романа, послѣдній же хочетъ ихъ утилизировать въ качествѣ содержанія, въ качествѣ непосредственной задачи романа. *A* — наивный республиканецъ. Сообразно этому, онъ даетъ намъ образъ пламеннаго республиканца временъ первой революціи, въ которомъ впервые разбурена ненависть ко всякимъ привилегіямъ и монополіямъ. Это направленіе пламеннаго темперамента повторяется въ сынѣ перваго республиканца въ 1848 г. и во внука въ настоящее время. Другіе члены семейства, обладая тѣмъ же темпераментомъ, бросаются подъ влияніемъ среды, въ военную дѣятельность временъ Наполеона I и въ пакости второй имперіи и тамъ нравственно и даже физически растлѣваются. Все это осложняется, разумѣется, любовными интригами, драматическими коллизіями между родственниками, пожалуй даже хоть подборомъ родичей. *B* — бонопартистъ. Онъ совсѣмъ иначе понимаетъ дѣло, и поэтому, взявъ даже ту же самую серію родственниковъ въ исходящей и боковыхъ линіяхъ, дастъ картину совершенно иного содержанія, хотя вставленную въ ту же самую рамку. Наконецъ, *C* — просто благѣрь. Онъ говоритъ: не мое дѣло казнить и миловать, судить и рѣдить кого-нибудь съ точки зрѣнія нравственныхъ или политическихъ идеаловъ. Я — ученый, химикъ, анатомъ, «протоколистъ», я наблюдаю факты и дѣлаю опыты. Я просто полагаю, что законы наслѣдственности распространяются и на психическую дѣятельность человѣка, и такимъ образомъ добуду «научное знаніе». Сообразно этому, онъ... Трудно, впрочемъ, сказать, что онъ сдѣлаетъ, сообразно этому ни съ чѣмъ несообразному рѣшенію, ибо міръ Божій великъ, фактовъ въ немъ безчисленное множество, «опытовъ» можно натворить тоже безчисленное множество, прослѣдить дѣйствіе наслѣдственности можно на каждомъ шагу, хотя бы даже въ такой формѣ: жилъ былъ танцмейстеръ, большой любитель своего искусства, женился онъ на кухаркѣ, тоже любительницѣ; жили они счастливо и родили сына, который уже пяти лѣтъ подрывивалъ ножками польку-мазурку; но, получивъ отъ отца хорошее наслѣдство, онъ не нуждался въ отцовской профессіи, а напротивъ, попалъ въ высшій свѣтъ, плѣвивъ своимъ наслѣдственнымъ талантомъ одну прелестную маркизу; однако, въ дочери, родившейся отъ этого брака съ маркизой, то есть, во внука танцмейстера и кухарки, проснулись наклонности бабушки: она съ малыхъ лѣтъ все кашу варила. Если романистъ не дастъ ничего, кромѣ этого остова романа, а только размажетъ его тщательнѣйшимъ описаніемъ подробностей танцевальнаго и кулинарнаго искусства, такъ это будетъ романъ, можетъ быть, и экспериментальный, но ужъ, навѣрное, вполне бессмысленный. Романистъ можетъ явить въ немъ необычайныя познанія по части хореографической и га-

строномической техники, онъ можетъ вполне безукоризненно примѣнить законы наслѣдственности, но никто же не скажетъ, что онъ дастъ «научное знаніе о человѣкѣ». А такъ какъ именно въ этомъ, по словамъ романиста-блягѣра, состояла его цѣль, то всякій пойдетъ искать научнаго знанія тамъ, гдѣ его въ самомъ дѣлѣ можно найти, а романъ прочтеть такъ себѣ, для развлечения, для того же, для чего ходятъ смотрѣть акробатовъ и клоуновъ.

Безъ сомнѣнія, бляга не всеяльна. Здоровые инстинкты, пробиваясь изъ-подъ нея, спасали до сихъ поръ самого Зола отъ роли клоуна, хотя въ его мелкихъ рассказахъ, входящихъ время отъ времени въ «Парижскія письма», можно найти вещи, очень близко подходящія къ роману: жилъ былъ танцмейстеръ и женился на кухаркѣ. Есть у него, напримѣръ, рассказъ объ томъ, какъ одинъ молодой человѣкъ наставилъ рога старику и сдѣлалъ его женѣ ребенка въ то самое время, когда старикъ объѣдался устрицами, въ надеждѣ, что эта пища возбудитъ его дѣтородную способность. Пожалуй, и для этого рассказа можно придумать рамку изъ цвѣтовъ «новѣйшихъ наукъ», можно, напримѣръ, поблагировать насчетъ законовъ дѣторожденія. Но на самомъ дѣлѣ, какихъ ни измышляй пружинъ, чтобъ мужу буйю ухитриться, а истина должна открыться. Истина же состоитъ въ томъ, что это просто пикантный рассказъ на стародавнюю тему женскаго грѣхопаденія; рассказъ, эксплуатирующій самыя низмѣнные инстинкты читателей, которые въ сущности съ такимъ же интересомъ слѣдятъ за исторіей стараго рогоносца и его молодой жены, съ какими зрители слѣдятъ за кунштюками гимнаста и балаганствомъ клоуна. Если тутъ и есть разница, то она отнюдь не въ пользу романиста; романистъ владѣетъ болѣе могучимъ орудіемъ, чѣмъ мускулы гимнаста, и, значить, съ него больше спрашивать можно. Въ сущности подъ всѣми этими толками о наукѣ, «опытѣ» и тому подобнымъ прекраснымъ вещамъ скрывается простая распушенность. Люди не имѣютъ строго опредѣленныхъ нравственныхъ и политическихъ идеаловъ и, вмѣсто того, чтобы потрудиться надъ выработкою ихъ, говорятъ: намъ ничего этого и не нужно, мы ученые, мы создаемъ науку о человѣкѣ. А такъ какъ въ этомъ смыслѣ одинаково интересны, одинаково достойны изученія и клоунъ, и Наполеонъ III, и герой «Брюха Парижа», и старый рогоносецъ, объѣдающійся устрицами, то романисты распускаютъ себѣ возжи или, еще точнѣе, играютъ роль тѣхъ малыхъ и элементарно развитыхъ животныхъ, которые не сами ходятъ за добычей, а пассивно ловятъ все, что принесетъ къ нимъ волной. Попадется вторая имперія — прекрасно, но можетъ попасться и пошлѣйшая исторія стараго рогоносца, объѣдающагося устрицами, и исторія братьевъ Земганно: все перемелется жерновами экспериментальнаго романа и изъ всего мука выйдетъ. Такая распушенность въ выборѣ предметовъ художественнаго воспроизведенія, разумѣется, от-

нюдь не выкупается тщательностью, съ которою экспериментаторы изучаютъ разъ намѣченный предметъ. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были познанія въ этомъ родѣ и хотя бы, напри- мѣръ, Гонкуръ, для вящаго изученія гимнастики, самъ кувыр- кался на трапеціи и надѣввалъ клоунскій парикъ, объ «научномъ знаніи человѣка» тутъ серьезнаго разговора быть не можетъ.

Но если толки экспериментаторовъ о добываемомъ ими науч- номъ знаніи представляютъ просто блягу, пустословіе, то не об- наруживаютъ ли, по крайней мѣрѣ, наши романисты того болѣе скромнаго, но болѣе приличествующаго искусству знанія человѣ- ческаго сердца, которое выражается сильнымъ вліяніемъ на чи- тателя? C'est selon, какъ говорятъ французы. Вѣдь и клоунъ удачнымъ, то есть хохотъ вызывающимъ фарсомъ показываетъ, что онъ знаетъ человѣческое сердце или, по крайней мѣрѣ, сердце посѣтителей цирка. Если поэтому напримѣръ, Зола, въ вышепомянутомъ разсказѣ объ устрицахъ, старомъ мужѣ и моло- дой женѣ, разсчитывалъ вызвать въ читателѣ улыбку, да кое- какіе скабрѣзные помыслы, то онъ, вѣроятно, достигъ своей цѣли и тѣмъ самымъ показалъ, что знаетъ человѣческое сердце. Од- нако, это знаніе таково, что объ немъ приличнѣе сказать: вотъ человѣкъ, который знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Въ этомъ смыслѣ какой-нибудь Бело съ своей «Огненной женщиной» долженъ быть поставленъ гораздо выше Зола. Не объ этомъ, разумѣется, зна- ніи рѣчь идетъ. Мы знаемъ, что, напримѣръ, Жоржъ Зандъ, каковы бы ни были въ другихъ отношеніяхъ ея талантъ и по- этическая манера, умѣла съ такою силою предъявлять, «объекти- вировать» свое задушевное, что оно становилось вмѣстѣ съ тѣмъ задушевнымъ многаго множества читателей и читательницъ. Ко- нечно, это зависѣло не только отъ глубокой вѣры автора въ это свое задушевное, а и отъ тонкаго знанія струи, которыя надо затрогивать въ душѣ читателя, чтобы произвести впечатлѣніе. Такъ вотъ любопытно было бы знать, въ какой мѣрѣ обладаютъ «экспериментаторы» этимъ знаніемъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что «Братья Земганно»—одно изъ самыхъ задушевныхъ произведеній экспериментальной школы вообще и Гонкура въ особенности. Но пусть же читатель, от- рѣшившись отъ внѣшняго интереса фабулы романа, попробуетъ опредѣлить, какое впечатлѣніе онъ вынесъ изъ этой трогатель- ной исторіи двухъ клоуновъ. Всѣ люди, всѣ человѣки, въ томъ числѣ и клоуны. И площадному гаеру не чужда возможность страшной, потрясающей драмы, и гимнастъ можетъ являть об- разцы высокаго. А тутъ Гонкуръ еще всѣми силами старается внушить намъ уваженіе къ героямъ, не только украшая ихъ до- стоинствами ума и сердца, но возводя еще ихъ въ санъ худож- никовъ. Чтò же выходитъ на дѣлѣ? Какого эффекта достигаетъ авторъ? Напримѣръ, этотъ гениальный Джіанни, который въ каж- дую свободную минуту вертитъ стулья и ставитъ бутылки вверхъ дномъ—развѣ это, въ концѣ-концовъ, не уморительнѣйшая фл-
Т. ССXLVI.—Отд. II.

тура, способная возбудить только смѣхъ? Гонкуръ выбивается изъ силъ, чтобы возбудить сочувствіе къ Джіанни, сидящему въ позѣ мыслителя, изобрѣтателя, пожираемаго своей идеей, но никакъ не удается автору вселить въ читателя свое собственное отношеніе къ честолюбивому акробату, и даже когда этотъ человѣкъ предается одиночной и тайной «черезголовницѣ» и затѣмъ въ порывѣ самоотверженія отказывается отъ любимаго искусства—насъ разбираетъ все-таки только смѣхъ и смѣхъ. А когда Нелло ломается передъ Томпкинсъ 'и, напримѣръ, «на одной изъ своихъ вывороченныхъ ногъ, точно на гитарѣ, исполняетъ передъ красавицей любовный романсъ», такъ это выходитъ не только не художественно, какъ думаетъ Гонкуръ, а просто-на-просто омерзительно.

А, между тѣмъ, Гонкуръ, безъ сомнѣнія, человѣкъ талантливый. Почему же его не вывозитъ ни талантъ, ни тщательность работы? Потому что онъ самъ, акробатъ, потому что онъ относится къ своему дѣлу совершенно такъ же, какъ относится добросовѣстный гимнастъ, въ родѣ Джіанни, къ своему. Онъ въ сущности совершенно правъ, когда воплощаетъ свой собственную и брата своего Жюля жизнь въ формѣ жизни братьевъ Земганно. Въ принципѣ, это кощунство, поруганіе и олеваніе поэзіи, но для «экспериментаторовъ» это не кощунство, а наивная правда. Со стороны, однако, такое уподобленіе поэзіи и ремесла клоуновъ остается все-таки смѣшнымъ или возмутительнымъ.

Смѣшно или возмутительно не то, что герои романа—акробаты, что они мечтаютъ о славѣ, любятъ, самоотвергаются. Все это въ порядкѣ вещей. И даже въ «Братьяхъ Земганно» можно найти два-три эпизода, въ которыхъ акробаты, являясь героями драмы, не возбуждаютъ однако ни смѣха, ни негодованія. Но эти эпизоды не касаются главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Когда еще былъ живъ отецъ братьевъ Земганно, въ труппѣ участвовалъ великанъ и силачъ Рабастанъ, глупое животное, которое умѣло только ѣсть и играть мускулами. Когда труппа пріѣзжала въ какой-нибудь городъ или мѣстечко, она вызывала мѣстныхъ жителей помѣряться силой съ Рабастаномъ на пари. Рабастанъ всегда побѣждалъ и доставлялъ труппѣ не малый доходъ. Но вотъ однажды, къ великому ужасу всей семьи акробатовъ, Рабастана повалилъ взаимный имъ на бой мельникъ. «Труппа еще не вышла изъ оцѣпенѣнія, потрясенная и приниженная, какъ вдругъ раздался канальски-лукавый голосъ клоуна, публично крикнувшаго ошеломленному Геркулесу, что онъ черезчуръ сильно обнималъ одну грязную женщину въ ночь, предшествовавшую единоборству... Страшный ударъ повалилъ клоуна на землю... Клоунъ сказалъ правду. Дѣйствительно, атлетъ, до сихъ поръ бывший влюбленнымъ только въ ѣду, внезапно воспыла въжностью къ одной женщинѣ, которую таскалъ за собой и которой приносилъ въ жертву значительную часть своихъ силъ. Печальнѣе всего для артиста и труппы въ этомъ пораженія было

то, что онъ совершенно убилъ въ немъ сознание своего превосходства, что онъ потому былъ побѣжденъ еще два или три раза, и что съ этого времени онъ впалъ въ нѣмое отчаяніе и меланхолическую увѣренность, что его сила заколдована, и ничѣмъ нельзя было уговорить его совершить хотя одинъ изъ прежнихъ подвиговъ».

Другой эпизодъ. Отецъ братьевъ умеръ, дѣла шли плохо, и Джіанни рѣшилъ продать весь свой сценическій инвентарь, чтобы ухититься и подняться вмѣстѣ съ Нелло со ступеньки бродячихъ балаганщиковъ на высшую. Покупатель нашелся, дѣло сдѣлано, Джіанни возвращается къ себѣ домой. «У входа въ балаганъ стояла Колотушка (примадонна) и поджидала его. Въ послѣднее время онъ уже нѣсколько разъ замѣчалъ, что она хочетъ ему что-то сказать, но когда нужно было говорить, она глотала слова.—«Наконецъ, это вы, мосье Джіанни... Васъ долго не было сегодня... Я хотѣла...» — И она остановилась и потомъ произнесла въ смущеніи: «Короче, вотъ въ чемъ дѣло... говорить, что дикія женщины теперь въ модѣ... что это приноситъ хорошій доходъ... И я уже справлялась, какъ это онѣ ѣдятъ мясо... Ничего особенно гадкаго, знаете, нѣтъ въ сырыхъ цыплятахъ... Къ тому же мнѣ нечего важничать... И для васъ я готова съѣсть ихъ сколько угодно... Даже сигары...»—Джіанни посмотрѣлъ на нее. Колотушка покраснѣла и съвоею черноту ея загорѣлаго лица блеснула лучъ нѣжнаго чувства, которое она питала къ молодому антрепренеру, глубоко затанувъ его на днѣ своей души. Бѣдная дѣвушка, побуждаемая этою любовью и не находя другого средства поддержать падающія дѣла фирмы, подавила въ себѣ горделивое чувство примадонны, такъ какъ пляска на канатѣ доставляла ей первенствующее положеніе въ труппѣ, и соглашалась, въ порывѣ этой высокой самоотверженности, занять самую низкую ступеньку на лѣстницѣ профессіи акробатовъ: пожрательницы живыхъ куръ».

Казалось бы, радости и горести, вообще душевная жизнь такого глупаго животнаго, какъ Рабастанъ, и такой распутной бабенки, какъ Колотушка, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что волнуетъ братьевъ Земганно: тамъ лучезарный ореолъ искусства, а здѣсь скотскія ласки и готовность жрать живыхъ куръ. На дѣлѣ, однако, выходитъ наоборотъ. Рабастанъ и Колотушка—акробаты низшаго разбора, такъ сказать, черныя искусства, работающая изъ-за куска хлѣба. Но вы навѣрное не засмѣетесь, читая приведенные эпизоды, а напротивъ, съ интересомъ и участіемъ будете слѣдить за отчаяніемъ Рабастана, лишенаго возможности по прежнему «работать» изъ-за того, что въ немъ наконецъ проснулось что-то человѣческое, хотя и облеченное въ скотскую форму, и за дѣйствительно трогательнымъ самоотверженіемъ Колотушки. Эти эпизоды не возбуждаютъ въ васъ смѣха, именно, потому что Рабастану и Колотушкѣ отведено настоящее мѣсто. Въ ихъ печальной судьбѣ вы видите

суровый приговоръ ихъ жалкому и презрѣнному ремеслу, которое такъ уродуетъ человѣка, что даже лучшія его качества получаютъ какую то обдерганную, общипанную форму; видите приговоръ и всему тому порядку, который создаетъ жранье живыхъ куръ изъ-за куска хлѣба.

Значить, смѣшно не то, что братья Земганно фигурируютъ въ качествѣ героев романа. Смѣшно то, что на нихъ брошенъ свѣтъ самодовлѣющаго искусства, въ себѣ самомъ несущаго свою цѣль и оправданіе. Колотушка жретъ живыхъ куръ. Это понятно, это даже возвышенно, ибо она практикуетъ свое «искусство» не ради него самого, не ради того, чтобы возбудить удивленіе праздной толпы, а, во-первыхъ, для того, чтобы жить, и во-вторыхъ, для того, чтобы поправить дѣла любимаго человѣка. Цѣль не въ жраньѣ куръ, это жранье есть только средство для достиженія иныхъ цѣлей, изъ которыхъ одна, по крайней мѣрѣ, законна, а другая самоотверженна. Не Колотушкина вина въ томъ, что она можетъ достигать этихъ цѣлей только такимъ презрѣннымъ средствомъ, какъ ея «искусство»: она — ни въ чемъ неповинная *sancta simplicitas*. Другое дѣло — братья Земганно. Въ ихъ исторіи, съ тѣхъ поръ, какъ они бросили отцовскій балаганъ, ни разу не упоминается вопросъ о пропитаніи. Онъ давалъ себя безъ сомнѣнія знать, но Гонкуръ имѣлъ безтактность скрыть эту сторону дѣла, полагая вѣроятно тѣмъ самымъ возвысить братьевъ и ихъ искусство. Нивакихъ иныхъ цѣлей братья Земганно тоже не преслѣдуютъ, что уже самою профессіей ихъ опредѣляется. Они исполняютъ черезголовницу для черезголовницы и арабскій прыжокъ для арабскаго прыжка. Ихъ искусство замыкается въ самомъ себѣ и не порождаетъ ничего высшаго. Въ этомъ имѣтъ ничего удивительнаго. На то они и акробаты. Но, увѣнчавъ ихъ лаврами художества, Гонкуръ нетолько сдѣлалъ ихъ смѣшными, а показалъ, кромѣ того, что самъ онъ, пиша «Братьевъ Земганно», смотрѣлся въ зеркало. Его собственное искусство, поэзія, романъ для него тоже въ самомъ себѣ замыкается. Золѣ скажетъ, что это неправда, что изъ «Братьевъ Земганно» истекаетъ научное знаніе человѣка. Но, такъ какъ это — одно пустословіе, то можно съ увѣренностью сказать, что изъ «Братьевъ Земганно» ровно ничего не происходитъ. И вотъ почему романъ этотъ въ цѣломъ не будитъ въ читателѣ ничего, кромѣ смѣха, хотя авторъ думалъ возвести своихъ клоуновъ въ перлъ созданія.

III.

Мнѣ остается слишкомъ мало времени и мѣста, чтобы подробно говорить о романѣ Крестовскаго-псевдонима «Баритонъ». Къ счастью, цѣль предлагаемыхъ замѣтокъ и не требуетъ такой подробности: я не думаю разбирать «Баритона».

Эго — произведеніе не блестящее. Отъ него исходить только такой ровный, мягкій, пріятный, не рѣжущій глазъ свѣтъ, ка-

кой даетъ рабочая лампа подъ абажуромъ. Главный недостатокъ романа состоитъ въ неумѣренной идеализаціи бурса: семинаристы Крестовскаго-псевдонима почти всѣ такъ умны, такъ добродѣтельны, цѣломудренны, такъ жаждутъ просвѣщенія и такъ любить семинарію, мѣсто своего воспитанія, что еслибы мы даже не знали «Бурса» Помяловскаго, пришлось бы усомниться въ вѣрности такого *trou de fleur*. Главное достоинство романа состоитъ въ теплой тенденціи и въ пониманіи задачъ искусства, каковое пониманіе, какъ и въ «Братьяхъ Земганно», выражается не только практически, самимъ романомъ, а и теоретически затрогивается его фабулой. Крестовскій-псевдонимъ тоже немножко смотрѣлся въ зеркало, когда писалъ «Баритона».

Архіерейскій пѣвчій, обладающій изъ ряда вонъ выходящимъ голосомъ («баритонъ») и талантомъ, случаемъ наталкивается на хорошую женщину, госпожу Майцову. Хорошая женщина пригравляетъ молодого бурсака, нѣсколько дней, застѣнчиваго, неотшлифованнаго и будитъ дремящія въ немъ зачатки хорошихъ мыслей и чувствъ. Стараніями ея дѣло налаживается такъ, что бурсакъ долженъ ѣхать въ Петербургъ для довершенія своего артистическаго образованія, но нѣкоторыя печальныя особенности «кутейнической» среды не даютъ осуществиться этому плану. «Баритонъ», только-что разбуженный къ свѣту, радости и простору, умираетъ чуть не прямо отъ отчаянія, что эти райскія двери, на минуту передъ нимъ открытыя, вдругъ захлопываются.

Такова фабула романа. Читатель видитъ, что и здѣсь, какъ въ «Братьяхъ Земганно», герой романа—художникъ, мечтающій объ артистической карьерѣ. Но Гонкуръ даетъ намъ какихъ-то фантастическихъ царей искусства и не даетъ ни единого слова сужденія ихъ средѣ, даже не пытается реабилитировать ее, до такой степени онъ увѣренъ въ ея великолѣпнн и правомѣрности ея положенія. (Эпизоды въ родѣ исторіи Рабастана и Колотушки вкраплены мимоходомъ и относятся только ко времени площаднаго поприща братьевъ Земганно, а съ тѣхъ поръ, какъ они продали свой балаганъ и стали давать представленія въ циркахъ, все было добро зѣло). Крестовскій-псевдонимъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Правда, какъ уже замѣчено, товарищи и начальники «баритона» болѣею частью слишкомъ хороши, слишкомъ идеальны. Но этой неумѣренной идеализаціей авторъ, въ сущности, какъ бы говоритъ: посмотрите, вѣдь это люди, превосходные люди; за что же вы гоните и оскорбляете ихъ, за что отгоняете ихъ отъ чаши жизни своими предрасудками и своимъ неумѣніемъ устроить сносный общественный порядокъ? Ради этого укорованнаго вопроса и производится вся неумѣренная идеализація: авторъ превозноситъ людей, а не среду, не положеніе, какъ это дѣлаетъ Гонкуръ. И послѣдняя лесть, конечно, гораздо горше первой. Горячія рѣчи госпожи Майцовой въ защиту права «кутейниковъ» на свѣтъ и простору и тяжелое раз-

думье на эту тему Ивановскаго (такъ зовутъ баритона) многимъ могутъ показаться теперь уже тавтологиями. Но вѣдь роману двадцать лѣтъ, и авторъ все-таки совершенно справедливо говоритъ въ коротенькомъ предисловіи: «Баритонъ» писанъ въ 1857 году. Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось въ обществѣ и въ той средѣ, откуда взятъ романъ; но, какъ бы ни были велики внѣшнія перемѣны, за ними стоятъ еще цѣлые ряды укоренившихся понятій, обычаевъ, матеріальныхъ преградъ, которыя не такъ скоро допускаютъ минувшее сдѣлаться *только* воспоминаемъ».

Ясно во всякомъ случаѣ, что авторъ написалъ романъ не для того, чтобы разсказать анекдотъ объ одномъ архіерейскомъ пѣвчѣмъ, не для того, чтобы доставить читателю мимолетное развлеченіе и просто приковать его вниманіе къ различнымъ туръде-форсамъ беллетристики. Авторъ нисколько не скрываетъ не только отъ себя, но и отъ читателей, что хочетъ произвести на нихъ давленіе въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ. Онъ пожалуй тоже дѣлаетъ «опытъ», но не для той негнѣвой и, собственно говоря, мнимой, никѣмъ не практикуемой цѣли, чтобы добыть путемъ романа научное знаніе. Авторъ производитъ опытъ надъ читателемъ; онъ хочетъ знать, можно ли этого читателя расшевелить изображеніемъ загубленной, забитой, приниженной жизни. Нашему автору опытъ удался, но онъ могъ бы и не удался, и это все-таки ничего не говорило бы противъ такой постановки вопроса о цѣляхъ и задачахъ искусства. Неудача свидѣтельствовала бы только о слабости таланта, а не о невѣрности замысла, тогда какъ, при «экспериментальномъ» пониманіи задачи романа, талантъ Гонкура ничего не выведетъ.

Само собою разумѣется, что если самъ авторъ такъ понимаетъ свою художественную задачу, то это пониманіе должно отразиться и на личности героя романа, тоже художника. Гонкуръ вложилъ братьямъ Земганю свое пониманіе, Крестовскій-псевдонимъ долженъ вложить Ивановскому свое. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. И баритонъ, подобно Джіанни, мечтаетъ о славѣ, и его манитъ подняться къ высшимъ ступенькамъ искусства. Но какая разница! Въ самыхъ пылкихъ своихъ мечтахъ Джіанни не выбивается изъ закодированнаго круга трапецій и вверхъ дномъ поставленныхъ бутылокъ, который созданъ для него усердіемъ Гонкура. Передъ баритономъ, напротивъ, Майцова распахнута на одно мгновеніе истинно райскія двери: тамъ, за этими дверями, юному семинаристу рисуется залитое ослѣпительнымъ блескомъ пространство, которое онъ хочетъ не только наполнить своимъ пѣніемъ и музыкой, но въ которомъ намѣчаются для него, пока еще смутными и неопредѣленными чертами, «счастье и свобода, широкій путь, разумный трудъ». Эта неопредѣленность мечты вполне приличествуетъ юному, только что разбуженному бурсаку, но онъ уже знаетъ цѣму счастья и свободы, широкаго пути и разумаго труда. Онъ лихорадочно набирается знаній, роется въ книгахъ, горько раздумывается надъ

своимъ и своихъ братьевъ по духу положеніемъ и временами прорывается уже у него бурный протестъ. Еслибы его не подкосила злая судьба и онъ попалъ бы въ Петербургъ, ему пришлось бы вѣроятно пережить много разочарованій. Очень можетъ быть, что онъ забросилъ бы и свое пѣніе и музыку, потому что для Ивановскаго, какъ и для Крестовскаго, искусство не есть самодовлѣющая цѣль, а только средство. Но сѣмена добра и правды остались бы и дали бы цвѣтъ и плодъ.

Таковъ «опытъ» Крестовскаго-псевдонима. *Этотъ* опытъ дорогого стоитъ, и, значить, «не хвально намъ искать правды» у экспериментаторовъ, которые такъ смахиваютъ на шутовъ гороховыхъ.

Н. М.

ПЕРВОЕ ЮНЯ. — ПЕРВОЕ ЮЛЯ.

ПЕРВОЕ ЮНЯ.

Мая совсѣмъ не было. Не знаю, какъ это случилось, но только, проснувшись 1-го юня, я убѣдился, что припоминать, а стало быть и писать—не объ чемъ.

ПЕРВОЕ ЮЛЯ.

Почти весь юнь я посвятилъ семейнымъ радостямъ.

Это было утромъ; часовъ около двухъ раздался звонокъ.

Выхожу; вижу, въ гостиной расположилась дамочка. Маленькая, но уже слегка отяжелѣвшая, рыхлая; съ мягкими, начинающими расплываться чертами лица, съ смѣющимися глазками, съ пышно взбитымъ бѣлокурымъ ореоломъ вокругъ головки. Но сколько было намотано на ней всякихъ дорогихъ ветошекъ—это ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Вѣроятно, она не меньше трехъ часовъ сразу охорашивалась передъ цѣлымъ сочетаніемъ зеркалъ, прежде нежели явиться во всеоружіи. При моемъ появленіи, дамочка устремилась ко мнѣ, но, вида, что я ее не узнаю, остановилась въ горестномъ недоумѣніи.

— Cousin! стало-быть, я очень подурнѣла, если ты меня не узнаешь! вылетѣло горестное восклицаніе изъ ея крѣпко сжатой корсетомъ груди.

И въ одинъ мигъ, двѣ крошечныя слезки затуманили крошечные глазки.

Да, это была Nathalie. Все та же маленькая, съ тѣмъ же вопрошающимъ и какъ бы изумленнымъ личикомъ, съ тѣми же порывистыми, почти необъяснимыми тѣлодвиженіями. Та же да и Т. CCXLVI.—Отд. II.

та. Чтò же, однако, случилось съ нею? Точно кто-нибудь, проходя мимо этой еще не такъ давно тому назадъ свѣже-нарисованной картинки, неосторожно задѣлъ рукавомъ и слегка затушевалъ слишкомъ мягкія очертанія.

— Nathalie! голубушка моя! Ну, разумѣется... разумѣется, это ты! воскликнулъ я въ умиленіи:—но какъ ты могла подумать, что подурнѣла! Подурнѣла... ты!

Двѣ новыя слезки блеснули въ крошечныхъ глазахъ, но это были ужъ слезки радости.

— Нетолько не подурнѣла, продолжалъ я:—но даже удивительно какъ похорошѣла! Пополнѣла, выраженіе какое-то приобрѣла... Ахъ, милая, милая! наконецъ!

Она жадно вслушивалась въ мои похвалы и, вся переполненная счастіемъ, крѣпко сжимала мою руку.

— А помнишь, cousin, какъ мы однажды заблудились въ саду, въ куртінѣ? Какой ты былъ тогда... дурной! вдругъ совсѣмъ неожиданно вспомнила она, и—о неисповѣдимыя глубины женскаго сердца!—кажется, даже застыдилась.

Это произошло ровно тридцать-два года тому назадъ. Ей было съ небольшимъ пятнадцать лѣтъ (почти невѣста), мнѣ—двадцать три года. Въ то время, я былъ ужаснѣйшій сорви-голова—просто, какъ говорится, ничего святого. Увижу хорошенькую дамочку или дѣвочку и сейчасъ же чувствую, какъ все внутри у меня поѣтъ: rien n'est sacré pour un sauteur! Я помню, я гостилъ у tante Babette (такъ звали Наташину маман, тоже куколку); однажды, гуляя съ Наташей по дорожкамъ сада, мы бѣгали, перегоняли другъ друга и, бѣгая и перегоняясь, все забирали влѣво да влѣво. И вдругъ очутились Богъ знаетъ гдѣ, въ совсѣмъ дикомъ мѣстѣ, среди четырехъ кустовъ...

— Гдѣ мы? спросила Наташа взволнованная.

Я помню: я обнялъ ее, поцѣловалъ, погладилъ по головкѣ, и... вывелъ на правый путь! Однако, весь остальной день послѣ этого, Наташа хедила нѣсколько томная и удивительно-удивительно мѣжная...

Я думалъ, что она давно объ этомъ забыла, какъ забылъ и я самъ, а оказывается, что она помнила, всегда помнила. И не только помнила, но хранила секретъ, не говорила ни маман, ни мужу, штабсъ-ротмистру Неугодову. О, благодарное женское сердце! Только ты можешь съ такимъ благоговѣйнымъ упорствомъ хранить память о заблужденіи среди четырехъ кустовъ!

И теперь, какъ тогда, я обнялъ ее, поцѣловалъ и погладилъ по головкѣ—все какъ тогда. И, обнимая, чувствовалъ, какъ на моей груди чуть слышно поскрипываетъ ея корсетъ...

— Милая, милая! повторялъ я въ восхищеніи:—о, еслибы!..

Я хотѣлъ сказать: о, еслибы мнѣ не было пятидесяти пяти лѣтъ! но вспомнилъ, что ежели изъ пятидесяти-пяти вычтешь восемь, то это все-таки составитъ ровно сорокъ семь лѣтъ, возрастъ очень и очень не маленькій—и замолчалъ.

— У кого ты заказываешь корсеты? спросилъ я ее.

— У Lavertujon, Paris, rue... N... заспѣшила она: — а что?

— Изумительный!

— Ахъ, ты не можешь себѣ представить, какіе это корсеты! Я совсѣмъ-совсѣмъ не чувствую, есть ли на мнѣ корсетъ или нѣтъ!

— Изумительно! Но все-таки скажу: охота вамъ, такимъ «душкамъ», кирасирскіе доспѣхи на себя надѣвать!

— А ты все такой же дурной, какъ тогда... помнишь?

Она опять застыдилась и пригрозила мнѣ пальчикомъ. Я не выдержалъ, поймалъ этотъ пальчикъ и поцѣловалъ... Душка-пальчикъ! плутишка-пальчикъ!

Я вспомнилъ окончательно... все какъ было. Вспомнилъ и смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Да, это она, это моя «куколка», несмотря на то, что пополнила и налилась больше, чѣмъ нужно, чтобъ быть à point. Она никогда и не переставала быть куколкой, а только постепенно зрѣла и, наконецъ, совсѣмъ постѣла, сдѣлалась куколкой, вполне сформировавшеюся, способной переносить воажи и даже нѣкоторыя — конечно, небольшія — огорченія. Въ послѣдній разъ, какъ мы видѣлись, въ ней все еще замѣчались признаки чего-то несовершеннаго, сдѣланнаго на живую нитку. Но теперь ничего подобнаго уже не было: нитки отъ времени заплыли, все уставилось на своемъ мѣстѣ, улеглось. Вышла куколка на диво, съ отвѣтомъ безъ починки на сколько угодно лѣтъ.

И что всего пріятнѣе, у этихъ куколокъ всегда всѣ принадлежности въ уменьшительномъ. Нѣтъ ни руки, ни ноги, ни носа, ни рта, а ручка, ножка, носикъ, ротикъ. Это дѣлаетъ рѣчь чрезвычайно учтивою. И притомъ: ручка-душка, ножка-плутишка, носикъ-цыпца, ротикъ-розанчикъ. А грудь — такъ это даже сказать нельзя, что это такое! Точь въ точь малюсенькое гнѣздышко, въ которомъ сидятъ два бѣленькихъ голубчика и тихонько подъ корсетомъ трепещутся! Ахъ!

— А помнишь, Наташа, воскликнулъ я: — какъ, бывало, твой Simon возьметъ тебя въ охапку и унесетъ невѣдомо куда... знаешь ли, вѣдь это было отчасти даже скандально!

— Ахъ, не вспоминай... я такъ была тогда счастлива!

И опять двѣ слезки.

— А ты какъ? спохватилась она: — все такой же... дурной?

Очевидно, что лексиконъ ея былъ не разнообразенъ. Но и это опять-таки мило. Она знаетъ, что она куколка, и что les messieurs любятъ куколокъ совсѣмъ не за лексиконъ. Они любятъ, потому что они... дурные. Это слово запало въ ея голову, и она повторяетъ его, какъ повторяла и ея куколка-шатап. Они дурные, но вмѣстѣ съ тѣмъ они и милые, хотя объ этомъ не принято говорить, а можно только по секрету думать. И шатап ея по секрету такъ думала, и въ доказательство, что les messieurs бываютъ и милые, большая куколка.

произвела на свѣтъ маленькую куколку. Дурные и милые — весь кругъ ея мыслей тутъ, а въ тоже время и весь лексиконъ. Ужели это не трогательно?

— Ну, что обо мнѣ говоритъ! отвѣтилъ я: — нѣтъ, ты лучше вотъ что скажи: гдѣ ты это платьеце шила?

— У Worth... я всегда у него весь туалетъ дѣлаю. Ахъ, онъ такой милый! Et gentleman — jusqu'au bout des ongles! Когда онъ снимаетъ мѣрку, я всегда хохочу. А тебѣ нравится это платье?

Она инстинктивно встала, подошла къ зеркалу, посмотрѣлась спереди, отошла, потомъ повернулась, опять отошла, оглянулась и поправила свади складочку.

— Не правда ли, хорошо?

— Восхитительно!

— И что ужасно приятно: я почти совсѣмъ не чувствую, что я одѣта. А впрочемъ, это достается не легко, потому что онъ (Worth) ужасно какъ строгъ! Когда онъ снимаетъ мѣрку или примѣриваетъ — это цѣлый урокъ... Онъ командуетъ. à la lettre командуетъ. Представь себѣ, не позволяетъ дышать: *tâchez de ne plus respirer... parfaitement! oui, c'est ça!* Приказываетъ принимать всевозможныя позы: *mélancholique, suppliante, impérieuse...* заставляетъ поднимать руки... И это... иногда безъ рукавовъ!

— Ахъ!

— Да, и мнѣ ужасно было въ первый разъ страшно. Но потомъ привыкла — и ничего!

— Ну, а перчатки гдѣ берешь?

— Перчатки — у Voiviv, шляпки — у Coralie. Ну, посмотри, развѣ можно сказать, что это — шляпка?

Она опять подошла къ зеркалу и повернулась передъ нимъ.

— Какая это шляпка! Это — воздушное безе! Это «шпанскіе вѣтры»... помнишь, у васъ былъ поваръ Кузьма — какъ онъ отлично «шпанскіе вѣтры» приготавливалъ!

— Ахъ, Simon такъ любилъ это пирожное!

— И это пирожное, и тебя...

— Нѣтъ, онъ любилъ еще Милэди! помнишь, у насъ рыженькая лошадка была, еще я верхомъ всегда на ней ѣздила? Еще однажды я такъ неловко свалилась?

— Помню, помню! Стало быть, три вещи Simon любилъ: «шпанскіе вѣтры», кобылку и тебя. Все вмѣстѣ это составляетъ ваши семейные *les rioux souvenirs!* Но ножки твои, Наташа? Я непременно хочу твою ножку видѣть!

Она слегка сжалась, молвила: ахъ, ты все такой же... дурной! но ножку все-таки показала... Ахъ, это была ножка!

— Прелесть! воскликнулъ я отъ глубины души: — и какъ обу-та — восхищенье!

— Да, но это ужъ не въ Парижѣ, замѣтила она очень серьезно: — туфли и ботинки мнѣ Теодоръ отсюда присылалъ, отъ Auclair.

— Вот какъ! Чтожь, впрочемъ, это и резонно. Я и самъ: вино отъ Раудя беру, но балыки... о, балыки непременно надо въ Москвѣ на монетномъ дворѣ покупать... янтарь!

Упоминовеніе о балыкѣ, повидимому, подѣйствовало на нее возбуждительно, потому что она инстинктивно потеряла ручкой корсетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ даже у куколокъ предполагается желудочекъ. Куколка куколкой, а покусать тоже хочется!

— Покусать захотѣлось? спросилъ я:—пожалуйста, не перемошся! приказывай!

— Да... крылышко... если можно! прошептала она стыдливо.

— Зачѣмъ крылышко? котлеточку? бифштекчу?

Я поспѣшно распорядился и, черезъ полчаса, мы уже сидѣли за столомъ.

— Наташа! какъ тебѣ угодно, а я сяду поближе, рядышкомъ. Помнишь, какъ въ тотъ день? Утромъ, мы заблудились, а за обѣдомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣли рядышкомъ.

— И ты... ахъ какой ты тогда былъ!

— Сорви-голова? Гм... я и теперь... А впрочемъ, нѣтъ — что ужъ теперь! Самая малость во мнѣ теперь осталась, да и то больше въ родѣ какъ напоминаніе...

— Ахъ, бѣдненькій!

— Да, но тогда... тогда я дѣйствительно... Большихъ усилій мнѣ стоило, чтобъ вывести тебя... на правый путь! Ахъ какія это были минуты!

Наташа глубоко-глубоко вздохнула, потомъ вдругъ приподнялась и поцѣловала меня въ лобъ.

— Это тебѣ зато, что ты помнишь... дурной!

— Нетолько это помню, но даже и еще многое вспомнилъ. Помнишь, въ тотъ день у васъ за обѣдомъ подавали супъ-разсолъникъ изъ цыплятъ, и маман положила тебѣ въ тарелку пупочикъ?

— Ахъ, я обожала пупочки!

— Да, ты любила ихъ, но, несмотря на это, зная, что я тоже люблю пупочки и повинуюсь влеченію сердца, ты взяла и переложила пупочекъ въ мою тарелку... я никогда, никогда этого не забуду!

— Но знаешь ли ты, что маман замѣтила это и послѣ обѣда ужасно меня забранила?

— Ужели? и ты скрыла отъ меня это?

— Зачѣмъ говорить! Я знала, что это тебя огорчить.

— Изъ-за меня пострадала! Нѣтъ, воля твоя, а я не могу. Я еще разъ поцѣлую тебя за это!

И поцѣловалъ.

Такимъ образомъ, пролетѣло полчаса; но къ концу этого срока les rioux souvenirs начали истощаться. Истощались, истощались и вдругъ совсѣмъ иссякли. Былъ даже такой страшный моментъ, когда мнѣ показалось, что я зѣвнулъ. Къ счастью, Наташа не замѣтила моей невѣжливости, потому что она въ это

время отвернулась... тоже чтобы зѣвнуть. Но вдругъ она оживилась.

— А вѣдь я объ чемъ-то собиралась тебя попросить... ахъ, какая я глупенькая! объ главномъ-то чуть-чуть не позабыла! Ты Филосою Иваныча помнишь?... ахъ, ну да того самаго Филосою Иваныча, который при Теодорѣ былъ воспитателемъ?

— Длинный такой?

— Совсѣмъ онъ ужъ не такой длинный... ты всегда, cousin, преувеличиваешь! Конечно, у него ростъ...

— Ну, словомъ сказать, того, съ которымъ покойный Simon однажды распорядился...

— И это ты преувеличиваешь: совсѣмъ это не такъ было. Конечно, Филосою Иванычъ былъ тогда дурной, а я ничего не понимала и пожаловалась... Впрочемъ, Simon былъ всегда къ нему несправедливъ... Ah! les hommes sont si méchants!

Она остановилась, и на этотъ разъ ужъ не двѣ, а ровно четыре слезинки выкатились изъ ея глазокъ.

— Ну, не огорчайся, душа моя, вѣдь я пошутить! постарался я утѣшить ее: — говори же, что нужно тебѣ для Филосою Иваныча?

— Ты знаешь, какъ много наше семейство ему обязано. Даже Simon — и тотъ отдавалъ ему справедливость. Такъ что, ежели Теодоръ имѣетъ христіанскія правила, то это именно только благодаря ему.

— Ну-съ, такъ чѣмъ же я могу быть ему полезнымъ?

— Нельзя ли, голубчикъ, какъ-нибудь устроить его при вашей литературѣ!

— Какъ это — при литературѣ?

— Ну, да, мѣсто какое-нибудь... ты это можешь, cousin! онъ говорилъ мнѣ, что ты все, все можешь!

— Развѣ онъ пишетъ?

— Ахъ, онъ ужасно пишетъ! онъ цѣлый день, цѣлый день пишетъ! и даже одинъ самъ съ собою декламируетъ! Нѣкоторое онъ и мнѣ читалъ... право, нисколько не хуже «Бѣдной Лизы»... Голубчикъ! прочти!

При этой просьбѣ, les pieux souvenirs окончательно исчезли. Мнѣ вдругъ показалось, что я очутился въ какомъ-то темномъ складѣ, гдѣ грудями навалены куколки, куколки, куколки безъ конца. Отличныя куколки, лучшія въ своемъ родѣ. Одѣты — прелесть; ручки, ножки, личики, грудки — восторгъ; даже звуки какіе-то издаютъ, дѣлаютъ иѣкоторыя несложныя движенія головкой, глазами. Словомъ сказать, люблю изъ нихъ посадить бы въ гостиную и любовался бы, какъ она глазки заводитъ. И вдругъ, одна изъ куколокъ встаетъ и говоритъ: покажите, пожалуйста, какъ мнѣ пройти въ литературу! это я не для себя прошу... фи! а для Филосою Иваныча! И при этомъ начинаетъ лепетать: «Бѣдная Лиза», «Марьяна Роца», «Сарепта», «Вадимъ»... Куколка, куколка! да вѣдь ты картонная! какъ это язычекъ твой выговорилъ:

ли-те-ра-ту-ра? — Ахъ это не я, это Филоея Иванычъ... Какъ тутъ быть? Начать объяснять, что литература есть нѣчто серьёзное и совсѣмъ не кукольное — не повѣрить; доказывать, что «Бѣдная Лиза» не представляетъ достаточнаго мѣрила для сравненія — не пойметъ...

Но тѣмъ-то именно и сильны куколки, что онѣ ничего не понимаютъ. И ежели при этой силѣ непониманія, найдется мудрецъ, который овладѣетъ ею и добьется, что куколка что-нибудь затвердитъ, то она, въ пользу этого затверженнаго, способна будетъ на всякіе доступные куколкѣ подвиги. Будетъ съ утра до вечера повторять одно и тоже слово, будетъ сердиться, ронять слезки, жаловаться на судьбу. И непремѣнно, въ концѣ-концовъ, чего-нибудь добьется: если не прямо несообразность какую-нибудь вынудить сдѣлать, то заставитъ наобъщать съ три короба, налгать.

— Послушай, Наташа, неужели ты не знаешь, что литература — это своего рода республика, въ которой такихъ мѣстъ, куда бы можно было «пристроить», не полагается? спросилъ я вмѣсто отвѣта.

Я нарочно употребилъ такой оборотъ рѣчи, чтобъ она не сразу могла понять. Я думалъ: надо ее поразить чѣмъ-нибудь помудренѣе, заставить ее сначала прислушаться, постараться заучить. Она заучить, перескажетъ Филоею, и, разумѣется, перевертъ. Выйдетъ сначала одно недоразумѣніе, потомъ еще недоразумѣніе, потомъ десятки, сотни недоразумѣній — смотришь, анъ время-то и прошло. Однаковожъ, она даже и этой преспетивы меня лишила.

— Значить, вакансій въ эту минуту нѣтъ? воскликнула она съ неподдѣльною горестью.

— Нетолько въ эту минуту... ахъ, пойми меня, ради Христа! ни въ эту, ни въ другую минуту, никогда вакансій не полагается! Отъ природы ихъ нѣтъ.

— Ахъ, ты меня обманываешь!

— Да нѣтъ же! если мнѣ не вѣришь, кого хочешь спроси. Ну, Теодора.

— Теодоръ, напротивъ, говорить, что у васъ безпрестанно мѣста открываются. Да это такъ и должно быть, потому что какъ же иначе, безъ подчиненныхъ, вы книжки бы издавали!

— Да очень просто; напишетъ кто-нибудь съ воли хорошую вещь ее и печатаютъ.

— Ахъ, такъ вѣдь у него — много! Онъ цѣлый большой сундукъ съ собою привезъ!

— Ну, вотъ ты ему и скажи: пускай принесетъ. Конечно, не сразу весь сундукъ, а понемножку.

— И ты сейчасъ ему жалованье положишь?

Мнѣ вдругъ надоѣло. Мнѣ даже показалось, что совсѣмъ это не куколка, а просто замоскворѣцкая тетѣха, которая дремлетъ и во снѣ верѣвки вьетъ.

— Ну, да! назначу! назначу! крикнулъ я, чтобъ какъ-нибудь покончить.

Однакожь, мой тонъ огорчилъ ее.

— Вотъ ты и разсердился! пролепетала она сквозь слезки: — сейчасъ былъ милый, а теперь... дурной! А я все-таки тебѣ благодарна. Хотя разсердился, а доброе дѣло сдѣлалъ. И я доброе дѣло сдѣлала... хотъ и разсердила тебя.

Съ этими словами, она встала и начала прощаться.

— Ну, до свиданія, мой родной. Благодарю, что побаловалъ. За все, за все благодарю вообще... И за себя, и за Теодора, и за Филоею Иваныча.

— Чтожь ты заспѣшила! скажи, по крайней мѣрѣ, что предполагаешь дѣлать лѣтомъ? вѣдь Монрепѣ-то ужъ нѣтъ?

— Да, ужъ нѣтъ! И какъ мнѣ было грустно, еслибы ты зналъ, когда Теодоръ написалъ, что наше милое Монрепѣ продано... Вѣдь тамъ мой добрый, милый Simon...

Опять les rievux souvenirs. И слѣзки, счетомъ двѣ.

— Теперь тѣснимся какъ-нибудь у Теодора, а тамъ... Скучно у васъ, cousin! Нѣтъ, чтѣ ни дѣлайте, а все-таки не Парижь! Нѣтъ, ты представь себѣ: Парижь, да если при этомъ Henri Cinq—вѣдь это что-то волшебное!

— Ну, этого-то, пожалуй, не дожدهшься!

— Нѣтъ, это непременно будетъ. Вообрази себѣ, какой однажды со мной случай былъ. Стою я въ la Chapelle и молюсь. И вдругъ— сама не знаю какъ—запѣла: Vive Henri quatrel vive ce roi vert-galant! И съ тѣхъ поръ я вѣрю, что французы когда-нибудь одумаются и обратятся къ Henri Cinq.

— А покуда, тебя за пѣнье, конечно, au violon?

— Нѣтъ, тамъ на это сквозь пальцы смотреть. Не знаютъ, что будетъ впереди, ну, и пропускаютъ. А, не правда ли, какая прелестная пѣсенка? Впрочемъ, и Marseillaise... quel chant grandiose!

— Ты, конечно, и Марсельезу пѣла?

— Я, cousin, все пѣла. Однажды я даже Паризьену пѣла въ честь герцога Омальскаго.

— Прекрасно; такъ и надо. Любезность—прежде всего. Впрочемъ, чтожь мы о пустякахъ болтаемъ; скажи-ка лучше, довольна ли ты Теодоромъ?

— Я — счастливейшая изъ матерей. Теодоръ — сокровище! Представь себѣ, отдалъ мнѣ свою комнату, а самъ съ Филоеемъ Иванычемъ расположился на бивакахъ въ кабинетѣ. Но знаешь ли чтѣ! мнѣ кажется, онъ черезчуръ ужъ усерденъ. Все докладываетъ. Безпрестанно, съ утра до глубокой ночи все докладываетъ. Утромъ, часовъ въ десять, придетъ ко мнѣ, пока я еще въ постелѣ, я его благословлю—и исчезнетъ на цѣлый день.

— За то и превознесенъ будетъ.

— Да, онъ пойдетъ; кажется, это одно его и поддерживаетъ. Филоею Иванычъ такъ объ немъ выразился: хотя нынѣ для Теодора Семеныча и не безъ труда, но за то сколь сладко будетъ впоследствии держать въ своихъ рукахъ судьбы возлюбленнаго

отечества! Вотъ какъ Филоею Иванычъ говорить! и точно такъ писать.

— Прекрасно.

— Очень рада, что тебѣ понравилось, потому что отъ тебя теперь все зависитъ. А какъ онъ читаетъ! Особливо описанія какія-нибудь: вѣтеръ, бурю—все такъ и слышишь! Ахъ, только бы ты ему жалованье поскорѣе назначилъ!

— Постарайся, мой другъ. Да что ты все объ Филоеѣ Иванычѣ! тебѣ то у насъ скучно—вотъ что меня беспокоитъ!

— Нѣтъ, я не скучаю. Отъ тебя къ Auclair поѣду, отъ Auclair къ Andrieux, потомъ еще куда-нибудь. А вечеромъ Теодоръ обѣщаль насъ въ Зоологическій садъ свозить, ежели успѣетъ отдѣлаться.

— А вчера что дѣлали?

— Вчера отдыхали. Утромъ я все спала, а вечеромъ купили картъ и съ Филоеемъ Иванычемъ въ вистъ съ двумя болванами играли. Только считать ужасно трудно.

— Еще бы! Но ты не церемонься! ежели скучно, то прѣзжай ко мнѣ, а не то такъ и просто пришли за мной. Я и въ Демидовъ садъ, и въ Ливадію, и на Крестовскій... Только вотъ Филоею Иванычъ... неужто и онъ будетъ участникомъ нашихъ экскурсій? ну, зачѣмъ онъ намъ?

— Cousin! ты ужасно, ужасно, ужасно... дурной!

— То есть, милый, хотѣла ты сказать?

— И дурной, и милый... Помнишь, тогда? А какъ меня шапъ забранила! Я цѣлыхъ три дня думала, что я... погибшая! Ну, такъ до свиданія; спѣшу къ Auclair! непременно, непременно за тобой пришло! милый!

Она три раза поцѣловала меня, и вдругъ—не могу даже представить себѣ, что ей вообразилось—перекрестила меня и сказала: вотъ такъ! Потомъ въ прыжку побѣжала по направленію къ передней, и, не добѣжавъ, опять остановилась.

— Ахъ да! и забыла... cousin, не можешь ли ты...

Сердце у меня такъ и похолодѣло: сейчасъ, думаю, денегъ попросить. Однако, на этотъ разъ обошлось благополучно. Какъ истинная куколка, она постояла немного, и, не досказавши начатаго, продолжала:

— Нѣтъ, впрочемъ, это когда-нибудь послѣ. Такъ до свиданія, голубчикъ!

И черезъ минуту, она уже дѣйствительно спускалась по лѣстницѣ.

Цѣлыхъ дѣй недѣли послѣ этого я провелъ въ чадѣ безумныхъ удовольствій. По нѣскольку разъ перебывалъ и въ Демидронѣ, и въ Ливадіи, и на Крестовскомъ и даже въ Баваріи. Но Единику не видалъ ни разу. Повидимому, онъ былъ очень доволенъ, что свалилъ на меня обузу развлекать и увеселять Наташу и своего бывшего воспитателя, и являлся домой только ночевать. Но

мнѣ эти удовольствія стоили массу денегъ, издерживать которыхъ я, по родственному, обязывался безъ ропота.

Въ это же время, я долженъ былъ возиться и съ Филоосемъ Дроздовымъ и выслушивать вроткія напоминанія Наташи относительно скорѣйшаго пріисканія ему мѣста въ литературѣ. Очень скоро, весь чеходагъ произведеній Филооса Иваныча очутился у меня на квартирѣ. Тутъ были: и «Мысли у подножія памятника Минину и Пожарскому», и «Ночь съ милой въ лѣсу» романъ въ двухъ главахъ, и «Не стая вороновъ слеталось, или Ай да нигилисты!» водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Разумѣется, ничего этого я не читалъ и не намѣренъ былъ читать, но Дроздовъ все таскалъ, все таскалъ, и, наконецъ, совсѣмъ обратилъ мою квартиру въ свиной хлѣвъ.

Однимъ словомъ, никогда я такъ несносно, глупо-хлопотливо не проводилъ времени.

И вотъ, однажды, вечеромъ, когда мы втроемъ наслаждались въ Демидронѣ, Nathalie отвела меня въ сторону и сдѣлала странное признаніе.

— Cousin, сказала она: — у меня есть секретъ, который я должна тебѣ сообщить.

— Ахъ, голубушка ты моя! куколка да еще съ секретомъ — вѣдь это прелесты!

— Нѣтъ, не шути этимъ! это секретъ... ахъ, это очень, очень важный секретъ!

— Въ чемъ же дѣло? скажи! не мучь!

— Я хочу...

Она остановилась и крѣпко сжала мою руку, на которую опиралась, словно требуя, чтобы я, сильный человѣкъ, защитилъ ее, слабенькую куколку, противъ нея самой.

— ... выйти замужъ, прошептала она, наконецъ, потупляя глаза.

Я думалъ, что я сплю. Не знаю почему, но среди цѣлой массы предположеній о путяхъ, коими Провидѣніе ведетъ куколокъ, именно одно это никогда не приходило мнѣ въ голову.

— За кого? спросилъ я, однакожъ.

Она вздрогнула и показала глазами на Дроздова, который въ эту самую минуту всѣмъ своимъ рыломъ такъ и впился въ дѣвицу Филиппо.

— Фединька знаетъ объ этомъ?

— Нѣтъ, покуда... Впрочемъ, я и не спѣшу ему объявить. Знаешь ли, мнѣ кажется, что онъ будетъ противъ этого брака?

— И мнѣ тоже кажется.

— Но вѣдь я — мать! Я знаю, что дѣти должны почитать своихъ родителей. Наконецъ, я не обязана сыну отчетомъ. И ежели понадобится, то знаю какъ нужно поступить.

— Неужели ты захочешь скандала?

— Ахъ нѣтъ! какой ты! Я просто попрошу, чтобъ его посадили въ смиренный домъ, покуда онъ не раскается.

Я взглянул на нее, думая, не прочту ли что-нибудь на ее лицѣ. И чтожь!—ничего! куколка, ну, просто куколка—и ничего больше.

— Чѣмъ же вы будете жить?

— Мы рассчитываемъ на тебя, cousin. Когда ты все прочитаешь, что Филсеей Иванычъ тебѣ передалъ, и положишь ему жалованье, мы найдемъ маленькую квартирку и сождемъ тамъ себѣ гнѣздышко.

Во второй разъ я подумалъ, что сплю. Со страхомъ, почти съ ужасомъ смотрѣлъ я на нее, а она, между тѣмъ, продолжала:

— Я знаю, что ты очень большого жалованья на первый разъ дать не можешь—мы и не ждемъ этого. Но тысячи двѣ-три... пожалуйста, три! подумай какъ мнѣ будетъ трудно! Ахъ, я ничего, ничего не умѣю! Никогда я не занималась этимъ, а теперь надо будетъ вездѣ самой. И заказать обѣдъ, et les provisions, et la viande, et la blanchisseuse, et les frotteurs... enfin tout, tout, tout! Конечно, Филсеей Иванычъ будетъ меня руководить, но все-таки представь: вездѣ сама!

Я молчалъ въ нѣмомъ изумленіи, а она все ворковала, перескакивая отъ одной хозяйственной статьи къ другой. И наконецъ, заключила:

— Теперь ты понимаешь, почему я такъ тороплю тебя на счетъ жалованья. Ахъ, это такъ насъ устроитъ!

Такимъ образомъ, къ прежней массѣ пустяковъ прибавились еще новые. Но пустяки имѣютъ ужасную силу, особливо родственные. Возвратившись домой, я чуть не растопталъ «Ночь съ милрой въ лѣсу» и положительно до бѣлаго дня проворочался съ боку на бокъ, передумывая, предупредить ли Фединьку или не предупреждать.

Наконецъ, я рѣшилъ предупредить. Можетъ быть, думалось мнѣ, какъ-нибудь и обойдется. Онъ объяснится, убѣдитъ, найдетъ средство устранить Филоею... Всплакнетъ куколка, выронитъ двѣ слезки, ну, четыре, ну, шесть—и все пройдетъ.

Руководясь этими мыслями, я отправился въ одиннадцать часовъ утра въ то мѣсто, гдѣ онъ обыкновенно докладываетъ. Онъ былъ уже тамъ и сейчасъ же вышелъ ко мнѣ, нѣсколько изнуренный непосильнымъ трудомъ, но не побѣжденный и ни мало не унывающий. Въ короткихъ словахъ я объяснилъ ему суть вчерашняго разговора съ Наташей.

— Я давно это угадывалъ, сказалъ этотъ получившій христіанскія правила молодой человекъ, ни мало не смутившись моимъ рассказомъ.

— Но что же ты предполагаешь дѣлать?

— Ровно ничего. Если это устраиваетъ шатап... съ Богомъ...

— Однако, чѣмъ же они будутъ жить?

— Они все рассчитываютъ на какое-то жалованье, которое будто бы имъ обѣщали...

— Да вѣдь это, наконецъ, сказка! вѣдь это волшебное представленіе какое-то!

— Я ничего не знаю и ни во что вмѣшиваться не желаю. J'en ai jusqu'ici (онъ рѣзнулъ себя ладонью по горлу)! Я даже не понимаю, какъ я могу дѣлами заниматься среди этого хаоса.

— Вполнѣ раздѣляю твои затрудненія, но все-таки не понимаю, почему ты не хочешь вмѣшаться въ это дѣло. Согласись, что оно слишкомъ близко касается тебя и что ежели Наташа въ самомъ дѣлѣ выполнить свой нелѣпый прозекъ...

— Ну, вѣтъ-съ, это не такъ-съ. Покуда папаша носитъ имя моего отца, я, конечно, обязана... Вы, впрочемъ, сами знаете, сколько жертвъ я принесъ и даже теперь, въ настоящее время, приношу... Но разъ, что она сдѣлала une mésalliance—это ужъ особая статья! Какъ ей угодно, но я тутъ ни при чемъ!

— Но отчего бы тебѣ не устроить этого дѣла тихимъ манеромъ? Ты очень хорошо понимаешь, что всѣ эти надежды на жалованье, которое будто бы я могу назначить Дроздову — все это миражъ... Но ты—вѣдь ты можешь! Отчего бы тебѣ не пристроить Филосою? ежели тебѣ кажется не совсемъ ловкимъ выпросить для него что-нибудь въ Петербургѣ, то можно бы сплавить въ провинцію...

— Человѣкъ, который сочиняетъ «Ночь съ милой въ лѣсу» — благодарю покорно!

— Можно будетъ его уговорить, чтобъ онъ пересталъ. Право, мой другъ, въ провинцію? а!

— Представьте себѣ, не могу!

— Да почему же?

— Во-первыхъ, потому что я далъ себѣ слово никогда ни за кого не просить (мнѣ самому объ себѣ впрочемъ хлопотать, прибавилъ онъ въ скобкахъ), а во-вторыхъ, знаете ли вы, какія у него претензіи? двѣ-три тысячи! и притомъ скорѣе три, нежели двѣ! вѣдь такіе оклады въ провинціи получаютъ ужъ, такъ сказать, начальство! Это Дроздовъ-то — начальникъ!

Однимъ словомъ, какъ я ни убѣждалъ, Фединька пребылъ непреклоненъ. Затѣмъ, мнѣ ничего другого не оставалось, какъ пустить это дѣло на волю судьбы.

И дѣйствительно, развязка не заставила себя долго ждать.

Дни проходили за днями, и Nathalie начала уже показывать признаки нѣкоторой раздражительности по случаю моей медленности. Мало по малу, сталъ показывать ко мнѣ и Филосою Дроздовъ, сначала — просто «посидѣть», а потомъ и «за справочками». Во время этихъ собесѣдованій, мнѣ удалось, наконецъ, понять, что его не столько соблазняетъ авторская слава съ ея скудными матеріальными прерогативами, сколько карьера редактора.

— Наслышавъ я, говорилъ онъ:—будто бы нынѣ многія изданія нуждаются въ редакторахъ, и будто бы таковыми мѣстамъ присваивается приличествующее содержаніе. Такъ вотъ еслибы вы походатайствовали...|

Онъ мгновенно взвивался во весь ростъ и мгновенно же пре-
ломляясь пополамъ, касаясь рукой до земли.

— Помилуйте, Филосеей Иванычъ! передъ кѣмъ же я буду хо-
датайствовать? пробоваль я возражать.

— Передъ подлежащими лицами, всеконечно. Нынѣ благона-
дежныя лица рѣдки, потребность же въ такихъ ощущается... А
я бы, въ случаѣ надобности, и прикрыть кой-что могъ. Въ жур-
наль или газетѣ, напримѣръ. Иное что-нибудь и вольнѣнько на-
писано, но коль скоро высшему начальству извѣстно, что редак-
торъ здраваго ума человѣкъ, то оно и на вольныя прегрѣшенія,
яко на невольныя, благомилостивымъ окомъ взглянетъ.

— Конечно, это хорошо. Но все таки надо, чтобъ гдѣ-нибудь
требовался вольнонаемный редакторъ, а я такихъ случаевъ не
предвижу.

— Стало быть, не предвидите-съ?

— Да, не предвижу.

— Ну, а относительно произведеній моихъ—какъ вы думаете,
какую цѣну за нихъ можно получить?

Я долго уклонялся отъ положительнаго отвѣта, но наконецъ,
убѣдився, что надежда какъ-нибудь отмолчаться и ускользнуть—
есть мнѣ. И вотъ, въ одно прекрасное утро я вынужденъ былъ
открыть печальную истину.

Въ тотъ же день, сумдукъ съ произведеніями Дроздова исчезъ
изъ моей квартиры, и затѣмъ, дня три или четыре сряду, ни
онъ, ни Nathalie не заглянули ко мнѣ.

Я началъ уже поемножку успокаиваться, какъ вдругъ, въ са-
мый Петровъ день—звонокъ. Сердце мое тревожно забилося: это
она, это Nathalie! Она, съ упрекомъ на устахъ, она, съ глазами,
полными слезъ, она, незнающая, куда ей дѣвать этого длиннаго,
длиннаго Филосея, который увязался за ея шлейфомъ и никакъ
отцѣпиться не хочетъ.

Дѣйствительно, это была она, но—о чудо!—нетолько не него-
дующая и не тоскующая, но опять та же милая, несравненная
куколка, какою я видѣлъ ее при первомъ нашемъ свиданіи послѣ
ея пріѣзда изъ-за границы. Только платьице другое надѣла, но
кажется, еще лучше, шикарнѣе прежняго.

Опять мы поцѣловались и опять выступили на сцену les riens
souvenirs. Какъ мы заблудились, какъ она украдкой бросила
мнѣ въ тарелку пупочекъ. Объ Филосеей ни полслова, какъ будто
его на свѣтѣ не было. Даже желудочекъ опять ручкой потеряла
(плутовка замѣтила, что движеніе это понравилось мнѣ) и по-
просила покушать.

И вдругъ...

— Cousin! не можешь ли ты... ахъ, я вѣчно все перепутаю...
не можешь ли ты на короткое время меня ссудить...

— Сколько тебѣ нужно?

— Вотъ видишь ли, нашъ курсъ началъ поправляться... и

даже очень-очень поправился... Такъ мнѣ совѣтовали воспользо-ваться этимъ... тысячи двѣ—можно?

Скажите по совѣсти: можно ли было устоять противъ просьбы, выраженной въ такой прелестной формѣ? Но, кромѣ того, и еще: Nathalie хочетъ воспользоваться поправкой курса и только поэтому занимается; но что если она сообразитъ, что курсъ еще больше можетъ поправиться, да на этотъ случай еще тысячи двѣ накинеть? Нѣтъ, лучше отдать прямо, по первому слову. Такъ я и поступилъ. Вспомнилъ, что у меня въ бюро лежать совсѣмъ ненужныя двѣ тысячи рублей, открылъ ящикъ и отсчиталъ деньги Наташѣ.

Но когда я все это выполнилъ—вообразите мой испугъ! Не успѣлъ я замкнуть бюро и повернуть лицо свое, чтобы принять благодарно-родственный поцѣлуй, какъ въ комнатѣ уже не было никого. Въ одинъ мигъ, Nathalie исчезла, словно растаяла въ воздухѣ...

На другой день утромъ я получалъ отъ Ѳединьки письмо:

«Мама, возвратись отъ васъ, сейчасъ же собралась и уѣхала за границу вмѣстѣ съ извѣстнымъ лицомъ. Не знаю, что изъ этого выйдетъ, но теперь я, по крайней мѣрѣ, дѣломъ заниматься свободно могу».

А вечеромъ—телеграмма.

«Остановилась на сутки въ Псковѣ. Счастлива. Великодушный другъ! благодарю. Nathalie Drozdoff».

Я не удержался, побѣжалъ къ Ѳединькѣ, и передалъ ему телеграмму, въ особенности указавъ на то, что Наташа подписалась на ней уже Дроздовой.

— Ну, и прекрасно! воскликнулъ онъ: — по крайней мѣрѣ, теперь...

И какъ молодой человѣкъ, обладающій христіанскими правилами, набожно перекрестился.

На другой день, 1-го іюля, я проснулся утромъ въ самомъ радостномъ настроеніи духа. Я всему былъ радъ: и тому, что мнѣ не придется ѣхать въ Демидронъ, и тому, что мои двѣ тысячи косвеннымъ образомъ послужили для поддержанія основъ... Но больше всего тому, что въ теченіи цѣлаго іюня со мной не случилось никакой «внутренней политики».

Нето.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., противъ Гостиного Двора, № 46.

БЫВШІЙ А. И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова.

За послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

Забѣлна, И. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ч. 2-я. М. Ц. 3 р. 25 к.; вѣс. 3 ф. 2 т. 7 р. 25 к.; вѣс. 6 ф.

Буговскаго, В. Русское искусство и мѣнія о немъ Е. Виолле-ле-дюка, французскаго ученаго архитектора, и Ѳ. И. Буслаева, русскаго ученаго археолога. Критическій обзоръ. М. Ц. 1 р.; вѣс. 2 ф.

Бѣльева, И. Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ. 2-е изд., удостоенное премій Демидова и Гр. Уварова. М. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Марта, Константа. Философы и поэты-моралисты во времена римской имперіи. Переводъ Корсака. М. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Воскресенскій, Г. Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. Опытъ изслѣдованія языка и текста славянскаго перевода Апостола по рукописямъ XII — XV вв. М. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 2 ф.

Ришера, Леона. Свободная женщина. О женскомъ вопросѣ и о свободѣ женщинъ. М. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Майдель, В. и Блюстинъ, В. Систематическій сборникъ рѣшеній правительствующаго сената, разъясняющихъ Городовое Положеніе, съ полнымъ текстомъ послѣднаго по Своду Законовъ, изд. 1876 г. и приложеніемъ: нормальнаго положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ, положенія о трактирныхъ заведеніяхъ и другихъ законовъ, упомянутыхъ въ Городовомъ Положеніи, съ относящимися къ нимъ рѣшеніями правительствующаго сената. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Руководство для духовенства и мірянъ. Собраніе законовъ для православнаго духовенства. Составлено по Своду Законовъ и уставу духовныхъ консисторій, съ разъясненіями кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената и другимъ официальнымъ источникамъ. Съ приложеніемъ систематическаго и алфавитнаго указателей. М. Ц. 1 р. 75 к.; вѣс. 2 ф.

Илинскій. Русская женщина въ войну 1877—1878 гг., очеркъ дѣятельности сестеръ милосердія, фельдшерницъ и женщинъ-врачей. Спб. Ц. 1 р. 75 к.; вѣс. 2 ф.

Манарова, А. Русская поваренная книга, заключающая въ себѣ болѣе 700 правилъ приготовленія различныхъ блюдъ, скоромныхъ и постныхъ, простыхъ и праздничныхъ печеній, запасовъ въ прокъ, напитковъ и проч., съ подробнымъ указаніемъ выдачи для нихъ провизіи, мѣрою и вѣсомъ, и практическими наставленіями, какъ закупать, наиболѣе выгодно распредѣлять провизію и узнавать ея доброкачественность. Въ 2-хъ частяхъ. М. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Погодина, Д. Пожары и поджоги въ провинціи. (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). М. Ц. 75 к.; вѣс. 1 ф.

Престовскій, В. (псевдонимъ). Баритонъ, романъ. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Минаева, Д. Демонъ. Сатирическая поэма-сказка: Гдѣ лучше.— Кто въ лѣсъ, кто по дрова.— Бѣлый орелъ.— Кому на свѣтѣ жить плохо.— Урокъ метафизикамъ. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 2 ф.

Смайльса, Самуэля. Характеръ. Переводъ съ англійскаго. Рекомендовано ученымъ комитетомъ министр. народ. просв. для гимназическихъ библиотекъ и для подарка ученикамъ. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Зотовъ, Р. Послѣдній потомокъ Чингис-Хана. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Шекспира. Драматическія сочиненія, переводъ съ англійскаго *Н. Кетчера*. Часть 9-я: 1) Буря. 2) Венеціанскій купецъ. 3) Въ ночь на Ивана сновидѣніе. 4) Титъ Андроникъ. 5) Периклъ. М. Ц. 2 р.; вѣс. 3 ф.

Мещерскаго, В. Въ улику времени. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Дубле, Евг. Всеобщая статистика російскаго государства: географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная и проч. Сборникъ 500,000 адресовъ. Ежегодное изданіе. Годъ 2-й. 1879. М. Ц. 4 р.; вѣс. 6 ф.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, подъ редакціей д-ра Г. Цимсена. Т. X. Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ, д-ра К. Шрёдера. Харьковъ. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Рабби. Ипполитъ Лютостанскій, его сочиненіе «Талмудъ и евреи», разобранное З. Миноромъ, московскимъ общественнымъ раввиномъ. М. Ц. 25 к.; вѣс. 1 ф.

Гельвальда, Ф. Въ области вѣчнаго льда. Исторія путешествій къ сѣверному полюсу съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Спб. Ц. 65 к.; вѣс. 1 ф.

Легуве, Э. Чтеніе, какъ искусство. Переводъ съ французскаго. М. Ц. 80 к.; вѣс. 1 ф.

Требованія на всѣ книги гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно.

1-го сентября вышла и разослана подписчикамъ IX-я, сентябрьская, книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Мысли Татищева о горнозаводской промышленности 1735 — 1738 гг., статья Д. Лисенко. — II. Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ ростовскій, очеркъ профессора В. С. Иконникова. — III. Польское возстаніе въ 1863 г.: банды, преслѣдованіе и битвы съ ними. — Висѣльники. — Довудцы. — Успѣхи и неудачи. — Жиржинскій бой. — IV. Правители Кавказа, воспоминанія Дзюбенко (окончаніе). — V. Иннокентій, архіепископъ херсонскій. — VI. Очерки, историческіе разказы, анекдоты и замѣтки: 1. Водвореніе картофеля въ Архангельской губерніи, въ 1780—1800 гг. — 2. Попытка къ освященію Архангельска въ 1780 г. — 3. Разказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго. — 4. Каракальское дѣло—20-го мая 1854 г. — 5. Раскольничьи стихи и пѣсни. — 6. Портретъ Н. В. Гоголя, писанный въ 1834 г. акад. Венеціановымъ—Замѣтка П. А. Ефремова. — VII. Библиографическій листокъ, проф. В. С. Иконникова.

Приложеніе: При этой книгѣ разсылается портретъ Н. В. Гоголя, исполненный г. Брожемъ съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго въ 1834 году академикомъ Венеціановымъ. Гравировалъ Л. А. Сѣряковъ.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» (десятый годъ) изд. 1879 г. продолжается: въ С.-Петербургѣ, у Мамонтова, Невскій Проспектъ, д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнецкій Мостъ, д. Фирсанова, и у Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія исключительно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Русская Старина», близъ Екатерининскаго канала, по Большой Подъяческой, д. № 7.

нгъ съ портретами (въ теченіи 1879 г. *непрерывно* при каждой книгѣ) восемь руб. съ пересылкой.

Можно получить: «Русскую Старину» съ портретами: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 г. (съ десятью гравированными на мѣди и на деревѣ портретами) и 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами. Цѣна за каждый годъ 8 руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. Сомовскій.

Принимается подписка на ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», 1880-й годъ, одиннадцатый годъ изданія, съ гравированными портретами, цѣна восемь руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ Петербургѣ, Большая Подъяческая, домъ № 7-й. Тамъ же можно получить «Русскую Старину» 1870 г. и 1876—1879 гг., по восьми руб. за годъ.

ОБЪ ИЗДНІИ ЖУАРНАЛА

„ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ“

въ 1880 году.

„Отечественныя записки“ въ 1880 году будутъ издаваться подъ редакціей М. Е. Салтыкова (Щедрина) при постоянномъ участіи Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловскаго. Сотрудники журнала, а равнымъ образомъ, срокъ выхода книжекъ, объемъ и форматъ журнала останутся прежніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, безъ доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою (въ С.-Петербургѣ)	16 » — »
Съ пересылкою	17 » — »

Заграницу:

Въ Германію и Австрію	} 19 руб.
» Бельгію и Нидерланды, Придунайскія Княжества.	
» Данію	
» Англію, Швецію, Испанію, Португалію	
» Турцію и Грецію	
» Швейцарію	
» Италію	
» Америку	
» Францію	

Подписка на «Отечественныя Записки» 1880 г. принимается попрежнему только въ мѣстахъ нижеозначенныхъ, за которыя редакция вполне отвѣтственна; экземпляры «Отечественныхъ Записокъ» въ 1880 году будутъ попрежнему сдаваться въ газетную экспедицію въ бандероляхъ, съ адресомъ получателя и съ обозначеніемъ числа, когда № сданъ на почту. Подписка въ почтовыхъ конторахъ не принимается.

Вслѣдствіе заявленія Почтоваго Департамента, редакция доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что жалобы на неполученіе №№ журнала должны быть доставляемы своевременно, то-есть не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ: Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

Въ Москвѣ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ *Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ» въ Петербургѣ, присылая свои адреса, четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, такъ какъ Газетная Экспедиція Спб. Почтамта отвѣчаетъ за аккуратную доставку только чрезъ свои отдѣленія и конторы; относительно же экземпляровъ, адресуемыхъ на станціи желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ не имѣется почтовыхъ отдѣленій, никакихъ справокъ не дѣлаетъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., противъ Гостиного Двора, № 46.

Бывшій **А. И. ГЛАЗУНОВА.**

Москва, Кузнечкій мостъ, домъ Фирсова.

За послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

Русскій народъ, его обычаи, обряды, преданія, суевѣрія и поэзія. Собран. *М. Забылинск.* М. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Полное собраніе сочиненій князя *П. А. Вяземскаго*. Т. 2-й. 1827—1851 гг. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 4 ф.; 2 т. ц. 4 р.; вѣс. 7 ф.

Полевого, П. Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Памятники древней письменности. Спб. Вып. 3-й. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Сборникъ узаконеній, относящихся до земскихъ учреждений (по Своду законовъ и продолженіямъ изданія 1876 года) съ включеніемъ рѣшеній правительствующаго сената и правительственныхъ разъясненій и съ приложеніемъ Городового положенія. Новгородъ. Ц. 3 р.; вѣс. 5 ф.

Анненковъ, Н. Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. Т. 2-й. О доказательствахъ. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Всеволодскій, А. Справочная книга для мировыхъ судей, чиновъ полиціи, волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и для лицъ, имѣющихъ дѣла у мировыхъ судей, уставъ уголовного судопроизводства въ извлеченіи статей, относящихся до судопроизводства участковыхъ мировыхъ судей, съ разъясненіями кассационныхъ департаментовъ сената. Вып. I-й. М. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Граевъ. Холодный Кавказъ. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Ф. Третья Теуншенда. Флорида и Куба. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 2 ф.

Де-Компьяна, маркиза. Экваторіальная Африка. Габонцы, Нанцины, галлуасы. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 2 ф.

Манассина, В. Лекція общей терапіи. Ч. I-я. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Дрольча, А. Руководство къ ушнымъ болѣзнямъ. Спб. Ц. 3 р. 50 к.; вѣс. 4 ф.

Pierson D-r. Compendium. Электратерапіи. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Кенинга, Франца. Руководство къ частной хирургіи для учащихся. Т. II-й. Часть I-я. Съ 110 рисунками. Спб. Ц. 3 р. 50 к. вѣс. 4 ф.

Отта Шпигельберга, д-ра. Учебникъ акушерства для врачей и учащихся. Съ 144 полнотипажамы и хромолитографированными рисунками въ текстѣ. Выпускъ 2-й. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.; 3 вып. ц. 4 р.; вѣс. 4 ф.

Ермоловъ, А. Организация полевого хозяйства. Системы полеводства. Спб. Спб. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 2 ф.

Хлюдинскій, В. Основы заводскаго искусства въ примѣненіи къ разведенію крупнаго рогатаго скота. Съ 19-ю полнотипажамы. Спб. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Библейскія сцены, переложенныя А. И. П. 1) Иудей времяя Маккавея. 2) Іефѳай. 3) Руѳь. М. Ц. 80 к.; вѣс. 2 ф.

Политковская, Е. (Михайлова). Житейскія быliny, повѣсти и рассказы. М. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Графъ Салиасъ. Мадонна, повѣсть. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Ксавье-де-Монтенень. Докторъ умалишенныхъ женщинъ, романъ въ пяти частяхъ. Ч. 3—5 Ц. 3 р.; вѣс. 4 ф. 5 частей ц. 4 р. 50 к.; вѣс. 5 ф.

Наразинъ, Н. Варвара Лѣико и ея семья, недавняя быль. Спб. Ц. 50 к.; вѣс. 1 ф.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Первая борьба. (Изъ записокъ).

Стъченова, И. О поглощеніи угольной кислоты соляными растворами и кровью. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Тиндалль, Дж. Произвольное зарожденіе. Лекція. Съ приложеніемъ замѣтки «Къ вопросу о произвольномъ зарожденіи» П. Милославскаго. М. Ц. 50 к.; вѣс. 1 ф.

Брю и Бунз. Сферическая тригонометрія, съ приложеніемъ ученія о круговыхъ функціяхъ. М. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Требованія на всѣ книги гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно.

У ПРИСТАНИ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Жизнь есть комедія для человѣка мыслящаго и трагедія для того, кто живетъ чувствомъ.

Гораздъ Валъчоловъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I

— А у васъ славно тутъ! настоящая деревня! говорилъ господинъ въ сѣрой лѣтней парѣ, въ лаковыхъ ботинкахъ и съ пледомъ на рукѣ, остановившись передъ простой крестьянской избой, которую за сто рублей въ лѣто нанимали его знакомые.— Славный уголокъ! Это не роскошно, но очень мило.

Онъ посмотрѣлъ на придѣланный сбоку и обтянутый парусиной балконъ, на маленькую клумбочку передъ окнами, въ которой видно было много стараній, но пока еще ни одного цвѣтка, и опять похвалилъ дачу.

— Отличный уголокъ! какъ-то чувствуешь, что тутъ хорошо живется.

Онъ толкнулъ калитку палисадника, чуть не раздавилъ кинувшихся ему подъ ноги цыплятъ, съ пискомъ бѣжавшихъ за своей матерью, и крѣпко пожалъ руку вышедшей ему навстрѣчу блондинкѣ въ бѣломъ накрахмаленномъ платьѣ и въ черныхъ митенкахъ на открытыхъ по локоть рукахъ.

— Какая вы парадная! замѣтилъ онъ, окидывая ее быстрымъ взглядомъ, тѣмъ самымъ зоркимъ, скользкимъ взглядомъ, которыми онъ въ одинъ моментъ успѣлъ осмотрѣть всю дачу, отъ узенькой дерновой скамеечки подъ окнами и до бѣлой заплаты

на крышѣ, гдѣ по самой серединѣ была вложена совсѣмъ новая, блестящая на солнцѣ доска. Отъ него не ускользнуло ни разбитое стекло въ верхнемъ окнѣ, гдѣ у хозяевъ былъ, вѣроятно, чердакъ, а дачники сдѣлали себѣ комнату, ни протянутая отъ балкона черезъ дворъ веревочка съ сушившимися на ней мокрыми простынями, ни чья-то вдругъ бросившаяся подъ навѣсъ не совсѣмъ, кажется, одѣтая фигура. Онъ видѣлъ все это очень хорошо, хотя и имѣлъ такой видъ, какъ будто смотрѣлъ только на фасадъ дачи и на блондинку въ бѣломъ платьѣ.

— Славный уголокъ! я вамъ просто завидую! повторилъ онъ. — Скажите мнѣ, однако, отчего вы такая нарядная? У васъ, можетъ быть, гости? спросилъ онъ вдругъ испуганно.

— Ахъ, нѣтъ! что вы! Какіе у насъ гости...

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее.

— Я не желалъ бы новыхъ знакомствъ. Я такъ усталъ отъ нихъ, что шелъ къ вамъ именно отдохнуть. Я шелъ побесѣдовать съ вами и съ вашей сестрой. Какъ здоровье вашей сестры? О вашемъ я не спрашиваю—я вижу, что вы цвѣтете.

— Нина здорова, персi. Она, кажется, гуляетъ. Хотите пойти къ ней навстрѣчу?

— Нѣтъ! посидимте лучше здѣсь. У васъ здѣсь такъ хорошо.

И, не дожидаясь ея согласія, онъ сѣлъ на дерновую скамью, положилъ около себя свой пладъ и снялъ шляпу, открывая темную шапку остриженныхъ подъ гребенку волосъ, низкій лобъ съ сильно развитой костью и съ острой морщиной, перерѣзавшей его поперекъ. Небольшіе глаза сидѣли такъ глубоко, что трудно было опредѣлить ихъ цвѣтъ, и только по ихъ безпокойному блеску можно было угадать, какая работа кипѣла внутри. Всѣ черты его были крупныя, даже тупыя, выточенные не рѣзцомъ художника, а простымъ русскимъ косаремъ. Его широкій, чисто русскій носъ имѣлъ только одну особенность: почти постоянно раздувающіяся ноздри; эти ноздри и тонкія, ироническія губы, которымъ онъ умѣлъ придавать иногда сантиментальное выраженіе, заставляли какъ-то забывать общую грубоватость лица. Въ его сложеніи было также что-то топорное: низкій, широкій костью, онъ умѣлъ, однако, хорошо одѣваться, отъ чего казался и выше, и лучше сложенъ.

— Ну, что, мой другъ, довольны ли вы своей судьбой? спросилъ онъ, оборачиваясь къ блондинкѣ, которая сидѣла какъ на угольяхъ, не зная, чѣмъ его занять. Она его просто боялась; боялась его взглядовъ, его морщины на лбу, его ироніи и свободныхъ манеръ. Тѣ минуты, которыя ей приходилось проводить съ нимъ съ глазу на глазъ, были для нея мученіемъ. Она

не умѣла занимать его, какъ ея сестра, которая въ разговорахъ съ нимъ проводила цѣлыя часы. Ея не ободрялъ даже и шутиливый, слегка покровительственный тонъ его, когда онъ говорилъ ей: «мой другъ!» или: «дѣтя мое!» Такое обращеніе казалось ей даже страннымъ: ей было 27 лѣтъ, и вдругъ онъ называетъ ее: «дѣтя мое!»

— Вы не можете себѣ представить, какъ здѣсь хорошо! продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана портсигаръ и доставая оттуда папиросу.

— Вамъ спички? спросилъ она стремительно, радуясь случаю уйти хоть на минутку.

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! сидите! спички со мной. Смотрите, какая здѣсь простота во всемъ! Какая правда!.. Чувствуете ли вы, какъ здѣсь легко дышется!

— Да, здѣсь хорошій воздухъ, сказала она тоскливо.

— Еслибы мнѣ дали возможность одинъ мѣсяцъ подышать такимъ воздухомъ, я бы набрался силы на цѣлый годъ.

— Равнѣ вы не будете жить на дачѣ?

Онъ вздохнулъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Дѣла такъ сложились, что я не могу выѣхать изъ города. У меня слишкомъ много работы. Я долженъ буду все лѣто дышать петербургской пылью.

— Но вѣдь это ужасно! сказала она, чтобы только что-нибудь сказать.

— Что дѣлать! Жизнь не балуетъ меня. Я почти къ этому привыкъ. Но довольно обо мнѣ. (Онъ смѣнилъ печальное выраженіе на радостное). Будемъ говорить объ васъ. Я радуюсь за васъ, что вы такъ мило устроились.

«Очень мило!» подумала она, глядя на разбитое стекло въ окнѣ и на чердакъ, гдѣ онѣ спали съ сестрой. «Очень мило, вонъ даже и бѣлье забыли снять съ веревки. Что это, онъ намъ точно милостыню подаетъ своими похвалами? Самъ ѣздитъ къ разнымъ князьямъ на дачи, а потомъ, чтобы не обидѣть насъ, хвалитъ нашу избу... Слава Богу, кажется, сестра идетъ».

— Нина идетъ! сказала она вслухъ и поднялась со скамейки.

Гость тоже поднялся и поднесъ къ глазамъ висѣвшее у него на черномъ шнуриѣ пенсне. По деревнѣ шла высокая, бѣлокурая дѣвушка съ распушеннымъ зонтикомъ, закрывавшимъ ея лицо. Она очень неловко подобрала свои юпки, изъ-подъ которыхъ видны были ея ноги въ кожаныхъ, узкихъ сапогахъ. Рядомъ съ ней шелъ господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, длинный и худой, въ фуражѣ и съ березовымъ сукомъ, вмѣсто трости,

въ рукѣ. При видѣ его, какое-то облако спустилось на лицо петербурскаго гостя, смотрѣвшаго въ лорнетъ.

— Другъ мой! обернулся онъ къ блондинкѣ.—Зачѣмъ же вы мнѣ сказали, что у васъ никого нѣтъ?

— Ахъ, это—Платонъ Николаичъ! Я не знала, что онъ будетъ. Его, вѣрно, Нина дорогой встрѣтила.

Гость остался въ нерѣшительности.

— Я лучше найду къ вамъ другой разъ, сказалъ онъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! перебила она стремительно. — Нина будетъ очень жалѣть... Нѣтъ, пожалуйста!

Онъ все съ той же нерѣшительностью глядѣлъ на дорогу, какъ бы соображая, есть ли еще время уйти. Но, должно быть, сообразилъ, что уйти незамѣченнымъ нельзя, и покорно остался.

— Я могу еще пробить у васъ четверть часа, замѣтилъ онъ, вынимая часы. — Мнѣ нужно еще непременно быть въ одномъ мѣстѣ и съ послѣднимъ поѣздомъ вернуться въ городъ. Четверть часа! никакъ не больше, повторилъ онъ, направляясь къ калиткѣ, навстрѣчу возвращавшейся хозяйкѣ.

II.

Нина Огнева была суровая блондинка, съ маленькою точкою румянца на выдающихся скулахъ и съ большими сѣрыми, непривѣтливими глазами, какъ будто поджидавшими какого-то невидимаго врага. У ней были характерныя, крупныя губы съ выраженіемъ непреклонной рѣшимости, большія, почти мужскія руки и толстыя косы, издали казавшіяся сѣдыми. Корсета она не носила, но казалась хорошо сложенной. Подъ ея грубымъ синимъ бумажнымъ платьемъ чувствовалось крѣпкое, здоровое сложеніе. Она была такъ же высока и бѣлокура, какъ сестра, но въ лицѣ сестры было что-то болѣзненное, изможденное, съ ея впалыхъ щекъ давно сбѣжали краски, у нея каждый мѣсяцъ бывали флюсы и головныя боли, она всю жизнь свою возилась съ утюгами и съ французскими учебниками, составляя какое-то руководство, которое не хотѣли принять ни въ одномъ учебномъ заведеніи. Сестра Лиза считала себя отжившей и удивлялась, когда кто-нибудь говорилъ ей о замужствѣ. Нина только еще собиралась жить, въ ея глазахъ горѣлъ сжигавшій ее внутренній огонь; она была сосредоточена, молчалива, сурова въ обращеніи; она любила и искала уединенія, но, конечно, ужъ не отъ усталости жизнью и не отъ того, чтобы хотѣла покоя. Лиза была застѣнчива, всегда боялась сдѣлать какую-нибудь неловкость и въ 27

лѣтъ краснѣла, какъ макъ. Нина не краснѣла, а только блѣднѣла отъ волненія и никого не конфузилась, хотя и не любила новыхъ лицъ. Общаго у сестеръ было только одно—что обѣ онѣ дурно и безвкусно одѣвались; но при этомъ Лиза была аккуратна до педантичности, съ утра надѣвала корсетъ и не могла приняться ни за какое дѣло, если видѣла, что отпоролась пуговица у платья, а Нина кое-какъ чесалась и не замѣчала, что на ней надѣто.

При видѣ гостя, съ которымъ такъ томилась ея сестра, Нина Огнева остановилась, опустила зонтикъ и молча, улыбаясь, кивнула ему. Павелъ Левицкій былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, съ которыми она не скучала и которыхъ ждала съ тайнымъ удовольствіемъ. Она считала его самымъ умнымъ и образованнымъ изъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и была о немъ такого высокаго мнѣнія, что Лиза, внутренно его не любившая, никогда не рѣшалась говорить объ этомъ, зная, что сестра твердо держится своихъ мнѣній и что противорѣчить ей было бы бесполезно. Притомъ, что же она могла сказать ей? Она почти его не знала: слышала только смутно, что онъ занимаетъ хорошее мѣсто гдѣ-то въ министерствѣ, что онъ принятъ въ аристократическихъ домахъ и по горло заваленъ работой. Два или три раза она встрѣтила его въ коляскѣ съ какими-то незнакомыми ей дамами; разъ она видѣла его въ театрѣ, почтительно разговаривающимъ съ однимъ очень высокимъ лицомъ. Но этимъ и ограничивались почти всѣ ея свѣдѣнія. Узнать о немъ что-нибудь стороною отъ знакомыхъ—Лиза не могла. Они жили очень замкнуто и знакомствъ почти не имѣли. Къ отцу ходили разные старые литераторы, но всѣ они были высохшіе, желтые, недовольные, и ничѣмъ, кромѣ своихъ сочиненій, не интересовавшіеся; приходили всегда по дѣлу, сидѣли недолго и, уходя, сердито озирались. У брата рѣдко кто-нибудь бывалъ, потому что его самого по цѣлымъ днямъ не было дома.

Съ Левицкимъ они познакомились на дачѣ, годъ тому назадъ. Съ перваго же свиданія онъ поразилъ сестеръ своимъ умнѣемъ обо всемъ красиво и умно говорить и завоевалъ сердце отца пустившись съ нимъ въ разсужденія объ его сочиненіяхъ, которыя онъ, оказалось, всѣ читалъ и очень высоко цѣнилъ. Онъ былъ нѣсколько холоднѣе съ братомъ ихъ, говорившимъ обо всемъ съ апломбомъ ранней молодости, но и того онъ внимательно выслушивалъ, лишь слегка оспаривая какую-нибудь сказанную имъ большую глупость. Онъ, человѣкъ, извѣстный своими трудами въ разныхъ законодательныхъ комиссіяхъ, такъ снисходительно вступалъ въ споръ съ начинающимъ студентомъ

и такъ просто доказывалъ ему, что онъ въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслить и ни одного сочиненія по этому предмету не читалъ, что всѣмъ присутствующимъ становилось какъ-то неловко, и самъ студентъ, наконецъ, начиналъ чувствовать всю глупость своего положенія.

Но никого не стѣснялъ такъ Левицкій, какъ Лизу. При немъ она никогда не чувствовала себя свободной: ей вдругъ и платье становилось узко, и башмаки тѣсны, и сидѣть было неловко. Она все боялась сказать что-нибудь невпопадъ. Особенно смущала ее тотъ пытливый взглядъ, которымъ онъ осматривалъ ее туалетъ. Она знала, что онъ бываетъ въ домахъ, гдѣ женщины одѣваются хорошо, знала, что онъ любитъ хорошій туалетъ, и ей всегда казалось, что онъ смотритъ на ея кожанныя туфли, которыя она купила въ гостиномъ дворѣ за два рубля.

Ея величайшимъ счастьемъ были тѣ дни, когда Левицкій вдругъ пропадалъ. Онъ то ходилъ къ нимъ каждый день, а то по мѣсяцу не показывалъ глазъ, присылая только коротенькія записочки о томъ, что онъ чрезмѣрно или жестоко занятъ. Записки эти адресовались всегда къ Нинѣ, и Лиза узнавала о нихъ только потому, что въ концѣ стояла приписка: «Какъ здоровье нашего милаго друга?»

Разъ она съ большими усиліями написала ему двѣ строчки, которыя, впрочемъ, тутъ же и разорвала, находя, что онъ не то выражаетъ, что она хотѣла сказать. Сочинить письмо къ нему казалось ей дѣломъ нелегкимъ. Она никакъ не могла понять, какъ это сестра умѣла писать къ нему на цѣлыхъ листахъ. О чемъ? думала онъ съ удивленіемъ.

— Вы насъ совсѣмъ забыли! говорила Нина, отвѣчая на ерѣпявое пожатіе Левицкаго, который не безъ удовольствія смотрѣлъ на ея загорѣлое, молодое лицо.

— Другъ мой! я былъ ужасно занятъ. Я едва могъ выбрать минутку, чтобы посмотреть, какъ вы устроились. Я и теперь не на долго, прибавилъ онъ поспѣшно.

На поклонъ высокаго господина въ фуражкѣ онъ отвѣчалъ молча.

— Вы знакомы? спросила Нина. — Мужъ моей сестры — Платонъ Николаичъ Козловъ.

— Мы знакомы! отозвался Козловъ, потянулся вверхъ и сорвалъ вѣтку рабины, причемъ покачнулся цѣлый суекъ и хлестнулъ Лизу по головѣ. — Извините! прибавилъ онъ: — это я отъ комаровъ.

— Я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться, сказалъ Левицкій въж-

ливо, но сухо, и тотчасъ же обратился къ дамамъ. — А какъ вы прелестно устроились... Я сейчасъ говорилъ вашей сестрѣ, какъ я вамъ завидую... Еслибы можно было, я бы непременно нанялъ комнатку гдѣ-нибудь поблизости. Мнѣ этотъ уголокъ ужасно нравится.

— Вода здѣсь пахнетъ, замѣтилъ Козловъ, не оборачиваясь.

— Чѣмъ это?

— Покойниками. Здѣсь кладбище близко.

— Что вы это! сказала Лиза, краснѣя. — Совсе не покойниками, а просто желѣзомъ. Это, должно быть, какая-нибудь минеральная вода.

— Не знаю, можетъ быть. Только пахнетъ покойниками!

— Что же это, господа! вступилась Нина. — Пойдемте чай пить. Что же мы тутъ стоимъ!

— Не сюда! шепнула ей Лиза, видя, что она направляется къ балкону, гдѣ висѣли мокрыя простыни. Она сама пошла впередъ и повела за собой Козлова, показывая ему, гдѣ она посадила огурцы. Она нарочно говорила громко и прибавила шагу сестра ея шла позади съ Левидкинтъ.

— И вы могли думать, что я васъ забылъ? говорилъ онъ тихо.

— Я не видала васъ цѣлый мѣсяць.

— Ни одного дня не проходило, чтобы я не вспоминалъ объ васъ. Сколько разъ, садясь за работу, я говорилъ себѣ: что-то подѣлываютъ мои дѣвочки? Мысленно я былъ здѣсь съ вами. Мнѣ было ужасно тяжело это время. Работа просто одолеваетъ меня. Я дѣлаюсь, наконецъ, какимъ-то ремесленникомъ. Я работаю на заказъ и на срокъ. Я теперь обозная лошадь, на которую навалили столько, сколько она въ силахъ свезти, и погнали вскачь по шоссе. Такая свѣчка долго продолжаться не можетъ... Ахъ, да еслибы только это! Работать еще можно, когда другія условія жизни сносны, а когда при этомъ еще отвратительная обстановка, неприятности со всѣхъ сторонъ.

— У васъ! неприятности? повторила Нина.

— Сотни! не помню дня, когда бы я былъ спокоенъ. Вы знаете, что, кромѣ васъ, у меня нѣтъ въ настоящую минуту никого, съ кѣмъ бы я могъ подѣлиться своими мыслями. У меня есть, пожалуй, друзья, или, по крайней мѣрѣ, называющіе себя моими друзьями... У меня есть мать, наконецъ, но... не будемъ говорить объ этомъ.

Она вопросительно взглянула на него.

— Я люблю свою мать, продолжалъ онъ мрачно: — я, къ несчастію, люблю ее, но она за мою любовь платитъ мнѣ только

равнодушіемъ. Она старается показать мнѣ, что любить меня... Она должна это дѣлать, по многимъ соображеніямъ. Но у нея есть сынъ, котораго она любитъ: это—мой братъ.

Нина часто слышала отъ него объ этомъ братѣ, какъ о существѣ бессердечномъ и легкомысленномъ, о которомъ нельзя говорить безъ сожалѣнія и безъ нѣкотораго тайнаго раздраженія. Но первый разъ она слышала отъ него такой отзывъ о матери.

— Это, конечно, между нами! прибавилъ онъ послѣпно. — Хотя вы и лучший мой другъ, но все-таки... я не долженъ бы говорить объ этомъ... Да чтѣ дѣлать! Это слишкомъ напѣхло на душѣ. Я столько вижу несправедливости, что, право, иногда становится не подъ силу. Еслибъ не сознаніе, что жизнь есть печальный долгъ...

Онъ остановился.

— Что же тогда? спросила она тихо.

— Конечно, я не сталъ бы ломать эту комедію. Чѣмъ ждать глупаго конца, не лучше ли остановиться на первомъ актѣ?

— Такъ ли? остановила она его.—Не вы ли мнѣ сами говорили, что искать такого конца—малодушіе?

— Я и теперь тоже говорю. Да, это—малодушіе... Но развѣ я не могу быть малодушнымъ? Развѣ вы думаете, что я такой сильный человѣкъ?

Нина тихо пожала ему руку.

— Что вы дѣлаете? вы топчете огурцы вашей сестры! крикнулъ ей вдругъ Козловъ.

Она въ одно мгновеніе спустилась съ облаковъ. Тутъ только она замѣтила, что они идутъ по грядамъ и что Лиза съ ужасомъ смотритъ на нихъ.

— Что это вы? встрѣтилъ ихъ старикъ, сидѣвшій съ книгой подъ березками.—Въ огурцы попали?

Онъ снялъ очки, положилъ ихъ на книгу и всталъ, расправивъ свою сгорбленную спину. Его потухшіе глаза смотрѣли какъ-то тускло, но въ сухихъ, впалыхъ щекахъ и въ широкихъ, какъ бы вырванныхъ ноздрахъ, чувствовалась сила дикаго упрямства. Вертикальная складка между глазъ стояла, какъ восклицательный знакъ на его морщинистомъ, старческомъ лбу. Не одинъ день нужды и лишения положили свою печать на этомъ увядшемъ лицѣ, не одна буря пронеслась надъ этой сѣдѣющей головой, но года не сгладили, а только усилили шероховатую жесткость выраженія. При взглядѣ на него, понятно становилось то выраженіе упрямой настойчивости, которое такъ характерно было въ лицѣ его дочери.

Одѣтъ онъ былъ болѣе, чѣмъ небрежно, почти нищенски: ста-

рое рыжее пальто, во многих мѣстах прожженное папирсами, засыпанное спереди пепломъ, съ протертыми рукавами и абшлагами, и сматая ночная рубашка составляли его обыкновенный домашній костюмъ. При видѣ гостя, онъ не изобразилъ на своемъ лицѣ обычной въ этихъ случаяхъ улыбки, а только распустилъ слегка свои морщины.

— Что это вы читаете? спросилъ Левицкій, заглядывая въ раскрытую на скамейкѣ книгу.— Вундтъ? «Душа челоуѣка и животныхъ», прочелъ онъ вслухъ на оберткѣ.— Для жаркаго лѣтняго дня это немножко тяжело. А, мой молодой другъ! И вы здѣсь. Давно у васъ кончились экзамены?

Вопросъ этотъ относился къ молодому челоуѣку съ красивымъ и нѣсколько фатоватымъ лицомъ, въ палевомъ сюртукѣ, немножко для него короткомъ и въ отложныхъ цвѣтныхъ воротничкахъ. Это былъ сынъ Огнева, Николай. Молодой челоуѣкъ поклонился, сказалъ небрежно, что экзамены у него кончились, молча стиснулъ руку Козлову и сѣлъ на скамью, но не такъ, какъ всѣ садятся, а какъ-то бокомъ, и заложилъ ногу на ногу. Онъ видимо старался быть развязнымъ.

Нина разставляла чашки на кругломъ садовомъ столѣ подъ березками. Тутъ же рядомъ, на выкрашенныхъ въ зеленую краску скамейкахъ, сѣлъ ея отецъ съ гостемъ. Лиза безпрестанно уходила въ комнаты. У нихъ была одна только прислуга, тринадцатилѣтняя дѣвочка, до того безтолковая, что, посылая ее въ лавочку за фунтомъ соли, ей полчаса объясняли, что надо сдѣлать.

Козловъ сидѣлъ сгорбившись на скамейкѣ и держалъ на ладони какую-то букашку, которую внимательно разсматривалъ. Онъ казался совершенно равнодушнымъ, но на губахъ его играла чуть замѣтная улыбка. Высокій, узкій въ плечахъ, онъ весь состоялъ изъ однихъ угловъ, только маленькіе, зоркіе, свѣтившіеся, какъ угли, глаза и оживляли его узкое, изрытое худобой лицо. Несмотря на эту худобу, онъ пользовался желѣзнымъ здоровьемъ, ходилъ каждый день верстъ по пятнадцати, могъ переплыть всякую рѣку и не спать нѣсколько ночей сразу. Въ разговорѣ онъ былъ грубоватъ, лакониченъ и терпѣть не могъ сантиментальности. Двѣ или три встрѣчи съ Левицкимъ сдѣлали то, что они другъ друга возненавидѣли. Они такъ разъ поспорили о значеніи римскаго права въ современной жизни, что наговорили одинъ другому самыхъ неприятныхъ вещей и, встрѣчаясь послѣ того, едва узнавали другъ друга.

Теперь Козловъ внутренно хохоталъ, видя, что его противникъ сидитъ, какъ на угольяхъ, и не говоритъ ни о доблестяхъ

(Козловъ увѣрялъ, что онъ каждый день говорить о доблестяхъ), ни объ идеалахъ. Его поразило только одно: слишкомъ замѣтное вниманіе, съ какимъ Нина слушала этого человѣка. Въ первый разъ онъ видѣлъ ее съ нимъ. Она и глядѣла, и говорила не такъ, какъ обыкновенно. Въ ея глазахъ сверкала какая-то затѣенная и страстная дума. Онъ вскося сталъ наблюдать за ними.

Левицкій въ разговорѣ обращался больше къ старуку и только изрѣдка одной улыбкой благодарилъ барышень за поданный ему стаканъ чаю или за предложенный лимонъ. Онъ едва замѣчалъ ихъ. То грустное, слегка сентиментальное выраженіе, съ какимъ онъ говорилъ недавно съ Ниной, исчезло теперь безъ слѣда: онъ былъ серьезенъ и даже немножко сухъ. На лбу у него появилась та дѣловая складка, съ какой онъ ходилъ обыкновенно въ министерство. Положивши на столъ свои красивыя бѣлыя руки съ узкимъ золотымъ *porte bonheur*'омъ, виднѣвшимся изъ-подъ широкой, слегка открытой маншетки, онъ рѣзко рассказывалъ о послѣднихъ спекуляціяхъ на биржѣ съ билетами внутренняго займа, прибавивъ, что не одобряетъ этихъ лоттерейныхъ займовъ, какъ разжигающихъ въ обществѣ и безъ того уже сильно развитую страсть къ легкой наживѣ.

— Мы встречаемъ и преслѣдуемъ рулетку, говорилъ онъ:— и въ то же время допускаемъ и даже узаконяемъ лоттерей.

— А вы находите, что рулетку нужно запретить? спросилъ вдругъ Козловъ, до тѣхъ поръ молчавшій.

Левицкій удивленно оглянулся, какъ бы желая сказать: — А, ты тутъ еще? Я думалъ, что тебя нѣтъ здѣсь.

— Рулетка давно запрещена, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ же! Если я захочу обыграть кого-нибудь, такъ я его и въ дурачки обыграю. Кто мнѣ можетъ помѣшать? Карты вы запретите, я буду играть на четъ и нечетъ, или въ что дальше плюнегъ — это все равно.

— Да; но вы меня извините: законъ не можетъ тоже помѣшать грабежу и разбою, но тѣмъ не менѣе преслѣдуетъ ихъ.

— Чтò же, вы думаете, что, если вы запретите рулетку, такъ убавится дураковъ, которые завтра же пойдутъ проигрывать свое состояніе въ банкъ или на биржу?

— Ихъ, можетъ быть, и не убавится, но будетъ однимъ способомъ меньше, чтобы дѣлать глупости.

— Да если я глупъ, я всегда найду способъ быть глупымъ. Это ужъ вещь понятная.

«И ты его нашель», подумалъ Левицкій, котораго грубая манера спорить видимо коробила.

— Законъ не можетъ, конечно, сдѣлать кого-нибудь умнымъ,

сказалъ онъ, доставая перчатку и надѣвая ее на свои красивые пальцы: — но онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы всякій былъ глупъ въ мѣру и чтобы эта глупость не вредила другимъ. А что касается до ума, то, конечно... это дѣло самого общества развивать себя.

— Вы вотъ говорите: страсть къ легкой наживѣ? продолжалъ Козловъ. — Эта подлая страстишка дѣйствительно въ насъ есть. Да вѣдь проявляется-то она различно. Одинъ пойдетъ въ рулетку играть, другой на биржу, а третій нигдѣ не играетъ — и, глядишь, въ большомъ выигрышѣ. Онъ вотъ честный человѣкъ, а я, положимъ, воръ и подлець. У него пять блюдъ за обѣдомъ, у меня ни одного; онъ одинъ въ восьми комнатахъ живетъ, а насъ восемь человѣкъ въ одной. Да еще законъ на его сторонѣ, а меня законъ гонитъ и преслѣдуетъ. А я вѣдь собственно къ тому же стремился, къ чему и онъ, т. е. имѣть пять блюдъ и квартиру въ три тысячи. Дайте мнѣ обѣдъ и квартиру, и я буду честнымъ человѣкомъ. Съ какой стати мнѣ быть подлецомъ? Мнѣ тогда подлецомъ невыгодно быть.

— Ну, это какая-то совсѣмъ особенная честность, сказалъ Левицкій, взявшись за шляпу и отыскивая глазами свой пледъ. — Я очень жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ продолжать этотъ интересный разговоръ. Мы его возобновимъ когда-нибудь въ другой разъ. Вы тогда укажете мнѣ, гдѣ это тѣ подлецы, которые, переѣхавши на трехтысячную квартиру, сдѣлались вдругъ честными людьми. Я, признаюсь, до сихъ поръ не думалъ, чтобы честность опредѣлялась какой-нибудь цифрой. Выходитъ, что это просто дѣло арифметики.

Эта маленькая стычка видимо была неприятна всему семейству Огневыхъ. Старикъ, нахмуривъ брови, молчалъ; сестры не поднимали глазъ. Только Николай слушалъ съ любопытствомъ и даже, кажется, съ удовольствіемъ.

Когда Левицкій всталъ, Нина встала тоже. Она не просила его остаться — ей казалось это неловкимъ — но рѣшила проводить его хоть до угла улицы, чтобы сказать, какъ неприятна была ей эта сцена. Когда она взяла со скамейки свой зонтикъ, отецъ взглянулъ на нее черезъ плечо.

— Ты развѣ идешь куда-нибудь?

— Да, я не далеко. Я скоро вернусь.

Отецъ промолчалъ, и всѣ какъ-то неловко молчали. Уходя, Левицкій забылъ поклониться Козлову. Тотъ проводилъ его глазами и сказалъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь:

— Честный человѣкъ! проживаетъ содержаніе, по крайней мѣрѣ, десяти семействъ и объ честности говорить!

— Онъ вѣдь свое проживаетъ, замѣтилъ старикъ Огневъ, который, по уходѣ гостя, взялся опять за книгу.

— Я знаю, что свое.

— Такъ вамъ-то чтѣ до этого?

— Чиновники! администраторы! продолжалъ Козловъ ослобленно.— На грошъ не наработаютъ, а на десять тысячъ жалованья наберутъ. Сидятъ тамъ, толкутъ воду въ своихъ департаментахъ, а поди-ка думаютъ, что безъ нихъ свѣтъ пропадетъ.

Онъ долго еще ворчалъ, потомъ взялъ свою палку и, ни съ кѣмъ не простившись, ушелъ.

III.

Нина и Левицкій нѣсколько времени шли молча. Красныя точки на щекахъ Нины стали еще краснѣе; въ ней видимо кипѣла какая-то внутренняя работа. Ея взглядъ, сосредоточенный и въ то же время разсѣянный, ни на чемъ особенно не останавливался. Она глядѣла на сверкающія стекла церковнаго окна, горѣвшаго какъ огонь въ лучахъ вечерняго заката, на корову, которая шла имъ на встрѣчу, глупо на нихъ уставившись, на дачницу, возвращавшуюся съ купанья съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ, на воробья, свавкавшаго черезъ дорогу съ такимъ дѣловымъ видомъ, какъ будто онъ слѣшилъ куда-нибудь на службу, на дорогу, круто повернувшую въ поле, мимо крестьянскихъ огородовъ и коноплей, прямо къ болоту съ мелкимъ кустарникомъ, гдѣ въ эту пору стонъ стоялъ отъ всякой мошкеры и комаровъ. Но не этой дорогой они пошли. Повернувши за уголъ мимо церковнаго колодца, съ воздвигнутой надъ нимъ крышей на столбахъ и съ тоненькой струйкой воды, сочившейся, какъ нитка, внизъ по косогору и пропадавшей потомъ въ травѣ, они вышли на липовую аллею, на одну изъ тѣхъ длинныхъ, прямыхъ, какъ струна, дачныхъ аллей, которыя выходятъ непременно куда-нибудь на пыльный проспектъ, гдѣ носятъ цѣлый день экипажи и стоятъ дачи съ павильонами и бельведерами. Деревенскій характеръ мѣстности тотчасъ же пропасть. Запахло паркомъ, садовниками, подрѣзанными акаціями и краснымъ пескомъ дорожекъ. Проскакала какая-то амазонка въ сѣрой вуали и за ней высокій кавалеристъ. Провезли въ коляскѣ дѣтей съ мамкой въ голубомъ вокошникѣ.

На половинѣ аллеи ихъ обогналъ плетеный лѣтній шарабанъ, которымъ правилъ плотный, цвѣтушій блондинъ съ длинными, красиво расчесанными бакенбардами. Въ рукахъ у него былъ

трекъ-аршинный, поднятый надъ головою бичъ, на головѣ англійская шапочка съ лентами.

— Вы знаете, кто это? сказалъ Левицкій, когда шарбанъ пролетѣлъ мимо.—Это — мой братъ.

Нина быстро обернулась, чтобы взглянуть еще разъ на этого господина, но сѣрый рысакъ помчалъ его дальше, широко забирая ногами, и летѣлъ, какъ птица, по гладкой, крѣпко укатанной дорогѣ. Господинъ даже не оглянулся. Онъ, очевидно, не узналъ своего брата.

— Какое! продолжалъ Левицкій.—Вотъ, что называется пускать пыль въ глаза! (Онъ отряхнулъ мелкую бѣлую пыль, которая дѣйствительно летѣла ему на платье). Вы, можетъ быть, думаете, что это миллионеръ какой-нибудь! что это землевладелецъ или биржевикъ, или пивной заводчикъ?.. Это — такой же пролетарій, какъ и вашъ покорнѣйшій слуга. Съ той разницей, что у вашего покорнѣйшаго слуги есть мѣсто, на которомъ, худо ли, хорошо ли, онъ зарабатываетъ свой хлѣбъ, а у этого господина и того даже нѣтъ.

— Онъ совсѣмъ не похожъ на васъ, замѣтила Нина, видѣвшая мелькомъ пѣвтущее лицо блондина.

— Онъ красивъ, не правда ли? Въ его лицѣ есть что-то мужественное, чего нѣтъ совсѣмъ въ его характерѣ. Онъ нравится женщинамъ... Il est très galant. Имѣть какой-нибудь романъ и, встрѣчаясь потомъ съ предметомъ своей любви, не узнавать его на улицѣ или даже забыть, какъ его зовутъ — это все въ порядкѣ вещей. Онъ добрый малый, но добрый потому, что ему лѣнь дѣлать зло. Онъ увѣренъ, что любить меня, хотя я еще больше его увѣренъ, что онъ ничего ровно ко мнѣ не чувствуетъ. Любить онъ никого не можетъ, но вы можете его разстрогать, заставить его плакать, упасть передъ вами на колѣни. Всѣ внѣшніе признаки любви онъ усвоилъ себѣ превосходно. Его мать, которая, казалось бы, должна знать его хорошо, вполне увѣрена, что онъ ее боготворитъ. А онъ такъ же ее любитъ, какъ мы любимъ лошадь, на которой ѣздимъ, или собаку, которая насъ сторожитъ. Вы не можете себѣ представить, что такое наша мать для него! Она ходитъ за нимъ, какъ за ребенкомъ, она отдала ему свою жизнь! Меня, напримѣръ, она можетъ не видѣть цѣлыми мѣсяцами, но если Дмитрій одну ночь не ночевалъ дома, она сама пойдетъ отыскивать его по городу.

— Это отъ того, мнѣ кажется, что вы не живете съ вашей матерью.

— Нѣтъ, отъ того, что меня считаютъ такимъ сухимъ эгоистомъ, которому женская привязанность не нужна. Вы знаете,

таковъ ли я... Но въ глазахъ моей матери и моего брата, и многихъ другихъ еще, я—чиновникъ, я человѣкъ, дѣлающій себѣ карьеру—и больше ничего. Я—черствый, сухой эгоистъ, который скрипитъ себѣ перомъ, получаетъ за это чины, награды, отличія, имѣетъ казенную квартиру... Вы слышали, что вашъ родственникъ говорилъ сейчасъ.

— Миѣ очень досадно, начала Нина, хватаясь за первый предлогъ, чтобы, наконецъ, высказаться:—миѣ досадно, что это такъ случилось. Я знаю Козлова... Онъ ужасно грубъ въ спорѣ. Къ нему надо привыкнуть. Еслибы вы знали его лучше, вы бы со всѣмъ не такъ на это взглянули.

— Я и не интересуюсь знать его лучше. Другъ мой, я такъ примирился съ мыслью, что у меня есть враги, которые ненавидятъ меня и тѣмъ больше ненавидятъ, чѣмъ меньше меня знаютъ, что, право, не ищу примиренія съ ними. Я не ищу популярности, хотя знаю, вамъ сто человѣкъ скажутъ, что я только за ней и гоняюсь. Я—честолюбецъ! честолюбіе грызетъ меня! Все, что я ни дѣлаю, я дѣлаю только изъ честолюбія. Я знаю, что это обо миѣ всѣ говорятъ. Хорошо еще, если только это, если не говорятъ чего-нибудь хуже. Что я, напримѣръ, таскаю платки изъ кармановъ.

— Вы очень недовѣрчивы, возразила Нина, ускоряя шагъ. — Вы на все смотрите сквозь желтыя очки. Снимите ихъ, и жизнь покажется вамъ гораздо лучше.

— Я слишкомъ часто и слишкомъ горько былъ обманутъ, чтобы вѣрить еще чему-нибудь. Я не вѣрю даже въ васъ, сказавъ онъ рѣзко.

Она нѣсколько шаговъ сдѣлала молча.

— Вы правы! вымолвила она, наконецъ.—Не надо вѣрить никому. Это—первое условіе счастья.

Она выпустила его руку и пошла твердымъ, скорымъ шагомъ, сбивая зонтикомъ бѣлыя головки клевера. Она казалась очень возбужденной, но шла гордо, не опуская головы, и глядѣла прямо передъ собой въ пространство.

— Вы сердитесь? спросилъ онъ, догнавъ ее и вдругъ мѣняя тонъ.—Но за что? Подумайте только, чрезъ какія горькія испытанія я прошелъ въ своей жизни. Я былъ обманутъ не разъ и жестоко обманутъ. Годъ тому назадъ, не больше, одна женщина увѣряла меня, что она—мой лучшей другъ. Недавно я узналъ, каковъ этотъ другъ. Другъ рассказываетъ про меня, что я обиваю пороги у нашей знати, желая втереться въ ея кругъ, что я два часа сидѣлъ въ передней у княгини Казариной, дожидаясь, чтобы меня приняли, и дѣлаю недѣлю потомъ исполнялъ

комиссиі ея сіятельства, въ благодарность за то, что она меня приняла. Вотъ каковъ мой лучший другъ!

При одномъ этомъ воспоминаніи глаза у него загорѣлись и лицо приняло злое выраженіе.

— Я втираюсь въ знать! продолжалъ онъ, весь отдаваясь силѣ собственныхъ воспоминаній. — Оттого, что служебныя отношенія заставляютъ меня бывать у разнаго надутаго барства, у невѣжества, которое гордится своимъ происхожденіемъ, у какого-нибудь глупца, который вичится тѣмъ, что его глупости триста лѣтъ отъ роду и что его предки были глупы еще при Годуновѣ, что его прапрадѣда вытащили за бороду изъ царскихъ палатъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто не по чину, а его прадѣда великій государь Петръ Алексѣевичъ извоили изъ собственныхъ рукъ нещадно дубинкою колотить, глупца, котораго я, при другихъ условіяхъ, не пустилъ бы къ себѣ на порогъ, а теперь къ нему ѣду, потому что онъ предсѣдательствуетъ въ томъ комитетѣ, гдѣ я скромно сижу въ уголкѣ, потому что онъ получаетъ звѣзды за тѣ бумаги, которыя я для него писалъ, потому, наконецъ, что я нахожусь въ его хвостѣ, а всякое животное можетъ съ своимъ хвостомъ дѣлать, что ему угодно; по всему этому выводять заключеніе, что я лѣзу въ знать. Лѣзетъ въ знать! Какое пошлое слово! Еслибъ еще сказали, что я лѣзу въ умники, въ герои, а то въ знать! Хотя бы подумали эти господа о томъ, что втираться въ тотъ кругъ, къ которому по рожденію не принадлежишь, это все равно, что войти, наприимѣръ, въ театръ, не имѣя билета для входа. Войти, пожалуй, можно и даже сѣсть на чужое мѣсто, но потомъ придетъ хозяинъ этого мѣста и васъ попроситъ удалиться. Есть, конечно, хлыщы, которые, ради удовольствія, поторчатъ десять минутъ на чужомъ мѣстѣ, готовы всякій стыдъ претерпѣть, но я вѣдь ничѣмъ еще не доказалъ, что бы и я принадлежалъ къ ихъ числу. Можете вы себѣ представить *меня* въ передней у какой-нибудь Казариной, которая не проститъ мнѣ до самаго гроба, что ея сынокъ служитъ подъ моимъ начальствомъ, что я могу сдѣлать ему замѣчаніе, *ему*, который ѣздитъ не иначе, какъ въ коляскахъ и обдаетъ грязью меня, идущаго пѣшкомъ. Конечно, она приметъ меня не въ передней, но пойду ли я къ ней, зная, что она все-таки считаетъ меня плебеємъ—и, приглашая меня бывать у ней, въ душѣ думаетъ: дуракъ ты будешь, если придеши!

— Я никогда не слыхала, перебила его Нина: — чтобы объ васъ говорили, что вы втираетесь въ знать.

— Погодите! вы еще не то услышите.

— На что она вамъ? продолжала она. — Вы человекъ труда,

ваше мѣсто совсѣмъ не съ ними. Мы и они — это два разные лагеря. Еслибы вы захотѣли принадлежать обоимъ, вы не принадлежали бы ни одному. А самое ужасное (она остановила на немъ серьёзный взглядъ), самое ужасное, это — остаться между двумя лагерями. Ни тотъ, ни другой не простятъ вамъ этого.

— Я служу не лагерямъ, а дѣлу. Если дѣло бросить меня въ другой, не въ тотъ, который считаетъ меня своимъ, я пойду и туда.

— Да? повторила она тихо.

— Вы этого не раздѣляете?

— Нѣтъ. Я люблю знать, гдѣ мои друзья и гдѣ враги.

— А если вашъ другъ пойдетъ по ложному пути?.. Вы не думаете, что иногда печальная необходимость заставляетъ васъ порвать прежнія связи. А вы знаете, что разставшіеся друзья — это самые злые враги. Не удивляйтесь, поэтому, если вы услышите, какъ распинаютъ меня на всѣхъ перекресткахъ. Вы услышите про меня самыя злыя клеветы. Только скажите кому-нибудь, что я — вашъ другъ, и мои враги не оставятъ васъ въ покоѣ. Если вы не хотите, чтобы злая змѣя недовѣрія закрадывалась въ наши отношенія, не говорите объ нихъ никому. Иначе, я чувствую, что между нами выростъ ту бездну, которая уже столько разъ отдѣляла меня отъ лучшихъ, прекраснѣйшихъ женщинъ.

Нина слушала его съ широко открытыми глазами.

— Я не понимаю, сказала она: — какая же это бездна. Отчего вы думаете, что я буду слушать всякую клевету?

— *Calomniez! calomniez toujours!* воскликнулъ онъ.

Нина молчала. Ее оскорбили его слова о томъ, что ихъ отношенія должны быть скрыты отъ всѣхъ. Какія же это отношенія? думала она. — Развѣ я — его любовница?

— Я не знаю, вымолвила она горько: — что же такого въ нашихъ отношеніяхъ, что я должна молчать о нихъ? Что же это за дружба, которая всего боится? которая прячется?

— Прячется! повторилъ онъ съ упрекомъ. — Прячаться могутъ только дурныя чувства. Ихъ, конечно, итъ въ вашей душѣ. Но неужели вы захотѣли бы, чтобы пришли другіе и стали своими грязными пальцами копать въ вашей душѣ. Отверойте только доступъ въ нее и вы увидите, что будетъ. Туда ползутъ всѣ, одни въ лайковыхъ перчаткахъ, другіе съ грязными сапогами, и святилище обратится въ базаръ. Есть такія души, которыя безъ этого базара жить не могутъ, которыя сами выходятъ на площадь и кричатъ о своихъ чувствахъ. Но это — не ваша душа, итъ! Вы слишкомъ страдали бы отъ этого. Вы сами не знаете,

какъ больно прикосновеніе грубой чужой руки... Скажите только, что вы отдали свою дружбу мнѣ, и къ вамъ сейчасъ сбѣгутся люди, которые будутъ кричать, что вы отдали ее бездѣльнику, негодяю, что надо отдать ее имъ, что они ее оцѣнятъ, а я обману ваше довѣріе... И вы... вы должны будете защищать меня. А довѣріе пошатнется у васъ. И вы будете также подозрѣвать меня. И прежнихъ, лучшихъ отношеній, теперешнихъ отношеній нашихъ тогда не будетъ.

Что-то холодное, неясное поднималось съ самой глубины ея души. Та внутренняя теплота, которая недавно еще согрѣвала ее, вдругъ пропала, точно отъ какого-то ледянаго дыханія. Его слова, согрѣтныя, казалось, такимъ участіемъ къ ней, холодными каплями падали на ея разгоряченную голову. Ихъ дружба, до сихъ поръ такъ восхищавшая ее, вдругъ показалась ей чѣмъ-то безобразнымъ. Онъ, должно слѣдъ замѣтилъ это, потому что тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

— Взгляните, воскликнулъ онъ, указывая на желтый шарбанъ, который снова перерѣзалъ имъ дорогу, показавшись на этотъ разъ изъ боковой аллеи, и, пролетѣвъ мимо нихъ, скрылся опять за деревьями.—Вотъ кому весело живется! (Онъ показавъ глазами на молодцоватую фигуру брата). Вотъ онъ опять ужъ куда-то мчится. Вы знаете, отъ чего онъ бѣжитъ? Отъ скуки, которая летитъ за нимъ по пятамъ.

— Вы говорите, что онъ ничѣмъ не занимается? спросила Нина разсѣянно.

— Прежде, онъ служилъ со мною въ министерствѣ. Но нынѣшней весною онъ получилъ наслѣдство. Огромное наслѣдство — восемь тысячъ! Ну, вы понимаете, что послѣ этого служить уже не стоить. Онъ подалъ въ отставку. Купилъ себѣ дачу, лодку, экипажъ, катается, разводитъ цвѣтники... Къ осени отъ наслѣдства не останется ничего... или, можетъ быть, останется тысяча три долгу... Но онъ объ этомъ не беспокоится. Тамъ есть еще моя доля, которая, онъ знаетъ, мнѣ не нужна, потому что я веду жизнь скромную, жалованье получаю большое — на чтѣ мнѣ эти деньги? Я столько зарабатываю, что нѣ какихъ-нибудь восьми тысячахъ, конечно, не нуждаюсь. Черезъ годъ ихъ у меня возьмутъ на уплату своихъ долговъ, а потомъ будутъ про меня рассказывать, что я — сухой эгоистъ, который выручилъ брата только для того, чтобы хвалиться потомъ вездѣ своими благодѣяніями, что я не отдалъ всѣхъ восьми тысячъ сразу, а заставилъ себя просить, поломался, какъ слѣдуетъ; что я не хочу, наконецъ, понять, какъ тяжело бѣдному человѣку обзавываться. Явятся холодныя, натанутыя отношенія, въ которыхъ я буду виновать

тѣмъ, что оказалъ одолженіе своему брату. Этому одолженію не забудутъ и не простятъ мнѣ никогда, и черезъ годъ, черезъ пять, черезъ десять лѣтъ, будутъ говорить: «А помнишь, какъ ты заставлялъ родного брата протянуть къ тебѣ руку за подаваніемъ?» Да! прибавилъ онъ, остановившись и проводя платкомъ по лицу: — семейное спокойствіе достается мнѣ не легко.

Нина почувствовала, какъ прежняя теплота ихъ отношеній возвращается, и какъ жалость къ нему согрѣваетъ ея сердце.

— Зачѣмъ вы помогаете вашему брату деньгами? Заставьте его работать.

— Это легко сказать: заставьте! Пока у него есть рубль въ карманѣ, онъ меня слушать не станетъ. Потому, когда онъ все проживетъ, онъ до мнѣ все-таки не пойдетъ. Нѣтъ! онъ слишкомъ гордъ для этого. Онъ будетъ жить въ долгъ, зная, что этотъ долгъ заплачу я, но дѣлая видъ, что онъ этого не знаетъ. И если я въ это время прмду ему сказать, чтобы онъ искалъ себѣ работы, онъ скажетъ: это не твое дѣло! я не твои деньги трачу. Вотъ какъ это дѣлается. Это гораздо проще, чѣмъ вы думаете.

— Тогда не платите его долговъ.

— Кто же ихъ заплатитъ? Что же вы хотите, чтобы мнѣ пришли и сказали: вашъ братъ — подлецъ! Вы хотите, чтобы я это выслушалъ и сказалъ: извините, это меня не касается! Да и наконецъ... Ну, что же? ну, онъ фальшивые векселя будетъ выдавать. Вѣдь я же по нимъ заплачу. Вы забываете, что между нами стоитъ мать, которая, какъ это ни горько, не хочетъ ничего видѣть, которая всегда и во всемъ винитъ меня, одного меня.

Нина чувствовала свое безсиліе помочь ему въ этомъ. И ей еще больше стало его жалко.

— И послѣ этого удивляются, продолжалъ онъ: — что я до сихъ поръ не женился. Но какъ это сдѣлать? Какъ имѣть другую семью, когда на моей обязанности лежитъ еще содержать эту! Что же, я буду обрывать свою жену и дѣтей въ пользу брата? Но какъ я могу на это рѣшиться? Развѣ я могу допустить, чтобы моя жена испытывала лишения? Что же мнѣ остается? Оставить брата безъ помощи? Это убьетъ мою мать. Вы видите, какъ всѣ эти нити тѣсно переплетаются! какъ я попалъ въ тонкую, какъ паутина, сѣть, невидимую для другихъ, но настолько крѣпкую, что порвать ее не въ силахъ.

Нина этого не видѣла. Ей казалось это проще: взять себѣ жену, которая не боялась бы лишеній, но она, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не хотѣла упоминать объ этомъ.

Онъ говорилъ ей еще о борьбѣ долга и чувства, о томъ, какъ вся его жизнь есть цѣль лишеній, какъ онъ подавляетъ всѣ лучшія движенія своей души и заглушаетъ въ себѣ привязанности, чтобы сдѣлать себя нечувствительнымъ къ ударамъ судьбы.

Нина все молчала. Она шла ровными, усталыми шагами, думая о томъ, что дома ее ждутъ, и все-таки продолжала идти.

Липовая аллея кончилась, началось пыльное широкое шоссе. Экипажи безпрестанно обгоняли ихъ, обдавая цѣлыми облаками мелкой бѣлой пыли. Левицкій сдѣлался вдругъ разсѣянъ. Рѣчь его стала неровной и мало интересной. Онъ часто прерывался, чтобы отдать поклонъ кому-нибудь изъ мимо проѣзжавшихъ. Разъ онъ спросилъ даже Нину, не поздно ли ей будетъ возвращаться одной. Она машинально отвѣтила: нѣтъ! думая совсѣмъ о другомъ.

Навстрѣчу имъ несло ландо, которое Левицкій, должно быть, узналъ, потому что тотчасъ же вынулъ лорнетку и остановился на полсловъ. Ландо быстро приближалось къ нимъ и неслышно катилось по камню обтянутыми гуттаперчей колесами. Едва оно поровнялось съ ними, какъ дама, сидѣвшая въ немъ, стала кланяться въ ихъ сторону и что-то говорила, сначала имъ, потомъ кучеру, который не сразу остановилъ разбѣжавшихся лошадей. Левицкій оставилъ руку Нины и съ словами:

— На одну минутку!

Помель быстрыми шагами къ коляскѣ. Она проводила его глазами, видѣла, какъ онъ подошелъ къ экипажу, какъ говорилъ что-то съ дамой, которая, наклонившись въ его сторону, тоже что-то говорила ему. Нина догадалась, что она спрашиваетъ, съ кѣмъ онъ, потому что разъ она обернулась въ его сторону и посмотрѣла на нее. Нина увидѣла блѣдное, изматое, но молодое еще лицо въ рамкѣ изъ черныхъ кружевъ. На передней скамейкѣ лежалъ ея пестрый пледъ, а на сидѣнье рядомъ съ собой она указывала Левицкому, вѣроятно, приглашая его занять это мѣсто.

Неужели онъ поѣдетъ? спросила себя Нина. И опять что-то холодное зашевелилось въ ея душѣ. Она стояла, какъ каменная, сжимая въ рукахъ свой зонтикъ и пожирая ихъ глазами.

Нѣтъ! онъ возвращается! Онъ кивнулъ той дамѣ и идетъ назадъ.

— Другъ мой! я долженъ съ вами проститься! сказалъ онъ торопливо. — Если я пойду пѣшкомъ, я опоздаю. Эта дама подвезетъ меня.

— Вы ѣдете съ ней?

— Да, это моя очень короткая знакомая, съ которой я всегда

*

радъ видѣться, а теперь особенно, потому что я этимъ воспользуюсь, чтобы не идти пѣшкомъ, а идти еще далеко. Вамъ тоже пора. Мы съ вамъ заговорились и не видѣли дороги. Идите, мой другъ, а то я буду беспокоиться.

— Когда же мы увидимся?

— Не знаю. Какъ-нибудь... Теперь едва ли скоро. Вся будущая недѣля у меня занята. Прощайте, милый другъ. Я вамъ напишу тогда.

Онъ вѣжливо пожалъ ей руку, пошелъ къ коляскѣ, вскочилъ въ нее съ другой стороны, не съ той, гдѣ она стояла, захопнулъ дверцу и уѣхалъ. Онъ даже ни разу не оглянулся въ ея сторону и сталъ тотчасъ же говорить съ дамой. Когда лошади уносили ихъ, Нина почувствовала, какъ что-то оборвалось у нея въ сердцѣ. Это не было чувство ревности, а что-то гораздо хуже, что-то злое, гадкое, гнетущее...

Другъ мой! куда же вы такъ бѣжите? думала она, стоя все на томъ же мѣстѣ.—Вѣдь вамъ еще гдѣ-то нужно было быть? Куда же мчитъ васъ это ландо?..

IV.

А ландо катилось по проспекту, обгоняя гуляющихъ дачниковъ, которые выходили вечеромъ на проспектъ подышать пылью.

— Вы совсѣмъ пропали! говорила дама Левицкому. — Я васъ цѣлый мѣсяцъ не вижу.

— Я былъ все это время жестоко занятъ. Я цѣлые дни сижу за работой.

— Не правда! Васъ видѣли въ Лѣтнемъ Саду.

— Очень можетъ быть! я тамъ обѣдаю. Или вы думаете, что мнѣ и ѣсть не надо?

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, вы очень были заняты?

— Часовъ пятнадцать въ сутки.

Дама даже отодвинулась.

— Ah! mais c'est épique! Вы такъ убьете себя. Вамъ надо отдохнуть, уѣхать куда-нибудь. Отчего вы не поѣдете за-границу?

— Отчего? очень просто: отпуска не даютъ.

— Но это безбожно! Они должны васъ щадить. Они должны дорожить вами. Такъ васъ не хватитъ на одинъ годъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, произнесъ онъ равнодушно.

— Перестаньте! Какъ вамъ не стыдно! (На лицѣ ея выразилась вдругъ печаль). Вы такой твердый человѣкъ...

— Съ чего вы взяли, что я — такой твердый человѣкъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! не будемъ говорить объ этомъ. Послушайте, кто эта барышня?.. *Cette petite que vous avez quittée? Elle me plaît beaucoup. Elle a un air comme ça...* У нея очень мужественный видъ.

— Это—прелестное существо. Это—дичокъ, изъ котораго могла бы выйти роскошная роза. Но такъ, какъ онъ есть—онъ погибнетъ въ глуши; онъ даже не разовьется какъ слѣдуетъ. Его заглушаютъ сорныя травы.

— Но вы не дадите ему погибнуть? перебила она не безъ ироніи.—Вы его разовьете?..

— У меня слишкомъ мало времени для этого. Въ свободныя минуты—да, я не скрою этого—я съ любовью готовъ заняться ею. Но вы знаете, какъ мало у меня этихъ минутъ.

Онъ поникъ головою. Она съ безпокойствомъ оглянулась. По лицу ея пробѣжали тревожныя тѣни.

— Вы давно знакомы съ нею? Она изъ хорошаго семейства?

— Отецъ ея—литераторъ, не особенно талантливый, но большой труженикъ. Писалъ когда-то введеніе къ какой-то исторіи, гдѣ 300 печатныхъ страницъ занимало описаніе какой-то кости, найденной въ древнихъ могилахъ. Одно вступленіе было въ V томахъ. Собираетъ бібліотеку изъ рѣдкихъ книгъ. Бібліотека у него прекрасная.

— Послушайте! перебила дама.—Познакомьте меня съ ней!

— Съ кѣмъ? съ бібліотекой?

— Перестаньте! я вовсе не шучу. Привезите ко мнѣ эту дѣвушку.

— *Mille pardons!* Этого я не сдѣлаю.

Она вспыхнула.

— Это почему?

— Вы знаете мое мнѣніе о вашемъ кружкѣ. *Sauf tout le respect que je vous dois*, я не только молодую, неопытную дѣвушку, но даже и созрѣвшую женщину не сталъ бы вводить безъ надобности въ этотъ развращающій мірокъ. Всѣ эти маленькія, неудовлетворенныя самолюбыца, всѣ эти затасканныя литературныя имена, эти герои салоновъ и даже дѣйствительныя таланты, которые у васъ бываютъ—все это подниметъ такую бурю въ молодой душѣ, и даже не бурю, а вѣрнѣе суматоху, подниметъ столько дремлющихъ инстинктовъ, не давая средствъ къ ихъ удовлетворенію, что на такое преступленіе я рѣшиться не могу. Ввести это молодое существо, которое еще ни во что не выработалось, въ кружокъ болтающихъ и празднословящихъ... нѣтъ! вы меня извините!

— Что же я тогда по вашему? развращенная, испорченная женщина?

— Вы—женщина, и это большая разница. Но и на васъ этотъ кружокъ дѣйствуетъ губительно. Я всегда вамъ это говорилъ и не перестану говорить...

— Ну да, это старая исторія о томъ, что мое знакомство развращаетъ меня. Можно подумать, что я Богъ знаетъ кого принимаю у себя въ домѣ.

— Я этого не говорю. Но у васъ нѣтъ кружка... У васъ есть базаръ, гдѣ всѣ толкуются и никто никого не понимаетъ.

— Напротивъ, у меня есть кружокъ. Кто вамъ сказалъ, что у меня его нѣтъ? Я вамъ сейчасъ назову имена.

— *Nomina sunt odiosa!* перебилъ онъ шутя.—Сейчасъ и имена! Зачѣмъ? Я ихъ слишкомъ хорошо знаю и слишкомъ мало уважаю... У васъ, дѣйствительно, бываютъ люди съ дарованіемъ, поправился онъ:—но ихъ немного и... они не выставляютъ его напоказъ, не торгуютъ имъ, какъ другіе. Куда вы, однако, везете меня? я вѣдь съ послѣднимъ поѣздомъ уѣзжаю.

— Но я васъ не пушу. Вы цѣлый мѣсяцъ у меня не были и хотите отдѣлаться тѣмъ, что проѣдетесь со мной до вокзала? Ступай домой! крикнула она кучеру, который на поворотѣ вопросительно оглянулся.

— Но у меня завтра комитетъ. Я въ часъ долженъ быть тамъ.

— Вы будете тамъ въ 12. Вы ночуете у насъ.

— Послушайте! Вы меня покищаете?

— Да! подтвердила она съ торжествомъ.

— Что же вы мнѣ не скажете, спросилъ онъ по-французски, послѣ маленькаго молчанія:—что вашъ мужъ?

— Не знаю, отвѣтила она равнодушно:—кажется, дома.

— Да вы съ нимъ видаетесь когда-нибудь?

— Очень мало. Онъ почти не живетъ здѣсь.

— Сегодня онъ дома, однако?

— Да, онъ пріѣхалъ спать. Онъ весь день нынче спитъ. Вы знаете, это всегда такъ: онъ нѣсколько ночей сразу не ложится, а потомъ его цѣлые сутки добудиться не могутъ. Это значитъ, что передъ этимъ онъ гдѣ-нибудь весело проводилъ время. Ah! *je suis bien malheureuse!* заключила она вдругъ дрожащимъ голосомъ.

— Другъ мой! вы должны помириться съ этимъ. У васъ есть дѣти, стало быть, есть цѣль въ будущемъ.

— Ахъ, я такъ стала равнодушна ко всему, такъ мнѣ все надоѣло! Бываютъ дни, когда я не знаю... Я точно въ летаргіи. Мнѣ все равно, я не живу. Это не отчаяніе, это хуже, чѣмъ от-

чаяніе... Когда я вижу, что у кого-нибудь есть большое горе, потрясеніе какое-нибудь, я завидую. Я желала бы такого горя, чтобы выйти изъ этого одѣблѣнія, de cette torpeur! прибавила она по-французски. — Но это невозможно; всѣ струны такъ порваны, что больше не звенать.

Разговоръ начиналъ принимать мрачный оттѣнокъ, когда коляска поднялась по вымощенному, отлогому полукругу и остановилась у каменнаго крыльца съ двумя миртами въ кадкахъ по бокамъ. Какой-то растерянный лакей выбѣжалъ высаживать барыню. Онъ, должно быть, занимался рукодѣліемъ, потому что на самомъ видномъ мѣстѣ на рукавѣ у него была воткнута игла съ длинной ниткой.

— Il paraît que vos domestiques sont très laborieux, сказалъ Левицкій своей спутницѣ и тотчасъ же, обратившись къ лакею, спросилъ:—что это, вы шьете что-нибудь?

— Такъ-съ, маленькая починка, отвѣтилъ тотъ, запинаясь.

Маленькая починка оказалась цѣлой холщевой палаткой, которую лакей шилъ для сосѣдней дачи, чтобы получить отъ господъ на чай. Увидавши барыню въ окошко, онъ задумалъ ее спрятать, но успѣлъ въ этомъ только отчасти, и послѣдняя неспитая еще половина палатки лежала кучей въ передней на полу.

— Décidément, il est très laborieux, повторилъ Левицкій, отодвигая холстину, чтобы очистить дорогу своей дамѣ.

Та покраснѣла до самыхъ корней волосъ, забывъ въ одну минуту о томъ, что она устала отъ жизни и что струны ея души порваны.

— Пожалуйста, чтобы этихъ беспорядковъ не было, сказала она лакею, не возвышая голоса, но съ замѣтнымъ въ немъ дрожаніемъ.

Домъ, въ который входилъ Левицкій, былъ домъ довольно извѣстнаго въ нѣкоторыхъ кружкахъ Петра Бобикова, большого дѣльца и кутилы, находившаго время управлять банкомъ, дѣлами одной акціонерной компаніи, имѣніями своего тестя, вести безчисленные процессы и въ тоже время такъ прожигать свою жизнь, затѣвать такіе чудовищнѣйшіе кутежи, опускаться въ такіе невѣроятные вертепы, что для этого нужны были не человѣческія, а какія-то лошадиныя силы. Его по цѣлымъ недѣлямъ отыскивали иногда по городу, зная, что онъ не выѣзжалъ изъ его предѣловъ, нападали тамъ и тутъ на его слѣды и никогда на него самого. Страсть къ бродяжничеству находила на него запоемъ. Онъ забиралъ тогда свой чемоданъ и, объявивъ женѣ, что ѣдетъ по дѣламъ въ провинцію, пропадалъ по разнымъ при-

тонамъ въ Петербургѣ или ѣхалъ кутить въ Москву. Во время этихъ припадковъ разгула никто ни по какимъ дѣламъ къ нему не обращался. Даже видѣть его въ это время было тяжело: растрепанный, съ налитыми кровью глазами, въ какомъ-нибудь пыльномъ или продранномъ сюртукѣ, онъ какъ-то дико глядѣлъ на всякаго трезваго человѣка. Послѣ, когда припадки проходили, онъ возвращался къ своимъ дѣламъ и къ семейному очагу, котораго онъ, впрочемъ, не любилъ даже и въ трезвомъ видѣ.

Работалъ онъ, какъ волъ, наверстывая потерянное время. Въ обыкновенныя трезвыя свои минуты онъ былъ большой дѣлецъ, схватывая очень быстро самую запутанную суть дѣла и отбрасывая всѣ ненужныя подробности. Являясь безпрестанно въ судъ то гражданскимъ истцомъ, то отвѣтчикомъ, онъ входилъ туда во всеоружіи своей смѣлости, наглости и ума. Захватить его врасплохъ было почти невозможно: если онъ не могъ отвѣтить доводомъ, онъ отвѣчалъ шуткой, ироніей, бранью; онъ металъ громы, кидался на какую-нибудь слабую точку противника и, ударяя въ нее молотомъ своего мрачнаго краснорѣчія, пробивалъ такую брешь, что врагъ сдавался. Имѣть его своимъ врагомъ было тѣмъ опаснѣе, что онъ не разбиралъ оружія.

Къ домашней жизни онъ былъ совсѣмъ неспособенъ: онъ сидѣлъ въ своемъ домѣ, какъ звѣрь въ клеткѣ. Всѣ его отношенія къ женѣ ограничивались тѣмъ, что онъ лгалъ ей безбожнымъ образомъ. Она давно уже не вѣрила ему, но онъ все-таки продолжалъ лгать, чтобы сохранить, говорилъ онъ, домашнее спокойствіе. Семейныхъ сценъ онъ боялся, какъ огня. На сторонѣ у него была всегда какая-нибудь любовь, часто даже платоническая.

Жена его, Вѣра Бобикова, имѣла въ свѣтѣ репутацію очень умной и очень несчастной женщины. Она всѣми силами старалась поддержать ее, собирала у себя умныхъ людей, очень мало выѣзжала и если гдѣ-нибудь показывалась, то всегда уступая необходимости и съ грустью на лицѣ.

Она любила писать своимъ знакомымъ коротенькія, но остроумныя записочки на толстой цвѣтной бумагѣ съ вензелемъ и незабудкой наверху. Когда ей случалось написать такимъ образомъ къ мужу, тотъ, разрывая конвертъ, говорилъ съ ироніей:

— А! это опять печальная незабудка пишеть!..

Отвѣчая ей, онъ называлъ ее не иначе, какъ «душа моя!» Подписывался всегда: «искренно любящій тебя мужъ твой Петръ».

Его обращеніе съ ней было наружно-почтительное и даже предупредительное. Чтобы купить себѣ свободу и право пропадать шесть дней въ недѣлю, онъ обязательно присутствовалъ на прием-

ныхъ вечерахъ жены, хотя и жаловался всякій разъ, что его тамъ одолѣваетъ бѣшеная скука.

Когда Левицкій вошелъ въ комнаты, онъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій понялъ, что хозяинъ дома. Слѣды его присутствія были вездѣ. Въ залѣ лежалъ его синій мѣшокъ, въ которомъ онъ возилъ свои бумаги, хотя прекраснѣйшій портфель съ удивительными бронзовыми замками, подаренный ему женой, лежалъ безъ употребленія въ шкафу, потому будто бы, что онъ никакъ не могъ отпереть этихъ замковъ, которые, чортъ знаетъ, какой дуракъ дѣлалъ. Въ гостиной валялось его пальто, забрызганное грязью: на тарелкѣ съ визитными карточками лежали его папиросы и половина апельсина.

Несмотря на слишкомъ очевидные слѣды его присутствія, его самого не было, и когда лакея спросили, гдѣ баринъ, онъ отвѣчалъ, что баринъ почиваютъ.

— Я вамъ говорила, замѣтила Вѣра по-французски, внутренно довольная тѣмъ, что никто не помѣшаетъ ей бесѣдѣ съ гостемъ.

Она провела его на балконъ, сама указала ему мѣсто въ уголкѣ между олеандрами, гдѣ стоялъ у нея синій фарфоровый столикъ и два низенькія кресла, и приказала подать чаю. Она оставила его на минуту одного, чтобы пойти узнать, гдѣ дѣти, и вернулась съ замѣтными слѣдами пудры на лицѣ.

— Я не знаю, начала она, опускаясь въ кресло:—можетъ быть, я старѣю, но я чувствую, какъ у меня начинается пропадать интересъ ко всему. Или это такъ пошло все, что наполняетъ теперь нашу жизнь, но я право не знаю... Вы не повѣрите, что я уйду часто изъ дѣтской съ какимъ-то неприятнымъ чувствомъ. Меня убиваетъ то, что изъ моихъ дѣтей выходятъ такіе матеріалисты! Это будутъ вылитые портреты отца. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я всѣ силы употребляю, чтобы развить въ нихъ не одно тѣло. Но я чувствую, что мнѣ это не удастся.

— Это будетъ совершенно зависѣть отъ васъ, сказалъ Левицкій, подвигая къ себѣ блѣдную розовую чашку съ крѣпкимъ ароматомъ чаю и какія-то воздушныя стружки и колечки.—Я, можетъ быть, нѣсколько смѣло выражаюсь, но позволю себѣ сдѣлать такое сравненіе: душа ребенка—это музыкальный инструментъ, всегда прекрасный, но не всегда попадающій въ одинаково искусныя руки. Начинаютъ колотить по немъ зря и безъ толку; по клавишамъ, которыя требуютъ нѣжнаго прикосновенія, ударяютъ кулакомъ; струны звенятъ — никто ихъ не поправляетъ, струна лопнула наконецъ, ничего—продолжаютъ барабанивать! лопнула другая, вытерлось сукно, запали молоточки...

Ахъ, говорятъ, какой скверный инструментъ! уберите его куда-нибудь на чердакъ!.. Но его не сразу убираютъ туда: его выносятъ еще въ лакейскую, гдѣ играетъ на немъ пьяный кучеръ и выѣдной лакей. И вотъ, созданный, можетъ быть, для того, чтобы передавать Ветховена и Шопена, онъ будетъ къ концу своего существованія изображать только Барнню, да и то подъ пьяными пальцами неумѣлаго музыканта. А вѣдь онъ могъ попасть въ руки артиста! Онъ, можетъ быть, заставилъ бы васъ плакать, молиться, онъ поразилъ бы васъ красотой своихъ звуковъ. Да! заключилъ онъ вдругъ, вставая:—мы разбиваемъ тысячи такихъ инструментовъ и жалуемся потомъ на ихъ негодность. Какой-нибудь мастеровой, способный только сапоги шить, вдругъ дѣлается обладателемъ такого сокровища. И пока мастеровые будутъ у насъ завѣдывать дѣломъ воспитанія и просвѣщенія, изъ нашихъ дѣтей будутъ выходить только уроды, искалѣченные жизнью.

— Пощадите! перебила его хозяйка, какъ бы въ шутку, но на самомъ дѣлѣ сильно краснѣя. — Я понимаю, что вы хотите сказать...

Онъ почтительно наклонилъ голову.

— Вы, конечно, не захотите думать, что это могло относиться къ вамъ. Я слишкомъ уважаю васъ, какъ мать...

— Да, но вы знаете, я не могу любить своихъ дѣтей только за то, что это—*мои* дѣти. Это чувство собственности совсѣмъ мнѣ незнакомо. Я не понимаю этихъ матерей, которымъ нужно только одно — чтобы ребенокъ отъ нихъ родился.

Этотъ педагогическій разговоръ продолжался такъ долго, что Левицкій началъ, наконецъ, замѣтно скучать. Онъ съѣлъ всѣ стружки, которыя были въ сухарницѣ, съѣлъ безъ аппетита, единственно только изъ желанія чѣмъ-нибудь занять себя. Когда они выбрались, наконецъ, изъ педагогическихъ дебрей, Вѣра предложила пройтись по саду.

— J'ai à vous parler! сказала она вдругъ почему-то по французски и, увлекая его въ темноту дорожекъ, спѣшила скрыть то выраженіе безпокойства, которое могло быть замѣчено при свѣтѣ двухъ садовыхъ свѣчей, горѣвшихъ передъ нимъ на столикѣ. — Я видѣла недавно Головину, начала она торопливо (Головина была ея свѣтская пріятельница):—она сообщила мнѣ очень интересную новость. Вы знаете, что васъ женятъ?.. И знаете на комъ?

Она пытливо взглянула на него, напрягая свое зрѣніе въ темнотѣ и стараясь разглядѣть выраженіе его лица. Но шляпа закрывала ему глаза, и въ складкахъ его губъ она ничего, кромѣ ироніи, не могла прочесть.

— Васъ женать на моей сестрѣ! докончила она.

— Это очень лестно для меня, сказалъ онъ, кланяясь: — и очень не лестно для вашей сестры.

— Шутки въ сторону! я не стала бы и говорить объ этомъ, еслибы тутъ не было замѣшано имя Бетси и... и ваше, прибавила она нерѣшительно.—Будь это кто нибудь-другой, я бы ни слова не сказала, но вы... вы знаете, vous êtes trop copain. Эта басня сейчасъ облетитъ весь городъ...

— Право, кажется, въ свѣтѣ думать, воскликнулъ онъ съ досадою:—что я занятъ только любовью. Меня завалили работой, заставляютъ цѣлые мѣсяцы сидѣть въ разныхъ комитетахъ съ разными военными и статскими генералами, заставляютъ быть попеременно переводчикомъ, писцомъ, богословомъ, педагогомъ, не знаю чѣмъ, и хотятъ, чтобы я еще находилъ время заниматься любовью. Grâce, madame! Я до того устаю за послѣднее время, что кромѣ празднословія въ свободныя минуты ни на что больше не способенъ.

Вѣра нѣсколько сконфузилалась.

— Чтò же вы на меня сердитесь? Развѣ я это говорю!

— Вы-то именно и не должны этого говорить. Вы знаете, способенъ ли я любить! можетъ ли женская любовь занимать меня теперь? Въ моей душѣ, кромѣ унынія и отвращенія къ самому себѣ, давно уже нѣтъ мѣста для другихъ чувствъ. Вотъ, однако, и вашъ мужъ! Если я не ошибаюсь, это онъ стоитъ на балконѣ.

V.

Бобиковъ только-что проснулся и, не понимая хорошенько, утро это или вечеръ, вторникъ или среда, вышелъ освѣжиться на балконъ. Увидавъ, что жена идетъ съ гостемъ, онъ хотѣлъ было уйти, думая, что это опять какой-нибудь литераторъ, которые часто посѣщали его жену и которыхъ онъ терпѣть не могъ, но, узнавъ голосъ Левицкаго, остался.

— Съ добрымъ утромъ! говорилъ Левицкій, пожимая ему руку.—Вы, я слышала, только-что встали.

— Да, славно выпался. Ъсть что-то хочется. Ты бы мнѣ велѣла чего нибудь дать, обратился онъ къ женѣ.

Та вышла распорядиться. Бобиковъ сѣлъ на ступеньки балкона. Его черные, масляные, прямые волосы лѣзли ему на лобъ. Глаза у него были сонные и все лицо сматое отъ сна.

— А я не зналъ, что вы здѣсь. Я бы давно всталъ. А то, чортъ его знаетъ, гадость какая-та стала ужъ сниться.

— Вы бы зельтерской воды выпили, посоветоваль Левицкій.

— Пилъ ужъ. Да нѣтъ, я не знаю, надо что ли правильную жизнь вести. Такъ какъ-то все скверно...

— А вы не боитесь, что съ вами ударъ когда-нибудь сдѣлается?

— Чтожъ! все равно умирать. Ну, я отъ удара умру, а вы отъ воспаления въ какой-нибудь перепонкѣ. Почему вы знаете, можетъ быть, у васъ теперь уже какая-нибудь перепонка гниеть? Человѣкъ—живучая тварь! У него иной разъ половины легкаго нѣтъ, какой-нибудь сосудъ такъ раздулся, что вотъ-вотъ лопнетъ, а онъ себѣ живетъ, да наслаждается. Одинъ пузырекъ въ легкихъ остался, все дышетъ! да еще за-границу ѣхать собирается. Такъ и мы! вотъ мы тутъ съ вами сидимъ, а завтра мы, можетъ быть, на столѣ будемъ лежать.

Разговоръ этотъ видимо непріятенъ былъ Левицкому.

— Вотъ и видно, что вы не въ-время спали, замѣтилъ онъ.— Васъ сонъ не освѣжилъ, а раздражилъ.

— А вы всегда въ-время спите?

— Я послѣднее время совсѣмъ не сплю.

— Ну, такъ, стало быть, и разговаривать нечего. Я тоже вотъ двадцать разъ хотѣлъ правильную жизнь начать. Наслушаешься эдакъ разныхъ докторовъ, ну, думаешь: дай-ка въ самомъ дѣлѣ... Да нѣтъ, чортъ его знаетъ! Какъ-то не выходитъ.

— Да, я и забылъ вамъ сказать, перебилъ его Левицкій:— васъ вчера у вашихъ ждали.

— Зачѣмъ?

— Вы тамъ бумагу какую-то отъ нотаріуса хотѣли привести...

Бобиковъ схватился за голову.

— Ахъ, ты чортъ! забылъ совсѣмъ.

— Что это ты забылъ? спросила жена, возвращаясь.

— Да нѣтъ, ничего... Такъ.

У него была несчастная привычка забывать порученія, которыя давали ему родные его жены. Часто случалось, что онъ ѣхалъ куда-нибудь по дѣлу своего тестя, но дорогой кто-нибудь встрѣчался съ нимъ и увозилъ его совершенно въ противоположную сторону. Бывало также, что онъ уходилъ куда-нибудь на полчаса и возвращался только на другой день. Назначить ему свиданье въ опредѣленный часъ было напраснымъ трудомъ: онъ или опаздывалъ, или не приходилъ вовсе. Чтобы видѣть его по дѣлу, его ловили на улицѣ или въ правленіи, или наконецъ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ жили предметы его любви. Самымъ грубымъ образомъ ошибались тѣ, которые думали застать его дома.

Они навѣдывались разъ по десяти на дню и всякій разъ получали стереотипный отвѣтъ:

— Еще не пріѣзжали. Или:—Только что сейчасъ уѣхали.

Его безпокойный нравъ никакъ не укладывался въ рамки будничной семейной жизни. Его все влекло куда-то. Любимыми его словами были: «хоть бы удрать куда-нибудь!» Удраты—было его лозунгомъ, его мечтой. Эта болѣзнь особенно одолевала его весной, когда его начинало тянуть вонъ изъ города, но не въ поля и лѣса, а въ другіе, такіе же города, гдѣ онъ ходилъ по мало знакомымъ улицамъ, разговаривалъ съ бабами-торговками, съ монахами, съ гарнизонными солдатами. Онъ заходилъ даже въ незнакомые дома, гдѣ самъ рекомендовался и бывалъ всегда любезно принятъ. Такъ ѣздилъ онъ по Россіи съ пустымъ чемоданомъ, въ которомъ лежала какая-нибудь пара платья, да купленный на дорогу французскій романъ, успѣвалъ обдѣлать всѣ свои дѣла, заключалъ подряды для правленія, продавалъ хлѣбъ своего тестя и, возвращаясь въ Петербургъ, едва успѣвалъ вытащить изъ чемодана свой фракъ, чтобы тотчасъ же скакать въ судъ или въ палату на разбирательство съ какимъ-нибудь купцомъ Блиновымъ за непоставленный къ сроку матеріалъ для строительныхъ работъ.

Въ этомъ вихрѣ мыслей и занятій онъ и не замѣтилъ, какъ прошла большая и лучшая половина его жизни, какъ, описавши широкую дугу на небѣ, его звѣзда стала спускаться къ горизонту, ни разу не поднявшись до той высоты, какой она могла бы достичь, судя по широкому размаху ея первоначальнаго движенія. Его умъ былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые разбрасываются въ ширину и, начиная блистательно, кончаютъ слабо. Въ 20 лѣтъ онъ мечталъ быть знаменитостью, въ 35—былъ только ловкимъ дѣльцомъ, который размѣнялъ свой талантъ на государственныя ассигнаціи и за одинъ банковый билетъ готовъ былъ показать всѣ перлы своего ума. Отъ постоянного употребленія для практическихъ дѣлей умъ его получилъ ту особенную окраску, которая свойственна умамъ дѣловымъ и торговымъ. Онъ очень быстро и легко обращался съ цифрами, съ статьями законовъ, съ уложеніемъ о наказаніяхъ. По недосугу, онъ мало читалъ, почерпая всѣ свои знанія изъ газетъ и изъ энциклопедическихкихъ словарей. Въ книгѣ, какъ и въ жизни, какъ и въ любви, онъ любилъ краткость.

— Что такое ты забылъ? спрашивала Вѣра, всегда ревниво слѣдившая за разговорами своего мужа съ Левициемъ. Заставая

конецъ такого разговора, она непремѣнно желала знать его начало.

— Да забылъ вчера къ твоему отцу сѣздить! А тамъ меня ждали. Вотъ онъ мнѣ сейчасъ напомнилъ.

— Вы были развѣ вчера у нашихъ? спросила Вѣра, быстро оборачиваясь.

— Я вчера обѣдалъ у нихъ, отвѣтилъ Левицкій какъ-то неохотно.

— Вотъ какъ! Что же вы мнѣ ничего не скажете?

— Что же ѣсть-то? дадутъ что ли? перебилъ Бобиковъ съ нетерпѣніемъ.

— Пожалуйста! готово-съ! доложилъ лакей, показываясь въ дверяхъ.

Сѣли ужинать. Вѣра никогда не ужинала и спросила себѣ только стаканъ воды съ вареньемъ. Левицкій сѣлъ всего понемногу и пилъ вино, которое нарочно для него и было подано. Вино было хорошее. Бобиковъ положилъ себѣ одного блюда, того, которое ближе столу, и сѣлъ его цѣлую тарелку верхомъ. Ылъ онъ скоро и безъ разбору, наѣдаясь сразу на цѣлые сутки. Удовольствія ѣды для него не существовали. Когда ему случилось обѣдать въ ресторанахъ, онъ заказывалъ всегда *côtelettes de volaille* и *soufflet aux fruits* не потому, чтобы онъ особенно любилъ эти блюда, а просто потому, что запомнилъ какъ-то эти названія и, не зная никакихъ другихъ, заказывалъ эти кушанья поневолѣ. Разъ онъ вздумалъ-было выбрать себѣ блюдо по карточкѣ, нашелъ какое-то *bombe à la Sardanaïale*, принялъ это за пирожное и приказалъ себѣ подать. Ему подали большой комъ картофеля въ маслѣ и взяли за это два съ полтиной.

Левицкій за ужиномъ спрашивалъ о томъ, выгодно ли теперь купить имѣніе, и сколько оно можетъ дать доходу. Онъ внимательно выслушивалъ хозяина и, казалось, что-то вычислялъ. Бобиковъ сказалъ, что за 75 тысячъ онъ купитъ ему прекрасное имѣніе. Левицкій замѣтилъ, что у него такихъ денегъ нѣтъ, и перемѣнилъ разговоръ. Но онъ возобновилъ его въ кабинетѣ хозяина, когда они остались одни и присутствіе Вѣры не могло помѣшать. Левицкій признался, что у него есть маленькій капиталъ, который онъ хотѣлъ бы помѣстить не за большіе проценты, потому что это противно его принципамъ, но такъ, чтобы была нѣкоторая выгода и чтобы помѣщеніе было вѣрное. Бобиковъ съ свойственной ему быстротой соображенія тотчасъ же развернулъ передъ нимъ цѣлый планъ разныхъ выгодныхъ помѣщеній и, не давая ему опомниться, сталъ передъ нимъ высчитывать, что онъ можетъ нажить въ годъ, въ два года, въ де-

сать дѣтъ. Онъ, какъ шука, которую вдругъ пустили въ воду, почувствовалъ себя въ своей родной стихіи, и то весело игралъ на поверхности, то вдругъ нырялъ въ самую глубину, куда не могъ за нимъ проникнуть ни одинъ любопытный глазъ, и, нырнувши у одного берега, выплывалъ неожиданно у другого. Левицкій, хотя самъ человекъ неглупый и довольно опытный, съ изумленіемъ слѣдилъ за этими продѣлками, невольно думая про себя: однако, ты, братъ—бестія порядочная!

Бобиковъ доказывалъ ему, какъ дважды два, что ему нечего стѣсняться какими-то принципами, что онъ можетъ увеличить свой капиталъ самымъ честнымъ образомъ, что это—одно изъ свойствъ капитала постепенно увеличиваться, что безъ этого никакое движеніе впередъ было бы немислимо и капиталы прятались бы по норамъ, вмѣсто того, чтобы служить обществу, какъ теперь. Левицкій слабо защищался, говоря, что деньги эти нажиты не имъ и что было бы противно его совѣсти брать за нихъ большіе проценты.

— Мнѣ хотѣлось бы только имѣть копейку на черный день, говорилъ онъ. — Я человекъ труда и, почему я знаю: можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ меня ждетъ богадѣльня?

— Знаю я, какая это богадѣльня! подумалъ Бобиковъ.—Тебѣ хотѣлось бы не въ далекомъ будущемъ войти туда въ лентѣ и звѣздахъ!

— У меня есть, наконецъ, старуха-мать, продолжалъ Левицкій:—о которой я тоже долженъ позаботиться. Моя мечта—вы будете смѣяться надъ этимъ—моя мечта имѣть маленькій домикъ, гдѣ-нибудь въ провинціи, жениться на какой-нибудь простоватой, но доброй, очень доброй дѣвушкѣ, которая будетъ снисходительно ходить за моими ревматизмами...

— И вмѣстѣ съ ней сажать капусту въ огородѣ! докончилъ за него Бобиковъ.—Ну, батенька! (онъ ударилъ его по плечу) слышали мы это!

Левицкій попятился назадъ.

— Да, я знаю, сказалъ онъ, смѣясь.—Я вѣдь страшный честолюбецъ.

— Ну, а насчетъ жены, продолжалъ Бобиковъ:—что-жь? это хорошо! Ищите себѣ какую-нибудь простоватую... дочку сенатора или дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Левицкій улыбулся своей тонкой улыбкой.

— Вы обо мнѣ, я вижу, очень дурного мнѣнія.

Онъ сказалъ это какъ бы шутя, но въ этой шуткѣ сквозила истина. Эти люди, всегда любезно встрѣчавшіеся и готовые оказать другъ другу тысячи разныхъ услугъ, въ душѣ не любили одинъ

другого. Бобиковъ считалъ Левицкаго фразёромъ, не вѣрилъ ни слову изъ того, что онъ говорилъ, и называлъ его въ третьемъ лицѣ не иначе, какъ «нашъ генералъ».

Левицкій внутренно презиралъ Бобикова, какъ человѣка безъ убѣжденій и безъ совѣсти, всегда готоваго плыть по теченію. Его особенно возмущала въ немъ его вѣшняя распущенность, его щегольство беспорядочностью и желаніе выставить на показъ то, что другіе скрываютъ въ тайникахъ своей души. Онъ, на примѣръ, не стѣсняясь, давалъ взятки, говорилъ, что безъ этого никакое дѣло не пойдетъ, что всё — тодлецы, что всякаго можно купить и продать. Онъ нанималъ для компанейскихъ складовъ домъ своего тестя, платилъ ему втридорога, да еще за пять лѣтъ впередъ. Своимъ пріятелямъ онъ выдавалъ ссуды изъ банка подъ бумаги, не имѣвшія хода на биржѣ, подъ дутые векселя, и не ради какихъ нибудь выгодъ для себя, а просто такъ, по русскому добродушію, потому что совѣстно отказать пріятелю. Исторія съ фальшивыми векселями, подъ которые онъ выдалъ крупную сумму, едва была замята при помощи разныхъ вліятельныхъ лицъ, которымъ онъ тоже оказывалъ тысячи маленькихъ услугъ. Въ обществѣ говорили объ огромной взяткѣ, полученной имъ будто бы за это, и даже просто о расхищеніи банка; но самъ онъ не попользовался ни одной копейкой: онъ просто одолжилъ пріятелей, которые вмѣстѣ съ нимъ кутили. Разныя промотавшіеся баричи присасывались къ нему, какъ пиявки, заставляя его потомъ дорого расплачиваться за высокую честь знакомства съ ними. Никто громче его не смѣялся надъ титулами и никто тайнѣ не былъ чувствительнѣе къ дружбѣ высокихъ лицъ. Онъ готовъ былъ служить имъ безкорыстно, изъ-за одного спасибо, изъ-за пріятельскаго пожатія руки. То же чувство сближало его и съ Левицкимъ, котораго онъ, если разобратъ хорошенько, не только не любилъ, но даже просто не терпѣлъ. Но звѣзда Левицкаго очень быстро поднималась, и неизвестно гдѣ могла остановиться. Погрѣться въ ея лучахъ всякому было лестно.

И вотъ эти двое людей, занимавшіе, каждый въ своемъ родѣ, видное мѣсто въ обществѣ и взаимно другъ друга ненавидѣвшіе, изъ всѣхъ силъ старались поддержать дружескія отношенія, выдались запросто и вступали въ интимные разговоры. Бобиковъ предложилъ даже разъ Левицкому сосватать ему свою свояченицу, прибавивъ, что она — богатая невѣста, и что жаль, если она достанется какому-нибудь кирасиру. По своей манерѣ говорить обо всемъ, не стѣняясь, даже о самыхъ щекотливыхъ предметахъ, онъ возобновилъ этотъ разговоръ и теперь.

— Знаете что, сказалъ онъ послѣ словъ Левипкаго, что онъ хотѣлъ бы уѣхать въ провинцію.—Вы вѣдь меньше, какъ губернаторомъ въ провинцію не поѣдете. Ну, а какой же губернаторъ служить изъ-за жалованья, точно становой какой-нибудь! Жалованье уйдетъ на представительство, на балы, на обѣды, да и то еще придется своихъ приплатить.

— Еслибъ я былъ губернаторомъ—чего, впрочемъ, никогда не будетъ—то мои обѣды состояли бы изъ трехъ блюдъ, служилъ бы у меня тотъ же Степанъ, который служить теперь и котораго я никакъ не могу приучить, чтобъ онъ мылъ себѣ всякій день руки; а что до баловъ, то я, пожалуй, пригласилъ бы тапѣра и велѣлъ бы подать чай и пирожки изъ кондитерской. Все это я могъ бы сдѣлать, не выходя изъ своего бюджета, и увѣряю васъ, у меня было бы очень весело. Вы, впрочемъ, знаете мой образъ жизни. Вы знаете, какъ я смотрю на приемы, на представительство и на все такое... Вы должны еще помнить то время, когда я жилъ въ пятомъ этажѣ и когда ко мнѣ съ душевнымъ прискорбьемъ поднимались туда разные господа, которые дѣлали видъ, что они до тѣхъ поръ и не знали даже, что бываютъ пятые этажи. И посмотрите, какъ они скромно сидѣли въ моей приемной, на моихъ буковыхъ стульяхъ. Теперь я, по необходимости, расширилъ рамки моей жизни, но, знаете ли? я очень жалѣю объ этомъ! Моя лѣстница въ девяносто ступеней и мои буковые стулья служили мнѣ отличной мѣркой, чтобы узнавать людей. Кому тяжело было сосчитать эти ступени, того я избавлялъ отъ труда ходить ко мнѣ. Ну, а кто приходилъ по дѣлу, тому я удѣлялъ часъ, два часа, двѣ минуты, смотря по тому, каково было это дѣло. Если оно состояло въ томъ, чтобы засвидѣтельствовать мнѣ почтеніе, то я обыкновенно куда-нибудь торопился, вынималъ часы и говорилъ съ сожалѣніемъ, что больше двухъ минутъ никакъ удѣлить не могу. И въ этомъ случаѣ мои буковые стулья сослужили мнѣ большую службу. Бархатныя кресла какъ-то ужасно располагаютъ къ тому, чтобы просидѣть два часа лишнихъ; тутъ, пожалуй, и сигару предложишь, и чашку кофе, а такъ какъ говорить не о чемъ, то, пожалуй, и сплетничать станешь. Вотъ вамъ и представительство ваше!.. Да это такая язва въ нашемъ общественномъ организмѣ, которую надо вырвать немедленно, а мы боимся къ ней прикоснуться, мы даемъ ей расти, разъѣдать насъ, питаться нашими соками! Вы посмотрите, не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ наше общество начнетъ разлагаться совсѣмъ.

— Да, и ко времени вашего губернаторства все будетъ такъ гнило, сказалъ Бюбиковъ съ насмѣшкой:—что вы, пожалуй, и въ

провинцію не поѣдете, потому что, какъ хотите, а гнилой Петербургъ все-таки лучше гнилой провинціи. Ну, да не въ этомъ дѣло! Знаете, я вамъ серьёзно говорю: что вы не посватаетесь къ Лизѣ? ей замужъ пора; вы посмотрите-ка, какъ тяжелая кавалерія наступаетъ. Вѣдь атакъ не успѣшь оглянуться, какъ она зацѣпитъ за шпору какого-нибудь кавалериста.

Левицкій задумчиво перелистывалъ какую-то книгу.

— Жениться на богатой дѣвушкѣ было бы съ моей стороны безуміемъ, проговорилъ онъ. — Во-первыхъ, я не допускаю неравенства состояній въ бракѣ; а во-вторыхъ, богатая жена захочетъ представительства, а я сейчасъ говорю вамъ, какого я о немъ мнѣнія.

— Ну, батенька, это что, это пустое! У васъ будетъ простой дубовый кабинетъ съ кожаными креслами, а у жены своя гостиная, тоже простенькая, розоваго дерева, какого-нибудь персиковаго цвѣта, съ куклами, съ амурами—женщинамъ игрушки можно позволить. У васъ Степанъ будетъ прислуживать, а у жены своя прислуга—человѣкъ пять лакеевъ, камерфрау, ну, тамъ еще что нужно, это до васъ не касается... Да вы посмотрите, вотъ у насъ... Вонъ видите, у кувшина носикъ отбитъ, это я нѣтъ него умываюсь. А въ спальной серебряная лохань стоитъ, это жена умывается. Вотъ сейчасъ опять чашка на столѣ: въ ней мнѣ воду для бритвы приносятъ, а когда я обѣдаю, т. е. когда я одинъ обѣдаю, мнѣ въ ней же салатъ подаютъ. Вотъ вамъ! Ужъ на что проще меня... проще меня никто не живетъ. А женѣ я не мѣшаю.

— Мои понятія о женитьбѣ нѣсколько иныя, сказалъ Левицкій, вставая. — Еслибы мнѣ подали воду для бритвы въ салатникѣ — или пожалуй даже салатъ въ водѣ для бритвы—я бы, признаюсь, считалъ свое семейное счастье непрочнымъ. Теперь о моихъ удобствахъ заботится Степанъ, и довольно скверно заботится, надо сказать правду; но я съ этимъ еще кой-какъ мирюсь. Но если жена будетъ обо мнѣ такъ же заботиться... вы меня извините! Я цѣлый день работалъ, усталъ, хочу отдохнуть, а мнѣ вдругъ... (онъ снялъ съ пыльнаго подноса стаканъ, гдѣ вмѣстѣ съ молокомъ плавали двѣ мухи) мнѣ вдругъ такое молоко подаютъ!..

Бобиковъ зѣвнулъ.

— А вы, кажется, не выспались? спросилъ Левицкій, обращаясь.

— Завтра надо чѣмъ свѣтъ въ казначейство ѣхать, оправдывался Бобиковъ.

— Такъ что же мы сидимъ! Давайте спать. Васъ когда можно на этой недѣлѣ застать? я къ вамъ въ банкъ заѣду.

— Да когда хотите.

— Да вѣдь въ тѣ никогда не застанешь.

— Да, пожалуй, что и такъ, сказалъ Бобиковъ, раздѣваясь:— я у васъ лучше самъ буду.

— Надуете вѣдь?

— Нѣтъ! ну, вотъ. Нѣтъ, ей-Богу, буду... Въ среду буду.

— Въ которомъ часу?

Бобиковъ посмотрѣлъ на потолокъ.

— Ну, ужъ вотъ въ которомъ часу, я не знаю.

— До 12-ти у меня пріемъ, говорилъ Левицкій.— Въ часъ я въ комитетъ, въ 3 часа— у министра. Отъ 5-ти часовъ я свободенъ. Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами серьезно. Надо же въ самомъ дѣлѣ рѣшить, что я буду дѣлать съ моими деньгами.

Хозяинъ давно ужъ храпѣлъ богатырскимъ сномъ, а гость все еще не ложился и долго ходилъ по комнатѣ. Напрасно старался онъ побѣдить разныя тревожныя мысли, которыя одолевали его по ночамъ. Какъ и всѣ почти нервныя люди, онъ страдалъ періодическими бессонницами, противъ которыхъ бессильными оказывались всѣ лекарства, и страшныя количества хлорала, морфія и опиума, которыя онъ вливалъ въ себя въ такое время, только раздражали его воображеніе.

VI.

Николай Огневъ совсѣмъ почти не жилъ дома. Съ сестрами ему было скучно, а отпа онъ избѣгалъ, потому что тотъ былъ характера тяжелого, угрюмаго и ревниво слѣдилъ за дѣтьми. Онъ мало говорилъ съ ними, но тяжесть его присутствія чувствовалась невольно. Послѣдвшій и высохшій за работой, всегда недовольный собой и всѣмъ міромъ, никогда невидавшій ясныхъ дней въ своей жизни, голодавшій въ молодости и кое-какъ перебивавшійся въ старости, онъ однимъ своимъ появленіемъ убивалъ всякое оживленіе въ своихъ дѣтяхъ. Его косматыя, почти бѣлыя брови, желтоватый блескъ его глазъ, глубокая, какъ ножомъ проведенная морщина на лицѣ и напружившіяся жилы на лбу, при малѣйшемъ волненіи наполнявшіяся кровью, придавали ему такой мрачный, почти дикій видъ, что всякое веселье бѣжало отъ него прочь. На его лицѣ читалась вся скорбная исторія его жизни, состарившая его преждевременно. Въ

*

пятьдесятъ лѣтъ онъ глядѣлъ семидесятилѣтнимъ старикомъ, ходилъ сгорбившись, съ трудомъ читалъ при свѣчахъ и съ большимъ напряженіемъ писалъ тѣ статьи, которыми существовала его семья. Онъ поставлялъ для газетъ разныя ученныя рецензии и библиографическія замѣтки, гдѣ каждая строка стоила ему немовѣрныхъ трудовъ и гдѣ, чтобы написать пятнадцать строкъ, онъ прочитывалъ два-три объемистые тома, справлялся въ десяти сочиненіяхъ и рылся въ архивахъ.

Его любимымъ трудомъ, надъ которымъ посмѣялся Левицкій, назвавши его введеніемъ къ какой-то исторіи, была «Книга о началахъ цивилизаціи», которую онъ писалъ уже пятнадцатый годъ, занимаясь ею, какъ десертомъ послѣ скучныхъ газетныхъ работъ. Эта книга была его отдыхомъ, его услодой въ часы досуга. Но онъ самъ уже начиналъ понимать, что не въ силахъ будетъ ее кончить, потому что, по его соображеніямъ, она требовала еще 45 лѣтъ труда. Старику пришло тогда въ голову оставить ее въ наслѣдство сыну, который могъ бы ее продолжать, а, можетъ быть, даже и кончить. Эта мысль пришла ему давно, когда сынъ бѣгалъ еще въ курточкѣ и, кромѣ большихъ музыкальныхъ способностей, которыя онъ выказывалъ, играя самоучкой на скрипкѣ, никакихъ другихъ не проявлялъ. Но упрямый старикъ не хотѣлъ ничего видѣть и, на зло природѣ, хотѣлъ сдѣлать изъ сына историка и ученаго изслѣдователя. Онъ морилъ его цѣлыя дни на латыни, почти силой провелъ черезъ всѣ классы гимназій и, наконецъ, опредѣлилъ въ университетъ, буквально опредѣлилъ, потому что Николай поступилъ туда, какъ на службу, видя въ этомъ единственный источникъ существованія. Отецъ сказалъ ему, что пока онъ въ университетѣ, онъ будетъ его содержать, но какъ только онъ вздумаетъ самовольно выйти оттуда, онъ не пуститъ его къ себѣ на порогъ.

Николай покорился, но, желая сохранить свою самостоятельность, старался какъ можно меньше бывать дома. Онъ завелъ знакомства въ артистическомъ мірѣ—съ пѣвцами, музыкантами, актрисами и продолжалъ считать себя артистомъ съ такимъ же глубокимъ убѣжденіемъ, съ какимъ отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него историка.

На дачѣ онъ первое время сильно скучалъ. Ѣздить часто въ городъ ему было не на что, а въ деревнѣ не было ни знакомыхъ, ни развлеченій... Скоро онъ, однакожь, нашелъ и то, и другое. По своей привычкѣ быстро и легко со всѣми знакомиться, онъ сошелся вдругъ съ младшимъ Левицкимъ, Дмитриемъ, и, встрѣтившись съ нимъ два раза въ парѣ, вступилъ съ

нимъ въ пріятельскія отношенія. Сестры Николая скоро узнали объ этомъ, потому что онъ каждый день говорилъ имъ, какой славный малый этотъ Дмитрій.

— Хотите, я вамъ приведу его? спросилъ онъ разъ.

Нина подумала, что это можетъ быть неприятно Павлу Левицкому, и сказала, что не хочетъ этого знакомства.

— Если вы такъ будете ото всѣхъ бѣгать, вы вѣкъ свой просидите въ дѣвкахъ, замѣтилъ Николай, обиженный тѣмъ, что его услуги не принимаются.—Что вы думаете, что *тотъ* что-ли на васъ женится? (Сестры поняли, кого онъ подразумѣвалъ подъ словомъ *тотъ*). Какже! непременно! Мнѣ вонъ братъ его рассказывалъ, что онъ женится на какой-то Полуновой.

— На комъ? спросила Лиза живо.

— Ну, да все равно на комъ! на васъ не женится.

— На Полуновой! воскликнула Лиза. — Это, должно быть, тѣ самыя, обратилась она къ сестрѣ:—ты помнишь? На одной изъ нихъ Яковлевъ былъ женатъ.

Нина подняла свое блѣдное лицо.

— Можетъ быть! сказала она коротко.

Николай посидѣлъ еще немного и, не подозрѣвая, какой страшный ударъ нанесъ онъ своей сестрѣ, отправился къ своему новому знакомому. Дача Левицкаго была недалеко. Вся она состояла изъ какихъ-то вычурныхъ павильоновъ, неудобныхъ для жилья, но красивыхъ снаружи. Передъ террасой были раскинуты цвѣтники и дорожки, но на мѣстѣ деревьевъ качались одни только чахлые подсадки: какіе-то длинные прутья съ жидкой зеленью. По всему саду разставлены были садовныя скамейки отъ Сан-Галли, а тамъ, гдѣ на планѣ значилась бесѣдка, торчали изъ травы бѣлые колышки, очень тщательно и правильно заостренные. На деревянныхъ тумбахъ, обращенныхъ подъ мраморъ, стояли красныя глиняныя вазы съ ползучими растеніями. На садовой рѣшеткѣ и на воротахъ при вѣздѣ во дворъ прибиты были доски съ надписью: Дача Левицкаго.

Самъ Левицкій, вооружившись большимъ садовымъ ножомъ, сидѣлъ на деревѣ; не въ саду, потому что въ саду деревьевъ не было, а на дворѣ передъ окнами своей спальни, и старательно обрѣзалъ сухія вѣтви, которыя съ легкимъ трескомъ летѣли внизъ, гдѣ лежали уже кучи другихъ такихъ же сучьевъ. Изъ окна смотрѣла его мамаша, полная старушка, въ бѣломъ чепцѣ, съ распущенными отъ жары завязками. Сынъ то просилъ ее подняться наверхъ посмотришь, хорошъ ли теперь видъ изъ окна, то вдругъ, высунувшись изъ-за листьевъ, говорилъ ей озабоченно:

— Вы эти прутья не велите бросать, мамаша! Это растопка отличная.

Онъ слѣзъ, наконецъ, съ дерева и, жалуюсь на усталость, сѣлъ на скамейку.

— Просто спины не разогну! говорилъ онъ слабымъ голосомъ.— Дайте мнѣ хоть стаканъ воды, мамаша.

— Что это, Митя, говорила мать, подавая ему воду: — ты точно по найму работаешь; точно тебя кто погоняетъ. Ну, взялъ бы, да и отдохнулъ.

Но сынъ только рукой махнулъ.

— Ты бы легъ, Митенька, говорила мать съ безпокойствомъ.

— Да что-жъ лечь, мамаша! какая польза лечь...

Онъ продолжалъ печально смотрѣть передъ собою, какъ человѣкъ, сдѣлавшій огромное и трудное дѣло, котораго никто не понималъ. Мать тоже печально стояла около него, не зная, чѣмъ его развеселить, и вздыхала.

— Ты развѣ на музыку не пойдешь? спросила она нерѣшительно.

— Никуда я не могу идти. Какая тутъ музыка!

Онъ сталъ вдругъ жаловаться на скуку, на то, что его жизнь, чортъ знаетъ, какъ сложилась, что онъ все долженъ дѣлать самъ, а если чего не сдѣлаетъ, такъ никто въ домѣ не сдѣлаетъ, что онъ вотъ другую недѣлю боленъ, а никто этого замѣчать не хочетъ, что вообще онъ не знаетъ, для чего онъ живетъ на свѣтѣ.

На него нашель одинъ изъ тѣхъ припадковъ меланхолии, которые находили на него дома, когда онъ оставался наединѣ съ матерью или съ самимъ собою. Когда онъ начиналъ скучать, онъ открывалъ въ себѣ такія болѣзни, о какихъ бѣдная старуха и не слыхала.

— Да, я боленъ! скажетъ онъ вдругъ мрачно и сядетъ гдѣ-нибудь въ углу.

Потомъ помолчатъ и прибавитъ какъ-бы про себя.

— Да, я очень боленъ...

Мать ему тогда и платокъ мочить одеколономъ, и чаю съ лимономъ предлагаетъ, и траву какую-нибудь заварить... Онъ иногда выпьетъ, а иногда откажется и замѣтитъ только съ досадою:

— Я боленъ душевно, мамаша. Оставьте меня въ покоѣ!

Онъ былъ изъ тѣхъ внутренно-скучающихъ и наружно безпечныхъ людей, которые всѣхъ обманываютъ своимъ цвѣтущимъ и оживленнымъ видомъ. Ихъ суетливость принимается за

живость характера, ихъ безпокойное метаніе — за дѣятельность. Но стѣить имъ только на одинъ мигъ остаться наединѣ съ собой, чтобы почувствовать ту гнетущую тоску, отъ которой люди идутъ вѣшатся и топиться.

Дмитрій былъ неглупый человѣкъ, но братъ былъ правъ, говоря о немъ, что скука гонится за нимъ по пятамъ. Онъ не могъ пристроить себя ни къ чему. Интересъ къ какому-нибудь дѣлу такъ же быстро закигался въ немъ, какъ и угасалъ. Въ немъ не было той искры, которая, разгораясь, способна охватить человѣка, какъ пожаръ, толкнуть его на подвигъ, на преступленіе, на долгій изнурительный трудъ. Въ немъ вспыхивали только огоньки, угасавшіе отъ перваго вѣтра. Вся его жизнь проходила въ томъ, что онъ отыскивалъ свое призваніе, воображая себя то музыкантомъ, то архитекторомъ, то литераторомъ. Въ послѣднее время онъ вообразилъ себя аферистомъ и купилъ дачу, чтобы потомъ выгодно ее перепродать. Онъ украшалъ ее цвѣтами, садовыми скамейками, отдѣлывалъ павильоны, замшилялъ веранды... Онъ истратилъ на нее всѣ свои деньги, увѣренный, что онъ вернется ему сторицею. Половину ея онъ занялъ самъ, а половину отдавалъ въ наймы. Когда наступалъ июнь, а дача еще не была нанята, онъ сталъ задумываться. Набоинецъ, дачу наняли. Когда пришелъ Николай, Левицкій высочилъ нарочно на крыльцо, чтобы сказать ему объ этомъ.

— Новость могу вамъ сообщить! дача нанята.

И забывая, что, за минуту передъ тѣмъ, былъ очень боленъ, что мать принесла ужъ ему внизъ подушку и халатъ, потащилъ его наверхъ смотрѣть, какой теперь видъ съ балкона.

— Тутъ прежде дерево мѣшало, объяснялъ онъ, блистая глазами. — Я его немножко подрѣзалъ; посмотрите, какой видъ сталъ! просто восторгъ!

Николай прищурилъ глаза, сказалъ, что видъ дѣйствительно хорошъ и закурилъ папиросу. Считая Левицкихъ очень богатыми людьми, онъ старался держать себя непринужденно, даже небрежно, чтобы показать, что онъ нисколько въ нихъ не заискиваетъ. Въ первый же свой визитъ къ нимъ, увидавъ въ гостиной піанино, онъ сѣлъ его попробовать и съ большой непринужденностью сыгралъ какой-то вальсъ, о чемъ его никто не просилъ. Левицкіе, большіе хлѣбосолы, пригласили его обѣдать. За обѣдомъ онъ сидѣлъ бокомъ и слегка что-то напѣвалъ. О кушаньяхъ онъ судилъ съ видомъ знатока; съ Дмитриемъ нѣсколько разъ заговаривалъ по французски съ ошибками, которыхъ тотъ не замѣчалъ, потому что самъ говорилъ плохо.

VII.

— Что вы все дома сидите? началъ Николай, когда они сошли сверху и, въ ожиданіи чаю, усѣлись въ залѣ на окнѣ.—Что за идиллія такая! сельскимъ хозяйствомъ занимаетесь, цвѣты сажаете... Точно этого садовникъ не сдѣлаеть. Знаете что? Сестры очень хотятъ съ вами познакомиться. Приходите какъ-нибудь.

— Я очень радъ, отвѣтилъ Дмитрій, который никогда ни отъ какого знакомства не отказывался.

— Да вы безъ церемоній, за-просто. Вотъ въ этомъ самомъ балахонѣ. Вашъ братъ у насъ часто бываетъ. Онъ — славный малый, вашъ братъ.

— Да, онъ хорошій человекъ, сказалъ Дмитрій задумчиво, (При имени брата лицо его принимало всегда какое-то особенное, сосредоточенное выраженіе). — Онъ очень хорошій человекъ...

— Кажется, Паша пріѣхалъ! крикнула мать, запыхавшись и стараясь взобраться на горку, чтобы видѣть оттуда, кто подѣхалъ.

Дмитрій вскочилъ и въ одинъ мигъ былъ наверху. Онъ тотчасъ же узналъ брата.

— Насчетъ чаю распорядитесь, мамаша! говорилъ онъ то-ропливо.—Да есть ли у насъ вино?

— Вчера двѣ бутылки было—я не знаю; ты развѣ пилъ...

— Да вотъ нужно бы хлѣба этого, продолжалъ онъ, не слушая.—Вы знаете, онъ сдобный хлѣбъ любить. Къ чаю бы.

— Я пошлю, Митя.

— Вы знаете ли какой, мамаша?

— Да знаю, знаю.

— Если онъ ночевать будетъ, у меня въ комнатѣ ему постелите, говорилъ онъ, уходя.—Я тогда внизу лягу.

Братья встрѣтились въ воротахъ.

— Ты дома! сказалъ Павелъ съ удивленіемъ.—Что за чудо?

— Я всѣ эти дни дома. Тутъ надо было распорядиться, то другое... Ты знаешь, дача нанята!

— Знаю. Слышалъ.

— Ты посмотри, какъ я имъ балконъ отдѣлалъ! Какой видъ будетъ сверху! Вотъ тутъ на дворѣ одно дерево мѣшало, я нѣсколько сучьевъ обрубилъ, совсѣмъ другой видъ сталъ. Тутъ бесѣдка будетъ! объяснилъ онъ, замѣтивъ, что братъ смотрѣлъ во-

просительно на бѣлые ряды кольевъ.—И меня ужъ рисунокъ есть, я тебѣ покажу. А тамъ вонъ у меня липовая аллея. Отлично липы принялись! Я не ожидалъ даже... Вотъ и мамаша! первая тебя увидала; на горку влѣзла.

— Совсѣмъ задохлась! говорила мамаша, цѣлуя сына.— Ну, что ты, какъ? Намедни въ городѣ тебя видѣла; за покупками ѣздила. Хотѣла тебѣ крикнуть, да ты съ какимъ-то баринномъ шелъ, разговаривалъ... Ну, я ужъ и не стала.

— Въ городѣ были, а ко мнѣ не заѣхали, сказалъ Павель съ укоривной.

— Батюшка, да со мной узловъ-то сколько было. Меня бы къ тебѣ и не пустили. У васъ швейцаръ такой важный.

— Швейцаръ важный! полноте! Мать не ѣздитъ къ сыну, потому, что у него швейцаръ важный.

— Да, конечно, Паша. Ну, зачѣмъ это я вдругъ къ тебѣ съ узлами полѣзу. У васъ тамъ день-деньской кареты у подѣзда стоять, а я вдругъ съ узлами, да еще эдакая-та чумичка! Шляпа не шляпа, бурнусъ не бурнусъ.

— Полноте, мамаша! Я вамъ завтра-же пришлю бурнусъ.

— И не надо, Паша, и не присылай. Не возьму. Захочешъ меня видѣть, самъ ко мнѣ пріѣдешь, а ужъ мнѣ по вашимъ лѣстницамъ таскаться тяжело.

— Да, такъ вамъ тяжело ко мнѣ на лѣстницу подняться? Это—дѣло другое. Зачѣмъ же говорить объ узлахъ! Я знаю, что васъ не узлы задерживаютъ.

— Ты подумай только, продолжала старуха:— ну куда мнѣ на старости лѣтъ одѣваться. Нынче платье носить узкое, барыни вонъ въ мужскихъ пальтахъ ходятъ; ну, какъ я такое пальто надѣну.

— Оставьте, мамаша! чтѣ тутъ пальто! Дѣло не въ пальто. Вамъ трудно ко мнѣ на лѣстницу взойти, вы такъ и говорите. Лѣстница моя, впрочемъ, не высока, гораздо ниже той, на которую вы нынѣшнюю зиму поднимались каждый день.

Старуха вдругъ покраснѣла. Вся кровь бросилась ей въ лицо.

— Ну, что ужъ говорить, Паша! сказала она совсѣмъ измѣнившимся голосомъ.—Самъ ты радѣхонекъ, что я у тебя не бываю. Какъ припру я съ узлами, такъ ты себѣ мѣста отъ стыда не найдешь. Намедни я какъ-то и безъ узловъ къ тебѣ пришла, такъ ты меня пряталъ, пряталъ отъ гостей-то, не зналъ въ какую комнату и посадить.

Сынъ тоже вспыхнулъ.

— Я васъ ни отъ кого не пряталъ, возразилъ онъ рѣзко.— Ко мнѣ пріѣхалъ человекъ по дѣлу, человекъ, который у меня

бываетъ разъ въ годъ—не могъ же я его знакомить со всей своей родней? Вы мнѣ ужъ нѣсколько разъ напоминаете объ этомъ.

— Потому и напоминаю, что знаю, что это правда. Ну, этотъ по дѣлу, а то къ тебѣ и не по дѣлу приходили, а ты меня никому не показывалъ. Вонъ у тебя по субботамъ гости бывали, ты меня ни въ одну субботу не позвалъ.

— Какъ я могъ васъ звать, когда вы въ 10 часовъ спать ложитесь, а у меня въ одинадцатомъ часу только собираются?

— Да ужъ это мое дѣло, когда я ложусь. Коли трудно, я бы сама не пошла. А ты меня все-таки позвать долженъ. А ты вонъ и брата-то стыдишься. Ну, я стара, я равно спать ложусь, а братъ-то вѣдь не въ 10 часовъ ложится.

Дмитрій стоялъ къ нимъ бокомъ и смотрѣлъ въ заборъ.

— Будетъ вамъ, мамаша! проговорилъ онъ, не оборачиваясь.— Оставьте!

Онъ вспомнилъ, что въ комнатахъ сидитъ Николай и можетъ ихъ слышать. Но старуха такъ разгорячилась, что ничего не помнила.

— Братъ въ кои-то вѣки къ тебѣ придетъ, такъ ты и то съ нимъ двухъ словъ не скажешь.

— Вы забываете, что я человекъ занятой, перебилъ Павелъ, выходя изъ себя:—что мнѣ каждая минута дорога! Я ночи, наконецъ, не сплю! иногда пообѣдать не имѣю времени. И если братъ приходитъ ко мнѣ въ такія минуты, вы мнѣ дѣлаете выговоръ, что я его не занимаю. Какая же вы мать послѣ того и какой онъ мнѣ братъ, если я его занимать долженъ. Это не родственныя отношенія, а... чортъ знаетъ какія!

Старуха нѣсколько оторопѣла. Она боялась старшаго сына, и надо было ужъ очень разсердить ее, чтобы она забыла этотъ страхъ. Но гнѣвъ ея продолжался недолго.

— Коли ты такъ занятъ, начала она, спадая съ тону:—ну, ты бы насъ позвалъ, когда тебѣ посвободишь.

— Что такое *позвалъ*? Какъ вамъ не стыдно это говорить! Я могу звать постороннихъ, но родная мать и братъ могутъ, а думамъ, придти и безъ зову. Это смѣшно, наконецъ, чтобы я васъ еще сталъ звать. Мнѣ этого въ голову никогда не приходило. Отчего же я у васъ бываю, не дожидаясь приглашенія?

— Ты — совсѣмъ другое дѣло. Мы тебѣ всегда рады.

— А вы развѣ знаете, что я вамъ не радъ? Изъ чего вы это заключили?

— Оставь, пожалуйста! остановилъ его тихо Дмитрій, под-

ходя къ нему и дѣлая видъ, что хочеть снять у него что-то съ рукава.—Тутъ есть посторонній.

Братъ быстро обернулся.

— Кто такой?

— Ты, кажется, знаешь его: Огневъ.

Павелъ закусилъ губы.

— Что же это мы, даровое представленіе даемъ? спросилъ онъ, мѣняясь въ лицѣ.

Присутствіе посторонняго и то, что его объ этомъ не предупредили, взбѣсило его. Одну минуту онъ думалъ, ни слова не говоря, повернуться и уйти; но, вспомнивъ, что Огневъ—его знакомый и что оставить его подъ впечатлѣніемъ этой сцены, было бы неловко, рѣшилъ остаться.

— Ты мнѣ хотѣлъ что-то показать, обратился онъ къ брату.— Балконъ что ли какой?

— Да, да, пойдемъ.

Проходя черезъ залу, они увидали Николая, который стоялъ у стѣны и смотрѣлъ, прищурившись, на какую-то картину.

— Кого я вижу? воскликнулъ Левицкій, притворяясь удивленнымъ.—Да вы знакомы съ моимъ братомъ! Я этого и не зналъ.

Онъ увлекъ его за собой, распрашивалъ о сестрахъ, объ отцѣ, сказалъ, что на дняхъ будетъ у нихъ самъ, и вообще былъ такъ любезенъ, какъ онъ умѣлъ бывать съ тѣми, кому желалъ понравиться.

Онъ даже попросилъ его что-нибудь сыграть, и, когда Николай ушелъ для этого въ залу, онъ, оставшись съ братомъ и матерью на балконѣ, сдѣлался вдругъ серьезенъ и, нахмуривъ брови, молчалъ. И братъ, и мать—послѣдняя особенно—чувствовали себя виноватыми. Они ничего такъ не боялись, какъ этого мрачнаго молчанія. Нѣсколько разъ они пробовали заговаривать съ нимъ, но онъ отвѣчалъ односложно и сталъ смотрѣть на часы.

— Ты развѣ у насъ не ночуешь, Паша? спросила старуха.

— Нѣтъ, мнѣ надо быть еще въ одномъ мѣстѣ.

— Ну, а откуда-то? Чтожь тебѣ ночью-то ѣхать? Почевалъ бы у насъ.

— Я не знаю, право: я не получалъ приглашенія, отвѣтилъ онъ иронически.

Мать и сынъ въ одинъ голосъ воскликнули, что будутъ его ждать и приготовить ему комнату.

— Навѣрное не ждите. Если можно будетъ, я приѣду. Кстати, мнѣ нужно будетъ поговорить съ тобой, обратился онъ къ брату.— У меня есть въ виду мѣсто для тебя. Если ты желаешь, я буду хлопотать о немъ.

— Да пока я не знаю, возразилъ Дмитрій нерѣшительно. — Это, впрочемъ, будетъ зависѣть отъ того, какое мѣсто.

— Не министерское, я тебя предупреждаю. Министерскія мѣста всѣ заняты.

— Я тебѣ скажу откровенно... Мнѣ хотѣлось бы лѣтомъ отдохнуть.

— Отъ какихъ это трудовъ? спросилъ братъ насмѣшливо.

— Ты—удивительный человекъ! Ты все думаешь, что никто ничего не дѣлаетъ. У всякаго есть свое дѣло.

— У тебя какое, напримѣръ? Пять разъ въ недѣлю ѣздить къ Полуновымъ и возить туда букеты изъ своихъ оранжерей?

Дмитрій вскочилъ.

— Къ кому и сколько разъ я ѣзжу, это ни до кого не касается. Я не слѣжу за тобой, куда ты ѣдишь... И себя учить не позволю! И считаю это неделикатнымъ съ твоей стороны.

Павелъ всталъ тоже.

— Я считаю, напротивъ, своей обязанностью сказать тебѣ, что ты играешь въ этомъ домѣ смѣшную роль.

— Мнѣ не нужно опекуновъ! перебилъ Дмитрій запальчиво.

— Съ тобой говорить не опекунь, а братъ. Еслибы ты былъ мнѣ посторонній, мнѣ было бы все равно. Но ты, къ сожалѣнію — мой братъ.

— Забудь, пожалуйста, объ этомъ! Я тебя прошу.

— Да чтѣ это такое, Паша? вступилась мать испуганно. — Какую это онъ роль играетъ? чтѣ это ты про брата говоришь?

— Тамъ сидитъ посторонній, вы не забывайте! (Онъ показавъ глазами въ залу). Какую роль онъ играетъ? вы хотите знать! Извольте! Онъ ѣздитъ въ домъ, гдѣ хозяинъ принимаетъ его свысока и подаетъ ему одинъ мизинецъ при встрѣчѣ. Ну, да это бы еще ничего—не въ этомъ дѣло. Онъ ѣздитъ туда соперникомъ одного господина—шестидесятилѣтняго старика, замѣтьте—въ любви одной особы, которая поставила себѣ цѣлью женить на себѣ этого старика. А, чтобы возбудить въ немъ ревность, она увлекаетъ моего брата, заставляя его носить букеты и вдыхать передъ ней.

— Я попрошу тебя оставить это! перебилъ Дмитрій, задыхаясь. Братъ посмотрѣлъ на него въ упоръ своими острыми, глубоко сидѣвшими глазами.

— Ты знаешь, почему я позволилъ себѣ заговорить объ этомъ?.. Потому что меня просили дать тебѣ понять, что если это будетъ такъ продолжаться, тебѣ откажутъ отъ дома.

Дмитрій совсѣмъ растерялся.

— Тебя никто не могъ просить объ этомъ, вымолвилъ онъ глухо.

— Ты ошибаешься. Я былъ тамъ на этой недѣлѣ. Старикъ сталъ мнѣ жаловаться, что ты компрометируешь ихъ домъ, что ты такъ преслѣдуешь эту барышню, что это становится, наконецъ, неприлично. Я взялъ, разумѣется, твою сторону, хотя мнѣ было это очень неприятно, я долженъ сознаться. Но онъ все твердилъ свое: что на попеченіе этой дѣвушки отданы его внуки, что онъ не можетъ этого допустить. Я тогда попробовалъ намекнуть ему, что онъ можетъ отказать этой барышнѣ, если она, по его мнѣнію, такъ дурно ведетъ себя. Тогда, *il a lâché le mot*— она сама жаловалась ему на тебя, что ты ее преслѣдуешь. Она просила его защиты...

— Это вздоръ!.. Этого не можетъ быть! повторялъ Дмитрій безсвязно.

— Если ты находишь, что это вздоръ, то продолжай вести себя, какъ тебѣ угодно. Но ты предупрежденъ. Помни это!.. Не пеняй потомъ на меня, если я, изъ-за пустой дѣвчонки и твоихъ отношеній къ ней, не захочу порвать связей съ домою, который я уважаю. Теперь я держу твою сторону, но потомъ... ты не удивляйся, если я тебя оставлю. Ты самъ вынуждаешь меня къ этому. Ты ставишь меня въ такое глупое положеніе, изъ котораго мнѣ выйти будетъ нелегко. Я, впрочемъ, привыкъ къ этому. Это ужъ не первый случай, что твой капризь портить мнѣ все! Я бывалъ въ домъ нѣсколько лѣтъ, и наши отношенія были прекрасныя. Явился ты, и я на волосъ отъ разрыва.

Дмитрій такъ былъ пораженъ, что стоялъ, какъ потерянный. Мать, хотя уже и привыкшая къ любовнымъ бурямъ своего favorita, не могла, однакожъ, удержаться, чтобы не всплакнуть. Она перемывала молча чайную посуду и капала въ нее слезами. Теперь, она знала, ея любимецъ опять загруститъ, по крайней мѣрѣ, надѣли на двѣ: будетъ безвыходно сидѣть дома, и это ужъ ея не радовало, ходить, какъ маятникъ, по комнатамъ и вздыхать по ночамъ. Она до того боялась всего этого, что слезы такъ и катились по ея мягкимъ, морщинистымъ щекамъ.

Павелъ видѣлъ это, и это раздражало его. Онъ зналъ, что мѣсяца не пройдетъ, какъ братъ утѣшится и будетъ опять кататься въ желтомъ шараванѣ, что весь этотъ любовный капризь затѣянъ отъ бездѣлья, какъ десятки другихъ, ему подобныхъ. Оплакивать это, какъ несчастіе, дѣлать изъ этого событіе особой важности казалось ему непросительнымъ со стороны матери. Онъ тѣмъ меньше могъ ей простить это, что не видѣлъ въ ней никогда сочувствія къ себѣ. Эти скорби праздныхъ людей, гото-

вѣхъ плакать отъ укола булавки, возмущали его, челоѣка труда, который каждый свой шагъ въ жизни бралъ съ бою. Разгоряченный этими мыслями и громкой музыкой военнаго марша, доносившагося изъ залы, онъ сталъ говорить съ матерью горько и рѣзко.

Онъ припомнилъ ей все, что онъ вынесъ въ своей жизни, и сравнилъ свое положеніе съ положеніемъ брата, который, жедая срывать одни цвѣты удовольствія, чувствовалъ себя несчастнымъ, когда они не росли на его пути. Онъ коснулся даже воспоминаній далекаго прошлаго, когда Дмитрій ходилъ въ бархатныхъ курточкахъ и былъ заваленъ игрушками, а онъ, Павелъ, учился по рванымъ учебникамъ, кушленнымъ на толкучкѣ, или, не имѣя ихъ вовсе, долженъ былъ списывать уроки у товарищей.

Припомнилъ, какъ Дмитрія опредѣляли въ университетъ, откуда онъ вышелъ, не кончивъ курса, а онъ, Павелъ, всюду опредѣлялъ себя самъ и самъ содержалъ себя, не только не пользуясь ни копейкой отъ матери, но еще ей же помогая изъ своихъ свудныхъ средствъ.

— И вы послѣ этого удивляетесь моей жестокости! продолжалъ онъ, разгораясь. — Да какое вы имѣли право ожидать отъ меня мягкости? Развѣ вы щадили когда-нибудь мое самолюбіе? развѣ вы устилали мою жизнь розами? Вы бросили меня, ребенка еще, въ этотъ базаръ, называемый петербургской жизнью! Я защищался, какъ умѣлъ. Получая удары отовсюду, я научился возвращать ихъ. Я привыкъ къ нимъ, наконецъ, я отупѣлъ. Но если я равнодушенъ къ моимъ страданіямъ, не ждите же отъ меня, чтобы я плакалъ надъ вашими. Я не жаловался вамъ никогда, припомните это... Я не приходилъ къ вамъ съ своимъ горемъ, потому что вы его ни разу не раздѣлили. Если я не погибъ, не пропалъ, если я сдѣлался челоѣкомъ, такъ я этимъ обязанъ не вамъ, а себѣ и только себѣ. Я это съ гордостью могу сказать. Можетъ быть, впрочемъ, я долженъ васъ благодарить за то, что вы не взяли меня на свое попеченіе и предоставили меня моимъ собственнымъ силамъ. Можетъ быть, этому я обязанъ своимъ успѣхомъ, котораго вы мнѣ не прощаете, потому что вы готовили его не мнѣ.

— Полно, пожалуйста! перебилъ его Дмитрій, въ свою очередь раздраженный. — Никто у тебя твоего успѣха не отбивалъ. Хватай себѣ звѣзды съ неба, сватайся въ томъ домѣ, изъ котораго твоего брата выгоняютъ въ шею... сдѣлай одолженіе! Тебя вѣдь только то и беспокоило, чтобы я не вздумалъ сдѣлать скандала въ семьѣ, гдѣ ты такъ прекрасно принять. Ты и тутъ, какъ и вездѣ, думалъ только о себѣ.

Павель тяжелыми шагами ходилъ по балкону. Тонкія ноздри его раздувались. Но онъ молчалъ; онъ видимо старался удерживать закипавшую въ немъ желчь и не говорилъ ничего, чтобы не сказать слишкомъ многого. Страсти разгорались съ обѣихъ сторонъ. Мать то блѣднѣла, то краснѣла; слезы ея высохли. Въ ней тоже подымалась внутренняя борьба; сердце ея было на сторонѣ младшаго сына, но въ словахъ старшаго слышалась ей горькая правда. Воспоминанія прошлаго, за которое, казалось, отплатили ей сторицею, жгли ее, какъ огнемъ. Какъ сказать теперь сыну, что онъ жестокъ съ ними? Развѣ сама она не была когда-то жестокой къ нему?

«Расплатал расплатал!» думала она съ ужасомъ...

— Странная вещь! продолжалъ Дмитрій:—что я ни сдѣлаю, я все становлюсь тебѣ на дорогѣ. То я тебѣ по службѣ повредилъ, то я своими поступками положилъ тѣбѣ на твое имя, то я, наконецъ, твоимъ сердечнымъ дѣламъ помѣшалъ!

— Сердечнымъ! перебилъ Павель съ презрѣніемъ. — На этой дорогѣ мы съ тобой никогда не встрѣтимся. Ты можешь быть покоенъ.

— Ты въ своемъ деспотизмѣ доходишь до того, что я, наконецъ, не смѣю бывать въ домѣ, гдѣ живетъ твой предметъ. Гдѣ же этому границы?

— Ты можешь бывать во всякихъ домахъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ тебя не будутъ принимать. Что касается до моего предмета, то... ты можешь избавить себя отъ труда отыскивать его.

— Что ты думаешь, что ты съ разными барынями играешь въ дружбу, такъ ты кого-нибудь обманулъ этимъ? говорилъ Дмитрій, хватая вдругъ стаканъ съ холоднымъ чаемъ и залпомъ выпивая его.—Твои намѣренія всѣмъ извѣстны. Ты оттого такъ и боишься моего знакомства съ Полуновыми, что тебѣ надо оттуда всѣхъ удалить. И ты этого достигнешь, я знаю. Вы не то, что нашъ братъ! Мы тамъ за какими-нибудь гувернантками, да и то намъ отъ дому отказываютъ. А вы все за соболями... за чернобурыми лисицами.

Павель взялъ со стола свою шляпу.

— Когда я вамъ буду нуженъ, сказалъ онъ, обращаясь къ матери:—вы за мной пришлите.

И, не прибавивъ ни слова болѣе, не взглянувъ даже на брата, ушелъ изъ дому.

Дмитрій и мать его остались въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Они не смотрѣли другъ на друга, не знали, что сказать. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Что же это? начала старуха.—Онъ вѣдь очень разсердился.

Зачѣмъ ты ему про соболей говорилъ? Не надо бы ему этого говорить.

— А ну его къ чорту! разразился вдругъ Дмитрій. — Чтò онъ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, что я — крѣпостной его, что ли!

— Онъ вѣдь, Митенька, съ хорошими намѣреніями пришелъ: мѣсто тебѣ отыскалъ.

— Вы ужь, мамаша — извѣстная его заступница. Вы на него, какъ на Бога, молитесь. Вы повѣсьте его портретъ у себя подъ образами, да и засвѣтите передъ нимъ лампадку.

— Да чтò ты говоришь-то? подумай!

— Вы рады, что умнаго сына родили — ну, и живите съ нимъ, съ умницей, а меня, дурака, оставьте.

— Господи ты Боже мой! воскликнула мамаша съ отчаяніемъ. — И этотъ на меня же...

— Да нельзя съ вами говорить какъ слѣдуетъ. Вздоръ вы все говорите. Я вижу, чего вамъ хочется.. Вамъ хочется, чтобы я же къ нему пошелъ прошенья просить. Ну, ужь нѣтъ! извините! Надоѣло мнѣ это... Будетъ дурака-то разыгрывать. Чортъ его возьми совсѣмъ и съ мѣстомъ его! Съ голоду не умру...

— Будетъ тебѣ! говорила мать, утирая слезы. — Ты бы хоть меня-то пожалѣл! Вѣдь я вамъ мать.

— Да хоть бы вы двадцать разъ мать были! Изъ того, что вы мать, такъ я долженъ дурака разыгрывать? Нѣтъ, покорно благодарю!.. Вы — мать, такъ вы съ нимъ и миритесь, какъ хотите. А моя нога у него не будетъ. Если онъ сюда придетъ, я изъ дому уйду.

— Послушай, Митенька...

— Да вы, мамаша, молчите ужь! вы — спорщица извѣстная! въ слова никому не дадите сказать!..

Догло еще кипятился Дмитрій, упрекая свою мать въ несправедливости, въ неблагодарности, въ томъ, что съ ней говорить нельзя, пока, наконецъ, Николай, сыгравшій всѣ свои марши, не вышелъ къ нимъ. Въ спорахъ они такъ увлеклись, что забыли о немъ совсѣмъ и съ удивленіемъ глядѣли на него. Николай, въ свою очередь, смотрѣлъ на нихъ, на ихъ разгоряченныя лица, на недопитой стаканъ Павла и на отсутствіе его самого...

VIII.

Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Нина разсталась съ Левицимъ на проспектѣ. Онъ не показывалъ глазъ и даже не писалъ. Нина написала ему два письма, но оба ихъ разорвала

и потомъ не жалѣла объ этомъ. Послѣ словъ брата, что Левицкій женится, въ глазахъ ея зажегся мрачный огонь. Она сдѣлалась еще молчаливѣе и, какъ отецъ, искала забвенія въ работѣ. Козловъ досталъ ей мѣсто переводчицы въ газетѣ. Она должна была переѣхать въ городъ и поселилась у Козловыхъ, пріѣзжая къ своимъ на дачу только по праздникамъ.

Козловы жили бѣдно, занимая квартиру изъ трехъ комнатъ. Жена была женщина больная, другой годъ уже не встававшая съ постели, равнодушная ко всему, кромѣ своихъ страданій. Мужъ уходилъ съ ранняго утра на службу, возвращался домой часовъ въ шесть и до поздней ночи чертилъ какіе-то проэекты. Онъ бралъ эту работу на срокъ и спѣшилъ ее кончить.

Нина каждый день бывала въ редакціи. Издатель газеты былъ ей родственникъ, но она избѣгала встрѣчи съ нимъ, потому что ихъ отношенія были холодныя, почти непріязненныя. Когда-то, дѣтьми еще, они вмѣстѣ росли и сохранили съ тѣхъ поръ неловкую привычку говорить другъ другу *ты*, но послѣ его женитьбы они разошлись совсѣмъ. Жена его была изъ богатаго и очень важнаго семейства. Огневы были бѣдны, горды, встрѣтили ее подозрительно, разладъ явился скоро, еще скорѣе сталъ расти и выросъ до цѣлой пропасти, раздѣлившей оба семейства. Нина долге колебалась прежде, чѣмъ принять мѣсто переводчицы у своего двоюроднаго брата. Но мучительная, терзающая тоска, но чувство горькой обиды, нанесенной ей другими, сдѣлали ее равнодушнѣе ко многому. Всѣ ея мысли были съ тѣмъ, кто нанесъ ей такой жестокий ударъ. Она не простила ему этого и ждала только случая, чтобы объясниться съ нимъ, сказать ему, что она думаетъ объ его дружбѣ, о его лицемѣрїи, о той безчестной игрѣ, которую онъ затѣялъ съ нею. И, увѣряя себя, что она вшеть только случая сказать ему, что поняла его, наконецъ, она съ тайнымъ трепетомъ ѣхала всякій разъ домой, ожидая, нѣтъ ли тамъ письма или хоть какого-нибудь извѣстія о немъ. Его самого она почему-то уже не ждала, хотя никакой размолвки между ними не было, такъ что онъ даже и не подозрѣвалъ, какая буря поднималась въ ея душѣ. Онъ не ѣхалъ и не писалъ ей просто потому, что былъ въ это время занятъ другимъ.

Не найдя ея у родныхъ и услыжавъ, что она живетъ въ городѣ, Левицкій непритворно удивился. Онъ оставилъ ей нѣжную записку, въ которой называлъ ее «дита мое» и просилъ подѣлиться съ нимъ своими мыслями. «Дита мое!» Нина поблѣднѣла отъ гнѣва, разорвала эту записку, но потомъ опомнилась, сложила ее вновь и съ какой-то злой рѣшимостью выучила на-

изусть. Вспомывая теперь свои прежнія отношенія къ нему и пробѣгая ихъ мысленно, она увидала цѣлый обдуманнѣй, жестокій планъ, состоявшій въ томъ, чтобы ни разу не произносить слова любви и, называя ее дружбой, заставить ее полюбить себя, чтобы потомъ сказать ей, что онъ только ея другъ, не больше, какъ другъ... Она поняла теперь, что тамъ, на самомъ днѣ его души, гдѣ она думала открыть такія сокровища, лежалъ только маленькій кусочекъ льду. Весь жаръ ея любви не въ силахъ былъ растопить его, и слезы горькаго, обиднаго безсилія сверкали въ ея глазахъ. Мысль о свиданіи съ нимъ преслѣдовала его неотступно: она заранѣе представляла себѣ, какъ и гдѣ оно должно произойти. Но, какъ всегда бываетъ, въ дѣйствительности это случилось совсѣмъ не такъ, какъ въ воображеніи.

Она сидѣла въ редакціи, занятая своимъ переводомъ, когда вдругъ кто-то назвалъ ее по имени. Она оглянулась. Подлѣ нея стоялъ самъ издатель Яковлевъ, тотъ самый Яковлевъ, встрѣча съ которымъ она такъ старательно избѣгала. У обонхъ была одна минута колебанія. Оба не знали, что говорить другъ другу: ты или *вы*. Онъ заговорилъ первый.

— Здравствуй! сказалъ онъ нерѣшительно. — Я очень радъ тебѣ видѣть.

Она молча наклоняла голову. Отцовская кровь въ ней заговорила. Въ его тонѣ послышалось ей что-то покровительственное.

— Мы вчера очень много говорили о тебѣ, продолжалъ онъ.

— Съ кѣмъ это? спросила она непривѣтливо.

— Съ моимъ хорошимъ другомъ, Павломъ Левицимъ.

Нина измѣнилась въ лицѣ. Онъ это замѣтилъ, потому что его неподвижные голубые глаза были устремлены прямо на нее. Въ выраженіи этихъ глазъ было что-то странное, болезненное. Взглядъ ихъ былъ тяжелъ и непріятенъ. Все его лицо насило на себѣ отпечатокъ глубокихъ душевныхъ и физическихъ страданій. Онъ былъ только на шесть лѣтъ старше Нины, но казался старѣе ея лѣтъ на пятнадцать. Его тонкія, когда-то прекрасныя, но теперь помятыя жизнью черты, его рѣдкіе, мягкіе, какъ шелкъ, волосы и какой-то сѣрый больной цвѣтъ лица—все придавало ему такой видъ, точно онъ сейчасъ только всталъ послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни. Онъ, дѣйствительно, былъ чело-вѣкъ больной и каждый годъ ѣздилъ за-границу, гдѣ пилъ воды, лечился бромомъ, электричествомъ, подкожными впрыскиваніями, карболовой кислотой, смотря по тому, что было тогда въ модѣ.

— Что же твой хороший другъ говорилъ тебѣ обо маѣ? спро-

сила Нина, стараюсь побороть себя и взглянуть ему прямо въ глаза.

Онъ пылливо смотрѣлъ на нее.

— Онъ говорилъ о тебѣ много хорошаго.

— И возбудилъ въ тебѣ желаніе придти со мной познакомиться?

— Развѣ мы незнакомы?

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ около нея.

— Я тебѣ не мѣшаю? спросилъ онъ.

— Этого перевода ждутъ въ типографіи, отвѣтила она уклончиво.

Онъ съ удивленіемъ поднялъ голову.

— Ну, я не буду тебѣ мѣшать, сказалъ онъ, вставая. — Но когда ты кончишь, я былъ бы очень радъ, еслибы ты зашла ко мнѣ.

— Хорошо! отвѣтила она сухо, такимъ тономъ, который ясно говорилъ: — я надѣюсь, что это свиданіе не будетъ продолжительно.

Манеры Яковлева не понравились ей. Чувство безпокойной подозрительности рисовало ей все въ черномъ цвѣтѣ. Ей представилось, что двоюродный братъ для того нарочно и приходилъ, чтобы унижить ее, чтобы напомнить, что она его работница... Она видѣла, какъ онъ прошелъ въ другую комнату и какъ первый политикъ предложилъ ему свой стулъ, а какой-то брикетикъ съ еврейской фізіономіей, должно быть, случайный корреспондентъ, лебезилъ передъ нимъ и умиленно о чемъ-то спрашивалъ, вѣроятно, о здоровьи, а можетъ быть, и о томъ, будетъ ли напечатана его статья. Обращеніе всѣхъ съ Яковлевымъ показалось ей подло-почтительное. Она дала себѣ слово держать себя независимо.

Потомъ она стала думать о томъ, что могъ говорить о ней Левицкій. Много хорошаго! еще бы! Развѣ говорятъ дурно о женщинахъ, которыхъ хотятъ закрѣпить за собой? Чтобы придать ей цѣну въ своихъ глазахъ, надо поднять ее въ глазахъ другихъ. Пусть знаютъ всѣ, какія женщины отдають ему свое сердце, за которое онъ платилъ своей дружбой, раздѣляя ее по ровну на нѣсколько частей. Нина удивлялась сама, въ какой быстрой прогрессіи росло ея разочарованіе, заставляя ее открывать все новыя и новыя доказательства лицемерія ея бывшего друга. Она рылась въ своемъ прошломъ, какъ въ забытомъ архивѣ, изъ котораго всякій разъ вынимала какой-нибудь новый, мало извѣстный, но интересный документъ. Когда она послѣдній разъ перечитала его письма къ ней, ее поразила ихъ явная, очевидная фальшь, которую она столько времени принимала за искрен-

*

ность. Зажигавшійся въ ней огонь сомнѣнія пролилъ таковой новый, неожиданный свѣтъ на эти недавно еще милыя ей строки, что она въ нѣмомъ изумленіи остановилась передъ ними.

Когда, повончивъ свою работу, она вошла къ Яковлеву, первое, что ее поразило, что приговало ее къ мѣсту, былъ самъ Левицкій, ходившій по комнатѣ и что-то читавшій вслухъ. При видѣ ея, онъ остановился и съ тѣмъ ласковымъ, слегка печальнымъ выраженіемъ, которое было ей такъ знакомо, протянулъ ей руку. Теперь не она, а онъ упрекнулъ ее, что столько времени они не видались. Она сразу поняла, что онъ далеко былъ отъ мысли, каковой переворотъ произошелъ въ ея душѣ. И вдругъ ей блеснула мысль—оставить его въ этомъ невѣдѣніи, продолжать какъ бы прежнія отношенія и посмотреть на него теперь, при новомъ свѣтѣ, при свѣтѣ ея собственнаго сомнѣнія.

Эта новая рѣшимость, боровшаяся въ ней съ неугасшимъ еще чувствомъ къ нему, отразилась на ея лицѣ такой игрой красокъ, такимъ беспокойнымъ блескомъ глазъ, что Яковлевъ объяснилъ это сильнымъ замѣшательствомъ съ ея стороны, поспѣшилъ придти къ ней на помощь и подвинулъ ей кресло. Она сѣла около него и тотчасъ же почувствовала на себѣ его тяжелый, неподвижный взглядъ. Взглядъ этотъ раздражалъ ее. Чтобы чѣмъ-нибудь разсвѣять себя, она стала смотрѣть кругомъ, на обстановку этого кабинета.

Онъ былъ очень мраченъ. Единственное полукруглое окно, освѣщавшее его изъ глубины, было закрыто на половину тяжелой драпировкой. Шкафы съ книгами и съ бюстами великихъ людей тянулись по стѣнамъ. Полъ былъ обитъ очень толстымъ и мягкимъ ковромъ, что дѣлало неслышными шаги входившихъ и выходившихъ. Электрическіе звонки, проведенные куда-то въ дальнія комнаты и, вѣроятно, въ редакцію, также неслышно звонили, когда къ нимъ привсались. На столѣ лежали груды разныхъ книгъ, только-что принесенная и нераспечатанная еще иностранная почта, тоненькія брошюры, толстые сборники, красивые томьики стихотвореній и сѣрыя обертки памятныхъ книжекъ. У топившагося камина стояли два кресла и столикъ съ шахматами.

— Ты играешь въ шахматы? спросила Нина, не зная съ чего начать разговоръ.

— Очень плохо.

И онъ, какъ-бы вдругъ забывъ о ея присутствіи, сталъ продолжать начатой съ Левицкимъ разговоръ.

— Я его не знаю, говорилъ онъ о комъ-то: — или вѣрнѣе знаю мало. Онъ писалъ у меня въ газетѣ о народномъ кредитѣ,

о фабричномъ производствѣ, еще о чемъ-то, не помню, вообще по внутреннимъ вопросамъ. Онъ былъ человѣкъ полезный. Разъ какъ-то онъ написалъ о расколѣ; я не могъ этого напечатать. Онъ наговорилъ мнѣ неприяностей. Послѣ этого мы не видались. И вотъ вчера онъ прислалъ мнѣ эту статью. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Въ ней есть и правда, но есть и вздоръ.

— И послѣдняго гораздо больше! добавилъ Левицкій съ усмѣшкой.

— Потому что, если ты хочешь, продолжалъ Яковлевъ:—дѣйствительно оно какъ-то странно, что мы сдѣлали цѣлую науку изъ того, какъ карать преступленія, довели ее до послѣднихъ тонкостей, учимся этому у Европы, у Америки, своего много подбавили, а какъ ихъ предупреждать, этого ни мы, ни Европа не знаемъ. Ты помнишь слова Дауба одному гейдельбергскому профессору: «любезный другъ! ваши ученые труды доставили довольно славы, вы довольно уже писали, пора вамъ, наконецъ, что-нибудь и прочесть». То-же мнѣ хочется подчасъ сказать и нашимъ криминалистамъ: Любезные друзья! вы довольно уже писали о томъ, въ какихъ тюрьмахъ, и по какой системѣ запираютъ людей, пора вамъ, наконецъ, подумать и о томъ, какъ бы сдѣлать, чтобъ людей совсѣмъ не нужно было запирали!

— Bravo, Алексѣй! воскликнулъ Левицкій съ ироніей.—Статья подѣйствовала на тебя.

— Я не знаю, она мнѣ все-таки не нравится, продолжалъ Яковлевъ.—Я не люблю этой манеры писать. Онъ смотритъ на преступника, какъ на известную величину, онъ не видитъ и не хочетъ видѣть въ немъ больного человѣка...

— Эти господа, перебилъ Левицкій:—просто подтасовываютъ карты и, спустивши ловко одну карту подъ столъ, выигрываютъ потомъ игру. Они умышленно обходятъ одинъ какой-нибудь вопросъ. Что это за логика, которая опирается на томъ, что тюрьмы не нужно, потому что тюрьма караетъ преступленіе, а преступленія въ нормальномъ обществѣ не должно быть. Не должно быть! Но вѣдь оно есть...

— Г. Козловъ! доложилъ человѣкъ.

— Кто? спросилъ Яковлевъ, не разслышавши.

— Г. Козловъ желаютъ васъ видѣть.

Яковлевъ вопросительно взглянулъ на своего друга. Тотъ поморщился, какъ-бы отвѣдая чего-то кислаго.

— Я никакъ не думалъ, замѣтилъ Яковлевъ съ удивленіемъ:—что онъ придетъ ко мнѣ самъ. Проси! сказалъ онъ человѣку.

Левицкій подсѣлъ въ Нинѣ и сталъ разговаривать съ ней.

Козловъ вошелъ своими длинными, рѣшителными шагами;

пляпу онъ оставилъ въ передней; руки у него были незаняты и видимо мѣшали ему.

— Я пришелъ узнать о своей статьѣ, сказалъ онъ сухо.

— Мы сейчасъ только говорили о ней, отвѣтилъ Яковлевъ вѣжливо.—Я право не знаю, что сказать вамъ...

— Вы не можете ее напечатать? спросилъ Козловъ, какъ-бы желая прекратить всякіе разговоры.

— Я думаю, что нѣтъ, сказалъ Яковлевъ съ сожалѣніемъ.

— Могу я получить ее обратно?

— Да, да, непременно. (Онъ немного сконфузился). Павелъ, она у тебя кажется?

Левицкій увидалъ себя въ неловкомъ положеніи: онъ долженъ былъ вынуть изъ кармана статью своего врага и въ его присутствіи возвратить ее Яковлеву. Козловъ удивленно смотрѣлъ на нихъ.

— Я желалъ бы знать, спросилъ онъ:—какимъ образомъ моя статья попала къ г. Левицкому?

— Я хотѣлъ слышать его мнѣніе, объяснилъ Яковлевъ торопливо.—Ваша статья такъ интересна, что я, не полагаясь на себя...

— Г. Левицкій, сколько мнѣ извѣстно, началъ Козловъ:—принадлежать къ школѣ криминалистовъ. Ему моя статья не можетъ понравиться.

— Да, я нахожу въ ней одинъ недостатокъ! она указываетъ на то, что намъ не нужно, но не говоритъ о томъ, что-же намъ нужно. Тюремы, говоритъ она, не нужны...

— Я не говорю, что тюрьмы не нужны, перебилъ Козловъ горячо:—а говорю, что странно сокрушаться о томъ, что у насъ тюрьма не хороша, когда у насъ школы нѣтъ совсѣмъ! и спрашивать особые бюджеты на тюрьму, отдѣлывать ее, пробовать разныя системы заключенія, которая лучше въ нашемъ климатѣ примется, когда хлѣба нѣтъ, школы нѣтъ, дорогъ нѣтъ!.. Вы, господа, съ вашимъ тюремнымъ вопросомъ, все равно, что барыни съ благотворительной лоттереей. Послушаешь, такъ вы въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ, какъ гуманны. Бѣдный преступникъ! Въ самомъ дѣлѣ... Надо его окружить какими-нибудь удобствами.

— Вы знакомы съ уголовной статистикой? спросилъ его Левицкій.

— Немножко.

— Вы должны знать, въ такомъ случаѣ, въ какомъ положеніи бѣдный преступникъ, о которомъ вы говорите почему-то съ ироніей. Вы должны знать, напримѣръ, что въ тюрьмѣ, выстроен-

ной на 40 человекъ, у насъ содержится иногда полторааста. Какъ вы думаете, хорошо тамъ живется бѣдному преступнику?

— Скверно-съ! согласенъ. Да вѣдь и мужику тоже въ его вѣдь, вмѣстѣ съ курами и телятами, живется не хорошо. Вы вотъ знаете, сколько человекъ въ острогѣ содержится, по сколько тамъ на каждого кубическихъ фунтовъ воздуха приходится, это вы рассчитали! А вотъ въ деревнѣ, у мужика, такъ тамъ ужъ никто не считалъ. Это даже странно какъ-то! Жилъ онъ тамъ у себя въ деревнѣ, никто и знать не хотѣлъ, чѣмъ онъ дышитъ; а украсть что-нибудь, или своего же сосѣда поджечь, вдругъ заботливость такая: чѣмъ дышитъ, да питательна ли пища...

— Вы не забывайте, сказалъ Яковлевъ:—что онъ лишенъ свободы.

— Да вѣдь вы хотѣли покарать его? Ну, и карайте... Вѣдь это ваша цѣль!

— У насъ есть еще двѣ цѣли, перебилъ Левицкій:—лишить его возможности вредить обществу и потомъ... исправить его.

— Это въ тюрьмѣ-то вы его исправите?

— Мы должны стремиться къ этому.

— Такъ вы ужъ лучше стремитесь къ тому, чтобы тюрьма была совсѣмъ ненужна.

— Какимъ это образомъ?

— Очень просто. Стремитесь къ такому порядку вещей, при которомъ преступленія сдѣлались бы невозможными.

— Извините меня, г. Козловъ, можетъ ли докторъ стремиться къ тому, чтобы лечить людей отъ смерти?

— Нѣтъ, не можетъ.

— Отчего же? Вѣдь это должна быть конечная цѣль медицины. Отчего же не сдѣлать людей бессмертными, если можно сдѣлать ихъ безгрѣшными? Я въ этомъ случаѣ смѣлѣе васъ. Я такъ думаю, что это когда-нибудь будетъ, лѣтъ эдакъ тысячь черезъ двѣсти. Къ тому времени человѣческой организмъ такъ измѣнится, такъ усовершенствуется, что нервы будутъ отключаться только на одни пріятныя ощущенія, всѣ дурныя страсти умрутъ... Ну, да и экономическія отношенія измѣнятся къ лучшему, не будетъ надобности вырывать кусокъ у ближняго. Всѣ силы природы такъ будутъ подчинены человѣку, что сами будутъ готовить ему и тепло и питаніе, будутъ переносить его съ мѣста на мѣсто съ скоростью телеграфныхъ депешъ, дома будутъ построены изъ негоряемаго матеріала, воть и поджога не можетъ быть, у всякаго всего будетъ вдоволь, кража не нужна! Такимъ образомъ, всѣ преступленія прекратятся сами собой. Тогда, г. Козловъ, а не раньше, тюрьмы сдѣлаются ненужны и

расходы на нихъ не будутъ вноситься въ государственный бюджетъ.

— А пока вы ихъ будете украшать и усовершенствовать?

— Что дѣлать! Изъ того, что люди выучились ходить на парахъ и на парусахъ, не слѣдуетъ еще заключать, что не нужно было никогда ходить на веслахъ. Какая-нибудь безобразная весельная галера древнихъ Римлянъ, теперь, конечно, нелѣпость, но въ свое время и она сослужила службу. Нападать на нее такъ-же странно, какъ странно было-бы пытаться ввести ее теперь. Человѣчество не идетъ скачками. Это одно изъ первыхъ и главныхъ условий въ исторіи. Кто захочетъ подвинуть его скачкомъ, тотъ навѣрное отодвинетъ назадъ. Не на много, правда, потому что скачки назадъ такъ же невозможны, какъ и скачки впередъ...

Разговоръ еще нѣсколько времени продолжался въ томъ же духѣ. Яковлевъ не принималъ въ немъ участія, но слушалъ внимательно и когда Козловъ сталъ прощаться, то выразилъ надежду, что они еще увидятся. Козловъ наклонился надъ столомъ, написалъ что-то на клочкѣ бумаги и подаль ему.

— Вотъ мой адресъ! сказалъ онъ.

Яковлевъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Я нигдѣ не бываю, отвѣтилъ онъ, и усы его опять вздрогнули отъ улыбки.— Да къ тому же я завтра уѣзжаю въ деревню. Козловъ молча поклонился.

IX.

Выходя вмѣстѣ съ Левицкимъ изъ редакціи, Нина чувствовала, какъ тяжело стучить ея кровь. Это не было, какъ прежде, счастливое волненіе любви, не было сознаніе близости любимаго существа, это была встрѣча съ врагомъ, первая и потому всегда страшная встрѣча. Онъ довѣрчиво предложилъ ей свою руку. Она приняла ее и, не зная, что сказать, избѣгала его взглядовъ. Она почувствовала, какъ дрогнула вдругъ ея рѣшимость и какъ его виновность передъ ней, до сихъ поръ столь очевидная для нея, стала внезапно блѣднѣть.

«Не можетъ быть, думала она, прислушиваясь къ звуку его голоса и чувствуя на себѣ его взглядъ, тотъ глубокій, мечтательный и вмѣстѣ острый взглядъ, который, проникая въ душу человѣка, легко читаетъ къ ней:— не можетъ быть, чтобы онъ обманывалъ меня. Онъ просто несчастный, глубоко несчастный человѣкъ...»

— Когда я не вижу васъ столько времени, началъ онъ: — я только тогда понимаю, какъ вы дороги для меня.

Нина вздрогнула. Въ его голосъ послышалась ей такая искренность, что она съ ужасомъ вспомнила о своихъ недавнихъ подозрѣнiяхъ.

— Вы не можете себѣ представить, продолжалъ онъ:— какъ мнѣ было тяжело узнать, что вы живете у Козлова.

— Развѣ вы считаете его такимъ дурнымъ человѣкомъ?

— Я этого не говорю. Онъ, можетъ быть, очень хорошей человѣкъ, я не знаю, но меня приводитъ въ ужасъ та рѣшимость, съ какой онъ подходитъ ко всякому вопросу. Его философія, кажется, главнымъ образомъ въ томъ и состоитъ, чтобы все разрубить топоромъ. По моему, это скорѣй дѣло плотника, чѣмъ человѣка развитаго. Простите за выраженіе, но я вижу въ такихъ людяхъ какіе-то хищные инстинкты. Если вы позовете ихъ поправить домъ, они непремѣнно скажутъ вамъ, что его нужно сломать. Я очень жалѣю, что вы не читали статьи г. Козлова. Это послѣднее злоупотребленіе, до какого можетъ дойти печатное слово. Я сказалъ Яковлеву, что если онъ напечатаетъ эту статью, онъ сразу уронитъ свою газету и я первый въ этомъ случаѣ перестану ее читать. Рѣшать вопросъ топоромъ, хотя бы и съ самой благонамѣренной цѣлью, литература не должна.

— Вы очень строги. Отчего же не давать мѣста и крайнимъ мнѣнiямъ? Развѣ права бываетъ только середина?

Левницкій засмѣялся.

— Вотъ видите, воскликнулъ онъ:— мои опасенiя начинаютъ сбываться; влiаніе вашего родственника сказывается и на васъ.

И онъ поглядѣлъ на нее, какъ смотреть на провинившагося ребенка, съ ласковымъ укоромъ.

— Вы ошибаетесь, возразила она:— отчего вы думаете, что у меня нѣтъ своихъ мнѣнiй? Мнѣ 23 года, я не ребенокъ.

Оба нѣсколько времени молчали.

— Я, впрочемъ, мало знаю Козлова, вымолвилъ онъ наконецъ.— Расскажите мнѣ о немъ что-нибудь.

— Что я вамъ скажу? Я сама его мало знаю. Онъ какой-то странный человекъ. Онъ кончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ, служилъ одно время въ полку, потомъ ему показалось, что военная служба непроизводительна, онъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ съ какой-то экспедиціей, былъ на Каспійскомъ морѣ, дѣлалъ тамъ съемки, какія-то ученые работы, я не знаю... Вернулся оттуда, поступилъ въ университетъ, женился на моей сестрѣ. Теперь онъ служитъ бібліотекаремъ, беретъ какія-то частныя работы и очень много работаетъ. Вы вотъ бовтаете его влiанiя

на меня, а я думаю, напротивъ, что это вліяніе очень благотворно. Я уважаю этого человѣка, я стала строже къ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ живу у него. Я желала бы, чтобы было побольше такихъ людей, какъ онъ.

Въ ея строгихъ, крѣпко сжатыхъ губахъ и въ разгорѣвшемся взглядѣ Левицкій прочелъ что-то новое, непривычное для него.

— Послѣ всего, что вы мнѣ сказали, проговорилъ онъ:—я начинаю понимать его. Онъ къ нѣкоторымъ вопросамъ относится слишкомъ страстно, потому что для него это не праздные вопросы, какъ для другихъ. Еслибъ я зналъ это раньше, я бы иначе взглянулъ на его статью о тюрьмѣ. Онъ, можетъ быть, дѣйствительно несчастный человѣкъ. Скажите, спросилъ онъ внезапно:—Яковлевъ вамъ тоже родственникъ?

— Онъ мнѣ двоюродный братъ.

— Я васъ спросилъ объ этомъ потому, что, говоря о несчастныхъ людяхъ, я вспомнилъ о немъ. Я желалъ бы, чтобы вы узнали его поближе. Его жизнь сложилась очень печально, когда-нибудь я вамъ расскажу о ней; но что всего ужаснѣе, такъ это то, что его вѣчно грызетъ змѣя сомнѣній. Вы знаете, что ничего не можетъ быть трагичнѣй этого: когда способность критики и холоднаго анализа живетъ въ страстной и безповойной душѣ. Судьба этихъ людей всегда почти трагична. И таковъ именно вашъ двоюродный братъ.

— Я его очень мало знаю, замѣтила она уклончиво.

— Но вы должны его узнать. Сближеніе съ нимъ будетъ для васъ благотворно. Онъ не знаетъ, можетъ быть, на васъ такого вліянія, какъ Козловъ, но онъ пробудитъ сомнѣніе въ вашей душѣ, а въ ваши годы это полезно. Это будитъ мысль, не даетъ ей дремать...

— Но что, еслибъ я стала сомнѣваться во всѣхъ? и въ васъ, напримѣръ?

Она смотрѣла, улыбаясь прямо ему въ лицо, но губы у нея слегка дрожали.

— Ну, что-жъ, я порадовался бы этому. Порадовался бы вдвойнѣ: во-первыхъ, за васъ, что вы начинаете критически относиться къ жизни, а во-вторыхъ, и за себя. Я гораздо хуже, чѣмъ вы думаете. Я боюсь, что вы были до сихъ поръ слишкомъ хорошаго мнѣнія обо мнѣ.

— Скажите же мнѣ, вымолвила она нетвердо:—въ чемъ я до сихъ поръ ошибалась въ васъ?

Онъ сдвинулъ брови и отвѣтилъ не сразу.

— Вы мнѣ задаете трудную задачу, сказалъ онъ дрогнувшимъ вдругъ голосомъ.—Я думаю, что вы ошибались во многомъ. Я

очень дурной человекъ. Я не смѣю, и не хочу, и не могу открыть вамъ своей души. Дитя мое! и не стою вашей дружбы! (Онъ взявъ ея руку и крѣпко сжалъ ее). Не довѣряйте мнѣ никогда.

Нина почувствовала, что любить его больше, чѣмъ когда-нибудь.

Этотъ внезапный, искренній порывъ задѣлъ такія струны ея души, что она вся, со всѣми своими желаніями, мыслями, надеждами принадлежала теперь ему. «Если онъ даже и обманываетъ меня, подумала она въ эту минуту:—онъ долженъ быть очень несчастливъ!» Она не въ силахъ была говорить; искала словъ, не находила ихъ и молча отвѣтила ему на познаніе, продолжая избѣгать его взглядовъ.

— Другъ мой, если когда-нибудь вы скажете себѣ, что я не помня и не опѣнилъ васъ, вспомните только объ одномъ, что нѣтъ человека несчастнѣе меня. Судьба никогда не баловала меня, но теперь она поступаетъ со мной жестоко! При всѣхъ видимыхъ удачахъ моихъ я самый несчастный, достойный сожалѣнія человекъ. Я иду не туда, куда влечетъ меня сердце. Еслибъ мы встрѣтились десять лѣтъ назадъ, я могъ бы принадлежать только вамъ и вамъ одной. Зачѣмъ мы не встрѣтились съ вами тогда? Теперь я не могу принадлежать никому. Всѣ лучшія чувства умерли во мнѣ давно и съ каждымъ годомъ жизнь вырываетъ у меня то, что оставалось еще отъ этого лучшаго прошлаго. Не судите, но пожалѣйте меня! Если вы и обманулись во мнѣ, вамъ жизнь дастъ еще много радостей впереди, а мнѣ...

Онъ не могъ продолжать отъ волненія. Нина была взволнована еще больше. О своихъ сомнѣніяхъ, колебаніяхъ, о желаніи изучать его безпристрастно, она забыла обо всемъ. Она видѣла только человека, дорогого для нея.

— Моя мечта, продолжалъ онъ, овладѣвъ собой:—это видѣть васъ счастливой. Я примирился бы съ своей судьбой, еслибъ зналъ, что *ваша* устроилась хорошо. Я видѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, что есть еще справедливость на землѣ. Другъ мой, общаете ли вы мнѣ, спросилъ онъ послѣ маленькаго молчанія:— что вы не будете противъ того, чтобы я сблизилъ васъ съ вашимъ двоюроднымъ братомъ?

— Зачѣмъ? сказала она отвернувшись, чтобы скрыть набѣгавшія слезы.—Мы не сойдемся съ нимъ никогда.

— Я вамъ даю слово, что черезъ мѣсяцъ вы будете друзьями. Вы не знаете его и его прошлаго... Онъ восемь лѣтъ прожилъ съ женщиной, которой не любилъ. Смерть порвала эти не-

выносимыя отношенія. Жена его прошлой осенью умерла. Дружба съ хорошей, честной дѣвушкой будетъ для него теперь спасеніемъ, а вы... вы найдете въ немъ нетронутыя еще сокровища ума и сердца.

— И вы посылаете меня добывать ихъ? Благодарю васъ... Это все равно, что сослать человѣка въ рудники.

Онъ прижалъ ея руку къ своей и взглянулъ на нее почти влюбленными глазами.

— Зачѣмъ мы не встрѣтились раньше! повторилъ онъ печально.

Нина не могла, наконецъ, выдержать. Слезы хлынули изъ глазъ ея. Она поспѣшно опустила вуаль.

Х.

Прошелъ еще мѣсяць. Левицкій не сдержалъ своего обѣщанія сблизить Нину съ ея двоюроднымъ братомъ. Онъ опять пропалъ въ вихрь занятій и на время забылъ о своихъ друзьяхъ. Онъ ѣздилъ на Югъ Россіи по дѣламъ службы и, вернувшись оттуда, разъ только былъ у Яковлева, которому привезъ свою статью о финансовыхъ кризисахъ, желая помѣстить ее въ его газетѣ.

Онъ прислалъ Нинѣ тотъ номеръ газеты, гдѣ она была напечатана, съ короткой запиской, въ которой просилъ ее высказать свое мнѣніе. Нина увидала въ этомъ еще новое доказательство того, какъ онъ дорожитъ ея мнѣніемъ. Она нѣсколько часовъ просидѣла, сочиняя ему отвѣтъ, но не имѣя никакихъ опредѣленныхъ понятій о финансовыхъ кризисахъ, не зная рѣшительно, что ему написать. Ей пришло тогда въ голову показать эту статью Козлову и, не называя имени автора, какъ просилъ о томъ Левицкій, спросить, что онъ о ней думаетъ. Козловъ сказалъ по обыкновенію:

— Хорошо-съ!

И унесъ газету къ себѣ. Не дождавшись его, Нина рѣшилась пойти къ нему за отвѣтомъ сама и слегка постучалась къ нему въ дверь. Хотя они и жили въ одномъ домѣ, но видались рѣдко. Днемъ каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ, а вечеромъ всѣ какъ-то уставали и сидѣли по своимъ угламъ. Къ тому же образъ жизни Козлова былъ для Нины рѣшительной загадкой. Къ нему ходили и даже ночевали у него разные господа, казавшіеся ей подозрительными. У всѣхъ у нихъ были рѣшительныя лица, всѣ они при встрѣчѣ ожидали ее недовольными взглядами, точно она была какая-нибудь вещь, мѣшавшая имъ на дорогѣ. Чаше

другихъ ходилъ какой-то чахоточный господинъ съ надорваннымъ и большимъ голосомъ, всякій разъ задыхавшійся на лѣстницѣ и всякій разъ брюзжавшій: что вотъ «прогрессъ! все вверхъ тянутся!.. хоть на чердакъ, да поближе къ центру!»... Одѣтъ онъ былъ бѣдно безъ малѣйшихъ признаковъ бѣлыя, но, судя по его манерамъ, казался человѣкомъ порядочнымъ и носилъ все нѣмецкія книги, которыя и читалъ вслухъ сквернымъ нѣмецкимъ языкомъ, но съ большимъ увлеченіемъ. Она узнала только, что фамилія его Токаревъ, и что онъ имѣетъ гдѣ-то очень богатыхъ родственниковъ, хотя самъ сильно бѣдствуетъ.

Но болѣе всѣхъ занимали ее два лица, всегда приходившія вмѣстѣ: одинъ невысокій, коренастый брюнетъ, съ окладистой бородкой и прямымъ проборомъ на головѣ, что придавало ему нѣсколько мужиковатый видъ, съ широкимъ, немного вздернутымъ носомъ и съ выраженіемъ такой мрачной рѣшимости, что какъ-то жутко становилось передъ взглядомъ его неподвижныхъ, всегда устремленныхъ на одну точку глазъ. Другой былъ совсѣмъ безбородый, тонкій, высокій блондинъ; на видъ ему было лѣтъ восемнадцать, хотя были и всѣ двадцать пять, съ большими мечтательными глазами, съ шиллеровскимъ типомъ лица и необыкновенно тонкими губами. Въ линіи его рта было что-то утонченно жестокое, что поражало Нину при встрѣчѣ съ нимъ. Она видѣла его мелькомъ, такъ же, какъ и его товарища, но эти лица своей характерной яркостью врѣзались въ ея памяти. При всемъ ихъ видимомъ несходствѣ, въ нихъ было что-то общее, родственное: одна и та же мысль свѣтилась въ ихъ глазахъ, та же рѣшимость, мрачная и грозная, сказывалась какъ въ неподвижномъ взглядѣ одного, такъ и въ задумчивыхъ, тонкихъ губахъ другого. Брюнетъ говорилъ мало, тяжело ступалъ своими большими ногами и никогда не спорилъ, а только по временамъ врѣзывался въ споръ двумя-тремя словами, не возвышая голоса и, не волнуясь, равнодушно, тяжело, угрюмо. Блондинъ, напротивъ, говорилъ охотно, очень мягкимъ, пріятнымъ баритономъ, ласкавшимъ ухо даже тогда, когда онъ говорилъ очень жесткія вещи.

Что до Козлова, съ его отрывистой, лаконичной рѣчью, съ его озлобленной ироніей или просто угрюмымъ молчаніемъ, то онъ со всѣми какъ-то былъ одинаковъ, и только для одного блондина, или, какъ называли его въ насмѣшку, Шиллера, за его сходство съ нѣмецкимъ поэтомъ, дѣлалъ почему-то исключеніе, отрываясь для него отъ работы и вмѣстѣ съ нимъ куда-то скрываясь, иногда на цѣлый день.

Въ Козловѣ Нину поражала его умѣренность и простота въ

привычкахъ, доведенная до послѣднихъ границъ, почти до фанатизма. Онъ не курилъ, не пилъ вина, и не ѣлъ мяса, къ которому, говорилъ онъ, чувствуетъ отвращеніе, носилъ въ карманѣ вмѣстѣ съ мѣдными деньгами какіе-то сплюснутые, какъ блины, часы съ разбитымъ вдоль и поперекъ стекломъ и сильно попорченнымъ механизмомъ, который онъ самъ собственноручно чинилъ; ходилъ зиму и лѣто въ однихъ и тѣхъ же холодныхъ сапогахъ и въ той же холодной фуражкѣ съ козырькомъ, не заводилъ въ домѣ чернильницы, потому что можно писать изъ пузырька, не заводилъ знакомства съ людьми, у которыхъ была въ домѣ хорошая обстановка (или, какъ онъ называлъ это, «мебельная лавка»), и отличался какой-то особой, непримиримой ненавистью ко всему, что носило на себѣ печать довольства.

Нина замѣтила, что ничто не возбуждаетъ въ немъ такой злобы, какъ роскошь. Онъ любилъ повторять разсказъ Берне о томъ, какъ онъ завелъ себѣ однажды фарфоровый сервизъ и тотчасъ же почувствовалъ себя трусомъ, какъ страхъ за этотъ сервизъ, за то, что въ случаѣ поспѣшнаго бѣгства, онъ не успѣетъ уложить свой фарфоровый чайникъ, лишилъ его всякой храбрости и любовь къ отечеству боролась въ немъ съ нѣжной привязанностью къ фарфоровому чайнику.

Козловъ говорилъ, что онъ умнѣе этого разсказа ничего не читалъ.

— Дайте только человѣку полдюжины фарфоровыхъ чашекъ, повторялъ онъ съ злорадствомъ:— и вы слѣбаете изъ него самое трусливое животное!.. Мы не такъ боимся за свою шею, какъ за свой фарфоръ. Это, впрочемъ, вещь извѣстная. Это старо, какъ міръ. Только мы мало думаемъ объ этомъ.

Когда Нина вошла въ его комнату, онъ стоялъ, засучивъ рукава надъ какимъ-то ящикомъ съ землей и съ молодыми, только что выходящими ростками, которые онъ внимательно разсматривалъ. На столѣ у него стояли пузырьки, блестящіе разсыпанныя на бумажкѣ золотистыя зерна; тутъ же лежали куски жерновой красной глины, поздраватые камни, угли, еловые шишки. По стѣнамъ стояли толстые обрубки дерева, видимо тоже принадлежавшіе къ какой нибудь коллекціи и замѣнявшіе при случаѣ стулья для посѣтителей. Въ углу валялась землемѣрная цѣпь, банки отъ гальванической батареи, желѣзные прутья и разный другой хламъ, среди котораго можно было различить даже офицерскія шпоры. Изъ-подъ клеенчатого дивана выглядывалъ уголь стараго чемодана и дорожный погребецъ. На прибитыхъ къ стѣнѣ деревянныхъ полкахъ стояли старенькія кни-

жонки, въ переплетахъ и безъ переплетовъ, съ оторванными корешками и потерянными обертками. Часть книгъ, неумѣстившаяся на полкахъ, была сложена въ кѣтку на полу и покрыта большимъ анатомическимъ атласомъ съ оторваннымъ верхомъ и съ изображеніемъ огромной человѣческой печени. На оклѣдкѣ стояли высокія бутылки съ какой-то жидкостью.

Что касается до собственно хозяйственныхъ принадлежностей, то они ограничивались мѣднымъ умывальникомъ, похожимъ на самоваръ и такимъ же мѣднымъ тазомъ, поматымъ отъ употребленія и поставленнымъ на простой, некрашенный табуретъ.

Нина напрасно искала глазами слѣдовъ той газеты, которую она дала Козлову для прочтенія. При входѣ ея онъ спустилъ засученные рукава и отряхнулъ приставшую къ рукамъ землю. Онъ какъ будто застыдился этихъ безобразныхъ рукъ, потому что тотчасъ же спряталъ ихъ въ карманы.

— Вы еще не прочли газеты? спросила Нина съ притворнымъ равнодушіемъ.— Если она вамъ не нужна, дайте мнѣ ее.

Козловъ наморщилъ лобъ, видимо что-то припоминая. Потомъ пошелъ къ окну, досталъ изъ-за бутылки газету и подалъ ее Нинѣ.

— Вы еще не прочли? повторила она.

— Читалъ-съ.

— Ну, что, какъ вы находите?..

— Да что это васъ такъ занимаетъ? И читать-то этого не стоило. Развѣ ужъ у васъ времени такъ много лишняго.

— Даже не стоило? повторила она съ удивленіемъ.

— Конечно, не стоило. Это ужъ мы слышали, какъ къ старымъ дырамъ новыя заплаты пришиваютъ. Въ этой статьѣ только и новаго, что ея заплаты.

— Я васъ не понимаю.

— Да такъ-съ. Финансовая политика — вѣдь она въ чемъ состоитъ? Съ одной стороны, чтобы поменьше дать, а съ другой, чтобы побольше взять. Ну, вотъ сообразно съ этимъ и пишутъ. Одни пишутъ, что надо больше брать, а другіе... Ну, другіе ничего не пишутъ, по той простой причинѣ, что писать не умѣютъ.

— Мнѣ кажется, напротивъ, перебила Нина:— что тутъ авторъ (она чуть было не сказала Левицкій) именно и говоритъ, что надо брать осторожно и притомъ знать съ кого брать.

— Ну, это вамъ только такъ кажется.

Ее разсердило высокоуміе, съ какимъ Козловъ относился къ статьѣ Левицкаго. Она сказала, что, по ея мнѣнію, статья умная и хорошо написана.

— Умная! можетъ быть! замѣтилъ Козловъ флегматично.— Да

вѣдь что-жъ и умъ, если изъ него дѣлають такое негодное употребленіе. Умы! Да эти буржуазные умы самое зло-го и есть. Они даже въ науку вносятъ развратъ. У нихъ и наука-то служить заводчикамъ, да биржевикамъ. Хорошо написана!.. Эти господа, извѣстное дѣло, только и упражняются въ томъ, чтобы хорошо писать. У нихъ и за душой-то больше ничего нѣтъ. Мыслишки ихъ дрянныя, а выражаютъ они ихъ хорошо.

— Я вамъ удивляюсь, сказала Нина, складывая газету.— Вы вездѣ и во всемъ видите одну только дурную сторону.

— Что дѣлать! Такой ужъ родился. Желалъ бы ее не видѣть. Веселѣй было бы на свѣтѣ жить.

— Васъ просто ожесточило ваше прошлое, сказала она недуманно.

Козловъ какъ-то странно поглядѣлъ на нее.

— А кто вамъ сказалъ, что мое прошлое было хуже моего настоящаго? Что вы думаете, что мнѣ вашъ Петербургъ что ли очень нуженъ? Да я хоть сейчасъ же готовъ вонъ изъ него!.. Да я такъ и сдѣлаю. Кто отъ вашего Петербурга хоть немножко отвыкъ, тому онъ послѣ такъ претитъ, что не знаешь, куда и уйти.

— Куда же, напримѣръ?

— Уйду туда, гдѣ на сто верстъ кругомъ нѣтъ ни одного образованнаго мошенника. Я всякихъ мошенниковъ могу выносить — образованныхъ не могу... Такой ужъ вкусъ, что дѣлать?

— Ну, а всѣ эти господа, которые къ вамъ ходятъ—это все честные люди?

— Всякіе между ними есть! Есть и такъ себѣ.. мало на что годные. Но есть за то и силы...

Нина ушла отъ Козлова въ недоумѣніи. Она никакъ не могла понять его. Онъ все какъ будто чего-то не досказывалъ. Было ли это недоумѣніе къ ней? или онъ думалъ, что она не пойметъ его? или наконецъ онъ самъ себя не понималъ?..

Чрезвычайно рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ о другихъ, онъ былъ въ то же время очень обидчивъ. Одно какое-нибудь неосторожное слово дѣлало то, что онъ тотчасъ же уходилъ въ свою раковину и отвѣчалъ оттуда одними насмѣшками.

Нужно было однако отвѣтить Левицкому, а что отвѣтить—Нина не знала. Въ этой нерѣшимости прошелъ для нея цѣлый день. На другой день она была въ редакціи. Яковлевъ разъ въ недѣлю прѣзжалъ туда изъ деревни, приходилъ иногда въ иностранное отдѣленіе, гдѣ она работала, вступалъ съ ней въ разговоръ и приглашалъ ее къ себѣ, гдѣ она рѣдко, впрочемъ, видѣла его

одного, а всегда въ обществѣ разныхъ господъ, посаждавшихъ его въ пріемные дни.

Послѣдній разъ она встрѣтила у него некрасиваго и небрежно одѣтаго брюнета, сидѣвшаго, поджавши ноги, на низенькой оттоманкѣ и перелистывавшаго какія-то книги, которыя онъ бросалъ одну за другою. При входѣ Нины, онъ откинулъ назадъ налѣзавшіе ему на глаза волосы, спустилъ ноги съ дивана и не безъ любопытства посмотрѣлъ на нее. Яковлевъ представилъ ей Бобикова. Господинъ поклонился съ чрезвычайно скромнымъ, даже какъ-то подозрительно скромнымъ видомъ и перемѣнилъ мѣсто, усѣвшись поближе къ столу, гдѣ сѣла и Нина.

— А каковъ нашъ генераль-то? началъ онъ вдругъ, обращаясь къ хозяину. — Въ литературу пустился! Просто, можно сказать, универсальный человѣкъ. Чтò, онъ у васъ еще что-нибудь будетъ писать?

— У меня? удивился Яковлевъ.

— Читали мы, читали его произведеніе, продолжалъ Бобиковъ не смущаясь. — Не глупо написано. Только говорить онъ лучше, чѣмъ писать. Таковъ, впрочемъ, удѣлъ всѣхъ краснорѣчивыхъ людей.

Оказалось, что онъ уже знаетъ, какому перу принадлежитъ статья о финансахъ.

— Послушайте, остановилъ его Яковлевъ: — я долженъ васъ предупредить: онъ просилъ меня, чтобъ объ этомъ никто не зналъ. Это можетъ навлечь ему непріятности по службѣ.

— Это онъ вамъ рассказываетъ? Вѣрьте ему больше! Онъ эту статью прежде васъ читалъ своему ближайшему начальству. Хотите пари, что онъ ее въ десяти домахъ читалъ?

Яковлевъ поморщился.

— Очень можетъ быть. Это до меня не касается.

— Нѣтъ, вѣдь вы говорите, что это секретъ. Какой же это секретъ, помилуйте!

Онъ пошарилъ у себя въ карманахъ и вмѣстѣ съ ворохами разныхъ бумажекъ вытащилъ оттуда записку Левницкаго.

«Добрѣйшій Петръ Ильичъ, читалъ онъ вслухъ. — Беру на себя смѣлость обратить ваше вниманіе на эту бездѣлицу. Ваше мнѣніе, какъ финансиста, для меня очень интересно. Взгляните на прилагаемую статью, какъ на первый опытъ начинающаго и поставьте мнѣ за нее тотъ баллъ, котораго она заслуживаетъ. Я, какъ школьникъ, жду этого экзамена и буду радъ, если заслужу тройку.

«Мое авторство я желалъ бы сохранять въ тайнѣ.

«Весь вашъ Павелъ Левницкій.»

— А то вотъ еще, говорилъ Бобиковъ: — я нарочно для памяти взялъ. (Онъ наклонился надъ высыпанными изъ кармановъ бумажками и, разсматривая ихъ своими близорукими глазами, вынулъ еще одну). Это ужъ къ одной дамѣ написано. Имени я не скажу, но это все равно.

«Мой добрый другъ...»

— Послушайте! я не желаю читать чужихъ писемъ, перебилъ его Яковлевъ.

— Да вѣтъ, это не любовное, вы не бойтесь! Я бы любовное не сталъ читать.

— Все равно, какое бы оно ни было.

— Да вѣтъ, постойте! Я сейчасъ. Это вѣдь любопытно.

«Возвратившись отъ васъ, я долго думалъ о нашемъ послѣднемъ разговорѣ. Вы правы. Канцелярская и механическая работа одолеваетъ меня. Литература одна можетъ освѣжить меня и дать мнѣ тотъ отдыхъ, въ которомъ я такъ нуждаюсь. Вы своими словами затронули во мнѣ литературную жилку и заставили меня взяться за перо. Еслибъ не вы, эта статья никогда не увидѣла бы свѣта. Вы прямая виновница ея и за это вы должны прочесть ее нынѣшній же день, чтобы завтра сказать автору, какого балла она заслуживаетъ.»

Имя автора прошу сохранить въ тайнѣ. Отдавать его на судъ равнодушной толпы мнѣ не хотѣлось бы.

Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта.

II. А.

— А вѣдь хорошо написано! ей Богу, заключилъ Бобиковъ. — Мнѣ бы никогда такъ не написать, особенно къ дамѣ. Все объ любви что-нибудь скажешь. А тутъ ни-ни, т. е. нинишеньки!

— Вы бы, Петръ Ильичъ, ужъ кому-нибудь другому читали эти письма, замѣтилъ Яковлевъ съ неудовольствіемъ. — Ни мнѣ, ни моей сестрѣ (онъ указалъ глазами на Нину) это интересно быть не можетъ.

Онъ ошибался. Нина слушала съ интересомъ. Она старалась въ то же время припомнить, въ какихъ выраженіяхъ была написана записка къ ней и нашла, что ея другъ недостаточно разнообразить содержаніе своихъ писемъ.

XI.

Когда Бобиковъ уѣхалъ, она сидѣла неподвижно, не поднимая глазъ, и совсѣмъ, казалось, забыла о присутствіи Яковлева.

— О чемъ ты задумалась? спросилъ онъ, подходя къ ней.

Она встала и точно пробужденная от сна взглянула на него вопросительными глазами. Онъ былъ въ этотъ день блѣднѣе обыкновеннаго. Взглядъ у него былъ мутный и большой. Она почувствовала вдругъ ту странную неловкость и желаніе поскорѣе уйти, которыя не разъ уже испытывала въ присутствіи этого человѣка. Иногда онъ былъ простъ, держалъ себя свободно и тогда говорить съ нимъ было легко: онъ даже шутилъ и смѣялся. Но бывали минуты, когда онъ становился тяжелъ, подозрителенъ, беспокоенъ, когда никто не могъ ему угодить и малѣйшая бездѣлица выводила его изъ себя. Всѣ статьи казались ему тогда глухими и съ надписью «возвратить» летѣли въ роковую корзину, откуда не было иного выхода, какъ опять назадъ въ портфели оскорбленныхъ авторовъ. Въ типографіи останавливали ночью печатаніе газеты изъ-за какого-нибудь не на мѣстѣ поставленнаго вопросительнаго знака.

Левицкій не разъ говорилъ ему, что у него есть всѣ качества, кромѣ одного—качества администратора. Управлять какимъ-нибудь дѣломъ онъ былъ рѣшительно неспособенъ. Онъ былъ слишкомъ нервенъ, слишкомъ человѣкъ минуты, чтобы сохранить ту спокойную ясность ума, которая необходима во всякомъ сложномъ дѣлѣ. Онъ раззорилъ когда-то свое имѣніе, вообразивъ, что можетъ управлять имъ, и точно такъ же раззорилъ теперь свою газету. Кабинетный ученый по призванію, онъ бросился съ головой въ омутъ практической жизни, безъ всякой надежды когда-нибудь выплыть оттуда. Своей книгой «О Налогахъ» и своими нисымами изъ-за границы онъ составилъ себѣ литературное имя; своей газетой—онъ убилъ его.

Въ редакціи его не любили. Онъ слишкомъ холодно держалъ себя; при этомъ какъ-то чувствовалось, что онъ никому не довѣряетъ. Чтò бы ему ни говорили, онъ все выслушивалъ и всегда все дѣлалъ по своему. Только одно лицо въ редакціи, извѣстный своимъ талантомъ и невѣжествомъ публицистъ Аристовъ, пользовался какъ будто нѣкоторымъ вліяніемъ на него. Но и тутъ скорѣе можно было думать, что Аристовъ ему нуженъ и что онъ терпитъ его, какъ неизбежное зло. Въ редакціи говорили даже, что Яковлевъ его просто ненавидитъ и именно за то, что онъ ему нуженъ. Онъ замѣтно не любилъ людей самостоятельныхъ или, вѣрнѣй, онъ не уживался съ ними; поэтому его окружала та уступчивая бездарность, которая со всѣмъ соглашается. Его первый политикъ могъ писать о чемъ угодно и въ какомъ угодно тонѣ, могъ поддать жару или нагнуть холоду, смотря по тому, какъ прикажутъ. Его воскресный фельетонистъ владѣлъ и прозой, и стихомъ, и былъ извѣстный обличитель, а обличалъ

*

онъ безразлично, что угодно начальству — нынче адвокатовъ, завтра дурныя мостовыя въ городѣ, послѣ завтра поборы сельскаго духовенства. Передовикъ, какъ называли для краткости сотрудника, писавшаго передовыя статьи, хотя и не владѣлъ легкимъ стихомъ воскреснаго фельетониста, но былъ еще универсальнѣе его, онъ писалъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о свободѣ совѣсти, объ осушеніи болотъ, о монополіи аптекъ... Отдѣлъ искусства порученъ былъ очень свирѣпому господину, называвшему себя эстетикомъ и постоянно ругавшемуся. Онъ не признавалъ ни одной школы въ живописи, кромѣ той, къ которой принадлежали его приятели. Музыкой завѣдывалъ маленькій проворный блондинъ, напечатавшій когда-то два вальса и теперь писавшій мессу-реквиемъ. О театрѣ писалъ всякій, кому не лѣнь. Научныхъ рецензій и библиографическихъ замѣтокъ въ газетѣ не было и на этотъ пробѣлъ рассчитывала Нина, чтобы доставить со временемъ эту работу отцу. Только это одно и побуждало ее къ тому, чтобы принимать иногда приглашенія Яковлева.

Послѣ ухода Бобикова она встала, чтобы тоже уйти, когда Яковлевъ остановилъ ее своимъ вопросомъ:

— Ты живешь у Козлова?

— Да, отвѣтила она коротко.

— Отчего ты не живешь у своихъ? Если тебя стѣсняетъ эта срочная работа, такъ я... я могу дать тебѣ другую работу.

Нина задумалась.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, сказала она рѣшительно. — Я знаю, что тебѣ нужна переводчица, которая всегда была бы подъ рукою и больше ничего. Да я больше ничѣмъ и не могу быть.

— Какъ знаешь! отвѣтилъ онъ сухо, видимо оскорбленный ея отказомъ.

— Я желала бы знать только одно, продолжала она, отвернувшись: — можетъ быть, тебѣ сказали, что надо спасти меня отъ Козлова?

— Я никого не спасаю, перебилъ онъ. — Быть спасителемъ вовсе не мое дѣло. Я вообще не люблю мѣшаться въ чужія дѣла. Все, чего я желаю отъ людей, это одного, чтобы и они, въ свою очередь, не мѣшались въ мои. Желанія скромныя, какъ видишь. Но и они не сбываются. Миѣ и тутъ не везетъ. Есть такіе отмѣченные судьбою люди, которымъ никогда ничего въ жизни не удается!

— Это всѣ, кажется, думаютъ про себя, отозвалась Нина.

— Ты хочешь этимъ сказать, что я не составляю исключенія? (Онъ быстро, какъ бы мелькомъ взглянулъ на нее). Человѣкъ

можетъ быть несчастливъ отъ двухъ причинъ, продолжалъ онъ:— первая та, что у него большія желанія и маленькія средства къ ихъ удовлетворенію. Это несчастіе органическое, неизлечимое. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Трагизмъ тутъ въ томъ, что неограниченныя потребности вложены въ такое ограниченное существо, какъ человѣкъ. Вторая причина та, что мы иногда ошибаемся во времени, появляясь на свѣтъ, и родимся или лѣтъ на 500 раньше или лѣтъ на двѣсти опоздаемъ. Вотъ, напримѣръ, Козловъ съ своими мыслями, что тюрьма не нужна, явился слишкомъ рано. Это порокъ, хотя и неорганическій, а больше, какъ видишь, ошибка во времени, но вылечивается онъ трудно, и то обыкновенно подъ старость, когда человѣкъ начинаетъ соглашаться съ большинствомъ. Но такъ какъ не всѣ доживаютъ до старости, такъ какъ я, напримѣръ, не доживу до нея навѣрное, то и надежды на излеченіе дѣлаются весьма слабыми.

— Ты не доживешь до старости? Это отчего?

— А оттого, что у меня давно ужъ нашли окостенѣніе, отложение, ожирѣніе, разложеніе, словомъ все, что можно найти у порядочнаго человѣка, который лечился, по крайней мѣрѣ, у сорока докторовъ и пилъ все, чѣмъ отравляютъ человѣчество въ послѣднія 15 лѣтъ. Ты спрашиваешь!.. Развѣ ты не видишь по моему лицу, что я живу только потому, что медицина не нашла еще послѣдняго средства, которымъ убиваютъ людей на законномъ основаніи. Какъ только они его найдутъ, его испробуютъ на мнѣ первомъ. Я жду своей очереди, не больше.

— Ты фаталистъ? спросила она съ едва замѣтной улыбкой.

— Фаталистъ? Нѣтъ!.. если не называть фаталистомъ человѣка, который, по примѣрамъ своего прошлаго, знаетъ навѣрное, что его ожидаетъ въ будущемъ. Жизнь наша такъ однообразна и состоитъ изъ такихъ повтореній, въ такихъ тѣсныхъ рамкахъ движется, что я удивляюсь, какъ, приглядѣвшись къ ней, люди не замѣчаютъ, что, въ сущности, все одно и тоже, что завтра будетъ тоже, что вчера. Мнѣ не везетъ! Какъ я могу думать, что мнѣ повезетъ потомъ, зная себя и условія, въ которыхъ я живу. Я знаю, что путь, по которому пошла моя жизнь—путь фатальный. На что я могу еще надѣяться? на молодость? ея нѣтъ, она осталась назади. На здоровье? оно разбито... Ну, да впрочемъ, что-жь, это не можетъ быть для тебя интересно... Скажи мнѣ, спросилъ онъ, мѣняя внезапно разговоръ:—тебѣ не случилось, при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь лицомъ, знатъ заранѣе, какую роль оно будетъ играть въ твоей жизни?

— Никогда! отвѣтила она съ удивленіемъ.

— Странно! назови это предчувствіемъ, глупостью, какъ хо-

чешь, но всё роковыя встрѣчи моей жизни происходили именно такъ: я видѣлъ челоуѣка при самыхъ обыкновенныхъ условіяхъ, но сразу говорилъ себѣ: наши дороги когда-нибудь встрѣтятся!

— И что-жь онѣ встрѣчались? спросила Нина съ усмѣшкой.

Онъ съ минуту молчалъ и смотрѣлъ на нее внимательно, точно изучая ее.

— Да, въ большинствѣ случаевъ. Въ оцѣнкѣ людей надо всегда отдаваться своему первому движенію. Оно самое вѣрное. Это то же, что инстинктъ у животнаго. Онъ не обманетъ. Меня онъ обманулъ только разъ въ жизни, это при встрѣчѣ съ челоуѣкомъ, который... ну, да тебѣ я могу сказать, съ кѣмъ:—съ Левицкимъ. (Онъ остановился, какъ бы что-то припоминая). Да! онъ произвелъ на меня сначала непріятное впечатлѣніе.

— Вы давно съ нимъ знакомы? спросила Нина.

— Давно. Я только-что выступилъ тогда на литературное поприще. Тогда вышла моя книга «О налогахъ». Книга имѣла нѣкоторый успѣхъ, о ней говорили въ обществѣ. Онъ пожелалъ со мной познакомиться. Онъ столько наговорилъ мнѣ лестнаго и прямо въ упоръ, что я думалъ, что онъ меня за дурака считаетъ, или самъ дурака ломаетъ. Я былъ тогда дикъ и смѣшонъ. Мнѣ вездѣ представлялось лицемеріе. Я не зналъ еще, что лицемеріе есть душа нашей жизни, что кто же изъ насъ не лицемеръ?.. Послѣ, но значительно послѣ, когда я по себѣ узналъ, какое море подлости кроется въ каждомъ изъ насъ, я научился цѣнить Левицкаго. Онъ приходилъ мнѣ на помощь въ такія минуты моей жизни. Впрочемъ, нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ. Я нынче чувствую себя скверно, а эти воспоминанія раздражаютъ меня.

Онъ сжалъ себѣ руками голову и блѣдный, молча, ходилъ по комнатѣ.

— Ты боленъ? сказала она, взглянувъ на его повеленѣвшее лицо. Онъ молча кивнулъ головой.

— Можетъ быть, ты хочешь остаться одинъ?

— Нѣтъ, напротивъ! Я прошу тебя не уходить. Ты не бойся, продолжалъ онъ, встрѣтивъ ее безпкойный взглядъ:—это скоро пройдетъ.

Нина слышала въ редакціи, что съ нимъ бываютъ приступы какой-то странной болѣзни, что онъ дѣлается тогда мраченъ, угрюмъ. скрывается отъ людей и ни съ кѣмъ не говоритъ. Въ такія минуты ему казалось, что всё противъ него въ заговорѣ и, при видѣ разговаривающихъ между собою людей, онъ подозрительно озирался и старался невидимо прислушаться, о чемъ они говорятъ. Его заставляли иногда съ головой, туго перевя-

занной полотенцемъ, сидѣвшимъ, опустивъ голову на руки и смотрѣвшимъ неподвижно передъ собой. При появленіи посторонняго, онъ быстро вскакивалъ и начиналъ ходить по комнатѣ, стараясь при этомъ, чтобы не видѣли его лица.

— Нѣтъ, ты не бойся, повторилъ онъ.—Я пойду только лягу на минуту.

Онъ ушелъ къ себѣ въ спальную, а она стояла у окна, тревожно прислушиваясь. Нѣсколько разъ ей приходила мысль позвонить человѣку, но она боялась, чтобы это его не раздражило. Такъ прошло минутъ десять. Она рѣшилась, наконецъ, войти къ нему. Осторожно отворяя дверь, она увидала его передъ крапомъ умывальника. Онъ стоялъ, нагнувшись, и пускалъ себѣ на голову струю холодной воды. Глазамъ ея представилась смятая постель, виднѣвшаяся изъ-за отодвинутой ширмы, шкафъ съ медицинскими книгами, кресло съ особеннымъ механизмомъ, поднимавшееся и опускавшееся на винтахъ, открытое бюро съ разбросанными бумагами, съ начатымъ и недоконченнымъ письмомъ и палочкой сургуча около зажженной свѣчи. На окнахъ были спущены зеленыя шторы съ изображеніемъ трубящаго охотника, своры собакъ и дремучаго лѣса. Въ комнатѣ былъ тотъ особенный аптечный запахъ, который дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ на свѣжаго человѣка. Надъ письменнымъ столомъ висѣла копія съ тиціановскаго Вознесенія, нѣсколько подалѣе Моленіе о чашѣ, а въ углу какая-то большая темная картина мистическаго содержанія.

— Ты, пожалуйста, не стѣсняйся, сказала Нина, остановившись въ дверяхъ: — если тебѣ нужно что-нибудь, можетъ быть, позвать когонибудь...

Онъ сдѣлалъ знакъ, что нѣтъ, и пригласилъ ее войти. Она нагнулась надъ бюро и смотрѣла на портретъ изъ пяти медальоновъ, изображавшихъ, повидимому, одно семейство, судя по родственному сходству лицъ.

— Узнаешь? спросилъ онъ.

— Одну я узнаю, это твоя жена.

— А это все ея родня. Все семейство Полуновыхъ, досказалъ онъ, опускаясь въ кресла и начиная перечитывать недоконченное письмо.

Средній медальонъ изображалъ старика съ артистически разбросанными сѣдыми волосами, съ гордымъ, надменнымъ выраженіемъ глазъ и слѣдами замѣчательной когда-то красоты. Разстегнутая на груди рубашка открывала мощную, совсѣмъ не старческую шею. Въ углахъ его рта было что-то сладострастное и вмѣстѣ презрительное. Онъ глядѣлъ пылкимъ вельможей XVIII

столѣтія. Надъ нимъ смотрѣла изъ медальона двадцатилѣтняя красавица въ итальянскомъ костюмѣ; то была старшая дочь его, умершая жена Яковлева. Изъ двухъ остальныхъ дочерей одна была совсѣмъ некрасива — это уже знакомая намъ Вѣра Бобикова, другая только не дурна, но при этомъ какъ-то поэтически граціозна, съ глазами наивно задумчивыми, ласкающими, почти дѣтскими; она, впрочемъ, и свята была по дѣтски, въ открытомъ лифѣ, съ открытыми рукавами платья и въ институтскомъ фартукѣ. Сынъ, цвѣтущій молодой человѣкъ, въ кавалергардскомъ мундирѣ, наследовалъ красоту отца, но безъ того огня, который свѣтился въ глазахъ старика.

— Какъ хороша была твоя жена! замѣтила Нина, рассматривая портретъ.

Но глаза ея искали невольно той задумчивой институтки, 15-ти-лѣтней дѣвочки, въ которой она съ жадностью изучала свою соперницу. Такъ это-то была та Бетси Полунова, которая отнимала у нея сердце Левицаго! Неужели это правда, что онъ женится на ней? думала она, стараясь объяснить себѣ, что могло его очаровать въ лицѣ этой дѣвочки.

— Миѣ очень нравится лицо этой институтки, вымолвила она. — Она еще дѣвочка, но уже что-то общается.

— Она давно ужъ не дѣвочка, и право, кажется, ничего не общается. Между нами, это, если я не ошибаюсь, предметъ думъ одного нашего общаго друга... Ты, конечно, угадываешь кого?

— Левицаго? спросила она твердо.

— Да. Я съ грустью смотрю на этотъ выборъ; но я не удивляюсь ему.

— Развѣ она такъ хороша?

— Она хуже, чѣмъ хороша: она имѣетъ успѣхъ. А это, ты знаешь, такіа шпоры для любви! Взять то, что всѣ хотятъ взять... это огромное счастье.

Нина не могла удержаться, чтобы не взглянуть еще разъ на портретъ.

— Если тебя такъ занимаютъ эти картинки, я могу тебѣ показать еще одну. Она не хуже этихъ, ты увидишь.

Онъ подошелъ къ бюро, отперъ одинъ ящикъ и вынулъ оттуда довольно большой кабинетный портретъ, завернутый въ папирозную бумагу.

— Только прежде я долженъ сказать тебѣ, прибавилъ онъ, опуская портретъ, который вдругъ задрожалъ въ его рукѣ: — что ты первая, кому я показываю его. Послѣ, когда ты увидишь

оригиналь, а ты можешь быть увидишь его, ты ни однимъ словомъ не упомянешь, конечно, о томъ, что ты видѣла здѣсь.

Нина съ удивленіемъ слѣдила за его движеніями, за мервной торопливостью, съ которой онъ ее снялъ, а сорвалъ обертку съ портрета.

Но прежде, чѣмъ показать его ей, онъ глядѣлъ на него самъ, глядѣлъ съ жадностью, съ болью въ лицѣ. Потому онъ подалъ его молча.

На портретѣ, въ нѣсколько изысканной позѣ, была представлена молодая женщина за роялемъ. Одна рука ея перебирала клавиши, а другая, облокотившись на спинку стула, поддерживала ея маленькую, изящно причесанную головку. Ея задумчивый взглядъ и вся томная грація ея позы какъ бы говорили о томъ, что она, прислушиваясь къ тихимъ звукамъ рояля, вспоминаетъ объ отсутствующемъ другѣ или, можетъ быть, ждетъ его прихода. Но взглядѣвшись пристальнѣе въ выраженіе ея темныхъ глазъ, можно было подмѣтить въ нихъ что-то лукавое, коварное, не возбуждавшее довѣрія. Ея поза была слишкомъ красива, чтобы быть естественной. Нина долго смотрѣла на портретъ, какъ бы что-то припоминая.

— Я видѣла эту женщину, сказала она вдругъ: — и знаешь ли гдѣ? я видѣла ее у Козлова.

Онъ напряженно вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Она часто бывала тамъ? вымолвилъ онъ глухо.

— Я видѣла ее всего одинъ разъ. Она не вошла даже въ комнаты. Она приходила узнавать адресъ одного господина и сейчасъ же ушла.

Яковлевъ молча и тяжело шагаль по комнатѣ. Видно было, что какія-то тревожныя воспоминанія одолѣвали его.

— Ну, а какъ ты находишь ее? спросилъ онъ вдругъ.

— Я не знаю право... сказала она нерѣшительно.

— Впрочемъ, довольно объ этомъ! Что я тебѣ надождаю своими воспоминаніями! Кому они могутъ быть интересны. Ты, я думаю, находишь страннымъ, что я вдругъ ни съ того, ни съ сего навязалъ тебѣ свою тайну...

Нина дѣйствительно находила это страннымъ, но, изъ сожалѣнія къ нему, не сказала этого. Къ тому же ей показалось, что онъ самъ уже начиналъ жалѣть объ этой внезапной, неумѣстной откровенности.

XII.

Левицкій только-что вернулся къ себѣ изъ министерства и не успѣлъ еще снять вицмундира, какъ начались обычные звонки.

Первымъ явился какой-то уѣздный предводитель, тучный, очень громко говорившій мужчина, весьма гордый своимъ знакомствомъ съ Левицкимъ и выдававшій себя въ провинціи за его ближайшаго друга.

При встрѣчѣ съ этимъ другомъ, онъ, однако, слегка смѣшался и, увидавъ его стоящимъ посреди комнаты, не зналъ, самому ли къ нему подойти, или ждать, пока онъ подойдетъ. Левицкій пригласилъ его сѣсть, но ни чаю, ни кофе, какъ ожидалъ того гость, не предложилъ, а сталъ его спрашивать о выборахъ и о дѣлахъ дворянской опеки съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ: я надѣюсь, любезный другъ, что ты долго не просидишь. Гость, привыкшій въ провинціи держать себя по губернаторски и громко рассказывать о себѣ, попробовалъ было рассказать о томъ, какую рѣдкую коллекцію древнихъ монетъ составилъ его деюродный братъ, баронъ К., но Левицкій взглянулъ съ беспокойствомъ на часы и на лежавшую около него кипу бумагъ и съ грустью замѣтилъ, что къ утру надо составить изъ нихъ докладъ. Гость не понялъ и остался.

Въ это время новый звонокъ извѣстилъ о новомъ посѣтителѣ. Вошелъ статскій генералъ со звѣздой и съ замѣтнымъ дрожаніемъ нижней челюсти. Левицкій встрѣтилъ его въ дверяхъ, нѣсколько разъ повторилъ ему, какъ онъ счастливъ его видѣть, усадилъ его въ самое покойное кресло и тотчасъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ, умышленно или неумышленно забывая о предводителѣ. Тотъ безпокойно вертѣлся на стулѣ, попробовалъ было вмѣшаться въ ихъ бесѣду, но и тутъ остался незамѣченъ и долженъ былъ молча слушать рассказъ генерала о томъ, какъ онъ сопровождалъ за-границей одного нѣмецкаго принца. Воспользовавшись первой паузой, сконфуженный предводитель откланялся.

Вслѣдъ за генераломъ со звѣздой, явился какой-то синологъ, хлопотавшій о мѣстѣ казеннаго бібліотекаря при одномъ ученномъ учрежденіи. Онъ просилъ Левицкаго замолвить за него словечко и привезъ ему новенькій экземпляръ своей исторической грамматики, гдѣ интересна была для Левицкаго не столько самая грамматика, сколько напечатанное жирнымъ шрифтомъ посвященіе ему. Онъ принималъ эту ученую взятку съ тѣмъ лю-

безнымъ видомъ, съ какимъ принималъ вообще всякаго литератора. Онъ не смотрѣлъ теперь на часы и не говорилъ съ грустью о докладѣ, а съ любопытствомъ спрашивалъ о значеніи какаго-то китайскаго слова, причѣмъ обнаружилъ знанія не со всѣмъ обыкновенныя, даже и для государственнаго человѣка.

Посвященная ему грамматика мѣсяцевъ шесть лежала у него на столѣ, пока не была, наконецъ, замѣчена всѣми и, какъ потерявшая уже интересъ новизны, не успокоилась на дальней полкѣ книжнаго шкафа.

Замѣтивъ взгляды, которые ученый бросалъ вокругъ себя, Левицкій спросилъ его, какъ ему нравится его хата. Хата его была недурна. Она имѣла тотъ общій характеръ русскихъ хатъ, въ которыхъ живутъ бѣдные чиновники, получающіе шесть тысячъ жалованья.

Кабинетъ его былъ обдуманъ художественно. Первое, что поражало въ немъ — это огромныхъ размѣровъ письменный столъ, за которымъ могли бы свободно работать десять канцелярскихъ чиновниковъ. Казенные пакеты съ красными печатами и докладныя записки скромно занимали одинъ уголъ его, оставляя свободнымъ другой для всего, что можетъ услаждать досуги образованнаго человѣка. Тутъ было «компактное изданіе гётевскаго Фауста», новѣйшее изданіе Шекспира въ подлинникѣ, въ видѣ маленькихъ книжекъ, похожихъ на молитвенники, и иллюстрированный дантовскій «Адъ» съ безчисленнымъ множествомъ голыхъ мускулистыхъ фигуръ, преданныхъ всевозможнымъ мученіямъ. Тутъ же стоялъ бюстъ Юлія Цезаря, на которомъ знаменитый римскій полководецъ былъ изображенъ съ зеленымъ лицомъ, такъ какъ весь бюстъ былъ сдѣланъ изъ зеленого базальта. Такимъ образомъ, чиновникъ и поэтъ были строго разграничены на этомъ столѣ, но поэтъ преобладалъ...

Въ кабинетѣ, кромѣ того, останавливали вниманіе нѣсколько хорошихъ снимковъ съ хорошихъ картинъ и коллекція альбомовъ, поднесенная въ разное время Левицкому его разными сослуживцами. Они были живой повѣстью тѣхъ успѣховъ, которые сопровождали его при переходахъ изъ одного вѣдомства въ другое, изъ одной губерніи въ другую, пока не увѣнчались, наконецъ, виднымъ и прочнымъ мѣстомъ въ столицѣ.

Его казенная квартира, показавшаяся дворцомъ скромному ученому, была отдѣлена цѣлыми десятками лѣтъ отъ той лачуги, гдѣ онъ, проживая нахлѣбникомъ у вѣчно пьянаго писаря, долбилъ свою латынь. Между этой лачугою и его теперешнимъ дворцомъ были многіе годы лишеній, горя, униженій, упорнаго труда — годы, забытые всѣми, кромѣ того, кто ихъ испыталъ. Лю-

ди, узнавшіе Левицкаго во времена его успѣховъ, представляли его себѣ сильнымъ, самонадѣаннымъ, умнымъ дѣльцомъ; люди, выдавшіе его прежде, въ годы его ранней юности, помнили еще болѣзненнаго юношу, робкаго, самолюбиваго, не всегда, можетъ быть, сытаго, то съ мечтательнымъ, то съ орлинымъ взглядомъ, который тогда уже начиналъ высматривать свою добычу, терпѣлъ неудачи, ожесточался, голодалъ, работалъ и черствѣлъ душою...

Часовъ около трехъ, когда пріемъ обыкновенно кончался, пришелъ Яковлевъ, но не успѣлъ, какъ слѣдуетъ поздороваться, какъ въ передней опять зазвонили. Левицкій, уже снимавшій вицмундиръ и распорядившійся насчетъ чаю, которымъ угощали только близкихъ пріятелей, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Это дамы какія-то, сказалъ Яковлевъ, прислушиваясь къ звуку голосовъ въ передней.

— Погоди минутку, я сейчасъ ихъ приму.

Яковлевъ удался, а хозяинъ вышелъ въ переднюю, гдѣ стояли перешептываясь двѣ студентки, видимо совѣщаясь о томъ, которой прежде войти.

— Войдите, сдѣлайте одолженіе! любезно пригласилъ ихъ Левицкій.

Студентки вошли переглядываясь. Обѣ одинаково не знали куда дѣвать свои руки, хотя одна оказалась очень бойкой и заговорила вдругъ скоро и звонко что-то такое, что Левицкій не сразу могъ понять. Другая только озиралась.

Послѣ большихъ усилий, Левицкій понялъ, наконецъ, что его за кого-то просятъ. Онъ предложилъ имъ стулья, внимательно выслушалъ ихъ, сказалъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, что ничего не можетъ сдѣлать, прибавивъ, впрочемъ, что еслибы это было въ его власти, то, конечно, онъ сдѣлалъ бы все возможное.

— Да нѣтъ, послушайте! Какъ же это? перебила студентка.— Если вы захотите, вы можете. Мы знаемъ, что вы можете... Вы отличный человѣкъ! Мы прямо къ вамъ пошли. Наши, наемни, были у одного барина, такъ онъ и не принялъ даже. Намъ тогда же сказали, чтобы мы къ вамъ шли. Вотъ она—студентка указала на свою пріятельницу:—она у васъ прошлый годъ была. Говорить, вы такой добрый!..

— Ваше посѣщеніе и ваше довѣріе ко мнѣ весьма для меня лестны, говорилъ Левицкій.—Передайте всѣмъ, пожалуйста, кто, подобно вамъ, захотѣлъ бы обратиться ко мнѣ, что во мнѣ они найдутъ всегда сочувствующаго и далеко не безучастнаго человѣка. Но этимъ, къ сожалѣнію, моя роль и ограничивается.

— Но у васъ, говорятъ, такое большое знакомство!

— Что касается до моихъ знакомыхъ, то всѣ они очень милые люди, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы вмѣстѣ съ ними побѣдять, но... и только! Впрочемъ, чтобы вы не думали, что тутъ есть какое-нибудь нежеланіе съ моей стороны... (онъ всталъ и оторвалъ листъ бумаги) потрудитесь мнѣ написать фамилію этого господина. Я сдѣлаю все, что могу.

Онъ положилъ бумагу передъ студенткой и подаль ей перо, которымъ она неловко и торопливо написала что-то въ углу. Левицкій посмотрѣлъ на фамилію, написанную этимъ размашистымъ, скорѣй мужскимъ, чѣмъ женскимъ почеркомъ, сложилъ бумагу и положилъ ее подъ прессъ-папье.

Онъ сказалъ еще нѣсколько прочувствованныхъ словъ о томъ, какъ тяжело сознаніе своего безсилія для человѣка, который не можетъ сдѣлать ничего, когда желалъ бы сдѣлать все, смотрѣлъ на нихъ своими глубокими глазами и, прощаясь съ ними, выразилъ надежду на то, что настанутъ когда-нибудь лучшія времена.

Студентки ушли отъ него очарованныя.

XIII.

— Я пришелъ къ тебѣ по дѣлу, началъ Яковлевъ, когда они остались одни. Не знаешь ли ты, гдѣ бы достать денегъ?

Левицкій внимательно посмотрѣлъ на своего друга. Онъ зналъ, какъ неохотно Яковлевъ говорить о своихъ денежныхъ дѣлахъ; зналъ также, что онъ вошелъ въ большіе долги, начиная изданіе газеты, которая пошла хуже, чѣмъ можно было ожидать. Сначала она много читалась, привлекая подписчиковъ именемъ издателя, но потомъ стала быстро падать. По поводу этого Левицкій имѣлъ съ нимъ нѣсколько неприятныхъ разговоровъ. Ничѣмъ нельзя было такъ разсердить Яковлева, какъ, напоминая ему о томъ, какую ошибку онъ сдѣлалъ, пустившись въ журналистику. Самъ онъ въ глубинѣ души вполне ее признавалъ, но, по привычкѣ всѣхъ упрямыхъ людей, не хотѣлъ ни за что признаться въ этомъ другимъ. И потому, чѣмъ хуже шли его дѣла, тѣмъ онъ больше избѣгалъ всякихъ разговоровъ объ этомъ. Последнее время онъ сталъ даже скрывать ихъ отъ Левицаго.

— Тебѣ нужно денегъ? повторилъ Левицкій.— Возьми у меня. Только съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Что ты не употребишь ихъ на газету.

Яковлевъ нервно подергивалъ усы.

— Я въ этомъ вижу только вѣжливый отказъ, сказалъ онъ глухо. — Я, впрочемъ, не у тебя и пришелъ ихъ просить. Ты знаешь хорошо, что я у друзей не занимаю. Для этого есть банки и ростовщики.

— Ну, этого, извини, я не понимаю; дружба не боится рублевыхъ расчетовъ. Но дѣло въ томъ, что я не могу сознательно вести тебя въ петлю. Твоя газета запутала тебя кругомъ и, что всего печальнѣе, она поглотила не только твои деньги, но и твое спокойствіе, и... и даже больше. Газета вовсе не твое дѣло, и ты это знаешь... Тебя надо вырвать изъ этого болота, а не толкать туда насильно! Если тебѣ нужно нѣсколько тысячъ для того, чтобы убить окончательно свою газету и вмѣстѣ съ ней свою репутацію, то я не только ихъ тебѣ не дамъ, но приму мѣры, чтобы тебѣ не далъ ихъ никто другой. Извини! можетъ быть это грубо, но я люблю тебя и иначе говорить не могу.

Яковлевъ молча взялся за шляпу.

— Пстой! выслушай меня прежде! остановилъ его Левицкій: — я никакой цѣны деньгамъ не придаю, и сейчасъ тебѣ это докажу: дай мнѣ слово, что ты ликвидируешь свои дѣла и продашь газету... и я сейчасъ же отдаю тебѣ все, что у меня есть.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! возразилъ Яковлевъ сухо.—Я раззорить тебя вовсе не намѣренъ. Къ тому же такихъ денегъ, какія мнѣ нужны, у тебя нѣтъ. Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, тысячь тридцать.

Левицкій всталъ.

— Тридцать тысячъ! повторилъ онъ съ разстановкой.—Да ты столько же, если не больше, долженъ своему тестю?

— Я для того и занимаю, чтобы уплатить ему. У меня есть причины, по которымъ я желалъ бы расплатиться съ нимъ.

— Послушай! Не лучше ли было бы—въ чемъ я охотно готовъ тебѣ помочь—искать покупателя для газеты? Ты заплатишь тогда тестю деньгами, которыя получишь за нее.

— И потомъ открою табачную лавочку? Благодарю.

— Знаешь, Алексѣй, по совѣсти говоря, я бы лучше желалъ видѣть тебя владѣльцемъ табачной лавочки, чѣмъ русской газеты.

— Русская газета не хуже русскаго общества! Она его вѣрное отраженіе.

— Ну, это обыкновенное оправданіе людей, которые опускаются до уровня толпы, потому что не могутъ поднять ее до себя. Вы всегда считаете публику глупѣе, чѣмъ она есть.

— Кто это мы? спросилъ Яковлевъ, отвернувшись къ окну.

— Т. е. не ты, а твои сотрудники, потому что, вѣдь положи

руку на сердце, развѣ ты знаешь, что пишутъ у тебя въ газетѣ? Я думаю, что ты едва ли даже ее читаешь?

— Какой вздоръ! сказалъ Яковлевъ, вспомнившій въ эту минуту, что онъ дѣйствительно ужъ нѣсколько дней не читалъ ея.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ задумалъ планъ новаго обширнаго труда о Россіи, онъ сталъ все рѣже показываться въ редакцію. Мелкія журнальныя заботы тяготили его давно.

— Последніе дни я, дѣйствительно, читалъ мало, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія:—но я былъ все боленъ; я три ночи не спалъ.

— Ну, милый другъ, мы всѣ больные люди. Надо какъ-нибудь лечить себя. Нужно воли побольше.

— А! что воля! перебилъ Яковлевъ съ досадой.—Что вы мнѣ все съ вашей волей, съ твердостью души!.. Нѣтъ, братъ, это ужъ обманывать себя. Я что-то въ душу сталъ плохо вѣрить.

— Вотъ какъ! ты нынче въ душу не вѣришь. Ты вотъ души въ себѣ не замѣтилъ, а нашелъ въ себѣ способности хорошаго журналиста. Ты имъ никогда не будешь, а тебѣ прямо говорю.

Яковлевъ вспылилъ, сказалъ, что онъ знаетъ, что дѣлаетъ и учить себя не позволяетъ, схватилъ какую-то книгу, бросилъ ее, схватилъ перо, сталъ имъ что-то чертить на бумагѣ, бросилъ и это, застегнулся на всѣ пуговицы и хотѣлъ, казалось, уйти, однако, не ушелъ.

— Я не понимаю, говорилъ Левицкій:—въ чемъ состоитъ самолюбіе людей, подобныхъ тебѣ. Я скорѣй понимаю какогонибудь кулака-издателя, у котораго газета вовсе не литературный и не политическій органъ, а просто мелочная лавочка, гдѣ онъ сидитъ и торгуетъ. Я понимаю всякихъ литературныхъ хлыщей, которые такъ же появляются въ литературѣ, какъ пятно на платкѣ. Но если я кого не понимаю, такъ это, извини, тѣхъ честиѣйшихъ, благороднѣйшихъ людей, которые сами ни на какую гадость неспособны, а къ себѣ въ журналъ пускаютъ всякій сбродъ. Выслушай меня и не сердись! продолжалъ онъ, замѣтивъ нетерпѣніе Яковлева.—Я сталъ последнее время въ невозможное положеніе; со всѣхъ сторонъ я слышу негодованіе на твой журналъ. Молчать я не могу, тутъ задѣваютъ твое имя. Защищать тебя... но по совѣсти я и этого не могу сдѣлать...

— И не нужно! сдѣлай одолженіе. Я на въ какой защитѣ не нуждаюсь. Я этихъ дружескихъ цѣпей терпѣть не могу. Защита! Передъ кѣмъ это, въ чемъ мнѣ защищаться? Кто мои судьи? Ваши петербургскіе либералы, которые либеральничаютъ, запирая двери на замокъ? ваша интеллигенція, которая хотѣла бы получать радикальную газету и имѣть при этомъ двадцать пять

тысячъ годового дохода! Имѣть повара, чтобы давать патриотическіе обѣды, и коляску, чтобы ѣздить въ ней въ парламентъ. И вы хотите, чтобы я былъ органомъ этихъ господъ, которые немножко фрондируютъ у себя въ гостиной и любятъ вольности въ газетѣ потому, что не могутъ позволять ихъ себѣ сами. Эти трусы до мзга костей, требующіе смѣлости отъ другихъ!.. А! вы хотѣли найти въ вашей газетѣ то, чего нѣтъ въ васъ самихъ! Вы хотѣли, чтобы портретъ былъ лучше оригинала!.. Журналисты не хороши... Сдѣлайте хорошихъ журналистовъ. Вы же ихъ создаете. Да еслибы дѣйствительно явился хорошій журналистъ, вы бы первые забросали его камнями. Вы бы слово правды приняли за личное оскорбленіе для себя!..

— Ты раздраженъ, Алексѣй, сказалъ Левицкій сдержанно:— и потому несправедливъ.

Друзья разстались холодно. Яковлевъ ушелъ разстроенный, сожалѣя внутренно о томъ, что вызвалъ своего друга на этотъ неприятный для обоихъ разговоръ.

XIV.

Нинѣ стоило большихъ усилій уговорить отца, чтобы онъ принялъ у себя Яковлева, пожелавшаго возобновить съ ними знакомство. Старикъ сначала и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

— У меня и такъ отъ этихъ знакомствъ голова трещить, говорилъ онъ угрюмо.

«Эти знакомства» заключались въ томъ, что у нихъ два раза въ лѣто былъ Дмитрій Левицкій, приходившій съ визитомъ и оба раза, къ несчастію, застававшій Огнева дома.

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, рѣшено было, что онъ приметъ Яковлева. Въ день, назначенный для его пріѣзда, онъ спросилъ у дочери чистый носовой платокъ, велѣлъ стереть пылъ у себя въ кабинетѣ и, разложивши передъ собой какую-то книгу, угрюмо дожидался этого визита. За послѣднія 5—6 лѣтъ онъ совсѣмъ одичалъ и выходилъ только по дѣламъ въ редакцію или на толкучку за книгами. Страсть къ рѣдкимъ книгамъ доходила у него до болѣзни. На себя онъ уже нѣсколько лѣтъ не тратилъ ничего, донашивая послѣ сына его старые сапоги. Всѣ его вещи—карандаши, платки, окурки папирсъ—служили ему до послѣдней возможности. Но за то у него была прекрасная бібліотека, извѣстная въ тѣсномъ кружкѣ ученыхъ, стоявшая ему тысячь четырехъ деньгами, да лѣтъ 20 неусыпныхъ заботъ собирая.

Приѣздъ Яковлева поднялъ въ его душѣ старыя воспоминанія и растравилъ старыя раны. Онъ принялъ его холодно и все время усилненно молчалъ, предоставляя дочерямъ занимать его, какъ угодно. Яковлевъ тоже чувствовалъ стѣсненіе. Онъ еще въ юности не любилъ своего дядю, считая его старымъ педантомъ. Позднѣе онъ научился цѣнить въ немъ одну черту—его безукоризненную честность. Но онъ никогда не могъ простить ему его ограниченности. Онъ говорилъ, что кѣтъ ничего невыносимѣе ученой посредственности.

Пытаясь теперь возобновить порванное знакомство, Яковлевъ сомнѣвался, будетъ ли оно прочно. Дядя съ годами не сдѣлался мягче: онъ, напротивъ, какъ-то очерствѣлъ. Говорить съ нимъ было трудно. О политикѣ онъ не говорилъ, она его не занимала; о литературѣ? онъ новѣйшихъ книгъ не читалъ, кромѣ того, что выходило по его специальности. Съ тѣхъ поръ, какъ племянникъ сдѣлался журналистомъ, онъ сталъ ему особенно антипатиченъ. Необходимость заставляла его работать въ газетахъ, но онъ ихъ ненавидѣлъ. Онъ называлъ ихъ сплетницами и не могъ простить имъ того, что онѣ не обсуждали работъ податной комиссіи съ такимъ же безпристрастіемъ, съ какимъ онъ изучалъ законодательство Ярослава.

Выхода отъ всего дяди съ тяжелымъ чувствомъ недовольства, Яковлевъ спрашивалъ себя, въ чему онъ сдѣлалъ этотъ визитъ. Но не прошло двухъ недѣль, какъ онъ его повторилъ. Онъ выбралъ такой день, когда дяди, по его соображеніямъ, не было дома и, послѣ небольшого колебанія, вошелъ на крыльцо, служившее въ то же время и балкономъ. Обыкновенно тамъ сидѣлъ кто нибудь изъ домашнихъ, или самъ старикъ съ книгой, или одна изъ дочерей (день былъ праздничный, и Нина была дома), но на этотъ разъ все было пусто. Съ некрашеного, деревяннаго стола снята была скатерть, стояло рѣшето съ грибами, валялись корешки отъ этихъ грибовъ и тупой ножикъ, которымъ ихъ чистили. Мухи тучами облѣпили этотъ грибной соръ, залетѣвшая по ошибкѣ пчела отчаянно билась между складками балконной парусины. На копьѣ сѣна, лежавшей передъ окнами, брошена была раскрытая книга и чей-то носовой платокъ. На клумбахъ въ палисадникѣ, несмотря на всѣ старанія Лизы, не выросло ничего, кромѣ подсолнуховъ и двухъ головокъ мака. Старая, сѣдая крапива и лопухи густо разрастались по забору; одна пошла вверхъ своими смѣлыми остріями, другіе

Т. ССХLVI.—Отд. I. 22

стлались по землѣ, поворачивая къ солнцу свою пыльную, сѣроватую поверхность. Сухая, кое-гдѣ начинавшая уже блекнуть листва березы лѣниво шевелилась подь слабымъ, Богъ вѣсть откуда потянувшимся вѣтеркомъ. Синія стрекозы поднимались изъ травы съ легкимъ трескомъ и, описавши кривую на воздухѣ, скрывались изъ глазъ въ знойномъ блескѣ лѣтнаго дня. Въ жаркомъ, прозрачномъ воздухѣ точно что-то дрожало. На безконечной вышинѣ разорванными клочками плыли бѣлыя облака, растаявшіяся длинной линіей и, незамѣтно пропадаая, таяли въ горячей синевѣ ноба.

Въ домѣ все было тихо. Яковлевъ попробовалъ отворить дверь — дверь была заперта.

— Кто тамъ? крикнулъ чей-то испуганный голосъ.

Онъ назвалъ себя. За дверью шептались, потомъ, какъ ему показалось, побѣжали куда-то, чѣмъ-то хлопали, потомъ наступила опять тишина. Минуть пять, по крайней мѣрѣ, никто къ нему не выходилъ. Думая, что его не хотять принять, онъ пошелъ уже назадъ, когда его вдругъ нагнала Нина. По ея сконфуженному виду онъ догадался, что пришелъ не въ-время. Она извинилась передъ нимъ, что заставила его ждать, но не приглашала его вернуться и, продолжая разговаривать, стояла на улицѣ. Щеки ея пылали, что съ ней бывало рѣдко; распустившіяся косы упали ей на спину, и вся она казалась очень взволнована.

— Я, кажется, не въ-время пришелъ, сказалъ онъ, чувствуя тоже какую-то неловкость.

— Вовсе нѣтъ! перебила она поспѣшно. — Съ чего ты это взялъ! Она лгала; онъ видѣлъ это ясно.

— Нѣтъ, я такъ только зашелъ, спросить, не нужно ли вамъ чегонибудь въ городѣ. Мнѣ пора домой. Онъ торопливо простился и, не оглядываясь, пошелъ по деревнѣ.

Прошло нѣсколько дней, и Нина начинала уже забывать объ этой неловкой встрѣчѣ, полагая, что Яковлевъ не придастъ ей никакого значенія, какъ вдругъ, къ величайшему ея удивленію, она получила отъ него письмо:

«Ты, конечно, проклинаешь меня въ душѣ за то, что я такъ некстати пришелъ, когда двери твои были заперты для другихъ, а видъ всякаго посторонняго, докучливаго посѣтителя, подобнаго мнѣ, былъ для тебя невыносимъ. Я вѣрю, что есть такія минуты уединенія, когда не только свои двери, но даже свою душу хочется запереть для всѣхъ; вѣрю этому, потому что это бываетъ и со мной. Въ одну изъ такихъ минутъ я попалъ къ тебѣ и, сказать ли? меня крайне удивилъ твой пріемъ. Удивило

не то, что ты не приняла меня—ты имѣла полное право поступить такъ и я на твоёмъ мѣстѣ сдѣлала бы тоже — но то, что ты какъ будто извинялась въ этомъ. Къ чему? Развѣ это требовало извиненій? Миѣ больно видѣть, что и ты надѣваешь на себя цѣпи какого-то условнаго рабства. Сбрось ихъ! онѣ не пристали къ тебѣ. Эти мученическія вериги могутъ носить только люди убѣжденные.

«Еще два слова! Въ мой первый визитъ къ вамъ, я замѣтилъ, что твой отецъ смотритъ на меня косо. Отчего ты не сказала миѣ прямо, что онъ не хочетъ этого знакомства?»

Письмо это задѣло Нину за живое. Она вспомнила всѣ подробности послѣдняго свиданія, свое смущеніе, неловкость и вообще тотъ странный характеръ, который приняла ихъ встрѣча. Объясниться было необходимо, но объясняться письменно она не хотѣла и отложила это до перваго свиданія. Оно не заставило ждать себя. Въ первый же свой приѣздъ изъ города, она, по привычкѣ своей гулять по вечерамъ одна, пошла на кладбище.

Проходя мимо церковной сторожки, гдѣ старикъ сторожъ, сидя на порогѣ, чинилъ какой-то бредень, она вдругъ остановилась.

Изъ-за кустовъ, прямо навстрѣчу ей, выскочилъ бѣлый се-теръ, внимательно и вопросительно обнюхалъ ее, и кинулся дальше по дорожкѣ къ кладбищенской церкви. Нина узнала этого сетера; съ намъ ходилъ ея двоюродный братъ. Первымъ ея движеніемъ было повернуть назадъ; но потомъ, какъ бы въ досадѣ на себя за эту минутную нерѣшимость, она смѣло пошла дальше.

Яковлевъ былъ тутъ. Онъ сидѣлъ на старомъ могильномъ камнѣ и смотрѣлъ задумчиво въ просвѣтъ между деревьевъ на алѣющую полосу неба, сквозившую, какъ черезъ сѣтку, черезъ частую листву кладбищенской ограды.

— Я такъ и думалъ, что встрѣчу тебя здѣсь, сказалъ онъ, вставая.

— Почему это? спросила она съ удивленіемъ.

Онъ съ минуту смотрѣлъ не на нее, а мимо нея, куда-то въ даль, не отвѣчая на вопросъ.

— Ты получила мое письмо?

— Получила... и была имъ очень удивлена.

— Ты, можетъ быть, не такъ поняла его...

— Миѣ кажется, что ты не имѣлъ никакого права писать его миѣ. Какое право ты имѣешь требовать отъ меня какихъ-то объясненій?..

— Я такъ и думалъ, перебилъ онъ печально.—Ты не поняла

*

меня. Объясняться! Развѣ я говорилъ объ объясненіи? Я именно хотѣлъ сказать, что не только объясняться, но ты даже и оправдываться не должна была передо мной. Ты должна была прямо сказать мнѣ: я не могу принять тебя. Вотъ и все! и никакихъ разговоровъ не могло быть.

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и вдругъ засмѣялась.

— Хорошо! сказала она рѣшительно.— Другой разъ я такъ и сдѣлаю.

Они пошли молча по дорожкѣ.

— Ты, можетъ быть, отчасти права, вымолвилъ онъ послѣ долгаго молчанія.— Въ глубинѣ моей души я, можетъ быть, желаю этого объясненія.

Она вынула изъ кармана сложенную записку.

— Тогда возьми это письмо. Оно говоритъ совсѣмъ другое.

Онъ взялъ его и, ни слова не говоря, разорвалъ. Бѣлые клочки его закружились на воздухѣ и полетѣли на чью-то могилу.

— Я поступилъ глупо, нелѣпо, сказалъ онъ: — и ты жестоко даешь мнѣ это почувствовать.

— Забудемъ объ этомъ, я тебя прошу.

— Забыть этого я не общаю, но я сдѣлаю все, чтобы быть тебѣ пріятнымъ: я перестану бывать у тебя.

Она остановилась.

— Къ чему это? спросила она, поднимая на него изумленный взглядъ.

— Я не могу выносить отношеній, въ которыя закралась какая-то фальшь. Разъ, этого достаточно, ты приняла меня такъ, что мое посѣщеніе было тебѣ видимо непріятно. И главное — это главное, замѣть! — ты старалась скрыть это. Теперь, когда бы я ни пришелъ, мнѣ все будетъ казаться, что я пришелъ не въ-время.

— Если ты это думаешь дѣйствительно, то, конечно, лучше прекратить наше знакомство.

Онъ слегка поблѣднѣлъ.

— Ты какъ будто рада этому, сказалъ онъ глухо.

— Нисколько! Но зачѣмъ же мучить себя? Передѣлать себя мы не можемъ. Ты всегда останешься подозрителенъ, а я... я люблю свою свободу и не уступлю ее ни кому.

— Я желалъ бы знать, всегда ли ты такъ разсуждаешь или это только теперь? со мною? Если всегда, прими мои поздравленія. Ты счастливѣйшая и умнѣйшая изъ женщинъ. Но я подожду съ этими поздравленіями... я подожду еще годъ или два. Если въ это время не случится встрѣчи, которая сломастъ тебя,

какъ... вотъ какъ этотъ пруть! прибавилъ онъ, поднимая засохшую вѣтку и тутъ-же ломая ее пополамъ:—если судьба не сыграетъ надъ тобой злой шутки и не подчинитъ тебя, твои мысли, желанія, волю, какому-нибудь черствому, сухому эгоисту, который въ одинъ годъ тебя обезличитъ, о тогда!.. тогда прими мои поздравленія! Я признаю въ тебѣ сильную душу... я буду уважать твою гордость... Но мы подождемъ! Жизнь еще не сказала своего послѣдняго слова.

— Сядемъ здѣсь! перебила она его, останавливаясь у церковной паперти, гдѣ изъ всѣхъ щелей между камнями пробивалась короткая трава.

Изъ раскрытаго церковнаго окна пахло ладономъ. Связь желѣзные прутья оконной рѣшетки можно было видѣть темный иконостасъ, съ написанными во весь ростъ апостолами, съ ужасно суровымъ ликомъ Николая Чудотворца и толстыми оплывшими свѣчами въ тусклыхъ подсвѣчникахъ передъ образами. Старенькія хоругви на клиросахъ, закапанное воскомъ и нечищенное со Святой паникадило, потертое сукно на амвонѣ, на которомъ дьякомъ пятнадцать лѣтъ сряду читалъ нараспѣвъ евангеліе— все уже доживало свой вѣкъ, и самая церковь стала какъ будто расти въ землю. Кругомъ бойко пошла молодая зелень, выросло нѣсколько новыхъ могилкозъ съ свѣжими каменными плитами, а старая церковь какъ-то печально смотрѣла на эти вторженія, роняла штукатурку, уронила разъ цѣлый карнизъ, потеряла позолоту съ креста, обростала мохомъ и глядѣла въ землю.

— Ты правъ, жизнь еще не сказала своего послѣдняго слова, повторила Нина.—Вотъ гдѣ она его скажетъ!..

Она указала на вырытую въ ночь могилу, съ черной, сырой еще землей и черной пустотой отверстія, ожидавшаго новаго жильца.

— Свобода! продолжалъ онъ, не отвѣчая на ея слова. — Ты думаешь, что ты любишь свою свободу? Мы всѣ, по натурѣ своей, рабы. Объ этомъ не принято только говорить, но рабство намъ гораздо понятнѣе и ближе. Дайте мнѣ свободу—я сейчасъ начну разбирать: на что она мнѣ? Всякая вещь хороша, пока изъ нея можно сдѣлать какое нибудь употребленіе. Ну, какое употребленіе сдѣлаю я изъ своей свободы? Понятное дѣло, я ее подарю кому нибудь. Чего же лучше! и потомъ десять лѣтъ жизни употреблю на то, чтобы вернуть ее назадъ.

— Вотъ этого-то я и не хочу, сказала она горько:—я не отдамъ ее, чтобы не брать назадъ.

— А встрѣчи? перебилъ онъ горячо.—А роковыя встрѣчи? Ты

забыла ихъ! Твоя воля сильна, я вѣрю, но какъ ты знаешь, что она не столкнется когда-нибудь съ другой, сильнѣйшей волей.

Нина вспомнила вдругъ о Леввицкомъ. Его образъ такъ ярко всталъ передъ ней, что она почувствовала минутную слабость. Голова у нея закружилась, все подернулось туманомъ. Она гдѣ-то смутно, далеко видѣла своего двоюроднаго брата и едва понимала, что онъ ей говорилъ. Онъ увидалъ эту внезапную перемѣну въ ней и остановился пораженный.

— Скажи мнѣ... эта встрѣча... она можетъ быть была уже?

— Нѣтъ! прошептала она сухими, горячими губами. — Но я ея боюсь.

Она встала и пошла прямо по дорожкѣ. Онъ съ минуту стоялъ, какъ окаменѣлый. По лицу его пробѣгали быстрыя тѣни; рука его дрожала, когда онъ нагнулся, чтобы поднять платокъ, который она уронила, уходя. Онъ нагналъ ее и молча подаль его. До самой ограды они шли такъ, ни слова не говоря. Выйдя на дорогу, онъ вликнулъ сетера, который забѣжалъ посмотреть, что готовится къ ужину у церковнаго сторожа.

— Прощай! сказалъ онъ, обращаясь къ ней и не находя другихъ словъ, чтобы сказать ей на прощанье.

— Прощай! отвѣтила она просто.

XV.

Дома ожидала ее неприятная сцена. Въ ея отсутствіе приходилъ хозяинъ требовать денегъ за дачу. Денегъ въ домѣ не было. Дѣла Огневыхъ были очень плохи и послѣднее время они сильно нуждались. Старикъ съ самой весны страдалъ головными болями, пропустилъ двѣ срочныя работы и рассорился съ редакціей одной иллюстрированной газетки, которая полгода не платила ему денегъ, все приглашая придти завтра. Молодой Огневъ нѣсколько разъ признавался сестрамъ по секрету, что ему до зарѣзу нужно 25 рублей, на какія надобности онъ, впрочемъ, не объяснялъ. Лиза сэкономила какъ могла и выбивалась изъ силъ, чтобы прожить на тѣ гроши, которые у нея оставались. Нѣсколько разъ она порывалась спросить сестру, сколько она получаетъ въ редакціи, но все какъ-то не рѣшалась. Но послѣ визита дачнаго хозяина, всѣ рѣшили обратиться къ Нинѣ. Старикъ Огневъ самъ дожидался ея возвращенія и мрачно ходилъ по полсадинку.

Изъ города пріѣхалъ Козловъ и помогалъ Лизѣ что-то счи-

татъ. Лиза все твердила: два въ умѣ! и чтобы не забыть, писала на бумажѣхъ.

Когда Нина пришла, отецъ спросилъ ее, не можетъ ли она заплатить *иска* изъ своихъ денегъ дачному хозяину. Нина съ видимою неловкостью призналась, что никакихъ денегъ изъ редакціи она не получала. Она все ждала, что Яковлевъ самъ заговорить объ этомъ, но онъ молчалъ, и она тоже молчала. Вопросъ этотъ мучилъ ее давно: она видѣла, что дома нуждаются, но всякій разъ, какъ хотѣла сказать объ этомъ Яковлеву, гордость и стыдъ сговывали ей уста. Она не могла понять, какъ ея двоюродный братъ не видитъ этого и не придетъ ей на помощь самъ. Но онъ, какъ и всѣ люди, неслыхавшіе нужды въ тѣсномъ смыслѣ, былъ далеко отъ мысли, что Огневъ такъ нуждается. Къ тому же онъ привыкъ, что всѣ работавшіе въ газетѣ брали жалованье прямо изъ конторы, откуда нѣкоторые успѣли уже забрѣть за годъ впередъ.

Старикъ Огневъ, хотя и сказалъ, что глупо не брать своихъ денегъ, но въ душѣ одобрялъ свою дочь; онъ понималъ, что *просить* денегъ, хотя бы и своихъ, тяжело. Но Лиза, и Николай, и Козловъ не понимали этого поступка.

— Вотъ еще! говорилъ Николай.—Тебѣ стыдно съ него брать, а ему не стыдно брать съ подписчиковъ.

.— Перестань, пожалуйста! перебила Нина съ нетерпѣніемъ.

— Да что перестань! Вошь и Платонъ Николаичъ тоже скажутъ. Нынче, братъ, всѣмъ управляетъ рубль серебромъ! Покажи цѣлковый—ну, и кончено! Битва жизни, говорятъ... Какая тамъ битва! Просто цѣлковый - рубль... И ты вѣдь не оттого пошла, что тебѣ весело эту самую политикку переводить, а просто оттого, что тебѣ цѣлковый нуженъ. Нуженъ, такъ и бери!

— Не всѣ работаютъ изъ-за цѣлковаго, сказала она съ презрѣніемъ.—Есть люди, которые думаютъ, что работать обязанъ всякій.

— Тогда ужъ лучше пахать или косить, замѣтилъ Козловъ.

— Почему же это лучше? спросила Нина, все болѣе раздражаясь.

— Полезнѣе!

— Я право не знаю, что полезнѣе: пахать ли, камни ли ворочать или книги издавать. Я дѣлаю то, къ чему болѣе способна. А если я не думаю, вмѣстѣ съ моимъ братомъ, что главное въ жизни—рубли! такъ и вы вѣдь этого не думаете...

— Что такое рубль? перебилъ Козловъ.—Рубль—это удовлетвореніе моихъ потребностей. Вещь законная.

— Ахъ! и вы теперь будете доказывать, что рубль главнѣе!

— Да, только мой рубль и вашъ—это двѣ вещи разныя.

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— А что я вижу въ васъ такое безкорыстіе, это меня радуетъ. Женщины, насколько я замѣтилъ, отличаются еще большей алчностью, чѣмъ мужчины. Въ нихъ больше развита страсть къ приобрѣтенію...

Уходя спать, старикъ Огневъ на минуту остановился, какъ будто для того, чтобы зажечь свѣчу и сказалъ дочери, не оборачиваясь:

— А, что Нина... Нельзя ли это, какъ-нибудь... Ну, написать ему, что ли... Идти къ нему тебѣ, конечно, неловко. А я думаю, написать бы... Впрочемъ, какъ хочешь... Тебѣ это лучше знать.

Жалкій и нерѣшительный видъ старика, который такъ не шелъ къ его орлиной фигурѣ, горько отозвался въ сердцѣ его дочери.

— Я ужъ рѣшилась, сказала она, вставая.—Я переговорю съ нимъ. Я буду у него сама и объяснюсь.

Она подошла къ окну, распахнула его и стала глядѣть въ теплую тьму лѣтней ночи. Сквозь зеленъ палисадника можно было видѣть огоньки въ окнахъ дачи, стоявшей напротивъ, черезъ дорогу. Еще дальше, черезъ поле, виднѣлся зеленый фонарь на желѣзной дорогѣ. Внизу подъ горой играли на гармоникѣ; гдѣ-то вдали, слышно было, ѣхали, громыхая, пустыя телеги. Въ палисадникѣ все бы было темно, и одна только тонкая высокая осина, попавшая въ полосу свѣта изъ окна, дрожала своей блѣдной зеленью, ясно показывая каждый свой листикъ. Было что-то печальное, тоскливое въ этомъ трепетавшемъ деревѣ, покорно кивавшемъ своими тонкими вѣтвями.

И тоска, сжимавшая сердце Нины, росла, когда она глядѣла на это жалкое дерево. Ей казалось, что она сама теряетъ опору и качается, какъ эти вѣтви, бессильно сгибаясь подъ ударами судьбы. Та же тьма, которую она видѣла теперь передъ собой, ожидала ее и впереди. Отецъ старѣлъ и опускался; работа ему становилась не подъ силу. Братъ думалъ только о себѣ, о томъ, какъ бы ему повеселѣе пожить; родительскій домъ былъ для него гостиницей, въ которой онъ занималъ пока хорошій номеръ, но очистится номеръ получше, онъ уйдетъ туда. Старшая сестра умирала; умереть она, и Козловъ уйдетъ совсѣмъ изъ Петербурга.

Все шло къ разрушенію, все распадалось...

XVI.

— Покойной ночи! сказала кто-то сзади.

Она вздрогнула и обернулась. Передъ ней стоялъ Козловъ съ маленькимъ зажженнымъ фонаремъ.

— Куда вы? спросила она, ничего не понимая.

— Спать иду. Одинадцатый часъ.

— Вы гдѣ же спите?

— А въ сараѣ, на снѣгѣ. Отлично! Пахнетъ крѣпко, такъ и забираетъ... Ночь такая теплая, славная! Сквозь крышу даже звѣзды видно.

Онъ хотѣлъ идти, но она вдругъ, что-то вспомнивъ, сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ остановился.

— Я вотъ что хотѣла вамъ сказать, начала она торопливо. Я всегда готова, вы это знаете, быть вамъ полезной, чѣмъ могу. Но послѣдній разъ... я не знаю, слышали ли вы объ этомъ...

— Что такое? спросилъ онъ торопливо.

— У меня былъ этотъ господинъ, вы знаете...

— Ну, да, хорошо! Дальше...

— По вашему совѣту, я выдала его Лизѣ за газетнаго сотрудника. Но въ это самое время пришелъ вдругъ Яковлевъ. Онъ его увидалъ въ окно, сдѣлался бѣлѣй бумаги... «Ради Бога не принимайте его... Онъ меня знаетъ!.. Я не могу съ нимъ встрѣтиться!» Вы понимаете мое положеніе! Въ другой комнатѣ сидитъ Лиза... У меня душа не на мѣстѣ, что она что-нибудь услышитъ. Эготъ мнимый сотрудникъ Яковлева, который не можетъ съ нимъ встрѣтиться... Я вижу по его лицу, что Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится. Я знаю, что Яковлевъ порядочный человѣкъ... но я вижу тутъ не одинъ страхъ; нѣтъ, тутъ есть что-нибудь еще... Личная вражда, или... я не знаю. Эти люди не должны были встрѣчаться.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ Козловъ, когда она остановилась.

— Я не помню что... Знаю только, что какую-то глупость. Я вышла къ Яковлеву сама...

— Ума тутъ особеннаго не нужно! сказалъ Козловъ невозмутимо. — Надо больше владѣть собой!

— Я это знаю, благодарю васъ...

— Вы, по крайней мѣрѣ, поправили ли это? продолжалъ онъ серьезно. — Вы видѣлись потомъ съ Яковлевымъ.

Она повторила въ краткихъ словахъ свой разговоръ съ нимъ и упомянула вскользь о письмѣ.

— Вамъ нужно еще школу хорошую пройти, сказалъ онъ сурово.

Нина молчала. Странная вещь! Эти слова не задѣли ея самолюбія, какъ многое другое, чего она ему не прощала.

Да! школу нужно пройти! подумала она съ горечью.

До сихъ поръ ей казалось все, что она не живетъ, что это такъ только, а настоящее еще впереди. Восемь лѣтъ прошли незамѣтно въ этихъ ожиданіяхъ. Когда она оглянулась на свое прошлое, Боже, какъ скучна, однообразна показалась ей эта вереница длинныхъ дней, проведенныхъ въ ожиданіи чего-то..

— Вы изъ хорошаго матеріала сдѣланы, продолжалъ Козловъ, совершенно такъ, какъ бы она была какой-нибудь химическій продуктъ, а онъ экспертъ, призванный для опредѣленія его годности:—да вотъ полежала вещь безъ употребленія, ну, и не годится! Ржавчина ее съѣла, сырость, всякая дрянь...

— Вещь! остановила его Нина съ ироніей.—Я въ самомъ дѣлѣ должно быть вещь. Вы обо мнѣ такъ и говорите.

— Нѣтъ, вы не вещь!.. А вы только, по русской лѣни, съ мѣста двигаться не любите. Вы тяжелы на подъемъ—вотъ что!.. Сочувствовать-то вы, пожалуй, сочувствуете, да только такъ, что вотъ «не будетъ ли это безпокойно». Это ничего, что у васъ огоньки въ глазахъ бѣгаютъ. Вѣтеръ подуетъ, загаситъ и ихъ. А русскіе вѣтры сильны. Слава Богу! есть гдѣ разгуляться!

— Перестаньте ради Бога! остановила она его почти съ мольбой.—Что вамъ отъ меня нужно? Говорите!.. Нужна я вамъ на что-нибудь? Я на все готова. Вы знаете... Не дорожу я вашимъ спокойствіемъ! Что мнѣ въ немъ... Не бури я боюсь, не вѣтровъ вашихъ, а вотъ этой тишины, этой мертвой тишины, отъ которой воздухъ спирается, дышать тяжело... Дни, недѣли, года, все одно и одно!.. И безцѣльно, глупо, никому не нужно...

Въ голосѣ ея вдругъ что-то зазвенѣло и оборвалось... Она поспѣшно отвернулась и стала глядѣть въ окно.

Козловъ съ минуту молчалъ.

— Жертвы замѣтилъ онъ, наконецъ, съ усмѣшкой.—Вы съ этимъ не торопитесь. Это все порывы; потомъ это пройдетъ. Вы потомъ мнѣ сами будете благодарны, что я вашей жертвы не принялъ.

При этомъ онъ какъ-то вопросительно и пытливо взглянулъ на Нину. Взглядъ его, быстрый какъ молнія, скользнулъ по ней, какъ бы желая въ одинъ моментъ прочесть, что происходитъ въ глубинѣ ея души, и тотчасъ же принялъ выраженіе равнодуш-

ное. Она стояла неподвижно, скрестивъ руки на груди и смотрѣла въ темноту.

— Покойной ночи! повторилъ онъ, подождая нѣсколько минутъ и видя, что она не выходитъ изъ этой неподвижности. Она повернула къ нему свое усталое лицо.

— Вы ужь уходите? Прощайте!

— Вамъ, я вижу спать хочется.—Ахъ да, я и забылъ. (Онъ опустилъ руку въ карманъ). Вамъ письмо есть.

Она издали еще, при слабомъ свѣтѣ фонаря, узнала знакомый почеркъ. Въ глазахъ ея что-то зажглось.

— Когда оно получено?

— Вчера. Кажется, вчера. Да тамъ на штемпелѣ увидите... Огня не приважете ли?

Онъ досталъ изъ кармана спички и зажегъ ей свѣчу. Только что онъ ушелъ, она разорвала конвертъ и жадными глазами стала пробѣгать письмо.

«Дорогой другъ мой! я не шелъ къ вамъ все это время, чтобы не опечалить васъ своей разстроенной и—къ чему скрывать это—злой физиономіей. Всѣ мелочи жизни, которыя послѣднее время отравляютъ мое существованіе, оставили на ней свои слѣды. Я боленъ душевно и физически и страдаю невыносимо. Я чувствую кругомъ себя и, что всего ужаснѣе, въ себѣ самомъ, одну ни чѣмъ ненаполнимую пустоту. Надежды на возможность когда-нибудь лучшаго будущаго во мнѣ угасли давно. Самыя горькія минуты въ такомъ состояніи—это минуты пробужденія. И вотъ въ одну изъ такихъ-то минутъ я пишу къ вамъ... Я такъ одинокъ въ настоящее время, такъ печально равнодушенъ къ людямъ, что только вы, вы одна можете согрѣть меня своимъ словомъ участія. Не удивляйтесь же, если я приду къ вамъ разбитый, больной душой и начну передъ вами свою исповѣдь, горькую повѣсть своихъ страданій»...

XVII.

Цѣлое общество собралось у Яковлева на его дачномъ балконѣ, украшенномъ фестонами изъ полосатаго тика. Тутъ были Бобиковы, мужъ и жена, и элегантная Бетси—младшая сестра Бобиковой, и Дмитрій Левицкій въ ужасно клѣтчатой матеріи, которой онъ самъ замѣтно конфузился, и отецъ Яковлева, плотный, мясистый старикашка съ нѣсколько плотояднымъ и выматривающимъ выраженіемъ. Все это общество было занято чаемъ

и маленькими невинными сплетнями; Бобиковъ игралъ первую скрипку, а остальные ему вторили.

Только самъ хозяинъ сидѣлъ угрюмо въ углу и смотрѣлъ машинально, какъ Бетси разливаетъ чай, показывая свою полуоткрытую, сквозившую изъ подъ тюля розовую руку. Это была дѣвушка не то, чтобы очень красивая, но чрезвычайно элегантная. Она умѣла носить свои платья и прическу съ удивительной граціей. Ея необыкновенный успѣхъ въ свѣтѣ объяснялся тѣмъ строгимъ достоинствомъ съ печатью тонкаго изящества, съ какимъ она умѣла держать себя. Всѣ ея движенія были красивы; выраженіе ея глазъ, какъ-то строго недоумѣвающее, было одно изъ тѣхъ загадочныхъ выраженій, подъ которыми можетъ скрываться очень многое и можетъ ничего не скрываться. Теперь, когда ея зять такъ мило злословилъ и, воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ Дмитрія Левицкаго, избралъ тѣмой для злословій его брата, она слушала внимательно, продолжая разливать чай и изрѣдка только видая на него недоумѣвающіе взгляды, точно все, что онъ говорилъ, было для нея и ново, и занимательно. Ея сестра отнеслась къ этому иначе: она не хотѣла, чтобы при ней говорили дурно о Левицкомъ. Онъ такъ глубоко несчастливъ! Такъ невыносимо страдаетъ отъ пошлости и пустоты Петербургской жизни! Не дальше, какъ вчера онъ говорилъ ей, что жить не стоитъ и что онъ боленъ душевно и физически.

— Онъ боленъ, какъ-же! сказалъ Бобиковъ насмѣшливо. — Спроси только: отчего? Отъ немилости къ нему высшаго начальства. Его недавно въ министерствѣ распекали.

— Гадю даже слушать! замѣтила Вѣра съ досадою. — Удивительная вещь! вы умные люди, а сплетничаете, какъ женщины.

— Qu'est ce que c'est que сплетня? Мы называемъ вещи ихъ именами. Боленъ! отчего боленъ? Оттого что распекали. А вы говорите, отъ пошлости и пустоты петербургской жизни. Вольно же вамъ!..

Онъ закинулъ ногу черезъ балконъ, гдѣ сидѣлъ верхомъ на перилахъ, соскочилъ, поднялъ какую-то бумажку, посмотрѣлъ на нее, бросилъ и сѣлъ опять на то же мѣсто.

— Нельзя все мѣрять на такой аршинъ! сказалъ вдругъ Яковлевъ. — Я замѣтилъ, что у насъ въ Петербургѣ все хорошее, даровитое, все, что выдается изъ уровня посредственности, принято топтать въ грязь. Мы не успокоимся до тѣхъ поръ, пока не затопчемъ, не смѣшаемъ съ грязью всего, чѣмъ мы могли бы гордиться. Унижать, снимать съ пьедесталовъ, клеветать—вотъ наше дѣло!

Онъ какъ-то злобно взглянулъ кругомъ себя, какъ бы приглашая принять его вызовъ. Но Бобиковъ не тронулся. Онъ привылъ къ этимъ выходкамъ своего родственника.

— Ты что-жь, Лиза, молчишь? обратился онъ къ свояченицѣ. — Заступись и ты! Ты вѣдь дама его сердца.

— Какіе пустяки! отвѣтила она равнодушно.

Она не успѣла кончить, какъ въ дверяхъ показался Левицкій. Бобиковъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, подалъ ему руку.

— А мы тутъ объ васъ говорили. Вы хвораете, я слышу?

— Какъ всегда! отвѣтилъ онъ уклончиво. — Гнилой продуктъ гнилого Петербурга!

Онъ почтительно подошелъ къ Бетси и, пожимая ей руку, нѣжно взглянулъ въ ея темные, красивые глаза. Она чуть замѣтно улыбнулась и поправила свой шлейфъ, чтобы дать ему мѣсто у стола. Старикъ Яковлевъ подвинулъ ему стулъ. Онъ съ особенной аффектаціей прислуживался всѣмъ, кто былъ принять въ домъ его сына.

— Васъ какая-то дама спрашиваетъ, сказалъ Дмитрій, выглядывая въ дверь и дѣлая знаки Яковлеву.

— Кто такое?

— Я не знаю; она на крыльцѣ дожидается.

Яковлевъ всталъ и вышелъ черезъ комнаты на крыльцо. Тамъ его ждала Нина.

— У тебя гости? спросила она тревожно. — Миѣ нужно сказать тебѣ нѣсколько словъ.

— Хочешь пройти ко миѣ?

— Все равно.

Онъ пошелъ впередъ, показывая дорогу; она молча слѣдовала за нимъ. Въ зеленой полутьмѣ его кабинета, гдѣ на всѣхъ столахъ стояли букеты изъ цвѣтниковъ, а подъ самымъ окномъ росло какое-то развѣсистое, совсѣмъ загородившее свѣтъ дерево, ей не такъ было стыдно признаться ему, что она пришла за деньгами. Она стояла, не поднимая глазъ, вертѣла въ рукахъ свой зонтикъ и казалась очень возбужденной. Она не могла простить ему, что онъ довелъ ее до этого объясненія.

Онъ взялъ со стола визитную карточку, написалъ на ней нѣсколько словъ и подалъ ей.

— Ты получишь деньги изъ конторы. Я бы отдалъ тебѣ и сейчасъ, но у меня здѣсь нѣтъ.

Онъ сказалъ это такъ, какъ будто не придавалъ этому никакого значенія. Онъ не зналъ или не хотѣлъ знать, какихъ долгихъ мученій стоилъ ей этотъ визитъ. Она два раза уходила отъ воротъ, не рѣшаясь подняться наверхъ. Ей казалось, что

всякій, кто ей встрѣтится, увидеть по ея лицу, что она пришла просить денегъ. Ей казалось, что она, какъ переводчица, вовсе даже Яковлеву и не нужна, что онъ держитъ ее изъ милости и, какъ только она заговоритъ о деньгахъ, скажетъ ей:

— Да вѣдь, собственно говоря, вы мнѣ и ненужны совсѣмъ.

Когда она дожидалась его на крыльцѣ, ей это стало такъ ясно, что еслибъ не стыдно было кучера, который показалъ ей дорогу, она повернулась бы и ушла.

«Конечно, я ему не нужна! думала она съ горечью». — И теперь, когда онъ такъ равнодушно отдалъ ей свою карточку, она убѣдилась въ этомъ окончательно.

— Ты, пожалуйста, не стѣсняйся! сказала она громко. — Родство тутъ ничего не значитъ. Если я тебѣ ненужна, скажи мнѣ это прямо.

Онъ слегка измѣнился въ лицѣ.

— На это, видишь ли, я могу или ничего не отвѣчать, или сказать слишкомъ многое; я остановлюсь пока на первомъ.

— Я понимаю тебя, возразила она отрывисто.

На лицѣ ее что-то задрожало. Она сжала въ рукѣ визитную карточку и вдругъ бросила ее на столъ.

— Мнѣ не нужно твоихъ денегъ... Прощай.

Онъ нагналъ ее и схватилъ за руку.

— Останься! выговорилъ онъ съ силою. — Ты хотѣла объясненія — ты его услышишь.

Лицо его мгновенно поблѣднѣло и только засвѣтившіеся, потемнѣвшіе глаза глядѣли на нее какъ-то странно.

— Алексѣй, ты здѣсь? спросилъ кто-то, раздвигая вѣтви подъ окномъ.

— Здѣсь! я сейчасъ приду, отвѣтилъ онъ нетерпѣливо.

— Иди скорѣе! Дамы уѣзжаютъ.

— Мы уѣзжаемъ, повторилъ женскій голосъ. — Папà ждетъ насъ къ обѣду. Какъ у васъ здѣсь хорошо! Можно посмотрѣть?

— Войдите! сказалъ Яковлевъ съ досадою.

Нина вопросительно оглянулась на него.

— Ничего! замѣтилъ онъ: — онѣ сейчасъ уйдутъ.

Дамы, шума своими платьями, вошли въ кабинетъ. За ними Левицкій, веселый, помолодѣвшій, съ вѣткой резеды въ петличкѣ и что-то оживленно рассказывавшій Бобикову. При видѣ Нины, онъ какъ-то оторопѣлъ; она еще больше его, и стояла, неловко прижимаясь къ столу и проклиная въ душѣ своего двоюроднаго брата за этотъ неожиданный сюрпризъ. Ле-

вицкій вѣжливо и скромно поклонился ей и сдѣлалъ видъ, что знаетъ ее мало.

Бѣдная Нина, въ своемъ сѣромъ бумажномъ платьѣ, съ какимъ-то измятымъ бантомъ внизу, который пришила ей Лиза, снимавшая моды съ журнала, казалась очень жалкой передъ высокой, элегантною Бетси, одѣвавшейся у Андріе и державшей себя съ той изящной простотою, которая кружила головы ея поклонникамъ. Нина въ одно мгновеніе поняла это и всю невыносимую неловкость своего положенія въ этомъ чужомъ ей обществѣ, гдѣ всѣ смотрѣли на нее съ любопытствомъ, и равнодушнымъ оставался одинъ только ея «дорогой другъ».

Стыдъ и досада на Яковлева кипѣли въ ея груди; она сжала губы и молча, непривѣтливо смѣрала глазами свою соперницу. Острое до боли чувство ревности и презрѣніе къ кому-то, и жесточеніе, и сознаніе своего безсилія отуманили ей голову. Она чувствовала, что еще нѣсколько такихъ минутъ, и она на что-то рѣшится, на что—она не знала сама. Но гости скоро ушли. Яковлевъ пошелъ ихъ провожать, Левицкій остался.

— Бѣдный другъ мой, сказалъ онъ печально: — съ какимъ празднымъ, холоднымъ любопытствомъ смотрѣли на васъ эти люди! Мнѣ было больно за васъ.

Нина выпрямилась и окинула его своимъ огненнымъ взглядомъ. Она что-то хотѣла сказать ему, но удержалась и молча отошла къ окну.

Онъ постоялъ, подумалъ и сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Намъ нужно еще объясниться, сказалъ онъ тихо. — Ваше письмо вызываетъ на отвѣтъ. Вы знаете, что это очень странное письмо.

— Послѣ! прошептала она, показывая глазами на возвращавшагося Яковлева.

Вмѣстѣ съ нимъ вернулся и Дмитрій. Разговоръ не клеился. Дмитрій, недавно только помирившійся съ братомъ, нарочно старался съ нимъ заговаривать, чтобы растопить тотъ ледъ холодной ироніи, съ какою относился къ нему братъ. Желая его задобрить, онъ сталъ вдругъ восторженно расхваливать Бетси. Павелъ хмурился, кусалъ губы и сразу оборвалъ разговоръ.

— Могу я сегодня вечеромъ быть у васъ? обратился онъ къ Нинѣ. — Вы куда не собираетесь?

— Я буду очень рада. (Она встала и взяла свой зонтикъ). Я буду васъ ждать, сказала она сдержанно, едва дотрогиваясь концами пальцевъ до протянутой ей руки.

Яковлевъ подозрительно слѣдилъ за ними.

— Ты забыла это! замѣтилъ онъ, доставая со стола брошенную карточку и подавая ей.

Она съ минуту колебалась. Вся кровь горячими волнами приливала ей къ лицу. Взять теперь, послѣ того, какъ она уже разъ отказалась?.. Не взять?.. Но почему она знала, на что онъ былъ способенъ! Чтò онъ хотѣлъ сказать, когда съ сверкающими глазами предлагалъ ей объясненіе? Она знала по слухамъ силу его дикаго упрямства. Сдѣлавъ усиліе надъ собой, она взяла эту карточку и, не глядя, опустила ее въ карманъ.

Когда она вышла изъ этого дома, гдѣ пережила столько отвратительныхъ минутъ, ей казалось, что никогда уже не оправиться ей отъ этого униженія. Злоба на себя и на всѣхъ стѣснила ей грудь. Тысячи разныхъ плановъ перекрещивались въ ея головѣ; ни на одномъ она не остановилась: все казалось ей нелѣпо.

Уже недалеко отъ дому, спускаясь въ долину, гдѣ нужно было перейти по жердочкамъ черезъ рѣчку, она остановилась и разорвала въ клочки визитную карточку Яковлева, не понимая хорошенько, зачѣмъ она это дѣлаетъ. Ей смутно только представлялось, что она отошлетъ ее въ запечатанномъ конвертѣ безъ всякихъ другихъ объясненій. Но какъ только она почувствовала въ рукѣ эти слѣды своей безсильной злобы, точно что-то упало въ ея сердцѣ. Злоба ея прошла мгновенно. Дома ждали этихъ денегъ, какъ спасенія. Она не знала теперь, съ какими глазами показаться отцу.

Она сѣла на камень и, сжимая голову руками, смотрѣла на рѣчку, неслышно протекавшую въ этомъ мѣстѣ; немного дальше она дѣлала поворотъ, пропадала въ кустахъ и давала о себѣ знать только ровнымъ журчаньемъ, напоминавшимъ раннюю весну. Она пошла тамъ подъ гору и, обмывая круглые, тупые камни, съ силой устремлялась на нихъ и, обрызгавши ихъ бѣлой пѣной, бѣжала дальше между густо-заросшими, низенькими берегами.

Нина смотрѣла на эту холодную, прозрачную, казавшуюся отъ цвѣта дна краснокоричневой, воду, какъ она тихо струилась подъ ногами, унося какой-нибудь листокъ, который плылъ, качаясь, мимо нея, и вдругъ ускорялъ движеніе, подходя къ тому кусту, за которымъ рѣчка давала колѣно и катилась внизъ по склону. Невыносимый блескъ солнца, прохлада этой воды, ясная тишина дня—все дышало такимъ полнымъ, безусловнымъ покоемъ, что только безпокойный человѣкъ могъ еще копаться въ своей душѣ, не замѣчая этой свѣтлой, широкой и немного мертвой тишины.

XVIII.

Въ тотъ же день вечеромъ, когда въ деревнѣ одинъ за однимъ погасали огни, двѣ фигуры, невидимыя въ темнотѣ, стояли, тихо разговаривая подъ березками, позади дачи Огневыхъ.

— Вы несправедливы ко мнѣ, говорилъ мужской голосъ.— Вы вините меня въ томъ, что я доврчиво приходилъ къ вамъ и можетъ быть съ излишней, для человѣка моихъ лѣтъ, болтливостью надоѣдалъ вамъ своими жалобами. Но, другъ мой, зачѣмъ же вы не сказали мнѣ этого раньше? Зачѣмъ вы не сказали мнѣ прямо: уходи! мнѣ скучно тебя слушать; твоя неудавшаяся жизнь ни для кого не можетъ быть интересной.

— Полноте! перебилъ взволнованный женскій голосъ.— Вы очень хорошо видѣли, что вамъ не скажутъ никогда: уходи! Вы это знали тогда и отлично знаете теперь.

— Я думалъ это тогда—да, но теперь, послѣ вашихъ словъ... я начинаю сомнѣваться въ этомъ. Я вижу въ васъ какую-то внезапную и непонятную для меня переменъ. На мѣстѣ доброй, безконечно доброй дѣвушки, къ которой я шелъ отдыхать душой, я вижу вдругъ строгаго судью, требующаго отъ меня отчетовъ, оправданій въ чемъ-то... Я могу быть виноватъ, и я дѣйствительно виноватъ передъ многими, но не передъ вами! Вы, можетъ быть, единственный человѣкъ, передъ которымъ я даже въ мысляхъ никогда не погрѣшилъ. Я всегда относился къ вамъ съ такой любовью... (Нина вздрогнула) съ такой братской любовью, продолжалъ онъ: — съ такой искренней, чистой дружбой, какую, дай Богъ, чтобы чувствовали къ вамъ другіе. Что же могло такъ оскорбить васъ въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ? Неужели то, что въ нихъ не было того, что называется увлеченіемъ, страстью? что я не смотрѣлъ на васъ, какъ мужчина на женщину, и видѣлъ въ васъ не женщину, а товарища, друга, сестру?.. Но я горжусь этимъ. Я потому и могу смѣло протянуть вамъ руку, что въ моихъ чувствахъ къ вамъ не было ничего двусмысленнаго, что я могъ спокойно встрѣтить вашъ взглядъ и улыбнуться вашей доброй улыбкѣ.

Онъ остановился. Нина обрывала машинально листья съ какой-то вѣтки, мала ихъ между пальцами и роняла на землю.

— Чтожъ, вы правы! вымолвила она съ горькой усмѣшкой.— Что я могу связать вамъ на это? Вы правы совершенно. Я была для васъ товарищемъ... сестрой! Вы не спросили только одного, желаю ли я, могу ли я быть вашей сестрой...— «Спокойно встрѣ-

тить вашъ взглядъ... Боже мой! (Она закрыла вдругъ лицо руками). Фразы! все фразы...

— Фразы? Нѣтъ мой другъ. Я честный человѣкъ, я вамъ это повторяю. Вся бѣда именно въ томъ, что я слишкомъ честный человѣкъ. Еслибы я не былъ имъ, о Боже мой! я бы давно упалъ къ вашимъ ногамъ и признался вамъ въ любви. Мнѣ было бы такъ легко это сдѣлать! Мнѣ это было бы тѣмъ легче, что счастье быть любимымъ всегда огромное счастье. Да, но я этого не сдѣлаю. Я говорю себѣ: ты счастливъ, хорошо! а потомъ? Кто будетъ расплачиваться потомъ за эту минутную слабость воли? непростительную слабость, потому что въ основѣ ея лежить... польщенное самолюбие. Другъ мой! я не такъ чудовищно самолюбивъ, чтобы играть чужой душой и прикидываться влюбленнымъ, и все для того, чтобы вызвать на признаніе другого. Я напротивъ дѣлаю, чтобы этого никогда не могло случиться. Я съ первыхъ же шаговъ говорю: смотрите, передъ вами человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ! Не ждите отъ него ничего. Развѣ не такъ же поступилъ я съ вами? Сколько разъ говорилъ я вамъ, чтобы вы не довѣрялись вашимъ чистымъ порывамъ и не ждали какихъ нибудь другихъ чувствъ, кромѣ братскихъ отъ такой жалкой развалины, какъ я. Разъ, только разъ я позволилъ себѣ сказать, что когда нибудь тамъ, въ далекомъ будущемъ... Но я говорилъ это искренно. Я готовъ повторить это и теперь.

— Благодарю васъ! перебила она стремительно. — Вы и теперь даже не отнимаете у меня надежды, чтобы черезъ годъ придти и сказать: я ждалъ, что чувство придетъ, но оно не пришло; не будемъ смущаться, будемъ ждать еще, останемся друзьями по прежнему. Вы думаете, что этой искры надежды, которую вы бросили мнѣ, какъ милостыню, на годъ еще хватить, а тамъ... А тамъ вы бросите мнѣ еще что нибудь! Вы не подумали только объ одномъ, что эта игра, пріятная для васъ, тяжела для меня; что я устану наконецъ! Вы слишкомъ честный человѣкъ. Пусть такъ! Но я тоже слишкомъ самолюбивая женщина, чтобы быть жертвой вашей честности. Что я ваша жертва, вы въ этомъ ни минуты не сомнѣваетесь. И вы, можетъ быть, правы. Чтожъ! Къ чему обманывать себя. Я васъ любила... я, можетъ быть, даже люблю васъ и теперь.

Она остановилась, точно испуганная своимъ признаніемъ.

Онъ поймалъ въ темнотѣ ея руку и покрывъ ее поцѣлуями. Она едва могла опомниться отъ изумленія и потомъ съ силой вырвала ее.

— Довольно! сказала она. — Мы пришли сюда не въ любви объясняться. Мы пришли врагами, вы это знаете. Если вы та-

кой честный человекъ, какимъ вы себя считаете, отнынѣ слово «другъ» не будетъ упомянуто между нами. Поздно, однакожъ! прощайте.

— И вы уйдете такъ? Вы ничего больше не скажете мнѣ?

— Мы, кажется, уже все сказали. Я оцѣнила вашу честность, вы слышали мое признаніе. Чего же вамъ еще? Ахъ да, развѣ вотъ что! я давно хотѣла васъ спросить: правда, что вы женитесь? Наступила минутная пауза.

— Когда я писалъ къ вамъ въ послѣдній разъ, началъ онъ нетвердо: — и просилъ васъ выслушать горькую повѣсть моей жизни, я именно хотѣлъ говорить съ вами объ этомъ.

— Со мной? повторила она задрожавшимъ вдругъ голосомъ. — Вы хотѣли говорить со мной о вашей женитьбѣ!

Она усмѣхнулась и, отыскивая опору скамьи, опустилась на нее.

— Говорите, я васъ слушаю.

Она чувствовала, какъ отвратительное чувство ревности подступаетъ ей къ горлу, давить ее, жечь и не даетъ ей больше ничего сказать. Этого только недоставало, чтобы довершить ея мученія.

— Да я, можетъ быть, женюсь, сказалъ онъ печально. — Отчего же не попробовать, до какихъ предѣловъ можетъ идти терпѣніе человѣка? Гдѣ границы тому, что онъ можетъ вынести, не разрядивши въ себя дуло пистолета? Конечно, не буду скрывать отъ васъ, и тутъ, какъ и во всемъ, есть лучъ надежды. Я буду не одинъ, это уже много. Чувство одиночества грызетъ меня ужасно. Я уже не удовлетворяю себя—печальный признакъ! Я бѣгу отъ самого себя. Прежде этого не было со мной. Строго говоря, я даже долженъ жениться. Но на комъ? вотъ что важно! на комъ? Взять существо впечатлительное, нервное, страстное—значитъ погубить и его, и себя. Я, впрочемъ, говорилъ уже объ этомъ, вы должны понимать меня... *Tranchons le mot!* я долженъ жениться на дѣвушкѣ, которую я не люблю и не буду любить никогда.

«Ложь!» подумала Нина. Съ той минуты, какъ извѣстіе о его женитьбѣ подтвердилось, кровь ея сдѣлала нѣсколько быстрыхъ оборотовъ и все ея существо прониклось страстнымъ желаніемъ чего-то. Она мысленно куда-то спѣшила, хотѣла опередить событія, летѣть куда-то... Она, чувствовала что бездѣйствіе для нея невыносимо.

— Все это пока только одни предположенія, продолжалъ Левицкій.—Я, можетъ быть, никогда не рѣшусь привести ихъ въ

*

исполненіе. А, можетъ быть, мнѣ даже и откажутъ. И это возможно...

Онъ вдругъ задумался. Должно быть, мысль объ отказѣ представлялась ему сильнѣе обыкновеннаго.

— Все это между нами, конечно! прибавилъ онъ поспѣшно. — Вы не станете добиваться, кто эта особа! Вы должны мнѣ это обѣщать.

Нина встала.

— Вы можете быть покойны. (Она вспомнила свою утреннюю встрѣчу съ нимъ, его сконфуженный, почти виноватый видъ когда онъ кланялся ей отъ дверей, не подавая руки, и презрѣніе зазвучало въ ея голосѣ). Я не поставлю васъ больше въ необходимость дѣлать видъ при другихъ, что вы меня не знаете. Я буду держать себя такъ, какъ будто мы и въ самомъ дѣлѣ не знаемъ другъ друга.

Съ этими словами, она скрылась въ темнотѣ. Онъ напрасно пытался ее нагнать. Мѣсто было ей лучше знакомо, чѣмъ ему. Къ тому же она пошла не домой, а совсѣмъ въ другую сторону, что можно было угадать по сухому шелесту вѣтокъ, которыя она задѣвала на ходу.

XIX.

Прошло двѣ недѣли.

Левицкій только-что пообедалъ въ клубѣ съ Бобиковымъ и вернулся домой въ томъ радостномъ настроеніи, которое бываетъ у человѣка, когда онъ съѣлъ хорошій обѣдъ и знаетъ, что вечеръ у него свободенъ. За обѣдомъ рѣчь шла о предполагавшихся перемѣнахъ въ министерствѣ, которыя, еслибы состоялись, обѣщали Левицкому много хорошаго, такъ какъ его ближайшимъ начальникомъ дѣлалось лицо ему покровительствовавшее.

Чувствуя себя въ хорошемъ расположеніи духа, онъ думалъ проѣхать въ Павловскъ, чтобы послушать музыку, поглядѣть на толпу и хоть немного освѣжиться отъ скучной переписки о размѣщеніи переселенцевъ въ Западной Сибири и отъ новаго положенія о киргизахъ. Онъ, хотя и говорилъ всѣмъ, что это дѣла крайней важности, но въ настоящую минуту охотно перемѣнялъ бы ихъ на какой-нибудь штраусовскій вальсъ.

Звонокъ въ передней неприятно вывелъ его изъ раздумья. Онъ хотѣлъ уже отдать приказаніе, чтобы гостя не принимали, но это былъ Яковлевъ, входившій безъ доклада.

— Ахъ, signor! встрѣтилъ его радостно Левицкій.—Отлично. Я ѣду въ Павловскъ. Ѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, я не могу.

— Отчего?

— Нѣтъ, мнѣ нельзя. Ты поѣзжай. Да еще время есть. Посидимъ немного.

Левицкій оглянулся на своего друга. Лицо его показалось ему какъ будто разстроеннымъ.

«Такъ и есть, подумалъ онъ.—Въ Павловскъ не попадешь».

Яковлевъ сталъ молча ходить по комнатѣ.

— Чтожь ты? Поѣзжай въ Павловскъ, сказалъ онъ, вдругъ оборачиваясь:—а то опоздаешь.

— Такъ поѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, я не могу.

— Да отчего?

— Нѣтъ, такъ... не могу.

Онъ остановился и съ большимъ вниманіемъ разматривалъ шляпу Левицкаго.

— Я, видишь ли, это странная вещь... я, кажется, женюсь.

— Ты?!

Левицкій не могъ опомниться отъ изумленія.

— Да. То есть, я навѣрное женюсь. Это дѣло рѣшенное.

— Алексѣй! да ты не смѣешься надо мной?

— Нѣтъ, я тебѣ серьезно говорю. Я не знаю, отчего ты думаешь, что я смѣюсь... Впрочемъ, это еще не скоро, не раньше, какъ въ ноябрѣ.

«Годъ какъ разъ! вспомнилъ Левицкій о смерти его первой жены.—Трауръ кончился».

— Ты женишься! На комъ?

— Да на... на Огневой.

Левицкій не сказалъ ничего. Яковлевъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за нимъ.

— Чтожь ты какъ будто... Ты мнѣ ничего не говоришь?

— Я! воскликнулъ Левицкій.—Я не смѣлъ надѣяться, но это всегда было моею мечтою. Лучшей жены ты не могъ себѣ выбрать.

— Ну, вотъ, а я боялся, что ты... не такъ какъ-нибудь на это посмотришь. Мнѣ было бы тяжело, еслибы ты и моя жена... вообще еслибы вы чуждались другъ друга. Это смѣшно, чтожь объ этомъ говорить, но ты, Павелъ, для меня, ты знаешь... Я никого еще такъ...

Левицкій не далъ ему кончить и крѣпко пожалъ ему руку.

— Ты выходишь на новый путь, Алексѣй, и на путь хоро-

пій, я увѣренъ. Вліяніе женщины будетъ для тебя благотворно. Оно необходимо тебѣ давно: ты слишкомъ одинокъ. Вся эта литературная богема, которая тебя окружаетъ... ты знаешь, я всегда съ ужасомъ смотрѣлъ на нее. Она окружила тебя какой-то цѣпью и не пропускала къ тебѣ никого. Мнѣ, даже мнѣ, Алексѣй, было иногда нелегко прорывать эту цѣпь. Теперь около тебя будетъ стоять женщина, которая не дастъ этимъ людямъ завладѣть тобою. Береги ее только, это очень чуткое созданіе! И самолюбивое, прибавилъ онъ съ удареніемъ. — Очень самолюбивое!

Яковлевъ сѣлъ и опустилъ голову на руки. Онъ казался болѣе испуганъ, чѣмъ обрадованъ.

— Ну, расскажи же мнѣ, какъ это случилось? Ты долженъ быть очень счастливъ, продолжалъ Левицкій, пристально взглянувъ на него.

— Какъ тебѣ сказать? Нѣтъ! Я не хочу тебя обманывать. Я болѣе удивленъ, чѣмъ счастливъ.

— Но ты, конечно, любишь ее!..

— Я ее люблю, да. Я люблю ее давно. И мнѣ кажется, я любилъ бы ее еще больше, еслибы она мнѣ сказала: «Ты съ ума сошелъ! тебѣ жениться?.. на мнѣ?..» Мнѣ даже одно время казалось, что она мнѣ это скажетъ. Но потомъ... да! мы вчера съ ней объяснились, она согласилась.

Левицкій пытливо смотрѣлъ на него.

— Послушай, Алексѣй, я сдѣлаю тебѣ одинъ вопросъ... Ты можешь, конечно, не отвѣчать на него... Любишь ли ты ее дѣйствительно?

— Что я тебѣ на это скажу? Еслибы она мнѣ отказала, я бы ни минуты здѣсь не остался. По всей вѣроятности, я бы уѣхалъ совсѣмъ изъ Россіи.

— Значить, вся бѣда въ томъ, что она тебѣ не отказала!

— Да, вотъ странная вещь, продолжалъ Яковлевъ. — Я объ этомъ все лѣто мечталъ. Мнѣ это казалось такимъ счастіемъ, что я иногда даже думать о немъ не смѣлъ. А вотъ... Или ужъ это мое прошлое сдѣлало меня такимъ... Только я какъ-то не надѣюсь, чтобы мы были счастливы. Нѣтъ, по совѣсти говоря, нѣтъ!

— На что же ты надѣешься?

— Да я не знаю. Вѣришь, что ни на что. Да какъ это сказать: надѣешься! Надѣяться глупо. Ты вотъ думаешь, что человекъ въ тебѣ души не чаешь, а чѣмъ ты отвѣчаешь, что ояъ тебя не обманетъ? Вѣрить никому не надо, вотъ что главное.

Вѣрить можно только самому себѣ, больше никому... Ты не обижайся, пожалуйста.

— Обижаться на тебя я не могу. Мнѣ жаль тебя, Алексѣй. Если теперь, на порогѣ твоего счастья, ты говоришь такіа вещи...

— Да ужь лучше говорить ихъ на порогѣ, чѣмъ за порогомъ. Левицкій на это ничего не отвѣтилъ. Онъ закурилъ папиросу и сѣлъ въ большое кресло, гдѣ его не было видно.

— Конечно, началъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья: — тутъ можетъ быть только одинъ вопросъ, сойдется ли вы характерами? У нея, насколько я замѣтилъ, характеръ довольно неуступчивый. Въ ней много другихъ прекрасныхъ качествъ, но мягкости въ ней нѣтъ... Но и это, впрочемъ, не должно пугать тебя. Любовь къ тебѣ можетъ ее пересоздать.

— Любовь! (Онъ усмѣхнулся). О любви у насъ не было и рѣчи. Ты знаешь, что она мнѣ сказала? «Я не хочу тебя обманывать, увѣрить, что я очень тебя люблю. Я никого не люблю. Но мнѣ все равно... Если ты хочешь этого, если ты думаешь, что ты будешь счастливъ со мной, я выйду за тебя. Буду ли я тебя любить—не знаю».

Онъ такъ отчетливо повторилъ эти слова, что видно было, что онъ заучилъ ихъ наизусть.

— Прости меня! сказалъ Левицкій вдругъ неестественно зазвенѣвшимъ голосомъ.—Но этого согласія я не понимаю.

— Не будемъ объ этомъ говорить! перебилъ Яковлевъ съ видомъ какой-то болѣзненной раздражительности.—Всѣ женщины живы, онѣ лгутъ по внутреннему влеченію, потому что имъ это пріятно; потому что онѣ думаютъ, что мы имъ вѣримъ... Одинъ разъ въ жизни женщина сказала мнѣ правду. Это такъ меня поразило, такъ тронуло, я такъ ей глубоко благодаренъ, что я упалъ къ ея ногамъ и отдалъ въ ея руки свою судьбу... что не помѣшаетъ ей обмануть меня потомъ. Да вѣдь и ты отъ этого не ушелъ, нѣтъ! заключилъ онъ вдругъ какъ-то злобно.—И ты не думай, что ты вотъ тутъ сидишь и законы пишешь, такъ тебя и надуть нельзя. Надуютъ и тебя. погоди! Попадешь и ты въ передѣлку. Вспомнишь меня тогда!

Въ голосѣ его послышались вдругъ рыданія. Онъ схватилъ шляпу—какъ потомъ оказалось, не свою—и, не слушая Левицкаго, который вскочилъ, чтобы удержать его, ушелъ, тяжело хлопнувъ дверью.

Въ Павловскъ Левицкій не поѣхалъ. Онъ не велѣлъ никого принимать и весь вечеръ что-то писалъ. Уже поздно ночью, часу во второмъ, онъ положилъ перо и вдругъ, какъ бы что-то вспомнивъ, досталъ изъ стола одно изъ давнишнихъ писемъ

Яковлева. Перечитавъ его внимательно, сначала до конца, онъ остановился на одномъ особенно поразившемъ его мѣстѣ, и краснымъ карандашомъ подчеркнул слѣдующія строки:

«Судьба часто смѣется надъ нами и, выхватывая изъ толпы людей, которые для ихъ общаго счастья никогда бы не должны встрѣчаться, ихъ-то именно и сталкиваетъ на томъ узкомъ пути, гдѣ силы чуждыя, даже враждебныя другъ другу, влекутъ однѣ общія цѣли...»

Конецъ первой части.

С. Смирнова.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Безъ малаго двадцать лѣтъ прошле уже со времени уничтоженія у насъ крѣпостнаго права, а мы все еще не имѣемъ полной и обстоятельной исторіи развитія идеи объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи и самой крестьянской реформы. Это объясняется не только трудностію и обширностію предмета, и недостаткомъ у насъ научныхъ силъ, но и тѣмъ, что большинство матеріаловъ для такого труда хранится въ архивахъ, а извѣстно, что далеко не всѣ они охотно раскрываютъ свои двери научнымъ изслѣдователямъ. Если не мало препятствій придется встрѣтить историку при собираніи матеріала для изложенія всего хода приготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ, то едва ли не труднѣе еще будетъ въ настоящее время опредѣлить всѣ ея послѣдствія для бывшаго крѣпостнаго населенія Россіи, несмотря на то, что многіе результаты обозначились уже теперь съ достаточною ясностію. Трудно это будетъ сдѣлать, потому что мы еще крайне бѣдны не только обстоятельными изслѣдованіями объ экономическомъ положеніи народа, хотя бы и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, но даже и матеріалами, изъ которыхъ историкъ могъ бы извлечь данныя для сравненія современнаго быта крестьянъ съ тѣмъ, какъ они жили до уничтоженія крѣпостнаго права. Нѣчего и говорить о томъ, что научный трудъ, знакомящій не только съ исторіею крестьянскаго вопроса, но и съ практическими результатами реформы, имѣлъ бы громадное значеніе; въ сожалѣвію, однако, въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ, мы не скоро дождемся такого изслѣдованія. Вотъ почему, привѣтствуя учрежденіе преміи въ память Ю. Ф. Самарина за сочиненія по крестьянскому вопросу въ Россіи, мы полагаемъ, однако же, что въ настоящее время не

можетъ быть съ достаточною обстоятельностью изложена не только вся исторія освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но даже обрисована полная картина одного изъ тѣхъ двухъ періодовъ, на которые программа, составленная московскимъ университетомъ для сочиненій на эту тему, дѣлитъ исторію крестьянской реформы въ Россіи ¹.

Но, повторяю, задача во всякомъ случаѣ прекрасная, и рано или поздно мы дождемся отвѣта—дождемся, если будемъ обстоятельно изслѣдовать отдѣльныя эпохи въ исторіи нашихъ крестьянъ и крестьянскаго вопроса. Такія частныя изслѣдованія дадутъ впослѣдствіи возможность историку, не тратя времени на розысканія матеріаловъ въ архивахъ, сопоставить факты, добытые отдѣльными подготовительными работами и освѣтить ихъ во всей исторической послѣдовательности. Смѣемъ думать, что такое скромное значеніе будетъ имѣть нашъ очеркъ, составленный, кромѣ печатныхъ источниковъ, по документамъ архивовъ второго отдѣленія собственной его величества канцеляріи и вольнаго экономическаго общества, а также рукописнаго отдѣленія публичной бібліотеки.

Нужно замѣтить, что историческое изученіе той или другой эпохи, того или другого вопроса въ жизни народа, можетъ имѣть не только научный интересъ, но и представлять иногда важные матеріалы для отвѣта на вопросы, занимающіе современное общество, можетъ вызывать на поучительное сопоставленіе съ прошлымъ; это замѣчаніе приложимо и въ данномъ случаѣ. Больше ста лѣтъ тому назадъ, въ 1766 году, вольное экономическое общество назначило премію за сочиненія по вопросу о правѣ собственности крестьянъ на землю. Теперь же депутату общества придется участвовать въ присужденіи премій за труды на тему совершенно противоположную: мы разумѣемъ большую премію (въ 10,000 р.), назначенную гр. Орловымъ-Давыдовымъ за сочиненіе: «О фермерскомъ пользованіи землею и о возможномъ его примѣненіи къ сельскому хозяйству въ Россіи». Тогда какъ

¹ Къ соисканію на премію, между прочимъ, допускаются «сочиненія, предметъ которыхъ составляетъ исторію освобожденія крестьянъ въ Россіи изъ крѣпостной зависимости и которыя заключаютъ въ себѣ полное и подробное изложеніе всего хода крестьянской реформы или, по крайней мѣрѣ, одного изъ двухъ главныхъ ея періодовъ, а именно: либо во-первыхъ исторію всего хода подготовительныхъ и законодательныхъ работъ по крестьянскому дѣлу, включая въ то число и всѣ законодательныя мѣры и пункты правительства къ разрѣшенію онаго, относящіяся къ царствованіямъ предшестующимъ; либо во-вторыхъ, подробную исторію приведенія въ исполненіе положенія 19-го февраля 1861 года и послѣдующихъ, связанныхъ съ онымъ положеній, касающихся отдѣльныхъ видовъ крестьянскаго сословія».

программа, составленная московским университетомъ для присужденія преміи въ память Самарина, возбуждаетъ наше полное сочувствіе, мы отнюдь не можемъ сказать того же о программѣ, обнародованной министерствомъ государственныхъ имуществъ для сочиненій о вопрeсѣ, поставленномъ гр. Орловымъ-Давыдовымъ¹. Между тѣмъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ хлопотали объ улучшеніи быта крестьянина, вышеуказанная программа самымъ откровеннымъ образомъ преслѣдуетъ интересы землевладѣльцевъ; задача, поставленная вольнымъ экономическимъ обществомъ, должна была повести къ научному обсужденію крестьянскаго вопроса, подготовить уничтоженіе крѣпостного права, здѣсь же рѣчь должна будетъ идти: *«о необходимости освобожденія большей части крестьянъ отъ закрѣпощенія ихъ къ землѣ, безъ чего невозможно распределеніе земли между (болѣе крупными хозяевами и фермерами), «объ отсутствіи въ Россіи двухъ факторовъ земледѣльческаго хозяйства: средняго класса (tiers état) и земледѣльческихъ работниковъ, не прикрѣпленныхъ къ землѣ».* Дѣло идетъ, однимъ словомъ, о разрушеніи общиннаго землевладѣнія и *объ освобожденіи крестьянина отъ земли, какъ будто бы теперь онъ обремененъ ея излишкомъ.* При обсужденіи темы, поставленной гр. Орловымъ-Давыдовымъ, большую услугу можетъ оказать исторія крестьянскаго вопроса, и одно мѣсто объявленной программы невольно приводитъ на память весьма подходящій въ этомъ случаѣ примѣръ: тутъ требуется «описаніе тѣхъ примѣненій фермерской системы, которая уже существуетъ въ Россіи, особенно въ прибалтійскихъ губерніяхъ». Какъ разъ въ Остзейскомъ краѣ былъ сдѣланъ опытъ, столь необходимый и для Россіи, по мнѣнію составителя программы, опытъ «освобожденія крестьянъ отъ закрѣпощенія ихъ къ землѣ», или лучше сказать, обезземеленія крестьянъ; каковы же были его результаты?

По счастливой случайности, отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ статьѣ того самаго лица, которое въ настоящее время стоитъ во главѣ министерства, напечатавшаго вышеупомянутую программу². Извѣстно, что эстляндскій уставъ 1816 г. и лифляндскій 1819 г., предоставивъ крестьянину личную свободу, не дали ему никакого поземельнаго надѣла и такимъ образомъ поставили его въ совершенную экономическую зависимость отъ землевладѣльца. Гр. Орловъ-Давыдовъ могъ бы только породо-

¹ См. «Новое Время» 1879 года, 18-го мая.

² См. Winkelmann. Bibliotheca Livoniae historica. Verzeichniss der Quellen und Hilfsmittel zur Geschichte Esthlands, Livlands und Kurlands, 1873, S. 144.

ваться этому обезземеленію крестьянъ, но авторъ вышеупомянутой статьи, появившейся въ газетѣ «Le Nord» и затѣмъ переведенной въ двухъ русскихъ журналахъ, говоритъ: «Въ Эстляндіи быть крестьянъ, повидимому, сталъ еще хуже послѣ того, какъ они освободились». Въ Лифляндіи «свобода» (безъ земли), «вмѣсто того, чтобы улучшить быть крестьянъ, сдѣлала его еще болѣе тяжкимъ»¹. Такимъ образомъ отношенія между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, основанныя на началахъ свободнаго фермерства, оказываются губительными для благосостоянія народа. Опытъ Прибалтійскаго края, на который приглашаетъ ссылаться программа гр. Орлова-Давыдова, какъ оказывается, говорить противъ приложимости рекомендуемыхъ имъ мѣръ.

Можно было бы даже придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ министерство публикуетъ программу разработки такихъ мѣръ, вредность которыхъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ была доказана лицомъ, нынѣ стоящимъ во главѣ этого министерства (вѣднику же не придется въ голову объявить премію за рѣшеніе задачи: какъ увеличить смертность въ народѣ или что либо подобное), если бы мы не нашли въ программѣ слѣдующаго примѣчанія: «сочинителю предоставляется полная свобода дѣлать свои заключенія по каждому изъ поставленныхъ программой вопросовъ, сообразно съ произведенными имъ изслѣдованіями, а равно предлагать различныя мѣры, благоприятствующія развитію земледѣльческой промышленности, *хотя бы онъ и не согласовался съ фермерскою системою хозяйства*». Это примѣчаніе совершенно разъясняетъ дѣло: премія можетъ быть дана и такому сочиненію, которое будетъ отъ начала до конца разбивать всѣ догматы ученія графа Орлова-Давыдова; мы считаемъ это не только возможнымъ, но даже весьма вѣроятнымъ, во-первыхъ, потому, что историческія изслѣдованія о землевладѣніи въ Прибалтійскомъ краѣ привели нѣкогда г-на министра государственныхъ имуществъ къ убѣжденію во вредности поземельнаго строя, предлагаемаго графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, и очевидно только научное безпристрастіе заставило министерство опубликовать эту программу, а съ другой, потому что къ оцѣнкѣ представленныхъ трудовъ будетъ приглашенъ депутатъ отъ вольнаго-экономическаго общества. Вся программа графа Орлова-Давыдова имѣетъ въ виду разрушеніе «въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ» поземельной общины, этого краеугольнаго камня современнаго народнаго быта; между тѣмъ, вольное экономическое об-

¹ «Сельское Благоустройство» 1858 г. № 2, «Объ освобожденіи крестьянъ Прибалтійскаго края» стр. 198, 200.

щество придает общинному землевладѣнію такое важное значеніе, что въ настоящее время дѣятельно занимаются собираніемъ свѣдѣній по этому вопросу. Несомнѣнно такой взглядъ будетъ раздѣлять и депутатъ его, выбранный для участія въ оцѣнѣ трудовъ, написанныхъ на заданную тему. Такимъ образомъ, мы не теряемъ надежды, что премія графа Орлова-Давыдова будетъ дана изслѣдованію, идущему совершенно въ разрѣзъ съ направленіемъ его программы; въ такомъ случаѣ, если онъ и не встрѣтитъ подкрѣпленія своихъ взглядовъ, то можетъ утѣшиться тѣмъ, что, хотя бы противъ желанія, оказалъ услугу дѣйствительно хорошему дѣлу; а иначе сочиненіе, написанное въ пользу фэрмерской системы, дастъ только новый поводъ доказать, какъ были бы вредны и пагубны для народнаго благосостоянія попытки ея распространенія въ Россіи въ связи съ разрушеніемъ общиннаго землевладѣнія.

Повидимому, мы уклонились отъ нашего вопроса, но только повидимому: во второй половинѣ предлагаемаго очерка, въ мнѣніяхъ людей прошлаго столѣтія, хорошо знакомыхъ съ бытомъ крестьянъ, встрѣтятся нѣсколько вѣскихъ доказательствъ для опроверженія излюбленныхъ взглядовъ графа Орлова-Давыдова, и на этомъ примѣрѣ мы хотѣли только показать, что историческое изученіе вопросовъ, повидимому, совершенно порѣшенныхъ и сданныхъ въ архивъ, можетъ имѣть значеніе не научное только, но даже и чисто практическое ¹.

I.

Мечты князя В. В. Голицына объ освобожденіи крестьянъ. — Мѣры, предложенныя Посожковымъ. — Взглядъ Татищева на крѣпостное право. — Сдѣлало ли что нибудь правительство въ пользу крѣпостныхъ въ теченіи первой половины XVIII вѣка. — Либеральныя мечты Екатерины II.

Въ первый разъ мысль объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи была высказана еще въ концѣ XVII вѣка извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ, игравшимъ первенствующую роль въ правленіи царицы Софіи, княземъ В. В. Голицынымъ. Единственное свидѣтельство объ этомъ принадлежитъ иностранцу, посѣтившему въ то время Россію, и оно можетъ показаться неправдоподобнымъ, если не припомнить нѣкоторыхъ фактовъ, характеризующихъ князя В. Голицына. Это былъ не только одинъ изъ самыхъ бо-

¹ Гораздо болѣе историческихъ фактовъ для доказательства вреда участіеваго землевладѣнія собрано въ нашихъ статьяхъ: «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II» въ «Русской Старинѣ» 1879 года, №№ 1—6.

гатыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ немногихъ въ Россіи европейски образованныхъ людей своего времени. Уже внѣшняя обстановка ясно показывала всякому попавшему во дворецъ князя, что тутъ жилъ человекъ, отрѣшившійся отъ прежняго московскаго невѣжества. Въ огромной залѣ, съ расписными стеклами въ окнахъ, была нарисована на потолкѣ планетная система, по стѣнамъ видѣлись портреты русскихъ и иностранныхъ государей и нѣсколько зеркалъ. Въ другихъ комнатахъ можно было увидѣть нѣмецкія карты въ золоченныхъ рамахъ, два каменные бюста негровъ, чучелы птицъ, сушенныя травы, много часовъ и т. п. Еще замѣчательнѣе, что у Голицына было немало книгъ, въ томъ числѣ и нѣмецкихъ; здѣсь, между прочимъ, были «книга рукописнаго права или уставъ воинскій голландской земли», рукописная исторія по польски, Коранъ, четыре рукописи «о строеніи комедій», нѣмецкая книга о землѣмѣрии, лѣтописецъ кievскій и, наконецъ—это всего интереснѣе—рукопись «Юрія Сербенина», что безъ сомнѣнія означаетъ сочиненіе Юрія Крижанича.

Книги эти служили не для одной только обстановки; Голицынъ былъ человекъ дѣйствительно въ высшей степени образованный. Такъ, напримѣръ, онъ вполне бѣгло говорилъ по латыни, такъ что могъ объясняться съ иностранными посланниками безъ помощи толмача, а это было тогда большою рѣдкостью: по свидѣтельству Нѣвила, только четверо русскихъ умѣли говорить по-латыни. Поватно, что Голицынъ любилъ иностранцевъ и входилъ съ ними въ частныя сношенія; мы знаемъ, что онъ бывалъ въ нѣмецкй слободѣ, гдѣ, между прочимъ, обѣдалъ у посланника Генеральныхъ Штатовъ барона Келлера и говорилъ съ нимъ о милиціи, военныхъ силахъ и государственномъ хозяйствѣ Нидерландовъ; очень часто бесѣдовалъ онъ также и спорилъ съ Гордономъ, не соглашаясь съ нимъ во взглядахъ на современныя англійскія событія; во то время, какъ Гордонъ оказался ревностнымъ яacobитомъ, Голицынъ принималъ сторону Вильгельма III. Черезъ этого же Гордона нашъ государственный дѣятель выписывалъ изъ Англій офицеровъ, инженеровъ и артиллеристовъ. Но при всей своей образованности, Голицынъ не вполне могъ отрѣшиться отъ старинныхъ русскихъ предрассудковъ: онъ вѣрилъ, подобно большинству русскихъ, въ возможность причинить вредъ здоровью выниманіемъ слѣда, и одинъ его слуга былъ подвергнутъ пыткѣ и наказанъ по подозрѣнію въ умыслѣ на его здравіе ¹.

¹ A. Brückner. Fürst W. W. Golizyn. Eine biographische Skizze. «Russische Revue», 1878 г. 9 Heft.

Просвѣщенные взгляды Голицына сказались во время царствованія Федора Алексѣевича тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ уничтоженія мѣстничества; это приносить ему тѣмъ большую честь, что самъ онъ былъ весьма знатнаго происхожденія, слѣдовательно, могъ бы придавать большое значеніе родовымъ счетамъ. Достигнувъ первенствующаго положенія при царевнѣ Софіи, онъ сталъ носиться съ гораздо болѣе обширными проэктами. По словамъ Нѣвила, онъ выстроилъ каменное зданіе для академіи, призвалъ изъ Греціи двадцать ученыхъ, приказалъ привезти изъ заграницы много хорошихъ книгъ; онъ уговаривалъ вельможъ учить своихъ дѣтей, посылая ихъ въ латинскія коллегіи въ Польшѣ, совѣтывалъ призывать польскихъ учителей, дозволилъ иностранцамъ пріѣзжать въ Россію и уѣзжать изъ нея ¹. Онъ желалъ, чтобы наши бояре путешествовали и учились за границей военному искуству, мечтая объ образованіи регулярной арміи, онъ хотѣлъ содержать посланниковъ въ главнѣйшихъ городахъ Европы, наконецъ, ввести въ Россію свободу совѣсти. «Еслибы я пожелалъ изложить все, что узналъ отъ князя, говоритъ Нѣвилъ: — я бы никогда не кончилъ; довольно сказать, что онъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, сдѣлать людей изъ дикарей, храбрецовъ изъ трусовъ и превратить пастушьи хижины въ каменные дворцы» ².

Послѣднія фразы заставляютъ думать, что Голицынъ умѣлъ пустить пылъ въ глаза иностранцу. Повидимому, серьезно задумывался онъ надъ мыслию объ освобожденіи крестьянъ. «Цѣлю князя было, говоритъ Нѣвилъ: — поставить Россію на одну доску съ прочими государствами; для этого онъ велѣлъ собрать свѣдѣнія обо всѣхъ европейскихъ державахъ и ихъ правленіяхъ. Онъ хотѣлъ начать *освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ*, съ пользою для царя — за ежегодный оброкъ, который, по сдѣланному имъ вычисленію, увеличилъ бы болѣе чѣмъ на половину доходъ этихъ государей, равняющійся нынѣ чистыми деньгами не болѣе 7 — 8 мил. ливровъ на французскую монету. Что касается до съѣстныхъ припасовъ, составляющихъ остальную часть дохода, то очень трудно опредѣлить настоящую ея цѣну. Онъ надѣялся такимъ образомъ сдѣлать эти племена трудолюбивыми и промышленными въ надеждѣ обогащенія». Далѣе Нѣвилъ указываетъ, что Голицынъ намѣревался, къ обоюдной выгодѣ казны и служилыхъ людей, производить всѣ государственные расходы на деньги, между тѣмъ

¹ Оказывается, однако, что Гордона онъ удержалъ силою на русской службѣ.

² *De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, 1699 г. 175 — 178.*

какъ прежде жалованье выдавалось отчасти мѣхами; для этого онъ хотѣлъ посылать мѣха на продажу въ иностранныя государства. Напомнимъ при этомъ, что Голицынъ желалъ замѣнить регулярною арміею «полки крестьянъ, земли которыхъ остаются необработанными, когда ихъ уводятъ на войну, и вмѣсто этой бесполезной для государства повинности обложить ихъ умѣренной поголовною податью»¹. Нельзя не обратить вниманія на то, что вышеприведенное весьма важное извѣстіе о планахъ Голицына относительно освобожденія крестьянъ находится въ той части книги Нёвилля, гдѣ онъ передаетъ свѣдѣнія, собранныя имъ отъ ученаго Спафарія. Голицынъ могъ изъ простаго тщеславія блистать либерализмомъ предъ заѣзжимъ иностранцемъ, но едва ли онъ сталъ бы говорить неискренно съ призваннымъ къ намъ на постоянную службу ученымъ. Все приведенное мѣсто, если его сопоставить съ планами объ учрежденіи регулярныхъ армій, представляетъ довольно стройную систему; выдумать же этого Нёвилль не могъ потому, что въ то время въ Западной Европѣ не было и рѣчи объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Наконецъ, тѣ свѣдѣнія, имъ приводимыя, которыя мы можемъ провѣрить, весьма близки къ истинѣ. Онъ говоритъ, что доходъ русскихъ государей равнялся въ то время 7—8 милл. ливровъ; такъ какъ по его собственному указанію, нашъ рубль былъ почти равенъ пяти французскимъ ливрамъ, то слѣдовательно, 7 милліон. ливровъ составляютъ 1.400,000 руб., а, по свидѣтельству Котошихина, денежный доходъ государства, за исключеніемъ цѣнностей сибирскихъ мѣховъ, равнялся 1.300,000 рублей, слѣдовательно, эти показанія совершенно совпадаютъ. Возможно ли было бы на средства, доставленные такимъ образомъ, уплатить жалованье всѣмъ служивымъ людямъ, верстаннымъ помѣстьямъ—это другой вопросъ², для введенія же регулярной арміи предполагался общій поголовный налогъ.

Князь Голицынъ не только не осуществилъ своей мысли объ освобожденіи крестьянъ, но даже ничего не сдѣлалъ для улучшенія быта крѣпостныхъ; быть можетъ, это отчасти объясняется тѣмъ, что онъ принужденъ былъ посвятить себя преимущественно военной и дипломатической дѣятельности. Но, во всякомъ случаѣ, весьма замѣчательно, что онъ предавался именно такимъ мечтамъ. Послѣдующимъ государственнымъ дѣятелямъ, въ теченіи всей первой половины XVIII в. не приходило и мысли объ освобожденіи крестьянъ. Особенно важно то, что Голицынъ счи-

¹ *De la Neuville* p. 215—216, 218—219, ср. 176.

² Ср. *Гольцегг*. «Государственное хозяйство во Франціи въ XVII в.», 1878 г., стр. 141.

таль необходимымъ освободить крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, слѣдовательно, являлся государственнымъ дѣвателемъ, принимающимъ, въ чемъ состоитъ самая настоятельная потребность русскаго народа. Такимъ образомъ, исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи не только оканчивается, но и начинается мыслию о земельномъ надѣлѣ.

Если лица, стоявшія во главѣ государства въ первую половину XVIII в., забывали о необходимости серьезныхъ мѣръ для улучшенія быта крѣпостныхъ, то все-таки не оскудѣла вовсе русская земля людьми, которые умѣли горячо высказаться за улучшеніе быта несвободнаго населенія Россіи. Такимъ энергическимъ заступникомъ за порабощенный народъ явился Посошковъ. Мы не будемъ приводить извѣстнаго мѣста его сочиненія, въ которомъ онъ рисуетъ печальное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ (I, 182—183), и остановимся только на его мысляхъ объ измѣненіи ихъ быта. Посошковъ предвидѣлъ возможность освобожденія крестьянъ. «Крестьяниномъ помѣщики не вѣковые владѣльцы», говоритъ онъ: «того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прамый ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разворять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; поже крестьянское богатство—богатство царственное».

Предвидя, что рабству крестьянъ настанетъ когда-нибудь конецъ, Посошковъ не мечталъ, однако, объ полномъ ихъ освобожденіи; онъ считалъ, повидимому, несвоевременнымъ прекращеніе личной зависимости и даже полагалъ, что надзоръ помѣщиковъ необходимъ, чтобы крестьяне не предавались праздности; поэтому онъ предоставляетъ владѣльцамъ право наказывать крѣпостныхъ, виновныхъ въ лѣности, пьянствѣ и воровствѣ. Но онъ желалъ точно опредѣлить размѣръ поборовъ и повинностей въ пользу помѣщика. Для этого онъ предлагаетъ предоставить всѣмъ помѣщикамъ посовѣтоваться между собою о томъ, какіе поборы брать съ крестьянъ и какой барщины требовать: опредѣлить по скольку брать съ двора денегъ и столовыхъ запасовъ, какое количество пашни заставлять обрабатывать на помѣщика, сколько требовать подводъ; но онъ не считалъ возможнымъ дать пріятномъ владѣльцамъ полную волю, такъ какъ то соглашеніе, къ которому они пришли бы, должно было быть представлено на утвержденіе государя. Разъ объявленное царскимъ указомъ постановленіе о платежахъ и повинностяхъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣщики должны соблюдать самымъ строгимъ образомъ подѣ страхомъ лишенія помѣстья за его нарушеніе; тогда «и самый адо-

витый помѣщикъ сократитъ себя и крестьянъ разворотъ не станеть». Судью, который будетъ оказывать послабленіе владѣльцу и не произведетъ слѣдствія по жалобамъ крестьянъ, слѣдуетъ казнить смертію.

Но что же принять за основаніе при опредѣленіи повинностей? Посошковъ справедливо считаетъ неудобнымъ раскладку налога по душамъ, такъ какъ душа—вещь, «цѣны немущая», а «надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя»; «по здравому разсужденію надлежитъ крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по воротамъ, не по дымамъ избнымъ, но по владѣнію земли и по засѣву хлѣба на томъ его владѣніи». Посошковъ указываетъ даже, сколько, по его мнѣнію, слѣдуетъ дать крестьянамъ земли. Въ одномъ мѣстѣ онъ полагаетъ, что на цѣлый дворъ слѣдуетъ назначить пахатной земли по двѣ десятины въ каждомъ полѣ, въ другомъ же считаетъ нужнымъ, чтобы крестьянинъ могъ посѣять ежегодно ражи по четыре четверти, а яроваго по 8 четвертей, да сѣна навосить 20 копенъ; это составитъ, по тогдашнему посѣву, около 3-хъ десятинъ пахатной земли въ каждомъ полѣ, да 2 десятины покоса, итого 11 десятинъ, не считая лѣса и разныхъ угодій; но и этого количества было бы недостаточно; мы впоследствии увидимъ, что помѣщики-агрономы въ своихъ проэктахъ находили нужнымъ давать по 3 десятины въ полѣ *на каждую душу* одной пахатной земли.

Весьма замѣчательно, что Посошковъ находилъ необходимымъ совершенно и навсегда отдѣлить крестьянскую землю отъ помѣщичьей, на томъ основаніи, что помѣщичьи земли онъ предлагалъ обложить несравненно меньшимъ налогомъ, чѣмъ крестьянскія; о послѣднихъ онъ говоритъ, что ихъ «за помѣщиками и числить не надлежитъ». Такое строгое раздѣленіе земель господскихъ и крестьянскихъ было введено въ Лифляндіи шведскимъ правительствомъ и также по причинѣ неодинаковаго ихъ обложенія. Но осуществленіе этой мѣры лишь въ такомъ случаѣ было бы выгодно для крестьянъ, еслибы въ надѣль имъ было дано гораздо больше земли, чѣмъ предлагалъ Посошковъ. Конечно, совершенное отдѣленіе крестьянской земли отъ помѣщичьей гарантировало бы крестьянъ отъ совершеннаго обезземеленія и превращенія въ батраковъ, какъ это бывало, по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVIII в. (см. ниже свидѣтельство Рычкова). Но такіе случаи были несомнѣнно большою рѣдкостью; обыкновенно же крестьяне пользовались большимъ количествомъ земли, чѣмъ то, которое предложилъ дать имъ Посошковъ, особенно въ оброчныхъ вотчинахъ, а такихъ при общей обязательной службѣ всего дворянства было болѣе, чѣмъ имѣній,

гдѣ крестьяне были на барщинѣ. При условіяхъ, предложенныхъ Посошковымъ, нельзя было желать, ради блага большинства крестьянъ осуществленія предложенной имъ мѣры, но во всякомъ случаѣ въ принципѣ нельзя не признать весьма замѣчательною мысли о полномъ отдѣленіи земель крестьянскихъ отъ помѣщичьихъ.

Еще важнѣе требованіе Посошкова объ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей; только черезъ семьдесятъ лѣтъ, правительство (при импер. Павлѣ) сдѣлало слабую попытку ограниченія произвола владѣльца, относительно количества барщинныхъ дней, тогда какъ сборъ оброка, столовыхъ запасовъ и назначеніе подводъ оставлено было по прежнему на усмотрѣніе помѣщика; а между тѣмъ, еще Посошковъ указывалъ, что все это необходимо точно опредѣлить.

Послѣ Посошкова наступаетъ полное затишье въ теченіи дѣльныхъ сорока лѣтъ въ исторіи крестьянскаго вопроса. Смѣлый крестьянинъ заплатилъ тюрьмою за свое безстрашное слово, а другого такого крестьянина не нашлось. Тутъ на мысль невольно приходитъ имя Ломоносова: неужели не сказалъ онъ ничего въ защиту поработенныхъ земледѣльцевъ? Увы! мы находимъ у него только одинъ слабый намекъ въ «Разсужденіи о размноженіи російскаго народа». «Побѣги, говоритъ онъ тамъ:—бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянъ и отъ солдатскихъ наборовъ»¹. Смѣлые голоса изъ народа о положеніи крестьянъ мы услышимъ только въ екатерининской комиссіи для составленія Новаго Уложенія.

Что касается образованныхъ людей изъ дворянъ, то въ первой половинѣ XVIII в. они ограничивались тѣмъ, что иногда составляли подробные наказы объ управленіи ихъ имѣніями, въ которыхъ возлагали на помѣщика обязанность заботиться о всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ интересахъ крестьянъ, какъ это сдѣлали Волинскій и Татищевъ, но вовсе не предлагали какихъ нибудь существенныхъ измѣненій въ положеніи крѣпостного населенія. Такъ напримѣръ, Татищеву, человѣку весьма образованному, было очень хорошо извѣстно, что не вездѣ въ Европѣ существуетъ крѣпостное право; онъ долженъ былъ знать это не только изъ книгъ, но и по своимъ собственнымъ наблюденіямъ, такъ какъ Швеція, которую онъ посѣтилъ по порученію Петра Великаго, освободившись въ XIV столѣтіи отъ существовавшего въ ней до тѣхъ поръ рабства, вовсе не знала

¹ «О размноженіи и сохраненіи російскаго народа». См. «Русск. Старину», 1873 г., т. VIII, стр. 579.

крѣпостного права. И дѣйствительно, въ одномъ изъ примѣчаний къ своему изданію «Судебника» Татищевъ говоритъ: «Вольность крестьянъ и холопій хотя мало не во всѣхъ европейскихъ государствахъ узаконена и многую въ себѣ государствамъ пользу заключаетъ, что можетъ и у насъ тогда (т. е., при Иванѣ Грозномъ) отъ обычая пользовало» (было полезно), во-первыхъ, потому, что безпутные вотчинники не притѣсняли ихъ и не принуждали вслѣдствіе раззоренія обращаться въ бѣгство, а во-вторыхъ, не было такихъ тяжбъ и ябедъ въ судахъ о бѣглыхъ людяхъ между немощными и сильными». Подъ вольностію Татищевъ, очевидно, разумѣетъ тутъ личную свободу, свободу перехода и признаетъ ея полезность не только для Европы и прежней Россіи, но указываетъ на одно обстоятельство, которое было бы весьма благоприятно для высшаго сословія и въ его время¹; тѣмъ не менѣе, однако, онъ считаетъ невозможнымъ уничтоженіе у насъ крѣпостного права: «оное съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно»².

Такииъ образомъ, мы видимъ, что самые передовые люди первой половины XVIII в. вовсе не думаютъ объ уничтоженіи крѣпостного права.

Что касается правительственныхъ мѣропріятій, то, какъ мы уже знаемъ, изъ либеральныхъ разговоровъ кн. В. В. Голицына ничего не вышло, а затѣмъ царствованія Петра Великаго и послѣдующихъ государей не приносили крѣпостнымъ крестьянамъ ни малѣйшаго улучшенія ихъ участи³. Даже такіа ничтожныя мѣры, какъ запрещеніе лифлядскимъ помѣщикамъ препятствовать ихъ крѣпостнымъ дѣвушкамъ выходить замужъ за крестьянъ, принадлежавшихъ другимъ помѣщикамъ (1716 г.), или такое же запрещеніе для Россіи, въ случаѣ, если женихъ заплатитъ обычный въ томъ мѣстѣ выводъ (1724 г.), оставались мертвою буквою, вслѣдствіе того, что правительство не заботилось объ исполненіи этихъ правилъ. Точно также не исполнялся указъ Петра объ отдачѣ въ опеку имѣній тѣхъ помѣщиковъ, которые раззорили своихъ крестьянъ (объ этомъ находимъ

¹ «Тогда въ добрыхъ, вѣрныхъ и способныхъ служителяхъ ми такого недостатка не терпѣли-бы», замѣчаетъ онъ.

² «Судебникъ», изд. Татищева, прим. къ § 88.

³ Если вѣрить свидѣтельству Вебера, Петръ Великій, когда нѣкоторые лица совѣтовали ему отменить рабство, сказалъ, что нашимъ народомъ нельзя управлять иначе, какъ съ крайней строгостію. (Neuverändertes Russland, II, 175). — Правительственныхъ указовъ и мѣстныхъ частныхъ лицъ относительно малороссійскихъ крестьянъ мы въ этотъ очеркъ касаться не будемъ.

прямое свидѣтельство въ Наказѣ), и только отъ времени до времени постигала кара отдѣльныя личности, которыя ужь слишкомъ нагло злоупотребляли своими правами.

Но вотъ на русскій престолъ вступаетъ Екатерина II, пламенная поклонница Вольтера, знакомая съ послѣднимъ словомъ западной науки и литературы. Можно было ожидать, что для нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ настанетъ новая эра, тѣмъ болѣе, что въ предшествовавшее царствованіе было устранено самое серьезное препятствіе къ уничтоженію крѣпостнаго права—обязательная служба дворянства. Прикрѣпленіе крестьянъ за землевладѣльцами имѣло нѣкоторый смыслъ, пока эти послѣдніе сами были закрѣпощены государствомъ; теперь же даже среди крестьянъ появилась надежда на измѣненіе ихъ быта, которая и сказалась во многочисленныхъ волненіяхъ, послѣдовавшихъ за освобожденіемъ дворянъ отъ обязательной службы. Императрица Екатерина, повидимому, была самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы, если не довести до конца, то, по крайней мѣрѣ, начать измѣненіе быта крестьянъ. Съ освободительными идеями она носилась еще будучи великой княгиней: въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ концѣ царствованія Елисаветы, она писала: «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными», и полагала, что можно постепенно уничтожить крѣпостное право, объявляя крестьянъ свободными во всѣхъ имѣніяхъ, переходящихъ въ руки новаго владѣльца; такъ какъ, по ея мнѣнію, во сто лѣтъ, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, большая часть имѣній перемѣнитъ господъ, слѣдовательно, въ теченіе этого времени народъ будетъ освобожденъ отъ рабства. Уничтоженіе крѣпостнаго права дѣйствительно совершилось черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Екатерина заносила эти мысли на бумагу, но, къ сожалѣнію, она сама только тѣмъ содѣйствовала ихъ осуществленію, что обратила на крестьянскій вопросъ вниманіе общества и литературы; для практическаго же его осуществленія она не только ничего не сдѣлала, но еще болѣе ухудшила положеніе крѣпостныхъ.

Впрочемъ, объ этомъ еще впереди; не будемъ пока противопоставлять печальныхъ фактовъ дѣйствительности тѣмъ надеждамъ, которыя могли возбуждать въ людяхъ, сочувствовавшихъ народному горю, вступленіе на русскій престолъ новой даровитой государыни. Направленіе ея дѣятельности по вопросу, насъ занимающему, опредѣлилось съ самаго начала внѣшними обстоятельствами. То, что Екатерина была обязана престоломъ русскому дворянству, и опасенія за прочность своей власти препятство-

вали сдѣлать рѣшительный шагъ въ пользу крѣпостного населенія Россіи, точно также какъ желаніе задобрить духовенство вызвало первоначально возвращеніе ему имѣній, отнятыхъ Петромъ III; но такъ какъ память подсказывала тѣ идеи, осуществленіе которыхъ еще такъ недавно казалось не только желательнымъ, но и легкимъ, то государынѣ, всего болѣе желавшей заставить забыть свое иностранное происхожденіе, стремившейся быть и казаться русскою, естественно было обратить свои взоры на Прибалтійскій край, гдѣ туземное населеніе стонало подъ тяжелымъ нѣмецкимъ игомъ.

II.

Екатерина обращаетъ вниманіе на крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи.—Статья пастора Эвсена.—Правила барона Шульца фонъ-Ашераденъ.—Лифляндскій ландтагъ 1765 года и его постановленія относительно крестьянъ.

Русское правительство, въ теченіи первой половины XVIII в., дало возможность нѣмецкому дворянству гораздо болѣе усилить свою власть надъ крѣпостными крестьянами, чѣмъ это было возможно при шведскомъ господствѣ. Шведскіе государи, не знавшіе крѣпостного права у себя на родинѣ, принимали энергичскія мѣры противъ крестьянъ и въ Прибалтійскомъ краѣ; русское правительство, закрѣпляя все болѣе сельское населеніе Великороссіи, естественно не только не думало объ улучшеніи быта азовъ и латышей, но не сумѣло даже удержать ихъ въ прежнемъ положеніи. Здѣсь-то, въ этой окраинѣ Россіи, гдѣ землевладѣльцы пользовались многими привилегіями, которыхъ не имѣли русскіе дворяне, и тѣмъ могли возбуждать зависть въ этихъ послѣднихъ, Екатерина могла найти самую удобную почву для осуществленія своихъ освободительныхъ тенденцій, безъ ущерба собственнымъ интересамъ, безъ опасеній за прочность собственнаго положенія. Государыня-нѣмка, начинающая свое царствованіе съ того, что обуздываетъ произволь нѣмецкихъ бароновъ, не только не возбуждала этимъ неудовольствія русскихъ дворянъ, но даже могла вызвать сочувствіе таковой чисто-русской политикѣ. И дѣйствительно: извѣстно, что даже подтвержденія остзейскихъ привилегій тамошніе депутаты добились не безъ большихъ хлопотъ, и въ своихъ донесеніяхъ на родину они горько жаловались на то, что имъ приходилось выдерживать сильную борьбу съ представителями русской партіи, торжествующей побѣду надъ нѣмцами, еще недавно всесильными при дворѣ.

Относительно крестьянского вопроса Шульц фонь Ашераденъ, бывшій главою лифляндской депутаціи, свидѣтельствуетъ, что тотчасъ по вступленіи Екатерины на престолъ до свидѣнія ея было доведено объ ужасномъ положеніи крестьянъ въ Лифляндіи, хотя, по его мнѣнію, это были «самыя черныя клеветы на лифляндское дворянство»; онъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ «вредныхъ *raisonnements*, къ которымъ онъ подавали поводъ, и ежечасно боялся, что неограниченная власть лифляндскихъ дворянъ будетъ отмѣнена указомъ»¹. Такимъ образомъ люди, окружающіе Екатерину, сами подсказывали, куда должна направиться ея дѣятельность по крестьянскому вопросу.

Два событія должны теперь остановить наше вниманіе: появленіе въ 1764 году въ петербургской печати, хотя и на нѣмецкомъ языкѣ, первой статьи по крестьянскому вопросу и затѣмъ то, что правительство въ слѣдующемъ году, по личному желанію императрицы, потребовало улучшенія быта лифляндскихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ виду указанныхъ выше обстоятельствъ, едва ли можно считать случайностію, что вышеупомянутая статья была посвящена положенію крестьянъ въ Лифляндіи. Намъ неизвѣстно, предшествовало ли ея появленіе отъѣзду Екатерины въ западную окраину Россіи, или статья эта вышла въ свѣтъ позднѣе, во всякомъ случаѣ, императрица могла быть ранѣе знакома съ нею. Мы передадимъ ея содержаніе, такъ какъ это облегчитъ пониманіе слѣдующихъ событій и избавитъ насъ отъ необходимости подробнѣе описывать положеніе лифляндскихъ крестьянъ, чтѣ было бы теперь неумѣстно.

Статья эта подъ заглавіемъ: «Описаніе крѣпостного права въ Лифляндіи, составленное однимъ лифляндскимъ патриотомъ», появилась въ сборникѣ, издаваемомъ академикомъ Миллеромъ со слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя, имѣвшимъ цѣлію смягчить впечатлѣніе, которое она должна была произвести: «Кто этотъ патриотъ—дѣло не важное; гораздо важнѣе то, встрѣтять ли одобреніе его предложенія и желанія и такъ ли они легко осуществимы, какъ онъ себѣ представляетъ»². Статья эта принадлежитъ пастору Эйзену-фонъ-Шварценбергу, издавна посвятившему себя изученію положенія крестьянъ въ Лифляндіи и улучшенію земледѣлія, но Миллеръ сдѣлалъ въ ней такія измѣненія, что авторъ принялъ на себя отвѣтственность только за часть ея содержанія, какъ онъ это заявилъ въ *Vossische Zeitung* 1765 года.

¹ Онъ говорилъ это передъ ландтагомъ, враждебно противъ него настроеннымъ за его мѣры въ пользу крестьянъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

² «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. IX, Spb. 1764. G. 491—527.

Въ высшей степени важно для насъ то, что Эйзенъ прїѣзжалъ въ Петербургъ и былъ очень милостиво принятъ Петромъ III; ¹ а затѣмъ, годъ спустя, онъ былъ вызванъ императрицею Екатериною, и въ это время ей сдѣлались извѣстны его планы.

... Пасторъ Эйзенъ, въ началѣ своей статьи, обращаетъ вниманіе на самое важное зло въ жизни ливонскаго крестьянина: онъ не имѣетъ права собственности не только на недвижимое, но даже и на движимое имущество. Господинъ можетъ переселить крестьянина съ одного участка на другой и даже вовсе лишить его земли, такъ что крестьянину придется тогда зарабатывать свой хлѣбъ въ качествѣ батрака; господинъ можетъ взять все, что ему угодно, изъ пожитковъ своего крѣпостного, и тотъ лишенъ возможности жаловаться на это суду. Землевладѣльцы такъ обременяютъ крестьянъ работою, что они не успѣваютъ во-время ни сжать свой хлѣбъ, ни убрать сѣна. Извѣстно изъ другихъ источниковъ, что при шведскихъ короляхъ повинности крестьянъ послѣ производствъ кадастра были точно соразмѣрены съ количествомъ земли, находящейся въ ихъ владѣніяхъ и отмѣчены въ такъ называемыхъ вакенбухахъ. Жалобы крестьянина на обремененіе работами и сборами въ пользу помѣщика было достаточно для того, чтобы вызвать новую, дорого стоившую для землевладѣльца ревизію. Но, по свидѣтельству Эйзена, вакенбухи сохранили обязательную силу преимущественно для арендаторовъ казенныхъ имѣній, дворяне же, а особенно эстляндскіе, мало съ ними соображались.

Помѣщикъ могъ продавать крестьянъ не только цѣлыми семьями, но и по одиночкѣ; онъ не имѣлъ права жизни и смерти надъ своими крѣпостными (лишившись во время шведскаго владычества уголовной юрисдикціи надъ ними), но могъ подвергать крестьянина тѣлесному наказанію. «Хотя законы, говоритъ Эйзенъ:—предписываютъ извѣстную мѣру наказанія, однако, землевладѣльцу дано настолько свободы, что если онъ прикажетъ строго наказать крестьянина хотя бы и въ опредѣленныхъ закономъ границахъ, то наказанный можетъ лишиться жизни. Виновнаго привязываютъ къ столбу и двумя тонкими палками, вродѣ русскихихъ батоговъ, около аршина длины, которыя или свѣжія срѣзаются съ дерева, или предварительно размачиваются въ водѣ, бьютъ его по голой спинѣ до тѣхъ поръ, пока палки не расщепятся. Это называется дать пару розогъ. Чѣмъ больше преступ-

¹ *Diederichs*. Garlieb Merkel als Bekämpfer der Leibeigenschaft und seine Vorgänger. Separat-Abdruck aus der Balt. Monatschrift, 1870 Neue Folge I Band, Heft I, s. 7.

леніе или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ важнѣе оно кажется господину, тѣмъ болѣе онъ увеличиваетъ размѣръ наказанія, и оно доходитъ до десяти паръ, высшей мѣры, опредѣленной закономъ. Если господинъ накажетъ сильнѣе, то крестьянинъ можетъ жаловаться на него въ судъ; но примѣровъ этому мало: страхъ подвергнуться въ другой разъ еще болѣе суровому наказанію не дозволяетъ приносить жалобу».

Зависимость, въ которой находился крестьянинъ относительно пользованія даже своимъ движимымъ имуществомъ, была не одною только фикціею: такъ напримѣръ, господинъ весьма неохотно позволялъ крестьянину продавать свой хлѣбъ не ему, а кому либо другому, или везти на продажу въ городъ; обыкновенно крестьянинъ вымѣнивалъ у господина соль, желѣзо и табакъ на свой хлѣбъ, или пропивалъ его въ кабакъ, устроенномъ помѣщикомъ (вареніе и продажа пива и вина составляли монополію помѣщика). Вслѣдствіе такого порабощеннаго положенія, крестьяне отличаются небрежностію въ хозяйствѣ, наклонностію къ пьянству и воровству; прежде даже жизнь помѣщиковъ была не въ безопасности.

Любопытно, что опасеніе крестьянскихъ побѣговъ заставляло владѣльцевъ имѣній, расположенныхъ по близости къ русской и польской границамъ, нѣсколько мягче относиться къ крестьянамъ. Это напоминаетъ намъ такое же явленіе въ XVIII в. въ юго-западной Россіи, бывшей тогда подъ властью Польши: тамъ тяжесть крѣпостнаго права уменьшалась по мѣрѣ приближенія къ югу, такъ какъ чѣмъ южнѣ лежало имѣніе, тѣмъ легче было крестьянамъ бѣжать въ Сѣчь Запорожскую или другія привольныя мѣста.

Крестьяне въ лифляндскихъ казенныхъ имѣніяхъ были зажиточнѣе, чѣмъ въ помѣщичьихъ, такъ какъ они могли жаловаться, если арендаторъ возьметъ съ нихъ лишнее противъ вакенбуховъ.

Къ сожалѣнію, картина, нарисованная пасторомъ Эйзеномъ, списана съ дѣйствительности безъ всякаго преувеличенія: правдивость автора подтверждается другими источниками. Такъ, напримѣръ, Гупель, авторъ «Топографическаго описанія» этой мѣстности, вовсе нежелающій освобожденія крестьянъ и старающійся представить ихъ быть въ болѣе розовомъ свѣтѣ, признаетъ, однако, что крестьяне страшно обременены поборами и что приходится удивляться, какъ «мужикъ вмѣстѣ со своею женою можетъ отработать всѣ требуемые съ него дни барщины и еще вести свое домашнее хозяйство». Извѣстно также, что продажа людей по одимочкѣ продолжалась и послѣ запрещенія ея въ 1765 г. Эйзенъ указываетъ на жестокія наказанія, которымъ

лифляндскіе помѣщики подвергали своихъ крестьянъ; вотъ что говоритъ по этому поводу историкъ Лифляндіи г. Экардтъ, котораго никакъ нельзя обвинить во враждебномъ отношеніи къ остзейскимъ нѣмцамъ. «Что обращеніе господъ съ ихъ крѣпостными нетолько само по себѣ, но и по понятіямъ тогдашняго времени было сурово и жестоко, что прибѣгали къ тѣлесному наказанію въ высшемъ размѣрѣ не за одни дѣйствительныя вины, но и за легкіе проступки—это подтверждено слишкомъ многими и самыми различными свидѣтелями, чтобы противъ этого было возможно серьезно спорить. Мѣстные и посторонніе наблюдатели лифляндскихъ отношеній, какъ нѣмцы, такъ и русскіе, какъ свѣтскіе люди, такъ и духовные совершенно согласны въ этомъ отношеніи, и даже апологеты существующаго порядка, какимъ былъ Гупель, хотя и не прямо признаютъ, что «излишества домашней расправы» происходили слишкомъ часто, чтобы считаться простыми исключеніями... Безполезныя, только съ цѣлю мученія употребляемая жестокости встрѣчаются лишь какъ исключительные случаи, но правиломъ было жестоко и съ полнымъ произволомъ обращаться съ людьми и налагать на нихъ тягости, превосходящія всякую мѣру»¹.

Пасторъ Эйзенъ утверждаетъ, что положеніе крестьянъ въ остальной Россіи было гораздо болѣе благопріятно, чѣмъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ разсмотрѣніе этого вопроса, но дѣйствительно въ его словахъ много правды: онъ справедливо указываетъ на то, что тогда въ Россіи было очень развито обыкновеніе отпускать крестьянъ на оброкъ, и это составляло важное преимущество русскаго крестьянина сравнительно съ лифляндскимъ.

Такова отрицательная часть статьи Эйзена; что касается положительной, то онъ не требуетъ немедленнаго уничтоженія крѣпостнаго права, законодательнымъ путемъ (хотя и полагая, вопреки мнѣнію многихъ выдающихся людей XVIII в., что не образованіе должно предшествовать свободѣ, а наоборотъ), но находитъ необходимымъ ограничить крѣпостное право. Онъ указываетъ и на невыгодность барщиннаго труда, и на то, что нѣкоторыя государства уже сто лѣтъ тому назадъ уничтожили крѣпостное право и въ этомъ не раскаивались, однако же, предлагаетъ лишь слѣдующія мѣры. Крестьяне должны получить такое количество земли, сколько они могутъ обработать, въ наслѣдственное пользованіе. Барщина должна быть уничтожена и замѣнена денежнымъ оброкомъ, который дастъ возможность помѣ-

¹ *Eckardt. Livland im XVIII Jahrhundert, I. 416—417, 421—422.*

щику нанимать рабочих (Эйзенъ ссылается на примѣръ города Риги, который, въ принадлежащихъ ему имѣніяхъ, ограничивается взиманіемъ оброка). Крестьяне должны получить право продавать хлѣбъ на сторону, кому пожелаютъ; помѣщики должны отказаться отъ монопольной продажи табака, соли и желѣза. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ, чтобы правительство или помѣщики испробовали эти мѣры въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, и они скоро убѣдятся въ ихъ пользѣ.

Въ предложеніяхъ Эйзена предусмотрѣны не всѣ существенные вопросы (такъ, напримѣръ, онъ только въ отрицательной части своего труда указываетъ на вредъ отъ того, что помѣщики произвольно облагаютъ налогами крестьянъ и не настаиваетъ въ своихъ заключительныхъ предложеніяхъ на соблюденіи и ими правилъ вагенбуховъ), но, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что его статья—честный и энергическій голосъ въ защиту угнетенныхъ лифляндскихъ крестьянъ.

Другимъ важнымъ для насъ событіемъ 1764 г. было то, что во время своего путешествія въ Прибалтійскій край, императрица Екатерина, при проѣздѣ чрезъ Лифляндію, обратила вниманіе на нищету тамошнихъ крестьянъ; это послужило поводомъ къ важнымъ предложеніямъ въ слѣдующемъ году лифляндскому ландтагу со стороны русскаго правительства.

Созванію ландтага предшествовало напечатаніе на латышскомъ языкѣ барономъ Шульцемъ фонъ-Ашераденъ, владѣльцемъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, правилъ, установленныхъ имъ въ своихъ имѣніяхъ, подъ названіемъ: «Ашераденское и Ремерсгофское крестьянское право, данное Карломъ-Фридрихомъ-Шульцемъ въ 1764 г. по Р. Х.». Мы упоминали уже о баронѣ Шульцѣ, какъ объ одномъ изъ депутатовъ лифляндскаго дворянства, посланныхъ чтобы исходатайствовать подтвержденіе мѣстныхъ привилегій; онъ первый нашелъ необходимымъ добровольно ограничить произволь помѣщичьей власти и роздалъ своимъ крестьянамъ печатные экземпляры сдѣланныхъ имъ постановленій, надѣясь этимъ вызвать подражаніе своему примѣру и содѣйствовать возбужденію крестьянскаго вопроса на слѣдующемъ ландтагѣ. Вотъ главныя основанія его устава: крестьянинъ остается крѣпостнымъ и обязанъ безпрекословно повиноваться помѣщику, но господинъ не вправе продать или подарить его отдѣльно отъ имѣнія, если крестьянинъ не изъявитъ на то своего согласія передъ ландгерихтомъ. Все движимое имущество составляетъ неотъемлемую собственность крестьянина, которою онъ вправе располагать совершенно произвольно и передавать въ наслѣдство дѣтямъ. Земля принадлежитъ помѣщику, но обрабатываемый крестьяни-

номъ участокъ остается на всегда въ его потомственномъ пользованіи, пока онъ исправно отбываетъ лежащія на немъ повинности и не выходитъ изъ послушанія господина. Повинности крестьянъ опредѣлены разъ навсегда и не могутъ быть измѣнены безъ ихъ согласія даже наследниками помѣщика. Всѣ повинности, означенныя въ вагенбухѣ и всѣ вспомогательныя работы, подробно исчисленны въ уставѣ, крестьяне должны исполнять бесплатно, за работы же, которыя сверхъ того потребуютъ помѣщикъ, онъ обязанъ платить крестьянамъ. Помѣщикъ вправѣ брать къ себѣ во дворъ мужчинъ и дѣвушекъ, но обязанъ держать первыхъ только до 24 лѣтъ, а вторыхъ до 20; по достиженіи же этого возраста, онъ долженъ отпустить ихъ обратно въ свои семейства. Домашняя расправа совершенно неограничена уставомъ, но крестьянину дано право жаловаться на помѣщика въ ландгерихтъ.

Повинности, установленныя барономъ Шульцемъ, вовсе не легки; сопоставивъ ихъ съ тѣми поборами, которые были установлены гр. Румянцевымъ въ его лифляндскомъ имѣніи (Буртнекъ)¹, мы убѣждаемся, что русскій помѣщикъ, вовсе не публиковавшій о томъ, что онъ требуетъ отъ своихъ крестьянъ, бралъ съ нихъ несравненно менѣе, чѣмъ самый снисходительный изъ остзейскихъ бароновъ. Такимъ образомъ, значеніе «Ашераденскаго и Рѣмерсгофскаго крестьянскаго права» заключается не въ какихъ-нибудь особенныхъ льготахъ въ повинностяхъ, дарованныхъ крестьянамъ, а только въ томъ, что составитель ихъ открыто призналъ обязательность для себя вагенбуховъ и указалъ вообще на необходимость точнаго опредѣленія взносовъ и работъ въ то время, когда послабленія русскаго правительства дали возможность остзейскимъ помѣщикамъ произвольно повышать повинности. Но не въ одномъ этомъ состоитъ значеніе постановленій барона Шульца: весьма важно, что крестьянина нельзя было впредь лишать земли, въ случаѣ исправнаго отбыванія повинности, что онъ могъ свободно располагать своимъ движимымъ имуществомъ и получилъ право жаловаться на помѣщика. Последнее было предоставлено всѣмъ крестьянамъ и при шведскомъ правительствѣ, лишенію ихъ земли также препятствовало запрещеніе уменьшать общее количество крестьянскихъ земель, такъ какъ участокъ, отнятый у одного, пришлось бы передать другому крестьянину, а при этомъ условіи

¹ Они извѣстны намъ изъ одного неизданнаго сочиненія, написаннаго какимъ-то лифляндецъ на тему по крестьянскому вопросу, объявленную волевымъ экономическимъ обществомъ.

снять аккуратнаго плательщика было вовсе невыгодно (платившаго же неаккуратно предоставлялъ себѣ право удалять и Шульцъ). Такимъ образомъ, права, дарованныя имъ своимъ крестьянамъ, были въ сущности только возвращеніемъ къ тому, что было установлено шведскими государями и противозаконно отнято помѣщиками. Русское правительство могло бы прямо потребовать, чтобы помѣщики сообразовались съ забытыми вакенбухами, но такъ какъ оно этого не дѣлало, то большую заслугу Шульца составляетъ уже одно напоминаніе о нихъ. Сравненіе его устава съ тою картиною положенія крестьянина, которую нарисовалъ Эйзенъ, показываетъ намъ, что въ то время эти правила все-таки имѣли большое значеніе. Въ нихъ, однако, нельзя не отмѣтить одного важнаго недостатка: домашняя расправа не была ограничена, а при ея существованіи помѣщикъ могъ не только вынудить требуемое «согласіе» крестьянина на продажу его безъ земли, но и не допустить до жалобы на себя угрозою новаго наказанія ¹.

Вѣсть о правахъ, дарованныхъ однимъ изъ лифляндскихъ помѣщиковъ, разошлась далеко и достигла Литвы и Курляндіи. Есть указанія Гупеля, что нѣкоторые тамошніе помѣщики списали постановленія Шульца, чтобы ввести ихъ у себя; неизвѣстно, впрочемъ, исполнили ли они это намѣреніе. Но объ «Ашераденскомъ и Рѣмерсгофскомъ» правѣ узнали не одни дворяне; слухи о нихъ распространились среди крестьянъ, имъ удавалось даже доставать печатные экземпляры этихъ правилъ, и они вызвали броженіе, чрезвычайно раздражившее лифляндское дворянство.

При такомъ возбужденномъ состояніи общества, въ половинѣ января 1765 г., открылся лифляндскій ландтагъ, которому предстояло порѣшить весьма важные вопросы. Такъ какъ императрица не только устно, но и письменно приказала лифляндскому генераль-губернатору, гр. Броуну, положить предѣлъ помѣщичьему деспотизму, то онъ сдѣлалъ ландтагу весьма важныя предложенія, въ которыхъ, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ и объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Не останавливаясь на предложеніяхъ объ учрежденіи приходскихъ школъ, объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ и т. п., мы укажемъ на содержаніе только тѣхъ пунктовъ, которые прямо касаются положенія крѣпостныхъ. Въ третьемъ предложеніи Броунъ,

¹ Уставъ Шульца перепечатанъ въ приложеніи къ сочиненію *Samson von Himmelstern. Historischer Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in der Ostseeeprovinzen*, S. 152—158.

между прочимъ, писалъ: «Ея и. в. изъ жалобъ, ей принесенныхъ, съ неудовольствіемъ узнала, а при проѣздѣ отчасти и сама замѣтила, въ какомъ великомъ угнетеніи живутъ лифляндскіе крестьяне, и рѣшилась оказать имъ помощь и особенно положить границы тиранской жестокости и необузданному деспотизму (таковы были собственныя выраженія нашей великой императрицы), тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ наносится ущербъ не только общему благу, но и верховному праву короны». Главное зло, говорить далѣе Броунъ, состоитъ въ томъ, что крестьянинъ не имѣетъ никакого права собственности, даже «и относительно того, что онъ пріобрѣлъ своимъ потомъ и кровью»; поэтому необходимо, чтобы было признано право собственности крестьянъ на движимое имущество; такъ какъ на нихъ постоянно налагаютъ новыя тягости, то повинности должны быть опредѣлены и точно соразмѣрены съ количествомъ земли, находящейся въ ихъ пользованіи. Броунъ обратилъ также вниманіе на то, что крестьянъ подвергаютъ самымъ жестокимъ наказаніямъ, «несогласнымъ ни съ ихъ виною, ни съ чувствами христіанина». Поэтому, говорить онъ, правительство желаетъ положить должныя предѣлы злоупотребленіямъ домашней расправы, при которой крестьянъ забиваютъ въ кандалы и арестуютъ на продолжительный срокъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ.—Въ другомъ пунктѣ онъ потребовалъ, чтобы торговля людьми была ограничена: ихъ не слѣдуетъ продавать за границу страны, а также разлучать членовъ одного семейства.

Дворянство прежде занялось менѣе существенными вопросами и по нѣкоторымъ пунктамъ исполнило требованія правительства: напр., установило правила объ обязательномъ обученіи дѣтей вѣрностныхъ крестьянъ. Но за то предложенія, касающіяся отношеній помѣщика къ крестьянамъ, встрѣтили сильный отпоръ. Въ своемъ отвѣтѣ генераль-губернатору дворянство ссылается на привилегію, данную Сигизмундомъ-Августомъ, говорить, что фактически дворянство всегда предоставляло крестьянамъ распоряженіе ихъ движимымъ имуществомъ,¹ и наблюдало только за тѣмъ, чтобы легкомысленные крестьяне не распродали ко вреду для самихъ себя и для имѣнія земледѣльческихъ орудій. Лишеніе крестьянъ земли было также рѣдкимъ исключеніемъ. Опредѣлить точную норму повинностей крайне трудно: обстоятельства настолько измѣняются, что даже правила, установленныя двадцать лѣтъ назадъ, оказались бы непригодными. Увеличенія взносовъ натурою вовсе не бываетъ. Предоставленіе крестьянамъ права жаловаться совершенно противорѣчитъ господствующимъ

¹ Это опровергается показаніями пастора Эйзена.

въ странѣ правовымъ принципамъ и при недовольномъ настроеніи крестьянъ и ихъ наклонности къ клаузамъ, могло бы повести къ самымъ опаснымъ послѣдствіямъ. Отвѣтъ кончался заявленіемъ, что дворянство чувствуетъ себя совершенно невиннымъ, если же впредь кто-либо станетъ раззорять крестьянъ, то его должно отдать подъ судъ, и признаннаго виновнымъ дворяне не примутъ въ свою среду.

Такимъ образомъ, землевладѣльцы думали отдѣлаться общими фразами; въ оправданіе ихъ можно привести лишь одно соображеніе: имъ не могло не казаться несправедливостию, что не только въ Россіи, но даже и въ Эстляндіи, гдѣ власть помѣщика была еще неограниченнѣе, чѣмъ въ Лифляндіи, крѣпостное право не подвергается никакимъ ограниченіямъ. Тѣмъ болѣе досадно имъ было на барона Шульца, который оглашеніемъ своего устава какъ будто накликалъ бѣду на лифляндское дворянство, до тѣхъ поръ безмятежно пользовавшееся своими правами, несмотря на двукратный запросъ правительства (въ 1739 и 1761 г.) о положеніи ихъ крестьянъ.

Въ обсужденіи отвѣта на третій пунктъ предложенія Броуна баронъ Шульцъ не принималъ участія, сославшись на составленные имъ правила, но, впрочемъ, заявилъ, что, въ случаѣ надобности, готовъ объяснить причины своего поведенія; вызванный къ этому, онъ представилъ подробное заявленіе, въ которомъ старался убѣдить дворянъ, что не только чувство челоуколюбія, но и собственныя выгоды заставляютъ ихъ дать крестьянамъ право собственности и опредѣлить ихъ повинности. Будучи свидѣтелемъ, какъ много говорили императрицѣ о тираніи лифляндскаго дворянства, онъ, по его словамъ, боялся, что неограниченная власть надъ крестьянами будетъ отнята у нихъ правительствомъ. «Можетъ быть, это уже случилось бы, продолжалъ онъ:—еслибы генералъ-губернаторъ не предотвратилъ этого, представивъ императрицѣ, что дворянство само ограничить свои права. Къ этому могу прибавить, сказалъ далѣе баронъ Шульцъ:—что еще недавно было напечатано въ «Sammlung Russischer Geschichte» письмо одного патріота, который не только представляетъ крѣпостное право, какъ самое ненавистное зло, но и страшно преувеличиваетъ происходящія отъ того злоупотребленія. Можно думать, что такое hors d'oeuvre, какъ это письмо, не попало бы въ «Sammlung Russischer Geschichte» безъ особаго повода. Можетъ быть, это письмо мы должны считать послѣднимъ *масомъ предостереженія*. Желанія ея и. в. положить предѣлы безограниченному праву владѣльцевъ совершенно для насъ очевидны; если мы сами этого не

сдѣлаемъ и не выберемъ для разбора дѣлъ между нами и крестьянами особыхъ судій, то, безъ всякаго сомнѣнія, насъ ограничатъ такими предѣлами, къ которымъ мы не приспособимся, и назначать такихъ судій, которыхъ иначе мы имѣли бы основаніе устранить».

Комиссія, назначенная ландтагомъ, для разсмотрѣнія предложенія барона Шульца, въ своемъ отвѣтѣ, прочтенномъ при полномъ собраніи, не только заявила, что о принятіи этого предложенія, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, но, кромѣ того, она протестовала противъ нѣкоторыхъ выставленныхъ въ немъ положеній. Такъ, по ея словамъ, крѣпостное право въ Лифляндіи не есть результатъ прежняго варварства, какъ утверждаетъ баронъ Шульцъ, оно коренится въ природномъ характерѣ латышей и эстовъ, и «существованіе его вовсе не противорѣчить гуманности». Напечатаніе и распространеніе Ашераденскаго и Рѣмерсгофскаго правъ можетъ имѣть при настоящихъ обстоятельствахъ самыя пагубныя послѣдствія, такъ какъ всѣ приходящіе въ городъ крестьяне стараются купить этотъ уставъ. Поэтому комиссія просила барона Шульца вновь собрать всѣ разошедшіеся по странѣ экземпляры. На угрозу Шульца, что правительство само приметъ мѣры для устройства быта крѣпостныхъ, комиссія отвѣчала, что императрица съумѣетъ сдѣлать справедливое различіе между правами и обязанностями свободнаго дворянства съ одной стороны и съ другой—крестьянами, собственный характеръ которыхъ дѣлаетъ необходимымъ крѣпостное право. Такъ какъ этотъ отвѣтъ встрѣтилъ общее одобреніе собранія, то Шульцъ сложилъ съ себя званіе члена ландтага и заявилъ, что онъ навсегда отказывается отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Этотъ эпизодъ еще яснѣе показываетъ, что добровольно такое собраніе не сдѣлало бы никакихъ уступокъ по крестьянскому вопросу. Впрочемъ, правительство и не думало удовольствоваться тѣмъ уклончивымъ отвѣтомъ, который далъ ландтагъ. Депутація, сообщившая его генераль-губернатору, возвратилась съ слѣдующимъ рѣшеніемъ: предложенія, и особенно третій пунктъ, предъявлены ландтагу, по желанію ея величества, и такъ какъ отвѣтъ, данный на нихъ, не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ государыни, то слѣдуетъ ожидать, если онъ будетъ отосланъ, что высшее правительство само издастъ законы по этому предмету.

Только тогда ландтагъ занялся составленіемъ нѣкоторыхъ правилъ для ограниченія произвола помѣщичьей власти, и послѣ долгихъ преній, по соглашенію съ генераль-губернаторомъ, формулировалъ постановленія, опубликованныя 12-го апрѣля 1765 г.

Объявленіе это составлено такимъ образомъ, что всё уступки въ пользу крестьянъ являются добровольнымъ даромъ со стороны дворянства. Постановленія, объявленныя въ немъ, заключались въ слѣдующемъ:

1) Крестьянинъ, если онъ исполнилъ всё повинности и ничего не долженъ помѣщику, можетъ свободно распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ; однако, если онъ захочетъ продать рогатый скотъ или лошадей, то долженъ предварительно заявить господину, чтобы вслѣдствіе этого не былъ разоренъ весь дворъ.

2) Помѣщики не будутъ увеличивать взносовъ натурою; переимѣнить одинъ взносъ на другой могутъ только съ согласія крестьянъ.

3) Хотя помѣщикъ вправѣ назначать своихъ крестьянъ на какую хочетъ работу, однако, господа желаютъ впредь установить, сколько крестьянинъ долженъ работать и ставить подводъ, смотря по его имуществу и силамъ. Сверхъ этой опредѣленной работы, они не будутъ ничего требовать иначе, какъ освободивъ ихъ отъ какой-нибудь повинности или вознаградивъ ихъ деньгами.

4) Если господинъ разъ увеличитъ опредѣленную работу и взносы припасовъ, то крестьянамъ дозволяется сдѣлать ему объ этомъ вѣжливое представленіе; если онъ не отмѣнитъ своего новаго распоряженія, то могутъ жаловаться ордунгс-герихту, но только исполнивъ все, что требовалъ господинъ. Каждый долженъ приносить свою жалобу словесно, не беря съ собою никакого адвоката; крестьяне не должны также приносить жалобу цѣлою толпою, а каждый отъ себя. Если же у всѣхъ ихъ общая жалоба, то могутъ прислать отъ себя двухъ депутатовъ, которые должны заявить о ней въ присутствіи надсмотрщика, назначеннаго господиномъ, остальные же обязаны оставаться дома.

За ложную жалобу крестьянъ наказываютъ въ первый разъ 10-ю парами розогъ, во второй разъ—20-ю парами около церкви, а въ третій—ихъ отдаютъ на годъ на работу въ крѣпость.

Кромѣ этой публикаціи, предназначенной для крестьянъ, одновременно съ ней была разослана еще другая для владѣльцевъ имѣній, которую предписывалось:

1) Изъ каждаго имѣнія должно быть прислано въ канцелярію дворянства не позже 1-го августа того же года заявленіе о томъ, какія повинности несли въ немъ крестьяне.

2) Объявленныя, такимъ образомъ, повинности помѣщикъ не долженъ былъ повышать.

3) За легкіе проступки можно наказывать тотчас плетью, но за большія провинности, какъ-то: упорное непослушаніе, побѣгъ, воровство и проч.—розгами, но только не болѣе 10 паръ и притомъ по три удара каждою парю.

4) Крестьянина не должно держать въ заключеніи долѣе 24 часовъ, кромѣ того случая, когда въ преступленіи участвовали многіе и потому нужно извѣстное время для производства слѣдствія; но тогда арестованнаго должно содержать въ тепломъ помѣщеніи и проч.

Кромѣ того, на ландтагѣ былъ слѣланъ уговоръ, что за продажу людей на рынокъ будутъ подвергать штрафу въ 200 талеровъ альб., а за разлученіе при этомъ мужа съ женой — 400 талеровъ¹; это послѣднее постановленіе осталось негласнымъ.

Эти правила, составленныя ландтагомъ, совершенно справедливо признаютъ крайне недостаточными не только русскіе изслѣдователи, писавшіе о крестьянскомъ вопросѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ, напримѣръ, Самаринъ, но и нѣмецкіе историки Лифляндіи. Г. Экардтъ, сочиненіе котораго мы уже цитировали, говоритъ: «Если за масштабъ для сужденія о постановленіяхъ ландтага 1765 г. мы примемъ не что иное, какъ Ашераденъ-Рѣмерсгофское крестьянское право, то мы должны будемъ признавать, что они не могутъ удовлетворить самымъ скромнымъ требованіямъ справедливости и что К. Ф. Шульцъ имѣлъ полное право отъ нихъ отвернуться. Уже самая форма публікаціи, обращенной къ крестьянамъ, исключаетъ возможность всякаго юридическаго воздѣйствія; нигдѣ нѣтъ и рѣчи о строгихъ обязательствахъ, принятыхъ на себя господами, вездѣ говорится только, что они «желаютъ» и будутъ дѣлать то или другое; такія выраженія, какъ «должны», «обязаны», повидимому, съ намѣреніемъ избѣгаются. Между тѣмъ какъ Ашераденское крестьянское право, установляя, что крестьянинъ попрежнему обязанъ повиноваться господину, предоставляетъ ему, однако, право собственности, въ публікаціи съ особенною настоятельностью ставятъ на видъ, что «крестьянинъ остается во всѣхъ отношеніяхъ собственностію своего господина» и что данное ему право собственности на движимое имущество—только производное и условное. Что крестьянина не должно продавать или какъ-нибудь иначе отчуждать отдѣльно отъ имѣнія, къ которому онъ принадлежитъ (правило, поставленное Шульцемъ во главѣ своего устава), объ этомъ нѣтъ и рѣчи; даже необнародованное обязательство, принятое на себя членами ландтага, запрещаетъ только разлученіе супруговъ и

¹ Альбертовъ талеръ равняется 1 р. 26 к. *Samson*, 86.

продажу на рынкѣ. Ашераденскій статутъ предоставляетъ крестьянамъ не только право собственности на движимое имущество, но и ненарушимое наследственное владѣніе своимъ дворомъ; пока земледѣлецъ исполняетъ назначенныя службы и вноситъ всѣ поборы, *должно* оставить дворъ во владѣніи его самого и его семейства; между тѣмъ, публикація ограничиваетъ право крестьянина имѣть собственность оговоркою ¹, которая съ самаго начала дѣлаетъ его проблематическимъ, распространяетъ это право только на движимое имущество и ни единымъ звукомъ не упоминаетъ объ отношеніяхъ, въ которыхъ находится крестьянинъ къ своему двору. Еще хуже постановленія въ публикаціи относительно крестьянскихъ работъ и взносовъ, размѣръ которыхъ поставленъ въ зависимость отъ одного произвола господина; послѣдній обязанъ только заявить, «сколько онъ хочетъ брать съ крестьянъ». О вазенбухахъ ни въ публикаціи, ни въ патентѣ землевладѣльцамъ нѣтъ и рѣчи... Хотя бы вспомнили объ основныхъ началахъ прежняго обложенія податями и указали бы на то, что требуемое «извѣстіе и объявленіе о повинностяхъ, существовавшихъ до послѣдняго ландтага «не совершенно зависитъ отъ произвола господина»... Да и это требованіе объ доставленіи свѣдѣній о существующихъ повинностяхъ не было исполнено, такъ какъ за его нарушение не было постановлено никакого штрафа. Право крестьянъ жаловаться обставлено множествомъ условій, несоблюденіе которыхъ подвергало ихъ наказаніямъ; они не избѣгали ихъ и въ томъ случаѣ, если имъ не удавалось убѣдить судей въ основательности своей жалобы, а, между тѣмъ, въ 1632 г., во время шведскаго господства, крестьянину было предоставлено неограниченное право жаловаться на своего господина ². Негодность постановленія ландтага хорошо понимали и просвѣщенные современники; Шлѣперъ въ своихъ Stats-Anzeigen осудилъ ихъ, какъ жестокіе и варварскіе, такъ, на примѣръ, по поводу дозволенія крестьянамъ считать своею собственностію и передавать по наследству движимое имущество, Шлѣперъ замѣчаетъ: «*брать* у кого-нибудь его деньги, скоть, сѣно и все, что онъ самъ приобрѣлъ или унаслѣдовалъ, называется еще со времени Моисея *кражю*. Развѣ это не было запрещено до 1765 г. ни въ одномъ рижскомъ катехизисѣ? или тамъ у помѣщиковъ другой катехи-

¹ Она начинается такъ: «хотя все, что имѣетъ крестьянинъ, такъ же, какъ и онъ самъ — собственность господина, которою онъ можетъ распорядиться по своему желанію, однако, ливландскіе дворяне желаютъ» и проч.

² *Eckardt. Livland im XVIII Jahrhundert. S. 333—338.* Гупель говоритъ: «Въ орднунгсгерихтахъ многихъ крестьянъ наказывали розгами... вѣроятно, потому, что они забывали условія, предписанныя для принесенія жалобы».

зисъ, чѣмъ у ихъ подданныхъ? Но, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ и для другихъ существовалъ одинъ уголовный кодексъ, который строго запрещалъ воровство и грабежъ¹.

Нѣтъ ничего мудренаго, что правила 1765 г. были совершенно неисполнены и вовсе не улучшили положенія крестьянъ. Но не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что даже эти жалкія постановленія не принесли никакой пользы; для того, чтобы оцѣнить хоть нѣкоторое нравственное ихъ значеніе (юридическаго — они не имѣли никакого), слѣдуетъ вспомнить, что въ сосѣдней Великороссіи не только въ это время, но и въ теченіи всего царствованія Екатерины, помѣщичій произволъ не былъ ничѣмъ ограниченъ; напротивъ того, права помѣщиковъ были расширены. Нравственный результатъ этихъ правилъ заключается въ томъ, что, по словамъ Эккардта, «нельзя уже было заставить забыть лежащую въ основаніи предложеній Броуна и признанную дворянствомъ мысль, что ливонскій крестьянинъ — гражданинъ государства и, какъ таковой, имѣетъ право находиться подъ защитой правительства», но дѣло только въ томъ, что для русскаго крѣпостнаго даже жалкія правила 1765 г. были бы первымъ словомъ закона въ его пользу, между тѣмъ, какъ для крестьянина Прибалтійскаго края они были шагомъ назадъ сравнительно съ шведскимъ законодательствомъ и не только не обуздавали фактически установившагося произвола помѣщиковъ, но даже, не упоминая объ вакенбухахъ, только савѣционировали пренебреженіе ими.

Повторяемъ, правила 1765 г. не имѣли полезнаго и практическаго значенія для ливонскаго крестьянина, но для насъ во всякомъ случаѣ интересно, что русское правительство обнаружило въ этомъ вопросѣ нѣкоторую настойчивость по прямому желанію императрицы, такъ какъ это, повидимому, общало энергическую дѣятельность съ цѣлью улучшенія быта крестьянъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи².

¹ *Naturrecht, christliche wahre Menschenliebe in Livland* въ *Stats-Anzeiger* Шлёдера за 1782 г. Bd. II, 432.

² Не говоря о дальнѣйшей исторіи крестьянскаго вопроса въ Остзейскомъ краѣ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, упомянемъ только о слѣдующемъ. Когда въ 1769 г. эзельская земская ревизіонная коммиссія представила о необходимости «предписать власти помѣщиковъ надъ ихъ крестьянами границы, предохраняющія крестьянъ противу рабства, и чрезъ сіе самое доставить Эзельской провинціи время и случай сдѣлаться достойною волнѣсти», на докладъ была положена резолюція: «оба сіи пункта принадлежатъ по существу своему до первоначальнаго въ государствѣ основанія и составляютъ вопросъ весьма деликатный, не менѣе же сего и важный, а посему разрѣшеніе его зависить по надлежащему отъ общаго опредѣленія коммисіи улсжеа-

Мы остановились подробно на этомъ эпизодѣ царствованія Екатерины II не только потому, что это была первая попытка Екатерины осуществить на дѣлѣ свои освободительныя идеи, но еще болѣе потому, что при дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ среди другихъ лицъ, которыя участвовали въ составленіи проектовъ рѣшенія крестьянскаго вопроса, не мало дѣателей изъ остзейскаго дворянства: мы будемъ имѣть случай познакомиться съ отвѣтами нѣсколькихъ лифляндцевъ на задачу вольнаго экономическаго общества, съ проектами по крестьянскому вопросу, составленными остзейскими депутатами въ екатерининской законодательной комиссіи. Безъ нѣкотораго знакомства съ положеніемъ крѣпостныхъ Прибалтійскаго края и первыхъ плановъ и попытокъ улучшенія ихъ быта была бы менѣе понятна дѣятельность остзейцевъ и по крестьянскому вопросу въ Россіи вообще; а мы увидимъ, что, при составленіи проектовъ крестьянскихъ правъ, они играли немаловажную роль. Насколько ихъ дѣятельность могла быть для насъ полезна — это мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія.

III.

Предложеніе П. И. Панина по крестьянскому вопросу.—Отношеніе къ этому вопросу Наказъ имп. Екатерины.—Мѣста Наказа, не пропущенныя придворной цензурой.—Возраженія Сумарокова.—Взгляды Д. А. Голицына и И. П. Елагина на крестьянскій вопросъ.

Какъ мы уже сказали, дѣйствія нашего правительства относительно крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи возбуждали надежду, что нѣкоторыя мѣры для обузданія произвола помѣщиковъ будутъ приняты и въ самой Россіи. Необходимость регулированія законодательнымъ путемъ отношеній землевладѣльцевъ къ крестьянамъ начинали въ это время сознавать даже такія лица, которыхъ вовсе нельзя причислить къ либеральной партіи. Такъ, напримѣръ, П. И. Панинъ, въ запискѣ, поданной въ 1763 г. императрицѣ, указывалъ на то, что владѣльцы собираютъ съ своихъ крестьянъ поборы и налагаютъ на нихъ работы, «не только превосходящія примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но *частенько выступающіе и изъ сносности человеческой*»; онъ об-

ной». Генералъ-губернатору Броуну предписано было сообщить объ этомъ комиссіи (П. С. З. т. XVIII, № 18,329). Нужно замѣтить, что въ это время большое собраніе было уже распущено, но крестьянскій вопросъ дѣятельно обсуждался въ одной изъ частныхъ комиссій.

рацалъ также вниманіе на то, что помѣщики продаютъ многихъ своихъ людей для отдачи въ рекруты, такъ что, по его мнѣнію, одною изъ причинъ побѣговъ крестьянъ въ Польшу была «ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть». Для прекращенія злоупотребленій, онъ предлагалъ установить надзоръ губернаторовъ за невоздержными помѣщиками, запретить торговлю рекрутами, дозволить продажу только цѣлыми семьями и, наконецъ, составить примѣрное положеніе о крестьянскихъ повинностяхъ. Все это, впрочемъ, онъ предлагалъ сдѣлать секретно, чтобы не возбудить неповиновенія въ крѣпостномъ населеніи Россіи. Что касается размѣровъ повинностей, то предложенный имъ оброкъ (2 р. съ души) былъ довольно умѣренный, но едва-ли было желательнымъ опредѣлить, согласно съ его мнѣніемъ, чтобы помѣщики не могли требовать отъ крестьянъ барщины болѣе четырехъ, дней въ недѣлю. Господствующимъ обычаемъ въ то время была трехдневная барщина, слѣдовательно, ее и нужно было принять за норму при опредѣленіи крестьянскихъ повинностей, а иначе, назначенный правительствомъ шахшумъ, конечно, обуздаль бы самыхъ безжалостныхъ помѣщиковъ, да и то лишь при энергическомъ надзорѣ администраціи (на что трудно было разсчитываться), но зато побудилъ бы, пожалуй, весьма многихъ изъ тѣхъ, которые прежде требовали отъ крестьянъ трехдневной барщины накинуть на нихъ лишній день работы.

Были, однако, люди, сравнительно съ которыми и П. Панинъ былъ либераломъ. Въ то время, какъ онъ требовалъ опредѣленія закономъ крестьянскихъ повинностей, другой, гораздо болѣе заслуженный вельможа, къ которому Екатерина не разъ обращалась за совѣтами въ важныхъ случаяхъ, А. П. Бестужевъ-Рюминъ настаивалъ, напротивъ того, чтобы дворянамъ дана была безпредѣльная власть надъ крѣпостными и чтобы послѣдніе не имѣли права жаловаться на своихъ господъ ¹.

При такихъ противоположныхъ совѣтахъ Екатерина принялась за составленіе своего Наказа. «Два года я читала и писала, свидѣтельствуешь она сама, не говоря о томъ полтора года ни слова»; писать она начала въ февралѣ 1765 года, какъ положительно видно изъ письма императрицы къ г-жѣ Жоффренъ ². Еще ранѣ окончанія труда, императрица показывала его кн. Г. Г. Орлову и гр. Н. И. Панину; первый былъ въ восторгѣ отъ этого произведенія, второй замѣтилъ: «Ce sont des axiomes à renverser des murailles» ³. Духовныя лица, которымъ поручено было раз-

¹ Соловьевъ, XXV. 275, 282—284.

² «Сб. ист. общ.». I. 268.

³ Мы полагаемъ, что это не что иное, какъ шутка; Н. И. Панинъ не былъ такимъ-нибудь дикимъ консерваторомъ.

смотреть Наказъ (въ числѣ ихъ былъ Гавріилъ, епископъ тверской), хотя и сдѣлали нѣсколько возраженій (между прочимъ они были противъ полной свободы слова), однакожь, вполне сочувственно отнеслись къ Наказу¹. Наказъ подвергался также просмотру поэта Сумарокова, съ замѣчаніями котораго мы познакомимся ниже. За-границей ранѣе всѣхъ о составленіи «Наказа» была оповѣщена г-жа Жоффрэнъ, а затѣмъ и нѣкоторыя литературныя знаменитости Франціи. Въ іюнѣ 1765 года, она пишетъ Жоффрэнъ:—«Въ этомъ трудѣ, я высказалась вполне и не скажу болѣе ни слова въ продолженіе всей жизни. Общее мнѣніе тѣхъ, которые прочли «Наказъ», что онъ *non plus ultra* совершенства; но, мнѣ кажется, что можно еще кое-что исправить. Я не хотѣла помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, опасаясь, что каждый сталъ бы дѣйствовать въ различномъ направленіи, а здѣсь надо провести одну только нить и вѣрнѣе за нее держаться». Въ письмѣ къ Даламберу, въ половинѣ 1765 г., Екатерина говоритъ: Въ Наказѣ «на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескьё, не называя его. Надѣюсь, что еслибы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающей, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20 мил. людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы этимъ обидѣться».

Въ началѣ фѣвраля 1767 г., она пишетъ къ Даламберу относительно «Наказа»: «Болѣе половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено и Богъ вѣдаетъ, что станеть съ остальнымъ; однако, придется рѣшиться къ назначенному мною сроку»².

Черезъ день послѣ составленія этого письма, императрица отъправилась въ Москву и пробыла тамъ февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы. Поселившись въ Коломенскомъ дворцѣ, она призвала къ себѣ нѣсколько лицъ различнаго образа мыслей и приказала имъ читать «Наказъ». Тутъ, по ея словамъ, каждая статья возбуждала пренія. Она дала имъ волю измѣнять и вымарывать все, что они захотятъ и такимъ образомъ, если вѣрить ея свидѣтельству, было исключено болѣе половины написаннаго³. На эти-то предстоящія измѣненія очевидно намекала императрица, когда говорила въ письмѣ къ Даламберу, что она не знаетъ, «что станеться съ остальными».

Въ этомъ измѣненномъ видѣ «Наказъ» появился въ печати въ концѣ іюля 1767 года; изъ первоначальной его редакціи намъ извѣстны только нѣкоторые отрывки, и мы будемъ имѣть случай познакомиться съ любопытными мѣстами о крестьянскомъ вопро-

¹ *Сухомлиновъ*. «Ист. рос. акад.», I, 61—62.

² «Сб. ист. общ.», I, 276. Стр. 283. X, 81, 94—95, 167.

³ «Русск. Архивъ» 1865 г., стр. 479—480.

съ, непропущенными цензурой, которой подвергла императрица свое произведеніе. Теперь же остановимся пока на «Наказѣ» въ томъ видѣ, какъ онъ появился въ печати.

Императрица сама признавалась въ письмѣ къ Даламберу, что она «обобрала президента Монтескьё». Точно также въ письмѣ къ Фридриху Великому, вмѣстѣ съ которымъ былъ отправленъ къ нему «Наказъ», она говоритъ:—«Вы увидите, что я, какъ вѣрона въ баснѣ, нарядилась въ павлиньи перья. Въ этомъ сочиненіи мнѣ принадлежитъ только расположеніе матерьяла и то здѣсь, то тамъ—одна строчка, одно слово; если собрать все, что я прибавила, я не думаю, чтобы вышло болѣе двухъ или трехъ листовъ»¹. Дѣйствительно оказывается, что изъ 526 статей «Наказа» около ста (отъ 147 до 245) заимствованы изъ извѣстнаго сочиненія Беккариа, а болѣе 250 взято у Монтескьё. «Заимствованія», говоритъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ юристовъ, специально занимавшійся «Наказомъ»:—сдѣланы или въ видѣ буквального перевода съ сохраненіемъ порядка самаго подлинника, каковы заимствованія изъ Беккариа, или въ видѣ компиляціи, не держащейся расположенія предметовъ подлинника, каковы заимствованія изъ Монтескьё»². Мы ограничимся разсмотрѣніемъ только тѣхъ мѣстъ «Наказа», которыя посвящены крестьянскому вопросу, но и тутъ увидимъ не мало заимствованій.

¶ Нужно избѣгать случаевъ «приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ и то не для собственной корысти, но для пользы государственной»; къ этимъ словамъ, которыя встрѣчаются и въ болѣе полной редакціи XI главы, въ печатномъ «Наказѣ» еще прибавлено: «однако и то едва ли не весьма рѣдко бываетъ» (ст. 253). Относительно необходимости ограничить произволъ владѣльцевъ находимъ въ «Наказѣ» слѣдующія замѣчанія. Статья 254—«какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны—предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти»—представляетъ буквальный переводъ изъ Монтескьё³. Вмѣстѣ съ этимъ Екатерина указываетъ на необходимость предупредить тѣ причины, которыя вызываютъ «непослушаніе рабовъ противъ господъ», такъ какъ иначе законы не могутъ прекратить этого непослушанія и доставить спокойствіе и тѣмъ и другимъ

¹ Пекарскій. Матерьялы для ист. журн. и литер. дѣят. Екатерины. Прилож. къ III т. «Зап. акад.». № 6. 1863 г., стр. 79.

² Кистяковскій. «Изложеніе началъ уголовного права по «Наказу» императрицы Екатерины II». «Кіев. унив. изв.», 1864 г., № 10, стр. 2.

³ De l'esprit des lois, livre XV ch. 11.

(ст. 263). Необходимость наказывать «злоупотребленія рабства» подтверждается примѣромъ афинянъ, которые «строго наказывали того, кто съ рабомъ поступалъ свирѣпо» (ст. 259) ¹. Еще убѣдительнѣе для русской публики было то, что Петръ Великій велѣлъ отдавать подъ опеку не только безумныхъ, но и мучающихся своихъ подданныхъ. «По первой статьѣ сего указа чинится» исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно (ст. 256), спрашиваетъ Екатерина. Большіе оброки весьма вредно отражаются на земледѣліи и на размноженіи народонаселенія; «весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства» (ст. 269, 270, 275, 276). Авторъ, опровергая мнѣніе, что чѣмъ большія на подданныхъ «наложены дани, тѣмъ больше приходятъ они въ состояніе платить оныя», замѣчаетъ, что такія «мудрованія» всегда причиняли и будутъ причинять погубель самодержавнымъ государствамъ (ст. 277). Императрица признаетъ также необходимость огражденія закономъ правъ крестьянина на имущество: «Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества (ст. 261) ²; не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто (по-французски: *le cultivateur ou laboureur*, по-нѣмцки: *der Ackersmann*) не имѣетъ ничего собственнаго»; это основано на томъ, что каждый болѣе заботится о своемъ собственномъ и небрежетъ о томъ, что другой у него отниметъ» (ст. 295, 296); но рядомъ съ этимъ императрица помѣщаетъ весьма неопредѣленные фразы, въ родѣ того, что «правленіе весьма сходственно съ естествомъ есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается»; подобныя выраженія служили впоследствии подкрѣпленіемъ мнѣнію тѣхъ депутатовъ, которые говорили, что свобода крестьянъ не свойственна нашимъ нравамъ и образу правленія.—Императрица вооружается, наконецъ, противъ того, что помѣщики, по своему произволу, женятъ и выдаютъ замужъ своихъ вѣрлостныхъ: «Обыкновенно въ узаконеніяхъ положено, говорить она: — отцамъ сочетовать созвомъ

¹ Заимствовано, но съ измѣненіемъ у Монтескьѣ: «A Athènes on punissait sévèrement, quelquefois même de mort, celui qui avait maltraité l'esclave d'un autre», livre XV, ch. 17).

² Въ нѣмецкомъ переводѣ гораздо яснѣе: «Die Gesetze können dadurch etwas Gutes stiften, wenn sie den Leibeigenen ein Eigenthum bestimmen». По-французски: «Les lois peuvent favoriser le recule des esclaves». Последнее прямо заимствовано изъ Монтескьѣ, у котораго еще прибавлено: *et mettre les esclaves en état d'acheter leur liberté* (XV, 18). Последнее было также переведено въ первоначальной редакціи, но потомъ опущено.

брачнымъ дѣтей своихъ. Но что изъ сего выйдетъ, если притѣсненіе и сребролюбіе дойдутъ до того, что присвоятъ себѣ неправильнымъ образомъ власть отцовскую? Надлежало бы еще отцовъ поощрять, чтобъ дѣтей своихъ бракомъ сочетовали, а не отнимать у нихъ воли сочетовать дѣтей по ихъ лучшему усмотрѣнію» (ст. 288). Такимъ образомъ опредѣленіе повинностей крестьянъ особымъ закономъ, наказаніе помѣщиковъ, мучающихъ своихъ крестьянъ, огражденіе ихъ правъ на имущество и предоставленіе имъ свободы жениться, на комъ они хотятъ—вотъ тѣ реформы, на необходимость которыхъ прямо или косвенно указывала початная редакція «Наказа». Дѣло такимъ образомъ шло не объ освобожденіи крестьянъ, а объ улучшеніи ихъ быта; да это и понятно, такъ какъ Екатерина, подъ вліяніемъ Монтескьё, думала, что «не должно вдругъ и чрезъ узаконенія общія дѣлать великаго числа освобожденныхъ» (ст. 260) ¹.

Остановимся теперь на тѣхъ мѣстахъ болѣе полной редакціи «Наказа», которыя не попали въ печатное изданіе. Сюда относится во-первыхъ различіе между *servitude réelle* и *servitude personnelle*—крестьянствомъ и холопствомъ, съ замѣчаніемъ, что «великое злоупотребленіе есть, когда оно (рабство) въ одно время и личное и существенное» ². Затѣмъ въ первоначальной редакціи было гораздо болѣе сказано о мѣрахъ противъ помѣщиковъ, незаботящихся о своихъ крѣпостныхъ, мучающихъ ихъ или подвергающихъ разнымъ насиліямъ. «Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобы рабы и въ старости и въ болѣзняхъ не были оставлены. Одинъ изъ кесарей римскихъ узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободнымъ, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего раба жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судья, а не какъ господинъ. Желательно, чтобъ можно было закономъ предписать въ производствѣ сего порядка, по которому бы не оставалось ни малаго подоврѣнія въ учиненномъ рабу насиліи» ³. Но, разумѣется, крестьянину было бы небольшое утѣшеніе въ томъ, что господинъ продолжалъ бы жестоко наказывать его только въ качествѣ не господина, а судьи. Прививать къ намъ правила сенѣріальной юрисдикціи

¹ Бузавально взято у Монтескьё (liv. XV. ch. 18).

² Все это цѣлкомъ заимствовано у Монтескьё. XV, 10. Часть этого мѣста вошла потомъ въ «Начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссіи для сочин. нов. улож».

³ Все это заимствовано у Монтескьё (XV, 17).

было бы вовсе нежелательно. Поэтому гораздо практичнѣе предложеніе, почерпнутое Екатериною не изъ Монтескьё, а изъ самой жизни. «Въ російской Финляндіи, говоритъ она:—выбранные семь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судать во всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы учредить для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, или посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто раззорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда удрученные отъ нихъ крестьяне принуждены бывають неволею бѣжать изъ своего отечества. Есть государства, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ иначе, какъ двѣнадцатью особами ему равными: законъ, который можетъ воспрепятствовать сильно мучительству господъ, дворянъ, хозяевъ». Предлагалась мѣра и для огражденія крестьянокъ отъ изнасилованія: «есть положеніе въ ломбардскихъ законахъ, которое во всѣхъ родахъ правленія полезно быть можетъ: «если господинъ насилуетъ жену или дочь своего раба, то вся семья оного будетъ отъ рабства освобождена»; средство къ предупрежденію и укрощенію невоздержности господъ»¹. Въ печатномъ «Наказѣ» мы встрѣчаемъ только ссылку на то, что у аѳинянъ наказывали тѣхъ, кто «съ рабомъ поступалъ свирѣпо», причемъ опущено окончаніе этой фразы, которое въ первоначальной редакціи вполнѣ приведено изъ Монтескьё (XV, 17): «Аѳинскій законъ благоразумно не хотѣлъ присоединить лишенія безопасности къ лишенію вольности»; но, кромѣ того, въ первоначальной редакціи мы находимъ и другія подобныя указанія, заимствованныя изъ той же главы Монтескьё, а именно, что у грековъ рабы, съ которыми господа обращаются жестоко, могли требовать, чтобы они были проданы другому; вѣчто подобное существовало и въ Римѣ.—Въ первоначальной редакціи встрѣчалось также указаніе на возможность опредѣленія извѣстнаго срока рабства: «Могутъ еще законы опредѣлять урѣченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ службы враговъ»; но, какъ это можно было бы примѣнить къ нашей жизни — авторъ не указываетъ. Единственная мѣра изъ всѣхъ этихъ предложеній, осуществленная впоследствии императрицею, было предложеніе запретить вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя; она также была навѣяна чтеніемъ Монтескьё². Гарантировать крѣпостнымъ право на имущество нужно для того, чтобы они могли купить себѣ свободу. Кромѣ того, нужно, чтобы законы гражда-

¹ Взято у Монтескьё (XV, 12).

² Ср. L'esprit des lois. XV, 2.

скіе опредѣляли точно, сколько рабъ долженъ заплатить за освобожденіе своему господину ¹. Всѣ эти желанія объ учрежденіи сельскаго суда изъ крестьянъ, освобожденіи изъ рабства семейства изнасилованной женщины и, наконецъ, опредѣленіе размѣра выкупа— не вошли въ составъ печатнаго «Наказа».

Изъ возраженій, какія дѣлались разными лицами, читавшими Наказъ, до насъ дошли весьма немногіе, изъ нихъ всего любопытнѣе замѣчанія поэта Сумарокова, крайняго крѣпостника. По поводу его словъ: «между крѣпостнымъ и невольникомъ разность—одинъ привязанъ къ землѣ, а другой къ помѣщику», Екатерина замѣтила: «Какъ это сказать можно, отверзите очи!» По поводу предложеній объ ограниченіи помѣщичьей расправы, Сумароковъ говоритъ: «Господинъ долженъ быть судья—это правда... Добрые господа всѣ судьи слугамъ своимъ, и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ». «Богъ знаетъ, развѣ по чинамъ качества считать», возразила Екатерина. По поводу всей XI главы «Наказа», проникнутой особенно въ первоначальномъ видѣ либеральными тенденціями, Сумароковъ замѣтилъ: «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни вучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣлства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (и бывають зарѣзаны отчасти отъ своихъ, метко прибавила императрица), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища; ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ». Теперь же «помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ». «И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи», замѣтила Екатерина ².

Такъ какъ еще въ то время, когда «Наказъ» не появился въ печати, въ придворныхъ кружкахъ было уже извѣстно, что императрица интересуется крестьянскимъ вопросомъ, то естественно, что дѣло, котораго она должна была касаться во многихъ разговорахъ, стало занимать и окружающихъ ее людей. Доказательствомъ этому служить, между прочимъ, переписка съ вице-канцлеромъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ русскаго посланника

¹ «Сб. ист. общ.» X, 153—156.

² «Сб. ист. общ.» X, 84—86.

при Версальскомъ дворѣ, извѣстнаго своими сношеніями съ французскими писателями, князя Дмитрія Алексѣевича Голицына. Въ двухъ своихъ письмахъ (одно въ октябрѣ 1765 г., другое въ маѣ 1766 г.), онъ подробно касается крестыянскаго вопроса. Любопытно, что письма эти прочитывались не однимъ А. М. Голицынымъ, но сообщались и императрицѣ и графу Н. И. Панину; какъ она, такъ и вице-канцлеръ, дѣлали мѣстами замѣтки и возраженія на нѣкоторыя высказанныя въ нихъ мысли; къ сожалѣнію, издатель этихъ писемъ не вездѣ указываетъ, кому именно изъ этихъ трехъ лицъ принадлежитъ та или другая замѣтка. Князь Д. А. Голицынъ желаетъ, во-первыхъ, чтобы крестыянамъ было предоставлено право собственности, какъ на движимое имѣніе, такъ и на земли; онъ соглашается съ мнѣніемъ вице-канцлера, что право собственности внушитъ любовь къ отечеству и т. д. Затѣмъ онъ желаетъ, чтобы былъ уничтоженъ обычай получать съ деревень доходы натурою и особенно требовать ихъ поставки въ отдаленныя мѣста большими обозами. Онъ указываетъ на то, что деревни, состоящія на денежномъ оброкѣ, гораздо зажиточнѣе; поставка же припасовъ составляетъ большое бременіе для крестыянъ и уничтоженіе ея принесетъ уже ту пользу, что заставитъ уменьшить громадное количество слугъ, которыми переполнены барскіе дома. Наконецъ, чтобы упрочить для крестыянъ пользованіе ихъ собственностію, князь Голицынъ предлагалъ, по примѣру Англіи, посылать въ каждыя два года по два странствующіихъ судьи во всѣ провинціи; выбранные изъ гвардейскихъ офицеровъ или даже изъ придворныхъ, они должны были бы разбирать ссоры и тяжбы крестыянъ между собою и съ помѣщиками. Въ то же время они собирали бы точныя свѣдѣнія о состояніи провинціи, которую они объѣзжали и представляли сенату письменный докладъ, который служилъ бы основаніемъ для различныхъ улучшеній въ этой мѣстности.

Но право собственности, замѣчаетъ князь Голицынъ, будетъ чисто фиктивнымъ при отсутствіи власти, которая защищала бы крестыянина отъ тирании помѣщика; «*cela est incontestable*» — написалъ противъ этого мѣста кто-то изъ читавшихъ письмо. Чтобы помочь этому горю, Голицынъ предлагаетъ въ главномъ городѣ каждой провинціи учредить трибуналъ, на подобіе того, какой существовалъ въ Римѣ подъ именемъ *quindecim viri*. Обязанность этихъ 15-ти состояла бы въ томъ, чтобы «отводить земли отставнымъ солдатамъ, размежевывать и облагать податями участки, судить и склонять къ миру во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, касающихся земледѣлія договоровъ и запрещеній; обез-

печивать каждому свободное пользование поземельною собственностію».

И такъ, право собственности какъ на движимое имущество, такъ и на землю и дозволеніе жаловаться на помѣщика — вотъ въ чемъ состояло рѣшеніе крестьянскаго вопроса по мнѣнію князя Д. А. Голицына. Крестьянинъ оставался не только прикрѣпленнымъ къ землѣ, но и подъ властію помѣщика, поэтому, подъ правомъ собственности на землю, Голицынъ (который слѣшкомъ кратко касается этого, самаго существеннаго, пункта) очевидно разумѣетъ только наследственное пользованіе ею за извѣстный оброкъ. Но такъ какъ опредѣленіе размѣровъ оброка онъ, повидимому, предоставлялъ проектированному трибуналу и притомъ давалъ крестьянину право жаловаться на господина, то нельзя было бы не признать, что вообще онъ предлагалъ болѣе радикальныя мѣры, чѣмъ большинство его современниковъ; но бѣда только въ томъ, что, по его проекту, помѣщиковъ не должно было обзывать закономъ надѣлять своихъ крестьянъ землею, а слѣдовало дѣйствовать лишь посредствомъ примѣра; его должна была подать сама императрица въ собственныхъ имѣніяхъ и, по мнѣнію Голицына, дворяне поспѣшать добровольно ему послѣдовать. Неосновательность такихъ надеждъ была ясна для тѣхъ, кто читалъ эти письма, т. е. въ томъ числѣ и для императрицы. «Еще сомнительно, замѣчено было на поляхъ:—чтобы примѣръ вразумилъ нашихъ соотечественниковъ и побудилъ бы ихъ ему послѣдовать; это даже мало вѣроятно. Къ тому же подобное распоряженіе, быть можетъ, могло бы нарушить безопасность помѣщиковъ». «Мало найдется охотниковъ пожертвовать большими выгодами прекраснымъ чувствамъ патриотическаго сердца». — «Искренней любви къ человѣчеству, усердія и доброй воли недостаточно для осуществленія великихъ проектовъ. Голицыну и ему подобнымъ легко и дешево великодушничать; имъ ничего не стоитъ даровать своимъ крестьянамъ право собственности на землю; но богатые землевладѣльцы, у которыхъ многія тысячи крестьянъ, будутъ думать и говорить другое». — Въ этихъ словахъ справедливо указано на непрактичность того способа, какимъ Голицынъ предлагалъ осуществить его планы ¹.

Голицынъ считалъ наиболѣе удобнымъ начать реформу съ крестьянъ самой государыни, другіе полагали, что всего удобнѣе показать примѣръ на крестьянахъ дворцовыхъ. И. П. Елагинъ въ мнѣніи, поданномъ имъ императрицѣ въ январѣ 1766 г., указывая на необходимость дать крѣпостнымъ крестьянамъ землю

¹ Его письма напечатаны г. Рачинскимъ въ «Русс. Вѣст.» 1876 г. № 2.

въ потомственное пользованіе и опредѣлить размѣры ихъ денежных взносовъ и работъ, предлагаетъ начать этотъ опытъ съ дворцовыхъ имѣній; онъ ссылается при этомъ на примѣры Пруссіи, Даніи, Голштиніи и Мекленбурга, гдѣ, вскорѣ послѣ того, какъ правительство роздало казенныя земли въ наследственное пользованіе крестьянъ, и помѣщики нашли для себя выгоднымъ послѣдовать этому примѣру.

Такимъ образомъ, мы вновь встрѣчаемся съ требованіемъ, чтобы правительство начало дѣло реформы не на помѣщичьихъ земляхъ, чтобы оно показало примѣръ дворянамъ. Не говоря про то, что ссылка на иностранныя земли не совсѣмъ удачна, такъ какъ тамъ оказывалось весьма немного владѣльцевъ, передававшихъ часть своихъ земель крестьянамъ въ наследственное пользованіе, такъ что имена такихъ людей, какъ Раицау-Ашбергъ въ Шлезвигъ-Голштиніи или Бернсторфъ и нѣкоторые другіе въ Даніи, указываются историками, какъ рѣдкія исключенія¹, намъ не нужно бы ходить такъ далеко, чтобы убѣдиться насколько дворяне добровольно слѣдуютъ примѣру, подаваемому правительствомъ, а стоило бы только взглянуть на тотъ самый Прибалтійскій край, поземельныя отношенія котораго несомнѣнно послужили образцомъ для Елагина при составленіи его проекта. Положеніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ было тамъ гораздо благоприятнѣе, чѣмъ крестьянъ крѣпостныхъ; вакембухи сохраняли въ нихъ вполнѣ свою силу, арендаторамъ запрещалось сгонять крестьянъ съ земли и по своему усмотрѣнію подвергать ихъ тѣлесному наказанію—и однакоже этотъ благотворный примѣръ не оказывалъ никакого вліянія на сосѣднія помѣщичьи имѣнія.

Но если даже допустить, что дворяне послѣдовали бы примѣру, поданному дворцовымъ вѣдомствомъ относительно измѣненія быта крестьянъ, то еще нужно посмотреть была ли бы полезна для этихъ послѣднихъ реформа, предлагаемая Елагинимъ. Она заключалась въ насильственномъ разрушеніи общиннаго землевладѣнія, въ искусственномъ устройствѣ дворовъ одинаковой величины, по 4 работника въ каждомъ, хотя бы при этомъ приходилось соединять въ одно хозяйство и совершенно постороннихъ людей, въ переходѣ двора и причисленной къ нему земли безъ раздѣла старшему въ домѣ, хотя бы онъ и не былъ въ родствѣ съ умершимъ хозяиномъ, въ безпрекословномъ повнновеніи хозяину всѣхъ остальныхъ работниковъ и т. п., наконецъ,

¹ См. *Sugenheim*. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. Spb. 1861, s. 516, 520. *Hannsen*. Die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Herzogthümern Schleswig u. Holstein, Spb. 1861, s. 383—34. *Allen*. Histoire de Dannemark 1879. v. II, 183—184.

въ назначеніи довольно тяжелого для того времени obroka (по 3 р. съ души сверхъ нѣкоторыхъ барщинныхъ работъ). Отъ такой реформы жутко пришлось бы бѣднымъ крестьянамъ. Изъ этого мы видимъ, во-первыхъ, что скрывалось иногда подъ такими прекрасными повидимому вещами, какъ желаніе дать крестьянамъ землю въ наслѣдственное пользованіе и опредѣлить закономъ ихъ повинности; кромѣ того, мы находимъ здѣсь первый примѣръ плановъ, навѣянныхъ остзейскими порядками, которые, какъ мы увидимъ ниже, еще откровеннѣе предлагались въ видѣ образца авторами нѣкоторыхъ отвѣтовъ на тему о собственности крестьянъ, объявленную въ 1766 г. вольнымъ экономическимъ обществомъ. Къ разсмотрѣнію этого эпизода въ исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи, мы и должны теперь перейти.

IV.

Основаніе вольнаго экономическаго общества. — Объявленная имъ задача по крестьянскому вопросу. — Отвѣты на нее и присужденіе преміи. — Рѣшеніе вопроса о томъ, печатать ли переводъ сочиненія Беарде-де-Лабел.

Въ 1756 г., по инициативѣ извѣстнаго фیزیократа Гурне, образовалось земледѣльческое общество въ Бретани; вслѣдъ за тѣмъ подобныя общества стали появляться и въ другихъ мѣстахъ, и между прочимъ, въ 1761 г., одно изъ нихъ было основано въ Парижѣ. Король взялъ ихъ подъ свое покровительство, а администрація стала прибѣгать къ нимъ за совѣтами и оказывать имъ содѣйствія. Примѣръ этотъ нашель подражаніе и въ Германіи. Правда, еще ранѣе были основаны земледѣльческія общества въ другихъ мѣстахъ Европы (въ Великобританіи и Швейцаріи), но мода на нихъ появилась только въ концѣ 50 хъ годовъ, когда они начали въ большомъ числѣ нарождаться во Франціи. Тогда и мы не захотѣли отстать отъ Европы.

Въ іюнѣ 1765 г. гр. Р. И. Воронцовъ, гр. Г. Г. Орловъ, А. В. Алсуфьевъ, гр. И. Г. Чернышевъ, бар. А. И. Черкасовъ, Г. Н. Тепловъ, И. И. Таубергъ, Нартовъ и нѣкоторыя другія лица составили «патриотическое общество для поощренія въ Россіи земледѣльства и экономіи». Большинство членовъ-основателей принадлежало къ числу высшихъ государственныхъ сановниковъ и приближенныхъ ко двору. Императрица скоро утвердила его уставъ и согласилась на то, чтобы оно находилось исключительно подъ ея покровительствомъ, не завися ни отъ какаго правительственнаго учрежденія; съ этихъ поръ оно стало

называться «вольнымъ экономическимъ обществомъ къ приращенію (или для приращенія) въ Россіи земледѣлія и домостроительства». Вслѣдъ затѣмъ, членами его сдѣлались и многіе другіе сановники, сельскіе хозяева и ученые; въ числѣ первыхъ назовемъ гр. З. Г. Чернышева, А. П. Мельгунова, Вл. Г. Орлова, кн. А. Вяземскаго, новгородскаго губернатора Я. Сиверса; ко вторымъ принадлежали Рычковъ, бар. Вульфъ, Олишевъ, Удоловъ и позднѣе Болотовъ; изъ ученыхъ назовемъ академикомъ Эйлера, отца и сына, Г. Ф. Миллера и Штелина.

Уже съ самаго начала, общество, по предложенію своего члена фонъ Клингштета, приняло очень важную мѣру, находя прежде всего необходимымъ изучить положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи; оно напечатало и разослало 65 вопросовъ о земледѣліи, скотоводствѣ и т. п. Быть можетъ, это обращеніе всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи увѣчалось бы незначительнымъ успѣхомъ, еслибы въ этомъ дѣлѣ не принялъ участія членъ общества генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій: по приглашенію его, прокуроры различныхъ провинцій собрали много интересныхъ свѣдѣній о положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи. Изъ этихъ вопросовъ одинъ, и только одинъ касался положенія крѣпостныхъ крестьянъ¹, всѣ же остальные были посвящены земледѣлію, скотоводству и проч. Такимъ образомъ, легко могло бы случиться, что, по примѣру иностранныхъ обществъ, и наше обратило бы все вниманіе на плохое положеніе земледѣлія, почти совершенно упустивъ изъ виду бытъ крестьянъ. Опасеніе это подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Императрица Екатерина, обдумывая при составленіи Наказа различные способы рѣшенія крестьянскаго вопроса, слышала много разнообразныхъ предложеній по этому предмету: таковы были мнѣнія П. Панина, Бестужева-Рюмина, кн. Голицына и Елагина. Среди этихъ несходныхъ совѣтовъ, императрица пожелала узнать мнѣвіе по этому предмету только-что составившагося экономическаго общества, въ которомъ она могла услышать голоса и крупныхъ землевладѣльцевъ, и людей, научно изучавшихъ земледѣліе. Она иноквигито обратилась къ обществу съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «Многіе разумные авторы поставляютъ и самые опыты доказываютъ, что не можетъ быть тамъ ни искуснаго руководѣнія, ни твердо основанной торговли, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи или нерачительно производится, что земледѣльство не можетъ процвѣтать

¹ А именно, общество желало знать, «сколько помѣщичьему крестьянину въ годъ дается свободныхъ дней на себя работать и сколько дней долженъ работать на господина».

тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣеть ничего собственнаго. Все сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человекъ имѣеть болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отниметь»¹. Такимъ образомъ, императрица обращала вниманіе на самый главный, коренной вопросъ нашего сельскаго хозяйства. Между тѣмъ, какъ общество могло задумывать введеніе у насъ нѣкоторыхъ улучшенныхъ способовъ обработки земли, увлечясь исключительно научною разработкою агрономіи, она обращала его вниманіе на самое страшное препятствіе для развитія народнаго благосостоянія, а, слѣдовательно, и для усовершенствованія земледѣльческой культуры. «Поставляя сіи правила за неоспоримыя, продолжала императрица:—осталось мнѣ просить васъ рѣшить: въ чемъ состоитъ или состоять должно для твердаго распространенія земледѣльства имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашцевъ? Иные полагаютъ, что(бъ) то состояло въ участкѣ земли, принадлежащей отцу, сыну и потомку его съ приобрѣтеннымъ движимымъ и недвижимымъ какаго бы то званія ни было; другіе, напротивъ того², полагаютъ на одинъ участокъ земли 4 и до 8 человекъ родовъ разныхъ и поставляютъ старшаго въ томъ обществѣ главнымъ или такъ называемымъ хозяиномъ, изъ чего слѣдуетъ, что сынъ послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно, и собственнаго не имѣеть, называя собственнымъ только то, что тому обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ. Итакъ нахожуся я въ великомъ недоумѣніи, не зная, на точной ли или на спекулятивный разумъ слова «собственное» полагаться»³. Императрица, очевидно, не знала, какъ просто и хорошо рѣшали этотъ вопросъ русскіе крестьяне съ помощью общиннаго землевладѣнія, хотя они и не имѣли права собственности на землю. Но нельзя не замѣтить, что она очень умно указала на существонное противорѣчіе въ предложеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія дѣлалъ Елагинъ. Онъ хлопоталъ о томъ, чтобы дать крестьянину землю въ собственность и въ тоже время, при его системѣ, оказывалось, что «сынъ

¹ Прямое заимствованіе изъ составлявшагося тогда Наказа, обнародованнаго полтора года позднѣе. (См. ст. 295, 296).

² Тутъ нельзя не видѣть намекъ на Елагина, который могъ тогда на словахъ высказывать свое мнѣніе.

³ Нужно замѣтить, что здѣсь вопросъ вовсе не о томъ, какъ думаетъ историкъ вольт. эк. общ. г. Жодневъ (а вслѣдъ за нимъ и г. Кавелинъ—въ «Недѣлѣ» 1876 г., №№ 3—5, стр. 125), «лучше ли общинное владѣніе землей или участковое на правахъ полной личной собственности». Тутъ противопоставляется два вида участковаго владѣнія: въ первомъ случаѣ участокъ принадлежитъ естественной семьѣ, во второмъ—искусственно устроенному двору съ известнымъ числомъ работниковъ, какъ это предлагалъ сдѣлать Елагинъ.

послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно, и собственнаго не имѣеть».

Экономическому обществу была поставлена въ высшей степени важная задача; но письмо начиналось крайне скромно и подписано было только буквами И. Е.—и общество, не догадываясь, что эта подпись обозначаетъ: «императрица Екатерина», не обратило на него никакого вниманія. Неизвѣстно, было ли оно даже прочитано въ собраніи, по крайней мѣрѣ, въ протоколахъ 1765 г. объ немъ вовсе не упоминается и общество вспомнило объ немъ только по полученіи второго письма.

Въ засѣданіи, 1-го ноября 1766 г., секретарь доложилъ письмо къ обществу отъ неизвѣстной особы, вмѣстѣ съ которымъ былъ присланъ ящичекъ съ 1000 червонцами. Въ письмѣ, подписанномъ опять буквами И. Е., было сказано, что въ виду недостатка средствъ у общества, пишущій просить принять деньги для раздачи наградъ за рѣшеніе объявляемыхъ задачъ, на плату переводчикамъ и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывалось желаніе, чтобы была предложена слѣдующая тема: «въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ-ли его, которую онъ обрабатываетъ или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ».

Теперь нельзя было уже положить этого письма подъ сукно, такъ какъ для всѣхъ было понятно, откуда шло предложеніе, сопровождаемое такимъ крупнымъ подаркомъ. Общество объявило въ печати задачу, предложенную императрицею, лишь нѣсколько измѣнивъ ея редакцію: обѣщано было награжденіе въ 100 червонцевъ и медаль въ 25 червонцевъ¹ за лучшее рѣшеніе вопроса: «что полезнѣе для общества, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности земли или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?» Въ концѣ объявленія было прибавлено, что государыня, узнавъ о патриотическомъ усердіи неизвѣстнаго лица, приславшаго 1000 червонцевъ, приказала дать ему вдвое болѣе, если онъ заявитъ о себѣ. Понятно, что такого заявленія не послѣдовало.

Такимъ образомъ, крестьянскій вопросъ былъ открыто поставленъ на обсужденіе общества и это не могло не встревожить крѣпостниковъ, каковымъ въ то время было все русское дворянство, за исключеніемъ немногихъ личностей, вкусившихъ послѣднихъ плодовъ западной науки и литературы. Представимъ партій, желавшихъ сохранять крѣпостное право во всей

¹ Она сдѣлана была впоследствии въ 85 червонцевъ.

его неприкосновенности, явился, однако, не какой-нибудь дикій помѣщикъ — въ глухія мѣста нашей родины слишкомъ рѣдко проникали газеты или Труды Вольнаго Экономическаго Общества—а талантливый писатель, величавшій себя русскимъ Расиномъ—А. П. Сумароковъ. Не прошло и мѣсяца послѣ объявленія задачи, какъ вольное экономическое общество получило отъ него весьма раздражительное письмо. Указавъ на то, что прежде чѣмъ говорить о собственности крестьянина, слѣдуетъ рѣшить, будетъ ли полезно для общества освобожденіе крѣпостныхъ, онъ говоритъ: «Канарейкѣ лучше безъ влѣтки, а собагѣ безъ цѣпи, однако, одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина». Что же нужно для «общаго блаженства»? Онъ полагаетъ, что даже сами рабы признаютъ, что лучше имъ не имѣть своей земли, да наконецъ, по его мнѣнію, и невозможно надѣлать ихъ поземельною собственностью, такъ какъ «земли всѣхъ собственныя дворянскія». Для него было несомнѣнно, что «свобода крестьянъ не токмо обществу вредна, но и пагубна!» — Письмо Сумарокова осталось безъ всякихъ послѣдствій и было только приобщено журналомъ общества.

Черезъ мѣсяць послѣ того, началось представленіе болѣе серьезныхъ отвѣтовъ. Во время засѣданія, 20 декабря 1766 г., т. е. всего черезъ полтора мѣсяца послѣ объявленія о преміи, «г. магистръ Бодинусъ, какъ сказано въ протоколѣ, представилъ въ общество при письмѣ сочиненное имъ рѣшеніе на заданный въ ноябрѣ мѣсяцѣ вопросъ, которое, по принятіи отъ него въ присутствіи членовъ запечатано было обоими секретарями и отдано въ сохраненіе до тѣхъ поръ, пока получено будетъ отъ прочихъ рѣшеніе, въ которое время будетъ читано и съ другими сочиненіями о предположенной матеріи въ сравненіи приведено».

Сочиненіе это сохранилось до сихъ поръ. Оно представляетъ переплетенную въ папку тетрадь изъ прекрасной золотообрѣзной бумаги, которое начинается письмомъ къ обществу, вмѣсто предисловія; затѣмъ, на особой страницѣ, самымъ изящнымъ образомъ, какъ будто печатными буквами, изображено: «пусть въ каждой благородной душѣ для постоянного соревнованія будутъ начертаны благодарность и уваженіе къ изобрѣтателю этой задачи, въ сердцѣ котораго нашло: столько величія». — Авторъ, очевидно, зналъ, кому онъ воскурялъ еяміамъ. Не передавая содержанія этого сочиненія, мы упомянемъ только, что оно кончалось слѣдующимъ привѣтствіемъ Россіи съ самыми цвѣтистыми похвалами Екаторинѣ: «Ну, Россія, исполни твою

священную присягу, пусть благо твоихъ сыновъ будетъ твоимъ собственнымъ; покажи, что ты, наконецъ, стала столь великою, что будешь выше всѣхъ недостатковъ. Благодари Всемогущаго за то счастье, что тобою управляетъ вождь, въ которомъ сердце вѣжнѣйшей матери такъ удачно соединяется съ духомъ величія... Екатерина—не господинъ твой, она твой отецъ, мудрый наставникъ, другъ... Сообразуй свой долгъ съ ея желаніемъ; ты заслужишь такимъ образомъ славу, что одержала побѣду надъ рабствомъ».

Но Россіи, одинъ изъ лучшихъ писателей которой чуть не съ пѣной у рта говорилъ объ уничтоженіи крѣпостного права, было еще далеко до этой побѣды. Такимъ образомъ, чуть не обруганное русскимъ поэтомъ и привѣтствуемое иностранцемъ, который на этотъ разъ послужилъ выразителемъ чувствъ «молодой Россіи», встрѣтивъ такіа противоположныя обращенія къ себѣ, экономическое общество готовилось къ исполненію обязанности, которую пришлось ему возложить на себя, по желанію императрицы, т. е., осиливать одно за другимъ отвѣтныя сочиненія. Что касается Бодинуса (т. е. Бодена), то онъ напрасно такъ спѣшилъ: его сочиненіе, быть можетъ, потому, что онъ подписалъ свое имя, вовсе не попало въ конкурсъ; оно было настолько забыто, что даже не было включено въ списокъ всѣхъ представленныхъ сочиненій. Но за нимъ остается заслуга, что онъ первый привѣтствовалъ доброе дѣло.—Какъ бы подготовленіемъ для общества къ предстоявшему ему труду послужило то, что въ засѣданіи 10-го января 1767 г., И. И. Мелиссино, извѣстный своимъ свободомысліемъ въ вопросахъ религіозныхъ, прочиталъ по-нѣмецки «Права, данныя К. Ф. Шульцемъ ашераденскимъ и рѣмерсгосфскимъ крестьянамъ»; общество постановило «имѣть ихъ только для одного свѣденія»; вызвало ли это чтеніе какія-нибудь разсужденія—изъ протокола не видно.

Черезъ недѣлю послѣ того, былъ полученъ первый, занесенный въ общій списокъ отвѣтъ на задачу общества, и затѣмъ они стали быстро поступать одинъ за другимъ. Рѣшено было заблаговременно сообщать ихъ на разсмотрѣніе членовъ общества, а изъ предосторожности, чтобы во время пересылки ихъ отъ одного къ другому они не сдѣлались бы извѣстны людямъ постороннимъ, сдѣланъ былъ ящикъ съ замкомъ и съ такимъ количествомъ ключей, сколько было членовъ въ обществѣ. Каждый, по прочтеніи рукописи, запиралъ ее въ ящикъ и такимъ образомъ пересылалъ къ другому. Въ этихъ предосторожностяхъ несомнѣнно сказывались опасенія, чтобы вѣсти объ освободительныхъ планахъ не возбудили толковъ въ народѣ и не увеличили бы еще

болѣе волненій среди крѣпостныхъ крестьянъ, которыя именно въ это время приняли довольно значительные размѣры.

Срокомъ представленія сочиненій было назначено 1-е ноября 1767 года, но такъ какъ по случаю пребыванія двора въ Москвѣ, многіе члены общества находились въ отсутствіи, то рѣшили назначить другой срокъ — первое собраніе послѣ дня рожденія императрицы, а именно 22-го апрѣля 1768 г. Отсрочка эта оказалась весьма полезной, такъ какъ до того времени было представлено всего 45 сочиненій и въ томъ числѣ не было ни одного изъ тѣхъ 5 отвѣтовъ, которые впоследствии были признаны самыми лучшими. Вслѣдствіе того, что отвѣты на задачу общества продолжали поступать въ весьма значительномъ количествѣ, въ началѣ февраля 1768 г. рѣшено было для чтенія ихъ назначить экстраординарныя собранія. Однако, въ слѣдующее же засѣданіе общества нашли, что читать рукописи подрядъ въ общемъ собраніи — невозможно и что слѣдуетъ назначить комиссію, которая указывали бы ему на труды, заслуживающія общаго вниманія, а объ остальныхъ представляли бы только свое мнѣніе. Такъ и сдѣлали. Выбрали 3 комиссіи: въ первую, которая должна была разсматривать русскія и французскія сочиненія, выбраны были гр. И. Г. Чернышевъ, гр. З. Г. Чернышевъ, Теплоу и Таубертъ, во вторую для нѣмецкихъ и латинскихъ сочиненій Мелиссино, Таубертъ, Клингштетъ и Нартонъ; въ третью, исключительно для нѣмецкихъ, академики Леонардъ и Альбрехтъ Эйлеры, членъ медицинской комиссіи Модель и майоръ фонъ-Вульфъ (или Вольфъ), съ мнѣніями котораго по крестьянскому вопросу мы будемъ еще имѣть случай познакомиться. Уже въ слѣдующемъ засѣданіи комиссіи начали представлять обществу свои отчеты, при чемъ болѣе интересныя пьесы тутъ же и прочитывались, но потомъ пришлось ограничить чтенія въ общемъ собраніи только тѣми трудами, которые были признаны достойными вступить въ конкурсъ.

Нельзя не отмѣтить слѣдующаго любопытнаго обстоятельства: отвѣты на нѣмецкомъ языкѣ подъ №№ 5 и 6 были общимъ собраніемъ уничтожены. Мы не можемъ объяснить этого только тѣмъ, что они найдены были неудовлетворительными, такъ какъ одобренныя въ томъ же засѣданіи пьесы подъ №№ 1 и 2, а также и впоследствии одобряемыя сочиненія не подвергались этой участи, такъ что многія изъ нихъ сохранились и до настоящаго времени; остается только предположить, что онѣ были написаны слишкомъ рѣзко и общество сочло опаснымъ ихъ храненіе.

Въ засѣданіи 19-го марта рѣшено было впредь отвѣтовъ не

принимать. Къ этому времени ихъ было уже получено 160 штукъ, да послѣ того поступило и занесено въ списокъ, хотя и не допущено въ конкурсъ, 4 сочиненія.

Изъ всѣхъ 162 сочиненій (такъ какъ два отвѣта были въ 2 экземплярахъ) огромное большинство, именно 129, было нѣмецкихъ, 21 французскихъ, 7 русскихъ, 3 латинскихъ, 1 на голландскомъ языкѣ и 1 на шведскомъ. Въ числѣ нѣмецкихъ было даже два печатныя: одно доктора Меркля изъ Эрфурта, другое Гесса, посвященное датской королевѣ. Сочиненія были присланы изъ всѣхъ концовъ Европы; такъ, напримѣръ, нѣмецкія изъ Лейпцига, Бадена, Нюрнберга, Праги, Берлина, Штральзунда, Аугсбурга, Варшавы и т. д. Кромѣ того, извѣстно, что одно сочиненіе было получено съ острова Эзеля, 4 изъ Лифляндіи (изъ нихъ 3 сохранилось) и 1 отъ петербургскаго жителя, Французскія были, между прочимъ, присланы изъ Парижа, Нанта, Ахена, Лимбурга, Маастрихта и Берлина. Одно изъ французскихъ сочиненій было получено изъ Италіи чрезъ русскаго посланника въ Вѣнѣ, кн. Голицына, «отъ командующаго въ Майландскомъ городѣ Дёрнисѣ, что при Торгонѣ, г. Юс. Амт. Аллегрини». Что касается русскихъ отвѣтовъ, то извѣстно, что два изъ нихъ были присланы изъ Москвы и 1 изъ Петербурга (Полѣнова); 2 доставлены были намъ послѣ срока и потому въ конкурсъ не вступили.

Изъ нѣмецкихъ сочиненій одно было составлено въ формѣ разговора между дворяниномъ, патриотомъ и крестьяниномъ (по отзыву комиссіи оно было «жалкое»), другое, какъ оказалось, было «силлогизмами и доказательствами выведенное», а третье даже въ стихахъ съ девизомъ: «pour la bonne bouche».

Многіе девизы уже заранѣе указывали въ общихъ чертахъ на направленіе сочиненія. Такъ напримѣръ, девизъ «*fautor optatum, nec inimicus plebis*» (доброжелатель вельможъ, но не врагъ и народа), или «*dass der Verstand über die Empfindung herrsche*» (пусть разумъ господствуетъ надъ чувствомъ) намекаютъ на то, что авторы ихъ едва ли принадлежали къ числу аболіціонистовъ; но въ большинствѣ случаевъ девизы отличаются совершенно другимъ характеромъ ¹. Изъ русскихъ сочиненій одно

¹ Такъ напримѣръ, «*tandem bona causa triumphat*» (наконецъ-то доброе дѣло торжествуетъ), «*nach langem Hoffen endlich getroffen*» (наконецъ-то дождался), «*pro genere humano*» (за человѣчскій родъ), «*laeti nunc este coloni*» (радуйтесь, земледѣльцы), «*salus reipublicae salutis coloni juncta*» (благо государства связано съ благомъ крестьянина), «*Freiheit und Eigenthum*» (свобода и собственность), «*beatus ille, qui paterna rura bobus exercet suis*» (блаженъ, кто отческую землю обрабатываетъ своими быками), «*der Bauer*

было прислано подъ девизомъ: «*nes spes libertatis erat, nes cura resulii*» (не было ни надежды на свободу, ни заботы объ имуществѣ), которымъ авторъ указывалъ на вредное вліяніе крѣпостного права на земледѣльцевъ; другое же имѣло девизъ еще болѣе любопытный: «егда благо плывеши, паче воспоминай бурю», очевидно, намекавшій на опасность сохраненія крѣпостного права.

Нѣсколько сочиненій было прислано совершенно безъ девиза и имени автора, въ томъ числѣ и 2 русскія; за то было нѣсколько иностранныхъ трудовъ, съ полнымъ именемъ составителей; такихъ къ конкурсу не допускали.

Содержаніе недошедшихъ сочиненій иногда указывается также краткими отзывами о нихъ въ журналахъ общества, напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ сказано: «весьма сокращенная пьеса, но болѣе части съ примѣрами изъ Библии выбранная», о другомъ: «весьма обстоятельное юмористическое сочиненіе», о третьемъ: «дѣлаетъ дурныя и смѣшныя предложенія».

Сочиненія, по мѣрѣ ихъ поступленія, прочитывались въ коммиссіяхъ или комитетахъ, затѣмъ, одобренныя ими, выслушивались въ общемъ собраніи и, если ихъ находили того достойными, зачислялись въ число конкурсныхъ. Всѣхъ такихъ конкурсныхъ отвѣтовъ оказалось 15, но заранѣе было видно, что предпочтеніе будетъ отдано французскому сочиненію съ девизомъ: «*in favorem libertatis omnia jura clamant, mais est modus in rebus*» (въ пользу свободы вопіютъ всѣ права, но есть мѣра всему); его прочли въ то же засѣданіе, какъ только оно было получено (5-го марта 1763 года) и общество единогласно признало эту пьесу «за наилучшую изъ всѣхъ тѣхъ, кои по сіе время читаны были въ общемъ собраніи, почему положена въ конкурсъ и согласенось дать ей 7 градусовъ» (масонское выраженіе). Однако же, автору ея не была немедленно назначена премія, а рѣшено было пересмотрѣть всѣ 15 назначенныхъ въ конкурсъ пьесъ¹ въ особомъ комитетѣ. Членами его были избраны: гр. З. Г. Чернышевъ, гр. Александръ Серг. Строгановъ, гр. Вл. Г. Орловъ, Таубертъ, фонъ-Клингштетъ и Эпинусъ. Сочиненіе, которое будетъ признано достойнымъ награды, единогласно опредѣлено было перевести на русскій языкъ, но напечатать ли его или нѣтъ, предполагалось

---

egnährt uns alle» (крестъянинъ питаетъ насъ всѣхъ); сюда же относится французскій девизъ, выражающій удивленіе, что и на берегахъ Невы нашлись друзья человечества (*l'on est donc amis de l'humanité sur les bords de la Neva*).—Двойственное направленіе сочиненія Беарде-де-Лабея также видно изъ его девиза.

¹ Въ томъ числѣ было 9 нѣмецкихъ, 5 французскихъ и 1 русская; изъ нихъ до насъ дошло 9 сочиненій.

рѣшить въ послѣдствіи. Авторъ пьесъ, которыя признаны будутъ наиболѣе подходящими по достоинству къ награжденію медалью (о такихъ сочиненіяхъ говорили, что они получили *accessit*), рѣшено было пригласить сдѣлаться членами вольнаго экономическаго общества, медали же имъ не давать ¹.

Въ засѣданіи 9-го апрѣля члены комитета, на который была возложена обязанность вновь пересмотрѣть всѣ конкурсныя пьесы, заявили, что награды достойно сочиненіе уже прежде признанное лучшимъ, авторомъ которой оказался Беарде де-Лабеи (Beardé de L'Abaye), докторъ правъ въ Ахенѣ. Рѣшено было, перевести его статью, поднести вмѣстѣ съ оригиналомъ императрицѣ и ожидать ея рѣшенія, печатать ли это сочиненіе такъ, какъ оно написано, или съ нѣкоторыми перемѣнами. Вслѣдъ затѣмъ было объявлено и въ газетахъ о назначеніи преміи Беарде-де-Лабею.

Что касается остальныхъ 14-ти конкурсныхъ сочиненій, то единственное изъ нихъ, написанное по-русски, возбудило пренія въ комитетѣ. «Россійская піеса подъ № 148 съ девизомъ: «*plus boni mores valent, quam bonae leges* (добрыя нравы имѣютъ болѣе силы, чѣмъ хорошіе законы)», сказано было въ представленіи комитета общему собранію, «хотя отъ нѣкоторыхъ членовъ нашего комитета и признана за лучшую и основательнѣйшую послѣ № 154, почему слѣдовало бы ей дать *accessit*, но другія, разсмотрѣвъ сверхъ матеріи и самый слогъ, находятъ въ ономъ *многія надъ мѣру сильная и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія*, и потому за нужное признають, что если кому въ собраніи знаешь авторъ, то чрезъ него велѣть ему немедленно оное переправить и тогда его пьесу также включить во второй классъ и удостоить опредѣленныхъ тому классу преимуществъ, *кроме печатанія* ². Относительно этого сочиненія, авторомъ котораго оказался академическій переводчикъ Полѣновъ, общее собраніе, въ которомъ не присутствовали многіе либеральные члены, настоявшіе потомъ на напечатаніи по-русски сочиненія Беарде де-Лабеи (и именно гр. Г. Г. Орловъ, Р. Воронцовъ, Тешловъ, гр. И. Чернышевъ, Сиверсъ и Мелиссино)—рѣшило «пріобщить къ прочимъ пьесамъ, вступившимъ во второй классъ, однако, оныя не печатать». Относительно остальныхъ конкурсныхъ пьесъ, собраніе утвердило мнѣніе комитета, по которому тремъ сочиненіямъ (сверхъ труда Полѣнова) дано было *accessit*, а именно нѣ-

¹ Это было измѣнено: изъ 4 авторовъ, сочиненіямъ которыхъ дано было *accessit*, двое получили медали.

² См. «Русск. Архивъ» 1875 г., ст. «А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII вѣка».

мецкимъ Вёлльнера, впоследствии бывшаго въ Пруссіи министромъ, и лифляндца Мека, и французскому—Граслена изъ Нанта. Кромѣ того, 5 пьесъ заслужили похвальный отзывъ общества, остальные же были забракованы. Послѣ этого, записки съ именами авторовъ всѣхъ неодобренныхъ пьесъ были сожжены. Сочиненія Беарде-де-Лабея и 3 другія иностранныя пьесы вѣжливо было печатать въ подлинникѣ, а первое, кромѣ того, было переведено. Когда переводъ сочиненія Беарде-де-Лабея былъ представленъ императрицѣ, она сказала, что не находитъ въ этомъ трудѣ ничего такого, чего нельзя было бы напечатать, однако, оставляетъ на усмотрѣніе общества, печатать его или нѣтъ.

Такъ какъ въ засѣданіе 9-го іюля явилось всего 6 членовъ, то они не отважились взять на свою отвѣтственность рѣшеніе такого важнаго вопроса, какъ-то, печатать или нѣтъ переводъ пьесы Беарде-де-Лабея, и постановили созвать съ этою цѣлію, черезъ 10 дней, полное собраніе, при чемъ неявившіеся члены обязывались письменно извѣстить о своемъ мнѣніи. Несмотря на то, и 16-го іюля собрались не всѣ члены и притомъ опять-таки отсутствовали тѣ, которыхъ не было при рѣшеніи вопроса о печатаніи сочиненія Пюльнова. Явилось всего 12 человекъ, изъ которыхъ двое имѣли по 2 голоса (за себя и по довѣренности отъ отсутствующаго члена), кромѣ того, Альбрехтъ Эйлеръ представилъ письменное мнѣніе своего отца, что переводъ можно напечатать и продавать. По баллотированію, изъ 15-ти голосовъ оказалось согласныхъ на напечатаніе, если не считать письменнаго мнѣнія старшаго Эйлера, только два голоса и несогласныхъ 12. Изъ этихъ двухъ либеральныхъ голосовъ одинъ несомнѣнно принадлежалъ гр. А. С. Строганову, какъ видно изъ того, что онъ жертвовалъ своими деньгами на переводъ сочиненія Беарде и желалъ какъ можно мягче обходиться съ своими крестьянами; другой принадлежалъ, вѣроятно, Тауберту, какъ человеку, близко стоящему къ императрицѣ: онъ былъ ея библиотекаремъ и первымъ основателемъ общества. Послѣ баллотировки явился въ собраніе Олсуфьевъ и примкнулъ къ числу несогласныхъ на напечатаніе. Потомъ поступили еще два письменные отзыва графовъ Г. Г. и В. Г. Орловыхъ, что сочиненіе Беарде-де-Лабея можно печатать не только на французскомъ, но и на русскомъ языкахъ. Польманъ и Черкасовъ передали голоса свои Вольфу, который еще прежде баллотированія заявилъ письменно, что ни одна изъ пьесъ не заслуживаетъ награды, а потому печатать ихъ не должно. Генераль-прескуроръ кн. Ваземскій, въ присланномъ имъ ствѣтѣ сослался на то, что получившее премію сочиненіе было прочитано на французскомъ языкѣ, котораго

омъ не знаетъ и потому предоставляетъ рѣшить это дѣло другимъ.

Такимъ образомъ, оказалось 5 голосовъ за печатаніе перевода и 16 *противъ*; несмотря на то, окончательное рѣшеніе было отложено до слѣдующаго собранія, на томъ основаніи, что нѣкоторые члены не только не явились сами, но и письменно не заявили о своемъ мнѣніи.

Собраніе, состоявшееся черезъ недѣлю, было еще малочисленнѣе: явилось всего 7 членовъ. Но за то присланы были письменныя заявленія отъ всѣхъ остальныхъ членовъ, кромѣ академика Миллера (который жилъ тогда въ Москвѣ), и на этотъ разъ все мнѣнія людей, принадлежавшихъ къ либеральной партіи въ крестьянскомъ вопросѣ. Гр. Р. И. Воронцовъ заявилъ, что переведенное сочиненіе достойно напечатанія и публика, пользуясь имъ, можетъ получать добрые плоды. Согласіе на напечатаніе выразили также графы Чернышевъ, Теплоуъ, Сиверсъ и Мелисино. Такимъ образомъ, оказывалось *за* напечатаніе 11, а если считать голосъ императрицы—12, а *противъ* — 16 голосовъ. Но такъ какъ лица высокопоставленныя были за напечатаніе, то нужно было найти какой-нибудь выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Тогда Таубертъ, Клингштетъ и Штелинь, въ письменномъ представленіи, указали на то, что «тѣмъ российскимъ господамъ, правящимъ важнѣйшими въ государствѣ должностями, которые письменно сообщили свое мнѣніе, чтобы напечатать помянутую пьесу, приличествуетъ лучше и превосходнѣе, нежели прочимъ, разсуждать о такой матеріи, которая касается больше до политической, нежели до экономической задачи; а прочія персоны, которыя, можетъ быть, не приобрѣли довольно въ томъ познанія, не въ состояніи столь важно, какъ оныя, разсуждать о могущемъ произойти отъ такого изданія нечувствительномъ или важномъ дѣйствіи». Поэтому они предложили собранію согласиться съ мнѣніемъ этихъ членовъ; предложеніе это было принято и опредѣлено переводъ сочиненія Беарде напечатать. Нельзя не обратить вниманія на то, что во всей этой исторіи болѣе либеральными оказались русскіе члены собранія, изъ нѣмцевъ же огромное большинство было *противъ* напечатанія перевода даже такого сочиненія по крестьянскому вопросу, какъ трудъ Беарде-де-Лабея, который, въ сущности, отлагалъ рѣшеніе этого дѣла въ долгій ящикъ.

Въ 1768 году въ Петербургѣ вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ: «Dissertation qui a remporté le prix sur la question proposée en 1766 par la société d'économie et d'agriculture à St. Pétersbourg, à laquelle on a joint les pièces qui ont eues

l'accessit. Здѣсь, кромѣ сочиненія Беарде-де-Лабеля были напечатаны отвѣты Вёлльнера (пс-нѣмецки) съ девизомъ *Catharina*, француза Граслена, сочиненіе лифляндца Мека и списокъ всѣхъ, присланныхъ на конкурсъ отвѣтовъ (трудъ Полѣнова былъ напечатанъ только въ 1768 г.). Кромѣ 4-хъ названныхъ сочиненій, тогда же увидѣвшихъ свѣтъ, были уже присланы печатными нѣмецкіе труды доктора Меркеля и Гесса. Что касается остальныхъ ненапечатанныхъ сочиненій, то изъ всѣхъ 162-хъ, занесенныхъ въ списокъ отвѣтовъ, сохранилось въ рукописи только 31, въ томъ числѣ есть весьма интересная для насъ рукопись труда Полѣнова и неполная рукопись сочиненія Беарде-де-Лабеля; кромѣ того, есть еще три сочиненія, непопавшія въ списокъ. Такимъ образомъ, изъ 162-хъ отвѣтовъ въ распоряженіи науки въ настоящее время находится, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ 39 сочиненій, т. е. почти четверть всего числа; этого, разумѣется, совершенно достаточно, чтобы познакомиться съ общимъ характеромъ тогдашнихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ не только въ Россіи, но даже и въ Европѣ. Нельзя только не пожалѣть, что до насъ не дошло, кромѣ труда Полѣнова, ни одного изъ семи русскихъ отвѣтовъ, тѣмъ болѣе, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ были довольно пикантные девизы.

В. И. Семеновскій.

МОЛОДЫЕ ПОБѢГИ ОТЪ СТАРЫХЪ КОРНЕЙ.

Мефистофель на распашку.

I.

Года два тому назадъ, я имѣлъ несчастіе проводить лѣто на Черной Рѣчкѣ. И наслаждался. Неопровержимая основа религіи Будды гласитъ, что горе составляетъ суть земного бытія, и что бытіе это слѣдуетъ употреблять на облегченіе страданій ближняго. Всякому петербуржцу лѣтомъ слѣдуетъ набираться благодушія, дабы осенью, среди грязи и ненужной трескотни, не кусать, по крайней мѣрѣ, своихъ ближнихъ слишкомъ больно. Поэтому, въ относительной тишинѣ, и относительномъ же благораствореніи воздухонъ, на Черной рѣчкѣ—я наслаждался.

Мой единственный слуга—бойкоглазый подмосковный юноша, дѣятельно таскалъ, сначала украдкой, а потомъ и съ моего позволенія, книги изъ моей бібліотеки и зачитывался ими до сладостнаго всезабвенія, напоминавшаго мнѣ, съ одной стороны, мои нѣжно юношескіе годы, а съ другой, ученіе великаго Будды о блаженствѣ Нирвана. Весь поглощенный новымъ счастьемъ, въ которое погружали его «Мцыри», «Русланъ», или «Коробейники», онъ почти никогда не отзывался ни на мой зовъ, ни на мой колокольчикъ. Заставить его выучиться варить мнѣ лѣтние щи и готовить битки у меня не хватало духу. Даже не хватало духу посылать его съ судками въ ближайшій ресторанъ. Поэтому, ежедневно въ пятомъ часу дня, я направлялъ къ этому ресторану свои собственныя стопы и, пройдя очень часто подъ солнечнымъ пѣломъ съ версту безъ малаго, съ наслажденіемъ усаживался за приборъ въ одной изъ тѣнистыхъ древесныхъ бесѣдочекъ рестораннаго садика, который огибала рѣчка.

Обыкновенно я обѣдалъ въ одиночествѣ. Говорятъ, будто бы

въ пикничный сезонъ зимой, и даже лѣтомъ около полуночи, тутъ жизнь, и даже любовь бѣгетъ ключомъ; но въ часы моего обѣда я никогда никого, кромѣ татарина во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, подававшего мнѣ обѣдъ, не видалъ и развлекать себя могъ только наблюденіемъ за пауками сухопутными и водяными. Первые безпрепятственно и дѣятельно ткали свои тенета и въ окружавшей меня зелени, и на занятой мною скамейкѣ; иногда удостоивали даже на невидимой нити быстро спускаться къ самой моей тарелкѣ. Я ихъ никогда не уничтожалъ, во-первыхъ потому, что исповѣдую ученіе того же Будды: «помогай жить всему живущему», во-вторыхъ, потому, что французская примѣта есть: *agaînéé du soir, grand espoir*. Я суевѣренъ; давно потерялъ надежду вообще, но не прочь былъ бы, однако, отыскать ее хотя бы при помощи паука. Надежда такой удобной для домашняго обихода предметъ, что безъ нея чувствуешь себя неловко, точно безъ галстука въ гостяхъ. Водяные пауки почти у самыхъ моихъ ногъ по черной поверхности удачно названной рѣчки, скользили, сталкивались и разбѣгались, появлялись и исчезали, быстро безцѣльно, бесполезно какъ человѣческія мысли по черной поверхности жизни земной.

Иногда мошка, нѣжно жужжа, толкалась подъ вѣтвями въ полсъ солнечнаго свѣта. И это меня радовало, ибо, какъ извѣстно, это явленіе, не смотря на свое сходство съ толченіемъ воды, обѣщаетъ нѣчто существенно пріятное—теплую погоду.

Однажды, придя обѣдать нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, я, къ великому своему изумленію, услышалъ два мужскіе голоса въ сосѣдней древесной же бесѣдкѣ, и, рассмотрѣвъ сквозь вѣтви акаціи гладко обстриженный жирный затылокъ большущей круглой головы, плотно, безъ посредства шеи, вдавленной въ широкія плечи, и массивную характерную спину. Такія спины бываютъ обыкновенно у людей, которыхъ принято считать баловнями судьбы и природы, ибо они отлично ѣдятъ, отлично пьютъ, отлично спятъ, и когда нужно отлично могутъ обходиться безъ сна; такіе люди обыкновенно лѣзутъ врозь и жирѣютъ, не утрачивая ни мускульной силы, ни подвижности, ни даже эластичности ума.

Обладателя этой счастливой спины я положительно гдѣ-то видалъ. Другого господина отъ меня закрывали колонка бесѣдки и кустъ. Но оба голоса были какъ будто знакомые. Они, особенно широкая спина, разговаривали, очевидно не стѣсняясь ессѣдствомъ чужого человѣка, т. е. меня, отъ котораго ихъ отдѣляли только двѣ жиденькія стѣнки болѣзненныхъ прибалтійскихъ акацій. И я безъ церемоніи сталъ слушать.

— Замучишь ты своихъ заглохловцевъ всѣми этими глупостями. Шутка! пятнадцать добровольныхъ благотворительныхъ обществъ настроилъ, а тебя отвеземъ мы въ желтой домъ на Петергофскомъ шоссе, говорилъ жирный басъ, принадлежавшій жирнымъ спинѣ и затылку.—И къ чему ты все это выдумываешь?

— Я не понимаю этого, съ легкой дѣланой досадой говорилъ голосъ невидимаго мнѣ собесѣдника, голосъ мягкій даже пріятный, но отличающійся той шероховатостью, которая отличаетъ людей, привыкшихъ разговаривать только съ низшими:—я этого не понимаю, пош снэг, чтобы чуть ступилъ шагъ и награды проси и благодарности... Я вижу, что полезно и—дѣлаю полезное.

— Ну, какая польза, скажи, пожалуйста?

— Пфа, пфа! какая польза!

— Ну, хоть отъ твоего заглохловскаго общества покровительства животнымъ? Выучилъ что ли мужика весной коровъ не морить съ голоду?

— Пфа, коровъ, коровъ. Мы за извозчиками наблюдаемъ. И какъ еще; я тебѣ расскажу поразительный случай. Зимой, генералъ В. ночью шелъ изъ клуба. На разводномъ мосту извозчикъ бьетъ лошадь, за то что она не могла подняться; гололедица была, подъемъ высокій. Это ужасно. Это изъясненіе, понимаешь? А?

— Ну, понимаю.

— В—нѣ, членъ общества покровительства животныхъ, сейчасъ свой билетъ показалъ извозчику, и потребовалъ, чтобы онъ пересталъ мучить бѣдную лошадь. А мужикъ бьетъ, бьетъ себѣ. Тогда... да вѣтъ, ты представь себѣ, вѣдь это генералъ, онъ очень сильный, представь себѣ, онъ сейчасъ далъ извозчику здоровую затрещину, а лошадь самъ своими руками привелъ въ полицію. Представь себѣ, вѣдь онъ генералъ. А не будь онъ членомъ общества...

Широкая спина колыхалась, какъ грудь при быстромъ усиленномъ вдыханіи. Толстакъ беззвучно хохоталъ.

— Воду вы толчете, а по твоимъ бокамъ я думаю пестомъ достается, пропустилъ онъ сквозъ смѣхъ.

— Что, воду толчемъ? какъ по моимъ бокамъ?

— Попочка! ты у меня, такой же недоумокъ, какъ и въ школѣ былъ. Въ чины вышелъ—ума не вывезъ.

— Да мы не воду толчемъ, да...

— Воду толочь значить, братецъ, надъ пустяками нутро надрывать. А твоимъ бокамъ достается—значить по русски, что это пустодѣлье тебя самого больше всѣхъ обременяетъ. Понялъ?

— Ну, вотъ обременяетъ, я привыкъ къ дѣятельности; я при-

выкъ къ заботамъ. Ты ничего этого не понимаешь. У меня работы много, по горло, но справляться умѣю... Да развѣ ты не толчешь воду? Я не могъ бы такъ жить, какъ ты; ты членъ чуть не дюжины правленій, пишешь безпрестанно проекты, выдумываешь компаніи.

— Это ты себя со мной сравниваешь!! Хо-хо! дружище. Я братъ, не воду толку, а деньги наживаю. Меня же на столько хватить, давали бы деньги. Ты на себя погляди, да на меня. Ты весь изсохъ, а я, слава Богу, видишь. Меня не на семь, а на семьдесятъ совѣтовъ и правленій хватить, лишь бы кормили, да поили хорошо; моя туша не израсходуется. Я дѣло дѣлаю, а заботы у меня нѣтъ. А тебѣ кто ни плюнь—все забота; все ты сохнешь. Обновлялась Россія, какъ по вашему говорилось—говорилось, попочка, нынче больше не говорится—ты отъ радостнаго волненія сохъ, отъ желанія усердно обновлять... Передышка обновленія прошла—опять ты сохнешь, куска не доѣдаешь, какъ бы что помимо твоего вѣдома со стараго разбѣга обновиться не вздумали. А я ни въ эти ваши обновленія, ни въ эти передышки не вѣрвалъ, и жилъ спокойно, думалъ о хлѣбѣ насущномъ и добывалъ его. Люди всегда останутся людьми, наше дѣло имъ понятно: хлѣбъ добывать, они его нащупываютъ, это дѣло, а всѣ ваши эмпиреи—толченые воды.

Толстякъ передохнулъ и что-то захлебавъ съ ложки, собесѣдникъ собирался что-то возражать, но онъ его успѣлъ перебить.

— Видишь, ты сегодня по министерствамъ мыкался, поди, все утро. Сколькимъ швейцарамъ по синенькой роздалъ...

— Хе, хе, ты это знаешь... хе. Сегодня только одному швейцару... Зато онъ мнѣ всегда даетъ знать, когда можно князя видѣть, или съ его секретаремъ переговорить, когда удобнѣе. Это необходимо швейцарамъ давать.

— Знаю, что необходимо. Я часто не по синенькой, а случается, что и Петра суну имъ въ руку. Да зато я не то за свои деньги и получаю. Ну, а ты вотъ все-таки съ десятаго часу мыкался по лѣстницамъ, душу, я думаю, всю засушилъ; я тебя изъ жалости перехватилъ, вижу, человекъ языкъ высунулъ, того и гляди, чего добраго, водобоязнь съ петербургскихъ швейцарскихъ наживетъ; о животныхъ клачахъ соболѣзнуешь, а съ собою обращается самымъ жестокимъ образомъ... Видишь, у меня сердце тоже доброе, даромъ, что филантропией не занимаюсь. Поймалъ я тебя, думалъ, что ты хоть холоденькимъ душу отведешь, а ты и стакана не допилъ. Я весь крющонъ выдулъ одинъ...

— Не могу, не могу, mon cher, отвѣчалъ тотъ же мягкій

голосъ съ отгѣнкомъ кислаго страданія:—не могу. Ты знаешь, у меня катарръ желудка, въ Виши бы надо было поѣхать, да нельзя.

— То-то вотъ, катарръ желудка. А я, видишь, только у Медузочки побывалъ сегодня утромъ, и такой аппетитъ приобрѣлъ, что мнѣ этой ботвиньи мало. А черезъ два часа буду обѣдать. Приѣзжай; жена будетъ рада, она тоже по части филантропіи...

Какое-то восклицаніе ужаса и благоговѣнія вырвалось изъ груди невидимаго собесѣдника.

— Ну, вотъ видишь. Тебѣ даже страшно подумать: Медузочка, ботвинья и шампанское передъ обѣдомъ. Гдѣ же тебѣ, конечно, за нашимъ братомъ угонаться. Толки себѣ воду въ Заглоховѣ, ужъ коли такая охота есть, да себя не заволаживай. Однимъ человѣкомъ всѣхъ дыръ не заткнешь.

Собесѣдникъ, очевидно, не былъ расположенъ убѣдить пріятеля въ томъ, что направляемая имъ кипучая дѣятельность заглоховской провинціи—не чепуха. Не потому ли, что самъ онъ не былъ твердо увѣренъ въ этомъ. Но дѣйствительно, утомленный, съ пересохшимъ горломъ—это слышалось въ звукѣ его голоса—ради поддержанія разговора, возражалъ, что онъ дескать не одинъ, что у него помощники, и вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то очень пріятное и вмѣстѣ забавное, затрусилъ сухенькимъ смѣхомъ и объявилъ не безъ гордости:

— Я, братецъ, такого человѣка досталъ, что и ты бы не прочь былъ его имѣть при себѣ. И знаешь, онъ мнѣ тебя, en laid, разумѣется, en laid, mon cher, хе, хе, хе, хе, тебя напоминаетъ... хи, хи, такой же здоровый, крупный. Какъ поэтъ! И что онъ можетъ дѣлать, это, это... просто непостижимо...

— Ммъ-ммъ-му, поощрялъ толстякъ, подбирая языкомъ съ усомъ ботвинью. Ему, видимо, надоѣло говорить.—Мм-му, что за человѣкъ такой?..

— Онъ у меня во всѣхъ комитетахъ, обществахъ, т. е. вездѣ, гдѣ надо распоряжаться, закупать, строить, собирать деньги, а его вездѣ употребляю съ козьяйственной цѣлью. Неоцѣнимъ. Я бы его назначилъ исправникомъ, да жалко отъ себя отпустить. Я его къ канцеляріи причислилъ, т. е., лучшаго помощника себѣ, вице-губернатора даже, не желалъ бы имѣть. Жаль только, что неотесанъ. Прямодушень, но грубъ. Совсѣмъ неотесанъ. Я люблю откровенность, люблю прямодушіе. Но, знаешь, нужна представительность, а онъ совсѣмъ неотесанъ, въ третій разъ повторилъ собесѣдникъ полюбившееся русское слово.

— Гдѣ же ты этокое неописанное прямодушіе выкопалъ,
Т. ССXLVI.—Отд. I.

попочка? спросила жирная спина, отодвинувъ ботвинью и доставая изъ кармана сигары.—Прозрѣлъ жемчужное зерно въ кучѣ заглохловскаго навоза?

— Ха, ха, *comme vous vous exprimez!* Мнѣ его рекомендовалъ Калининъ, знаешь, что былъ трущобскимъ предводителемъ, теперь онъ предсѣдатель земской управы. Калининъ его давно знаетъ, этого Крутова; удивительно полезный человѣкъ: что за голова, что за исполнительность! Представь себѣ, человѣкъ стараго вѣка...

— Старше насъ съ тобой?

— Ну, да. Ему лѣтъ за пятьдесятъ, стараго вѣка, никакого образованія. Гдѣ-то въ *grande armée*, хе, юнкеромъ на службу поступилъ; до поручика дослужился, и весь вѣкъ въ трущобскомъ имѣньишкѣ пробылъ, и на всѣ руки. Былъ и дворянскимъ засѣдателемъ, и становымъ, и въ ополченіи въ 1856 году. Калининъ его провелъ нынче въ губернскіе гласные, и мнѣ представлялъ во время земскаго собранія. А я его не могъ не опѣнить, знаешь, въ глаза бросается, и доставилъ его въ Трущобскъ. Представь себѣ, былъ страшнѣйшимъ взяточникомъ...

— Хо, хо, хо, попочка, да ты ли это? Въ восторгъ отъ взяточника приходишь! Ловкій взяточникъ, братецъ, дѣйствительно дѣло первостатейное, только ты до сихъ поръ еще этого не прозрѣлъ. Ты вѣдь, богова душа, и рвешь и мечешь противъ взятокъ. Какъ же ты этого Крутова держишь?..

— Да, *mon cher*, въ томъ-то и дѣло, что онъ былъ взяточникомъ, былъ прежде...

— А теперь?

— Ни, ни. Онъ все такъ просто, откровенно рассказываетъ и мнѣ прямо говорить: я, ваше превосходительство, всякое дѣло могу дѣлать — и въ самомъ дѣлѣ, можетъ. Исполнительнѣе его я человѣка не встрѣчалъ... Въ былое, говоритъ, время у всякаго дѣла было выгодно брать взятки, я и сталъ... и все это рассказываетъ, какъ бралъ, а теперь, говоритъ, ваше превосходительство, невыгодно, подъ вашимъ вліяніемъ и не беру...

— Подъ твоимъ вліяніемъ? А?

— Да, я могу сказать, что подъ моимъ, я ему доказалъ, что невыгодно; мнѣ пріятно помочь человѣку стать на стезю чести.

— И ты помогъ?

— Помогъ.

— Ты, попочка, душка. Ну, а если онъ найдетъ, что брать, такъ-того, выгоднѣе...

— Пфа, фа... у меня-то на глазахъ?..

Жирная спина опять заколыхалась.

— Т. е., кабы я сегодня не былъ у Медузочки, расцѣловалъ бы тебя за твое мудромысліе. А то послѣ Медузочки невкусно.

Покуда я вслушивался въ этотъ разговоръ моя память постепенно сосредоточивалась, освѣжалась. Нѣкоторыя выраженія разговаривающихъ, даже нѣкоторыя восклицанія вызывали въ умѣ представленія, затертая жизнь. Я не сомнѣвался, что благодатная мина принадлежала Тромбону, а мягкошероховатый голосъ Пуху¹. Я присутствовалъ, значитъ, при разговорѣ двухъ школьныхъ товарищей, разошедшихся по разнымъ дорогамъ. Пухъ, постоянно натуживаясь, выслуживалъ въ провинціи пенсіонъ. Тромбонъ, повидимому, никогда ничѣмъ себя не утруждавшій, катался, какъ сыръ въ маслѣ, въ Петербургѣ, непрерывно совидая одно за другимъ миллионныя предпріятія, должествовавши облагодѣтельствовать Россію.

Имя Крутова, одного изъ моихъ трущобскихъ сосѣдей, мелкопомѣстнаго помѣщика, котораго я хорошо зналъ съ дѣтства, сначала удивило меня. Какимъ образомъ имя этого полудикаря попало въ уста этихъ, каждаго по своему блестящихъ и мощныхъ представителей нашей русской цивилизаціи: цивилизаціи бюрократизма и цивилизаціи акцій? Но, мало по малу, вглядываясь памятью въ представшій передъ моимъ воображеніемъ образъ поручика Ларіона Герасимовича Крутова, я уяснилъ себѣ сходство, почти тождество его съ Тромбономъ. Какъ далеко ни стояли они другъ отъ друга по общественному положенію, по матеріальнымъ средствамъ и по образованію, они оба, каждый въ своей сферѣ, являлись представителями одного и того же типа. Нашъ трущобскій острякъ, товарищъ прокурора, прозвалъ Крутова—Мефистофель на распашку.

Переваривая съданный обѣдъ и выслушанныя рѣчи, я вдумывался въ это сближеніе и мнѣ отчетливо припомнился почтенный трущобскій мефистофель, каковымъ я знавалъ его въ нашей глуши въ свѣтлый періодъ реформъ, воодушевлявшихъ всѣхъ насъ надеждами, приводившихъ всѣхъ насъ въ волненіе, то сладостное, то тревожное, кого радовавшихъ, кого раздражавшихъ.

Одинъ только Крутовъ оставался неизмѣненъ. Онъ не сердился и не радовался и даже подтрунивалъ надъ дорогою намъ новизной, какъ подтрунивалъ надъ стариной, презираемой многими изъ нашей среды.

Мои воспоминанія перенесли меня на десять лѣтъ назадъ, съ береговъ Черной Рѣчки на берега трущобскаго озера.

¹ См. «Биржевыя сирени въ Заглоховѣ». «Отеч. Зап.».

*

II.

Это было какъ разъ за нѣсколько дней до начала того самаго рекрутскаго набора, во время окончанія котораго мы побывали въ Трущобскѣ вмѣстѣ съ обоими Краснопуновыми. Крутовъ служилъ тогда по мировымъ учрежденіямъ, въ должности судебного пристава заглоховскаго мирового съѣзда.

Въ двухъ верстахъ отъ города, въ трущобское озеро впадаетъ большая рѣка; около устья ея ловится много рыбы. Поэтому, зимой на льду тутъ нерѣдко можно видѣть весьма оживленную картину: работу многолюднаго тагаса; съѣздъ скупщиковъ рыбы, и катанье празднои заглоховской знати. Въ Заглоховѣ, какъ и вездѣ, есть знать.

Начинало темнѣть и прохватывать вечернимъ морозцемъ. Съ обѣихъ сторонъ устья неслись звуки монастырскаго благовѣста, призывающаго къ вечернямъ. На правомъ берегу стоялъ мужской монастырь; на лѣвомъ — женскій. Дѣла на ловлѣ заканчивались. Длинный полукольцо рыболововъ, тащившихъ изъ большого проруба, въ послѣдній разъ, закинутую сѣть, все больше и больше сближался концами, переходилъ въ полуоваль и начиналъ уже скупиваться. Съ десятокъ развальней, вплотную нагруженныхъ рыбой, были уже бережно покрыты рогожами. Около рыбы, еще не скупленной, большими квадратами и кругами, густо насыпанной на ледъ, коноводы тагаса доторговывались въ перебранку съ кулаками. Серебристые вороха еще трепетали; рыбники еще бились другъ о друга и объ ледъ, вздрагивали, взбрасывали хвостами, беспомощно расширяли жабры и раскрывали круглые рты. Рыболовы поспѣшно пересыпали ихъ сухимъ снѣгомъ, разравнивали снѣгъ лопатами во всю ширь и глубину рыбной массы, чтобы скорѣй ее заморозить. Жизнь застывала, и вся эта игравшая серебромъ масса становилась матовой, безжизненной грудой.

У одной изъ такихъ замиравшихъ и тускнѣвшихъ грудъ стоялъ Крутовъ. Ему было лѣтъ за сорокъ. Продолговатая большая голова плотно всажена, также какъ и у Тромбона, почти безъ посредства шеи въ плотное туловище; благодатная, широкая, но не сгорбленная спина, и высокая грудь; нѣсколько насмѣшливые сѣрые на выкатъ глаза, крѣпкій въ корнѣ, съ горбомъ въ серединѣ, длинноватый носъ, нависшій надъ русыми изъ-рыжа усами, которые въ свою очередь нависли надъ крупнымъ чувственнымъ и вмѣстѣ энергичнымъ ртомъ. Онъ былъ одѣтъ въ дубленный полушубокъ, по которому крестомъ былъ обмотанъ длин-

ный красный вазаный шафъ; въ сѣрые высокіе катанки и котиковую шапку, съѣжавшую немного на затылокъ и обнаруживавшую такимъ образомъ красивый, высокій, хорошо развитой во всѣ стороны лобъ, съ прилипшими къ нему жидкими прядями ржаватыхъ волосъ. Отъ избытка жизненной силы Крутову всегда было жарко, даже на морозѣ.

Въ правомъ огромномъ мускулистомъ кулачищѣ красивой формы, но буромъ и не совсѣмъ опратномъ, онъ держалъ короткую дорожную черешневую трубку. На тагасѣ онъ былъ какъ дома вообще, а теперь находился въ хорошемъ расположеніи духа, ибо только-что покончилъ удачно двѣ коммерческія операціи: 1) сдалъ тагасу свой маленькій водяной участокъ на озерѣ изъ за четвертой рыбы, тогда какъ всѣмъ остальнымъ владѣльцамъ едва удавалось сдавать изъ пятой. 2) Купилъ нѣсколько пудовъ самой крупной рыбы, только что вытасченной изъ воды, прежде чѣмъ на озеро подѣхалъ главный торговецъ, и тутъ же перепродалъ рыбу этому запоздавшему комерсанту, съ барышемъ, разумѣется. Кромѣ этого барыша, который Крутовъ съ большимъ удовольствіемъ запроталъ въ свой сальный бумажникъ, ему доставляло большое удовольствіе возможность подтрунить надъ проптрафившимся передъ своимъ собственнымъ карманомъ кулакомъ рыбо-торговцемъ.

— Ну, закусимъ, да выпьемъ на послѣдяхъ, обратился Крутовъ къ кулаку:— да и по домамъ пора. Ишь они раззвонились.

— Къ вечернямъ, Ларіонъ Герасимовичъ, точно что къ вечернямъ, отвѣчалъ кулакъ.

— Къ вечернямъ! монахи и монашанки, братъ, не хуже насъ съ тобой свое дѣло знаютъ. Ишь дозваниваются, да розно звонять. Знаешь зачѣмъ розно?

Обширный серебрястый колоколъ мужскаго монастыря дозванивалъ густо, басисто, степенно, размѣренно. Съ колокольни женскаго монастыря сыпался спѣшно, спѣшно тонкій перезвонъ мелкихъ колоколовъ.

— Для народа-съ, Ларіонъ Герасимовичъ; Богу молиться чтобы шелъ, полагаю.

— Для себя, братъ, не для народа они звонятъ. Это они другъ дружку зовутъ. Ты слушай только колоколиствъ-то: къ намъ, къ намъ, къ намъ. А трещотки щебечутъ на отвѣтъ: будемъ, будемъ, не забудемъ, будемъ, будемъ, не забудемъ... Ты прислушай-ка.

— Оно точно, прислушиваясь отвѣчалъ кулакъ:— точно выходитъ... Оно точно. Хи-хи-хи. Придумаютъ!

— Ну, давай выпьемъ да закусимъ. Ей ты, Требуха, вриннулъ

Ларіонъ Герасимовичъ тагасному, пересыпавшему снѣгомъ рыбу: — закуску давай...

И Крутовъ вытащилъ изъ кармана своей дублѣнки до половины опорожненный полуштофъ.

— Выпить-съ съ мной удовольствіемъ, Ларіонъ Герасимовичъ, объяснилъ кулакъ, а отъ закусочки:—увольте.

Крутовъ не обратилъ никакого вниманія на это возраженіе. Требуха поднесъ ему въ горсти нѣсколько только-что обмороженныхъ мелкихъ рыбокъ; Крутовъ выбралъ одну, покуда кулакъ глоталъ предложенную ему водку прямо изъ полуштофа, и, оглядѣвъ Требуху, грозно потребовалъ:

— А соли?

— Виновать, батюшка, запоматовалъ, отвѣчалъ тагасный: — есть, батюшка, и сольца есть.

И онъ вытащилъ изъ за-пазухи маленькій узелокъ соли.

Крутовъ взялъ штофъ изъ рукъ кулака, допилъ оставшееся, переломилъ выбранную рыбку, мокнулъ ее переломомъ въ соль, потомъ положилъ въ ротъ, разжевалъ и проглотилъ со вкусомъ.

— Колькѹю сегодня испробовали, Ларіонъ Герасимовичъ? допросилъ Требуха.

— А что? зависть что ли тебя разобрала? Не много; всего четвертую. Водки мало захватилъ. И онъ опустилъ въ карманъ пустой полуштофъ.

— Что же, батюшка, за водкой и сбѣгать можно, паренька пошла, духомъ сбѣжить, угождалъ Требуха.

— Чего бѣгаты! Домой пора. Ишь ночь.

Монастырскій благовѣстъ уже смолкъ; ранніе зимніе сумерки сгущались. Крутовъ подошелъ къ смирно стоявшей, между другими пошевнами и лошадьми, кругленькой сѣтой карей лошаdkѣ, запряженной въ легкія некрашенныя лубяныя саночки. У лошади стояло два мужика въ тулупахъ; одинъ постарше, высокій съ приглуповатой фізіономіей; другой помоложе, тяжелый, кругловатый съ оплывшимъ отъ пьянства лицомъ и яркими маленькими глазами.

— Козель! ты тутъ чего дѣлаешь? спросилъ съ легкимъ изумленіемъ Крутовъ, обращаясь къ старшему.

Оба мужика сняли шапки и поклонились.

— Да вотъ нашихъ некрутовъ въ городъ пригонять къ ночи, такъ поторопились, Ларивонъ Герасимичъ, съ дѣлами къ посреднику, отвѣчалъ младшій.

— Это ему первый наборъ, спросилъ Крутовъ, тенью трубой по направленію къ возлу.

— Первый, Ларивонъ Герасимовичъ, отвѣчали оба въ одинъ голосъ.

— Налапошить онъ.

— Ничего поправимся, ваше-скородіе, лукаво отвѣчалъ младшій.

— Гмъ. Ты-то хватъ, перехватишь. А возла напрасно выбрали. Какой онъ старшина; говорилъ я мужикамъ, не выбирайте дурака. Ну, выбрали, сами и плачьтесь. Ты-то чего-жъ смотрѣлъ на выборахъ? грозно спросилъ Крутовъ младшаго.—Съ нимъ, братъ, [безъ доходовъ наплачешься, въ лапти изъ сапоговъ обуешь.

— Наше дѣло на сходѣ... какъ же можно, ваше-скородіе Ларивонъ Герасимычъ, наше дѣло писарское, сами изволите знать, отвѣчалъ послѣдній.

— Дурачье! про себя произнесъ помѣщикъ и велѣлъ писарю замуздать карьку, а самъ полѣзъ въ сани и взялъ возжи.—Дураки! Дома у себя не хозяинъ, а ужъ какой старшина. Дочь-то твоя, Раиска-то, принесла? вдругъ спросилъ онъ старшину.

Тотъ даже въ лицѣ вспыхнулъ.

— Какъ можно принести, батюшка Ларивонъ Герасимовичъ! жалобно отвѣчалъ онъ:—дѣвка еще, не вѣнчанная.

— Ну, такъ вѣнчай скорѣй, не то принесетъ не въ пору. На дому-то ты ничего не знаешь. А туда же въ степенство лѣзешь. А Сусликовскимъ мужикамъ контрактъ съ управляющимъ утвердилъ въ правленья?

— Засвидѣтельствовали-съ, дѣловито отвѣчалъ писарь за старшину; старшина только утвердительно мотнулъ головой.

— А сколько съ управляющаго взяли?

— Сколько слѣдуетъ по закону.

— Врешь, шельма, врешь, дѣловъ по закону не разочтешь! Управляющій ловко мужиковъ обдулъ. Ахъ, ловко!

— Это не наше дѣло-съ, ваше-скородіе Ларивонъ Герасимовичъ.

— Не ваше? а чье? Дурьё! не берете гдѣ можно.

— Какъ можно-съ, Ларивонъ Герасимовичъ, какъ это можно, боязно пятаясь назадъ и оглядываясь на народъ, стыдливо оправдывался старшина:—какъ это возможно, чтобы братъ не по закону. Надо, чтобы по божески...

— А кто тебѣ дураку говорить, что не по божески. Чего на народъ-то пучишь буркулы? Бойшься, узнають, что берешь. Про тебя, экаго олуха, и не подумаютъ. Глупъ ты. Коли знаютъ, что не берешь, ни страху къ тебѣ, ни уваженья.

— Что это вы, Ларіонъ Герасимовичъ, нашихъ сельскихъ властей развращаете? спросилъ Власть Федуловичъ Краснопуповъ,

недавно прїѣхавшій изъ Петербурга и прогуливавшійся по тагасу вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачомъ.

— Чаго-съ?

— Что вы мужиковъ развращаете, взяточничеству учите?

— Не развращаю, а уму, добру учу. Мы-то дворяне давно обжили съ дѣлами, а имъ-то, мужичью, еще вновь, такъ учить надо. Я и учу, безъ этого нельзя. Глупъ еще мужикъ.

— Ну, ужъ и весь мужикъ глупъ? замѣтилъ Власъ:—умъ, говорятъ, не чортъ съѣлъ.

— Глупъ еще, батюшка, глупъ, необразованъ. А переимчивъ, это правда; живо перейметъ. Вотъ я его и образую теперь.

— Образованіе! какъ бы про себя съ оттѣнкомъ жолчности, замѣтилъ молодой человѣкъ.

— А вечеромъ милости просимъ ко мнѣ на стуколку, батюшка. Добрые люди общали, не откажите, обратился къ Власу и доктору Крутовъ, словно не слыжалъ замѣчанія молодого человѣка, и слегка приподнял шапку.

— Благодарю, можетъ быть, отвѣчалъ удаляясь Краснопузовъ.

Крутовъ плотнѣй усѣлся въ сани и замоталъ на руки возжи.

— Ну, поправъ возжу-то, скомандовалъ онъ старшинѣ:— ишь за оглоблю замоталась. Да вы въ городъ, что ли, оба?

— Въ городъ-съ отвѣчали и козелъ, и его писарь.

— Ну, садись оба, довезу. Дѣло есть до васъ.

Мужики надѣли шапки и присѣли въ сани. Старшина рядомъ съ баринкомъ, писарь около облучка, свѣсивъ ноги къ свѣгу.

Круглый меринокъ бойко зарыснул по торной дорогѣ.

— О моей порубкѣ объявленіе получили? спросилъ Крутовъ.

— Получили, батюшка, ономясь.

— Освидѣтельствовали?

— Нѣтъ еще, ваше-скородіе, за наборомъ недосугъ было.

— Ну, все равно, оно еще лучше. А чтобъ тамъ ни однимъ пнемъ противъ моего объявленія меньше не выходило. Чтобы съ этихъ подлецовъ мужиченковъ все до копейки взыскать. Слышишь?

— Ужъ постараемся.

— То-то, постараемся! Ты, козелъ, отъ меня магарыча не жди. Глупъ ты больно, учить тебя надобно умнымъ людямъ. Ничего не будетъ тебѣ. А чтобъ все по моему, какъ въ объявленіи написано. А ты вотъ что, обратился Крутовъ больше къ писарю:— я знаю, у васъ съ Терешкой Закалитскимъ каша заварена, ему сына не хочется сдать въ рекруты, племянника надо сбыть. Писарь заикнулся было, что ничего такого, ей Богу, не бывало, но баринъ не далъ ему договорить.—Ну, ты не брешь. Я знаю, заварена каша, да расклевать не умѣете. Чтобъ моя порубка

была въ карманѣ. А я васъ въ этомъ научу. На квартиру къ лекарю не ходи, опасно, запримѣтатъ. А сегодня вечеромъ, часу въ десятомъ, ко мнѣ на кухню оба и съ козломъ. Тамъ невзначай и лекаря увидите. Слышишь? приходитъ же.

Мужики молчали.

— Терешкѣ скажи, чтобы у меня въ сѣнокосѣ со всей семьей два дня на Закрутихѣ отработалъ: ему вѣдь рядомъ. А не согласенъ, такъ пусть готовить сына. Мнѣ наплевать.

— Какъ, батюшка, несогласенъ Терентій, проговорился козелъ, ѣтъ душой радѣть будетъ, сына-то ахти жалко. А племянникъ, чтѣ — сирота! Извѣстно, ему на старость не кормилецъ. Какъ не согласенъ, въ ножки поклонится вашей милости.

— Наплевать мнѣ съ его ножками. А чтобы два дня въ сѣнокосѣ на Закрутихѣ.

— Да сѣнокосъ-то еще когда придетъ, дѣловито и вкрадчиво заговорилъ писарь:— а сына-то нонѣ ослобонять. Онъ, этотъ Терентій-то, може теперь посулится вашему-скородику, а объ сѣнокосѣ-то сгузаеть.

— Чтс-о? грозно прикрикнулъ поручикъ:— сгузаеть? У меня, братъ, не сгузаеть. Знаеть, что спуску не дамъ. Найду управу безъ правленья, и безъ посредника найду. Коровы-то его въ мою поскотину попадутъ, вотъ тѣ христокъ, попадутъ, такъ тогда не два дня отработаетъ.

— Нѣтъ, батюшка, Ларивонъ Герасимовичъ, свать Терентій честный мужикъ, заступился за свата-сосѣда старшина:— посулить такъ отработаетъ. Ужъ это безпримѣнно. Мужикъ степенный, честный.

— Ну, ладно. Такъ сегодня вечеромъ, чтобы вы у меня на кухнѣ были. Лекарь будетъ. Ну, а теперь маршъ домой! скомандовалъ поручикъ, приостановивъ лошадь.

Мужики выбрались изъ саней, Крутовъ тронулъ вожжами, и карій меринокъ, легонько переваливаясь, понесся стрѣлой къ берегу. Вѣхи мимо мелькали, не подсчитать. Беззаботно глумливое выраженіе тотчасъ сбѣжало съ лица Ларіона Герасимовича, когда онъ почувствовалъ, что никто на его лицо не глядитъ. На этомъ лицѣ проступала сосредоточенная мысль, забота. Бѣлесоватыя рѣдкія брови сдвинулись къ крѣпкому корню тяжелаго носа, а усы легонько пошевеливались, словно онъ стискивалъ скулы отъ какой-то досады.

На самомъ въездѣ въ городъ, его саночки нагнали двухъ хорошо одѣтыхъ, осанистыхъ баръ, очевидно, принадлежащихъ къ заглоховской аристократіи. Одинъ изъ нихъ молодой, лѣтъ съ небольшимъ за 30 человекъ, былъ непосредственный начальникъ Крутова—мѣстный участковый мировой судья и предсѣдатель,

мироваго съѣзда. Другой, нашъ старый знакомый Петръ Степанычъ Калининъ, уѣздный предводитель дворянства. Принадлежалъ къ мѣстному мелкопомѣстному дворянству и прослуживъ много трехлѣтій по дворянскимъ выборамъ въ разныхъ мелкихъ должностяхъ: непрѣминаго члена земскаго суда, засѣдателя дворянской опеки, смотрителя опеки хлѣбныхъ магазиновъ и проч., Крутовъ не переставалъ считать и предводителя своимъ начальникомъ. Несмотря на свой мелкопомѣстно-дворянскій цинизмъ и грубую развязность, старый армейскій поручикъ не утрачивалъ никогда военной выправки; при видѣ начальства, у него механически, почти горой выпячивалась и безъ того высокая грудь, правая рука просилась къ козырьку, и выпуклые глаза неподвижно, вопросительно и въ то же время неуловимо насмѣшливо устремлялись въ лицо власти.

Завидѣвъ издали своего предсѣдателя съ Калининымъ, Крутовъ сталъ придерживать карьеру, а поровнявшись съ ними, поѣхалъ совсѣмъ шагомъ, дабы не обогнать безъ приглашенія.

— Ларіонъ Герасимовичъ, здравствуйте! окликнулъ его дружескимъ голосомъ предсѣдатель. — Откуда? съ тагаса?

— Съ тагаса-съ, отвѣчалъ приставъ, по привычкѣ, поискавъ правой рукой, съ которой предварительно сдернулъ рукавицу, козырька и, не отыскавъ его, приподнял шапку надъ головой.

— Хорошо, что я васъ встрѣтилъ, продолжалъ молодой чело-вѣкъ: — я хотѣлъ было за вами послать вечеромъ. У меня была эта несчастная старушка Панфилова. У васъ выданный ей съѣздомъ исполнительный листъ?

Видя, что рѣчь заходитъ о дѣлахъ, сффициально служебныхъ, Крутовъ, послушный своимъ дисциплинарнымъ инстинктамъ, подѣлъ было изъ саночекъ, чтобы въ приличной позѣ выслушать приказанія. Предсѣдатель попросилъ его не беспокоиться.

— Да надѣньте вы шапку; что за скверная у васъ привычка, послѣдніе волосы выморозите, шута посовѣтовалъ Калининъ.

Крутовъ усмѣхнулся въ усы и нахлобучилъ своего котика.

— У васъ исполнительный листъ Панфиловой? повторилъ предсѣдатель.

— Это о взысканіи съ Ярушкина? У меня-съ.

— Она сегодня ко мнѣ заходила, бѣдная, совсѣмъ ее уморилъ этотъ Ярушкинъ.

— Уморилъ-съ, это вѣрно, Александръ Григорьевичъ; я вѣдь знаю, обошелъ старушку. Послѣднія деньжонки выпросилъ въ долгъ. Кто ему, кромѣ этой дуры, далъ бы. Известно: дай Ярушкину въ долгъ, а за него порукой волежь. Распрото-бестія онъ!

Крутовъ соблюдалъ дисциплину въ движеніяхъ, но явкъ его

давно эмансипировался отъ всякихъ стѣсненій. Никто ему этого въ вину не ставилъ, напротивъ, это нравилось его начальству.

— Она плакала, несчастная, говорить самой ѣсть нечего и внука изъ гимназій, того и гляди, выключать, коли къ новому году денегъ не пошлетъ. Жалко ее.

— Это вѣрно. Какъ пить дадутъ выключать.

— Такъ вы бы съ этого Ярушкина поскорѣе разыскали, Ларионъ Герасимовичъ...

— Что съ него разыскать-то? Вы мнѣ изволили приказывать намеренн, Александръ Григорьевичъ, поторопиться этимъ дѣломъ. Я какъ исполнилъ (Крутовъ перечислилъ нѣсколько дѣлъ) .. вы изволили мой рапортъ получить?

— Да, получилъ, вы скоро справились.

Крутовъ тряхнулъ грудью, словно произнося: рады стараться.

— А какъ только эти дѣла сдашь, такъ за ѣрника Ярушкина и взялся. Онъ подлець все на дочь перевелъ, что незамужняя совершеннолѣтняя съ нимъ живетъ. Все, говорить, не мое. И имѣньишко, и домишко.

— Однако, это чортъ знаетъ что за подлость, въ одинъ голосъ воскликнули и предсѣдатель, и Калининъ: — вѣдь положеніе этой старухи ужасно... еще съ сиротами-внучатами...

— Все, подлець, перевелъ! спокойно прослушавъ восклицанія начальства, продолжалъ приставъ. — А вы изволили строго мнѣ наказать, такъ у меня не отвертись. Я всю его подноготную знаю. Дочери, говорить, все передалъ, а я знаю, онъ до охоты охочъ. Ружья-то позабылъ въ записъ записать. А собаки, говорю, тоже дочернія? Знатныя собаки, коли на охотника. А сѣдла, а ружья аглиція дочернія тоже? Онъ вертится. Говорить, ей-ей передалъ. А мнѣ наплевать, пусть доказываетъ дочь. А я ихъ куда описалъ...

— А коли дочь докажетъ?

— Коли свидѣтелей представить, мы такихъ свидѣтелей поведемъ, что и самъ не радъ будетъ. Совершеніе безденежнаго акта-съ. Онъ и о дарственной не догадался. У меня и покупатель на описанное имущество готовъ-съ. Тутъ Краснопуповы пріѣхали, молодой говорить, что въ ихъ усадьбѣ, что недавно купили у князя Мухранова, поохотиться не съ чѣмъ. Я Краснопупову сказывалъ объ Ярушкинѣ: «Съ радостью, говорить, всю охоту возьму». Коли денегъ не внесетъ завтра, завтра и продамъ, и денежки вамъ представляю.

— А коли тутъ что неправильное выйдетъ? освѣдомился предсѣдатель.

— Какъ прикажете. Прикажете разыскать, взыщу-съ. Я знаю, что и до продажи Ярушкинъ не допуститъ. На одну нашу не-

правильность, я ему морду дюжиной евойных утру. И до продажи не допустить. А, впрочемъ, какъ прикажете. Мнѣ вѣдь что Панфилаха, что этотъ ёрникъ, все одно. Какъ прикажете?

— Ну, да коли вы знаете, такъ разыскивайте, я душой буду радъ за старуху. Высыскивайте, пожалуста,

— Слушакъ-съ. Крутовъ опять поискалъ козырька.

— Высыскивайте, разыскивайте, повторилъ предсѣдатель, раскланиваясь и удаляясь.

— Слушакъ-съ, слушаю-съ, проговорилъ еще разъ приставъ, даже съ отбѣнкомъ нѣкотораго презрѣнія къ неустойчивости и несмѣлости своего молодого начальника, потомъ тронулъ вожжами по меринку и завернулъ въ ближайшую улицу.

— Золотой человекъ этотъ поручикъ, замѣтилъ предсѣдатель своему спутнику Калинину.—Въ этомъ несчастномъ панфиловскомъ дѣлѣ безъ него ничего бы не вышло. Онъ все знаетъ, все, что прикажешь, сдѣлаетъ, не спотыкаясь.

— Да, молодецъ, я его давно знаю. Когда онъ по полиціи служилъ, просто чудеса продѣлывалъ. Чего другіе не могли исполнить, ему поручишь—и мигомъ.

— Да, недавно тоже былъ случай; дѣло о межѣ танулось у графа К. съ его сосѣдами крестьянами. Крестьяне оказались правы, просьба ихъ была уважена и исполнительный листъ выданъ для ввода во владѣніе. Управляющій—умнѣйшая, ловкая бестія. Кому изъ приставовъ ни поручали мы ввести крестьянъ во владѣніе—пойдутъ и назадъ вернутся ни съ чѣмъ. Управляющій К. что-нибудь да выдумаетъ, оттянетъ. Когда Крутовъ поступилъ на службу, я ему строго-на-строго наказалъ кончить дѣло, и въ нѣсколько часовъ онъ все покончилъ, не взирая на хитрости управляющаго, его угощенье, его застрачиванья барскими связями. Кончилъ и осчастливилъ мужиковъ.

— А я помню, у того же графа К., еще до освобожденія крестьянъ, началъ Калининъ:—надо было перевести цѣлую деревню въ другую волость, гдѣ для нихъ были построены дома. Графъ имѣлъ право на переводъ, мужики же ни за что съ мѣста не двигаются: не пойдемъ, да не пойдемъ. И исправникъ имъ прозилъ, и я вѣдиль уговаривать, ничего не помогаетъ: не пойдемъ, говорятъ, съ отцовскаго мѣста. Я догадался послать Крутова, онъ тогда служилъ дворянскимъ засѣдателемъ земскаго суда. Дѣло было зимой. Представьте, черезъ два дня, Крутовъ является ко мнѣ съ рапортомъ, знаете, какъ всегда, руки по швамъ, глаза выпучены. «Ну что?» спрашиваю его.—«Ничего-съ, говорить:—окна выставлены, двери сняты, трубы сбиты и крыши раскрыты». — «Гдѣ? говори!» я, знаете, не понимаю даже, что онъ говоритъ.—«Въ деревнѣ, говоритъ, графской, что на вывозъ»

назначена». — «А мужики?» спрашиваю. — «А мужики и бабы, и ребятишки, говорить, на подводы съли со всѣмъ скарбомъ. Управляющій приготовилъ подводы, покуда крыши раскрывали. Куда мужикамъ больше дѣваться? Не въ избахъ же оставаться. Въ избахъ, говорить, нетолько тараканы и клопы подошли». Калнининъ смѣлся; молодой предсѣдатель не смѣлся.

— А то, продолжалъ предводитель: — это было вскорѣ послѣ воли, былъ у насъ тутъ посредникъ нѣмецъ, глушъ и по-русски чортъ знаетъ какъ объясняется. Положеніе онъ объяснялъ крестьянамъ такъ, что и нашему брату даже не понять, путаница во всѣхъ волостяхъ невообразимая, а въ одномъ имѣннѣ просто бунтъ произвелъ. Какъ-то такъ умудрился рассказать крестьянамъ о ихъ новыхъ правахъ, что у нихъ въ головѣ затесалось, что они могутъ выбрать по своей волѣ любое изъ трехъ: или на барщинѣ остаться — имѣнье было барщинное — либо на 9-ти рублевый оброкъ перейти, либо прямо на выкупъ, съ уплатой 7 руб. 20 коп. Разумѣется, мужики выкупъ выбрали. Ни барщины, говорятъ, ни оброка не хотимъ, а хотимъ на «Чарскій» выкупъ. На барщину ихъ гонять, а они лягутъ въ полѣ и спать. Только и твердятъ: на «Чарскій» выкупъ. И другого посредника назначили, и членъ губернскаго присутствія пріѣзжалъ ихъ убѣждать, и даже губернаторъ самъ. Ничего. Того и гляди до штыковъ, а то, пожалуй, и до пуль дойдетъ. Положеніе ужасное. Помѣщикъ былъ молодой человѣкъ, одинокій, человѣколюбивый, готовъ былъ согласиться на обязательный выкупъ, чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ ужасовъ, но этого ему мы не позволили: дѣло приняло слишкомъ большую огласку. Ну, команду, команду. Я вспомнилъ о Крутовѣ; онъ тогда становымъ былъ, только въ другомъ станѣ, и говорю губернатору: попробуемъ послать Крутова; вѣдь все равно — хуже быть не можетъ. Конечно, испортить уже ничего было нельзя. Авось Крутовъ поправитъ. Послалъ за нимъ, спрашиваю: «справитесь?» Говоритъ: «Не знаю, попробую». Ну, мы и послали его пробовать.

— И что же?

— И мужики стали ходить на барщину. Только, чтобы они опять не заартачились, надо было перевести Крутова въ ихъ станъ.

— Какъ же онъ на нихъ подѣйствовалъ? Убѣжденіемъ?

— Убѣжденіемъ. Только у него есть своя манера убѣждать, не по нашему. Онъ не только знаетъ нравъ мужика лучше нашего брата, онъ каждаго мужика отдѣльно въ уѣздѣ знаетъ, всю его подноготную. Мы до ихъ вожаконъ въ этомъ дѣлѣ не могли никакъ добраться, а онъ ихъ зналъ съ самаго начала. Только покуда ему не было приказано дѣломъ заняться, молчалъ, и рта

не развѣвалъ. Онъ вообще много болтаетъ, но знаетъ, о чемъ и помолчать. А когда его самого приставили къ дѣлу, онъ все свое знаніе пустилъ въ ходъ. Онъ средствами не стѣсняется. Когда приказали ѣхать въ бунтовавшую волость, онъ намъ, и мнѣ, и вице-губернатору, который нарочно по этому дѣлу въ Трущобскъ пріѣзжалъ, прямо сказалъ, что дѣло трудное. «За успѣхъ, говорить, не ручаюсь; а впрочемъ, попытаюсь, говорить, коли вы мнѣ позволите по моему распорядиться». Мы рады-радехоньки были, хоть знали, что онъ выкинетъ какую-нибудь штуку. Да все лучше, чѣмъ стрѣлять. Надо было это дѣло кончить; оно въ Петербургѣ начало производить непріятное впечатлѣніе. Посредника уволили, губернаторъ боялся, какъ бы его самого не причислили къ министерству. Мы уполномочили Крутова: «дѣлай, батюшка, что знаешь, только уладь». Онъ говоритъ: «Одинъ я не пойду, а дайте мнѣ двухъ самыхъ дюжихъ полицейскихъ рассылныхъ, солдатъ, и трехъ здоровнѣйшихъ дураковъ — непременно дураковъ — изъ трущобской военной команды». Дали ему, разумеется, безъ оружія, и эти полдюжины держиморды — вѣдь и онъ самъ кровный держиморда — и отправились они въ экспедицію. Пріѣхалъ онъ, велѣлъ старшинѣ сходъ собрать. Мужики къ этимъ сходамъ привыкли, на барщину не идутъ, а на сходъ то и дѣло собирались. Прежде чѣмъ явиться на сходъ, Крутовъ заказалъ три подводы и велѣлъ своимъ держимордамъ нарубить лозановъ. Знаете, здоровнѣйшихъ, пучками длинными навязать и на подводы нагрузить. Три воза розогъ огромнѣйшихъ сейчасъ въ дѣло готовы. И представьте себѣ его огромную фигуру, три воза жесточайшихъ розогъ и пять медвѣдей въ солдатскихъ шинеляхъ. Онъ такъ прямо со всей процессіей въ середину мужиковъ, собравшихся на сходъ и вѣхалъ. «Все ли говорить здоровы, ребята? здоровы! ну, и Богу слава. Лучше расправляться съ вами будетъ». Его разговоры съ мужиками всегда предобродушные, коли только послушать. «Господи, говорить, благослови», и самъ крестится, «мокрыхъ полотенецъ приготовь», командуетъ одному солдату, другому велитъ отборнѣйшіе лозаны на готовѣ держать, а остальнымъ говорить громко: «рой, говорить яму, пороть стану не на животъ. А съ вами, ребята, покуда мои молодцы готовятъ, потолкую по сосѣдски. Мнѣ васъ пороть отъ начальства приказано — да ты не прячься, кричить жожакамъ, это вы губернаторовъ да предводителей надуваете, а меня вы знаете, друзья-сосѣди, я васъ наскрозъ вижу! Мнѣ васъ пороть приказано, вашей бурой шкуры жалѣть не велѣно. Я и буду пороть... Да вдругъ, будто что-то вспомнилъ. «Эй, крикнулъ писарю: — за попомъ-то пошли, ему тоже работа будетъ грѣхи отщипать! А потомъ и опять къ мужикамъ обратился...

— По сосѣдски, по Божески?

— Да по сосѣдски. И убѣдилъ.

— Да, интересно было бы знать, чѣмъ онъ ихъ убѣдилъ?

— Я самъ тамъ не былъ, но насколько знаю изъ его рассказовъ и изъ рассказовъ священника, старшина, да и нѣкоторыхъ крестьянъ, онъ началъ съ того, что обругалъ ослонъ нѣмца посредника, который былъ виновникомъ всѣхъ дѣлъ. Нѣмецъ, говорить, маймистъ, по-русски языкомъ въ зубы толкнуть не умѣетъ, а вы этакого чухну, олуха царя небеснаго, слушаетесь. Можеть, онъ съ дуру, а можеть, и мутитъ промежъ русскихъ хочеть, а вы и юни развѣсили... А потомъ, говорить, Крутовъ особенно на нихъ подѣйствовалъ такимъ курьезнымъ выводомъ: «вы, говорить, думаете вамъ воля и нивѣсть какая благодать, ничего не дѣлай, и выбирай любое. Много захотѣли. Кто, говорить, волю-то помогалъ писать? Мы же, дворяне». Крутовъ хотъ и происходить изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, но дворянствомъ своимъ гордится пуще Рюриковичей... Баре, говорить, и писали, и переписывали! а кто вводитъ волю? опять мы, дворяне, а не вы, сиволапы. Ну, какъ же теперь мы, дворяне, себѣ хуже устроили, да чтобы не сорвать намъ на васъ свою 'досаду. На комъ и сорвать, какъ не на васъ. И срываемъ. А вы благодати ждете. Никакой никому благодати, только развязала насъ воля съ вами. И слава тебѣ Господи, то намъ и хорошо, что развязала. Нѣтъ, мнѣ теперь о тебѣ, канальѣ, заботы никакой, хотъ ты съ голоду околѣвай. Вотъ и все. А вамъ жирно хлебать захотѣлось. Накасы!

— И успокоилъ-таки?

— И успокоилъ-таки, и разумѣется, не съкъ. Да и не по-смѣлъ бы съкъ. Онъ понимаетъ, что это бы ему самому даромъ не обошлось...

— Молодецъ!

III.

Домикъ у Крутова въ Трущобскѣ былъ маленькій, зато свой собственный, недавно выстроенный, хозяйственный и чистенькій. Ларіонъ Герасимовичъ не особенно занимался аккуратностью и опрятностью своего туалета; дважды въ день вымыть руки ему еще никогда на умъ не приходило. Но онъ любилъ, чтобы по дому и хозяйству все было и ходило въ аккуратъ и добро даромъ не пропадало. Кухня черезъ сѣни была просторная, опрятная. Дебѣлая кухарка выбивалась изъ силъ, стрипая ужинъ, среди цѣлаго роя обожателей, прислуги «барскихъ гостей», которые безъ зову запрудили кухню и людскую, какъ только ихъ

господа пришли въ гости къ господамъ кухарки. Кто оцупаетъ бзуть кухарки, кто щипнетъ ее, кто невзначай даже чмокнетъ; отъ шутокъ проходу нѣтъ. Она только огрызается, отмахивается не всегда безопасными и безвредными для обожателей кухонными снарядами и оружіями; и, не взирая на щипки, объятія и отмахиванія, шмыгаетъ отъ плиты къ печкѣ, отъ печки къ верстаку, и ужинъ поспѣваетъ. Шустрая была баба.

Козель старшина, съ писаремъ и, степеннымъ Терентіемъ, согласно приказу Крутова, дремлютъ тутъ же въ углу, въ кухнѣ, не принимая участія въ общемъ весельи.

Хозяйка, супруга Крутова, востлая дама съ черными зубами, въ тафтяномъ клѣтчатомъ красномъ съ зеленымъ платьѣ и съ толстыми подозрительнаго золота кольцами на чернорабочихъ пальцахъ, поминутно вбѣгаетъ въ кухню. Обругаетъ озорниковъ, непрошенныхъ гостей; иногo выгонитъ, распечетъ кухарку, отдастъ ей приказаніе, сама помѣшаетъ въ кострюлѣ, заглянетъ въ духовую печку и опять унесется въ «парадные» комнаты, наполняя ихъ и безъ того удушливую атмосферу запахомъ пряженія и жаренія, захваченнаго въ кухнѣ ея обширнымъ криволиномъ и клѣтчатою тафтѣю.

Въ маленькомъ залѣцѣ горятъ четыре пальмовыя свѣчи: двѣ въ подсвѣчникахъ на столѣ и двѣ на столѣ въ искалѣченномъ томпаковомъ канделябрѣ. На маленькомъ ручномъ органчикѣ-шарманкѣ сіяетъ керосиновая лампа — haute puissance, въ Трущобскѣ, и доселѣ невиданная роскошь въ домѣ Ларіона Герасимовича. Секретарь опеки, джентльмэнъ въ смятомъ сѣромъ пиджакѣ и въ рпсе-пез, подлеенномъ краснымъ сургучемъ, самодовольно ослабѣвъ, вертитъ ручку органчика, то издающаго звуки самымъ разнообразнымъ тономъ, не уживающіеся другъ съ другомъ въ ладу, то вдругъ начинающаго хрипѣть, какъ чахоточный старикъ, а иногдa совсѣмъ неожиданно затихающаго. Всѣ эти звуки, взятые вмѣстѣ, послѣ внимательнаго вслушиванія, можно было бы признать за лохмотья увертюры «Цампы». Но, къ счастью, ни секретарь въ очкахъ, вращающій валы органа, ни толкущаяся въ залѣцѣ публика, нетолько не слыхивала Цампы, но даже не слыхивала и о Цампѣ, а поэтому съ увлеченіемъ топталась, кружилась и подпрыгивала въ какомъ-то танцѣ, который кавалеры, въ мятыхъ пиджакахъ и дамы въ грубыхъ шерстяныхъ или клѣтчатыхъ тафтяныхъ платьицахъ, называли транбланъ.

И всѣмъ несомнѣнно было очень весело.

Самъ Ларіонъ Герасимовичъ, вѣроятно, сознавая музыкальную неудовлетворительность своего органа, пріобрѣтеннаго по случаю за 7 руб. у раззорившагося сосѣда-помѣщика, а, можетъ быть, увлекаясь общимъ воодушевленіемъ, стоялъ почти посрединѣ

комнаты съ гитарой въ рукахъ, притопывалъ ногой, подыгрывалъ и подпѣвалъ въ критическія для органа минуты, когда этотъ инструментъ почтенныхъ лѣтъ и слабого здоровья доходилъ до безмолвія. Подыгрывая и приплясывая, Ларіонъ Герасимовичъ успѣвалъ отпустить направо и налево безцеремонныя шуточкі и каламбуры, возбуждая въ стоящихъ около него нетанцующихъ сановникахъ: судебномъ 'сгѣдователѣ, знакомомъ намъ уѣздномъ врачѣ и его другѣ, Власѣ Краснопуховѣ, товарищѣ прокурора и молодежи, старавшейся сближаться съ сановниками, взрывы самаго задушевнаго хохота.

Онъ, повидимому, предавался беззавѣтному веселію, какъ будто не было у него ни заботы, ни горюшка, между тѣмъ его выпуклыя глаза все видѣли, его красныя уши все слышали и во взглядѣ стояло никогда его не покидавшее выраженіе: «меня, братъ, не проведешь!» Его двѣ взрослые дочери, юныя копнн съ мамаша, и сама мамаша, проходя мимо него, часто взглядывала въ эти глаза, и онъ словно раздавалъ ими приказы по семьѣ. Семья по стрункѣ ходила.

Къ группѣ сановниковъ и бронзовой молодежи, окружавшей хозяина, примкнулъ тучный, съ боязливой, но хитрой фізіономіей сосредоточенный нѣмецъ пожилыхъ лѣтъ. Это былъ управляющій большимъ подгороднымъ заводомъ Краснопуховыхъ.

— Аль позвонить, Крестьянъ Адамычъ? усмѣхнулся въ его сторону Крутовъ.

Нѣмецъ нахмурился и ничего не отвѣчалъ. Зато вмѣшался сидѣвшій по близости маленькій сморчкообразный человѣчекъ съ плоскимъ калмыцкимъ лицомъ безъ носу. Носъ, по увѣренію его друга и соперника по службѣ, Крутова, принесенъ былъ въ юности на алтарь любви и пропалъ безъ вѣсти. Сморчекъ такъ же, какъ и Ларіонъ Герасимовичъ, состоялъ судебнымъ приставомъ при мировомъ съѣздѣ, постоянно завидовалъ Крутову, получавшему лучшія порученія и пользовавшемуся вообще выгодною популярностью. Поэтому, сморчекъ, когда только могъ, любилъ пустить шпильку по адресу своего счастливаго товарища, стараясь подражать остроумію послѣдняго и уповая своими остротами, между прочимъ, пріобрѣсти популярность.

— Чего звонить, ты и то все пустозвонишь, какъ пономарь у лѣнливаго попа, състрилъ безносый, и общество только-что было собралось разразиться смѣхомъ надъ Крутовымъ, какъ послѣдній, теньку гитарой чуть не въ самое лицо своего сослуживца, на всю залу отвѣчалъ:

— На мой пустозвонъ люди идутъ, а на твою рожу только собаки лаютъ! Ужь лучше молчи, чайникъ безъ рыльца.

И назрѣвшій смѣхъ общества обратился на самый чайникъ безъ рыльца. Сморчекъ озлобился, пожелтѣлъ и сталъ придумывать новую шпильку.

— Аль позвонить? продолжалъ приставать къ нѣмцу Крутовъ.

Всѣ съ любопытствомъ прислушивались, стараясь разгадать, въ чемъ дѣло.

— Звоняйте, мене чировикъ позвать надо, отвѣчалъ нѣмецъ.

— Въ чемъ дѣло? Чтò такое? Разскажите! слышалось со всѣхъ сторонъ.

— А очень просто, господа. Я какъ становымъ служилъ, началъ повѣствовать Крутовъ:—разъ иду мимо его завода. Давай, думаю, позвонить велю на заводъ. Тогда въ городѣ Ереминъ шубу продавалъ, знатный енотъ, смерть мнѣ ее купить хотѣлось, только купила не было. А твой-то отецъ...

Это обращеніе относилось къ Власу Краснопупову. Если на обѣдъ исправника лекарь попалъ въ качествѣ товарища Власа, то на вечеринку Крутова Власъ попалъ въ качествѣ друга мажора. Крутовъ высоко уважалъ только знать родовую, дворянство, къ которому самъ принадлежалъ. Но къ знати денежной относился съ презрѣніемъ. Онъ сознавалъ, что эти люди муждаются въ такихъ людяхъ, какъ онъ, Крутовъ, нуждаются уже по одному тому, что всякія дѣла дѣлаютъ. А родовая знать никакими дѣлами не занимается. «Мужиками они родились, мужиками и умрутъ! говаривалъ Крутовъ про купцовъ: — а что денегъ много — такъ это наплевать; когда намъ понадобится, мы изъ толстаго пуза ихнаго, купческаго, съумѣемъ маслица выжать». Въ силу такихъ принциповъ, Крутовъ развязно и безцеремонно обращался съ Власомъ, котораго лично едва зналъ.

— А твой-то родитель меня незадолго передъ тѣмъ обидѣлъ. Чуть не по шеямъ выгналъ; я ему рѣшеніе суда привезъ, такъ вишь не понравилось; говорить мнѣ: ты такой-сякой, красивное сѣмя. Я будто рѣшеніе составлялъ. Ну, да постой же, думаю, помнишь ты, какъ дворянина красивнымъ сѣменемъ обзывать... Иду я мимо завода. Зашелъ, вонъ онъ—это Крестьянъ Адамчъ—навстрѣчу: «милайста просимъ, говорить, опинь рады». Ну, говорю, радъ не радъ, а звони въ колокольчикъ. «Сачемъ?» говорить.—Извѣстно зачѣмъ? словно законъ не знаешь; чтобы всѣ рабочіе до одинаго собрались, полиція — это я-то, батюшки мои—и Крутовъ ручкой гитары похлопалъ себя по богатырской груди — полиція, говорю, пріѣхала законъ исполнять, паспорта у рабочихъ повѣрять, тебѣ же, управителю, спокойнѣе. Всѣ законные рабочіе будутъ.

Крутовъ лукаво подмигнулъ окружающимъ на нѣмца.

— Звони, говорю, въ колокольчикъ: динь-динь-динь... Да паспортъ подавай. Такъ вѣдь, Адамычъ, а? Крестьянъ Адамычъ? Да говори, братецъ, такъ или не такъ, что у тебя языкъ словно въ колбасу гороховую завязъ!

Управляющій неохотно мыкнулъ что-то подтвердительное.

— Ну, такъ, такъ такъ. А вѣдь не собралъ-таки, плутъ, рабочихъ. Куда и фонство его нѣмецкое дѣвалось. Вѣдь онъ у насъ, господа, тоже фонъ... хо-хо-хо — вы какъ бы думали! фонъ-съ ей-Богу онъ! Только вотъ онъ и вправо и влѣво, и спереду и сзади ко мнѣ подойдетъ. Не хочется звонить-то.

— Отчего не хочется звонить? спросилъ кто-то изъ толпы.

— А нѣмецъ пользы своей собственной не понимаетъ—оттого и не хочется. Бѣглыхъ я бы ему высѣлалъ, какъ рѣшетомъ. Такъ нѣтъ. Лучше бѣглыхъ, да каторжниковъ держать на заводѣ. Дешево берутъ, а на счетъ своему хозяину онъ, фонъ, цѣну ставить одну—что за бѣглаго, что за паспортнаго. Хо-хо-хо! протанулъ желудочнымъ басовымъ смѣхомъ рассказчикъ:—Хо-хо-хо. Такъ и не позвонилъ. Ну, да ничего. У меня изъ этого его упрямства шуба знатная вышла. И теперь по праздникамъ въ церковь хожу.

— Слушайте его! изъ собачьей шкуры! опять-было ввернулъ чайникъ безъ рыльца.

Крутовъ повелъ на него веось глазами и усами и промолвилъ въ скобкахъ: мотри, въ три погибели согну.

Власъ былъ видимо недоволенъ только-что раззабавившимъ общество рассказомъ; его другъ, докторъ, отвернулся, сдѣлалъ физиономію, точно червяка раскусилъ.

— Экіа мерзости, хоть бы постыдился рассказывать, замѣтилъ врачъ Власу.

— Вретъ вѣдь это онъ, все на себя выдумываетъ, чуть не любовно улыбаясь и любуясь Крутовымъ, возразилъ товарищъ прокурора, большой охотникъ до наблюдательности и цѣльныхъ, непосредственныхъ типовъ, которые считалъ большою рѣдкостію въ нашъ измелчавшій вѣкъ, не умѣющій «безъ боязни ни ненавидѣть, ни любить».

— Вру-съ? чего врать, батюшка. Вотъ тѣ Христось, чтѣ мнѣ врать! вступился за свою правдивссыгъ Ларіонъ Герасимычъ.

Въ это время гармоника совсѣмъ замолчала, секретарь въ склеенномъ сургучемъ рипсе-пез усталъ вертѣть ручку. Молодежь перестала плясать, и всѣ, даже нѣкоторыя дѣвицы, закурили сирадные папирсы. Хозяинъ тоже отложилъ на столъ свою гитару, и принялся выковыривать пальцемъ табакъ изъ трубки въ горшокъ герани.

— Ей-же Богу. Хо-о-о. Ей-Богу, чего мнѣ врать. Такъ я

*

нѣмца не разъ. Динь-динь, говорю. Да чего! онъ самъ тутъ, спросите! Крутовъ даже перекрестился.

— Это вы взятки, значитъ, брали? спросилъ судебный слѣдователь.

— Бралъ-съ, бралъ. Вотъ какъ передъ Богомъ, бралъ. Да чего же не брать-то было; давали и бралъ.

— Вымогали?

— Охо-о! Взятковъ не вымогаютъ. Умный человекъ самъ даетъ, потому знаетъ: не почеши—и вередъ не вскоитъ; умный человекъ самъ даетъ, а съ дурака грѣхъ не брать. Бралъ, ей-Богу.

— Онъ и теперь беретъ, сфискалимъ опять было чайникъ безъ рыльца.

Крутовъ показалъ кулакъ; его глаза слегка перекошились на секунду, во взглядѣ мелькнуло нѣчто въ родѣ конфуза, если только во взглядѣ Крутова могъ мелькнуть конфузъ.

— Берете? а? ну, Мефистофель? берете, скажите по правдѣ? у васъ вѣдь душа на распашку, приставалъ его другъ, товарищъ прокурора.

— Не велятъ покуда, такъ и не беру.

— Кто не велить?

— А начальство новое, ваша братья. Не велятъ покуда, и не беру. А придетъ пора, наша пора, опять прикажутъ: «Мефистофъ, дескать, маршъ!» я и съ моимъ удовольствіемъ...

— Да будто велятъ когда-нибудь? А? Крутовъ ничего не отвѣтилъ, только взмахнулъ и плечами, и головой, и глазами, и усами, словно понюхивая, не начинается ли въ воздухѣ пахнуть приваніями.

Въ этомъ понюхиваніи было столько намѣреннаго комизма, что всѣ опять расхохотались, а увлекающійся товарищъ прокурора даже слезы платкомъ сталъ утирать.

— Отъ чего, по вашему, не велятъ-то? допытывалъ слѣдователь:—честнѣе что ли люди стали?

— А кто ихъ знаетъ—честнѣе ли? Люди все люди. Нешто я переродился, что ли, а то тѣхъ же щей, да погуще влей. Прежде мы служить шли, на доходы надѣячись, а нынче на жалованье идемъ. Оклады большіе, да на долго ли хватить. А главное что брать-то нынче не съ кого.

— Какъ не съ кого?

— А съ кого брать-то? народъ обѣднѣлъ, дворяне обѣднѣли. Развѣ со своего брата чинаря, что жалованье получаетъ. Прежде и съ мужика, и съ барина можно было брать. И мужикъ, и баринъ, по своему, каждый богаче меня, станового, были. А нынче, развѣ съ купечества, такъ его еще мало заводится, не все же

съ Краснопуца одного, да и то скоро все выберемъ. А съ мужика и съ барина, вотъ этого не хочешь-ли?..

Крутовъ, посуливъ, показалъ обществу фигу.

— У мужика на казначейство доходишекъ не хватаетъ, да на свое начальство, а нашъ братъ, дворянинъ, сами знаете: ни съѣсть нынче онъ, ни жнеть, да и сытъ не бываетъ, такъ развѣ когда выкупнымъ свидѣтельствомъ закусить. Всякій наровитъ какъ бы на службу. Папу-то ¹ всякому чавкать тоже хочется. И выйдите, что только съ своего брата чинара бери. Ну, а это не приходится. Я съ него, а онъ съ меня.

— Такъ что-жъ по вашему? всѣ такъ силошь взяточниками и родятся на свѣтъ. Мало ли людей, которые не брали и въ прежнее время?

— Надобности этимъ людямъ не было, отъ того и не брали. Вотъ Калининъ, да и его отецъ, тоже предводителемъ былъ, взятокъ не брали, правда, такъ у нихъ, батюшка, одного лѣснцу полсотни тысячъ десятинъ. Нашему брату шубка новая понадобится, поди къ Адамычу на заводъ звони; а Калинину что себя беспокоить. Продай двѣ, три тысячи заповѣднаго и сколько хошь чернобурыхъ лисицъ да собелей накунить. А не оставь Калинину родитель этихъ сосенокъ, такъ тоже по нашенски бы позванивалъ. Да хоть бы такіе бара, какъ Калининны: деньгами не беретъ, а натурой возьметъ!

— Что вы это? какъ натурой?

— А такъ очень просто. Отъ чего его сосѣдъ Ручковъ большую тяжбу о лѣсной дачѣ выигралъ, еще при гражданской палатѣ? Отъ чего? Ну, Калининъ, предводитель въ Заглоловѣ, хлопоталъ? отъ того и выигралъ. А отъ чего Калининъ хлопоталъ, отъ того, что у Ручкина жена бѣлая, съ печь. Такъ бывало глазунчиковъ въ шею ей и запускаетъ. Еще тогда женать не былъ. Хо-о-о. Кто чѣмъ, батюшка. Нынче не велать братъ деньгами и не беретъ.

— Да будто прежде велѣли? спросилъ кто-то изъ молодежи.

— А то какъ же. На жалованье не раскудахтаешься. Все это, братецъ ты мой, по положенію дѣлалось, съ кого сколько—все было росписано. Ловчѣй всѣхъ исправниковъ былъ покойникъ Чумиловъ. Сколько мы съ нимъ добра заработали! Зналъ онъ гдѣ раки зимуютъ, съ кого что брать. Былъ тутъ помѣщикъ Сельдѣевъ, сутага-сатана. Со всѣми тяжбы; ему что недѣля, то повѣстки, то рѣшенія, то вызовы, то свидѣтельствванія вози, а взять съ него нечего, потому все въ сутажничество просадила. А работы за нимъ страсть сколько. Такъ мы съ покойничкомъ Чу-

¹ Хлѣбъ.

миловымъ велѣли ему намъ передъ сѣнокосомъ по два воза на брата вѣнниковъ возить: и въ усадьбу два воза и въ городъ. Оно пустое, а все-таки дворовыхъ бабъ въ лѣсъ не посылать. А дворовыми вѣнничками чудесно париться.

— Экая мерзость—вѣнниками брать! Этакой цинизмъ! цѣдилъ сквозь зубы докторъ, повидимому, раскусивъ другого червяка.

— Что же вы думаете, опять такой начальникъ народится, что вѣнниками велить брать? все любуюсь Лариономъ Герасимовичемъ, любовно допытывался товарищъ прокурора.

— А кто жъ его знаетъ. Вотъ нашъ судья новый толкуеть, что все идетъ въ прогрессъ. Можетъ, вѣнниками и не велеть, а чѣмъ получше станемъ брать, коли будетъ у людей что давать. А то, можетъ, и вѣнниками. Люди-то, батюшка, все тѣ же. И тогда париться любили, и теперь попариться любятъ. Хо-хо.

Органъ опять захрипѣлъ и засвисталъ, собирався разразиться Моцартовскимъ минутомъ, подъ звуки котораго молодежь, докуривая папирасы, распологалась отплясать «кадрель». Крутовъ, дососавъ трубку, зашипѣвшую было тоже въ ухахъ съ органомъ, забранчалъ на гитарѣ, строго озираясь кругомъ: онъ кого-то искалъ. Группа его слушателей разсѣялась. Докторъ въ другой комнатѣ краснорѣчиво кастилъ цинизмъ стараго становаго.

— Дунька! тихимъ басомъ дохнуть Крутовъ проходившей мимо него своей старшей дочери.—Мать въ кухнѣ?

— На куфийъ, татенька.

— Ну, поди, сведи къ ней на куфню лекаря Павла Ѳеодоровича, ишь онъ тамъ зубоскалитъ. Сведи его. Скажи, что мать ему тамъ припасла рубцовъ: сюда дескать не несетъ, душину напустить. Слышишь, къ матери сведи, на куфню. Поняла?..

Дочь мотнула головой и пошла за докторомъ.

Офицерикъ молодой,

Да подъ нимъ конь вороной—

Ой, да конь вороной;

Виноградъ велевой!

запѣлъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, Крутовъ, акомпанируя моцартовской музыкѣ и притопывая ногой.

Молодежь завертѣлась и запрыгала. Черезъ четверть часа, въ залу вошелъ докторъ, подобно хозяйкѣ, окруженный кухонной атмосферой. Крутовъ поймалъ его взглядъ, и взгляды ихъ поняли другъ друга. Лекарь видѣлся и вошелъ въ надлежащее приглашеніе съ Терентіемъ, а Крутову были обезпечены три дня работы цѣлой семьи въ самый сѣнокосъ.

Около хозяина опять собрались слушатели; онъ рассказывалъ анекдоты изъ своей военной жизни и цитировалъ Полежаева, Давыдова и даже Марлинскаго, прихватывая иногда Пушкина.

Передъ ужиномъ, въ столовой и гостиной начали звягать рюмки и стаканы. Въ задней комнатѣ, гдѣ играли въ карты, два большіе подноса съ обильными, хотя и не особенно разнообразными закусками—очищенная сель-ву-плэ, селедка и вяленые лепши составляли ея главнѣйшую основу—поставленные съ самого начала вечера, были почти опустошены. Гости были оживлены и веселы, не взвѣрая на нестерпимую духоту, кухонный чадъ, табачный дымъ, и рѣзкій запахъ догаравшаго въ новой лампѣ керосина. Ларіонъ Герасимовичъ дымилъ своей черешневой трубкой, сидя у самой закуски, допивая и добѣдая остатки. Онъ могъ выпить страшнае количество водки, и никогда не бывалъ пьянъ, и могъ съѣсть страшнае количество самой недобоваримой пищи. И когда пилъ, то непременно и ѣлъ много. Около него, какъ всегда, стояла группа внимательныхъ слушателей, незабывавшая закуски. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ держалъ диспутъ объ агрономіи съ юнымъ помѣщикомъ, начитавшимся новыхъ хозяйственныхъ сочиненій и ожидавшимъ великихъ и богатыхъ милостей отъ заведенной имъ семипольной системы. Крутовъ ни въ чемъ съ этимъ новаторомъ не соглашался, и доказывалъ, что единственно возможная и доходная система хозяйствованія—это обдуванье мужика на трехъ поляхъ. На четырехъ спутаешься самъ и мужика спутаешь. Да на четырехъ мужикъ себя и обдувать не позволитъ, дѣло не привычное—а на трехъ съ удовольствіемъ. Самая выгодная система хозяйствованія, по мнѣнію Крутова, выходила такая: заманивай мужицкихъ бяшекъ и коровушекъ на свои пажити и взыскивай съ пейзаанъ за потраву рабочіе дни; заведи въ сельъ лавочку съ мужицкимъ товаромъ, пожалуй, даже кабакъ и, руководясь принципомъ кредита въ самомъ широкомъ смыслѣ, отпущай все въ долгъ, и взыскивай капиталъ и проценты работою, держи въ запасѣ побольше сѣменнаго зерна, давай мужику сѣмена въ долгъ въ маѣ и іюнѣ, съ тѣмъ, чтобы въ августѣ и сентябрѣ было возвращаемо въ полтора раза, и т. д. Примѣный тотъ же приемъ къ сѣну и соломѣ. Словомъ, оборачивайся безъ денегъ, и мужику оказывай одолженіе безъ денегъ: у мужика все равно денегъ нѣтъ, а работу и топчая утроба выставить; привыкли они къ этому.

Въ самомъ разгарѣ диспута, когда общее одобреніе обѣщало нѣчто въ родѣ лавроваго вѣнка на голову побѣдителя Ларіона Герасимовича, случился казусъ, прервавшій поучительную бесѣду. Чайникъ безъ рыльца во всемъ завидовалъ своему сопернику-коллегѣ и во всемъ пытался съ нимъ состязаться. Почти цѣлый графинъ водки, пропущенный въ горло хозяиномъ безъ малѣй-

шихъ неудобствъ, и почтительное изумленіе, возбужденное въ обществѣ такимъ обстоятельствомъ, весьма, впрочемъ, обыкновеннымъ для самого героя, сильно подзадорило чайникъ безъ рыльца. Отыскавъ на другомъ подносѣ свѣже-пополненный графинъ водки, онъ съ ожесточеніемъ принялся за истребленіе содержимой жидкости; и послѣ пятой крупной рюмки почувствовалъ въ себѣ такіа титаническія силы, что борьба съ соперникомъ представлялась ему легче чханья, а море не выше колѣна. Послѣ шестой рюмки, эта борьба стала потребностью всего его маленькаго сморщенного существа. Онъ весь вечеръ, не взирая на предостереженія соперника: «десять уймись, согну въ три дуги», приставалъ къ нему и пукалъ въ него тучня стрѣлы своего остроумія. Теперь онъ ринулся въ бой съ невообразимой отвагой. Крутовъ слово скажетъ, а чайникъ два. На предостереженія онъ не только пересталъ обращать вниманія, но утратилъ даже способность ихъ слышать.

— Позвольте, господа! поднялся вдругъ съ своего стула Крутовъ, послѣ одной изъ плоскихъ шутокъ пьянаго чайника: — позвольте-съ, не унимается. Надо поучить.

И Ларіонъ Герасимовичъ, подойдя къ сотоварищу, обхватилъ ему правой рукой спину, а лѣвой ноги, ниже колѣнъ, такъ что руки несчастнаго очутились между колѣнами и ляшками. Крутовъ пригнулъ туловище къ ляшкамъ: «разъ», говорить, подогнулъ колѣна, «два», говорить. Сложилъ человѣка безъ всякаго усилія, подкинулъ его себѣ подъ мышку подъ правую руку, «три», говорить, и, плотно стиснувъ, понесъ по всѣмъ комнатамъ, при общемъ изумленіи и хохотѣ, не обращая вниманія ни на плевки своей жертвы, ни на ея попытки кусаться. Крутовъ отнесъ чайникъ въ какой-то чуланъ за сѣнями и залеръ его на задвижку, а самъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, вернулся къ закускѣ; попытѣлся слегка, выпилъ рюмку водки и, закусивъ выленныя лещомъ съ здоровымъ ломтемъ хлѣба, сталъ продолжать прерванный агрономическій диспутъ.

— Экая сила! восхищался его поклонникъ, товарищъ прокурора: — вѣдь это какой-то Илья Муромецъ. А вѣдь, кажется, толстый, тучный, а ни почему ему. Я думалъ, онъ къ одышкѣ расположенъ.

— Это у него не толщина, не жиръ, а мускулы, какъ желѣзо, профессионально замѣтилъ докторъ, благосклоннѣе относившійся къ хозяину послѣ своей экскурсіи въ кухню.

А Мефистофель занятно поучалъ, и общія положенія картинно иллюстрировалъ эпизодами изъ своей агрономической практики, основанной на системѣ широчайшаго кредита, довѣрія къ сиволану и на трехъ поляхъ.

— И чортъ его знаетъ, какъ это его при всемъ этомъ мужики любили! опять восторгнулся товарищъ прокурора.

Чуткое ухо Ларіона Герасимовича поймало это восклицаніе среди общаго говора, и Ларіонъ Герасимовичъ загоготалъ своимъ желудочнымъ басомъ.

— О-хо-го, кого это, батюшка? меня-то пейзажи любить? О-хо-го. Какъ собака палеку. Околѣю, такъ въ гробу будутъ бояться. Какъ мыши kota, будутъ хоронить. На погостъ вся волость соберется смотрѣть: вправду ли умеръ, вправду ли закопаютъ въ землю. Охо-го. Меня-то любить мужики!

— Да помилуйте, они васъ слушаются, все, что вамъ нужно, дѣлаютъ...

— А, это другой разговоръ, что слушаются, да по моему дѣлаютъ. Не смѣютъ по моему не дѣлать, знаютъ, что хуже будетъ, спуску не дамъ. Опять же слушаются отъ того, что вѣрять. Мы съ ними на чистоту; по сосѣдству, честно, безъ обмановъ.

— Ха, ха, ха, хи, хи, хи! раздалось по всей группѣ, и по всей комнатѣ:—самъ же рассказывалъ, какъ ихъ обираетъ и надуваетъ а теперь говорить на чистоту, по честности, по сосѣдству, хо, хо, хо, хи, хи, хи.

— А то какъ же? Крутовъ даже изумленно глаза на публику выпучилъ:—извѣстно на чистоту. Волю объявили, а ему, подлецу—это мужику-то—теперь, говорю, тебя сиволапа отъ меня обобрали, пу, и я тебя обирать стану. Теперь у меня доходовъ стало ставать меньше, отъ того, что тебя у меня обобрали. Стало быть, что могу, то и слушаю. Ты меня надуть нарочишь, каналья, да и я не лыкомъ шить, не спущу; и у меня снаровка есть.

— Надувать?

— Надувать. За ваше здоровье, господа честные! Крутовъ пропустилъ рюмочку.—Надувать. Такъ и живемъ.

— На чистоту и въ честности?

— На чистоту и въ честности. Отъ того мнѣ мужикъ и вѣрять.

— А какъ къ вамъ чужіе мужики совѣтоваться приходили насчетъ надѣла? вѣдь приходили? любопытствовалъ товарищъ прокурора, видимо желавшій со всѣхъ сторонъ насладиться своимъ любимцемъ.

— Ну, ихъ. Крутовъ махнулъ рукой: ему было лѣнь рассказывать, онъ трубку раскуривалъ.

— Нѣтъ, да вы расскажите, приставалъ товарищъ прокурора.

— Да что рассказывать. Мало ли ко мнѣ мужиковъ шляется!

— Нѣтъ эти—какъ его? петербургскаго-то барина сосѣди?

— Охъ, снова воодушевляясь и смѣясь въ усы, словно вспоминая что-то, вскрикнулъ Крутовъ:—это Щелкуновскіе-то? какъ же, вотчина больше тысячи душъ, вся около меня. Помѣщика отродясь не видывали, а тутъ шастъ, какъ снѣгъ на голову, самъ. Волю въ мартѣ объявили, а онъ, только что съ вешнимъ постѣвомъ управились, и приватилъ, какъ только дороги обсохли. И секретари съ нимъ, и землемѣры. И посредникъ у него живымъ живетъ. Разсолы да шампанскіе. Все мужицкимъ дѣломъ занимается баринъ. Совеветъ мужиковъ, станеть имъ манифестъ и положеніе читать, съ умиленіемъ-съ. «Радуйтесь, говорите, братцы, радуйтесь, Господь и Государь послали благодать нашей матушкѣ Россіи, эманципацію, много лѣтъ мы ея ждали!» Пролезитъ даже. «Я, говорите, пріѣхалъ все это вамъ пояснить. Толкуеть всякую околесицу: норма надѣла, говорите, для меня не обязательна, я васъ, говорите, такъ надѣлю, такъ надѣлю... Плачетъ, бабушки мои, ей-Богу; старшинъ—тутъ Кузьку пѣяницу выбрали—руку жметъ; сельскому старостѣ—вы, величаетъ по бабушкѣ. Ну, мужиковъ стало сомнѣнье брать. И стали ко мнѣ ходить: что, говорятъ, за притча такая; вы дескать, Ларіонъ Герасимычъ, говорите, что у васъ мужиковъ обобрали, говорите, что у баръ доходу убавилось, а нашъ баринъ чему же возрадовался, самъ себя обирать, говоритъ, ради насъ станеть. Норму какую-то поминаетъ все! приснувъ смѣхомъ вставилъ Крутовъ. Смѣхъ Крутова былъ невообразимо заразителенъ; когда онъ смѣялся невозможно было оставаться серьезнымъ, это было одно изъ его притягательныхъ свойствъ.—По положенію, говоритъ, норма вамъ идетъ, а я вамъ нормы не дамъ. Это мужики все мнѣ толкуютъ. Насъ, говоритъ, сомнѣние беретъ: почто бы ему изъ Питера пріѣзжать; вѣкъ не бывалъ, а теперь безпоясится, по нарѣзкѣ за землемѣрами ходитъ. Видно приглядываетъ, чтобы чего намъ не перепаало, а на словахъ куда добръ. Что, спрашиваютъ меня, за притча?

— Ну, а вы что?

— А я спрашиваю: по нарѣзкѣ ходитъ, и чего вы просите отдаетъ? Отдаетъ, говоритъ, да насъ все сумленье беретъ, кабы да мы чего не ладнаго просимъ. Можетъ, то ему и съ руки, можетъ, тутъ хитрость кабая.

— Какой же вы имъ совѣтъ дали?

— Какой! извѣстно какой! Чтобы землемѣровъ убогаторвали.

— Да зачѣмъ же, когда Щелкуновъ самъ все давалъ?

— А все вѣриѣ. Онъ на нарѣзкѣ дастъ, а землемѣръ, коли его толкомъ убогаторвал, такъ на планѣ еще причеркнетъ, да тамъ мимоходомъ столбикъ другой переставитъ.

— Да будто землемѣры брали?

— У-у-ухъ. Лопали-сь. Одинъ деньгами не бралъ, такъ до жеекаго пола былъ охочъ. За одну дѣвочку цѣлую, батюшка, пу-стошъ закалитскимъ мужикамъ отворотилъ.

— И это вы совѣтовали мужикамъ, чтобы они...

— Батюшка! да дѣвка что? была и не стало! А надѣль-то вѣковое дѣло-сь мужику.

— Вотъ циникъ-то! не удержался опять врачъ, а Власъ съ омерзениемъ отдѣлился отъ группы и сталъ отыскивать шапку.

— А что изъ этого вышло, изъ этой щелкуновской добродѣтели? продолжалъ пояснять разошедшійся Ларіонъ Герасимовичъ: — «мужички, голубчики, все ваше, все возьмите». Онъ имъ валить, чего имъ и не надо, и землемѣръ имъ валить. Щелкуновъ только слезы проливаетъ отъ радости и умиленья, что его обираютъ ловко моншеры-пейзаны. А вышло теперь, что тотъ же Щелкуновъ, али его управляющій — пейзажной шефъ все одно, кто на ней сидитъ—видать, что совѣмъ мужицкія земли чуть не въ господскій садъ заѣхали, ну, и жмутъ мужиковъ теперь на чемъ могутъ; таябы, дразги. А у меня, грѣшнаго, не было моимъ повадки никогда, вотъ и въ мирѣ пребываемъ, и не судимся.

Крутова куда-то по хозяйству жена отозвала. Товарищъ прокурора былъ тоже охотникъ до Власа, и, подмѣтивъ, что онъ собирается утекать, подошелъ къ нему раньше, чѣмъ тотъ отыскалъ свою шапку.

— Куда вы торопитесь? останьтесь ужинать! сталъ уговаривать Власа товарищъ прокурора.

— Не могу, просто тошнить отъ этого наглаго цинизма.

Товарищъ прокурора мягко и двусмысленно улыбался.

— Да какой же это цинизмъ, это просто откровеніе! замѣтилъ онъ.

— Какое откровеніе, просто на просто отвратительнѣйшая гадость и мерзость.

— То есть, я съ вами согласенъ, что описываемыя имъ дѣянія непривлекательны, но вѣдь это откровенность беззавѣтная, прозрачная, какъ стекло... смѣлость кака!..

— Тошнить отъ этой смѣлости. Я не могу понять, какая охота его слушать...

— Не знаю, какъ для васъ, а для меня ужасно любопытно его слушать. Вѣдь мы межъ собой никакихъ иныхъ нынче разговоровъ не ведемъ, какъ о гражданскихъ доблестяхъ и добродѣтеляхъ. Мы такъ объ этомъ стали заговариваться, что вообразили себя въ самомъ дѣлѣ доблестнѣйшими гражданами и

добродѣтельнѣйшими людьми. Словъ накопилось такъ много, что дѣло намъ начинало казаться излишнимъ. Мы обличаемъ и воображаемъ, что обличенное нами сражено на смерть, а этотъ герой стараго зла обличаетъ и другихъ, и себя, именно потому, что увѣренъ въ живучести обличаемаго; онъ увѣренъ, что это зло еще долго будетъ гулять по свѣту, по крайней мѣрѣ, настолько долго, что онъ успѣетъ, не вдавливая себя въ рамки доблести и добродѣтели, дожить свой вѣкъ. И не забудьте, что онъ это дѣлаетъ не по невѣдѣнію, а сознательно. Онъ вѣдь нетолько умѣетъ внимательно выслушивать наши доблестные разговоры, но читаетъ много новыхъ хорошихъ книжекъ, которыми и мы съ вами не брезгаемъ. Какъ же такого человѣка не слушать?

— Да это-то именно и противно.

— Ну, положимъ, мы съ вами не будемъ слушать, другіе будутъ, именно тѣ, кому это опасно.

— А смотрите, какъ всѣ слушаютъ. Мы съ вами слушаемъ такъ, ради развлечения, а посмотрите на эту молодежь — на этихъ канцелярскихъ, оперяющихся купчиковъ, пристроивающихся дворянчиковъ, у которыхъ молоко еще на губахъ не сохло и у которыхъ только и свѣту въ окошкѣ, что заглохловская цивилизація — посмотрите, какъ они тянутъ шею и уши къ нему. Я подмѣчалъ, многіе бросаютъ плясать, прислушиваются, задумываются; можетъ быть, взвѣшиваютъ въ своихъ легонькихъ умикахъ: что больше тянетъ — либеральныя проповѣди вашего друга и товарища доктора, ваши, пожалуй, ну, и мои разглагольствованія, или эти вырванные изъ жизни мерзости Крутова. Эти мерзости доставляли, видите, еотовыя шубки; а у этихъ юношей нѣтъ еотовыхъ шубокъ, да и идеаловъ нѣтъ. А имъ хочется шубокъ; у многихъ слюнки текутъ...

— Да, никакого сомнѣнія нѣтъ, что онъ развращаетъ ихъ...

— Развращаетъ, и съ какой страшной силой развращаетъ! Его сила въ его беззавѣтномъ цинизмѣ: Мефистофель на распашку — самый опасный Мефистофель. Но уничтожить его силы мы съ вами не уничтожимъ, много молодыхъ побѣговъ еще дастъ эта старая сила. Намъ остается только наблюдать, пожалуй, изобрѣтать противудіе, коли съумѣемъ, а все-таки прежде наблюдать. Ну, вы и оставайтесь наблюдать и ужинать,

.....
 Далеко за полночь разошлись гости Ларіона Герасимовича. Проводивъ послѣдняго и раздавъ громогласныя приказанія, какъ, что, кому и гдѣ прибавать, что убрать сегодня, что оставить до завтра, хованинъ удалился въ свою опочивальню въ мезонинѣ.

Это была просторная, нештукатуренная комната, съ шкапами, сундуками и полками по стѣнамъ; съ большимъ некрашеннымъ столомъ, двумя стульями въ одномъ углу и съ одинокимъ ложемъ въ другомъ. Подушки на постелѣ были ситцевыя, одѣяло сшитое изъ пестрыхъ ситцевыхъ же треугольниковъ, простыня только одна, да и то не отличающаяся бѣлизной—все вмѣстѣ было помято и сбито: видно, что постель не поправляли. Лохматый большой тулупъ валялся въ ногахъ и наполнялъ комнату душливымъ запахомъ овчины. На окнахъ стояли большія бутылки съ наливками, на полкахъ и столѣ валялся разный скарбъ и множество книгъ прошлаго и настоящаго столѣтїа. Крутовъ, гдѣ у сосѣдей увидить книгу, сейчасъ попросить почитать; своихъ книгъ никогда не выписывалъ и не покупалъ; чужія читалъ, но не зачитывалъ.

Крутовъ спалъ одинъ. Съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ спалъ одинъ, а женился онъ весьма недавно, тогда, когда его дочерямъ было подъ двадцать. «Поручица», какъ неизмѣнно называлъ онъ свою сожительницу послѣ брака—до брака онъ звалъ ее Палахой, и въ нѣжныя минуты Палашкой—была его бывшей крѣпостной дворовой дѣвкой. Съ ней онъ «связался» вскорѣ послѣ выхода въ отставку, и за двадцать слишкомъ лѣтъ сожительства, по своему, къ ней привязался. Она была для него давно необходимостью; когда объявили волю, и, во избѣжаніе ея самовольной, на законномъ основанїи, отлучки, онъ и прикрѣпостилъ ее къ себѣ, какъ онъ выражался, и произвелъ въ заправскія поручицы. Справедливость требуетъ замѣтить, что не одно желаніе обезпечить за собой привычный комфортъ, олицетворяемый заботами Палахи, заставило его «прикрѣпостить поручицу»; онъ тоже, по своему, любилъ своихъ дочерей и, желая имъ добра, хотѣлъ умалить шансы ихъ удаленїа изъ родительскаго дома безъ отцовскаго благословенїа.

Обвѣнчавшись, онъ объявилъ супругѣ:—Ну, поручица Крутова, ваше благородїе, теперь ты мнѣ постель въ одиночку постели; будетъ, набаловались.

Крутовъ, ложась спать, въ описываемую нами ночь, изрядно долго возился. Что-то пописалъ на бланковомъ листѣ, порылся въ книгахъ, вытащилъ съ полки книжку «Русскаго Вѣстника», пошагалъ босикомъ изъ угла въ уголъ, раздѣлся, поставилъ сальную свѣчу на стулъ, стоявшій у изголовья, поглядѣлъ, тутъ ли щипцы; харкая, откашливаясь и, сплевывая во всѣ стороны мокроту, завалился на свое пуховое ложе подъ одѣяло изъ треугольниковъ, натянуть тулупъ сверху, надѣлъ большущїа очки

въ мѣдной оправѣ и, раскрывъ книгу, углубился въ чтеніе журнала.

Ровно черезъ четыре часа послѣ того, когда Ларіонъ Герасимовичъ раскатиисто и мокротно захрапѣлъ, потушивъ свѣчу, онъ пересталъ храпѣть, пробурчалъ что-то, по медвѣжьи заричалъ на весь домъ:—Поручица! а поручица! чиркнулъ зловонной сѣренкой и зажегъ свѣчу:—поручица, эй!

Черезъ три-четыре минуты, встрепанное, заспанное лицо поручицы въ полномъ дезабилье просунулось въ полуотворенную дверь хозяйской опочивальни.

— Ну, чего рыло-то суешь? привѣтствовалъ ее супругъ: — неси!

Поручица скрылась, и послѣ таинственныхъ походовъ въ темной кухнѣ и кладовой, бряканья посудой, и звяканья чѣмъ-то стекляннымъ, внесла на подносѣ большой кусокъ пирога съ лещомъ, ломоть ржаного хлѣба и графинъ очищенной. Поручикъ приподнялся и опустилъ на полъ голыя ноги.

— А солонины что не принесла? осталась вѣдь, а? спросилъ супругъ, заспанно оглядывая яства и питье.

— Осталась, да нешто те мало? ишь край рыбника...

— Ну, ладно, пушай. А квасу, эхъ, квасу, да со льду!

Каждую ночь, ровно черезъ четыре часа послѣ отхода во сну, Ларіонъ Герасимовичъ будилъ свою старуху, требовалъ закуску, выпивалъ стакашъ водки, съѣдалъ добрую трапезу, запивалъ квасомъ, непремѣнно холоднымъ, прямо изъ подвала. Ларіонъ Герасимовичъ былъ эпикуреецъ и потѣлѣвшаго въ комнатѣ кваса не любилъ. Потомъ, онъ опять ложился, непремѣнно съ полчаса или долѣе читалъ книгу, иногда вскакивалъ, вспоминая о дѣлѣ, въ одной рубахѣ подходилъ къ столу, строчилъ какое-нибудь письмо или дѣловую бумагу и вновь засыпалъ до утра.

Тромбоновъ и даже Наполеоновъ природа печетъ изъ того же тѣста, изъ котораго она испекла Крутова. Такіе люди не скоро изведутся.

Онъ, какъ я узналъ изъ словъ Пуха, подслушанныхъ на Черной рѣчкѣ, доселѣ здравствуетъ, и, какъ оказалось по наведеннымъ мною вслѣдъ за симъ справкамъ, чувствуетъ себя несравненно лучше, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ.

Л. Руськинъ.

С О В Ъ С Т Ь.

(Изъ Барбье).

О сколько, каждый день, тяжелыми путями
Несчастнѣйшихъ существъ проходить передъ нами!
Какъ много на землѣ голодныхъ бѣдняковъ
Скрывается въ стѣнахъ красивыхъ городовъ;
И сколько ихъ, губя свои напрасно силы,
Безвременно идутъ въ холодный мракъ могилы!
О! если вы съ душой — невольно васъ смутитъ
Безчисленный ихъ рядъ, печальный вѣчно видъ;
Покажется пошлѣй довольство жизнью праздною
Предъ массой ихъ, всегда густой, разнообразной —
Гдѣ каждый въ тишинѣ свой тяжкій крестъ и гнѣтъ
Безъ ропота, всю жизнь, безъ жалобы несетъ,
И, двигаясь во тьмѣ, на шагъ одинъ, стыдится
Отъ долга и труда позорно уклониться!..
О, совѣсть, свѣточъ нашъ и чистый и святой!
Который озарилъ намъ трудный путь земной,
И, отблескомъ живымъ лучей своихъ небесныхъ,
Отмѣтилъ въ мирѣ насъ отъ стада бессловесныхъ!
Не даромъ Богъ вложилъ тебя въ сердца людей:
Нѣтъ! ты не крикъ пустой безмысленныхъ дѣтей,
Не выдумка глупцовъ, не призракъ сновидѣнья —
Ты нѣчто посильнѣй игры воображенья! —
Коль скоро, въ злобѣ дня, всѣмъ этимъ бѣднякамъ,
Подавленнымъ нуждой, поблѣвшимъ существамъ,
Заброшеннымъ въ глуши, беспомощнымъ созданьямъ,
Единственнымъ за все ты служишь воздаяньемъ,
И отраженьемъ въ нихъ божественнымъ своимъ
Здѣсь замѣняешь всѣ земныя блага имъ!..

И. П. Ивановъ.

НУЖДА.

(Изъ Барбы).

Съ тѣхъ поръ, какъ созданъ человекъ,
Ты, точно тѣнь, изъ вѣка въ вѣкъ,
Не отставая никогда,
Его преслѣдуешь, нужда.

Едва онъ явится на свѣтъ,
Ты ужъ обжиши за нимъ вослѣдъ;
Ведешь, какъ призракъ роковой,
Его до двери гробовой.

Безъ сожалѣнья, до конца,
Глотаешь ты съ его лица
Потоки слезъ... и стонъ его
Тебѣ не значить ничего...

Но пусть, какъ въ лонѣ свѣтлыхъ водъ,
Порой, мы видимъ неба сводъ —
Здѣсь, въ этихъ пѣсняхъ, видать всѣ
Тебя во всей твоей красѣ.

О, я бы пламенно желалъ,
Чтобъ даже тотъ, кто не страдалъ,
Кто безъ печали, безъ заботъ
Легко и весело живетъ —

Постигъ, увидѣвъ образъ твой,
Какую страшную цѣной
Борьбы, лишений и труда
Мы создаемъ города...

О, я-бъ хотѣлъ, чтобъ въ царство зла
Святая жалость къ намъ пришла;
И кроткій свѣтъ ея лучей
Вдругъ озарилъ сердца людей;

Чтобъ гнѣвъ и злоба навсегда
Тотчасъ исчезли изъ суда;
И не былъ слишкомъ строгъ и скоръ
Надъ падшимъ братомъ приговоръ.

Нужда! О, еслибъ голосъ мой
Могъ облетѣть весь шаръ земной
И всюду могъ найти, въ отвѣтъ,
И братскій откликъ и привѣтъ!

И всѣмъ, кого твой давить гнѣтъ,
Кто нищимъ цѣлый вѣкъ живетъ,
Вездѣ, во всѣхъ концахъ земныхъ,
Нашелъ защитниковъ прямыхъ!

Когда бы сотни голосовъ
На мой откликнулись зовъ;
И противъ язвъ твоихъ—вокругъ
Живой протестъ раздавался вдругъ;

Когда бы каждый могъ изъ насъ
Имѣть про черный день запасъ;
И голодъ болѣе не могъ
Переступать людской порогъ!

Когда бы вырвать всѣхъ людей
Намъ изъ твоихъ, нужда, когтей;
И ненавистный образъ твой
Изгнать изъ памяти людской!..

Но нѣтъ! Какой бы ни былъ тутъ
Людьми затраченъ страшный трудъ;
Какихъ бы мнѣ надеждъ и силъ
Для этой цѣли ни губилъ;

И какъ бы быстро человекъ
Ни шолъ впередъ изъ вѣка въ вѣкъ;

Какъ ни желалъ бы сильно твой
Разсѣять призракъ роковой —

Все такъ же будешь ты, нужда,
Его преслѣдовать всегда;
И такъ же будетъ полонъ свѣтъ
И жгучихъ золь, и тажевыхъ бѣдъ;

И такъ же будетъ родъ людской
Изнемогать въ борьбѣ съ тобой,
И съ скорбью вѣчною въ груди
Ждать счастья только — впереди!..

И. П. Ивановъ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ.

(Нѣсколько отвѣтовъ на запросы ученыхъ и неученныхъ людей, изъ дневника наблюдателя).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

«Новыя птицы—новыя пѣсни».

Въ первой части своего «дневника» я старался познакомить васъ съ буднями одной маленькой деревенской общины собственно только съ одной стороны, именно со стороны исключительно общинно-бытовыхъ формъ, да и эти послѣднія только въ сферѣ земельныхъ отношеній. Такимъ образомъ, я какъ будто изолировалъ извѣстный разрядъ явленій среди другихъ, вслѣдствіе чего мои наблюденія приняли будто бы, по замѣчанію нѣкоторыхъ рецензентовъ, отлечатокъ преднамѣренности. Можетъ быть, это отчасти и справедливо, но только уже никакъ не въ смыслѣ преднамѣренности. Это сдѣлалось какъ-то само собой. Начиная писать первую главу, я имѣлъ въ виду одну цѣль: день за днемъ, фактъ за фактомъ, передать читателю все, что я видѣлъ и слышалъ, живя въ ямской общинѣ. Но со второй же главы такой пріемъ оказался далеко неудобнымъ. Въ виду той «злости дня», того интереса, который возбужденъ въ обществѣ къ изученію специально общинныхъ формъ быта, являлась потребность яснѣе, отчетливѣе, опредѣленнѣе выяснить вопросы, касающіеся именно этой стороны крестьянскихъ будней. Это же возможно сдѣлать только именно при нѣкоторомъ отвлеченіи этихъ явленій отъ массы другихъ, которыми полна жизнь деревенскихъ будней—каковы сферы семейныхъ, религіозныхъ, юридическихъ, индивидуально-нравственныхъ и умственныхъ отноше-

¹ Первая часть—см. №№ 3, 4, 6 и 8 «Отеч. Записокъ».

*

ній и интересовъ. Врядъ ли отсюда можно заключить, что я игнорирую эти явленія въ какихъ-нибудь особенныхъ цѣляхъ, а не въ виду исключительно ясности и опредѣленности изложенія, а тѣмъ болѣе обвинять меня въ желаніи преднамѣренно находить въ деревнѣ то, что я уже раньше предполагалъ найти. Думаю, что это несправедливо.

Будни такой маленькой деревенской общины, какова деревня Ямы, какъ нельзя болѣе, по моему мнѣнію, оказались удобной канвой для ознакомленія читателей съ самымъ простыми, элементарными основами общинно-бытовыхъ отношеній. Эта деревня живетъ пока еще очень несложною жизнью; жизнью, сравнительно, довольно изолированную какъ отъ своихъ сосѣдокъ, такъ и отъ вліяній городской цивилизаціи. Она была незнакома и съ барщиной, незнакома, значитъ, и съ тѣми крутыми переворотами въ крестьянской жизни, которые испытали на себѣ деревни крѣпостныя. Все это не могло не отразиться на ней извѣстными результатами; таково, на примѣръ, то, что она сохранила въ значительной степени равноправность своихъ членовъ, болѣе, сравнительно, экономическое равенство въ собственной средѣ, и наконецъ, болѣшую независимость, сравнительно, отъ вліяній чисто-экономическаго свойства: какъ издавна она обрабатывала землю и посылала свободныхъ своихъ членовъ на «свободные» промыслы, на примѣръ, въ серповники, такъ продолжаетъ жить и теперь. Ни фабрики, ни крайнее безземелье, ни отрывка барщиной заботности и приниженія не гоняютъ ея, по крайней мѣрѣ, теперь, настоятельнѣйшимъ образомъ во всезахватывающія жадныя лапы экономической кабалы. Мужикъ ея вполне могъ сказать про себя: «неуѣжно, да улежно».

— Хоща мы и ни вѣсть какъ богато живемъ, тоже съ хлѣба на квасъ перебиваемся, говорятъ про себя ямцы:—да у себя сами себѣ господа! И это справедливо. Если общій строй «двуличной» современной жизни не могъ, конечно, не отразиться и на ней извѣстнымъ развращающимъ образомъ, не могъ не внести извѣстной доли дисгармоніи въ ея общинный бытъ, не могъ не сбить ея правильнаго теченія на путь всевозможныхъ компромиссовъ, то вліяніе его не было еще на столько велико, чтобы образовать въ самомъ сердцѣ этой небольшой общины кабальную зависимость ея членовъ другъ отъ друга. Несмотря на то, что въ ней, какъ мы говорили, есть «красная» и «холодная» сторона деревенской улицы, есть и крайнія степени экономическаго неравенства, какъ на примѣръ, съ одной стороны комерсанты, сидящіе на капиталахъ, съ другой—бѣдствующая Гусариха, тѣмъ не менѣе въ ямской общинѣ нѣтъ еще ни кулачества, ни мі-

рождства, по крайней мѣрѣ, въ рѣзкихъ формахъ вліянія на мірскіе распорядки и сходы. Вотъ почему ея общинно-бытовой строй наиболѣе типиченъ для ознакомленія съ основными формами и мотивами, на которыхъ стоитъ и которыми движется жизнь современной *средней* деревни. Изолированная до известной степени отъ крайнихъ проявленій вліянія крѣпостнаго права и барщины съ одной стороны, и крайняго экономическаго гнета современнаго строя съ другой, она тѣмъ яснѣе и рельефнѣе отражаетъ на себѣ вліяніе *общихъ* воздѣйствій на деревенскую общину какъ историческаго прошлаго, такъ и современнаго строя. Мы видѣли, какъ отзываются результаты этихъ воздѣйствій въ самой несложной, элементарной формѣ общинныхъ отношеній. Надѣюсь, мы достаточно уяснили для читателя на будняхъ ямской общины, какъ сущность основныхъ обычно-бытовыхъ формъ, такъ и сложную сѣть тѣхъ отклоненій, компромиссовъ и непримиримыхъ противорѣчій, въ которую заткали ихъ общія историческія вліянія и изъ которой приходится постоянно выпутываться общинѣ, конечно, не безъ большого ущерба для чистоты приложенія своихъ исконныхъ идеаловъ.

Въ предыдущихъ главахъ, для поддержанія нѣкоторыхъ общихъ выводовъ, не разъ приходилось намъ ссылаться на факты изъ будней другихъ деревенскихъ общинъ, въ которыхъ формы общинно-бытовыхъ отношеній значительно сложнѣе, а сфера вѣйшихъ вліяній и воздѣйствій шире и многостороннѣе. Къ описанію будней одной изъ такихъ общинъ я и намѣренъ приступить теперь. Познакомившись съ такой несложной конструкціей общины, какова въ деревнѣ Ямы, намъ уже будетъ теперь значительно легче и удобнѣе ориентироваться въ сферѣ болѣе сложныхъ общинныхъ отношеній. Здѣсь мы еще ближе познакомимся съ той запутанной и хитрой сѣтью стороннихъ вліяній, которая опутываетъ цѣликомъ крестьянина, лишаетъ его свѣта Божяго, лишаетъ возможности ступать твердо и самостоятельно, извращаетъ его умонастроеніе, губитъ его традиціи, затуманиваетъ исконные идеалы, и неуклонно влечетъ въ какой-то пропасти, куда, можетъ быть, скоро безсознательно бросится онъ вопреки своимъ инстинктамъ...

Покинемъ же пока деревню Ямы и перенесемъ въ село Верхніе и Нижніе Лопухи.

Прежде всего, здѣсь уже далеко не такая деревенская чужь и глушь, въ которой засѣла деревня Ямы, окруженная болотами и лѣсами. Въ водополь, напримѣръ, эта глушь на цѣлый мѣсяцъ дѣлается совершенно невозможной ни для какого рода со-

общеній съ округой и городомъ — ни пѣшкомъ, ни верхомъ, и тѣмъ менѣе въ телегахъ. А если настоящая нужда заставляетъ во что бы ни стало побороть такъ или иначе эту непроходимую глушь и пробраться сквозь нее на свѣтъ божій, то такой подвижъ является всегда очень рискованнымъ и врядъ ли проходить даромъ подвижнику. Недавно, напримѣръ, въ Ямахъ умеръ священникъ; путешествуя въ концѣ марта съ требой, онъ простудился, можетъ быть, окунувшись гдѣ-нибудь по-поясъ въ полынью; но простуда все же была легкая, и перенести ее было тѣмъ легче, что священникъ былъ человекъ въ полной силѣ. Однако, черезъ двѣ недѣли онъ умеръ воспаленіемъ легкихъ, умеръ потому, что кругомъ не было никакихъ средствъ помощи, кромѣ услужливыхъ совѣтовъ знахарокъ. Имѣя въ разстояніи трехъ-четырехъ часовъ ѣзды городъ, не было никакой возможности обратиться къ медицинской помощи — и человекъ умеръ, хотя люди компетентные говорятъ, что при ничтожной медицинской помощи «все бы какъ рукой сняло». И въ такой безпомощности умеръ священникъ, человекъ состоятельный, который не постоялъ бы, конечно, ни зачѣмъ, чтобы достать врача. Въ какой же безпомощности суждено умирать его бѣдной паствѣ! Такова глушь — въ разстояніи всего 15—20 верстъ отъ губернскаго города!

Совсѣмъ другое дѣло было въ Верхнихъ и Нижнихъ Лопухахъ. Современная російская цивилизація такъ и была въ глаза, куда ни обернись. Мѣстность, на которой расположены Лопухи, была открытая, возвышенная; въ то время, какъ надъ Ямами и ея глухими сосѣдками-деревнями царила на 15 верстъ въ окружности одна только колокольня погоста — здѣсь со всѣхъ сторонъ, въ двухъ-трехъ верстахъ одна отъ другой, мелькали большія бѣлыя сельскія церкви. Уже поэтому одному можно было заключить, что поселились здѣсь не старинныя убогія деревеньки, а большія, густо-населенныя села. Дѣйствительно, все плоскогорье было усѣяно этими селами, въ самомъ маломъ изъ которыхъ считалось болѣе 200 душъ, а инныя считали до 800... И какъ весело было смотрѣть, въ особенности издали, съ высокой горы, на это плоскогорье, у подошвы котораго ярко блестяли на солнце хотя и небольшія, но полныя и красивыя рѣки, а вдоль — прорѣзывали его и въ самомъ центрѣ пересѣкались шоссе и желѣзная дорога, съ своими картинными, игрушечными новыми станціонными домиками, будками и шлагбаумами! А какъ красиво смотрѣли эти раскинутыя села съ своими бѣлыми церквами и разноцвѣтными избами-хоромами, крытыми ярко-зелеными желѣзными крышами! И какъ много, однако, этихъ избъ-хоромъ! Ихъ

тамъ много, а яркая зелень крышъ такъ нахально рѣжетъ глаза, что изъ-за нихъ совершенно незамѣтно бѣдныхъ, закудалыхъ, крытыхъ соломой избенокъ, также незамѣтно, какъ незамѣтны за этими богатыми, раскинутыми селами маленькія деревни, которыя совсѣмъ сбѣжали въ лощины и втѣтся по бокамъ плоскогорья. Но итъ, этого мало... Взгляните вы на эту мѣстность въ свѣтлое прозрачное утро какого-нибудь большого праздника, вотъ тутъ посмотрите какіе пестрые, яркіе узоры рисуетъ цивилизація на нашей закудалой, «рукосушной» деревнѣ!.. Весь воздухъ переполненъ густымъ, перелетающимъ гулкомъ звономъ массивныхъ колоколовъ, которыхъ каждый ударъ подхватываетъ эхо, наполняетъ окрестность слегка колеблющимися волнами воздуха и вокругъ себя вы чувствуете какое-то трепетаніе... Въ особенности мощно гудитъ колоколъ богатаго мужского монастыря при селѣ Добролюбовѣ. Сюда-то, видимо, стекается со всѣхъ окрестныхъ дорогъ благочестивое населеніе ближайшихъ селъ; все шоссе заперстрѣло группами бабъ и мужиковъ; на бабахъ пестрыя яркоцвѣтныя шумящія ситцевыя, шерстяныя и шелковыя платья, свѣтлые, на высокихъ коблуккахъ и мѣдныхъ подковахъ полусапожки, шерстяные или шелковые платки на головахъ; на мужикахъ суконныя поддевки, драповыя пиджаки, красныя шитыя гарусомъ, вумачныя и шелковыя рубахи, глянцевитые сапоги и бархатные жилеты, съ распущенными на нихъ часовыми цѣпочками. Гдѣ же вы, классическіе липовый лапотъ и китайчатый сарафанъ! Увы! ихъ едва можно примѣтить, и то изрѣдка въ этой массѣ пестрыхъ рѣжущихъ глазъ цвѣтовъ. Эготъ лапотъ не показывается здѣсь, потому засмѣютъ его, со свѣту сживуть насмѣшками его, добродушнаго стратотерпца—и мирно сидитъ онъ и одиноко молится гдѣ-нибудь въ ветхой избѣнкѣ, затерявшейся въ оврагѣ, подъ подошвой богатаго села, или безобразно и дико пьетъ къ кабацѣ отверженный глубокимъ презрѣніемъ и этой толпы, и даже самого кабатчика... А, что на счетъ сарафана, такъ вы въ этой же толпѣ услышите тысячу разъ такого рода разговоры: «Вотъ оно дѣло-то: мы—за барами, а баре—за нами! У насъ нонѣ за китайчатый сарафанъ-то съ улицы сживуть, потому—что такое китаяк? Такъ, одно только убожество: ни красоты, ни цвѣта... А барыни китайчатые сарафаны понадѣли! Такъ ужъ, красоту понимать перестали! Не настоящіе нонѣ господа! Презрительно разсуждаетъ добролюбовская «дама» по поводу барышень-патріотокъ...

Но это еще только «толпа», «пѣшеходы». Скоро начинаютъ перегонять ихъ легкіе «купецкіе тарантасики», прекрасные, рослые жеребцы въ городской сбруѣ, и даже «шарабанчики» съ

плетеными задками, на лежачих рессорах... А въ этихъ «шарабанчикахъ» сидятъ гордые, надменные супруги, уже вполне въ городской одѣжѣ, впрочемъ, безъ шляпъ: супругъ въ сюртукѣ или пиджакѣ, супруга въ «платочкѣ» и дорогой шляпѣ или бурнусѣ. Но встрѣчаются и «по старинѣ» — больше, впрочемъ, мужчины — въ сукоинныхъ халатахъ и длинныхъ поддевахъ... «Купцы, настоящіе купцы живутъ въ нашихъ селахъ!» хвалятся мѣстные обитатели... Но и эта масса пестраго, разряженнаго народа — не купцы, и эти «супруги» въ шарабанчикахъ — не купцы; все это мѣстные крестьяне, «мужички», и даже не «мужички — собственнички», а общинники, «общественные люди»... Не хотите ли познакомиться съ ними? Остановимъ вотъ первый попавшійся шарабанчикъ.

— Мардарію Варсанофичу! Поликарпу Мардарьевичу! Фелисатѣ Кодратьевнѣ — здравія желаемъ! обращаемся мы къ шарабанчику, въ которомъ сидятъ три «персоны»: «тятенька» — худой, высокій мужикъ, сохранившій еще на лицѣ глубокія бороды и жилистую, костлявую структуру, отъ тѣхъ былыхъ временъ, когда самъ онъ ходилъ въ лаптяхъ и по 15-ти часовъ въ сутки тесалъ дикій и бѣлый камень; «маменька» (а то даже и «мамаша») — тѣш не той толстой, мягкой рассыпчатой купчихи, взглядавшей свое тѣло «съ измалѣтства» въ пуховникахъ и лѣни, а какой-то грубоватой, неуклюжей дебѣлости и толщины, въ родѣ той, которою награждаетъ водянка худого и жилистаго человѣка. Очевидна и здѣсь печать былой суровой, рабочей жизни. А вотъ, наконецъ, и самъ «молодецъ», ловко прикрившись сбоку шарабанчика, покачивается на облучкѣ. Онъ толстъ, мясистъ, кровь съ молокомъ; румянецъ заливаеъ его пухлое лицо и пробивается даже сквозь жидковатую мягкую бѣлую бороду.

— Здравствуйте, господинъ! отвѣчаютъ «тятенька» и молодецъ, ловко приподнимая надъ головой фуражки и снова плотно насаживая ихъ на пропитанныя коровьимъ масломъ волосы.

— Какими судьбами?

— Къ празднику, къ Угодничаемъ... Нельзя-съ! Свои мы вѣдь часто наѣзжаемъ, къ каждому празднику... Этого не упущаемъ, потому свои угодники-то!

— Нонче это плевать стѣить! Себѣ удовольствіе весьма легко можно получить! прибавлялъ молодецъ.

— Деньги у насъ вольныя, поддерживаеъ тятенька. — Пути сообщенія теперь въ государствѣ стали надлежащія... Сѣлъ въ Москвѣ на энтаго желѣзнаго коня, мотаеъ онъ головой по направлеию къ полотну желѣзной дороги: — мигомъ прикатить куда хочешь! Приспособительнo!

— Такъ приспособительно, перебиваетъ маменька:—что возможно бы хоша каждое воскресенье наѣзжать, ровно бы на дачу! Только за народомъ некому смотрѣть... Народъ рабочей нониче баловень, пропойца, воръ—народъ... Ежели бы не народъ...

И маменька сокрушенно машетъ рукой и не доканчиваетъ.

— Что вамъ, богатымъ людямъ, за охота жить вдѣсь? Давно бы вы совсѣмъ въ купцы выписались, да въ Москву и переселились?

— Зачѣмъ такъ? внушительно замѣчаетъ старикъ:—мы—крестьяне... Мы своимъ званіемъ не то что брезгуемъ, а наиболѣе стараемся его поддержать на виду... У насъ свое общество здѣсь... Мы—люди общественные... Мы отъ царскихъ щедротъ надѣлами награждены, земельными... Чтобы, значить, хозяйство крестьянское содержать... А не то что!.. Насъ награждаютъ, а мы бросать будемъ!.. Послѣ этаго, какіе же мы будемъ люди! Все одно—пропойцы, голяки безземельные, что надѣлы свои покидали да по кабакамъ гуляютъ! А мы обязаны мірскую землю держать, общество крестьянское содержать въ порядкѣ, чтобы на насъ выску отъ правительства не было... Чтобы начальству пріятно было въ нашей избѣ чайку попить!.. Вотъ, какъ правильный-то крестьянинъ живетъ!

— Какъ же вы хозяйство ведете, когда все лѣто въ Москвѣ?

— Мы сами не убираемъ... Потому рукъ не стоитъ марать изъ-за этой прокламаціи!.. Грошовое дѣло!

— Кто же у васъ убираетъ?

— Бабы у насъ есть бѣдныя, сродственницы... Тѣ, значить, въ ренду берутъ отъ насъ... А то есть у насъ такіе мужички, которые собираютъ къ рукамъ пять-шесть надѣловъ, кои брошены недовошниками, али вотъ у насъ, да потомъ и орудуютъ... Батраковъ нагонять... Ну, ему тогда и выгода есть... А намъ, нѣтъ никакого барыша съ ней возяться!.. Мы единственно только держимъ изъ того, чтобы отъ общества не отбиваться...

— А что же за охота вамъ подати платить?

— Подати?.. Помилуйте, господинъ!.. Да это намъ даже въ лести!.. Потому, неужели-жь мы на эти самыя гроши вниманіе будемъ обращать! Притомъ же мы понимаемъ-съ, что правительству тоже деньги требуются... И безъ насъ его много пьяницы-то огорчаютъ!.. Мы не такмо, что какія-нибудь подати... мы вотъ недавно для своего общества пожарную механику привезли... И даже за провозъ ничѣмъ не попользовались! А то—подати! Не своя насъ подать, господинъ, огорчаетъ, а то, что за пропойцу обидно платить...

— Съ него только и получишь, коли ежели его въ рукахъ

держишь, при своемъ дѣлѣ... Да смотришь за его несуразной образиной! заключилъ сынъ.

— Однако, просимъ прощенья!.. На чаекъ, послѣ молебна, заверните... Насъ этимъ не утѣсите!

«Попробуй-ка чѣмъ-нибудь утѣснить тебя, коли тебѣ и подати въ лести!» думаете вы, смотря въ широкія пострѣвшія отъ пыли спины удаляющихся общественныхъ мужичковъ.

Что же, однако, за деревенскія птицы—эти «общественные мужики»? Откуда они взялись, какъ живутъ и чѣмъ кормятся? Какія условія разукрасили ихъ этими пестрыми цвѣтами и зелеными желѣзными крышами покрыли деревенскія избы?

— Почтенный! обращаетесь вы къ одному хотя «пѣшеходному общественному мужичку», но тѣмъ не менѣ разодѣтому насколько не хуже «общественнаго мужичка», въ шарабанѣ: — у васъ здѣсь, надо думать, народъ Богомъ не обиженъ, живетъ въ достаткѣ?

— Ничего! У насъ живутъ нарядно, самоховольно улыбаясь, говорить «общественный мужичекъ»:—передъ бараміи, гляди того, выстоимъ.

— Что-же, земли у васъ много, большіе надѣлы, хорошая земля, поёмные дуга?

— Земли! Кабы земли было много — этаго бы не видать... Земля—дѣло черное, лѣнивое, бабье дѣло, поражаетъ васъ разодѣтый мужичокъ.

— Вотъ, какъ? Откуда же достатокъ вашъ взялся?..

— Отъ собственного ума... По нашимъ селамъ умственный крестьянинъ живетъ, работающій, расторопный... У насъ умственнаго мужика много живетъ!..

— Почему же онъ умственный?..

— Потому — *хозяйствуется*... Въ Москвѣ хозяйствуется, въ Адестѣ хозяйствуется, въ Таганрогѣ, въ Черкасскѣ... Дома хозяйствуется... Поэтому и Богъ его не забываетъ, и живетъ онъ нарядно! У насъ лапотника въ селахъ рѣдко найдешь: лапотъ по деревнямъ живетъ!..

«Хозяйствуется» — вотъ то таинственное, магическое слово, съ которымъ цивилизація пришла на помощь къ изматовшемуся въ юдоли бѣдности, въ скорби и горѣ русскому деревенскому люду: вотъ тотъ ключъ, заручившись которымъ вы откроете тайну мужицкаго довольства и наряднаго житья.

«Хозяйствовать» — это слово въ устахъ крестьянина звучитъ вовсе не такъ просто, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: въ немъ, въ этомъ небольшомъ словѣ, заключено сложное, характерное, обширное понятіе. Достичь мужицкаго современнаго

идеала, выражаемаго однимъ словомъ «хозяйствовать»—это значить рѣшить трудную мужицкую проблему; это значить—невозможное сдѣлать возможнымъ, примирить непримиримое, голоднаго мужика увидать сытымъ, безземельнаго — «рациональнымъ сельскимъ хозяиномъ», вѣковѣчные принципы общины примирить съ широкимъ понятіемъ личной собственности и эксплуатаціи чужаго труда, безземельную «поземельную общину» недоимщиковъ, столь много приносящую хлопотъ заботливой о меньшемъ братѣ интеллигенціи—увидать безнедоимочной и процвѣтающей общиной «общественныхъ мужичковъ», раздѣзжающихъ въ шарабанахъ, и нетолько не помышляющихъ о неуплатѣ недоимокъ, но заявляющихъ предупредительно начальству, что имъ и самыя подати «въ лествъ!» Вотъ тотъ широкій, всеобъемлющій національс-русскій компромиссъ, который, въ концѣ-концовъ, долженъ успокоить самыхъ притязательныхъ скептиковъ и привести въ умиленіе славяно-фильствующаго оптимиста. Въ идеалѣ «общественнаго, хозяйственнаго и умственнаго мужичка», какъ въ зернѣ, заключено могучее древо будущаго благоденствія и величія русской земли, съумѣвшей и сохранить исконные національные идеалы «славянской народности» и избѣжать язвъ прогнившей западной цивилизаціи безъ потрясенія какихъ-либо основъ... Слава Богу! Мы уже далеко шагнули по пути къ этому идеалу... Еще усиліе—рѣшеніе трудной проблемы будетъ достигнуто самимъ народомъ, на зло мечтательнымъ романтикамъ, и «вступитъ въ законную силу». Того ли мы ждали?...

II.

Каковы могутъ быть результаты современныхъ пріемовъ изученія «деревни»

«Того ли мы ждали? спрашиваете. Представьте, оказывается, какъ-будто, что именно *того*; оказывается, что «хозяйственный и умственный общественный мужичокъ» и есть именно то искомое, которое намъ требовалось найти!

— Позвольте, однако, въ негодованіи перебиваетъ меня интеллигентный радѣтель о благѣ народномъ:—позвольте, вѣдь такъ мистифицировать нельзя безнаказанно... Вѣдь и у насъ, въ настоящее время, мужицкій міръ, все же не темный лѣсъ, не вновь открытая земля неизвѣстныхъ обитателей, не безъ году недѣлю мы препираемся по поводу его и въ словесныхъ, и въ литературныхъ дебатахъ... У насъ есть традиціи, позади насъ кое-что было уже сказано очень вѣскаго, кое-что было высказано, что для насъ, по-крайней-мѣрѣ, недавно, было заветнымъ и дорогимъ, мы считали эти традиціи драгоцѣннѣйшимъ продуктомъ

того періода умственного движенія, который, по страстности общественнаго возбужденія и свѣтлыхъ надеждъ, стоитъ тяжелымъ укоромъ періоду современнаго унынія и апатіи?.. И вдругъ... Что вы говорите?

Объяснимся.

Въ вступительной главѣ своего дневника я, между прочимъ, сказалъ: наступило время, когда «деревня свободнаго труда» оказалась носительницей идеаловъ и обратила на себя сугубое вниманіе интеллигенціи. Изъ-за этой «новой» деревни начался литературный турниръ. Наконецъ, значеніе деревни въ глазахъ общества становилось настолько серьёзнымъ, что всё, кому были дороги интересы народа, поспѣшили уйти въ эту новую деревню, чтобы вынести оттуда рядъ честныхъ, искреннихъ и добросовѣстныхъ наблюденій. Мы живемъ въ началѣ этого періода, плодотворные результаты котораго будутъ несомнѣнны. Что же это насъ, радѣтелей народнаго блага, погнало въ деревню? Съ одной стороны, дѣйствительно, исканіе идеаловъ, очень, положимъ, туманныхъ, неопредѣленныхъ, но все-таки представляющихъ насущную потребность: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, обходиться идеалами Юханцева съ братією? Съ другой же стороны, и, пожалуй, главнымъ образомъ, зловѣщія слухи, все больше и больше крѣпчавшіе въ послѣднее время, все ехиднѣе заявлявшіе, что народъ гибнетъ, развращается, бѣднѣетъ и напроsto голодаетъ не отъ чего иного, какъ отъ того, что общинные идеалы современной деревни идутъ въ разрывъ съ успѣхами народнаго хозяйства, сельскаго хозяйства. «Какое тамъ сельское хозяйство, какое тамъ самоуправленіе — тамъ чортъ знаетъ что такое, говорили пессимисты:—какіе тамъ излюбленные народные идеалы? Тамъ одно — голодовка! Вотъ результаты существующихъ условій народной жизни». — «Совершенно вѣрно, поддерживаютъ ихъ обскуранты:—голодовка, развратъ, страшное паденіе народнаго хозяйства. Вотъ къ чему привели санкціонированные закономъ излюбленные народные идеалы! Вотъ ваша хваленая поземельная община и общинное самоуправленіе. Нашъ народъ блистательно доказываетъ, что его идеалы ни къ чорту не годятся и что самоуправленіе народа привело къ печальнымъ результатамъ... Спросите хозяйственныхъ, зажиточныхъ, умныхъ мужичковъ — и они подтвердятъ вамъ это». — Зловѣщія восклицанія становились все упорнѣе и упорнѣе, раздавались все чаще и чаще — и окончательно, наконецъ, сформировались въ нѣчто внушительное и грозное. Вышли труды комиссіи при министерствѣ государственныхъ имуществъ о состояніи сельскаго хозяйства. Пессимисты и обску-

ранты оказались правы. Наступило критическое время. «Народные идеалы» могли исчезнуть моментально и безслѣдно... «Господи! что намъ дѣлать? возопили радѣтели народнаго блага и поклонники народныхъ идеаловъ.— Попробовали было вспомнить и высказать вновь свои драгоценныя традиціи, но потерпѣли только великій конфузъ: во-первыхъ потому, что и высказаться хоть на сотую часть нельзя было—потому времена не прежнія, а во-вторыхъ потому, что едва они заикнулись объ этихъ традиціяхъ, едва намекнули на то, что вѣдь еще прежде умные люди, кажется, достаточно растолковали, что народные идеалы и количество сельскохозяйственнаго навоза—вещи врядъ ли соизмѣримныя, что ежели этого навоза недостаточно, то слѣдуетъ ли, что идеалы повинны въ этомъ недостаткѣ... Едва, говоримъ, намѣревались было только заговорить на эти «теоретическія» тѣмы, какъ люди «прагматичные» насмѣшливо только пожали плечами и, улыбнувшись, сказали: «Мальчишество! Ребяческія утопія! Вотъ факты...» И приводили факты, дѣйствительно зловѣщіе факты. И передъ ними отступили люди здравомыслящіе и усомнились въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, и подъ напоромъ этихъ фактовъ смутились даже мы, неисправимые поклонники народныхъ идеаловъ. Что же намъ дѣлать? Что дѣлать? засуетились мы.— Неужели это правда? Неужели все должно погибнуть, все, что мы такъ давно отстаивали и частичку чего, хотя очень маленькую частичку — удалось таки охранить отъ крушенія... Неужели и эта маленькая частичка погибнетъ и будетъ принесена въ жертву какому-то «преуспѣванію сельскаго хозяйства», какому-то «преимуществамъ крупнаго землевладѣнія передъ мелкимъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи», какому-то прерогативамъ подворнаго владѣнія передъ общиннымъ, какому-то фермерству и пр., вещамъ, странно и чуждо звучащимъ у насъ въ ухахъ... «Сельское хозяйство... Удобреніе... Народные идеалы... Подворное и общинное землевладѣніе... Передѣлы», повторяли мы. Мы, профаны, никогда не сомнѣвались въ неизбежности идеальныхъ основъ—и вдругъ... удобреніе!.. Недостатокъ удобренія отъ того, изволите видѣть, что ужъ слишкомъ будте бы много предоставлено мужику всѣхъ этихъ идеаловъ! «Но вѣдь это—абсурдъ, восклицали мы:—этого быть не можетъ! Это злонамѣренная подтасовка фактовъ! Это ребенку даже ясно!» — Но намъ ехидно возражали: «Вотъ факты... примѣрно хоть на счетъ недостатка и нераціональности удобренія... передѣлы, мѣшающіе спокойному теченію народнаго хозяйства... узкополосицы и чрезполосицы... драгоценныя вѣлки земли, погибающіе непроизводительно подъ межполосными межничками. (Сообразите,

какое могло бы послѣдовать приращеніе въ мужицкомъ надѣлѣ, еслибъ этихъ формъ владѣнія землей не существовало!)... дикій произволь въ передѣлахъ и частость ихъ... и пр. и пр... Потрудитесь опровергнуть фактами же и тогда мы увѣруемъ, что «ваши идеалы не мѣшаютъ рациональному удобренію полей...»

Что могли мы, прсфаны, возразить на это? Гдѣ у насъ, въ самомъ дѣлѣ факты на счетъ количества навоза и рациональности удобренія! Развѣ намъ когда-нибудь приходила мысль о нихъ? Но вѣдь надо же, надо искать фактовъ... потому что они *настѣрно* есть, несомнѣнно, такъ какъ не можетъ же въ дѣйствительности существовать абсурдъ—согласитесь!

И мы смиренно принялись вникать въ значеніе рациональныхъ способовъ удобренія. Мы стали искать въ этомъ помощи у сочувствующихъ намъ нашихъ ученыхъ спеціалистовъ. Они отозвались съ большою готовностію и даже нѣкоторою радостію за насъ, что вотъ-де, наконецъ-то, люди перестанутъ блуждать въ области «отвлеченныхъ идеаловъ» и предадутся «серьезному дѣлу». Какъ и подобаешь ученымъ людямъ, прежде всего они прочли намъ въ этомъ смыслѣ строгую нотацію: «пора, господа, бросить всѣ эти теоріи, утопіи... Настало время практическаго изученія предмета, серьезнаго, а не легкомысленнаго отношенія къ нему... Если вы хотите дѣйствительно отдаться этому дѣлу и принести ему несомнѣнныя услуги, вы должны выбросить всякія предвзятія теоріи изъ головы, должны забыть всякія традиціи, отрѣшиться отъ всякихъ легкомысленныхъ субъективныхъ мнѣній и вооружиться однимъ холоднымъ и безпристрастнымъ научнымъ орудіемъ... Если, господа, вы исправитесь въ этомъ направленіи — вы окажете и намъ огромную услугу, такъ какъ мы сами очень бѣдны фактами... Помните одно—факты и факты, цифры и цифры... Потому — теперь все спасеніе въ фактахъ... Если не факты — то все погибнетъ... Если вы не подтвердите фактами, то всѣ ваши прекрасныя теоріи будутъ гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ... Итакъ, господа, смиритесь!» — И мы смирились, и подъ руководствомъ сочувствующихъ намъ ученыхъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, но съ истинно похвальнымъ усердіемъ, познакомились съ «серьезной» стороною дѣла, изучили всѣ эти фермерства, трехпольныя и многопольныя хозяйства, рациональныя удобренія, и пр. и пр. Наконецъ сказали—«мы готовы!» Ученые похвалили насъ, но, плѣхо вѣруя нашей ебстоятельности и научной выдержкѣ, снабдили насъ подробными инструкціями и программами вопросовъ, дабы мы нѣкимъ образомъ не вышли изъ практической сферы дѣла и не занеслись въ какія-нибудь неподходящія области. Въ сущности

эти инструкции и программы по большей части сводились, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ положеніямъ: «Помните только одно, что вы должны доказать фактами и цифрами слѣдующія три существенныя положенія:

1) Способствуетъ ли общинное владѣніе питію мужиками водки, или нѣтъ? факты и точныя цифры до возможной степени.

2) Гдѣ лучше удобряется земля и рациональнѣе ведется хозяйство—у крестьянъ ли, живущихъ подворно, или у общинниковъ? факты и цифры.

3) Часто ли передѣляютъ мужики землю или нѣтъ, и кто больше «балуется» этимъ правомъ передѣла—голяки ли, пьяницы или хозяйственные мужички? цифры и факты.

Помните, что отъ количества и точности цифръ и фактовъ, отвѣчающихъ на эти вопросы, будетъ зависѣть судьба нашихъ упований. Если собранныя вами на сей разъ данныя блистательно подтвердятъ наше убѣжденіе, что сельское хозяйство не можетъ не успѣвать при существующихъ формахъ, сообразныхъ народнымъ идеаламъ, мы окончательно уьемъ нашихъ враговъ и возблистаемъ! Если же наоборотъ, то во имя науки, мы должны будемъ признать, что интересы рациональнаго удобрения несомнѣстны съ общинно-бытовыми формами, а потому сами самоотверженно потребуемъ, чтобы послѣднія были уничтожены. Таково серьезное отношеніе къ дѣлу!»

Но мы уже не обращали вниманія на послѣднюю половину тирады, для насъ было ясно, что этого быть не можетъ: «Какъ, чтобы народныя идеалы необходимо влекли за собой нераціональность удобрения? Не можетъ быть! Какъ, чтобы у общины дѣла шли хуже, чѣмъ у подворниковъ? Чтобы община регрессировала и переживала послѣдніе дни? Какъ, чтобы «обстоятельныя и хозяйственныя общинники позволяли себѣ «баловаться» частыми передѣлами? Не можетъ этого быть!.. Не можетъ быть сомнѣнія, что все это мы блистательно докажемъ поражающей массой фактовъ... Что-то тогда запоютъ пессимисты!»

И мы, съ кипами книгъ и программъ, лихорадочно устремились въ деревни. И какъ же мы усердствовали! мы залѣзали къ мужику въ горшокъ, въ чашку, въ рюмку, въ карманъ, мы лѣзли въ хлѣвъ, считали скотину, считали возы навоза, мы отбирали данныя у кабатчиковъ, у акцизныхъ чиновниковъ, летали на сходы и «усчитывали» мірскую выпивку, мы топтались по полямъ и лугамъ, мѣрели полосы шагами, снимали планы, прикидывали четвертями и вершинами межники и межполосные броды (какъ же! такое вѣдь драгоценное могло бы быть приращеніе мужицкихъ надѣловъ отъ рациональнаго количества межничковъ!),

чего-чего только мы не нюхали, не измѣряли, не вѣшали... Ну и... получились результаты блестящія! Потекли отъ насъ къ нашимъ специалистамъ «отвѣты», дождемъ полились... А чтобы «безвозмездно» они въ ученыхъ обществахъ не пропали (наши вѣдъ ученыхъ общества скупеньки, все больше на «горячую преданность дѣлу расчитываютъ»), мы, ради практичности, сначала наводнили ими страницы журналовъ, которые печатали, въ виду всеобщаго интереса къ предмету, всякія свѣдѣнія, въ надеждѣ, что «послѣ разберется какъ-нибудь». Ученые не нарадуются на насъ, не нахваляются нами... Вѣдъ совсѣмъ, совсѣмъ «прониклись удобреніемъ» и въ отвѣтахъ даже запаха не оказывалось какихъ-либо легкомысленныхъ теорій или утопій, даже и признака бывшихъ традицій не оказывалось. Безпристрастіе и объективность удивительныя. И ожидать было нельзя!.. Слыша такіа похвалы, мы прониклись еще пущимъ «безпристрастіемъ» и всесторонностію наблюденій въ рамкахъ данныхъ намъ инструкцій. Наконецъ, въ рукахъ ученыхъ скопилась уже такая масса доставленнаго нами матеріала, что они сочли возможнымъ приступить къ научной группировкѣ данныхъ. Начали появляться волюмы, испещренные таблицами и цифрами, цифрами и фактами, фактами и подробнѣйшими, скрупулезнѣйшими объясненіями и примѣчаніями. Наши противники приумоляли. Многочислительный признак! Ударить бы наповаль — и шабашъ! Но наши ученые говорили: «погодите, будьте терпѣливы, время синтеза придетъ, собирайте, господа, собирайте, нюхайте, мѣряйте, вѣшайте... Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Выводы сдѣлать не долго — они уже и теперь ясны. Вы видите, наши враги замолчали!..

А дѣйствительно выводы были ясны.

Всѣ эти таблицы и цифры, цифры и факты несомнѣнно отвѣчали:

На 1-й вопросъ инструкцій. Если община состоитъ изъ «хозяйственныхъ мужичковъ», нѣтъ никакого сомнѣнія, что мужики пьютъ вовсе не такъ много, какъ предполагаютъ. Цифры, факты и сравнительныя таблицы. Оказывается вѣрно.

На 2-й вопросъ: ежели община состоитъ изъ хозяйственныхъ и умственныхъ мужичковъ, рациональное удобреніе не только не отсутствуетъ, но даже преуспѣваетъ. Цифры и факты.

На 3-й вопросъ. Передѣлы не только не часты, но ихъ никто не долюбиваетъ, а наиболѣе «хозяйственные» и общественные мужики, и вообще замѣтно удлинненіе сроковъ передѣловъ, что несомнѣнно показываетъ, что община въ настоящее время не только не регрессируетъ или не близится къ окончательному упадку, но очень замѣтно прогрессируетъ, крѣпнеть и преуспѣвать. Цифры и таблицы, таблицы и цифры.

«Мы не ошибемся, прибавляют ученые:—если скажемъ, что выводы изъ этихъ многочисленныхъ и точныхъ данныхъ приводить къ несомнѣнному заключенію, чтобы была предоставлена общинѣ полная свобода развиваться и преуспѣвать при данныхъ условіяхъ, ибо хозяйственный и умственный «общественный» крестьянинъ съумѣлъ и при нынѣшнихъ условіяхъ не пить много водки, рационально удобрять поля и удлиннять сроки передѣловъ, съ каждымъ годомъ, кромѣ того, эти сроки еще болѣе удлинняя, а очевидно, этимъ самымъ способствовалъ прогрессированію общины. Есть, конечно, пятна и на солнцѣ, есть они и здѣсь. Но ихъ легко стереть совсѣмъ, при помощи нѣкоторыхъ мѣропріятій».

Выводъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Мы прежде едва смѣли думать, что если община держится, вопреки самымъ неблагоприятнымъ условіямъ, то единственно благодаря консерватизму народныхъ принциповъ и ихъ неподатливости и массѣ компромиссовъ, въ которые вступала община, и что, однако, того гляди, эта неподатливость скоро лопнетъ, а компромиссы уже давно значительно извратили ея исконные принципы, а тутъ вдругъ оказалось, что община еще прогрессируетъ!

Да, таковы цифры и факты, факты и таблицы! Враги будутъ посрамлены, общинѣ будетъ предоставлено вѣдаться со всевозможными условіями, какъ ей будетъ угодно; ибо хозяйственный и умственный общественный мужичокъ прогрессируетъ и по части удлинненія передѣловъ, и по части рациональнаго удобрения! 1...

¹ Если общія причины передѣловъ коренятся въ самой сущности общиннаго землевладѣнія, если они (передѣлы) стоятъ въ необходимой причинной связи со всѣми существующими условіями народной жизни, то самое существованіе передѣловъ, при существующихъ условіяхъ, придется признать явленіемъ неизбежнымъ... Если окажется, что виною частныхъ передѣловъ, вредныхъ для веденія хозяйства, является самый общинный порядокъ, то остается лишь изыскать мѣры къ уничтоженію этого порядка, т. е. къ измѣненію всѣхъ существующихъ условій общинной жизни; если же окажется, что причины ненормально-частыхъ общихъ передѣловъ лежатъ внѣ общины, тогда, разумѣется, слѣдуетъ позаботиться объ устраненіи этихъ внѣшнихъ причинъ, препятствующихъ правильному развитію общиннаго хозяйства («Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской Губерніи» т. IV, вып. 1-й. Формы крестьянскаго землевладѣнія, сост. В. Орловъ, стр. 184).

Итакъ, повторяемъ, сопоставленіе по уѣздамъ среднихъ чиселъ, выражающихъ промежутки времени между общими передѣлами, съ числами частости передѣловъ указываютъ на тенденцію къ удлинненію сроковъ передѣловъ, а слѣдовательно, къ уменьшенію числа передѣловъ, т. е. къ болѣе продолжительности владѣнія (ib. 158).²

Мы видимъ, что большая часть общинъ рѣдко передѣляетъ свои поля, что частые передѣлы имѣютъ незначительное распространеніе, составляютъ какъ

Того ли мы ждали?

Конечно того, потому что «драгоцѣнные» матеріалы (я говорю не иронически, а въ прямомъ значеніи слова, такъ какъ, *сами по себѣ*, они, какъ факты, несомнѣнно очень цѣнны) привели неожиданно къ *желаемымъ* выводамъ. Мы самодовольно потираемъ руки, и только изрѣдка леденитъ наше сердце мысль: — А что, еслибы этого не оказалось? А что, еслибы рациональное-то удобреніе или межничек-то того... не оказались бы совмѣстимыми съ современнымъ общиннымъ владѣніемъ? А что, еслибы наши таблицы вдругъ «оказали» не тенденцію къ удлинненію сроковъ общихъ передѣловъ, а наоборотъ, тенденцію къ возможному ускоренію ихъ, примѣрно хотя бы до сроковъ передѣла луговъ, которые ежегодно передѣляются каждой общиной на крупныя группы-вытты, а затѣмъ каждая группа обрабатывала бы *сообща* свой участокъ, дѣля продуктъ? Т. е., еслибы община въ этомъ случаѣ не прогрессировала, а регрессировала? Еслибы это случилось, къ нашему несчастію, то *volens-polens*, намъ оставалось бы *миш* изыскать мѣры къ уничтоженію этого порядка, т. е. «къ измѣненію всѣхъ существующихъ условій общинной жизни». Но «великъ Богъ земли русской!» Этого, какъ вы видите, не случилось. Выходитъ даже нѣчто совершенно обратное. Въ нашихъ драгоцѣнныхъ изслѣдованіяхъ имѣются такіа даннія, которыя съ яркою очевидностью будто бы доказываютъ слѣдующія два

бы исключеніе изъ общаго правила, мы видимъ, что тамъ, гдѣ возможно, сами крестьяне принимаютъ цѣлесообразныя мѣры къ устраненію слишкомъ частыхъ передѣловъ, составляя приговоры о срокахъ. Въ этомъ случаѣ приговоры составляются вполне свободно и сознательно, вслѣдствіе чего они и не нарушаются. Въ виду всего этого мы позволяемъ себѣ думать, что всякое постороннее вмѣшательство въ область мірскаго землевладѣнія, составляющаго вполне бытовую форму народной жизни, не принесло бы пользы; полагаемъ даже, что такое вмѣшательство принесло бы вредъ, такъ какъ нарушило бы исконныя права міра на свободное пользованіе своею мірскою землею и тѣмъ вызвало бы безчисленныя злоупотребленія со стороны отдѣльныхъ членовъ общины (ib. 163).

Срочные передѣлы дѣлаются не тѣмъ, чтобы удлиннить средній по губерніи промежутокъ между передѣлами, а устанавливается для того, чтобы устранить слишкомъ короткіе промежутки, считаемыя *лучшими хозяевами* негодноными для успѣховъ земледѣльческаго хозяйства (ib. 161).

Цитируя здѣсь прекрасный и цѣнный трудъ г. Орлова, мы вовсе не думаемъ отнести къ нему все то, что высказано въ этой главѣ въ общемъ смыслѣ. Мы искренно сочувствуемъ и благимъ намѣреніямъ г. Орлова, и его добросовѣстному отношенію къ дѣлу, и если ссылаемся здѣсь на него одного, то, во-первыхъ, потому, что книга его вышла недавно, во-вторыхъ, чтобы показать, какъ даже самыя лучшія намѣренія, *volens-polens*, подчиняются односторонности современнаго направленія въ изученіи деревни и могутъ привести къ громаднымъ недоразумѣніямъ.

Асм.

положенія: во-первыхъ, на сколько сильны въ народѣ общинныя традиціи, и во-вторыхъ, на сколько «хозяйственный, общественный» мужичокъ тонко понимаетъ выгоды рациональнаго веденія хозяйства, и какъ онъ умѣетъ, не имѣвая исконно-русскимъ общиннымъ формамъ, заставить ихъ «развиваться» при существующихъ условіяхъ. Первый примѣръ. Въ одной изъ волостей Костромской Губерніи крестьяне-собственники раздѣлили мірской надѣль слѣдующимъ образомъ. *Исправные плательщики*, въ числѣ 18-ти душъ, отдѣлили себѣ одинъ общій участокъ и *оставили его въ общинномъ между собою владѣніи*, а остальнымъ крестьянамъ-недомщикамъ выдѣлили каждому отдѣльный участокъ по числу душъ. (См. программу «Вольнаго Экономическаго Общества» изд. II, стр. 59).

Второй примѣръ. Въ виду размноженія пустырей, отъ которыхъ наиболѣе страдают *исправные хозяева*, въ послѣднее время стали приниматься при общихъ передѣлахъ особыя мѣры, служащія къ охраненію интересовъ послѣднихъ. Къ числу такихъ мѣръ относятся: а) оставленіе пустырныхъ полосъ *безъ жеребья* за тѣми же домохозяевами, во владѣніи которыхъ они находились до новаго передѣла; эта мѣра, кромѣ того, что освобождаетъ исправнаго домохозяина отъ необходимости взаимно своей раздѣланной полосы брать пустырь, имѣетъ еще и другую *хорошую сторону*, она побуждаетъ всякаго домохозяина тянуть свою землю, не бросать хлѣбопашества, не допускать залужанія своихъ полосъ, подѣ опасеніемъ быть исключеннымъ изъ общаго жеребья при передѣлѣ. б) Другою мѣрою является выдѣленіе особнякъ ярусовъ, лежащихъ въ задахъ, и притомъ наименѣе удобныхъ, изъ которыхъ исключительно и нарѣзываются надѣлы для домовъ, переставшихъ почему-либо заниматься хлѣбопашествомъ. Слѣдовательно, мірское поле разбивается на двѣ неравныя части: одна, состоящая изъ лучшихъ ярусовъ, идетъ въ надѣль исправнымъ хозяевамъ-хлѣбопашцамъ и обрабатывается ими; другая, состоящая изъ худшихъ ярусовъ, расположенныхъ взади, поступаетъ въ надѣль безхозяйнымъ дворамъ и лежитъ въ пустыряхъ. *Такимъ образомъ, «пустырники» выдѣляются особую группу и становятся какъ бы утвержденными, неизменными изъ міра...* (см. «Сборникъ статистическихъ свѣденій по Московской Губерніи». Формы землевладѣнія В. Орлова, стр. 55).

Вотъ факты. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти «исправные плательщики» и хозяйственные мужички-общинники видятъ для себя большія выгоды въ удлинненіи сроковъ передѣловъ; нѣтъ сомнѣнія, что эти общины «исправныхъ плательщиковъ» занимаютъ не послѣднее мѣсто въ статистическихъ таблицахъ частоты пе-

*

редѣловъ и значительно вліяютъ на общій характеръ ея и на общіе ея итоги, въ особенности, въ такихъ общинахъ, каковы подмосковныя, и вообще въ промышленныхъ уѣздахъ, гдѣ «общинныя бѣгуны» представляютъ явленіе довольно обыкновенное.

Итакъ, «плодотворные результаты» нашихъ послѣднихъ экскурсій въ деревню начинаютъ выясняться; плодотворностію результатовъ эти экскурсіи, конечно, обязаны тому, что онѣ были и вполнѣ благонамѣренны, и серьезны, носили и практическій характеръ; однимъ словомъ потому, что профанъ вполнѣ понялъ свою роль и проникся тѣми благими совѣтами, которыми снабдили его гг. специалисты... Но не думайте, чтобы пошло такъ дѣло и впредь! О, гг. ученые! вы, которые такъ довольны теперь «исправленіемъ» легкомысленныхъ профановъ! скоро, очень скоро измѣните вамъ легковѣрный профанъ! Я чувствую уже приближеніе той минуты, когда ваше мирное единодушіе съ профанами будетъ невозможно болѣе... Я знаю, что профану все не такъ легко отрѣшиться отъ завѣтныхъ и дорогихъ традицій, отъ несбыточныхъ утопій и легкомысленныхъ теорій, какъ думаете, можетъ быть, вы. Возможно, что на время онъ какъ будто забудетъ ихъ, какъ будто дѣйствительно погрузится по уши, какъ самый узкій специалистъ, въ трактаты по части рациональнаго удобрения и будетъ все человѣчество разсматривать «съ точки зрѣнія практическихъ результатовъ данной минуты», возможно, что онъ увлечется «серьезной стороной дѣла» — и трезво отнесется къ важности вопроса объ удлинненіи сроковъ передѣла, но, повѣрьте, это очень не надолго — и въ концѣ-концовъ, онъ васъ обманетъ... Я уже чувствую, какъ, вмѣстѣ съ очевидностію выводовъ, которые провидятъ гг. ученые въ группировкѣ собранныхъ имъ матерьяловъ, въ профанѣ начинается зарождаться какой-то легкомысленный скептицизмъ, скептицизмъ въ соизмѣрности такихъ величинъ, каковы рациональность удобрения и удлинненія сроковъ передѣловъ съ одной стороны и идеаловъ общины — съ другой. Завѣтныя традиціи глухо начинаютъ пробуждаться въ его сердцѣ. Смутные вопросы начинаютъ шевелиться въ его душѣ. «Неужели я могъ такъ увлечься вопросомъ объ удобрѣніи, чтобы забыть то, что было когда-то моею дорогою заповѣдью?... Неужели интересы «исправнаго хозяйственнаго мужичка», хотя бы то общинника, интересы съ точки зрѣнія удобрения, преимущества передъ подворнымъ владѣніемъ и удлинненія передѣловъ, стали для меня важнѣе интересовъ общиннаго идеала? Неужели я дошелъ до того, что могу отказаться отъ всякихъ регламентацій и вмѣшательства, если ихъ требуетъ защита моею дорогою завѣтною заповѣди, от-

казаться только потому, что якобы всякое постороннее вмѣшательство въ область мірскаго землевладѣнія, составляющаго вполнѣ бытовую форму народной жизни, было бы вредно въ интересахъ этого хозяйственнаго мужичка, имѣющаго тенденцію удлиннять все больше и больше сроки мірскихъ передѣловъ? О, нѣтъ, я чувствую тутъ что-нибудь не такъ... Тутъ выростаетъ какое-то громадное, чудовищное недоразумѣніе, и я, профанъ, я, такъ много налившій восторговъ передъ исконными народными идеалами, я прежде всѣхъ обязанъ постараться всѣми силами выбиться изъ подъ гнѣта этого удушающаго недоразумѣнія... Я первый обязанъ высказать прямо, что отказываюсь защищать интересы современной прогрессирующей общины «хозяйственныхъ мужичковъ» съ точки зрѣнія только рациональнаго удобренія и тенденціи къ удлинненію сроковъ передѣловъ. Вы говорите: если не интересы сельскаго хозяйства — община должна быть уничтожена. Я говорю: если не интересы общиннаго идеала — должны быть изменены всѣ существующія условія общинной жизни, хотя бы она и прогрессировала по части удлинненія сроковъ передѣловъ въ интересахъ сельскаго хозяйства! Сознаться, господа, что тутъ есть существенная разнида... И сущность этой разниды заключается въ томъ положеніи, что то, что является только результатомъ массы компромиссовъ въ современной общинѣ, не можетъ быть выраженіемъ ея прогресса и рекомендоваться какъ желаемое развитіе въ общинно-бытовыхъ народныхъ отношеніяхъ».

Вотъ что творится на глубинѣ души профана и что, рано или поздно, онъ выскажетъ во всеуслышаніе. Можетъ быть, онъ слишкомъ нетерпѣливъ, впечатлительнъ, наивенъ, требователенъ, прямолинеенъ, и не можетъ отличить практической стороны дѣла отъ утопическихъ теорій, возможнаго и вѣроятнаго отъ дѣйствительнаго, все это можетъ быть, но профанъ — «неисправимъ, хоть брось!»

III.

Въ атмосферѣ деревенскаго двоедушія и двуличія.

Въ словѣ «хозяйствовать», какъ я сказалъ уже, заключается очень широкое понятіе. Въ этомъ я могъ убѣдиться очень скоро по переселеніи своемъ въ Верхніе и Нижніе Лопухи. Въ этомъ пестромъ районѣ большихъ селъ — все «хозяйствуетъ»: хозяйствуетъ мужичекъ-землепашецъ, забирая нѣсколько надѣловъ своихъ «шабровъ» въ свои руки, хозяйствуетъ «мелкій хозяинъ» надъ артелью изъ 4 — 5 человѣкъ своихъ собратій на заработ-

какъ, хозяйствуютъ крупные подрядчики надъ цѣлыми арміями рабочихъ изъ сосѣднихъ деревень, хозяйствуютъ мелкія товарищества изъ мужиковъ-землепашцевъ, снимая аренды и вновь барышничая ими на счетъ своихъ собратьевъ, хозяйствуютъ цѣлыя общины надъ своими сосѣдками, приобретаая земли и сдавая ихъ съ торговъ этимъ послѣднимъ; хозяйствуютъ, наконецъ, мужики-собственники, купившіе цѣлыя барскія имѣнія и закрѣпостившіе себѣ сосѣднія общины. Хозяйствуютъ, наконецъ, интеллигентные землевладѣльцы-помѣщики, попы, адвокаты, чиновники, учителя, желѣзнодорожные служащіе, услывшіе урвать кусокъ при общемъ расхищеніи и ликвидаціи бывшаго барскаго пирога... Но объ этихъ послѣднихъ не стоитъ говорить, потому что всѣ они жалкіе подражатели здѣшняго «хозяйственнаго» мужичка; онъ одинъ знаетъ цѣну и этому пирогу, онъ одинъ умѣетъ находить средства сдѣлать кусокъ еще болѣе цѣннымъ. И понятно, онъ одинъ можетъ всецѣло воспользоваться вѣковымъ опытомъ по этой части своихъ трудолюбивыхъ предковъ. И такъ, здѣсь, въ этомъ районѣ богатыхъ селъ, свилъ себѣ прочное гнѣздо «хозяйственный мужичекъ». Не нужно много наблюдать и долго жить вблизи этого мужичка, чтобы сразу почувствовать ту особую, специфическую атмосферу, продутомъ которой онъ явился, среди которой живетъ и дышетъ и которую поддерживаетъ своимъ собственнымъ дыханіемъ. Это атмосфера особаго деревенскаго двоедушія и двуличія — не фарисейскаго, не злостнаго и преднамѣреннаго, напротивъ, двоедушія и двуличія откровеннаго, сердечнаго, котораго, пожалуй, не сознаетъ ясно и самъ хозяйственный мужичекъ. Конечно, есть и деревенскіе Тартюфы, Тартюфы въ полномъ смыслѣ слова, въ родѣ приведеннаго выше, но это исключенія, хотя и очень не рѣдки; мы беремъ здѣсь широкій, распространенный типъ средняго «хозяйственнаго мужичка», Тартюфа безсовнательнаго, пассивнаго, наивнаго, иногда даже готоваго сердечно сознаться въ своемъ двоедушіи, махнувши рукой: «что подѣлаешь! видно къ тому идетъ! И самъ вижу, что не ладно какъ будто, да вѣдь что же ты инако то сдѣлаешь?..»

Если вы живете среди цивилизованныхъ сословій, среди условій городской жизни, вы не чувствуете въ основахъ этой жизни никакого раздвоенія: все ясно, опредѣленно, «легально». Вотъ богатый гражданинъ приобретаетъ съ аукціона домикъ своего несчастнаго должника, для котораго этотъ домикъ былъ единственнымъ источникомъ дохода и единственнымъ ресурсомъ существованія. Подчистивъ и выкрасивъ его охрой, пускаетъ въ оборотъ «подъ жильцовъ», и съ прежняго домовладѣльца, уже въ

качествѣ квартиранта, немилосердно лупить квартирную плату. Вотъ другой гражданинъ взялъ ни за грошъ въ аренду городскія земли и на вѣсь золота раздаетъ прежнимъ ея арендаторамъ—бѣднякамъ-мѣщанамъ, вѣсь кормившимся исключительно этой землей. Да стоятъ ли приводить примѣры? «Основы» этой жизни у насъ за плечами. Я говорю только про то, что эти основы ясны, опредѣленны; въ нихъ все предусмотрѣно. А если кому изъ насъ отъ этого не легче, то мы можемъ жаловаться только «на несчастное стеченіе обстоятельствъ», на «судьбу», на собственную непрактичность, но уже никакъ не на самыя «основы».

Есть и деревни такія, и много еще ихъ есть, гдѣ вы то же чувствуете и видите крѣпкія, несокрушимыя «основы», хотя и совершенно обратнаго и инаго свойства. Но больше этихъ деревень было, чѣмъ есть. Какovy эти деревенскія основы бывшихъ деревень—мы говорили раньше.

Но деревни «хозяйственныхъ» мужичковъ совсѣмъ другого свойства. Попадъ въ эти деревни, вы сразу чувствуете, что подъ вами нѣтъ почвы, или, скорѣе, не то что совсѣмъ нѣтъ, а вы чувствуете, что она ежеминутно колеблется подъ вами.

Возьмите вотъ хотя одного изъ этихъ добродушныхъ «хозяйственныхъ мужичковъ» изъ Нижнихъ Лопуховъ, который имѣетъ надѣлъ всего только на одну душу, а между тѣмъ обрабатываетъ три, четыре, даже пять надѣловъ своихъ братьевъ, которые не въ силахъ ихъ тянуть, не въ силахъ до того, что или сами же, въ качествѣ наемщиковъ, работаютъ у своего арендатора, или совсѣмъ заколачиваютъ свои избы и уходятъ «на сторону», Богъ вѣсть куда, никогда, другой разъ, даже не заявляясь въ свою родную общину. Спросите этого хозяйственнаго мужичка: могутъ ли быть нормальны и справедливы такія отношенія въ общинѣ?

— Да вѣдь кто-жъ ему велѣлъ бросать-то? запоетъ сначала съ нѣкоторымъ азартомъ хозяйственный мужичекъ: — развѣ его кто тянулъ? У самого умъ долженъ быть... Ежели у кого умъ-то есть, такъ тотъ свое вездѣ возьметъ... А какъ ежели у него въ головѣ-то сиверко дуетъ—такъ самъ на себя казнись... Другой за него не отвѣтчикъ... Кабы по кабакамъ-то меньше ходили, такъ бы этого не бывало... Кабакъ-то, вотъ, онъ милѣе выходитъ!

— Да полно вадорь-то говорить!.. Вѣдь ты самъ знаешь—на всякій часъ не убережешься. Посуди по себѣ—ну, несчастнымъ часомъ, съ тобой бѣда стряслась... Тогда чтѣ?

— Да вѣдь это, признаться, точно что — все Божья власть!..

Конечно, какаѣ ужъ тутъ справедливости! Справедливости тутъ нѣтъ... А такъ ужъ — время, значить, такое... Перевертывайся всякій, какъ сможетъ! конфузится мужичекъ, конфузится до того, что готовъ совсѣмъ отказаться:—пожалуй, по мнѣ, я бы готовъ, значить, по справедливости — да при чемъ я тутъ одинъ-то! Осмѣютъ человѣка! Вишь, у насъ всѣ кругомъ такъ косятъ-ствуютъ!».

И вы ясно чувствуете, что въ этой непосредственной душѣ живетъ какое-то тяжелое раздвоеніе; что что-то заповѣдное, традиціонное, какаѣ-то особая «народная, общинная совѣсть» не даетъ ему спокойно и нагло, хотя бы на «законныхъ» основаніяхъ, «жрать» чужой кусокъ. И онъ все же «жретъ», «жретъ» какъ-то замурясь, съ сердцемъ, придумывая разныя оправданія, пова, наконецъ, то или другое не возьметъ перевѣсъ...

Или вотъ возьмемъ въ примѣръ другого мужика изъ Нижнихъ Лопуховъ, кузнеца Романа. Замѣчательный типъ истинно трудового мужика. Посмотрите только на его фигуру: ему лѣтъ пятьдесятъ с лишкомъ, но онъ еще силенъ и здоровъ, несмотря на то, что въ курчавые черные волосы лѣзетъ уже тамъ и адѣсь сѣдина, что его спину начало сводить дугой. Вѣчно черный, перепачканный углемъ, съ большимъ испачканнымъ горбатымъ носомъ, съ жилистыми, словно изъ натянутыхъ желѣзныкъ пружинъ, руками, которыя впродолженіи сорока лѣтъ изо дня въ день махали 15—20-ти фунтовымъ молоткомъ—онъ могъ привести въ восторгъ всякаго народолюбца. Мы еще съ нимъ будемъ имѣть случай познакомиться поближе. И вотъ, этотъ трудовой человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, даже вовсе не «хозяйственный мужичекъ», такъ какъ ничѣмъ никогда не мажачилъ и труда своихъ собратій не эксплуатировалъ, любящій дѣду, отецъ и мужъ, какъ-то даже до сентиментальности преданный своей семьѣ, своей деревнѣ («На что ужъ лучше жить, какъ не въ міру! говаривалъ онъ:—въ мірской чертѣ—Божье дѣло! Въ міру, что въ семьѣ — одинъ горюетъ, другой воветъ!»)—вотъ этотъ вполне старозавѣтный человѣкъ, между тѣмъ, продѣлываетъ такую штуку. Арендовалъ онъ у богатаго мужика клочекъ земли. За что-то этотъ мужикъ на него разсердился («за прямое слово!») и землю «ни за какую цѣну» отдавать ему не хотѣлъ (попляши безъ земли-то! Долго ли напляшешь — посмотримъ!»). А воли такъ, сказалъ кузнецъ: — я и самъ хозяйствовать стану и землю въ аренду отдавать! — Трое изъ его односельчанъ снимали въ аренду у сосѣдняго помѣщика нѣсколько десятинъ. Кузнецъ къ помѣщику. — «Хочу всю землю въ аренду снять». — «Да у меня вотъ твои же односельцы ужъ

пять лѣтъ снимають; ежели не откажутся — за ними опять оставлю». — «Я больше дамъ! Назначай торги». Помѣщикъ назначилъ торги. Препимъ арендаторамъ жаль бросить землю, потому они ее унавозили, привыкли къ ней, и они стали набивать цѣну. Романъ еще выше («мужикъ онъ дубоватый, надо правду сказать: прямой онъ мужикъ, только упрямъ безъ толку, характеризовали его крестьяне»). Валить въ мертвую голову — и шабашъ. Очень ужъ ему «хозяйствовать» захотѣлось. Препимъ арендаторы-товарищи отступились, наконецъ. Земля осталась за Романомъ. Черезъ день Романъ говорить имъ: — «Ступайте ко мнѣ въ пай». — «Ну, это — подожди!.. Наживайся, да не на своихъ!» «Не хочу я наживаться, говорить кузнецъ: — былъ такой грѣхъ — думалъ, а теперь не хочу съ землей грѣха заводить. Идите въ пай. Сами знаете, за сколько взялъ, по столько на каждого и разложимъ». Такъ чего же ты, дурья твоя голова, цѣну-то нагналъ? Чего ты, какъ рожонъ, уперся? Сказалъ бы запрѣжде, такъ мы бы тебя сами въ компанію впустили!..

— А такъ вотъ — со злости самъ хозяйствовать хотѣлъ... По злобѣ... Али имъ однимъ здѣсь, чертамъ, владычествовать!

А то вотъ еще примѣръ. Одинъ старикъ уже нѣсколько лѣтъ «хозяйствовалъ» съ сыномъ по серповному промыслу и держалъ артель изъ 5—6 своихъ братьевъ. Теперь бросилъ.

— Что же, дѣдушка, бросилъ «хозяйствовать»? Али невыгодно?

— Болѣ невыгодно «хозяйствовать»! Хозяйство въ убытокъ не идетъ. Хозяйствовать — всегда барышъ...

— Что же бросилъ?

— Да старъ сталъ: — быдто, какъ зазорно съ своего же брата барыши брать... Дерешь ты эти барыши обманнымъ образомъ и божбой и плутней... Вотъ ужъ три года не хозяйствуемъ... Третій годъ тому, сходили въ послѣдній разъ, а потомъ я и говорю сыну: вотъ, что, Якимка, бросить бы намъ хозяйствовать, старъ я сталъ, языкъ на обманъ да на плутня не поворачивается... Лучше ужъ я около своей полосы похожу... Такъ-то». — Что-жь, говорить сынъ, и я пожалуй же прочь... Поищу чего другого!.. Съ тѣмъ и «хозяйствовать» порѣшили...

Таковы примѣры того откровеннаго, сердечнаго, «двоедушнаго» хозяйственнаго мужика, который живетъ весь вѣкъ, нося въ душѣ традиціи братской и общинной солидарности, и въ тоже время принужденъ «хозяйствовать», эксплуатируя своего же брата.

Но все это, какъ видите, типы свѣтлаго, отраднаго еще, примирающаго характера. Атмосфера же «двоедушія и двуличія», однако, выработываетъ типы и иного свойства, мрачнаго, суроваго, даже жестокаго характера.

Эта атмосфера внесла въ общинныя формы быта духъ конкуренціи, духъ борьбы за существованіе, крайняго индивидуализма...

«Исправный плательщикъ», хозяйственный и умственный мужичокъ—безжалостно и съ высокоумнымъ покровительствомъ третируетъ «недоимщика», добродушнаго «рукосу», жертву случайнаго стеченія обстоятельствъ... И все это при общинныхъ формахъ быта, при формахъ, можетъ быть, болѣе рациональныхъ съ точки зрѣнія сельскаго хозяйства, чѣмъ въ какой нибудь захолустной деревенькѣ!

Вначалѣ я рекомендовалъ наблюдателямъ народной жизни крайнюю осторожность въ сужденіяхъ о ней, крайнюю осмотрительность въ оцѣнкѣ явленій, которыя съ поверхностнаго взгляда кажутся такими, между тѣмъ, какъ при внимательномъ изслѣдованіи и изученіи могутъ явиться совсѣмъ иного характера. Но я говорилъ тогда, имѣя въ виду огульныя отрицанія поверхностными наблюдателями общиннобытовыхъ «устоевъ», я говорилъ имъ: остерегайтесь видѣть дурное тамъ, гдѣ, можетъ быть, въ сущности заключаются явленія совсѣмъ иного свойства, и только непостижимыя, противорѣчивыя съ нашей точки зрѣнія, какъ сторонникъ наблюдателей. Теперь же я вновь рекомендую ту же осторожность, но уже въ явленіяхъ обратнаго порядка. Я говорю: если вы встрѣтите общину «хозяйственнаго мужичка», гдѣ вышнія общинныя формы могутъ быть очень привлекательны, а общинное хозяйство «исправныхъ плательщиковъ» и «лучшихъ хозяевъ» заявляетъ ясную тенденцію быть вполне рациональнымъ въ атмосферѣ «двоедушія и двуличія», то не увлекайтесь этими формами. Возможность для общины, среди этой атмосферы достигнуть того идеала, чтобы и самыя подати были въ «дѣсть» или чтобы «общественный мужичокъ» явился устройтеlemъ рациональныхъ школъ и приобретателемъ «пазарныхъ механикъ», эта возможность, *ма-стриное*, покупается дорогою цѣною подрыва внутреннихъ общинныхъ основъ.

Въ атмосферѣ «двоедушія и двуличія», прогрессирующая община, община, какъ воплощеніе народныхъ идеаловъ во всемъ ихъ объемѣ, невысказана. Община, какъ двуликий Янусъ, абсурдъ. Всѣ попытки и стремленія подогнать ее подъ этотъ идеалъ, заставить войти въ компромиссъ съ атмосферой «двоедушія и двуличія» даже при самыхъ наичистѣйшихъ побужденіяхъ и при благопріятнѣйшихъ условіяхъ, неизбежно, въ концѣ-концовъ, приведутъ къ паденію и исчезновенію исконныхъ народныхъ идеаловъ общиннаго труда и общинной солидарности.

IV.

Палестина «хозяйственнаго мужичка» à vol d'oiseau.

Посмотримъ же поближе, что это за атмосфера «двоедушія» и «двуличія», среди которой акклиматизировался «хозяйственный и общественный мужичокъ?» Чѣмъ обуславливается эта атмосфера и, въ свою очередь, какой рядъ явленій обуславливаетъ она своимъ существованіемъ?

По плоскогорью, которое прорѣзываютъ двѣ дороги — шоссе-ная и желѣзная — а подошву его омываютъ двѣ рѣки, раскинуто, какъ мы сказали, нѣсколько большихъ селъ: Зарѣцкое, Добролюбово, Залужное, Заозерное, Пойма и Верхніе и Нижніе Лопухи. А дальше, въ глуши окаймляющихъ это плоскогорье къ востоку лѣсовъ, разбросаны небольшія деревеньки. Судьба поселила меня въ Нижнихъ Лопухахъ. Можетъ быть, это отчасти было и лучше, такъ какъ Нижніе Лопухи представляютъ изъ себя нѣчто среднее между заброшенными въ глушь «захудалыми» деревеньками и богатыми общинами большихъ селъ.

Съ одной стороны, оно официально и не официально, по историческимъ традиціямъ, было еще хотъ нѣсколько связано съ этими засѣвшими въ глубинѣ «прирѣчнаго бора» захудалыми деревеньками. А въ этихъ захудалыхъ деревенькахъ до сихъ поръ еще сохранился старозавѣтный типъ общины-волости. Всѣ эти деревеньки живутъ еще одною гармоническою общинною жизнью, имѣя въ общемъ владѣніи лѣса, луга и выгоны, и ежегодно передѣляя ихъ между собою. Эта община-волость захудалыхъ деревенекъ, не совпадающая, впрочемъ, съ официальной волостью, до сихъ поръ еще удержала за собой общее древнее прозвище Вальковщины. Прежде она охватывала значительно большій районъ селъ и деревень, но съ теченіемъ времени все сокращалась и сокращалась, теряя одну за другой изъ своихъ легковѣрныхъ дочерей-общинъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ и Верхніе и Нижніе Лопухи. Когда совершилось это отпаденіе — здѣсь не запомнать, такъ какъ оно происходило постепенно, на чтѣ указываютъ и оставшіеся еще до сихъ поръ общіе куски земель и лѣса, и чрезполосицы. Съ другой стороны, Нижніе и Верхніе Лопухи не достигли еще далеко того идеала сосѣднихъ селъ хозяйственныхъ мужиковъ, который нашель, на примѣръ, въ селѣ Добролюбовѣ достаточно уже полное выраженіе. Добролюбово также распадается на двѣ половины — на верхнее и нижнее село. Одно стоитъ на горѣ и сплошь заселено «хозяйственными мужиками». Это богатый «хозяинъ-под-

рядчикъ» по каменной, кровельной и малярной части. Въ его рукахъ скопляется въ лѣтнее время отъ 50 до 100, 200, 500, а то и больше работниковъ изъ своихъ и изъ сосѣднихъ селъ и деревень. Каменины и деревянные хоромы, крытыя желѣзомъ и пестро разукрашенные «по собственному вкусу», исключительно занимаютъ верхнее село. Нижнее сплошь заселено бѣднякомъ рабочимъ и застроено курной, крытой соломой мужицкой избой. Между тѣмъ, тѣ и другіе общинники одного общества. И общинныя формы очень привлекательны: сѣнокосъ луговъ, на-примѣръ, происходитъ съ дѣлешемъ продукта. А про внѣшній блескъ общины и говорить нечего: прекрасное училище, богатый храмъ съ золотой главою, специально сельскій, такъ какъ въ томъ же селѣ стоитъ и богатый монастырь; въ волостномъ правленіи старшина въ шитомъ кафтанѣ, нѣсколько интеллигентныхъ писарей, такъ какъ тутъ же имѣется и ссудосберегательная касса («банка» по выраженію мужиковъ). Наконецъ, проэктируется устройство богадѣльни для «своего общества» однимъ изъ «общественныхъ мужичковъ». Нѣтъ сомнѣнія, что эта община — «исправный плательщикъ». Зато здѣсь верхнее село вполнѣ «хозяйствуетъ» не только надъ своими «сообщинниками» изъ нижняго села, но въ обширную операцію своего «хозяйствованія» захватываетъ цѣлыя сосѣднія села и деревни.

А эти сосѣднія села, всѣ эти Зарѣцкія, Залужныя, Заозерныя и проч. стремятся, болѣе или менѣе въ недалекомъ будущемъ, осуществить идеалъ «хозяйственного мужичка» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ осуществило его и село Добролюбово. Въ этихъ селахъ крупныя хозяева-предприниматели попадаются только изрѣдка; главный же контингентъ населенія составляютъ мелкіе хозяева, пока управляющіе артелями отъ 5—10—15 человекъ, не больше; затѣмъ, десятники, получающіе у крупныхъ предпринимателей отъ 40—50 даже до 100 руб. въ мѣсяцъ жалованья; главное стремленіе такихъ десятниковъ, конечно, заключается въ томъ, чтобы при первой возможности начать «хозяйствовать» самостоятельно, начиная съ мелкихъ подрадовъ и артелей въ четыре-пять человекъ. За десятниками идутъ исправные и ловкіе работники, особенно поощряемые «хозяевами», значить, кандидаты въ десятники, потому разные артельщики — биржевые и желѣзнодорожные — народъ обыкновенно «капитальный». Наконецъ, «исподнюю» часть населенія селъ и преимущественно деревень составляетъ простой рабочій: каменьщикъ, кровельщикъ, маляръ и проч., надъ которымъ уже и производятъ свои операціи хозяйственный мужикъ-общинникъ.

Мы уже сказали, что Верхніе и Нижніе Лопухи представляютъ

собою средній типъ между этими селами. Лежитъ это двойное село какъ разъ вдоль двухъ дорогъ—шоссейной и параллельно съ ней идущей желѣзной: вдоль первой вытянулись Нижніе Лопухи, а Верхніе сгучились около церкви, на горѣ, сбоку чугуеки, которая и раздѣляетъ между собою эти двѣ соединенныя подъ одно названіе, но давно уже неизмѣющія ничего общаго деревенскія общины. Да и вообще, какъ Верхніе, такъ и Нижніе Лопухи представляли собою хотя и слитыя оффиціально въ два сельскія общества, но въ сущности совершенно обособленныя группы-общины, съ особыми надѣлами и особымъ самоуправленіемъ по хозяйственнымъ дѣламъ. Въ описываемой нами полосѣ, нѣкогда преимущественно принадлежавшей мелкопомѣстнымъ барамъ, нерѣдко можно встрѣтить такія сложныя оффиціальныя сельскія общества, въ которыя входятъ нѣсколько поземельныхъ общинъ, соединенныхъ только общимъ поселеніемъ и названіемъ. Но нигдѣ, кажется, такъ рѣзко не выразилось такое странное соединеніе разныхъ поземельныхъ общинъ, какъ въ Лопухахъ. Только стоитъ взглянуть на планъ этого села, чтобы придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ возможно здѣсь хотя какое-нибудь рациональное хозяйство; сколько труда должны потратить крестьяне, чтобы выпутаться изъ этой сложной сѣти чрезполосицъ. Представьте себѣ площадь, всю изрѣзанную параллельно идущими полосами («ремнями», «лентами», какъ говорятъ сами мужики), представьте себѣ, что крайняя полоса принадлежитъ крестьянамъ Нижнихъ Лопуховъ, слѣдующая—попамъ, третья—крестьянамъ, живущимъ за 18 верстъ (!), но нѣкогда бывшимъ съ Нижними Лопухами во владѣніи одного помѣщика, четвертая—опять Нижнимъ Лопухамъ; пятая—«опекунскимъ», общинѣ изъ тридцати душъ, живущихъ въ Нижнихъ Лопухахъ, шестая—опять Нижнимъ Лопухамъ, седьмая—семидушной общинѣ, живущей тоже въ Нижнихъ Лопухахъ, но временно-обязанной третьему помѣщику, восьмая—опять Нижнимъ Лопухамъ и т. д., и т. д. Это полевая земля. Усадьбная земля расплосована на тѣ же части, и, кромѣ того, еще часть, принадлежащая Верхнимъ Лопухамъ и купцу-собственнику, скупившему бывшую барскую усадьбу Верхнихъ Лопуховъ. Чрезполосница въ луговой землѣ доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Не считая уже того, что лугъ Нижнихъ Лопуховъ находится у нихъ въ общемъ владѣніи съ деревней, отстоящей на пять верстъ, и они ежегодно передѣляютъ его между собою «изъ пятой части», т. е. три пятыхъ идетъ Нижнимъ Лопухамъ, двѣ пятыхъ—деревнѣ Квашнѣ; не считая этого, въ томъ же лугу вырѣзана какъ разъ посерединѣ полоса въ поддесятины, очень узкая, принадлежащая крестьянамъ дру-

того села, отстоящаго на 18 версты! Въ свою очередь, Нижніе и Верхніе Лопухи имѣютъ земельныя полосы—пахатныя, луговыя и лѣсныя—среди владѣній тѣхъ сель и деревень, которыя мѣшались съ ними, значить, опять за пять, десять и даже восемнадцать версть. Къ какимъ межъобщиннымъ отношеніямъ приводитъ все это—мы увидимъ. Теперь же мы только приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ, выражающихъ составъ населенія Нижнихъ и Верхнихъ Лопуховъ. На столбѣ, при вѣздѣ въ Нижніе Лопухи, значится: село Лопухи, 1-го общества—душъ 160, дворовъ 60; на столбѣ же у Верхнихъ Лопуховъ стоитъ: село Лопухи, 2-го общества, душъ 90, дворовъ 30. Но въ общинно-поземельныхъ отношеніяхъ какъ Верхніе, такъ и Нижніе Лопухи распадались на слѣдующія самостоятельныя общины: большая часть села Нижнихъ Лопуховъ, принадлежавшая графу N., составляла общину въ 112 душъ; затѣмъ, около 30 душъ, принадлежавшихъ опека надъ какими-то малолѣтними наследниками; потомъ, нѣсколько душъ «вольныхъ хлѣбопашцевъ», выкупившихъ свои надѣлы еще «до воли» и, наконецъ, упомянутая нами «семидушная» община изъ семи душъ и двухъ дворовъ, временно-обязанныхъ бывшему мировому судьѣ; эти два двора какъ разъ засѣли по серединѣ Нижнихъ Лопуховъ, имѣли самостоятельныя надѣлы (куски и «ремни», разбросанные по разнымъ мѣстамъ, нѣкоторые версть за пять) и вели самостоятельную «общинную» жизнь, по извѣстнымъ традиціямъ. Въ свою очередь, Верхніе Лопухи распадутся на двѣ части: большая изъ нихъ состоитъ изъ крестьянъ, принадлежавшихъ нѣкогда помѣщику, жившему здѣсь же въ своей усадьбѣ, которая, какъ мы говорили, теперь куплена купцомъ; меньшая—другого владѣльца, отрасли перваго. Вотъ какую сложную комбинацію представляетъ собой село Лопухи, по населенію. Теперь приведемъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ относительно экономического состоянія общинныхъ группъ этой комбинаціи.

Большая часть Нижнихъ Лопуховъ, т. е. 112 душъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «графскихъ», самая богатая, самостоятельная, трезвая и хозяйственная, владѣла «нищенскимъ надѣломъ» въ $1\frac{1}{4}$ на душу; но въ то же время у нея былъ «собственный» лѣсъ, въ «вѣчномъ владѣніи» и общинномъ пользованіи, купленный еще во времена крѣпостного права, «до воли», самими крестьянами.

Въ то же время, какъ большая, такъ и меньшая часть Верхнихъ Лопуховъ, самая бѣдная, несостоятельная, нетрезвая и нехозяйственная, владѣла полнымъ надѣломъ по $4\frac{1}{2}$ десятины на душу.

Общины «опекунская» и «семидушная» владѣли надѣлами отъ 3 до 4½ десятинъ: члены, какъ той, такъ и другой общины были въ экономическомъ отношеніи крайне не «равномощны», выражаясь мужицкимъ опредѣленіемъ. Такъ, «семидушка» состояла изъ двухъ дворовъ: первый, принадлежавшій большой семьѣ изъ трехъ взрослыхъ сыновей, двухъ невѣстокъ, одной взрослой дочери и массы ребятишекъ, съ дѣдомъ во главѣ, имѣлъ маленькую, трехъконную избушку, въ которой вся эта семья и жила; у нея были двѣ коровы, одна лошадь, три овцы. Второй дворъ принадлежалъ семьѣ, состоявшей только изъ мужа, жены и малолѣтокъ. У нихъ была новая двухъ-этажная изба, крашеная по городскому, крытая желѣзомъ и сдававшаяся подъ училище. Хозяинъ дома жилъ рѣдко и все время проводилъ «на сторонѣ», т. е. хозяйствовалъ; хозяйство же деревенское вела батраками его жена. «Вольные хлѣбопашцы» имѣли собственныя земли, изъ которыхъ пашня не передѣлялась, а луга дѣлились. Кажется, у нихъ было десятины по 2½ на душу. Экономическое состояніе неравномѣрное.

Такова картина, набросанная пока à vol d'oiseau. Не правда ли, довольно занимательная и поразительная картина невозможныхъ возможностей, невѣроятныхъ парадоксовъ, непримиримыхъ противорѣчій и компромиссовъ. Но если къ этой картинѣ прибавить рамку, которую составляютъ здѣсь земли желѣзнодорожныя, купца-собственника и собственника-крестьянина, земли помѣщиковъ, земли, сплошь пускаемая въ «законный оборотъ» — то попробуйте привести въ какую-нибудь связь, къ какой-нибудь общей идеѣ этотъ невообразимый кавардакъ отношеній среди небогѣе какъ 300 душъ! Попробуйте вы найти здѣсь хотя одну пядень твердой почвы нравственныхъ и социальныхъ устоевъ, органическую связь, на которую можно было бы положиться и сказать: да, вотъ это *нѣчто*, что прочно связываетъ эти разнородные элементы, что владеть залогъ будущаго органическаго и естественнаго развитія... Здѣсь нѣтъ этой связи, здѣсь есть, конечно, *нѣчто*, что, повидимому, придаетъ этой страшной амальгамѣ вѣшнюю благовидность порядка — но это *нѣчто* — страшное и суровое, которое вдругъ можетъ порваться... Изъ элементовъ, необладающихъ единствомъ химическаго сродства, можетъ быть составлена только смѣсь искусственная, только съ виду прочная, но иногда страшная и опасная, какъ химическая смѣсь гремучаго порошка...

V.

Предварительныя свѣдѣнія о деревенскомъ «гордиевомъ уагѣ».

Я прїѣхалъ въ село Лопухи совершенно незнакомымъ человекомъ. Въ немъ не имѣлъ я ни одного человѣка, который могъ бы мнѣ сообщить кое-какія предварительныя свѣдѣнія и дать кое-какія указанія. Чтобы нанять избу, я долженъ былъ нѣсколько разъ пройтись по сельской улицѣ и затѣмъ остановиться на которой-нибудь «по первому впечатлѣнію» и вступить въ переговоры съ хозяиномъ. Пройдя раза два вдоль села и внимательно всматриваясь въ характерный типъ построекъ (собственно первенствовало два типа избъ: одиѣ — длинныя, одноэтажныя, въ четыре, пять, даже шесть оконъ, на манеръ провинціальныя городскія домовъ; другія — трехъ-окопныя, высокія, двухъ-этажныя, у которыхъ нижній этажъ каменный весь былъ занятъ кладовой, съ желѣзною дверью посрединѣ), я былъ пораженъ однимъ страннымъ и довольно курьезнымъ явленіемъ, которое мнѣ нигдѣ раньше не встрѣчалось. Я замѣтилъ, что многія изъ избъ перваго типа, какъ разъ по-серединѣ, были какъ-будто перепилены, начиная съ крыши, и притомъ всегда выходило такъ, что одна половина была новѣе другой и какъ-бы приставлена уже послѣ къ другой, болѣе старой и дряхлой половинѣ. Между обѣими половинами оставался чуть замѣтный пролетъ, въ ширину руки. Выходило въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще курьезнѣе: вмѣсто новой половины избы, примыкавшей къ старой по одинаковому плану фасада, оказывалась уже цѣлая изба, даже каменная, втораго типа, а старая, дряхлая половина распиленной избы такъ и примыкала, какъ шалашъ, къ стѣнѣ первой своей поросшей уже мохомъ половичатой крыши.

Я очень заинтересовался этимъ страннымъ явленіемъ и порѣшилъ непременно поселиться въ такой избѣ. Проходя мимо большой деревянной двухъ-этажной избы, крытой желѣзомъ, въ шесть оконъ вверху и внизу, я замѣтилъ высунувшіяся въ маленькія отверстія волоковыхъ оконъ нижняго этажа двѣ рыжія мужицкія бороды: одна въ ояѣ одной половины избы, другая — въ другой. Эти бороды, очевидно, слѣдили за мной.

— На дачкѣ, должно, располагаете разгуляться, господинъ? спросила меня борода клиномъ.

— Да, думалъ бы... Не сдадите-ли вы верхъ?

— Отчего не сдать! Мы себя этимъ не утѣсимъ.. Мы, господинъ, крестьяне; народъ привышный: коли слободно — такъ и въ парадѣ жить можемъ, а ежели нужно, такъ и въ омшаникѣ

проживемъ!.. Поживите у насъ! У насъ здѣсь мѣсто привольное: мы живемъ чисто, не то что какъ деревенская гольтепа... У насъ здѣсь села городскія... У насъ господамъ жить можно... У насъ здѣсь благородный народъ тоже не въ рѣдкомъ бываньи... Вотъ прошлымъ годомъ тоже на дачкѣ разгуливалъ здѣсь одинъ господинъ, изъ купеческаго званія. Остался вполнѣ доволежъ. Такъ, наперерывъ одна передъ другой, рекомендовали мнѣ бороды свое «городское» село.

— Хорошо. Давайте, посмотрю.

Обѣ бороды мгновенно скрылись изъ маленькихъ отверстій волоковыхъ оконъ и затѣмъ черезъ минуту съ противоположныхъ концовъ избъ, одна—изъ однихъ воротъ, другая—изъ другихъ, появились уже въ образѣ полныхъ мужиковъ, рослыхъ, здоровыхъ, среднихъ лѣтъ, одѣтыхъ въ чистыя ситцевыя рубахи и большіе сапоги. Одинъ—пониже, съ маленькой клиновидной бородкой, худымъ лицомъ и безпокойными глазами; другой — съ круглой бородкой и добродушно-широкимъ бабьимъ лицомъ, выше, плотнѣе и здоровѣе перваго.

— Пожалуйте!

— Въ какія же ворота мнѣ идти?

— Да въ которыя хочешь... Хоть вотъ отъ него, али отъ меня—все равно... Мы вѣдь—брательники... Чтожь ворота!.. Въ ворота, въ какія хочешь, въ тѣ и будешь входить... Это ничего.

Войдя во дворъ съ правой стороны, мы поднялись по тремъ ступенькамъ въ «чистый» этажъ. Въ первой половинѣ бабы пили чай. При нашемъ появленіи онѣ засуетились.

— Ничего-съ, онѣ намъ не помѣшаютъ... Это все уберется... Чисто будетъ-съ... Вы какъ—одинокій будете? Одну половину желаете?

— Нѣтъ, я съ семействомъ. Мнѣ нужно весь верхъ.

— Оно и лучше—свободиѣ... Тутъ у насъ, значить, теперь заколочена дверь-то въ другую половину... вотъ къ нему... Такъ мы это сейчасъ.—Принеси-ка топоръ, Яковша! приказалъ одинъ изъ братьевъ, вѣроятно, своему подростку. — Мы сейчасъ-съ соединимся... живымъ манеромъ!

— А вы въ раздѣлѣ развѣ живете?..

— Да, въ раздѣлѣ. Отъ батюшки еще... Это вотъ, значить, моя половина, а эта—его. Такъ ужъ мы и знаемъ, чтобы безъ сумленія или неприяностей... А для васъ—мы сейчасъ сладимъ, живымъ манеромъ.

Дверь была отколочена, и мы прошли въ другую половину избъ, совершенно равную первой, въ которой тоже бабы пили чай.

— Это вот мои чайничаютъ... Ничего. Это все уберется, чисто будетъ, говорилъ братальникъ съ бабьимъ лицомъ.

Я рѣшилъ, что помѣщеніе будетъ для меня удобно, только желалъ бы предварительно познакомиться съ хозяевами, почему не мѣшало бы поставить самоваръ. Самоваръ былъ подогрѣтъ, и я вступилъ съ своими хозяевами въ бесѣду. Они отрекомендовали мнѣ своихъ хозяевъ — здоровыхъ, рослыхъ бабъ, тоже среднихъ лѣтъ, напоминавшихъ «дворничихъ» постоялыхъ дворовъ; своихъ ребятишекъ. У старшаго изъ братьевъ, добродушнаго, съ бабьей физиономіей, была и жена постарше, хотя уже вторая, на которой онъ женился вдовцомъ; у нихъ двѣ дочери — одной 12, другой 3 года; у младшаго брата — красивая, высокая и статная жена; у нихъ одинъ сынъ — подростокъ лѣтъ 13. Прочія бабы были гости-сосѣдки, которыя тотчасъ же ушли, и остались только двѣ молодыя дѣвки, одна — помоложе, лѣтъ 16, съ добрымъ, почти еще дѣтскимъ лицомъ и не сформировавшимся корпусомъ; другая — лѣтъ 18, которая уже совсѣмъ «налилась», что называется «кровь съ молокомъ». Это были работницы, взятныя изъ одной сосѣдней бѣдной деревеньки.

Вслѣдъ за самоваромъ вошелъ къ намъ въ избу мужикъ лѣтъ пятидесяти, съ просѣдою въ волосахъ и бородѣ; вошелъ онъ очень непринужденно, какъ будто завернулъ такъ, мимоходомъ; окинувъ меня пронизательнымъ взглядомъ и чуть кивнувъ головой, онъ присѣлъ на краешекъ скамьи и сталъ играть бывшими у него въ рукахъ ключами. На немъ былъ пиджакъ, жилетка и хорошіе сапоги.

— На счетъ дачки? спросилъ онъ «легкимъ» тономъ.

— Да, нанимаю.

— Гм... Нанимайте! Рекомендую.. Народъ у насъ здѣсь хучь оченно разнородный живетъ, но есть которые хорошее обращеніе понимаютъ... Есть умственные мужички... Чайку попить, когда ежели отъ скуки, побесѣдовать...

— На этотъ счетъ будьте спокойны... есть... У насъ ежели чернота, такъ это вотъ въ Верхнемъ селѣ, поддерживали братья: — тамъ точно чернота... Ну, у насъ чернота не держится.

— У насъ ей вздоху нѣтъ... Можно сказать, у насъ этой черноты вовсе нѣтъ...

— Ну, какъ нѣтъ! есть и у насъ много... Съ кѣмъ тоже несчастье не бываетъ: всяко случается... Въѣкъ безъ бѣды не проживешь, замѣтилъ добродушный братальникъ: — нынче живешь хозяйственно, а завтра — Богъ вѣдаетъ!..

— Да развѣ я объ этомъ говорю... Ахъ, дурачекъ, дурачекъ! покровительственно покачалъ головой пиджакъ: — у насъ эта чер-

нота есть, только ей свободы нѣтъ, поблажки, вздоху!.. Чтобы, значить, предоставлено ей было на дебоши, али на кабакъ какое право?.. У насъ для нея правила есть, острастка... Я, господишь, самъ питейную лавочку въ этихъ мѣстахъ содержалъ—такъ это понимаю... Вотъ съ Верхняго села чернота... такъ настоящая чернота!.. Та нѣтъ въ мертвую голову... Дебошить, шумить... Ежели онъ послѣдніе портки, извините, пропьеть, такъ вѣдь сколько онъ и себѣ и другимъ неудовольствія принесетъ! Вѣдь онъ объ этихъ порткахъ на всю округу голосъ дастъ!.. Потому—народъ чернота, ошалѣлый вполнѣ. Вотъ я про что, дурачекъ, говорю. А наши «графскіе» пьютъ благородно. Онъ, можетъ, и больше пропьеть, по суммости, да благородно. Возьметъ онъ всѣмъ міромъ водки, али наливки — выпьетъ благородно вполнѣ! И кабатчику приблуди больше, и порядокъ, обхождение есть... У насъ и самая эта чернота-то къ обхожденію приучена... Въ случаѣ чего, она ужъ не задурить, а объ томъ помышляетъ, какъ бы ей отъ своего общества охулки не произошло!.. Да позвольте, я вотъ вамъ скажу, какъ у насъ чернота-то эта обучена всякимъ правиламъ. Вотъ вы, можетъ, изволили замѣтить, у насъ что ни три избы, то четвертая заколочена, пустоеть значить? Вотъ, посмотрите...

— Да, я дѣйствительно, замѣтилъ это, но не придалъ особаго значенія.

— А вотъ тутъ-то, можно сказать, настоящее наше поведеніе и есть... Кабы у насъ чернота то или вообще народъ баловался, такъ этого бы не было... Вонъ въ верхнемъ селѣ. У него ни синя пороха нѣтъ, такъ въ полной наготѣ проживаетъ, а все дома торчатъ, тамъ дома не пустуютъ. Потому, чернота — такъ и въ пустой избѣ достаточно можетъ бунтовать... Ну, этого у насъ нѣтъ... У насъ, ежели только чуть кто посибился, хозяйство упустилъ, онъ сейчасъ вонъ, въ бѣгъ... Онъ ужъ міру глаза не мозолить своимъ поведеніемъ, потому чувствуетъ, что ему зазорно, что его за это не похвалятъ... Онъ ужъ и бѣжитъ! Тамъ онъ, на сторонѣ, Богъ его знаетъ, что дѣлаетъ, можетъ еще хуже чортить, да за то онъ свое общество не безчеститъ... Потому, для него здѣсь этакова поведенія нѣтъ...

— Вотъ какъ! А какъ же надѣлъ?

— А надѣлъ онъ хозяйственному мужику сдаетъ... Сдастъ да еще помолится и попроситъ, да въ придачу дастъ, только, значить, не откажи... Ну, у насъ съ удовольствіемъ. Мы беремъ... Хозяйственный-то мужичекъ наберетъ въ одинъ надѣлъ четыре, да своихъ два: онъ и можетъ около нихъ орудовать. У него, значить, и хозяйство ведется, и самъ онъ умственно дѣло ведетъ...

*

— Кабы не *они*, тамъ развѣ намъ бы можно жить? замѣтилъ добродушный брательникъ.

— Кабы не этотъ *«воздушный народъ»*, такъ намъ бы весьма утѣснительно было... А вотъ теперь какъ поступишь отъ міра этого воздушнаго-то народу достаточно, оно тебѣ и свободно.

— А какъ же они на сторонѣ живутъ?

— А ужъ это ихнее дѣло-сь! Они въ наши разпорядки здѣсь не вмѣшиваются, а мы въ ихніе... Кабы не такъ, такъ что бы было? Совсѣмъ никакой выправки или порядку... Вотъ у Верхникъ. У нихъ по 4 десятины, земли махина—и балуютъ. А у насъ этого поведенія допустить нельзя. У насъ надѣлъ нищенскій... У насъ народъ въ струнѣ держится... У насъ народъ выдержанный! Мы не будемъ завидовать Верхнимъ. Мало что у насъ земли мало, да мы живемъ у Бога за пазухой...

— Нанимайте, нанимайте! вдругъ посоветовалъ мнѣ, поднимаясь, почтенный старецъ:— у насъ господамъ очень возможно проживать... Вотъ ежели бы въ Верхнее село, я и самъ не посоветовалъ бы... А здѣсь—совѣтую. Потому нашъ мужикъ—съ рекомендаціей крестьянинъ. Совѣтую.

И старикъ также непринужденно ушелъ, не кивнувъ даже и головой.

— Это кто такой? спросилъ я братьевъ.

— Это тоже брательникъ нашъ будетъ, старшій...

— Онъ тоже съ вами живетъ?

— Нѣтъ, онъ въ особицу... Онъ и не то, чтобы, значить, прямой крестьянинъ... Солдатомъ онъ былъ, ну, а послѣ того по коммерческой части шелъ... Виномъ торговалъ, хозяйствовалъ, выходитъ...

— И теперь хозяйствуетъ?

— Нѣтъ, теперь онъ на капиталѣ живетъ. Думаетъ, какъ-сь, опять... Въ Верхнемъ селѣ хочетъ винную лавочку открыть...

— А надѣлъ у него есть?

— Надѣлу настоящаго нѣтъ; у міра онъ на одну душу выпросилъ... Дали.

— Зачѣмъ же это ему понадобилось?

— А такъ... Чтобы ужъ, значить, влолиѣ крестьянномъ считаться, въ обществѣ своемъ быть...

— И выгодно ему?

— Какая ужъ выгода на нашемъ надѣлѣ! Съ одного надѣла у насъ раззоръ, еще своихъ приплатишь... Такъ ужъ взялъ, въ лесть... Лестно!

Интересъ къ этимъ любопытнымъ «крестьянамъ съ рекомендаціей», съ каждымъ разомъ росъ во мнѣ стесcendo.

- А вы совсѣмъ въ раздѣлѣ живете?
- Вполнѣ.
- И ничего общаго не имѣете: ни хозяйства, ни орудій?
- Вполнѣ въ раздѣлѣ... Потому у насъ свободно народъ привыкъ жить. У насъ изойди все село—много двора два найдешь, гдѣ бы не въ раздѣлѣ жили. У насъ ужь такой народъ.
- Что же, разлѣ такъ лучше?
- Лучше. Первымъ дѣломъ—неприятностейъ меньше, ссоры...
- Да вѣдь невыгодно, говорятъ? Все оно въ большой-то семьѣ, сообща-то, спорнѣе идетъ...
- Спорнѣе, это вѣрно. Такъ вишь и у насъ не заказываютъ: ежели тебѣ съ кѣмъ выгодно сообща вести дѣло — веди... Тутъ раздѣлъ не мѣшаетъ. Вотъ примѣрно теперь мы, пріатели, такъ скажемъ, хотя и въ раздѣлѣ живемъ, а землю въ аренду сообща беремъ... Кое-тѣмъ поможемъ другъ другу.
- А много ли васъ пріателей въ компаніи-то?
- Да вотъ насъ три брата, да еще со стороны... человекъ пять будетъ, значитъ восемь *брѣтовъ*... У насъ *по-брѣтамъ* расчетъ идетъ... Кто сколько паевъ можетъ вытянуть, столько и беремъ.
- Какъ же вы убираете арендную землю, сообща?
- Пашню—дѣлимъ на паш и убираемъ каждый въ особицу. Лугъ сообща убираемъ.
- А потомъ?
- Потомъ—сѣномъ дѣлимъ, копнами... У насъ это ладно идетъ, хорошо!.. Потому мы *по-любкамъ* сходимся, не по принужденію, кто значитъ, кому любъ!.. Потому у насъ и въ раздѣлахъ жить можно... Мы пріательски живемъ, брѣтами!..
- Значитъ, у васъ старики не въ большой власти?
- Старики у насъ, можно сказать, ничего не стоятъ. У насъ какъ ежели мало-мальски молодецъ въ разумъ вошелъ—онъ сейчасъ въ раздѣлѣ, али самъ хозяйствуетъ... У насъ и на міру—«среднякъ» владыка... Старики у насъ и на «всходы» не ходятъ... Засмѣютъ! Ежели у старика есть сынъ «среднякъ»—онъ на всходы и ходитъ... Потому—что-жъ старикъ! У старика ужь этого разумнѣя быть не можетъ, какъ у сына, примѣромъ, докладывалъ мнѣ брательникъ съ бородой-клиномъ:—я въ полной силѣ человекъ, значитъ — и въ полномъ разумѣ... Среднякъ настоящій мужикъ и есть.
- А что значать у васъ эти распиленныя избы?
- А вотъ это и значать—раздѣлъ значать, въ раздѣлѣ живуть, какъ и мы же.
- Да вѣдь у васъ еще не распилены?

— Намъ пока и не требуется... А если вотъ, Богъ дастъ, я или сынъ, съ божьей милостью, въ силу войдетъ, хозяйствовать кто-нибудь станеть, захочеться почище горницу-то вывезть, ну, тогда и распилимся... Отпилю я свою половину, да новую выстрою, не-пригляднѣе; да подъ одну крышу и подведу.

— Зачѣмъ же подъ одну крышу?

— А затѣмъ, что, ежели когда вотъ брательникъ уйдетъ на сторону, въ воздушные-то эти народы запишется, грѣшнымъ чѣсомъ, я у него другую-то половину скуплю—да замѣсть ее новую опять выведу да ужь обѣ половины въ одинъ домъ и втяну!..

— Такъ это ты и будешь ждать, пока его Богъ несчастьемъ накажетъ?

— Зачѣмъ такъ... Все божья власть! Можетъ, и его Господь взыщеть, крупное хозяйство поведеть, ну, тогда онъ себѣ цѣль у міра возьметъ особую, да тамъ своимъ всѣмъ хозяйствомъ и расположится... Потому у насъ на каждый дворъ цѣль полагается (10 сажень, по улицѣ).

— Отчего-жъ теперь не уходитъ каждый отдѣлившійся на новую цѣль?

— Не любятъ со старыхъ мѣстъ трогаться—это первое. А второе дѣло—усадебой тронуться не шутя! Какъ ты поль-избы-то перенесешь! Ну, и живутъ вмѣстѣ.

— А этѣ вотъ заволоченныя-то избы—«воздушному» народу принадлежать?

— Воздушному... вполне! улыбнулись брательники: — потому летаетъ, какъ птица! Все сидитъ, все крѣпится, перемогается какъ ни-то на десятинѣ-то своей, а потомъ — фу! И улетѣлъ... Попросить сосѣда, чтобы у него паспорта не задержали, взять его надѣлъ въ ренду, Христомъ Богомъ еще просить, водкой напоить и денегъ обязуется присылать въ приплату—только сдѣлай милость возьми! Ну, и берутъ... Намъ это, хозяйственнымъ мужикамъ, на-руку... Случается такъ—вернется назадъ, и хочеться взять землю-то—да взяться за нее нечѣмъ: къ рендателью же на свою-то землю въ батраки наймется... Все вѣдь это—кого чѣмъ Господь пошлетъ!..

Однообразно танулась моя предварительная бесѣда съ мужиками; однообразно, не негодуя и не умиляясь не передъ чѣмъ, только изрѣдка улыбаясь, въ какой-то невозможно-логической послѣдовательности, передавали мнѣ мужики фактъ за фактомъ, изъ которыхъ одинъ, повидимому, совершенно долженъ былъ исключать другой. Но эти факты стояли рядомъ, какъ будто такъ и должно быть. И въ самихъ мужикахъ, повидимому,

ни тѣмъ сомнѣнія въ непримиримости этихъ фактовъ. Вотъ и въ моей головѣ слѣдуютъ они одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ: «община»—и батракъ на собственной землѣ; крестьянинъ, выпрашивающій надѣлъ хоть на одну душу, «потому ему это въ дѣсть»—и крестьянинъ, бѣгущій отъ этого надѣла и незнающій куда бы только сбыть съ рукъ эту свою «душку»; эти распиленныя и пустующія избы — и товарищество съ дѣлелемъ продукта: товарищество «по-любкамъ», кто кому милъ — и, въ тоже время, «чернота», «воздушный народъ», которому «вздоху не дадутъ», котораго въ «правилахъ держать»...

Картина, достойная быть благодарной и заманчивой завязкой любого романа. Есть надъ чѣмъ поработать, чтобы распутать этотъ деревенскій «гордіевъ узелъ»! Только сомнительно, чтобы нашелся великій художникъ, который довелъ бы это дѣло до конца, и не прибѣгъ, въ концѣ-концовъ, измученный въ безплодной работѣ, въ необходимости призвать на помощь *deus ex machina*.

Я окончательно рѣшилъ поселиться въ избѣ брательниковъ. Мы условились. Напившись чаю, я попросилъ довести меня до ближайшей станціи желѣзной дороги.

— Чтожъ! Съ удовольствіемъ, отозвались братья:—только лошади-то у насъ рабочія, тяжелыя... Мы вотъ брательнику скажемъ, у него жеребенокъ гулящій, видный. Омъ его вамъ въ шарабанчикъ заложить...

— Такъ у него и шарабанчикъ есть?

— Есть! Ка-ажел! У насъ это здѣсь не въ рѣдкомъ бываньи... Будьте спокойны... Мы сейчасъ...

— Нѣтъ ужъ, вы мнѣ лучше заложите роспуски... Оно много спокойнѣе...

— Чтожъ, можно и роспуски.

Черезъ полчаса лошадь была готова. Почтенный старый служака, развѣзжающій въ шарабанчикѣ, держалъ подъ узцы, дѣйствительно, прекраснаго жеребца.

— На-апр-асно, соболѣзноваль онъ:—отъ шарабанчика отказались!.. Мы бы съ полнымъ удовольствіемъ... А впрочемъ, какъ угодно... Доведемъ во всякихъ экипажахъ.

Мы поѣхали и всю дорогу бесѣдовали о цѣлесообразности современнаго проекта по преобразованію кабаковъ безъ закуски въ бѣлыя харчевни съ закусками, дабы народъ не опивался, «жрамши эту самую водку безъ всякаго благородства», какъ выражался мой собесѣдникъ. Къ проекту онъ отнесся сочувственно и даже похвалилъ нѣсколько разъ; но не безъ скептицизма.

— Это чтожъ—дѣло весьма похвальное! Придуманно хорошо! Конечно, Петербургъ, правительственное помѣщеніе... Нельзя же

похвалить!.. Потому, помилуйте, нынче у насъ въ кабакахъ такое поведеніе, что даже срамно-съ... Ни ты гостю селедочку, или сырцу, или чего другого предложить не можешь, не можешь угостить его по человѣчески!.. Не можешь никакой ему пріятности доставить! Какъ же онъ, спрошу васъ, пить будетъ? Урывкомъ, съ жадностію... Хватить кошушку—и съ ногъ долой. А ежели я его съ пріятною закуской усажу, такъ онъ у меня весь день просидитъ въ пріятной бесѣдѣ и хоша вдвое выпьетъ, все не въ опьяненіи будетъ, а болѣе въ благородномъ мечтаніи.. Понимаемъ это вполне! Умно! А какъ скоро это будетъ, не слышно?

— Не слышалъ. А что?

— Такъ, заведенъице я хочу опять открыть, не мудрящее хоша, а все бы я ужъ такое и приспособленіе сдѣлать... Умно! Что говоритъ! Какъ ни поверни—сообразительно! Тепереча хоша на счетъ авцизу взять... Увеличеніе большое! Умно! Сообразительно!

Почтенный кабатчикъ неустанно продолжалъ восхищаться проектомъ бѣлыхъ харчевенъ—и даже нарисовалъ перецо мной блестящую картину будущаго «выпиванія съ благороднымъ поведеніемъ».

Мы пріѣхали. Я спросилъ, сколько слѣдуетъ за подводу?

— За подводу? Помилуйте!.. Да мы даже и ѣхали-то больше въ свое удовольствіе... Намъ даже очень обидно, что шарабанчикъ не пожелал!.. За подводу! Ежели бы я дуракъ былъ, чернота, не умный мужикъ, оно, конечно, я бы за гривеникъ, можетъ, прокламацію завелъ... Ну, а при своемъ поведеніи я этого никогда не допущу.

— Однако, довольно будетъ?

— Довольно ли? А вотъ какъ, самодовольно улыбнулся кабатчикъ:—сейчасъ я эти ваши деньги суну за голеннице—и даже считать не стану! Вотъ какое наше-то поведеніе! Чтобы огорчать кого вымогательствомъ—мы это и не подумаемъ... Благодаримъ! Будемъ ожидать! Счастливо возвратиться! И кабатчикъ презрительно сунулъ мои два двугривенныхъ въ карманъ.

(Продолженіе будетъ).

Н. Н.

ХЛѢБНЫЕ ИЗБЫТКИ

и

НАРОДНОЕ ПРОДОВОЛЬСТВІЕ.

Необыкновенно быстрое возрастаніе нашей отпускной хлѣбной торговли въ послѣдніе годы принадлежитъ къ числу явленій, невольно обращающихъ на себя вниманіе. Лѣтъ тридцать тому назадъ, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, вывозъ хлѣба изъ Россіи за-границу составлялъ немногимъ болѣе *четыре*хъ милліоновъ четвертей въ годъ. 1847 годъ съ своимъ отпускомъ въ 11½ милліоновъ четвертей представлялъ для тогдашняго времени столь выходящее изъ ряду вонъ явленіе, что память о немъ сохранилась почти цѣлыя двадцать лѣтъ. Хлѣбная торговля того времени вообще шла правильно, представляя колебанія лишь соотвѣтственно степени урожая, и увеличивалась только по мѣрѣ расширенія земледѣльческой промышленности или, точнѣе, по мѣрѣ увеличенія распахиваемыхъ земель. Такъ шло до шестидесятихъ годовъ. Съ этого же времени въ ней стали обнаруживаться судорожные порывы къ расширенію, рѣшительно необъяснимые съ чистой народно-хозяйственной точки зрѣнія. И это расширеніе шло не на десятки или сотни тысячъ четвертей въ годъ, а на милліоны, не взирая на то, былъ ли предшествовавшій годъ урожайнымъ или скуднымъ. Еслибы объ этомъ необыкновенномъ ростѣ нашего отпуска хлѣба свидѣтельствовали не официальные отчеты департамента таможенныхъ сборовъ, то у людей, непрічастныхъ хлѣбному дѣлу, едва-ли нашлось бы достаточно вѣры къ подобнымъ свидѣтельствамъ: до

того фантастичными и удивительными кажутся результаты заграничной торговли хлѣбомъ въ послѣднее время.

И подивиться есть чему. Уже въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ средней ежегодный отпускъ хлѣба составлялъ 8¹/₂ милліоновъ четвертей въ годъ. Въ слѣдующія пять лѣтъ онъ поднялся до 12¹/₂ милліоновъ, а въ 1875—78 годахъ — до 30 милліоновъ четвертей. Но и на этой цифрѣ ростъ отпуска не останавливается, ибо мы уже знаемъ, что въ прошедшемъ году было вывезено хлѣба безъ малаго на 12 милліоновъ четвертей болѣе противъ этой средней цифры, именно 41.815,000 четвертей. Кто повѣрилъ бы передъ крымскою войною, что лѣтъ черезъ двадцать пять или тридцать изъ Россіи будетъ вывозиться хлѣба *вдесятеро* болѣе противъ тогдашняго времени и что въ одинъ только 1878 годъ будетъ отправлено за-границу столько же, сколько вывозилось туда въ теченіи цѣлыхъ восьми лѣтъ съ 1849 по 1857 годъ.

Такимъ образомъ, если сравнить начало и конецъ послѣдняго тридцатилѣтія, то въ выводѣ окажется, что наша отпускная хлѣбная торговля въ этотъ промежутокъ времени удеслѣтерилась. Явленіе поразительное въ нашей народно-хозяйственной жизни, требующее тщательнаго изученія.

Въ этомъ необыкновенно быстромъ возрастаніи нашей отпускной хлѣбной торговли было бы всего естественнѣе и правильнѣе видѣть признаки сильно развивающагося производства хлѣба въ Россіи, которое, обезпечивая народное продовольствіе, въ то же время даетъ все болѣніе и болѣніе избытки хлѣба, сбываемые или за-границу, или же потребляемые внутри страны въ видѣ вина, спирта и проч. Но такъ какъ при избыточно обезпеченномъ народномъ продовольствіи должно быстро возрастать и самое населеніе, поглощающее эти избытки, то быстрота возрастанія отпуска вмѣстѣ съ тѣмъ должна была бы служить доказательствомъ и безпримѣрно быстрого усовершенствованія нашего сельскаго хозяйства, увеличенія производительности сельско-хозяйственнаго труда и накопленія народнаго богатства. Такъ, по видимому, и думаютъ люди, искренно увѣренные въ возможности для насъ соперничать съ Америкой на европейскихъ рынкахъ, а потому заботящіеся объ увеличеніи хлѣбнаго отпуска изъ нашихъ портовъ и даже учреждающіе съ этою цѣлію комиссіи, подобныя существующимъ нынѣ въ Одессѣ и нѣкоторыхъ

других южных портахъ. Такой взглядъ находить себѣ поддержку еще въ томъ общепринятомъ мнѣніи, что каждый народъ является на всемірный рынокъ лишь съ избытками своихъ произведеній, и какъ-то странно было бы предполагать, чтобы цѣлый народъ сталъ сбывать то, чего самъ не имѣетъ, или же имѣетъ въ недостаточномъ количествѣ. Еслибы мы сбывали хлѣбъ, въ которомъ нуждаемся сами, то отчего бы не сбывать намъ въ Европу свое желѣзо, ситцы, полотна и проч., которыхъ, какъ извѣстно, еще менѣе, чѣмъ хлѣба, должно хватать на покрытие внутреннихъ потребностей.

Какъ ни странны и логичны эти теоретическія соображенія по отношенію къ нашему народному хозяйству, тѣмъ не менѣе, въ нихъ есть нѣчто такое, что противорѣчитъ нашему внутреннему чувству, нашимъ глазамъ и ушамъ, словомъ, весьма многому изъ того, что мы знаемъ о дѣйствительности. Мы, какъ это ни странно, твердо убѣждены въ томъ, что положеніе нашего народнаго хозяйства весьма неудовлетворительно и что безотлагательно необходимо поставить его на новый, болѣе безопасный путь. И, тѣмъ не менѣе, мы, какъ школьникъ, пойманный на чтеніи недозволенной книжки во время урока, весьма смущенно прячемъ это убѣжденіе, когда намъ указываютъ на огромные хлѣбныя избытки, о которыхъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ обзоры виѣшней торговли Россіи. Мы чувствуемъ, что тутъ что-нибудь да не такъ, что въ существѣ дѣла мы правы, но, не имѣя возможности доказать свою правоту, покорно склоняемся передъ фактомъ хлѣбныхъ избытковъ, тщетно придумывая средства примирить въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

Страшная путаница, порождаемая этими противорѣчіями въ вопросахъ народнаго хозяйства въ настоящее время легко распутывается, благодаря изданному въ нынѣшнемъ году министерствомъ государственныхъ имуществъ «Сборнику свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности». Этотъ сборникъ своими данными о посѣвѣ и урожаѣ хлѣбовъ въ Европейской Россіи за 1870—76 годы даетъ возможность ярко и осязательно разрѣшить это противорѣчіе и указать на истинный смыслъ числовыхъ данныхъ объ отпускѣ хлѣба за-границу.

Но прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, да будетъ позволено сказать нѣсколько словъ о свойствахъ самаго матерьяла, предлагаемаго въ сборникѣ.

Изложеніе свѣдѣній о посѣвѣ и урожаѣ хлѣбовъ департаментъ сопровождаетъ такимъ объясненіемъ:

«При существующемъ у насъ способѣ собиранія данныхъ о посѣвахъ и урожаяхъ, свѣдѣнія о крестьянскихъ посѣвахъ, по отзыву многихъ лицъ, знакомыхъ съ практикою этого дѣла, получаются довольно аккуратно черезъ посредство волостныхъ правленій. По крайней мѣрѣ, о крестьянскомъ хлѣбѣ въ каждой волости каждый годъ составляются лицами, близко стоящими къ крестьянскому хозяйству, болѣе или менѣе вѣрныя оцѣнки урожая. О помѣщичьемъ же производствѣ свѣдѣнія гораздо менѣе точны, такъ какъ непосредственно отъ производителей они не получаются, а потому или вовсе опускаются въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, или составляются гадательно. По этимъ причинамъ, цифры производства хлѣба можно считать выше того, какъ показываютъ цифры» и приблизительно процентовъ на десять чистаго сбора, какъ заявляетъ вслѣдъ за этимъ департаментъ земледѣлія.

Императорское вольное экономическое общество въ запискѣ о земледѣльческой промышленности въ Россіи ¹, составленной г. А. Ермоловымъ для представленія въ іюнѣ прошлаго года отъ имени общества на международный земледѣльческій конгрессъ въ Парижѣ, точно также признаетъ, вмѣстѣ съ Тенгоборскимъ и Вильсономъ, что официальные свѣдѣнія о посѣвѣ и урожаѣ хлѣбовъ въ Россіи ниже дѣйствительныхъ, не болѣе какъ на 10—15%.

Такимъ образомъ и департаментъ земледѣлія и вольное экономическое общество, два наиболѣе компетентныя въ этомъ дѣлѣ учрежденія, признаютъ, что въ предѣлахъ предлагаемой ими поправки, эти свѣдѣнія объ урожаѣ должны близко подходить къ истинѣ. Опираясь на эти авторитеты, мы примемъ въ своей статьѣ высшій предѣлъ поправки въ 15% и притомъ *не чистую*, а валоваго сбора, что должно еще болѣе увеличить размѣры хлѣбнаго производства и дать выводы значительно смягченныя.

Изъ названнаго выше сборника, оказывается, что, въ теченіи промежутка времени съ 1870 по 1876 годъ включительно, ежегодно среднимъ числомъ собиралось въ Россіи:

Пшеницы.	36,2	милліона	четвертей
Ржи	116,3	»	»
Овса	94,3	»	»
Прочихъ яровыхъ. .	55,4	»	»

Итого зерноваго хлѣба 302,2 милліона четвертей.

¹ Mémoire de la production agricole de la Russie par A. Yermolow. St-Gétersbourg. 1878.

Сверхъ того, ежегодно получалось картофеля 66,5 милліоновъ четвертей.

Чтобы опредѣлить, какое количество каждаго хлѣба оставалось въ распоряженіи населенія на его продовольствіе, мы исключимъ изъ вышеприведенныхъ цифръ валоваго сбора посѣвныя сѣмена, хлѣбныя припасы, употребленныя на винокурение, и хлѣбъ, вывезенный за-границу. Остатокъ будетъ выражать собою всѣ годовыя продовольственныя запасы населенія Европейской Россіи.

	Посѣвъ.	Винокурение ¹ .	Отпускъ ² .	Остатокъ.
	(Въ милліонахъ четвертей).			
Пшеницы	9,1	—	9,1	18,0
Ржи	24,9	9,2	6,8	75,4
Овса	24,1	—	4,7	65,5
Прочихъ яровыхъ .	13,2	0,2	3,0	39,0
Итого	71,3	9,4	23,6	197,9
Картофеля	12,3	1,7	—	52,5

Общая цифра остатка 198 милліоновъ четвертей зерноваго хлѣба, остающагося за удовлетвореніемъ потребностей посѣва, винокурения и отпуска за-границу, еще не можетъ быть всецѣло отнесена къ средствамъ продовольствія народа. Сборникъ, дѣлая расчеты хлѣбу, необходимому на продовольствіе собственно населенія, вовсе исключаетъ изъ хлѣбныхъ продовольственныхъ припасовъ овесъ и картофель, такъ какъ первый лишь въ ничтожномъ количествѣ потребляется жителями, а второй потребляется какъ приварокъ, наравнѣ съ овощами, напримѣръ, капустою и проч. Затѣмъ остальные яровые: греча и ячмень, по своему продовольственному значенію, также не могутъ быть поставлены на одну ногу съ рожью или пшеницею, а потому Сборникъ совершенно справедливо приравниваетъ четверть этихъ яровыхъ только $\frac{3}{4}$ четверти ржи. Такимъ образомъ, откидывая овесъ и картофель, и уменьшая остающееся количество яровыхъ до $\frac{3}{4}$, мы опредѣлимъ дѣйствительныя средства продовольствія населенія за 1870—1876 годы. По такому расчету собственно на продовольствіе населенія оставалось:

¹ «Ежегодникъ Министерства Финансовъ». Вѣдомости объ употребленныхъ на винокурение припасахъ.

² Такъ какъ изъ получаемаго урожая лишь малая часть хлѣба вывозится за-границу въ томъ же году, то мы для сбора хлѣба даннаго года брали цифру отпуска слѣдующаго за нимъ года.

Пшеницы	18	милліоновъ	четвертей
Ржи	75.4	»	»
Яровыхъ	29.2	»	»

Всего же . . . . . 122,6 милліоновъ четвертей въ годъ.

Вопросъ теперь въ томъ, достаточно ли этого количества хлѣба на пропитаніе населенія втеченіи пѣлаго года? Населеніе Европейской Россіи, по свѣдѣніямъ за 1870 годъ, по которымъ департаментъ сдѣлалъ расчетъ продовольствію, состояло изъ 71.730,930 душъ обоого пола. Но принять эту цифру для всего семилѣтія нельзя, ибо, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, болѣзненность и сильную смертность, оно тѣмъ не менѣе возрастаетъ ежегодно не менѣе одного процента. Поэтому среднею цифрою населенія Европейской Россіи для 1870—1876 годовъ будетъ 73.900,000 душъ. Для опредѣленія необходимаго на все это число жителей хлѣба, мы примемъ расчеты кадастровыхъ комиссій министерства государственныхъ имуществъ, признаваемые департаментомъ земледѣлія, всего ближе подходящими къ истинѣ. По этимъ расчетамъ, на годовое продовольствіе каждаго работника требуется 2¹/₂ четверти озимаго хлѣба, работницы и полурботника 2 четверти, полурботницы 1¹/₂ и неработника 1 четверть. По таблицѣ же Бунаковскаго изъ 73.900,000 жителей будетъ приходиться:

	Муж.	Женщ.
	въ милліонахъ	
Работниковъ	18,5	18,6
Полурботниковъ	3,8	4,6
Неработниковъ	14,3	14,1

На основаніи этихъ цифръ должно требоваться на годовое продовольствіе: рабочаго мужскаго населенія 46,2 милліона четвертей, работницъ и полурботниковъ 44,8 милліоновъ, полурботницъ 7 милліоновъ и нерабочаго населенія 28,4 милліона, всего 126,4 милліона четвертей. Сопоставляя эту цифру 126,4 милліона четвертей, необходимаго на годовое продовольствіе всего населенія Европейской Россіи, съ тѣмъ количествомъ хлѣба, какое среднимъ числомъ ежегодно оставалось на продовольствіе жителей, мы увидимъ, что *втеченіи первыхъ семи лѣтъ текущаго десятилѣтія на годовое продовольствіе населенія Европейской Россіи не доставало около четырехъ милліоновъ четвертей зерноваго хлѣба.*

Недостатокъ въ четыре милліона четвертей не великъ, но цифра его выражающая имѣетъ въ настоящемъ случаѣ то достоинство, что представляетъ *наименьшій* недостатокъ какой только, не насмѣя цифрѣ, можно вывести изъ официальныхъ свѣдѣній объ урожаѣ. Люди, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣла и практикою цифрѣ, утверждаютъ, что официальные свѣдѣнія объ урожаѣ на 10—15% ниже дѣйствительности. Поэтому мы приняли наибольшую изъ допускаемыхъ здѣсь поправку, именно 15% *валового сбора*, несмотря на то, что Сборникъ признаетъ достаточною поправку въ 10% *чистого урожая*. Кромѣ того, по нашимъ расчетамъ, низшій размѣръ необходимаго продовольствія составляетъ 1,71 четв. на душу, а по исчисленіямъ сборника 1,75 четв. Такимъ образомъ, если увеличить данныя объ урожаѣ лишь на 10% чистого сбора, то, при нормѣ продовольствія въ 1³/₄ четв. на душу, *недостатокъ* увеличится до *девятнадцати* съ половиною милліоновъ въ годъ ¹.

Вычисленная кадастровыми комиссіями норма необходимаго годового продовольствія однакоже такъ мала, что само законодательство, когда ему предстояло опредѣлять размѣры продовольствія законодательнымъ порядкомъ, не считало возможнымъ придерживаться расчетовъ названныхъ комиссій. Такъ, закономъ 25-го іюня 1877 года, о призрѣніи семействъ чиновъ запаса и ратниковъ государственнаго ополченія, призванныхъ въ военное время на службу, установлено, чтобы земства отпускали на каждое призрѣваемое лицо, безъ различія возраста, не менѣе 1 пуда 28 фунтовъ муки и 10 фунтовъ гречневой крупы въ мѣсяцъ. Переводя муку и крупу на зерно, мы получимъ довольно высокую норму, по которой на прокормленіе cadaго жителя пришлось бы положить по 2¹/₃ четвертей озимаго и ¹/₂ четверти яроваго

¹ Не желая быть голословными, сдѣлаемъ расчетъ по этимъ основаніямъ:

	Средній валовой сборъ 1870—76 годовъ.	Посѣвъ.	Чистый сборъ		На вино-		Остатокъ.
			сборъ.	увелч. 10%.	куръ от- пускъ.		
	(въ т я с я ч а х ъ ч е т в е р т е й)						
Пшеницы	31,516	9,075	22,441	24,685	9,180	15,555	
Ржи	101,117	24,916	76,201	83,821	16,014	67,807	
Прочихъ яровъ	43,200	18,188	35,014	38,515	3,248	35,267	

Отсюда на продовольствіе остается: пшеницы и ржи всего 83.362,000 чет. и прочихъ яровыхъ (35.267,000 × ³/₄ =) 26.450,000 четв., итого 109.812,000 четв. зерноваго хлѣба. По нормѣ въ 1³/₄ четв. на душу потребуетса на продовольствіе 71.780,980 душъ обоего пола 125.529,000 четв. въ годъ, а на продовольствіе 78.900,000 душъ—129,3 милліона. Въ первомъ случаѣ недостатокъ будетъ равенъ 15,7 мил. четв., а во второмъ—19,4 мил. четв.

хлѣба въ годъ. Согласно этому, на прокормленіе 73.900.000 душъ населенія Европейской Россіи потребовалось бы 172½ милліона четвертей озимаго и до 37 милліоновъ четв. ярового, всего же 209½ милліоновъ четвертей зерноваго хлѣба въ годъ. Но мы уже видѣли, что средній остатокъ озимыхъ хлѣбовъ не превышалъ 93½ милліоновъ четвертей въ годъ; такимъ образомъ, въ озимомъ хлѣбѣ получился бы огромный недостатокъ въ 79 милліоновъ четвертей. Въ яровыхъ же, напротивъ того, мы имѣли бы небольшой избытокъ въ два милліона, такъ что въ общей сложности получился бы въ продовольствіи огромный недочетъ въ 87 милліоновъ четвертей. Но эту норму, установленную закономъ 25-го іюня, нельзя не признать слишкомъ высокою въ томъ отношеніи, что законодатель, повидимому, имѣлъ въ виду обезпечить прокормленіе призрѣваемыхъ лицъ исключительно только хлѣбомъ, предвидя, что во многихъ случаяхъ семья ратниковъ не будутъ имѣть ни рыбы, ни мяса, ни овощей, ни другихъ питательныхъ суррогатовъ хлѣба, которые въ дѣйствительности значительно сокращаютъ потребность въ хлѣбѣ даже среди крестьянскаго населенія.

Такимъ образомъ мы имѣемъ высшій и низшій предѣлы недостатка въ годичномъ продовольствіи населенія Россіи. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ не важно точное опредѣленіе размѣровъ этого недостатка, ибо при огульных поправкахъ цифръ въ 15% этого достигнуть нельзя, и всегда будутъ получаться лишь величины приблизительныя. Да и самый предметъ—посѣвы и урожай хлѣбовъ—еще долго не въ состояніи будетъ давать намъ столь же точныхъ цифръ, какія получаютъ, напримѣръ, департаментомъ таможенныхъ сборовъ относительно внѣшней торговли. Тѣмъ неменѣе достоинство числовыхъ данныхъ о хлѣбной производительности, какъ величинъ приблизительныхъ, не подлежитъ сомнѣнію, и они не менѣе другихъ цифръ способны давать намъ простую, ясную и близкую къ дѣйствительности картину положенія этой важнѣйшей отрасли промышленности въ данное время.

Повторяемъ, для насъ важно не столько опредѣлить точные размѣры недостатка въ средствахъ продовольствія, сколько указать на самое существованіе этого недостатка, а затѣмъ дать ему выраженіе въ сжатой формулѣ, которая такъ же просто выражала бы состояніе нашего земледѣльческаго хозяйства, какъ

цифры обзоровъ говорятъ намъ о ходѣ внѣшней торговли. Такую формулу мы получили какъ выводъ изъ свѣдѣній департамента о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ. Этотъ выводъ намъ говоритъ, что *въ теченіи минувшаго десятилѣтія въ зерновомъ хлѣбѣ для продовольствія сталъ обнаруживаться недостатокъ.*

Въ содержаніи этой формулы нѣтъ ничего такого, что не подтвердилъ бы каждый сколько-нибудь знакомый съ положеніемъ нашего хозяйства. Но она можетъ встрѣтить возраженія со стороны формы, внѣшняго ея выраженія или, лучше, постановки, хотя эта постановка вопроса прямо вытекла изъ официальныхъ цифръ. Мы не встрѣтили бы ни малѣйшихъ возраженій, еслибы вмѣсто этой формулы сказали словами одного изъ нашихъ весьма видныхъ публицистовъ по вопросамъ сельскаго хозяйства, что если у насъ и замѣчаются весьма важныя сами по себѣ попытки самостоятельнаго, разумнаго и правильнаго движенія впередъ (въ дѣлѣ сельскаго хозяйства), то эти явленія остаются безконечно малыми по сравненію съ всеобщимъ и исчезаютъ въ массѣ данныхъ и цифръ, за нечувствительностію мѣрила, общепринятаго для измѣренія подобнаго рода явленій, но разсчитаннаго только на большія числа и крупныя факты, на явленія, охватывающія цѣлыя области, на миллионы и сотни миллионныхъ. Напротивъ того, въ внѣшнемъ положеніи русскаго сельско-хозяйственнаго дѣла есть много такнхъ условий, которыя побуждаютъ придерживаться прежнихъ способовъ хозяйства не только вслѣдствіе рутинности и незнанія нашихъ хозяевъ, но, весьма часто по разумнымъ причинамъ ¹. Если въ дополненіе къ этой характеристикѣ мы сказали бы еще рѣзче, что, вслѣдствіе многихъ неблагоприятныхъ условий, наше сельское хозяйство ^{въ общемъ} обнаруживаетъ скорѣе ухудшеніе, чѣмъ движеніе впередъ и, что усилія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ еще долго останутся безъ всякихъ замѣтныхъ результатовъ, то и противъ этого едва ли найдутся возражатели. А между тѣмъ въ сущности это будетъ тоже, что такъ коротко выражаетъ выводъ изъ свѣдѣній о сборѣ хлѣбовъ. Еслибы затѣмъ мы привели рядъ заявленій ^{со всѣхъ} концовъ Россіи, что крупныя хозяйства падаютъ даже въ лучшихъ наиболѣе одаренныхъ природою полосахъ Россіи; что крестьяне, поставленные малоземельемъ въ необходимость арендовать земли изъ вторыхъ или даже третьихъ рукъ по невозможнымъ цѣнамъ, не имѣютъ возможности разумно и бережливо пользоваться арен-

¹ Культурные районы въ Россіи. А. С. Ермолова. Ж. Сельск. Хоз. и Лѣсов. инъ 1878.

дурными землями, и что, вслѣдствіе этого, положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ становится хуже и мрачнѣе; если бы, наконецъ, мы указали на мѣстности, откуда землевладѣльцы бѣгутъ, покидая земли на произволъ судьбы и предпочитая личный заработокъ въ городахъ своему хозяйству; еслибы перечислили рядъ комиссій, назначаемыхъ правительствомъ и земствами для изслѣдованія причинъ упадка сельскаго хозяйства и выработки мѣръ къ его поднятію, то и въ этихъ словахъ въ сущности не было бы ни малѣйшей разницы отъ того, что мы узнаемъ въ выводѣ изъ цифръ о сборѣ хлѣбовъ. И тѣмъ не менѣе самая постановка можетъ вызвать множество возраженій, можетъ быть найдена невозможною на томъ основаніи, что она становится въ противорѣчіе съ нѣкоторыми воззрѣніями, выработанными еще въ то безвозвратно минувшее время, когда строй всего нашего народнаго хозяйства былъ совершенно отличный отъ нынѣшняго, натуральный, а не денежный, когда владычество рубля было несравненно мягче и слабѣе. Эти воззрѣнія достались намъ по наслѣдству, не какъ почтенныя памятники старины, которымъ мѣсто въ музеяхъ или исторіи, не какъ и нѣчто живое, измѣняемое временемъ и обстоятельствами, а какъ догматы, какъ члены какимъ-то образомъ установившагося экономическаго символа вѣры, которые, будучи безсилны регулировать жизнь, только мѣшаютъ правильному ея развитію.

Къ числу такихъ памятниковъ старины принадлежитъ и наше воззрѣніе на хлѣбную торговлю. Было время и сравнительно недавно, когда, сбывая за-границу хлѣбъ, мы не могли отправлять туда даже половины своихъ избытковъ. Но это было и быльемъ поросло. Прежде, въ случаѣ болѣе или менѣе значительныхъ неурожаевъ, когда зарождалось нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, что продовольствіе будетъ обеспечено въ мѣру, издавалось распоряженіе о запрещеніи вывоза хлѣба за-границу, не опасаясь ни какихъ вредныхъ послѣдствій отъ этой мѣры для народнаго хозяйства.—Это весьма характерный признакъ, что отпуская торговля въ то время имѣла второстепенное значеніе, именно, какъ средство сбывать свои избытки. Возможно ли подумать объ этой мѣрѣ въ настоящее время? Прежде, сказали мы, внѣшняя торговля была по преимуществу средствомъ сбывать избытки своихъ произведеній, теперь она является по преимуществу средствомъ добыванія денегъ, часто болѣе необходимыхъ, чѣмъ даже дневной кусокъ хлѣба. Значеніе этой торговли для насъ измѣнилось нынѣ самымъ кореннымъ образомъ: она сдѣлалась необходимостію и заняла господствующее положеніе въ строѣ нашего народнаго

хозяйства — положеніе, о которомъ невозможно было бы и составить понятія лѣтъ двадцать назадъ.

Вотъ, въ сущности, гдѣ кроется разгадка необыкновеннаго роста нашей хлѣбной торговли. А при такомъ положеніи чрезвычайно быстрое возрастаніе отпуска хлѣба за-границу вовсе не значитъ накопленіе избытковъ хлѣба и вовсе не свидѣтельствуетъ, вопреки нашимъ собственнымъ глазамъ и ушамъ, о необыкновенныхъ успѣхахъ сельскаго хозяйства. *Быстрое увеличеніе отпускной торговли въ настоящее время означаетъ лишь быстрое увеличеніе потребности въ деньгахъ*—и ничего болѣе.

А между тѣмъ слѣпая вѣра въ минный догматъ, что мы сбываемъ за-границу лишь избытки хлѣба, принесла уже не мало горькихъ плодовъ. Она отнимала возможность видѣть въ настоящемъ свѣтѣ истинное положеніе нашего народнаго хозяйства и конечно, не мало способствовала тому, что обширное изслѣдованіе сельскаго хозяйства, произведенное правительствомъ, осталось, повидимому, безъ послѣдствій, такъ какъ вѣра въ догматъ о сбываемыхъ за-границу избыткахъ должна была вносить страшную путаницу въ умы и подрывала вѣру въ безпристрастныя свидѣтельства. До какой степени сильна эта вѣра въ избытки свидѣлствуютъ, напримѣръ, три или четыре комиссіи, существующія въ настоящее время съ цѣлію изыскать средства къ успленію отпуска хлѣба за-границу изъ южныхъ портовъ и поѣздка профессора Р. В. Орбинскаго въ Соединенные Штаты для изслѣдованія причинъ конкуренціи американскаго хлѣба съ нашимъ.

Мало того, подъ сильнымъ давленіемъ этого догмата находится и учрежденіе, которому должно всего яснѣе представляться ложное значеніе, приписываемое цифрамъ обзоровъ внѣшней торговли Россіи. Такъ, въ своемъ «Сборникѣ» департаментъ земледѣлія и сельской промышленности говоритъ между прочимъ: «Если принять въ соображеніе конечный выводъ о размѣрѣ продовольствія на душу для всей Россіи, за исключеніемъ вывезеннаго за-границу хлѣба и за вычетомъ хлѣба, идущаго на винокурение, что, по неизмѣннѣ давнихъ, совсѣмъ нами не принято въ расчетъ, то оказывается, что въ среднемъ на душу приходится всего не $1\frac{3}{4}$ четверти, а только $1\frac{1}{2}$ четверти. Этотъ выводъ показываетъ, что цифры производства хлѣба нѣсколько ниже дѣйствительныхъ и приблизительно на цифру около 18—20 мил. четвертей, по расчету $\frac{1}{4}$ четверти на душу».

Статистическій выводъ, очевидно, здѣсь основывается на чисто апіористическомъ положеніи, что у насъ продовольствіе во

*

всякомъ случаѣ должно быть достаточно, потому что существуетъ отпускъ хлѣба за-границу, который есть не что иное, какъ избытокъ отъ продовольствія. Въ этомъ же смыслѣ измѣнены и самыя основанія поправки. Не будутъ ли въ этомъ случаѣ статистическія данныя, какъ запуганный, загнанный ребенокъ, бессмысленно повторять слово за словомъ того, что потребуетъ грозный неумолимый отецъ. Они скажутъ, что приказано, и ничего больше отъ нихъ не узнаете. Что касается основаній поправки, то они предложены давно, не одинъ десятокъ лѣтъ тому назадъ, и во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ могло возникнуть сомнѣніе насчетъ значенія цифръ отпускной хлѣбной торговли. Поэтому не было бы никакой надобности измѣнять ихъ, еслибы не измѣнившееся равновѣсіе по вѣрѣ въ догматъ о хлѣбныхъ избыткахъ.

Итакъ выводъ, порожденный официальными свѣдѣніями о сборѣ хлѣбовъ, прежде всего отнимаетъ у цифръ нашего хлѣбнаго отпуска характеръ доказательствъ нашего преуспѣнія и придаетъ имъ новое, совершенно отличное отъ прежняго значеніе, какъ весьма обильнаго источника денежныхъ средствъ, въ которыхъ народъ съ каждымъ годомъ чувствуетъ все болѣшую и болѣшую нужду. Вотъ это-то косвенное значеніе получаемаго вывода и должно вызвать нѣкоторую неприязненность у тѣхъ, кто привыкъ смотрѣть на наше народное богатство сквозь призму исчезнувшихъ хлѣбныхъ избытковъ. Другимъ косвеннымъ и не менѣе важнымъ слѣдствіемъ признанія факта недостаточнаго обезпеченія народнаго продовольствія является необходимость отказаться отъ мнѣнія, что тягости государственнаго хозяйства должны всецѣло падать на земледѣліе, на земледѣльческіе классы. Платежная сила этихъ классовъ иссякаетъ, а между тѣмъ, этотъ фактъ верховной важности былъ заслоняемъ и затираемъ мнимыми бумажными избытками въ хлѣбѣ.

Изъ предыдущаго мы знаемъ, что земледѣльческая промышленность въ теченіе первыхъ семи лѣтъ нынѣшняго десятилѣтія уже не была въ состояніи удовлетворять всѣмъ потребностямъ населенія въ хлѣбѣ. Но на основаніи приведенныхъ цифръ нельзя было опредѣлить, обнаруживаетъ ли наше земледѣліе какіе-либо замѣтные слѣды улучшеній, или же, напротивъ того, оно падаетъ, подавленное непосильнымъ бременемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и условій. Для того, чтобы легче уловить пре-

обладающее въ ней направленіе, не путаясь въ безпорядочной повидному, смѣнѣ урожайныхъ лѣтъ неурожайными, мы раздѣлимъ все семилѣтніе на два періода, сравненіе которыхъ между собою дастъ требуемый отвѣтъ.

Сравнивая первые три года текущаго десятилѣтія съ четырьмя послѣдующими, мы найдемъ, что производство зерноваго хлѣба въ эти семь лѣтъ сократилось на цѣлые 9 милліоновъ четвертей, а именно: въ 1870—1872 г. средній валовой сборъ всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ равнялся 308 милліонамъ четвертей, а въ 1873—1876 годахъ лишь 299 милліонамъ. Размѣры же посѣвовъ этихъ хлѣбовъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ періодахъ, оставались неизмѣнными, именно 71 милліонъ четвертей. Отсюда видно, что производство хлѣба сократилось и притомъ не вслѣдствіи меньшей затраты труда со стороны земледѣльческаго населенія, но вслѣдствіе уменьшенія урожайности, такъ какъ въ первомъ періодѣ земледѣлецъ вознаграждался за свои труды урожаемъ самъ 4,3, а во второмъ самъ 4,2. Справедливость требуетъ, однакоже, сказать, что недоборъ хлѣба въ 1873—1876 годахъ, сравнительно съ предшествовавшими годами, отразился главнѣйшимъ образомъ на овсѣ и пшеницѣ и лишь частію на гречѣ и ячменѣ, не коснувшись ржи, которой во второе четырехлѣтіе собиралось среднимъ числомъ милліона на четыре четвертей болѣе. Нельзя также не обратить вниманія и на увеличеніе посѣвовъ картофеля, одного изъ дешевѣйшихъ средствъ продовольствія. Посѣвы его увеличились съ 12 милліоновъ четвертей до 16.

Обращаясь къ средствамъ продовольствія, мы узнаемъ, что, несмотря на только-что указанное уменьшеніе общей урожайности въ зерновыхъ хлѣбахъ, отпускъ хлѣба за-границу тѣмъ не менѣе возросъ довольно значительно. Съ этимъ вмѣстѣ стали уплывать за-границу не только избытки, но и часть продовольственнаго хлѣба. Такъ, чистый сборъ пшеницы, ржи, ячменя и гречихи (послѣдніе два рода хлѣбовъ въ переводѣ на рожь по расчету 1 четв. = $\frac{3}{4}$ четв. ржи), въ 1870—72 годахъ, равнялся 151 милліону четвертей въ годъ, а въ 1873—76 годахъ только 150 милліонамъ. Изъ нихъ

	расходовалось на отпускъ	Винокуренія.		Оставалось.
въ 1870—72 г.	16 мил. четв.	9 мил. четв.	126 мил. четв.	
» 1873—76 »	20 »	» 9 »	» 121 »	»

На продовольствіе же средняго для первыхъ трехъ лѣтъ населенія въ $72\frac{1}{2}$ милліона душъ требовалось, считая по 1,71 четв.

на душу около 124 миллионѣвъ четвертей въ годѣ, а въ слѣдующіе четыре года, для населенія въ 75 милл. душѣ, 128 милл. четв. Такимъ образомъ, въ первые три года еще оказывался *ежегодный избытокъ продовольствія въ два милл. четв.*, а въ слѣдующіе четыре года, напротивъ того, обнаружился *недостатокъ въ размѣръ семи миллионѣвъ четвертей.*

Если еще можно было бы съ нѣкоторымъ подобіемъ основанія усомниться въ прежнемъ выводѣ, вытекшемъ изъ цифръ для всего семилѣтія, опираясь на неполноту свѣдѣній, то этотъ послѣдній выводъ долженъ разсѣять всякія сомнѣнія. Онъ полученъ изъ сравненія цифръ, по достоинству, совершенно одинаковыхъ, собиравшихся однимъ и тѣмъ же путемъ. Порочность цифръ двухъ сравниваемыхъ періодовъ должна взаимно уничтожаться при сравненіи и дать чистый правильный выводъ, что *степень обезпеченности продовольствія уменьшилась въ теченіи сравниваемыхъ двухъ періодовъ на 5 милл. четвертей продовольственного хлѣба, вследствие ослабляющихъ урожаевъ и усилившихся отпусковъ хлѣба за границу.*

Но этотъ выводъ, есть основаніе думать, получился въ значительно смягченномъ видѣ. Неполнота свѣдѣній, ради которой знатоки дѣла предложили поправку къ свѣдѣніямъ объ урожаевъ на 10—15%, должна была постепенно восполняться. Нужно помнить, что въ точности этихъ свѣдѣній весьма сильно заинтересованы также земства, уже по одному тому, что на нихъ лежитъ большая часть заботъ по обезпеченію народнаго продовольствія. Нельзя не припомнить ихъ усилій къ точнѣйшему ознакомленію съ народнымъ хозяйствомъ въ предѣлахъ своей территоріи. И слѣдящіе за этою кропотливою, но весьма благодарною работою не могли не замѣтить, какъ постепенно накапливаются точныя свѣдѣнія о строѣ и составѣ, и приводятся въ извѣстность составныя части земской экономіи. Въ подтвержденіе стоило бы только указать на рядъ фактовъ сокрытія земельвладѣльцами принадлежащей имъ земли, фактовъ, ежегодно разблачаемыхъ земскими управами, комиссіями и экспедиціями. То же стремленіе земствъ замѣтно и по части народнаго продовольствія, гдѣ нельзя шагу сдѣлать безъ предварительнаго точнаго ознакомленія съ состояніемъ посѣвовъ и урожаевъ.

Имѣя это въ виду, мы позволяемъ себѣ думать, что позднѣйшія свѣдѣнія о сборѣ хлѣбовъ точнѣе и полнѣе, а потому и выводъ долженъ принять болѣе рѣзкую форму.

Теперь, когда цифры доказали, что наше народное хозяйство приходитъ въ разстройство и что наши земледѣльческіе классы

поставлены въ необходимость сбывать за-границу даже часть своего пропитанія, намъ уже не трудно будетъ разобраться и въ болѣе подрѣбныхъ данныхъ, и ближе присмотрѣться къ процессу, переживаемому народнымъ хозяйствомъ.

Изъ обзорѣнія урожаяевъ за каждый годъ можно видѣть, что въ разсматриваемый нами семилѣтній періодъ времени, народное продовольствіе было вполнѣ обеспечено полными урожаями лишь въ 1870 и 1874 годахъ. Въ эти два года, урожай былъ выше самъ—5, такъ что хлѣба не только хватало на продовольствіе, винокурение и отпускъ за-границу, но еще получился значительный избытокъ, изъ котораго образовались запасы хлѣба. Избытокъ хлѣба въ 1870 году равнялся 23 милліонамъ четвертей, которымъ покрылись недороды слѣдующихъ трехъ лѣтъ, когда изъ собственныхъ урожаяевъ не хватало на продовольствіе въ общей сложности 22 милліоновъ четвертей. 1874 годъ былъ снова годомъ урожайнымъ, давшимъ огромный запасъ хлѣба въ 31 милл. четв. Съ оставшимся же отъ 1870 года въ запасѣ 1 милл. четв. къ началу 1875 года, общій продовольственный запасъ составлялъ 32 милл., который и былъ почти всецѣло поглощенъ недородомъ 1875 года, не додавшимъ на продовольствіе слишкомъ 30 милл. четв. 1876 годъ вновь былъ годомъ неурожайнымъ; на продовольствіе не хватило тогда изъ собственнаго сбора почти 25 милл. четв., а на покрытіе этого недостатка имѣлось въ запасѣ только два милліона.

Этотъ послѣдній 1876 годъ особенно любопытенъ. Недостатокъ въ продовольствіи, за вычетомъ запаса отъ 1874 года, достигъ 23 милл. четв., и мы, несмотря на то, должны были *отправить за-границу 22 милл. четв. продовольственныхъ хлѣбовъ, урѣзавъ для этого свое годовое продовольствіе на одну шестую часть.*

Вотъ новое яркое подтвержденіе того, что мы торгуемъ съ за-границею не только избытками хлѣба, но и своимъ продовольствіемъ. Не очевидно ли, что денежные потребности народа столь велики и настоятельны, что мы скорѣе рѣшаемся жертвовать исправнымъ состояніемъ важнѣйшаго фактора производства, здоровьемъ и силами земледѣльческаго населенія, чѣмъ отказаться отъ пріобрѣтенія нужнаго до зарѣзу рубля? Если поэтому недостаточно возвращается даже потеря въ мускульной силѣ, затраченной на обработку земли, то можно ли думать, что возвращается потеря и въ производительной силѣ другого, столь же важнаго фактора производства почвы. Земледѣлецъ, истощая себя трудомъ и недостаточнымъ питаніемъ, неизбѣжно

долженъ истощать и почву. Такимъ образомъ, приведенныя нами выше доказательства уменьшенія урожая въ мы приобретаемъ право считать несомнѣнны случайными явленіями, происходящими исключительно отъ причинъ метеорологическихъ. Не солнце и дождь, тепло и холодъ одни отвѣтственны за уменьшеніе урожая, но и другія причины, побуждающія земледѣльца предпочитать деньги даже куску хлѣба и создающія ему положеніе, въ которомъ трудъ его слишкомъ дешевъ, чтобы питаться въ достаточной мѣрѣ, или—что одно и то же—хлѣбъ стоитъ слишкомъ дорого, чтобы земледѣлецъ тратилъ его на поддержаніе своего хозяйства. Положеніе земледѣльской промышленности и земледѣльческихъ классовъ обнаруживаетъ въ себѣ весьма много ненормальнаго и только этою ненормальностію положенія можно объяснить то, что сбытъ хлѣба за границу становится у насъ совершенно независимымъ отъ степени урожая и средствъ продовольствія и что только благодаря этому освобожденію изъ зависимости, благодаря этой эмансипаціи, онъ могъ расти съ такою чудовищною быстротою въ теченіе послѣдняго полутора-десятка лѣтъ. Но чтобы не оставлять ни одного слова недоказаннымъ, приводимъ таблицу, изъ которой каждый желающій можетъ сдѣлать тѣ же выводы, что и у насъ:

Годы.	Степень урожая.	Чистый сборъ. (въ миллион. четв.)	Отпускъ продов. хлѣб.	Отношеніе отпуска къ чист. сбору.	Недостат. или избыт. въ продов.	Запасы.
					(въ миллион. четв.)	
1870	5,1	173	18	10%	+ 23	+ 23
1871	4,2	142	14	10%	— 5	+ 18
1872	4,2	139	17	12%	— 12	+ 6
1873	4,5	152	21	14%	— 5	+ 1
1874	5,2	185	17	9%	+ 31	+ 32
1875	3,9	127	19	15%	— 30	+ 2
1876	4,1	137	22	16%	— 25	— 23

Изъ этой таблицы легко замѣтить, что урожай не влечетъ за собой соответственнаго увеличенія отпуска, а недородъ хлѣба не имѣетъ слѣдствіемъ сокращенія въ количествѣ сбываемаго за границу хлѣба. Мало того, что отпускъ не зависитъ теперь отъ урожая, но, напротивъ, отъ него стали въ непосредственную зависимость и самыя средства продовольствія, такъ какъ населеніе вынуждено пропитываться лишь остатками отъ того, что не уве-

зено за-границу или не продано на винокуренные заводы. Поэтому *вполнѣ возможно одновременное существованіе голода въ значительной части Россіи и блестящій по виду результатъ внешней торговли хлѣбомъ.* Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ 1876 годъ.

Состояніе запасовъ продовольствія наводитъ также на мысль, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ стоявшихъ годами скирдъ хлѣба, которыя представляли собою наглядное и осязательное доказательство имѣющихся запасовъ, обезпеченіе продовольствія и приобрѣтеніе хлѣба на посѣвъ съ каждымъ годомъ должны становиться труднѣе. Земства прежде другихъ должны почувствовать это съ виду не особенно важное обстоятельство. Уже и теперь по имѣющимся у насъ даннымъ можно замѣтить, что увеличеніе посѣвовъ слѣдуетъ только за урожайнымъ годомъ и что, напротивъ того, недородъ влечетъ за собою сокращеніе ихъ. Такъ, послѣ весьма урожайнаго 1870 года, посѣвы увеличились на 2,174 тысячи четвертей. Недородъ 1871 года сократилъ ихъ на 424 тысячи четвертей. Въ слѣдующемъ году снова былъ плохой урожай и посѣвы вновь сократились на 1,291 тысячу четвертей. Нѣсколько лучшей урожай 1873 года далъ возможность высѣять болѣе противъ предшествующаго года 923 тысячи. Хорошій урожай 1874 года увеличилъ посѣвы еще на 323 тысячи четвертей. Слѣдующій весьма плохой по урожаю годъ снова заставилъ сократить посѣвы на 306 тысячъ четвертей. При недостаточныхъ запасахъ этого никакъ не могло случиться: очевидно, запасные магазины не отличались полными закромами, а приобрѣтеніе посѣвныхъ сѣменъ покупкою было дѣломъ не особенно легкимъ. Такимъ образомъ, отпускъ за-границу непосредственно отражается не только на средствахъ продовольствія, но даже на количествѣ производимаго хлѣба, лишая земледѣльцевъ и самыхъ сѣменъ на посѣвъ.

При такомъ порядкѣ вещей, земледѣльческая промышленность только тогда можетъ сводить концы съ концами, когда, при среднемъ посѣвѣ въ 71 милліонъ четвертей и при такомъ быстромъ ростѣ отпускной хлѣбной торговли, какъ нынѣ, будетъ получаться съ каждымъ годомъ все болѣе и лучшей урожай. Такъ, въ 1870 году, чтобы свести концы съ концами, довольно было бы урожая самъ 4,4, а въ 1876 году, при тѣхъ же размѣрахъ посѣва и при 30½ милліонахъ отпуска (считая всѣ зерновыя хлѣба), понадобился бы урожай самъ 4,7. А это предполагаетъ весьма замѣтные успѣхи въ земледѣліи, о которыхъ мы

въ настоящее время и подумать не можемъ, ибо на дѣлѣ замѣчаемъ противное.

Попробуемъ теперь оцѣнить на деньги производство хлѣба въ Россіи. Для этого возьмемъ цѣны на главнѣйшихъ внутреннихъ рынкахъ за 1875 годъ ¹. Какъ извѣстно, этотъ годъ самъ по себѣ неурожайный, слѣдовалъ за годомъ изобильнымъ. Рынки, особенно въ первую треть были полны хлѣбомъ и цѣны стояли дешевыя. Во вторую треть, когда масса зерна вывозилась уже за границу, а виды на урожай уже достаточно выяснились, цѣны стали крѣпчать и въ послѣднюю треть поднялись весьма значительно. Такимъ образомъ, начало года уравнивалось концемъ, такъ, что въ общемъ получились цѣны весьма близкія къ среднимъ, а именно для всей Россіи: четверть пшеницы 8 руб. 79 коп., ржи 5 руб. 12 коп., овса 4 руб. 6 коп., и гречихи и ячменя въ среднемъ по 6 руб. 6 коп. Круглымъ же счетомъ четверть всякаго зерноваго хлѣба стоила 5 руб. 40 коп. Эта послѣдняя цифра весьма близка къ средней оцѣнкѣ четверти зерноваго хлѣба, (въ 5 руб. четв.), сдѣланной департаментомъ земледѣлія въ его Сборникѣ.

По приведеннымъ выше цѣнамъ, цѣнность хлѣбнаго производства и различныя статьи его потребленія будутъ слѣдующія:

	Посѣвъ.	Винокуреніе.	Отпускъ.	Продовольствіе.
	(въ милліонахъ рублей).			
Пшеница	80,0	—	80,2	158,6
Рожь	127,0	46,8	34,7	386,0
Овесь	98,0	—	19,0	265,9
Прочія яровныя	80,0	1,8	18,2	236,2
Итого	385,0	48,6	152,1	1046,8

Отсюда видно, что общій ежегодный валовой сборъ зерновыхъ хлѣбовъ представляетъ цѣнность въ одинъ милліардъ 632¹/₂ милліона рублей, изъ коихъ на посѣвъ и продовольствіе какъ самого населенія, такъ и домашняго скота, идетъ хлѣба на одинъ милліардъ 432 милліона рублей и на винокуреніе съ отпускомъ

¹ См. «Правительственный Вѣстникъ» за 1875 годъ №№ 139 и 281 и за 1876 годъ №№ 88 и 117.

болѣе 200 милліоновъ. Если принять, что стоимость посѣва и продовольствія выражаетъ собою величину капитала производства, а винокурение и отпускъ за-границу—чистый доходъ отъ земледѣлія, то мы нашли бы, что земледѣліе намъ даетъ $14\frac{1}{2}\%$ чистаго дохода, т. е. вдвое болѣе, чѣмъ обыкновенно извлекается изъ лучшихъ частныхъ хозяйствъ. Чтобы понять истинное значеніе этихъ цифръ мы приведемъ также расчетъ барышей и убытковъ земледѣлія за 1876 годъ. Въ этомъ году, посѣвъ и продовольствіе рабочей силы обошлись 1.372.000,000 руб., а чистый доходъ, т. е. винокурение и отпускъ 234.000,000 руб. или 17% съ капитала производства. Не настаиваемъ на вѣрности примѣненія здѣсь этихъ техническихъ терминовъ, такъ какъ исчисленіе основнаго капитала нашего народнаго хозяйства, капитала производства и чистаго дохода не имѣется здѣсь въ виду и мы не располагаемъ достаточными для этой цѣли матеріалами. Но дѣло нисколько не измѣнится, если мы просто скажемъ, что въ теченіе 1870—76 годовъ ежегодно выручалось за хлѣбъ до 200 милліоновъ рублей, изъ которыхъ по возможности и платилось гдѣ слѣдуетъ ¹.

Не беремся здѣсь опредѣлять точную цифру платежей и сборовъ, падающихъ на земледѣліе, но и безъ этого нѣтъ не станеть отрицать стществованія причинъ того, что земледѣлецъ сдѣлался столь падкимъ на рубль.

Итакъ, благодаря официальнымъ свѣдѣніямъ объ урожаяхъ, мы можемъ смѣло назвать положеніе нашего народнаго хозяйства близкимъ къ критическому, ибо въ важѣйшей отрасли промышленности, въ земледѣліи, обнаруживается гибельное стремленіе взять больше того, что обычнымъ естественнымъ порядкомъ могло бы быть извлечено въ видѣ чистаго дохода. Берется не

¹ Изъ вѣдомостей о поступленіи государственныхъ доходовъ за 1876 годъ (Ежегодн. мин. финанс. Вып. IX), мы видимъ, что населеніемъ было оплачено

Окладныхъ сборовъ (подушной и оброчной податей, государственнаго поземельнаго налога и налога съ недвижимыхъ имуществъ) всего	105	милліонъ руб.
Выкупныхъ платежей	$44\frac{1}{2}$	»
Земскихъ платежей	$26\frac{1}{2}$	»
Солянаго	$11\frac{1}{2}$	»
Питейнаго	177	»

Конечно, эти налоги не всѣ цѣликомъ падаютъ на сельское населеніе, слѣдовательно, земледѣліе. Такъ, на примѣръ, питейный доходъ дается прежде всего городскимъ населеніемъ. Но, взаимѣнъ того, сюда слѣдуетъ причислить платежи земельнымъ банкамъ по залогу имѣній. Общее число заложенныхъ земель было въ 1876 году 89.000,000 десятинъ, подъ нихъ выдано ссуды 256.000,000 руб., и годичные платежи по расчету изъ 8% составятъ $20\frac{1}{2}$ мил. руб.

только чистый доходъ, но и часть рабочей силы въ видѣ урѣзаннаго пропитанія, а съ этимъ вмѣстѣ и часть плодородія почвы. Словомъ, мы присутствуемъ при растратѣ основного капитала народнаго хозяйства. При такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ избыткахъ, запасахъ и накопленіи народнаго богатства. А между тѣмъ, только при увеличеніи народнаго богатства возможенъ успѣхъ и не одинъ экономическій, но и умственный и нравственный. При нынѣшнихъ условіяхъ, при нынѣшнемъ хищничествѣ, мы заранѣе обречены на неудачи въ каждомъ предпріятіи общей важности, и только съ измѣненіемъ къ лучшему этихъ условій нашей народно-хозяйственной жизни будутъ возможны и движеніе впередъ и успѣхи.

П. П—въ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ

и

ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУКА.

Нашъ вѣкъ гордится своей наукой. И совершенно справедливо гордится: тайна за тайной вырываются у природы, въ чащѣ неизвѣстнаго по всѣмъ направленіямъ пробиваются широкія просѣки, открывающія новыя горизонты и далекія перспективы. Тѣмъ не менѣе, вся громадная масса идей и фактовъ, которыми и надъ которыми оперируетъ современная наука во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, представляетъ нѣкоторый гигантскій хаосъ, гдѣ небо не отдѣлено отъ земли и суша отъ воды. Иначе и быть не можетъ, если принять въ соображеніе, что задача современной науки не исключительно творческая, что на ея долю выпала большая чисто отрицательная работа, состоящая въ ликвидаціи многихъ установившихся взглядовъ, еще недавно признававшихся научными, многихъ привычекъ мысли, наконецъ, даже цѣлыхъ отраслей знанія. И, что особенно характерно, ликвидація эта происходитъ по частямъ, почти, можно сказать, по клочкамъ. Не то, чтобы явился какой-нибудь новый, всеобъемлющій принципъ, который оказалъ бы одновременное и одинаковое давленіе на все дальнѣйшее достояніе науки. Еслибы это было такъ, то мы не имѣли бы хаоса. Напротивъ, произошла бы сравнительно быстрая и одновременная перемѣна декорацій, новое освѣщеніе равномерно пало бы на все пространство, отвоеванное наукой, и новыя идеи и новыя факты заняли бы свои мѣста безъ всякой толкотни. Конечно, и въ этомъ случаѣ не было бы полнаго мира въ области науки. Можно даже думать, что борьба происходила бы въ ней гораздо дѣятельнѣе и, если можно такъ выразиться, жесточе, чѣмъ она идетъ теперь. Но она происходила бы равномерно по всей линіи науки; было бы только два врага: отживающее, старое и народившееся, новое.

и не было бы того, что мы видимъ сплошь и рядомъ теперь, когда своя своихъ не познають, а завѣдомые враги лѣзутъ другъ другу въ объятія по недоразумѣнiю. Но такого единого, всеобъемлющаго принципа нѣтъ, а многіе убѣждены даже, что и быть его не можетъ. Попытки найти его терпятъ жестокое фіаско даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣютъ, на первый взглядъ, огромный успѣхъ.

Лучшимъ примѣромъ такого двусмысленнаго успѣха можетъ служить исторія «философіи безсознательнаго» Гартмана. Шуму она надѣлала такого, какого давно уже философская литература не слыхала. Книга Гартмана въ самое короткое время выдержала чуть не десять изданій, породила цѣлую литературу за и противъ себя и самъ Гартманъ внезапно прогремѣлъ на весь цивилизованный міръ. Словомъ, внѣшній успѣхъ небывалый. Какъ, однако, далека онъ по своему внутреннему значенію отъ успѣха хотя бы, на примѣръ, гегелевской философіи, которая, хотя и на короткое время, дѣйствительно заполонила различныя отрасли знанія и притянула къ себѣ самыя разнообразныя интеллектуальныя силы. Мы не видимъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы предложенный Гартманомъ общій принципъ, худо ли, хорошо ли, объединялъ различныя спеціальныя отрасли знанія, не видимъ, чтобы онъ давалъ цвѣтъ и тонъ наукѣ права и біологіи, политической экономіи и химіи, исторіи и физикѣ. «Философія безсознательнаго», несмотря на весь произведенный ею шумъ, остается явленіемъ одинокимъ, неимѣющимъ силы оказывать давленіе на все пространство, занятое наукой. Мало того. Даже внѣшній ея успѣхъ оказался очень скоропреходящимъ. Мелкія сочиненія Гартмана, примыкающія съ той или другой стороны къ его крупному философскому первенцу, еще имѣли нѣкоторый успѣхъ, благодаря отчасти кое-какимъ шарлатанскимъ приемамъ автора, а отчасти тому, что обычная тема ихъ соприкасалась съ движеніемъ дарвинизма, всѣхъ интересовавшего. Но когда онъ въ нынѣшнемъ году выступилъ съ объемистымъ томомъ «Феноменологіи нравственнаго сознанія», то, несмотря ни на прославленное имя автора, ни на гордое подзаглавіе книги «Prolegomena zu jeder künftigen Ethik» — шуму уже никакого не произошло. Могутъ основательно замѣтить, что «философія безсознательнаго» слишкомъ расходится съ нѣкоторыми изъ элементарныхъ требованій современной научной мысли, чтобы имѣть замѣтное вліяніе на науку. Но это-то и характерно для нашего времени, что общее ученіе съ такими большими претензіями, какъ философія безсознательнаго, по самому своему духу, не мо-

жетъ быть принято въ руководство спеціальными отраслями знанія.

Если же мы будемъ искать такого общаго принципа, который оказываетъ наибольшее—въ ширь и въ глубь—вліяніе на современную науку, то наткнемся на такъ-называемый принципъ развитія, эволюціи. Судьба этого принципа очень отлична отъ судьбы «безсознательнаго». Во-первыхъ, онъ выдвинутъ отчасти непосредственно научными силами. Во-вторыхъ, онъ безспорно оказываетъ большое давленіе на науку; онъ не только произвелъ переворотъ въ биологіи, но вторгся въ области психологіи и языкознанія, получилъ поддержку въ физикѣ, породилъ новую отрасль знанія въ лицѣ сравнительной исторіи культуры и самымъ настойчивымъ образомъ стучится въ двери всѣхъ общественныхъ наукъ. Въ какой мѣрѣ, однако, это послѣднее ему удастся, видно изъ слѣдующаго любопытнаго полемическаго эпизода.

Вирховъ, далеко не симпатизирующій ученію Дарвина, выразилъ мнѣніе, что на это ученіе можетъ съ успѣхомъ опереться социальнo-демократическая партія, мадѣлавшая въ послѣднее время столько тревогъ германскому правительству. Съ своей стороны, и социаль-демократы неоднократно старались приурочить дарвинизмъ къ своей политической программѣ. Страсбургскій профессоръ зоологіи Оскаръ Шмидтъ предпринялъ разорвать эту предполагаемую связь между дарвинизмомъ и социализмомъ, что и исполнилъ въ рефератѣ, читанномъ въ собраніи нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Касселѣ. Рефератъ этотъ вышелъ потомъ отдѣльнымъ изданіемъ и лежитъ передъ нами. («Darwinismus und Socialdemocratie»).

Шмидтъ полемизируетъ, главнымъ образомъ, съ нѣкоторыми социалистическими газетами и книгой Якоби «Идея развитія» (Die Idee der Entwicklung, 1874), въ которыхъ утверждается, что Марксъ и Дарвинъ едино суть; что идея развитія, лежащая въ основаніи дарвинизма, получила блестящее подтвержденіе и поддержку въ книгѣ Маркса, что принципы теоріи Дарвина, въ свою очередь, наилучше поддерживаютъ программу и надежды социальнo-демократической партіи, ибо толкуемое въ смыслѣ этихъ принциповъ развитіе равнозначительно усовершенствованію и т. п. Оскаръ Шмидтъ—очень почтенный ученый спеціалистъ, но довольно плохой мыслитель, что онъ еще недавно доказалъ своей схваткой съ Гартманомъ, схваткой, въ которой не Шмидтъ оказался побѣдителемъ. Тѣмъ не менѣе, должно сказать, что въ настоящемъ случаѣ побѣда остается за нимъ. И, что особенно важно, побѣда достигается не какими-нибудь логическими ухищреніями, а единственно, можно сказать, откровенностью. Оскаръ

Шмидтъ прямо заявляетъ, что, хотя подборомъ и борьбой за существованіе обусловливается нѣкоторое медленное и частное усовершенствованіе, но что оно необходимо сопровождается гибелью или пониженіемъ развитія менѣе одаренныхъ индивидовъ и видовъ. Притомъ самое «усовершенствованіе» или «одаренность» надо разумѣть въ чисто спеціальному смыслѣ приспособленія къ обстоятельствамъ. И «безконечно часто» повторяется тотъ случай, что это прилаживаніе къ обстоятельствамъ благоприятствуетъ физиологически низшимъ и вызываетъ гибель физиологически высшихъ. «Непрактическій мечтатель» можетъ думать какъ ему угодно, но дарвинистъ «будетъ всегда стоять на томъ, что понятіе естественной борьбы за существованіе отнюдь не требуетъ побѣды физиологически или, въ человѣческомъ обществѣ, нравственно высшаго». Одинъ социалистическій органъ (Volksstaat) говоритъ: «Теорія Дарвина даетъ важную опору социализму! она представляетъ, такъ сказать, бессознательную санкцію егѣ со стороны естествовѣдѣнія, ибо наибольшее ея завоеваніе, въ которомъ лежитъ все ея практическое значеніе, есть рѣшительное признаніе равенства всѣхъ людей... каждый отдѣльный человѣкъ есть продуктъ природы и, въ качествѣ такового, можетъ предъявить природѣ равныя со всѣми требованія». Нѣтъ, резонно возражаетъ Оскаръ Шмидтъ, теорія Дарвина, напротивъ, развиваетъ иллюзію равенства, она есть научное обоснованіе неравенства: и въ самомъ дѣлѣ основные принципы дарвинизма до тѣхъ только поръ и дѣйствуютъ, покуда есть изъ чего «выбирать», покуда есть кому «побѣждать въ борьбѣ», слѣдовательно, покуда существуетъ неравенство.

Искусно ли подобралъ Оскаръ Шмидтъ цитаты, или авторамъ, съ которыми онъ полемизируетъ, и въ самомъ дѣлѣ нечего больше сказать въ защиту родственности социализма и дарвинизма, но онъ, во всякомъ случаѣ, правъ въ качествѣ комментатора теоріи Дарвина. Правъ и откровененъ. До сихъ-поръ ни одинъ дарвинистъ не высказывался съ такою рѣшительностью насчетъ невеселыхъ сторонъ ученія Дарвина. Благодаря ѳткровенности постановки вопроса, онъ дѣлается такъ ясенъ, что не подлежитъ уже никакимъ пререканіямъ. Онъ можетъ быть только перенесенъ въ высшую инстинцію, чтѣ и давно, впрочемъ, слѣдовало сдѣлать. Можно именно, признавъ комментаріи къ ученію Дарвина исчерпанными, обратитъ судью въ подсудимаго, то есть, отложить на время судьбище надъ той или другой теоріей съ точки зрѣнія ученія Дарвина и подвергнуть критическому домотру самый дарвинизмъ. Оно, конечно, и до сихъ поръ дѣлалось, но въ большинствѣ случаевъ далеко не со стороны тѣхъ

людей, съ которыми полемизируетъ Оскаръ Шмидтъ: за малыми исключеніями они дѣйствительно наравнили до сихъ поръ оказавъ дарвинизму всаческой почеть, и потому вполне заслужили урокъ, данный имъ ученымъ спеціалистомъ и правовѣрнымъ комментаторомъ Дарвина. До насъ, впрочемъ, это теперь не касается. Но вотъ что очень любопытно: почему Оскаръ Шмидтъ такъ поздно вздумалъ дать свой урокъ социалистамъ? Книга Якоби издана въ 1874 г., цитаты изъ *Volksstaat'a*, приводимыя Шмидтомъ, относятся къ 1873 г. Значить Оскаръ Шмидтъ слишкомъ пять лѣтъ держалъ про себя секретъ дѣйствительныхъ отношеній между дарвинизмомъ и социализмомъ и молча присутствовалъ при злонамѣренномъ или наивномъ извращеніи этихъ отношеній. Обстоятельство это тѣмъ любопытнѣе, что въ недоразумѣніи относительно нѣкоторыхъ сторонъ дарвинизма повинны отнюдь не одни социалисты, да и самыя идеи развитія, какъ «усовершенствованія», и «равенства» вовсе не составляютъ исключительнаго достоянія социалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая же политическая партія, какой общественный или государственный дѣятель не помышляетъ объ усовершенствованіяхъ и, въ этомъ смыслѣ, о развитіи? Разумѣется, каждая партія и каждый дѣятель вкладываютъ въ эти слова свои особенныя понятія. Иначе и быть не можетъ, потому что слово «развитіе», въ качествѣ существительнаго, требующаго дополненія по вопросу «чего?», представляетъ собою, собственно говоря, только скобки, которыя надлежитъ чѣмъ-нибудь наполнить. Что касается идеи «равенства», то хотя она и не пользуется такимъ всеобщимъ фаворомъ, однако, опять-таки кто же нынѣ не считаетъ, напримѣръ, равенства всѣхъ передъ закономъ необходимымъ условіемъ общежитія? Мы, впрочемъ, оставимъ равенство въ сторонѣ и остановимся только на развитіи и усовершенствованіи. Нетолько идеи эти не составляютъ исключительнаго достоянія социалистовъ, но даже не одни послѣдніе прибѣгаютъ для обоснованія ихъ къ теоріи Дарвина. Можно бы было привести длинный списокъ именъ людей, не имѣющихъ ничего общаго съ социализмомъ, которые, однако, столь же наивно, какъ и Якоби и *Volksstaat*, возлагали надежды на основныя принципы дарвинизма. Мы встрѣтили бы въ этомъ списокѣ и физиолога Прейера, и писателя по политической экономіи и государственному праву Шеффле, и дилетантовъ въ родѣ г-жи Ройе, и Геккеля, и полусумасшедшаго доктора Браубаха, и, что особенно любопытно, самого Дарвина. Этотъ глава школы, особливо съ первоначалу, утѣшалъ благодарное ему человѣчество тѣмъ, что ужасы описанной имъ съ такимъ искусствомъ борьбы чреваты благодѣяніями. Онъ говорилъ чуть

не тоже самое, за что теперь Оскаръ Шмидтъ бьетъ школьной указкой Якоби и его единомышленниковъ. Онъ говорилъ, что въ общемъ счетъ всегда побѣждаетъ лучший, достойнѣйшій, что это справедливо и въ примѣненіи къ общественному быту, въ которомъ торжествуютъ люди и общества, преимущественно отличающіеся достоинствами ума и сердца. Онъ развивалъ эту тему даже съ наивностью, мало идущей къ его почтенной сѣдой бородѣ, и только исподволь, подъ вліяніемъ разныхъ специальныхъ изслѣдованій, сталъ снимать розовыя очки. А Геккель еще недавно оправдывалъ смертную казнь съ точки зрѣнія теоріи Дарвина, утверждалъ, что это просто одинъ изъ способовъ, къ которымъ прибѣгаетъ природа, а вслѣдъ за нею и общество, для устраненія худшихъ, недостойныхъ. Безъ сомнѣнія, ни Якоби, ни Volksstaat ничего подобнаго не скажутъ. Но мы имѣемъ въ виду не подробности, а общую постановку правовыхъ и нравственныхъ вопросовъ на почву принциповъ теоріи Дарвина. Эта постановка практиковалась и практикуется отнюдь не одними социалистами, а людьми самыхъ разнообразныхъ политическихъ мнѣній и самыхъ разнообразныхъ умственныхъ достоинствъ. Всѣмъ этимъ людямъ обще одно: всѣ они принимаютъ теорію Дарвина, какъ нѣчто не подлежащее сомнѣнію и вполне пригодное для постройки на ней нравственно-политическаго зданія. А такъ какъ зданіе это немисливо безъ различенія добра и зла, нравственно худшаго и нравственно лучшаго, то въ самыхъ общихъ терминахъ весь этотъ разнообразный людъ вполне сходится. И только затѣмъ уже каждый вышиваетъ по этой канвѣ тѣ узоры, которые ему лично нравятся и вовсе не нравятся его сосѣду. Почему же Оскаръ Шмидтъ такъ специализировалъ свою полемическую задачу и такъ поздно сказалъ прямую, откровенную правду? Отвѣта надо искать въ текущихъ политическихъ событіяхъ, въ томъ рѣшительномъ переломѣ внутренней жизни Германіи, который отмѣченъ крутыми мѣрами противъ социалъ-демократовъ. Только подъ вліяніемъ этихъ событій, дарвинизмъ, въ лицѣ Оскара Шмидта, рѣшился твердо и во всеуслышаніе заявить, что не имѣетъ ничего общаго съ нравственностью. Этимъ специальнымъ побужденіемъ объясняется и специализація полемической задачи Оскара Шмидта: поразивъ Якоби и Volksstaat, онъ пальцемъ не тронулъ другія попытки связать нравственно-политическую теорію съ дарвинизмомъ, какъ будто ихъ не было или какъ будто онѣ были правильны. На самомъ дѣлѣ, эти попытки были и были онѣ неправильны, но авторы ихъ или остаются совсѣмъ въ сторонѣ отъ новѣйшихъ явленій внутренней

жизни Германіи, или затрогиваются ими только косвенно. И въ этомъ все дѣло.

Читатель согласится, надѣмся, что мы не напрасно назвали приведенный полемическій эпизодъ чрезвычайно любопытнымъ. Ожъ, между прочимъ, наглядно показываетъ, какъ еще мало разработанъ принципъ развитія, часто выдвигаемый съ совсѣмъ неподходящею помпой, и какъ еще ему далеко до положенія всеобъемлющаго принципа, способнаго оказывать давленіе на всѣ отрасли знанія. Если подъ знаменемъ этого принципа мирно устроятся лагерьмъ люди, понимающіе вещи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ какъ разъ на оборотъ другъ другу, если затѣмъ это мирное настроеніе превращается совершенно внезапно въ драку, единственно подъ вліяніемъ преходящихъ политическихъ событій—такъ какаѣ ужъ тутъ всеобъемлемость и какаѣ ужъ возможность объединить разсыпанную хранину науки! Разсказанный полемическій эпизодъ уясняетъ не только недостаточную разработанность и относительную слабость принципа развитія, эволюціи, но и необычайную трудность положенія вещей. Еще недавно ученый могъ спокойно сидѣть подъ смоковницей своей специальной науки и, какъ бы ни была скромна листва этой смоковницы, довольствоваться ея навѣсомъ въ жаръ и непогоду, не помышляя о смоковницѣ сосѣда. Еще недавно можно было быть, на примѣръ, даже очень выдающимся политическимъ теоретикомъ, не имѣя понятія о естествознаніи, но не интересуясь даже ближайшими сосѣдями изъ круга наукъ политическихъ: можно было быть юристомъ, оставаясь въ полномъ невѣжествѣ относительно психологіи и биологіи, плохо зная сравнительную исторію права и держась въ почтительномъ отдаленіи отъ экономической науки. Теперь это почти немисливо. Не говоря о внутреннемъ движеніи самихъ научныхъ дисциплинъ, стирающемъ схоластически установленныя взаимныя ихъ границы, практическая политическая жизнь бьетъ такимъ бурнымъ ключомъ, что вотъ, на примѣръ, Якоби и Оскару Шмидту приходится искать общей почвы для собесѣдованія. А въ прежнія времена какое бы имъ дѣло было другъ до друга? Невозможно, разумѣется, быть специалистомъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, невозможно по условіямъ устройства человѣческой головы, но по современному состоянію науки нельзя также сидѣть подъ смоковницей своей; тѣмъ болѣе, что бывають такія смоковницы, которыя, какъ въ евангельскомъ сказаніи, будучи прокляты, засохли и не даютъ ни тѣни въ жару, ни прикрытія въ дождь.

Что положеніе вещей дѣйствительно таково, это очень хорошо сознають сами дѣятели науки, разумѣется малс-малски мысля-

*

щіе, а не просто справляющіе службу. Они понимаютъ, что по теперешнему времени нельзя довольствоваться тѣми рамками, которыя исторически отведены для той или другой вѣтви знанія, что границы, для своего времени вполне удовлетворительныя, теперь уже не годятся и должны быть, смотря по обстоятельствамъ, или раздвинуты, или передвинуты, или рѣзче обозначены. Образчикомъ такого отношенія къ дѣлу можетъ служить рѣчь Джона Ингрэма о «необходимости реформы въ политической экономіи». Рѣчь эта сказана Ингрэмомъ въ прошломъ году, въ качествѣ президента статистико-экономическаго отдѣла «Британскаго общества для споспѣшествованія наукамъ». Рѣчь произвела большое впечатлѣніе, вытерпѣла два или три изданія по англійски и теперь переведена на нѣмецкій языкъ. Она дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія.

Ингрэмъ начинаетъ съ указанія на тотъ несомнѣнный фактъ, что политическая экономія быстро теряетъ свой научный авторитетъ и кредитъ: за ней признаютъ извѣстныя заслуги въ прошедшемъ, но думаютъ, что въ настоящемъ и въ будущемъ ея пѣсенка спѣта, ея научная и практическая роль сыграна. Не одинъ Ингрэмъ замѣтилъ этотъ фактъ. Онъ приводитъ, напримѣръ, слѣдующія слова профессора Кернса, сказанныя еще въ 1870 г.: «Прислушиваясь къ голосу литературы и общественнаго мнѣнія, я думаю, что въ политическую экономію, какъ въ плодотворную отрасль знанія, нынѣ перестали вѣрить; я долженъ даже, скрѣпя сердце, сказать, что болѣе рѣшительные голоса не только отрицаютъ плодотворность нашей науки, но видятъ въ ней даже препятствіе дальнѣйшему слѣдованію по пути полезныхъ реформъ». Миссъ Мартино, говоря въ своей автобиографіи о томъ времени, когда она съ такимъ громкимъ успѣхомъ популяризировала истины политической экономіи, замѣчаетъ, что теперь это уже для нея не истины; что большая часть содержанія науки подлежитъ такой коренной переработкѣ, что изъ всего ея нынѣшняго багажа будущимъ поколѣніямъ достанется развѣ только общая истина о законосообразности хозяйственныхъ явленій. Въ какой мѣрѣ рабочіе классы отрицаютъ научное значеніе нынѣшней экономіи — это всѣмъ извѣстно. Нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, профессоръ Джевонсъ, находятъ, что это не бѣда, что тѣмъ хуже для профановъ, потому что, дескать, нынѣшніе приемы экономическаго изслѣдованія сами по себѣ прекрасны. За то другіе, какъ оксфордскій профессоръ Бонами Прайсъ, приходятъ къ отчаянному убѣжденію, что научная обработка хозяйственныхъ явленій есть не болѣе, какъ недоразумѣ-

ніе; что практическаго здраваго смысла вполне достаточно для рѣшенія экономическихъ вопросовъ.

Ингрэмъ могъ бы, разумѣется, привести еще много другихъ примѣровъ недовольства нынѣшнимъ состояніемъ экономической науки, примѣровъ, гораздо болѣе рѣзкихъ и вѣскихъ, но онъ ограничивается этими. Ограничимся и мы. Самъ Ингрэмъ рѣшительно не согласенъ ни съ оригинальнымъ мнѣніемъ Бонами Прайса о невозможности научной систематизаціи экономическихъ явленій, ни съ презрительнымъ отзывомъ Джевонса о профанахъ, единственно по своему невѣжеству отрицающихъ нынѣшніе приемы изслѣдованія и добытые ими результаты. Онъ находитъ, что хозяйственныя явленія повинуются извѣстнымъ законамъ, но что наука, до сихъ поръ занимавшаяся этими законами, подлежитъ радикальной реформѣ. Онъ находитъ далѣе, что характеръ этой реформы уже намѣченъ трудами такъ называемой «этической» школы въ Германіи и соответственнымъ, хотя и менѣе плодотворнымъ движеніемъ въ Италиі, Бельгіи, Англии, Даниі. Только Франція какъ будто отстала въ этомъ научномъ движеніи, но именно въ ней, уже больше сорока лѣтъ тому назадъ, послышался первый справедливый протестъ противъ господствующей экономической школы и ея приемы. Протестъ этотъ принадлежитъ Огюсту Конту.

Читатель можетъ быть ожидалъ другихъ именъ и нѣсколько удивленъ роли, которая отводится французскому мыслителю Ингрэмомъ. И дѣйствительно странно, что Ингрэмъ, подбирая голоса недовольныхъ политическою экономіей, систематически игнорируетъ цѣлую широко развѣтвленную школу и въ тоже время выдвигаетъ на первый планъ такое двусмысленное, ни рыбное, ни мясное, хотя и заслуживающее вниманія явленіе, какъ нѣмецкая этическая школа и нѣсколько замѣчаній о политической экономіи, вскользь брошенныхъ Контомъ въ IV томѣ «Курса положительной философіи». Какъ бы то ни было, но на этихъ именно бѣглыхъ замѣчаніяхъ Ингрэмъ строитъ и свою обвинительную рѣчь и свой планъ реформы науки. Контовскія замѣчанія Ингрэмъ схематизируетъ такъ: 1) изслѣдованіе экономическихъ явленій не должно выдѣляться изъ общей совокупности явленій социальныхъ, 2) долженъ быть устраненъ метафизическій или слишкомъ отвлеченный характеръ многихъ политико-экономическихъ понятій, 3) должна быть сокращена роль дедукціи въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, 4) наука должна воздерживаться отъ слишкомъ абсолютныхъ заключеній. Развѣтіе этихъ четырехъ пунктовъ и составляетъ главное содержаніе рѣчи Ингрэма.

И такъ, первый упрекъ состоитъ въ томъ, что политическая

экономія стремится выдѣлить хозяйственную сторону обществен- ныхъ явленій и трактовать ее независимо отъ остальныхъ сто- ронъ — духовной, нравственной, политической. Упрекъ этотъ не новъ. Парируется онъ обыкновенно огульнымъ заявленіемъ, что, дескать, выставлять его способны только или нелѣпая сенти- ментальность, отрицающая самостоятельную науку о богатствѣ лишь потому, что есть вещи выше и лучше богатства, или ум- ственная слабость, смѣшивающая совершенно различные пред- меты. Ингрэмъ думаетъ, что эти возраженія никуда не годятся, ибо нельзя отрицать законности извѣстнаго вмѣшательства нрав- ственнаго чувства въ науку, а главное, въ упомянутомъ упрекѣ вовсе нѣтъ признаковъ умственной слабости. Безъ сомнѣнія, нельзя изучать и знать все, но тѣмъ не менѣе, различныя от- расли общественнаго знанія суть части нѣкотораго цѣлаго и, можетъ быть, важнѣйшая изъ задачъ именно въ томъ и состоитъ, чтобы опредѣлить взаимныя отношенія этихъ частей и ихъ отношеніе къ цѣлому. Общественная жизнь представляетъ такое связанное цѣлое, что если мы будемъ изучать отдѣльныя ея проявленія независимо другъ отъ друга, то, навѣрное, впадемъ въ теорети- ческія и практическія ошибки. Есть или должна быть одна об- щественная наука, социологія; ея отдѣлы занимаются различными сторонами общественной жизни; одна изъ этихъ сторонъ есть матеріальное благосостояніе общества; изученіе относящихся сюда явленій составляетъ одну изъ отраслей общественнаго знанія, которая не должна разрывать естественной тѣснѣйшей связи съ цѣлымъ. Это становится особенно яснымъ, если имѣть въ виду и статисти- ческую, и динамическую, или, проще говоря, историческую сторону социологіи. Возьмемъ для примѣра экономическое поло- женіе любого европейскаго народа. Ясно, что положеніе это есть продуктъ чрезвычайно многообразныхъ условій, добрая поло- вина которыхъ вовсе не имѣетъ экономическаго характера: тутъ вліяли и научныя, и нравственныя, и религіозныя, и политиче- скіе взгляды, отношенія и учрежденія. Такъ было въ прошед- шемъ, такъ идетъ дѣло и нынѣ, а потому совершенно немислимо понять и объяснить экономическое положеніе общества, не при- нимая въ соображеніе другихъ социальныхъ факторовъ. Свѣтлый умъ Адама Смита понималъ это. Наука о «богатствѣ народовъ» была для него лишь частью обширнаго плана, который онъ не успѣлъ привести въ исполненіе, но который отразился, однако, и на его экономическихъ воззрѣніяхъ. Элигоны Смита понимали дѣло иначе. Они старались и стараются держаться исключи- тельно экономической точки зрѣнія, оставляя безъ изслѣдованія множество факторовъ, оказывающихъ не малое давленіе и на

матеріальное благосостояніе. Напримѣръ, Сениоръ, говоря о двусмысленности выгоды, получаемой рабочимъ семействомъ отъ женскаго и дѣтскаго труда внѣ дома, считаетъ нужнымъ извиняться, потому что, дескать, такого рода замѣчанія, строго говоря, выходить изъ области политической экономіи. Подобную же якобы научную строгость обнаруживаетъ онъ, наталкиваясь на вопросъ о значеніи длины рабочаго дня. Дж. Ст. Милль, лучше другихъ усвоившій духъ «Опыта о богатствѣ народовъ», смотрѣлъ шире. Въ предисловіи къ своимъ «Основаніямъ политической экономіи» онъ говоритъ: «Въ практическихъ примѣненіяхъ политическая экономія неразрывно переплетается съ разными другими отраслями общественной науки. Едва ли найдется такой практической вопросъ, хотя бы самый близкій къ характеру чисто экономическаго вопроса, который могъ бы быть рѣшаемъ по однимъ экономическимъ принципамъ, такое рѣшеніе допускаютъ развѣ только вещи неважныя». Но это все-таки недостаточно рѣшительно. Слѣдовало бы сказать, что и для теоретическихъ, какъ для практическихъ цѣлей связь различныхъ отраслей общественной науки неразрывна. Самъ Милль объясняетъ это очень хорошо въ одномъ мѣстѣ «Системы логики». Но, въ концѣ-концовъ, онъ довольно двусмысленно относится къ вопросу о мѣстѣ политической экономіи: она для него то часть общественной науки, то отдѣльная научная дисциплина, какъ бы подготовительная или служебная по отношенію къ социологіи.

Иногда политико-экономы объясняютъ, что односторонность ихъ точки зрѣнія наѣренная, сознательная, и что для полного разрѣшенія того или другаго вопроса, какъ они и сами понимаютъ, нужно осмотрѣть его и со всѣхъ другихъ сторонъ. Кернсъ говоритъ, что политическая экономія относится совершенно нейтрально къ различнымъ формамъ общественной жизни: она даетъ нѣчто для правильнаго разумѣнія, но окончательнаго рѣшенія о какомъ-нибудь социальномъ явленіи на себя не беретъ. Но тогда, значить, политическая экономія уклоняется отъ всякаго прямого вмѣшательства въ общественныя дѣла и отъ всякаго вліянія на воззрѣнія, касающіяся самыхъ существенныхъ интересовъ. И какъ же, спрашивается, добиться окончательнаго рѣшенія того или другаго социальнаго вопроса? Какъ получить сумму одностороннихъ взглядовъ и какъ вообще добыть истину относительно общественныхъ дѣлъ? Ясно, что нужно цѣльное общественно-научное изслѣдованіе, въ которомъ изслѣдованіе спеціально-экономическое должно раствориться. Даже въ вопросахъ экономическихъ рѣшеніе не должно ограничиваться экономической точкой зрѣнія. А слѣдовательно и политическая экономія

только тогда возстановить свой кредитъ и авторитетъ, когда распустится въ общественной наукѣ.

Вторая ошибка послѣдователей Адама Смита состоитъ въ томъ, что они, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Рикардо, усвоили экономической наукѣ слишкомъ абстрактный методъ изслѣдованія. Безъ абстракціи, отвлеченія, не можетъ обойтись ни одна наука, но если мы доведемъ абстракцію до того, что создадимъ особый міръ, совершенно несходный съ реальнымъ, то неизбежно придемъ къ теоретически ложнымъ и практически непригоднымъ заключеніямъ. Поразительная запутанность и неточность экономической терминологіи показываютъ, что конкретные факты не покрываются соответственными понятіями. Образчикъ такой неправильной абстракціи мы встрѣчаемъ на самомъ порогѣ зданія экономической науки. Зданіе это основывается на томъ предположеніи, что жажда богатства есть единственный двигатель хозяйственной жизни. Цѣль политической экономіи, говоритъ Милль: «показать, каковъ будетъ образъ дѣйствій, къ которому пришли бы люди, живя въ обществѣ, еслибы этотъ мотивъ, за исключеніемъ той степени, въ которой онъ задерживается двумя вышеупомянутыми мотивами (желаніе насладиться дорогими удовольствіями въ настоящемъ и отвращеніе къ труду), былъ абсолютнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій». Но что же такое стремленіе къ богатству? Если справедливо замѣчаетъ, что это — собирательное имя для многихъ потребностей, желаній, чувствъ, экономическое значеніе и вліяніе которыхъ весьма различно и постоянно измѣняется. Моралисты, имѣя дѣло съ тѣмъ же понятіемъ, но видя въ немъ не условіе благосостоянія, а источникъ зла, предали проклятію подъ именемъ жажды богатства не только чувственность и алчность, но и любовь къ жизни, стремленіе къ здоровой и вообще удовлетворительной обстановкѣ и даже эстетическое чутье. Экономисты, точно также сваливъ въ кучу разнообразныя вещи, которыя можно разумѣть подъ словомъ «благосостояніе», создали единый мотивъ человѣческой природы, который выдаютъ за источникъ труда и движущую силу хозяйственной жизни. На самомъ дѣлѣ, однако, тутъ можно усмотрѣть мотивы, весьма различныя у различныхъ индивидовъ, сословій и народовъ. Конечно, стремленіе къ накопленію богатства есть *одинъ* изъ элементовъ общественнаго прогресса, но и онъ измѣняетъ свой характеръ въ теченіи исторіи. Поэтому факторы, прикрытые общимъ, не подходящимъ именемъ жажды богатства, должны быть выдѣлены и всесторонне изучены каждый въ отдѣльности, а это возможно опять-таки только при условіи изученія общества со всѣхъ сторонъ.

Другимъ примѣромъ неправильной абстракціи можетъ служить отношеніе политической экономіи къ труду, отношеніе, особенно способствовавшее дискредитированію науки въ глазахъ рабочихъ классовъ. «Трудъ» изслѣдуется безо всякаго вниманія къ конкретному носителю рабочей силы, къ личности работника, вслѣдствіе чего оставляются въ сторонѣ многіе моменты, существенно вліяющіе на положеніе рабочаго класса. Работникъ трактуется исключительно какъ орудіе производства. Приэтомъ слишкомъ часто забывается, что онъ прежде всего человѣкъ и членъ общества, что онъ имѣетъ свои семейныя и гражданскія обязанности, для разумнаго отправленія которыхъ онъ долженъ имѣть извѣстный досугъ и извѣстный уровень образованія. Нынѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, повидимому, серьезно заботятся объ образованіи рабочаго, имѣется въ виду главнымъ образомъ техническое образованіе и слѣдовательно рабочему все-таки усвоивается только роль производителя, между тѣмъ какъ ему въ этомъ отношеніи приличествуетъ тоже самое, что и всѣмъ намъ. Далѣе, трудъ трактуется какъ товаръ, подобно всему, что можетъ быть куплено и продано. Ясно, однако, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда трудъ въ самомъ дѣлѣ можно назвать товаромъ, онъ во многихъ отношеніяхъ все-таки не товаръ и товаромъ быть не можетъ, хотя бы уже потому, что онъ для этого недостаточно подвиженъ и не можетъ долго ждать на рынкѣ.

Не мало можно найти и еще подобныхъ образчиковъ чрезмѣрной и незаконной абстракціи. Такова, на примѣръ, фикція заработнаго фонда, предполагающая существованіе строго опредѣленной для всякой данной минуты суммы цѣнностей, изъ которой выплачивается заработная плата. Всѣ подобныя иллюзіи, устраненіе которыхъ важно и въ гуманномъ и въ чисто научномъ смыслѣ, обязаны своимъ происхожденіемъ метафизическимъ привычкамъ мысли, какъ сказалъ бы Огюстъ Контъ: созданіямъ спекулятивнаго разума они придаютъ характеръ реальнаго существованія.

Третье изъ господствующихъ въ политической экономіи заблужденій состоитъ въ излишнемъ уваженіи къ дедуктивному методу. Инграмъ не отрицаетъ значенія вывода въ наукахъ общественныхъ. Онъ полагаетъ, что этимъ методомъ можетъ быть многое уяснено и что ему естественно принадлежитъ весьма важная роль въ изслѣдованіи. Но онъ отрицаетъ, чтобы, какъ думаютъ нѣкоторые, все содержаніе политической экономіи могло быть выведено изъ нѣсколькихъ простыхъ положеній. Для этого общественныя явленія слишкомъ сложны и слишкомъ еще мало разработаны, такъ что чисто дедуктивное, выводное построеніе науки

не может внушать довѣрія. Еслибы въ самомъ дѣлѣ наука могла быть выведена изъ нѣсколькихъ общихъ и простыхъ положеній, извлеченныхъ изъ природы человѣка, то мы должны были бы предположить, что въ дѣйствительности существуетъ и можетъ существовать только *одинъ* видъ экономическихъ отношеній, къ которому неизбѣжно приводитъ сама логика вещей. Мы знаемъ однако, что хозяйственная организація принимаетъ въ теченіе исторіи весьма разнообразныя формы. Говорятъ, что политическая экономія имѣетъ въ природѣ и склонностяхъ человѣка неизмѣнное основаніе и что слѣдовательно дедуктивно найденныя ею законы всегда подтверждаются фактически существующими и существовавшими отношеніями. Но исходную точку всей дедукціи составляютъ, однако, нынѣшнія экономическія явленія, а мы знаемъ такіе историческіе періоды, въ которыхъ экономическій порядокъ до такой степени отличался отъ нынѣшняго, что не было и помину о частной собственности. Сравнительно недавнее открытіе повсюднаго въ древности существованія общинной собственности, которой отнюдь не имѣли въ виду экономисты, когда ставили свои устои для дедукціи, показываетъ какую важную роль въ общественной наукѣ долженъ играть индуктивный и именно историческій методъ. И вообще надо замѣтить, что любой предметъ только тогда можетъ считаться вполне изученнымъ и понятнымъ, когда приведена въ извѣстность его исторія, вся та цѣпь послѣдовательныхъ измѣненій, которую онъ прошелъ прежде, чѣмъ стать тѣмъ, что онъ есть въ данную минуту. Благодаря своей исключительной склонности къ дедуктивному методу, экономисты слишкомъ часто забываютъ это столь же важное, сколько и простое правило.

Наконецъ послѣдній слабый пунктъ господствующей школы политической экономіи состоитъ въ абсолютности ея теоретическихъ и практическихъ заключеній. Этотъ недостатокъ есть прямое слѣдствіе всѣхъ предъидущихъ. Не обращая вниманія на историческую смѣну экономическихъ отношеній въ связи съ измѣненіемъ всѣхъ другихъ общественныхъ элементовъ и имѣя въ виду только наличныя явленія, экономисты естественно склонны давать безусловныя рѣшенія, якобы всегда и вездѣ пригодныя. Экономистъ скажетъ наприимѣръ, не обвиняясь, что машины улучшили положеніе рабочихъ классовъ или что устраненіе протекторатной торговой политики не повредитъ сѣверо-американской промышленности; а между тѣмъ оба эти положенія, выраженные столь безусловно, очевидно ошибочны. Но лучшимъ примѣромъ такой безусловности рѣшеній экономистовъ можетъ служить знаменитая формула «laissez faire». Первоначально эта

теорія сослужила свою службу, какъ орудіе борьбы противъ неразумнаго правительственнаго вмѣшательства въ промышленную жизнь. Но затѣмъ, получивъ абсолютный характеръ, теорія возстала противъ всякаго правительственнаго вмѣшательства; хотя бы оно не наносило никакого ущерба экономическому развитію страны и направлялась единственно на устраненію несправедливостей и неудобствъ, порождаемыхъ разнузданностью конкурирующихъ интересовъ.

Въ заключеніе Ингрэмъ предлагаетъ преобразовать статистико-экономическій отдѣлъ «Британскаго общества для способствованія наукамъ» въ отдѣлъ социологическій, причемъ въ него должно войти многое изъ того, что нынѣ окрещивается неудачно выбраннымъ собирательнымъ именемъ «антропологи», а также и преобразованная политическая экономія.

Мы довольно подробно изложили содержаніе рѣчи Ингрэма не потому, чтобы въ ней было что-нибудь по существу новое. Напротивъ, кто слѣдилъ за послѣднее время за экономической литературой, тотъ знаетъ, что Ингрэмъ, собственно говоря, ничего новаго не сказалъ и что кое-что въ его рѣчи стало въ нѣмецкой литературѣ уже общимъ мѣстомъ, со всѣми достоинствами и недостатками, какіе свойственны общимъ мѣстамъ. Общія мѣста хороши, какъ признакъ, что извѣстное требованіе или положеніе стало достояніемъ, такъ сказать, улицы и площади, а это обыкновенно случается уже съ зрѣлымъ и во всякомъ случаѣ скорѣе перезрѣлымъ, чѣмъ незрѣлымъ плодомъ мысли. Не хороши же они тѣмъ, что, успокоивая мысль, заставляютъ людей думать, что они получили очень многое, даже все, что въ данномъ случаѣ можно получить, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они получили только очень немногое. Въ такомъ именно двойственномъ положеніи находятся нѣкоторыя стороны представленной Ингрэмомъ критики политической экономіи.

Еще недавно совокупность понятій и обобщеній, носившая громкій титулъ политической экономіи, считалась чѣмъ-то вполне неприкосновеннымъ. Это была отрасль знанія «изъ молодыхъ, да ранняя». Несмотря на свою относительную молодость, она гордо и ловко носила титулъ законченной науки и пользовалась довѣріемъ, даже несравненно большимъ, чѣмъ многія гораздо болѣе несомнѣнныя и гораздо болѣе старыя науки. Она проникла въ сферу практической, государственной дѣятельности, заповонила школы и журналистику, и даже для людей, сознательно невѣжественныхъ, считалось признакомъ хорошаго тона блеснуть время отъ времени экономической истиной или якобы истиной. Правда, съ давнихъ уже временъ разныя социалисти-

ческія школы подкапывались подъ зданіе молодой науки, но въ такъ называемой большой публикѣ, не говоря уже о самихъ жрецахъ науки, эти нападки встрѣчались презрительно, какъ продукты невѣжества или злонамѣренности. Много было причинъ такого успѣха. Во-первыхъ, политическая экономія, даже при самомъ зарожденіи своемъ, имѣла дѣйствительно нѣкоторый научный характеръ. Она дѣйствительно объясняла извѣстный кругъ фактовъ общественной жизни, и это тѣмъ больше бросалось въ глаза, что всѣ остальные отрасли изученія общества далеко отъ нея въ этомъ отношеніи отстали. Политическая экономія систематизировала хозяйственныя явленія въ томъ направленіи и съ тою вѣрою, что этотъ кругъ фактовъ управляется извѣстными законами, объ чемъ въ другихъ отрасляхъ общественнаго знанія не было и помину. Далѣе, практическая подкладка экономическихъ теорій пришлась какъ разъ въ тонъ духу времени, если подъ духомъ времени разумѣть требованія и интересы тѣхъ, кого волна времени выноситъ наверхъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ необыкновенномъ, по быстротѣ, силѣ и распространенію, успѣхѣ экономической науки. Но вотъ мало-по-малу авторитетъ ея расшатывается, какъ новыми теоретическими работами, такъ и ходомъ практической жизни, и наконецъ, Ингрэмъ, предлагая ей нѣкоторымъ образомъ уничтожиться, выражаетъ, можно сказать, мнѣніе или, по крайней мѣрѣ, настроеніе улицы и площади. Подъ улицей и площадью надо тутъ разумѣть совсѣмъ нетолъко плохо образованную толпу «большой публики», но, кромѣ нея, цѣлый рядъ ученыхъ, профессоровъ и писателей, между которыми есть и умные, и знающіе, и добропорядочные люди, но вовсе нѣтъ людей, блестящихъ яркою оригинальностью мысли. Настроеніе этихъ лишенныхъ оригинальности умовъ представляетъ фактъ чрезвычайной важности: они никогда не начинаютъ борьбы, потому что вообще неспособны къ умственной инициативѣ, но разъ они приняли участіе въ борьбѣ, это можетъ служить несомнѣннымъ признакомъ, что борьба близка къ развязкѣ. Въ свое время, такая же улица и такая же площадь горой стояла за ходячія экономическія доктрины и приемы, и если теперь они ополчились противъ нихъ, то это можетъ быть знаменательнѣйшій признакъ времени и во всякомъ случаѣ признакъ утраты политическою экономіей кредита. Даже не признакъ, а прямое выраженіе этого паденія авторитета. Всѣ эти Шмоллеры, Гельды, Книси, Шеелы, Вагнеры, мнѣнія которыхъ выразилъ для англичанъ Ингрэмъ, отличаются не только отсутствіемъ оригинальной мысли, но также трудолюбіемъ и усердіемъ, которыя рвутся за распространеніе новыхъ взглядовъ на задачи, гра-

ницы и приемы экономической науки. На сколько всё эти господа вѣрно и глубоко понимаютъ дѣло, это особь статья. Но разъ они взялись за работу, мы несомнѣнно присутствуемъ при важномъ поворотѣ направленія науки. Надо, однако, помнить, что улица и площадь довольствуются малымъ, иногда даже слишкомъ малымъ.

Остановимся на первомъ пунктѣ критики Ингрэма.

Причины успѣха до нынѣ господствовавшей экономической науки уже предопредѣляли причины ея паденія. Если успѣхъ этого ученія обусловливался совпадениемъ его практической подкладки съ духомъ времени, на сколько онъ выражался требованіями и интересами буржуазіи, то вѣдь духъ времени постоянно измѣняется. И дѣйствительно въ настоящее время интересы и требованія рабочихъ классовъ выдвигаются настолько осязательно, что нельзя не принимать ихъ въ соображеніе. А кромѣ того, мы присутствуемъ при необычайномъ развитіи милитаризма и соотвѣтственномъ усиленіи государственной власти. Между двумя этими теченіями буржуазія осуждена играть роль слабую и двусмысленную, а потому и соотвѣтственныя теоретическія доктрины неизбежно должны съезжиться. Если дагѣ политическая экономія сформировалась раньше другихъ отраслей общественнаго знанія и рано выдѣлилась относительно свѣтлымъ пятномъ на ихъ тускломъ фонѣ, то это же самое обстоятельство должно было впоследствии послужить ей во вредъ. Выкроивъ изъ всего социологическаго матеріала хозяйственныя явленія и подвергнувъ ихъ тщательной, но односторонней разработкѣ, политическая экономія быстро сложилась въ науку, но столь же быстро окостенѣла. Она не получала никакого добавочнаго питательнаго матеріала отъ сосѣднихъ наукъ, сначала потому, что, пожалуй, и нечего было получать, а затѣмъ потому, что не могла воспринимать: *si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!* Другія отрасли общественнаго знанія, исторія, наука права, этика, развиваясь гораздо медленнѣе, неуклюжѣе, не достигнувъ, собственно говоря, даже до слыхъ поръ настоящаго образа и подобія науки, тѣмъ не менѣе добрались до такихъ фактовъ несомнѣнно экономического характера, которые были трудно объяснимы съ точки зрѣнія скоростныхъ и затѣмъ окостенѣвшихъ экономическихъ доктринъ. Ингрэмъ привелъ одинъ примѣръ такого рода—ислѣдованія Мэна о древнемъ правѣ и объ общинной собственности. На почвѣ этого рода фактовъ ходячія экономическія доктрины потерпѣли фiasco не только въ теоретическомъ столкновеніи съ изысканіями другихъ отраслей знанія, но и въ практическомъ столкновеніи съ самою жизнью, какъ это вышло, на примѣръ, съ колониальной

английской политикой въ Индіи. Вовсе не было надобности въ такихъ печальныхъ опытахъ для того, чтобы убѣдиться въ той простой истинѣ, что экономическія доктрины построены слишкомъ односторонне. Эта истина могла бы быть добыта чисто логическимъ путемъ. И дѣйствительно давно уже раздавались оригинальные, иногда, конечно, слабые, иногда сильные голоса, требовавшіе отъ экономической науки большей широты взгляда. А теперь цѣлый хоръ ни мало не оригинальныхъ эхо твердитъ: политическая экономія должна осложниться, оплодотвориться сочетаніемъ съ другими отраслями знанія. Такъ и Ингрэмъ говоритъ. Прекрасно. Но, спрашивается, какъ же должно произойти это желанное сочетаніе? Какъ именно вдвинуть политическую экономію въ рядъ другихъ общественныхъ наукъ и какъ установить ея зависимость отъ группы истинъ высшаго порядка, которую можно бы было назвать социологіей? Если имѣть въ виду практическую цѣль переименованія статистико-экономическаго отдѣла «Британскаго общества для споспѣшествованія наукамъ» въ отдѣлъ социологическій, то можно, пожалуй, сказать, что Ингрэмъ сдѣлалъ все нужное для достиженія этой цѣли. Онъ произвелъ эффектъ, сказалъ много вѣрнаго и хорошаго, и преобразованному статистико-экономическому отдѣлу «Британскаго общества» ничто не мѣшаетъ раскрыть двери трудамъ Мэна или Лейббока и Тайлора, какъ хочетъ Ингрэмъ. Но отсюда еще очень далеко до преобразованія политической экономіи, до «растворенія» ея въ социологію. Это только маленькая реформа «Британскаго общества», а отнюдь не большая реформа науки, и было бы напраснымъ трудомъ искать у Ингрэма точныхъ, опредѣленныхъ указаній на характеръ этой реформы. Не найдемъ мы ихъ и въ многочисленныхъ работахъ нѣмецкихъ «катедеръ-соціалистовъ» или «этической» школы. Мы найдемъ у нихъ недурную разработку нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, найдемъ рядъ очень полезныхъ историко-экономическихъ монографій, найдемъ, наконецъ, нѣкоторыя достойныя вниманія критическія замѣчанія. И на всемъ этомъ лежатъ несомнѣнные слѣды требованія широкой и всесторонней точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, изслѣдуя какой-нибудь практической вопросъ, «этики» стараются рѣшить его не на основаніи однихъ экономическихъ принциповъ, но, худо ли хорошо ли, вводятъ въ рѣшеніе нравственный и политическій элементы. Такая постановка вопроса иногда значительно и притомъ выгодно отличается отъ той, какава ему можетъ быть дана на основаніи старыхъ школьныхъ экономическихъ доктринъ. И хотя «этики» далеко не всегда удачно справляются съ рѣшеніями частныхъ практическихъ вопросовъ, но всегда стараются

ввести въ эти рѣшенія моменты, доселѣ оффиціальною наукою не принимавшіеся въ соображеніе. Та же тенденція видна и въ историко-экономическихъ монографіяхъ, въ которыхъ на почвѣ исторіи сводятся на очную ставку экономической порядокъ съ правовымъ. Характеренъ и самый выборъ предметовъ для этихъ монографій: большею частью они касаются такихъ формъ общежитія и такихъ моментовъ историческаго развитія экономическихъ отношеній, которыми наука доселѣ мало занималась. Но каково бы ни было значеніе этихъ работъ въ другихъ отношеніяхъ, онѣ ни мало не подвигаютъ впередъ теоретическаго вопроса о мѣстѣ политической экономіи въ ряду другихъ общественныхъ наукъ и объ ея отношеніи къ соціологіи. Люди довольствуются голымъ заявленіемъ о необходимости «растворенія» политической экономіи въ соціологіи, о необходимости сближенія ея съ другими отраслями общественнаго знанія, но для осуществленія этого грандіознаго намѣренія не дѣлаютъ, собственно говоря, ни шагу. Объясненія этому можно пожалуй искать именно въ грандіозности намѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь вѣдь идетъ ни больше, ни меньше, какъ объ созданіи цѣлой новой науки, вѣдающей наиболѣе сложныя изъ доступныхъ человѣку явленій и по отношенію къ которой политическая экономія должна занять нѣкоторое подчиненное мѣсто. Понятно, что не Книсамъ, Шюллерамъ и Гельдамъ, признавая всѣ ихъ достоинства, совершить такое дѣло. И не мудрено, что единственная въ этомъ родѣ современная нѣмецкая попытка Шеффле представляетъ нѣчто многотомное, многословное, но очень мало цѣнное. Все не имѣя въ виду подробной характеристики «профессорскаго соціализма», мы замѣтимъ только, что вторженія этики, исторіи, политики въ область политической экономіи до сихъ поръ ни мало не способствуютъ созданію соціологіи, а даже препятствуютъ ему, ибо имѣютъ чисто случайный характеръ, лишены строго критическаго взгляда и не опираются на какой-нибудь общій принципъ. Въ этомъ отношеніи упрекъ Ингрэма Миллю въ неопредѣленности несравненно болѣе приложимъ къ нему самому и къ его нѣмецкимъ единомышленникамъ.

Это станетъ очевиднымъ, если мы обратимся ко второму пункту ингрэмовой критики политической экономіи.

Любопытно, что, приводя примѣры неправильной абстракціи, практикуемой экономической наукой, Ингрэмъ не счелъ нужнымъ остановиться на двухъ, наиболѣе выдающихся примѣрахъ, изъ которыхъ одинъ указывается чрезвычайно часто нынѣшними критиками, то есть тѣми, къ которымъ тяготѣетъ самъ Ингрэмъ, а другой не указывается ими почти никогда.

Политическая экономія, по опредѣленію Милля, приводимому Ингрэмомъ, рассматриваетъ человѣчество, какъ будто оно занято только приобрѣтеніемъ и потребленіемъ богатства, какъ будто это единственный стимулъ человѣческой дѣятельности. Исходя изъ этого опредѣленія, Ингрэмъ напираетъ на слишкомъ абстрактный (вѣрнѣе было бы сказать, слишкомъ суммарный) характеръ понятія богатства, подъ которымъ, дескать, кроются разнообразныя элементы, подлежащіе выдѣленію и всестороннему изслѣдованію. Обыкновенно критики, стоящіе на одной почвѣ съ Ингрэмомъ, направляютъ свои замѣчанія иначе. Они обращаютъ главное вниманіе на то, что люди, какъ объектъ политической экономіи, суть не дѣйствительные, не реальныя, а отвлеченныя люди, такъ какъ экономисты сознательно или безсознательно отвлекаютъ одну сторону человѣческой природы и на ней одной строятъ зданіе науки. Отсюда критики выводятъ или полную несостоятельность, или, по крайней мѣрѣ, условность многихъ теоретическихъ положеній и практическихъ заключеній классической экономіи. Не трудно видѣть, что, занявъ такую позицію, Ингрэмъ имѣлъ бы въ рукахъ цементъ, которымъ могъ бы связать во-едино свои, довольно запутанно сгруппированныя четыре пункта. Въ самомъ дѣлѣ, именно абстрактное построеніе науки на одной только сторонѣ человѣческой природы, владеть рѣзкою, до сихъ поръ не переходимую демаркаціонную линію между политической экономіей и другими отраслями общественнаго знанія; оно же ведетъ къ злоупотребленію дедуктивнымъ методомъ и къ безусловности рѣшеній, когда экономисты забываютъ, что человѣкъ нѣтъ науки есть не реальное, а гипотетическое существо. Выводной методъ, въ качествѣ исключительно логической машины, не нуждающейся ни въ опытѣ, ни въ наблюденіи и только вытягивающей, звено за звеномъ, цѣпь послѣдовательныхъ умозаключеній, даетъ результаты, сообразныя взятой за исходную точку посылкѣ. Это все равно, что насосъ, который, будучи прилаженъ къ болоту, накачиваетъ болотную воду; изъ минеральнаго источника—минеральную, изъ рѣки—рѣчную и т. д. Значитъ, и въ политической экономіи правильность результатовъ выводнаго метода существенно опредѣляется качествами, такъ сказать, пункта примычки дедукціонной машины. Что касается безусловности рѣшеній, то незаконная всегда, въ силу общихъ свойствъ человѣческаго мышленія, она, само собою разумѣется, еще неумѣстнѣе, когда безусловныя рѣшенія даются въ результатъ чисто логическихъ операцій, отправляющихся отъ такой условной, гипотетической исходной точки, каково основаніе политической экономіи.

Такова именно безусловность теоріи *laisser faire* или промышленной свободы. Критическое отношеніе къ этой теоріи отнюдь не составляет новости, какъ читателю извѣстно. Напротивъ, если не считать вопроса о народонаселеніи, то на этой именно почвѣ произошли первые и важнѣйшіе споры въ области экономіи. И Инграмъ обнаруживаетъ непростительную неблагодарность, ни единымъ словомъ не поминая первыхъ и до нынѣ не замолешихъ борцовъ противъ этой, такъ называемой «свободы». Какъ бы то ни было, критика теоріи промышленной свободы составляетъ одну изъ излюбленныхъ темъ «профессорскаго социализма». Такъ какъ вопросъ съ полною ясностью разработанъ уже давно, то можно было ожидать, что новые критики поднимутъ его въ какую-нибудь высшую сферу, дадутъ ему болѣе широкое освѣщеніе, сдѣлаютъ новые выводы и т. п. Ничего подобнаго, однако, не случилось. Улица и площадь заговорили—это прекрасно, какъ рѣшительный симптомъ паденія «либеральной» экономіи. Но улица и площадь неспособны къ самостоятельной, вполнѣ творческой работѣ мысли. Вопросъ стоитъ такимъ образомъ: если принципъ промышленной свободы оказывается несостоятельнымъ; если онъ не даетъ и не можетъ дать тѣхъ благихъ результатовъ, какіе были обѣщаны, а отчасти и теперь еще обѣщаются его провозвѣстниками; если не гармонія интересовъ, не равновѣсіе хозяйственныхъ силъ вырастаютъ на почвѣ промышленной свободы, а напротивъ, дикая, безъисходная борьба и гнетъ экономически слабыхъ экономически сильными—то гдѣ же искать регулятора хозяйственной жизни? Какой принципъ долженъ встать на мѣсто такъ жестоко обманувшаго людей принципа свободы? Свободѣ логически можно противопоставить только принужденіе. Но, хотя и нетрудно натолкнуться въ текущей жизни на такія положенія и отношенія вещей, для противовѣса которымъ даже наирадикальнѣйшій либералъ подастъ свой голосъ за принужденіе, однако, сдѣлать изъ принужденія верховный принципъ экономической науки и практики было бы по нынѣшнему времени слишкомъ зазорно. По крайней мѣрѣ, новые критики политической экономіи подобное знамя не рѣшаются водрузить. Вслѣдствіе этого они очутились бы въ весьма затруднительномъ положеніи, еслибы ихъ не выручила одна старая логическая, а пожалуй и историческая ошибка, къ которой они подошли съ разныхъ сторонъ. Одни, ища въ исторіи и въ текущей дѣйствительности такихъ формъ организаціи экономическихъ отношеній, которыя гарантировали бы существованіе экономически слабымъ силамъ, нашли, что такія формы были и есть. Государство, собственно говоря, ни-

когда вполне не отказывалось от роли экономического регулятора. Иногда оно в этом отношении пересаливало, иногда недосаливало, но в принципѣ всегда считало внимательство въ хозяйственную жизнь своимъ правомъ. Нерѣдко случалось при этомъ, что государство, влекомое своими собственными, специальными интересами и задачами, оказывало, однако, дѣйствительное покровительство тѣмъ, кто въ немъ дѣйствительно нуждался. Случалось это и съ церковью. А кромѣ того, въ средніе вѣка существовали общины, гильдіи, цехи, братства подмастерьевъ и нынѣ существуютъ всякаго рода рабочіе союзы, и цѣль всѣхъ этихъ учреждений заключалась и заключается именно въ противодѣйствіи свободѣ сильныхъ душиать слабыхъ, въ ограниченіи сильныхъ единицъ при помощи группировки слабыхъ силъ въ нѣкоторую коллективную единицу. Вотъ, значитъ, и новый принципъ, долженствующій замѣнить собой принципъ промышленной свободы. Найти его было тѣмъ легче, что онъ уже давнымъ давно найденъ. Но надо же этого найденнша известнымъ образомъ обработать и прежде всего надо дать себѣ ясный и точный отчетъ, почему именно онъ является на смѣну принципу промышленной свободы, въ чемъ именно заключается его спасительная противоположность этому принципу. И государство, и церковь, и община, и гильдія, и цехъ, и братство подмастерьевъ, и современный рабочій союзъ несомнѣнно прибѣгаютъ въ той или другой формѣ къ принужденію, часто очень тяжелому. Съ этой стороны противоположность найденнша принципу промышленной свободы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но, какъ мы видѣли, принужденіе нельзя поставить во главу угла науки. Значитъ, надо искать въ найденншѣ другаго опредѣляющаго момента, а этотъ моментъ есть соединеніе, общеніе силъ и, слѣдовательно, новый принципъ есть принципъ существенно социальный. Но, такъ какъ онъ долженъ быть противоположенъ принципу промышленной свободы, то послѣдній долженъ быть принципомъ существенно индивидуальнымъ, личнымъ, эгоистическимъ. Къ тому же результату можно, конечно, придти гораздо прямѣе, усматривая въ теоріи промышленной свободы непосредственное требованіе, чтобы отдѣльныя экономическія силы вращались совершенно свободно, безъ какой бы то ни было чужой помщи со стороны. Можно, наконецъ, даже нигде не ходить за этой связью теоріи *laissez faire* съ личнымъ началомъ, а просто получить ее по наслѣдству, ибо всѣ экономисты и всѣ старые социалисты насчетъ этой связи согласны; только одни видятъ въ ней благо, а другіе—зло.

Такъ или иначе, дойдя до принципа общенія, соединенія

силъ, критики политической экономіи весьма приблизились къ уразумѣнію отношеній экономической науки къ социологіи. Или эта великая наука никогда не будетъ существовать, или предметъ ея будутъ составлять законы взаимныхъ отношеній между различными формами общежитія и отношеній этихъ формъ къ человѣческой личности. Предметъ политической экономіи, законы хозяйственнаго общенія займутъ въ ней свое, строго опредѣленное мѣсто, но не будутъ уже выпячиваться ребромъ, потому что социологъ опредѣлитъ ихъ отношеніе къ законамъ политическаго общенія, каково государство, религіознаго, какова церковь, національнаго, сословнаго и т. п. И, слѣдовательно, профессорскій социализмъ, приведенный вопросомъ о промышленной свободѣ къ изученію воздѣйствія различныхъ типовъ общежитія на характеръ экономическихъ отношеній, всталъ на очень твердую и плодотворную почву. Но статья на твердую почву еще не значитъ воздѣлать ее и посѣять зерно. Пока «профессора» довольствуются историческими или живыми наблюденіями, то есть пока они рассказываютъ, какъ въ старыя годы слабыя экономическія силы укрывались подъ защиту той или другой коллективной единицы и какъ это тамъ и сямъ дѣлается теперь, мы узнаемъ нѣчто новое, полезное и, пожалуй, подготовляющее грядущую социологію. Но когда отъ исторіи и описанія дѣйствительности они переходятъ къ теоретическимъ разсужденіямъ и практическимъ заключеніямъ, мы уже потому ничего путнаго не узнаемъ, что намъ не даютъ никакой опредѣленной руководящей нити. Какая коллективная единица возьметъ на себя задачу охраны слабыхъ? государство, церковь, семья, нація, рабочій союзъ, международная ассоціація, государство унитарное или федеральное, рабочій союзъ съ правительственною или безъ правительственной помощи? Мы услышимъ резоны за и противъ каждаго изъ этихъ рѣшеній и еще многихъ другихъ и не найдемъ ни одного указанія на такую высшую и общую точку зрѣнія, съ которой былъ бы возможенъ систематическій обзоръ всѣхъ этихъ разномастныхъ формъ общенія. Дайте намъ, по крайней мѣрѣ, возможность такого обзора и тогда вопросъ экономической станетъ простою частностью. Конечно, это требованіе нѣсколько напоминаетъ архимедовское: дайте мнѣ точку въ пространствѣ и я переверну землю. А опять-таки Шмоллеры и Ингрэмы сдѣланы не изъ того матерьяла, какой нуженъ для того, чтобы дать точку въ пространствѣ. Но они не только не даютъ ее, а даже удаляютъ или, по крайней мѣрѣ, сами отъ нея удаляются, ибо отворачиваются, изъ-за философскихъ, политическихъ и иныхъ предразсудковъ, отъ того един-

ственного принципа, который может служить единицею мѣры при опредѣленіи относительнаго значенія различныхъ формъ общежитія. Ясно, что такою единицею мѣры можетъ быть или человѣческая личность, или одна какая-нибудь изъ ступеней сложной и широко развѣтвленной градаціи формъ общежитія. Но въ послѣднемъ случаѣ, выборъ будетъ всегда произволенъ вслѣдствіе *embaugas de richesses*. Нынѣшній патриотическій великогерманецъ предложитъ единую и нераздѣльную имперію, федералистъ — союзъ государствъ, католикъ — церковь и т. д., и т. д. Каждый изъ этихъ людей будетъ утверждать, что излюбленная имъ форма общежитія представляетъ тотъ именно самодовлѣющій принципъ, который должно мѣрять достоинство всѣхъ другихъ формъ общенія и соотвѣтственныхъ имъ принциповъ. Каждый, съ своей точки зрѣнія, будетъ правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ будутъ неправы. Но есть еще принципъ, стоящій внѣ этой безысходной конкуренціи и потому самому можетъ быть наиболѣе въ данномъ случаѣ пригодный — принципъ личности. Посмотримъ, какъ отнесся бы къ нему Ингрэмъ.

Посмотримъ это на конкретномъ примѣрѣ: возьмемъ безконечные споры о нашей крестьянской общинѣ. Одни утверждаютъ, что община, насильственно держа мужика у земли, тѣмъ самымъ мѣшаетъ росту народнаго русскаго богатства, ибо мѣшаетъ составленію большаго контингента рабочихъ, которые, за отсутствіемъ собственнаго хозяйства, были бы прочно привязаны къ крупнымъ предпріятіямъ по сельской и обрабатывающей промышленности. Какъ можетъ развиваться народное богатство, какъ могутъ примѣняться *en grand* улучшенные способы производства, когда мужикъ держится своего клочка земли? Сгоните его съ этого клочка и онъ волей неволей станетъ хорошимъ работникомъ на фабрикѣ или у крупнаго землевладѣльца, а эти послѣдніе, обладая обширными средствами, быстро оживятъ русское производство и вызовутъ изъ нѣдръ нашего обширнаго отечества нынѣ втунѣ лежація тамъ богатства. Защитники общиннаго землевладѣнія возражаютъ, что оживить втунѣ лежація богатства можно и при общинномъ землевладѣніи: для этого нужно только дальнѣйшее цѣлесообразное развитіе общиннаго принципа. Но, говорятъ они, кромѣ богатства, на свѣтѣ существуютъ еще живые, конкретные его производители и потребители, люди, человѣческія личности; ихъ-то нельзя отдавать на жертву Молоху «народнаго богатства», еслибы даже въ самомъ дѣлѣ народное богатство требовало превращенія самостоятельныхъ хозяевъ въ служебныя подробности производственной механики. И въ этомъ все дѣло. Община дорога не сама по себѣ, какъ идолъ какой-нибудь

Придумайте и осуществите что-нибудь лучшее въ смыслѣ огражденія личности мужика отъ бурь промышленной конкуренціи, и кто же бы сталъ тогда требовать ея сохраненія?

Само собою разумѣется, что это только очень сокращенная схема споровъ объ общинѣ. Но съ насъ довольно и этого. Обращаясь къ Ингрэму, мы найдемъ въ его рѣчи только одно мѣсто, непосредственно относящееся къ этому предмету. А именно, говоря о злоупотребленіи дедутивнымъ методомъ, онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что тѣ будто бы основныя свойства человѣческой природы, изъ которыхъ экономисты дедуцируютъ, взяты изъ современной экономической жизни, и что, ставя эти устои для своей дедукціи, экономисты не принимали въ соображеніе той общинной организаціи, которая, однако, существовала повсемѣстно и долго. «Изъ этой повсемѣстности общинной собственности въ ранніе историческіе періоды, продолжаетъ Ингрэмъ: — нѣкоторые заключаютъ, что она представляетъ естественный порядокъ; но историческій методъ учить, что онъ естественъ ровно настолько, чтобы на слѣдующей ступени развитія исчезнуть. Полезная въ ранній періодъ, община становится потомъ препятствіемъ, ибо задерживаетъ развитіе сельскаго хозяйства и не даетъ простора предприимчивости единицъ, составляющей неизбѣжное условіе прогресса. Учрежденія въ родѣ швейцарскаго «альменда», русскаго «мира», и другія формы общиннаго хозяйства исчезнуть; это можно предсказать съ увѣренностью. Конечно, общественныя обязанности поземельной собственности, равно какъ и всѣхъ формъ владѣнія, въ будущемъ возрастутъ, но это достигнется не законодательнымъ путемъ, а ростомъ нравственнаго сознанія, моральнымъ облагороженіемъ, которое вызоветъ можетъ быть и новыя правовыя порядки».

Это разсужденіе можетъ служить хорошимъ образчикомъ и сильныхъ и слабыхъ сторонъ экономической школы, къ которой принадлежитъ Ингрэмъ. Хорошо воспользовавшись общиной, какъ орудіемъ критики выводимаго метода у старыхъ экономистовъ, Ингрэмъ оставляетъ, однако, насъ въ полномъ туманѣ относительно теоретическаго и практическаго значенія общины. Даже допустивъ неизбежность разложенія общины тамъ, гдѣ она до сихъ поръ сохранилась, мы все-таки не знаемъ наступилъ или не наступилъ, на примѣръ, у насъ тотъ моментъ, когда община становится поперегъ дороги промышленнаго прогресса: рѣшеніе предоставляется историческому ходу вещей, какъ будто ходъ этотъ рѣшаетъ что-нибудь самъ по себѣ, а не черезъ посредство живыхъ людей». И, что особенно замѣчательно, Ингрэмъ, ратующій противъ абстрактной односторонне-экономической постановки

даже чисто экономических вопросов, стоят именно на этой забравованной имъ точкѣ зрѣнія. Рѣшающихъ судьбу общины моментомъ являются у него все-таки интересы «народнаго богатства». И не даромъ, приводя примѣры неправильной абстракціи, онъ ни слова не сказалъ о томъ, что идея народнаго богатства есть тоже абстракція и абстракція совершенно неправильная. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ дѣйствительности народы, націи бываютъ и могутъ быть богаты или бѣдны? Богаты и бѣдны люди и только люди. Фигурально выражаясь, можно, конечно, сказать, что англійская нація очень богата, но, когда мы знаемъ, что двѣ трети этой богатой націи нищенствуютъ или почти нищенствуютъ, то «народное богатство» должно быть признано фикціей, абстракціей, страдающей хроническимъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Раскрыть это противорѣчіе можно только съ точки зрѣнія самостоятельной личности и ея судьбы. А на эту именно точку зрѣнія Ингрэмъ и его нѣмецкіе единомышленники боятся встать, полагая, что тѣмъ самымъ они подадутъ руку критикуемой имъ «индивидуалистической», «эгоистической», «либеральной» экономіи и соотвѣтственнымъ формамъ практики.

Ничего не можетъ быть ошибочнѣе такого взгляда, и ничего не можетъ быть прискорбнѣе такой ошибки. Еслибы «этики» имѣли мужество рѣзать ножомъ анализа всѣ формы общенія во имя верховенства личнаго начала, они имѣли бы руководящую нить не только для удовлетворительнаго рѣшенія частныхъ экономическихъ вопросовъ, но и для правильной постановки вопроса объ отношеніи политической экономіи къ социологін. Въ свое время ратовать противъ индивидуалистической подкладки либеральной экономіи было признакомъ большого ума и горячаго чувства. Но *tempora mutantur et nos mutamur in illis*. Нынѣ только жидкій, расслабленный сентиментализмъ можетъ твердить эту сказку про бѣлаго быка. Надлежитъ, напротивъ, показать, что принципъ индивидуализма никогда не былъ доведенъ либеральною экономіей до своего логическаго конца, ибо, какъ Юпитеръ скрывался въ олимпійскихъ облакахъ, когда совершалъ свое божественное грѣхопаденіе, такъ либеральная экономія пряталась въ туманъ «народнаго богатства», когда совершала грѣхъ насилія надъ личностью. Ингрэмъ желаетъ покончить съ фикціей заработка фонда. Фикція эта уподобляетъ общество чиновнику, получающему отъ правительства содержаніе подъ разными наименованіями и, между прочимъ, скажемъ, 500 р. «квартирныхъ»; чиновникъ можетъ быть произведенъ въ слѣдующій чинъ и тогда будетъ получать больше, но на всякой данной ступени іерархической лѣстницы онъ, по существующимъ шта-

тамъ, получаетъ строго опредѣленные «квартирные», независимо отъ того большое или малое у него семейство и, слѣдовательно, большое или малое ему нужно помѣщеніе. Точно также вся совокупность рабочихъ получаетъ, по непреложнымъ законамъ экономического естества, всегда строго опредѣленную долю находящихся въ обществѣ цѣнностей, независимо отъ того, много или мало рабочихъ и, слѣдовательно, много или мало придется на долю каждаго изъ нихъ изъ опредѣленнаго заработнаго фонда. Ингрэмъ не замѣчаетъ, что эта фикція есть только частное выраженіе основной идеи «народнаго богатства», предполагающей существованіе какаго-то цѣлаго, столь же однороднаго во всемъ своемъ составѣ, столь же одинаго въ своихъ интересахъ и проявленіяхъ, какъ одинъ чиновникъ. И эта фикція имѣетъ извѣстное основаніе. Сущестующій механизмъ производства и распредѣленія есть дѣйствительно нѣкоторое цѣлое, внутри котораго личность двигается совсѣмъ не свободно, а подчиняясь непреложнымъ законамъ, хоть и не экономического естества, а законамъ этого обнимающаго ее цѣлага. Только это цѣлое вовсе не однородно въ своемъ составѣ, ибо самый поверхностный взглядъ усмотритъ въ немъ взаимно борющіеся интересы. Значитъ ближайшая задача критики политической экономіи состоитъ именно въ томъ, чтобы, выдѣливъ эти враждебно сталкивающіеся интересы, вмѣстѣ съ тѣмъ показать полное отсутствіе свободы и личнаго начала въ томъ порядкѣ вещей, котораго апологіей занимается такъ называемая либеральная экономія.

Отказываясь встать на единственно плодотворную точку зрѣнія личнаго начала, мы запутаемся въ противорѣчійхъ нищенскаго богатства или богатой нищеты и рабской свободы, или свободного рабства, ибо въ механизмѣ производства и распредѣленія «народнаго богатства» есть дѣйствительно элементы богатства и нищеты, свободы и рабства. А слѣдовательно, только разложеніемъ этого механизма на его атомы могутъ вскрыться его внутреннія противорѣчія. Для этого, понятное дѣло, надо отрѣшиться отъ предвзятаго пристрастія къ какой бы то ни было формѣ общенія, какія бы пышныя названія она ни носила и какъ бы ни было велико традиціонное къ ней уваженіе. Это и будетъ истинно социологическая точка зрѣнія, которая не только внесетъ свѣтъ въ тущобы экономической науки, но и выяснитъ отношенія ея къ сопредѣльнымъ отраслямъ знанія. Нетрудно въ самомъ дѣлѣ видѣть, что механизмъ производства и распредѣленія народнаго богатства самъ по себѣ никогда не имѣлъ бы такой губительной для личности силы, еслибы не осложнился извѣстнаго рода политическими и при-

дическими придатками. Чисто экономическая борьба, собственно говоря, никогда не существовала, да еслибы когда нибудь, и гдѣ-нибудь и имѣла мѣсто, то результаты ея, можно сказать, моментально обращаются въ юридическую норму и входятъ въ составъ политическихъ отношеній. А эти юридическія и политическія отношенія въ свою очередь даютъ перевѣсъ той или другой изъ сторонъ въ борьбѣ экономической. Соціологія выяснитъ этотъ сложный и запутанный процессъ взаимодействія различныхъ типовъ общенія, въ числѣ которыхъ экономическое общеніе занимаетъ мѣсто на ряду съ другими. А потому естественно, что политическая экономія станетъ при этомъ въ подчиненное положеніе по отношенію къ наукѣ общественной. Но можно навѣрное сказать, что ни Ингрэмъ, ни его единомышленники ничего для этого не сдѣлаютъ, если, разумѣется, останутся тѣмъ, что они теперь есть.

Н. М.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОЭКТЪ ОРГАНИЗАЦІИ МЕЛКАГО ЗЕМЕЛЬНАГО КРЕДИТА.

(Докладъ новгородской губернской земской управы).

Нѣсколько словъ по поводу новой попытки къ улучшенію участи пейза новъ. Господа, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло, заправляютъ новгородскою губернскою управою, новгородскимъ губернскимъ земствомъ. Они хотятъ «поднять уровень земледѣлія и регулировать правильное землевладѣніе». Желаніе весьма похвальное; оно невольно останавливаетъ наше вниманіе. Оно затрогиваетъ для насъ очень серьезный вопросъ. Подъ словами «регулировать правильное землевладѣніе» не всѣ понимаютъ одно и тоже. Всѣ признаютъ фактъ: земля ускользаетъ изъ рукъ дворянства, переходитъ въ пользованіе другихъ сословій. Выступъ съ землею отъ дворянъ ускользаетъ часть его вліянія, его значенія. Оно тоже переходитъ въ другія руки. Оно, какъ и земля, въ недалекомъ будущемъ перейдетъ или въ руки не многихъ крестьянъ, разбогатѣвшихъ разными неправдами, или распространится на сельскія общества. Каждый изъ этихъ случаевъ имѣетъ своихъ сторонниковъ. Поэтому одни изъ нихъ подъ регулированіемъ правильного землевладѣнія понимаютъ сосредоточеніе земель въ рукахъ разныхъ паукъ и пивокъ изъ крестьянъ, другіе — сосредоточеніе земли въ рукахъ сельскихъ обществъ. Для насъ послѣднее наиболѣе желательно. Мы его безусловные сторонники. Мы знаемъ, при его осуществленіи, выигрываетъ все русское общество. Въ немъ будетъ поднято достоинство личности, въ его общественномъ строѣ будетъ болѣе справедливости, крестьянство перестанетъ представлять изъ себя главную опору мракобѣсія и рутины; поборники невѣжества, застою перестанутъ находить въ немъ поддержку. Интересы крестьянства, какъ главной, болѣе массы населенія, будутъ признаны за интересы русскаго общества. Русское крестьянство выступитъ на историческую арену. Россія

Т. ССXLVІ—Отд. II. 10

перестанетъ быть пугаломъ прогресса. На осуществленіе этого земство можетъ оказать значительное вліяніе. По нашему мнѣнію, хотѣтъ стремиться къ этому—его прамая обязанность. Со всѣмъ другимъ представляетъ работа для противоположнаго начала. Мы отъ всей души ненавидимъ людей, желающихъ перехода дворянскихъ и казенныхъ земель въ руки деревенскихъ торгашей, кабатчиковъ и вообще такъ называемыхъ міроѣдовъ. Мысль о возможности ихъ господства для насъ невыносима. Всякая попытка оказать имъ помощь для насъ омерзительна, преступна. Правда, многіе замѣну дворянства буржуазіей признаютъ за законъ исторіи. Въ нашихъ глазахъ это не законъ, а только фактъ изъ исторіи развитія западной Европы. Этому факту мы противопоставляемъ другой: послѣднее слово науки, выработанное въ болѣе цивилизованной странѣ, быстрее, чѣмъ на своей родинѣ, осуществляется, прививается среди народа, послѣднѣ выступившаго на путь прогресса. Исторія прошлаго и настоящаго столѣтія представляетъ множество доказательствъ справедливости этого положенія. Въ группѣ государствъ страна менѣе цивилизованная, прогрессируясь, сравнительно быстро переходитъ разныя ступени цивилизаціи, пережитыя ея болѣе образованными сосѣдями. Разныя переходныя формы въ ней никогда не достигаютъ своего полнаго развитія. Это нужно помнить и видѣть въ желаніи утвердить господство кабатчиковъ и міроѣдовъ, служеніе ретроградству, а не покорность закону исторіи или, лучше, судьбѣ.

Чью же сторону держитъ новгородское земство? Хотеть ли оно процвѣтанія сельскихъ обществъ или частныхъ земельныхъ владѣльцевъ?

Руководителей новгородскаго земства нельзя назвать лицами неизвѣстными. Въ прошломъ году изданъ сборникъ постановленій этого земства за первые двѣнадцать лѣтъ его существованія. Онъ даетъ намъ интересныя свѣдѣнія. Для управленія разстроеннаго народнаго хозяйства предпринималось нѣсколько попытокъ. Положеніе новгородскаго крестьянина незавидно. На немъ лежитъ множество разныхъ повинностей, онъ находится въ постоянной кабалѣ у мѣстныхъ кулаковъ. Значительная часть населенія принуждена искать заработка на сторонѣ, внѣ своего хозяйства. Заработокъ превышаетъ доходъ отъ земли на $3\frac{1}{2}$ раза. За двѣнадцать лѣтъ новгородское губернское земство истратило болѣе милліона рублей. Неловко было за все это время ничего не сдѣлать для поднятія уровня экономическаго благосостоянія. Новгородскіе земцы предлагали крестьянину, для управленія финансовъ, разводить розовый картофель; не поить деревенскихъ ребятшекъ молокомъ, а готовить изъ послѣдняго сыръ, и покупать съ разсрочкою дорогостоящія сельскохозяйственныя машины. Разумѣется, подобныя мѣры не подняли народнаго благосостоянія. Усилія доморощенныхъ мудрецовъ оказались тщетными. Надо придумать что-нибудь лучшее. На

сцену является проектъ организаціи мелкаго земельного кредита; введеніе правильнаго аграрнаго устройства. Новгородскіе земцы не принадлежать исключительно ни къ сторонникамъ частнаго, ни къ сторонникамъ общиннаго землевладѣнія. Между этими двумя сторонами они стараются занять середину. Имъ все равно кому бы имъ помогать: частнымъ ли, медкимъ собственникамъ или цѣлымъ общинамъ. Незбѣжнымъ послѣдствіемъ такого индифферентизма будетъ то, что они, если не исключительно, то главнымъ образомъ будутъ помогать только первымъ. А это, въ концѣ-концовъ, поведетъ къ тому, что на земскія деньги будетъ дана возможность опередиться медкимъ деревенскимъ, кулакамъ, миробдамъ, кабатчикамъ, будетъ дана имъ возможность скупить лучшія земли въ губерніи и черезъ это устроить для мѣстнаго населенія еще бѣднѣшую кабалу, поставить его въ болѣе безвѣсконое положеніе.

Вотъ факты. Вотъ замѣчательно оригинальное представленіе о правильномъ аграрномъ строѣ.

Для новгородцевъ, относительно ихъ губерніи, не подлежитъ сомнѣнію фактъ перахода земель отъ лицъ привилегированныхъ сословій въ руки крестьянъ. Нѣтъ точныхъ свѣдѣній, сколько именно десятинъ земли перешло въ крестьянскія руки, но известно, что съ 1868 по 1878 годъ общее количество удобныхъ земель, принадлежавшихъ дворянству Новгородской губерніи, уменьшилось на 376,070 десятинъ. Въ одномъ только Череповскомъ уѣздѣ за тѣ же десять лѣтъ количество удобной земли, принадлежащей крестьянамъ на правѣ личной собственности, увеличилось на 43,168 десятинъ. Многое заставляетъ крестьянъ приобрѣтать землю. Это для нихъ необходимость. Между крестьянами разныхъ наименованій количество земли, приходящейся на одну душу, далеко неравномѣрно. Величина налоговъ, лежащихъ на крестьянинѣ, обратно пропорціональна количеству принадлежащей ему земли. Известно, болѣій надѣлъ получили крестьяне государственные, затѣмъ удѣльные, а самый меньшій пришелся на долю помѣщичьихъ, временно-обязанныхъ. Крестьяне государственные съ десятины платятъ 1 р. 3 к., бывшіе удѣльные 1 р. 63 к., бывшіе помѣщичьи 1 р. 82½ к., временно-обязанные 2 р. 14 к. По заключенію спеціалистовъ въ западной Европѣ рабочей силѣ крестьянской семьѣ соответствуетъ земельный участокъ въ размѣрѣ 15 десятинъ. Въ Новгородской же губерніи, по расчету губернской управы, крестьянской семьѣ, состоящей изъ трехъ мужскихъ и двухъ женскихъ душъ, подлежатъ обработкѣ только 7½ десятинъ. Со времени уничтоженія крѣпостнаго права, количество пахатныхъ земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ уменьшилось. Ихъ обработка лежала раньше на обязанности крестьянъ. Теперь они не обрабатываются, и это обуславливаетъ для мѣстнаго населенія значительный остатокъ свободнаго времени. И дѣйствительно, изъ общаго числа жителей Новгородской губерніи 52,036 рабочихъ

ищутъ работы внѣ мѣста своего жительства, за невозможностью приложить съ выгодой свой трудъ дома къ землѣ. Между тѣмъ, ровно ничего не сдѣлано для доставленія возможности крестьянамъ приобретать землю, для облегченія этого приобретенія. Сама управа сознается: «Въ то время, какъ цѣлая сѣть кредитныхъ установлений существуетъ къ услугамъ крупныхъ предпринимателей въ сферѣ торговой и промышленной дѣятельности и представляетъ самый широкій кредитъ даже лицамъ, не представляющимъ никакой нравственной или матерьяльной гарантій, для массы наиболѣе производительнаго населенія кредитъ совершенно недоступенъ». Это ставитъ крестьянъ въ очень тяжелое положеніе. Послѣднее управа изображаетъ въ очень некрасивыхъ чертахъ. Для крестьянъ является, говорить она, «необходимость прибѣгать къ помощи мѣстныхъ кулаковъ, снабжающихъ окрестный людъ деньгами на весьма обременительныхъ условіяхъ. Кромѣ 2 или 3% въ мѣсяцъ и обязанности произвести не въ зачетъ извѣстныхъ работъ въ пользу заимодавца, на случай неплаты долга въ срокъ, постановляется условіе о переходѣ купленной на занятія деньги земли въ собственность того же заимодавца. Хотя это послѣднее условіе по закону не дѣйствительно, но на практикѣ заемщики принуждены къ его исполненію полной экономической зависимости отъ мѣстныхъ кулаковъ. Вторыхъ, срочность платежей за купленную землю и кратковременность ихъ, сравнительно съ дѣйствительною потребностью, ведетъ къ тому, что покупщики-крестьяне принуждены извлекать изъ земли все, что только она можетъ дать въ самый короткий срокъ, не помышляя о будущемъ. Отсюда естественно происходитъ повальное истребленіе лѣсовъ и хищнической способъ культуры, кромѣ истощенія, мѣшающій крестьянамъ вынуть къ болѣе раціональному способу хозяйства». Этимъ зло не ограничивается. Картина дополняется еще тѣмъ, что невозможность получить разомъ всю сумму за проданную землю часто вынуждаетъ крупнаго землевладѣльца предпочитать продать свое имѣніе за несравненно низшую цѣну, лишь бы получить всѣ деньги сполна при продажѣ. Ради этого онъ обращается ко второй категоріи покупателей — къ промышленникамъ, владѣльцамъ наличнаго капитала. Эта категорія покупателей при покупкѣ земель задается совершенно своеобразными цѣлами. «Для промышленника правильная эксплуатація земли, приносящая доходъ, не превышающій извѣстный нормальный %, не имѣетъ никакого значенія. Для него покупка земли представляется обыкновенной спекуляціей, и потому затраченный капиталъ необходимо вернуть въ возможно короткий срокъ и съ возможно большими процентами». Подобныя ненормальныя условія приводятъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Изображая ихъ, управа не старается что-либо скрасить, смягчить, а остается вѣрной дѣйствительности. И не казиста же эта дѣйствительность!.. «Улучшеніе культуры задерживается невозможностью до-

стать необходимы для того средства и площадь воздѣлываемой земли не увеличивается по той же причинѣ; часть земель переходитъ въ совершенно непроизводительныя руки: земли, переходящія во владѣніе крестьянъ, истощаются по необходимости, за невозможностію инымъ путемъ достать необходимыя для покупки средства; цѣны на земли повышаются при продажѣ ихъ крестьянамъ безъ выгодъ для продавцовъ, такъ какъ, получая деньги по частямъ, они часто не въ состояніи сохранить ихъ и заняться другимъ производительнымъ дѣломъ, при продажѣ же въ другія руки, цѣны сильно понижаются за отсутствіемъ конкуренціи; громадныя суммы уплачиваются ростовщикамъ и уплата ихъ часто ведетъ къ окончательному разоренію крестьянъ, принявшихъ на себя непосильныя обязательства и, наконецъ, за невозможностію для крестьянъ приобрести необходимыя земли въ собственность, развивается краткосрочное арендованіе, ведущее къ окончательному истощенію почвы, а такъ какъ земля и до нынѣ составляетъ главный источникъ существованія нашего крестьянства, то, въ концѣ-концовъ, должно явиться крайнее обѣднѣніе этого послѣдняго.

Пособить горю, подорвать зло въ корнѣ можетъ, по мнѣнію губернской управы, организація земельного кредита. Этому выводу предпослано цѣлое разсужденіе. Мы остановимся на немъ, внимнемъ въ него, постараемся понять, почему управа находить нужнымъ организовать мелкій земельный кредитъ не для однихъ сельскихъ обществъ, а вообще для мелкихъ землевладѣльцевъ. Вопросъ настолько важенъ, что стоить уяснить себѣ ея доводы. Есть ли въ нихъ что-либо рациональное, разумное? Жалобы на повсемѣстный упадокъ хозяйства, начиная свое вступленіе управа, сдѣлались избитой истиной, а обѣднѣніе мелкихъ землевладѣльцевъ отъ непосильныхъ налоговъ и малодоходности хозяйства не подлежитъ сомнѣнію. Въ улучшеніи подобнаго порядка вещей болѣе всего заинтересовано земство. Его главная задача заключается не во взиманіи налоговъ и расходованіи ихъ, а «въ развитіи всѣхъ источниковъ обложенія и въ улучшеніи экономического быта страны путемъ возвышенія уровня всеобщаго благосостоянія». Прискивая средства для выполненія этого, наши земцы вдаются въ общія соображенія. Какъ полагается людямъ образованнымъ, благонамѣреннымъ и не совершенно свободнымъ отъ наукъ, они начинаютъ съ замѣчанія: «Конечно, общее неудовлетворительное положеніе нашего сельскаго хозяйства, являющееся результатомъ всей исторической жизни народа и обусловливаемое сложнымъ сочетаніемъ массы экономическихъ, географическихъ и общественныхъ условій, не можетъ быть измѣнено сразу, какой либо одной мѣрой, а требуетъ цѣлой системы мѣропріятій, связанныхъ единствомъ цѣли и вполне соотвѣтствующихъ историческимъ причинамъ, вызвавшимъ нежелательный порядокъ вещей». Эту тираду заканчиваетъ фраза: «Хроническая болѣзнь можетъ быть радикально излечена только про-

должительнымъ и упорнымъ леченіемъ». Все это подводится для заявленія, что одной такой мѣрой изъ цѣлой системы мѣропріятій, связанныхъ единствомъ цѣли и т. д., представляется организація мелкаго земельного кредита. «Эта мѣра,» по условіямъ времени, представляется «наиболѣе дѣйствительною и удобоисполнимою». Доказательство начинается съ опредѣленія богатства. «Народное богатство представляется результатомъ приложенія народнаго труда къ внѣшнему міру и въ частности къ землѣ». Отсюда ясно, «для увеличенія народнаго богатства необходимо или усиленіе труда, или увеличеніе площади обрабатываемой земли. Въ такихъ мѣстахъ, какъ Новгородская губернія, гдѣ быстрое улучшеніе способовъ обработки, благодаря общественнымъ условіямъ, представляется невозможнымъ, и гдѣ существуетъ масса свободныхъ земель — единственнымъ средствомъ для увеличенія народнаго богатства представляется расширеніе количества воздѣлываемой земли. Въ этомъ отношеніи мелкій земельный кредитъ можетъ оказать громадную услугу, способствуя переходу свободныхъ земель въ руки малоземельныхъ владѣльцевъ». Для болѣе наглядности иллюстрируемъ ихъ предложеніе. Большая деревня. При ней нѣтъ удобнаго выгона, негдѣ пасти скоть. Крестьяне, ради выгона, арендуютъ за небольшую плату нѣсколько десятинъ помѣщичьей земли, прилегающей къ ихъ деревнѣ. Одному изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, до нѣкоторой степени состоятельному и, вмѣстѣ съ тѣмъ находчивому, плутоватому, не честному, является мысль воспользоваться организованнымъ мелкимъ земельнымъ кредитомъ и купить у помѣщика эту землю, а затѣмъ поприжать хорошенько цѣлую деревню. Очевидно, подобный способъ пользованія организованнымъ мелкимъ земельнымъ кредитомъ не подниметъ уровня народнаго благосостоянія и не улучшитъ земледѣлія. Многія сельскія общества окружены помѣщичьими землями и потому находятся въ зависимости отъ владѣльцевъ послѣднихъ. Опытные помѣщики, отводя въ надѣлъ крестьянамъ земли, нарочно старались поставить ихъ въ зависимое положеніе. Въ случаѣ желанія крупнаго землевладѣльца продать подобныя стѣсняющія крестьянъ земли, всегда найдется одинъ или нѣсколько кулаковъ, желающихъ ихъ скупить. Они могутъ образовать изъ себя компанію, артель, дать задатокъ, чтобъ земля осталась за ними, чтобъ ея не перебили бы у нихъ, а потомъ, пользуясь устроеннымъ кредитомъ, окончательно пріобрѣсти ее, подѣлить между собой такъ, чтобъ каждому изъ нихъ представлялась возможность поэксплуатировать, повысить послѣдніе соки изъ окрестныхъ бѣдняковъ, въ конецъ раззорить стѣсненныя сельскія общества. Какой-нибудь мелкій землевладѣлецъ-деревенскій торгашъ, какъ паукъ, пріютится въ районѣ нѣсколькихъ селъ. Онъ пользуется каждымъ бѣдствіемъ, каждымъ несчастіемъ, чтобъ вытянуть, выжать изъ бѣдняка тяжелымъ трудомъ добытую копейку. На это посвященъ весь его умъ, всѣ его способности. Онъ облюбовалъ

пустошку, принадлежащую крупному землевладѣльцу. Онъ быстро сообразилъ всю выгоду обработки ея дешевымъ трудомъ забабаленнаго имъ окрестнаго люда. Съ помощію устроеннаго земствомъ кредита, онъ съумѣетъ ее приобрести. Да, подобная организація земельного кредита даетъ ему право воскликнуть:

...сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моеи!

Правда, кредитъ будетъ открытъ и для сельскихъ обществъ. Но что же изъ этого? Одинъ находчивый плутъ или ихъ нѣсколько вмѣстѣ, всегда могутъ быстрее, чѣмъ цѣлое сельское общество, предпринять покупку, скорѣе столковаться между собою и сторговаться съ продавцомъ. У нихъ есть небольшія деньги, они могутъ дать задатокъ, получать запродажную записку, а потомъ уже начать хлопотать о кредитѣ. Къ тому же, для обезпеченія возврата ссуды, они представляютъ большую гарантію. Кромѣ покупки земель, деньги будутъ выдаваться и на улучшеніе хозяйства, на введеніе рациональныхъ началъ. Разумѣется, торгаши, кабатчики, различные начинающіе мірофды и вообще всѣ виды этихъ пиявокъ изъ мелкихъ землевладѣльцевъ найдутъ очень выгоднымъ для себя забрать деньги и для покупки земель, и для введенія рациональныхъ началъ въ свое хозяйство. Вмѣсто послѣдняго, они будутъ выручать крестьянскій людъ деньгами подъ большіе проценты. Это для нихъ очень выгодно. Смѣло можно утверждать, никакое хозяйство, устроенное на самыхъ рациональныхъ началахъ, не дастъ такихъ барышей. Мелкія пиявки, стремясь разжиться, очень скоро это сообразятъ. Вотъ употребленіе денегъ, которыя пойдутъ на организацію мелкаго земельного кредита. Онъ не устранитъ всѣхъ ненормальныхъ явленій. Онъ не составитъ перваго шага къ ихъ устраненію. Онъ только масло подольетъ на огонь. Не одни мы такъ думаемъ. Справедливость этого мнѣнія признается другими. Ярославское губернское земство, въ параграфѣ первомъ объяснительной записки къ проекту своего земскаго выкупнаго банка, говоритъ: «Ссуды назначаются только сельскимъ обществамъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: при общемъ стремленіи лицъ крестьянскаго сословія сдѣлаться личными собственниками земель внѣ своего надѣла, съ открытіемъ операцій банка явилось бы, несомнѣнно, громадное количество отдѣльныхъ лицъ крестьянскаго сословія, домогающихся приобрести земли въ свою личную собственность; но удовлетвореніе такихъ домогательствъ будетъ крайне опасно: оно окажется не только въ ущербъ интересамъ сельскихъ обществъ, которыя будутъ эксплуатированы этими новыми собственниками, но и подорветъ въ корнѣ общинный строй землевладѣнія (обеспечивающій въ настоящее время земледѣльческое населеніе) образованіемъ въ немъ пролетаріата. На томъ же основаніи не допущены ссуды и нѣкоторымъ лицамъ изъ среды сельскихъ обществъ, подъ видомъ товариществъ, хотя бы и по круговому другъ за друга ручательству. Исключеніе допускается въ томъ

только единственномъ случаѣ, когда, по малоземелію общества, часть его захочетъ выселиться на приобретаемую землю. Въ этомъ случаѣ возникаетъ новое сельское общество, которому и можетъ быть выдана ссуда, за круговымъ ручательствомъ выдѣлившихся».

Въ императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства комитетъ о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ выработалъ проектъ устава земской кассы поземельнаго кредита. Этотъ проектъ разосланъ на разсмотрѣніе губернскихъ земскихъ управъ. Въ немъ говорится, въ параграфѣ первомъ: «земская касса имѣетъ дѣлю выдачу ссудъ сельскимъ обществамъ для покупки земель», а въ параграфѣ 13-мъ: «ссуды выдаются лишь сельскимъ обществамъ и исключительно для покупки земель».

Теперь о самомъ устройствѣ кредита для мелкихъ землевладѣльцевъ.

Въ докладѣ новгородской земской управы подробно изложены условія, на которыхъ, по ея мнѣнію, единственно возможно устройство мелкаго земельного кредита. Существующіе поземельные банки для этого дѣла вовсе негодятся. Мелкіе землевладѣльцы не могутъ пользоваться кредитомъ изъ этихъ учреждений. По уставамъ акціонерныхъ банковъ, мелкій размѣръ ссуды опредѣленъ въ 300 р., при чемъ расходы по покупке поступающихъ въ залогъ земель такъ велики, что поглощаютъ, при небольшихъ ссудахъ $\frac{1}{4}$, а иногда $\frac{1}{3}$ получаемой ссуды. Отъ этого уплачиваемый изъ остальной части ссуды процентъ превышаетъ 12% годовыхъ. Разумѣется, земскій банкъ долженъ быть устроенъ на новыхъ началахъ. Первымъ условіемъ хорошо организованнаго земельного кредита является правильность оцѣнокъ закладываемыхъ земель. Дѣйствительная стоимость мелкихъ земельныхъ участковъ можетъ быть сдѣлана только лицами, хорошо знакомыми со всѣми особенностями данной мѣстности. Этому условію могутъ удовлетворять только постоянные жители тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходятъ оцѣнки. Другимъ, столь же важнымъ условіемъ успѣшности хода операций устраиваемаго кредита представляется дешевизна расходовъ по оцѣнкѣ и удобство сношеній съ кредитными установленіями для получения ссудъ и періодической уплаты процентовъ и погашенія. Это обуславливается близостью кредитныхъ установленій къ лицамъ, нуждающимся въ кредитѣ. Районъ мелкихъ кредитныхъ учреждений не долженъ превышать одного уѣзда. Третьимъ важнымъ условіемъ является необходимость облегченія юридическихъ формальностей, которыми обставлены покупки и залогъ недвижимыхъ имуществъ. Продажа имуществъ съ публичныхъ торговъ, въ случаѣ не взноса обязательныхъ платежей, должна производиться въ самыхъ близкихъ мѣстахъ къ продаваемому имуществу. Наконецъ, сверхъ

всего этого, является необходимою и дешевизна самого кредита. Вотъ главнѣйшія условія, соблюденіе которыхъ новгородская губернская управа считаетъ безусловно необходимымъ. Опредѣливъ ихъ, перейдемъ къ вопросу: какая форма кредита представляется наиболѣе удобоосуществимой?

Для каждаго земельного банка существуютъ три формы пріобрѣтенія основнаго капитала: форма акціонерная, форма взаимнаго кредита и форма общественныхъ банковъ. Новгородское земство отдало предпочтеніе третьей формѣ. Въ данномъ случаѣ, оно совершенно право. Въ акціонерныхъ банкахъ прежде всего преслѣдуется увеличеніе доходнаго предпріятія. Это дѣлаетъ немислимымъ соблюденіе двухъ главныхъ условій: дешевизны земельного кредита и ограниченности районовъ дѣятельности кредитныхъ учрежденій. Точно также организація земельного кредита въ формѣ обществъ поземельнаго кредита является практически неосуществимой. Нельзя надѣяться при учрежденіи подобныхъ товариществъ на починъ со стороны мѣстныхъ жителей. Это доказываетъ опытъ съ ссудосберегательными товариществами. Точно также трудно найти въ провинціи для каждаго уѣзда достаточное количество лицъ, способныхъ успѣшно завѣдывать сложными операціями земельного кредита. Во всякомъ случаѣ, еслибы они и нашлись, то они трудились бы не безвозмездно, а плата, вознагражденіе за ихъ трудъ представляется непосильнымъ бременемъ для товариществъ съ крайне ограниченнымъ числомъ членовъ въ началѣ. Остается третья форма, общественный банкъ, устроенный земствомъ. Огносительно его достоинствъ предоставимъ высказаться самой губернской управѣ: «Учрежденія мелкаго земельного кредита должны быть мѣстныя, во главѣ ихъ должны стоять лица, хорошо знакомыя со всѣми особенностями представляемыхъ въ залогъ земель, расходы на веденіе дѣлъ должны быть сокращены до minimum'a. Всѣ кредитныя операціи должны подлежать самому строгому контролю, что возможно лишь при существованіи самой широкой гласности; какое же учрежденіе можетъ совмѣщать всѣ эти безусловно необходимыя требованія, какъ не земство». Въ доказательство развиваются детали, подробности. Мы ихъ изложимъ собственными словами. Вотъ эти доводы. Современная организація земскихъ учрежденій представляетъ всѣ условія, необходимыя для успѣшнаго хода дѣла. Уѣздныя земскія управы какъ разъ ограничиваютъ районъ дѣятельности мелкихъ кредитныхъ учрежденій только однимъ уѣздомъ. Уѣздныя земскія собранія всегда могутъ избрать для оцѣнки земель лицъ изъ мѣстнаго населенія, хорошо знакомыхъ съ мѣстными цѣнами за земли и со всѣми особенностями этихъ земель. Выдача ссуды и уплата процентовъ погашенія будетъ производиться въ уѣздныхъ управахъ. Сложные же расчеты: опредѣленіе размѣра причитающихся платежей съ каждаго заемщика въ видѣ процентовъ и погашенія, ежегодное опредѣленіе капитальнаго долга, числящагося за заемщикомъ, за исключе-

ніемъ уплаченнаго погашенія, приобрѣтеніе ссуднаго капитала и т. п., должны быть сосредоточены въ губернской управѣ. Оставить ихъ при уѣздныхъ управахъ было бы затруднительно за неимѣніемъ необходимыхъ для веденія этого дѣла специально подготовленныхъ лицъ и во избѣжаніе большого расхода для ихъ вознагражденія. Сосредоточеніе ихъ въ одномъ центральномъ пунктѣ значительно облегчитъ трудъ и возможность контроля. Разумѣется, при губернской управѣ нужно открыть особое отдѣленіе, по расходъ на содержаніе его, падая на заемщиковъ всей губерніи, не долженъ быть особенно обременителенъ.

Въ видахъ облегченія нотаріальныхъ формальностей, должно допустить предоставленіе губернской управѣ права получать залоговыя свидѣтельства черезъ непосредственное сношеніе со старшимъ нотаріусомъ, къ которому доставляются всѣ необходимые документы изъ уѣздныхъ управъ. Это дастъ возможность заемщикамъ получать ссуды, не выѣзжая далѣе уѣзднаго города.

По сихъ поръ еще ни слова не сказано объ источникѣ для приобрѣтенія необходимаго ссуднаго капитала. Доставить средства для мелкаго земельного кредита, по мнѣнію новгородской губернской управы, лежитъ на обязанности правительства... «Мелкій земельный кредитъ необходимъ какъ единственное средство поднять уровень земледѣлія и регулировать правильное землеуладніе. Во всемъ этомъ прямо заинтересовано правительство и все государство, будущность котораго зависитъ отъ правильнаго аграрнаго строя». Это даетъ поводъ сдѣлать выводъ: «Если оказалось возможнымъ дать правительственную гарантію для постройки желѣзныхъ дорогъ, слѣдствіемъ чего является отягощеніе государственнаго бюджета ежегоднымъ расходомъ до 35 милліоновъ рублей для уплаты процентовъ по гарантированнымъ бумагамъ, въ виду бездоходности большинства вновь сооруженныхъ дорогъ, то тѣмъ болѣе основанийъ дать гарантію для несравненно менѣе рискованнаго предпріятія и притомъ для предпріятія, смѣемъ думать, еще болѣе важнаго для благосостоянія страны». Отъ правительства только требуется сдѣлать «выпускъ долгосрочныхъ гарантированныхъ облигацій». Съ принятіемъ земствомъ ручательства въ исправномъ платежѣ процентовъ и погашенія правительство даетъ только свое имя въ качествѣ юридическаго лица, пользующагося наибольшимъ довѣріемъ, а весь рискъ отъ возможныхъ потерь падаетъ на земство. Для послѣдняго, какъ увѣряетъ новгородская губернская управа, это будетъ служить побудительной причинойъ къ большей осторожности и внимательности при веденіи дѣла.

Мы вложили суть проекта новгородской земской губернской управы. Она возмущается эксплуатаціей крупныхъ кулаковъ и міроѣдовъ. Она хочетъ вступить съ ними въ борьбу, поддержать,

оказать помощь тѣмъ изъ мелкихъ землевладѣльцевъ изъ крестьянъ, которые начинаютъ разживаться. Это дѣлается ради бѣдственнаго положенія мѣстнаго населенія. Мы говорили: мѣра, предпринимаемая новгородскимъ земствомъ, не устранить ненормальныхъ, нежелательныхъ явленій. Она только подольше въ огонь масла. Дѣйствительно, помѣщичьи земли усволяются изъ рукъ дворянства, но частное землевладѣніе не уничтожится. Правда, оно не будетъ въ рукахъ потомковъ современныхъ мелкихъ и крупныхъ кулаковъ. Они не создадутъ на Руси сильнаго буржуазнаго класса. Нѣтъ, было бы ошибочно ожидать этого. Потомки кулаковъ и мірободовъ обречены на вырожденіе. Маудсли въ «Физиологій и патологій души» указываетъ на фактъ, что лица, стремящіеся всю жизнь исключительно къ наживѣ, въ старости часто впадаютъ въ пьянство и развратъ. Къ этому же оказываютъ сильную склонность и ихъ дѣти. Третье поколѣніе, кромѣ свойствъ своихъ родителей, въ добавокъ обнаруживаетъ слабоуміе и склонность къ преступленію. Въ четвертомъ же господствуетъ идиотизмъ, полное безплодіе, неспособность продолжать свой родъ. Сверхъ всего, всѣ поколѣнія вмѣстѣ склонны къ душевнымъ болѣзнямъ. Русскія купеческія фамиліи служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ наблюденія англійскаго ученаго. Этотъ фонъ даетъ намъ полное право утверждать, что русское землевладѣніе будетъ постоянно переходить въ руки новыхъ и новыхъ выродковъ общества, новыхъ кулаковъ и мірободовъ. Ихъ дѣти, матеріально обезпеченныя, будутъ одерживать побѣду въ борьбѣ за существованіе надъ способными, здоровыми бѣдняками. Лучшія поколѣнія, здоровыя, нравственныя, будутъ постепенно вытѣсняться поколѣніями, предназначенными къ вырожденію, склонными ко всевозможнымъ порокамъ, безнравственными, носящими въ себѣ зародыши всевозможныхъ душевныхъ болѣзней. Новгородское земство желаетъ придать прочность нелѣпымъ, гибельнымъ социальнымъ условіямъ, оно желаетъ обезпечить безнравственности успѣхъ въ борьбѣ за существованіе. Мы себѣ не можемъ представить болѣе позорной задачи для общественныхъ дѣятелей.

Мелкое землевладѣніе подчинено одному закону съ мелкимъ капиталомъ: оба стремятся сдѣлаться крупнымъ, сосредоточиться въ немногихъ рукахъ. Только сторонникъ сосредоточенія собственности можетъ быть защитникомъ частнаго мелкаго землевладѣнія. Но «централизація собственности въ высшихъ сословіяхъ, крупное землевладѣніе и денежная олигархія были и въ прежнія времена признаками и предвѣстниками распаденія общества». Такъ говорить въ «Землевладѣніи и земледѣліи» князь А. Васильчиковъ, одинъ изъ губернскихъ гласныхъ новгородскаго земства.

Въ своемъ докладѣ новгородская управа, между прочимъ, старается защитить себя отъ упрека въ желаніи упадка дворянскаго землевладѣнія. Она доказываетъ, что вовсе не роетъ ему

ямы, что его не подорвет устройство мелкаго земельного кредита. Отъ послѣднаго помѣщики выигрываютъ: желающіе продать свои земли сдѣлаютъ это съ болѣею для себя выгодною. Для насъ тутъ является интересный фактъ: дворянство материально заинтересовано въ томъ, чтобы его земли, а значитъ и вліяніе не переходили въ руки крупнаго кулачества. Все же русское общество заинтересовано, чтобы все это миновало рукъ и крупныхъ, и мелкихъ народныхъ пивокъ. Это обуславливаетъ прямую обязанность земствъ: помочь, облегчить переходъ дворянскихъ земель въ руки сельскихъ обществъ и подготовить крестьянъ-общинниковъ занять въ земствѣ мѣсто помѣстнаго элемента. Послѣднее имѣетъ очень серьезное значеніе. Въ нашей печати еще недавно указывалась опасность, грозящая земству. За распродажею помѣщичьими своихъ земель, заправленіе земскимъ дѣломъ грозитъ перейти въ руки промышленнаго, купческаго класса. Никто не сомнѣвается, тогда дѣятельность земствъ приметъ видъ грустиѣ настоящаго. Это-то и слѣдуетъ предупредить. Вотъ что нужно дѣлать земству, а не хныкать надъ бѣдностію и изыскивать мѣры, дѣлающія ее болѣе безысходной.

Проектъ новгородской губернской управы принять губернскимъ собраніемъ, но не приведенъ еще въ дѣйствіе. Въ немъ могутъ быть сдѣланы измѣненія. Настоящей осенью онъ будетъ разсматриваться въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ Новгородской губерніи. Это мы имѣли въ виду, дѣлая его оцѣнку, помѣщая о немъ нашу небольшую замѣтку.

А. П.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Путешествія политическихъ дѣателей.—Возвращеніе коммунаровъ. — Овація бывшему мэру въ Пюто.— Неуспѣхъ агитаціи по избранію Блянкъ.— Луиза Мишель и прощеніе женщинъ. — Вѣдѣтельство Литтре въ вопросъ о 7 статьѣ законопроекта Ферри.— Признаніе Жюль Симона.— Ферри на югъ Франціи. — Открытіе статуи Араго въ Перпиньянѣ.— Леперъ въ восточной Франціи.— Открытіе статуи Деффера въ Монбельярѣ.— Германскій императоръ и Эльзась-Лотарингія.

Давно уже въ политической жизни Франціи не замѣчалось такого затишья, какое началось съ половина августа. Почти всѣ выдающіеся политическіе дѣатели развѣхались изъ Парижа, кто за границу, кто по провинціямъ и по большей части съ цѣлями отдыха и поправленія здоровья. Въ земледѣльческихъ сѣздахъ, происходившихъ вслѣдъ за собраніемъ генеральныхъ совѣтовъ, говорили только два или три министра, но рѣчи ихъ не имѣли никакого выдающагося значенія, такъ какъ состояли изъ обыкновенныхъ оффиціальныхъ общихъ мѣствъ. Поѣздка министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ въ Италію тоже не представляла политическаго характера, такъ какъ ле-Роие и Леперъ просто гостили на Комскомъ озерѣ въ замкѣ дочери сенатора Пейра. При этомъ они такъ строго соблюдали инкогнито, что, напримѣръ, Леперъ, пожелавшій посѣтить марсельскаго мэра, не объявилъ приставамъ своего званія и ждалъ мэра въ числѣ другихъ посѣтителей, въ приемной болѣе часа.

Всѣ наши государственные люди, повидимому, захотѣли воспользоваться тѣмъ, что послѣ ненастнаго лѣта передъ самою осенью наступила такая погода, что въ недѣлю выдавалось по четыре, пяти солнечныхъ дней. Общему примѣру послѣдовалъ и президентъ республики, Гревъ, отправившійся, по своему обыновенію, открывать охоту въ Мон-су-Водрэ, гдѣ онъ родился и

гдѣ ему принадлежить старшій и весьма скромный домикъ. Монсу-Водрэ находится въ одной изъ Юрскихъ котловинъ, и Гревн пришлось проѣхать порядочное пространство Франціи, прежде чѣмъ достигнуть цѣли своей поѣздки. Поэтому, ему стоило не мало усилій, чтобы избѣгнуть по пути официальныхъ встрѣчъ и народныхъ манифестацій. Послѣднія происходили вездѣ, гдѣ только узнавало его население. Желѣзно-дорожный путь оканчивается въ Мон-Баррэ и Гревн, волей-неволей, пришлось тамъ выйти изъ вагона, чтобы пересѣсть въ дорожную карету. Такъ какъ Гревн уроженецъ Франшъ-Конте и его земляки называютъ его «le grand Franc-comtois», то здѣсь ему уже рѣшительно не удалось отдѣлаться отъ народной встрѣчи. Мэры со всей провинціи, также какъ и члены муниципальных, окружныхъ и генеральныхъ совѣтовъ, ожидали его пріѣзда на станцію въ полномъ составѣ. Ему пришлось выслушать привѣтственную рѣчь, на которую онъ отвѣчалъ, впрочемъ, одними поклонами. У вѣзда въ деревушку, гдѣ онъ родился, въ честь его была устроена триумфальная арка изъ растений, и всѣ молодыя дѣвушки мѣстечка ожидали его съ букетами цвѣтовъ, которые и поднесли ему и г-жѣ Гревн. Кроме того, въ честь его произнесъ рѣчь ученикъ коллежа Понтарье, внукъ его стараго друга по училищу, который говорилъ во всѣмъ правиламъ риторикъ о Спартѣ, о главѣ великаго народа, уважаемомъ цѣлымъ міромъ, прибывшемъ въ образѣ простого гражданина на родину, чтобы охотиться, какъ Немродъ и пахать землю, какъ Цинцинать. Молодой ораторъ говорилъ такъ прочувствованно и съ такимъ волненіемъ въ голосъ, что не поощрить мальчика было просто неловко, и вотъ Гревн, сдерживая чуть замѣтную улыбку, всталъ его на руки и отцовскимъ тономъ произнесъ: «Спасибо, милый, если и другіе твои товарищи на тебя похожи, то изъ васъ вырастетъ славное поколѣніе!» Послѣ этого, Гревн могъ уже спокойно войти въ свой домъ. Вотъ обращикъ устанавливающихся у насъ республиканскихъ нравовъ. Чѣмъ они хуже другихъ?

Теперь посмотрите, какъ тѣже республиканскіе нравы проявляются народными массами.

Около тысячи изгнанниковъ 1871 года были перевезены въ Порть-Вандръ изъ Новой Каледоніи на трехъ судахъ. 3-го сентября началась перевозка этихъ возвращенныхъ коммунаровъ въ Парижъ, для чего правительствомъ были наняты у общества орлеанской желѣзной дороги три отдѣльныхъ поѣзда. Отчасти подъ вліяніемъ иностранной дипломатіи, отчасти опасаясь буйныхъ манифестацій со стороны рабочихъ и друзей возвращенныхъ изгнанниковъ, администрація распорядилась, чтобы эти поѣзды приходили въ Парижъ ночью. Пріѣзда ихъ дѣйствительно ожидали громадные массы народа, но прибытіе двухъ первыхъ поѣздовъ было встрѣчено такъ мирно и радостью населенія выразилась такъ спокойно, что администрація отмигнула свое первое распоряженіе и третій поѣздъ прибылъ днемъ.

Народъ, дѣйствительно, выказалъ своимъ поведеніемъ столько политическаго такта, что полиція увидала, что ей рѣшительно нечего опасаться. Возвращенные же коммунары, съ своей стороны, вовсе не старались выказаться мучениками, горящими жаждою мщенія за свои страданія, но всё безъ исключенія были проникнуты единственно радостью возвращенія на родину и встрѣчи съ своими семьями и друзьями. Нѣкоторые изъ нихъ, оставившіе Францію молодыми людьми, возвращались сѣдыми и старыми; это не могло не произвести тяжелаго впечатлѣнія на ихъ близкихъ, но ни со стороны прибывшихъ, ни со стороны встрѣчавшихъ ихъ не раздавалось никакихъ упрековъ прошедшему и всёхъ замѣтно одушевляло бодрое довѣріе къ настоящему.

Возвращеніе коммунаровъ подало поводъ только къ единственной демонстраціи, да и то не въ самомъ Парижѣ, а въ небольшой общинѣ Пюто (близъ Сентъ-Клу), куда возвратился бывший мэръ этой общины Рокъ-де-Фильоль, выбранный своими земляками немедленно за своимъ помилваніемъ въ муниципальные совѣтники. Поведеніе его во время франко-прусской войны было образцовымъ и онъ пользовался въ своей общинѣ всеобщимъ уваженіемъ. Осужденіе его якобы за подговоры версальскихъ солдатъ къ побѣгамъ вызвало въ свое время всеобщее негодованіе населенія, какъ вопіющая несправедливость. Жители общины сочли необходимымъ устроить ему такую встрѣчу, которая вознаградила бы его хотя сколько-нибудь за вынесенныя страданія, не обращая вниманія на то, какой бы крикъ по этому поводу ни былъ поднятъ империалистскими и клерикальными газетами. И вотъ ему былъ устроенъ банкетъ, на которомъ въ честь его было выпито не мало шампанскаго, а по окончаніи пущемъ блестящей фейерверкъ. Но на банкетѣ ни онъ самъ, ни строители банкета не произносили тоста въ честь коммуны, и все ограничилось возгласами въ честь Франціи и республики, напоминаніемъ объ амнистіи еще не помилванннмъ коммунарамъ, да пѣніемъ «Марсельезы».

Комитетъ для пособій возвращеннымъ коммунарамъ, о которомъ я вамъ уже писалъ, не успѣлъ ко времени этого возвращенія собрать сколько нибудь значительныхъ суммъ. Онь, очевидно, не рассчитывалъ, что съ первымъ уже поѣздомъ онъ будетъ имѣть дѣло съ 400-ми возвращенными, почему и могъ раздать только по 2 франка. Поѣздъ пришелъ между 4 и 5 часами утра, и понятно, что публики въ такое время не могло быть столько, сколько ея было бы днемъ; несмотря на это, въ ея средѣ тотчасъ же возникъ сборъ, и возвратившимся немедленно могла быть предложена болѣе значительная помощь.

Черезъ недѣлю и комитетъ могъ уже предложить каждому прибывшему по 10 франковъ, и сверхъ того, дѣляя сотни парижанъ заявили о своей готовности предоставить возвращеннымъ даровой столъ и помѣщеніе. Два большихъ народныхъ праздника, безъ всякаго политическаго характера, одинъ на Шомонскихъ высо-

тахъ, другой въ театрѣ Шатлэ, дали также хорошій сборъ, а во всѣхъ республиканскихъ газетахъ была открыта подписка, и, что еще важнѣе, появились печатныя предложенія занятій и работъ коммунарамъ, такъ чтобы они по возможности скорѣе могли устроиться и забыли невзгоды 1870—71 годовъ. Облегчить коммунарамъ скорѣйшую возможность забвенія прошедшаго—таковъ лозунгъ парижскихъ республиканцевъ въ деликатномъ дѣлѣ устройства участи амнистированныхъ лицъ.

Сторонники общественныхъ беспорядковъ—а таковыми представляются въ настоящее время у насъ реакціонеры, которыхъ не удалось попытки той или другой реставраціи — видѣ себя отъ глѣва, что возвращеніе коммунаровъ не вызвало бунта въ средѣ парижскаго населенія. Съ другой стороны, они досаждутъ и на то, что возвращенію коммунаровъ изъ Нумен не удается придать характера торжества и побѣды надъ оппортунизмомъ. Они ждали, что это возвращеніе подастъ поводъ къ возникновенію ультра-непримиримой партіи, которая своимъ образомъ дѣйствій оправдаетъ тѣ лицензірныя опасенія, которыя были приводимы противъ возвращенія палатъ въ Парижъ. Съ особенною радостью смотрѣли они также и на возникновеніе бордоскаго конфликта между радикалами и правительствомъ по поводу избранія Бланки. Они рассчитывали, что вторичное избраніе Бланки поставитъ правительство въ безвыходное положеніе и заранѣе торжествовали возможность такой для себя удачи. Обстоятельства, однакоже, не оправдали ихъ ожиданій и окончательное пораженіе Бланки на перебаллотировкѣ 14-го сентабря повергло ихъ въ полное уныніе и избавило правительство отъ весьма существенныхъ затрудненій.

Съ пораженіемъ Бланки на выборахъ, однако, не погибла самая мысль объ общей амнистіи. Образцовое поведеніе возвращенныхъ коммунаровъ отнимаетъ у правительства всякій поводъ сопротивляться возвращенію и остальныхъ осужденныхъ, подѣ предлогомъ опасенія возникновенія общественныхъ беспорядковъ и, я знаю навѣрное, что въ министерствѣ юстиціи весьма не прочь возвратитъ и остальныхъ осужденныхъ, за исключеніемъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ, или такихъ лицъ, которыя, уже будучи осуждены и наказаны прежде (*repris de justice*), примкнули также и къ движенію 1871 года. Списокъ лицъ, на которыхъ будетъ распространено помилованіе, уже составляется, и правительство, конечно, представитъ его палатамъ, если только со стороны крайнихъ возникнетъ запросъ (что, конечно, произойдетъ неизбежно) объ амнистіи. Общественное мнѣніе особенно возбуждено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ числѣ помилованныхъ не оказалось учительницы Луизы Мишель, противъ которой военный судъ не могъ привести никакихъ фактовъ, кромѣ обвиненія въ крайнемъ радикализмѣ образа мыслей.

Въ печати появилось письмо этой дѣвушки, въ которомъ она

протестуетъ противъ ходатайства за нее передъ президентомъ республики ея подруги Целестины Гардуентъ и высказываетъ мысль, что она понимаетъ только такую амнистію, которою могутъ воспользоваться всѣ осужденные. Въ отвѣтъ на это письмо, въ газетахъ появилось заявленіе, не опровергнутое хранителемъ государственной печати Леройе, что правительство намѣрено распространить свое помилованіе на всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, сосланныхъ вообще по политическимъ дѣламъ.

Вмѣшавшись своею статьею «Католицизмъ и всеобщее голозованіе», помѣщенной въ послѣднемъ выпускѣ «Позитивной философіи», въ нескончаемый споръ о 7-й статьѣ законопроекта Ферри, и высказавшись противъ нея, Литтрэ навлекъ на себя ожесточенныя нападки съ разныхъ сторонъ и даже со стороны ближайшихъ своихъ послѣдователей и почитателей. Полемика, грозившая принять громадные размѣры, уже начала однако стихать. Такъ «République française» уже прекратила свои страстные опроверженія мнѣній главы позитивистской школы. Клерикалы точно также спохватились въ-время, что для нихъ не представляетъ особеннаго удобства слишкомъ опираться на авторитетъ Литтрэ, такъ какъ, хотя онъ и возсталъ весьма не кстати противъ пресловутаго параграфа, тѣмъ не менѣе окончательные выводы Литтрэ нисколько не благоприятствуютъ тому, что конгрегационисты разумѣютъ подъ «свободой высшаго образованія». Такъ онъ требуетъ предоставленія одному государству права выдачи ученыхъ степеней, отміны такъ называемыхъ lettres d'obédience, или рекомендательныхъ писемъ епископовъ, замѣняющихъ духовныя свидѣтельства о выдержаніи экзамена на право преподаванія, и предоставленія всѣмъ французамъ свободы учреждать «частныя курсы». Подъ именемъ такихъ частныхъ курсовъ онъ разумѣетъ такіе, учрежденіе которыхъ всѣми желающими совершенно не зависѣло бы отъ утвержденія университета и церкви, и въ которыхъ могли бы прилагаться на практикѣ и подвергаться опыту всевозможныя научныя методы и новѣйшія системы въ видахъ полнѣйшаго процвѣтанія науки и прогресса.

Жюль Симонъ, понятно, чрезвычайно обрадовался, получивъ неожиданно поддержку своимъ взглядамъ отъ такого авторитета, какъ Литтрэ. Несмотря на то, что самъ онъ спиритуалистъ, онъ съ радостью ухватился за теорію позитивиста, могущую доставить ему не малое число сторонниковъ въ борьбѣ съ 7-й статьёй законопроекта Ферри. Его шансы на успѣхъ въ этой борьбѣ могли бы значительно при этомъ подняться, еслибы не появилось нѣкоторыхъ неосторожныхъ откровенностей дружественныхъ ему журналистовъ, которые нѣсколько разоблачили передъ публикой, что въ дѣлѣ противодѣйствія Ферри, интересы личнаго честолюбія Симона играютъ первенствующую роль. Его оправданія, помѣщенные въ «Фигаро», поразили всѣхъ своею блѣдностію и неопредѣленностію, и еще болѣе всѣхъ из-

умило, что онъ оставилъ безъ опроверженія напечатанный въ «Whitehall Review» разговоръ его съ репортеромъ этого изданія, въ которомъ онъ высказываетъ столько ненависти противъ Гамбетты, что чуть-чуть не доходитъ до изъявленія желанія, чтобы президентство надъ республикою досталось скорѣе принцу Орлеанскому, нежели ему. Не опровергнувъ этой статьи, Симонъ выказалъ себя весьма недалководнымъ дипломатомъ. «Въ змѣткѣ этой, говорилъ мнѣ одинъ сенаторъ:—такъ наглядно приведены всѣ послѣдствія, къ какимъ приведетъ непринятіе 7-й статьи (не исключая возможности даже президентскаго кризиса), что я вамъ ручаюсь, что даже въ сенатѣ окажется неизбежно за нее большинство, по крайней мѣрѣ, въ 10—14 голосовъ».

Мнѣнія генеральныхъ совѣтовъ по поводу этой статьи оказались раздѣленными чуть не поровну, почему они и не будутъ приняты во вниманіе при обсужденіи ея въ сенатѣ. Министръ народнаго просвѣщенія, приглашенный въ Перпиньянъ для предсѣдательства на торжествѣ открытія статуи Араго, проѣздомъ чрезъ Бордо и Тулузу, постарался заручиться сочувствіемъ населенія. Въ обоихъ городахъ онъ своими рѣчами вызвалъ крики, «да здравствуетъ 7-я статья», высказавъ почти въ одинакихъ выраженіяхъ слѣдующую мысль: «Что же касается до начатой борьбы, то я разсчитываю, въ согласіи съ другими моими товарищами, продолжать ее со всевозможной энергіей и настойчивостью, и хотя дѣло это еще нами и не выиграно, но я имѣю основаніе съ полною достовѣрностью полагаться на окончательный успѣхъ».

На церемоніи, составлявшей цѣль поѣздки министра, Ферри воздержался отъ всякихъ личныхъ заявленій, несмотря на то, что для антилерикальныхъ манифестацій церемонія эта представляла весьма удобный случай. Онъ говорилъ исключительно объ одномъ Франсуа Араго и не какъ о знаменитомъ астрономѣ и свободномъ мыслителѣ, а какъ о политическомъ дѣятелѣ и членѣ временнаго правительства второй республики, способствовавшемъ, въ качествѣ морскаго министра, окончательному прекращенію рабства черныхъ во французскихъ колоніяхъ и способствовавшемъ въ весьма значительной мѣрѣ личнымъ своимъ трудомъ учрежденію во Франціи системы всеобщаго голосованія. Въ присутствіи послѣдняго изъ братьевъ покойнаго академика, Этьена Араго, карбонара при реставраціи и одного изъ самыхъ дѣятельныхъ подготовителей республики, министръ заявилъ торжественную благодарность современной Франціи, «покогѣнію проповѣдниковъ республики, благодаря которымъ она, наконецъ, въ наши дни могла осуществиться».

Этотъ ретроспективный радикализмъ члена оппортунистскаго правительства весьма огорчилъ реакціонеровъ, такъ какъ онъ отнималъ отъ нихъ надежду посягать внутренней раздоръ между республиканцами, поводъ къ которому могли подать поѣздки Луи Блана и Бланшъ въ Марсель и Сеттъ, предпринятыя ими одно-

временно съ открытіемъ статуи Араго. Надежда эта, впрочемъ, сама по себѣ была очень шаткою. Довольно вспомнить поѣздки такого же рода на Югъ, назадъ тому три года, Мадье-де-Монжо и Наке, и то, къ какимъ результатамъ привело ихъ тогда ихъ озлобленіе противъ Гамбетты. Марсельцы, по своему южному темпераменту, конечно, не могли не привѣтствовать самымъ горячимъ образомъ Луи Блана, не могли удержаться, чтобы не выпрыгать лошадей изъ его экипажа, и вести его на себѣ и не прослушать съ восторгомъ его чтеній о наилучшемъ устройствѣ республики, но весь этотъ энтузіазмъ, можно предсказать это положительно, не приведетъ ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ въ ближайшемъ будущемъ. Кромѣ того, еслибы Луи Блану даже и удалось завоевать себѣ громадную популярность въ провинціи, то онъ далеко уже не въ такомъ возрастѣ и не обладаетъ такимъ темпераментомъ, чтобы сдѣлаться главою такой сильной партіи, которая разомъ могла бы выдержать борьбу и съ лѣвымъ центромъ Жюль Симона и съ республиканскимъ союзомъ Гамбетты. Возбужденіе умовъ, произведенное поѣздкою Луи Блана на Югъ, сослужить службу одному только оппортунисту, такъ какъ бланкисты, доведенные до отчаянія своимъ пораженіемъ, должны неизбежно примкнуть къ нему въ видахъ своего спасенія и вмѣстѣ съ нимъ.. ничего не достигнуть. Чтобы хорошо понимать тотъ путь, которымъ идетъ развитіе современной Франціи, никогда не должно забывать того факта, о которомъ я упоминалъ десятки разъ и новое подтвержденіе котораго читатели встрѣтятъ въ статистическихъ цифрахъ, о которыхъ я буду говорить въ этомъ самомъ письмѣ, что сельское населеніе Франціи составляетъ болѣе половины общаго числа жителей Франціи и на каждаго рабочаго-соціалиста приходится по два крестьянина-собственника, такъ что ни одно изъ крайнихъ стремленій передовой демократіи не можетъ осуществиться ранѣе того, чѣмъ вся масса сельчанъ пойметъ его необходимость и справедливость. Возвращаясь къ описанію праздника въ Перпиньянѣ, я не могу не остановить вниманія читателей на великолѣпной рѣчи ученаго депутата, Поля Бурта, окончаніе которой—обращеніе къ Араго—произвело глубочайшее впечатлѣніе на слушателей.

«Да, учитель, сказалъ ораторъ: — мы считаемъ за великую честь находиться въ числѣ твоихъ послѣдователей, такъ какъ мы стремимся къ тому же, къ чему стремишься и ты, высказавъ, что желаешь постоянного и правильнаго прогресса, безъ перерывовъ и насилія, но подъ условіемъ, чтобы этотъ прогрессъ не останавливался ни передъ чѣмъ, что составляетъ право.

«И если, оставляя въ сторонѣ вопросъ о методахъ достиженія цѣли, мы остановимся только на фактахъ, то не можемъ не сказать, что въ нашей трудной двойной борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами, мы шли по твоимъ слѣдамъ и ты, какъ былъ, такъ и всегда останешься во главѣ нашей. Когда во время грознаго

*

года, несмотря на то, что арсеналы наши были опустошены, стѣны укрѣпленій разрушены, войска разбиты по неспособности или прямой измѣнѣ военачальниковъ, несмотря на то, что республиканцамъ приходилось считаться съ элементами еще болѣе страшными, чѣмъ непріятель—республиканцы не теряли надежды даже тогда, когда всякая надежда могла казаться безуміемъ, и дрались не для успѣха, а ради поддержанія своей чести; они слушали тѣ слова, которыя ты произнесъ въ 1847 году: національность народа также чувствительна, какъ и честь, и легчайшая рана, нанесенная ей, дѣлается смертельной.

«И теперь, когда мы ведемъ свою борьбу для спасенія республики, для спасенія общества противъ вѣчныхъ враговъ разума и свободы, которыхъ ты называлъ ненавиднѣйшими изъ лицемѣровъ, мы слышимъ твой голосъ, обращенный къ бойцамъ за свободу: друзья человѣчества и цивилизаціи! соединяйтесь неразрывными узами, такъ какъ поборники тьмы всегда на сторожѣ и ждутъ только благоприятной минуты, чтобы захватить свою добычу».

Не обошлось безъ подобнаго же напоминанія и торжество открытія статуи Денфера-Рошера, происходившее въ тотъ же день 21-го сентября и въ тѣ же часы на другомъ концѣ французской территоріи, въ Монбельярѣ, на границѣ Эльзаса, оставшейся французской, благодаря только тому, что Бельфоръ не сдался врагамъ. Окружной депутатъ, старикъ по лѣтамъ, но юноша по энтузиазму, не могъ удержаться отъ того, чтобы въ рѣчи своей въ похвалу протестанта Денфера не указать на него, какъ, на примѣръ великаго бойца не только съ непріателемъ, но и съ *домашними врагами*. Впрочемъ, торжество прославленія памяти единственнаго изъ комендантовъ крѣпостей, не капитулировавшаго въ 1870—71 годахъ, носило преимущественно характеръ патристической демонстраціи въ видахъ поднятія духа войска. Корпусный командиръ Вольфъ, замѣнившій герцога Омальскаго въ начальствованіи надъ войсками, которому военный министръ поручилъ говорить отъ своего имени, конечно, могъ избѣгнуть въ своей рѣчи произнесенія слова республика. Но онъ обязанъ былъ отдать полный почетъ военной доблести полковника Денфера, заслуги котораго еще такъ недавно старались отвергать бонапартисты, монархисты и клерикалы. Министръ внутреннихъ дѣлъ Леперъ, отъ имени всего правительства, также произнесъ весьма прочувствованную рѣчь, хотя и вынужденъ былъ сдерживаться, чтобы не произвѣсти слишкомъ сильнаго впечатлѣнія на множество эльзасцевъ и лотарингцевъ, находившихся въ средѣ публики, и не вызвать съ ихъ стороны, какой-нибудь манифестаціи въ пользу «отмщенія». Конецъ его рѣчи былъ нѣсколько грустенъ, а въ послѣдней фразѣ слышалась какъ бы возможность близкихъ перемѣнъ въ министерскомъ персоналѣ. «Намъ, любезные сограждане, сказалъ онъ предстоятъ относительно Франціи и республики исполненіе не

того долга, какой прославилъ полковника Денфэра, но послѣдуюмъ все-таки его великому примѣру и будемъ такъ же, какъ онъ, тверды, терпѣливы и непреклонны въ нашихъ стремленіяхъ и нашемъ образѣ дѣйствій... Будемъ стремиться встать на высоту нашего призванія и, если не всеѣмъ намъ дано достигнуть вершинъ славы, то постараемся, по крайней мѣрѣ, оставить послѣ себя вмѣстѣ съ нѣсколькими услугами, какія намъ удастся принести странѣ, чистую и честную память и незапятнанное имя, чтобы въ свою очередь послужить добрымъ примѣромъ тѣмъ, кто послѣ насъ приметъ на себя отвѣтственность за судьбы Франціи и республики».

Въ то время, когда Монбельяръ праздновалъ спасеніе Бельфора, германскій императоръ совершалъ торжественное посѣщеніе въ побѣжденные Страсбургъ и Мецъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ городѣ населеніе не выразило ни какой радости, что стало нѣмецкимъ. Изъ герцогства Баденскаго были согнаны крестьяне, долженствовавшіе изображать собою эльзасскихъ сельчанъ. Горожане Страсбурга и Меца придумали весьма остроумный способъ, чтобы не украшать цѣтами и флагами и не иллюминировать своиѣ домовъ: они массами отправлялись на загородныя гулянья.

Торжественный парадъ войскъ также не особенно удался, благодаря дождямъ, покрывшимъ грязью площади.

II.

Статистическія цифри изъ официального «Ежегодника на 1879 годъ». — Населеніе. — Земледѣльческое и промышленное производество. — Погребленіе и заработная плата. — Торговля и мореплаваніе. — Финансы. — Общественная благотворительность. — Религія и образованіе. — Музыкальныя общества и театръ.

Съ прошлаго года у насъ сталъ выходить «Статистическій Ежегодникъ Франціи», заключающій въ себѣ всѣ свѣдѣнія о нашей современной дѣйствительности, какія только могутъ быть выражены въ цифрахъ. Изданіе это печатается на станкахъ національной типографіи и представляетъ собою объемистые томы (600 страницъ) великолѣпно отпечатанныхъ таблицъ въ величину небольшого листа. Предпріятіе это задумано министерствомъ торговли, и матеріалы для него подготовляются въ небольшомъ статистическомъ бюро этого министерства. Превосходное по своей цѣли, изданіе это пока оставляетъ еще очень многого желать относительно выполненія. Но сама администрація знаетъ его недостатки, почему въ настоящемъ, второмъ выпускѣ и помѣщено множество поправокъ и добавленій къ выпуску прошлаго года. Вообще у насъ въ послѣднее время сильно озабочены тѣмъ, чтобы поставить статистику во Франціи на ту степень высоты, какой она достигла въ другихъ европейскихъ государствахъ. Для изданія же «Ежегодника», какъ

носятся слухи, будетъ учреждена особая статистическая коммисія, задачей которой будетъ свѣрять свѣдѣнія, поступающія изъ различныхъ министерствъ, и придавать таблицамъ однообразную форму, оставляя, разумѣется, отвѣтственность за точность цифръ на тѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, откуда будутъ поступать статистическія свѣдѣнія. Въ настоящемъ выпускѣ «Ежегодника» большая часть данныхъ относится къ 1876 году; а если по нѣкоторымъ отдѣламъ помѣщены цифры за 1877, 1878 и даже 1879 годъ — то это только затрудняетъ работу общихъ выводовъ. Кромѣ того, во время печатанія этого выпуска и одновременно съ его появленіемъ въ свѣтъ, нѣкоторые изъ правительственныхъ учреждений успѣли опубликовать уже статистическія цифры за 1877 и 1878 года, по тѣмъ или другимъ отдѣламъ. Съ будущаго года все это будетъ принято редакціею «Ежегодника» во вниманіе, такъ что, если онъ и будетъ выходить двумя, тремя мѣсяцами позднее, зато представитъ собою болѣе полный сводъ болѣе новыхъ данныхъ.

Пока, пользуясь затишьемъ политической жизни и отсутствіемъ такихъ новостей, которыя необходимо было бы тотчасъ же сообщить вамъ, а позволю себѣ сдѣлать нѣкоторыя выдержки изъ «Ежегодника», какъ я думаю, не безынтересныя для русскихъ читателей.

По послѣдней переписи (1876) населеніе Франціи оказывается почти въ 37 милліоновъ жителей (36.905,788), что составляетъ относительно его густоты среднимъ числомъ на каждый квадратный километръ—70 человѣкъ. Разумѣется, эта средняя цифра колеблется въ весьма значительныхъ размѣрахъ и, начиная съ самаго густо населеннаго Сенскаго департамента (5,035), немедленно понижается до 267 (Сѣверный департаментъ) и 259 (Ронскій), и постепенно упадаетъ до 27 (Лозерскій), 21 (Верхнихъ Альповъ) и даже 19 (Нижнихъ Альповъ).

Иностранцевъ, проживающихъ во Франціи, насчитывается 802,000 человѣкъ. Изъ нихъ 215,000 бельгийцевъ, 165,000 итальянцевъ, 62,500 испанцевъ, 60,000 нѣмцевъ (по большей части эльзасцевъ, не имѣвшихъ возможности остаться французскими гражданами), 30,000 англичанъ и 7,922 русскихъ (4,677 мужчинъ и 3,317 женщинъ).

Относительно пола, населеніе Франціи распадается почти поровну. На 18.374,000 мужчинъ приходится 18.532,000 женщинъ. Изъ мужчинъ, холостыхъ 9.800,000 (въ томъ числѣ 6.000,000 дѣтей), женатыхъ 7.600,000 и вдовцовъ 686,000. Изъ женщинъ, незамужнихъ 8.950,000 (въ томъ числѣ около 5.000,000 недостигшихъ брачнаго возраста), замужнихъ 7.500,000 и вдовъ 2 милліона.

По возрасту, наибольшее число представляетъ возрастъ отъ 20 до 25 лѣтъ (3.288,000); оно уменьшается въ возрастѣ между 25—30 годами до 2.600,000 и представляетъ только незначительную убыль до 40 лѣтъ (2.500,000). Къ 55 годамъ

последняя цифра упадаетъ до 2.000,000, къ 80—85 оно уже представляетъ только 230,000. Стариковъ и старухъ отъ 95 до 100 лѣтъ насчитывается во Франціи 2,613, выше же 100 лѣтъ достигаютъ только 194 человѣка.

Таблицы смертности по возрастамъ и поламъ представляютъ собою ужасающую картину смертности дѣтей въ раннемъ младенчествѣ, что, назадь тому 2 года, и послужило поводомъ къ изданію закона о покровительствѣ дѣтей. Дѣвочекъ отъ 5 до 10 лѣтъ, также какъ и достигающихъ до 20 лѣтъ нѣсколько больше, чѣмъ мальчиковъ и юношей. Но 60—65 лѣтъ достигаетъ большее число мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Глубокой старости однакоже достигаютъ гораздо чаще женщины, чѣмъ мужчины (146 женщинъ и только 48 мужчинъ).

Изъ дѣвушекъ, выходящихъ замужъ, 69,000 выходятъ ранѣе 20 лѣтъ и 112,000 отъ 20 до 25 лѣтъ. Большая часть мужчинъ женится въ возрастѣ отъ 25—30 лѣтъ (105,660) и отъ 30 до 35 (50,000). Но и послѣ 50 лѣтъ 5,000 женщинъ еще находятъ себѣ у насъ мужей, а стариковъ за 60 лѣтъ брачится въ годъ 3,750!

Самымъ неблагоприятнымъ изъ мѣсяцевъ относительно смертности представляется январь, браковъ болѣе всего совершается въ ноябрѣ, рождаются наиболѣе дѣтей въ январѣ, февралѣ, мартѣ и маѣ.

Изъ сравненія 1869 и 1876 годовъ—цифра населенія въ которые почти одинакова (36.850,000 и 36.900,000), видно, что количество совершившихся браковъ уменьшилось въ последнемъ году на 12,000, количество рожденій на 15,000 и число смертныхъ случаевъ на 30,000. Если цифра смертности и уменьшается, то это все-таки не вознаграждаетъ уменьшенія числа рожденій.

Чтобы каждому наблюдателю общественныхъ явленій прямо могла быть понятна причина, почему во Франціи социализмъ горюетъ, иногда такъ сильно проявляющійся, постоянно претерпѣвалъ однѣ неудачи и едва влачить свое существованіе, а также, чтобы понять, по чему у насъ демократическія учрежденія представляютъ консервативный характеръ, довольно сопоставить только немногія цифры. На 12 милліоновъ городского населенія Франціи, приходится 25 милліоновъ сельчанъ. Кромѣ того, на 2 милліона рантѣ, полтора милліона, лицъ живущихъ на средства, доставляемыя имъ свободными профессіями, 3.890,000 живущихъ торговлею и 9.275,000—промышленностью, приходится около 19 милліоновъ лицъ занимающихся земледѣліемъ, изъ которыхъ болѣе половины (10½ милліон.) — собственники обрабатываемой ими земли.

Французская производительность, въ общихъ чертахъ, даетъ слѣдующія цифры:

3.500,000 мужчинъ и 400,000 женщинъ—сельскихъ собственниковъ и предпринимателей содержатъ 82,000 мужчинъ и 54,000 женщинъ въ качествѣ прикащиковъ и помощниковъ, 589,000

мужчинъ и 378,000 женщинъ въ качествѣ работниковъ, 920,000 мужчинъ и 74,000 женщинъ въ качествѣ поденщиковъ и 662,000 мужчинъ и 663,000 женщинъ въ качествѣ домашней прислуги.

Въ промышленности 900,000 хозяевъ и 227,000 хозяекъ, содержать 143,000 мужчинъ и 50,000 женщинъ—распорядителями, нанимаютъ болѣе $1\frac{1}{2}$ мил. мужчинъ и 1 мил. женщинъ, въ качествѣ ремесленныхъ рабочихъ, занимаютъ 305,000 мужчинъ и 244,000 поденной работой и держатъ 78,000 мужской и 143,000 женской прислуги.

Въ торговлѣ на 569,000 хозяина и 221,000 хозяекъ, приходится 247,000 приказчиковъ и 71,000 приказчицъ, 198,000 работниковъ, 56,800 работницъ, 140,000 человекъ для черныхъ работъ (*hommes de peine*), 80,000 поденщиковъ и поденщицъ, 65,000 мужской 188,000 женской прислуги.

Не въ видахъ какихъ-либо экономическихъ параллелей, а только, чтобы наглядно показать силу производительности Франціи, укажу на нѣкоторыя цифры, сюда относящіяся. 1876 годъ—на основаніи котораго произведены исчисленія «Ежегодника»—долженъ считаться относительно общихъ условій какъ бы среднимъ годомъ, почему его итоги и могутъ быть признаны характеристическими.

Урожай зерна представляется въ такомъ видѣ:

На 7,000 гектаровъ, засѣянныхъ пшеницею, получено 99,000,000 гектолитровъ; на 446,000 гектаровъ, засѣянныхъ помѣсью ржи и пшеницы (*méteie*) 6,200,000 гектолитровъ; на 1,800,000 гектаровъ, засѣянныхъ рожью, получено 27,000,000 гектолитровъ; на 1,000,000 гектаровъ, засѣянныхъ ячменемъ, получено 16,000,000 гектолитровъ; на 662,000 гектаровъ, засѣянныхъ гречихой, получено 10,000,000 гекталитр; на 670,000 гектаровъ, засѣянныхъ мансомъ и просомъ, получено 10,000,000 гектолитровъ; на 3,326 гектаровъ, засѣянныхъ овсомъ получено 60,000 гектолитровъ.

Картофелю было собрано 110 миллион. гектолитровъ, каштановъ $7\frac{1}{2}$ миллион. гект., сухихъ овощей 4 миллион. гектолитровъ.

Во главѣ культурной промышленности представляется свекла, которой родилось болѣе 100 миллионновъ гектолитровъ, хмѣля собрано 31,500,000 гектолитровъ, табакъ выращено (на одномъ континентѣ, не считая колоній) 150,000, марены 31,500.

Конопли собрано болѣе 640,000 метрическихъ кинталовъ, льну около 320,000. Выжато льняного масла около 4 миллион. килограммовъ, можжевелаго болѣе 1,500,000 и около 7,500,000 маслъ низшихъ качествъ (гвоздичнаго, рѣйнаго и т. д.).

Рапсъ далъ около 1,000,000 гектолитровъ сѣмянъ, изъ которыхъ должно быть выжать не менѣе 43 миллионновъ килограммовъ сурепнаго масла.

Съ оливковыхъ деревьевъ, растущихъ на 30,000 гектаровъ—со-

брано 2.700,000 киллогр. оливковъ и получено 17½ миллионъ киллограмовъ масла.

Выдѣлка шелковицы доставила 2½ миллиона киллограмовъ шелку. Пчеловодство доставило 10½ киллограмовъ меду и 2½ миллиона киллограм. воску.

Виноградники, расположенные на 2.400,000 гектаровъ, дали, несмотря на всё опустошенія, произведенныя филлоксерою, болѣе 43 миллиона гектолитровъ вина.

Лѣса, покрывающіе 17 сотыхъ земельного протяженія Франціи и хозяйство которыми было въ запущеніи при Имперіи, составляя одинъ изъ предметовъ административнаго расхищенія, дали въ 1876 году правительству 237.000,000 франковъ чистаго дохода.

Перепись, произведенная 31-го декабря 1879 года, показала, что во Франціи 2.852,000 лошадей, 294,000 муловъ и 17,000 ословъ. Волковъ и быковъ—2.366,000, коровъ 7.357,000, телятъ 1.678,000, барановъ и овецъ обыкновенныхъ породъ 21 миллионъ, усовершенствованной расы 2.867,000, свиней 5.802,000, козъ и козловъ 1.587,000. Эти животныя, по «Ежегоднику», даютъ шерсти на 92 миллиона франковъ и сала немного болѣе, чѣмъ на 21 миллионъ.

Изъ отдѣльной таблицы потребленія, гдѣ вычислены годовыя цифры средняго потребленія каждымъ французомъ главнѣйшихъ изъ пищевыхъ веществъ въ столицѣ и главныхъ департаментскихъ городахъ, приведу только слѣдующія свѣдѣнія, стоящія какъ бы въ разрывѣ съ установившимися взглядами на этотъ предметъ. На долю cadaго обитателя Парижа приходится всего на все въ годъ 144 киллограма хлѣба, меньшее же количество потребляется развѣ въ какихъ-нибудь 10 городахъ пѣлой Франціи.

Мяса парижанинъ потребляетъ въ годъ тоже не особенно много, именно 76 киллограмовъ, тогда какъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, версалецъ потребляетъ его 97, а скромный обитатель какого нибудь Мелёна 106.

Наконецъ, въ окончательному посрамленію опыта романистовъ-экспериментаторовъ, изобразившихъ Парижъ какимъ-то громаднымъ кабакомъ, городъ нашъ потребляетъ вино въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, несмотря на чуть не ежедневное увеличеніе въ немъ кофеенъ, погребковъ, виноторговель. Среднее годовое потребленія спирта въ годъ парижаниномъ составляетъ 5 литровъ 3 центилитра; въ двадцати одномъ изъ департаментскихъ городовъ оно значительнѣе, въ Руанѣ, напримѣръ, оно достигаетъ до 12 литровъ и въ Семъ-Ло и Гаврѣ—до 13.

Перехожу къ промышленности.

Изъ каменноугольныхъ копей минеральнаго топлива извлекается, въ видѣ каменнаго угля и антрацита, 170.500,000 метрическихъ кинталовъ.

Металургическое производство доставило 78,000 метрическихъ

кинталовъ литейной стали, 2,540,000 стали дляковки, 1 миллионъ листового желѣза и 14¹/₂ миллионѡвъ чугуна.

Хрустальные и стеклянныя заводы произвели на 90 миллионѡвъ франковъ, зеркальныя—23 миллиона.

Бумажныя и картонныя фабрики—на 104 миллион.

Свѣчныя заводы на 57 миллионѡвъ.

Мыльныя фабрики на 105 миллионѡвъ.

Газовыя заводы на 107 миллион. въ видѣ газа, на 86 мил. въ видѣ кокса и на 10 въ видѣ смолы.

Фабрики для рафинированія колоніального сахара на 500 мил., фабрики для мѣстнаго производства сахара на 128 мил. сахаромъ и на 20 — патокой.

Бумагопрядилень, цѣнность производства которыхъ въ «Ежегодникѣ» не означена, во Франціи 1,169. На нихъ работаетъ 117,000 человекъ и сила паровыхъ машинъ равняется 34,500 лошадиныхъ силъ.

Фабрики шерстяныхъ тканей (2,100) занимаютъ 110,000 рабочихъ и сила ихъ паровыхъ машинъ равняется 30,000 лошадиныхъ силъ.

618 фабрикъ тканей изъ льна и конопли занимаютъ 55,000 рабочихъ при паровой силѣ въ 14,000 лошадей.

1000 мануфактуръ для приготовления смѣшанныхъ тканей (изъ шелка съ шерстью, бумагой и т. д.) занимаютъ 37,000 рабочихъ и обладаютъ машинами въ 4,300 силъ.

1,440 фабрикъ для тканей изъ шелку-сырца занимаютъ 58,000 рабочихъ и обладаютъ машинами въ 5,350 силъ.

Шелковыхъ фабрикъ 829 съ 43,000 рабочихъ.

Вообще французская промышленность пользуется для производствъ 40,000 паровыхъ машинъ, общая совокупность которыхъ даетъ болѣе миллиона лошадиныхъ силъ. Паровыя машины желѣзныхъ дорогъ, разумѣется, въ этой рубрикѣ не заключаются.

Вопросъ о заработной платѣ разработанъ довольно полно въ «Ежегодникѣ», хотя относительно его и недостаетъ сравнительныхъ таблицъ относительно цѣнности предметовъ первой потребности, безъ которыхъ невозможно жить. Вотъ данныя относительно Парижа и главныхъ департаментскихъ городовъ.

Средняя ежедневная рабочая плата парижскаго рабочаго на хозяйскихъ харчахъ—1 франкъ 70 сантимовъ и не поднимается выше 2 франковъ и 54 сантимовъ, не падая ниже 1 франка 2 сантимовъ. Плата рабочему на своихъ харчахъ—3 фр. 50 сант., 4 фр. 92 сант., 5 фр. 8 сант. Средняя плата работницъ безъ пищи отъ хозяина—2 фр. 80 сант., съ minimum'омъ въ 2 фр. и maximum'омъ въ 4 фр. 10 сант. Изъ этого выходитъ, что средняя ежедневная плата рабочихъ, безъ различія пола и безъ хозяйской пищи, равняется 4 фр. 63 сант., minimum 3 фр. 91 сант., maximum 5 фр. 98. сант.

Изъ рабочихъ обоюго пола, нанимаемыхъ помѣсячно и пользующихся пищею отъ нанимателей, болѣе другихъ въ Парижѣ

получают: пирожники и модистки, максимум мѣсячнаго жалованья которыхъ достигаетъ до 150 фр., цвѣточницы (максимум 100 фр.), колбасники (60) и булочники (40). Изъ рабочихъ на своихъ хлѣбахъ—бриллиантщики и позолотчики получаютъ максимум по 11 фр. въ день, булочники, жестянщики и ламповщики—по 10 франковъ и шляпочники—по 9-ти.

Въ провинціи больше всѣхъ другихъ изъ рабочихъ на хозяйскихъ хлѣбахъ, получаютъ гѣбщики-орнаментисты (3 фр. 27 с.). По 3 фр. получаютъ плотники и каменотѣсы. Средняя плата другихъ ремесль—1 фр. 56 с., съ минимум'омъ въ 1 фр. 26 с. и максимум'омъ въ 2 фр. 5 сент. Навысшую плату безъ пищи получаютъ тоже гѣбщики. Затѣмъ, болѣе 5 фр. въ день получаютъ рабочіе мастерства золотыхъ дѣлъ, часовщики, бриллиантщики и бондари. Средняя плата остальнымъ рабочимъ безъ содержанія—3 фр. 10 с. съ максимум'омъ въ 3 фр. 97 сент. и минимум'омъ въ 2 фр. 57 с. Работницы въ провинціи получаютъ при готовой пищѣ обыкновенно 1 фр. 5 сент., съ максимум'омъ въ 1 фр. 38 сент. и минимум'омъ въ 82 сент. Безъ пищи—1 фр. 62 сент., минимум 1 фр. 29 сент., максимум 2 фр. 11 сент.

На большихъ прядильныхъ заводахъ получаютъ среднимъ числомъ:

Мужчины	3 фр. 9 с.,	min.	2 фр. 50 с.,	max.	3 фр. 92 с.
Женщины	1 фр. 62 с.,	»	1 фр. 27 с.,	»	2 фр. 16 с.
Дѣти	— 96 с.,	»	— 67 с.,	»	1 фр. 20 с.

На ткацкихъ заводахъ:

Мужч.	2 ф. 91 с. (средн. плата)	2 ф. 34 с. (min.)	и	3 ф. 55 с. (max.)
Женщ.	1 ф. 76 с.	»	1 ф. 39 с.	» 2 ф. 18 с. »
Дѣти	— 91 с.	»	— 71 с.	» 1 ф. 30 с. »

Жалованье прислугѣ въ Парижѣ колеблется между годовой платой отъ 400 до 1,000 франковъ, по большей же части плата слугамъ—600 франк. и служанкамъ—300, 500 и 600. Въ провинціи слуги въ частныхъ домахъ получаютъ отъ 282 до 484 фр., чаще же всего 365 фр., въ гостиницахъ и мѣблированныхъ квартирахъ отъ 317 до 852 фр., обыкновенно же 403 франк. Кухарки обыкновенно получаютъ нѣсколько болѣе противъ другихъ служанокъ. Служанки, исполняющія всякія работы, получаютъ среднимъ числомъ 297 фр., минимум 228 фр., максимум 395 фр.

Жалованья служащихъ въ магазинахъ и лавкахъ Парижа представляются такъ:

Комми	получ. средн. числ.	1,200 ф.,	min.	1,000 ф.,	max.	1,800 ф.
Кассирши (dames de comptoir)		— 800 ф.,	»	600 ф.,	»	1,500 ф.
Продавщицы (les demoiselles de boutique)		. . . . . 400 ф.,	»	200 ф.,	»	600 ф.

Въ провинціи:

Комми	. . . . .	787 ф.,	»	503 ф.,	»	1,208 ф.
Кассирши	. . . . .	523 ф.,	»	369 ф.,	»	780 ф.
Продавщицы	. . . . .	425 ф.,	»	226 ф.,	»	617 ф.

Замѣчательно, что дѣвушки-продавицы получаютъ большее жалованье въ провинціяхъ, чѣмъ въ Парижѣ. Не позволяетъ ли это заключать, что содержатели парижскихъ магазиновъ разсчитываютъ на возможность для дѣвушекъ приобрѣтенія въ Парижѣ вспомогательныхъ средствъ къ жизни, помимо личнаго труда, еще и другими болѣе легкими способами?

Общность торговой дѣятельности Франція (въ 1876 г.) выражается въ слѣдующихъ итогахъ:

Внутренняя торговля	8,940 милл. фр.
Внѣшняя	7,107 » »
Звонъ монетой (numeraire)	855 » »

Итакъ (ввозной и отпускной вмѣстѣ) 16.871 милл. фр. или въ болѣе круглой цифрѣ 17 миллиардовъ.

Количество иностранныхъ продуктовъ, необходимыхъ для употребленія, выражается цѣнностію въ 2 съ половиною миллиарда. Двумя съ четвертью миллиарда выражается цѣнность того количества національнаго производства, которая составляетъ избытокъ, остающійся отъ мѣстнаго потребленія (исключая хлѣба въ зернѣ).

Во внѣшней своей торговлѣ Франція ведетъ съ Европою дѣль на 5 миллиард. 88 милл., фр., съ Америкой на миллиардъ 151 милл., со своими колоніями на 417 милл., съ Азіей на 274 милліона и съ Африкой на 174 милліона (ввозъ и вывозъ вмѣстѣ). Наибольшее число дѣль Франція ведетъ съ Англіей, затѣмъ слѣдуетъ Бельгія, Германія, Италія, Соединенные Штаты, Алжирія, Испанія, и... только на 9 мѣстѣ ваше отечество. Съ Россіей Франція ведетъ дѣль на 218 милліон.

По вопросу о мореплаваніи представляются слѣдующія данныя:

У насъ пять большихъ военныхъ портовъ и 176 коммерческихъ. Къ 31 декабря 1877 года, наличность нашего торговаго флота представлялась въ количествѣ 15,449 судовъ, въ 989,128 тоновъ. 565 изъ этихъ судовъ—паровыя и 14,884 парусныхъ. Экипажъ и тѣхъ, и другихъ—95,000 человѣкъ. Кромѣ этихъ судовъ, у насъ еще 11,000 мелкихъ судовъ (въ два и менѣ тонна) съ экипажемъ въ 18,500 человѣкъ, предназначенныя для береговой рыбной ловли.

Навигационное движеніе Франціи (для сношеній съ колоніями, заграничнаго плаванія и рыболовства въ дальнихъ моряхъ) выражается въ цифрѣ 18,000 вошедшихъ въ порты и вышедшихъ изъ нихъ въ теченіе года судовъ. Иностранныхъ судовъ въ тотъ же срокъ вошло и вышло изъ нашихъ портовъ 35,000.

Внутреннее сообщеніе во Франціи производится посредствомъ 34,000 километровъ большихъ (такъ называемыхъ у насъ генеральныхъ) дорогъ, 42,000 километровъ большихъ департаментскихъ дорогъ и 47,000 километровъ дорогъ проселочныхъ, а всего посредствомъ 553,000 километровъ проѣзжаго пути.

Рѣки и каналы представляютъ у насъ собою судоходное протяженіе въ 10,500 километровъ.

Къ 31-му декабря 1876 года у насъ насчитывалось 28.000,000 километровъ желѣзнодорожнаго пути, или уже эксплуатируемаго, или же совершенно готоваго къ эксплуатаціи.

До реформы 1878 года, объединившей почтовые тарифы, у насъ въ годъ пересылалось по почтѣ до 382.000,000 писемъ, до 482.000,000 печатныхъ изданій, объявленій и образцовъ товаровъ и около 10.000,000 цѣнныхъ и денежныхъ посылокъ. По телеграфу передавалось до 8.000,000 частныхъ телеграмъ.

Въ 1877 году у насъ начеканено на 272 милліона франковъ золотой, серебряной и бронзовой монеты. Къ 31-му декабря 1876 года находилось въ обращеніи почти на 13 милліардовъ монеты и на два съ половиной милліарда билетовъ французскаго банка.

Перехожу къ государственнымъ финансамъ.

Затраты по государственному долгу Франціи, по бюджету 1871 года, вотированному послѣднимъ законодательнымъ собраніемъ при имперіи, были уже вычислены въ 621 съ половиною милл. Вѣдствія 1870 — 71 годовъ, такъ же, какъ уплата контрибуціи пруссакамъ, увеличили ихъ до милліарда двухсотъ милліоновъ.

Но за то съ другой стороны республика съ 1871 по 1877 г. значительно уменьшила расходы на содержаніе всѣхъ министерствъ, а именно съ 2,325 до 1,500 милліоновъ.

Въ бюджетѣ на текущій 1879 годъ опредѣлена общая цифра прихода въ 3 милліарда 569 милліоновъ и расхода въ 3 милліарда 568 милліоновъ. Въ числѣ доходовъ наибольшія суммы приносятъ косвенные налоги (942 милліона), потомъ регистрація (enregistrement), гербовый сборъ и государственныя имущества (600 милліоновъ), прямыя налоги (400), таможенныя пошлины и соляной налогъ (222).

Изъ косвенныхъ налоговъ даютъ болѣе всего' налоги винный (377 милліоновъ) и табачный (299).

Кромѣ общихъ налоговъ, французы уплачиваютъ, для покрытія мѣстныхъ расходовъ во всѣхъ общинахъ, такъ называемыя добавочныя сантимы (Les centimes additionnelles) и добавочную городскую пошлину (octroi additionel) въ большихъ и малыхъ городахъ. Только къ концу настоящаго года приведено будетъ въ полную извѣстность финансовое состояніе всѣхъ департаментовъ въ отдѣльности. Относительно общинъ такая работа произведена уже въ два послѣдніе года.

Городскія пошлины въ провинціи доставили всего 110 милліоновъ франковъ. Парижъ одинъ далъ ихъ 119 милліоновъ.

Общее число молодыхъ людей, подлежащихъ призыву для исполненія воинской повинности въ 1876 году, составляло 247,000, изъ нихъ признано неспособными къ службѣ 32,500 человекъ, по большей части съ поврежденными членами или слабого сложенія. Дана отсрочка, по слабому сложенію, 15,000 молодымъ людямъ. 3,700 человекъ оказались негодными по недостатку роста. Средній ростъ принятой молодежи составляетъ 1 метръ 65 сен-

тиметровъ для дѣйствительной службы и 1 метръ 64 сантиметра для службы резервной. Средняя смертность войска въ мирное время, исчисленная на 450,000 солдатъ, даетъ на 100 весьма малый процентъ 1,03.

Криминальная статистика, по недавнему докладу министра юстиціи за 1877 годъ, показываетъ, что на 100,000 жителей приходилось 12 осужденныхъ уголовныхъ преступниковъ. Изъ общаго итога осужденныхъ (4,418) 1825 осуждены за преступленія противъ лицъ и 2,588 за преступленія противъ собственности. Рецидивистовъ на сто осужденныхъ приходится 48. Эта цифра только ассизныхъ судовъ. Суды исправительной полиціи, вромѣ того, судили 144,875 преступленій и проступковъ противъ общаго права.

Итоги тюремной статистики подведены только за 1875 годъ. Въ этомъ году въ центральныхъ тюрьмахъ содержалось 20,002 заключенныхъ, въ томъ числѣ 3,656 женщинъ и 2,336 дѣтей въ исправительныхъ учрежденіяхъ Корсики. Холостяки, незамужнія, бездѣтные вдовцы и вдовы составляютъ большинство между заключенными обоеихъ половъ, и въ этомъ нельзя не видѣть аргумента въ пользу морализующаго вліянія семьи на человѣка. Обученіе въ тюрьмахъ не дало сколько-нибудь желательныхъ результатовъ, а ужасающее число рецидивистовъ доказываетъ, что исправительная система въ настоящемъ ея видѣ требуетъ неотложнаго и радикальнаго преобразованія.

Кромѣ центральныхъ тюремъ, у насъ насчитывается до 3,000 различныхъ мѣстъ для задержанія и ареста подсудимыхъ, чрезъ которыя въ годъ проходитъ около 60,000 человѣкъ. Существуютъ еще различныя исправительныя учрежденія тюремнаго характера въ департаментахъ, по большей части для временнаго пребыванія преступниковъ (381). Черезъ нихъ въ годъ проходитъ 275,000 осужденныхъ, а всѣхъ постоянно находится среднимъ числомъ 23,500 человѣкъ.

Вѣдомству общественной благотворительности подлежатъ:

13,500 благотворительныхъ бюро, раздѣляющихъ денежные и вещевыя пособія, иногда съ посѣщеніями на дому, 1,280,000 немущихъ. За покрытіемъ расходовъ на администрацію, бюро эти изъ средствъ своихъ (общинныя субвенціи, поступления съ общественной и частной благотворительности) имѣютъ возможность раздавать ежегодно деньгами и вещами на сумму 22 милліоновъ франковъ.

1,524 госпиталя и богадѣльни съ 164,000 кроватей, изъ которыхъ 53,000 предназначены для призрѣнія стариковъ, калѣкъ и слабосильныхъ—расходуютъ ежегодно 102 милліона. Въ больницахъ среднимъ числомъ находится постоянно 21,000 мужчинъ, 15,000 женщинъ и 6,000 дѣтей. Въ домахъ призрѣнія 28,000 мужчинъ, 30,000 женщинъ и 11,000 дѣтей.

Особенное учрежденіе для помощи новорожденнымъ, груднымъ дѣтямъ и малолѣткамъ (Enfants-assistés) расходуетъ ежегодно

8 миллионъ для содержанія новорожденныхъ въ родильныхъ домахъ и вскормленныхъ у деревенскихъ кормилицъ. Кромѣ того, оно раздаетъ около 4 миллионъ для пособія родителямъ новорожденныхъ, оставшихся на ихъ попеченіяхъ. Общее число дѣтей, поддерживаемыхъ, такимъ образомъ, на средства администрации, представляется ежегодно въ числѣ 32,000 мальчиковъ и 30,000 дѣвочекъ. Изъ этихъ 62,000 младенцевъ—10,000 сиротъ, 4,000 найденныхъ и 48,000 дѣтей, оставляемыхъ родителями, то есть приносимыхъ ими въ эти учрежденія.

Учрежденія для влеченія и содержанія умалишенныхъ издерживаютъ въ годъ до 15 миллионъ, доставляемыхъ сборомъ съ общинъ и семьями призрѣваемыхъ. Кромѣ главной, такъ называемой, національной больницы для умалишенныхъ, находящейся на окраинѣ Парижа (Шарантонъ), въ департаментахъ ихъ насчитывается 46, кромѣ 15 больничныхъ отдѣленій, 17 частныхъ домовъ этого рода, исполняющихъ обязанности общественныхъ и 25 частныхъ пріютовъ, куда принимаются за плату только лица изъ достаточнаго класса.

Къ 1-му января 1876 года, во всѣхъ этихъ заведеніяхъ находилось 43,000 помѣшанныхъ (20,000 мужчинъ и 23,000 женщинъ). Изъ нихъ втеченіи 1875 года умерло 5,500 (3,000 мужчинъ и 2,500 женщинъ), выдоровѣло 3,900 (1,600 мужчинъ, 1,300 женщинъ), и взято родными для продолженія леченія на дому 4,700 (2,300 мужчинъ и 2,400 женщинъ).

Почти какъ благотворительныя заведенія можно разсматривать и учрежденія въ 42 городахъ ломбарды (Monts de pieté), такъ какъ годовой процентъ при ссудахъ изъ нихъ никогда не превышаетъ 9%. Пока бѣдность не сумѣетъ повсюду организовать въ общество взаимнаго пособія, эти учрежденія будутъ значительнымъ подспорьемъ для пролетаріевъ. Къ 31-му декабря 1877 года, суммы, находившіяся въ сберегательныхъ кассахъ, достигли почтенной цифры 25 съ половиной миллионъ франковъ. Суммы эти вообще стали значительно расти съ тѣхъ поръ, какъ сборщикамъ податей разрѣшено принимать въ ихъ уплату квитанціи сберегательныхъ кассъ, когда почта стала принимать ихъ при денежныхъ пересылкахъ, и заведены, такъ называемыя, школьныя сберегательныя книжки.

Относительно страховыхъ обществъ и всякихъ ассоціацій для взаимной поддержки отъ различныхъ неблагопріятныхъ случайностей жизни республикѣ предстоитъ сдѣлать еще очень многое, чтобы Франція не была отсталою въ этомъ смыслѣ не только по сравненію съ Англіей или Соединенными Штатами, но даже съ Швеціей и Норвегіей. Уже одно освобожденіе обществъ взаимной помощи отъ необходимости имѣть предсѣдателемъ официальное лицо помогло весьма быстрому возрастанію ихъ числа. По отчету министра внутреннихъ дѣлъ за 1876 годъ, ихъ насчитывалось уже 6,000 съ 902,000 членовъ; на обязанности этихъ обществъ лежитъ даровое леченіе больныхъ семействъ ихъ чле-

новъ, оказаніе немедленнаго пособія ихъ вдовамъ и сиротамъ, и поддержки ихъ стариковъ и слабосильныхъ. Около 2,700 изъ такихъ обществъ успѣли уже составить запасный фондъ въ 28 милліоновъ франковъ.

Отдѣльная таблица «Ежегодника» посвящена перечисленію пожертвованій частныхъ лицъ на благотворительныя учрежденія, принатіе которыхъ *разрѣшено* правительствомъ въ 1876 году. Изъ таблицы этой видно, какъ мало было пожертвовано на учрежденія свѣтскаго характера, сравнительно съ пожертвованіями на религіозно-католическія учрежденія. Дуhovenство въ 1876 году, съ разрѣшенія правительства, получило въ даръ около 10 съ половиною милліоновъ, а сколько еще при этомъ безъ такого разрѣшенія могло оно получить у кроватей умирающихъ богачей или въ видѣ милостини и по обѣтамъ, даннымъ во время болѣзней или другихъ бѣдствій?

Я уже однажды сообщалъ вамъ статистическія свѣдѣнія о католическихъ конгрегаціяхъ, собранныя по почину палаты депутатовъ. Общее число членовъ этихъ конгрегацій (28 изъ которыхъ не дозволены) 158,000. Въ недоzволенныхъ конгрегаціяхъ участвуютъ 7,500 мужчинъ и 14,000 женщинъ. Официальный отчетъ касается, однако, только монашескихъ орденовъ и вовсе не упоминаетъ о множествѣ религіозныхъ ассоціацій всякаго рода, число которыхъ съ 1872 года несвязанно растетъ.

Статистика народнаго образованія показываетъ, что конгрегационисты управляютъ болѣею частью пріютовъ для самыхъ малолѣтнихъ дѣтей (*salles d'asile*) и имъ принадлежатъ почти всѣ учрежденія для первоначальнаго и средняго образованія дѣвочекъ. Законъ 1850 года передалъ въ ихъ руки половину всѣхъ французскихъ дѣтей. Если за ними будетъ оставлена свобода высшаго преподаванія, то они быстро захватятъ въ свои руки и остальную половину дѣтей и юношество. Конечно, теперь католическіе университеты не имѣютъ еще сравнительно особеннаго значенія, но вѣдь и ихъ коллежи въ 1852 году представляли его еще менѣе, а чѣмъ они сдѣлались теперь? Такимъ образомъ, статистика приноситъ собою еще новый аргументъ въ пользу принатія 7 статьи законопроекта Ферри или какиихъ-либо иныхъ мѣръ въ этомъ же смыслѣ.

Число учащихся дѣтей, относительно къ общей массѣ населенія Франціи, очевидно, растетъ съ каждымъ годомъ. Въ настоящее время оно составляетъ 13 учащихся на 100 жителей.

Развитіе артистическаго образованія (музыка и рисованіе) принимало весьма широкіе размѣры. Провинціальныя музыкальныя общества насчитываютъ уже 90,000 членовъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Въ одномъ Парижѣ ихъ 10,000. Всѣхъ музыкальныхъ обществъ во Франціи 3,314 съ 100,154 членами.

Театровъ во Франціи 194, изъ которыхъ 30 пользуются правительственною поддержкою или пособіемъ отъ городскихъ управ-

лей, артистовъ 9,657. Въ этотъ счетъ не входятъ кафе-шантаны съ ихъ 2,230 исполнителями.

48 парижскихъ театровъ приносятъ въ годъ доходу (за исключеніемъ выставочнаго времени), среднимъ числомъ, болѣе 21 милліона франковъ.

III.

Музыкальныя и театральныя новости.—Скудость этихъ новостей.—Возобновленіе «Нѣмой изъ Португи» на сценѣ Большой Оперы.—Ничтожество новыхъ пьесъ и возобновленіе драмы Жоржъ-Занда «Клоди». — Некрологъ: Валеріо, Камъ, Роже, Віоле-ле-Дюкъ и баронъ Тейлоръ.

За исключеніемъ театра Комической Оперы, гдѣ еще не окончилась передѣлка за-ново зрительнаго зала, и театра Народной Оперы, долженствующаго явиться 10-го октября въ видѣ опыта въ зданіи театра Gaité, съ субвенціей городскаго управления, всѣ парижскіе театры уже открыты. Открытіе это, впрочемъ, пока еще рѣшительно ничѣмъ не ознаменовалось. «Весь Парижъ» первыхъ представленій, поздно развѣхавшійся по деревнямъ и дачамъ, соберется домой въ настоящемъ году позднѣе обыкновеннаго. До возвращенія же этого судьи и рѣшителя судьбы новыхъ пьесъ, директоры не рискуютъ ставить тѣхъ драматическихъ произведеній, которыми они, конечно, уже запаслись и на успѣхъ которыхъ они не могутъ не разсчитывать, разумѣется, и въ смыслѣ денежныхъ сборовъ.

Несмотря на все желаніе новаго директора нашей національной академіи музыки и хореографическаго искусства Вокорбейля ознаменовать свое вступленіе въ управленіе этой первой парижской сценой постановкою одного или даже двухъ шедевровъ, ему рѣшительно не удалось успѣть поставить до сихъ поръ ни «Франчески де-Римини» Амбруаза Тома, ни «Заморы» Гуно. Для роли Франчески была имъ даже уже выписана Нильсонъ, но вышло какое-то препятствіе къ скорой ея постановкѣ, и Нильсонъ уѣхала въ Испанію, не заключивъ даже съ Вокорбейлемъ контракта на начавшійся сезонъ. Оперу же Гуно подготавливались уже репетировать, но композиторъ вдругъ самъ открылъ въ ней какіе то важныя недостатки. Испуганный неуспѣхомъ «Полиевкта», Гуно счелъ необходимымъ посвятить еще хоть шесть мѣсяцевъ для окончательной обработки своего произведенія. Вокорбейль волей-неволей вынужденъ былъ согласиться на такое требованіе Гуно, хотя неожиданность этого и поставила его въ весьма затруднительное положеніе. Неужели никто изъ нашихъ молодыхъ композиторовъ, которыхъ у насъ не мало, начиная съ Массенъ и кончая Лало, не сумѣетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ? а это было бы весьма недурно какъ для нихъ самихъ, такъ и для публики. Если же никто изъ нихъ не пред-

ставить Вэкорбейлю хорошей оперы, достойной постановки, то и тутъ Вокорбейль могъ бы выйти изъ бѣды, еслибы только очень этого захотѣлъ. Онъ могъ бы возобновить какія-либо произведенія Глюка, Спонтини и Керубини, и обновить репертуаръ своей сцены въ такомъ смыслѣ, чтобы онъ сталъ именно тѣмъ, чѣмъ ему быть слѣдуетъ, т. е., чтобы знакомилъ публику съ лучшими произведеніями старыхъ французскихъ композиторовъ, выражающими историческое развитіе нашей національной музыки, также какъ и съ замѣчательнѣйшими новыми операми, у какого бы народа въ Европѣ они втеченіи года ни появлялись.

Пока намъ приходится довольствоваться возобновленіемъ «Нѣмой изъ Портичи» Обера, которая, если и можетъ еще интересовать зрителей какъ спектакль, по множеству вставленныхъ въ ней характерныхъ танцевъ, то въ музыкальномъ отношеніи чрезвычайно устарѣла. Кромѣ того, и настоящая постановка ея, сравнительно съ тою, какую мы видѣли въ 1871 году на сценѣ сгорѣвшаго театра улицы Лепелетье, заставляетъ многого желать. Новая Фенелла — г-жа Мори далеко не достигаетъ того мимического совершенства, какое умѣла придавать ей г-жа Фіокръ. Хотя Лассаль и обладаетъ весьма хорошимъ голосомъ, но и ему никогда не сравниться съ Форомъ—онъ доказалъ это неудовлетворительнымъ исполненіемъ великолѣпной застольной пѣсни послѣдняго акта. Хоры, за исключеніемъ знаменитой молитвы безъ акомпанимента третьяго акта и рыночнаго ансамбля, отличались какой-то необычною вялостью и пѣли, противъ своего обыкновенія, какъ бы неохотно. Очевидно, эти исполнители потеряли вѣру въ музыку Обера, какъ вѣрятъ, наприимѣръ, въ музыку мейерберовскую. Для роли Мазанниелло нельзя было найти рѣшительно никого, кому бы было по силамъ ея исполненіе, и пришлось поручить ее все тому же незамѣняемому, хотя и слыхкомъ уже старому Вильгаре, и онъ, несмотря на свои лѣта, съ честью вышелъ изъ этого труднаго дѣла, хотя при исполненіи одной арии голосъ ему и измѣнился.

На сценѣ театра-Буффъ появилась новая оперетка Герве, слова Клервилля: «Панургъ». Самое появленіе ея показывало, что сюжетъ ея заимствованъ изъ Раблэ и, конечно, нельзя было даже и ожидать, чтобы мощныя и гениальныя фантазіи Раблэ могли уложиться въ узкія опереточныя рамки, но все-таки можно было думать, что опытный Клервилль сдумаетъ сколько нибудь воспользоваться тѣми золотыми россыпями юмора, какими пресполнено произведеніе Раблэ. Я, лично, какъ уроженецъ береговъ Луары, бывавшій въ Шанонъ и хорошо знакомый какъ съ оригинальными мѣстными нравами, такъ и съ трехдневными пирами жителей и завтраками, на которые гости являются накануне вечеромъ, а разсоятся по домамъ черезъ двое сутокъ — заранѣе уже приготовлялся весело посмѣяться... но увъ! съ самаго поднятія занавѣса я былъ какъ бы облитъ холодной водой, и до окончанія пьесы едвали даже разъ улыбнулся. Клервилль совер-

шенно отказался от попытки вывести на сцену Гаргантюа или Пантагрюала. Все дѣло сведено на мѣсть Гриппемино Панургу, украсившему его чело «рогонарощеніями». При этомъ Гриппемино ничѣмъ не отличается отъ любого простоватаго буржуа любого французскаго города и вся мѣсть его заключается въ томъ, что ему удастся женить Панурга на дѣввицѣ, «подверженной хроническому сквернословію».

Въ этомъ, какъ видитъ читатель, не особенно много мысли, такъ какъ Панургъ у Рабля вовсе не глупецъ, съ которымъ можно дѣлать что угодно. Было бы, впрочемъ, съ полагора, еслибы при неудавшемся либретто—музыка выкупала это своими достоинствами. Но, къ сожалѣнію, и она не представляетъ собой ничего выдающагося, и показала бы, можетъ быть, несравненно сноснаѣ, еслибы была написана на другой сюжетъ и не носила названія, возбуждающаго большія ожиданія. Старѣющій Гервэ, такъ злоупотреблявшій еще недавно фарсомъ, старается выказаться въ ней сѣрьезнымъ композиторомъ и знатокомъ нашей «неудреной» музыки XVIII столѣтія. Этотъ разладъ претенціозной у quasi-сѣрьезной музыки съ нелѣпостью сюжета, безпрестанно переходящаго въ фарсъ и чуть не въ бессмыслицу, въ родѣ наивно-страстнаго признанія въ любви Панурга къ сквернословной дѣввицѣ. Я просто удивляюсь, какъ публика не осмистала «Панурга» и пришелъ къ заключенію, что парижане—самые снисходительные въ мірѣ зрители и слушатели.

О другихъ театральныхъ новинкахъ упомяну только вскользь. Поль Феррье поставилъ на сценѣ Пале-Рояльскаго театра трехактную комедію «Илоты изъ Питивьѣ», не имѣвшую успѣха, хотя сюжетъ ее, пожалуй, довольно забавенъ. Дѣло идетъ о молодомъ мужѣ, начинающемъ покучивать и измѣнять своей женѣ. Въ видахъ его исправленія и для указанія ему «порока во всей его ужасающей чернотѣ», тесть его беретъ на себя исполненіе роли раба-илота, котораго въ Спартѣ напаявали пьянымъ въ видахъ предостереженія молодыхъ спартапцевъ отъ пагубы пьянства, и притворяется тоже волокитой, но до того входить въ свою роль, что вскорѣ и тесть, и зять оказываются въ одинакой степени «на краю пропасти» и привести ихъ обоихъ къ сознанію долга удается только весьма энергическими успѣхами. На сценѣ того же театра явилось весьма несвоевременно такъ называемое «Обозрѣвіе», родъ пьесокъ, обыкновенно дающихся только подъ конецъ театральнаго сезона, такъ какъ въ нихъ олицетворяются различныя злобы дня, волновавшія Парижъ къ теченію года. Оно такъ и названо: «La Revue trop tôt». Объ немъ я бы не сталъ даже и упоминать, еслибы оно не надѣлало много шума въ обществѣ, печати и закулисомъ мірѣ, благодаря удачному подражанію актера Леритѣ публичнымъ лекціямъ Сарсе и куплетамъ о развившейся между актерами страсти къ орденамъ, на которые вооружился извѣстный артистъ театра французской комедіи, Кокедэнтъ.

*

Въ театрѣ Variétés шла пьеса, написанная хроникѣромъ Карре'я въ сотрудничествѣ съ другимъ лицомъ: «Путешествіе въ Швейцарію», въ которую авторъ ухитрился ввести цѣлую пантомиму извѣстныхъ братьевъ Ганлонъ. За такое нововведеніе ихъ, разумѣется, благодарить не слѣдуетъ, и если пьеса держится, то только благодаря соусу, подъ которымъ подана, такъ какъ въ ней множество остротъ, намековъ, выходовъ и т. д.

Совершенною незначительностью отличается новинка Водевиля: «Вилла Бланминьонъ», хотя и принадлежитъ тремъ авторамъ гг. Шиво, Дюрю и д'Ерни. Изъ одноактныхъ пьесокъ, понравившихся публикѣ, укажу на «Весеннюю пѣсенку» Армана Дартуа, написанную стихами, на той же сценѣ Водевиля, и на шедшую въ театрѣ Гимназіи комедійку (въ прозѣ) Поля Алексиса: «На какихъ не женятся».

До какой степени наши драматурги стали мало удовлетворять публику и держатъ ее въ проголодь, можно было видѣть по тому успѣху, какой имѣла возобновленная театромъ Кюни, слезливонаивная пьеса Жоржа Занда: «Клоди», въ которой, какъ, конечно, знаютъ читатели, есть весьма хорошія мѣста.

Театръ Шателэ продолжаетъ попытку эксплуатаціи этнографо-географическихъ пьесъ, серія которыхъ началась, какъ извѣстно, «Путешествіемъ вокругъ свѣта въ 80 дней» Жюль Верна. Сюжетъ пьесы Шателэ взятъ изъ одного фѣлетоннаго романа Бело, автора «Горничная моей жены» и «Черная Венера», и, по моему, гораздо лучше и оживленнѣе пьесы Верна. Знакомить она публику съ центральной Африкой, получившей недавно такой живой интересъ въ глазахъ французовъ, и на сцену выведено множество живыхъ звѣрей. Разумѣется, такія пьесы не имѣютъ ничего общаго съ драматическимъ искусствомъ и литературою, но смотрятся не безъ пользы и удовольствія простонародью и дѣтьми, выдерживаютъ сотни представленій и обогащаютъ директоровъ театровъ.

Смерть коситъ безъ пощады свои жертвы изъ міра искусства, гдѣ потери такъ трудно замѣнимы. Сентябрь еще не окончился, а мы успѣли уже потерять цѣлый рядъ замѣчательныхъ личностей. Погибъ этнографъ-живописецъ Валеріо, остроумный каррикатуристъ Камъ, теноръ Роже, театралный фѣлетонистъ и директоръ театра Гостейнъ, филантропъ артистическаго міра баронъ Тейлоръ и архитекторъ Виоле ле-Дюкъ. О двухъ послѣднихъ лицахъ я не могу не сказать хотя по нѣсколькимъ словамъ. Виоле ле-Дюкъ не только былъ высоко-талантливымъ архитекторомъ, но также и замѣчательнымъ антиклерикальнымъ писателемъ (онъ сотрудничалъ въ газетѣ «XIX Siècle») и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ парижскихъ муниципальных совѣтниковъ. Онъ былъ знатокомъ стараго искусства и реставрировалъ всѣ главнѣйшія готическія постройки Франціи. Кромѣ того, онъ же далъ весьма дѣльное направленіе артистическимъ перестройкамъ Парижа. Несмотря на то, что во время имперіи онъ былъ домашнимъ человѣ-

комъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ, онъ умеръ радикальнымъ республиканцемъ. Такою метаморфозой онъ нажилъ себѣ много враговъ, что и помѣшало ему сдѣлаться депутатомъ, чего онъ горячо добивался. Впрочемъ, это стремленіе къ депутатству составляло чуть ли не единственный недостатокъ этого замѣчательнаго и симпатичнаго человѣка. Провожала его на кладбище цѣлая масса друзей и почитателей.

Барона Тейлора хоронили самымъ торжественнымъ образомъ на счетъ государства и на его могилѣ было произнесено безчисленное множество рѣчей, изъ которыхъ самою замѣчательною, несмотря на свою краткость, и исполненною задумчивости была рѣчь Жюль Симона, не пропускающаго съ нѣкотораго времени никакого случая выказать свое краснорѣчіе. Баронъ Тейлоръ успѣлъ при жизни своей учредить пять значительныхъ ассоціацій для взаимной помощи, продолжающихъ существовать и до сихъ поръ и оказывающихъ множество услугъ своимъ членамъ, отличающимся обыкновенно беззаботностію и неумѣніемъ вести свои дѣла: общество писателей, общество драматическихъ авторовъ, общество музыкантовъ, общество драматическихъ артистовъ и общество профессоровъ. Благодаря его усиліямъ, даровое помѣщеніе въ газетахъ романовъ стало невозможнымъ, благодаря ему, драматическіе писатели получаютъ авторскую долю съ сбора директоровъ частныхъ театровъ, которой не получали Корнель, Расинъ и Мольеръ, благодаря ему, однимъ словомъ, каждый французскій писатель, если онъ только что-нибудь написалъ, можетъ быть увѣренъ, что умретъ у себя на квартирѣ, а не на улицѣ или въ больницѣ. Артистическая и литературная собственность получила, благодаря барону Тейлору, право гражданства, и если въ этомъ смыслѣ и остается еще весьма многое сдѣлать, то заслуга инициативы останется за нимъ навсегда.

Парижъ, конецъ сентабря 1879 года.

Людвигъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Воспоминанія графини *Шуазель-Гуфье*. Спб. (безъ обозначенія года).

Издатели русскаго перевода воспоминаній графини Шуазель-Гуфье (повидимому, редакція «Древней и Новой Россіи») полагають, что въ воспоминаніяхъ есть одинъ только недостатокъ, а именно «политическія и національныя пристрастія», и что если взглянуть на мемуары графини независимо отъ этихъ пристрастій, то «нельзя не признать несомнѣннаго интереса въ фактической сторонѣ ея разсказа». Дѣло въ томъ, что графиня Шуазель-Гуфье, урожденная Тизенгаузенъ, по происхожденію польска. А такъ какъ мемуары ея начинаются 1812 годомъ и оканчиваются смертію императора Александра Павловича, то ея польскія патріотическія пристрастія имѣють тучную почву въ грозномъ столкновеніи народовъ, вожди которыхъ, Александръ и Наполеонъ, каждый по своему, но равно желали добра Польши. Издателей можно, кажется, успокоить: «политическія и національныя пристрастія» графини ни съ какой точки зрѣнія не могутъ быть признаны вредоносными. Можно даже сомнѣваться, чтобы такія серьезныя слова было дозвоительно употреблять по поводу мемуаровъ графини Шуазель-Гуфье. Но попробуемъ взглянуть на нихъ, какъ совѣтуютъ издатели, независимо отъ пристрастій.

Мы узнаемъ много любопытнаго. Узнаемъ, на примѣръ, что, готовясь къ первой встрѣчѣ съ императоромъ Александромъ, графиня одѣлась въ «простенькое бѣлое перкалевое платье, отдѣланное à la-Mathilde кисейными вышивками». «Въ мои густыя каштановыя косы, продолжаетъ авторъ:—положеныя короной надъ лбомъ, приколожи свѣжіе цвѣты. Прибавьте къ этому мои девятнадцать лѣтъ—вотъ и весь мой нарядъ! Мои пріятельницы были также одѣты въ бѣлое, но въ кисей, газъ и т. п., и туалеты ихъ были изготовлены въ Варшавѣ. Правду сказать, онѣ болѣе нуждались въ разныхъ украшеніяхъ, чѣмъ я» (стр. 6). Представляя императору Александру во второй разъ, графиня была въ «очень хорошемъ аблочнаго цвѣта тафтаномъ платьѣ, покрытомъ черными шантилли» (28). А на балѣ, данномъ въ честь государя въ Вильнѣ, графиня была одѣта еще лучше:

«зная, что большая часть дам уберутъ себѣ платья цвѣтами, она, чтобы отличиться отъ нихъ, заставила свою ключницу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была золотошвейка и портниха, сдѣлать туннику изъ крепа и вышить на ней гирлянду изъ смородины, въ которой листья должны были быть изъ бѣлой синели, а кисти ягоды изъ бургиномовъ, и всю туннику убрать такою же гладкою шелковою бахромою, какою было отдѣлано все бѣлое шелковое и затканное платье» и т. д. и т. д. (39). Что же касается бала, даннаго графомъ Пацомъ въ честь Наполеона, то тутъ нашъ авторъ не устоялъ передъ искушеніемъ политическихъ и національныхъ пристрастій. «Въ тотъ день, рассказываетъ графиня:— въ соборѣ было отслужено молебствіе, на которомъ всѣ присутствовавшіе имѣли на себѣ кокарды изъ національныхъ польскихъ цвѣтовъ. Это трехцвѣтное соединеніе красокъ заставило меня изобрѣсти себѣ такой нарядъ, который какъ можно болѣе подходилъ бы къ нимъ. И я сдѣлала себѣ креповое платье, украшенное букетами изъ живыхъ цвѣтовъ: васильковъ, красной и бѣлой гвоздики» (67). Въ 1814 г., обѣдая у Новосильцева, графиня имѣла на себѣ «лиловое газовое платье, затканное лиловыми же лентами и широкими блондами, а на головѣ гирлянду изъ виноградныхъ листьевъ и гроздій» (160). Когда, незадолго до смерти Александра, графиня пріѣхала въ Петербургъ, то привезла съ собою «нѣсколько хорошихъ платьевъ, между прочимъ, одно тюлевое съ нашитыми васильками, прекрасное бѣлое блондовое платье, шитое золотомъ и серебромъ, и нѣсколько кусковъ матеріи, а также шляпы и цвѣты» (207).

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы прелестная графиня только о своихъ туалетахъ и помышляла. Нѣтъ, она и о чужихъ сообщаетъ и даже съ нѣкоторымъ критическимъ взглядомъ. Такъ она объясняетъ, что мундиръ больше шелъ къ императору Александру, чѣмъ сюртукъ, и въ этомъ же направленіи обсуждаетъ Наполеона. При этомъ она обнаруживаетъ тѣмъ большее политическое и національное безпристрастіе, что и по самому положенію своему есть вполне международная дама. Полька по рожденію, но русская подданная (за исключеніемъ времени существованія герцогства Варшавскаго), она, будучи замужемъ за французомъ, признавала своими государями и Александра, и Наполеона, и Людовика XVIII и отъ всѣхъ отъ нихъ получала или рассчитывала получать великія и богатыя милости. Впрочемъ, на первомъ планѣ для нея стоитъ все-таки императоръ Александръ, передъ которымъ она благоговѣетъ. Вотъ сочиненная ею молитва: «Боже! прими Александра подъ свой покровъ! Да поддержи его промыслъ Твой силою своею въ сраженіяхъ и мудростію въ совѣтахъ. Сохрани умъ его отъ опьянѣнія славою, столь погубной для монарховъ и вредной для счастья народовъ; просвѣти его свѣтомъ Твоимъ въ дѣлахъ, творимыхъ во имя Твое, и содержи сердце его во всемогущихъ Твоихъ рукахъ» (120). Однако, и Наполеонъ въ своемъ родѣ великъ и милъ сердцу междуна-

родной дамы. Она никогда не могла простить англичанамъ Ватерлооской побѣды и таки нашла случай отомстить. Она сама объ этомъ рассказываетъ: «Находясь во время первой всемірной выставки въ Лондонѣ, я попала въ оперѣ въ страшную толпу и, проталкиваясь среди ея, находила особенное удовольствіе слегка боксировать въ красныя спины военныхъ, приговаривая: «здравствуй, Ватерлоо!» Одинъ изъ этихъ раковъ, молодой мальчикъ, блѣдный и розовый, какъ дѣвочка, помиралъ со смѣху отъ моего удара. Я знаю, что это было болѣе, чѣмъ глупо и неприлично, но я въ ту минуту не владела собой; мнѣ казалась, что я привидѣніе, одинъ изъ воскресшихъ убитыхъ подѣ Ватерлоо, желавшій отомстить обиду, нанесенную его націи и ея герою, до той поры непоколебимому по волѣ слѣпой и непостоянной судьбы. Еслибы я могла, то, кажется, уничтожила бы все тутъ собравшееся британское общество, исключая прелестныхъ дамъ и барышень съ тоненькими таліями, развѣвавшимися локонами и сливочнымъ цвѣтомъ лица» (137). Таковы гнѣвъ и месть истинно международной дамы, не знающей предѣловъ для своей преданности. Она была бы столь же предана и Людовику XVIII, еслибы тотъ обнаружилъ, принимая ее, хотя мало мальскую любезность. Но такъ какъ Людовикъ ровно никакой любезности не обнаружилъ, то она только «притворилась растроганною» и сказала: «Ваше величество, извините мнѣ мое смущеніе, оно произошло отъ того, что я нахожусь въ присутствіи моего государя» (175).

У Людовика XVIII прелестная графиня была затѣмъ, чтобы выпросить пособіе своему мужу, перу Франціи, и собственно въ этихъ видахъ она и «притворилась растроганною». Что же касается ея безкорыстія, то оно наилучше характеризуется слѣдующимъ наивнымъ, какъ лепетъ младенца, разговоромъ графини. По случаю крестинъ ея сына, императоръ Александръ (котораго она звала въ крестные отцы) прислалъ ей аграфъ, осыпанный брильянтами и рубинами. «Я не хотѣла принять его, ссылаясь на забывчивость (?) Александра. Генералъ Уваровъ въ свою очередь отказывался везти подарокъ назадъ. Мой мужъ *пресѣкъ всякое затрудненіе*: такъ какъ мы были безъ денегъ, то онъ предложилъ возвратить эту вещь въ кабинетъ его величества, гдѣ ее приняли и выдали мнѣ за нее деньгами съ малой потерей (500 фр. на 6,000 фр.)» (220). Прекрасный и главное очень простой способъ «пресѣкать затрудненія»: генералъ Уваровъ удовлетворень, потому что ему не пришлось везти подарокъ назадъ, но удовлетворена и графиня, потому что вѣдь она не взяла подарка!

Говоря серьезно, что въ настоящемъ случаѣ довольно мудро, графиня Шуазель-Гуфье, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ обнаруживаетъ «національныя и политическія пристрастія» въ томъ смыслѣ, о которомъ говорятъ издатели, то есть польскія пристрастія. Но дѣлаетъ она это до такой степени забавно, имѣетъ при этомъ до такой степени перкалевый съ кружевами или блон-

довый съ бургиньонами видѣ, что невольно изумляешься оговоркѣ издателей. То графиня съ восторгомъ «совнаетъ себя полькой», глядя на польскихъ улановъ «въ прелестныхъ мундирахъ со значками изъ польскихъ цвѣтовъ» (46). А то вторгается въ область политическихъ соображеній и упрекаетъ Наполеона за то, что онъ не возстановилъ Польши на обломкахъ Австріи и Пруссіи и съ урѣзаниемъ отчасти Россіи. Но серьезнѣйшимъ пренятствіемъ для воссозданія Польши представляется ей бракъ Наполеона съ Маріей - Луизой: бракъ этотъ связалъ Наполеона съ Австріей. «О, какъ выиѣшній Наполеонъ (то есть третій) понялъ лучше того и политическія выгоды и свое собственное счастье, избравъ въ супруги такую благородную и прелестную женщину!» (то есть Евгенію Монтихо). Вотъ по истинѣ простое перкалевое соображеніе, отдѣланное кружевными вышивками à la-Mathilde!

Но графиня Шуазель-Гуфье не только имѣетъ чрезвычайно опредѣленные политическія убѣжденія: она совершила, правда только разъ въ жизни, истинно политическое дѣяніе. Состояло оно въ томъ, что графиня, представляясь Наполеону, надѣла брильянтовый фрейлинскій шифръ, пожалованный ей Александромъ. Всѣ вредупреждали ее, что Наполеону это не понравится, но она съ твердостью заявила, что не сниметъ шифра, «пока не узнаетъ воли Наполеона». Таковая твердость получила достойное вознагражденіе. Наполеонъ ничего преступнаго въ шифръ не усмотрѣлъ и, мало того, графиня попала съ тѣхъ поръ въ геронию. Кутузовъ, Поццо ди-Борго, Капо д'Истрія и многіе, многіе другіе говорили о ней: вотъ женщина, не снявшая шифра передъ Наполеономъ! Поццо ди-Борго даже историческимъ лицомъ ее назвалъ. Какое бы ни было, однако, этотъ подвигъ самъ по себѣ, онъ имѣетъ довольно отдаленное отношеніе къ «польскимъ интересамъ и сочувствіямъ», съ точки зрѣнія которыхъ, по мнѣнію издателей, графиня Шуазель-Гуфье смотритъ на вещи. Является даже вопросъ, гораздо болѣе любопытный, чѣмъ всѣ перкалевыя воспоминанія блондовой международной дамы: зачѣмъ понадобилось издателю дѣлать оговорку относительно политическихъ и національныхъ пристрастій графини Шуазель-Гуфье? откуда эта боязнь политической мысли, этотъ трепетъ даже за перкалевыя сочувствія? Отвѣта надо искать во всемъ современномъ состояніи русской литературы. Недавно одна газета серьезнѣйшимъ образомъ восклицала: отечество въ опасности! Нѣмцы у Динабурга! Та же газета, по поводу открытія новаго каменнаго моста черезъ Неву, опять-таки чрезвычайно серьезно, а не на смѣхъ, заговорила о стратегическомъ значеніи этого моста, который, дескать, сослужитъ хорошую службу, если Финляндія будетъ упорствовать въ желаніи остаться при своихъ учрежденіяхъ и при своей автономіи. Въ виду этого, издатели, пожалуй, и правы въ своемъ трепетѣ за перкалевыя сочувствія и крепковыя тенденціи графини Шуазель-Гуфье... О, русская ли-

тература, «уже за Шеломянемъ еси!» Именно за Шеломянемъ, въ той области вещей безъ названія, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ дикихъ, ошеломляющихъ эффектовъ!

Должно, однако, все-таки сказать, что русская литература ни мало не обѣдѣла бы, еслибы воспоминанія графини Шуазель-Гуфье остались непереуведенными.

Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. Составилъ баронъ Н. А. Корфъ. Спб. 1879.

Вопросы народнаго образованія тѣсно связаны со всею наличностью экономическихъ, социальныхъ и политическихъ условий. Голыя статистическія свѣдѣнія относительно числа школъ и учащихся, состава предметовъ, проходимыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, распредѣленія этихъ предметовъ по часамъ, все это не даетъ еще намъ права утверждать, что мы знаемъ положеніе образованія въ какой либо странѣ. Цифры необходимы, какъ остовъ систематическаго изслѣдованія извѣстной группы явленій, но, оторванные отъ условий общественной жизни въ ея цѣломъ, онѣ получаютъ характеръ случайныхъ величинъ и стало быть не даютъ матеріала для правильныхъ обобщеній. Нужно показать, какими условіями общественной жизни вызывается тотъ или другой рядъ цифръ, нужно вдвинуть статистическую единицу въ ея среду, нужно, словомъ, остовъ цифръ одѣть плотью и кровью данныхъ общественныхъ условий. По этому степень годности книги, подводящей чему либо «итоги», кромѣ вѣрности статистическихъ данныхъ, зависитъ еще и отъ того, насколько цифры, надъ которыми оперируетъ авторъ, принимаютъ для читателя видъ величинъ не случайныхъ, а необходимыхъ, т. е. насколько онѣ сопровождаются параллельными указаніями на весь характеръ общественной жизни.

Съ этой точки зрѣнія надо смотрѣть и на «Итоги» г. Корфа. Книга эта представляетъ довольно подробный отчетъ о педагогическомъ отдѣлѣ Россіи, Франціи, Бельгіи и Голландіи съ Люксембургомъ на Парижской выставкѣ 1878 г. Начинается она описаніемъ выставки въ ея цѣломъ. Приемъ этотъ очень хорошъ, но нельзя того же сказать о разсужденіяхъ на этотъ счетъ самого автора. «Такой приемъ, говоритъ онъ:—тѣмъ болѣе у мѣста, что самая промышленность, какъ добывающая сырые матеріалы, такъ и мануфактурная, есть въ сущности результатъ труда и капитала, созданныхъ знаніемъ, системой обученія и воспитанія, и не даромъ Россія, занимающая *последнее* мѣсто въ Европѣ въ дѣлѣ народнаго образованія, даетъ и *наименьшій* средній урожай пшеницы на благодатной почвѣ, не говоря уже о томъ, что наша фабричная промышленность не выдерживаетъ конкуренціи съ иностранною» (4). Справедливо, что между знаніемъ или пожеланіемъ «системой обученія и воспитанія» и высотою промышленнаго развитія есть извѣстная связь, но чтобы связь эта имѣла тотъ именно причинный характеръ, какъ думаетъ бар. Корфъ, въ этомъ можно сомнѣваться. Не касаясь странной идеи системы

воспитанія и обученія, создающей промышленность, мы найдемъ въ самихъ «Итогахъ» факты, противорѣчащiе мнѣнiю автора о причинной зависимости между объемомъ промышленности какой либо страны и высотой умственнаго развитiя народа въ ней. На стр. 66 читаемъ: «Изъ первоклассныхъ государствъ Европы только въ Россiи дѣло обученiя массы, т. е., народнаго образованiя въ настоящемъ смыслѣ этого слова, стоитъ ниже, чѣмъ во Францiи, а въ собственной Англiи и нѣмецкой части Австрiи, *не говоря уже о Германской имперiи*, народныхъ школъ и учащихся въ нихъ пропорционально болѣе, чѣмъ во Францiи». Если такимъ образомъ Германiя превосходитъ Францiю образованiемъ, то, съ точки зрѣнiя бар. Корфа, слѣдовало бы ожидать, что и въ промышленномъ отношенiи Германiя стоитъ выше Францiи. Однако, факты говорятъ противоположное и самъ авторъ на стр. 16 сообщаетъ, что Германiя отказалась принять участiе въ выставкѣ изъ опасенiя вступить въ состязанiе съ далеко превосходящею ее въ промышленномъ отношенiи Францiей». Значитъ общее положенiе, изъ котораго исходитъ г. Корфъ, нигуда не годится, и если почтенный авторъ и укажетъ на какiя-нибудь государства, параллельное сравненiе которыхъ въ состоянiи какъ будто дать точку опоры его положенiю, то мы напомнимъ ему, что *cum hoc* и *propter hoc* двѣ вещи разныя. Правда, что въ Англiи народное образованiе стоитъ выше, чѣмъ, напримѣръ, во Францiи; правда, что и промышленность англiйская развита сильнѣе французской. Не правда только то, что промышленность англiйская процвѣтаетъ *въ силу* болѣе высокаго уровня народнаго образованiя. Ставить въ причинную зависимость развитiе *народнаго* образованiя и *национальнаго* производства значитъ держаться той логики, которая выражена въ малороссiйской поговоркѣ объ арбузахъ въ огородѣ и о батькѣ въ Киевѣ. Естественная тенденцiя странъ, наиболѣе преуспѣвающихъ въ области индустрiи, наиболѣе характеризующихся горячечкой быстротой производства, состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно долѣе удерживать въ теченiе дня рабочихъ на фабрикѣ, приковывая ихъ къ процессу производства, и какъ можно меньше времени оставлять имъ для жизни внѣ фабрики. Вообще характеръ современной промышленности таковъ, что она развивается не въ силу расширенiя народнаго образованiя, а въ ущербъ ему. Во всякомъ случаѣ, вѣрнѣе взгляда г. Корфа была бы слѣдующая обратная формула: чѣмъ болѣе времени народъ посвящаетъ на усвоенiе образованiя и вообще на себя, тѣмъ, при современномъ строѣ общества, менѣе времени можетъ онъ удѣлять на производство, на расширенiе промышленности данной нацiи. Это ясно, какъ божiй день, и отрицать этотъ выводъ можно только тогда, когда рѣчь идетъ не о современныхъ формахъ производства, а объ иныхъ, о которыхъ ни г. Корфъ въ своей книжкѣ, ни мы въ своей замѣткѣ не говоримъ. Еслибы г. Корфъ понималъ такiя вещи, онъ безъ сомнѣнiя могъ бы логически доказать умѣтность

и достоинство того пути, по которому онъ пошелъ истинативно, начавши свой отчетъ съ описанія великолѣпной парижской выставки и за тѣмъ уже перейдя къ итогам народнаго образованія, поражающимъ своею мизерностью. Но чтобы рѣшить противорѣчье между громадностью успѣховъ европейской промышленности и относительно ничтожностью европейскаго образованія, нужно имѣть нѣсколько большую привычку къ философскому мышленію, чѣмъ та, которую обнаруживаетъ бар. Корфъ.

Если такъ хромаютъ общія идеи автора относительно связи народнаго образованія съ другими общественными элементами, то мы вправѣ искать въ «Итогахъ» только болѣе или менѣе интереснѣхъ частныхъ замѣчаній. Такия есть.

Высокое промышленное развитіе отнюдь не говоритъ о соотвѣтственной высотѣ народнаго образованія. Но изъ этого не слѣдуетъ, разумѣется, чтобы промышленная бѣдность не могла идти рука объ руку съ бѣдностью образованія. Прекраснымъ образчикомъ можетъ служить наше обширное отечество. Баронъ Корфъ составилъ слѣдующую таблицу о числѣ учащихся въ *начальныхъ* училищахъ. Онъ намѣренно не ввелъ въ эту таблицу ни одного европейскаго государства, кромѣ Сербіи (и Россіи, разумѣется), а изъ сѣверо-американскихъ взялъ только «крайне мало просвѣщенную» Мексику.

НАЗВАНІЯ:	Число жителей.	Число учащихся.	На 100 жит. приходится учащихся.
Викторія (Австралія)	820,000	239,000	29,14
Новый Валлисъ (Австралія)	600,000	105,000	17,5
Сандвичевы острова	60,000	7,755	12,92
Тасманія	105,000	13,000	12,38
Ямайка	507,000	44,000	8,67
Аргентинская республика	1.900,000	113,000	5,94
Японія	34.000,000	2,000,000	5,88
Мексика	9.200,000	350,000	3,80
Новая Зеландія	300,000	9,000	3
Египеть безъ Нубіи и Абиссинія	5.300,000	90,000	1,69
Сербія	1.400,000	23,000	1,64
Бразилія	12.000,000	188,000	1,56
Европейская Россія	76.000,000	1.500,000	1,09

Какъ видите, русскій народъ есть наименѣе просвѣщенный даже въ ряду такихъ другихъ народовъ, которые тоже не хватаютъ звѣздъ съ образовательнаго неба.

Естественно, что, не отличаясь особыми доблестями въ дѣлѣ народнаго образованія, мы не могли проявить ихъ и на педагогическомъ отдѣлѣ парижской выставки. Важно, впрочемъ, что на выставкѣ 1878 г. впервые участвовало наше министерство народнаго просвѣщенія, такъ какъ на трехъ предъидущихъ выставкахъ, начиная съ 1867 г., когда педагогическій отдѣлъ въ

первый разъ вошелъ въ составъ международныхъ выставокъ, русскими экспонентами являлись или исключительно частныя лица, или, кромѣ того, какъ это было на филладельфійской выставкѣ, военное вѣдомство. Какъ ни трудно это понять, но иностранцы впервые познакомились съ положеніемъ педагогическаго дѣла въ Россіи, благодаря такому учрежденію, специальность котораго составляетъ собственно, выражаясь словами Пушкина, «бранная утѣха», а не мирный уголокъ школьной жизни. Съ американцами, писавшими по поводу нашего педагогическаго отдѣла въ Филадельфій, который былъ представленъ исключительно «педагогическимъ музеемъ», принадлежащимъ военному вѣдомству, вышло по этому поводу маленькое qui-pro-quo. «Американцы, находя, что богатство «педагогическаго музея» представляетъ «едва постижимые» успѣхи Россіи въ дѣлѣ обученія и объясняя ихъ себѣ, какъ результатъ освобожденія крестьянъ, тяжелыхъ уроковъ крымской войны и умственного движенія того времени, не придали никакого значенія тому, что они любовались педагогическимъ музеемъ *военнаго* вѣдомства, а не министерства просвѣщенія, и считали такъ мало вѣроятнымъ, чтобы военное вѣдомство могло олицетворять свои заботы о начальномъ обученіи въ составленіи замѣчательнаго по полнотѣ музея для нагляднаго обученія и чтобы въ тоже самое время министерство просвѣщенія могло нѣ заявить себя ничѣмъ въ пользу народной школы, что «педагогическій музей» они сочли, вопреки объяснительной брошюрѣ, музеемъ не военнаго вѣдомства, а «правительства», результатомъ попеченія государства о просвѣщенія массы». («Итоги», 30). Впавъ въ указанную авторомъ ошибку, американцы, однако, тутъ же сдѣлали вѣрное замѣчаніе, что они пребываютъ все-таки въ невѣденіи, такъ какъ, дескать, казовый и оборотный концы предмета — вещи не совѣмъ тождественныя. Но нельзя сказать, чтобы и на парижской выставкѣ иностранцы получили болѣе или менѣе ясное понятіе о русской народной школѣ. Наше министерство просвѣщенія почему-то нелюбо не представило народной школы «наглядно, въ видѣ способовъ и результатовъ обученія», но не сообщило даже никакихъ статистическихъ таблицъ по отдѣлу собственно народнаго образованія. Для ознакомленія съ народной школой пришлось довольствоваться лишь нѣсколькими уставами, учебными росписаніями, да планами. Была, впрочемъ, издава министерствомъ «весьма интересная», какъ сообщаетъ г. Корфъ, брошюра на французскомъ языкѣ, изъ которой можно было почерпнуть дополнительныя свѣдѣнія. Но баронъ Корфъ сообщаетъ, что изъ 45-ти страницъ брошюры только четыре посвящены народной школѣ. Всѣхъ экспонентовъ по начальному обученію наша великая и обильная страна представила только двѣнадцать, да изъ того числа собственно Россія послала лишь пять, считая въ томъ числѣ министерство просвѣщенія и комитетъ грамотности, а большинство принадлежитъ Финляндіи и Польшѣ. Впрочемъ, въ число экспо-

нентовъ по начальному обученію не вошелъ «почему-то», тотъ самый «педагогическій музей», который заставилъ своими достоинствами впасть самихъ сметливыхъ яки въ курьезную ошибку, рассказанную авторомъ. Наибольше пріятное впечатлѣніе произвѣдила на русскомъ педагогическомъ отдѣлѣ Финляндія. Оно и не удивительно, такъ какъ и само народное образованіе стоитъ въ Финляндіи неизмѣримо выше, чѣмъ въ собственно Россіи: «въ 35-ти городахъ Финляндіи съ 148,000 жителей, въ сложности, существуетъ 64 низшихъ и 65 высшихъ, а всего 129 общественныхъ начальныхъ училищъ; по этому разсчету пришлось бы устроить въ Петербургѣ на 666,960 жителей ни болѣе, ни менѣе, какъ 580 общественныхъ училищъ!» (44).

Въ другихъ главахъ небольшой книжки барона Корфа читатель найдетъ не безъинтересныя замѣчанія о возрожденіи школьнаго дѣла во Франціи со времени паденія второй имперіи, свѣдѣнія о народномъ образованіи въ Бельгіи и Голландіи. Книжка оканчивается горячимъ, но нѣсколько неожиданнымъ и страннымъ призывомъ «понять, что настало время во всѣхъ церквяхъ выставить кружки для сбора по грошу въ пользу народной школы, и въ эту кружку народъ охотно опуститъ свою лепту». Ну, Богъ знаетъ!..

Н. А. Лавровскій. Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832). Кіевъ 1879.

Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ представляла собою учебное заведеніе весьма своеобразнаго характера. Мысль объ ея учрежденіи относится еще къ первому — просвѣтительному періоду царствованія императора Александра, хотя осуществленіе свое мысль эта получила въ 1820 г. Кругъ преподаванія въ «гимназіи высшихъ наукъ» долженъ былъ представлять собою полный общеобразовательный, энциклопедическій кругъ знаній, начиная съ элементарныхъ, въ низшихъ и классахъ кончая высшими предметами университетскаго преподаванія въ старшихъ. Гимназія была заведеніемъ полузакрытымъ: главное ядро ея составлялъ пансіонъ, но кромѣ того были и приходящіе ученики. И пансіонеры и приходящіе были подчинены строгой дисциплинѣ и надзору особыхъ «нравонаблюдателей»; при этомъ большой разницы между меньшими учениками и старшими, слушавшими университетскіе предметы, не полагалось; и тѣ и другіе могли быть подвергаемы даже тѣлесному наказанію. Правда, по свидѣтельству директора заведенія, Ясновскаго (1830 г.), наказанія эти употреблялись рѣдко: «для малолѣтнихъ за крайнюю лѣность и опасныя шалости; для взрослыхъ за бродяжничество по ночамъ, буянства, карточную игру и питье; для всѣхъ же возрастовъ за непослушаніе и грубость» (стр. 121). Гимназія просуществовала въ своемъ первоначальномъ видѣ до 1832 г. Съ этого времени она была преобразована изъ заведенія общеобразовательнаго въ специальное физико-математическое. Впослѣдствіи она испытала еще нѣсколько измѣненій, пока наконецъ,

не превратилось въ послѣднее время въ филологическій институтъ.

Книга г. Лавровскаго посвящена собственно первому періоду существованія гимназій, отъ 1820 по 1832 г. Книга эта написана къ юбилею императора Александра I. Юбилейное происхождение не осталось безъ нѣкотораго вліянія на самый характеръ книги: изложенеіе г. Лавровскаго отличается извѣстною officialностью и крайнею сдержанностью; онъ возможно мягко останавливается на разныхъ темныхъ сторонахъ изслѣдуемой эпохи. Но, какъ бы то ни было, трудъ г. Лавровскаго все-таки добросовѣстный и обстоятельный. Онъ основанъ, главнымъ образомъ, на архивныхъ документахъ и содержитъ много интересныхъ данныхъ, какъ для характеристики самаго заведенія, такъ и вообще для исторіи русскаго просвѣщенія въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I и въ первые годы слѣдующаго царствованія. Время это, какъ извѣстно, было не особенно благопріятно для «высшихъ наукъ». Реакція противъ направленія первой половины царствованія Александра, господствовавшая въ двадцатыхъ годахъ, весьма тяжело отражалась на судьбахъ школы, особенно высшей. Недовѣрчивость и подозрительность, преобладавшія въ правящихъ сферахъ, эксплуатировались разными темными личностями «охранительнаго» лагеря для цѣлей очень низменнаго характера. Отсюда — рядъ гоненій на науку, рядъ такъ называемыхъ «университетскихъ исторій», въ результатѣ которыхъ понизившихъ общій уровень преподаванія, но и лишившихъ школу, вообще не богатую цѣнными силами, многихъ полезныхъ дѣятелей. Нѣжинская «гимназія высшихъ наукъ» не избѣжала общей участи. Уже въ первомъ періодѣ ея существованія мы встрѣчаемся съ такъ называемою исторіей «о вольнодумствѣ». Исторія эта, по характеру своему, совершенно однородна съ извѣстными исторіями въ с.-петербургскомъ и харьковскомъ университетахъ, такъ что, по справедливому замѣчанію г. Лавровскаго — ее можно считать только отдѣльнымъ эпизодомъ общей университетской исторіи о пресловутомъ вольнодумствѣ профессоръ, обличаеомъ ревнителями просвѣщенія въ родѣ Магницкаго, Рунича и другихъ.

До сихъ поръ «нѣжинская исторія» была весьма мало извѣстна и только въ книгѣ г. Лавровскаго всѣ обстоятельства этой исторіи выступаютъ на свѣтъ. Такъ какъ факты, сообщаемые г. Лавровскимъ, до сихъ поръ еще имѣютъ интересъ болѣе чѣмъ историческій, то мы позволимъ себѣ познакомить съ ними читателей, насколько дадутъ возможность предѣлы библиографической замітки.

Сущность «исторіи» весьма несложна. Профессора нѣжинской гимназій раздѣлялись на нѣсколько группъ, относившихся другъ къ другу далеко не дружелюбно. Одна изъ этихъ группъ, отличавшаяся «охранительными» тенденціями, пустила, наконецъ, въ ходъ доносъ и обвиненіе въ «вольнодумствѣ» и вредномъ

вляніи на учениковъ. Началось разслѣдованіе, не выходящее сперва изъ стѣнъ заведенія; затѣмъ въ дѣло вмѣшались высшія власти, и оно покончилось увольненіемъ и высылкою четырехъ профессоровъ, заподозрѣнныхъ въ «вольнодумствѣ». Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всей этой исторіи со стороны обвиненія является австрійскій выходець Билевичъ, профессоръ политическихъ наукъ, а со стороны обвиняемой — Бѣлоусовъ, профессоръ естественнаго права и инспекторъ гимназическаго пансіона. Впослѣдствіе обвиненіе въ «вольнодумствѣ» распространилось еще на трехъ преподавателей: Зингера (нѣмецкой словесности), Ландражина (французской словесности) и Шапалинскаго (математики). Г. Лавровскій вообще довольно скупъ на характеристика личностей, выступающихъ въ его разсказѣ, но, судя по всему, нѣжинскіе «вольнодумцы» далеко не принадлежали къ числу крайнихъ даже для того времени. Такъ, наприимѣръ, Бѣлоусовъ, наиболѣе инкриминированный изъ всѣхъ ихъ, считалъ даже предосудительнымъ для учениковъ чтеніе *Пушкина*: при опредѣленіи въ должность инспектора, жалуюсь конференціи на распущенность пансіонеровъ, онъ указывалъ, между прочимъ, что ученики «читаютъ книги, неприличныя для ихъ возраста, держатъ у себя сочиненія Александра Пушкина и другихъ подобныхъ». Какъ бы то ни было, въ маѣ 1827 г., Билевичъ подалъ въ конференцію донесеніе, въ которомъ объяснялъ, что онъ «принимать въ нѣкоторыхъ ученикахъ нѣкоторыя основанія вольнодумства, происходившія отъ заблужденія въ основаніяхъ права естественнаго, которое вопреки предписанію попечителя читается не по системѣ де-Мартини, а по основаніямъ философіи Канта и Шада» (стр. 95). Бѣлоусовъ отвѣчалъ, что обвиненіе это ложное и обличаетъ только невѣжество Билевича, въ доказательство же, что курсъ его не отстаетъ отъ предписаннаго руководства, представилъ ученическія записки, составленныя съ его словъ. Билевичъ, съ своей стороны, тоже представилъ два экземпляра записокъ, объясняя, что записки, поданныя Бѣлоусовымъ, не подлинныя, а исправленныя имъ послѣ. И тѣ и другія записки переданы были на конференцію законоучителю гимназіи Волинскому для разсмотрѣнія, нѣтъ ли въ нихъ чего противнаго православному вѣрью.

Отъ протоіерей дѣйствительно нашелъ въ запискахъ адъ. По его мнѣнію, многія наставленія, преподаваемые Билевичемъ «въ классической наукѣ естественнаго права», являются «цѣли воспитанія юношей несоотвѣтственными и съ самымъ благочестіемъ несообразными», тѣмъ паче — прибавляетъ онъ. Волинскій — «что въ оной, врученной мнѣ для пересмотрѣнія тетрадекъ между правилами нигдѣ не было преподано о должностяхъ къ Богу, къ родителямъ, къ наставнику, къ начальству и вообще къ ближнему, даже къ самому себѣ». Г. Лавровскій подробно знакомитъ насъ съ сущностью замѣчаній протоіеря Волинскаго: по большей части, это простыя придирки и пристрастныя истолкованія положеній весьма невиннаго характера.

Возникла длинная полемика: Бѣлоусовъ и Билевичъ подавали по очереди рапорты въ конференцію. Около полугода, во время исправленія директорскихъ обязанностей Шападинскимъ, державшимъ сторону Бѣлоусова, дѣло не выходило изъ конференціи, но съ прибытіемъ новаго директора Ясновскаго, оно получило болѣе серьёзный оборотъ. По предписанію попечителя, отъ учениковъ были отобраны тетрадки естественнаго права и затѣмъ въ конференціи произведенъ былъ допросъ всѣхъ учениковъ Бѣлоусова, съ цѣлью выяснитъ, насколько тетрадки эти писаны съ его словъ и что прибавлено самими слушателями. Показанія учениковъ вообще были довольно благопріятны для Бѣлоусова. Въ числѣ другихъ сохранились показанія Гоголя и Кукольника, бывшихъ въ то время въ старшихъ классахъ гимназіи. Показаніе Гоголя очень коротко и только подтверждаетъ одинъ пунктъ въ показаніяхъ Кукольника; Кукольникъ же игралъ видную роль во всей исторіи. Очевидно, желая выгородить Бѣлоусова, онъ показалъ, что отобранныя у него тетради суть матеріалъ для диссертациі по естественному праву и только отчасти составлены имъ по лекціямъ Бѣлоусова, преимущественно же на основаніи различныхъ прочитанныхъ имъ книгъ, между которыми онъ назвалъ Руссо, Вольтера, Монтескьё, Контэ и пр. Допросомъ учениковъ прервалось на время слѣдствіе и было препровождено высшему начальству. Но исторія разыгрывалась далѣе. Новый директоръ Яновскій явно сталъ на сторону враговъ Бѣлоусова. Кромѣ обвиненія въ «вольгодумствѣ», противъ Бѣлоусова выдвинуто было еще ранѣе и другое—въ распущенности пансіона, котораго онъ былъ главнымъ руководителемъ. Обвиненіе это нашло сильную поддержку со стороны новаго директора. На конференціи возбужденъ былъ вопросъ о мѣрахъ къ «ускромленію пансіона». Билевичъ и директоръ предложили при этомъ тѣлесное наказаніе. Были ли дѣйствительно пущены въ ходъ мѣры «ускромленія» и какія именно—неизвѣстно, но, какъ бы то ни было, ученики, въ особенности выпускные предъ экзаменами, мало по малу начали отступать отъ первоначальныхъ, благопріятныхъ для Бѣлоусова показаній. Отказался отъ своего показанія и Кукольникъ, подъ вліяніемъ увѣщаній брата своего Платона, бывшаго учителя латинскаго языка въ нѣжинской гимназіи¹. Такое раскаяніе, однако, не помогло и Кукольникъ до-

¹ Любопытно, что этотъ Платонъ Кукольникъ, направившій теперь своего брата на путь истины, самъ въ свое время обвинялся въ вольгодумствѣ. Въ книгѣ г. Лавровскаго мы находимъ, между прочимъ (стр. 15) выписку изъ донесенія правленія попечителю, съ жалобой на Кукольника, что онъ, «войдя въ видѣ нѣкоего свободнаго франта въ сборный залъ воспитанниковъ въ утреннее предъ литургіей время, когда они, по установленному порядку, выслушавъ въ половинѣ 8-го часа чтеніе изъ новаго завѣта, готовились идти къ литургіи, взявъ книгу завѣта, сталъ декламировать со всѣми актерскими жестами, дерзнувъ даже дѣлать политическія изъясненія на текстѣ, каковое изъясненіе и въ простомъ смыслѣ совершенно воспрещено при ономъ чтеніи и самими учителями».

рого заплатился за свое увлеченіе. Несмотря на блестяще выдержанный экзаменъ и представленіе конференціи, министръ народнаго просвѣщенія лишилъ Кукольника слѣдовавшаго ему при окончаніи курса чина; ему было просто выдано свидѣтельство, что онъ обучался такимъ-то наукамъ. Кромѣ Бѣлоусова, во вторичныхъ показаніяхъ учениковъ оговаривались въ «вольнодумствѣ» и ближайшіе его сторонники, Зингеръ и Ландражинъ. Про перваго ученикъ Котляревскій показывалъ, что, «переводя въ классѣ статью Канта «о высокомъ и низкомъ», онъ выражался пренебрежительно «о ношеніи крестовъ на тѣлѣ, а также о значеніи присяги» и что вообще «Зингеръ часто замѣнялъ лекціи разсужденіями политическими, хотя со времени пріѣзда новаго директора пересталъ это дѣлать». Относительно Ландражина было показано, что онъ «раздавалъ ученикамъ разныя книги для чтенія: сочиненія Вольтера, Гельвеція, Монтескье, Локка, Филоконнери, Грекура и Пирона; что Кукольникъ на лекціяхъ дѣлалъ выписки изъ книги Филоконнери въ тетрадь, на главномъ листѣ которой написано: «Ботаника»; что, когда Ландражинъ предоставлялъ однажды ученикамъ переводить на французскій языкъ стихи по ихъ собственному выбору, ученикъ Змиевъ перевелъ стихи Кондратія Рылѣва, «касающіеся до призыванія къ свободѣ» (стр. 113).

Въ февралѣ 1830 года, прибылъ, наконецъ, изъ Петербурга для секретнаго слѣдствія по этому дѣлу и для обревизованія гимназіи во всѣхъ ея частяхъ командированный министромъ, членъ главнаго правленія, Адеркасъ. Слѣдствіе это повернулось въ очень неблагоприятную сторону для Бѣлоусова и его соотварщицы; отчасти благодаря настоячивымъ обвиненіямъ, которыя предъявлялъ директоръ. Уѣзжая, Адеркасъ конфиденціально потребовалъ отъ директора свѣдѣній «о состояніи имущества и семейственныхъ обстоятельствъ» четырехъ обвиняемыхъ профессоровъ; а въ октябрѣ 1830 г. четыре профессора были отрѣшены отъ должности, при чемъ велѣно было «тѣхъ изъ нихъ, кои не русскіе, выслать за границу, а русскихъ—на мѣста ихъ родины, отдавъ подъ присмотръ полиціи.»

«Едва ли можно сомнѣваться, говорить г. Лавровскій: — что исторія эта, поглотившая совершенно неприводительно столько труда и времени, надѣлавшая столько шума, тревогъ и волненій, въ дѣйствительности вовсе не имѣла тѣхъ размѣровъ и того вида, какіе она получила впоследствии въ процессѣ своего развитія». Возникши первоначально изъ личныхъ и мелкихъ неудовольствій, она поддерживалась, возбуждалась и возрастала подъ вліяніемъ съ одной стороны все болѣе и болѣе оскорбляемаго самолюбія, искавшаго себѣ во что бы то ни стало удовлетворенія, и все болѣе и болѣе усилившихся самонадѣянности и заносчивости—съ другой» (стр. 129). Все это справедливо; но, кромѣ непосредственныхъ, ближайшихъ поводовъ и причинъ нѣжинской исторіи, нельзя упускать изъ виду и другихъ причинъ

болѣе общаго характера. Мы говоримъ о той общей реакціи учебнаго дѣла, которая царила въ 20—30 годахъ и, благодаря которой, взаимныя пререканія профессоровъ приняли форму обвиненія въ политической неблагонадежности. Разсматриваемая съ этой стороны, какъ одно изъ проявленій общаго реакціоннаго направленія эпохи, нѣжинская исторія особенно поучительна. Она показываетъ намъ, до какой степени условными и шаткими являются въ подобныя эпохи самыя понятія о благонамѣренности и вольнодумствѣ, и какъ трудно бываетъ удовлетворить «охранительному» ражу, подъ которымъ скрываются нерѣдко очень неблаговидныя тенденціи. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть невиннѣе этой несчастной нѣжинской гимназіи, на которую обрушилось столько громовъ. Читая въ книгѣ г. Лавровскаго описаніе различныхъ проявленій гимназической жизни въ Нѣжинѣ и знакомясь съ порядками заведеній, которыя даже г. Любимову показались бы, вѣроятно, образцомъ благоустройства и благочинія—какъ-то странно представить себѣ, что это заведеніе въ сущности—гнѣздо вольнодумства. Сопоставьте, напримѣръ, съ такою характеристикой гимназіи хотя бы нижеслѣдующую идиллическую картину публичнаго испытанія въ наукахъ и искусствахъ, происходившаго въ самый разгаръ исторіи о вольнодумствѣ, и въ которомъ играли роль и нѣкоторые «вольнодумцы». Вотъ программа испытанія въ искусствахъ: «1, увертюра на фортепіано съ оркестромъ; 2, прелюдія тоже на фортепіано съ оркестромъ; 3, гимнъ его императорскому величеству, сочиненный пансіонеромъ Кукольниковъ, пропѣтъ имъ же подъ фортепіано; музыка сочинена учителемъ Севрюгинымъ; 4, музыка и французская кадрили, танцовали пансіонеры и вольноприходящіе ученики; 5, мазурка съ тамбуриномъ, танцовалъ пансіонеръ Пузыревскій; 6, хоръ съ музыкой въ честь его императорскаго величества; въ сіе время двое изъ малолѣтнихъ воспитанниковъ подносили цвѣты почетнымъ посѣтителямъ; 7, танецъ матлотъ, танцовали пансіонеры Пузыревскій и Данилевскій 1-й; 8, особый танецъ съ тамбуриномъ» и т. д. (стр. 56, прим.)

Не безынтереснымъ представляется вопросъ: что еслибы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нашего времени установился режимъ нѣжинской гимназіи «высшихъ наукъ» и выпускные студенты танцовали бы на публичныхъ атакъ съ тамбуриномъ, а профессора декламировали оды, удовлетворились ли бы ревнители московскаго лагеря? Основываясь на примѣрахъ прошлаго, въ этомъ можно сильно усомниться. Гораздо вѣроятнѣе предположить (вѣдь и консерватизмъ прогрессируетъ), что въ самомъ «матлотѣ» были бы усмотрѣны намеки на англійскіе конституціонные порядки, а въ полонезѣ — вліяніе польской коварной интриги.

Р. М. Зотовъ. Последній потомокъ Чингисъ-Хана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1880.

Историческіе романы, повидимому, намѣрены окончателно

заполнить нашу литературу. Запросъ на историческую беллетристику или беллетристическую исторію оказывается до того смелымъ, что современные романисты наши, несмотря на все свое усердіе, не въ силахъ удовлетворять ему и издателямъ приходится обращаться къ прежнимъ писателямъ, какъ обратился книгопродавецъ Тузовъ къ посмертному роману Зотова. Если дѣло и дальше пойдетъ такимъ же образомъ, мы доживемъ, быть можетъ, до новаго изданія «Тайнаго монаха», «Леонидъ или русскіе въ 1812 году» и тому подобныхъ «историческихъ романовъ», давно ставшихъ притчею во языцѣхъ, но, по нынѣшнему времени, оказывающихся самымъ подходящимъ чтеніемъ.

Оно и естественно. Уже если приходится «годить», то лучше дѣлать это, занимаясь чтеніемъ историческихъ романовъ, хотя бы то и фабрикаціи Зотова, нежели посвящая свои безконечныя досуги набиванію папиромъ, какъ это дѣлалъ Глузовъ. Мы думаемъ, поэтому, что издатель романа Зотова совершенно правъ, выражая въ предисловіи увѣренность, что «найдутся читатели, которыхъ заинтересуютъ правдивыя, хотя и странныя приключенія» героя романа, и совершенно не правъ, говоря, что «въ наше время, появленіе въ печати произведенія, лишеннаго всякой тенденціозности и не касающагося нисколько современной злобы дня, можетъ показаться анахронизмомъ». Какой же анахронизмъ? По нынѣшнему времени, «странныя приключенія» того или другого героя, хотя бы то англійскаго милорда Георга, составляютъ любимую умственную пищу читателей, и г. Тузовъ напрасно скромничаетъ и извиняется.

«Послѣдній потомокъ Чингисъ-хана», по правдѣ говоря, не далеко ушелъ отъ безсмертнаго произведенія Матвѣя Комарова, жителя города Москвы, какъ величаетъ себя авторъ «Георга». Самъ Зотовъ, по свидѣтельству издателя, считалъ этотъ романъ «лучшимъ произведеніемъ своимъ», но если это мнѣніе почтеннаго автора было и правильно, оно все-таки для романа рекомендаціей служить не можетъ. Романъ Зотова — столько же романъ, сколько біографія: «послѣдній потомокъ Чингисъ-хана», нѣкій князь Гиреевъ, являющійся героемъ повѣствованія — родной отецъ нашего автора, какъ сообщаетъ предисловіе. Изъ этого обстоятельства читатель, конечно, вправѣ заключить, что даже заглавіе романа не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и что «послѣдній потомокъ», оставившій послѣ себя, какъ видно изъ романа, многочисленное потомство, представляетъ собою довольно странное явленіе. Несмотря на то, что центромъ романа является князь Гиреевъ, интересъ романа — по крайней мѣрѣ историческій, а не беллетристическій интересъ — сосредоточивается на тѣхъ личностяхъ, съ которыми, по свидѣтельству автора, герою разсказа приходилось встрѣчаться. О самомъ героѣ можно сказать только, что онъ, повидимому, въ сорочкѣ родился. Все ему удается, вездѣ онъ преуспѣваетъ и всюду отличается. Онъ отличный офицеръ, идеальный «капитанъ исправникъ», несравнен-

ный губернёръ, превосходный дипломатъ, незамѣнимый интендантъ и, по свидѣтельству самого Наполеона, «не глупѣе» Талейрана (297). Въ амуриныхъ дѣлахъ, занимающихъ собою добрую часть романа, ему везетъ, если возможно, еще больше: это самый непродолимый сердцеѣдъ, съ полнымъ правомъ могущій сказать о себѣ, что онъ «обнималъ дѣвицы всѣхъ націй», начиная съ прелестныхъ роляистокъ Сень-Жермена и кончая дочерями (обѣими разомъ) содержателя гѣмцепаго постоялаго двора. По службѣ онъ «знаковъ тѣму отличья нахваталъ», при чемъ ни разу, но рѣшительно ни одного разу не покривилъ душою и приобрѣлъ капиталъ, вполне сохранивъ невинность—не тѣла, конечно (это противорѣчило бы не только его неукротимымъ, чисто азіятскимъ инстинктамъ, но, зачастую, и прямымъ служебнымъ обязанностямъ), а души и сердца. Правда, въ концѣ концовъ, онъ былъ жестоко поколоченъ однимъ изъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, но блистательно отомстил своему оскорбителю: онъ его зарѣзалъ. Въ заключеніе всего, онъ оказывается двоеженцемъ, что, впрочемъ, также не противорѣчитъ ни азіятскимъ правамъ, ни азіятскимъ обычаямъ.

Въ личности Гиреева сосредоточенъ романическій интересъ. А что касается собственно «исторіи», тѣхъ крупныхъ фактовъ и крупныхъ людей, которые составляли содержаніе той эпохи, то въ этомъ отношеніи романъ Зотова представляетъ собою явленіе еще болѣе замѣчательное. Впрочемъ, собственно факты, въ родѣ сраженій, свиданій, аудіенцій и т. д. изображены въ романѣ документально вѣрно, но личности, дѣятеля... «Къ чорту трезвость! я хочу быть пьянъ, чтобы всѣмъ вамъ сказать, что вы мокрыя курицы. Мы пьемъ здоровье будущаго императора, а вы трусите поздравить его. Европа не признаетъ! Да наплевать на нее! Франція хозяйка у себя дома, а если раздражить ее, она можетъ похозяйничать и у другихъ. Пусть другія поберегутся!» (297). Если читатель подумаетъ, что это говоритъ подгулявшій гусарскій подпоручикъ, онъ очень ошибется: это говоритъ тотъ самый дипломатъ, который утверждалъ, что языкъ намъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли — Талейранъ. Въ такомъ же, приблизительно, свѣтѣ изображены авторомъ и всѣ другіе историческіе персонажи и даже самъ Наполеонъ, который въ романѣ представленъ развеселымъ бражникомъ и охотникомъ до краснаго слова.

Такимъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ, напримѣръ, при описаніи различныхъ сраженій, авторъ могъ руководствоваться хотя бы то популярными историческими учебниками, онъ, положимъ, валь, скученъ, водянистъ, но, по крайней мѣрѣ, правдивъ. Но когда, по условіямъ и требованіямъ его задачи, ему приходится идти самостоятельнымъ путемъ, угадывать, на примѣръ, психію дѣйствовавшихъ лицъ, ихъ характеръ, ихъ внутреннюю сущность—тогда авторъ оказывается совершенно безпомощнымъ и безсильнымъ. Онъ не фальсифицируетъ, онъ просто-

душно ничего не понимаетъ. Въ концѣ-концовъ, прочтя это «лучшее произведеніе» Зотова, читатель не безъ раскаянія подумаетъ, что, быть можетъ, во всѣхъ отношеніяхъ было бы лучше, еслибы онъ употребилъ потраченное на чтеніе время хотя бы даже и на набиваніе папирсъ.

Мы, вы, они, онъ. Юмористическіе очерки и шаржи. *Вл. Михневича*. Спб 1879 г.

Авторъ очень справедливо назвалъ свои очерки «шаржами». Дѣйствительно, это рядъ фельетонныхъ каррикатуръ, которыя могутъ помочь невзыскательному читателю убить нѣсколько часовъ лишняго времени. Такова ихъ цѣль и таково ихъ значеніе. Очерки г. Михневича напрашиваются на сравненіе съ юмористическими очерками другого фельетониста мелкой прессы—г. Лейкина. Г. Михневичъ глубже (если только въ данномъ случаѣ позволительно говорить о глубинѣ) и разнообразнѣе г. Лейкина, но у него нѣтъ того качества, котораго читатель прежде всего требуетъ отъ фельетониста—нѣтъ веселости. Покушеніе автора на остроуміе производитъ на читателя самое удручающее впечатлѣніе. Приведемъ одинъ образчикъ. «Округленная солидная корпуленція Василя Ивановича, его круглая усастая физиономія, неизмѣнно хранящая философическое выраженіе крыловскаго вота-Васьки, круглые, безцвѣтные глазки, пронизательно выглядывающіе съвозъ круглыя стеклышки—не лежить ли гдѣ что плохо, круглыя, неторопливо-плавныя движенія—все говорило вамъ, что круглѣ Василя Ивановича нельзя себѣ ничего представить... Онъ и въ своей многосторонней плодотворной дѣятельности былъ такой же неуловимо круглый субъектъ. Никто лучше его не *окружилъ* бы любой цифры издержекъ, напримѣръ, по увеселительно-филантропической части; никто не умѣлъ так ловко *вскружить* голову какому-нибудь назойливому ревизору или наблюдателю за его округленными эволюціями около общественной кассы; никому не удавалось, наконецъ, такъ плотно *окружить* себя оборонительной стѣной изъ друзей и покровителей...» (221). Таковъ юморъ и таково остроуміе г. Михневича. Оно направлено постоянно или на виѣшніе признаки или сводится на натянутую игру словами, на каламбурство. При всемъ томъ, г. Михневичъ всегда старается что-нибудь «привести» — какою-нибудь маленькую-маленькую, но непремѣнно либеральную идею. Г. Лейкинъ пишетъ wie der Vogel singt. У г. Михневича, кромѣ смѣшковъ и каламбурцевъ, всегда есть «другой умыселъ», иногда запутанный въ такія метафоры, многозначительныя недомолвки и т. д., что до него и добраться трудно. Но самое это изобиліе многоточій (любимый знакъ препинанія г. Михневича) внушаетъ читателю убѣжденіе, что всѣ рѣчи автора не съ проста, что въ нихъ что-то есть, быть можетъ даже, по выраженію Державина, «ужасный крокодилъ на днѣ лежить». Читатель ошибется въ своихъ пред-

положеніяхъ только относительно: «крокодила» онъ, конечно, не найдеть, но «что-то» дѣйствительно имѣется въ разсказахъ автора, свозить въ нихъ какою-то тенденціею, не лишеною какъ будто даже нѣкотораго тихонькаго и скромненькаго вольнодумства. Покойный Аполлонъ Григорьевъ назвалъ бы г. Михневича «абличителемъ». Дѣйствительно, г. Михневичъ обличаетъ «и людей и лошадей», какъ говорится въ какомъ-то водевилѣ, а идеаль, во имя котораго производятся эти изобличенія, простъ и элементаренъ до крайности. Не убій, не укради, не пожелай жены ближняго твоего, не лжесвидѣтельствуй—таковъ нравственный кодексъ автора, таковъ его идеаль. Эгогъ кодексъ не выше и не ниже уголовнаго кодекса, этотъ идеаль—тотъ самый, которому исполнѣ удовлетворяютъ всѣ непобывавшія подъ судомъ и слѣдствіемъ лица. Явленія и идеалы высшаго порядка, очевидно, превосходить разумѣніе автора и онъ, съ осторожностью, заслуживающею всяческой похвалы, постоянно обходитъ ихъ.

Е. Политковская (Михайлова). Житейсія Былины. Повѣсти и разсказы. Москва 1879.

Одинъ изъ русскихъ критиковъ замѣтилъ какъ-то, что нѣтъ ничего легче, какъ писать рецензію о глупыхъ книгахъ. О книгѣ г-жи Политковской написалъ рецензію намъ чрезвычайнаго легко. «Былины» нашего автора посвящены главнѣйшимъ образомъ развитію и доказательству той замѣчательной идеи, что всѣ мужчины—измѣнщики и что, какъ говорятъ горничныя, «наша сестра отъ ихняго коварства много слезъ принимать должна». Для нашего брата, мужчины, такое заключеніе о насъ очень неместно, очень печально, но ничего не подѣлаешь: противъ авторитета горничныхъ и г-жи Политковской бороться трудно. Правда, у горничныхъ это мнѣніе—только оборонительное орудіе и, нѣкоторымъ образомъ, *façon de parler*, а у г-жи Политковской оно искреннее и даже фанатическое убѣжденіе. Суда по основной темѣ ея былинь, она твердо убѣждена, что каждый мужчина и спитъ и видитъ какъ бы попользоваться даровой или, по крайней мѣрѣ, дешевой клубничкой, а затѣмъ, бросивши свою жертву на произволъ судьбы, устроить свои дѣлишки выгоднымъ бракомъ хоть на козѣ; каждая женщина, по мнѣнію автора—святая, *une sainte*, которая «свое предназначенье просто, свято поняла, удѣль любви, молитвы и терпѣнья себѣ на долю избрала». Въ большинствѣ разсказовъ г-жи Политковской фигурируетъ съ одной стороны *infâme séducteur*, съ другой *victime innocente*, при чемъ, по странной игрѣ случая, всѣ жертвы автора отличаются самую безнадежною глупостью. Въ расчетъ авторъ это обстоятельство отнюдь не входило, а произошло помимо его воли. Онъ имѣлъ въ виду только невинность, а глупость явилась какъ-то сама собою, вѣроятно, потому же, почему на вербѣ не растутъ груши. Идея, отличающаяся такимъ, такъ сказать, амазонскимъ, мужененавистническимъ характеромъ, въ сущности, не нова и

не оригинальна. Но оригинально и ново это намѣреніе автора пропагандировать свои взгляды путемъ беллетристики. Выходить, впрочемъ, не убѣдительно и, стало быть, неопасно, потому что проповѣдь г-жи Политковской представляетъ собою въ литературномъ отношеніи не проповѣдь, а нѣчто совершенно неудобочитаемое, точно авторъ писалъ ее не обыкновеннымъ перомъ, а шпилькою или вазальной спицею.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Обвиненіе вольной динабургской пожарной команды въ измѣнѣ отечеству. — Обвиненіе почти всей русской прессы въ распространеніи идей, способствующихъ преступленіямъ. — Другое такое же обвиненіе. — Либеральныя идеи, какъ корень всякаго зла. — Отношеніе русскаго общества къ этимъ идеямъ. — Отъ обиды ли современныхъ идей страдаетъ русское общество, или отъ крайне скуднаго запаса ихъ? — Необходимость свободной прессы. — Рѣшеніе вопроса: почему доносъ въ литературѣ—дѣло всегда позорное.

Весь прошедшій лѣтній сезонъ наша текущая пресса занималась, главнымъ образомъ, разыскиваніемъ враговъ отечества внѣшнихъ и внутреннихъ и измышленіемъ мѣръ для уничтоженія ихъ. Осенній сезонъ, въ виду все еще окончательно не умиротвореннаго внутренняго состоянія Россіи, потребуетъ, вѣроятно, со стороны прессы новыхъ стараній и усилій въ томъ же направленіи. А, между тѣмъ, для таковыхъ же стараній и усилій предвидится работа и на окраинахъ. Одинъ изъ любопытныхъ наблюдателей, приставленный «Петербургскими Вѣдомостями» присматривать за Динабургомъ, доноситъ уже имъ, отъ 10-го сентября, что измѣнническіе замыслы предать нашъ Остзейскій Край Германіи несомнѣнно существуютъ въ вольной динабургской пожарной командѣ; что напрасно къ лѣтнему заявленію объ этихъ замыслахъ такъ легкомысленно отнеслись «Голось» и «Новое Время»; что несомнѣнно дознано, что между динабургскою вольною пожарной командою и подобными командами въ Остзейскомъ краѣ существуетъ самая тѣсная связь и что эти команды, по своимъ дѣламъ, несомнѣнно (*слушайте! слушайте!*) «*копии извѣстныхъ тулендбундовъ барона Штейна, которые въ 1813 году столько способствовали освобожденію германскихъ окраинъ, поработанныхъ французами*»?!

Все это я говорю, конечно, нивѣтъ не къ тому, чтобы порочить ревность нашихъ газетъ въ отыскиваніи враговъ Россіи. Напротивъ, я считаю ее вполне похвальною. Дѣло прессы — стоять постоянно и неуклонно на стражѣ интересовъ своего

отечества, а когда отечеству угрожаетъ опасность со стороны вѣнскихъ ли, внутреннихъ ли его враговъ, ея прямая обязанность употребить все, что она можетъ, къ раскрытію и уничтоженію этихъ враговъ. Одно только необходимое условіе — чтобы она все это дѣлала съ разсудкомъ и съ толкомъ; ибо неразумнымъ и безтолковымъ вмѣшательствомъ можно только усложнить и путать дѣятельность нарочитыхъ органовъ, поставляемыхъ правительствомъ для подобнаго рода дѣлъ, и вносить новую смуту въ общество. Къ сожалѣнію, этого разсудка и толка оказывается очень мало въ нашей ревнующей въ подобныхъ дѣлахъ прессѣ. Возьмемъ хоть настоящій случай относительно динабургской измѣны. По моему мнѣнію, и любопытный наблюдатель, приставленный «Петербургскими Вѣдомостями» присматривать за Динабургомъ, долженъ быть человекъ очень не далекій, если онъ думаетъ, что не только Остзейскій край, но даже Динабургъ пойдетъ въ подданство Германіи, и сама редакція «Петербургскихъ Вѣдомостей» очень легкомысленна и не дальновидна, если она искренно вѣритъ этому. Подумайте только: какой расчетъ остзейскимъ баронамъ и вообще господствующему въ Остзейскомъ краѣ классу идти въ подданство Германіи? Что ихъ можетъ привлекать туда? Находясь въ російскомъ подданствѣ, они катаются какъ сыръ въ маслѣ. Для нихъ сохранены ихъ древнія средневѣковыя привилегіи; въ обладаніи ихъ находится нѣсколько покоренныхъ ими въ давнія времена племенъ на тѣхъ же почти самыхъ тягостныхъ условіяхъ, на которыхъ послѣднія существовали во время своего порабоженія. Всѣмъ родовитымъ фамиліямъ изъ господствующаго класса открыты всѣ высшія мѣста въ русскомъ государствѣ наравнѣ съ родовитѣйшими русскими фамиліями. Развѣ сохраненіе всѣхъ этихъ привилегій и почета мыслимо бы было, еслибы, предположимъ, Остзейскій край былъ присоединенъ къ Германіи? Тамъ сейчасъ же бы было сдѣлано приравненіе Остзейскаго края къ провинціямъ даже не Германіи, а вообще Пруссіи на общемъ основаніи. Что же можетъ прлвлять къ Германіи Остзейскій край? Парламентаризмъ, что ли? Но, сколько намъ извѣстно, стремленія къ подобнымъ новшествамъ никогда не усматривалось въ господствующемъ элементѣ Остзейскаго края. Онъ всегда стремился, напротивъ, къ удержанію старинки—средневѣковаго своего положенія. Насчетъ господствующаго класса въ Остзейскомъ краѣ я убѣжденъ, что еслибы Россія возымѣла намѣреніе передать этотъ край Германіи, то господствующій въ немъ классъ далъ бы большой окупъ Россіи за то, чтобы она этого не дѣлала, чтобы она оставила этотъ край въ вѣчномъ своемъ подданствѣ. Вѣдь надобно сказать правду, что инородцамъ нигдѣ такъ легко и привольно не живется, какъ въ Россіи. Попробуйте-ка предложить Польшѣ, чтобы она изъ подданства Россіи перешла въ подданство Пруссіи или Австріи—ни за что не пойдетъ. И со стороны русскаго поляка это весьма понятно. Почему? Объяснять это

обстоятельно было бы долго, а вкратцѣ суть вотъ въ чемъ: тамъ—у нѣмцевъ—въ основѣ всѣхъ мѣропріятій лежитъ принципъ, никогда не умирающая система, а у насъ—порывъ, временная невзгода. Если отъ высшихъ слоевъ господствующаго въ Остзейскомъ краѣ класса перейдемъ къ среднимъ и низшимъ слоямъ того же класса, то увидимъ, что имъ, пожалуй, еще менѣе расчета, чѣмъ высшимъ слоямъ, переходить въ подданство Германіи. Теперь они безсмѣнные, вѣчные господа надъ урожденными туземными племенами, населяющими край. Въ ихъ рукахъ знаніе, культура, промыслы, капиталы, самоуправленіе, и въ ихъ волѣ пускать аборигенамъ свѣту лишь настолько, насколько лишь нужно для того, чтобы ихъ лучше эксплуатировать. Въ Германіи имъ бы не сохранить за собою такого Эльдorado и на нѣскольکو лѣтъ. Наши остзейцы понимаютъ это очень хорошо и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ среднихъ и низшихъ слояхъ господствующаго въ Остзейскомъ краѣ класса вы встрѣтите скорѣе души черезчуръ русскія, которыя изумятъ своимъ пламеннымъ патриотизмомъ относительно Россіи, чѣмъ души нѣмцевъ, склонныя къ соединенію съ Германіей. Съ одной изъ такихъ нѣмецкихъ душъ, напоенной пламеннымъ російскимъ патриотизмомъ, мнѣ случилось нынѣшнимъ лѣтомъ ѣхать отъ Кѣльна до Берлина. И это былъ именно динабургскій купецъ, занимающійся торговлею льномъ и ѣздившій въ Бельгію и Германію на разные фабрики для изученія, какой сортъ льна, какого размѣра, какого приготовленія требуется для фабрикъ. Болѣе полпути сдѣлали мы отъ Кѣльна, и во все это время купецъ этотъ ни слова не произносилъ по-русски, разговаривалъ все съ нѣмцами, такъ что мы, русскіе — насъ было двое — приняли его за чистаго нѣмца. Только случилось намъ заговорить что-то о нѣмцахъ и неодобрительно отозваться о нѣкоторыхъ нѣмецкихъ порядкахъ, какъ купецъ немедленно ворвался въ разговоръ: «Я только тогда буду считать себя счастливымъ, выпалилъ онъ—и именно выпалилъ—съ чувствомъ, съ увлеченіемъ, хотя и очень плохую русскую рѣчь, въ которой, очевидно, былъ очень не силенъ, несмотря на свой патриотизмъ:—когда приѣду въ свое отечество. Нѣмцы самый скверный народъ, все обманщикъ». Мы разинули рты отъ изумленія, спросили, кто сей нашъ спутникъ и изъ какихъ странъ и потому изъявили удивленіе: «какъ ему жаловаться на нѣмцевъ и ихъ обманы, когда онъ самъ нѣмецъ и когда германскому нѣмцу и отличить его трудно отъ себя».—«О, вы не знаете, какой это хитрый народъ, сталъ просвѣщать насъ нашъ спутникъ:—онъ сейчасъ разузнаетъ, какой нѣмецъ и откуда, и обираетъ насъ безъ всякой милости». Въ доказательство этого, онъ рассказалъ намъ нѣсколько случаевъ изъ своего путешествія по Германіи. Затѣмъ, рѣчь зашла о Россіи, о торговлѣ льномъ, о Динабургѣ и, наконецъ, о вольной динабургской пожарной командѣ. Надобно, было видѣть, съ какимъ негодованіемъ отнесся онъ къ сплетнѣ

пущенной «Петербургскими Вѣдомостями» относительно якобы измѣнническихъ поползновеній этой команды! Когда мы замѣтили ему, что напрасно онъ горячится, что это такой вздоръ, на который у насъ никто не обращаетъ никакого вниманія, то этимъ привели его еще въ большее раздраженіе. «О, нѣтъ, у насъ не такъ! Какъ! оставаться спокойнымъ, когда васъ публично называютъ измѣнникомъ! Да развѣ это возможно?! Вы говорите, продолжалъ онъ:—что я горячусь... Нѣтъ, вы посмотрѣли бы, что было у насъ въ Динабургѣ, когда сплетня «Петербургскихъ Вѣдомостей» относительно пожарной динабургской команды въ первый разъ огласилась въ Динабургѣ». И нашъ спутникъ рассказывалъ намъ о томъ, какъ взъярились всѣ динабургскіе нѣмцы на такое обидное, ничѣмъ не заслуженное заподозрѣваніе ихъ патриотизма, какіе они предпринимали походы къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ даже внѣ ихъ губерніи, чтобы очистить себя отъ подобнаго подозрѣнія, какія предпринимали мѣры, чтобы достать и обличить клеветника и т. п.

Вотъ что значить безъ разсудка и безъ толку разыскивать враговъ отечества! Допустимъ, что я правъ въ своихъ предположеніяхъ и соображеніяхъ; предположимъ, что у нѣмцевъ какъ Остзейскаго края, такъ и смежнаго съ этимъ краемъ Динабурга, не было никогда и въ помыслахъ стремиться къ слитію съ Германіей. При такомъ предположеніи, что надобно подумать о честности и добросовѣстности той газеты—если не считать ея очень недалекою—которая бросаетъ неблаговидную тѣнь на безчисленное множество людей, ставить ихъ въ ложное положеніе къ мѣстному начальству, возбуждаетъ относительно ихъ сомнѣніе въ высшемъ начальствѣ, наконецъ, порождаетъ возможность всякаго рода самыхъ неприятныхъ по отношенію къ нимъ сурпризовъ въ мѣстномъ населеніи—ибо вѣдь возможно, что разгулявшійся пьяный русскій людъ подчасъ, встрѣтивъ того или другого нѣмца изъ вольной пожарной команды, пожалуй, и побьетъ его: «ты, дескать, измѣнникъ!»

«Ну, скажутъ намъ:—а если редація газеты права въ своихъ подозрѣніяхъ? Если вольныя нѣмецкія пожарныя команды дѣйствительно преслѣдуютъ тайныя измѣнническія цѣли, тогда что вы скажете?» Тогда я скажу тоже, что и теперь, что редація газеты дѣйствуетъ все-таки нечестно и недобросовѣстно, если только, конечно, она не лишена здраваго смысла. Потому что, если она и права, то права не по фактамъ, которые у ней есть въ рукахъ и которые она печатаетъ, ибо факты, ею оглашаемые, совершенно ничтожны и ровно ничего не доказываютъ, а права она случайно. А въ такомъ случаѣ, если ревность не по разуму не даетъ ей покою, всего лучше ей свои факты и соображенія предоставить въ то мѣсто, гдѣ вѣдаются подобныя дѣла. Тамъ этимъ фактамъ и соображеніямъ сдѣлаютъ подобающую оцѣнку, ибо тамъ имѣются всѣ средства для этого. Но разница будетъ та, что, предполагая, что эти соображенія и факты окажутся вздоромъ и

пустяками, ихъ оглашеніемъ не будетъ вноситься смута въ общество, не будетъ напрасно тревожиться ни мѣстное, ни высшее начальство, наконецъ, не будетъ нигдѣхъ сюрпризовъ, въ родѣ патріотически-пьяныхъ побіеній и т. п.

Вообще, кто беретъ на себя трудную обязанность разысканія враговъ отечества, тотъ непремѣнно долженъ имѣть хорошаго царя въ головѣ и, кромѣ того, большой запасъ самообладанія; иначе онъ будетъ на каждомъ шагѣ попадаться въ неприятое qui pro quo, бросать тѣнь подозрѣнія на людей ни въ чемъ неповинныхъ, вмѣсто умиротворенія и охраны общества вводить въ него смуту и раздраженіе. Если гдѣ, то именно въ Россіи должны бы это твердо памятовать всѣ журналисты, которымъ должно быть очень хорошо извѣстно, что у насъ печатное слово часто пользуется бѣльшимъ довѣріемъ, чѣмъ какого оно заслуживаетъ, и что какъ поэтому, такъ и вслѣдствіе нашей политической неразвитости, каждое неосторожное печатное слово, относительно политической неблагонадежности тѣхъ или другихъ лицъ, можетъ въ разныхъ мѣстахъ сопровождаться очень неприятными и даже печальными для нихъ послѣдствіями. А между тѣмъ, именно въ нашей прессѣ, съ нѣкотораго времени, политическія обвиненія дѣлаются явленіемъ обыденнымъ. Этого мало: безстыдство прессы дошло до того, что пишутся цѣлыя статьи, гдѣ доказывается, что пресса можетъ и должна служить орудіемъ для политическихъ доносовъ. Ниже я надѣюсь доказать, что въ литературную форму могутъ быть съ успѣхомъ облечены только инсинуаціи, какъ плоды свободнаго творчества, непредназначаемые для дѣловаго производства, доносу же литературная форма никакъ не довѣдетъ. Теперь представляю образчикъ политическихъ обвиненій, практикуемыхъ нашими газетами. Беру я въ іюлѣ газету... Позвольте, однакожъ, умолчать имя газеты. Это было такъ давно, да къ тому же я пишу не для того, чтобы обличать въ частности автора и газету—ибо, тоже самое за послѣднее время дѣлали многіе авторы и многія газеты—а для того, чтобы разъяснить намъ насъ самихъ, показать политическое состояніе нашего общества и нашей литературы.

И такъ... беру я въ іюлѣ одинъ изъ номеровъ газеты N и читаю въ немъ слѣдующее:

Мнѣ передавали, что А. С. Суворинъ надняхъ уѣзжаетъ за границу, и я этому факту придаю большое общественное значеніе.

Говорю не шутя: большое значеніе. Когда уѣзжаетъ за границу государственный человѣкъ—это не очень важно, потому что государственныхъ людей, слава Богу, много; но если уѣзжаетъ журналистъ, который въ известную минуту можетъ оказать обществу большую услугу—это невольно заставляетъ обратиться къ нему съ пѣсенкою:

Не уѣзжай, голубчикъ мой,

Не покидай поля родныя...

Мы пришли къ тому моменту, когда честная, убѣжденная, жаждущая порядка, спокойствія и счастья родинѣ печатъ, словомъ—печатъ «охранительная» (въ смыслѣ охраны общества отъ нравственной заразы)—схватилась око за

око, зубъ за зубъ съ вредными элементами въ журналистикѣ (которая не чужда этимъ элементамъ, какъ всякое общество, имая семья и т. п.). Кто нибудь долженъ окончательно побѣдить, закрѣпить за собою общественныя симпатіи и въ интересахъ этой побѣды, конечно, не желательно, чтобы столь смѣлый, искусный и опытный журнальный боецъ, какъ г. Суворинъ, сложилъ оружіе.

Сегодня устаютъ Катковъ, завтра не хочетъ говорить Суворинъ; кто же будетъ разбивать толпы нашихъ литературныхъ вулусовъ и разныхъ «краснокожихъ» газетныхъ бунтарей?

Слово «бунтари» принадлежитъ «Московск. Вѣдомостямъ», но оно подквачено и нѣкоторыми другими добросовѣстными газетами, а мысль о томъ, что литературные «бунтари» были главными виновниками развитія пагубныхъ идей социализма, проведена въ вышедшей надняхъ брошюрѣ редактора «Петерб. Листка» г. Зарубина. Я успѣлъ познакомиться съ брошюрою этого почтеннаго автора только по злобнымъ на него нападкамъ одной газетенки, известной подъ именемъ органа польскихъ жидковъ; но спѣшу заявить сочувствіе всякой доброй мысли, кѣмъ-бы и въ какой-бы формѣ она ни высказывалась. При этомъ съ удовольствіемъ прибавлю, что «Петерб. Листокъ», имѣющий кругъ читателей, какъ и наша газета, по преимуществу народный, твердо и послѣдовательно пошелъ по давно избранному мною пути, грома и осмѣивая социалистическую дрянь, не только не заслуживающую ни малѣйшаго участія къ себѣ народа, но злѣйшаго изъ его злыхъ враговъ. Теперь, слава Богу, газетъ, честно смотрящихъ на современную дѣйствительность, достаточно: «Моск. Вѣдомости», «Новое Время», «Пет. Газета», «Петерб. Листокъ», «С.-Петербург. Вѣд.», «Совр. Извѣстія» и «Новор. Телеграфъ» — вотъ органы, которые не желаютъ прідерживаться фарисейской секты.

Само собою понятно, что политическое обвиненіе, поставленное такъ широко, чисто по русски, какъ оно поставлено здѣсь въ приведенной нами выдержкѣ, для высшихъ сферъ официальныхъ и вообще для интеллигенціи не можетъ имѣть никакого серьезнаго значенія. И какое въ самомъ дѣлѣ значеніе человѣкъ, понимающій дѣло, могъ давать обвиненію, гдѣ, за исключеніемъ семи газетъ, привлекалась къ отвѣтственности поголовно вся русская пресса, и гдѣ всѣ почти русскіе писатели обзывались «бунтарями» и (слушайте!) *главными виновниками* развитія пагубныхъ идей социализма! Всякому извѣстно, что нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такой строгой цензуры надъ періодической печатью, какъ въ Россіи, что у насъ преслѣдуются не только тѣ социалистическія идеи, которыя нигдѣ не преслѣдуются, но преслѣдуются даже идеи, изъ которыхъ только черезъ нѣсколько силлогизмовъ можетъ быть выведенъ лишь намекъ на социализмъ, и то, выражаясь словами нашихъ прокуроровъ — въ *отдаленномъ будущемъ*. И вдругъ у насъ именно печать ставится главной виновницей развитія пагубныхъ идей социализма! — При такомъ предположеніи надобно допустить что-нибудь одно изъ двухъ: или что цензура, говоря другими словами, само правительство, на мѣренно помогало литературѣ развивать пагубныя идеи социализма, или что они не досмотрѣли, какъ пресса въ ихъ глазахъ, воровски совершала преступныя дѣла. Нелѣпость перваго предположенія очевидна сама по себѣ. Но очевидность нелѣпости и

второго предположенія несомнѣнна для всякаго, кто знакомъ съ нашей цензурой. Она стала слишкомъ проникательна въ настоящее время. Давно уже прошло то золотое время, когда, согласно цензурному уставу 1828 года, цензура о мысли судила по прямому смыслу рѣчи. Теперь мысль зачастую пропускается на свѣтъ только по разсмотрѣннн двадцати возможныхъ и даже невозможныхъ смысловъ рѣчи. Однимъ словомъ, всякій понимающій дѣло человѣкъ, прочитавъ приведенное нами огульное политическое обвиненіе цѣлой журналистики, не могъ иначе взглянуть на него какъ на *pop-sens*, какъ на галиматью, незаслуживающую никакого вѣроятія. И это была дѣйствительно галиматья. Случайный читатель газеты, прочитавъ подобную несообразность, могъ не обратить на нее никакого вниманія. Мало ли какихъ несообразностей ни печаталось и ни печатается въ нашихъ газетахъ? Но меня, постоянного читателя газеты—заинтересовалъ такой крутой поворотъ, мало того: поворотъ, нѣкоторымъ образомъ *salto mortale* въ возрѣвннхъ газеты. Надобно сказать, что газета эта была вообще либеральная, либеральничала какъ и всѣ осуждаемыя ею теперь газеты. Надъ Сувориннымъ и «Новымъ Временемъ» она постоянно смѣялась. И вдругъ возведеміе г. Суворина вмѣстѣ съ г. Катковымъ въ спасители отечества и огульное обвиненіе всѣхъ либеральныхъ газетъ въ измѣнѣ отечеству, слѣдовательно, обвиненіе и своего прошлаго!! Какимъ образомъ, и отчего это могло случиться?

Я тогда же, т. е. въ іюлѣ, хотѣлъ перебрать и перечитать всѣ старыя номера газеты, чтобы доискаться: чѣмъ именно стала прегнть газету либерализмъ? Что нашла она въ немъ преступнаго? Почему ей показалось вдругъ, что вся наша либеральная пресса служила «къ развитію пагубныхъ идей социализма?» Но тогда я не нашелъ свободнаго для этого времени. Теперь же, перебравъ газету, не досчитываюсь многихъ номеровъ за прошедшіе мѣсяцы; въ тѣхъ же, которые есть, я нашелъ только одинъ небольшой отрывокъ, подходящій къ дѣлу, впрочемъ, очень хорошо объясняющій дѣло. Отрывокъ этотъ можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ того, что напрасно мы, россияне, гордимся или, по крайней мѣрѣ, думаемъ, что у насъ есть якобы какія-то знанія, какія-то убѣжденія, какая-то нравственность... Ничего нѣтъ. Все это только наша фантазія. Всѣ наши представленія о нашихъ знаніяхъ, убѣжденіяхъ, нашей нравственности—чисто наша фикція, мечта, *pop sens*. Въ дѣйствительности, мы наги и нищи духомъ отъ колыбели до гроба. Какъ бы мы высокопарно ни думали и ни говорили о себѣ, но стоитъ только ударить грому—и мы отречемся отъ всего, отъ всѣхъ нашихъ мыслей, вѣрованій, убѣжденій, принциповъ—представимся, какъ насъ мать родила, чистая *tabula rasa*—пиши на насъ что хочешь, мы будемъ даже гордиться этимъ.

Теперь слушайте, какой это отрывокъ!

Извѣстно всѣмъ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе ходившихъ

между сельскимъ населеніемъ слуховъ и толковъ о предстоящемъ будто бы общемъ передѣлѣ земель, министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ къ народу воззваніе, въ которомъ сельскому населенію объяснялъ, что «ни теперь, ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ» и проч., присовокупляя при этомъ, что «ложные слухи о земельномъ передѣлѣ и о добавочныхъ въ пользу крестьянъ нарѣзкахъ разносятся по селеніямъ людьми злонамѣренными, для которыхъ только нужно смущать народъ и нарушать общественное спокойствіе» и т. д.

«Петербургскія Вѣдомости» воспользовались этимъ воззваніемъ г. министра для того, чтобы вину разсѣиваемыхъ въ народѣ ложныхъ слуховъ объ имѣющемъ быть передѣлѣ земель взвалить на литературу. Литература, говорили они, «констатируя упадокъ и обѣднѣніе крестьянъ», постоянно толкуетъ, что у крестьянъ земли мало и спедручнѣйшее средство помочь имъ—*увеличить земельные надѣлы*. Цѣлая плеяда молодыхъ писателей изучала «въ народѣ» (ковычки принадлежать «Петербургскимъ Вѣдомостямъ») и поставлены, конечно, не спроста: изучаетъ, дескать, въ народѣ, ну, и болтаетъ тамъ мужикамъ, что безъ передѣла земель дѣло не обойдется) его быть и наводнила журналистску докладами о малоземельномъ положеніи, которое вопіетъ о *новомъ земельномъ партыкалѣ* (курсивъ «Петербургскихъ Вѣдомостей»). Но этого мало, инсинуировали далѣе «Петербургскія Вѣдомости»: «Въ прошломъ году, въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ напечатана была большая статья, доказывавшая прямо, безъ обвиняковъ, необходимость отдать крестьянамъ *всю* (курс. «Петербургскихъ Вѣдомостей») землю, какая за нихъ надѣломъ осталась еще у помѣщиковъ и казны, и мы не припомнимъ въ остальной печати ни одного замѣчанія, которое отнеслось бы критически къ этому предложенію». «Петербургскія Вѣдомости» къ этому, по всей справедливости, должны были бы присовокупить, что и онѣ въ то время не сдѣлали никакого критическаго замѣчанія относительно означенной статьи. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ другими не находили въ ней ничего ни преступнаго, ни ужаснаго. Теперь же, по случаю воззванія министра, газетѣ захотѣлось отличиться проникательностію, указать, какія ужасныя преступленія, можетъ быть, даже несознательно, безъ дурного умысла, совершаетъ пресса и потому она разрисовываетъ изысканія прессы объ экономическомъ состояніи крестьянъ такимъ образомъ, какъ будто теоретическія разсужденія прессы о недостаткѣ земли у крестьянъ стоятъ въ тѣсной, неразрывной связи съ агитаціей неблагонамѣренныхъ людей среди крестьянъ объ имѣющемъ якобы быть передѣлѣ земель.

Эта инкриминація по существу своему вполне заслуживаетъ названіе недобросовѣстной и безчестной, хотя мы и увѣрены, что она по происхожденію своему также невинна, какъ и инкриминація динабургской вольной пожарной команды, ибо обязана сво-

имъ происхожденіемъ не злостности, а крайней простотѣ и недалекости «Петербургскихъ Вѣдомостей» — эта, говорю, инкриминація возмутила папу прессу. Многія газеты протестовали противъ такого страннаго недомыслія «Петербургскихъ Вѣдомостей», доказывая весьма резонно, что «нельзя литературу, излагающую свои сужденія гласно и открыто и дѣйствующую сверху на интеллигентные классы общества, приравнивать къ подпольной пропагандѣ и отыскивать какую бы то ни было солидарность между неизбѣжнымъ и даже обязательнымъ обсужденіемъ вопросовъ, каково бы то свойства ни было, въ литературѣ и преступленіями, хотя бы совершаемыми даже подъ предлогомъ тѣхъ же самыхъ вопросовъ». Въ числѣ протестующихъ противъ недомыслія «Петербургскихъ Вѣдомостей» явилась и та газета, о которой я говорю. Но, читая ея протестъ, вы видите, что подъ ея ногами нѣтъ никакой почвы, что въ сущности она не противъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», а, напротивъ, за нихъ и болѣе за нихъ, чѣмъ даже онѣ сами. «Да, говоритъ она, вступая въ состязаніе съ газетами, протестующими противъ «Петербургскихъ Вѣдомостей»:—«Петербургскія Вѣдомости» дѣйствительно неправы; дѣйствительно не можетъ быть солидарности между обсужденіемъ вопросовъ въ литературѣ и преступленіями. Но, прибавляетъ онъ, тутъ еще не все. Не быть солидарнымъ въ преступленіи еще не значитъ быть чистымъ и непорочнымъ агнецомъ или голубкомъ. Одно дѣло солидарничать съ преступленіемъ, другое дѣло воспитывать своими идеями такую среду, которая выходитъ на дорожку социальнаго бездѣльничанья». Но въ такомъ случаѣ—можно спросить газету—въ чемъ же состоитъ ваше несогласіе съ «Петербургскими Вѣдомостями»? «Петербургскія Вѣдомости» говорятъ именно это же самое: не разбрасывай, говорятъ онѣ, идей, что у крестьянъ надѣлы малы, что ихъ экономическое благосостояніе отъ этого гибнетъ, потому что въ противномъ случаѣ изъ той среды, гдѣ ты разбрасываешь эти идеи, явится какой-нибудь безпутный человѣкъ, который выйдетъ на дорожку социальнаго бездѣльничанья и начнетъ между крестьянами распространять тѣ слухи, которые опровергаетъ министръ въ своемъ воззваніи.

Разъ дѣло дошло до разыскиванія корня тѣхъ или другихъ преступленій въ области идей, то нѣтъ предѣла, да и невозможно отыскать такой предѣлъ, гдѣ можно было бы сказать: это усѣки, а это оставь. Ибо оное будетъ вредъ приносить, а это всегда будетъ служить на пользу. Нѣтъ, можетъ быть, на свѣтѣ книги, изъ-за которой бы родилось столько заблужденій, вражды, ненависти, убійствъ, и т. д., какъ евангеліе—и однакожь это самая святая книга, и отъ начала до конца наполнена самыми прекрасными идеями, въ чемъ, я думаю, не можетъ быть спору. Всякое время, всякій вѣкъ, сообразно развитію человѣчества, имѣетъ свои идеи, которыя вырабатываются не тѣмъ или другимъ народомъ, а совокупностію всего цивилизованаго человѣчества, до-

стигнаго извѣстной степени развитія. Отъ этихъ идей нельзя изолироваться народу, входящему въ составъ этого человѣчества, нельзя ихъ поймать и заключить въ клетку: онѣ непременно тѣмъ или другимъ путемъ проникнуть къ вамъ. Запретите всѣ газеты и журналы, закройте всѣ типографіи и литографіи, учредите самыя строгія таможенныя цензуры кругомъ государства, онѣ все-таки проникнуть къ вамъ. Примѣры подобнаго проникновенія идей, несмотря на всѣ запреты, мы видимъ въ нашей исторіи. Ужъ кажется на что было крѣпко московское государство на счетъ православія при Иванѣ, скажемъ, III. Ни газетъ, ни журналовъ, ничего не было, да и книгопечатанія даже не было. Вдругъ является какой-то жидъ Схарія и распространяетъ самую опасную ересь и такъ быстро, такъ ловко, что, не говоря уже о значительномъ множествѣ увлеченнаго имъ народа, его приверженцы являются даже при дворѣ. Еретиновъ жгутъ и жгутъ съ жестокостію, которую могли изобрѣсть только жестосердце и религиозный фанатизмъ среднихъ вѣковъ. И что же вы думаете, это убиваетъ секту? Нисколько. Она продолжаетъ жить и съ появленіемъ никоновскаго раскола является въ числѣ другихъ сектъ, а, можетъ быть, владеть основаніе безчисленнымъ безпоповщинскимъ сектамъ, которыя считаются самыми вредными. Время московскаго княжества было временемъ религіознаго развитія и настроенія Европы. Теперь время ея политическаго и соціальнаго развитія. Въ наше время Россія ничѣмъ не загорожена отъ Европы; напротивъ, день-отъ-дня все болѣе связывается съ нею всѣми отраслями своей дѣятельности, находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Какъ вы можете уберечься, чтобы идеи, господствующія въ Европѣ вошедшія въ плоть и кровь ея жизни, не проникли въ Россію были чужды и неизвѣстны ей?

Еслибы мы уничтожили всю прессу, закрыли всѣ учебныя заведенія и очутились въ томъ положеніи, въ какомъ Россія была при Иванѣ III, мы и тогда не загородились бы отъ европейскихъ идей, онѣ и тогда стали бы проникать къ намъ, и чѣмъ скрытнѣе бы это дѣлалось, тѣмъ бы онѣ были опаснѣе. Сами по себѣ эти идеи не составляютъ нетолько необходимыхъ, но и никакихъ посылокъ къ преступленію. Только папскія энциклики могутъ видѣть въ современныхъ идеяхъ весь корень зла и предавать ихъ проклятію. Европа смѣется надъ этимъ и, благодаря имъ, цвѣтетъ и дышетъ своимъ благосостояніемъ. Замѣчательно при этомъ, что чѣмъ болѣе въ странѣ дается простору этимъ идеямъ, чѣмъ свободнѣе дѣлается ихъ обсужденіе, разсмотрѣніе, развитіе, тѣмъ страна становится нетолько безопаснѣе отъ преступленій, имѣющихъ свой источникъ въ увлеченіи тѣми или другими теоріями, но и дѣлается менѣе доступна для увлеченій теоріями, невозможными въ примѣненіи въ существующему порядку. Нигдѣ нѣтъ, конечно, такого простора и такой свободы всякаго рода свободнымъ идеямъ и ученіямъ, какъ въ Англіи, а въ Англіи нѣтъ ни одного социалиста. И консерваторы, и ли-

бералы, и радикалы всё работают на почвѣ одного и того же существующаго юридическаго порядка, ведя борьбу за примѣненіе къ нему своихъ разнообразныхъ воззрѣній чисто легальными средствами. Во Франціи, гдѣ послѣ великой революціи и въ интеллигенціи, и въ рабочемъ классѣ такъ много создано враждебныхъ государству элементовъ давленіемъ буржуазіи, происка-ми, деспотизмомъ, пошлостію и низостію ея правителей, мы видимъ явленіе еще болѣе удивительное: послѣ паденія седанскаго героя, послѣ учрежденія республики, наступила полная воля для развитія всякаго рода вольныхъ идей, всякихъ излюбленныхъ теорій. И что же происходитъ? Красные и непримиримые становятся подъ общее республиканское знамя и работаютъ для утвержденія буржуазной республики! Не ясное ли дѣло, что, разъ юридическая почва существующаго порядка дѣлается подающею основательныя надежды на поступательное движеніе и развитіе общаго благосостоянія, хотя бы то и въ неблизкомъ будущемъ, увлеченія идеалами, хотя бы наипрекрасными, но непримѣнимыми въ настоящемъ, исчезаютъ, и люди, самые крайніе по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ, начинаютъ работать наравнѣ съ людьми, не задающимися никакими широкими идеалами, на общей съ послѣдними юридической почвѣ. Тоже самое, что мы видимъ во Франціи, видѣли бы мы несомнѣнно и въ Германіи— въ этой странѣ съ населеніемъ мирнымъ, трудолюбивымъ, честнымъ, готовымъ довольствоваться самымъ крайнимъ минимумомъ во всемъ, начиная отъ домашняго обихода до самыхъ высшихъ политическихъ правъ, еслибы Германія объединена была не Бисмаркомъ, а другимъ человѣкомъ, и еслибы этотъ человѣкъ, въ награду за это объединеніе, не осѣдлалъ ея, подобно Бисмарку, на вѣки нерушимо, какъ какую-то обязанную возить его всю жизнь влячу, не дергалъ ее безъ толку изъ стороны въ сторону, а предоставилъ бы ей свободно и спокойно развиваться самой по себѣ, вполне согласно, хотя бы то и той конституціи, которая у нея есть.

Но довольно примѣровъ. Я хочу только сказать, что въ либеральныхъ идеяхъ, какъ идеяхъ, нѣтъ никакой опасности, нѣтъ, повторю я опять, не только необходимыхъ, но и никакихъ посылкъ къ преступленію. И каковъ бы ни былъ легальный, юридическій уровень состоянія и развитія даннаго общества, опредѣляемый положительнымъ его закономъ, будетъ ли онъ также высокъ, какъ въ Англіи, будетъ ли онъ также незначителенъ, какъ у какого-нибудь, едва вышедшаго изъ дикаго состоянія народа, либеральныя идеи равно совмѣстятся и съ тѣмъ и съ другимъ порядкомъ, и не примутъ вллегальнаго направленія, разъ въ основѣ этого порядка положены начала поступательнаго движенія общества впередъ и открыты обществу легальныя средства и пути для содѣйствія этому движенію. Я не думаю, чтобы и наше общество могло быть кѣмъ-нибудь исключено изъ движущихся обществъ. Напротивъ, реформою крестьянскою, реформою судеб-

ною, земскою и т. д., ему указанъ широкій путь поступательнаго впередъ движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему самому отчасти даны, отчасти намѣчены легальныя пути и средства для содѣйствія этому движенію. Слѣдовательно, либеральныя идеи никакъ не могутъ служить ему во вредъ. Скорѣе случайный вредъ можетъ происходить отъ недостаточнаго ихъ распространенія. Чѣмъ шире и свободнѣе будетъ имъ доступъ, чѣмъ болѣе будетъ облегчено примѣненіе ихъ къ существующему порядку, тѣмъ, какъ я уже говорилъ выше, самое увлеченіе теоріями, непримѣнимыми къ дѣйствительному строю общества, сдѣлается болѣе рѣдкимъ.

Я говорю триумфы, всѣмъ извѣстныя. Но мы такой удивительный народъ, что у насъ очень нерѣдко самый истасканный триумфъ является чѣмъ-то въ родѣ сейчасъ только открываемой Америки. Еще г. Стронинъ въ своемъ сочиненіи «Политика, какъ наука», замѣтилъ, что наше общество идетъ по пути своего развитія двумя правильными, черезъ извѣстное число лѣтъ (г. Стронинъ даже и лѣта точно разсчиталъ), одна другую смѣняющими волнами: волною акціи и волною реакціи. Я уже не помню, приписывалъ ли онъ это свойство нашему прогрессу или вообще всякому прогрессу. Но это все равно: несомнѣнно только, что когда мы попадаемъ въ волну акціи, нѣтъ тогда на свѣтѣ народа либеральнѣе насъ. Нѣтъ тогда такихъ формъ государственнаго устройства, которыя бы насъ удовлетворяли, которыхъ бы мы не находили ниже нашего идеала. Всѣ конституціонныя формы, какія бы онѣ ни были, что это такое—завлаемъ мы тогда—если не легальное закрѣпленіе власти вѣдущихъ надъ неимущими?—Буржуазная республика? Это и еще хуже. Чистое господство буржуазія безъ умѣряющей верховной власти. Демократическая республика?—Награжденіе голодныхъ политическихъ правами, съ неотъемлемнымъ правомъ оставаться и впредь всегда голодными на законномъ основаніи. Соціально-демократическая республика?—Чистое надувательство, миллиардъ въ туманѣ и т. д. Зато, когда наступаетъ волна реакціи, мы немедленно сбрасываемъ съ себя, никѣмъ не принуждаемые, совершенно добровольно, весь запасъ нашихъ знаній, убѣжденій, правъ—запасъ и безъ того очень скудный—и остаемся, въ чемъ насъ мать родила. Нѣтъ такой, самой уважаемой доселѣ святини, которой мы не оплевали бы; нѣтъ правъ самыхъ примитивныхъ, отъ которыхъ бы мы не отреклись; нѣтъ знакомаго человѣка, который считаетъ зазорнымъ для себя превращаться въ ничтожнаго мальчишку, отрицаясь вдругъ ни съ того, ни съ сего отъ своего совершенно невиннаго прошлаго, отъ котораго бы мы не отреклись. Мы, достигнутые поманутой волной, прямо устремляемся въ объятія папской энциклики, надъ которой вчера только насмѣхались, мы беремъ ее и говоримъ: «вотъ гдѣ спасеніе! либеральныя идеи--корень всякаго зла, всѣхъ преступленій политическихъ!»

*

Какъ котите, а это ужасно.

Во всѣхъ обществахъ прогрессъ идетъ волнами акціи и реакціи, хотя эти волны смѣняютъ одна другую и не съ такою правильностію, какую устанавливаетъ г. Стронинъ для нашего общества; во всѣхъ обществахъ возможны и случаются политическія преступленія, корень которыхъ скрывается въ превратномъ пониманіи современныхъ идей, въ увлеченіи составленныхъ на основаніи этого превратнаго пониманія ложныхъ теорій. Однакожь, ни одно сколько-нибудь взрослое европейское общество не сбрасываетъ вслѣдствіе этого съ себя приобрѣтеннаго багажа знаній, убѣжденій, правъ, багажа, который приобрѣтень имъ нелегко, втеченіи цѣлыхъ вѣковъ потомъ и кровью. Оно понимаетъ очень хорошо, что либеральныя идеи, которыя лежать въ основѣ его законодательства и жизни, которыми оно живетъ и дышетъ, не имѣютъ и не могутъ имѣть никакой связи съ преступленіемъ, что если превратное ихъ пониманіе, возведенное въ ложныя теоріи, и можетъ иногда вести увлекающіеся неурядные или неспокойныя умы къ преступленію, то вѣдь нѣтъ такой идеи, которая не могла бы быть злоупотреблена дурно направленною или заблуждающеюся человѣческою волею.

Но для преслѣдованія преступленій, для предупрежденія и искорененія ихъ, для огражденія отъ нихъ есть полиція, есть суды. Не можетъ же взрослое политическое общество обречь себя на вѣчную, неисконную духовную нищету, бросить всѣ прежде приобрѣтенныя духовныя богатства и отказаться отъ приобрѣтенія новыхъ потому только, что есть люди, которые могутъ злоупотреблять этими богатствами. Такъ точно, какъ никто не разбрасываетъ и не отказывается отъ приобрѣтенія вещественныхъ богатствъ на томъ только основаніи, что имущество служитъ поводомъ къ безчисленнымъ преступленіямъ: разбоямъ, грабегамъ, подлогамъ, воровству, обманамъ и т. п., хотя и всѣ знаютъ, что еслибы не было у людей имущества, то число уголовныхъ преступленій осталось бы такъ ничтожно, что можно было бы спокойно закрыть суды и полицію. Однимъ словомъ, Европа смотритъ на свои духовныя богатства, какъ на дѣйствительныя богатства, которыя по цѣнности своей не только не ниже богатствъ матеріальныхъ, но и превосходятъ ихъ, и потому хранитъ ихъ, какъ свое лучшее сокровище. Мы же еще такъ молоды, такъ невысоко стоимъ въ нашемъ политическомъ развитіи, что не только не даемъ надлежащей цѣны тому скромному запасу современныхъ идей, которымъ мы владѣемъ, не считаемъ его нашимъ дорогимъ имуществомъ, за которое стѣитъ и очень стѣитъ постоять, но смотримъ на него какъ ни къ чему ненужную намъ въ существѣ дѣль побрякушку, которую если мы и интересуемся при обыкновенномъ теченіи дѣль и съ удовольствіемъ украшаемъ ею себя, то потому только, что на нее почти постоянная мода, ее всѣ носятъ, всѣ ею любятъ, но и въ обыкновенное время носимъ мы ее съ

опаскою, когда и гдѣ нужно припрятываемъ, ибо приучились съизмлада всякія «вольныя идеи» и всякій «вольный духъ», не входя въ дальнѣйшее разбирательство, считать опасными, противузаконными, противугосударственными. Поэтому, когда подуетъ вѣтеръ съ особеннымъ порывомъ, направленнымъ противъ антигосударственныхъ стремленій, мы тотчасъ ни съ того, ни съ сего пугаемся. «Да вѣдь это протязъ нашихъ побрякушекъ:— рѣшаемъ мы. — Навѣрное противъ нихъ, противъ «вольныхъ идей» и «вольнаго духа», которымъ мы заражены. Долой, долой все это!» кричимъ мы въ неистовствѣ. И вслѣдъ за этимъ тотчасъ сбрасываемъ съ себя эти ненужныя для насъ побрякушки, растаптываемъ ихъ и съ перепугу, какъ школьники, разбѣгаясь въ разныя стороны, кричимъ каждый по принадлежности тому или другому Петру Ивановичу: «Это, Петръ Ивановичъ, не я, это Осиповъ носилъ эти побрякушки, а я ихъ въ руки никогда не бралъ; я ихъ терпѣть не могу». Рассказываютъ, что одинъ перепуганный либераль цѣлый мѣсяцъ пролежалъ подъ диваномъ, никому же показываясь, ибо считалъ себя ужаснымъ преступникомъ и со дня на день ожидалъ себя рѣшенія. А все преступленіе его состояло въ томъ, что въ февралѣ или январѣ онъ въ одномъ частномъ обществѣ позволилъ себѣ по какому-то случайному поводу нечаянно высказать, что такихъ порядковъ, какъ у насъ, нигдѣ нѣтъ, а при этомъ, дескать, былъ и слышалъ этотъ рѣзкій отзывъ какой-то подозрительный человѣкъ съ усамн. По всей вѣроятности, это анекдотъ, но этотъ анекдотъ отлично характеризуетъ уровень политическаго развитія общества, его невинность и наивность. У насъ многіе до сихъ поръ не различаютъ, что порицать тѣ или другіе общественные порядки еще не значитъ отрицать тѣ основанія, на которыхъ они зиждутся или подкапываются подъ послѣднія. Можетъ быть, не найдется ни одного государственнаго человѣка, который при случаѣ не говорилъ бы, что такихъ порядковъ, какъ у насъ, нѣтъ нигдѣ. И имъ, государственнымъ людямъ, по всей вѣроятности, приходится это говорить гораздо даже чаще, чѣмъ простымъ смертнымъ, не стоящимъ у дѣла. Тутъ еще никакого нѣтъ преступленія. Напротивъ, порицаніе выражаетъ только критическое отношеніе къ существующему порядку, и если это дѣлается съ желаніемъ улучшить этотъ порядокъ, то оно ничего, кромѣ похвалы, не заслуживаетъ. Преступленіе начинается тогда, когда тѣ или другіе порядки подвергаются не порицанію, а полному отрицанію съ принятіемъ притомъ вмѣстѣ съ этимъ отрицаніемъ дѣятельныхъ мѣръ для уничтоженія этихъ порядковъ, съ цѣлю учредить вмѣсто нихъ новыя. Если я, напримѣръ, вопреки «Петербургскихъ Вѣдомостей», буду утверждать, что остзейскому краю и лучше было бы принадлежать скорѣе Германіи, чѣмъ Россіи, то тутъ еще никакого преступленія нѣтъ. Это можетъ быть и дѣйствительно моимъ искреннимъ мнѣніемъ, положимъ,

ошибочнымъ, но порожденнымъ не враждою, а, напротивъ, самою пламенною любовью къ моему отечеству. Во всякомъ случаѣ, это будетъ только теоретическое заблужденіе, но никакъ не преступленіе. Другое дѣло, когда, высказывая такое мнѣніе, я буду обращаться къ жителямъ Остзейскаго края, говорить имъ, отчего они ничего не дѣлаютъ, чтобы отдѣлиться отъ Россіи, буду побуждать ихъ къ этому, совѣтовать, какъ они должны поступить, чтобы достигнуть этого, или буду самъ принимать какія-нибудь мѣры для этого и т. п. Это уже будетъ съ моей стороны преступленіе, измѣна отечеству. Однимъ словомъ, дѣятельное начало, дѣйствіе необходимо во всякомъ преступленіи. Одна мысль безъ этого дѣятельнаго начала никакого преступленія не составляетъ, какъ бы въ теоретическомъ своемъ движеніи она ни казалась ужасною для профановъ.

Это непониманіе различія между дѣйствительно преступленіемъ и тѣмъ, что не имѣетъ и тѣни преступленія и можетъ, и даже должно быть названо дѣломъ похвальнымъ, порождаетъ въ тревожномъ состояніи общества безчисленное множество обвиненій, совершенно напрасныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько наглыхъ, что лица, ни въ чемъ неповинныя, указываются, какъ преступники, даже по именамъ. За все и про все отвѣчаетъ, конечно, главнымъ образомъ «Осиповъ». Онъ охотникъ до вольныхъ идей, онъ постоянно ихъ отстаиваетъ и распространяетъ; ну, очевидно, онъ и преступникъ. «Осиповъ» этотъ есть, само собою разумѣется, никто другой, какъ литература. Что значительная часть нашего общества, не понимающая дѣла, можетъ валить все на литературу, это еще понятно; не удивительно, что главною обвинительницею литературы является сама же литература, т. е. извѣстная часть ея, именующая себя консервативною и патриотическою, и совершаетъ этотъ свой подвигъ съ усердіемъ и изобрѣтательностію, достойными, по истинѣ, лучшей участи. Еслибы эти любопытствующіе консерваторы стояли твердо на томъ, что обвиняемая ими пресса содѣйствуетъ порожденію преступленій тѣмъ, что распространяетъ вольныя идеи, то они были бы въ этомъ случаѣ правы, по крайней мѣрѣ, формально, потому что она вольныя идеи дѣйствительно распространяетъ, хотя, впрочемъ, и то только дозволенныя цензурою. Но они идутъ далѣе и утверждаютъ, что обвиняемая ими пресса проводитъ социалистическія идеи, а такъ какъ, дескать, и наши политическія преступленія совершаются людьми, именующими себя социалистами, то и понятно, и проч. Консерваторы не объясняютъ, въ проведеніи какихъ именно социалистическихъ идей они урекаютъ нашу прессу, хотя и знаютъ, что иное дѣло теоретическое изложеніе идей социалистическихъ и притомъ какихъ идей (есть множество теорій социализма, которыя огличаются другъ отъ друга какъ небо отъ земли); иное дѣло дѣятельность, имѣющая въ основаніи тѣ или другія опредѣленныя социалистическія разрушительныя теоріи, направляемая на унич-

тоженіе существующаго порядка. Въ Германіи, гдѣ дѣйствитель-но идетъ дѣятельная социалистическая пропаганда, направленная противъ существующаго порядка, гдѣ приверженцевъ этихъ разрушительныхъ социалистическихъ ученій такое множество, что они при выборахъ успѣваютъ проводить своихъ кандидатовъ въ парламентъ, теоретическое изложеніе социалистическихъ идей совершенно свободно въ литературѣ — мало того: есть совершенно легальный цехъ дѣятельныхъ социалистовъ, такъ называемыхъ катедеръ-социалистовъ, хлопочущихъ о привитіи полезныхъ социалистическихъ идей къ порядку современнаго буржуазнаго общества. Любопытно знать: какія такіа разрушительныя социалистическія идеи усмотрѣли они въ нашей литературѣ. Мы же думаемъ, что они ровно ничего не усмотрѣли, а просто болтаютъ; если же бы они вполнѣ добросовѣстно принялись за отысканіе таковыхъ идей въ нашей литературѣ и, сверхъ того, объявили какую угодно премію за ихъ отысканіе, то они, навѣрное, не нашли бы никакого матерьяла для подтвержденія своего обвиненія. Это обвиненіе есть чистая клевета съ ихъ стороны. Въ общемъ же наша пресса давно уже стоитъ на почвѣ чисто юридической, не задаваясь притомъ научными теоріями, и держась почти исключительно существующаго у насъ законоположенія. Всѣ ея обличенія не выходятъ изъ этихъ рамокъ, всѣ ея желанія не восходятъ почти далѣе того, чтобы всѣ основныя законоположенія послѣдняго двадцатилѣтія были введены въ жизнь во всей ихъ полнотѣ и непривосновенности.

Въ истинѣ этихъ словъ легко могутъ убѣдиться любопытствующіе консерваторы, если пересмотрятъ внимательно нашу литературу за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Повторяю, что при самомъ тщательномъ изученіи, они не найдутъ у насъ никакого разрушительнаго социализма. А еще легче убѣдиться въ этомъ они могутъ, проштудировавъ внимательно наши политическіе процессы. Тамъ они, къ удивленію своему, увидятъ, что названіе социализма въ смыслѣ западно-европейскаго, никакъ не примѣнимо къ нашей революціонно-социалистической пропагандѣ. Нашъ социализмъ не имѣетъ ничего общаго ни съ одною изъ извѣстныхъ западныхъ социалистическихъ теорій. Каждая изъ этихъ теорій, воспринятая имъ, немедленно уничтожила бы его преступную дѣятельность, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она проявлялась теперь. Нашъ социализмъ происхожденія чисто русскаго, и притомъ не книжнаго, не теоретическаго, а эмпирическаго. Оттого ученіе его относительно цѣлей, характера, приемовъ различныхъ дѣйствій распадается настолько толковъ, сколько существуетъ социалистическихъ кружковъ.

Далѣе, разсмотрѣвъ наши политическіе процессы, наши консерваторы усмотрѣли бы, что представителей нашей революціонной пропаганды можно раздѣлять на три разряда. Разрядъ первый составляетъ интеллигенцію среди нихъ—это тѣ лица, которыя

кончили курсъ въ высшихъ или, по крайней мѣрѣ, среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ разрядъ, конечно, болѣе или менѣе знакомъ съ нашею литературою, но трактуетъ ее свысока, относится къ ней пренебрежительно, какъ къ литературѣ буржуазной. Нужныя ему идеи о социализмѣ онъ черпаетъ, конечно, не здѣсь, а въ заграничной литературѣ иностранной и русской. Другой разрядъ представляетъ собою лица, или совсѣмъ неучившіяся грамотѣ или малограмотныя, для которыхъ наша литература совсѣмъ недоступна и которыя тѣ или другія социалистическія идеи усваиваютъ себѣ отъ интеллигенціи своего кружка. Наконецъ, третій разрядъ представляютъ лица, учившіяся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не окончившія курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но способныя къ развитію, которыхъ, однакожъ, тѣ или другія обстоятельства поставили въ необходимость самихъ работать надъ своимъ развитіемъ безъ всякаго руководителя. Ихъ можно было бы назвать политическими самоучками. Эти люди дѣйствительно знакомы съ нашею литературою, читаютъ все, что они находятъ нужнымъ для своего политическаго развитія, читаютъ много, но такъ какъ рядомъ съ этимъ они читаютъ и книжки запрещенныя, то литература и для нихъ не служитъ руководительницею, а только складомъ, изъ котораго они извлекаютъ тотъ или другой пригодный матеріалъ для идей, взятыхъ со всѣмъ изъ другихъ источниковъ. Такимъ образомъ, даже и для того незначительнаго числа лицъ, которыхъ мы относимъ къ третьему разряду и для которыхъ литература могла бы имѣть значеніе, она, въ сущности, никакого руководящаго значенія не имѣетъ. Никто изъ консерваторовъ, какъ бы онъ внимательно ни изучалъ наши политическіе процессы, не представитъ мнѣ ни одного примѣра, гдѣ бы идея преступленія была заброшена литературой. Оно иначе и быть не можетъ. Ибо въ нашею проходящей, какъ я уже сказалъ выше, самую строгую цензуру литературѣ нигдѣ никто не отыщетъ ни указанія, ни совѣта для выступленія на путь преступленія, ни даже какого бы то ни было намека на что-нибудь подобное.

«Да, положимъ такъ, возразятъ мнѣ консерваторы.—Положимъ, что ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ въ литературѣ; но вѣдь выступленіе на тотъ или другой путь есть уже заключеніе, окончательный шагъ, а предварительная послылка, приготовленіе къ этому могутъ быть положены тѣмъ матеріаломъ, которымъ—вы сами не отвергаете—пользуются ваши третьеразрядные для своихъ идей, взятыхъ, какъ вы говорите, отъ инуду. Но вѣдь иной умъ и самъ однимъ этимъ матеріаломъ можетъ быть натолкнутъ на преступную идею, хотя бы не имѣлъ и никакихъ другихъ источниковъ».

Предположимъ возможнымъ и такой блаженной случай — и изрѣдка онъ, конечно, возможенъ—предположимъ, что какой-нибудь крестьянинъ или рабочій страшно бѣдствуетъ — нѣтъ у него ни вды,

ная относительно обсуждения и разсмотрѣнія всѣхъ предметовъ на легальномъ, конечно, основаніи, съ преслѣдованіемъ и караніемъ по суду совершаемыхъ прессою преступленій. Такая постановка прессы гарантируетъ отъ случайностей влагаемые въ нее капиталы и вступленіе въ прессу свободныхъ умственныхъ силъ, уклоняющихся отъ нея вслѣдствіе ея неопредѣленнаго положенія. Послѣдствіемъ этого будетъ размноженіе газетъ и журналовъ и распространеніе ихъ въ самыхъ захолустныхъ мѣстахъ нашего отечества. Мы предполагаемъ, конечно, что пресса будетъ одинаково свободна, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Какимъ образомъ распространеніе либеральныхъ идей повсюду можетъ дѣлать ихъ безопасными, мы это сейчасъ покажемъ. Всѣмъ извѣстно, что масса вообще не любитъ размышлять, да и въ большинствѣ не имѣетъ для этого ни способности, ни времени; впрочемъ, не только масса, а въ значительной части этимъ грѣхомъ страдаетъ и интеллигенція — и отчасти по той же причинѣ, потому что у ней нѣтъ для этого времени, она едва успѣваетъ справляться съ своими дѣлами. Когда же ей думать о предметахъ болѣе или менѣе общихъ, и притомъ очень нерѣдко чуждыхъ ея специальности, которые ежедневно трактуются въ прессѣ? Чтобъ повѣрить мнѣніе прессы, ей нужно собрать свѣдѣнія, документы по тѣмъ предметамъ, о которыхъ идетъ рѣчь? Когда же съ этимъ возиться? И времени нѣтъ, а болѣею частію и возможности. И вотъ дѣло кончается тѣмъ, что она, какъ и масса, пріучается принимать на вѣру все, что пишется въ прессѣ, исключая развѣ какихъ-нибудь дѣлъ, близко касающихся той или другой специальности, гдѣ участвуетъ самъ читатель или который ему хорошо знакомъ и гдѣ вранье прессы дѣлается для него очевиднымъ. Оставьте вы одну газету, и вы увидите, что большая часть публики обо всѣхъ предметахъ злобы дня будетъ говорить именно то самое, что напечатано въ газетѣ, и иногда чуть даже не слово въ слово. Само собою разумѣется, что при этомъ предполагается, что газета эта не казенная и вообще не такая, гдѣ публика предполагаетъ какія-нибудь тайныя, стѣсняющія мнѣнія газеты пути. Такимъ образомъ, разъ у васъ существуетъ одна газета у васъ мнѣніе общественное совершенно исчезнетъ; оно будетъ постоянно идти на буксирѣ за газетой. Заведите вы нѣсколько газетъ, тогда пойдетъ совсѣмъ другое дѣло. При обсужденіи одного и того же предмета, въ прессѣ явятся различныя точки зрѣнія на него, явится полемика между газетами, въ которой предметъ будетъ разсматриваться и освѣщаться съ разныхъ сторонъ. Публика поставлена будетъ въ необходимость, въ виду разнорѣчія, вырабатывать свое мнѣніе о предметѣ, по крайней мѣрѣ, оставлять тотъ или другой вопросъ открытымъ до новаго болѣе основательнаго разъясненія. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе вы будете давать свободы прессѣ и количественной, и качественной,

тѣмъ болѣе будетъ исчезать въ публикѣ слѣбая вѣра въ печатное слово; тѣмъ болѣе будетъ крѣпчать самостоятельная, критическая мысль въ обществѣ; голосъ журналиста какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи не будетъ нетолько для интеллигенціи, но и не для кого играть роли общественного мнѣнія, а будетъ приниматься съ должною разборчивостью, какъ частный голосъ извѣстнаго лица или извѣстнаго кружка, получая ту или другую оцѣнку, смотря по фактамъ, которые лежатъ въ его основаніи или, за неполнотою ихъ, по довѣрію, если такое образовалось въ публикѣ, къ авторитету лицъ, отъ которыхъ онъ исходитъ. Но пресса несвободная, если существуетъ и нѣсколько газетъ, все-таки не то, что пресса свободная. Публика, при не свободной прессѣ, всегда предполагаетъ и совершенно основательно, что пресса говорить не всегда то или не все то, что она желала бы сказать, а потому, разъ право концессіи на изданіе газетъ и журналовъ стѣснено, всякій понимаетъ, что этимъ, кромѣ свободнаго развитія и распространенія прессы, угрожается доступъ въ прессу многимъ литературнымъ силамъ, и можетъ быть такимъ именно, отъ которыхъ публика (что она всегда предполагаетъ) услыхала бы слово истины. Такимъ образомъ, при несвободной прессѣ будетъ всегда и количественный и качественный недостатокъ матеріала для выработки вполне самостоятельнаго общественного мнѣнія. А это весьма много значить, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ сорвать съ либеральныхъ идей ореолъ, ихъ окружающій въ умахъ не зрѣлыхъ, и сдѣлать всѣ идеи вполне безопасными! Именно только при внутренней свободѣ прессы и при свободномъ ея повсюду распространеніи, всѣ либеральныя идеи, въ настоящее время признаваемыя наипоопаснѣйшими, сдѣлаются нетолько безопасными для общества, но немедленно потеряютъ тотъ ореолъ, которымъ онѣ теперь окружены. Собственно говоря, никакихъ опасныхъ идей въ печати быть не можетъ, исключая тѣхъ, которыя по закону подходятъ подъ разрядъ преступленій словъ или печати. Всѣ остальныя идеи совершенно безвредны сами по себѣ, но престижъ опасности имъ дается, во-первыхъ, налагаемымъ запретомъ на ихъ опубликованіе, во-вторыхъ, ограниченіями, налагаемыми на распространеніе печатнаго слова. Извѣстно издавна, что люди льнутъ ко всякому запрещенному плоду; такимъ манеромъ къ себѣ плодомъ является всякая идея, которую признаютъ опасною и ради этого запрещаютъ ея распространять.

Разъ на ту или другую идею налагается запретъ, всѣ начинаютъ стремиться ее заявить—одни потому, что, именно въ силу запрета, даютъ болѣе значенія идеѣ, чѣмъ она стоитъ; ее запрещаютъ—слѣдовательно не даромъ же; значить, она поведетъ въ самомъ дѣлѣ къ какимъ-нибудь великимъ результатамъ? Другіе думаютъ: что же это такое? идея совершенно безоопасная, ни для кого не вредна, а ее запрещаютъ... а безъ нея пробѣлъ въ знаніи и т. п. За идеей начинается общая погоня. Такихъ идей,

и даже *словъ*, временно бывшихъ подъ запрещеніемъ въ теченіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій, я могъ бы насчитать множество, и постоянно за распространеніе ихъ шла борьба до тѣхъ именно поръ, пока былъ запретъ. Представлю одинъ примѣръ. Назадъ тому десять или пятнадцать лѣтъ, цензура, разрѣшая въ ученыхъ сочиненіяхъ приводить извѣстную гипотезу о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, положительно воспрещала это въ текущей прессѣ, и что же? Въ рѣдкомъ изъ манускриптовъ, доставляемыхъ авторами въ редакціи текущей прессы не трактовалось прямо или косвенно, къ дѣлу и не къ дѣлу, о томъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны. Разъ цензура перестала обращать на это вниманіе, перестали и всѣ этимъ интересоваться. Никто изъ авторовъ даже и сюжетовъ такихъ не собираетъ, чтобы подойти къ обезьянѣ и объяснять ее родство съ нами. И самъ по себѣ вопросъ въ практическомъ смыслѣ дѣйствительно такого сорта, что никого интересоватъ не можетъ. Не все ли равно, отъ кого мы происходимъ, когда очень многіе изъ насъ могли бы съ болѣшимъ основаніемъ гордиться своимъ происхожденіемъ отъ обезьянъ, чѣмъ отъ тѣхъ предковъ или родителей, отъ которыхъ они произошли? Вопросу о нашемъ происхожденіи практическое значеніе и вызывающій характеръ даны были единственно только наложеннымъ на него запретомъ. Тоже самое должно сказать и объ идеяхъ, которымъ престижъ дается ихъ неизвѣстностію вслѣдствіе ограниченій, налагаемыхъ на распространеніе прессы. Кому изъ людей, имѣющихъ привычку и возможность читать, неизвѣстно, что положеніе рабочаго класса и заграничей, и у насъ въ настоящее время вообще обрѣтается не въ авантажъ? Кому изъ нихъ неизвѣстны тѣ безчисленныя теоріи, способы и комбинаціи, которыя придумываются и у насъ, и за-границей, чтобы извлечь ихъ изъ этого положенія? Но вотъ сидитъ человѣкъ, не способный къ развитію, въ глуши. Онъ самъ рабочій и на себѣ чувствуетъ всю тяжесть этого положенія, видитъ, что и другимъ извѣстнымъ ему рабочимъ въ другихъ мѣстахъ не легче. И вдругъ ему попадаетъ въ руки книга Флеровскаго «О положеніи рабочаго класса» — и она нагоняетъ на него ужасъ! — Изъ нея оказывается, что рабочимъ вездѣ тяжело; далѣе попадаетъ въ руки книга Милля, гдѣ указывается, что рабочимъ могло бы быть легко при другой постановкѣ труда — опять поражающее открытіе! Онъ къ какому нибудь ближайшему держимордѣ, является съ своими сомнѣніями, недоумѣніями — а тотъ въ отвѣтъ: «дескать, о такихъ предметахъ и думать не смѣть, сейчасъ упрячу въ кутузку» — а тутъ, можетъ быть, рядомъ какое нибудь другое подобное начальство, въ родѣ недавно опубликованнаго исправника, который предписываетъ, что всякаго, кто сдѣлалъ непохвальный отзывъ о немъ и его распоряженіяхъ, представлять къ нему. И человѣкъ, незнающій твердо ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей, ни того, что говорится и дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, что позволено и не позволено,

думаетъ, что онъ уже преступникъ или, по крайней мѣрѣ, что того, что онъ думаетъ и предполагаетъ, нельзя иначе достигнуть, какъ тайными путями. Однимъ словомъ, русскіе люди сплошь, даже интеллигентные—темные и сверхъ того запуганные люди. Пожалуйста, больше свѣту, всякаго свѣта и больше свободы! и тогда все пойдетъ хорошо.

Я опять-таки говорю все простыя вещи, совершенно понятныя и совершенно ясныя для всякаго, кто смотреть въ корень дѣла. И посмотрите, однакожь, какъ эти вещи не просты для многихъ людей интеллигентныхъ и даже литераторовъ. Князь Мещерскій написалъ дѣлую книгу, въ которой обвиняетъ прессу въ истребленіи или, по меньшей мѣрѣ, въ потрясеніи и ослабленіи всѣхъ общественныхъ основъ и узъ религіозныхъ, нравственныхъ, семейныхъ, политическихъ и т. д. и рекомендуетъ для реабилитаціи всего этого возвратиться къ прежнему крѣпостному порядку. Другіе рекомендуютъ, во избѣжаніе крѣпостнаго порядка, попытаться туда дальше, за Петра, въ глубь татарско-московской цивилизаціи: Петръ, дескать, началъ все портить, а литература только продолжаетъ его дѣло... Наконецъ, третьи, видя невозможность поворотовъ въ прошедшее, рекомендуютъ разобраться съ настоящимъ: либеральныя идеи похерить, а какъ это сдѣлать, никакихъ другихъ способовъ не указываютъ, кромѣ слѣдующаго: образовать вольную команду (вѣроятно, по образцу вольной динабургской команды) изъ національ-патріотовъ (такое названіе придумано), охотниковъ до собиранія разныхъ грязныхъ слетень и инсинуацій, каковая команда и будетъ, дескать, слѣдить за либеральными идеями въ литературѣ и дѣлать доносы. Такъ-таки прямо и говорятъ: дѣлать доносы!

«Какъ, возражаютъ имъ:—вы хотите грязнить литературу доносами! Да это позоръ, это срамъ для литературы!»

«Отчего же срамъ и позоръ? Мы будемъ доносить не по начальству, какъ доносить обыкновенные доносчики, мы будемъ доносить обществу», отвѣчаютъ національ-патріоты, желая оправдаться.

«Позвольте, говорятъ имъ:—да это ужъ чистая нелѣпость! Доносъ дѣлается для того, чтобы предупредить преступленіе, захватить его вд-время, уничтожить. Тутъ необходима власть, которая могла бы все это сдѣлать. У общества нѣтъ такой власти. По отношенію къ доносу, оно вовсе не юридическое лицо, а чисто отвлеченное понятіе. Что-нибудь одно изъ двухъ: или вы дѣлаете ни съ чѣмъ несообразную бессмыслицу, или черезъ литературу вы доносите подлежащему вѣдомству, т. е. обращаете литературу въ орудіе доносовъ?»

«А почему же бы и не такъ? Что-жъ позорнаго въ доносѣ?» возражаютъ національ-патріоты.

Да, позорнаго въ самомъ доносѣ, если онъ вполнѣ основательный, и дѣлается изъ искренней любви къ отечеству, конечно, ничего нѣтъ. Онъ, напротивъ, вмѣняется каждому вѣрнопопданному

въ обязанность, если отечеству угрожает опасность. Но онъ позоренъ только въ литературѣ. Каждая функція имѣетъ свое приличное мѣсто для своихъ дѣйствій. Вотъ, напримѣръ, продавать то или другое мясо—дѣло хорошее и полезное. Тѣмъ не менѣе, для храма было бы позорно, еслибы мясо стали продавать тамъ. Поэтому Спаситель и выгналъ изъ храма—и выгналъ даже очень сурово—тѣхъ, которые вздумали продавать тамъ разныя мяса, да при томъ еще такія, которыя должны были приноситься въ жертву. Точно также и у литературы есть свое опредѣленное служеніе, свои цѣли, средства—и доносы въ ней также не у мѣста, какъ продажа мяса въ храмѣ. Это первое, а второе вотъ что. Доносъ по идеѣ хотя и не заключаетъ въ себѣ ничего зазорнаго, но въ своемъ явленіи, за ничтожными исключеніями, онъ всегда почти оказывается дѣяніемъ зазорнымъ и срамнымъ. Это происходитъ оттого, что доносы рѣдко когда дѣлаются изъ чистой и искренней любви къ отечеству, всегда почти, напротивъ, въ основаніи ихъ лежатъ самыя грязныя и низкія побужденія—зависть, ненависть, месть, корысть и т. п. Желая удовлетворить этимъ безчестнымъ своимъ стремленіямъ, доносчикъ или выдумываетъ цѣлый доносъ, или къ какому-нибудь ничтожнымъ обстоятельствамъ, дѣйствительно бывшимъ, привираетъ столько своего, что отличить, что тутъ ложь, что истина, могутъ съ трудомъ, да и то не всегда—даже спеціальныя правительственныя органы, нарочно для этого поставленныя и вооруженныя всѣми средствами для разслѣдованія дѣла. Изъ ста домосовъ, быть можетъ, не болѣе 4%—5% справедливыхъ; остальные всѣ такіе. Потому-то въ старину еще сложилась извѣстная русская пословица: доносчику первый кнутъ. Представьте себѣ теперь, какою грязью наполнилась литература, еслибы доносы, по проекту національ-патріотовъ, получили здѣсь право гражданства: литература вѣдь не полицейское мѣсто; у ней нѣтъ ни органовъ, ни средствъ для разслѣдованія доносозовъ, для раскрытія, что въ нихъ есть истиннаго и что ложнаго. Потому вся грязь доносозовъ оставалась бы въ литературѣ въ своемъ нетронутомъ видѣ и литература, мало по малу, превратилась бы, какъ выражается Щедринъ, въ собраніе ретирадныхъ мѣстъ.

Въ своемъ «Finis Monrepò» г. Щедринъ назвалъ литературныхъ доносчиковъ гражданами ретирадныхъ мѣстъ. Это нѣкоторыхъ національ-патріотовъ шокировало: такое названіе показалось слишкомъ рѣзкимъ и несправедливымъ. А между тѣмъ, къ чему же стремятся въ дѣйствительности всѣ литературные доносчики, если не къ тому, чтобы литературу превратить въ ретирадное мѣсто? Я говорю: литературные доносчики, но это выраженіе не совсемъ точно. Въ литературѣ настоящіе доносы невозможны, т. е. доносы вполне доказательныя съ указаніемъ лица, подробнымъ изложеніемъ фактовъ, свидѣтелей и т. д. Въ литературѣ возможны только доносы—*инсинуации*, построенныя на догадкахъ, соображеніяхъ въ виду какихъ-нибудь ничтожныхъ

фактовъ, въ родѣ фактовъ относительно динабургской вольной пожарной команды, однимъ словомъ, доносы бездоказательные, тѣ самые доносы, относительно авторовъ которыхъ сложилась древняя русская поговорка: доносчику первый кнутъ. Потому, если изъ ста настоящихъ доносчиковъ 4% или 5% надобно назвать вполне честными потому, что они, какъ мы предположили, дѣлаютъ доносы вполне правдивые и изъ истинной любви къ отечеству, другихъ 96% или 95% можно назвать честными, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что, совершая скверное и позорное дѣло, они рискуютъ, въ случаѣ неуспѣха, подвергнуться всѣмъ тѣмъ тяжкимъ карамъ, которыми законъ угрожаетъ за подобныя дѣла, то каждого литературнаго доносчика или инсинуатора нельзя назвать иначе, какъ негодяемъ, въ точномъ и прямомъ смыслѣ этого слова. Будучи, по существу своей дѣятельности, совершенно одинаковымъ съ этими 96% или 95% прохвостами изъ доносчиковъ, онъ не имѣетъ даже и ихъ честности, т. е. честности предстать предъ подлежащимъ начальствомъ и понести, въ случаѣ неосновательности доноса, должную кару. Онъ мараетъ публично репутацію и честь другихъ, не только не опасаясь за это никакой кары, но разыгрывая роль спасителя отечества... Какъ же это не негодяй!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ современной жизни. Фельетонные разсказы Мастягаго Беллетриста. Спб. 1879.

Аристократія гостиннаго двора. Картины нравовъ Н. Морского. Спб. 1879.

I.

Русская «либеральная» литература въ чемъ-то ужасно виновата. Это можно отъ многихъ вѣрныхъ людей услышать. Это говорятъ и г. Цитовичъ, и г. Незлобинъ, и кн. Мещерскій, и г. Зарубинъ, и г. Катковъ, и г. Комаровъ, и Jean qui pleure, и Jean qui rit. Чего ужъ, значить, вѣрнѣе! Въ чемъ именно состоитъ вина либеральной литературы, объ этомъ я говорить не буду—пусть читатель справится въ первоначальныхъ источникахъ. Предупреждаю только его, чтобы онъ надѣлъ перчатки, ибо—грязно. Но странно, что всѣ эти чрезвычайно почтенные господа, справедливо или несправедливо взваливая на литературу отвѣтственность за преступления, имѣющія политическій характеръ, ничего не говорятъ о преступленияхъ, лишенныхъ всякаго политическаго отгѣнка. Почему бы этимъ чрезвычайно почтен-

нимъ господамъ не заняться разработкою отношеній между литературой съ одной стороны и Ландсбергами, Маевскими, Чижевскими, Юханцевыми и проч., и проч., и проч., имъ же нима легионъ—съ другой? Тѣма очень пикантная, очень благодарная, тѣмъ болѣе, что за послѣднее время совершенно не политическія убійства, кражи, всякія мерзости принимаютъ и количественно, и качественно колоссальный характеръ. Вамъ случается слышать такое неслыханное, что по истинѣ «за человѣка страшно» становится. Такой нравственной одичалости, объ какой свидѣтельствуесть наша криминальная хроника чуть не каждый день, давно уже въ лѣтописяхъ русской жизни не встрѣчалось. Главное, это нравственная одичалость. Преступленія не диво. Всегда и вездѣ они совершались, но совсѣмъ не всегда и не вездѣ является такъ много нравственно-тупыхъ преступниковъ, затѣвающихъ и исполняющихъ свое дѣло «съ легкимъ сердцемъ», съ полною беззаботностью, съ видомъ «нравственнаго карлика», какъ выразился о Ландсбергѣ, кажется, его защитникъ. Такъ вотъ нельзя ли подыскать корней этому обстоятельству въ литературѣ, въ «либеральной» или въ какой иной, это уже какъ придется. Невѣроятнаго тутъ ничего нѣтъ, ибо какъ разъ въ наше время и въ литературѣ происходитъ невиданное и неслыханное.

За послѣднее время русскій читатель, пробѣгая столбцы газетъ, не разъ, вѣроятно, спрашивалъ себя съ недоумѣніемъ: откуда у насъ въ литературѣ взялись бонапартисты? Кажется, Богъ избавилъ Россію отъ участи Франціи вынести на своихъ плечахъ Наполеоновъ I и III и имѣть въ перспективѣ Наполеона V. Всякіе виды видало наше не всегда счастливое отечество, но эта чаша миновала его. Откуда же бонапартисты? Откуда эти люди, до такой степени лишенные стыда, что какъ бы даже гордятся своей безобразной наготой, до такой степени нравственно ограниченные, что имъ никакой законъ не писанъ? Ложь, клевета, сквернословіе—все это, пожалуй, не ново въ нашей литературѣ, но совершенно нова та циническая откровенность, съ которою это теперь все продѣлывается. Прежде люди все-таки старались изворачиваться, старались показать, что, по крайней мѣрѣ, элементарныя требованія добропорядочнаго поведенія не совсѣмъ чужды ихъ пониманію и что есть у нихъ [за душой нѣчто такое, чего они въ оплеванномъ видѣ публикѣ не покажутъ. Когда человѣкъ дѣлаетъ гадость и при этомъ краснѣеть, извиняется или даже просто лжетъ, утверждая, что онъ этой гадости не сдѣлалъ, то вамъ все-таки остается утѣшеніе, что прародители наши не даромъ пострадали за вкушеніе плода съ древа познанія добра и зла. Ну, сдѣлалъ человѣкъ мерзость, это очень прискорбно, но, по крайней мѣрѣ, онъ не утратилъ способности понимать разницу между мерзостью и героическимъ подвигомъ. Теперь—и это чисто бонапартистская черта—люди сплошь и рядомъ готовы требовать лавроваго вѣнка или монтионовской преміи за такую мерзость, относительно которой и

малыя дѣти, и выжившіе изъ ума старцы не могутъ, кажется, усомниться, что она доподлинная мерзость. И когда этимъ людямъ не дають ни лавроваго вѣнка, ни монтіоновской преміи, а, напротивъ, ставятъ ихъ къ позорному столбу на судъ общественнаго мнѣнія или тянутъ къ установленному писанымъ закономъ суду, они искренно раздражаются на манеръ неправо оскорбленной невинности и грозятъ совершить еще и еще героическій подвигъ, то есть еще и еще мерзость. Они не понимаютъ! Вотъ что, по истинѣ, ужасно. Они не понимаютъ, подобно тому бушмену, который, на вопросъ о разницѣ между добромъ и зломъ, отвѣчалъ: хорошо украсть чужую жену, дурно, когда у меня укралютъ мою жену. Но первобытная наивность бушмена есть зачатокъ, сѣмя, изъ котораго, при благоприятныхъ условіяхъ, можетъ вырости здоровое и вѣтвистое древо познанія добра и зла. Совершенно такая же наивность Фіаленовъ де-Персиныи и Полей де-Кассаньяковъ есть, напротивъ, признакъ разложенія, за которымъ неизбѣжно должна слѣдовать смерть. Нужно продолжительное подготовительное дѣйствіе какихъ-то особенно развращающихъ условій, чтобы получился такой результатъ, какъ выбѣганіе на улицу нагишомъ, выбѣганіе наивно вонистующее, нетолько не сопровождающееся какимъ-нибудь сомнѣніемъ насчетъ причинія подобныхъ поступковъ, но совершающееся даже съ гордостью. Фрина, являясь ареопагу голая, была, по крайней мѣрѣ, на свою красоту, всѣми признанную. А тутъ какая ужъ красота!

Всегда и вездѣ могутъ оказаться отдѣльныя личности, страдающія нравственнымъ слабоуміемъ, такъ же неспособныя понимать, что хорошо и что дурно, какъ слѣпорожденный не понимаетъ, какая разниа между краснымъ и синимъ цвѣтомъ. Но такое явленіе имѣетъ исключительно психиатрическій интересъ: причины его только въ исключительныхъ случаяхъ или съ чрезвычайно общей точки зрѣнія могутъ разростись до размѣровъ общественнаго вопроса. Иное дѣло, когда нравственное слабоуміе всплываетъ наверхъ en masse и само получаетъ характеръ общественнаго дѣятели.

Съ недавняго времени у насъ сильно пошелъ въ ходъ такой беллетристическій приемъ. Разузнаетъ писатель интимныя подробности чьей-нибудь жизни, разузнаетъ путемъ дружбы, интимныхъ отношеній, распросовъ у свѣдущихъ людей, а иной, можетъ быть, даже путемъ совершенно спеціального служебнаго положенія (см. свѣдѣнія о г. Н. Морскомъ въ фельетонѣ «Недѣли» № 32 за 1878 годъ). Разузнаетъ и затѣмъ «изобличаетъ». «Изобличаетъ», впрочемъ, неподходящее слово. Это въ старые годы изобличали, а теперь опишутъ вашъ носъ, вашъ пиджакъ, обивку вашей мебели, дадутъ вамъ прозрачный псевдонимъ и затѣмъ, сплетая были съ небылицей, припишутъ вамъ какую-нибудь гнусность. Такъ какъ вы прямо все-таки не названы, то авторъ пасквилля всегда можетъ сказать:— Христось, молъ, съ тобой, это игра

ума и случайное совпадение. Приемъ высокоблагородный, конечно, но нѣсколько рискованный, потому мало ли какія неприятности могутъ изъ-за этой самой игры ума выйти.

Авторы произведеній, заглавія которыхъ выписаны въ заголовкѣ предлагаемыхъ замѣтокъ, оба очень хорошо знакомы съ этимъ истинно художественнымъ и высокоблагороднымъ приемомъ. У г. Н. Морского находимъ слѣдующій разговоръ:

— Что же за приятность: сидишь съ человѣкомъ и разговариваешь, а онъ за тобой, какъ соглядатай, все примѣчаетъ...

— Этакъ и насъ опишутъ когда, тетенька, пошутитъ Палаша.

— Не можетъ этого быть, спокойно рѣшила Марья Гавриловна, допивъ и накрывъ чашку: — побоится... приязники-то такъ вымнутъ бока...

«И, задумавшись на мгновение, прибавила:—это пустое.. писатель все человѣкъ бѣдный, не рѣшится на такое дѣло... а то и подкупить его можно» («Аристократія Гостиннаго двора», стр. 135).

Съ своей стороны, и г. Маслитый Беллетристъ сообщаетъ въ одномъ изъ «фельетонныхъ разсказовъ» какъ въ газетѣ «Плевательница» пишутся пасквили съ прозрачными псевдонимами (Шахматовъ-Шашкинъ, Ломовъ-Дуроломовъ и проч.) и какъ редакторъ этой чрезвычайно почтенной газеты, получивъ отъ одной дамы отгазъ раздѣлить его пламенныя къ ней чувства, нагло угрожаетъ ей пасквилямъ. «Отличная штука выйдетъ—говорить онъ:—особенно если мы обставимъ и какъ слѣдуетъ изобразимъ въ беллетристической формѣ, эдакъ въ видѣ маленькаго романчика, героемъ котораго сдѣлаемъ нѣкоего пламеннаго брюнета, именуемаго господиномъ Ломовымъ» («Изъ современной жизни», стр. 385). Впрочемъ, этого мерзавца, которому авторъ далъ кличку по шерсти—Мерзенштернъ, подъ конецъ разсказа, повидимому, просто бьютъ.

Итакъ гг. Н. Морской и Маслитый Беллетристъ хорошо знакомы съ тѣмъ благороднымъ художественнымъ приемомъ, который клеймится названіемъ пасквиля, и, повидимому, по достоинству цѣнятъ его. А такъ какъ эту свою оцѣнку они изложили на страницахъ «Новаго Времени», то тѣмъ изумительнѣе мужество этой газеты, не только напечатавшей повѣсть «Докторъ Самохвалова-Самолюбова», но и принявшей по этому поводу пасквили подъ свою специальную защиту. Читателю, вѣроятно, извѣстна эта исторія. Въ «Новомъ Времени» начали печатать повѣсть «Докторъ Самохвалова-Самолюбова», а такъ какъ въ ней, надо думать, были изображены носъ, цвѣтъ глазъ, обивка мебели и проч. доктора Кошеваровой-Рудневой, то и сама г-жа Руднева себя узнала и другіе ее узнали. Надо все-таки отдать справедливость нашему обществу, этотъ пасквиль возбудилъ всеобщее негодование, а г-жа Руднева подняла искъ о диффамациі. Редакція «Новаго Времени», съ своей стороны, не отрицала, что это дѣйствительно пасквиль, но находила, что профессія газеты «Плевательница» и ея редактора Мерзенштерна не только не есть что-ни-

будь заворное, а, напротивъ, особый видъ безкорыстнаго служенія отечеству и высокимъ идеаламъ. Газета доказывала именно, что, во-первыхъ, если творческія силы писателя не велики, то пусть онъ, по крайней мѣрѣ, изображаетъ голую правду, и что во-вторыхъ, надо казнить пороки. Въ примѣненіи къ настоящему случаю, эти разсужденія теоретизировали мерзенштерновскую практику, возводили ее въ принципъ. Ибо и Мерзенштернъ могъ бы сопроводить свой пасквиль такимъ комментариемъ: во-первыхъ, я пишу голую правду—герояня разсказа г. Маситата Беллетриста дѣйствительно грѣшить съ «нѣкимъ пламеннымъ брэнетомъ, именуемымъ Ломовымъ»; во-вторыхъ, я казню пороки—герояня прелюбодѣйствуетъ. Но редакция «Новаго Времени» пошла нѣсколько дальше редакціи «Плевательницы». Когда присяжный повѣренный Александровъ, по приглашенію г-жи Рудневой, всталъ вести ее дѣла, редакция «Новаго Времени» пригрозила и ему: напишемъ, дескать, и объ тебѣ голую правду и будемъ казнить твои пороки. Отчего не написать голую правду о г. Александровѣ и отчего не казнить его пороковъ! Но объявлять этотъ походъ ни раньше, ни позже, а именно въ ту минуту, когда г. Александровъ беретъ на себя дѣло г-жи Рудневой, это значитъ не только обнаруживать ростъ «нравственнаго карлика», но еще требовать себѣ за это уродство почета, уваженія, аплодисментовъ.

Конечно, пасквиль и убійство двѣ вещи разныя. Но, имѣя въ виду не самыя дѣянія, а ихъ нравственную подкладку, всякій безъ особеннаго напряженія мысли пойметъ, что Ландсберги и «Новыя Времена» представляютъ равно необходимыя слагаемыя какого-то итога, надъ чудовищностью котораго дѣйствительно стоитъ призадуматься. Полагаю, что наблюдатели «современной жизни» въ родѣ г. Маситата Беллетриста и рисующіе «картины нравовъ» въ родѣ г. Н. Морского, такъ хорошо знающіе цѣну Мерзенштерновъ, должны будутъ съ этимъ согласиться. Было бы поэтому чрезвычайно любопытно, еслибы проникательные обвинители современной литературы въ разныхъ грѣхахъ обратили свое вниманіе на эту сторону дѣла. Они имѣли бы при этомъ возможность внести значительныя поправки въ свои обвинения. Въ самомъ дѣлѣ, разсужденія ихъ можно формулировать примѣрно такъ: читая различныя вольнодумныя статьи по вопросамъ отвлеченнаго и общественнаго характера и таковое же вольнодумное обсужденіе текущихъ дѣлъ, молодежь пропитывается ядомъ отрицанія, и потому вся сила карательныхъ и стѣснительныхъ мѣръ должна быть направлена на корень зла, на укрощеніе вольнодумства въ литературѣ. Мы не тронемъ этого разсужденія ни однимъ пальцемъ, но пусть господа обвинители подумаютъ о слѣдующемъ. Ландсберги и Юханцевы, Чижевскіе и Маевскіе и какъ ихъ еще тамъ зовутъ, отравились навѣрное не изъ чаши вольнодумства. Скандаль, пасквиль, амурныя похождения, угодливость—вотъ ихъ обычная умственная пища. Ни одной «воль-

подумной» страницы они не прочтутъ, но за то съ жадностью проглотать романъ, дѣйствіе котораго разыгрывается въ «Гостиницѣ тринадцати повѣшанныхъ», въ которомъ дѣйствующія лица грабятъ, рѣжутъ, предаются утѣхамъ любви. А ужъ если эти утѣхи освѣщены какимъ-нибудь особенно пакостнымъ свѣтомъ, да если еще вдобавокъ въ томъ или другомъ героѣ можно признать «черты знакомаго лица», ихъ отъ романа за уши не оттащишь. Глубоко развращающее и прямо подстрекающее на преступленія вліаніе скандальной и уголовной беллетристики указано многими учеными психіатрами и криминалистами. Во Франціи, во времена Наполеона III, само правительство, которому, собственно говоря, было на руку это гнусное отвлеченіе общественнаго вниманія отъ общественныхъ дѣлъ, само правительство, наконецъ, ужаснулось, и министръ внутреннихъ дѣлъ Вильо обратился въ 1860 г. къ префектамъ съ такимъ циркуляромъ: «Эта легкая литература, добывающая успѣхъ цинизмомъ картинъ, безнравственностью интригъ, развратомъ героевъ, получила въ наше время печальное развитіе. Она вторглась подъ разными формами всюду, въ большія и мелкія газеты и во множество дешевыхъ изданій, специально посвященныхъ эксплуатаціи порока. Всякій, сохранившій хоть какое-нибудь уваженіе къ благопристойности, не можетъ оставаться равнодушнымъ. Богѣе, чѣмъ пора положить этому предѣлъ». Предѣлъ, разумѣется, не былъ положенъ, потому что и вообще въ такихъ случаяхъ предѣлы владутся не циркулярами, а, напротивъ, возможнымъ сокращеніемъ циркуляровъ. Недаромъ во время бонопартовскаго режима сложилась поговорка, что добродѣтель даетъ газетѣ 1000 экземпляровъ въ розничной продажѣ, а развратъ и преступленіе 20—30,000. Этотъ развращающій матеріалъ газеты черпали или изъ области собственной фантазіи, или изъ дѣйствительной жизни. Процессъ Тропмана, надлежаще приправленный, довелъ цифру экземпляровъ, напримѣръ, Petit Journal до 500,000. Редакторъ этой газеты Мильо дошелъ до такого безстыдства, что, по поводу другого подобнаго процесса, нѣкоего Паштена, задалъ пиръ на 300 человѣкъ, причемъ былъ провозглашенъ тостъ въ честь Тропмана, «благодѣтеля фирмы!» Уголовщина, скандалъ, сплетня, пасквиль, эксплуатируемые такъ безстыдно, концентрируютъ мерзостные соки, бродящіе въ обществѣ, и культивируютъ ихъ. Повторяю, это фактъ, признанный наукою. Литература есть дѣйствительно могучій дѣятель, могучій на добро и на зло и когда у нея вырвана кошица съ хлѣбомъ, она все-таки дѣйствуетъ, разсѣвая плевеы. Поэтому для изслѣдователя современной русской жизни было бы отнюдь не бесплодною задачею поискать въ литературѣ параллели нравственной одичалости, заявляющей себѣ въ скандальной и уголовной хроникѣ дѣйствительности. Такое изслѣдованіе пролило бы не мало свѣта на загадочный вопросъ: откуда у насъ въ литературѣ взялись бонапартисты? Не берусь рѣшить этотъ вопросъ, но думаю, что

вольнодумство и чрезмѣрная свобода въ обсужденіи теоретическихъ общественныхъ вопросовъ и текущихъ дѣлъ тутъ рѣшительно не причесть, что напротивъ усиленіе карательныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, какъ того желаютъ проищательные обвинители «либеральной» литературы, будетъ, между прочимъ, имѣть результатомъ дальнѣйшее развитіе скандала и сплетни. Чѣмъ ограниченнѣе поле теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, отведенное свободному обсужденію литературы, тѣмъ, понятное дѣло, больше мѣста остается для литературы развращающей и тѣмъ большій мракъ долженъ распространяться на и безъ того забитую границу между добромъ и зломъ.

Разумѣется, предложеніе мое останется втунѣ, это я очень хорошо знаю. Пронищательные обвинители не возьмутъ на себя труда разысканія литературныхъ корней и нитей той Ландсбергиды, той почти сказачной мрази, въ которую съ каждымъ днемъ все глубже и глубже опускается русская общественная жизнь. Не возьмутъ они на себя этого труда потому, что у нихъ самихъ «рыльце въ пушку». Пронищательность по части разысканія литературныхъ корней и нитей оставляетъ имъ достаточно досуга для упражненій въ уголовной, скандальной, клубничной и пасквильной беллетристикѣ. Мало того, проищательность даже съ особенною охотою облекается въ эти паскудныя формы, подъ предлогомъ изображенія «голой правды» и «казни порока». Мерзенштерны чрезвычайно проищательный народъ или, что то же, наши проищательные обвинители состоятъ почти сплошь изъ Мерзенштерновъ, а потому, разумѣется, нѣтъ никакой надежды, чтобы они въ самомъ дѣлѣ занялись любопытнѣйшимъ вопросомъ о происхожденіи русскихъ бонапартистовъ.

Предоставимъ, значитъ, этотъ вопросъ будущему. Я имъ тоже не займусь. Но я обращу ваше вниманіе на странность положенія нашихъ бонапартистовъ. Такъ какъ у нихъ нѣтъ Бонапарта, то есть такого живого конкретнаго образа, который былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и политическимъ и нравственнымъ символомъ, и единственнымъ источникомъ всяческой благостыни, и объединяющимъ центромъ, то они грызутся между собою даже въ несравненно большей степени, чѣмъ грызлись настоящіе французскіе бонапартисты, когда погибъ Наполеонъ IV и еще не обрисовался Наполеонъ V. И Воже! какія отвратительныя формы принимаетъ эта взаимная грызня бонапартистовъ, съ которыхъ снята даже уда Бонапарта, то-есть единственная возможная для нихъ нравственная уда!

Кн. Мещерскій попробовалъ было погладить г. Суворина по головкѣ за добропорядочное поведеніе (добропорядочное, конечно, въ совершенно специальномъ смыслѣ кн. Мещерскаго), но былъ за это облилъ изъ веселой глубины «Новаго Времени» такими помоями, что отскочилъ вѣроятно даже съ нѣкоторымъ ужасомъ. Г. Незлобинъ печаталъ свои пасквили въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Новомъ Времени», и вдругъ

изъ мрачной глубины курскаго острога раздается его голосъ, обзывающій эти почтенные органы «клоаками». «Новое Время», печатавшее пасквили г. Невлобина, посылаетъ ему въ свою очередь эпитетъ «грязнаго бездѣльника». Газета дѣлаетъ при этомъ прозрачные намеки, кого и за что именно выгнали откуда-то «съ позоромъ и даже съ пощечинами». Въ довершеніе всего г. Цитовичъ, подъявшій мечъ и издающій, кромѣ собственныхъ пронищательныхъ произведеній, еще пасквили г. Невлобина, вынужденъ печатно заявлять, что онъ никогда не занимался... мужеложствомъ!.. Большаго позора литература, кажется, не можетъ испытать, болѣе грязн даже ни одинъ типографскій станокъ не вынесетъ.

Говорятъ, что если посадить въ тѣсную банку нѣсколько пауковъ, то они начинаютъ ѣсть другъ друга. Особенно, говорятъ, скверны въ такихъ случаяхъ такъ называемые крестовики, тѣ обыкновеннѣйшіе у насъ пауки, у которыхъ природа нарисовала на спинѣ очень фигурные кресты. Я никогда этого не видалъ, но отвратительное должно быть зрѣлище: эти раздутыя, мясистыя, жадныя существа съ такими большими туловищами и такими маленькими головами хватаютъ другъ друга длинными, мохнатыми, крючковатыми лапами... бр! какая мерзость!

И все-таки нѣтъ худа безъ добра. Во-первыхъ, если пауки даже совсѣмъ другъ друга побѣдятъ, такъ что и на племя ничего не оставятъ, то человѣчество отъ этого ровно ничего не потеряетъ. Значитъ, пусть ихъ. А во-вторыхъ... во-вторыхъ, опять-таки пусть ихъ; пусть еще судорожнѣе корчатся крючковатыя лапы паука, которому другой такой же паукъ отъѣдаетъ голову, не замѣчая, что третій паукъ уже обхватилъ его такими же длинными, дѣйскими, но побѣдно дрыгающими лапами; пусть это зрѣлище скорѣе достигнетъ той высшей степени отвратительности, на какую оно только способно. Можетъ быть, тогда всѣ, кому слѣдуетъ, убѣдятся, что тѣсная банка есть только арена взаимнаго пожирания пауковъ.

II.

Однако, замѣтить, можетъ быть, иной наивный читатель, порокъ-то вѣдь надо казнить, и отчего же не дѣлать этого въ беллетристической формѣ? Замѣчаніе отчасти, пожалуй, резонное, а отчасти очень наивное. Хотя, по нынѣшнему времени, можетъ быть, не излишне было бы доказывать, что дважды два совсѣмъ не стеариновая свѣчка, но я все-таки слишкомъ уважаю читателя, чтобы пускаться въ разсужденія о мерзости пасквиля. А затѣмъ порокъ дѣйствительно казнить надо и дѣлать это въ беллетристической формѣ можно. Но если криминалисты замѣчаютъ, что настоящая, публичная казнь производитъ иногда на зрителей совсѣмъ неожиданное впечатлѣніе, побуждая ихъ къ подраженію палачу или преступнику, то тѣмъ паче справедливо это относительно казни беллетристической. Настоящій худож-

никъ и искренній человѣкъ можетъ, конечно, и въ беллетристической формѣ «глаголомъ жечь сердца людей», можетъ представить «порокъ» въ такомъ видѣ, что вполне передастъ читателю свое отвращеніе къ этому пороку. Но настоящіе художники, которые, еще въ добавокъ были бы искренними людьми, нынѣ такъ же рѣдки, какъ полунперіалы или серебряные рубли. Находящаяся же во всеобщемъ обращеніи мелкая разнѣнная монета литературы въ большинствѣ случаевъ «казнить порокъ», облизываясь и причмокивая. Тутъ и рѣчи быть не можетъ о силѣ отталкивающаго впечатлѣнія. Совершающій казнь, положимъ, и наговоритъ карающихъ словъ, но эти слова будутъ сами по себѣ, а образы сами по себѣ. Карающія слова будутъ холодно и механически разставлены тамъ, гдѣ имъ, по правиламъ реторики, быть надлежитъ, и потому ровно никакого впечатлѣнія не производятъ, а диническіе образы и картины, размалеванныя съ сочувственнымъ причмокиваніемъ и аппетитнымъ облизываніемъ губъ, сдѣлаютъ свое дѣло.

Съ этой точки зрѣнія, мы и предлагаемъ читателю посмотреть на произведенія гг. Мастыга Беллетриста и Н. Морского. Такого рода фельетонныхъ романовъ, повѣстей, очерковъ много. Но нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, творенія г. Незлобина, слишкомъ ужъ грязны, такъ что и притронуться къ нимъ отвратительно. Другіе, напротивъ, слишкомъ блѣдны, и по этому самому недостаточно типичны. Господь Мастыга и Морского съ насъ совершенно достаточно, тѣмъ болѣе, что оба они не лишены нѣкотораго таланта. Пожалуй, съ насъ было бы довольно даже одного г. Мастыга, и г. Морского мы беремъ не ради его сходства съ другими, а, напротивъ, ради его оригинальности, какъ читатель увидитъ. Но такъ какъ оба они печатали свои произведенія въ фельетонахъ газеты «Новое Время», принявшей пасквиль подъ свою фактическую и принципиальную защиту, и такъ какъ вообще весь этотъ жанръ состоитъ въ «казни порока» при помощи на половину вымышленныхъ, а на половину дѣйствительныхъ лицъ и событій, то надо сдѣлать оговорку. Разыскивать, гдѣ у нашихъ авторовъ кончается *Dichtung* и гдѣ начинается *Wahrheit*, мы не будемъ. Съ кого они портреты эти пишутъ, гдѣ разговоры эти слышать и насколько вѣрно передаютъ видѣнное и слышанное—это для насъ безразлично. Мы только посмотримъ на художественные приемы, при помощи которыхъ казнятъ порокъ современные добровольцы почастіи цензуры нравовъ. Иное отношеніе къ подобнаго рода произведеніямъ имѣло бы смыслъ, еслибы была какая-нибудь надежда усвѣстить рыцарей «Новаго Времени» и ихъ собратьевъ по рыцарскому ордену. Но я, по крайней мѣрѣ, такой честолюбивой мечты не питаю. «Новое Время» живеть скандаломъ, какъ живеть имъ какой-нибудь Поль де-Кассаньякъ, объ которомъ завтра же всѣ забудутъ, если онъ не напомнитъ о себѣ сегодня новой возмутительной выходкой. Обратите, въ самомъ дѣлѣ, вниманіе,

какъ встрѣчаетъ «Новое Время» дѣлаемыя ему указанія и наставленія. Изъ множества примѣровъ, которые могли бы составить въ цѣломъ прелестный букетъ цѣтовъ, рѣшительно всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ и формъ, беру два, три—наудачу.

Какъ-то «Новое Время» восхитилось книжонкой нѣкоего Гандтмана: «Der Slavismus im Lichte der Ethik». Но, обтекая мыслію судьбы славянства, почтенная газета не успѣла прочитать не только самой книжонки, а даже ея заглавія: она приписала это твореніе автору «Философіи Безсознательнаго», Гартману, и радовалась, что вотъ, дескать, какъ благосклонно судить о славянахъ знаменитый философъ. Между тѣмъ, на оберткѣ книжонки очень ясно напечатано: «Handtmann, Prediger in Seedorf bei Lenzen», а на стр. 12 этотъ Prediger даже полемизируетъ съ Гартманомъ, упрекая его въ недостатокъ уваженія къ славянамъ. «Биржевыя Вѣдомости» замѣтили по этому поводу, что не годится распространенной газетѣ такъ морочить публику. И распространенная газета на этотъ разъ отнеслась къ замѣчанію довольно терпимо: просто промолчала. Но когда тѣ же «Биржевыя Вѣдомости», уже преобразившись въ «Молву», дали «Новому Времени» другой урокъ нѣмецкаго чтенія, то газета г. Суворина чрезвычайно разсердилась. Дѣло въ томъ, что газета эта перевела статейку Бертольда Ауэрбаха по еврейскому вопросу, озаглавивъ ее: «Мужественное слово». При этомъ многоученая редакция, съ обычными усмѣшечками и остротами, объясняла, въ пику Ауэрбаху, что никакого «мужества» въ данномъ случаѣ онъ не выказалъ. «Молва» объяснила, что статейка Ауэрбаха называется въ оригиналѣ «Mahnwort» (напоминаніе) и что, смѣшавъ Mahn и Mann, то есть перевравъ Ауэрбаха, «Новое Время» не имѣло никакого резона еще и попрекать Ауэрбаха своей собственной ошибкой, за которую гимназисту поставили бы единицу. «Новое Время» и не подумало, конечно, повиниться въ ошибкѣ, даже не упомянуло объ ней ни однимъ словомъ, но за то съ яростью набросилось на г. Полетику, попрекая его, не помню ужъ чѣмъ, кажется, по обыкновенію тѣмъ, что онъ дурные мониторы строилъ. Какъ будто, еслибы г. Полетика строилъ хорошіе мониторы, то «Новое Время» было бы граматнѣе! Профессоръ Алексѣевъ сообщаетъ въ своемъ «Обзорѣ химической литературы за 1878 годъ» анекдотъ еще пикантнѣе. Привожу рассказъ въ подлинникѣ: «Въ газетѣ «Новое Время», № 780-й (7-го мая 1878 г.) явилась слѣдующая замѣтка: «30-го апрѣля, въ 5 часовъ по полудни (!), преподаватели гатчинскаго института, Борейша и Голубковъ, занимавшіеся вмѣстѣ съ г. Капустинимъ, открыли *метилент*—газъ, который тщетно старались получить многіе, весьма извѣстные химики». Затѣмъ слѣдовалъ рядъ разсужденій о важности и значенія этого открытія и о переворотѣ, который оно произведетъ въ химіи... Когда послѣдствіемъ оказалось, что редакция «Новаго Времени» сдѣлалась жертвою мистификаціи (Капустинъ оказался институтскимъ сторо-

жемъ), она не сочла нужнымъ въ этомъ сознаться, несмотря на просьбу одного изъ поименованныхъ въ этой замѣткѣ преподавателей».

Можно бы было еще припомнить, какъ газета открыла знаменитаго художника «Квинквеченто», какія совершенно никому неизвѣстныя свѣдѣнiя сообщала она своимъ читателямъ о Лун-Бланъ и еще многое, многое другое. Было бы даже не бесполезно составить возможно полный букетъ вздора, пущеннаго «Новымъ Временемъ» въ обращенiе. Но мы и безъ того далеко отошли отъ непосредственнаго предмета настоящихъ замѣтокъ. Читатель видитъ разницу между отношенiемъ газеты къ доходному и къ убыточному скандалу. «Новое Время» не говоритъ: да, мы насчетъ метилена провалялись и поставили преподавателя гатчинскаго института въ незаслуженное комическое положенiе; тѣмъ паче не угрожаетъ газета: но мы и еще провремся, мы такой газѣ откроемъ, что небу жарко станетъ! Однако, по дѣлу г-жи Кашеваровой-Рудневой редакция поступаетъ именно такъ; она говоритъ: да, мы напечатали пасквиль, но мы еще и г. Александрова обрабатываемъ! И это совершенно понятно. Смѣшенiе Гандтмана съ Гартманомъ, «мужественное слово» Ауэрбаха, открытiе метилена—все это скандалы, но убыточные. Еслибы какая-нибудь, столь же распространенная, какъ «Новое Время», газета взяла на себя трудъ слѣдить изо дня въ день даже не за идеями, а только за фактами, выпускаемыми газетой г. Суворина въ обращенiе, то послѣдняя весьма скоро была бы, говоря русской пословицей, убита не дубьемъ, а рублемъ. Совсѣмъ другое дѣло скандалъ по части пивантностей и въ особенности пасквиля. Тутъ всегда можно не только сознаться, но и пригрозить въ будущемъ еще болѣею непристойностью: розничная продажа вывезеть.

И такъ, мы ограничимся только художественными приѣмами гг. Маститаго и Морскаго.

Не знаю, помните ли вы маленькiй, но прелестный набросокъ Николая Успенскаго «Изъ дневныхъ записокъ». Авторъ этихъ записокъ, между прочимъ, желаетъ написать романъ въ трехъ частяхъ, но не можетъ подвинуться дальше начала первой главы. За то такихъ началъ онъ написалъ множество:

«Въ тихую лунную ночь, въ фруктовомъ саду, въ роскошномъ павильонѣ сидѣла молодая женщина чудной красоты, въ бѣломъ платьѣ. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ ея гибкiй станъ, падалъ на роскошную матовой бѣлизны грудь, съ легкимъ розовымъ отливомъ, нѣжную, какъ персикъ; изъ подъ платья рисовались ея ножки въ спальныхъ туфляхъ съ голубой обшивкой...

«На берегу пруда, подъ широколиственнымъ кленомъ стояла молодая женщина; шелестъ листьевъ и плескъ воды заставлялъ ее пугливо оглядываться и закрывать свою грудь рукой. Послѣ минутной нерѣшимости она начала сбрасывать съ себя одежду...

«Въ жаркiй полдень, въ фруктовомъ саду, подъ густою липою сидѣла молодая женщина, въ бѣломъ пеньюарѣ, съ полуоткрытою грудью съ отгнѣномъ матоваго цѣвта...

«Въ роскошной аристократической спальнѣ, вернувшись съ бала, стояла молодая женщина; она старалась освободиться отъ платья, которое разнурывала молодая горничная...

«Съ мраморной аристократической лѣстницы, при свѣтѣ лампы, спускалась, въ газовомъ платьѣ, молодая женщина съ обнаженной грудью...»

Замѣтите, какое разнообразіе: то лунная ночь, а то вдругъ жаркій лѣтній полдень, то широколиственный кленъ на берегу пруда, а то мраморная аристократическая лѣстница. Недостаетъ только бани. Но какое вмѣстѣ съ тѣмъ единство! Потому что и въ лѣтній полдень, и въ лунную ночь, и подъ широколиственнымъ кленомъ, и на мраморной аристократической лѣстницѣ происходитъ, собственно говоря, одно и тоже. Она, вездѣ она, терзающая разслабленное воображеніе поэта. вездѣ голая женщина, а вмѣстѣ съ тѣмъ—кто знаетъ! — можетъ быть, и «голая правда». Совершенно такое же единство въ разнообразіи представляютъ «фѣлетонные рассказы» г. Маститаго. Объединяющая точка рѣшительно та же самая, что и у автора «Дневныхъ записокъ», а отчасти и разнообразіе достигается тѣми же скромными средствами, то есть измѣненіями широколиственного клена на мраморную аристократическую лѣстницу. Но такъ какъ г. Маститый есть вмѣстѣ съ тѣмъ доброволецъ по части цензуры правотъ, то такимъ разнообразіемъ онъ удовольствоваться не можетъ: онъ иногда просто рассказываетъ пикантный анекдотъ, а иногда казнить порока. Это разнообразіе очень облегчаетъ задачу критики. Еслибы мы имѣли дѣло съ сплошною «казнью порока», какую представляютъ, на примѣръ, изданія г. Цитовичемъ творенія г. Незлобина, то пришлось бы употребить довольно сложный логическій аппаратъ для вскрытія истинныхъ вожделѣній самого автора. Положимъ, что и г. Незлобинъ, казня порока, облизывается и думаетъ: эхъ, кабы мнѣ самому это казненное мною грѣхопаденіе совершить! Но съ него надо снимать маску моралиста, а г. Маститый самъ лобзено ее снимаетъ. Стоить, значитъ, только сличить одинъ фѣлетонный рассказъ съ другимъ и тѣ художественные приемы, которыми казнятся порока, отдѣляются сами собой.

«Вся спальня была какъ бы въ голубомъ туманѣ отъ свѣта, пробившагося сквозь голубыя шторы, отъ голубыхъ обоевъ, голубой мягкой мебели и голубого съ бѣлымъ ковра. Средину комнаты занимала огромная, широкая кровать, обитая простеганнымъ атласомъ. Лучъ солнца, проскользавшій изъ за занавѣсъ оконъ, разбивался серебряными блестящими въ мягкихъ углубленіяхъ и возвышеніяхъ шелка и какъ будто тонулъ въ кружевахъ подушекъ. Поднявъ красивую, съ разметавшимися волосами, головку съ этихъ подушекъ, Анна Николаевна старалась подтянуть одѣяло до подбородка и какъ можно плотнѣе закутаться въ него отъ взглядовъ компаніи, окружавшей ея постель. Она кричала, хихикала, взвизгивала, извиваясь подъ одѣяломъ, причѣмъ ея даже слишкомъ роскошныя формы обрисовывались съ соблазнительною ясностію» («Изъ современной жизни», стр. 9).

«Комната была освѣщена розовымъ фонаремъ яйцевидной формы, спускавшимся надъ самою кроватью. Кровать помѣщалась посредникъ комнаты. Необыкновенно широкая, массивная, съ вычурно-изогнутой спинкой, украшенной фреской, во вкусѣ ренессанса, изображающей Леду и лебедя, съ розовымъ атласнымъ одѣяломъ, съ грудой подушекъ, окаймленныхъ кружевами, съ упругимъ стеганнымъ валикомъ въ ногахъ. Настоящее ложе кочетки со всѣмъ подлымъ шикомъ и комфортомъ этого рода мебели. На мягкомъ коврѣ съ ярко-голубымъ фономъ и пестрыми букетами, у самой кровати, бросались въ глаза бѣлыя туфли съ золотымъ шнуромъ, съ изогнутыми каблуками и какими-то воздушными, точно кремъ, бантами. На обѣихъ стѣнахъ, по сторонамъ кровати, сверкали огромныя продольныя зеркала, повѣшенныя такъ низко, что въ нихъ отражалась вся постель. Въ глубинѣ комнаты ниша, декорированная бархатной драпировкой; въ нишѣ видѣлась мраморная ванна, за которой также блестяло огромное зеркальное стекло. Однимъ словомъ, во всемъ убранствѣ виднѣлся былъ наглый расчетъ усилить впечатлѣніе сладострастія различными постыдными эффектами» (207).

«Полукруглая, вся обдѣланная зеркалами ниша, озаренная серебрянымъ свѣтомъ искривленнаго мавританскаго фонаря, отражаетъ широкую кровать. Свѣтло сѣрый шелковый пологъ, окаймленный розовымъ бордюромъ, схваченный наверху золотымъ кольцомъ, упадаетъ въ мягкихъ складкахъ, выгнутою линіею какъ будто какой-то волшебной палатки. На мягкомъ коврѣ, затканномъ по ярко-голубому фону бѣлыми и розовыми огромными цвѣтами, стоятъ маленькія восточныя туфли, алаго цвѣта, съ загнутыми носками и безъ задковъ; съ низенькой спинки мягкаго стеганнаго кресла небрежно свѣшивается брошенная въ беспорядкѣ бѣлая съ кружевами блуза. Въ матомъ свѣтѣ, разливаемомъ фонаремъ, носится легкій дымокъ курильницы, развѣвающий ароматъ съ мраморнаго столика, стоящаго у кровати. Въ мерцающемъ полусвѣтѣ алькова блестятъ ея иѣжныя глаза, обрисованныя чудною линіею ея трепещущія дѣвственныя плечи, слышится ея голосъ, то печальный и тихій, то звучащій серебрянымъ смѣхомъ. Ночь идетъ неслышно и незамѣтно. Сколько страстныхъ ласкъ, сколько лепета тайныхъ признаній, сколько порывовъ безумнаго веселья и безумной нѣги» (335).

Изволите видѣть. Кажется, простая штука — кровать, а между тѣмъ, при добромъ желаніи, сколько разнообразія можно ввести въ ея описаніе. Можно повѣсить надъ ней голубой фонарь, а можно и розовый, можно поставить возлѣ кровати алія туфли безъ задковъ, а можно и бѣлыя съ изогнутыми каблуками. Этого мало. Можно сказать мрачнымъ басомъ: вотъ кровать, убранная съ подлымъ расчетомъ на постыдные эффекты! Но можно и рекомендовать ее воркующимъ, задыхающимся теноркомъ: вотъ кровать, сулящая бездну наслажденій! Въ послѣднемъ случаѣ у надлежаще подготовленнаго читателя потекутъ слюнки, а въ

первомъ... въ первомъ тоже потекутъ слюнки, потому что, въ самомъ дѣлѣ, говорить ли человѣкъ басомъ или теноромъ, это нисколько не опредѣляетъ самаго содержанія его рѣчи. Если образъ или картина остаются неизмѣнными, то художественный (?) приемъ «казни порока» путемъ накопленія карающихъ словъ въ родѣ «постыдный», «подлый» ровно ни къ чему не ведетъ. А то вѣдь торговцы могли бы открыто продавать нимѣ запрещенныя непристойныя картинки. Стоило бы только комментировать ихъ карающими словами: пожалуйста, господа, купите эту отвратительную мерзость, это гнусное изображение порочныхъ страстей!..

Хотите еще примѣръ?

«Поза, которую она приняла, дышала самой задорной нѣгой. Она свѣсила по бокамъ свои красивыя руки и легкимъ, особеннымъ движеніемъ вдругъ какъ-то стаяла ими прозрачный туманъ широкаго утренняго пеллума, такъ что ея полная грудь, ноги, переплетенныя одна съ другой, однимъ словомъ, всѣ чертанія роскошнаго тѣла обрисовались подъ тонкимъ бѣлымъ батистомъ, точно она вышла сейчасъ изъ воды» (24).

«Стоя передъ нимъ и отбросивъ руки по бедрамъ, она судорожно сжимала бѣлыя складки капота на бокахъ, такъ что онѣ вытягивались и обрисовывали весь изгибъ пышной груди, двигавшейся подъ полотномъ» (141).

«— А вѣдь очень недурна дѣвочка, а? воскликнула она, вокетливо дурачася и, прижавъ обѣ руки по бокамъ назадъ, потянулась всѣмъ своимъ роскошнымъ станомъ и грудью къ Рядванову» (239).

Повидимому, тутъ разнообразія ровно никакого нѣтъ. Но это только потому такъ кажется, что единство ужъ очень сильно выступаетъ впередъ: всѣ эти прелестныя дамы, точно хорошо вымуштрованные солдаты, съ замѣчательнымъ единообразіемъ исполняютъ артикулъ веселаго грѣха, прижимая, по командѣ автора, руки къ бокамъ и «обрисовывая» свою «пышную грудь». Но имѣйте въ виду, что первая прелестная дама есть обыкновеннѣйшая кокетка, вторая—фантастическая женщина, ищущая сильныхъ ощущеній въ Сербіи, третья—женщина, ненавидящая своего мужа и подстрекающая своего любовника на убійство. Развѣ это не достаточно разнообразно? И развѣ не можетъ авторъ въ каждую данную минуту выхватить изъ ноженъ мечъ моралиста и воскликнуть: ты, бесстыдно обтагивающая складки на бедрахъ съ подлымъ расчетомъ гнусно обрисовать свою роскошную грудь! ты, нагло откидывающая свои обворожительныя руки, ты, и т. д. И порокъ будетъ казненъ. И отечеству будетъ оказана такая услуга, за которую меньше, какъ лавровый вѣнокъ, взять нельзя.

Этотъ возможность казнить порокъ столь простыми средствами (проще вѣдь и быть не можетъ) объясняется многое. Напримѣръ, г. Маститый, преслѣдуя порокъ до его послѣднихъ и мрачнѣйшихъ убѣжищъ, не останавливается передъ весьма прозрачнымъ

описаніемъ пороковъ противоестественныхъ. Это довольно рискованно, конечно, и даже весьма большіе художники никогда не рѣшаются преслѣдовать пороковъ столь далеко. Ихъ удерживаетъ отчасти элементарное чувство приличія, а отчасти то соображеніе, что этого рода пороки до такой степени презираются, до такой степени вынуждены прятаться, что и нѣтъ особенной надобности предавать ихъ публичной казни. Какъ и зачѣмъ казнить пороковъ, и безъ того всѣми презираемый и притомъ столь отвратительный, что до него нельзя прикоснуться, не совершая оскорбленія общественной нравственности? Но для г. Мастыгаго, владѣющаго секретомъ казнить пороковъ единственно карающими прилагательными, такія сомнѣнія не существуютъ. Онъ смѣло вступаетъ въ конкуренцію съ знаменитѣйшими изъ современныхъ карателей порока, съ «скандальными романами г. Адольфа Белло», какъ презрительно выражается герой скандальнаго разсказа «Изъ записокъ погибшаго». Героиня именно этого разсказа, кромѣ всякихъ другихъ мерзостей, предается пороку, извѣстному подъ названіемъ лесбійской любви. Впрочемъ, авторъ милостивъ въ этой прелестной Антонинѣ Аполлоновнѣ. Онъ не обременяетъ ее эпитетами «наглой», «безстыдной», «подлой», хотя она дѣйствительно глубоко подла и безстыдна. Напротивъ, онъ возводитъ ее нѣкоторымъ образомъ въ перлъ созданія при помощи такого рода моральной философіи: «было что-то такое въ этой женщинѣ, что ставило ее выше всѣхъ условныхъ понятій о нравственности; трудно понять въ чемъ заключалось это высшее ея обаяніе, но, кажется, въ томъ по преимуществу, что она свои порочныя увлеченія всегда возводила на степень захватывающей беззавѣтной страсти» (331). На этотъ разъ, значитъ, мечъ моралиста остается въ ножнахъ и ни одна смертоносная стрѣла изъ колчана карающихъ эпитетовъ не вынимается.

Но можетъ быть авторъ казнить на этотъ разъ пороковъ болѣе тонкимъ, болѣе художественнымъ приѣмомъ? Мудрено, однако, найти въ разсказѣ что-нибудь подходящее. Разсказъ ведется отъ лица «погибшаго», нѣкоего Рытвина, а погибъ онъ вдвойнѣ: во-первыхъ, измочалился въ объятіяхъ прелестной Антонины Аполлоновны, а во-вторыхъ, съ отчаянія, что эта бабенка его бросила, отправился освобождать сляванъ и тамъ убитъ. Достоинно вниманія, что «священная идея освобожденія» ни мало не отвлекаетъ умственного взора Рытвина отъ той «ниши», отъ того «салькова», отъ той «широкой кровати», гдѣ онъ наслаждался любовью Антонины Аполлоновны. Онъ весь полонъ благодарности за прошлое и не посылаетъ туда ни одной протестующей ноты. Этимъ опредѣляется цинически вызывающій тонъ разсказа. Авторъ можетъ быть поэтому хотѣлъ казнить пороковъ не непосредственно въ лицѣ дѣйствительно подлой и развратной бабенки, а въ лицѣ Рытвина, человѣка эту бабенкою столь измочаленнаго, что онъ только объ широкой кровати и думаетъ. Еслибы г. Мастытый, въ самомъ дѣлѣ, пожелалъ спрятаться за такой оборотъ дѣла,

то онъ все-таки уподобился бы тому торговцу, который считалъ бы себя вправѣ продавать непристойныя картинки съ караущими комментаріями. И прелестная Антонина Аполлоновна можетъ быть не безъ успѣха могла бы ему рипостировать не менѣе хитрымъ оборотомъ мысли: да, могла бы она сказать, а развратная бабенка и только измочаленный Рытвинъ способенъ меня идеализировать, но вѣдь еслибы я была менѣе развратна, Рытвинъ остался бы при мнѣ, и однимъ воиномъ за священную идею освобожденія славянъ было бы меньше—давайте же мнѣ лавровый вѣнокъ, декретируйте мнѣ благодарность отечества!

Нелѣпный, если хотите, чудовищный по нравственному слабумію оборотъ мысли. Но, когда наши добровольцы по части цензуры нравовъ серьезно говорятъ о своихъ правахъ на благодарность отечества за совершаемую ими казнь порока, развѣ это менѣе чудовищно?

III.

Но вѣдь порокъ соблазнителенъ, значить должно же быть въ немъ что-нибудь привлекательное. Какъ же художнику обойтись безъ изображенія этой привлекательности?

Вопросъ довольно элементарный, и если хотите даже чисто техническій. На это отвѣчаютъ произведенія великихъ мастеровъ. Но намъ не зачѣмъ за этимъ обращаться къ мастерамъ. Намъ это и подмастерье покажетъ. Разумѣю г. Морского. Объ немъ, впрочемъ, всего нѣсколько словъ.

Я не знаю и не хочу знать, чтѣ въ «Аристократіи гостиннаго двора» взято изъ дѣйствительности, и какими цвѣтами собственной фантазіи украсилъ авторъ свою «натуру». Я беру «Аристократію гостиннаго двора» въ качествѣ беллетристическаго произведенія, и смотрю на художественные приемы, которыми въ ней казнится порокъ.

Это вещь длинная, утомительно растянутая, сбивающаяся мѣстами на шаржъ, но въ ней есть положительно талантливыя и притомъ оригинально-талантливыя страницы. Мало того, автору въ самомъ дѣлѣ, удается «казнить порокъ». Дѣло это вовсе не такъ легко, какъ думаетъ г. Маститный, а потому стѣтъ остановиться на причинахъ удачи г. Морского. Большіе художники и искренніе люди, какъ уже сказано, достигаютъ этого просто силою своего художественнаго дарованія и своей искренности. Но хотя г. Морской и обнаруживаетъ талантъ, онъ, конечно, все-таки не большой художникъ; въ искренности его я тоже имѣю много резоновъ сомнѣваться, а потому склоненъ думать, что его удача есть именно только удача, случайный фактъ, объясняемый какими-нибудь внѣшними причинами. Можно даже, кажется, съ большою вѣроятностію указать на эти причины. Во-первыхъ, г. Морской вводитъ насъ въ весьма мало знакомый міръ сливокъ нашей нарождающейся и, однако, уже вырождающейся буржуазіи. Старикъ Дудкинъ, милліонеръ, начавшій свою карьеру

чѣмъ-то въ родѣ торговли мочеными грушами, еще ходитъ въ долгополомъ сюртукѣ, свято блюдетъ свою сѣдую бороду и самъ сидитъ за прилавкомъ. Его сынъ уже блистаетъ французскимъ языкомъ, связями съ французскими вѣвотками и утонченнѣйшимъ развратомъ, который его доводитъ до идіотизма. Это гнѣніе молочныхъ зубовъ въ собирательной части «аристократія гостиннаго двора», когда еще не успѣли притупиться старые острые и крѣпкіе клыки, естественно вызываетъ интересъ. Вторая причина удачи г. Морского заключается въ манерѣ изложенія, манерѣ чисто виѣшней, но во многихъ отношеніяхъ вывозащей нашего автора. Дѣло въ томъ, что вся книжка г. Морского почти сплошь написана какимъ-то своеобразно-монотоннымъ, ровно безучастнымъ письмомъ. Эта намѣренная или ненамѣренная, но очень выдержанная монотонность скрываетъ многія художественныя прорѣхи. Она прежде всего избавляетъ отъ необходимости довольствоваться карающими прилагательными тамъ, гдѣ авторъ не находитъ въ себѣ силы для полной обрисовки образа или картины. Авторъ не опускаетъ тона разсказа до густоты мрачнаго баса и не поднимаетъ его до высоты нѣжнаго тенора, и потому объ немъ можно сказать, что голосъ у него небольшой, но онъ имъ хорошо владѣетъ. Своеобразное впечатлѣніе при этихъ условіяхъ производитъ именно «казнь порока». Комическаго таланта у г. Морского нѣтъ ни на волосъ и, вступая въ эту область, онъ немедленно впадаетъ въ шаржъ и грубую карикатуру. Не велика можетъ быть сама по себѣ и способность изображать трагическое, но тѣмъ не менѣе есть очень хорошія страницы въ этомъ родѣ. Кое-что выдѣлилось само собой на общемъ, монотонно сѣромъ фонѣ, а что не вышло, не удалось, то, безъ особеннаго оскорбленія эстетическаго чувства, такъ и исчезаетъ въ общемъ сѣромъ фонѣ, какъ будто авторъ намѣренно небрежно мазнулъ кистью. Г. Морской вообще какъ будто не гонится за эффектами и возмутительнѣйшія вещи разсказываетъ ровнымъ, небрежно-холоднымъ, монотонно-сѣрымъ языкомъ. Можетъ быть, въ этомъ контрастѣ и весь его секретъ. Такъ или иначе, но если читатель, даже получившій свое нравственное воспитаніе на фельетонныхъ разсказахъ г. Маститаго или въ объятіяхъ Антонины Аполловны, прочтетъ, наиримѣръ, разговоръ Дудкина-junior съ докторомъ въ театрѣ («Аристократія гостиннаго двора», стр. 197) или сцену оргіи на стр. 203—206, у него уже навѣрное не потекутъ слюнки.

А между тѣмъ, г. Морской есть только подмастерье. Значитъ, можно же, изображая «порокъ», не отступать отъ болѣе чѣмъ труизма, отъ простой тавтологіи: мерзость есть мерзость. Не велика заслуга помнить этотъ афоризмъ, но когда общественные дѣатели, публицисты, журналисты, ежедневно поучающіе свою публику истинамъ морали и политики, неустанно, словомъ и дѣломъ твердятъ, что мерзость есть героическій подвигъ, то и нравственная азбука становится дѣломъ не лишнимъ.

Н. М.

ПЕРВОЕ АВГУСТА.—ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ.

ПЕРВОЕ АВГУСТА.

Послѣ родственной суматохи, которая преслѣдовала меня въ теченіи цѣлаго іюня, іюль прошелъ вяло, въ какомъ-то томительномъ отчужденіи. Тотъ, кто, подобно мнѣ, провелъ этотъ мѣсяцъ въ Петербургѣ, среди неусыпающихъ дождей и бодрствующихъ дворниковъ, тотъ пойметъ снѣдавшую меня тоску. Но я ужъ и тому былъ радъ, что никакой внутренней политики не случилось... Слава Богу! слава Богу!

Говоря по совѣсти, я лично не имѣю никакихъ причинъ опасаться внутренней политики. Живу я престо, до того просто, что и прислуга, и швейцарь, и дворники, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, могутъ свидѣтельствовать о моей невинности; ремесломъ своимъ занимаюсь открыто; за хорошія дѣла—жду помилованія, за среднія—прошу не взыскать, за худыя—благодарю и приѣмлю и ни мало вопреки глаголю. Травы не мну, рыбы не ловлю, птицъ не пугаю. Все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ такого рода «поведеніе», которое нетолько въ Уложеніи о наказаніяхъ, но даже въ брошюрахъ одесскаго профессора Цитовича не предусматривается. Стало быть, ходи вольнымъ аллюромъ—и шабашъ.

Однакожь, какъ я ни стараюсь приспособить свою поступь къ вольному аллюру, но успѣха достигъ не могу. Существуютъ причины, которыя положительно всѣ мои усилія въ этомъ смыслѣ обращаютъ въ ничто; и, къ стыду моему, я долженъ сознаться, причины эти лежатъ не столько во внѣшней обстановкѣ, среди которой я живу, сколько во мнѣ самомъ.

Во-первыхъ, я слишкомъ ужъ давно живу, и это вводитъ и меня самого и другихъ въ заблужденіе. Когда долго живешь на свѣтѣ, то непремѣнно думаешь, что нивѣсть сколько нагрѣшилъ. И утопіи, и филантропіи, и фаланстеры, и даже военныя поселенія — все тутъ было! Однихъ «книжекъ» сколько—это ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать! Какъ съ этимъ быть? Рассказаться—лѣнь, сдѣлать бывшее небывшимъ — невозможно; стало быть, приходится существовать, сознавая себя въ положеніи стараго волка, которому когда-нибудь отольются-таки овечьи слезки. Ужасно это тяжело. Конечно, когда кругомъ царствуетъ тишина,

когда дворники бездѣйствуютъ, а городовые дѣлаютъ подъ козырёкъ—тогда даже мечты о военныхъ поселеніяхъ кажутся пустяками. Вздоръ да и все тутъ! Но когда...

Да, тишина—великое дѣло. Человѣкъ отъ природы такъ созданъ, что предпочитаетъ спокойствіе безпокойству, а потому онъ инстинктивно олицетворяетъ въ тишинѣ тотъ прекрасный удѣлъ, который на обыкновенномъ языкѣ называется счастьемъ. Ежели человѣка не беспокоятъ—онъ счастливъ, а ежели, сверхъ того, онъ знаетъ, что и завтра его беспокоить не будутъ—у него ужъ вырастаютъ крылья. Гордо и самоувѣренно идетъ онъ по стезѣ, загроможденной всевозможными преступными пустяками, и ни минуты не сомнѣвается, что всѣ эти пустяки суть дѣйствительно пустяки, и, въ качествѣ таковыхъ, непременно сойдутъ ему съ рукъ. И сходятъ. Какъ хотите это назовите: недоразумѣніемъ, послабленіемъ, упущеніемъ или просто волшебствомъ, но сходятъ, сходятъ и сходятъ. Есть у счастливыхъ людей звѣзда, которая путеводитъ ихъ и ограждаетъ отъ высканій. Не даромъ еще въ прошломъ столѣтіи Сумароковъ возглашалъ:

Ты, фортуна, украшаешь

Злодѣанія людей,

И мечтанія мѣшаешь

Разсмотрѣти жизни сей...

Сидишь себѣ, счастливый и довольный, и въ мечтахъ опутываешь Россію дѣлою сѣтью военныхъ поселеній. И даже въ голову не приходитъ, что когда-нибудь это невинное опутываніе отлякнется для тебя «разсмотрѣніемъ жизни сей»...

Но какъ только повѣтъ со стороны холодеомъ и зашевелится дворники—конецъ счастью. Человѣкъ начинаетъ озираться, прислушиваться, и въ сердце его заползаетъ тупая, тревожная боль. Коль скоро эти признаки на лицо, знайте, что немедленно вслѣдъ за ними явится и потребность «разсмотрѣнія жизни сей». Потребность, нерѣдко ничѣмъ не мотивированная, но въ то же время до того естественная, что отдѣлаться отъ нея нѣтъ никакой возможности. Сиди и рассматривай, доколѣ не усмотришь. А ежели, несмотря на самыя искреннія усилія, все-таки ничего не усмотришь, то, пожалуй, и еще того хуже: непременно хоть что-нибудь да наклепешь на себя. И наклепавши, тѣмъ самымъ признаешь себя достойнымъ внутренней политики.

И такъ, первая причина, убивающая во мнѣ вольный аллюръ, есть причина чисто личная, заключающаяся въ томъ, что я слишкомъ давно живу.

Вторая причина — болѣе общая. Мы, русскіе, какъ-то черезчуръ ужъ охотно боимся и притомъ боимся всегда съ увлеченіемъ. Начинаемъ мы бояться почти съ пеленокъ; сначала, боимся родителей, потомъ—начальства. Иногда даже Бога боимся, но рѣдко: больше изъ учтивости, при собесѣдованіяхъ съ лицами духовнаго вѣдомства. Я помню, что еще въ школѣ начальство старалось искоренять во мнѣ начальственную боязнь. Чего вы бо-

итесь? говорило оно мнѣ:—намъ не страхъ вашъ нуженъ, а любовь и довѣріе. Все равно какъ въ пѣснѣ поется: *мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь...* А я и за всѣмъ тѣмъ продолжалъ бояться. И нельзя сказать, чтобъ я не понималъ, что быть откровеннымъ и любящимъ ребенкомъ выгоднѣе—его никогда безъ послѣднаго кушанья не оставляютъ—понималъ я и это, и многое другое, и все-таки пересилить себя не могъ. Идешь и думаешь: а вотъ сейчасъ выскочить изъ-за угла гувернёръ—и поминай какъ звали!

Разумѣется, я не думаю, чтобы такова была характеристическая черта нашей національности. Я знаю, что это дурная привычка—и ничего болѣе. Но она до такой степени дѣрзко зашла въ насъ, что побѣдить ее ужасно трудно. Уже сколько столѣтій русское государство живетъ славною и вполне самостоятельною жизнью, а мы, граждане этого государства, все еще продолжаемъ себя вести, какъ будто надъ нами тяготѣтъ монгольское иго, или австріякъ насъ въ плѣну держитъ. Робѣемъ, корчимся, прислушиваемся ко всякимъ шорохамъ, смущаемся при выходѣ ретирадныхъ брошюръ, раскаяваемся, клепемъ на себя и на другихъ; однимъ словомъ, мнимъ себя до такой степени послѣдними изъ послѣднихъ, что изъ всего Державина сохранимъ въ памяти только одинъ стихъ:

А завтра — гдѣ ты, человекъ?

И кого боимся? Того самаго начальства, которое еще съ школьной скамьи твердитъ намъ: не страхъ вашъ нуженъ, а довѣріе и любовь!

Нигдѣ такъ много не говорятъ по секрету, какъ у насъ; нигдѣ (даже въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ) такъ часто не прорывается фраза: ахъ, какъ это вы не боитесь! нигдѣ такъ скоро не теряютъ присутствія духа, такъ легко не отрекаются. Словомъ сказать, нигдѣ не боятся такъ натурально, свободно, почти художественно.

Но что всего хуже: свойственный намъ, русскимъ, страхъ вовсе не принадлежить къ числу такъ-называемыхъ спасительныхъ. Еслибъ еще это было такъ, то, конечно, лучшаго бы и желать не надо. Спасительный страхъ научаетъ терпѣнію—вотъ неоцѣненная польза, имъ приносимая. Если видишь, напримѣръ, себя на краю пропасти, то остановись и ожидай пока вѣдомство путей сообщенія не устроитъ здѣсь безопаснаго спуска. Если же нужно тебѣ переправиться черезъ рѣку, то не дерзай исвать бродъ, но увѣдомь о своей нуждѣ подлежащую земскую управу и ожидай пока она устроитъ мостъ или паромъ. Если встрѣтишь чело-вѣка, который будетъ приглашать тебя, въ качествѣ попутчика, въ страну утопій, то жди покуда не будетъ выдана казенная подорожная. Таковъ «спасительный» страхъ въ томъ видѣ, въ какомъ оный предписывается во всѣхъ предначертаніяхъ. Къ сожалѣнію, совсѣмъ не таковъ нашъ общепотребительный, русский страхъ. Увы! подъ гнетомъ его мы ни мало не науча-

емся терпѣннѣю, а просто-на-просто поремъ горячку и мечемся. И вслѣдствіе этого, не только не останавливаемся на краю пропасти, но чаще всего стремглавъ лѣземъ на дно оной.

Виновать ли я лично въ томъ, что эта хроническая боязнь обуреваетъ меня? конечно, виновать, если взять въ соображеніе, что моя боязнь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ослушаніе. Съ отроче-скихъ лѣтъ твердить мнѣ начальство, что бояться не дозволяется, а я не слушаюсь, боюсь, то есть выказываю отвагу именно въ такомъ пунктѣ, гдѣ ея совсѣмъ не требуется—ясно, что я виновать. Но съ другой стороны, какъ посмотрю я кругомъ—развѣ я одинъ боюсь? Нѣтъ, всѣ боются, всѣ до единого. Столько у насъ, въ послѣднее время, развелось угрозъ, что боязнь сдѣлалась даже чѣмъ-то въ родѣ развлечения, почти занятіемъ. Еслибъ я не боялся, то, навѣрное, въ скоромъ времени совсѣмъ сгнѣ бы отъ праздности. А теперь я все-таки чѣмъ-нибудь занять. Во-первыхъ, стараюсь угадать угрозу, во-вторыхъ, придумываю способы оборониться отъ нея, устроить такъ, чтобы она ударила по сосѣду, а не по мнѣ. Для ума пытливаго тутъ нищи безъ конца. Обдумываешь, ходатайствуешь, оправдываешься, раскаиваешься и, наконецъ, возвращаешься домой усталый, почти измученный. Строишь—анъ въ результатѣ не только время прошло, но и самое представленіе объ угрозѣ куда-то испарилось, словно его совсѣмъ и не было...

И такъ, вотъ въ этой-то смутной боязни прошелъ для меня весь июль мѣсяць.

Я былъ одинъ, а одиночество дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи особенно деморализующимъ образомъ. Въ одиночествѣ, каждая филантропія принимаетъ размѣры пособничества, каждое военное поселеніе—размѣры потрясенія основъ. Конечно, и это бы ничего (повторяю: и въ кварталѣ извѣстно, что пустыни все это!), но что дѣйствительно ужасно—это воспитываемая одиночествомъ склонность къ примѣненію соответствующихъ статей Уложенія о наказаніяхъ ко всѣмъ этимъ пустыкамъ. Сидишь одинъ одинѣшенекъ, прислушиваешься къ окрестнымъ шорохамъ—и примѣняешь. Такъ что ежели при этомъ въ комнатѣ еще темно, то положительно дѣлается жутко. Въ ухахъ раздается незаслуженное: фюи! и непремѣнно всѣ самые глупые романсы, всѣ безшабашнѣйшія метафоры, какими когда-либо украшались страницы русскихъ хрестоматій—все такъ и ползетъ изъ всѣхъ заколустьевъ памяти. Тутъ и «ямщикъ лихой, онъ всталъ съ полночи», и «сабля моя стучала по верстовымъ столбамъ, какъ по частоволу»—все тутъ. И въ заключеніе—«разсмотрѣніе жизни сей», какъ неизбѣжный продуктъ этихъ романсовъ. Глупо, неестественно, несбыточно до очевидности, но въ тоже время какъ-то мрачно-правдоподобно.

Разумѣется, я принималъ всѣ мѣры, чтобы избѣжать одиночества. Съ утра уходилъ къ Палкину, слушалъ машину, любовался на стерлядей, плавающихъ въ бассейнахъ, и разспрашивалъ, сколько вонъ та стоитъ и сколько вонъ эта. Потомъ, отправлялся

*

въ зоологической садъ и вмѣстѣ съ кадетами смотрѣлъ на кормленіе звѣрей; потомъ, устремлялся къ «Медвѣдю», гдѣ съ истинно-дикимъ наслажденіемъ глоталъ протухлый воздухъ; а вечеромъ — въ Демидронъ, гдѣ дѣлалъ умственные выкладки, сколько противъ прошлаго года прибавилось килограммовъ въ дѣвицѣ Филиппо. Затѣмъ, возвращаясь поздно вечеромъ домой, я съ любопытствомъ всматривался въ фізіономію швейцара, усиливаясь прочесть, не написано ли на ней чего-нибудь внезапнаго, и ежели прочитывалъ только заспанность, то ложился въ постель и старался заснуть съ такимъ расчетомъ, чтобы Уложеніе о наказаніяхъ ни подъ какимъ видомъ не отравило моихъ сновидѣній.

Къ сожалѣнію, какъ ни дѣйствительно представлялись эти мѣры, но досуга для «разсмотрѣнія жизни сей» все-таки оказывалось болѣе нежели достаточно. Къ тому же, въ послѣднее время, возникъ для меня еще новый мотивъ для разсмотрѣній.

Дѣло въ томъ, что по поводу моей литературной дѣятельности возникаютъ нѣкоторые обвинительные слухи, которые, съ теченіемъ времени, приобрѣтаютъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Обвиняютъ меня въ беллетристическомъ двоедушіи, требуютъ, чтобы я повелъ дѣло на чистоту и показалъ свое знамя. Признаюсь откровенно, слухи эти дѣйствуютъ на меня болѣзненно. Во-первыхъ, я вообще избѣгаю разговоровъ о своей личности, и тѣмъ болѣе разговоровъ печатныхъ, которые имѣютъ свойство привлекать, въ качествѣ невольнаго посредствующаго лица, публику; во-вторыхъ, чтожь это, въ самомъ дѣлѣ, за требованіе такое: покажи свое знамя? Какое такое знамя? развѣ у обывателей полагаются знамена?..

Тѣмъ не менѣе, я не желаю прикидываться ни равнодушнымъ, ни презирающимъ. Говорю прямо: окрики эти трогаютъ меня. Я слишкомъ давно и слишкомъ дѣятельно принимаю участіе въ русской литературѣ, чтобы имѣть возможность разыгрывать роль посторонняго зрителя относительно жизненныхъ явленій вообще, а стало быть и относительно дѣлаемыхъ по моему поводу оцѣнокъ. Но этого мало; писанія мои до такой степени проникнуты современностью, такъ плотно прилаживаются къ ней, что ежели и можно думать, что они будутъ имѣть какую-нибудь цѣнность въ будущемъ, то именно и единственно, какъ иллюстрація этой современности. Поэтому, всѣ характерные признаки ея необходимо должны оказывать на меня извѣстное дѣйствіе. Тщетно усиливался бы я замкнуться въ самомъ себѣ, тщетно старался бы не видѣть и не слышать: лая самой ледящей собаченки, ежели онъ повторяется регулярно, вполне достаточно, чтобы нарушить эту замкнутость и обратить въ ничто мое насильственное равнодушіе. Это до такой степени вѣрно, что даже люди, желающіе познакомиться съ моимъ знаменемъ — и тѣ ни на что другое не бьются: ни на логику, ни на софизмъ, а именно только на раздражающее дѣйствіе, которое долженъ оказывать періодически возобновляемый

лай на человека, связаннаго крѣпкими узами съ современностью, и потому вынуждаемаго время отъ времени являться съ публичными отчетами объ ней.

Начну съ обвиненія въ двусмысленности или, иначе, въ двоедушіи, а еще проще—въ обманѣ. Говорать, будто я (и конечно, съ умысломъ) такую особенную манеру писать изобрѣлъ, которая постоянно вводитъ въ заблужденіе. Кого же, однако, я хочу обмануть?

Ежели предполагается, что я желаю обмануть ту читающую публику, къ которой обыкновенно обращаюсь, то предположеніе это не имѣетъ и тѣни правдоподобія. Я дѣйствую въ русской литературѣ больше тридцати лѣтъ, и изъ нихъ около двадцати пяти лѣтъ, быть можетъ, даже слишкомъ часто напоминаю о себѣ читателямъ. Мнѣ кажется, что этого совершенно достаточно, чтобы публика поняла, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, и чтобы я не имѣлъ надобности въ дополнительныхъ объясненіяхъ и подчеркиваньяхъ. И дѣйствительно, она до такой степени ознакомилась со мной, а въ особенности съ тѣми намѣреніями, которыя стоятъ у меня на первомъ планѣ, что я просто на просто ни спрятаться за псевдонимомъ, ни притвориться не самимъ собой не могу. И я думаю, что ежели читатель такъ легко узнаетъ меня, то причина этого заключается не столько въ манерѣ моихъ писаній, сколько въ ихъ содержаніи. Такъ что если бы я, напримѣръ, позволилъ себѣ порицать добродѣтель и возвеличивать порокъ, то я убѣжденъ, что, несмотря ни на какія «манеры», публика поняла бы, что я сдѣлалъ дурной поступокъ и отвернулась бы отъ меня.

Не надо забывать, что русскій писатель вообще (а въ томъ числѣ, конечно, и я) имѣетъ дѣло съ очень ограниченнымъ кругомъ читателей, который, право, не такъ-то легко объгорить «манерами». Въ средѣ этой есть люди, симпатизирующіе мнѣ, но найдется достаточно и такихъ, которыхъ одно напоминаніе обо мнѣ приводитъ въ раздраженіе. Ужели и эти симпатіи, и эти ненависти имѣютъ источникомъ одно недоразумѣніе? По моему, это уже слишкомъ явная бессмыслица, чтобы нужно было ее опровергать.

Ежели же предположить, что я желаю своими «манерами» обмануть начальство—упаси Богъ! Кромѣ того, что я совершенно правильно сознаю свои обязанности въ отношеніи къ начальству, я положительно убѣжденъ, что начальство понимаетъ мои желанія столь же ясно, какъ и публика. Оно видитъ мое усердіе и сознаетъ, что если я повременамъ заблуждаюсь, то не по обдуманному заранее умыслу, а по простотѣ душевной и изъ желанія помочь ближнему. Сверхъ того, оно знаетъ, что хотя существованіе такого писателя, какъ я, и не приносить большой славы отечеству, но оно и не безчеститъ его, а стало быть, во всякомъ случаѣ законами не возбраняется. Если же и можно заподозрить меня въ томъ, что я не всегда выкладываю все,

что у меня на душѣ, то и въ этомъ начальство усматриваетъ не двоедушіе и обманъ, но лишь полезную сдержанность, которую я приношу въ жертву на алтарь отечеству. И, по соображеніи всѣхъ этихъ усмотрѣній, не находя достаточныхъ поводовъ для принятія мѣръ строгости, оно предоставляетъ мнѣ спокойно заниматься моимъ ремесломъ.

Я не отрицаю, что въ писаніяхъ моихъ нерѣдко встрѣчаются вещи довольно неожиданныя, но это зависитъ отъ того, что въ любомъ курсѣ реторики существуютъ указанія на тропы и фигуры, и я, какъ человѣкъ, получившій образованіе въ казенномъ заведеніи, не имѣю даже права оставаться чуждымъ этимъ указаніямъ. Есть метафора, есть метонимія, синекдоха... Наконецъ, существуютъ особыя рубрики литературнаго труда, носящія названія «сатиры», «эпиграмы» и проч., которыя тоже, съ разрѣшенія реторики, допускаются въ обнародованію, съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, надлежащее количество экземпляровъ было представлено въ цензурный комитетъ. Теперь, сообразите: вѣдь начальство само предписало преподаваніе реторики въ казенныхъ заведеніяхъ — какимъ же образомъ оно можетъ, безъ явнаго противорѣчія съ самимъ собой и даже безъ явной несправедливости, преслѣдовать то, что разрѣшено имъ самимъ разрѣшенною реторикой?

Съ вещественными доказательствами въ рукахъ, я могу утверждать, что все, написанное мною въ теченіи тридцати лѣтъ, совсѣмъ не «обманъ» (на такую литературную рубрику даже въ реторицѣ Георгіевскаго указаній нѣтъ), но вполнѣ согласно съ предписаніями реторики. Если же я, еще разъ повторю, отличаюсь въ писаніяхъ своихъ сдержанностью, то есть даже дозволеніями реторики не рѣшаюсь вполнѣ пользоваться, то въ глазахъ начальства это не порокъ, а достоинство. Сколько лѣтъ человѣкъ пишетъ, и все сдерживаетъ себя — стало быть, это именно и есть испытанный и вполнѣ достойный гражданинъ! Совсѣмъ не то, что шавки, которыя, выбѣжавъ изъ ретраднаго мѣста, въ одну минуту вылаютъ ту соринку, которая завалась у нихъ за душой; не понимая, вредна она или безопасна, содѣйствуетъ или компрометируетъ... Вотъ какъ разсуждаетъ начальство, и, по моему мнѣнію, разсуждаетъ сознательно, а не вслѣдствіе какого-то умопомраченія, которое будто бы исходятъ изъ себя мои литературныя работы.

Какъ бы то ни было, но обвиненія въ двоедушіи и обманѣ, какъ относительно публики, такъ и относительно начальства, оказываются вполнѣ несостоятельными. Сами обвинители мои только притворяются недоумѣвающими. Очень хорошо они знаютъ, объ чемъ я говорю, и если имъ что во мнѣ не нравится, то это именно моя сдержанность. Они не безъ основанія полагаютъ, что, будь я менѣе сдержанъ — изъ этого непременно произойдетъ для меня молчаніе. Вотъ чего имъ хочется, а мнѣ этого не хочется. И какъ ни сильны бываютъ порой сомнѣнія, меня

обуревающія, но мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ я все-таки поборю.

Но обвиненіе не довольствуется одними голословными заявленіями и приводитъ въ подтвержденіе очень вѣскій и доказательный, по мнѣнію его, фактъ. Оказывается, что я такъ обстроилъ свои дѣлишки, что счумѣлъ понравиться даже тѣмъ, на кого я обыкновенно нападаю. Ну, какъ же не обманъ?

Рискуя быть заподозрѣннымъ въ самохвальствѣ, я думаю, однакожь, что дѣло объясняется гораздо проще. Несомнѣнно, что существуетъ почва, на которой читатель охотно примиряется съ обличеніями. Эта почва: добродушіе, смѣхъ и человѣчное отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ живописуемой комедіи. Въдъ на свѣтѣ живутъ не одни прожженные шалопаи, которые въ смѣхъ готовы заподозрить продерзость, а въ человѣчности — пособничество и укрывательство. Большинство смертныхъ нетолько видятъ въ этихъ качествахъ смягчающее обстоятельство, но и признаетъ, что человѣкъ, обладающій ими, не имѣетъ основанія сидѣть, сложа руки. Я никого не бью по щѣкамъ, хотя нѣкоторые «критики» и увѣряютъ, что я только этимъ и занимаюсь. Моя рѣзкость имѣетъ въ виду не личности, а извѣстную совокупность явленій, въ которой и заключается источникъ всѣхъ золь, угнетающихъ человѣчество. Читатель, очевидно, понимаетъ, что такова именно моя мысль, и вслѣдствіе этого мирится со мною даже тогда, когда я, повиданому, обличаю его самого. Онъ инстинктивно чувствуетъ, что я совсѣмъ не обличитель, а адвокатъ. Что я вижу въ немъ жертву общественнаго темперамента, необходимую мнѣ совсѣмъ не для потасовки, а только въ качествѣ иллюстраціи этого послѣдняго.

Я очень хорошо помню пословицу: было бы болото, а черти будутъ, и признаю ее настолько правильною, что никакихъ вариантовъ въ обратномъ смыслѣ не допускаю. Во истину, болото родитъ чертей, а не черти созидаютъ болото. Жалкіе черти! какъ имъ очиститься, просвѣтлѣть, перестать быть чертями, коль скоро ихъ насковозь пронизываютъ испаренія болота! Жалкіе и смѣшныя черти! какъ не смѣяться надъ ними, коль скоро они сами принимаютъ свое болото въ сурьезъ, и устраиваютъ тамъ цѣлый нелѣпный міръ отношеній, въ которомъ безцѣльно кружатся и мнутъ, совершенно искренно вѣря, что дѣлаютъ какое-то прочное дѣло! Да, смѣшны и жалки эти кинутые въ болото черти, но само болото — не жалко и не смѣшно...

Есть и еще обвиненіе, касающееся того же двоедушія. Говорятъ, что я изображаю въ смѣшномъ видѣ русскихъ консерваторовъ — стало быть, я не консерваторъ; но тутъ же рядомъ, и въ столь же неудовлетворительномъ видѣ я изображаю и русскихъ либераловъ — стало быть, я и не либераль. Если первое можно было объяснить предполагаемымъ во мнѣ либерализмомъ, то тѣмъ объяснить второе? Не желаніемъ ли понравиться началь-

ству, и тѣмъ хотя отчасти искупить продерзостныя нападки на консерваторовъ?.. Ну вотъ, и слава Богу!

И такъ, ежели въ писаніяхъ моихъ и обрѣтается что либо неясное, то никакъ ужъ не мысль, а развѣ только манера. Но и на это я могу сказать въ свое оправданіе слѣдующее: моя манера писать есть манера рабья. Она состоитъ въ томъ, что писатель, берясь за перо, не столько озабоченъ предметомъ предстоящей работы, сколько обдумываеиъ способовъ проведенія его въ среду читателей. Еще древній Езопъ занимался такимъ обдумываніемъ, а за нимъ и множество другихъ шло по его слѣдамъ. Эта манера изложенія, конечно, не весьма казиста, но она составляетъ оригинальную черту очень значительной части произведеній русскаго искусства, и я лично тутъ ровнио ни причеиъ. Иногда, впрочемъ, она и не безвыгодна, потому что, благодаря ея обязательности, писатель отыскиваетъ такіа пояснительныя черты и краски, въ которыхъ, при прямомъ изложеніи предмета, не было бы надобности, но которыя все-таки не безъ пользы вѣвываются въ памяти читателя. А сверхъ того, благодаря той же маперѣ, писатель пріобрѣтаетъ возможность показывать нѣкоторыя перспективы, куда запросто и съ развязностью военнаго челоуѣка войти не всегда бываетъ удобно. Повторяю: это манера несомнѣнно рабья, но при соответственномъ положеніи общества вполне естественная, и изобрѣлъ ее все-таки не я. А еще повторяю: она ни мало не затемняетъ моихъ намѣреній, а, напротивъ, дѣлаетъ ихъ только общедоступными.

Затѣмъ, покончивъ съ двоедушіемъ, будемъ, пожалуй, говорить и о знамени.

Я помню, лѣтъ семь тому назадъ, одинъ изъ публицистовъ «Русскаго Вѣстника» (въ статьѣ «Наши охранители и наши прогрессисты») уже заводилъ разговоръ на эту тему. И тоже отчасти по моему поводу. Надергавъ изъ разныхъ моихъ статей «мѣстечекъ» и лишивъ ихъ, ради аттической соли, связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, онъ огуломъ призналъ мою литературную дѣятельность вредною, подрывающею величественное шествіе Россіи на пути развитія, и, въ заключеніе, въ какомъ-то непонятномъ восхищеніи, подстрекалъ самого себя на борьбу со мною. Будемъ высоко держать знамя Россіи! восклицалъ онъ: — и да послужитъ оно оплотомъ противъ наплыва неблагонадежныхъ элементовъ!

Я помню, этотъ призывъ въ ополченію противъ моего наплыва довольно-таки меня огорчилъ. Не потому, чтобы я былъ сраженъ страхомъ по поводу причисленія меня лицомъ посторонняго вѣдомства къ лику неблагонадежныхъ (тьфу! — вотъ я какъ на это смотрю!), но потому, что мнѣ не было при этомъ преподано никакихъ средствъ для исправленія. Нужно высоко держать знамя Россіи! твердилъ я самому себѣ: — но вѣдъ надо же объяснить, о какомъ знамени Россіи идетъ рѣчь? Вѣдъ не о государственномъ же знамени вы бесѣдуете — это знамя я всегда

отлично понималъ, равно какъ понималъ и то, что держать его простымъ смертнымъ не предоставляется—а очевидно о какомъ-то другомъ, и именно о знамени, такъ сказать, интимно обывательскомъ. Но, воля ваша, заводя рѣчь о подобныхъ знамѣнахъ, надо какъ можно точнѣе ихъ характеризовать, потому что обыватели не всегда въ редиктированіи девизовъ искусны. Иной такую чепуху на своемъ знамени напишетъ, что попробуй, соблазнись — и въ острогъ, пожалуй, угодишь! Вотъ почему я тогда же обратился къ встревоженному моимъ наплывомъ публицисту съ просьбою указать подробно, въ чемъ я долженъ исправиться, и какими девизами обязываюсь украшать свое знамя, чтобъ быть вычеркнутымъ изъ списка неблагонадежныхъ?

Конечно, отвѣта на мой запросъ не послѣдовало. Охотно сечинная обвинительные акты, публицисты извѣстнаго пѣниба, съ истинно жестокой безсердечностью, оставляютъ обличаемыхъ ими грѣшниковъ въ жертву ожидающему ихъ возмездію. Но такъ какъ и возмездіа, которое хотя косвенно могло бы пролить свѣтъ на мои сомнѣнія, не послѣдовало, то я вынужденъ былъ уже собственными средствами доискиваться раскрытія винутой въ мой огорождъ загадки. И что же! ища и допытываясь, я убѣдился, что самое употребительное, популярное и искреннее обывательское знамя есть то, на которомъ написано: распивочно и на выносъ!

Очевидно, конечно, что почтенный публицистъ наставлялъ не на этомъ знамени, но имѣлъ въ виду иныя знамена, на которыхъ начертаны другіе болѣе солидные и совмѣстные съ достоинствомъ благонамѣренной русской публицистики девизы. И хотя онъ не называлъ ихъ прямо, но я догадываюсь, что девизы эти таковы: семейство, собственность, государственный союзъ и проч. И такъ какъ, по мнѣнію обвинителя, я недостаточно усвоилъ себѣ эти девизы, то за сіе и признанъ имъ подлежащимъ въ списокъ неблагонадежныхъ.

Оказывается, однакожь, что знамена съ упомянутыми выше девизами не безъизвѣстны и мнѣ. Я довольно часто возвращаюсь къ нимъ и по мѣрѣ силъ даже разрабатываю ихъ; но, разумѣется, моя разработка имѣетъ нѣсколько своеобразный характеръ. Она не столь отвлеченна, какъ изслѣдованіе какого нибудь ученаго юриста или экономиста, и не столь практически-наглядна, какъ, напримѣръ, разработка Юханцева, Ландсберга и проч. Но позволю себѣ думать, что и моя разработка не вовсе бесполезна.

Какъ литераторъ, занимающійся книгопечатаніемъ съ вѣдома реторики, я разрабатываю всякаго рода знамена въ предѣлахъ той литературной рубрики, которая извѣстна подъ именемъ «сатиры». Затѣмъ, справляюсь съ любимымъ курсомъ реторики, и убѣждаюсь, что основной характеръ «сатиры» заключается въ томъ, что она «осмѣиваетъ пороки». Прошу читателя не сѣтовать на меня за эти нѣсколько дѣтскія подробности: я останавливаюсь на нихъ потому, что мнѣ необходимо объясниться (вѣдь находятся люди, которымъ и это нужно объяснить), почему я

пишу не въ дионрамбическомъ, а въ сатирическомъ родѣ. Дионрамбъ, говорю я, есть совершенно сепаратная литературная рубрика, столь же мало противозаконная, какъ и сатира, но и не пользующаяся, сравнительно съ послѣднею, никакими особенными привилегіями (развѣ что существуютъ какія-либо отдѣльныя по сему предмету распоряженія, о которыхъ я не знаю). Сверхъ того, дионрамбъ требуетъ иныхъ способностей и совершенно иного отношенія къ изображаемымъ предметамъ, нежели сатира. Такъ что, напримѣръ, если я способенъ написать сносную сатиру, то въ области дионрамба могу оказаться самымъ плохимъ наивзывателемъ напыщенныхъ и пустопорожнихъ фразъ. А по моему мнѣнію, заниматься составленіемъ ходульско-лицемѣрныхъ и вымученныхъ дионрамбовъ гораздо противозаконнѣе, нежели упражняться въ сносной сатирѣ.

Но, спрашивается, что такое пороки, какъ объектъ сатиры?

Прежде всего, признаю, я не совсѣмъ довѣраю тѣмъ отверженнымъ спискамъ пороковъ, которые, время отъ времени, публикуются во всеобщую извѣстность моралистами. Мнѣ кажется, что моралисты слишкомъ суживаютъ границы порока, черезчуръ ужъ тщательно опредѣляютъ внѣшніе его признаки. Вслѣдствіе этого, порокъ представляется чѣмъ-то окаменѣлымъ, не только не имѣющимъ никакой притягательной силы, но даже прямо отталкивающимъ. Нужно быть отъ природы несомнѣнно предрасположеннымъ къ злодѣйству и нераскаянности и притомъ очень храбрымъ (или, по малой мѣрѣ, очень глупымъ), чтобы съ насиліемъ и взломомъ проникнуть въ наглухо запертое капище порока, на дверяхъ котораго прежде всего бросаются въ глаза самыя опредѣленныя указанія на соотвѣтствующія статьи Уложенія.

Такихъ отважныхъ рыцарей, которые со взломомъ проникаютъ въ капище порока, сравнительно, очень мало, и они почти всегда попадаютъ. И когда они попадутся, то въ средѣ прокурорскаго надзора бываетъ радованіе. Ибо составъ совершившагося факта ясенъ, и стало быть отстаетъ только предъявить въ судъ счетъ (addition) порочнаго человѣка и уплата по оному вослѣдуетъ немедленно и спокоя.

Мнѣ кажется, что простая человѣческая совѣсть оказывается въ этомъ случаѣ гораздо болѣе проникательною. Во-первыхъ, она отвергаетъ замкнутость, которую приписываютъ пороку моралисты, и признаетъ за нимъ значительную долю вѣдчивости; во-вторыхъ, она не допускаетъ, чтобы порокъ такъ легко подавался опредѣленіямъ, ибо въ этомъ случаѣ стоило бы только увеличить составъ прокурорскаго надзора, чтобы очистить Августей конюшни; въ-третьихъ, она признаетъ, что порокъ прогрессируетъ, какъ относительно внѣшнихъ формъ, такъ и по существу, и, вслѣдствіе этого, одни пороки упраздняются, и вмѣстѣ ихъ появляются новыя, которые человѣческая совѣсть уже угадываетъ, между тѣмъ какъ прокурорскій надзоръ и во снѣ ничего подходящаго еще не видитъ.

Нужно ли говорить, что въ виду этихъ двухъ взглядовъ на порокъ, литература должна склоняться на сторону послѣдняго? Прежде всего, она не меньше милосердна, какъ и человѣческая совѣсть, и стало быть, предположеніе о вѣдчивости порока, какъ смягчающее личную отвѣтственность, не можетъ не привлекать ее. Такъ что ежели человѣкъ, укравшій грошъ, въ глазахъ моралиста, ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ пощады, то во мнѣніи человѣческой совѣсти и литературы, онъ можетъ оказаться человѣкомъ, у котораго даже отнять похищенный имъ грошъ не совсѣмъ ловко. А посему надлежитъ: списавъ тотъ грошъ безвозвратнымъ расходомъ, стараться объ немъ позабыть. Затѣмъ, литературѣ не меньше претить и канцелярская точность въ опредѣленіи признаковъ порока, потому что слишкомъ ясны пороки вѣдаются полиціею и судомъ, и этого вполне для успокоенія общества достаточно. Литература же вѣдаетъ такія человѣческія дѣйствія, которыя заключаютъ въ себѣ извѣстную степень загадочности, и относительно которыхъ публика находится еще въ недоумѣніи, порочны они или добродѣтельны. Философы пишутъ, съ цѣлю разъясненія подобныхъ дѣйствій, цѣлыя трактаты; романисты вкладываютъ ихъ въ основаніе многотомныхъ произведеній; сатирики дѣлаютъ тоже дѣло, призывая на помощь оружіе смѣха. Это оружіе очень сильное, ибо ничто такъ не обезкураживаетъ порокъ, какъ сознаніе, что онъ угаданъ, и что по поводу его уже раздался смѣхъ. Наконецъ, и мысль объ измѣняемости формъ порока не можетъ не быть симпатичной для литературы, такъ какъ еслибъ не существовало измѣняемости, еслибъ злоба дня не снабжала жизни все новыми и новыми формами порока, то матерія эта давно была бы исчерпана, и литературѣ пришлось бы уступить мѣсто полиціи и суду. Но этого нѣтъ. И въ то время, какъ судъ караетъ одного Ландсберга, литература прозрѣваетъ міриады Ландсберговъ, тѣмъ болѣе опасныхъ, что къ нимъ невозможно примѣнить ни одного изъ общепризнанныхъ ярлыковъ, выработанныхъ отвержденною моралью.

Ничего этого, конечно, не признаютъ люди, занимающіеся вытребованіемъ литературныхъ знаменъ. Они считаютъ обязательною одну мораль — отверженную, и все, что прямо не возбраняется ею, признаютъ законнымъ. И вслѣдствіе этого, во всякой попыткѣ расширить предѣлы отверженной морали усматриваютъ неблагонадежность, потрясаніе, бунтъ. Словомъ сказать, они требуютъ, чтобъ сатирикъ велъ нѣчто въ родѣ дневника происшествій: «такого-то, дескать, числа утромъ (допускается описаніе утра) коллежскій регистраторъ Псевдонимовъ (допускается описаніе отвратительной его наружности), укралъ съ лотка булку». И только. Но при этомъ, конечно, не возбраняется прибавлять, что бдительное начальство накрыло его съ поличнымъ, и не оставило безъ взыскаія.

Я понимаю, изъ какого источника идутъ эти требованія. Выше

я сказалъ, что преступить противъ указаній отверженной морали очень трудно, и что виновными въ этомъ случаѣ оказываются или глупцы, или оборванцы, или такіе отважные люди, которымъ хочется сразу карьеру сдѣлать. Затѣмъ, громадное большинство удобно уживается съ этой моралью и подъ сѣнію ея бездѣльничаетъ на всей своей волѣ. Вотъ эту-то безнаказанность бездѣльничества и лестно отстоять. Мы никого не убили, а насъ называютъ убійцами; мы ничего не украли, а насъ называютъ ворами; мы живемъ въ семьяхъ, обѣдаемъ, окруженные дѣтьми, пьемъ чай за семейнымъ самоваромъ, а насъ называютъ прелюбодѣями! Что-жь это такое, какъ не потрясаніе!

Но довольно. Возвращаюсь лично къ себѣ.

Сказаннаго выше, по мнѣнію моему, вполне достаточно, чтобы убѣдить читателя, что и мнѣ не чужда мысль о знамѣнахъ. Какого же рода эти знамѣна, и что на нихъ написано, о томъ слѣдуетъ пунты:

1) Вѣдомо всѣмъ, что въ настоящее время существуютъ три общественныя основы, за непотрясаніемъ которыхъ имѣется особое наблюденіе: семейство, собственность и государство. Вотъ эти-то самыя основы значутся и на моихъ знамѣнахъ. Знамя первое: семейство. Приемлю и ни мало вопреки глаголю. Но не приемлю, чтобы кузина Nathalie могла быть признаваема столпомъ семейственности, хотя она столь твердо понимаетъ материнскія права, что готова посадить своего Теодора въ смиренный домъ за непочтительность. Второе знамя: собственность. Приемлю и ни мало вопреки глаголю. Но не приемлю, чтобы коммерсантъ Деруновъ именовалъ себя апостоломъ собственности, хотя онъ до того простеръ свое усердіе въ этомъ направленіи, что всякую попытку крестьянъ получить за пудъ хлѣба 60 копеекъ, вмѣсто предлагаемой имъ, Деруновымъ, полтины, считаетъ за бунтъ и потрясаніе. Третье знамя: государство. Приемлю и ни мало вопреки глаголю. Но не приемлю, чтобы Оединька Неугодовъ слылъ за поборника государственнаго союза за то только, что онъ видитъ въ государствѣ пирогъ, къ которому ловкіе люди могутъ во всякое время подходить и закусывать.

2) Таковы знамѣна, которыя характеризуютъ мое внутреннее поведеніе. Что же касается до поведенія вишняго, то знамя, до этого относящееся, гласитъ тако: не дѣлать того, что закономъ возбраняется.

3) О прочихъ знамѣнахъ умалчиваю, но думаю, что и сказаннаго выше достаточно, чтобы жить въ мирѣ съ самими собой и не опасаться любопытствующихъ.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ.

И въ августѣ отдѣлъ внутренней политики остался незамѣненнымъ... Слава Богу! слава Богу!

Въ первой половинѣ августа прибылъ ко мнѣ другой племянникъ, Саша Ненарочный, молодой человѣкъ лѣтъ восемнадцати. Приѣхаль, шаркнулъ ножкой и бросился отыскивать «дядинькину ручку». Но такъ какъ я рѣшился скорѣе вступить въ рукопажную, нежели довести родственныя изліанія до такой восторженности, то Саша кончилъ тѣмъ, что влѣпилъ мнѣ безѣ въ самыя уста. Затѣмъ, сейчасъ же принесъ двѣ банки варенья, и извинился, что не привезъ рыжичковъ: маменька послѣ пришлетъ.

Саша устранилъ угнетавшее меня одиночество—ужь это одно было заслугой съ его стороны. Я вообще бываю доволенъ, когда въ минуты унынія меня посѣщаютъ родственники. Въ счастіи, я ими не особенно дорожу, но въ несчастіи—не нарадуюсь. Даже если кадети-племянники изъ провинціи «погостить» приѣдутъ—и тотъ словно рублемъ подарить. Съ приѣдомъ его, и въ квартирѣ дѣлается какъ-то люднѣе, и шороховъ таинственныхъ слышится меньше, и свойственный одиночеству заговорщическій характеръ несомнѣнно смягчается. Словомъ сказать, вся квартира, въ полномъ своемъ составѣ, внушаетъ болѣе довѣрія...

Но прежде, нежели продолжать, расскажу вкратцѣ, какимъ образомъ я приобрѣлъ племянника въ лицѣ Сашеньки Ненарочнаго.

У tante Babette были двѣ дочери: одна—кузина Nathalie, съ которой читатель ужь знакомъ, младшая и любимочка; другая—кузина Маша, старшая и нелюбимая. Въ сущности, выраженіе «нелюбимая», въ примѣненіи къ tante Babette, слишкомъ жестоко. Babette никого «не любитъ» не могла, но у кузины Маши былъ такой большой носъ, что мамаи ея не могла его видѣть, чтобы не воскликнуть: ахъ, несчастная! Поэтому Nathalie съ малыхъ лѣтъ предназначалась для блестящей партіи (читатель знаетъ, что она и дѣйствительно обрѣла таковую въ лицѣ штабсъ-ротмистра Неугодова), а Маша ровно ни для чего не предназначалась. Такъ что, когда статскій совѣтникъ Ненарочный присватался къ ней, то tante Babette совсѣмъ растерялась, и даже воскликнула: *bonté du ciel!* но посмотрите же, какой у ней... носъ! Однако, Ненарочный оставилъ это предостереженіе втунѣ, и, пребывъ твердымъ въ своихъ матримоніальныхъ намѣреніяхъ, взялъ Машу, какъ ее создалъ Богъ. И, какъ увидимъ ниже, не ошибся въ расчетѣ.

Ненарочный былъ первымъ родоначальникомъ своей фамиліи, и слѣдовательно не могъ похвалиться знатностью. Носился слухъ, что нѣкогда Аракчеевъ, во время объѣзда новгородскихъ военныхъ поселеній, остановившись на почтовой станціи, имѣлъ разговоръ съ смотрительской дочерью, и что послѣдствіемъ этого

разговора былъ маленькій рабъ Божій Иванъ. Разумѣется, прослѣдовавши на ближайшую станцію, суровый временщикъ утратилъ всякое воспоминаніе о недавнемъ грѣхопадѣніи, но, должно быть, рабъ Божій Иванъ въ рубашкѣ родился, потому что даже волнамъ временщицкаго забвенія не удалось поглотить его. Когда молодая мать, годъ спустя, явилась въ Петербургъ съ младенцемъ въ рукахъ, то Аракчеевъ не только не разсвирѣпѣлъ, какъ этого слѣдовало бы ожидать, судя по его чину, но явилъ непримѣрное милосердіе: мать опредѣлилъ на кухню судомойкой, а сына взялъ въ комнаты и выхлопоталъ ему гербъ. Въ гербѣ этомъ, на золотомъ полѣ была изображена почтовая станція съ верстовымъ столбомъ; сбоку столба—трехъугольная шляпа съ плюмажемъ, изъ котораго выходятъ протягивающій ручки младенецъ, а внизу алая извивающаяся лента, на которой начертанъ девизъ:

Хоть созданъ неварочно,
Зато довольно прочно.

Въ согласность съ этимъ девизомъ, Ваня—по крестному отцу Алексѣичъ—и фамилію получилъ: Ненарочный.

Прошло нѣсколько лѣтъ, Аракчеевъ палъ, но Ваня и изъ этого крушенія вышелъ невредимъ. Его призрѣлъ коллежскій ассесоръ Стрекоза, бывшій наперсникъ Аракчеева, который явно хотя и отрекся отъ него при падѣніи, но втайнѣ остался ему преданнымъ. Онъ выкормилъ и обучилъ Ненарочнаго, и когда послѣдній кончилъ университетскій курсъ, то опредѣлилъ его въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ. Тамъ, Иванъ Алексѣичъ въ скоромъ времени предъявилъ такіе таланты по части сборовъ, что лѣтъ черезъ десять былъ опредѣленъ совѣтникомъ питейнаго отдѣленія въ пензенскую казенную палату.

Въ то время, совѣтники питейныхъ отдѣленій были люди солидные и уважаемые. Мѣста эти не считались особенно блестящими въ смыслѣ борьбы съ внутренними врагами, но такъ какъ съ ними сопрягалось представленіе о сокровищѣ, то всякая открывающаяся вакансія привлекала цѣлыя толпы сомскателей. Питейный совѣтникъ игралъ въ губернскомъ обществѣ роль; онъ былъ непремѣннымъ старшиной мѣстнаго клуба; на его обязанности лежало составленіе для губернатора партій въ вистъ; онъ бесѣдовалъ съ архіереемъ о безсмертіи души, и, въ довершеніе всего, пользовался секретнымъ довѣріемъ мѣстнаго штабъ-офицера, который по секрету сообщалъ ему, что главная его секретная обязанность заключается въ томъ, чтобы секретно утирать слезы. Сверхъ того, онъ любилъ творить тайную милостину, то есть правою рукой подавалъ нищему грошъ, а лѣвую оставлялъ въ заблужденіи якобы поданъ рубль. И въ концѣ года, подводя итогъ накопленному сокровищу, клалъ оное въ опекунскій сѣвъ для приращенія процентовъ.

Въ такомъ видѣ сложился типъ совѣтника питейнаго отдѣле-

нiя въ моментъ учрежденiя этой должности, и въ томъ же видѣ сохранился онъ и въ моментъ упраздненiя оной.

Таковъ же былъ и Иванъ Алексѣичъ Ненарочный.

Онъ взялъ Машу даже безъ прилагательнаго, ибо провидѣлъ, что въ этой дѣвицѣ будетъ толкъ. Ему не красота была нужна—онъ видѣлъ въ женщинѣ лишь посланное судьбою орудiе на случай тѣлеснаго озлобленiя—а домовитая хозяйка, которая взяла бы въ руки бразды домашняго управленiя, а ему дала бы возможность всецѣло и безъ помѣхи отдаться присвокупленiямъ и созиданiямъ. И отъ времени до времени рожала бы дѣтей. Маша все такъ точно и выполнила. Хозяйничала отлично, и сверхъ того, въ теченiи двадцати лѣтъ супружества, принесла мужу семь человѣкъ сыновъ. Такъ что, когда откупа были упразднены, то Иванъ Алексѣичъ могъ съ легкимъ сердцемъ произнести: «нынѣ отпускаеши»—и подать въ отставку.

Ненарочные и Неугодовы, какъ и слѣдуетъ добрымъ родственникамъ, находились въ постоянной враждѣ. Неугодовы гордились своимъ аристократизмомъ и совершенно справедливо полагали, что еслибы при такой блестящей фамилии да сокровище Ненарочныхъ, то это было бы имъ какъ разъ въ самую пору. Ненарочные не гордились, но и искательства не выражали, а держали себя осторожно, какъ бы съ минуты на минуту ожидая, что при малѣйшей оплошности Nathalie непремѣнно попросить у нихъ денегъ. Въ послѣднее время, однакожь, со стороны Ненарочныхъ сдѣланы были серьезныя попытки къ сближенiю, такъ какъ пронизательный взоръ Ивана Алексѣича отлично усмотрѣлъ, что въ лицѣ Едвиньки на неугодовскомъ горизонтѣ восходитъ блестящая звѣзда.

И такъ, ко мнѣ явился Саша Ненарочный. Уже по прежнимъ письмамъ кузины Маши я зналъ этого молодого человѣка съ отличной стороны. «Саша, писала она мнѣ не разъ (очевидно, впрочемъ, что письма сочинялъ Иванъ Алексѣичъ, а она только переписывала):—отмѣнно радуется мое родительское сердце. Онъ почтителемъ, прилеженъ, аккуратенъ и ни мало не сердится на младшихъ братьевъ, когда сiя послѣднiе просятъ его что-нибудь объяснить имъ изъ арифметики. За всякую ласку благодаренъ, тетрадки содержитъ въ порядкѣ, и, что всего прiятнѣе, никому не довѣряетъ своего форменнаго мундирчика, но самъ оный чистить». И дѣйствительно, онъ предсталъ предо мной именно такимъ, какимъ его описывала Маша. Тѣлосложенiе обстоятельное, румянецъ во всю щеку, ротъ сердечкомъ, глаза веселые, но не столько вслѣдствiе свойственной юношескому возрасту шаловливости, сколько вслѣдствiе выработаннаго убѣжденiя, что унылое выраженiе можетъ огорчить старшихъ и благодѣтелей.

Вообще, при взглядѣ на него, рождалась увѣренность, что этотъ юноша никому своего мундирчика не повѣритъ, но самъ его вычиститъ, а въ то же время вытвердитъ и урокъ. Мнѣ кажется, что именно таковъ былъ Аракчеевъ въ молодости: аккуратный,

равно готовый принять и орденъ, и затрепину, и постоянно рѣшающій въ мысляхъ не очень сложную ариѳметическую задачу. Даже лобъ у Сашеньки былъ Аракчеевскій: узкій, слегка какъ бы угнетенный.

Какъ я уже сказалъ, онъ тотчасъ же явилъ безпримѣрную ласковость. Не успѣвъ поймать мою «ручку», облобызалъ меня въ уста и потомъ, отъ времени до времени, сталъ украдкой поцѣловывать въ плечико. Сначала это меня безпокоило, но потомъ думаю: а можетъ быть, онъ этимъ способомъ прицѣнивается, что стѣять суконце на моемъ сюртукѣ?

Однимъ словомъ, Сашенька сдѣлалъ на меня такое пріятное впечатлѣніе, что, будь я не старикъ, а старушка со средствами, то, кажется, и цѣны бы ему не нашелъ.

— Кончилъ гимназію? спросилъ я его.

— Кончилъ, дяденька, и удостоенъ первымъ-съ.

— Отлично! Это тебѣ дѣлаетъ честь, что родителей радуешь!

Я обнялъ его, и вдругъ, какъ бы проникшись дидактическою сферой, которую принесъ съ собою Сашенька, присовокупилъ:

— А вотъ тѣмъ дѣтямъ, кои, вмѣсто радостей, приносятъ родителямъ лишь огорченія—это чести не дѣлаетъ.

Не успѣлъ я раскрыть ротъ отъ удивленія, слыша таковую змѣнную мудрость, изъ устъ моихъ исходящую, какъ Саша уже воспользовался ею, чтобъ поддержать разговоръ на философической высотѣ.

— Именно таково и мое, любезный дядюшка, убѣжденіе, скромно отвѣтилъ онъ: — и ежели вы позволите мнѣ высказать его вполне...

— Говори, любезный другъ! не стѣсняйся!

— Я полагаю, милый дяденька, что прежде всего мы, дѣти, обязаны любить Бога, создавшаго насъ всѣхъ, а непосредственно затѣмъ родителей, начальниковъ и добрыхъ родственниковъ. Таковы правила, въ которыхъ воспитывался я и всѣ мои братцы.

— Прекрасныя правила! продолжай!

— Потому что ежели мы не будемъ любить Бога, то сдѣлаемся черезъ это безбожниками, и тогда нѣ къ кому намъ будетъ, въ случаѣ несчастія, обращаться съ молитвой о помощи. Если же не будемъ любить и почитать родителей, то послѣдніе могутъ за это лишитъ насъ своихъ милостей. Что же касается до начальниковъ, то вы сами, любезный дядюшка, знаете, можно ли ихъ не любить?

— Еще бы!

— Обладая столь твердыми правилами, я стараюсь, по возможности, не отступать отъ нихъ. А ежели и затѣмъ, мнѣ, какъ человѣку, не свободному отъ слабостей, случается возбудить противъ себя справедливый родительскій гнѣвъ, то я стараюсь чистосердечнымъ раскаяніемъ загладить свою вину и тѣмъ предотвратить угрожающія мнѣ въ будущемъ бѣдствія!

— Ахъ, голубчикъ!

— Я и васъ, дяденька, люблю, прибавилъ онъ, слегка застыдившись.

— Меня-то за что?

— Вс-первыхъ, потому, что я вообще всѣхъ родственниковъ обязанъ любить, а вс-вторыхъ...

— Отлично! поцѣлуемся—и шабашъ!

Я поцѣловалъ его и, цѣлуя, думалъ: а еще говорятъ, что нынѣшніе молодые люди дерзкіе—анъ вонъ онъ какой! какъ огурчикъ!

— Ну, а въ Петербургъ зачѣмъ пріѣхалъ? Въ здѣшній университетъ что ли поступить хочешь?

— Нѣтъ, я буду оканчивать образованіе въ московскомъ университетѣ: поближе къ родителямъ. Въ Петербургъ же я пріѣхалъ, во-первыхъ, для того, чтобы представиться вамъ, добрый дяденька, а вс-вторыхъ, потому, что папенька полагаетъ, что для меня поѣздка эта будетъ не бесполезна. Когда я выдержалъ послѣдній экзаменъ, то папенька подарилъ мнѣ вотъ эти часы (Саша вынулъ изъ кармана хорошенькіе часики и показалъ ихъ мнѣ) и сказалъ: теперь ты уже юноша и необходимо тебѣ самому регулировать свое время—не все подъ родительскимъ крыломъ жить... Признаюсь вамъ, любезный дяденька, мнѣ было ужасно больно слышать послѣднія слова..

Говоря это, онъ былъ слегка взволнованъ и на глазахъ его блеснули слезы.

— Ну, что! не плачь! Богъ милостивъ... какъ-нибудь!

— Нѣтъ, дяденька, это очень... никогда я этой минуты не забуду. Зачѣмъ папенька сказалъ такіа жестокія слова? Они такъ меня тронули, что я въ первый разъ въ жизни осмѣлился попенать ему: «Зачѣмъ, сказалъ я, вы изволили упомянуть о разлукѣ, милый папенька? Если вамъ угодно было признать, что временная разлука наша необходима, то воля ваша будетъ исполнена, но зачѣмъ же огорчать мое сердце предположеніями о какомъ-то самовольномъ съ моей стороны регулированіи времени!» Къ счастью, однакожь, все объяснилось, и папенька не только не забранилъ меня, но очень милостиво продолжалъ свои наставленія. А теперь, сказалъ онъ, поѣзжай въ Петербургъ! Во-первыхъ, тебѣ необходимо отрекомендоваться добрымъ роднымъ, во-вторыхъ, ты оказался вполне достойнымъ вкусить нѣкоторыхъ столичныхъ удовольствій, а въ-третьихъ, да послужить тебѣ эта поѣздка испытаніемъ, и ежели ты изъ столичныхъ искушеній выйдешь невредимымъ, то это будетъ означать, что ты уже вполне заслужилъ аттестатъ зрѣлости. Объ одномъ прошу: какъ можно остерегайся ужасной болѣзни, которая, при дурномъ леченіи, можетъ навѣкъ лишить человека свойственнаго ему благообразія. А, впрочемъ, дядя тебѣ все это лучше меня объяснить!

— Гм... Стало быть, на меня возлагается обязанность водить тебя по мытарствамъ?

— Ахъ, дяденька! Представьте себѣ, папенька точно угадалъ,
Т. ССXLVI.—Отд. II.

что вы сдѣлаете это предположеніе! Одного опасаться, сказалъ онъ маменькѣ, какъ бы братецъ не подумалъ, что мы предназначаемъ ему роль искуителя? Но маменька, зная вашу душу, положительно вооружилась противъ этой мысли.

— И превосходно сдѣлала. Дай я еще разъ тебя поцѣлую.

Выполнивши это, я, однакожь, спохватился: все поцѣлуй да поцѣлуй—не слишкомъ ли это ужъ однообразно? Поэтому, я вынулъ красную ассигнацію и, подавая ему ее, присовокушилъ:

— А чтобы доказать тебѣ, что я люблю не ложно—вотъ десятирублевенькая. Это тебѣ на столичныя искушенія.

— Благодарю васъ, дяденька. Хотя, по милости папеньки, у меня и есть деньги, но вашъ подарокъ мнѣ дорогъ, какъ знакъ милостиваго ко мнѣ расположенія. Теперь, я, кажется, вполне обезпеченъ. Папенька мнѣ двѣсти рублей на дорогу и на удовольствія пожаловалъ, да маменька двадцать рублей—это ужъ когда я въ вагонъ садился, въ видѣ сюрприза. А вотъ теперь и вы, милый дяденька. Надѣюсь, что до переѣзда въ Москву, этого будетъ достаточно.

— Еще бы! здѣсь тебѣ ничего не нужно, а что касается до поѣздки въ Москву, то за твой умъ тебя любой кондукторъ въ вагонѣ постоять пустить! Съ чего же, однакожь, мы искушенія наши начнемъ?

— Я думаю, дяденька, въ кондитерскую, съ вашего позволенія, сходить.

— Въ кондитерскую—это ты всегда успѣешь. А мы вотъ какъ сдѣлаемъ: отобѣдаемъ, отдохнемъ по-христіански, а потомъ и закатимся на всю ночь въ Демидронъ. Тамъ ты сразу увидишь, въ какомъ смыслѣ тебѣ понимать себя надлежить.

— Демидронъ... это что же такое, дяденька?

— Это, мой другъ, *jardin des familles russes* такъ называется, то есть садъ, въ которомъ русскій семейный союзъ преимущественное осуществленіе для себя находитъ. «Штучку» я тебѣ тамъ одну покажу—пальчики оближешь!

— «Штучка»—это не то ли самое, что папенька «сиренами» называетъ? Впрочемъ, даже и въ этомъ смыслѣ я не отказываюсь слѣдовать вашему указанію, любезный дяденька, ибо надѣюсь съ честью выйти изъ предстоящаго испытанія. Одно только позволю себѣ доложить вамъ: ловко ли будетъ мнѣ появиться въ Демидронѣ прежде, нежели я представлюсь братцу Федору Семенычу?

— Неугодова едва ли ты скоро увидишь: онъ нынче въ десяти комиссіяхъ засѣдаетъ.

— Но въ такомъ случаѣ отъ кого же мнѣ о здоровьи тетеньки Натальи Петровны узнать?

— И это мудрено. *Nathalie* была здѣсь недавно и опять уѣхала въ Парижъ. Да она ужъ не Неугодова теперь, а Дроздова. Во второй разъ замужъ вышла.

— Я, дяденька, съ вашего позволенія, въ Парижъ напишу,

неловко же не поздравить тетеньку съ вступленіемъ въ новую жизнь. Вѣдь для письма въ Парижъ семикопеечной марки достаточно?

Повторяю: чѣмъ больше я знакомился съ этимъ юношей, тѣмъ больше онъ меня очаровывалъ. Но такъ какъ и очарованію полагается извѣстный предѣлъ, то я былъ очень доволенъ, когда Саша спросилъ позволенія на время оставить меня, чтобы написать письма къ родителямъ, а также къ тетенькѣ Натальѣ Петровнѣ. Разумѣется, я снабдилъ его всѣми письменными принадлежностями, и былъ очень утѣшенъ, прочитавъ въ его глазахъ рѣшимость, не отказывая себѣ въ изліяніи чувствъ, предаваться оному, однакожь, лишь на столько, чтобы письмо въ-силу не болѣе одного лота.

За обѣдомъ мы опять сошлись и бесѣда возобновилась.

— Надѣюсь, что ты не вмѣшиваешься во внутреннюю политику? спросилъ я.

— Я, дяденька, всегда старался стоять въ сторонѣ отъ обольщеній, и до сихъ поръ Богъ помогалъ мнѣ въ этомъ. Тѣмъ не менѣе, не смѣю не сознаться передъ вами, что однажды и я чуть-чуть на каторгу не попалъ.

Я даже подскочилъ при этомъ извѣстіи.

— Чтò ты!

— Мнѣ было тогда тринадцать лѣтъ, и вдругъ одинъ изъ товарищей, Сипко, говорить: пойдемъ, Саша, Селиксу волновать— это село такъ называется, недалеко отъ Пензы. Конечно, я, по неопытности, согласился. Купили мужицкіе портки, бороды фальшивыя подвязали— и отправились волновать. И только-что, знаете, приступили, какъ намъ сейчасъ же руки назадъ и маршъ къ становому! Ну, разумѣется, становой зналъ папеньку, и отправилъ меня домой.

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный! Хорошо, что Богъ спасъ!

— Я, дяденька, въ то время такъ испугался, что человекъ съ пятьсотъ оговорилъ. Даже маменьку назвалъ-съ...

— Ахъ!

— Разумѣется, маменька легко оправдалась, но нѣкоторые, какъ я потомъ освѣдомился, получили достойное возмездіе.

— Правильно!

— Я, дяденька, объ этомъ такъ разсуждаю: кто что посѣетъ, то и пожнетъ. Никто не въ правѣ претендовать на судьбу, ибо люди, будучи одарены отъ Бога свободною волей, суть сами единственные виновники тѣхъ злоключеній, которыя ожидаютъ ихъ въ сей жизни и въ будущей.

— Однако, вотъ ты ходилъ волновать Селиксу, а вывернулся-таки.

— Я, дяденька, потому вывернулся, что чистосердечно все расказалъ-съ. А сверхъ того, всякій очень хорошо понималъ, что и папенька не оставитъ меня безъ взыскапія.

— А больно папенька высѣетъ?

*

— Это случилось тому назадъ пять лѣтъ, и папенька такъ милостивъ, что никогда не напоминаетъ мнѣ объ этомъ. Я же съ своей стороны могу сказать одно: съ тѣхъ поръ я никогда въ политику не вмѣшиваюсь.

Прекрасный, прекрасный, прекрасный юноша! Правда, онъ, повидимому, не очень изобрѣтателемъ, и рѣчь его положительно отзывается какою-то прѣлью, но, по моему мнѣнію, для родительскаго сердца это даже лучше. Далеко ли пойдеть Сашенька въ будущемъ, или застрянетъ въ самомъ началѣ жизненнаго пути въ должности регистратора—это вопросъ, на который я не берусь отвѣтить. Но сдается, что ежели начальство безпристрастнымъ окомъ взглянетъ на его усилія, то оно, навѣрное, дастъ ему возможность добраться до чего-нибудь тепленькаго. Тѣмъ больше, что папенька однажды ужъ высѣлъ его, и стало быть, совсѣмъ невѣроятно, чтобы онъ вновь рѣшился волновать Селиксу. Высѣчь во благовременіи—вотъ послѣднее слово педагогика, и благо тѣмъ, которые испытываютъ на себѣ спасительную силу его! Скорѣе можно ожидать продерзостныхъ поступковъ отъ такого превыспреннаго юноши, какъ Ѳединька Неугодовъ—и кто знаетъ?—можетъ быть, именно благодаря тому и можно ожидать, что Nathalie никогда не сѣкла его, а только грозилась посадить въ смирительный домъ. Благодаря этой превыспренности, Ѳединька сдѣлалась честолюбивъ и какъ-то болѣзненно чувствителенъ ко всѣмъ во-просамъ до прохожденія службы относящимся; такъ что ежели, на-примѣръ, обойти его къ празднику наградой, то онъ, пожалуй, будетъ способенъ и на потрясаніе основъ пойти. Развѣ мало такихъ случаевъ бывало? Я лично зналъ одного статскаго совѣтника, который ждалъ къ Пасхѣ Владиміра 3-ей, а получилъ корону на св. Анны, такъ онъ прямо съ того и началъ: что такое государство? говорить:—покажите мнѣ его! Еслибъ оно было не мое, то я бы видѣлъ его, или, по малой мѣрѣ, ощущалъ бы на себѣ его дѣйствіе! А то—помигуйте!—корона на Аннушку! Обрадовали!

Вотъ такихъ-то превыспренностей и нельзя отъ Сашеньки ожидать. Прекрасный, прекрасный, прекраснѣйшій молодой человекъ!

— И отлично дѣлаешь, что не вмѣшиваешься, похвалилъ я его:—потому что политика—это что такое? Одинъ разъ пошалилъ—сошло съ рукъ, а въ другой разъ—и поминай какъ звали! Вотъ какова, мой другъ, наша политика!

— Я это знаю, дяденька, хотя собственно въ примѣненіи ко мнѣ, заблужденіе мое принесло гораздо больше удовольствія, нежели неприятностей. Мнѣ надавали тогда столько лакомствъ, что даже когда я подѣлился съ братьями—и тутъ оказался избытокъ. А сверхъ того, въ нашемъ «Справочномъ Листѣ» была напечатана статья «Спасительные плоды отеческаго непоустителства», въ которой авторъ, отдавая справедливость папенькиной строгости, отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и обо мнѣ.

— Вотъ какъ!

— Да, дяденька, это были минуты какого-то общего энтузиазма, такъ что нашъ родной городъ прислалъ папенькѣ адресъ, въ которомъ, благодаря за искусное обращеніе на путь истинный заблуждающихся, поднесъ ему званіе почетнаго гражданина... Но что всего отраднѣе: недавно, уже за предѣлами родной губерніи, я вполне убѣдился, что похвальный поступокъ никогда не остается безъ награды!

— Какъ! даже за предѣлы Пензенской Губерніи проникла твоя слава?

— Представьте себѣ, по прїѣздѣ въ Рязань, я хотѣлъ взять билетъ для дальнѣйшаго слѣдованія, какъ вдругъ подходитъ ко мнѣ начальникъ станціи и спрашиваетъ: «не вы ли тотъ благородный молодой человекъ, который, по словамъ «Справочнаго Листка», будучи высвѣченъ папенькой, откровенно разсказалъ, какъ было дѣло?» И когда я отвѣтилъ утвердительно, то онъ продолжалъ: «въ такомъ случаѣ, не трудитесь брать билетъ! Мы за особенную честь сочтемъ доставить васъ въ Москву бесплатно!» Согласитесь, дяденька, что я имѣлъ полное право прослезиться, услыжавъ столь лестную для меня резолюцію.

— Помилуй, мой другъ! да еслибы ты не прослезился, то просто поступилъ бы какъ свинья!

— Но это еще не все-ст. Не успѣлъ я, по прїѣздѣ въ Москву, отъѣхать на Страстную бульваръ, какъ мнѣ подарили «Полный греческо-русскій словарь», а вслѣдъ за тѣмъ общество ревнителей русскаго благонравія задаромъ свозило меня въ одно изъ увеселительныхъ заведеній, гдѣ я слышалъ пѣніе г-жи Зориной.

— Надѣюсь, что ты и поэтому случаю прослезился?

— Дяденька! могъ ли я иначе поступить?

Я слушалъ эти дѣтскія признанія, и сердце во мнѣ таяло. Признаюсь откровенно, въ мою голову даже заползала дерзкая и честолюбивая мысль. Ежели папа-Ненарочный былъ удостоенъ отъ родного города званія почетнаго гражданина за то, что высвѣжъ Сашеньку, то отчего же бы и мнѣ... Но, къ счастью, приятное послѣ-обѣденное отяжелѣніе заставило меня отказаться отъ соответствующаго по сему предмету распоряженія.

Отдохнувши и напившись чаю, мы часовъ въ десять отправились въ Демидронъ.

Но тутъ послѣдовалъ цѣлый рядъ происшествій до такой степени фантастичныхъ, что я ничѣмъ другимъ объяснить ихъ себѣ не могу, какъ развѣ тѣмъ, что отъ московскаго общества ревнителей русскаго благонравія была разослана во всѣ петербургскія увеселительныя заведенія особая циркулярная телеграмма, извѣщающая о предстоящемъ прїѣздѣ въ Петербургъ благороднаго юноши, который, будучи высвѣченъ папенькою, навсегда отказался отъ внутренней политики.

Уже при самомъ входѣ въ садъ меня поразила какая-то за-

гадочная опрятность, вовсе не свойственная этому мѣсту. Затѣмъ, начался рядъ сюрпризовъ. Прежде всего, когда мы подошли къ кассѣ, чтобъ взять билеты, намъ объявили, что насъ обоихъ велѣно пропустить даромъ, а товарищу моему, сверхъ того, предоставляется даровой билетъ въ кресла и жетонъ на безвозмездное полученіе порціи чая. Когда же мы вошли въ садъ, то взорамъ нашимъ представилась слѣдующая картина: офиціанты въ бѣлыхъ галстукахъ, взявшись за руки, стояли шпалерой и сдерживали напоръ публики, жадно караулившей наше появленіе; оркестръ, усиленный нѣсколькими посторонними хорами, гремѣлъ маршъ на мотивы изъ «чизика»; нѣсколько поодаль, виднѣлась, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ, живая картина, изображающая аллегорическія фигуры Родительскаго Сѣченія, Раскаянія и Откровенности, у ногъ которыхъ корчилось и издыхало на смерть пораженное Обольщеніе, а на верху парилъ геній Благоправія. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ навстрѣчу намъ вышелъ содержатель сада, въ сопровожденіи дѣвицы Филиппъ и Салинасъ (обѣ были «на сей только разъ» одѣты въ трико), и прочиталъ Сашенькѣ адресъ. Въ этомъ адресѣ, разказавъ подробно причину сѣченія и его благотворныя послѣдствія, г. Егаревъ объявилъ, что Демидронъ считаетъ себя счастливымъ, поднося Сашенькѣ дипломъ на званіе почетнаго гражданина этого заведенія. При чемъ, объяснивъ, что званіе это влечетъ за собой право на бесплатный входъ въ садъ и на бесплатную же порцію чая—на вѣчно!—и вручая соответствующіе документы, присовокупилъ:

— Почтеннѣйшему же родителю вашему передайте, что, не имѣя возможности честовать его лично, мы сдѣлали распоряженіе, дабы одна изъ шансонетокъ сегодняшняго репертуара была посвящена прославленію родительской спасительной строгости (дѣйствительно, шансонетка эта была въ свое время исполнена, и когда рѣчь шла о спасительной строгости, то исполнительница, дѣвица Филиппъ, такъ выразительно хлопала себя по ляжкѣ, что публика просто на-просто выла).

Кончивши привѣтствіе, г. Егаревъ прослезился, а въ отвѣтъ ему прослезился и Сашенька. Но что было всего неожиданнѣе—это роль, которая выпала въ этотъ вечеръ на долю дѣвицы Филиппъ. Въ началѣ церемоніи поднесенія адреса, Сашенька былъ такъ отуманенъ, что все свое вниманіе исключительно сосредоточилъ на г. Егаревѣ. Но когда адресъ былъ уже врученъ, то виновникъ торжества, облобызавшись съ г. Егаревымъ, долженъ былъ, по правиламъ церемоніала, облобызать и его ассистентокъ. Но едва онъ приступилъ къ этому обряду, какъ изъ груди его вдругъ вырвался пронзительный крикъ...

Что же оказалось! Что дѣвица Филиппъ нѣкогда жила въ семействѣ Ненарочныхъ въ качествѣ наставницы, и первая посѣяла въ сердцѣ Сашенькѣ сѣмена благоправія! Вотъ какими

загадочными и даже можно сказать непослужительными путями ведутъ насъ судьбы для выполненія своихъ благихъ замысловъ!

— Eh bien, monseigneur, es-tu content? спросила очаровательница послѣ первыхъ горячихъ привѣтствій признательности, и тутъ же, вынувъ изъ-за пазухи дипломъ на безпрятственный входъ за кулисы театра, вручила его виновнику торжества.

Я цѣлый вечеръ ходилъ какъ въ туманѣ. Я гордился моимъ юнымъ другомъ, и чувствовалъ, что его торжество отчасти простирается и на меня. Хотя мнѣ не дали ни дарового билета въ кресло, ни права на полученіе порціи чая, но все-таки пустили въ садъ даромъ, а чаемъ, въ порывѣ великодушія, угостили меня Сашенька — тоже даромъ. Сверхъ того, я понималъ, что своимъ присутствіемъ въ моей квартирѣ онъ, такъ сказать, обезпечивалъ мою жизненную несмѣняемость, а такъ какъ для меня это очень важно, то я началъ даже опасаться, чтобы какъ-нибудь его отъ меня не сманили. Поэтому, я съ живѣйшимъ безпокойствомъ слѣдилъ, какъ нѣкоторые вышедшіе изъ лѣтъ оставшіе дѣйствительные статскіе совѣтники, окруживъ его, наперерывъ другъ передъ другомъ потчивали сластями. Но безпокойство мое превратилось въ настоящій испугъ, когда, по окончаніи представленія, къ намъ подошла дѣвица Филиппа и стала уговаривать Сашеньку, чтобы онъ поступилъ въ труппу Демидрона. И очень возможно, что она успѣла бы въ своемъ сатанинскомъ намѣреніи, еслибъ преждевременно не оскорбила сыновнихъ чувствъ Сашеньки, выразившись объ кузинѣ Машѣ: *ta vieille carcasse de mère*. Такой черзчуръ откровенный отзывъ оскорбилъ юношу, и вслѣдствіе этого онъ не далъ положительнаго отвѣта, а только обѣщалъ подумать.

Словомъ сказать, я успокоился только тогда, когда мы уже поздно ночью возвращались на извозчикѣхъ домой. Вплоть до самаго Невского мы молчали; онъ — потому что весь трепеталъ подъ наплывомъ новыхъ ощущеній, я — потому что не хотѣлъ нескромнымъ словомъ потревожить сладостное чувство, охватившее все его существо. Но на углу Большой Морской и Невского онъ не выдержалъ, и съ какой-то стыдливой иѣжностью обнялъ меня.

— Ахъ, дяденька! какъ я счастливъ! какъ я счастливъ! произнесъ онъ.

Я хотѣлъ ему многое возразить, но сдержался. И только когда мы поровнялись съ Милютинными лавками, я сказалъ:

— Другъ мой! не увлекайся! Популярность, конечно, соблазнительна, но имѣй въ виду, что всякая популярность, хотя бы она свила себѣ гнѣздо въ Демидронѣ, непремѣнно источаетъ изъ себя ядъ. И этотъ ядъ, ежели не прыгнетъ противъ него мѣръ...

Но онъ не далъ мнѣ докончить и, поцѣловавъ меня въ щеку, произнесъ:

— Благодарю васъ, добрый дядинька! Ваши слова... отрезвили меня! Я... не боюсь больше!

И дѣйствительно, послѣ этого мы благополучно воротились домой и разошлись каждый по своимъ комнатамъ.

Тѣмъ не менѣе, я провелъ безпокойную ночь. Какъ ни благонаравенъ Сашенька, думалось мнѣ, но подобныя торжества могутъ хоть кого сбить съ толку. Слава и популярность—вотъ двѣ вещи наиболѣе соблазнительныя и въ тоже время наиболѣе ядовитыя. И обѣихъ ихъ Сашенька достигъ разомъ, въ одинъ вечеръ, достигъ легко, безъ всякихъ усилий, благодаря только тому, что папенька своевременно его высѣкъ! Какъ бы онъ не изнемогъ, если тоже явленіе повторится два дня сразу (мы предполагали на другой день посѣтить Крестовскій островъ). Поэтому, я рѣшился нѣсколько измѣнить программу нашихъ увеселеній, и начала повезти моего юнаго друга въ Зоологическій садъ, чтобы познакомить его съ болѣе отрезвляющимъ зрѣлищемъ кормленія звѣрей и съ зулусами. А чтобы придать этому столичному искушенію больше разнообразія, предположилъ, сверхъ того, сводить Сашеньку въ кондитерскую братьевъ Назаровыхъ и угостить мороженымъ. Въ этихъ размышленіяхъ застала меня утренняя заря, и только тогда я забылся тревожнымъ сномъ.

На утро я сообщилъ о моихъ рѣшеніяхъ Сашенькѣ, и онъ вполне ихъ одобрилъ. И вдругъ онъ ошеломилъ меня вопросомъ:

— А до зоологическаго сада не позволите ли вы мнѣ, дяденька, сходить къ Луизѣ Селивѣрстовнѣ?

По пылающимъ его щекамъ я догадался, что рѣчь идетъ о дѣвицѣ Филиппѣ, и сердце мое невольно сжалось.

— Послушай, мой другъ! сказалъ я:—выполнимъ прежде первоначальную программу искушеній, а посѣщеніе хранительницы твоей юности отложимъ до конца твоего пребыванія въ здѣшней столицѣ! Ибо я знаю, что разъ ты попадешь къ Луизѣ Селивѣрстовнѣ, она ужъ не выпуститъ тебя! И тогда можетъ случиться, что родители, встревоженные твоимъ исчезновеніемъ, вынуждены будутъ вытребовать тебя въ Пензу по этапу! Сообрази самъ, не придется ли папенькѣ твоему вновь прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, которыя хоть и доставили тебѣ популярность, но повтореніе коихъ можетъ, однавожь, поселить недоумѣніе въ сердцахъ твоихъ согражданъ!

Эта разсудительная рѣчь не очень-то пришлась по вкусу Сашѣ, потому что, въ теченіи ея, онъ нѣсколько разъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. И будь я нѣсколько менѣе энергиченъ въ моихъ выводахъ, очень возможно, что воспоминаніе о Луизѣ Селивѣрстовнѣ, облеченной въ трико, пересилило бы мою нравоучительную прозу. Но когда я упомянулъ о возможности путешествія по этапу, онъ не могъ не признать моей правоты...

Увы! въ зоологическомъ саду насъ ожидало торжество еще болѣе умилительное, нежели въ Демидронѣ. Едва подѣхали мы къ рѣшеткѣ сада, какъ единодушный и радостный ревъ живот-

ныхъ и птицъ возвѣстивъ насъ, что мы—давножеланные здѣсь гости. И дѣйствительно, совершилось нѣчто волшебное. Прежде всего, выступилъ впередъ громадный жирафъ и, отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, привѣтствовалъ Сашеньку краткою, но прочувствованною рѣчью. Затѣмъ послѣдовало общее представленіе. Мы поочередно переходили отъ тигра къ слону, отъ слона къ пернатымъ, и вездѣ слышали самыя лестныя привѣтствія. Даже гіена вильнула хвостомъ въ знакъ сочувствія, а попугай такъ просто на-просто одурѣли и начали допотать что-то совсѣмъ нескладное. Когда же звѣри умоляли, то вышелъ впередъ начальникъ зулусовъ (впослѣдствіи разъяснилось, что онъ въ тоже время состоитъ арабомъ въ клубѣ художниковъ), и объяснилъ собравшимся гимназистамъ и кадетамъ значеніе настоящаго торжества. Онъ очень толково разсказалъ, въ какихъ обстоятельствахъ Сашенька былъ высѣченъ, какъ онъ самъ созналъ, что иначе поступить было невозможно и вотъ за это теперь превознесенъ; потомъ хвалилъ энергію Ивана Алексѣича и, въ заключеніе, обратившись къ мнѣ, присовокушилъ: «а ты, дядя, веселись!» Рѣчь эта возбудила такой энтузіазмъ, что когда вслѣдъ затѣмъ начался «большой танецъ зулусовъ», то вся присутствовавшая въ саду молодежь вмѣшалась въ ихъ игры, и такимъ образомъ самъ собой, безъ всякихъ мѣръ строгости, образовался истинно-семейный праздникъ.

Нѣтъ надобности упоминать, что ни съ меня, ни съ Сашеньки не было взято за входъ ни копейки, а Сашенькѣ, кажется, даже была вручена какая-то мелочь, когда мы сѣли на извозчика.

Справедливость требуетъ, однакожь, сознаться, что нынѣшнее торжество подѣйствовало на Сашу нѣсколько иначе, нежели вчерашнее. Вчера онъ былъ взволнованъ и стыдливъ, сегодня—самонадѣянъ и даже нѣсколько наглъ. Такъ что когда я напомнилъ ему:

— Ну, вотъ, еслибъ ты давеча не послушался меня и ушелъ къ Луизѣ Селиѣрстовнѣ, то ничего бы этого не было! то, къ величайшему моему изумленію, онъ совершенно развязно отвѣтилъ:

— Ахъ, дядя, я позабылъ и думать объ этихъ пустякахъ! Знаете ли, какая у меня теперь мысль: давайте-ка вмѣстѣ издавать газету!

И такъ какъ я, онѣмѣвъ отъ неожиданности, безмолвствовалъ, то онъ продолжалъ:

— Теперь самое время. Я популяренъ, и газета моя будетъ покупаться на расхватъ. А за мною и вы незамѣтно пройдете!

Ужели и я буду вынужденъ высѣчь его! мелькнуло у меня въ головѣ, но, по счастью, мы въ эту минуту поровнялись съ кондитерской братьевъ Назаровыхъ, и это лишило меня возможности сообщить моей мысли надлежащее развитіе.

Оказалось, что и Назаровымъ все было уже извѣстно, такъ что и тутъ съ насъ ничего не взяли за угощеніе. Этого мало: когда мы возвращались домой пѣшкомъ, то отъ самой Караванной за

нами шла толпа, провожавшая насъ кликами: вотъ благоправный юноша, который, бывъ высѣченъ папенькой, навсегда отказался отъ внутренней политики!

Я не буду описывать дальнѣйшихъ триумфовъ Сашеньки. Въ «Баваріи», въ «Ливадіи», на Крестовскомъ, въ Эльдorado, въ Шато-де-Флёръ—вездѣ онъ былъ дорогимъ и желаннымъ гостемъ, а изъ Озерковъ тамошнія дамочки даже послали на имя кузины Маши телеграмму, въ которой благодарили ее за вступленіе въ бракъ, плодомъ котораго былъ столь благоправный сынъ.

Когда же исчерпался репертуаръ торжествъ въ увеселительныхъ заведеніяхъ, то на сцену выступили учрежденія и установленія.

Городская дума прислала Сашенькѣ патентъ на званіе почетнаго члена трактирной депутаціи.

Государственный банкъ далъ знать, что ежели у Сашеньки имѣются веткія ассигнаціи, то онъ во всякое время можетъ перемѣнить ихъ на новыя, при чемъ присовокупилъ, что по предъявленіи таковыхъ выдается изъ размѣнной кассы банка соотвѣтствующее количество рублей серебряною или золотою монетою.

Общество взаимнаго кредита увѣдомило, что Сашенькины деньги могутъ быть безъ опасенія помѣщены въ ономъ на текущій счетъ, такъ какъ отнынѣ растраты перестали быть для общества обязательными.

Изъ участка пришелъ запросъ: не приметъ ли Сашенька мѣсто паспортиста?

И проч. и проч.

Словомъ сказать, депутаціи смѣняли одна другую, и всякая выражала Сашенькѣ свое удивленіе и благодарность за то, что онъ, бывъ высѣченъ папенькой, навсегда отказался отъ внутренней политики...

Къ сожалѣнію, по мѣрѣ того, какъ росла Сашенькина слава, самъ онъ становился все болѣе и болѣе самонадѣяннымъ. Первые его уже притупились, а развязность дошла до того, что онъ началъ требовать отъ депутатовъ какихъ-то статистическихъ свѣдѣній, и когда они, натурально, не умѣли удовлетворить этому требованію, то онъ откровенно называлъ ихъ фoфанами. И къ довершенію всего, мысль объ изданіи газеты не только не оставила его, но даже воплнѣ въ немъ созрѣла, такъ что однажды онъ совсѣмъ уже грубо спросилъ меня:

— Что же, дядя? Надумались ли вы насчетъ газеты? Предупреждаю васъ, что если вы будете мамлить, то я рѣшусь издавать одинъ!

Тогда я понялъ, что времена созрѣли, и, призвавъ на помощь всю силу родственной любви, на которую способно мое сердце, воскликнулъ:

— Ну, Саша! воля твоя, а въ видахъ своего же собственнаго спасенія, я долженъ высѣчь тебя!

Н. Щедринъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПЯТАГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1879 г.

(По общей нумерации тома ССXLVI).

ОТРАД.

Сентябрь № 9.

ВОКРУГЪ ДА ОБОЛО. Очерки и рассказы. Г. Иванова.	6
КАКЪ ОНЪ ПРОСЛАВИЛСЯ. Н. Яковлева.	33
ЛИВЕРПУЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ФИНАНСОВЫХЪ РЕ- ФОРМЪ. Ивана Янжула	65
ХУДОЖНИКИ. Всеволода Гаршина.	103
МОЛОДЫЕ ПОВѢГИ ОТЪ СТАРЫХЪ КОРНЕЙ. Л. Руськина.	119
ОВЩИНА-ТИПЪ И ЕЯ ПОДАТНЫЯ ОСНОВАНІЯ. В. Три- рогова	151
VANITAS. (Стихотвореніе). Д. Михаловскаго	209
FINIS MONREPO. Н. Щедрина.	211
ВЪ ТЮРЬМЪ. Романъ Марка Голпа. Часть третья. (Окончаніе). ИСПЫТАНІЕ. Романъ Джеси Фотертиль. Часть первая. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 1—26).	

Октябрь № 10.

У ПРИСТАНИ. Романъ въ трехъ частяхъ. С. Смирновой.	245
КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II. В. И. Семевскаго.	349
МОЛОДЫЕ ПОВѢГИ ОТЪ СТАРЫХЪ КОРНЕЙ. Л. Руськина.	401
СОВѢСТЬ. (Изъ Барбье). (Стихотвореніе). И. П. Иванова.	435
НУЖДА. (Изъ Барбье). (Стихотвореніе). И. П. Иванова.	436

ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ. (Нѣсколько отвѣтовъ на запросы ученыхъ и неученыхъ людей). Н. Н.	439
ХЛѢБНЫЕ ИЗБЫТКИ И НАРОДНОЕ ПРОДОВОЛЬСТВІЕ. П. П—ва	477
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУКА. Н. М.	497
ИСПЫТАНІЕ. Романъ Джеси Фотертиль. Часть первая. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 27—106).	

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

Сентябрь № 9.

КЪ ВОПРОСУ О МЕЛКОМЪ ЗЕМЕЛЬНОМЪ КРЕДИТѢ.	1
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Конецъ сессіи 1879 года и прощаніе съ Версалемъ.—Буря въ сенатѣ.—Жюль Симонъ и его прежніе избиратели.—Нелѣпность проводимаго имъ взгляда.—«Шуаны» въ войскѣ, судахъ и администраціи.—Открытие статуи Тьера въ Нанси: рѣчь Жюля Симона и министра Лепера.—Военный клерикализмъ.—Беспорядки изъ-за «Марсельезы».—Заявленіе графа Шамбора, «на все готоваго».—Легитимисты и бонапартисты.—II. Раздача наградъ въ Сорбоннѣ и рѣчь Ферри.—Раздача премій за добродѣтель въ академіи.—Энциклика Льва XIII. — Препятствіе къ отдѣленію церкви отъ государства.—Предразсудки и обычаи крестьянъ.—Процессія 15-го августа въ Бретани.—Парижскія народныя собранія: празднованіе 4-го августа въ Шатодо.—Агитація Навэ и учрежденіе комитета пропаганды развода.—Сожиганіе труповъ.—Генеральный отчетъ криминальной юстиціи во Франціи.—Необходимость значительныхъ судебныхъ и тюремныхъ реформъ. — Административный скандалъ. — Оптимизмъ Ваддингтона и «République Française». — III. Конецъ дѣлу Карея и легендѣ Наполеона IV.—Г-жа Ремюзэ, разрушившая легенду Наполеона I.—Французскій переводъ: «Исторія европейской демократіи». — Гастонъ Кремье и его посмертныя произведенія. — Открытіе французскаго театра.—Дебюты въ большой оперѣ. Людовина.	33

НОВЫЯ КНИГИ. М. Ковалевскаго. Общинное землевладѣ- ніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія.—Въ улику времени. Кн. В. Мещерскаго.—Еврейская Библи- отека.—Русскіе писатели, какъ воспитательно-образо- вательный матерьялъ для занятій съ дѣтьми.—Виктора Острогорскаго.—Хорватія, Славонія, Далмація и Воен- ная Граница. Л. В. Березина	59
СРЕДИ ЛИТЕРАТУРНОЙ АРИСТОКРАТІИ.	76
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. М.	96
ПЕРВОЕ ІЮНЯ. — ПЕРВОЕ ІЮЛЯ. Нето.	119

Октябрь № 10.

ПРОЕКТЪ ОРГАНИЗАЦІИ МЕЛКАГО ЗЕМЕЛЬНАГО КРЕ- ДИТА. (Докладъ новгородской губернской земской управы). А. П.	145
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Путешествія полити- ческихъ дѣателей.—Возвращеніе коммунаровъ.—Овація бывшему мэру въ Пюто.—Неуспѣхъ агитація по из- бранію Бланки.—Луиза Мишель и прощеніе женщинъ.— Вмѣшательство Литтре въ вопросъ о 7-й статьѣ законо- проекта Ферри.—Признаніе Жюль Симона.—Ферри на югѣ Франціи.—Открытіе статуи Араго въ Перпинья- нѣ.—Леперъ въ восточной Франціи.—Открытіе статуи Дешфера въ Монбельярѣ.—Германскій императоръ и Эльзасъ—Лотарингія. — II. Статистическія цифры изъ официальнаго «Ежегодника на 1879 годъ».—Населе- ніе.—Земледѣльческое и промышленное производство.— Потребленіе и заработная плата. — Торговля и море- плаваніе. — Финансы.—Общественная благотворитель- ность.—Религія и образованіе.—Музыкальныя общества и театр.—III. Музыкальныя и театральныя новости.— Скудость этихъ новостей.—Возобновленіе «Нѣмой изъ Портичи» на сценѣ Большой Оперы. — Ничтожество новыхъ піесъ и возобновленіе драмы Жоржъ-Занда «Клоди». — Некрологъ: Валеріо, Камъ, Роже, Віоле ле- Дюкъ и баронъ Тейлоръ. Людовика.	157
НОВЫЯ КНИГИ. Воспоминанія графини Шуазель-Гуфье.— Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государ- ствахъ. Барона Н. А. Корфа.—Н. А. Лавровскій. Гим- назія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.— Р. М. Зотовъ. Послѣдній потомокъ Чингисъ-Хана.—	

Мы, вы, они, онъ. Вл. Михневича.—Е. Политковская (Михайлова).—Житейскія Быллыны.	182
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ. Обвиненіе вольной динабургской пожарной команды въ измѣнѣ отечеству.—Обвиненіе почти всей русской прессы въ распространеніи идей, способствующихъ преступленіямъ.—Другое такое же обвиненіе.—Либеральныя идеи, какъ корень всякаго зла.—Отношеніе русскаго общества къ этимъ идеямъ.—Отъ обилія ли современныхъ идей страдаетъ русское общество, или отъ крайне скуднаго запаса ихъ?—Необходимость свободной прессы.—Рѣшеніе вопроса: почему доносъ въ литературѣ—дѣло всегда позорное	200
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. М.	223
ПЕРВОЕ АВГУСТА. — ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ. Н. Щедрина.	240

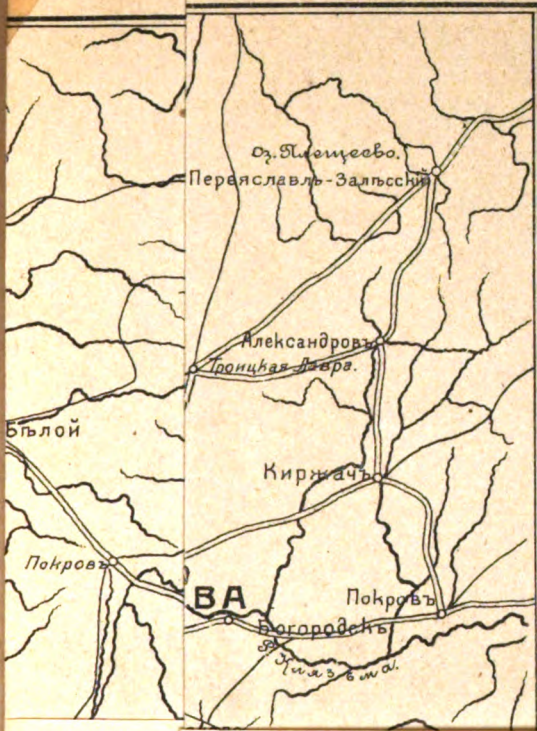

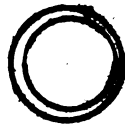

3.14 (246)

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON OR
BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
CANCELLED
JUN 13 1983
8663851
JUN 20 1983

Widener Library

3 2044 079 310 058